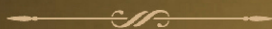


Мюррей Ротбард

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ



ЭПОХА
КЛАССИЧЕСКОЙ
ШКОЛЫ



2



Murray N. Rothbard

CLASSICAL ECONOMICS

AN AUSTRIAN PERSPECTIVE ON THE
HISTORY OF ECONOMIC THOUGHT
VOLUME II

Edward Elgar Publishing Ltd.

Мюррей Ротбард

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

Том 2
ЭПОХА КЛАССИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

2-е издание, электронное

Челябинск • Москва
СОЦИУМ
2020

УДК330.8
ББК 65.02
Р79

Murray N. Rothbard
CLASSICAL ECONOMICS
An Austrian Perspective on the History of Economic Thought
Volume II
© Edward Elgar, 1995

Перевод с английского:

Ю. Кузнецов — Введение, Благодарности, гл. 1, Библиографический очерк (9–12);
А. Столяров — гл. 2, 8, 9, 11, 12, 13, 14; В. Зеленов — гл. 3, 10;
А. Куряев — гл. 4, Библиографический очерк (1–8); Гр. Сапов — гл. 5, 6, 7

Ротбард, Мюррей.

Р79 Экономическая мысль : в 2 т. Т. 2. Эпоха классической школы / М. Ротбард ; пер. с англ. — 2-е изд., эл. — 1 файл pdf : 616 с. — Москва ; Челябинск : Социум, 2020. — Систем. требования: Adobe Reader XI либо Adobe Digital Editions 4.5 ; экран 10". — Текст : электронный.

ISBN 978-5-91603-710-4

ISBN 978-5-91603-711-1 (Т. 2)

Мюррей Ротбард представляет экономическую теорию, как поле борьбы между двумя конфликтующими направлениями мысли: одно объясняло цены через взаимодействие субъективных оценок экономических агентов, второе пыталось объяснить цены при помощи издержек, в особенности затрат труда. В первой половине XIX в., которому посвящен второй том, центральное сражение этой борьбы разворачивалось в Великобритании.

Автор предлагает новый взгляд на Рикардо, Сэя и их последователей. Неожиданно выглядит роль Джеймса Милля в развитии теорий Рикардо и в организации его школы. Однако после 1820 г. рикардизм почти сошло на нет и пережило возрождение только благодаря Дж. С. Миллю. В книге впервые для обзорного сочинения имеется глава, посвященная англо-ирландской школе теоретиков полезности, представители которой уже в 1820-е гг. стояли на пороге субъективистско-маржиналистского прорыва практически во всех разделах экономической науки: в теориях ценности, факторных цен, капитала, процента, ренты. Пять глав отведены анализу генезиса и содержания воззрений Маркса.

Особо следует выделить три главы, посвященные всестороннему анализу дискуссии о слитках между денежной и банковской школами и практики регулирования банковского дела. Именно в тот период в результате трагической теоретической ошибки представителей денежной школы окончательно сложилась современная банковская система с частичным резервированием и центральным банком, генерирующая экономические циклы с чередованием бумов и кризисов.

УДК 330.8

ББК 65.02

Электронное издание на основе печатного издания: Экономическая мысль : в 2 т. Т. 2. Эпоха классической школы / М. Ротбард ; пер. с англ. — Москва ; Челябинск : Социум, 2019. — 616 с. — ISBN 978-5-906401-90-8 ; 978-5-906401-91-5 (Т. 2). — Текст : непосредственный.

В соответствии со ст. 1299 и 1301 ГК РФ при устранении ограничений, установленных техническими средствами защиты авторских прав, правообладатель вправе требовать от нарушителя возмещения убытков или выплаты компенсации.

ISBN 978-5-91603-710-4

ISBN 978-5-91603-711-1 (Т. 2)

© ООО «ИД «Социум», 2019

Как гласит подзаголовок этой книги, история экономической мысли рассматривается в ней с откровенно «австрийских» позиций, т.е. с точки зрения приверженца «австрийской школы» в экономической теории. Это единственная такого рода работа, написанная современным австрийцем; более того, за последние десятилетия на эту тему австрийцами опубликовано лишь несколько монографий, посвященных специальным областям истории идей¹. Кроме того, взгляд, представленный в этой книге, основан на наименее модном в настоящий момент, но при этом далеко не самом малораспространенном варианте австрийской школы — «мизесианском», или «праксеологическом»².

При этом австрийский характер этой работы — не единственная ее особенность. Когда автор в 1940-х гг. начинал изучать экономическую теорию, в исследовании истории экономической мысли полностью господствовала та же парадигма, которая преобладает и сегодня, хотя и не так явно, как тогда. Фактически она описывает суть истории экономической мысли как список «великих людей», среди которых выделяется почти что основатель этой науки, почти сверхчеловек Адам Смит. Но если Смит был творцом как экономического анализа, так и доктрины свободной торговли, т.е. традиции поддержки свободного рынка в политической экономии, то из этого следует, что ставить под сомнение его предполагаемые достижения есть мелочность и пошлость. Любая жесткая критика Смита как экономиста и как поборника свободного рынка представлялась анахронизмом: глядя на первооткрывателя и основателя с высоты сегодняшнего уровня знаний жалкие последователи несправедливо порицают гиганта, на плечах которого все мы стоим.

Если Адам Смит создал экономическую теорию, подобно тому как Зевс создал Афины, вышедшую из его головы сразу взрослой и в полном вооружении, то его предшественники были просто фоном — мелкими и ничего не значащими персонажами. Поэтому в классических изложениях истории экономической мысли уделялось очень мало внимания тем, кому не повезло быть предшественником Смита. Как правило, их относили к одной из двух категорий, а затем объявляли не имеющими никакого значения. Непосредственными предшественниками Смита были меркантилисты, которых он резко критиковал. Меркантилисты были просто дурачками, убеждавшими людей накапливать деньги, а не тратить их,

1 На полях под чертой указано начало страницы по английскому оригиналу. См. указатель.

Вставки в квадратных скобках принадлежат М. Ротбарду, вставки в угловых скобках — переводчикам и издательству.

или настаивавшими на том, что торговля с каждой страной должна быть «сбалансированной». От схоластов отмахивались еще более бесцеремонно, объявляя их невежественными средневековыми моралистами, неизменно настаивавшими на том, что «справедливая» цена должна покрывать купцу издержки производства с добавлением разумной прибыли.

Затем классические работы 1930—1940-х гг. по истории экономической мысли переходили к изложению и преимущественно прославлению достижений нескольких выдающихся фигур после Смита. Рикардо систематизировал Смита и был доминирующей фигурой в экономической теории до 1870-х гг.; затем «маржиналисты» Джевонс, Менгер и Вальрас слегка подкорректировали «классическую экономическую теорию» Смита—Рикардо, подчеркнув важность отдельной дополнительной единицы блага в отличие от целых классов благ. Затем рассказ переходил к Альфреду Маршаллу, мудро интегрировавшему рикардианскую теорию издержек в якобы односторонний подход австрийцев и Джевонса, делавших упор на спрос и полезность, что привело к созданию современной неоклассической экономической теории. Невозможно было проигнорировать и Карла Маркса, который трактовался в соответствующей главе как путаный последователь Рикардо. В результате историк мог состряпать свой рассказ, ограничившись четырьмя-пятью «крупными фигурами», каждая из которых, за исключением Маркса, добавила несколько новых строительных блоков в здание непрерывного прогресса экономической науки, история которого, по существу, представлялась как движение вперед и вверх, к свету³.

Разумеется, после Второй мировой войны в пантеон был включен Кейнс, составивший новую кульминационную главу в развитии и прогрессе науки. Кейнс, любимый ученик великого Маршалла, понял, что старик упустил из виду то, что позднее было названо «макроэкономикой», так как делал упор исключительно на микроэкономiku. И Кейнс добавил макроэкономiku, сосредоточившись на изучении и объяснении безработицы — феномена, который все его предшественники почему-то не включали в общую экономическую картину или отметали, легкомысленно вводя для своего удобства «предположение о полной занятости».

С тех пор господствующая парадигма оставалась в основном неизменной, хотя в последнее время небо на горизонте стало заволакиваться тучами. Прежде всего такого рода история непрерывного движения вверх благодаря «великим людям» требует периодического добавления новых последних глав. «Общая теория занятости, процента и денег» Кейнса была опубликована в 1936 г., т.е. сегодня это работа уже почти шестидесятилетней давности. За это время не мог не появиться новый «великий человек», вписавший последнюю главу. Но кто это? Какое-то время на эту роль претендовал Шумпетер с его современным и вроде бы реалистичским акцентом на «инновациях». Но это направление с треском провалилось — возможно, из-за понимания того простого факта, что фундаментальная работа Шумпетера (или «видение», как он сам ее проницательно

назвал) была написана за два десятилетия до «Общей теории». С 1950-х гг. наступил темный период; возвращение же к некогда забытому Вальрасу трудно впихнуть в прокрустово ложе непрерывного прогресса.

Моя собственная точка зрения о глубокой порочности подхода, основанного на концепции «нескольких великих людей», сформировалась во многом под влиянием работ двух блестящих исследователей интеллектуальной истории. Один из них — Джозеф Дорфман, мой научный руководитель во время написания докторской диссертации, чей уникальный многотомный труд по истории американской экономической мысли убедительно продемонстрировал, насколько важную роль в развитии идей играют «менее значительные» фигуры. Во-первых, не учитывать эти фигуры — значит упускать из виду саму ткань истории, и если отобрать несколько разрозненных текстов, из которых состоит История Идей (с большой буквы), и трястись над ними, то история таким образом оказывается сфальсифицированной. Во-вторых, многие якобы второстепенные лица внесли значительный вклад в развитие идей, причем в ряде случаев больший, чем вклад горстки выдающихся мыслителей. Таким образом, важные аспекты экономической мысли оказываются опущены, и получающаяся в конце концов теория оказывается мелкотравчатой, выхолощенной и безжизненной.

Более того, при подходе, основанном на выделении «немногих великих людей», игнорируется диалогичность самой истории, контекст идей и движений, то, как люди влияли и реагировали друг на друга. Самой наглядной демонстрацией этого аспекта работы историка для меня стал двухтомный труд Квентина Скиннера «Истоки современной политической мысли», значение которого можно по достоинству оценить и не разделяя бихевиористской методологии автора⁴.

Для меня — как, вероятно, и для всех — идея непрерывного прогресса науки, ее движения «вперед и вверх» была полностью опровергнута знаменитой книгой Томаса Куна «Структура научных революций»⁵. Ее автор уделил ноль внимания экономической науке, вместо этого сосредоточившись на таких неизменно «точных» науках, как физика, химия и астрономия, что является стандартной практикой у философов и историков науки. Введя в интеллектуальный дискурс слово «парадигма», Кун разрушил то, что я предпочитаю называть «виговской теорией истории науки». Эта теория, которую разделяют почти все историки науки, в том числе экономической, состоит в том, что научная мысль развивается постепенно, год за годом, путем разработки, тщательного анализа и проверки теорий, и таким образом наука движется вперед и вверх, с каждым годом, десятилетием и поколением узнавая больше и получая все более правильные научные теории. Подобно стороннику виговской теории истории, придуманной в Англии в XIX в., согласно которой положение дел постоянно улучшается (и поэтому не может не улучшаться), адепт виговской теории истории науки явно или неявно утверждает (на первый взгляд с большим основанием, чем обычный виг-историк), что

в любой отдельной научной дисциплине «более позднее, всегда лучше более раннего». Независимо от того, занимается ли он историей науки или историей вообще, он, по сути, утверждает, что в любой момент исторического времени «то, что фактически имело место, и было правильным» или, по крайней мере, оно было лучше, чем «то, что было раньше». Неизбежным результатом становится самодовольный оптимизм в духе доктора Панглосса, который не может не вызывать острого раздражения. В историографии экономической мысли следствием такой позиции становится твердая, хотя и не выраженная явно точка зрения, что каждый отдельный экономист или по крайней мере каждая экономическая школа внесла свою важную лепту в неизбежное движение вверх. Поэтому неоткуда взяться крупной системной ошибке, которая сделала бы глубоко ущербной или даже несостоятельной целую школу экономической мысли, не говоря уж о том, чтобы завести в тупик всю экономическую науку в целом.

Однако Кун потряс мир философии, продемонстрировав, что наука развивается совсем не так. После того как центральная парадигма выбрана, никто не занимается ни проверкой, ни отсеиванием, а попытки проверить базовые посылки предпринимаются лишь тогда, когда серия провалов и аномалий в господствующей парадигме ввергает науку в «состояние кризиса». Совершенно не нужно принимать нигилистический философский подход Куна — подразумевающий, что ни одна парадигма не является и не может быть лучшей, чем другая, — чтобы понять, что его не столь прекраснодушный взгляд на науку выглядит правдоподобным и с исторической, и с социологической точки зрения.

Но если стандартное романтическое, или оптимистическое, представление не работает в случае строгих наук, то тем более оно не может не быть полностью неадекватным применительно к таким «нестрогим наукам», как экономика — дисциплина, в которой невозможна лабораторная экспериментальная проверка и где на экономические представления человека оказывают влияние многочисленные еще менее строгие дисциплины, такие как политика, религия и этика.

Поэтому для экономической науки не может быть действительной никакая презумпция о том, что более поздние идеи лучше, чем более ранние, или что все знаменитые экономисты внесли заметную лепту в развитие этой дисциплины. Нельзя ведь утверждать, что каждый из них поучаствовал в возведении некоего постоянно растущего здания, — представляется более вероятным, что экономическая теория развивалась конфликтным, зигзагообразным образом, когда более поздняя системная ошибка порой вытесняла прежние, но более адекватные парадигмы, направляя тем самым экономическую мысль по совершенно ошибочному, а возможно, и трагическому пути.

В последние годы экономическая теория, находящаяся под доминирующим влиянием формализма, позитивизма и эконометрики и выставяющая себя в качестве строгой науки, не проявляет особого интереса

к своему прошлому. Она сосредоточена, как и всякая «настоящая» наука, не только на вышедшей журнальной статье или новейшем учебнике, а не на исследовании собственной истории. Ведь не тратят же современные физики много времени на обдумывание оптики XVIII века!

Однако в последние одно-два десятилетия доминирующая парадигма вальрасианско-кейнсианского неоклассического формализма все больше ставится под сомнение, и в различных отраслях экономической теории складывается действительно «кризисное состояние» в куновском смысле, включающее озабоченность по поводу ее методологии. В этой ситуации изучение истории экономической мысли вновь серьезно заявляет о себе, и мы надеемся и ожидаем, что в ближайшие годы оно будет расширяться⁶. Ибо если знание, похороненное вместе с утерянными парадигмами, может исчезнуть и быть забыто с течением времени, то из этого следует, что можно заниматься изучением экономистов и теоретических школ прошлого не только из интереса к старине и не только для того чтобы узнать, как протекала интеллектуальная жизнь в прежние времена. Старых экономистов можно изучать ради их важного вклада в то знание, которое сегодня забыто и уже в силу этого является новым. Важные истины, относящиеся к содержанию экономической теории, могут быть извлечены не только из новейших журнальных выпусков, но и из текстов давно умерших экономических мыслителей.

Но все это лишь методологические обобщения. Конкретное понимание того, что важное экономическое знание с течением времени было утеряно, пришло ко мне в результате освоения того великого пересмотра трактовки схоластики, который произошел в 1950—1960-х гг. Кардинальным прорывом в этом ревизионистском направлении стала великая работа Шумпетера «История экономического анализа», а развитие он получил в трудах Раймонда де Рувера, Марджори Грайс-Хатчинсон и Джона Нунана. Оказалось, что схоласты были не просто «средневековыми» — это направление, зародившееся в XIII в., развивалось и процветало вплоть до XVI—XVII вв. Схоласты вовсе не были моралистами, объяснявшими цену издержками производства, а считали, что справедливая цена — это та цена, которая установилась на основе «общей оценки» свободного рынка. Но и это не всё: они не только не были сторонниками наивной теории ценности, объясняющей последнюю затратами труда или издержками производства, но их можно рассматривать как «протоавстрийцев», создавших тщательно разработанную теорию ценности и цен, основанную на субъективной полезности. Кроме того, некоторые из схоластов намного превосходили современную формалистическую микроэкономику тем, что развили «протоавстрийскую» динамическую теорию предпринимательства. Наконец, в сфере «макроэкономики» схоласты, начиная с Буридана и заканчивая кульминацией развития этого направления, которой стали испанские схоластические авторы XVI в., построили «австрийскую», а не монетаристскую теорию денег и цен, основанную на понятиях спроса и предложения и включающую в себя такие разделы,

как межрегиональные денежные потоки и даже теория паритета покупательной способности, объясняющая обменные курсы валют.

По-видимому, не случайно, что толчком к этому коренному пересмотру представлений о схоластике для американских экономистов (к числу достоинств которых обычно не относится владение латинским языком) стали работы экономистов, получивших образование в Европе и поднаторевших в латыни — языке, на котором писали схоласты. Этот простой факт обращает наше внимание еще на одну причину утери знания в современном мире: изолированность в рамках собственного языка (особенно остро дающая о себе знать в англоязычных странах), которая со времен Реформации разорвала на части некогда единое общеевропейское сообщество ученых. Одно из объяснений того, почему континентальная экономическая мысль зачастую оказывала лишь минимальное влияние на Англию и США или, в лучшем случае, оказывала его с большим опозданием, заключается просто-напросто в том, что европейские работы не переводились на английский язык⁷.

Для меня воздействие исторического ревизионизма в отношении схоластики дополнялось и усиливалось создававшимися в те же десятилетия работами Эмиля Каудера, «австрийского» историка экономических идей, родившегося в Германии. Он обнаружил, что доминировавшая в XVII и особенно в XVIII в. во Франции и Италии экономическая мысль тоже была «протоавстрийской», делавшей упор на субъективную полезность и относительную редкость как на детерминанты ценности. Отталкиваясь от этой подготовительной работы, Каудер пришел к удивительному прозрению в отношении Адама Смита, которое тем не менее прямо вытекало из его собственных результатов и из трудов ревизионистских историков схоластики: Адам Смит не только не был основателем экономической теории, но и сыграл фактически противоположную роль. В действительности он получил от предшественников почти полностью разработанную, протоавстрийскую традицию теории субъективной ценности и, к величайшему прискорбию, направил экономическую теорию по ложному пути, заведшему ее в тупик, из которого австрийцам пришлось ее вытаскивать столетие спустя. Смит отбросил субъективную ценность, предпринимательство и акцент на рыночной активности и реальном формировании рыночных цен и заменил все это трудовой теорией ценности, а основное внимание сосредоточил на неизменном долгосрочном равновесии при «естественной цене», т.е. на мире, в котором предпринимательство отсутствует по определению. Усилиями Рикардо это трагическое смещение фокуса было усилено и приобрело форму законченной системы.

Смит не был не только создателем экономической теории, но и основателем традиции *laissez faire* в политической экономии. Не только схоласты анализировали свободный рынок, верили в него и критиковали государственное вмешательство; французские и итальянские экономисты XVIII в. были более ориентированы на *laissez faire*, чем Смит, разбавив-

ший многочисленными увертками и оговорками то, что в устах Тюрго и других авторов было практически беспримесной защитой *laissez faire*. Адам Смит оказался вовсе не той фигурой, которую следует почитать как основателя современной экономической науки и доктрины невмешательства государства в экономическую жизнь; ему в большей степени подходит та характеристика, которую ему дал Пол Дуглас на юбилейных торжествах в Чикаго в 1926 г.: необходимый предшественник Карла Маркса.

Вклад Эмиля Каудера не ограничивается характеристикой Адама Смита как разрушителя существовавшей до него здоровой традиции экономической теории, как человека, положившего начало гигантскому «скачку вбок», если придерживаться зигзагообразной, в духе концепции Куна, картины истории экономической мысли. Не менее захватывающим, хотя и более спекулятивным является описание Каудером существенной причины загадочной асимметрии в развитии экономической мысли в разных странах. Например, почему традиция субъективной полезности процветала на континенте, особенно во Франции и Италии, а затем возродилась в Австрии, в то время как трудовая теория ценности и теория детерминации ценности издержками производства развивались в основном именно в Великобритании? Каудер объясняет это различие глубоким влиянием религии: схоласты были католиками, Франция, Италия и Австрия были католическими странами, а католицизм делал акцент на потреблении как цели производства и считал полезность для потребителя и получение удовольствия от потребления, по крайней мере если оно остается в рамках умеренности, активностью, которая обладает ценностью. Напротив, британская традиция, начиная с самого Смита, была кальвинистской и отражала тот факт, что кальвинизм делал упор на усердную работу и трудовые усилия не только как на единственное благо, но и как на величайшее благо по самой своей сущности, и воспринимал потребительское удовлетворение как в лучшем случае необходимое зло, как всего лишь необходимое условие для продолжения труда и производства.

Когда я читал Каудера, этот его взгляд поначалу показался мне весьма нетривиальной, но все же недоказанной спекуляцией. Однако по мере дальнейшего изучения экономических идей и в ходе написания томов этой книги я пришел к выводу, что его идея многократно подтверждается. Хотя Смит и был «умеренным» кальвинистом, тем не менее он был твердым приверженцем этого учения, и я был вынужден заключить, что его кальвинистская тенденция может служить объяснением, например, поддержки им законов о ростовщичестве, в противном случае представляющейся совершенно загадочной, а также смещения им акцента при объяснении ценности с капризного, любящего роскошь потребителя на добродетельного работника, закладывающего часы своего тяжелого труда в ценность произведенного им материального продукта.

Но если феномен Смита можно объяснить кальвинизмом, то как насчет Давида Рикардо, испано-португальского еврея, обратившегося

в квакерство, который определенно не был кальвинистом? Здесь, как мне кажется, существенной частью объяснения может служить доминирующая роль Джеймса Милля, учителя Рикардо и главного основателя «рикардианской системы». Ведь Милль был шотландцем, рукоположенным в пресвитерианские пасторы и насквозь пропитанным кальвинизмом; то, что Милль переехал в Лондон и стал агностиком, не оказало никакого влияния на кальвинистский характер его глубинного отношения к жизни и миру. Огромная проповедническая энергия Милля, его пламенная борьба за социальные улучшения и приверженность к упорному труду (а также к родственной ему кальвинистской добродетели бережливости) отражали его кальвинистское мироощущение, которому он оставался верен на протяжении всей жизни. Возрождение рикардианства в трудах Джона Стюарта Милля можно интерпретировать как проявление преданности и почтения по отношению к доминирующему отцу. Осуществленная Альфредом Маршаллом тривиализация открытий австрийской школы в рамках неорикардианской схемы тоже является продуктом мысли неокальвиниста, склонного к проповедничеству и к крайней степени морализаторства.

И наоборот, совершенно не случайным было то, что австрийская школа, ставшая главным вызовом представлениям Смита и Рикардо, появилась в стране, которая была преимущественно католической, ценности и менталитет которой все еще находились под сильным влиянием идей аристотелизма и томизма. Немецкие предшественники австрийской школы жили и работали не в протестантской и антикатолической Пруссии, а в тех германских государствах, которые были либо католическими, либо союзными Австрии, а не Пруссии.

Результатом всех этих исследований для меня стало растущее убеждение в том, что пренебрежение религиозными взглядами, а также социальной и политической философией катастрофически искажает картину истории экономических идей. Это совершенно очевидно применительно к периоду до XIX в., но верно и для нашего столетия, несмотря на то что технический аппарат науки к этому времени уже во многом зажил своей жизнью.

Вследствие этих соображений тома данной книги сильно отличаются от стандартных сочинений такого рода не только тем, что представляют австрийскую, а не неоклассическую или институционалистскую точку зрения. Вся работа в целом намного длиннее, чем большинство аналогичных, так как она неизменно уделяет внимание «менее значительным» фигурам и их взаимодействию друг с другом, а также делает упор на важность их религиозной и социальной философии, а не только «экономических» взглядов в узком смысле. Однако я надеюсь, что объем и включение в рассмотрение всех этих элементов не делают эту работу менее удобочитаемой. Напротив, история с необходимостью предполагает нарратив, обсуждение не только абстрактных теорий, но и реальных личностей; она включает в себя триумфы, трагедии и конфликты,

причем последние зачастую имеют не только чисто теоретический, но и этический характер. Поэтому я надеюсь, что нетипично большой объем книги будет компенсирован для читателя тем, что драма человеческой жизни будет отражена в ней гораздо больше, чем это обычно бывает в трудах по истории экономической мысли.

Мюррей Ротбард
Лас-Вегас, Невада

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Капитальный и весьма ценный труд Йозефа Шумпетера «История экономического анализа» (Joseph Schumpeter, *History of Economic Analysis*. New York: Oxford University Press, 1954 <Шумпетер Й. История экономического анализа. Т. 1—3. СПб.: Экономическая школа, 2001>) порой называют «австрийским». Но хотя Шумпетер вырос в Австрии и обучался под руководством великого австрийца Бём-Баверка, он был убежденным последователем Вальраса, и вдобавок его работа эклектична и не может быть отнесена ни к какой школе.
2. Характеристику трех ведущих в настоящее время парадигм в рамках австрийской школы см. в: Murray N. Rothbard, *The Present State of Austrian Economics* (Auburn, Ala: Ludwig von Mises Institute, 1992).
3. Когда автор этих строк готовился к устным экзаменам на докторскую степень в Колумбийском университете, его экзаменатором по истории экономической мысли был почтенный Джон Морис Кларк. Когда он спросил Кларка, читал ли тот Джевонса, Кларк ответил довольно неожиданным образом: «А зачем? Все, что есть хорошего у Джевонса, есть и у Маршалла».
4. Joseph Dorfman, *The Economic Mind in American Civilization* (5 vols, New York: Viking Press, 1946-1959); Quentin Skinner, *The Foundations of Modern Political Thought* (2 vols, Cambridge: Cambridge University Press, 1978) <Скиннер К. Истоки современной политической мысли. М.: Дело, 2018>.
5. Thomas S. Kuhn, *The Structure of Scientific Revolutions* (1962, 2nd ed., Chicago: University of Chicago Press, 1970) <Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2003>.
6. Благоприятным знаком этой недавней смены подходов может служить то внимание, которые в последние годы уделяется критике неоклассического формализма как полностью зависящего от устаревшей механики XIX в. Блестящий пример см. в: Philip Mirowski, *More Heat than Light* (Cambridge: Cambridge University Press, 1989).
7. Сегодня, когда английский язык стал европейским lingua franca, и большинство европейских журналов публикуют англоязычные статьи, этот барьер снизился до минимума.

БЛАГОДАРНОСТИ

Непосредственным вдохновителем создания этих томов стал Марк Скоузен из Роллинз-Колледжа, штат Флорида, который настоятельно советовал мне написать историю экономической мысли с точки зрения австрийской школы. Он же убедил Институт политической экономии поддержать мое исследование в течение первого академического года работы над ним. Первоначально Марк представлял себе этот текст как стандартную книгу среднего размера, посвященную периоду от Адама Смита до настоящего времени, т.е. как своего рода «анти-Хейлбронер». Однако, поразмыслив над задачей, я сказал ему, что следовало бы начать с Аристотеля, так как Смит являл собой резкое ухудшение по сравнению со многими его предшественниками. Никто из нас тогда не представлял охват и объем предстоящего исследования.

Невозможно перечислить всех людей, у которых я чему-либо научился в ходе преподавания и обсуждения истории экономической мысли и связанных с ней дисциплин на протяжении всей моей жизни. Здесь я вынужден опустить большинство из них и упомянуть лишь нескольких. Посвящением к книге я признаю свой огромный долг перед Людвигом фон Мизесом за созданное им грандиозное здание экономической теории, за все, чему он меня научил, за дружбу и за тот вдохновляющий пример, которым стала его жизнь, а также перед Джозефом Дорфманом за его первопроходческий труд в области истории экономической мысли, за подчеркивание им важности первичной материи истории, а также за сами его теории и за старательное обучение меня историческому методу.

Я в большом долгу перед Луэллином Роквеллом за создание и организацию Института Людвиг фон Мизеса, учрежденного при Университете Оберна, штат Алабама, и за превращение его в течение десятилетия в процветающий и высокопроизводительный центр развития австрийской школы экономической теории и ее преподавания. Для меня не последнюю роль сыграло то, что Институт Мизеса привлек исследователей, у которых я смог многому научиться, и объединил их в сеть. Здесь я должен особо выделить Джозефа Салерно из Университета Пейс, который проделал в высшей степени творческую работу в сфере истории экономической мысли, а также Дэвида Гордона, сотрудника Института Мизеса, человека энциклопедических знаний и «исследователя исследователей», в чьих многочисленных работах по философии, экономической теории и интеллектуальной истории воплотилась лишь малая часть его эрудиции в этих и многих других областях. Благодарю также Гэри Норта, главу Института христианской экономики в Тайлере, штат Техас, за полезные библиографические указания, касающиеся Маркса и социализма в целом, а также за объяснение премудростей, связанных

со всевозможными разновидностями миллениаризма — пре-, пост- и амиллениаризма. Разумеется, никто из названных людей не несет ответственности за какие-либо ошибки, содержащиеся в этой книге.

Большая часть моей исследовательской работы была выполнена благодаря богатейшим ресурсам библиотек Колумбийского и Стэнфордского университетов а также библиотеки Университета штата Невада в Лас-Вегасе — с добавлением моего собственного книжного собрания, накопленного на протяжении многих лет. Я остаюсь одним из немногих ученых, упорно приверженных к низкотехнологичным пишущим машинкам вместо того, чтобы перейти к использованию компьютеров и текстовых редакторов, и это обусловило мою зависимость от машинок, из которых я особо хотел бы отметить двоих — Жанет Банкер и Донну Эванс из Университета штата Невада в Лас-Вегасе.

ГЛАВА 1

ЖАН-БАТИСТ СЭЙ: ФРАНЦУЗСКАЯ ТРАДИЦИЯ В СМИТОВСКОМ ПЛАТЬЕ

1.1. СМИТ ПОКОРЯЕТ ФРАНЦИЮ

3

Как мы уже отмечали в первом томе, одна из великих загадок в истории экономической мысли заключается в том, почему именно Адам Смит смог полностью подчинить своему влиянию эту сферу и приобрести репутацию «основоположника экономической науки», хотя Кантильон и Тюрго намного превосходили его и как специалисты по экономическому анализу, и как поборники *laissez faire*. И если в Британии конкуренцию последователям Смита составляли лишь две школы — меркантилизма и политической арифметики, то в случае Франции этот феномен поразителен. Загадка становится еще более неразрешимой, если обратить внимание на то, что выдающийся лидер французских экономистов в послесмитовскую эпоху Жан-Батист Сэй (1767—1832) *в действительности* продолжал традицию Кантильона—Тюрго, а не Смита, при том что он в значительной степени пренебрегал ею, провозглашая, что экономическая теория началась именно с Адама Смита. Сам он, Сэй, якобы лишь систематизировал чудесные истины, в зачаточном состоянии содержащиеся в «Богатстве народов». Ниже мы рассмотрим подлинный характер его мышления и его вклада в экономическую мысль, а также увидим его «французскую», несмитовскую и «протоавстрийскую» логическую ясность, акцентирование праксеологического аксиоматико-дедуктивного метода, полезности как единственного источника экономической ценности, роли предпринимателя, производительности факторов производства и индивидуализм.

В частности, в кратком изложении истории идей в своем великом «Трактате по политической экономии» Сэй вообще не упоминает Кантильона. Несмотря на значительное влияние Тюрго на его собственную доктрину, он бесцеремонно отмахивается от Тюрго, говоря, что тот силен в политике, но не имеет никакого значения для экономической науки, и утверждает, что фактически политическая экономия началась с «Богатства народов» Адама Смита. Это весьма странное сознательное пренебрежение своими предшественниками обычно ускользает от внимания вследствие того вопиющего факта, что не существует ни одной биографии Сэя на английском языке, и даже по-французски тоже практически ничего нет.

Вероятно мы сможем понять причины этой ситуации, если учтем следующие обстоятельства. Во Франции экономическая наука на протяжении долгого времени ассоциировалась с физиократами, les economists <экономистами>. Отстранение великого Тюрго от должности *генерального контролера* финансов в 1776 г. и последующая отмена его либеральных реформ способствовали дискредитации всего физиократического движения. Ведь Тюрго, к сожалению, воспринимался публикой всего лишь как попутчик физиократов и их самый влиятельный представитель в правительстве. После утраты физиократами политического влияния французские philosophes <философы> и передовая интеллигенция почувствовали, что теперь они могут беспрепятственно обрушивать на них поток насмешек и издевательств. Некоторые аспекты физиократического движения, свойственные фанатичным сектам, делали его уязвимым для высмеивания, и эту атаку возглавили encyclopédistes <энциклопедисты>, хотя сами они в целом поддерживали laissez faire.

Начавшаяся Французская революция ускорила упадок физиократии. Во-первых, сама она была слишком сосредоточена на политике, чтобы способствовать сколь-нибудь устойчивому интересу к экономической теории. Во-вторых, стратегическая ориентация физиократов на абсолютную монархию вела к их дискредитации в эпоху, когда монарх был свергнут и казнен. Кроме того, основной тезис физиократов, согласно которому только земля является производительной, вызывал подозрения в приверженности интересам земельной аристократии. Французская революция, направленная против аристократического правления и феодального землевладения, была несклонна проявлять терпимость к физиократии. Непримиримость еще больше усиливалась из-за индустриализации и Промышленной революции, делавших физиократическую привязанность к земле все более устаревшей. Все эти факторы привели к полной дискредитации физиократического движения, а поскольку Тюрго, к сожалению, оказался причисленным к физиократам, это одновременно подрывало и его репутацию. Ситуацию дополнительно усложнял тот факт, что государственный деятель и последний из физиократов Пьер Самюэль Дюпон де Немур — бывший помощник и близкий друг Тюрго, его редактор и биограф — сознательно искажал его взгляды, стремясь представить их как можно более близкими к представлениям физиократов.

Первоначально книга Смита «Богатство народов» была плохо встречена во Франции. Доминировавшие в то время физиократы презрительно отзывались о ней как о расплывчатом и слабом подражании Тюрго. Однако великий либерал Кондорсе, близкий друг и биограф Тюрго, написал полные восхищения примечания, сопровождавшие несколько французских переводов «Богатства народов». И вдова Кондорсе мадам де Груши продолжила семейную традицию участия в распространении идей Адама Смита, подготовив к изданию французский перевод «Теории нравственных чувств». Позднее, в 1790-х гг., оставшиеся

физиократы с благодарностью уцепились за фалды смитовского сюртука. Ведь Смит все-таки поддерживал *laissez faire*, а его симпатия к сельскому хозяйству доходила почти до абсурда, когда он утверждал, что аграрный труд является главным источником богатства. В результате большинство поздних физиократов стали ранними последователями Смита во Франции. Их лидером был первый переводчик «Богатства народов» на французский язык маркиз Жермен Гарнье (1754—1821), который в «Кратком изложении основных начал политической экономии» («*Abrègè elementaire des principes de l'économie politique*», 1796) представил смитовскую доктрину.

1.2. СЭЙ, ДЕ ТРАСИ И ДЖЕФФЕРСОН

После того в 1803 г. как Жан-Батист Сэй опубликовал первое издание своего великого «Трактата по политической экономии», лидерство среди французских последователей Смита быстро перешло к нему. Сэй родился в Лионе, в гугенотской семье торговцев текстилем. Большую часть начального периода своей жизни он провел в Женеве, а затем в Лондоне, где он стал учеником коммерсанта. В конце концов он вернулся в Париж в качестве служащего компании по страхованию жизни. Молодой Сэй вскоре стал лидером группы французских *philosophes*, выступавших за *laissez faire*. В 1794 г. Сэй стал первым редактором главного журнала этой группы «*La Décade Philosophique*». Будучи сторонником не только *laissez faire*, но и набравшего силу *industrielisme* <индустриализма> Промышленной революции, Сэй враждебно относился к абсурдно проаграрной физиократии.

Группа, связанная с «*Décade*», называла себя «исследователями идей» ('*ideologists*'); впоследствии Наполеон насмешливо окрестил их «идеологами» ('*ideologues*'). Используемое ими понятие «идеология» означало просто-напросто научную дисциплину, изучающую все формы человеческой деятельности, — исследование, основанное на уважительном отношении к индивидам и их взаимодействию, а не стремящееся к позитивистскому или научному манипулированию людьми, рассматриваемыми лишь как сырой материал для социальной инженерии. Идеологи вдохновлялись взглядами и теориями недавно умершего Кондильяка. Их лидером в сфере психофизиологии был доктор Пьер Кабанис (1757—1808), который тесно сотрудничал с другими биологами и психологами в Медицинской школе (*École de Médecine*). В области общественных наук главной фигурой в этой группе был богатый аристократ Антуан Луи Клод Дестют, граф де Траси (1754—1836)¹. Именно Дестют де Траси изобрел понятие «идеология», которое ввел в первом томе (1801) своего пятитомного труда «Начала идеологии» («*Éléments d'idéologie*», 1801—1915).

Впервые де Траси изложил свои экономические взгляды в 1807 г. в «Комментарии» к Монтескье — работе, оставшейся неопубликованной

из-за содержащихся в ней радикально либеральных идей. В ней автор критикует наследственную монархию и единовластие, выступает в защиту разума и понятия универсальных естественных прав. Де Траси начинает с отказа от данного Монтескье определения свободы как «возможности делать то, чего должно хотеть»⁽¹⁾ и формулирования гораздо более либертарианского ее определения как возможности желать и делать все что угодно. В «Комментарии» де Траси утверждает примат экономики в политической жизни на том основании, что главная цель общества — удовлетворять материальные нужды и служить удовольствию людей посредством обмена. Он прославляет торговлю как «источник всякого человеческого блага» и приветствует развитие разделения труда как путь к росту производства, не высказывая, в отличие от Адама Смита, никаких жалоб по поводу «отчуждения». Он также подчеркивает тот факт, что «в каждом торговом действии, в каждом обмене товарами обе стороны выигрывают, т.е. получают нечто, имеющее большую ценность чем то, что они продают». Поэтому свобода внутренней торговли так же важна, как и свобода торговли между странами.

Однако, сокрушается де Траси, эту идиллию свободной торговли, коммерции и растущей производительности поражает болезнь — государство. Налоги, указывает он, «всегда суть грабеж частной собственности, и используются они на совершенно разорительные, непроизводительные расходы». Государственные расходы представляют собой в лучшем случае неизбежное зло, и по большей части, «как, например, в случае общественных работ, частные индивиды могли бы осуществить их лучше». Де Траси резко возражал против создания денег государством и правительственного манипулирования ими. Порча монеты — это попросту «грабеж», а бумажные деньги — это создание товара, который стоит не больше бумаги, на которой они напечатаны. Де Траси также резко критиковал государственные долги и выступал за металлический, предпочтительно серебряный, денежный стандарт.

Четвертый том «*Éléments d'idéologie*», названный «Трактатом о воле» («*Traité de la volonté*»), несмотря на свое название, представлял собой трактат де Траси по экономической науке. Здесь он, наконец, добирается до экономики как составной части своей большой системы. «Трактат» был дописан к концу 1811 г. и опубликован в момент падения Наполеона в 1815 г. Он включил в себя новые идеи, содержащиеся в «Комментарии» к Монтескье, и опирался на них. По примеру своего друга и коллеги Ж.-Б. Сэя де Траси теперь особо выделял предпринимателя как важнейшее действующее лицо в производстве богатства. Порой де Траси записывают в сторонники трудовой теории ценности, но он лишь подчеркивал высокопроизводительную роль «труда» в сравнении с землей. Более того, «труд» для него представлял собой главным образом деятельность предпринимателя по сбережению и инвестированию плодов предшествующего труда. Предприниматель, указывал де Траси, сберегает капитал, дает работу другим людям и производит полезность, превосходящую

первоначальную ценность его капитала. Только капиталист берегает часть того, что он заработал, чтобы реинвестировать ее и произвести новое богатство. Де Траси красноречиво формулирует свой вывод: «Промышленные предприниматели — это само сердце государства, а их капитал — его кровь».

Более того, все классы общества совместно заинтересованы в функционировании свободного рынка. Де Траси пронизательно указывает, что не существует никаких «классов, лишенных собственности», потому что (используя парафраз его слов, принадлежащий перу Эммета Кеннеди) «все люди владеют как минимум самой драгоценной собственностью — своими способностями, и бедные не меньше, чем богатые, заинтересованы в сохранении это собственности»². Таким образом, в самом центре идеи де Траси о ключевой роли прав собственности находилось фундаментальное право каждого человека на свою личность и ее способности. Отмена частной собственности, предупреждал он, приведет лишь к «равенству в нищете», так как будет означать ликвидацию личных усилий как таковых. Более того, хотя в условиях свободного рынка отсутствуют постоянные общественные классы, каждый человек является одновременно и потребителем, и собственником, а также может быть капиталистом, если делает сбережения, тем не менее нет оснований ожидать равенства доходов, так как люди сильно отличаются друг от друга способностями и талантами.

Анализ государственного вмешательства совпадает с тем, который содержится в «Комментарии». Все государственные расходы непроизводительны, даже если необходимы, всегда осуществляются за счет доходов производителей и поэтому являются паразитическими по своей природе. Наилучший способ поощрения промышленности со стороны государства — это «оставить ее в покое», а наилучшее правительство — это самое скупое правительство.

Что касается денежной сферы, то здесь де Траси твердо выступает за стабильные деньги. Он выражает сожаление, что названия монет более не являются простыми единицами веса золота или серебра. Порчу монеты он однозначно считает кражей, а бумажные деньги — кражей в особо крупных размерах. Ведь бумажные деньги — это просто-напросто постепенный и скрытый процесс последовательного обесценивания денежного стандарта. В работе анализируются разрушительные последствия инфляции, а привилегированные монопольные банки подвергаются критике как «в корне порочные» организации.

В то время как в акцентировании ключевой роли предпринимателя де Траси следовал Ж.-Б. Сэю, в другом аспекте он предвосхитил позицию своего друга, а именно в отказе от применения математики и статистики в общественных науках. Еще в 1791 г. он писал, что реальность и человеческая деятельность попросту не поддаются количественному описанию, и предостерегал от «шарлатанского» применения статистики в общественных науках. Де Траси критиковал применение математики в «Мемуаре о способности мышления» («Mémoire sur la facilité

7
de penser», 1798), а в 1805 г. отмежевался от идеи своего покойного друга Кондорсе насчет важности «социальной математики». Вероятно, под влиянием «Трактата» Сэя он утверждал, что адекватный метод социальных наук состоит не в математических уравнениях, а в выведении, или дедукции, свойств, в неявном виде содержащихся в основных, «исходных» аксиоматических истинах — короче говоря, метод праксеологии. С точки зрения де Траси, фундаментальная истинная аксиома формулировалась так: «Человек — чувствующее существо», — и из нее истина может быть получена посредством наблюдения и дедукции, а не с помощью математики. Он полагал, что эта «наука человеческого понимания» является основой всех наук о человеке.

Томас Джефферсон (1743—1826) был другом и почитателем *philosophes* и идеологов начиная с 1780-х гг., когда он служил послом во Франции. Когда идеологи в годы консулата Наполеона достигли определенного политического влияния, Джефферсон получил статус члена «мозгового треста» Национального института наук и искусств. Идеологи — Кабанис, Дюпон, Вольней, Сэй и де Траси — посылали ему свои рукописи и получали в ответ его одобрение и поддержку. Закончив «Комментарий» к Монтескье, де Траси направил рукопись Джефферсону и попросил его организовать перевод ее на английский язык. Джефферсон сам с энтузиазмом перевел часть этого труда, после чего английский текст был закончен и опубликован Уильямом Дуэйном, газетным издателем в Филадельфии. Таким образом, «Комментарий» увидел свет на английском языке в 1811 г., за восемь лет до того, как появилась возможность опубликовать его во Франции. Когда Джефферсон прислал опубликованный перевод де Траси, обрадованный философ исполнился воодушевления, закончил «Трактат о воле» и сразу послал его Джефферсону с просьбой перевести и эту книгу.

Джефферсон с восторгом воспринял «Трактат». Несмотря на то что сам он сыграл немаловажную роль в подготовке к войне 1812 г. с Великобританией, он был разочарован во всем том, что сопровождало эту войну, — государственном долге, высоких налогах, государственных расходах, наводнении страны бумажными деньгами и процветании привилегированных банковских монополий. Он пришел к выводу, что его любимая демократически-республиканская партия на самом деле взяла на вооружение экономическую политику ненавистных федералистов, последователей Гамильтона, и яростная атака де Траси на эту политику подтолкнула Джефферсона к тому, чтобы попытаться организовать перевод «Трактата» на английский язык. Он снова отдал рукопись Дуэйну, но тот разорился, а затем самому Джефферсону пришлось исправлять выполненный Дуэйном неудачный перевод. В конце концов книга была опубликована по-английски в 1818 г. под названием «Трактат по политической экономии» («*Treatise on Political Economy*»)³.

Бывший президент США Джон Адамс, взгляды которого на деньги, близкие к джефферсоновским, состояли в безусловной поддержке ста-

бильных металлических денег и в требовании 100%-ного резервирования в драгоценных металлах для банков, приветствовал выход «Трактата» де Траси как лучшей книги по экономике из всех к тому времени опубликованных. Особенно он превозносил главу, посвященную деньгам, поскольку в ней защищались «мнения, которые я разделял всю жизнь». Адамс добавлял: «Банки нанесли больше вреда религии, морали, порядку, процветанию и даже богатству страны, чем они... когда либо смогут принести блага. Вся наша банковская система, к которой я испытывал, продолжаю испытывать и буду испытывать до самой смерти глубокое отвращение... всякий учетный банк, всякий банк посредством которого выплачивается процент вкладчикам или они получают какую-либо прибыль, — все это есть совершеннейшее разложение».

Еще в 1790 г. Джефферсон провозгласил «Богатство народов» лучшей книгой по политической экономии, наряду с работой Тюрго. Его друг, епископ Джеймс Мэдисон (1749—1812), на протяжении 35 лет занимавший должность президента Колледжа Вильгельма и Марии, был первым в США профессором политической экономии. Этот либерал, с самого начала утверждавший, что «мы рождены свободными», использовал «Богатство народов» в качестве учебника. Теперь же в предисловии к «Трактату» Томас Джефферсон возносил «сердечную молитву» о том, чтобы именно эта книга стала основным учебным текстом по этому предмету в Америке. На какое-то время Колледж Вильгельма и Марии, подталкиваемый Джефферсоном, признал «Трактат» де Траси в этом качестве, но это положение продлилось недолго. Вскоре в соревновании за популярность в США его обошел «Трактат» Сэя.

Катастрофическая «паника» 1819 г. стала для Джефферсона дополнительным подтверждением его позиции в отношении банковского дела, основанной на идее стабильных денег. В ноябре этого года он разработал предложение по поводу депрессии, которое он в своей обычной манере попросил своего друга Уильяма Райвза внести в законодательное собрание штата Виргиния, не раскрывая авторства. Цель плана формулировалась недвусмысленно: «Полный и окончательный запрет банковских бумаг». Предложение было направлено на постепенное сокращение количества средств обращения до уровня, в точности соответствующего имеющемуся количеству металлических денег; правительство штата должно было добиться полного изъятия банкнот из обращения в течение пяти лет; в течение каждого года предполагалось погашать пятую часть банкнот металлическими деньгами. Кроме того, Виргиния должна была объявить для всех банков серьезным правонарушением принимать банкноты других штатов или расплачиваться ими. Банки, противящиеся реализации плана, должны были лишиться банковской лицензии или же немедленно в принудительном порядке погасить все свои банкноты металлическими деньгами. В заключение Джефферсон объявлял, что ни правительство штата, ни федеральное правительство не имеет право учреждать банки, а все деньги в обращении должны быть исключительно металлическими.

1.3. ВЛИЯНИЕ «ТРАКТАТА» СЭЯ

В 1799 г., в период консулата Наполеона, Ж.-Б. Сэй был назначен членом правящего Трибуната. Четыре года спустя был опубликован его «Трактат», вскоре сделавший его виднейшим интерпретатором смитовских идей в континентальной Европе. При жизни автора «Трактат» выдержал шесть изданий, последнее из которых вышло в 1829 г. и имело в два раза больший объем, чем первое. Кроме того, несколько раз переиздавался его «Полный курс политической экономии» («Cours complet d'économie politique», 1828—1830), а сокращенная версия «Трактата» под названием «Катехизис политической экономии» («Catéchisme d'Économie politique», 1817) вышла четвертым изданием сразу после смерти Сэя. Все великие европейские народы перевели «Трактат» на свой язык⁽²⁾.

В 1802 г. Наполеон обрушился на идеологов — группу, которую он некогда пытался привлечь на свою сторону, но к которой всегда относился с неприязнью из-за либеральных экономических и политических взглядов ее членов. Он видел в них самых твердых противников его усиливающейся диктатуры — как в теории, так и на практике⁴. Наполеон заставил Сенат избавиться от идеологов и очистить от них Трибунал, тем самым лишив Ж.-Б. Сэя его должности. Идеологи были философами, а бонапартисты видели в философии как таковой угрозу диктаторскому правлению. Как сформулировал редактор бонапартистского «Journal de l'Empire» Жозеф Фьеве: «Философия — это способ выражать недовольство правительством или угрожать ему, если оно отходит от принципов Революции и расстается с революционерами»⁵.

Два года спустя, вскоре после того, как он сделался императором, Наполеон снова ополчился на Сэя, отказавшись дать разрешение публикацию второго издания «Трактата», если Сэй не изменит главу, вызвавшую его раздражение. Когда тот оказался, издание было запрещено. После увольнения с должности во французском правительстве Сэй стал успешным хлопковым фабрикантом, каковым и оставался на протяжении десяти лет. Фактически он был одним из ведущих французских промышленников нового типа. Как пишет его биограф, Сэй был «глубоко вовлечен в процесс становления крупной промышленности. Он, по сути, был одним из наиболее выдающихся представителей того типа промышленников, который возник в период Консулата и Империи, тех первых великих предпринимателей, которые стремились запустить в действие новые технологические процессы»⁶.

После падения Наполеона в 1814 г. второе издание «Трактата» было, наконец, опубликовано, и в 1819 г. Сэй начал новую профессиональную карьеру, сначала в Национальной консерватории, а затем в Коллеж де Франс. Джефферсон, преклонявшийся перед ним, будучи сам полностью погруженным в экономические идеи *laissez faire*, заверял Сэя, что ему создадут самые благоприятные условия, если он приедет в США. Президент Мэдисон разделял это желание Джефферсона. Более того,

последний хотел предложить Сэю должность профессора политической экономики в только что учрежденном Виргинском университете.

«Трактат» Сэя имел большое влияние в Италии. Поначалу «Богатство народов» не оказало большого воздействия на итальянскую экономическую науку. В стране уже существовала развитая традиция фритредерства, ярко проявившаяся, например, в систематическом трактате «Размышления о политической экономии» графа Пьетро Верри из Милана (Pietro Verri, *Meditazioni sull'economia politica*, 1771). Несмотря на то что «Богатство народов» было переведено на итальянский язык в 1779 г., мы не находим упоминаний о Смите ни в работах неаполитанца Гаэтано Филанджери (1752—1788), ни в сочинении графа Джамбатиста Герардо Д'Арко (1785) и даже в таком позднем произведении, как фритредерская книга Франческо Менготти «Кольбертизм» («Il Colbertismo», 1792).

С распространением французского революционного режима на Италию вместе с солдатами туда пришло и влияние Адама Смита. В первые годы наполеоновского периода он стал главным экономическим авторитетом. После 1810 г. Сэй и де Траси увлекли итальянскую экономическую науку в свой лагерь. Идеи Сэя обсуждались в написанном очень ясным языком трактате «Начала политической экономии» («Elementi di economie politica», 1813) принадлежавшем перу Луки де Самуэле Каньяцци из Альтамуры (1764—1852) и в книге Карло Бозеллини «Новое исследование источников частного и общественного богатства» («Nuovo esame delle sorgenti della privata e della pubblica ricchezza», 1816). Бесстрашный аббат Паоло Бальзамо (1764—1816) распространял в Сицилии взгляды Смита, а позднее Сэя, призывая к свободе торговли сельскохозяйственной продукцией и к освобождению сельского хозяйства острова от феодальных ограничений (в частности, в «Экономические и сельскохозяйственные мемуары» («Memorie economiche ed agrarie», Palermo, 1803) и в «Неопубликованные мемуары о государственном хозяйстве и земледелии» («Memorie inedite di pubblica economia ed agricoltura», Palermo, 1845).

Друг и коллега Сэя Дестют де Траси также приобрел в Италии громадное влияние. Его «Начала» были переведены бывшим священником Джузеппе Компаньони (1754—1833) и опубликованы в десяти выпусках (Милан, 1917—1819). Более того, в революционном правительстве Неаполя в 1820-х гг. высокие посты занимали престарелый государственный деятель и философ, глава временного революционного совета, корреспондент и почитатель де Траси Мельхиоре Дельфико и Паскуале Борели, тоже последователь де Траси и председатель неаполитанского революционного парламента.

Испания и новые страны Латинской Америки также испытали на себе влияние де Траси. Одним из лидеров либеральной испанской революции 1820 г. против абсолютной монархии был Дом Мануэль Мария Гутьеррес, переводчик «Трактата» на испанский язык (1817) и профессор политической экономии в Малаге. Кроме того, членом революционных

испанских кортесов 1820 г. стал переводчик «Комментариев» Рамон де Салас, вернувшийся из французской эмиграции, чтобы принять участие в борьбе. Еще один член кортесов Х. Хусто Гарсия перевел книгу де Траси по логике. В Латинской Америке последователь и почитатель французского мыслителя Бернардино Ривадавия стал президентом образовавшейся независимой Республики Аргентина⁷. Де Траси стал весьма популярным не только в Аргентине, но и в Бразилии, а в Боливии его «идеология» в 1820—1830-х гг. стала официальной доктриной в государственных школах.

Нет ничего удивительного в том, что вторая волна последователей Смита в Германии испытала на себе сильное влияние «Трактата» Сэя. Людвиг Генрих фон Якоб, подобно Краусу, был не только философом-кантианцем, но и экономистом. Получив образование в Университете Галле, он стал там профессором философии. Якоб опубликовал трактат об общих экономических принципах «Начала экономической науки» («Grundsätze der Nationalökonomie», Halle, 1805), следовавший в русле идей Смита. Последующие издания, вплоть до третьего (1825), выходили с исправлениями в духе Сэя. Более того, фон Якоб был настолько впечатлен трудами последнего, что перевел «Трактат» на немецкий (1807) и русский языки. Он поспособствовал распространению просвещенных взглядов в России не только путем публикации перевода книги Сэя — он некоторое время преподавал в Харьковском университете и был консультантом различных официальных комиссий в Санкт-Петербурге.

Самым радикальным и самым интересным последователем Сэя в Германии был Готлиб Гуфеланд (1760—1817). Он родился в Данциге, где впоследствии стал бургомистром, и учился в Гёттингене и Йене, где стал профессором политической экономии. В книге «Новые основы искусства управления государством» («Neue Grundlegung der Staatswirtschaftskunst», Giessen, 1807—1813) он воспринял все введенные Ж.-Б. Сэем новшества — точнее говоря, осуществленный им возврат к франко-континентальной, досмитовской традиции. Так, он вернул на положенное ему место предпринимателя и четко отделил получаемую последним чистую прибыль, связанную с принятием риска, от процентного дохода, ренты и заработной платы, получаемой предпринимателем за выполнение управленческих функций. Более того, Гуфеланд усвоил и теорию ценности, основанную на редкости и полезности, делая акцент на оценивание запаса благ индивидуальными потребителями как на причину ценности.

В России влияние Сэя и де Траси приобрело оттенок иронии судьбы. Один из лидеров либеральных декабристов Павел Иванович Пестель, относившийся к «Комментариям» де Траси как к своей Библии, в 1825 г. предпринял попытку организовать убийство абсолютного монарха — царя Николая I. Тот, в свою очередь, приказал повесить Пестеля, хотя сам обучался у Андрея Карловича Шторха, последователя Смита и Сэя, автора «Курса политической экономии»⁸.

Английский перевод четвертого издания «Трактата» Сэя появился в продаже в Лондоне в 1821 г. под названием «Трактат по политической экономии» («Treatise on Political Economy»). Бостонский фритредерский журнал «North American Review» перепечатал его в том же году в США с американскими примечаниями, составленными сторонником свободы торговли Клементом Биддлом. «Трактат» быстро стал и долго оставался самым популярным в стране учебником экономики вплоть до окончания Гражданской войны⁹. Более того, еще в 1880 г. его перепечатали в качестве пособия для колледжей. За весь этот период «Трактат» выдержал в США 26 тиражей, в то время как во Франции — только восемь.

Непереведенные произведения идеологов неожиданным образом нашли отклик в Великобритании. Томас Браун, друг Дугальда Стюарта и преемник его на кафедре моральной философии в Эдинбурге, хорошо владел французским языком, и на него сильное влияние оказала философия де Траси. К этому можно добавить, что Джеймс Милль, философский последователь доктора Брауна, сам был большим почитателем Гельвеция, Кондильяка и Кабаниса. Поэтому нет ничего неожиданного в том, что Милль оказался первым в Великобритании, кто по достоинству оценил важность закона рынков Сэя.

В том, что учение Смита именно в изложении Сэя стало наиболее популярной версией экономической теории на Европейском континенте и в США, нет ничего удивительного. Не имея возможности объявить себя физиократом, Сэй решил назваться последователем Смита, но он был таковым лишь номинально. Как мы увидим ниже, его взгляды были скорее посткантильоновскими и протоавстрийскими, нежели соответствующими классической школе в духе Смита.

Одно из важнейших различий между Сэем и Смитом состояло в исключительной ясности «Трактата». Сэй совершенно справедливо называл «Богатство народов» «грандиозным хаосом», «хаотическим нагромождением правильных идей, разбросанных без разбора посреди множества положительных истин». В другом месте он называет труд Смита «беспорядочным собранием самых здравых принципов... плохо переваренной массой просвещенных идей и точных сведений». И опять-таки, с большой проницательностью Сэй отмечает, что «почти все части [«Богатства народов»] напроць лишены метода».

На самом деле именно замечательная ясность изложения, свойственная Сэю, принесла ему всемирную известность, послужила причиной его невысокой популярности среди британских авторов, задававших тон в экономической мысли. (Несомненно, тот факт, что он не был британцем, еще больше усиливал это презрение.) В противоположность небрежно писавшему Смигу и вымученному, почти неудобочитаемому Рикардо, прозрачность, яркость и легкость текстов Сэя для восприятия уже сама по себе выглядела сомнительно. Об этом очень хорошо написал Шумпетер:

Его аргументация представляет собой такой плавный, прозрачный поток, что читатель вряд ли останавливается, чтобы подумать, и вряд ли подозревает, что под этой гладкой поверхностью могли бы скрываться более глубокие вещи. Это принесло ему [Сэю] стремительный успех у многих и стоило неодобрения большинства. Иногда он действительно видел важные и глубоко запрятанные истины, но даже в этом случае он раскрывал их в тривиально звучащих выражениях.

Поскольку он был блестящим писателем, избегал грубого и вымученного стиля Рикардо и, по выражению Джефферсона, его книга была «короче, яснее и логичнее», чем «Богатство народов», экономисты и в то время, и позднее были склонны принимать туманность и непонятность за глубиной <см. ниже, с. 123—124>. Шумпетер добавляет:

Таким образом, его заслуги никогда не получали должной оценки. Огромная популярность его «Трактата» как учебника (самый грандиозный успех он имел в Соединенных Штатах) только подтвердила правильность диагноза современных и более поздних критиков, согласно которому он был не более чем популяризатором А. Смита. Действительно, книга получила столь широкое признание именно потому, что, казалось, избавляла нетерпеливого или плохо подготовленного читателя от необходимости пробираться сквозь чащу «Богатства народов». Таковым в основном было мнение рикардianцев... принижавших его как автора (см. комментарии Мак-Куллоха к работам Сэя в «Literature of Political Economy»), способного подняться до мудрости А. Смита, но не сумевшего возвыситься до Рикардо. Для Маркса он был просто «пошлым Сэем»¹⁰.

1.4. ПРАКСЕОЛОГИЧЕСКИЙ МЕТОД

Особо выдающейся чертой сэевского трактата было то, что он стал первым экономистом, глубоко задумавшимся о методологии своей дисциплины и по возможности сделавшим эту методологию основой своей работы. Опираясь на предшествующих экономистов и свои собственные исследования, он пришел к характерному именно для экономической теории методу, которому более чем столетие спустя Людвиг фон Мизес дал название «праксеология». Экономическая теория, понял Сэй, основывается не на сырой массе отдельных статистических фактов, а, напротив, на весьма общих фактах (*fait généraux*), настолько общих и универсальных и столь глубоко укорененных в природе человека и его мира, что каждый, услышав или прочитав о них, с ними согласится. Таким образом, фундаментом этой науки являются факты, лежащие в самой природе вещей (*la nature des choses*), и дедуктивно получаемые выводы из фактов, укорененных в человеческой природе и в естественном законе. Раз эти общие утверждения истинны, то должны быть истинными и логические следствия из них.

Во введении к «Трактату», где определен методологический характер этой работы и выводы из него, Сэй начинает с критики физиократов и Дугальда Стюарта за то, что те смешивали политическую науку и политическую экономию. Сэй полагал, что для прогресса экономической теории, или политической экономии, необходимо, чтобы она как научная дисциплина стояла на своих ногах и не была уже изначально смешана с политической наукой, которая занята установлением правильных принципов политического устройства. Политическая экономия, писал он, есть наука о богатстве, его производстве, распределении и потреблении.

Затем Сэй упоминает популярность бэконовского метода построения науки с помощью индуктивных выводов из массы фактов, но добавляет, что есть два вида фактов — «существующие объекты» и «происходящие события». Очевидно, что существующие объекты первичны, так как происходящие события суть лишь движения или взаимодействия существующих объектов. Оба класса фактов, отмечает Сэй, составляют «природу вещей», и «единственным основанием всякой истины является внимательное наблюдение за природой вещей».

Факты также можно подразделить на два типа: *общие*, или *постоянные*, и *частные*, или *переменные*. Затем Сэй переходит к своей блестящей критике статистического метода и к демонстрации разницы между ним и политической экономией. (Эта критика увидела свет почти одновременно с аналогичными рассуждениями Стюарта, но была гораздо более полной и всесторонней.) Политическая экономия занимается общими фактами или законами:

Политическая экономия, опираясь на факты, уже собранные в результате тщательных наблюдений, знакомит нас с природой богатства; из знания его природы она выводит способы его создания, раскрывает порядок его распределения и феномены, связанные с его разрушением. Иными словами, она представляет собой изложение *общих фактов*, наблюдаемых в связи с ее предметом. В том, что касается богатства, она является знанием следствий и их причин. Она показывает, какие факты постоянно связаны друг с другом, так что один всегда оказывается последствием другого.

После этого Сэй делает важное замечание о том, что экономическая теория «не прибегает к какому-либо дальнейшему объяснению гипотезы». Иначе говоря, в отличие от естественных наук, ее исходные посылки не являются временными гипотезами, которые (или выводы из которых) должны быть проверены фактами; напротив, каждый шаг логической цепочки основывается на определенно истинных, а не «гипотетических», общих фактах. (Можно добавить, что именно это принципиальное различие между методом экономической теории и методами естественных наук было причиной того мощного потока оскорблений, который обрушился на праксеологию в XXI в.) Вместо того чтобы заниматься форму-

лированием гипотез, экономическая наука должна выявлять связи и закономерности «в природе конкретных событий» и «вести нас от одного пункта к другому таким образом, чтобы каждый способный к рассуждению ум мог ясно понять, каким образом эта цепочка связана воедино». «Именно это, — заключает Сэй, — составляет преимущество современного метода философствования».

В противоположность этому статистика представляет частные факты, «относящиеся к конкретной стране в определенный период времени». Они являются «описанием в деталях». Статистика, добавляет Сэй, «может удовлетворить любопытство», но не способна «принести какое бы то ни было преимущество», если не указывает на «происхождение и последствия» собранных фактов, а последнего можно достичь только с помощью отдельной дисциплины — политической экономии. Именно смешение этих двух дисциплин, как метко замечает Сэй, делает «Богатство народов» Смита «лишенным метода» и превращает в «беспорядочную массу интересных, оригинальных размышлений и формулировок известных истин».

Принципиальное различие между статистикой и политической экономией, продолжает Сэй, состоит в том, что общие принципы или «общие факты» последней могут быть установлены, а значит и известны, с определенностью. Принципы политической экономии, если они основаны на «строгих выводах из неоспоримых общих фактов», «покоятся на незыблемом фундаменте». Они являются «аподиктическими», как выразился впоследствии Мизес. В противоположность этому частные факты статистики с неизбежностью не вполне определены, неполны, неточны и несовершенны. И даже в случае их истинности, справедливо замечает Сэй, «они истинны только на определенный момент времени». Опять-таки, если говорить о статистике: «Сколь малое число частных фактов полностью проверены, и сколь немногие наблюдались во всех аспектах? И даже если предположить, что они были тщательно исследованы, хорошо поддавались наблюдению и корректно описаны, сколь многие из них либо вообще ничего не доказывают либо доказывают прямо противоположное тому, что намеревались установить с их помощью?» Тем не менее доверчивая публика нередко оказывается замороженной «демонстрацией цифр и вычислений... как будто вычисления сами по себе могут что-либо доказывать и как будто можно сформулировать некое правило, из которого потом можно будет делать выводы без помощи обоснованных рассуждений».

Сэй обрушивается с яростной критикой на использование статистики без теории:

В результате не найдется ни одной абсурдной теории или нелепого мнения, которое не обосновывали бы апелляцией к фактам; и именно факты столь часто вводят в заблуждение представителей публичной власти. Но знание фактов без знания их взаимосвязи, без способ-

ности показать, почему одни из них влекут за собой другие в качестве последствий, на деле оказывается не лучше, чем сырая информация, которая есть у офисных клерков...

Затем Сэй отвергает идею, что хорошая теория «не практична», и что «практика» некоторым образом лучше «теории»:

Нет ничего более бесполезного, чем противопоставление *теории* и *практики*! Ведь что такое теория, как не знание законов, соединяющих следствия с их причинами, фактов с фактами? И кто может лучше знать факты, чем теоретик, которые исследует их во всех аспектах и понимает их взаимосвязь друг с другом? И что есть практика без теории, как не применение средств без понимания того, как и почему они действуют?

Сэй блестяще показывает, почему ни люди, ни народы не имеют возможности «учиться на опыте» и обоснованно принимать или отвергать теории, опираясь лишь на него. начиная с раннего Нового времени, указывает он, в Западной Европе росли богатство и процветание, и в то же самое время национальные государства продолжали наращивать внешнеторговые ограничения и расширять вмешательство в экономику с помощью налогообложения. Из-за этого большинство людей приходят к поверхностному заключению, что налоги и ограничения были *причиной* роста богатства, что торговля и производство увеличивались в результате вмешательства государства. Однако Сэй и политэкономы утверждали, что, напротив, «процветание этих стран могло бы быть намного бóльшим, если бы при управлении ими проводилась более либеральная и просвещенная политика». Как факты или опыт могли бы помочь сделать выбор между этими двумя несовместимыми интерпретациями? Ответ: никак. Его можно сделать, только опираясь на правильную теорию, выводимую из нескольких универсальных, общих фактов или принципов. И именно поэтому, замечает Сэй, «народы редко извлекают какую-либо пользу из уроков, даваемых опытом». Чтобы ее извлечь, «общество в целом должно быть способно увидеть взаимосвязь между причинами и их следствиями; это предполагает одновременно высокий уровень интеллекта и редкую способность к рефлексии». Следовательно, для достижения истины важно лишь полное знание нескольких существенных общих фактов; «всякое другое знание фактов, подобную эрудиции, почерпнутой из справочников, представляет собой просто-напросто компиляцию, не принося никаких результатов».

Более того, когда в дискуссиях о мерах государственной политики «факты» якобы противопоставляются «системе» экономической теории, на самом деле одной теоретической «системе» противостоит другая, и принести победу может только теоретическое опровержение. Например, пишет Сэй, если вы говорите о том, как свобода торговли между странами приносит выгоду всем ее участникам, то вас, как правило, будут

обвинять в том, что вы апеллируете к «системе», противопоставляя этому свою озабоченность по поводу дефицита торгового баланса, — но этот контраргумент тоже представляет собой теоретическую систему, хотя и ложную. Те, кто утверждает (подобно физиократам), что роскошь стимулирует торговлю, в то время как бережливость пагубна для нее, тем самым тоже выдвигают некоторую «систему», и когда (в точности предвосхищая позднейшую кейнсианскую идею мультипликатора) «некоторые утверждают, что денежное обращение обогащает государство и что некоторая сумма денег, проходя через двадцать разных рук, становится эквивалентной собственной величине, увеличенной в двадцать раз», — это тоже теоретическая система.

Проницательно — и неожиданно — предвосхищая современные споры, Сэй переходит к обоснованию того, почему логический вывод в экономической теории должен осуществляться в словесной, а не математической форме. Ценности индивидов, которыми занимается политическая экономия и которые не поддаются чувственному наблюдению, подвержены непрерывным и непредсказуемым изменениям: «на них влияют возможности, желания и потребности человечества, они не поддаются какой-либо строгой оценке и поэтому не предоставляют никаких *данных* для абсолютных расчетов». Феномены мира морали, отмечает Сэй, не «поддаются строгим арифметическим вычислениям».

Так, мы можем абсолютно точно знать, что в том или ином году цена на вино будет зависеть от взаимодействия предложения, или предназначенных для продажи запасов, со спросом. Но чтобы математически вычислить эти два элемента, необходимо произвести их строгую декомпозицию и отделить одно от другого влияние каждого из их элементов, а это настолько сложная задача, что решить ее невозможно. В частности:

необходимо определить не только размер урожая винограда в следующем году, который будет зависеть от превратностей погоды, но и его качество, количество вина, оставшегося от предыдущего урожая, сумму капитала, который будет в распоряжении виноторговцев и требования возврата авансированных сумм в течение больших или меньших сроков. Нам необходимо будет также достоверно выяснить мнения по поводу возможностей экспорта данного товара, которые могут всецело зависеть от нашей оценки стабильности законов и правительства, которые могут меняться изо дня в день и по поводу которых ничьи мнения не согласуются полностью. Все эти данные, как и, вероятно, еще многие другие, необходимо будет точно установить лишь для того, чтобы определить *количество* товара, которое будет пущено *в оборот*, — но это будет лишь одна из составляющих *цены*. Для того чтобы определить *количество*, на которое будет *предъявлен спрос*, цена, по которой товар можно будет продать, должна быть уже известна, поскольку спрос на товар будет расти в пропорции к его дешевизне; нам также необходимо будет знать величину имеющихся на руках запасов, вкусы и денежные возможности потребителей, которые у каждого человека будут разными. Покупательная способность

потребителей будет меняться в зависимости от большего или меньшего процветания промышленности в целом и их конкретной отрасли в частности; их вкусы будут меняться также в пропорции к доступным им способам заменить один спиртной напиток другим, например пивом, сидром и т.д. И это я не упомянул еще бесчисленное множество других, не столь важных соображений, которые в большей или меньшей степени влияют на решение этой задачи...

Короче говоря, огромное количество нечетких, меняющихся и количественно неизвестных влияющих факторов делает невозможным применение математического метода в экономике. Поэтому все, кто

до сих пор претендовал на то, что может это сделать, оказались неспособны сформулировать эти вопросы на аналитическом языке без отбрасывания их естественной сложности. Прибегая к упрощениям и произвольным умолчаниям, последствия которых должным образом не оценивались, они, по существу, изменяли условия задачи и приходили к совершенно искаженным результатам; поэтому все выводы из таких вычислений ничем не отличаются от выводов из произвольно взятой формулы.

Математика, несмотря на ее кажущуюся точность, неизбежно приводит к тому, что экономическая теория из состояния завершенного знания общих принципов низводится к произвольным формулам, которые меняют и искажают эти принципы и поэтому приводят к извращенным выводам.

Но как же политэконом, знающий общие принципы с определенностью, применяет их к конкретным задачам, таким как анализ ситуации на рынке вина? И здесь Сэй тоже предвосхищает блестящие выводы Людвиг фон Мизеса о правильном соотношении между теорией и историей, теорией и ее конкретным приложением. Такого рода прикладная теория в экономической науке, указывает Сэй, представляет собой скорее искусство, нежели строгую науку:

Итак, каким курсом надлежит двигаться благоразумному исследователю, чтобы разобраться в столь запутанном предмете? Ответ: тем же самым, что и в аналогичных сложных обстоятельствах, каковыми сопровождаются его действия на протяжении большей части жизни. Он будет исследовать непосредственно данные элементы предложенной проблемы, и после того как выяснит их с определенностью (а это может быть достигнуто в рамках политической экономии), он приблизительно оценит их взаимное влияние с интуитивной быстротой осведомленного понимания, которое само представляет собой лишь инструмент, с помощью которого может быть оценен (но никогда не может быть точно вычислен) средний результат массы случайностей¹¹.

Затем Ж.-Б. Сэй устанавливает параллель между заблуждениями, связанными с применением математического метода в экономической

теории, с тем, что писал его великий учитель, физиолог Кабанис. Он цитирует фрагмент из работы последнего, в котором говорится о том, как авторы, специализирующиеся на механике, серьезно искажают истину, когда берутся писать о проблемах биологии и медицины. Кабанис пишет:

Используемые ими термины корректны, ход рассуждений строго логичен, и тем не менее все результаты ошибочны... Именно благодаря применению этого метода исследования к предметам, к которым он совершенно неприменим, продолжают существовать самые причудливые, ошибочные и противоречивые системы.

Сэй добавляет: все что можно сказать по поводу ошибочности применения механистического метода в биологии, тем более приложимо к моральным наукам, и поэтому «в политической экономии мы всегда будем впадать в заблуждение, если попытаемся подчинить ее явления математическим расчетам. Последние в этом случае становятся самой опасной из всех возможных абстракций».

Наконец, Сэй пронизательно указывает еще на одну проблему, которая как в его времена, так и сегодня приводит образованных людей к отрицанию принципов и выводов экономической теории. Ибо они

слишком склонны исходить из того, что абсолютная истина ограничивается математической истиной и результатами точных наблюдений и экспериментов в естественных науках, воображая при этом, что моральные и политические науки не содержат никаких неизменных фактов или бесспорных истин, а потому не могут считаться подлинными науками, но должны рассматриваться лишь как гипотетические системы, более или менее остроумными, но чисто произвольными.

Для подкрепления этой точки зрения критики экономической теории указывают на огромное разнообразие мнений, существующее в этой дисциплине. Ну и что? — спрашивает Сэй. Ведь и естественные науки всегда были раздираемы спорами, в которых стороны порой полемизировали «столь же резко и ожесточенно, как и в политической экономии».

Математический метод был не единственной системой абстрактного мышления, которую Ж.-Б. Сэй подверг безжалостному разгрому. Он так же остро критиковал те вербальные методы логики, которые витали в эмпириях без постоянной кропотливой работы по соотношению логики с общими и универсальными фактами и ее проверке ими. Такова была главная методологическая претензия Сэя к физиократам. «Вместо того чтобы начинать с наблюдений за природой вещей или за тем, каковы они в реальности, классифицировать эти наблюдения и выводить из этого общие утверждения», т.е. вместо того чтобы быть праксеологами, физиократы

начинали с того, что формулировали некоторые абстрактные утверждения, которые они называли аксиомами, так как предполагали, что они содержат в себе доказательства своей собственной истинности. Затем они пытались подогнать частные факты под эти общие утверж-

дения и вывести из них свои законы, тем самым оказываясь втянутыми в защиту принципов, очевидным образом противоречащих здравому смыслу и общему опыту...

Иными словами, система экономической теории должна быть не только аксиоматико-дедуктивной; она всегда должна следить за тем, чтобы ее аксиомы основывались на «здравом смысле и общем опыте».

Во Введении к четвертому изданию Сэй выдвинул аналогичную критику в адрес Давида Рикардо и рикардианской системы. Рикардо тоже «временами рассуждает, исходя из абстрактных принципов, которые трактует слишком обобщенно». Он начинает с наблюдений, основанных на фактах, но затем «доводит свои рассуждения до самых отдаленных следствий, не сопоставляя их результаты с реальным опытом». После того как рассуждения проходят определенную точку, «факты начинают сильно расходиться с нашими расчетами», и «с этого момента ничто в работе автора не соответствует тому, что на самом деле происходит в реальности». «Недостаточно, — заключает Сэй, — иметь отправной точкой факты; они должны быть собраны вместе, постоянно отслеживаться, а полученные из них выводы — непрерывно сравниваться с наблюдаемыми эффектами», и в результате

наука политической экономии... должна демонстрировать, каким образом то, что имеет место в реальности, оказывается следствием других столь же определенных фактов. Она должна раскрывать цепь, связывающую их воедино, и всегда устанавливать на основе наблюдений существование двух звеньев в точке их соединения.

1.5. ПОЛЕЗНОСТЬ, ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ И РАСПРЕДЕЛЕНИЕ

В противоположность мейнстриму, состоявшему из последователей Смита и Рикардо и отталкивавшегося от трудовой теории ценности (или, в лучшем случае, от теории ценности, основанной на издержках производства⁽³⁾), Сэй решительно восстанавливает в правах схоластическое, континентальное, французское объяснение ценности полезностью. Полезность, и только она, порождает меновую ценность. Сэй, к собственному удовлетворению, разрешает парадокс ценности тем, что полностью избавляется от понятия «потребительная ценность» или «ценность в использовании» («use-value») как не имеющего отношения к сфере обмена. Но это еще не всё: он разделяет субъективистскую теорию ценности, так как полагает, что ценность основана на акте оценивания со стороны потребителя. Помимо того что соответствующие оценки субъективны, они еще и относительны, так как ценность одного блага или услуги всегда сравнивается с ценностью другого блага или услуги. Эти ценности, или полезности, зависят от всего того, что относится к потребностям,

желаниям и знаниям, имеющимся у индивидов, «от моральной и физической природы человека, климата, в котором он живет, и от обычаев и законодательства его страны. У него есть телесные потребности, потребности его ума и души; одни потребности относятся к нему самому, другие — к его семье, третьи — к его положению как члена общества». Политическая экономия, мудро указывая Сэй, должна принимать эти ценности и предпочтения людей как данность, «как *исходные данные* для ее рассуждений, оставляя моралисту и практику всевозможные обязанности по просвещению и наставлению своих собратьев как в этих, так и в других частных вопросах человеческого поведения».

В некоторых местах Сэй вплотную подходит к открытию понятия предельной (маржинальной) полезности, но не делает последнего шага. Так, он видит, что относительные оценки благ зависят от «оценочных рангов в уме того, кто оценивает». Но так как он не пришел к понятию маржинальности, то и не смог полностью разрешить парадокс ценности. На самом деле он достиг в его разрешении гораздо меньшего, чем его континентальные предшественники. Поэтому Сэй просто полностью отбросил потребительную ценность и решил сосредоточиться на меновой ценности. Но в результате он, точно так же как Смит и его британские последователи, не смог посвятить много усилий анализу потребления и потребительского поведения.

Но если Сэй просто отбросил потребительную ценность, то Рикардо сделал парадокс ценности и злосчастный разрыв между потребительной и меновой ценностью ключевым аспектом своей теории ценности. С точки зрения Рикардо железо дешевле золота потому, что затраты труда на добычу и производство золота больше, чем затраты труда на производство железа. Рикардо признавал, что полезность «определенно лежит в основе ценности», но это, очевидно, представляло для него лишь отдаленный интерес, так как «уровень полезности» ни в коем случае не может служить мерилем для определения ценности. Все это так, но Рикардо не видел абсурдности самой попытки найти такой измеритель. Другой его абсурдной идеей, как мы увидим ниже, было утверждение, что затраты труда предоставляют такую «истинную» и неизменную меру ценности. Как писал Сэй в своих примечаниях к французскому изданию «Начал политической экономии» Рикардо, «неизменная мера ценности есть чистая химера».

Смита, и в еще большей степени Рикардо подталкивала к их трудовой теории ценности сосредоточенность на долгосрочной «естественной» цене продуктов производства. Сэю же в его анализе очень помог его реалистический акцент на объяснении фактических рыночных цен.

Разумеется, издержки тесно связана с формированием цен факторов производства. Однако вопрос, с ответом на который сторонники теории издержек производства испытывали затруднения, состоял в том, откуда, в свою очередь, берутся *сами* эти издержки. Или они предписываются божественным откровением?

Одна из аномалий, касающихся рассуждений Сэя, заключается в том, что, будучи представителем субъективистской теории ценности, или теории полезности, он необъяснимым образом отвергал открытие Дженовези и Кондильяка, его собственного предшественника в движении идеологов, что люди обменивают одно на другое потому, что ценят то, что получают, больше того, что отдают, и поэтому обмен всегда выгоден обеим сторонам. Отрицая эту взаимовыгодность, Сэй во многом противоречит своей собственной позиции в отношении полезности.

В своем пренебрежительно отношении к Кондильяку Сэй не только ведет себя неблагородно, но и почти целенаправленно отказывается его понимать. Сначала, он заявляет, что Кондильяк «утверждает, будто товары, которые продавцом меньше ценятся меньше, чем покупателем, увеличиваются в ценности вследствие одного лишь акта перехода из рук в руки». Но Кондильяк настаивает, например, что «равная ценность действительно отдается за равную ценность», так что когда испанское вино покупается в Париже, «деньги, уплачиваемые покупателем, и получаемое им вино стоят одно другого» — на что мы могли бы спросить: *для кого?* Затем Сэй признает, что одно и то же вино стоит в Париже больше, чем стоило бы в Испании, где его произвели, но настаивает, что увеличение ценности вина не произошло «в момент передачи его потребителю, а имело причиной перевозку».

Однако Освальд Сент-Клэр резко возражает Сэю: «В реальности передача потребителю составляет суть данной транзакции; перевозка на большое расстояние играет вспомогательную роль по отношению к этой цели; изменение местоположение — это лишь средство достижения данной цели, и в нем не было бы необходимости, если бы потребители не были готовы купить то же самое количество и по той же цене, если бы могли найти этот товар на месте».

Сэй упрямо продолжает свои нападки на проницательное наблюдение Кондильяка: «Продавец не является профессиональным обманщиком, а покупатель — простаком, и когда Кондильяк говорит, что если бы обмениваемые ценности всегда были равны, то ни одна сторона ничего не выигрывала бы от обмена, его суждение не имеет никакого основания». Но на самом деле Кондильяк, разумеется, совершенно прав: зачем кому-то обменивать X на Y, если то и другое имеет одинаковую ценность?

Сент-Клэр с раздражением отвечает на это следующей прекрасной репликой:

Господи, ну как же эти экономисты умудряются так не понимать друг друга! Кондильяк вовсе не утверждает, что вино торговец жулик, а покупатель дурак; он не предполагает, что торговец грабит либо производителя, либо потребителя; его теория заключается в том, что полезность и ценность продукта увеличивается при переходе от производителя к потребителю и что обе стороны выигрывают от участия торговца, который делает возможным обмен. Для производителя

торговец — это тот, кто находит потребителя, а для потребителя он тот, кто находит товар; с помощью торговца как посредника в обмене производитель получает более выгодную цену за свою продукцию, а покупатель — большую ценность за свои деньги¹².

Одним из важнейших достижений Сэя было применение им теории полезности к теории распределения, по существу, приведшее к открытию теории формирования цен факторов производства и, соответственно, факторных доходов, на основе их производительности. Прежде всего, Сэй, в противоположность Смиту, указал на то, что *весь* труд, а не только тот, который воплощен в материальных объектах, «производительен». Более того, он блестяще продемонстрировал, что *все* услуги факторов производства, будь то земля, труд или капитал, нематериальны, хотя могут иметь своим результатом материальный продукт. Иными словами, в процессе производства факторы производства предоставляют нематериальные услуги. Процесс производства, как впервые четко указал Сэй, не является процессом «создания» материальных продуктов. Человек не может создавать материю, он может лишь преобразовывать ее в различные виды и формы, чтобы более полно удовлетворять свои потребности. Производство и есть этот самый процесс преобразования. С точки зрения такого преобразования всякий труд производителен, «так как он участвует в производстве продукта», или, говоря метафорически, в создании «полезностей». Если же труд, как это порой бывает, потрачен без какой-либо конечной выгоды, то его результатом является ошибка: «глупость или бесполезная трата труда со стороны человека, его приложившего». Одним из примеров непроизводительного труда является преступление, т.е. не только нерыночная, но и прямо антирыночная деятельность: в данном случае «хлопоты [усилия] направлены на отъем у другого человека имеющихся у него благ с помощью обмана или насилия... [это] вырождается в абсолютно криминальное деяние, результатом которого становится не производство чего-либо, а насильственное перераспределение богатства от одного индивида к другому».

Ж.-Б. Сэй также впервые ясно сформулировал идею неограниченности потребностей. Он пишет: «Не существует такого объекта, приносящего удовольствие или полезность, благодаря которому желание как таковое могло бы перестать быть неограниченным, так как каждый всегда готов принять то, что может увеличить его выгоду или удовлетворение». Сэй отвергает позицию британского меркантилиста сэра Джеймса Стюарта, предвосхищавшую позднейшие идеи Дж. К. Гэлбрейта, превозносившую аскетическое подавление желаний в качестве решения проблемы опережающего роста желаний по отношению к производству. Он осыпал эту доктрину справедливыми насмешками: «Согласно этому принципу верхом совершенства было бы не производить вообще ничего и не иметь никаких желаний, т.е. чтобы человечество прекратило свое существование».

К сожалению, далее Сэй попадает в ту же самую гэлбрейтианскую ловушку, критикуя роскошь, показное потребление и утверждая, что «реальные» потребности более важны для общества, чем «искусственные». Однако он спешит добавить, что государственное вмешательство не является подходящим способом достижения подлинного изобилия.

В том, что касается формирования ценности, или цен, услуг факторов (или, как он их называет, «агентов») производства, Сэй принимает протоавстрийский подход, что резко отличает его от традиции Смита—Рикардо. Поскольку ценность объекта создается субъективным человеческим желанием, которое отражает полезность этого объекта, факторы производства получают ценность благодаря «способности создавать полезность, из которой проистекает это желание». Рикардо, пишет Сэй, полагает, «что ценность продуктов основана на ценности действия производительных агентов», т.е. что ценность продуктов определяется ценностью факторов производства, или издержками производства. Сэй же, напротив, объявляет: «Текущая ценность производственного усилия основана на ценности бесчисленного множества продуктов, сравниваемых один с другим... Эта ценность пропорциональна важности их взаимодействия в деле производства...» В противоположность потребительским благам, указывает он, спрос на факторы производства порождается не непосредственным удовлетворением, а «ценностью продукта, который можно с их помощью получить, а она, в свою очередь, имеет источником полезность этого продукта, или удовлетворение, которое тот может принести». Иными словами, ценность факторов определяется ценностью их продуктов, которая, в свою очередь, проистекает из потребительских оценок и запросов. Цепочка причинно-следственных связей, с точки зрения Сэя, как и впоследствии австрийцев, ведет от потребительских оценок к ценам потребительских благ, а уже от последних к ценам факторов производства (т.е. издержкам производства). В отличие от этого смитовская, и в особенности рикардианская причинно-следственная цепочка ведет от издержек производства, главным образом затрат труда, к ценам потребительских благ. Говоря о «пропорциональной» ценности каждого фактора, Сэй снова вплотную подходит к теории предельной производительности, объясняющей вменение потребительских оценок факторам производства, и к анализу переменных пропорций. Но не доходит до этого.

Сэй не ограничивается общим, пусть и новаторским анализом формирования цен факторов производства. Он, по сути дела, создает знаменитую «триаду» классической экономической теории: земля (или «естественные агенты»), труд (или, по Сэю, «прилежание») и капитал. Труд обрабатывает или применяет «естественные агенты» для создания капитала, который затем используется для преумножения производительности во взаимодействии с землей и трудом. Хотя капитал создается прежним трудом, получив существование, он используется трудом для увеличения объема производства. Если существуют классы факторов

производства, то нет ничего проще, чем попасть в интеллектуальную ловушку, начав утверждать, что каждый класс получает тот вид дохода, который приписывается ему обыденной речью: то есть труд получает заработную плату, земля — ренту, а капитал — процент. Разве не это диктуется здравым смыслом? Хотя эта поверхностная очевидность оказалась полезной при первой попытке (если не считать забытого Тюрго) вытащить теорию производства из той неразберихи, в которую ее вверг Адам Смит, платой за это стало серьезное заблуждение, которое так и не было разъяснено вплоть до прихода австрийской школы. Эти три жестко разделенные категории начали рассыпаться уже у самого Сэя, когда он сделал любопытное наблюдение, что работники «одалживают» свои услуги владельцам капитала и земли, зарабатывая таким образом свою плату, землевладельцы «одалживают» свою землю капиталу и труду, зарабатывая таким образом ренту, а капиталисты «одалживают» свой капитал, чтобы получить процент. Чем же именно эти платежи отличаются друг от друга? В чем разница между рентой как ценой «ссуды» и процентом как цены «ссуды»? И чем же заработная плата отличается от процента и ренты? На самом деле путаница еще больше, так как работники и землевладельцы не «одалживают» свои услуги; они не являются кредиторами. Напротив, в более глубоком смысле капиталисты одалживают деньги *им*, выплачивая им доход авансом, до того, как продукция будет продана потребителям; поэтому работники и землевладельцы являются «должниками» по отношению к капиталистам и платят *тем* естественную ставку процента. Наконец, как впоследствии указал Бём-Баверк, эта классическая триада основывается на фундаментальном смешении понятий «капитал» и «капитальные блага». Капитал как фонд сбережений, или ссудных средств, может приносить процент: но капитальные блага — которые представляют собой реальные, физически существующие факторы производства, а не денежные фонды — *не* приносят процента. Как и все прочие факторы производства, капитальные блага приносят своим владельцам цену — цену за единицу времени оказываемых ими услуг. Если угодно, все факторы — капитальные блага, земля и труд — приносят владельцам такие цены, которые можно назвать «рентой», т.е. цены «аренды» того или иного блага в единицу времени. Каждая такая цена определяется производительности соответствующего фактора. Но откуда же тогда берется процент на капитальные фонды?

Итак, пытаясь решить проблему процента, Сэй подверг критике Смита и его последователей за то, что они сосредоточили внимание на труде как единственном факторе производства и пренебрегли ролью капитала, участвующего в производстве совместно с трудом. Парируя ответный выпад последователей Смита и Рикардо (который впоследствии примут на вооружение Маркс и марксисты), что капитал есть просто-напросто аккумулялированный труд, Сэй отвечает: да, это так, но после того, как капитал создан, его услуги существуют здесь и теперь, они продолжают оказываться и должны оплачиваться. Хотя на некотором уровне этот

ответ можно признать удовлетворительным, он все же не отвечает на вопрос, откуда берется чистый доход, приносимый капитальными фондами — доход, который Тюрго, а затем австрийцы объяснили как цену временного предпочтения, т.е., другими словами, следствие того факта, что капитал представляет собой не только аккумулированный труд, но и «аккумулированное время».

Несмотря на то что Сэй так и не решил проблему процента, он провел великолепный анализ капитала, понимаемого как капитальные блага, и его ключевой роли в производстве и увеличении экономического богатства. Люди, отмечал он, преобразуют естественные агенты в капитал для того, чтобы и дальше преобразовывать природу в конечные потребительские блага. Чем больше люди создают капитальных благ — инструментов и машин, — тем больше они могут ставить природу себе на службу и делать свой труд более производительным. Чем больше машин, тем выше производительность труда и тем ниже издержки производства. Такое наращивание капитала особенно выгодно массам потребителей, так как конкуренция ведет к снижению не только издержек производства, но и цен на продукцию. Кроме того, более широкое применение машин позволяет повысить и качество производимой продукции, а также создавать новые ее виды, которые были бы недоступны в условиях ремесленного производства. Огромный рост объемов производства и уровня жизни высвобождает человеческую энергию, которая теперь может направляться не только на обеспечение простого выживания, но и на культивирование искусств, хотя бы даже самых легкомысленных, и, что важнее всего, на «развитие умственных способностей».

В анализе разделения труда и в подчеркивании того, что степень этого разделения ограничивается размерами рынков, Сэй следует Смиту. Но его рассуждения намного более последовательны и логичны. Прежде всего, он демонстрирует, что углубление разделения труда требует большого количества капитала, поэтому критически важным является инвестирование в капитал, а не разделение как таковое. Он также указывает, в отличие от Смита, что главная специализация труда происходит не просто *внутри* предприятия (как в знаменитом примере булавочной фабрики из первой главы книги Смита), а пронизывает всю экономику и формирует основу всего обмена между производителями.

Сэй также показывает, что сущность инвестирования капитала состоит в *авансировании* денежных платежей за факторы производства, причем возмещение этих авансов осуществляется впоследствии потребителями. Поэтому «капитал, задействованный в производственной деятельности, всегда является просто-напросто авансом, которым оплачиваются производственные услуги, и он возмещается за счет ценности созданного ими продукта». Здесь он ухватил суть австрийского понимания капитала как процесса, разворачивающегося во времени, который включает в себя авансовую оплату произведенного. Сэй также предвосхитил австрийское понятие «стадий производства». Он отмечал, что на каждой

стадии капиталист, вместо того чтобы в течение продолжительного времени ждать возмещения от потребителя, покупает продукцию предыдущей стадии производства и тем самым возмещает затраты множества занятых на ней капиталистов. Сэй просто и ясно излагает эту идею:

Шахтер извлекает руду из недр земли; металлург платит ему за нее. На этом заканчивается участие шахтера в производстве, и оно оплачивается авансом из капитала металлурга. Последний затем выплавляет из руды чугун, очищает его и производит сталь, которую продает ножовщику; таким образом оплачивается его производственная деятельность, и выплаченный им ранее аванс возмещается вторым авансом, воплощенным в цене стали, уже со стороны ножовщика. Затем ножовщик перерабатывает сталь в бритвенные лезвия, цена которых возмещает авансированный им капитал и одновременно оплачивает его производственные услуги.

В более общем случае:

Каждый очередной производитель авансирует предшественнику текущую ценность продукта, включая уже затраченный на него труд. В свою очередь, последователь этого производителя возмещает ему авансированные средства с прибавлением той ценности, которую продукт мог получить, пройдя через его руки. Наконец, последний производитель, который обычно является розничным продавцом, получает от потребителя компенсацию за суммарную величину всех этих авансов *плюс* плату за заключительную операцию, которую он произвел над данным продуктом.

В конечном счете деньги, уплаченные потребителями за конечный продукт, такой как бритвенные лезвия, компенсируют капиталистам все предшествующие авансы за различные услуги факторов производства.

Переходя к заработной плате и рынку труда, Сэй отмечает, что ставки заработной платы будут наивысшими по сравнению с ценой капитала и земли тогда, когда труд является самым редким по сравнению с двумя другими факторами производства. Это будет иметь место в тех случаях, когда земля имеется практически в неограниченном количестве и/или изобилие капитала создает большой спрос на труд. Кроме того, ставки заработной платы будут пропорциональны опасности, тяжести и неприятности работы, нерегулярности занятости, продолжительности обучения, а также уровню умения или таланта. «Каждая из этих причин, — пишет Сэй, — создает тенденцию к сокращению количества труда в обращении в соответствующей отрасли и, вследствие этого, к изменению ставки заработной платы в ней». Признавая различия в природной ода-ренности, Сэй ушел далеко вперед от эгалитаризма Адама Смита и неоклассической экономической теории, возникшей гораздо позже Смита.

В долгосрочном плане капитал обеспечивает одинаковую доходность во всех отраслях и фирмах; но это утверждение истинно лишь на боль-

ших отрезках времени хотя бы из-за неизбежно ограниченной мобильности земли, труда и капитала. С точки зрения Сэя, «прибыль», или процент, на капитал проистекает из производственных услуг последнего, — здесь снова проявляется фундаментальное смещение понятий капитала как фонда, который приносит процент, и капитальных благ, которые являются факторами производства, за которые платится цена и которые приносят доход благодаря своей производительности. Но несмотря на эту принципиальную ошибку, Сэй высказывает много тонких соображений по поводу процента. Например, он был, вероятно, первым экономистом, продемонстрировавшим, что премия за риск прибавляется к базовой процентной ставке, так что менее надежные должники платят более высокий процент. Риск, указывал он, зависит от ожидаемой сохранности инвестиций, личной репутации и характера заемщика, исполнения им своих долговых обязательств в прошлом и от способности и готовности правительства страны должника обеспечить при необходимости принудительный возврат долга. Кроме того, Сэй сформулировал теорию прибыли как результата инноваций: поскольку новые методы применения капитала связаны с большей неопределенностью, для них характерен особенно высокий уровень риска, и поэтому они, как правило, будут более прибыльными. Таким образом, прибыли от инноваций связаны с категорией риска.

Сэй также утверждал, что процентные ставки на кредитном рынке определяются спросом на капитал (которому они прямо пропорциональны) и предложению капитала (обратно пропорциональная зависимость). Будучи сторонником свободного кредитного рынка — «ростовщичество» морально не более предосудительно, чем арендная и заработная плата, — он также продемонстрировал, что представление, будто количество денег может уменьшать или увеличивать процентную ставку, является заблуждением. Сэй проницательно указал на то, что «говорить о проценте на деньги — неверное словоупотребление»; на самом деле процент приносят сбережения, а не деньги, и ссуды могут выдаваться (и выдаются на практике) натурой, а не только деньгами. Он пишет: «Изобилие или редкость денег или из их заместителей... не больше влияет на ставку процента, чем изобилие или редкость корицы, пшеницы или шелка».

1.6. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ

В то время как Адам Смит изгнал из экономической теории само существование предпринимателя, Ж.-Б. Сэй, в чем состоит его непреходящая заслуга, вернул его обратно. Конечно, это не было возвращение того положения, которое было у предпринимателя во времена Кантильона и Тюрго, но он продолжал после этого пунктирно и «подпольно» присутствовать в континентальной экономической мысли, хотя полностью отсутствовал в доминирующем мейнстриме британской классической школы.

Акцент на реальном мире вместо долгосрочного равновесия практически вынуждал вернуться к изучению предпринимателя. С точки зрения Сэя, предприниматель, главный элемент экономической системы, берет на себя ответственность за свою фирму, управление ею и связанный с этим риск. Он почти всегда владеет частью капитала фирмы. Сэю хорошо был известен тот факт, что доминирующий в экономике тип предпринимателя и человека, берущего на себя риск, — это человек, одновременно являющийся капиталистом, собственником капитала. Владелец капитала, земли или личных услуг отдает соответствующие услуги в наем «арендатору», или предпринимателю. За свои фиксированные платежи владельцам этих факторов производства предприниматель берет на себя спекулятивный риск получения прибыли или несения убытков. «Это своего рода спекулятивная сделка, в которой арендатор берет на себя риск получения прибыли или несения убытка в зависимости от того, окажется ли валовой доход, который ему удастся выручить, или продукт, который будет произведен с помощью переданных ему действующих факторов, больше или меньше арендных или рентных платежей, которые ему придется заплатить».

Предприниматель, добавляет Сэй, действует подобно посреднику между продавцами и покупателями, применяя факторы производства пропорционально спросу на различные продукты. Спрос же на продукты, в свою очередь, пропорционален их полезностям и количеству других продуктов, на них обменивающихся. Предприниматель постоянно сравнивает цены реализации продуктов с издержками их производства: если он решает произвести больше, то его спрос на факторы производства вырастет.

Часть прибыли, достающейся капиталисту-предпринимателю, представляет собой стандартную доходность капитала. Но кроме этого, заявил Сэй, существует часть дохода, соответствующая «особому характеру» предпринимателя. Последний управляет бизнесом, но его роль еще шире: он должен обладать способностью к здравому суждению, терпением, а также «знанием окружающего мира и знанием бизнеса», так как он применяет знание к процессу производства потребительских благ. Ему необходимо нанимать работников, закупать сырье и материалы, поддерживать затраты на низком уровне и находить потребителей для своей продукции. Но прежде всего ему необходимо *предварительно оценить* важность данного вида продукции, вероятный спрос на нее и доступность соответствующих средств производства. И наконец, он «должен хорошо уметь проводить расчеты для сопоставления издержек производства с вероятной ценностью конечного продукта, которую он будет иметь на рынке». Те, кто не обладает этими качествами, не добьются успеха в качестве предпринимателей, будут терпеть убытки и обанкротятся; останутся только те, которые будут умелыми и успешными, т.е. смогут получать прибыль.

Сэй критиковал Смита и его последователей за то, что они не различали категории предпринимательской прибыли и прибыли на капитал,

которые в прибылях, получаемых реальными предпринимателями, слиты воедино.

Сэй также высоко оценивал предпринимательство как движущую силу размещения ресурсов и адаптации, происходящих в рыночной экономике. Он дает общую характеристику этих аспектов функционирования рынка, утверждая, что желания потребителей определяют, какие именно товары и услуги будут произведены: «Продукт, которого желают больше всего, пользуется наибольшим спросом; а то, что пользуется наибольшим спросом, приносит наибольшую прибыль труду, капиталу и земле, которые поэтому направляются на дополнительное производство этого предпочитаемого продукта; и наоборот, когда спрос на продукт уменьшается, его производство приносит меньше прибыли; поэтому он перестает производиться».

Такие проникательные исследователи, как Шумпетер и Эбер, критиковали Сэя за то, что он рассматривал предпринимателя как статического менеджера и организатора, а не как динамическую фигуру, принимающую на себя риск и неопределенность. Мы не можем согласиться с этой точкой зрения. Представляется, что он, наоборот, прямо следовал традиции Кантильона и Тюрга, трактуя предпринимателя как прогнози-ста и человека, берущего на себя риск.

Из этого анализа капитала, предпринимательства и рынка Ж.-Б. Сэй приходит к *laissez faire*: «Только сами производители являются компетентными судьями в том, что касается преобразования, экспорта и импорта всех эти разнообразных материалов и товаров; и всякое правительство, которое в это вмешивается, всякая система, созданная с расчетом повлиять на производство, может лишь навредить».

1.7. ЗАКОН РЫНКОВ СЭЯ

Хотя мейнстрим экономической теории и истории экономической мысли почти полностью игнорируют Ж.-Б. Сэя, это не относится к одному относительно малозначимому аспекту его идей, получившему название «закон рынков Сэя». Единственным пунктом, который выудили из его доктрины активные и агрессивные британские рикардянцы, был этот закон. Джеймс Милль, «Ленин» рикардянского движения (см. ниже), высоко оценил его в своей книге «В защиту коммерции» (*Commerce Defended*, 1808), а Рикардо усвоил этот закон от своего учителя и первооткрывателя¹³.

Закон Сэя прост и почти тривиален и самоочевиден, поэтому трудно не прийти к заключению, что он смог поднять одну за другой несколько бурь лишь потому, что из него вытекали очевидные политические выводы и последствия. По существу, закон Сэя представляет собой жесткий и адекватный ответ всевозможным экономическим невеждам, а также своекорыстным людям, которые во время каждой рецессии или кризиса начинают жаловаться на ужасную проблему общего «перепроизводства»

или, говоря языком, принятым во времена Сэя, «общего затоваривания» рынка. «Перепроизводство» означает превышение производства над потреблением — т.е. производство в целом слишком велико по сравнению с потреблением, и поэтому продукты не могут быть проданы на рынке. Если объемы производства слишком велики по отношению к потреблению, то, очевидно, эта проблема относится к тому типу, которые сегодня принято называть «провалы рынка», — несовершенства, которые должны быть компенсированы вмешательством государства. Вмешательство в данном случае должно принять одну из двух форм (либо сочетать обе): сокращение производства либо искусственное стимулирование потребления. Американский Новый курс в 1930-х гг. применял и то и другое, не достигнув успеха в разрешении предполагаемой проблемы. Производство может быть сокращено если государство, как это было в случае Нового курса, будет организовывать бизнес в принудительные картели чтобы заставить его сократить объемы выпуска продукции.

Но самой излюбленной программой интервенционистов уже давно стало стимулирование потребительского спроса. Обычно для этого правительство и центральный банк раздувают денежную массу; другим способом, который применяется вместе с первым или вместо него, является сведение государственного бюджета с большим дефицитом, когда правительственные расходы выступают суррогатом потребления. Бюджетный дефицит действительно выглядит как идеальное средство для сторонников идеи перепроизводства/недопотребления. Ибо если проблема заключается в излишнем производстве и/или недостаточных потребительских расходах, то решением будет стимулирование как можно большего непроизводительного потребления, а кто с этим может справиться лучше, чем государство, которое по самой своей природе непроизводительно и даже мешает производству?

Сэй, естественно, с ужасом воспринимал такие рассуждения и рецепты¹⁴. Прежде всего, указывал он, желания человека неограниченны и будут оставаться таковыми до тех пор, пока мы не достигнем подлинного всеобщего сверхизобилия — мира, в котором цены всех благ и услуг снизятся до нуля. Но в этом состоянии не будет проблемы нахождения потребительского спроса, более того, вообще не будет никаких экономических проблем. Не будет необходимости заниматься производством, работать, заботиться о накоплении капитала — и все мы окажемся в Эдемском саду.

Таким образом, Сэй постулирует ситуацию, в которой все издержки производства наконец-то сведены к нулю: «В этом случае, очевидно, больше не может быть земельной ренты, процента на капитал и заработной платы, а следовательно, у производительных классов уже не будет никаких доходов». Что же тогда произойдет?

Значит, скажу я, что эти классы прекратят свое существование. Всякий объект человеческого желания будет находиться в такой же ситуа-

ции, как воздух или вода, которые потребляются без необходимости быть произведенными и купленными. Подобно тому как каждый человек достаточно богат, чтобы обеспечить себя воздухом, он будет в состоянии обеспечить себя любым мыслимым продуктом. Это будет подлинная вершина богатства. Политическая экономия перестанет быть наукой; у нас не будет повода, чтобы учиться способам приобретения богатства, ибо оно будет доступно для нас в готовом виде, достаточно будет лишь протянуть руку.

Но поскольку вне Эдемского сада произведенного всегда будет не хватать для удовлетворения всех человеческих желаний, нет нужды беспокоиться о недостаточном потреблении. Проблема, ограничивающая богатство и уровень жизни, заключается в недостаточном производстве. На рынке, указывает Сэй, производители обменивают свои продукты на деньги, чтобы купить на них продукты других производителей. В этом сущность экономики обмена, т.е. рыночной экономики. Поэтому предложение одного блага представляет собой, в сущности, спрос на другие блага. Потребительский спрос есть не что иное, как воплощение предложения других продуктов, собственники которых стремятся купить потребительские продукты, о которых идет речь. Гораздо лучше, если спрос возникает из предложения других продуктов, как это происходит на свободном рынке, чем если государство стимулирует потребительский спрос без соответствующего производства.

Стимулирование потребления государством само по себе «не приносит выгоды коммерции, так как трудность лежит в предоставлении средств, а не в стимулировании желания потреблять; но, как мы видели, лишь производство доставляет средства». Поскольку подлинный спрос порождается только предложением продуктов, а государство непроизводительно, из этого вытекает, что государственные расходы на самом деле не могут увеличить спрос:

Ценность, будучи созданной, не увеличивается... из-за того, что она изъята и потрачена государством, вместо того чтобы быть потраченной индивидом. Человек, живущий за счет производительной деятельности других людей, не создает спроса на продукты этой деятельности, он лишь ставит себя на место производителя, нанося тем самым огромный вред производству...

Но если не может быть общего перепроизводства, кроме как в Эдемском саду, то почему бизнесмены и сторонние наблюдатели так часто жалуются на общее затоваривание? С одной стороны, избыток одного или нескольких товаров просто-напросто означает, что произведено *слишком мало других* товаров, на которые те можно было бы обменивать. Но, с другой стороны, раз мы знаем, что увеличившееся предложение какого-либо продукта ведет к снижению его цены, то если образовался непроданный избыток одного или нескольких товаров, то соответствующие цены должны упасть, тем самым стимулируя спрос до тех пор, пока

не будет куплено все произведенное количество. На свободном рынке не может быть проблемы «перепроизводства» или «недопотребления», так как цены всегда могут снизиться до того уровня, при котором рынки очищаются от товаров. Хотя Сэй не всегда излагал суть дела именно в таких терминах, тем не менее он достаточно ясно ее понимал, что особенно хорошо видно в его полемике с Томасом Мальтусом по поводу закона рынков в «Письмах к Мальтусу». Те, кто жалуется на перепроизводство или недопотребление, редко обсуждают проблему в терминах цен, однако эти понятия совершенно бессмысленны, если игнорируется система цен. Вопрос всегда должен ставиться так: производство или продажи *по какой цене*? Спрос или потребление *по какой цене*? Если цены свободны и могут снижаться до уровня, очищающего рынок и ликвидирующего излишек, то действительно непроданный остаток, или затоваривание, не может возникнуть никогда, идет ли речь об избытке отдельного товара или об общем избытке в экономике.

Более того, пишет Сэй в «Письмах к Мальтусу», «если количество, отправленное на рынок, хотя бы немного превосходит потребности, то этого достаточно для того, чтобы цена существенно изменилась». Именно это явление, которое мы сегодня назвали бы «эластичностью», и порождаемые им резкие скачки цен, по его мнению, приводит к тому, что многие люди по ошибке принимают «небольшой избыток» предложения за «чрезмерное изобилие».

Если принимать во внимание систему цен, то это приводит к серьезным выводам в отношении экономической политики. Ее наличие означает, что для решения проблемы затоваривания, будь то на отдельном рынке или в экономике в целом, не нужно, чтобы государство тратило или создавало деньги; нужно дать возможность ценам снизиться до уровня, при котором рынок отчистится от излишков.

В «Письмах к Мальтусу» Сэй предлагает рассмотреть следующий пример. Произведено сто мешков пшеницы, которые обменены на 100 отрезов сукна (или проданы за деньги, на которые потом куплена ткань). Предположим, что производительность и объемы производства в обеих отраслях удвоились, и теперь 200 мешков пшеницы обмениваются на 200 отрезов сукна. Каким образом сверхизобилие, или перепроизводство, повлияет на каждый из этих товаров (или на оба вместе)? И если при производстве 100 единиц каждого продукта производители получали 30 франков прибыли, то почему не может оказаться так, что при увеличившихся объемах производства и соответствующем падении цен обоих товаров оба производителя *по-прежнему* будут получать те же 30 франков прибыли? И как может возникнуть общее затоваривание? Однако Мальтус был вынужден настаивать, что часть дополнительно произведенной ткани не найдет своих покупателей.

Далее Сэй отмечает, что Мальтус в некотором смысле согласился с тем, что в результате увеличения производства цены снижаются, после чего отступил на следующую линию обороны, утверждая, что «цена

на продукцию упадет до столь низкого уровня, что не сможет покрыть затраты на оплату труда, необходимые для ее производства». Здесь мы подходим к самой сути жалобы на перепроизводство/недопотребление — надо лишь пробиться сквозь их туманные агрегированные понятия и действительное или мнимое игнорирование того факта, что снижение цены на любой продукт всегда может очистить рынок от излишка.

В своем ответе Сэй замечает, что Мальтус, приняв трудовую теорию ценности, к сожалению, не учитывает, что кроме оплаты труда в состав издержек производства входит плата за производственные услуги земли и капитала. Так что будем считать, что возражение состоит в том, что цены продажи готовой продукции станут ниже издержек производства.

Но откуда берутся эти «издержки»? Чем они определяются? Хотя Рикардо занял сторону Сэя в вопросе о перепроизводстве, британскому последователю Смита и Рикардо (такому как Мальтус) было легко попасть в эту ловушку и принять допущение, что издержки некоторым образом фиксированы и неизменны. Сэй, который, как мы увидим ниже, считал, что издержки определяются ценами на готовую продукцию, а не наоборот, с неизбежностью пришел к гораздо более ясной и точной общей картине. Возвращаясь к своему примеру, он указал, что если производители пшеницы и сукна удваивают производство с использованием тех же самых производственных услуг, то это означает, что не только цены этих двух товаров упадут, но и факторная производительность вырастет в обеих отраслях. Увеличение факторной производительности означает сокращение издержек производства. Но из этого следует, что увеличение объема выпуска ведет не только к снижению цены, но *одновременно* и к снижению издержек производства, так что при падении цен нет оснований ожидать серьезных убытков и даже сокращения прибыли.

По-видимому, продолжает Сэй, Мальтус беспокоится по поводу того, что цены производственных услуг останутся высокими, и поэтому издержки производства при росте его объемов сохранятся на слишком высоком уровне. И здесь Сэй формулирует блестящую и глубокую мысль: у того, что цены факторов производства останутся высокими, должна быть *какая-то причина*; не существует никакой предопределенности, согласно которой они должны оставаться высокими. Но сама по себе высокая заработная плата или рента как раз и свидетельствуют, что «имеет место то, что мы хотим обнаружить, а именно что существует некоторый способ применить их [труд и землю] так, чтобы произведенной продукции было достаточно, чтобы окупить эти издержки». Иными словами, если цены факторов производства высоки, то это значит, что их подталкивают вверх к этому уровню альтернативные возможности применения этих факторов. Если затраты на эти факторы серьезно подрывают или полностью уничтожают прибыль фирмы или отрасли, то это потому, что данные факторы более производительны в другом месте, и высокие цены на них отражают этот важнейший факт.

Рассуждения Сэя поразительно похожи на современный ответ сторонников свободы внешней торговли на аргумент о «дешевом труде», приводимый в пользу протекционистских пошлин. Причина относительной *дороговизны* труда, например в США (или любой другой промышленно развитой стране), заключается в том, что *другие американские* отрасли подталкивают вверх цену труда (и соответствующие издержки производства). Следовательно, эти другие отрасли более эффективны, чем та, которая страдает от иностранной конкуренции, и поэтому последней следует сократить или вообще прекратить производство, чтобы позволить высвободившимся ресурсам перейти в более эффективные и производительные отрасли.

В более частных, но все же важных областях Ж.-Б. Сэй дает некоторые красивые и убедительные примеры аргументации *reductio ad absurdum*. Так, в связи с темой затоваривания и относительной важности спроса по сравнению с предложением он задается вопросом: что произошло бы, если бы в начале XVII в. торговец привез на современном корабле типичную для настоящего времени партию товара в то место, где сейчас находится город Нью-Йорк? Очевидно, что он не смог бы продать весь свой товар. Почему? Какова причина этого затоваривания? Ответ: в то время и в том месте никто не производил достаточного количества других товаров, чтобы можно было их обменять на такую партию. А почему торговец сегодня уверен, что его груз будет продан в Нью-Йорке? Потому, что теперь в этом городе и его окрестностях достаточно производителей, чтобы производить и импортировать товары, «благодаря чему они могут приобретать то, что предлагают им другие».

Было бы нелепостью утверждать, что проблема с реализацией партии товаров в XVII в. связана с тем, что в то время и в том месте было *слишком много* производителей и *слишком мало* потребителей. Сэй добавляет, что «реальными потребителями являются только те, кто, в свою очередь, занимаются производством, так как только они могут купить продукцию других, [в то время как]... непродовольственные потребители не могут купить ничего, кроме как в обмен на те обладающие ценностью средства, которые были созданы производителями». «Способность производить — это то, что отличает страну от пустыни», — афористично завершает он свое рассуждение.

Еще одно яркое сведение к абсурду, тоже содержащееся в его «Письмах к Мальтусу», является составной частью его защиты машин и инноваций от обвинений в перепроизводстве. Мальтус, отмечает Сэй, соглашается с тем, что машины благотворны в том случае, если объемы производства продукта увеличиваются настолько, что растет и занятость в данной сфере. Однако, продолжает он, новые машины приносят пользу и в предположительно наихудшем случае, когда производство конкретного блага не увеличивается, и работников увольняют. Прежде всего, в последнем случае, как и в первом, увеличивается производительность, цены на продукцию снижаются и уровень жизни растет. Кроме того,

начинает Сэй сведение, орудия и инструменты жизненно важны для человечества. Предлагать, как это делает Мальтус, ввести ограничения на применение новых машин означает неявно утверждать, что «нам следует последовательно отказаться от всех уже произведенных открытий и сделать наши ремесла более несовершенными (разворачивая назад движение цивилизации вместо ее продвижения вперед), чтобы тем самым приумножить наш труд за счет уменьшения наших удовольствий».

Что же касается работников, теряющих занятость в результате внедрения новых машин, Сэй пишет, что они могут перейти — и на самом деле перейдут — в другие сферы деятельности. В конце концов, едко добавляет он, работодатель, устанавливающий новое оборудование, «не заставляет их [рабочих] оставаться безработными, он лишь вынуждает их искать другое занятие». А поскольку благодаря новым машинам и дополнительной продукции доходы в обществе вырастут, для этих работников откроется множество новых возможностей для занятости.

Вторая Тюрго, он не согласен с озабоченностью Мальтуса и Сисмонди по поводу того, что сбережения приводят к уменьшению столь необходимых расходов, указывая, что сбережения не остаются неизрасходованными, — они лишь тратятся на производственные (или воспроизводственные) факторы вместо потребления. Сбережения не только не вредят потреблению — они инвестируются и тем самым увеличивают будущие потребительские расходы. Поэтому исторически сбережения и потребление росли вместе. И подобно тому как не существует объективного верхнего предела потреблению, не существует предела инвестициям и накоплению капитала. «Созданная ранее продукция открывает путь для новой продукции, и это верно независимо от того, израсходована ли ценность» на потребление или на увеличение сбережений.

Согласившись с тем, что иногда сбережения могут быть тезаврированы (сохраняться в виде наличных денег), Сэй высказывает соображения, которые нельзя признать удовлетворительными. Он справедливо указывает, что отложенные деньги когда-нибудь будут потрачены либо на потребление, либо на инвестирование, поскольку именно для этого, собственно, и существуют деньги. Однако он признает, что тоже порицает тезаврацию. Тем не менее, как замечал еще Тюрго, увеличение денежных остатков вследствие тезаврации, приводящее к уменьшению расходов, будет иметь те же последствия, что и «перепроизводство» при слишком высоких ценах: сокращение спроса приведет к общему снижению цен, реальные кассовые остатки вырастут, и все рынки снова расчистятся. К сожалению, Сэй не понял этого момента¹⁵.

Однако он снова становится убедительным и неумолимым, когда обращается к критике идеи Мальтуса о важности государственной поддержки непроизводительного потребления, т.е. доходов и потребительских расходов правительственных чиновников, солдат и государственных пенсионеров. Сэй утверждает, что эти люди живут за счет чужого производства, в то время как производительные потребители вносят

вклад в предложение благ и услуг. Он сардонически замечает: «Я не могу представить себе, чтобы те, кто платит налоги, оказались бы в затруднении по поводу того, что делать с их деньгами если бы сборщик налогов не пришел им на помощь; либо их потребности удовлетворялись бы более полно, либо они применили бы эти деньги так, чтобы приумножить их».

В отличие от своих оппонентов, хотевших, чтобы государство стимулировало потребительский спрос, Сэй был убежден, что проблема перепроизводства, как и проблема бедности в общем случае, может быть разрешена через увеличение производства. Поэтому он во многих местах резко высказывается против чрезмерного налогообложения, которое ведет к увеличению издержек и цен товаров и тем самым подрывает производство и экономический рост. По существу, Ж.-Б. Сэй противопоставляет этактистским инициативам сторонников теории недопотребления, таким как Мальтус и Сисмонди, собственную активистскую и, по сути, либеральную программу, состоящую в сокращении налогов.

Аргументы против налогов и критику мальтусовского пристрастия к государственным расходам Сэй сформулировал в яростной атаке против позиции Мальтуса в отношении государственного долга. Он отмечает, что Мальтус, «будучи по-прежнему убежден, что существуют классы, которые оказывают услугу обществу лишь потребляя и ничего не производя, счел бы большим несчастьем, если бы весь английский государственный долг (или бóльшая его часть) был бы выплачен». Напротив, возражает Сэй, такое событие было бы чрезвычайно благотворно для Англии. Ибо его результатом стало бы то, что

держатели ценных бумаг [государственных облигаций], которым долг был бы возвращен, получили бы доход на свой капитал. Те, кто платит налоги, сами могли бы потратить 40 млн фунтов, которые они сегодня выплачивают кредиторам государства. При уменьшении налогов на 40 млн все виды производства стали бы дешевле, и потребление существенно возросло бы; это дало бы трудящимся работу вместо сабельных ударов, которые они получают сейчас; и признаюсь, эти последствия не кажутся мне такими, чтобы вызывать ужас поборников общественного благосостояния.

1.8. РЕЦЕССИИ И БУРЯ ВОКРУГ ЗАКОНА СЭЯ

Мы подходим к последнему, чрезвычайно важному вопросу, касающемуся закона Сэя. Почему буря по поводу закона Сэя наблюдается лишь в виде двух больших кластеров на оси исторического времени? Ведь периоды, в которые вокруг этого закона бушевал вихрь полемики, были отнюдь случайными. Ж.-Б. Сэй сформулировал закон в 1803 г., Джеймс Милль принес его в Великобританию в 1808 г., сделав его сторонниками Рикардо и его последователей. Но почему в течение довольно долгого времени он не вызывал особых споров? Первая буря разразилась, ког-

да французско-швейцарский экономист Жан Шарль Леонард Симонд де Сисмонди (1773—1842) опубликовал «Новые начала политической экономии» («Nouveaux principes d'économie politique»). В следующем году после книги Сисмонди вышел труд Томаса Мальтуса (1766—1834) «Начала политической экономии» («Principles of Political Economy»). Удивительно то, что оба эти человека на протяжении двух десятилетий были ревностными последователями Смита; почему же они опубликовали свои еретические теории недопотребления практически одновременно?

Когда-то давно аристократическая флорентийская семья Сисмонди поселилась во Франции, но в период гонений <на гугенотов> была вынуждена перебраться в Женеву, средоточие кальвинизма. Сисмонди родился в Женеве в семье кальвинистского церковнослужителя. Когда радикальное влияние Французской революции достигло Женевы, семья Сисмонди переселилась в Лондон, где юноша получил шанс изучить английскую деловую жизнь и принять в ней участие.

В конце 1790-х гг. Сисмонди поселился в Тоскане в качестве фермера и в 1801 г. опубликовал физиократический трактат о тосканском сельском хозяйстве. Вскоре после этого он сделался ярким приверженцем Адама Смита и опубликовал в Женеве двухтомный труд «О торговом богатстве» («De la richesse commerciale»), выдержанную в духе учения Смита, — это произошло в том же самом году (1803), когда вышел знаменитый «Трактат» Сэя. В то время как последний взлетел на вершину славы и влияния, работа Сисмонди была проигнорирована и осталась совершенно не известной за пределами Франции. Возможно, чувство обиды за такую ее судьбу сыграла роль в радикальной смене взглядов, нашедшей воплощение в «Новых началах». Но момент времени, подтолкнувший к такому обращению, имел решающее значение: окончание в 1815 г. большой войны, породившей значительную инфляцию во всей Европе, вскоре с неизбежностью привело к послевоенной дефляции и депрессии. Рецессии, особенно такие масштабные, были новым явлением для Европы; поэтому их теоретического объяснения не существовало, и поэтому типичные для бизнеса стенания по поводу «затоваривания» и «перепроизводства» нашли отклик у многих наблюдателей. В случае Сисмонди это напрямую привело к радикальному этатизму, которому он оставался верен всю оставшуюся жизнь. В частности, для него была характерна поддержка всеобъемлющего социального государства, глубокая враждебность к капитализму и фабричной системе и призывы вернуться к простой аграрной экономике. В предисловии ко второму изданию «Новых начал», вышедшему в 1827 г., Сисмонди объявил приход «новой экономической теории» или «нового либерализма», который «апеллирует к государственному вмешательству» вместо *laissez faire*.

Благодаря влиянию его первой книги Сисмонди предложили должность профессора политической экономии в Виленском университете; результатам выхода «Новых начал» стало приглашение в Сорбонну. Однако он предпочел остаться в Женеве и поставить на поток написание

чрезвычайно объемистой серии исторических трудов (включая 16-томную историю итальянских республик в Средние века и 31-томную историю французов), по большей части ведя жизнь благородного фермера. В своем хозяйстве он вел борьбу с перепроизводством в собственной эксцентричной манере: он обеспечивал возможно низкий уровень производства, нанимая на работу самых слабых рабочих и сознательно поручив ремонт дома заведомо некомпетентному ремесленнику. Остается удивляться, почему он не пошел до конца в своем стремлении вести образцовую жизнь борца с перепроизводством и не прекратил всякое производство в своем имении. Глубоко обиженный отсутствием признания его социалистических идей, Сисмонди незадолго до своей смерти в 1842 году написал: «Я покидаю этот мир, не оставив в нем даже малейшего отпечатка, и ничего с этим не сделаешь». О, если бы только он оказался прав!

Однако гораздо большее воздействие на умы того времени оказал одновременный переход на позиции теории недопотребления Т. Мальтуса. Сын аристократа-землевладельца, Мальтус закончил Кембриджский университет с отличием по математике и был рукоположен в священники Англиканской церкви. После службы членом совета колледжа в Кембридже он стал викарием в сельском приходе и в 1798 г. написал свой знаменитый «Очерк о законе народонаселения» («*Essay on the Principle of Population*»). Мальтус был не только автором пессимистической демографической теории, но и экономистом, ревностным последователем Смита. В 1804 г. он стал первым в Англии академическим ученым-экономистом, заняв кафедру профессора истории и политической экономии в небольшом колледже Ост-Индской компании в Хейлибери, учрежденном этой компанией для подготовки будущих сотрудников. Мальтус не только был первым, но и оставался единственным в Англии преподавателем политэкономии на протяжении последующих двадцати лет.

Мальтус был близким другом Рикардо, и его разрыв с традицией Смита—Рикардо в вопросе о недопотреблении не омрачил их дружбу. Результатом дискуссии стала знаменитая переписка между ними, а когда в 1823 г. Рикардо умер, он завещал Мальтусу небольшое наследство как символ их *camaraderie* <духа товарищества>. Более важен тот факт, что после 1824 г. Мальтус потерял интерес к своей еретической идее недопотребления и быстро вернул себе роль лидера смитовской классической школы в экономической теории. Очевидно, причиной этого охлаждения стал тот факт, что в 1823 г. Великобритания вышла из постнаполеоновской депрессии, и первая буря вокруг закона Сэя улеглась.

Несмотря на тот факт, что интерес Мальтуса к теории недопотребления был вызван и поддерживался исключительно послевоенной рецессией, его доктрина вовсе не представляла собой теорию экономического цикла, что довольно странно, а предполагала тенденцию свободного рынка к постоянной депрессии. Следует также отметить, что Мальтус не беспокоили сбережения, утекающие в тезаврацию и остающиеся

не потраченными. Он был одновременно сторонником теории перепроизводства и теории недопотребления, и поэтому, с его точки зрения, инвестированные сбережения делали ситуацию еще хуже, так как вели к увеличению производства: «Если... товары уже имеются в таком изобилии, что достаточно большая их часть не потребляется так, чтобы приносить прибыль, то сбережение капитала может лишь дополнительно увеличить изобилие товаров и еще более снизить и без того низкие прибыли».

Хотя, конечно, Сэй в своем ответе критикам не предлагает развитой теории, дающей общее объяснение рецессий и «перепроизводству» по отношению к прибыльной цене, он исключительно прозорливо формулирует некоторые идеи, которые остались совершенно не замеченными историками, — возможно, потому, что они представлены в «Письмах к Мальтусу», а не в «Трактате».

Прежде всего, Сэй обращает внимание на послевоенную депрессию в США, так как Мальтус в ответе Сэю заявил, что, поскольку в США имеют место низкие налоги и свободные рынки, их отсутствие не может быть причиной наблюдавшегося там затоваривания. Сэй весьма обоснованно объясняет основные проблемы США тем огромным экономическим процветанием, которое переживала страна в ходе наполеоновских войн в качестве нейтральной страны, так как она не была затронута блокадой, а ее экспорт и торговля вообще испытывали аномальный подъем. Поэтому после окончания всех войн в 1815 г. и быстрого восстановления европейской морской торговли в обоих полушариях выяснилось, что в США производится слишком много товаров для внешней торговли и в то же время имеет место недопроизводство продукции сельского хозяйства и обрабатывающей промышленности. Так что в самом глубоком смысле проблема состоит не в общем перепроизводстве, а в перепроизводстве одних благ и недопроизводстве других. И поэтому США страдают от недопроизводства этих других благ. Американцы могли бы использовать увеличившееся производство для того, чтобы обменять его на большее количество товаров, предлагаемых восстанавливающейся европейской морской торговлей. Сэй пророчески пишет: «Пройдет несколько лет, и [американская] промышленность создаст массу продукции, в которую будут входить товары, пригодные для получения хороших прибылей или, по крайней мере, такой прибыли, которую американцы используют для покупки европейских товаров». И после этого американцы и европейцы будут производить то, в чем они достигли наибольшей эффективности.

Те товары, которые европейцам удастся изготавливать с наименьшими затратами, будут доставляться в Америку, а те, которые американская земля и труд будут создавать с наименьшими затратами, чем другие, будут поступить в обратном направлении. Природа спроса будет определять природу производимой продукции; в своей деятельности каждая страна будет отдавать предпочтение тем видам

продукции, в которых она имеет наибольший успех, иными словами, тем, которые ее жители производят с наименьшими затратами, и результатам станет обмен, приносящий постоянную взаимную выгоду.

А что же с европейским бизнесом? В чем заключается проблема в его случае? Почему он находится в депрессии? Здесь Сэй направляет свой указующий перст прямо в самую суть проблемы: «Издержки производства увеличились до чрезмерности». Иными словами, проблема европейской депрессии состоит не в «общем перепроизводстве», а в том, что предприниматели, предъявляя спрос на производственные факторы, слишком высоко взвинтили издержки производства (т.е. цены факторов), так что потребители не готовы покупать продукцию по ценам достаточно высоким, чтобы они покрывали издержки. На самом деле трудности возникали не из-за того, что производилось слишком много или покупалось недостаточно много товаров, а из-за взвинчивания издержек производства до слишком высокого уровня. Сэй в конце концов говорит, что завышенные издержки внесли «беспорядок... в производство, распределение и потребление произведенной ценности; беспорядок, который зачастую приводил к тому, что количество тех или иных товаров, выброшенное на рынок, оказывалось больше, чем соответствующая потребность, а другие товары, которые могли бы быть проданы и их собственник мог бы использовать выручку на покупку первых, оставались не проданными». То есть чрезмерное взвинчивание издержек некоторым образом искажало структуру производства, и это вызывало значительное перепроизводство одних благ и недопроизводство других.

После этих рассуждений, содержащих в зачаточной форме элементы позднейшей австрийской теории экономического цикла, Сэй, к сожалению, уходит в другую сторону, приписывая чрезмерные издержки налогообложению промышленности и рынка. Но затем мы снова встречаем у него исключительно глубокий отрывок, объясняющий кажущееся «сверхизобилие» массовой неосведомленностью и ошибками со стороны предпринимателей.

Это сверхизобилие... зависит также от незнания производителями и торговцами природы и масштабов потребностей в тех местах, куда они направляют свои товары. В последние годы имел место ряд рискованных спекуляций в расчете на многочисленные новые связи между разными странами. Соответствующие расчеты, являющиеся предпосылкой хороших результатов, повсеместно оказались ошибочными...

Иными словами, суть проблемы была в общей ошибочности предпринимательских прогнозов и «расчетов», приведшей ситуации, которая проявилась в излишнем взвинчивании издержек. К сожалению, Сэй не стал продолжать рассуждения в этом ключевом направлении и не стал выяснять, почему имело место нетипично большое скопление предпринимательских ошибок. Однако он предвосхитил важную мысль Хайека о том,

что предприниматели и производители используют рынок как способ обучиться на опыте навыкам более точной оценки рыночных издержек и спроса. Сэй писал:

но следует ли из того, что многое было сделано плохо, невозможность сделать то же самое лучше при более хорошем обучении? Осмелюсь предсказать, что, по мере того как новые связи будут становиться старыми и взаимные потребности будут лучше поняты, избыток товаров повсеместно исчезнет, и установится взаимовыгодное и прибыльное взаимодействие.

После выхода Европы из послевоенной депрессии закон Сэя — по крайней мере в той довольно-таки вульгаризированной форме, в которой он был воспринят британской классической школой¹⁶, — был усвоен мейнстримом экономической мысли и оспаривался только чудаками и безумцами, составлявшими то, что Кейнс позднее назвал «нижним миром» экономической науки. Его обитатели получили новую жизнь в нашем мире от Джона Мейнарда Кейнса в его «Общей теории», которая, будучи написана в разгар другой, еще более глубокой депрессии (в 1836 г.), прославляла их всех — от Мальтуса и последующих сторонников теории недопотребления до совершенно невменяемого Сильвио Гезелля (1862—1930) — германо-аргентинского коммерсанта, настаивавшего, чтобы государство принуждало каждого тратить все деньги в течение короткого периода после их получения. Целью Гезелля, как и всех самых безумных денежных чудаков, было добиться снижения процентной ставки до нуля, — и этой цели позднее вторил сам Кейнс, призывая к «эвтанизии рантье» (т.е. держателей облигаций). Пожалуй, вполне естественно, что Гезелль, которого Кейнс назвал «странным, несправедливо забытым пророком», увенчал свою сомнительную карьеру тем, что стал министром финансов недолго просуществовавшей революционной Баварской Советской республикой в 1919 г.

Собственная доктрина Кейнса следовала в русле Мальтуса и прочих с той лишь разницей, что на место недопотребления в качестве якобы главной экономической проблемы он поставил недостаточный уровень расходов в целом. Опровержение закона Сэя он сделал центральным элементом своей системы. По ходу дела Кейнс очень сильно вульгаризировал и искажил этот закон, оставив вне рассмотрения центральную роль адаптационных изменений цен¹⁷, — согласно его формулировкам, закон просто-напросто утверждает, что совокупные расходы на произведенную продукцию равны доходам, полученным в ходе ее производства¹⁸.

Начиная с Кейнса экономисты привыкли затуманивать довольно простую идею Сэя ворохом высокопарных рассуждений о некоем «принципе Сэя» или «тождестве Сэя», еще более запутывая все обильным применением математики — формы представления идей, особенно неуместной в случае такого чуждого математике теоретика, как Ж.-Б. Сэй.

1.9. ТЕОРИЯ ДЕНЕГ

К величайшему сожалению, великолепное изложение темы денег Ж.-Б. Сэем, как и большая часть его доктрины в целом, до сих пор игнорируется историками экономической мысли. Он начинает с того, что выдвигает теорию происхождения денег, впоследствии развитую в знаменитой статье Карла Менгера, на которой основывается первая глава каждого учебника по теории денег и банковского дела на протяжении многих поколений. Деньги, указывает он, берут начало в бартере. Для того чтобы облегчить совершение обмена и преодолеть трудности, связанные с бартером, люди, действующие на рынке, начинают использовать самые хорошо обмениваемые товары в качестве средств обмена. В частности, в условиях бартера каждому, чтобы купить некий продукт, необходимо найти кого-то, кто хотел бы приобрести его собственный продукт, и это быстро становится крайне трудной задачей. «Голодному ножовщику пришлось бы предлагать пекарю ножи в обмен на хлеб; возможно, у пекаря уже достаточно ножей, но ему нужно пальто; он готов купить его у портного, расплатившись хлебом, но портному нужен не хлеб, а мясо, которое есть у мясника, и так до бесконечности».

Как же разрешить эту проблему (впоследствии получившую название «двойного совпадения потребностей»)? Ответ: найти более широко обмениваемый товар, который продавец будет готов принять в обмен.

Чтобы избежать этих затруднений, ножовщик, не имея возможности навязать пекарю товар, который ему вовсе не нужен, приложит все усилия, чтобы найти и предложить такой товар, который пекарь сможет легко обменять на то, в чем нуждается. Если в обществе есть некий конкретный товар, который всякий хотел бы приобрести не просто в силу той пользы, которую он мог бы принести сам по себе, а в силу той готовности, с какой он принимается в обмен на необходимые предметы потребления... то именно этот товар стал бы искать ножовщик в обмен на свои ножи, потому что он научился на опыте, что обладание таким товаром даст ему возможность безо всяких затруднений получить в следующем акте обмен хлеб или любой другой продукт, который он пожелает.

Этот товар как раз и есть деньги, употребляемые в данном обществе.

Далее Сэй переходит к сегодня всем хорошо знакомым рассуждениям по поводу того, какие товары скорее всего будут выбраны в качестве денег на рынке. Денежный товар должен обладать высокой собственной ценностью, т.е. ценностью в домонетарном использовании. Он также должен быть физически легко делимым; он должен обладать большой ценностью в расчете на единицу веса, т.е. быть одновременно редким и ценным; он должен быть легко перемещаемым; и наконец, он должен быть долговечным, чтобы сохранять ценность на протяжении длительного времени. Разумеется, как только некий товар выбран в качестве общего средства обмена, его ценность становится значительно больше той, которая была у него в домонетарном состоянии.

Сэй следует континентальной традиции уподобления денег всем остальным товарам: ценность денег, как и других товаров, определяется взаимодействием спроса и предложения. Их ценность — покупательная способность на рынке — находится в прямой зависимости от спроса на них и в обратной зависимости от их предложения. Хотя Сэй не использовал маржиналистский подход, он тем не менее указал путь к последующей интеграции теории полезности благ с теорией денег. Поскольку деньги тоже являются объектом желаний, основой рыночного спроса на них служит их полезность. Сэй также критикует Рикардо и британскую классическую школу за попытки объяснить ценность денег не полезностью или взаимодействием спроса и предложения, а, как и в случае всех других благ, издержками производства. Применительно к деньгам это означает, что существенным считается только предложение денег, а не спрос на них, а это предложение предположительно определяется издержками добычи золота или серебра.

Сэй был сторонником твердых денег и настаивал, что все бумажные деньги должны быть конвертируемыми в металлические по первому требованию. Количество бумажных денег, не подлежащих обмену на драгоценные металлы, быстро увеличивается, что ведет к уменьшению их ценности, и Сэй в качестве примера указывает на недавний опыт, когда правительство революционной Франции выпускало ассигнаты — неконвертируемую бумажную валюту, которая через некоторое время обесценилась до нуля. Таким образом, у него была возможность проанализировать один из первых примеров гиперинфляции.

Если национальная валюта разрушается, то целью становится избавиться от нее любым способом и обменять ее на товары. Такова была одна из причин невероятной скорости обращения, наблюдавшейся во время непрерывного обесценивания ассигнатов. Все лихорадочно старались найти какое-нибудь применение бумажной валюте, ценность которой уменьшалась с каждым часом; деньги принимали только для того, чтобы их тут же во что-нибудь вложить, и могло показаться, что ассигнаты буквально обжигали пальцы, через которые проходили.

Сэй также отмечает, что инфляция систематически наносит ущерб кредиторам к выгоде должников.

Сэй крайне критически относился к стремлению Смита и Рикардо найти абсолютную и неизменную меру ценности денег. Он отмечал, что хотя возможны прикидки относительной ценности денег по сравнению с другими ценами, она не поддается измерению. Ценность золотой или серебряной монеты не фиксирована, а изменчива, как и в случае любого другого товара.

Одним из блестящих разделов теории денег у Сэя является его резкая критика биметаллизма. Он настаивает, что установление государством фиксированной весовой пропорции обмена двух драгоценных металлов было обречено на провал и могло породить лишь непрерывные

колебания и дефицит то одного, то другого металла. Сам он призывал к параллельному стандарту, т.е. к свободно плавающему обменному курсу между золотом и серебром. Он писал: «Необходимо дать возможность золоту и серебру находить свой собственный взаимный уровень в сделках, в которых люди сочтут удобным их использовать». И далее он пишет, что относительной ценности золота и серебра «следует предоставить возможность саморегулироваться, ибо всякая попытка зафиксировать ее будет тщетной».

Хотя в одном месте Сэй проявляет непоследовательность, положительно отозвавшись о плане Рикардо оставить центральному банку возможность обменивать свои банкноты только на золотые слитки, но не монеты, общая направленность его мысли состоит в предельно жесткой поддержке стабильных, твердых денег. В общем и целом он выступает за деньги со 100%-ным металлическим обеспечением, когда бумажные деньги являются лишь «сертификатами», полностью обеспеченными золотом или серебром. «Средство обмена, состоящее целиком из золота или серебра либо обеспеченных ими сертификатов, не претендующее ни на что, кроме реальной собственной ценности и потому свободное от превратностей законодательства, окажется настолько выгодно всем отраслям коммерции», что оно будет принято всеми странами. Сэй столь последовательно требовал отделения денег от государства, что призывал изменить названия национальных денежных единиц, чтобы они соответствовали реальным единицам веса золота или серебра, — например, от «франков» перейти к «граммам». Таким образом получились бы по-настоящему общемировые товарные деньги, и государство не смогло бы ни принимать акты о законном платежном средстве для бумажных денег, ни уменьшать содержание металла в национальных денежных единицах. Вся современная денежная система, с радостью пишет Сэй, «была бы полностью разрушена — система, в которой господствуют мошенничество, несправедливость и грабеж и которая столь сложна, что едва ли может быть в полной мере понята даже теми, кто сделал ее своей профессией. После этого было бы невозможно заниматься порчей монеты...» Одним словом, красноречиво завершает Сэй, «чеканка денег стала бы совершенно простым делом — не чем иным, как отраслью металлургии».

Единственную роль, которую Сэй, весьма непоследовательно, оставляет за государством, — это монополия на чеканку монеты, так как эта деятельность превратилась бы в ту самую «простую отрасль металлургии», которую государство предположительно не сможет подорвать или разрушить.

Банковскому делу в «Трактате» Сэя отведено не так уж много места. Однако, несмотря на aberrацию в виде положительной оценки предложенного Рикардо плана золотослиткового стандарта для центрального банка, лейтмотивом его рассуждений опять-таки является отделение государства от расширения банковского кредита *либо* с помощью бан-

ковской системы со 100%-ным резервированием, *либо* через свободную конкуренцию в банковском деле, которая, как он предполагал, должна была привести к близким результатам. В частности, Сэй весьма одобрительно писал о Банке Гамбурга и Банке Амстердама, действовавших со 100%-ным резервированием. Свободную деятельность эмиссионных (т.е. выпускающих банкноты)* банков он считал намного лучше монополии центрального банка, так как «конкуренция заставляет каждого из них стремиться завоевать благосклонность публики, соперничая в удобстве и надежности». И если эти банки не будут основываться на поддержании стопроцентных резервов в металлических деньгах (что, как указывает Сэй, было бы наилучшей системой), то благодаря конкуренции они будут вынуждены инвестировать в надежный кредит с очень короткими сроками погашения, который можно легко использовать для погашения их банкнот.

1.10. ГОСУДАРСТВО И НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ

Среди бескрайнего болота бесцветной писанины на тему налогообложения Жан-Батист Сэй сияет ярким маяком. Да, он был необычайно предрасположен — даже на фоне своей в целом либеральной эпохи — принципам *laissez faire* и праву частной собственности, лишь в нескольких местах отступив от этого кредо. Но по какой-то <необъяснимой> причине большинство либеральных и либертарианских мыслителей на протяжении всей истории на самом деле не считали налогообложение нарушением права частной собственности. Но в случае Ж.-Б. Сэя непримиримая враждебность к налогообложению пронизывает все его труды; он был склонен возлагать на него вину за все экономические беды общества и даже, как мы уже видели, за рецессии и депрессии. Его анализ налогообложения великолепен и уникален в своем роде; тем не менее, как и большая часть его интеллектуального наследия, он не удостоился вообще никакого внимания со стороны историков экономической мысли.

В отличие от почти всех остальных экономистов, у Сэя был поразительно ясный взгляд на подлинную природу государства и его налоги. В его трудах вы не найдете ни мистического поиска некоего истинно добровольного государства, ни представления о государстве как о какой-то благожелательной полугомерческой организации, предоставляющей услуги публике, которая благодарна за получаемые от нее многочисленные «выгоды». Ничего подобного: Сэй ясно понимал, что услуги, которые государство несомненно предоставляет, — это его услуги *самому себе* и своим избранным фаворитам, и что поэтому все государственные расходы суть потребительские расходы политиков и бюрократии. Он также понимал, что налоговые поступления, за счет которых финансируются эти расходы, изымаются у налогоплательщиков с помощью принуждения.

Сэй отмечал: «Государство изымает у налогоплательщика сумму конкретного налога в форе денег. Чтобы выполнить это требование, налогоплательщик обменивает часть имеющихся у него продуктов на монеты, которые он отдает сборщику налогов». Затем эти деньги тратятся на нужды государственного «потребления», и таким образом «часть богатства, которая переходит из рук налогоплательщика в руки сборщика налогов, разрушается и уничтожается». Если бы не налоги, налогоплательщик потратил бы свои деньги на собственное потребление. Фактически же «удовлетворение, проистекающее из этого потребления», получает государство.

Далее Сэй обрушивается с критикой на «господствующее представление», что налоговые деньги не являются бременем для экономики, так как просто «возвращаются» обществу через расходы государства. Он исполнен негодования:

41 Это грубейшая ошибка; но именно из нее проистекает множество злоупотреблений, так как она очень часто используется как предлог для бесстыдного расточительства и разорения. Ценность, уплачиваемая государству налогоплательщиком, отдается им без какой-либо эквивалентной компенсации или возмещения: она расходуется государством на покупку личных услуг, предметов потребления...

Таким образом, в противоположность близорукому допущению наивного Адама Смита, что налогообложение всегда приносит пропорциональную выгоду, у Сэя мы находим трактовку налогообложения как явления, очень близкого к откровенному грабежу. Показательно, что в связи с этим он одобрительно цитирует Роберта Гамильтона, уподоблявшего государство преступнику, совершающему грабежи в крупном масштабе. Гамильтон опровергал вышеупомянутую идею, будто налогообложение безвредно, так как государство вводит деньги обратно в экономический оборот. Он уподобляет это наглое заявление тому, как если бы «грабитель вломился в дом торговца, отнял у него деньги, а потом заявил бы ему, что вовсе не нанес никакого ущерба, так как эти деньги, или их часть, будут потрачены на товары, которые продает этот торговец, и тот получит от этого прибыль». (Гамильтон мог бы вдобавок придать этому сюжету кейнсианский оттенок: расходование денег грабителем принесло бы его жертве многократную выгоду благодаря благотворному воздействию волшебного мультипликатора.) Сэй замечает по поводу мысли Гамильтона: «Стимулы, создаваемые государственными расходами, совершенно аналогичны»¹⁹.

Затем Сэй переходит к резкому опровержению «ложного и опасного вывода» авторов, утверждающих, что государственное потребление (бюджетные расходы) ведет к увеличению общего богатства. Но на самом деле вред приносят не письменные сочинения: «Если бы эти принципы оставались только в книгах и так никогда и не нашли лазеек в практику, то можно было бы пережить без заботы и сожаления эту чудовищ-

ную груду печатного вздора...» Но, к сожалению, эти рецепты реализуются «на практике агентами публичной власти, которые навязывают заблуждения и нелепости с помощью штыков и пушек». Иными словами, Сэй и здесь видит несправедливость государства, являющегося не чем иным, как применением насилия и принуждения, в частности, в том, как оно извлекает свои доходы.

Таким образом, налогообложение — это принудительное возложение бремени на членов общества в интересах государства или, точнее, правящего класса, контролирующего государство. Сэй пишет:

Налоги есть перераспределение части национальных продуктов из рук индивидов в руки правительства с целью обеспечения государственного потребления, или государственных расходов... Фактически это бремя, возлагаемое правящей силой на индивидов, взятых по отдельности либо объединенных в корпорации... с целью обеспечения за их счет потребления, которое она может счесть нужным; короче говоря, тягло в буквальном смысле слова.

На него не производит никакого впечатления апологетическое рассуждение, позднее справедливо высмеянное Шумпетером, что все общество некоторым образом добровольно платит налоги во имя общей выгоды. Нет, налоги — это бремя, принудительно возлагаемое на общество «правлящей силой». Не убеждает Сэй и то, что налоги могут приниматься законодательным собранием, — это ничуть не делает их более добровольными: «Что толку в том... что налоги устанавливаются с согласия людей или их представителей, если в государстве существует сила, которая своими действиями может не оставить людям никакой другой альтернативы, кроме как согласиться?»

Кроме того, налогообложение подрывает, а не стимулирует производство, так как отнимает у людей ресурсы, которые те могли бы использовать по-другому:

Налогообложение лишает производителя его продукта, который тот мог бы в противном случае использовать для получения личного удовлетворения, если бы направил на потребление... или для обращения в прибыль, если бы предпочел найти ему полезное применение. [...] Поэтому изъятие продукта неизбежно сокращает, а не увеличивает производительную силу.

Сэй излагает весьма поучительную критику Рикардо, по ходу которой демонстрирует ключевое различие между подходом последнего, основанным на долгосрочном равновесии, и своим собственным и показывает вытекающую из этого существенную разницу во взглядах на налогообложение. В «Началах» Рикардо утверждал, что, поскольку ставка доходности капитала одинакова во всех отраслях производства, налогообложение на деле не может нанести вред капиталу. Ибо, в изложении Сэй, «угасание одной отрасли из-за налогообложения неизбежно

компенсируется продуктом некоторой другой, в которую естественным образом будут направлены труд и капитал, оказавшиеся незанятыми». В этом весь Рикардо — не видящий реальных процессов, действующих в экономике и упрямо отождествляющий статическое сравнение долгосрочных равновесных состояний с реальным миром. Сэй отвечает страстно и резко:

Я на это отвечу, что в том случае, если налогообложение отвлекает капитал из одной сферы использования и направляет в другую, оно уничтожает прибыль всех, кто оказался лишен занятости вследствие изменений, уменьшает ее у всего остального общества, так как можно предположить, что промышленность прежде избрала наиболее прибыльное русло. Я пойду дальше и скажу, что принудительное отвлечение потока, или производства, уничтожает многие дополнительные источники прибыли для промышленности. Кроме того, это огромная разница с точки зрения общественного благосостояния — является ли потребителем индивид или государство. Процветающая и доходная отрасль промышленности способствует созданию и накоплению нового капитала; однако под давлением налогообложения она перестает быть доходной; капитал, вместо увеличения, постепенно сокращается; из-за этого богатство и производство уменьшаются, и процветание исчезает, оставляя после себя лишь неумолимый пресс налогообложения.

После чего Сэй добавляет очаровательную сентенцию, отвечивая праксеологическую пощечину склонности Рикардо к тому, что можно назвать методом совершенно нереалистической вербальной математики: «Рикардо предпринял попытку привнести широкие максимы геометрической аргументации; но в науке политической экономии вряд ли можно найти менее надежный метод».

Затем Сэй обрушивает презрительные насмешки на аргумент, согласно которому налоги могут позитивно стимулировать людей более прилежно работать и больше производить. Больше работать, отвечает он, чтобы предоставить государству средства, которые позволят ему еще больше вас тиранить!

Использовать инструмент налогообложения как стимул к увеличению производства — значит усугублять нагрузку на общество с единственной целью приумножить его лишения, вместо того чтобы приумножить удовольствия. Ибо если увеличившееся налогообложение используется на содержание сложной, разросшейся и помпезной администрации или излишний, непропорционально раздутый военный аппарат, то оно будет действовать как постоянный отток индивидуального богатства и цвета юности нации, как агрессор против мира и счастья во внутренней жизни стран — и не будет ли это дорогой платой за огромный общественный вред, как если бы он представлял собой первоклассную выгоду?

Каков же окончательный вывод? Что Сэй, по существу, предлагает в отношении налогов? Действительно, каков его рецепт в отношении совокупных государственных расходов? В основе своей его предложения именно таковы, каких можно было ожидать от человека, убежденного, что государство представляет собой «огромный общественный вред» и «агрессора против мира и счастья во внутренней жизни страны». Все очень просто: «Лучшая система [государственных] финансов состоит в том, чтобы тратить настолько мало, насколько возможно; и лучший налог — это всегда самый легкий налог». В следующем предложении он уточняет последнюю фразу: «Самые хорошие налоги, или, точнее, наименее плохие...»

Словом, Ж.-Б. Сэй, единственный в своем роде среди экономистов, предложил нам общую теорию совокупных государственных расходов, а также общую теорию налогообложения. И эта теория, примечательная своей прозрачностью, приводит к следующему выводу: наилучшее (или «наименее плохое») государство — это то, которое меньше всего тратит и собирает в виде налогов. Но из этой доктрины вытекают грандиозные следствия — независимо от того, понимал ли Сэй их и доводил ли до них свои рассуждения. Ибо если, говоря словами Джефферсона, лучшее государство — это то, которое меньше всего правит, то из этого следует, что «наименьшее из наименьшего» есть ноль, и поэтому, как позднее указали Торо и Бенджамин Такер, лучшее государство — это то, которое вообще не правит, или, в данном случае, не облагает налогами и не тратит!

1.11. ПРИМЕЧАНИЯ

1. Следует также упомянуть как выдающуюся личность в группе идеологов историка Константена Франсуа де Шассбёфа, графа де Вольней (1757—1820).
- (1). *Монтескье Ш. Л. О духе законов*. М.: Мысль, 1999. С. 137. — *Прим. перев.*
2. Emmet Kennedy, *Destutt de Tracy and the Origins of 'Ideology'* (Philadelphia: American Philosophical Society, 1978), p. 199.
3. Следует упомянуть, что посредником де Траси в переговорах с Джефферсоном насчет этого перевода был их общий друг, последний из физиократов Дюпон де Немур, который в 1815 г. эмигрировал в город Уилмингтон, штат Делавэр, где основал знаменитую династию фабрикантов, занимавшихся производством пороха.
4. Так, в знаменитой речи, произнесенной в феврале 1801 г., он осудил идеологов как самый вредоносный тип людей. «Болтуны и идеологи», — громыхал он. «Они всегда против действующей власти». «Никогда не доверяя власти, даже когда она находится у них в руках, они всегда отказываются передать ее независимой силе, необходимой, чтобы противостоять революциям». См.: Kennedy, *op. cit.*, note 2, pp. 80ff.
- (2). См. отдельные главы из «Трактата по политической экономии» в: Трактат по политической экономии / Жан-Батист Сэй. Экономические софизмы; Экономические гармонии / Фредерик Бастиа. М.: Дело, 2000; также см.: Сэй Ж.-Б.

- Катихизис политической экономии, или Краткое учение о составлении, распределении и потреблении богатств в обществе. СПб.: тип. III Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1833.
5. Или, как замечает Эммет Кеннеди, «политическая теория де допускается в государстве, в котором отсутствует политика» (Ibid.).
6. Ernest Teilhac, *L'Oeure économique de Jean-Baptiste Say* (Paris, Librairie Felix Alcan, 1927). Цит. по: Leonard Liggio, 'Charles Dunoyer and French Classical Liberalism', *Journal of Libertarian Studies*, 1 (Summer 1977), pp. 156—157.
7. Ривадавия также некоторое время работал над переводом Бентама.
8. «Курс» Шторха, опубликованный в России в 1815 г., был переиздан в Париже с комментариями, добавленными Ж.-Б. Сэем. Шторх обвинил последнего в краже за то, что тот опубликовал французское издание без его разрешения. Сэй парировал обвинение утверждением, что большая часть этой книги позаимствована у него самого, де Трасви, Бентама и Сисмонди. <Первый полный русский перевод: Шторх А. К. Курс политической экономии, или Изложение начал, обуславливающих народное благоденствие. М.: Экономическая газета, 2008. — Перев.>
9. Шестое и последнее американское издание, вышедшее в 1834 г. под редакцией Биддла, включало в себя изменения, внесенные в окончательное французское издание 1836 г.
10. J. A. Schumpeter, *History of Economic Analysis* (New York: Oxford University Press, 1954), p. 491. <Шумпетер Й. А. История экономического анализа. СПб.: Экономическая школа, 2001. Т. 2. С. 644—645>.
11. Это различие теории, содержащей точное знание, и ее применения посредством «осведомленного понимания» близко подходит к позднему различию концептуальной теории («Begriffen») и понимания («Verstehen»).
- (3). В русскоязычной литературе термин cost-of-production theory of value принято кратко переводить как «теория издержек производства». Ввиду явной ошибочности устоявшегося перевода, мы решили нарушить эту традицию и использовать более корректный перевод «теория ценности на основе издержек производства». — *Прим. изд.*
12. Oswald St. Clair, *A Key to Ricardo* (New York: A.M. Kelly, 1965), pp. 295—296.
13. В первой в истории аннотированной библиографии по экономике Джон Мак-Куллох, подобно ведущему британскому рикардянцу Джеймсу Миллю, заметил, что Сэй как автор отличался ясностью, но упрямо отказывался принять все великие открытия Рикардо. Единственное творческое озарение, которое Мак-Куллох готов был поставить в заслугу Сэю, — это его закон рынков. John Ramsay McCulloch, *The Literature of Political Economy* (1845, London: London School of Economics, 1938), pp. 21—22.
14. Обсуждение закона Сэя осложняется тем фактом, что у Сэя, разумеется, нет никакого выделенного в явном виде фрагмента или предложения, которое он назвал «мой закон». Locus classicus, где, как принято считать, сформулирован закон Сэя, — это глава XV книги I «Трактата», и соответствующий фрагмент действительно является хрестоматийным в качестве «формулировки закона» (*Treatise*, pp. 132—140). На самом деле важные и имеющие отношение к этой теме фрагменты разбросаны по всему «Трактату», особенно pp. 109—119, 287—288, 303—304.

Более того, «Письма Мальтусу» Сэя, в частности pp. 1—68, почти целиком посвящены защите закона рынков и критике обеспокоенности Мальтуса (а также француза Симонда де Сисмонди) по поводу общего перепроизводства и его жалоб на мнимое недопотребление. Историки экономической мысли часто называют «Письма» поверхностными и ошибочными, но на самом деле то, что он был вынужден уделить внимание этому закону, помогло ему увидеть суть разногласий и побудило изложить свою точку зрения в наиболее ясной и полемически заостренной форме. См.: J. B. Say, *Letters to Mr. Malthus* (1821, New York: M. Kelly, 1967).

О хрестоматийности главы XV книги I в качестве канонической формулировки закона Сэя см.: Henry Hazlitt (ed.), *The Critics of Keynesian Economics* (1960, New Rochelle, New York: Arlington House, 1977), pp. 12—22.

15. Тем не менее Шумпетер и другие историки весьма несправедливы, высмеивая один из аргументов Сэя против Мальтуса: перепроизводства не может быть, так как «создать вещь, потребности в которой не существует, значит создать вещь, не имеющую ценности; это не будет производством. С того момента как вещь начала иметь ценность, производитель может найти способы обменять ее на товары, в которых он испытывает потребность». Хотя это выглядит как попытка избавиться от проблемы путем такого переопределения понятий, чтобы она исчезла, в защиту Сэя можно сделать два комментария. Во-первых, это действительно забавный, но неубедительный аргумент; тем не менее он не имеет прямого отношения к делу и никак не умаляет ценности закона Сэя и сокрушительных аргументов творца этого закона в его пользу. В пылу спора Сэй, как и многие другие участники интеллектуальных баталий, иногда прибежал к первому же аргументу, подвернувшемуся под руку. И во-вторых, его основная мысль не то чтобы совсем не имеет значения, так как она привлекает внимание к ключевому вопросу, который Сэй поднял, но на который не смог дать исчерпывающего ответа: *почему* производители вообще производят вещи, которые, как потом оказывается, потребители не хотят покупать — по крайней мере по ценам, приносящим прибыль? Излишне говорить, что его оппоненты тоже не дали удовлетворительного ответа. Мнение Шумпетера см. в: Schumpeter, *op. cit.*, note 10, pp. 619—620 <Шумпетер. Указ. соч. С. 825>.
16. Вульгаризация приняла две формы. Акцент Сэя на адаптивное изменение цен был в целом проигнорирован, как и его упоминание предпринимательских ошибок, приведших к взвинчиванию издержек, а также идея, что перепроизводство или недопроизводство тех или иных классов товаров могут выступать уникальными особенностями рецессий. Другой формой вульгаризации стала формулировка Милля, согласно которой «товары оплачивают товары» вместо утверждения, что все поставки благ и услуг оплачивают друг друга. В этом проявилось унаследованное от Смита представление о том, что производительным трудом является только тот, который воплотился в материальных объектах или товарах.
17. Опустив при цитировании краткого изложения закона Сэя Джоном Стюартом Миллем три важных предложения, Кейнс избавился от всякого указания на систему цен как на уравнивающую силу (John Maynard Keynes, *The General Theory of Employment, Interest, and Money* (New York: Harcourt, Brace, 1936), p. 18 <Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. М.: Эксмо, 2007. С. 55>). См. об этом: Hazlitt, *op. cit.*, note 14, p. 23.

18. Кейнс также дал краткую формулировку закона Сэя, который, по его мнению, утверждал, что «предложение создает свой собственный спрос», — именно в этой формулировке его приводят все последующие экономисты, включая Шумпетера, Марка Блауга, Томаса Соуэлла и Аксея Лейонхувуда. Исправляя эту фальсификацию, профессор Хатт пишет: «Однако предложение слив не создает спрос на сливы. Да и само слово “создает” здесь неуместно. На самом же деле этот закон утверждает, что предложение слив *является* спросом на все то, что их поставщик впоследствии приобретет в обмен на сливы в условиях бартера или на вырученные деньги в условиях денежной экономики» (W. H. Hutt, *A Rehabilitation of Say's Law* (Athens, Ohio: Ohio University Press, 1974), p. 3, 3n).

Источник цитаты — работа шотландского математика Роберта Гамильтона (1743—1829), посвященная критике британского государственного долга: Robert Hamilton, *An Inquiry Concerning the Rise and Progress, the Redemption and Present State, and the Management of the National Debt of Great Britain and Ireland* (Edinburgh, 1813, 3rd ed., 1818). Гамильтон родился в Эдинбурге и, окончив колледж, работал банкиром. Сменив карьеру на научно-преподавательскую, в 1769 г. он стал ректором Пертской академии. Спустя десять лет он занял должность профессора математики в Абердинском университете.

ГЛАВА 2

ИЕРЕМИЯ БЕНТАМ: УТИЛИТАРИСТ КАК БОЛЬШОЙ БРАТ

2.1. ОТ LAISSEZ FAIRE К ЭТАТИЗМУ

49

Иеремия Бентам (1748—1832) начинал как убежденный приверженец Адама Смита, но был более последовательным сторонником принципа *laissez faire*. Экономической теорией Бентам интересовался сравнительно недолго и в течение этого периода все больше становился этатистом. Гипертрофированный этатизм представлял собой лишь один из аспектов главного (и в высшей степени неудачного) вклада Бентама в экономическую теорию, — его последовательного философского утилитаризма. Этот вклад, создающий полный простор для государственного деспотизма, до сих пор остается наследием Бентама, завещанным современной неоклассической экономической теории.

Бентам родился в Лондоне в семье богатого адвоката, раннюю молодость провел в Оксфорде и в 1772 г. был принят в коллегия адвокатов. Однако вскоре стало ясно, что адвокатская карьера его не привлекает. Получив большое наследство, он избрал затворническую жизнь философа, правоведа и «прожектора» или фантазера, вечно носившегося с планами юридических и политических реформ, которые он настойчиво предлагал сильным мира сего.

Первым и длительным увлечением Бентама стал утилитаризм (о котором мы поговорим ниже); о нем Бентам завел речь в первой же своей работе, «Фрагмент о правлении», опубликованной в 1776 г., когда ему было 28 лет.

На протяжении большей части жизни Бентам демонстрировал титаническую энергию, непрестанно и хаотично выдавал на гора многословные манускрипты, посвященные задуманным им реформам и сводам законов. Большинство этих рукописей не публиковались еще долго после его смерти. Плодовитый Бентам обитал в просторном доме, окруженный секретарями и учениками, которые переписывали набело и готовили к предполагаемой публикации всё новые и новые варианты его неудобочитаемой прозы. С этими людьми он общался на том же заушном жаргоне, каким обильно уснащал свои произведения. Хотя Бентам любил поговорить и был интересным собеседником, его совершенно не волновали мнения помощников и учеников. Как потом говорил, стараясь выразиться помягче, его молодой, но подававший большие надежды

ученик Джон Стюарт Милль, Бентам «не желал получать свет от других умов». Эта особенность характера Бентама привела к тому, что у него было мало сообразительных и способных учеников; в основном Бентама окружали непонятливые ассистенты, которые, по пронизательно-му замечанию профессора Уильяма Томаса, «относились к его работе со своего рода безропотным скепсисом — так, словно ее изъяны были результатом эксцентричности, не подлежащей критике или возражениям». Томас продолжает: «Представление о том, что Бентама окружала группа прилежных и энергичных учеников, которые заимствовали из его системы острую критику каждого аспекта современного им общества, а потом применяли ее к различным институтам, нуждавшимся в реформе, — это продукт более позднего либерального мифотворчества. Насколько мне известно, окружение Бентама нисколько не походило на окружение любого другого крупного политического мыслителя. Оно состояло не столько из людей, которые извлекали из его работ убедительное объяснение социального мира и собирались вокруг Бентама, чтобы лучше понять его мысли, сколько скорее из людей, обремененных ожидаемыми трудностями при продолжении работы, завершению которой они рады были бы помочь, но цели и смысла которой совершенно не понимали»¹.

Больше всего Бентам нуждался в благожелательных и беспристрастных редакторах, но в силу специфики отношений со своими последователями таких людей не находил. «По этой причине, — добавляет Томас, — постоянно нарастающая масса рукописей в значительной мере представляла собой нечто неведомое даже для его ближайшего окружения». В результате, скажем, такая крупная рукопись, как «О законах вообще» («Of Laws in General»), оставалась не только не изданной, но и не отредактированной вплоть до нашего времени.

Если кто-нибудь и мог выступить в роли редактора, то, конечно, это был выдающийся последователь Бентама Джеймс Милль; подробно о нем мы поговорим ниже (в главе 3). По способностям и характеру он во многих отношениях подходил для такой задачи, но тут, к несчастью, возникали две неразрешимые проблемы. Милль не хотел бросать собственную интеллектуальную работу и заниматься исключительно обслуживанием наставника. Как отмечает Томас, «рано или поздно всем ученикам Бентама приходилось делать выбор между подчинением и независимостью». Хотя Милль был преданным сторонником бентамовского утилитаризма, при своем характере он и думать не мог о подчинении. Вторая проблема заключалась в самом Бентаме. Его тексты, написанные небрежно и в вечной спешке, остро нуждались в надлежащем оформлении; сообразительный, систематичный, педантичный и бескомпромиссный Милль подходил для этой работы как никто другой. Но, как и следовало ожидать, Великий Бентам и мысли не допускал о том, чтобы кто-нибудь его правил. Два сильных характера вступали в конфликт друг с другом, и отношения между ними были возможны лишь на рав-

ных, — даже в тот период, когда Милль состоял в подмастерьях и еще не обрел экономической независимости от своего богатого патрона. Так, Милль писал одному близкому другу в крайнем раздражении: «Ты и представить не можешь, какое недовольство он испытывает при одной мысли о том, что его попросят отнестись к делу серьезно». В свою очередь, Бентам, даже по прошествии многих лет, признался своему последнему ученику Джону Боурингу в постоянном недовольстве поведением Милля: «Он никогда не беседует со мной по своей охоте. Если не согласен, то молчит... Он думает подчинить всех своему влиянию, убедить всех своей категоричностью. Он всегда говорит внушительно и властно». Трудно более наглядно изобразить столкновение этих двух характеров².

Первая опубликованная работа «Фрагмент о правлении» («Fragment on Government», 1776) открыла молодому Бентаму доступ в высшие политические круги и, в частности, в окружение лорда Шелберна. К нему принадлежали такие политики-виги, как лорд Кэмден и Уильям Питт-младший, и два человека, которые вскоре стали близкими друзьями и первыми учениками Бентама, женевец Этьен Дюмон и сэр Сэмюэл Ромилли. Именно Дюмон познакомил с учением Бентама континентальную Европу.

Хотя утилитаристские политические и правовые реформы оставались главным предметом размышлений Бентама в течение всей его жизни, он в конце 1770-х или в самом начале 1780-х гг. прочитал «Богатство народов», проникся этой книгой и на время стал преданным поклонником Адама Смита. Бентам никогда не хвалил ни одного другого автора, но Адама Смита регулярно называл «отцом политической экономии», «великим наставником» и «совершенно гениальным писателем». В начале 1780-х гг. брат Бентама Сэмюэл, состоятельный инженер, получил от императрицы Екатерины Великой предложение осуществить несколько промышленных проектов. Сэмюэл пригласил Иеремию приехать к нему в Россию, что тот и сделал, прожив там около года в 1786—1787 гг. с намерением представить деспотичной императрице «всеобъемлющий свод законов», который позволил бы более эффективно управлять ее владениями.

Как следовало ожидать, Бентам так и не завершил свод законов для Екатерины, однако, находясь в России, узнал, что Уильям Питт, ставший премьер-министром, готовит снижение максимальной разрешенной ставки процента с 5 до 4%. Раздосадованный Бентам написал и вскоре, в 1787 г., опубликовал свою первую и единственную хорошо известную работу по экономическим проблемам, яркий и бескомпромиссный трактат «В защиту ростовщичества». Он стремился как можно последовательнее провести принцип *laissez faire* в духе Смита и поэтому отверг любые законы о ростовщичестве. В основу своей позиции Бентам положил право свободно заключать договоры, заявив, что «ни одному человеку в зрелом возрасте и в здравом уме, действующему свободно и сознательно, не следует препятствовать... в получении денег тем

путем, который он считает подходящим». Право свободного заключения сделок следует считать само собой разумеющимся в любой ситуации: «Если это вы ограничиваете контракты и вы накладываете ограничения на свободу человека, то именно вы (попрошу заметить) и обязаны обосновать причины для этого»⁽¹⁾. Кроме того, как «ростовщичество» может быть преступлением, если это обмен, происходящий по взаимному согласию кредитора и заемщика? «Если оно <ростовщичество>, — заключает Бентам, — есть преступление... совершаемое с согласием, т.е. с согласием стороны, предполагаемой терпящей, <оно> может заслуживать место в каталоге преступлений только тогда, когда согласие было получено или неправильно, или несвободно: в первом случае ростовщичество совпадает с присвоением посредством обмана; во втором случае — с вымогательством»⁽²⁾.

В постскриптуме к трактату⁽³⁾ Бентам заново формулирует и уточняет тезис Тюрго—Смита в защиту сбережений. Сбережения — это средство накопления капитала: «Всякий, кто сберегает деньги, как говорится, вносит соответствующий вклад в общую массу капитала... Мир может увеличивать свой капитал лишь одним способом, а именно с помощью бережливости». С этим выводом связан другой: «...торговля ограничивается капиталом», т.е. объем торговли или производства лимитируется объемом накопленного капитала. Кратко говоря, «торговля каждой нации ограничена количеством капитала».

Из принципа *laissez faire*, как его понимал Бентам, следовало, что государственные расходы *не могут* увеличить общий объем капитала в обществе; они могут только отвлекать капитал со свободного рынка и использовать его менее продуктивно. Поэтому «никакие ограничительные и им подобные действия, будь то со стороны подданных или со стороны правителей, не могут увеличить объем богатства, произведенного за определенный период, сверх того, который производительные силы, создавшие наличный капитал... способны произвести».

«В защиту ростовщичества» встретила хороший прием в Британии и в других странах. Книга удостоилась похвалы видного шотландского представителя философии «здорового смысла» д-ра Томаса Рейда, который стал преемником Адама Смита в должности профессора этики в Глазго. Знаменитый граф Мирабо, один из ведущих деятелей раннего периода Французской революции, перевел сочинение Бентама на французский язык. В Соединенных Штатах трактат выдержал несколько изданий, вдохновив некоторые штаты на отмену законов против ростовщичества.

Есть в работе и ценные теоретические прозрения. Кредитование определяется как «обмен денег, имеющихся в настоящем, на будущее», а в других намеках на то, что временное предпочтение, или ожидание, является ключом к сбережению, встречается, например, такое высказывание: сберегает тот, кто обладает «решимостью пожертвовать настоящим ради будущего». Также Бентам предположил, что назначенный

по кредиту процент включает в себя премию за риск, — нечто вроде страховой премии за риск понести убытки, на который идет кредитор.

В 1780-х гг. Бентам также писал «Опыт о вознаграждении» («Essay on Reward»), опубликованный лишь полвека спустя под названием «Обоснование вознаграждения» («Rationale of Reward»). В этом сочинении он с энтузиазмом рассуждал о «конкуренции как вознаграждении» и превозносил «преимущества, приносимые ничем не ограниченной свободой конкуренции». Опираясь именно на этот принцип свободной конкуренции и противостояния государственным монополиям, «отец политической экономии» создал, по восторженной оценке Бентама, «новую науку».

В следующей работе по экономике, не опубликованном «Руководстве по политической экономии» («Manual of Political Economy», 1795), Бентам продолжил связанную с *laissez faire* тему «объем торговли не превышает объема капитала». Государство, указывал он, способно лишь изымать инвестиционные фонды из частного сектора; оно не может поднять общий уровень инвестиций. «Что прибавляется в одном месте, то отнимается у остальных... Политик, считающий, что объем торговли можно увеличить с помощью предписаний, подобен малому ребенку с глазами завидующими». Однако ближе к концу работы у Бентама появляется сомнение, которое в конце концов окажет решающее влияние на его экономические взгляды: Бентам начинает быстро скользить по инфляционистской наклонной плоскости. В своего рода приложении к работе он утверждает, что государственные бумажные деньги могут увеличить капитал, если ресурсы не были «полностью задействованы». Но ни в одной теории и уж конечно в канонической инфляционистской теории не объясняется, *почему* эти ресурсы «не задействованы», т.е. почему собственники этих ресурсов их не используют. А ответ должен быть таким: потому что собственник ресурсов требовал слишком высокую цену или заработную плату. Стало быть, инфляция — это средство, позволяющее обманным путем склонять собственников ресурсов к преумножению их реальных потребностей.

Бентаму не понадобилось много времени, чтобы скатиться от Адама Смита и того, что станет законом Сэя, по опасному склону к меркантилизму и инфляционизму. Вскоре в не опубликованном «Предложении о хождении [новой] разновидности бумажных денег» («A Proposal for the Circulation of a [New] Species of Paper Currency», 1796) он охотно приспособил свои «пржектерские» и конструкторские способности к новообретенному инфляционизму. Вместо того чтобы выпускать облигации и платить по ним проценты, государство, считал Бентам, просто должно монополизировать весь выпуск бумажных денег в королевстве. Тогда оно сможет выпускать заместители денег, желательно беспроцентные, по своему желанию и экономить на процентах.

Бентам так и не смог дать удовлетворительный ответ на вопрос, в каких пределах государство может выпускать бумажные деньги. Предельно, заявил он, будет, естественно, «наличный объем бумажных денег

в стране». Один современный редактор Бентама едко высмеял этот явный ляп: «Это все равно что, когда мы не знаем, сколь высоко небо, сказать “ну, в высоту неба”»³.

В более поздних сочинениях на эту тему Бентам все же пытался, хотя и безуспешно, найти какие-то пределы для выпуска бумажных денег. Однако его общая приверженность инфляционистскому курсу только укреплялась. В незаконченной работе «Обращающиеся аннуитеты» («*Circulating Annuities*», 1800) он подробнее разработал схему государственных бумажных денег и превознес полезность инфляции в военное время. Фактически Бентам повел решительное наступление на позиции Тюрго—Смита—Сэя, заявив, что занятость прямо пропорциональна количеству денег: «Ни в одном месте количество труда не растет иначе, как по причине роста количества денег в данном месте... Таким образом, с этой точки зрения, деньги, надо полагать, являются причиной и причиной *sine qua non* занятости и общего богатства». Количество денег — это всё; вот что осталось от теории Смита! В указанной работе Бентам пошел даже еще дальше, осудив своего бывшего кумира за то, что тот выступал против меркантилистского накопления золота и серебра в государственных закромах и меркантилистской заботы о «благоприятном» торговом балансе. Вполне оправданна, утверждал Бентам,

радость государственных деятелей, когда они видят, насколько успешно так называемый баланс торговли складывается в пользу этой страны... Соблазненный славой первооткрывателя, Адам Смит на кухонном языке попытался необоснованно высмеять предпочтение, отдаваемое золоту и серебру.

Еще раз призвав к упразднению банковских бумажных денег в пользу государственной монополии на их выпуск (во фрагментарной работе «Раскрытие вреда от бумажных банкнот» («*Paper Mischief Exposed*», 1801), Бентам в следующем сочинении, «Серьезный повод для тревоги» («*The True Alarm*», 1801), достиг пика инфляционизма. В этой неопубликованной работе он не только последовательно провел тему полной занятости, но и горько посетовал на якобы крайне прискорбные последствия накопления и сбережения денег, которые не идут на потребление, хранятся в сундуках и ни на что не тратятся. Это грозит настоящей бедой: падением цен, прибыли и производства. Но Бентам не учел, что накопление денег и общее снижение цен означает и снижение издержек, но не подразумевает непременно снижения инвестиций и производства. Фактически Бентам приблизился к заблуждению Мандевиля по поводу благотворного и живительного воздействия расточительной траты денег. С точки зрения меркантилистской и протокейнсианской позиции, сбережения — это вредное накопление, тогда как обильное потребление способствует оживлению производства. Однако эта аномальная модель не объясняет, каким образом без сбережений можно сохранить капитал (не говоря уже о его приумножении).

Джеймс Милль и Давид Рикардо считались верными последователями Бентама, и если говорить о философии утилитаризма и вере в политическую демократию, действительно ими были. Однако в области экономической науки все обстояло совсем иначе; непоколебимо опираясь на закон Сэя и доктрину Тюрго—Смита, они решительно возражали против публикации «Серьезного повода для тревоги». Рикардо поднимал на смех почти все экономические идеи позднего Бентама и, говоря о деньгах и производстве, задавал правильные вопросы: «Почему простое увеличение денежной массы должно иметь какие-то иные последствия, кроме снижения ценности денег? Как это увеличение может привести к росту производства товаров? Деньги сами по себе не могут создавать товаров... товары же могут создавать деньги». Главный тезис Бентама, «деньги суть причина богатства», Рикардо отвергал решительно и бесповоротно.

В предпоследней значимой работе по экономическим вопросам Бентам завершил порочный круг. Свою карьеру в области экономической теории он начал с безоговорочных возражений против законов о ростовщичестве, а закончил тем, что призвал к максимальному регулированию цен на хлеб. Почему нужен такой контроль? Да потому, что массы одобряют дешевый хлеб (еще бы!) и будет установлен «разумный» и «точный стандарт» правильной и этичной цены на хлеб, стандарт, который, несомненно, не может соблюдаться при свободных сделках на свободном рынке. И каков же должен быть этот стандарт? Ответ Бентама свидетельствовал о том, что его ситуативный утилитаризм и анализ затрат и выгод уже не имели ничего общего со сколько-нибудь здравыми экономическими соображениями: стандарт, заявил он, должен устанавливаться эмпирически, сообразно ситуации. Пустив всю экономическую логику по ветру, Бентам утверждал, что власти должны устанавливать «умеренную» максимальную цену, которая будет уравновешивать затраты и выгоды, преимущества и недостатки любой возможной цены. Читателей он заверил в своих добрых намерениях: он «нисколько не хотел, чтобы [это предложение] стало кнутом или бичом для наказания тех, кто выращивает зерно или торгует им». Но результат был бы именно таким.

Итак, Бентам превратился в рьяного ситуативного эмпирика. Признавая, что все прошлые попытки регулировать максимальную цену с треском провалились, Бентам, как и любой позднейший институционалист или историк, не считал эти факты значимыми, поскольку обстоятельства каждого конкретного времени и места, естественно, были разными. Иными словами, Бентам отверг экономическую теорию как таковую, т.е. отрицал возможность существования законов, которые абстрагируются от конкретных обстоятельств и применимы ко всем экономическим действиям в любой ситуации.

Возражая противникам регулирования цен, Бентам нередко прибегал к непоследовательным и даже абсурдным рассуждениям. Скажем,

на тот довод, что регулирование максимальной цены вызовет искушение потреблять больше, чем вообще имеется в наличии (одна из самых болезненных проблем регулирования цен), Бентам отвечал, что в Британии такое невозможно, поскольку по Закону о бедных при повышении цен на хлеб бедным положены пособия. Мнение, что в то или иное время кривая спроса может резко пойти вверх, а не упасть, во все века было тестом на экономическую грамотность, и теперь Бентам прошел такую проверку. Уже много столетий теоретики знали, что с падением цен спрос растет, а Бентам рассуждал так, словно экономической науки никогда не существовало — и не могло существовать.

Поскольку последовательность была прерогативой презируемой дедуктивной логики, Бентам отрицал, что его возражения против законов о ростовщичестве могут иметь хоть какое-то отношение к призывам ввести регулирование цен на хлеб. Хотя Бентам продолжал утверждать, что его прежние взгляды были совершенно правильными, он решил внести в них существенную поправку: раньше он, мол, не принимал во внимание, что закон о ростовщичестве весьма полезен, поскольку позволяет государству занимать дешевле (разумеется, за счет вытеснения частных заемщиков, готовых платить более высокий процент). Бентам признал, что теперь находит это «преимущество» решающим, и, соответственно, поставил бы законы о ростовщичестве на повестку дня: «Я склонен считать, что преимущество в одном этом отношении перевешивает недостатки во всех прочих». Кратко говоря, Бентам, считавшийся «индивидуалистом» и проповедником *laissez faire*, пришел к убеждению, что государственная выгода перевешивает все невыгоды частных лиц!

А еще, возвращаясь к своим ранним взглядам на ростовщичество, Бентам заявил, что никогда не верил ни в тенденции рынка к самокоррекции и равновесию, ни в то, что процентные ставки адекватно регулируют сбережение и инвестиции. Он пошел еще дальше, выступив с резкой отповедью сторонникам *laissez faire* и природных прав, стремясь доказать всем и вся несовместимость утилитаризма с *laissez faire* и природными правами:

Я не испытываю, не испытывал и не буду испытывать никакого ужаса, сентиментального или анархического, перед рукой государства. Оставляю Адаму Смиту и другим защитникам прав человека... рассуждать о посягательстве на природную свободу и выдвигать доводы против того или иного закона, доводы, способные поставить под сомнение все законы вообще. Вмешательство государства всякий раз, когда, насколько я могу судить, перевес оказывается на стороне пользы, — это такое событие, которое я наблюдаю совершенно с таким же удовлетворением, с каким наблюдал бы сознательное воздержание от вмешательства, и с куда большим, чем наблюдал бы пренебрежительное отношение к этой обязанности.

Остается только гадать, по какому таинственному стандарту «преданный науке» Бентам оценивал преимущества и недостатки каждого конкретного закона.

Три года спустя, в 1804 г., Иеремия Бентам утратил интерес к экономическим проблемам, за что нам, безусловно, следует его поблагодарить. Жаль только, что это угасание рвения не произошло лет на пять раньше. А пример Бентама должен быть поучительным для тех экономистов, которые пытаются скрестить утилитаризм с экономической теорией свободного рынка.

Логично было бы предположить, что Бентам, этот столп утилитаризма, много сделал для развития концепции полезности в экономической науке; однако, как ни странно, его интересовали главным образом «макро»-сферы экономической мысли. Единственное исключение составляет в целом неудачное сочинение «Серьезный повод для тревоги» (1801), в котором Бентам не только объявил, что «всякая ценность основана на полезности», но и подверг обоснованной критике приписываемый Адаму Смиту «парадокс ценности». Вода, указывал Бентам, может иметь экономическую ценность и имеет ее, но алмазы тоже ценны при их использовании, и на этом основана их экономическая ценность. Продолжая свое рассуждение, Бентам близко подошел к маржиналистскому опровержению парадокса ценности:

Причина, по которой вода считается не имеющей ценности в плане обмена, состоит в том, что она считается не имеющей ценности в плане использования. Если она имеется в достаточном количестве, излишек не имеет ценности. То же самое можно сказать о вине, зерне и обо всем прочем. Вода, созданная природой без всякого человеческого участия, нередко встречается в таком изобилии, что ее излишне много; но во многих случаях она при обмене ценится выше вина.

2.2. ЛИЧНЫЙ УТИЛИТАРИЗМ

Как мы видели, собственно экономические взгляды Бентама, особенно в его меркантилистский период, не оказали никакого влияния на экономическую мысль и не повлияли даже на двух его учеников с теоретическим складом ума, Джеймса Милля и Рикардо. Однако его философские взгляды, внедренные в экономическую теорию этими самыми учениками, оказали прискорбное устойчивое воздействие на экономическую мысль: они снабдили экономическую теорию базовой и доминирующей социальной философией. И господство этой философии несколько не умалется тем, что ее существование лишь молчаливо подразумевается и она не является предметом специальной рефлексии.

Утилитаризм снабдил экономистов способностью совмещать несовместимое: он позволил им выступать с рекомендациями и занимать твердую позицию по государственной политике, но при этом объявлять себя трезвомыслящими «научными» и поэтому «свободными от оценочных суждений». По мере того как в XIX в. экономическая наука становилась самостоятельной профессией, гильдией со своим уставом и своей практикой,

ее все больше обуревало желание уподобиться в плане успеха и престижа «строгим» естественным наукам. Но «ученые» по определению считаются людьми объективными, незаинтересованными и беспристрастными. Соответственно было принято считать, что, если экономисты привержены определенным моральным принципам или определенной политической философии, они тем самым вносят в экономическую дисциплину вирус «предвзятости», «предубежденности» и ненаучного подхода.

Однако при прямолинейном подражании естественным наукам не учитывался тот факт, что между людьми и неодушевленными объектами существует принципиальное различие: камни или атомы не имеют ценностей и не выбирают, тогда как люди по природе своей — существа оценивающие и выбирающие. Тем не менее экономисты прекрасно могли бы ограничиться анализом последствий ценностей и актов выбора *при условии*, что они воздержатся от суждений о государственной политике. Но экономисты страстно хотят рассуждать о политике; более того, интерес к политике — это обычно главная причина, побуждающая заняться экономической наукой. Но выступать за определенную политику, т.е. говорить, что правительство *должно* или *не должно* делать А, В или С, и значит занимать оценочную позицию и неявно позицию этическую. Обойти этот факт невозможно никаким способом, и единственное, что здесь можно сделать, — это превратить этику в рациональное исследование, выясняющее, что лучше всего для человека с точки зрения его природы. Но претензия на научность, свободную от оценочных суждений, исключает такой ход. Поэтому экономисты, вооруженные утилитаризмом, получили возможность притворяться или убеждать себя в том, что они являются строго объективными учеными, и при этом протаскивать в экономическую теорию с черного хода непроанализированные и сомнительные этические понятия. Тем самым экономисты выбрали наилучшее в двух областях и под видом сугубой беспристрастности позволили себе заблуждения и предвзятость. Бацилла утилитаризма, которой Бентам заразил экономическую науку, так и не была уничтожена; она остается столь же опасной и жизнеспособной, как раньше.

Утилитаристская доктрина состоит из двух основных частей, *личного* утилитаризма и *общественного* утилитаризма, причем последний выстраивается на базе первого. Оба вида утилитаризма ошибочны и вредны, но общественный утилитаризм, который нас здесь интересует больше, добавляет много ошибок и окажется безосновательным *даже в том случае*, если бы личный утилитаризм еще можно было как-то обосновать.

Личный утилитаризм, предложенный Давидом Юмом в середине XVIII в., исходит из того, что каждый индивидуум руководствуется исключительно желанием удовлетворять свои чувственные влечения, свои «страсти», и что эти эмоциональные ощущения счастья или несчастья суть первичные и не поддающиеся анализу данности. Единственное назначение человеческого разума состоит в том, чтобы служить *средством*, указывающим, как добиться поставленной цели; саму же цель вы-

бирает не разум. С точки зрения Юма и более поздних утилитаристов, разум — это всего лишь прислуга, раб страстей. Поэтому не может быть природного закона, устанавливающего общие для всех этические нормы.

Но, в таком случае, как же быть с тем неоспоримым фактом, что большинство людей ставят себе цели на основе этических принципов, которые безусловно невозможно свести в первичным личным эмоциям? Еще более неприятен для утилитаризма тот очевидный факт, что эмоция во многих случаях выступает служанкой таких принципов, очевидным образом *не является* исходной данностью и скорее определяется тем, что происходит с самими принципами. Тот, скажем, кто привержен какой-либо этической или политической теории, чувствует себя счастливым, когда эта теория торжествует, и несчастным, когда она терпит неудачу. В таких случаях эмоции прислуживают принципам, а не наоборот.

Когда утилитаризм, гордящийся своей рациональностью и научностью, сталкивается с подобными трудностями, ему приходится идти против фактов и мистифицировать себя. Ибо тогда ему остается либо сказать, что люди только *внушают себе*, что следуют руководящим этическим принципам, либо сказать, что они *должны* отказаться от всех принципов и хранить верность одним лишь непроанализированным чувствам. Словом, утилитаризм должен либо не считаться с очевидными для всех фактами (позиция откровенно ненаучная), либо занять собственную произвольную этическую позицию и отвергнуть все прочие. Но такой подход иррационален, ценностно окрашен и фактически отвергает антиэтическую доктрину утилитаризма (или скорее любую этическую доктрину, которая не является служанкой иррациональных страстей).

В любом случае утилитаризм опровергает сам себя, поскольку отступает от собственной аксиомы, требующей не выходить за рамки изначально данных эмоций и оценок. Кроме того, как свидетельствует человеческий опыт, субъективные желания *не являются* абсолютными, окончательными и неизменными. Они ничем не гарантированы от переубеждения — рационального или иного. Собственный опыт и доводы других людей безусловно могут побудить человека к пересмотру своих ценностей. Но как это достижимо, если все индивидуальные желания и оценки суть изначально данности и поэтому не подвержены воздействию чужих убеждений? Но если эти желания на самом деле не являются данностью и *способны* изменяться под влиянием моральных доводов, тогда, вопреки посылкам утилитаризма, *безусловно существуют* такие сверхсубъективные этические принципы, которые могут приводиться в качестве доводов и оказывать воздействие на человеческие оценки и цели.

Иеремия Бентам внес еще одну несурязицу в утилитаризм, который со времен Юма стал модным в Великобритании. Он самым радикальным образом перевел все человеческие желания и ценности из качественных в количественные; все цели сводились к количеству, а все явно разные предпочтения, скажем пустые забавы и занятия поэзией, к различиям в количестве и степени. Стремление радикально сводить качество

к количеству <впоследствии> вновь проявилось в виде сциентистской страсти среди экономистов. Количество является однородным объектом исследования в естественных науках; соответственно, с этой точки зрения учет качества при изучении человеческих действий будет равносильен мистификации и нестрогому, ненаучному подходу. Но экономисты в очередной раз забыли, что категория количества совершенна уместна, когда речь идет о камнях или атомах: ведь они не обладают сознанием, не оценивают, не выбирают, и их движения поэтому можно и должно отображать с количественной точностью. А вот люди наделены сознанием, имеют ценности и действуют в соответствии с ними. Люди не являются немотивированными объектами, всегда поддающимися количественному описанию. Людям присущи качественные характеристики и различия, на основе которых они выносят оценки и совершают выбор. Поэтому сведение качества к количеству сильно искажает природу человека и его действий и в силу искажения реальности прямо противоположно истинно научному подходу.

Сомнительным вкладом Иеремии Бентама в доктрину личного утилитаризма (помимо того что он был самым известным ее пропагандистом и популяризатором) стал перевод этой доктрины в резко упрощенное количественное измерение. Стремясь придать ей еще более «научный» вид, Бентам попытался ввести «научный» стандарт для таких эмоций, как счастье и несчастье, — количество удовольствия и неудовольствия. По его мнению, широкие категории счастья и желания можно свести к количеству удовольствия и неудовольствия: удовольствие — «хорошее», неудовольствие — «плохое». Человек же просто старается максимизировать удовольствие и минимизировать неудовольствие. Индивидуум и наблюдающий его ученый могут постоянно производить «исчисление удовольствия и неудовольствия»; этот процесс, который Бентам назвал «фелицифическим исчислением», является стандартной процедурой, позволяющей адекватно решать, что предпочтительнее в данной конкретной ситуации — действие или воздержание от него. Иными словами, каждый человек может заниматься тем, что опирающиеся на Бентама экономисты наших дней называют «анализом затрат и выгод»; применительно к любой ситуации он может измерить выгоды, т.е. единицы удовольствия, сопоставить их с затратами, т.е. с единицами неудовольствия, и увидеть, что перевешивает.

В своем рассуждении, которое профессор Джон Пламенац метко называет «насмешкой над разумом», Бентам пытается определить объективные «измерения» удовольствия и неудовольствия, чтобы придать исчислению счастья научную основательность. По утверждению Бентама, таких измерений семь: интенсивность, длительность, достоверность, близость, плодотворность, чистота и распространенность. Эти качества, считал он, измеримы (во всяком случае в принципе); их можно умножать друг на друга и получать суммарную величину удовольствия или неудовольствия, заключенную в любом действии.

Уже сама такая формулировка концепции семи измерений грешит явным безрассудством. Эмоции или чувства имеют не количественный, а качественный характер; их невозможно перемножить для выяснения суммарного объема. Аналогия с физическими объектами, на которую намекает Бентам, решительно неудачна. Если объект имеет три измерения, это значит, что все измерения однородны, линейны и могут быть перемножены для получения величины объема. В человеческой же оценке удовольствия и неудовольствия нет *единицы* измерения, общей для каждого из «измерений»; поэтому их невозможно перемножить. По язвительному замечанию профессора Пламенаца,

даже всезнающий Бог не смог бы сделать такие вычисления, поскольку они по определению невозможны. Интенсивность удовольствия невозможно измерить относительно его длительности, длительность — относительно достоверности или недостоверности, а эту последнюю — относительно близости или удаленности⁴.

Верно, конечно, добавляет Пламенац, что люди, как указывает Бентам, часто сравнивают различные образы действия и выбирают наиболее предпочтительные. Но это просто означает, что они делают выбор между альтернативами, но никак не означает, что они занимаются количественным подсчетом единиц удовольствия и неудовольствия.

Однако при всей нелепости доктрины Бентама одно рациональное зерно в ней все же есть. Бентам по крайней мере попытался, пусть и неудачно, положить в основу своего анализа затрат и выгод объективный стандарт затрат и выгод. Позднейшие теоретики утилитаризма, как и большинство экономистов, в конце концов отказались от исчисления удовольствия и неудовольствия. Но вместе с тем они отказались от всяких попыток найти стандарт, позволяющий подвести под ситуативные затраты и выгоды хоть какую-то рациональную основу. В результате оперирование категорией затрат и выгод даже на персональном уровне стало крайней расплывчатым, ничем не подкрепленным и произвольным.

Джон Уайлд выразительно сопоставляет персональную этику утилитаризма с этикой природного закона:

Этика утилитаризма не проводит четкого различия между бессознательным влечением (или интересом) и тем осознанным и целенаправленным желанием, в котором присутствует практический разум. Ценность, удовольствие или удовлетворение является объектом любого интереса вне зависимости от того, насколько случайным или превратным он может быть. Качественные различия просто игнорируются, а благо понимается чисто количественным образом как максимум удовольствия или удовлетворения. Разум не занимается отбором обоснованных влечений. В плане правомерности все желания равны. Разум — раб страсти. Вся его задача исчерпывается разработкой схем максимизации влечений, возникающих случайно или по иррациональным причинам...

Напротив, теория природного закона проводит четкое различие между неосознанным влечением и сознательным желанием, которое формируется при участии практического разума. Благо не может пониматься чисто количественным образом. Случайные влечения, препятствующие реализации главных общих тенденций, осуждаются как противоприродные... Когда разум становится рабом страстей, человеческая свобода исчезает, а человеческая природа искажается...

Этика природного закона проводит четкое различие между жизненно важными потребностями и правами и правами побочными и второстепенными. Благо должно пониматься не как простая максимизация качественно не различимых целей, а как максимизация тех тенденций, которые по своему качеству соответствуют природе человека и формируются как следствия разумного целенаправленного решения и свободного выбора... Существует строгий всеобщий стандарт, основанный на чем-то более прочном, чем зыбучий песок влечения, и действительный даже для самого испорченного общества. Этот стандарт и есть закон природы, который существует столько, сколько существует человечество; поэтому он является вечным и неизменным, и на нем основано право совершать революцию против порочного и тиранического общественного порядка⁵.

Наконец, в дополнение к проблемам исчисления удовольствия и неудовольствия, личный утилитаризм предлагает судить о действиях не по их *природе*, а по их *последствиям*. Но каким образом даже при простом анализе затрат и выгод (а тем более при бентамовском «объективном» анализе удовольствия и неудовольствия) можно оценить последствия любого действия? И почему легче, не говоря уже «научнее», судить по *последствиям*, чем оценивать действие по его природе? Кроме того, во многих случаях очень трудно просчитать, *какими именно* будут последствия намеченного действия. Как нам установить вторичные, третичные и так далее последствия, не говоря уже о самых ближайших? По всей видимости, Герберт Спенсер был прав в своей критике утилитаризма: часто проще бывает узнать не то, что целесообразно и выгодно, а то, что *правильно*⁶.

2.3. ОБЩЕСТВЕННЫЙ УТИЛИТАРИЗМ

Переведя утилитаризм с уровня личности на уровень общества, Бентам и его последователи сохранили все ошибки первого и добавили немало других. Если каждый человек стремится к максимальному удовольствию (и минимальному неудовольствию), тогда, с точки зрения сторонников Бентама, этическим императивом общества будет стремление к «наибольшему счастью наибольшего числа людей»; в этом общественном исчислении счастья каждый человек считается за одного, не больше и не меньше.

Первый вопрос является наглядным примером самоопровержения: ведь если каждый человек неизбежно руководствуется правилом максимизации удовольствия, то почему же все философы-утилитаристы гово-

рили о чем-то совсем другом, т.е. апеллировали к абстрактному социальному принципу («наибольшему счастью наибольшего числа людей»)?⁷ И почему *их* абстрактный моральный принцип (а он именно таков) правилен, а все прочие, включая природные права, следует решительно отвергнуть как полную бессмыслицу? Так на чем же основан принцип наибольшего счастья? Ответа на этот вопрос мы не найдем; принцип просто вводится как аксиома, не подлежащая обсуждению и стоящая выше любых возражений.

Помимо того что утилитаристы противоречат сами себе, признавая верховный (и не проясненный) абстрактный моральный принцип, сам этот принцип по меньшей мере сомнителен. Ведь на что может быть способно «наибольшее число людей»? Представим, что большинство членов общества ненавидит рыжих и с удовольствием перебило бы их. Представим, далее, что в любой данный момент рыжие сравнительно малочисленны и их исчезновение не нанесет заметного ущерба общему производству и реальным доходам всех прочих. Должны ли мы тогда, проведя исчисление общественного счастья, заключить, что для подавляющего большинства будет «хорошо» истребить рыжих, доставив себе максимум удовольствия или счастья? А если не должны, то почему? Как язвительно заметил Феликс Адлер, утилитаристы «объявляют главной общественной целью наибольшее счастье наибольшего числа людей, но затрудняются объяснить, почему счастье наибольшего числа должно быть убедительной целью и для тех, которые остались в меньшинстве»⁸. Кроме того, эгалитарная презумпция считать каждого человека за одного тоже далеко не самоочевидна. Почему бы не ввести систему сопоставления? Но здесь мы тоже имеем дело с непродуманным и ненаучным методом утилитаристской веры.

И последнее. В то время как утилитаризм ошибочно утверждает, что мораль или нравственность есть чисто субъективная данность для каждого индивидуума, он, противореча сам себе, утверждает при этом, что субъективные желания можно прибавлять, вычитать и сравнивать применительно к разным индивидуумам в масштабах всего общества и в результате получать исчисление максимального общественного счастья. Но каким же образом объективные или исчисляемые «общественные выгоды» и «общественные затраты» могут извлекаться из чисто субъективных желаний, если принять во внимание, что субъективные желания или выгоды уникальны и могут сравниваться, прибавляться или вычитаться лишь применительно к данному индивидууму? На самом деле все обстоит в точности наоборот. *Моральные принципы*, которые утилитаризм отвергает как чисто субъективные эмоции, межличностны и могут использоваться для убеждения разных людей, а выгоды и затраты субъективны у каждого индивидуума и поэтому *не могут* сравниваться или оцениваться по отношению к другим людям.

Причина, по которой Бентам молчаливо перешел от «максимального удовольствия» в личном утилитаризме к «счастью» в общественной сфе-

ре, вероятно, такова: говорить о «наибольшем удовольствии наибольшего числа людей» было бы явно нелепо, поскольку чувство удовольствия, испытываемое разными людьми, никак не может суммироваться или вычитаться. Заменяв «удовольствие» широким и расплывчатым понятием «счастье», Бентам смог забыть о таких проблемах⁹.

Утилитаризм побудил Бентама разрабатывать все более детальную «программу» государственного вмешательства в экономику. Некоторые пункты этой программы мы уже упомянули. В числе прочих были: социальное государство, налогообложение ради хотя бы частичного эгалитарного перераспределения богатства, государственные комитеты, институты и университеты, общественные работы для ликвидации безработицы и привлечения частных инвестиций, государственное страхование, регулирование банков и бирж, гарантирование количества и качества товаров.

2.4. БОЛЬШОЙ БРАТ: ПАНОПТИКУМ

Сторонников утилитаризма из числа экономистов часто и, на мой взгляд, справедливо упрекали в желании при рекомендации той или иной государственной политики подменять этические соображения «эффективностью». В отличие от «этичности» «эффективность» представляется чем-то рациональным, реалистичным и «научным». Однако превознесение «эффективности» лишь замечает этическую проблему под ковер. Ведь в *чьих* интересах и за *чей* счет будет достигаться социальная эффективность? Апеллируя к мнимой науке, «эффективность» часто становится прикрытием эксплуатации, ограбления одной группы людей ради выгод другой. Экономистов-утилитаристов часто обвиняют в том, что они хотят осчастливить «общество» рекомендациями по самому эффективному строительству «концентрационных лагерей». Тем, кто считает подобные обвинения несправедливым доведением до абсурда, следует присмотреться к тому, как жил и что думал вождь утилитаристских мыслителей, Иеремия Бентам. В глубинном смысле Бентам был живым доведением до абсурда своего собственного учения, живым наглядным воплощением его выводов.

Итак, в 1768 г. Бентаму (ему было тогда 20 лет), приехавшему в свою альма-матер, Оксфорд, на встречу выпускников, попало в руки сочинение Джозефа Пристли «Опыт о правлении» («*Essay on Government*»); в нем Бентам нашел магическую фразу, которая изменила его жизнь и с тех пор ее направляла: «наибольшее счастье наибольшего числа людей». Однако, как отмечает Гертруда Химмельфарб в своих блестящих и разгромных работах о Бентаме, из всех его многочисленных планов и проектов, связанных с этой неуловимой целью, любезнее всего сердцу Иеремии был план паноптикума. Когда Бентам в 1780-х гг. навещал своего брата Сэмюэла в России, он узнал, что тот разрабо-

тал проект такого паноптикума, производственной мастерской. Иеремия тут же ухватился за идею паноптикума, усмотрев в ней идеальную приспособленность для тюрьмы, школы, фабрики — одним словом, для всех жизненных нужд общества. «Паноптикум» по-гречески означает «всевидение», и это название прекрасно подходило для задуманного объекта; а еще Бентам называл свое детище «Инспекционным домом». Идея состояла в том, чтобы максимально усилить наблюдение за заключенными, учениками, нищими, работниками, которое осуществлял всевидящий инспектор; этот последний располагался в башне, в центре многоэтажной круглой структуры, и мог следить за всеми ячейками по периферии. Для того чтобы никто из наблюдаемых не мог знать, куда в тот или иной момент смотрит инспектор, предусматривалась система зеркал и других приспособлений. Паноптикум позволял на 100% контролировать наблюдаемое сообщество без дополнительных средств: ведь каждый мог в любой момент оказаться под наблюдением, не подозревая об этом.

Апологеты Бентама утверждают, что он хотел лишь «реформировать» тюрьму, но сам Бентам достаточно ясно дал понять, что системой паноптикума должны быть охвачены все общественные институты и она должна стать моделью для «фабрик, мастерских, рабочих домов, домов для умалишенных, больниц и школ». Будучи атеистом, не склонным цитировать Писание, Бентам тем не менее воспел социальный идеал паноптикума словами из Книги Псалмов <138, 3>: «Иду ли я, отдыхаю ли, Ты окружаешь меня, и все пути мои известны Тебе».

По верному замечанию профессора Химмельфарб,

Бентам не верил в Бога, но верил в качества, обожествленные в понятии Бога. Паноптикум был осуществлением божественного идеала; он позволял следить за действиями правонарушителя благодаря особой архитектурной конструкции, которая превращала ночь в день с помощью искусственного освещения и зеркал и подчиняла заточенных в ней людей сложной системе наблюдения¹⁰.

Бентам хотел обеспечить или по крайней мере имитировать «идеальное совершенство» всесторонней и непрерывной слежки за каждым. «Невидимый глаз» наблюдателя побуждал каждого подопечного считать, что он находится под постоянным надзором; таким способом достигался эффект «несомненной вездесущности инспектора».

В соответствии с принципами утилитаризма общественное устройство регулируется деспотом, который действует «научно» во имя наибольшего счастья всех. Во имя этого счастья он максимально увеличивает «эффективность». Соответственно, по изначальному замыслу Бентама, каждый подопечный содержится в своего рода одиночном заключении, которое в максимальной степени обеспечивает ему «безопасность и уединение», а также исключает возникновение неуправляемых толп и возможность побега.

Обосновывая полезность своего паноптикума, Бентам на каком-то этапе принимает во внимание сомнения и опасения людей, которым может понадобиться максимальный надзор за детьми и другими подопечными. Он признает, что его инспектора могут счесть чрезмерно деспотичным, и даже допускает, что поголовная поднадзорность и массовое одиночное заключение способны «породить слабоумие», в результате чего прежде свободный человек уже не будет в полном смысле человеком: «А не приведет ли эта в высшей степени совершенная система к тому, что под видом *людей* мы фактически получим *машины*?» На этот принципиальный вопрос Иеремия Бентам дал бесцеремонный, безоговорочный и подлинно утилитаристский ответ: «Какая разница?» По-настоящему его заботило только одно: «К чему с наибольшей вероятностью приведут такие дисциплинарные меры — к увеличению или уменьшению *счастья*?» Для нашего «исследователя» счастья ответ был очевиден: «Называй их хоть солдатами, хоть монахами, хоть машинами; все они будут счастливы, в этом я несколько не сомневаюсь»¹¹. Это слова предшественника «гуманистов», готовых применять гильотину или по меньшей мере концентрационный лагерь.

Бентам хотел изменить условия одиночного заключения посредством паноптикума прежде всего по соображениям экономии: соорудить отдельную камеру для каждого подопечного очень дорого. Паноптикум отвечал двум главным критериям — экономности и эффективности. Бентам планировал максимально интенсифицировать подневольный труд заключенных. В конце концов, «напряженный труд — это благословение; зачем же чернить его как проклятие?» Семи с половиной часов вполне хватит на сон, полутора часов — на еду; к тому же, напомнил Бентам, «не нужно забывать, что перерывы на еду — это одновременно перерывы и на отдых: прием пищи есть восстановление сил». Поэтому обитатели паноптикума вполне могут работать 14 и даже 15 часов в день 6 дней в неделю. Мало того, Бентам написал одному другу, что «опасается» раскрывать многие из предусмотренных мер экономии, «так как боится быть побитым». А предусматривал он вот что: заключенные должны работать не меньше «16 с половиной продуктивных часов» в день, чулки, блузы и головные уборы им не положены, пища — один лишь картофель (который в то время даже самые бедные люди считали пригодным только на корм животным); спальные принадлежности максимально дешевые: вместо простыней мешки, вместо кроватей гамаки.

В какой мере Бентам был одержим экономией и производительностью, помогает понять принципиально важный элемент его паноптикума, элемент, на который позднейшие историки часто не обращали внимания: Великим Инспектором должен был стать не кто иной, как сам Бентам. Все тюрьмы королевства, а впоследствии, как предполагалось, также школы и фабрики должны быть переданы под надзор Бентама, который становился подрядчиком, инспектором и коммерсантом, извлекающим прибыль из всей этой схемы. Неудивительно поэтому, что он

был совершенно уверен в способности инспектора максимально увеличить собственное счастье наряду со счастьем «наибольшего числа» обитателей паноптикума. Если не «наибольшее счастье» заключенных, то долгосрочную выгоду самого Бентама обеспечивали также рассчитанные на долгое время правила, удерживающие «освобожденных» заключенных почти в постоянном рабстве у инспектора. Согласно окончательному варианту плана, заключенный освобождался из паноптикума лишь при условии, что он зачислялся в армию, на флот или имел поручительство в 50 фунтов, выданное на его имя «ответственным домовладельцем». Нужно учитывать, что в то время неквалифицированный рабочий получал примерно 10 шиллингов в неделю, и 50 фунтов составляли очень крупную сумму — примерно двухгодичный заработок такого рабочего. Поручительство должно было подтверждаться каждый год, и если человек, все равно, по какой причине, не мог возобновить его, он доставлялся в паноптикум «и теперь уже пожизненно». Но с какой стати ответственный домовладелец будет выдавать финансовое обязательство в 50 фунтов для бывшего заключенного? У Бентама имелся очевидный ответ: только в том случае, если заключенный согласится работать на этого домовладельца, отдавая себе полный отчет в том, что новый хозяин имеет над ним такую же власть, как «отец над ребенком или мастер над подмастерьем». Поскольку эту дорогое поручительство следовало возобновлять каждый год, бывший заключенный, по мысли Бентама, отдавался домовладельцу в постоянное рабство. Если поручительство отзывалось, заключенного переводили во «вспомогательное учреждение», устроенное по принципу паноптикума. А кто мог лучше управлять подобными учреждениями, как не главный распорядитель тюрем, т.е. сам Бентам? Иными словами, паноптикум был задуман с таким расчетом, чтобы все его обитатели оставались в фактически пожизненном рабстве у распорядителя (Бентама).

Учитывая всеохватное увлечение Бентама паноптикумом и его нескрываемое притязание на должность главного распорядителя, мы должны отдать себе отчет в том, что Химмельфарб называет

удивительным, почти сознательным невниманием биографов и историков к самой важной детали этого плана и решающей причине его отклонения. Для них Бентам был филантропом, который посвятил годы жизни и значительную часть своего состояния разработке образцовой модели пенитенциарной реформы и которому по необъяснимой причине, как выразился один биограф, «не позволили облагодетельствовать его страну». В большинстве книг о Бентаме и даже в некоторых самых солидных историях пенитенциарной реформы ничего не сказано о связанной с Паноптикумом системе подряда, не говоря уже о притязаниях Бентама на должность подрядчика¹².

Наконец, замысел паноптикума, насколько можно судить, был тесно связан с деревообрабатывающей машиной, которую брат Иеремии Сэмюел

изобрел в России примерно тогда же, когда задумал производственную мастерскую типа паноптикума. Есть ли лучший способ использовать тысячи и даже многие тысячи работников, чем заставить их с небольшими расходами выдавать огромное количество древесины? Машину Сэмюела оказалось дорого построить и приводить в движение паровой машиной; так почему бы, по словам самого Бентама, «не изъять человеческий труд у того класса людей, ни на сообразительность, ни на добрую волю которых не приходится рассчитывать... и заменить им паровую машину?»

О том, что Бентам не собирался ограничивать сферу паноптикума одними заключенными, в особенности свидетельствует его проект рабочего дома-паноптикума. Составленный в 1797 г. и переработанный в 1812 г. «Улучшенный проект об использовании бедняков» предусматривал создание акционерной компании (подобной Ост-Индской компании), которой государство поручало организовать 250 «Работных домов»; в каждом таком доме предполагалось иметь 2000 бедняков, подчиненных «абсолютной» власти подрядчика-инспектора-управителя и соблюдающих примерно такой же режим, как в тюрьме-паноптикуме.

Но где же было взять столько бедняков, предназначенных для рабочего труда в рабочем доме? По мысли Бентама, компания (которую, естественно, возглавлял он сам) наделялась «правом принуждения», т.е. могла задерживать всякого, кто «явно не имел средств к существованию или установленного имущества, либо честных и достаточных средств к существованию». На этом весьма расплывчатом основании рядовые граждане юридически обязывались всеми силами помогать уполномоченным компании, задерживать любого, кто, как им казалось, не имеет достаточных средств к существованию, и доставлять его в ближайший рабочий дом.

Систему рабочих паноптикумов Бентам задумал с размахом. Дома должны были вмещать не только 500 тысяч бедняков, но и их детей, которые оставались под властью компании и в том случае, если родителей отпускали; дети служили компании до достижения 20 с небольшим лет, даже если уже состояли в браке. Для этой молодежи предназначались 250 дополнительных домов, и общее число обитателей рабочих домов должно было, таким образом, составить не меньше миллиона. Поскольку население Англии в то время не превышало 9 миллионов человек, получается, что Бентам намеревался обречь на рабский труд, лично организовать и эксплуатировать по меньшей мере 11% населения. Мало того, порой он мечтал заключить в паноптикумы $\frac{3}{5}$ британского населения.

Иеремия Бентам задумал свой паноптикум в 1786 г., когда ему было 38 лет. Через 5 лет он опубликовал план, больше 20 лет упорно продвигал его и в том числе предлагал свое детище Франции и Индии, но безуспешно. В 1811 г. Парламент окончательно отверг предложение Бентама. Все оставшиеся годы своей долгой жизни Бентам оплакивал поражение, а под самый конец, в возрасте 83 лет, написал историю проекта, убедив себя в том, что виной всему был король Георг III: он якобы мстил

Бентаму за выступления в 1780-х гг. против королевского плана войны с Россией. Книга названа «История войны между Иеремией Бентамом и Георгом III, написанная одной из воюющих сторон» (1831). «Представьте только, — стонал Бентам, — как он меня ненавидел... И если бы не он, все бедняки страны и все заключенные страны оказались бы в моих руках»¹³. Какая трагедия!

Бентам начинал свою карьеру как тори, как типичный для XVIII в. приверженец «просвещенного деспотизма». Надежды на осуществление своих реформ и заумных планов «наибольшего счастья наибольшего числа людей» он связывал с просвещенными деспотами, будь то российская императрица Екатерина Великая или Георг III. Однако провал проекта паноптикума превратил Бентама в ненавистника абсолютной монархии: «Я, — писал он, — никогда не думал, что властители будут против реформ. Я думал, им нужно только узнать, что правильно, и они примутся за это». Утратив иллюзии, Бентам позволил обратить себя, отчасти под влиянием своего великого ученика Джеймса Милля, в радикального демократа и облачился в мантию того учения, которое стало называться философским радикализмом. Новшество нового радикализма, заключает Химмельфарб, состояло в том, чтобы «поставить наибольшее счастье наибольшего числа в зависимость от наибольшей власти наибольшего числа», а наибольшая власть должна быть сосредоточена в руках «всемогущего законодательного органа»¹⁴. И если, добавляет Химмельфарб, «наибольшее счастье наибольшего числа» потребует «наибольшего несчастья немногих», то быть по сему.

По всей видимости, Дуглас Лонг нисколько не преувеличивает, когда сравнивает социальное мировоззрение Бентама со взглядами современного «научного» тоталитариста Б. Ф. Скиннера. Под конец жизни Бентам писал, что слова «свобода» и «свободный» — одни из «самых вредоносных» в английском языке, поскольку они отвлекают внимание от действительно важных вещей — «счастья» и «безопасности». С точки зрения Бентама, государство есть оплот правопорядка, и долг каждого гражданина состоит в подчинении этому правопорядку. Люди хотят и требуют не свободы, а «безопасности», и для обеспечения последней власть суверенного государства должна быть неограниченной и беспредельной. (А кто будет охранять граждан от их суверена?) Для Бентама, указывает Лонг, «идея свободы по самой своей природе представляла, — более чем любая другая, — постоянную угрозу той завершенности и стабильности, которую Бентам искал в своей “науке о человеческой природе”. Неопределенность и пластичность либерального взгляда на человека были ему чужды. Его, напротив, привлекало совершенство неоньютоновской социальной физики»¹⁵. Вполне можно (хотя это и звучит несколько помпезно) сказать, что Бентам рассматривал себя как «Ньютона мира этики».

Несмотря на заявленную преданность принципу *laissez faire*, философские радикалы восприняли не только демократические взгляды позднего Бентама, но и его сильную привязанность к идее паноптикума.

Джон Стюарт Милль даже на тех стадиях своей постоянно менявшейся позиции, когда бывал больше всего настроен против Бентама, никогда не критиковал паноптикум. Блистательный «Ленин» Бентама Джеймс Милль, хотя и желал похоронить эти статистические экономические взгляды Бентама, но всегда хвалил паноптикум столь же помпезно, как и сам Наставник. В написанной для «Британской энциклопедии» в 1822 или 1823 г. статье «Тюрьмы и тюремная дисциплина» Милль превознес до небес план паноптикума как «в совершенстве разработанный и проверенный» на основе великого принципа полезности. Горячее одобрение Милля заслужила каждая деталь проекта паноптикума: архитектура, гамаки вместо кроватей, всевидящая инспекция, система организации труда, система подряда, нескончаемое рабство «освобожденных заключенных». Неумеренные похвалы Милля были не только публичными, но и частными: в письме к редактору энциклопедии он со всей решительностью заявил, что паноптикум «представляется мне близким к совершенству».

2.5. ПРИМЕЧАНИЯ

1. William E. C. Thomas, *The Philosophic Radicals: Nine Studies in Theory and Practice 1817—1841* (Oxford: The Clarendon Press, 1979), p. 25.
2. *Ibid.*, pp. 35—36.
- (1). Русский перевод обоих фрагментов приводится по изданию: *Бентам И.* В защиту ростовщичества // Этика процента: Дж. Локк и И. Бентам о природе ссудного процента и его регулировании. Челябинск; М.: Социум, 2019. Письмо I. — *Прим. изд.*
- (2). Русский перевод приводится по изданию: *Бентам И.* Введение в основания нравственности и законодательства. М.: РОССПЭН, 1998. Гл. 18, § XXXV, прим. 24. — *Прим. изд.*
- (3). В русском издании постскриптум опущен. — *Прим. изд.*
3. Werner Stark, 'Introduction', in Stark (ed.), *Jeremy Bentham's Economic Writings* (London: George Allen & Unwin, 1951), vol. II, pp. 18—19.
4. John Plamenatz, *The English Utilitarians* (2nd ed., Oxford: Basil Blackwell, 1958), pp. 73—74.
5. John Wild, *Plato's Modern Enemies and the Theory of Natural Law* (Chicago: University of Chicago Press, 1953), pp. 69—70.
6. Herbert Spencer, *Social Statics* (New York: Robert Schalkenbach Foundation, 1970), pp. 3 ff.
7. Как отмечает Пламенац, Бентам и его последователи утверждали, что «ни один человек не может желать никакого удовольствия, кроме своего собственного», но при этом парадоксальным образом «настаивали, что «величайшее счастье, неважно чье, есть единственный критерий нравственности» (Plamenatz, *Op. cit.* note 4, p. 18). А профессор Витч указывает: «Утилитаристам всегда было трудно объяснить, почему один человек вообще обязан думать о других. Если человек утверждает свою личную этику на строго гедонисти-

- ческих принципах, считает удовольствие единственной ценной вещью в жизни и признает за собой моральное право действовать так, как ему угодно, то явно трудно совершить переход от этой базовой позиции к утверждению, что тот же самый моральный субъект должен заботиться не только о своем собственном удовольствии, но равным образом и об удовольствии других» (Henry B. Veatch, *Rational Man: A Modern Interpretation of Aristotelian Ethics* (Bloomington, Indiana: Indiana University Press, 1962), pp. 182—183).
8. Felix Adler, “The Relation of Ethics to Social Science”, in H. J. Rogers, (ed.), *Congress of Arts and Science* (Boston: Houghton Mifflin, 1906), VII, p. 673. Питер Гич ставит похожий вопрос: а что если, даже по утилитаристским меркам, общество обретет больше счастья, следуя пожеланиям меньшего количества? См.: Peter Geach, *The Virtues* (Cambridge: Cambridge University Press, 1977), pp. 91 ff.
 9. В утилитаризме много других крупных изъянов. Скажем, если даже допустить, что счастье разных людей можно складывать или вычитать, то почему более полное общественное счастье нельзя получить, исполняя желания *меньшинства*? И что тогда? См.: Geach, op. cit., note 8. Далее, утилитаристская презумпция полной моральной неразличимости субъективных выгод и предпочтений во многих случаях будет абсурдной. Например, сколько людей (большинство?) станут упрямо считать вместе с утилитаристами, что при общественном исчислении чье-то желание увидеть наказание невинного должно котироваться столь же высоко, как другие, менее порочные желания? Ср.: Murray N. Rothbard, *The Ethics of Liberty* (Atlantic Highlands, NJ: Humanities Press, 1982), p. 213.
 10. Gertrude Himmelfarb, *Victorian Minds* (1970, Gloucester, Mass.: Peter Smith, 1975), p. 35.
 11. Ibid., p. 38.
 12. Ibid., pp. 58—59.
 13. Ibid., p. 71.
 14. Ibid., p. 76.
 15. Douglas C. Long, *Bentham on Liberty* (Toronto: University of Toronto Press, 1977), p. 164. Лонг добавляет: Бентам «расширял свое представление о полномочиях законодателя до тех пор..., пока они не стали включать в себя, по-видимому, все мыслимые формы социального контроля над всей совокупностью человеческой деятельности» (Ibid., p. 214).

ГЛАВА 3

ДЖЕЙМС МИЛЛЬ, РИКАРДО И ЕГО СИСТЕМА

3.1. ДЖЕЙМС МИЛЛЬ, ЛЕНИН РАДИКАЛОВ

В истории экономической мысли одной из самых интересных фигур, безусловно, является Джеймс Милль (1771—1836). При этом он принадлежит к числу самых малоизученных экономистов. Милля, по-видимому, можно считать одним из первых в современной истории, кого называют «кадровыми функционерами», кого в ленинском движении следующего столетия величали бы «настоящим большевиком». И он действительно был своего рода Лениным в движении радикалов, который создал и сформировал радикальную философскую теорию и даже целое движение философского радикализма. Человек блестящий и творческий, но упорно державшийся положения «второго лица», Милль, как и Ленин поначалу, искал своего Маркса. И нашел. И даже сразу двух «Марксов» — Иеремию Бентама и Давида Рикардо. Ему было 35, когда в 1808 г. он познакомился с Бентамом, и примерно в это же время он знакомится с Рикардо. Бентам для Милля стал философским «Марксом», у него Милль позаимствовал свою философию утилитаризма, которая от него перешла к Рикардо и вошла в экономическую теорию в целом. Однако часто упускается из виду то обстоятельство, что в своих отношениях с Бентамом Милль действовал творчески, убеждая пожилого человека, некогда принадлежавшего к партии тори, что бентамовский утилитаризм предполагает политическую систему радикальной демократии. Давид Рикардо (1772—1823) был бесхитростным молодым, но уже богатым и отошедшим от дел биржевым брокером (он торговал облигациями), который очень интересовался вопросами денежного обращения; однако Милль воспринимал Рикардо как своего экономического «Маркса» и всячески способствовал его развитию в этом направлении.

До того как в 1818 г. в возрасте 45 лет Милль получил должность в Ост-Индской компании, он, обедневший шотландский эмигрант и лондонский писатель-фрилансер, частично жил за счет Бентама, и ему удавалось сохранять со своим покровителем достаточно хорошие формальные отношения, несмотря на серьезные личные трения. Будучи склонным организовывать себя и других, Милль отчаянно пытался систематизировать обильный, но хаотический поток писаний Бентама. А последний тем временем в частных письмах друзьям жаловался

на дерзкое вмешательство этого молокососа. Издание Миллем в 1818 г. объемистой «Истории Индии» принесло ему немедленное назначение на важный пост в Ост-Индской компании, а в 1830 г. он занял должность руководителя управления и оставался на ней до конца жизни.

Что касается самоучки, робкого и неуверенного в себе Давида Рикардо, то он отнюдь не выступал в роли Великого человека. Наоборот, его восхищение Миллем, который был его интеллектуальным наставником и отчасти наставником в экономической теории, позволял последнему направлять подопечного и руководить им. Так что Милль, с удовольствием используя лесть, грубость, подначивания и угрозы, подталкивал своего хорошего друга к тому, чтобы тот стал «Марксом», великим экономистом, каковым сам Милль, как он считал, в силу каких-то причин не мог или не должен был быть. Он всеми правдами и неправдами побуждал Рикардо к тому, чтобы тот писал и довел до конца работу над своим шедевром «Начала политической экономии и налогообложения» (1817), а затем избрался в Парламент и стал играть активную политическую роль в качестве лидера радикалов. И тогда в экономической теории Милль с радостью сделался ведущим и последовательным рикардианцем.

В качестве тогдашнего «Ленина» Джеймс Милль сыграл гораздо более активную интеллектуальную роль, чем та, на которую реальный Ленин когда-либо мог рассчитывать. Он не просто интегрировал работу двух «Марксов», он внес существенный вклад в саму <теоретическую> систему. И действительно, Милль в бесчисленных беседах наставлял Рикардо по всем темам; он просматривал, редактировал и, несомненно, вносил множество добавлений в черновики «Начал» Рикардо. Например, мы уже видели выше, что именно Милль первым усвоил закон Сэя, включил его в систему и ознакомил с ним своего ученика Рикардо. Недавние исследования показывают, что Джеймс Милль играл, возможно, гораздо более важную и ведущую роль в разработке главной книги Рикардо, чем считалось ранее, например в части открытия и разработки закона сравнительных преимуществ.

Занятая Миллем позиция, безусловно, уникальна в истории общественной мысли. Чаще всего теоретики и писатели стремятся вознести до небес свою предполагаемую оригинальность (случай Адама Смита яркий, но вполне типичный). Но можно ли найти другой пример, когда человек оказывается гораздо более оригинальным или творческим, чем он сам заявлял о себе? Многие ли настаивали на том, чтобы оставаться просто «вторым лицом», когда во многих отношениях являлись «первым лицом»? Следует отметить, что, возможно, существует простое и сугубо материально-экономическое объяснение этого любопытного факта, не требующее погружения в глубины психологии. Дело в том, что сын сапожника Милль был бедным шотландцем без постоянного места работы, который выбивался из сил, чтобы содержать в Лондоне свою семью. Бенгам был богатым аристократом, выступавшим в роли покровителя Милля; Рикардо был отошедшим от дел богатым биржевым брокером.

Вполне возможно, что занятая Миллем позиция преданного приверженца, стала следствием того, что бедняк стремился сделать так, чтобы его богатые ученики-наставники оставались довольными собой, и при этом принятие обществом их совместных доктрин было максимальным.

Как выдающийся кадровый функционер, Милль обладал всеми достоинствами и недостатками этого современного типа. Лишенный чувства юмора, постоянно поучающий, но харизматичный, наполненный огромной энергией и решимостью, Милль находил время, чтобы работать полный рабочий день на ответственной должности в Ост-Индской компании и при этом вести активную научную деятельность во многих областях. Стилль Милля как ученого и писателя был обстоятельным и ясным, он твердо придерживался нескольких стержневых общих аксиом: утилитаризм, демократия, *laissez faire*. Если говорить о научных достижениях, то им написаны важные работы по истории Британской Индии, по экономике, политологии и эмпирической психологии. Кроме того, он является автором множества научных рецензий и статей. И будучи, как и Маркс впоследствии, твердым приверженцем не только дела познания мира, но и его преобразования, Милль также писал бесчисленные газетные статьи, стратегические и тактические очерки, неустанно занимался организацией философских радикалов, маневрированием в Парламенте и в политической жизни. Наряду со всем этим ему доставало сил и энергии всем проповедовать и наставлять всех, кто его окружал, включая известную неудачную попытку промыть мозги своему юному сыну Джону. Однако следует отметить, что неистовый и пламенный метод Милля в вопросе воспитания и обучения Джона не был простой причудой отца и интеллектуала Викторианской эпохи; образование Джона Стюарта строилось так, чтобы подготовить его к предположительно жизненно важной и всемирно-исторической роли преемника Джеймса в качестве лидера радикальных кадров, в качестве нового Ленина. В этом безумии метод все-таки присутствовал.

Кальвинистский пыл Джеймса Милля вполне соответствовал его жизненной роли кадрового функционера. Милль учился в Шотландии на пресвитерианского проповедника. В период лондонской литературной деятельности он утратил свою христианскую веру, став атеистом, но, как и родившиеся много позже интеллектуалы — атеисты и агностики, получившие евангелистское образование, он сохранил типичные для кальвиниста деспотические, пуританские, прозелитические умственные привычки. Как пронизательно пишет профессор Томас:

Вот почему Милль, скептик в поздний период жизни, всегда ладил с (протестантскими) диссидентами [порвавшими с Англиканской церковью]. [...] Он, быть может, и пришел к тому, чтобы отвергнуть веру в Бога, но какая-то форма евангельского рвения для него оставалась важной. Скептицизм — *в смысле отказа от приверженности, от выбора между той или иной верой* — приводил его в ужас. Возможно, именно это объясняет его давнюю неприязнь к Юму. До того

как утратить веру, он осуждал Юма за безбожие; но даже тогда, когда он сам пришел к безбожию, он продолжал недооценивать Юма. Спокойный скептицизм, который, казалось бы, мог бы помочь сохранить статус-кво, был не тем состоянием ума, которое Милль мог понять¹.

Или, возможно, Милль слишком хорошо понимал Юма, и поэтому его поносил.

Кальвинизм Милля со всей очевидностью проявился в его убеждении в том, что страсти должны находиться под строгим контролем разума, что едва ли согласовывалось с бентамовским гедонизмом. Кадровые функционеры — отъявленные пуритане, и Милль вполне по-пуритански не любил изобразительное искусство и театр и не доверял им. Он обвинял актера в том, что тот является «рабом самых необузданных склонностей и страстей рода человеческого», и Милль едва ли был из тех, кто способен наслаждаться чувственной красотой ради нее самой. Живопись и скульптуру Милль презирал, считая их самыми низменными из искусств, призванными убажывать лишь легкомысленную любовь к показухе. Поскольку в духе типичного бентамистского утилитариста Милль полагал, что человеческое действие является «рациональным» лишь тогда, когда совершается с благоразумным расчетом, в «Истории Британской Индии» он проявил полную неспособность понять кого-либо, кто мотивирован мистическим религиозным аскетизмом, стремлением к военной славе или тягой к самопожертвованию.

Если Эмиль Каудер прав в том, что именно благодаря шотландскому кальвинизму трудовая теория ценности Смита вошла в экономическую науку, тогда шотландский кальвинизм в еще большей степени ответственен за энергичный и решительный крестовый поход Джеймса Милля во имя трудовой теории ценности и, возможно, за ту центральную роль, которую он играет в рикардрианской системе. Это также могло бы объяснить приверженность трудовой теории земляка Милля — шотландца и ученика Дугалда Стюарта Джона Мак-Куллоха.

Ярким и особенно успешным примером деятельности Милля как кадрового функционера была его роль в продвижении через парламент великого билля о реформе <избирательной системы> 1832 г. Центральное место в политической теории Милля занимала его приверженность демократии и всеобщему избирательному праву; однако он был готов благоразумно повременить с этим во имя билля о реформе, который решительно расширял в пользу многочисленного среднего класса границы британского избирательного права — аристократического и основанного на манипуляциях с границами избирательных округов. В процессе проведения билля о реформе Милль выступил в роли своего рода закулисного «Ленина» и кукловода. Его стратегия заключалась в том, чтобы играть на страхах пугливого правительства вигов, занимавшего центристскую позицию и опасавшегося, что массы устроят насильственную революцию, если законопроект не пройдет. Милль и его радикалы хорошо знали, что в ближайшем будущем такая революция была

невозможна; однако через друзей и союзников, занимавших стратегические позиции в органах печати, Милль сумел организовать в прессе целенаправленную кампанию лжи. В результате виги были одурачены, запаниковали, и в итоге законопроект был принят. В кампании дезинформации принимали участие важные фигуры тогдашней прессы: ведущий еженедельник «Examiner», находившийся в собственности и под редакцией радикала-бентамиста Олбани Фонбланк; повсеместно читаемая «Morning Chronicle», ежедневная газета вигов под редакцией старого друга Милля Джона Блэка, превратившего ее в рупор радикалов-утилитаристов; и «Spectator» под редакцией последователя Бентама С. Ринтула. «Times» в тот момент тоже была дружественной по отношению к радикалам, а ведущий бирмингемский радикал Джозеф Паркс являлся владельцем и редактором «Birmingham Journal». Не и это еще не всё; Паркс сумел добиться, чтобы его выдуманные истории о якобы революционных настроениях в общественном мнении Бирмингема публиковались в «Morning Chronicle» и «Times» в качестве фактических отчетов. Милль так хорошо справился со своей задачей, что многие историки впоследствии тоже принимали эти отчеты за истинные.

Неизменно соединяя теорию и практику, Джеймс Милль проложил дорогу этой организованной кампании обмана, когда в своих сочинениях оправдывал ложь во имя достойной цели. Хотя правда и важна, Милль все же допускал, что существуют особые обстоятельства, «при которых другой человек не имеет права на истину». Людям, писал он, не следует говорить правду, «когда они находят этой правде дурное применение». Утилитарист во всем! И конечно же, как обычно, именно утилитарист должен определять, как используется правда другим человеком — «хорошо» или «плохо».

Впоследствии Милль развил свою апологию лжи в политике. В политике, утверждал он, распространение «неверной информации» (или, как мы бы сказали сегодня, «дезинформации») является «не нарушением норм морали, а, наоборот, похвальным деянием... когда это способствует предотвращению плохого правления. И менее всего человек обладает правом на достоверную информацию именно тогда, когда он намеревается воспользоваться ею для увековечения подобного правления».

Полтора десятка лет спустя Джон Роубек, один из главных помощников Милля в той кампании, а впоследствии радикальный член Парламента и историк движения за избирательную реформу, признавал, что

для достижения нашей цели, было сказано много такого, чему никто не верил; было сделано много такого, чего никто не хотел бы по отношению к себе. [...] ...часто, когда не было никакой опасности, поднимался крик тревоги, чтобы постоянно поддерживать палату лордов и аристократию в целом в состоянии, как это называлось, благотворного ужаса.

В отличие от «шумных ораторов, которые <только> казались важными» в той кампании, как вспоминал Роубек, были и «хладнокровные, склон-

ные к уединению, прозорливые решительные люди... которые дергали за ниточки в этом странном кукольном спектакле». «Один-два руководящих ума, неизвестные широкой публике», манипулировали и дирижировали всем движением. Они «использовали других в качестве своих инструментов». А самым хладнокровным, пронизательным и решительным был Джеймс Милль — мастер-кукловод, манипулировавший ими всеми.

Несмотря на то что Джеймс Милль занимал высокий пост в Ост-Индской компании и сам не мог избираться в Парламент, он был безусловным кадровым функционером группы из 10—20 философских радикалов, которая на протяжении 1830-х годов пользовалась влиянием в Парламенте. Милль оставался лидером этой группы до своей смерти в 1836 г., а затем остальные ее участники пытались действовать согласно его заветам. Хотя философские радикалы называли себя последователями Бентама, сам престарелый Бентам имел мало общего с этой группой миллианцев. Большая часть парламентских философских радикалов были возвращены самим Миллем, начиная с Рикардо более чем десятью годами ранее, а также его сына Джона Стюарта, который на какое-то время стал преемником своего отца в качестве лидера радикалов. На пост официального лидера радикалов в Парламенте Милль вместе с Рикардо выдвинули Джорджа Грота (1794—1871), банкира и позднее историка античности. Грот, самоучка и человек, лишенный чувства юмора, вскоре стал простым орудием в руках Джеймса Милля, которого весьма почитал как «очень глубокого мыслителя». По словам профессора Джозефа Гамбургера, Грот, будучи самым верным учеником Милля, «так хорошо воспринял его идеи, что казалось, будто они его собственные», и для него все без исключения изречения Милля «обрели силу и санкцию обязанностей».

В миллевском кружке имелся также пламенный кадровый функционер в юбке, миссис Гарриет Леви Грот (1792—1878), властная, напористая и воинственная дама. Ее дом стал салоном и общественным центром парламентских радикалов. Она была широко известна как «королева радикалов», о ней Кобден писал, что «если бы она родилась мужчиной, то была бы лидером партии». Гарриет рассказывала, насколько красноречивым бывал Милль и какое харизматическое влияние он оказывал на своих молодых учеников, большую часть которых вовлек в миллевский кружок его сын Джон Стюарт. Вот типичное свидетельство от молодого друга Джона, Уильяма Эллиса, который писал в последние годы своего сотрудничества с Джеймсом Миллем: «Он все во мне перевернул. Он научил меня думать и показал, ради чего стоит жить».

3.2. МИЛЛЬ И ЛИБЕРАЛЬНЫЙ КЛАССОВЫЙ АНАЛИЗ

Теорию классового конфликта в качестве ключа для понимания политической истории создал не Карл Маркс. Как мы увидим ниже, начало было положено в 1810 г. после реставрации монархии Бурбонов двумя веду-

щими французскими либералами, вдохновленными идеями Ж. Б. Сэя, — Шарлем Контом (зятем Сэя) и Шарлем Дюнуайе. В отличие от более поздней марксистской ухудшенной версии классовой теории, согласно Конту—Дюнуайе, имманентная классовая борьба ведется за то, *каким классам* удастся захватить контроль над государственным аппаратом. *Правящим* классом является любая группа, которой удалось захватить государственную власть; *подвластными* являются те группы, которые облагаются налогами и подвергаются регулированию со стороны тех, кто стоит у власти. В этом случае классовый интерес определен как отношение данной группы к государству. Государственное правление, с его налогообложением, осуществлением полномочий, управлением, даруемыми субсидиями и льготами, является инструментом, который порождает конфликты между правителями и подвластными. В этом случае мы имеем «двуклассовую» теорию классового конфликта, в основе которой лежит понимание того, принадлежит ли группа к правителям или к управляемым. С другой стороны, на свободном рынке имеет место не классовый конфликт, а гармония интересов всех индивидов в обществе, которые сотрудничают посредством производства и обмена.

Джеймс Милль разработал похожую теорию в 1820—1830-х гг. Неизвестно, пришел ли он к ней самостоятельно или под влиянием французских либералов; ясно, однако, что анализ Милля был лишен богатых приложений по истории Западной Европы, над которыми трудились Конт, Дюнуайе и их младший коллега историк Огюстен Тьерри. Всё государство, указывал Милль, управляется господствующим классом; немногие доминируют и эксплуатируют тех, кем правят, т.е. многих. Поскольку все группы действуют исходя из своих эгоистических интересов, отмечал он, нелепо ожидать, что правящая верхушка будет действовать бескорыстно во имя «общественного блага». Как и все остальные, они будут использовать имеющиеся возможности к собственной выгоде, а это означает грабить многих в свою пользу или в пользу союзников по особым интересам и во вред интересам всего общества. И поэтому постоянное использование Миллем термина «низменные» («sinister») интересы следует понимать как направленные против блага широкой публики. Нужно отметить, что под общественным благом Милль и радикалы понимали именно государство *laissez faire*, ограниченное минимальными функциями полиции, обороны и отправления правосудия.

Подчеркивая необходимость всегда относиться к правительству с подозрением и сформировать систему сдержек для обуздания государственной власти, главный политический теоретик радикалов Милль вернулся к либеральным идеям сторонников республиканизма XVIII в. Милль соглашался с Бентамом в том, что «если правящую элиту не сдерживать, она будет вести себя хищнически». Следование низменным интересам приводит к эндемичной «коррупции» в политике, к синекурам, к бюрократическим «местам» и субсидиям. Милль сетовал: «Подумайте о цели [правительства], какой она является на самом деле, по ее собст-

венной природе. Далее подумайте о комплексе средств — юстиции, полиции и обороне от иностранных захватчиков. А затем задумайтесь об притеснениях, которые творятся против народа Англии под предлогами отправления этих функций».

Еще никогда либеральная теория правящего класса не была выражена с такой ясностью и мощью, как в этих словах: есть два класса, провозглашал Милль, «принадлежащих к первому классу — тем, кто грабит, — немного. Они составляют правящее меньшинство. Принадлежащих ко второму классу — тем, кого грабят, — много. Это многочисленные подданные». Или, как резюмировал позицию Милля профессор Хамбургер: «Политика всегда была борьбой двух классов — алчных правителей и тех, кто предназначался им в жертву»².

Большой головоломкой <теории> правления, заключал Милль, является вопрос о том, как устранить этот грабеж: отнять власть, «посредством которой класс, который грабит, преуспел в осуществлении своих стремлений, всегда было большой проблемой <теории> правления».

«Многочисленных подданных» Милль точно обозначил термином «народ». И возможно, именно Милль ввел в оборот анализ, в рамках которого «народ», как класс управляемых, противопоставляется группам «особых интересов». Так как же все-таки обуздать власть правящего класса? Милль полагал, что нашел ответ: «Народ должен назначить надзирателей. Кто должен надзирать за надзирателями? Сам народ. Больше некому; без этой окончательной гарантии правящее меньшинство будет оставаться вечным бичом и угнетателем многочисленных подданных».

Но как сам народ может быть надзирателем? Этой древней проблеме Милль дал решение, которое в западном мире к настоящему времени стало стандартным, но все еще не очень удовлетворительным ответом: посредством общенародного избрания представителей, призванных осуществлять надзор.

В отличие от французских либеральных аналитиков Джеймс Милль не интересовался историей и развитием государственной власти; его интересовало только «здесь и сейчас». А «здесь и сейчас» в тогдашней Англии правящим меньшинством была аристократия, правившая с помощью весьма ограниченного избирательного права и контролируемых «гнилых местечек», направлявших своих представителей в Парламент. Правящим классом являлась английская аристократия; правительство Англии, обвинял Милль, «служила лишь инструментом, которым аристократия орудует во имя своей собственной выгоды». Сын и верный ученик (в то время) Милля-старшего Джон Стюарт, принимая участие в дебатах лондонских полемических обществ, утверждал в манере самого Милля, что в Англии не существует «смешанного правительства», так как подавляющее большинство членов Палаты лордов выбираются всего «двумястами семей». Эти немногочисленные аристократические семьи «поэтому обладают абсолютным контролем над правительством... и если правительство, контролируемое 200 семьями, не является аристокра-

тическим, то тогда нельзя говорить, что вообще существует такая вещь, как аристократия». А раз такое правительство контролируется и управляется немногими, то оно и «подчинено полностью интересам немногих».

Именно такой анализ побудил Джеймса Милля поставить в центр своей бурной политической деятельности достижение радикальной демократии — всеобщего избирательного права народа в ходе частых выборов путем тайного голосования. Такова была долгосрочная цель Милля, хотя он был готов временно притормаживать — в тех вопросах, которые марксисты позже станут называть «переходными требованиями» — ради билля о реформе 1832 г., предоставившего избирательные права значительной части среднего класса. Для Милля расширение демократии было важнее *laissez faire*, поскольку для него процесс ниспровержения класса аристократии имел более фундаментальное значение, ибо *laissez faire* было лишь одним из приятных следствий, которые как ожидалось, будут проистекать из того факта, что власть аристократии сменится властью всего народа. (В современном американском контексте позиция Милля была бы справедливо названа «правым популизмом».) Поставив требование демократии во главу угла, миллевские радикалы в 1840-х гг. совершили ошибку и утратили свое политическое значение, когда отказались вступать в союз с Лигой против хлебных законов, несмотря на то что сами одобряли свободу торговли и *laissez faire*. Соратники Милля считали, что борьба за свободу торговли — это движение, состоящее преимущественно из представителей среднего класса, и будет отвлекать от полного сосредоточения усилий на проведении демократической реформы.

Допустим, что народ сверг аристократическое правление, имелись бы тогда у Милля основания полагать, что люди станут поддерживать *laissez faire*? Да, и здесь он рассуждал весьма изобретательно: если правящий класс пожинает плоды своего эксплуататорского правления совместно, то народ составляет класс иного рода: его единственным общим интересом является избавление от господства групп, наделенных особыми привилегиями. Помимо этого интереса народные массы не имеют общих классовых задач, которые они могли бы активно решать с помощью государства. Более того, заинтересованность в ликвидации особых привилегий является общей для всех и поэтому представляет собой «общественный интересом», в отличие от специальных или низменных интересов немногих. Интерес народа совпадает со всеобщим интересом, а также с *laissez faire* и свободой для всех.

Но как же тогда объяснить отсутствие тех, кто утверждает, что массы всегда отстаивают *laissez faire*? А также тот факт, что массы слишком часто лояльно относятся к эксплуататорскому правлению немногих? Очевидно, потому, что в сложных вопросах правления и государственной политики люди страдают от того, что марксисты позже назовут «ложным сознанием», незнанием того, в чем состоят их истинные интересы. Именно тогда перед интеллектуальным авангардом — Миллем и его философскими радикалами — встала задача обучить и организовать

массы таким образом, чтобы их сознание стало правильным. Вот тогда они (массы) смогли бы продемонстрировать свою неодолимую силу и установить собственное демократическое правление и режим *laissez faire*. Даже если согласиться с этим аргументом, миллевские радикалы, к сожалению, были настроены чересчур оптимистично относительно временного интервала, необходимого для такого роста сознательности, и потому политические неудачи начала 1840-х годов привели их к разочарованию в радикальной политике и к быстрому распаду их движения. Любопытно, что их лидеры, такие как Джон Стюарт Милль, Джордж и Гарриет Гроты, заявляя об исчерпании политического энтузиазма и отказе по причине усталости от политического действия, в действительности с поразительной быстротой дрейфовали к уютной виговской центристской позиции, которую они ранее презирали. Провозглашенная ими потеря интереса к политике на самом деле была маской, скрывавшая потерю интереса к *радикальной* политике.

3.3. МИЛЛЬ И РИКАРДИАНСКАЯ СИСТЕМА

В недавнее время было обнаружено множество сведений относительно направляющей и формирующей роли Джеймса Милля в создании системы своего друга Рикардо. В какой степени рикардианство в действительности является творением Милля? По-видимому, в значительной. Одно можно сказать наверняка: именно Милль позаимствовал у Ж. Б. Сэя великий закон Сэя и перетянул на эту сторону Рикардо. Милль развил закон Сэя в своей важной ранней книге «В защиту коммерции» («*Commerce Defended*», 1808), написанной незадолго до встречи с Рикардо. Рикардо неуклонно придерживался закона Сэя и на протяжении депрессивного 1819 г. последовательно выступал в Парламенте против расходов на общественные работы. И мы уже знаем, как в 1811 г. совместными усилиями Миллю и Рикардо удалось не допустить публикации протокейнсианской книги Бентама «Серьезный повод для тревоги» («*True Alarm*»).

Разъясняя закон Сэя, Милль подхватил и развил важные соображения Тюрго—Смита, касающиеся сбережений и инвестиций. Однако остальная часть экономического наследия Милля оказалась подлинным бедствием. Многие стали сутью рикардианской системы. Так, в забытой ранней работе «Нецелесообразность выплаты премий за экспорт зерна» («*The Impolicy of a Bounty on the Exportation of Grain*», 1804) Милль излагает суть рикардианской системы, начиная с ее фактического содержания и заканчивая характерной катастрофической методологией грубых и нереалистичных упрощений и целой кучей необоснованных макроагрегатов, никак не связанных с деятельностью индивида в реальном мире, будь то потребитель или бизнесмен. Милль придумывает множество воображаемых взаимосвязей между этими макроагрегатами,

которые *на первый взгляд* имеют место в реальном мире, но на самом деле относятся только к глубоко ошибочным допущениям о несуществующем мире долгосрочного равновесия. Его методология, по сути, представляет собой «словесную математику», так как все утверждения являются лишь неявным скоростным генерированием того, что в действительности представляет собой математические соотношения, однако никогда не признаваемых таковыми. Используя разговорную речь, он как бы наносит патину притворного реализма, чего никогда не смогла бы обеспечить математика. Открытое использование математики могло бы, по крайней мере, выявить все ошибочные допущения модели.

Концентрация внимания Рикардо исключительно на долгосрочном равновесии просматривается в его собственной декларации о методе: «Я оставил в стороне все непосредственные и временные эффекты, сосредоточив все свое внимание на том постоянном состоянии вещей, к которому они придут».

Нагромождение друг на друга нереалистичных свехупрощений представляет собой «рикардианский грех». И рикардианскую, и австрийско-сэевскую методологии называют «дедуктивными», однако в действительности они находятся на противоположных полюсах. Австрийская методология («праксиология») в своих аксиомах строго придерживается универсально реалистичных общих <common> взглядов на сущность человеческой деятельности и выводит истины только из таких, очевидно истинных утверждений или аксиом. В отличие от этого рикардианская методология используется в качестве исходных аксиом многочисленные ложные допущения, бесконечно плодящиеся и нагромождаемые друг на друга, так что все выводы, сделанные на основе этих допущений, — будь то словесные в случае Рикардо, или математические в случае современных последователей Вальраса, или смеси их обоих, как в кейнсианстве, — необходимо ложны, бесполезны и вводят в заблуждение.

Так, в очерке о субсидиях на экспорт зерна Джеймс Милль совершает типично «рикардианскую» ошибку, объединяя все сельскохозяйственные товары в один, в «хлеб» (пшеницу), и объявляя хлеб <репрезентативным> базовым товаром. А затем, полагая хлеб суррогатом всех продуктов питания, Милль огульно заявляет, что важнейший научный принцип политической экономии состоит в том, «что денежная цена хлеба регулирует денежные цены на все остальное». Почему? Здесь Милль прибегает к типичному и грубо радикальному варианту мальтузианства. Мало того, что существует долгосрочная *тенденция*, когда рост населения оказывает давление на средства к существованию, так что ставки заработной платы опускаются до уровня прожиточного минимума, так еще (типично рикардианское выдавание несуществующего долгосрочного равновесия за неизменную повседневную реальность) ставки заработной платы всегда определяются ценами на хлеб (суррогат всякой пищи, или средств к существованию, в целом). По мнению Милля, утверждение о том, что ставки заработной платы всегда напрямую

определяются ценой хлеба, «столь очевидно необходимо, что нет нужды дополнительно тратить время на его доказательство». Вот *все* и уладилось! На этом основании он заключает, что уровень заработной платы «полностью регулируется денежной ценой хлеба».

Крайнее мальтузианство Милля просматривается и в его заявлении о том, что «всякий... без колебаний признает... что тенденция живых существ к размножению гораздо сильнее, чем та возможная быстрота, с которой могло бы умножиться количество плодов земных». Милль доходит до крайности, заявляя, что «выращивайте хлеб так быстро, как пожелаете, однако рты, которые его съедят, производятся еще быстрее. Рост народонаселения неизменно наступает на пятки производству средств пропитания; и какое бы количество пищи ни производилось, производство спроса всегда будет больше предложения».

Еще одной неудачной идеей, перешедшей в систему Рикардо из очерка Милля 1804 г., стал всеподавляющий акцент на поведении нескольких агрегированных макропоказателей. Качество труда предполагается однородным; поэтому цена хлеба снижает все «заработные платы» до уровня прожиточного минимума. В рикардианской схеме макрораспределения <доходов> присутствуют только три категории: «заработная плата», «прибыль» и «рента». Совершенно не обсуждаются *индивидуальные* цены или ставки заработной платы — важнейшая тема экономического анализа, — и нет никакого намека на существование или необходимость предпринимателя. Проделанный Сзем блестящий анализ центральной роли предпринимателя полностью забыт; предпринимателю, берущему на себя все риски, не находится никакой роли, если все заморожено в нескольких агрегатных сгустках в состоянии долгосрочного равновесия, при котором изменения происходят медленно или их нет вообще, а знание является совершенным, а не неопределенным. Соответственно «прибыль» представляет собой чистый доход, полученный капиталистами агрегированно, и его вполне можно назвать «процентом» или «долгосрочной прибылью».

Если заработная плата, прибыль и рента полностью исчерпывают продукт, тогда тавтологически и, по сути, по определению, если один из трех показателей растет, а *сумма заморожена*, то один или оба оставшихся показателя должны падать. Отсюда следует неявное рикардианское допущение об имманентном классовом конфликте между получателями этих трех блокированных долей распределения доходов <в экономике>. В системе Милля—Рикардо заработная плата устанавливается по цене хлеба, или по затратам на продукты питания. В свою очередь, цена на продукты питания постоянно растет из-за фиксированного предложения земли ввиду предполагаемой мальтузианской необходимости перехода на все менее плодородные земли по мере роста населения, что оказывает давление на предложение продуктов питания. Таким образом, рента всегда медленно, но неуклонно растет, и также всегда растет денежная ставка заработной платы — в целях поддержания реальной

заработной платы на уровне прожиточного минимума. Поэтому — вуаля! — совокупная «прибыль» всегда должна падать.

Яростная критика Шумпетером рикардианской системы была весьма пронизательной и вполне уместной:

Он [Рикардо] резал общую систему [экономической взаимозависимости на рынке] на куски, связывал в узел как можно более крупные части системы и клал их «на холод», чтобы как можно больше зафиксировать и сделать «заданным». Затем он накладывал одно упрощающее допущение на другое до тех пор, пока у него не оставалось всего несколько агрегатных переменных, между которыми с учетом этих допущений он устанавливал простые односторонние зависимости; таким образом в конце получались желаемые результаты, очень похожие на тавтологии. Возьмем для примера знаменитую теорию Рикардо о том, что прибыли «зависят от» цены на пшеницу. При его подразумеваемых допущениях и особом понимании условий теоретической задачи это не только верно, но и неоспоримо, даже тривиально. Прибыли не могут зависеть ни от чего другого, так как все другое задано, т.е. заморожено. Это превосходная теория, которую никогда нельзя будет опровергнуть, — в ней есть все, кроме смысла³.

3.4. РИКАРДО И РИКАРДИАНСКАЯ СИСТЕМА, I: РАСПРЕДЕЛЕНИЕ МАКРОДОХОДА

Хотя значительная часть рикардианской системы, как оказалось, была разработана Джеймсом Миллем, бóльшая ее часть была создана, по всей видимости, самим Рикардо, который и должен, конечно же, нести основную ответственность за свой труд. Если вернуться к марксистской метафоре, то тандем Милль—Рикардо во многих отношениях больше похож на тандем Маркс—Энгельс, чем на связку Ленин—Маркс.

Рикардо родился в Лондоне в зажиточной семье испано-португальских евреев, осевших в Голландии после того, как в конце XV в. они были изгнаны из Испании. Отец Рикардо переехал в Лондон, где добился успеха в качестве биржевого маклера, имел 17 детей, из которых Давид был третьим. В возрасте 11 лет отец отправил Давида на два года в Амстердам на учебу в ортодоксальную еврейскую школу. В 14 лет, имея лишь начальное образование, Рикардо начал свою деловую карьеру, поступив на работу в «маклерский» дом своего отца. Следует подчеркнуть, что в ту эпоху не существовало корпораций или корпоративных акций, если не считать квазигосударственного Банка Англии. В то время «акциями» (stocks) назывались государственные облигации, а «биржевые маклеры» того времени по современной терминологии назывались бы дилерами государственных облигаций.

Однако семь лет спустя Давид женился на девушке из квакерской семьи и отошел от традиционного иудаизма, в результате чего родители

от него отреклись. В конце концов он стал убежденным квакером. Лондонский банк, на который молодой Рикардо уже успел произвести впечатление, ссудил ему достаточно денег, чтобы он мог обустроиться в своем собственном бизнесе в качестве биржевого маклера. Всего за несколько лет на торговле облигациями Рикардо заработал столь огромное состояние, что уже в возрасте 40 с небольшим лет мог позволить себе отойти от дел и переселиться в сельскую местность. В 1799 г. 27-летний Рикардо, умирая от скуки на курорте, наткнулся на книгу «Богатства народов» и, буквально проглотив ее, стал, как и многие другие в ту эпоху, убежденным последователем Смита.

Как отмечает Шумпетер, «принципы» Рикардо можно понять только как диалог с «Богатством народов» и как реакцию на эту книгу. Логическое мышление Рикардо оскорблял тот хаос, который в этом каноническом произведении Адама Смита обнаружил также и Ж. Б. Сэй. И Рикардо, подобно Сэю до него, решил усовершенствовать систему Смита, сделав ее яснее. К сожалению, и в чем его глубокое отличие от Сэя, Рикардо пытался упростить систему, сохранив при этом все самые вопиющие ошибки Смита, отбросив все ограничения и противоречия, а затем уже свою систему выстраивал на том, что осталось. Худшее в Смите было лишь увеличено и усилено. В соответствии с основным методом Рикардо все исторические и эмпирические наблюдения Смита были выброшены. Само по себе это было неплохо, но он сохранил дедуктивную систему, основанную на глубоком заблуждении и некорректных макромоделях. И вдобавок, при том что теоретическая система Рикардо была, возможно, чересчур упрощенной сравнению с системой Смита, сам стиль его письма был чрезмерно раздражительным и бестолковым. Метод словесной математики почти неизбежно оказывается трудным для понимания и туманным, а блоки слов описывают математические соотношения равновесия весьма громоздким способом. И помимо всего этого, Рикардо, в отличие от своего наставника Милля, обладал, несомненно, одним из наихудших и наиболее высокопарных литературных стилей в истории экономической мысли.

В отличие от Адама Смита, для которого валовой продукт (выпуск), или богатство, наций имел первостепенное значение, Рикардо пренебрегает общим объемом производства и в первую очередь делает акцент на мнимом распределении данного продукта между макроклассами. В частности, между тремя макроклассами землевладельцев, капиталистов и рабочих. Так, в письме к Мальтусу, который, по крайней мере в этом вопросе, был убежденным сторонником Смита, Рикардо совершенно ясно указывает на различие в подходах: «Политическая экономия, вы полагаете, есть исследование природы и источников богатства; я же считаю, что ее скорее следует называть исследованием законов, определяющих распределение продукции производства среди классов, его сообща формирующих».

Поскольку предпринимательству в его мире долгосрочного равновесия места не нашлось, Рикардо пришлось довольствоваться класси-

ческой триадой факторов. Его анализ строго холистический, в терминах якобы однородных, но на самом деле разнородных и разношерстных классов. В отличие от Сэя, Рикардо избегал любого акцента на индивидуальность, будь то потребителя, рабочего, производителя или предпринимателя.

В мире словесной математики Рикардо, как пронизательно отметил Шумпетер, существуют четыре переменные: общий объем выпуска, или доход, и доли дохода землевладельцев, капиталистов и рабочих, т.е. рента, прибыль (долгосрочный процент) и заработная плата. Рикардо столкнулся с неразрешимой проблемой: у него было четыре переменные, но только одно уравнение, с помощью которого их нужно было найти:

Общий объем выпуска (или доход) = рента + прибыль + зарплата

Решая это уравнение или, вернее, претендуя на решение, Рикардо пришлось «определять» один или несколько из этих параметров вне самого уравнения, чтобы остальные получались в качестве остатка. Он начал с того, что пренебрег общим объемом производства, т.е. предположив, что он *задан*, «определив» тем самым доход путем замораживания, исходя из своих собственных произвольных допущений. Такая процедура позволила — к его удовольствию — избавиться от одной переменной.

Далее переходим к заработной плате. Здесь Рикардо позаимствовал у Милля его порочную или ультрамальтузианскую идею о том, что «заработная плата» — все зарплаты — всегда и везде оказывает такое давление на предложение продуктов питания, что всегда устанавливается и определяется именно на уровне прожиточного минимума. Труд предполагается однородным и одинакового качества, так что все зарплаты можно считать равными прожиточному минимуму. Хотя и признавая неявно и недолго, что труд все-таки бывает различного качества и сорта, Рикардо, как и Маркс вслед за ним, решительно увильнул от этой проблемы, беспечно постулировав, что все эти различия могут быть учтены в измеряемом количестве «рабочего времени». В результате это позволило Рикардо утверждать, что ставки заработной платы однородны во всей экономике. И при этом, как мы уже знаем, продукты питания или средства к существованию предполагалось, как правило, объединять в единый товар «зерно», так что цена зерна выступала в качестве суррогата прожиточного минимума в целом.

С учетом таких сколь героических, столь и ложных предположений «сама» ставка заработной платы определяется мгновенно и полностью ценой на зерно, поскольку ставка заработной платы не может ни подняться выше прожиточного минимума (определяемого ценой на зерно), ни опуститься ниже.

Цена на зерно, в свою очередь, определяется в соответствии со знаменитой теорией ренты Рикардо, которая служит стержнем рикардианской системы. Поскольку, согласно довольно странной теории Рикардо,

только земля может быть различной по качеству. Труд, как мы уже знаем, предполагается однородным, и поэтому ставки заработной платы тоже являются едиными, и, как мы увидим дальше, прибыль также предполагается однородной вследствие ключевого постулата, гласящего, что экономика всегда находится в состоянии долгосрочного равновесия. Земля остается единственным фактором, которому чудесным образом разрешается быть разным по качеству. Далее, Рикардо исключает любое открытие новых земель или увеличение продуктивности сельского хозяйства. Поэтому его теория истории подводит к выводу о том, что люди всегда начинают культивировать самые плодородные земли, а по мере роста населения мальтузианское давление на предложение продуктов питания заставляет производителей все шире использовать худшие земли. Иначе говоря, по мере роста численности населения и увеличения производства продуктов питания производственные издержки выращивания зерна с течением времени должны неумолимо расти.

Рента, по выражению Рикардо, есть плата за «пользование первоначальными и неразрушимыми силами почвы». Тут содержится намек на теорию производительности, и Рикардо на самом деле видел, как более плодородные и продуктивные земли приносят более высокую ренту. Но, к сожалению, как выразился Шумпетер, Рикардо затем «пускается в объезд». В первую очередь Рикардо делает предположение, что в любой момент самая бедная земля при возделывании приносит нулевую ренту. Из этого предполагаемого факта он делает вывод, что конкретный участок земли приносит ренту не благодаря *своей собственной* производительности, но только потому, что его производительность выше, чем у самых бедных культивируемых земель с нулевой рентой. Напомним, что для Рикардо труд однороден, а следовательно, заработная плата тоже однородна и одинакова, и, как мы увидим, прибыль также получается однородной и одинаковой. Земля уникальна в своей постоянной, долгосрочной структуре дифференцированной плодородности и продуктивности. Следовательно, по Рикардо, рента представляет собой *чистый* ценовой дифференциал, и земельный участок *A* приносит ренту исключительно ввиду разницы его продуктивности по сравнению с обрабатываемым земельным участком *B* с нулевой рентой.

Из этих предположений, по мнению Рикардо, следуют несколько важных моментов. Во-первых, поскольку население неуклонно растет и в оборот вносятся все более бедные земли, *все дифференциалы постоянно увеличиваются*. Так, примем, что в какой-то момент времени земельные участки под зерновыми (получается, что все земельные участки) имеются во всем диапазоне производительности — от самой высокой, участок *A*, до самой низкой, участок *J*, который, будучи предельным, приносит нулевую ренту. Но теперь население увеличивается, и фермеры должны обрабатывать все более и более бедные участки земли, скажем *K*, *L* и *M*. И теперь *M* становится землей с нулевой рентой, а участок *J* уже приносит положительную ренту, равную дифференциалу между *e*

производительностью и производительностью участка M . И у всех ранее субпредельных участков их дифференциальные ренты также растут. Поэтому становится неизбежным, что с течением времени по мере роста населения рента и доля дохода от нее также растут.

Тем не менее, хотя рента продолжает расти, *на предельных землях* она всегда остается равной нулю, и, как утверждал Рикардо в важнейшей части своей теории, рента, будучи нулевой, *не входит в издержки*.

Иными словами, издержки на рабочую силу, будучи якобы однородными, едины для каждого продукта, и прибыль по всей экономике, будучи однородной и довольно небольшой, составляют ту часть затрат, которой в целом можно пренебречь. Поскольку цена каждого продукта одина, это означает, что издержки на рабочую силу, как на самых дорогих землях, так и на землях с нулевой рентой, однозначно определяют цену зерна и всякого другого сельскохозяйственного продукта. Рента, будучи субпредельной, в соответствии с предположениями Рикардо, не может включаться в издержки. Общий рентный доход является пассивным остатком, который определяется отпускными ценами и совокупным доходом, а отпускные цены определяются затратами на труд и (в незначительной степени) единой нормой прибыли. А так как количество труда, необходимого для производства зерна продолжает расти, и все больше и больше худших земель вводится в оборот, это означает, что издержки производства зерна и, следовательно, цены на зерно с течением времени продолжают расти. И как это ни парадоксально, хотя рента с течением времени продолжает расти, на предельных землях она остается равной нулю и поэтому никак не влияет на издержки.

У этой доктрины множество недостатков. Во-первых, даже самые бедные возделываемые земли никогда не приносят нулевую ренту, точно так же, как не имеет нулевой цены наименее производительная часть машины, а наименее ценный работник не получает нулевой заработной платы. Любому владельцу ресурса не выгодно сохранять свой ресурс или фактор в производстве, если он не получает положительной ренты. Предельная земля или другой ресурс действительно приносят меньшую ренту, чем более производительные факторы, но даже предельная земля всегда будет приносить *некоторую* положительную ренту, пусть и небольшую.

Во-вторых, помимо проблемы нулевой ренты просто неверно думать, что рента или доходность любого другого фактора *обусловлены* дифференциалами. Каждый земельный участок или каждая единица другого фактора приносит доход, в зависимости от того, что он производит; дифференциал есть лишь результат простого арифметического вычитания доходностей двух земельных участков или других факторов, *каждый из которых* приносит свою собственную положительную ренту. Предположение о нулевой ренте предельных земель позволило Рикардо скрыть тот факт, что *каждый* участок земли дает производственную ренту, и объявить *источником* ренты дифференциал.

С таким же успехом можно было бы применить дифференциальную теорию Рикардо к заработной плате и сказать вместе с Шумпетером, что «за хорошую землю платят больше, чем за плохую, точно так же как хорошему работнику платят больше, чем плохому»⁴.

В-третьих, при обсуждении роста издержек производства зерна Рикардо путает причины и следствия. Он утверждает, что рост населения «вынуждает» фермеров разрабатывать земли худшего качества, а *затем* происходит рост цен на них. Однако аналитик, знакомый с другими теориями полезности, легко поймет, что цепочка причинно-следственных связей выстраивается с точностью до наоборот: когда растет спрос на зерно, растет и его цена, а более высокая цена стимулирует фермеров выращивать зерно на землях с более высокими производственными издержками. Но такое понимание, конечно же, уничтожает рикардианскую теорию цены, а с нею всю рикардианскую систему.

И в-четвертых, как уже отмечалось многими критиками, исторически, конечно же, неверно, что люди всегда сначала используют земли самого высокого качества, а затем с неизбежностью переходят на все более и более худшие земли. История показывает, что всегда имелись, и весьма существенные, достижения в продуктивности сельского хозяйства, в открытии и освоении новых земель, а также в открытии и внедрении новых более производительных сельскохозяйственных методов и видов продукции. Защитники Рикардо возражают, что это чисто исторический аргумент, игнорирующий логическую красоту рикардианской теории. Но дело в том, что Рикардо выдвинул в конечном счете *историческую* теорию, закон истории, и он, конечно же, претендовал на историческую точность прошлых и будущих предсказаний своей теории. И кроме того, предположение, что его логическая доктрина излагалась под видом исторической теории лишь для маскировки, является совершенно произвольным и, следовательно, в значительной степени не соответствует действительности. Основной проблемой Рикардо было его постоянное стремление использовать в качестве строительных блоков своей логической системы бесцеремонные и неверные по сути исторические или эмпирические обобщения, из которых он делал весьма самоуверенные эмпирические и политические выводы, истинность которых якобы неопровержима. Из ложных предпосылок можно сделать только ложные выводы, независимо от того, насколько впечатляющей может быть или не быть логическая конструкция.

Теория дифференциальной ренты Рикардо получила широкое признание в качестве предшественницы неоклассического закона убывающей отдачи, который неоклассики, как считается, обобщили с земли на все факторы производства. Но это ошибка, поскольку закон убывающей отдачи относится к увеличению доли одного фактора относительно *однородных* единиц других, логически зафиксированных, факторов — в данном случае земли. Ведь вся суть теории дифференциальной ренты Рикардо как раз и состоит в том, что его участки земли отнюдь не однородны,

а различаются во всем спектре — от превосходных до совершенно негодных. Поэтому закон убывающей доходности — как его понимал Тюрго и заново открытый неоклассиками — здесь попросту неприменим⁵.

Рента, хоть она и растёт, тогда получается эффективно равной нулю и не является частью затрат или издержек. В рикардианском уравнении рента обнуляется. Но мы ещё не закончили определение заработной платы, которая до сих пор нами считалась точно зафиксированной на уровне прожиточного минимума. Что будет происходить с прожиточным минимумом с течением времени? Он будет расти, поскольку издержки на производство зерна увеличиваются с ростом населения, вынуждая вовлекать в оборот худшие земли. Со временем в медленно изменяющемся долгосрочном рикардианском равновесии издержки на продукты питания будут расти, и поскольку заработная плата *всегда* должна находиться на уровне прожиточного минимума, ставки заработной платы *должны* будут расти, чтобы поддерживать ставки *реальной* заработной платы на уровне прожиточного минимума. Здесь рикардианский круг начинает замыкаться. Рента фактически равна нулю, а ставки заработной платы, всегда находящиеся на уровне прожиточного минимума, должны со временем расти, чтобы двигаться в ногу с ростом прожиточного минимума, поскольку издержки на продукты питания увеличиваются. Но тогда — вуаля! — мы, наконец, определили все переменные, за исключением прибыли (к удовлетворению Рикардо, по крайней мере), и, так как общий доход «задан» или остаётся замороженным, это означает, что прибыль является остатком от общего дохода. Без учёта ренты, если ставки заработной платы должны продолжать расти с течением времени, это неизбежно означает, что прибыли, или нормы прибыли, должны продолжать падать. Таким образом, согласно доктрине Рикардо, норма прибыли (т.е. долгосрочная ставка процента) постоянно падает. Следует отметить различие с позицией Адама Смита, считавшего, что норма прибыли падает с течением времени потому и постольку, поскольку капитал продолжает накапливаться; прибыль предположительно должна быть обратной функцией запаса капитала. Учение Рикардо о падении нормы прибыли является триумфальной тавтологией и проистекает из его попытки определить долю другого фактора совокупного дохода. Когда прибыль падает до нуля или, во всяком случае, до низкого уровня, капитал перестанет накапливаться, и мы приходим к «стационарному состоянию» Рикардо.

Рикардо, даже в ещё большей степени, чем Смит, полностью игнорирует предпринимателя. Ведь если в конце концов всё всегда находится в долгосрочном равновесии и никогда не бывает риска или неопределённости, то предприниматель не играет никакой роли. Его «прибыль», согласно Смицу, в долгосрочной перспективе является нормой прибыли, т.е. ставкой процента. Более того, в условиях долгосрочного равновесия вся прибыль оказывается одинаковой, поскольку фирмы быстро переходят из низкодоходных отраслей в высокодоходные. И равновесие снова

восстанавливается. Тогда мы имеем «прибыль» по единой ставке в масштабах всей экономики в любой момент времени.

Правдоподобное объяснение возникновения у Рикардо привычного смешивания долгосрочного равновесия с мгновенной подстройкой под реальный мир предложил профессор Ф. Феттер. Он отметил, что Рикардо имел практическое знакомство не с бизнесом и промышленностью (в отличие от, как мы могли бы отметить, Ж. Б. Сэя), а с рынком облигаций и иностранной валюты. Рикардо «как правило, предполагал, что даже в промышленности и в сельском хозяйстве корректировка проводилась на той же основе, на которой корректируются небольшие различия в ценах и почти так же быстро, как производится арбитраж в государственных ценных бумагах и при обмене иностранной валюты»⁶.

Однако вернемся в рикардианский мир: обратите внимание, что Рикардо *не* говорит, что с течением времени издержки на зерно возрастают, поскольку рента с земель, занятых под зерно, продолжает расти. Он должен избавиться от переменной «рента», а сделать это можно, только предположив, что на предельной земле рента равна нулю и, следовательно, никогда не формирует какой-либо части издержек. Рента в этом случае фактически равна нулю. Почему же тогда растут издержки на зерно? Как уже отмечалось, потому что увеличивается количество труда, необходимого для производства зерна, и следовательно, издержки производства зерна с течением времени тоже растут. Это подводит нас к рикардианской теории ценности и цены. Рента в ней пока не рассматривается. Заработная плата тоже не относится на издержки, потому что ключ к системе Рикардо в том, что рост заработной платы ведет только к снижению прибыли, а *не* к росту цен. Если бы рост заработной платы означал, что растут издержки, тогда Рикардо, у которого, как мы увидим, имелась экономическая теория ценности и цены, должен был бы сказать, что растут цены, а не что прибыль неизбежно падает. Рикардо считал заработную плату одинаковой, поскольку утверждал, как впоследствии и Маркс, что качество труда однородно. Это не только означало, что ставки заработной платы одинаковы, но в дальнейшем позволило Рикардо рассматривать в качестве важнейшей части издержек на труд то количество труда, которое воплощено в каждом продукте. Тогда различия в качестве и производительности труда уже можно отбросить как простую банальность и считать их чуть более усложненным вариантом количества рабочего времени. Качество быстро и как по волшебству превратилось в количество.

Мы вплотную приблизились к рикардианской — и марксистской — трудовой теории ценности. До сих пор у нас была просто теория издержек, определявшихся количеством труда. Рикардо колебался в этом пункте, выбирая между строгой трудовой теорией издержек и теорией издержек, определяемых количеством труда плюс единая норма прибыли. Но, так как единая норма прибыли, составляющая примерно 3—6%, мала по сравнению с количеством рабочего времени, поэтому Рикардо

можно извинить за то, что он отбросил, как не имеющую значения, ту часть издержек, куда входит единая норма прибыли. И поскольку все нормы прибыли предполагаются одинаковыми, и, как мы увидим, у Рикардо была теория ценности или цены, он мог бы легко пренебречь единообразной и небольшой по размеру прибылью, как не имеющей значения при объяснении относительных цен.

Странно, конечно же, рассматривать прибыль, даже прибыль как долгосрочный процент, в качестве доли «издержек» производства. Такая интерпретация, опять же, вытекает из отказа от учета каких-либо соображений о предпринимательской прибыли и убытках, и сосредоточения всего внимания на проценте как долгосрочных «издержек», стимулирующих сбережения и накопление капитала.

Если для Рикардо прибыль всегда одинакова, то тогда как эта одинаковая прибыль определяется? Удивительно, но прибыль *никак* не связана со сбережениями и накоплением капитала; для Рикардо она является лишь тем, что остается после выплаты заработной платы. Для краткости вернемся к нашему исходному уравнению рикардианского распределения: *Выпуск (или доход) = рента + прибыль + заработная плата*. Примечательно, что Рикардо пытался определить все переменные, имея *только* одну явно определенную переменную. Выпуск, как мы уже видели, предполагается таинственным образом заданным откуда-то из-за пределов рикардианской системы. Заработная плата (т.е. равномерная оплата труда по всей экономике) является единственной явным образом определяемой переменной, и она целиком определяется равной прожиточному минимуму, воплощенному в издержках на производство зерна. Но остаются еще *две* переменные, рента и прибыль, которые нужно определить. Путь, по которому Рикардо пытается обойти эту проблему, — избавиться от ренты. Рента — это дифференциал между обрабатываемыми землями и наименее продуктивной обрабатываемой землей с нулевой рентой. Издержки производства зерна равны количеству рабочего времени, воплощенного в его производстве. Поскольку рента с предельных земель равна нулю, она не включается в издержки и определяется пассивно; на предельных землях с нулевой рентой доли труда и капитала исчерпывают выпуск. И поскольку заработная плата якобы определяется издержками на выращивание зерна, это означает, что прибыль может быть лишь тривиальным остатком заработной платы, в противном случае переменная окажется переопределенной, и вся система с очевидностью рухнет.

Заявленные исторические законы вытекают именно из этой модели. Поскольку рост населения вынуждает вводить в оборот все новые и новые земли худшего качества, издержки на труд в производстве зерна (т.е. количество рабочего времени, необходимого для его производства) должны постоянно расти. А поскольку цена определяется издержками, предположительно растворенными в количестве рабочего времени, необходимого для производства данного блага, это означает, что цена

зерна с течением времени должна расти. Но поскольку *реальные* ставки заработной платы устанавливаются всегда на уровне прожиточного минимума и считается, что он равен цене зерна, ставки денежной заработной платы должны с течением времени расти (в то время как работники остаются на уровне прожиточного минимума), и следовательно, прибыль в ходе истории должна падать.

Адам Смит считал, что норма прибыли, или долгосрочная ставка процента, определяется количеством накопленного капитала таким образом, что увеличение капитала ведет к уменьшению нормы прибыли. Хотя эта теория не совсем верна, в ней, по крайней мере, присутствует понимание того, что имеется какая-то связь между сбережениями, накоплением капитала и долгосрочной ставкой процента, или прибылью. Но для Рикардо никакой связи не существует. Процент на капитал — это просто остаток. На основании целого букета заблуждений и холистических, замкнутых на себя допущений, с важным видом делаются тривиальные в конечном счете выводы, якобы сообщающие нам неоспоримые истины о реальном мире.

Как пренебрежительно выразился Шумпетер: утверждения типа «прибыль зависит от заработной платы», а также падающей нормы прибыли, являются прекрасным примером «искусства тривиальности», тесно связанным с «рикардианским грехом», когда ведомая жертва шаг за шагом приходит к такой ситуации, где остается или сдаться, или подвергнуться осмеянию за отрицание того, что ко времени, когда человек попадает в данное положение, *действительно* оказывается тривиальностью»⁷.

3.5. РИКАРДО И РИКАРДИАНСКАЯ СИСТЕМА, II: ТЕОРИЯ ЦЕННОСТИ

Это подводит нас к теории ценности или цены Рикардо. Хотя формально Рикардо признавал, что ежедневные рыночные цены определяются спросом и предложением, он отставил в сторону этот факт, как не имеющий значения, сосредоточившись исключительно на долгосрочном равновесии, т.е. на «естественной» цене и предполагаемом макрораспределении доходов в условиях такого равновесия. С полезностью Рикардо обошелся бесцеремонно, считая, что в конечном счете она необходима для производства, но не оказывает никакого влияния на ценность или цену; в «парадокс ценности» он включил меновую ценность и полностью пренебрег полезностью. Мало того, он откровенно и упрямо игнорировал любые попытки объяснить цены на товары, которые не являются воспроизводимыми, предложение которых не может быть увеличено за счет использования труда. Поэтому Рикардо попросту отказывался объяснять цены на такие товары, как картины, предложение которых фиксировано и не может быть увеличено. Иначе говоря, Рикардо отказался

от любых попыток дать *общее* объяснение потребительских цен. Итак, мы подошли к вполне оперившейся рикардианской — и марксистской — трудовой теории ценности.

Рикардианская система теперь завершена. Цены на товары определяются издержками, т.е. количеством рабочего времени, воплощенного в них, плюс единая норма прибыли. В частности, поскольку цена каждого товара едина, она будет равна издержкам производства на самых затратных (т.е. предельных) из обрабатываемых земельных участков (приносящих нулевую ренту). Иначе говоря, цена будет определяться издержками, т.е. количеством рабочего времени на обрабатываемой земле с нулевой рентой. С течением времени и ростом населения вовлекаются в оборот все более бедные почвы, и, таким образом, издержки производства зерна тоже продолжают расти. Так происходит потому, что продолжает расти количество рабочего времени, необходимого для производства зерна, поскольку труд привлекается для обработки все более бедных почв. В результате продолжает расти цена зерна. Поскольку ставки заработной платы в силу давления численности населения всегда сохраняются точно на уровне прожиточного минимума (издержки на выращивание зерна), это означает, что ставки денежной заработной платы должны продолжать расти в течение продолжительного периода времени, чтобы темпы роста ставок *реальной* заработной платы соответствовали темпам постоянного роста цен на зерно. Ставки заработной платы с течением времени должны увеличиваться, и следовательно, прибыль должна падать, до тех пор пока не окажется малой настолько, что установится стационарное состояние.

Вернемся к идее ренты, не включаемой в издержки: если мы сосредоточимся, как и должны, на «микро» — на отдельном фермере или капиталисте, — тогда совершенно очевидно, что человек *должен* платить арендную плату, чтобы получить право на использование в производственном процессе любого участка земли. Для этого он должен перебить ценовое предложение <землевладельцу> от других фирм в его собственной отрасли, а также из других отраслей производства. Отказ Рикардо даже рассматривать отдельные фирмы и его акцент на холистических агрегатах позволил ему игнорировать тот факт, что рента, даже если имеются ценовые дифференциалы, входит в издержки точно так же, как и любые затраты на факторы производства. Есть только один реальный способ, имеющий значение в реальном мире: рассмотрение с позиций отдельной фирмы или предпринимателя. «Общественной» точки зрения не существует, поскольку нет такого субъекта, как «общество».

Система Рикардо весьма туманная и в то же время в ней постоянно утверждается, что классовый конфликт якобы является неотъемлемым свойством свободного рынка. Во-первых, здесь имеет место тавтология, поскольку при фиксированном целом доля дохода одной макрогруппы может увеличиться только за счет доли другой. Однако главная особенность свободного рынка в реальном мире состоит в том, что производство

в целом увеличивается, и объем общего пирога имеет тенденцию непрерывно расти. И во-вторых, если сосредоточиться на индивидуальных факторах и на том, сколько они зарабатывают, как это делалось позднее в теории предельной производительности (и как это делал Ж. Б. Сэй), то можно увидеть, что каждый фактор имеет тенденцию зарабатывать свой предельный продукт, и нас не должны заботить воображаемые, но несуществующие законы и конфликты распределения доходов между макроклассами. А Рикардо все продолжал пристально вглядываться в совершенно ложную проблему — или, вернее, проблемы.

Существует, однако, подлинный классовый конфликт, а не тот, подразумеваемый тавтологическим макроподходом Рикардо. Если ценность продукта определяется исключительно количеством рабочего времени, это позволило Марксу, который в конечном счете был неорикардианцем, объявить все доходы на капитал эксплуататорскими вычетами из полного продукта труда. Рикардианский социалистический призыв свести весь продукт к труду прямо вытекает из самой рикардианской системы, хотя Рикардо и другие правоверные рикардианцы этого шага, конечно же, не сделали. Рикардо возразил бы, что капитал представляет собой овеществленный или замороженный труд; но Маркс, переняв эту идею, тут же парировал, что все производители капитала, т.е. замороженного труда, должны получать с него весь доход. На самом деле неправы были *оба*, если рассматривать капитальные блага как *нечто* замороженное, то тогда, вместе с великим австрийцем Бём-Баверком, мы сказали бы, что капитал суть замороженные труд, *земля* и *время*. Тогда труд получает заработную плату, земля приносит ренту, а процент (или долгосрочная прибыль) является ценой времени. В последнее время некоторые аналитики, пытаясь смягчить грубую ошибку трудовой теории ценности Рикардо, утверждали, как и в случае Смита, но даже более рьяно, что он пытался не столько объяснить природу ценности и цены, но *измерить* ценность с течением времени, при этом труд рассматривался как неизменная мера ценности. Но это вряд ли смягчает недостатки Рикардо; наоборот, это добавляет к общим заблуждениям и причудам рикардианской системы *еще одно важное* заблуждение: тщетные поиски несуществующей химеры неизменности, — поскольку ценность постоянно меняется, и неизменной, фиксированной базовой ценности, на основе которой могут быть измерены другие изменения ценности, не существует.

Так, отвергая данное Сэем определение ценности товара, как его способности покупать другие товары при обмене, Рикардо пытался найти неизменную сущность, его неотъемлемую силу:

Франк является мерой ценности не для всякого предмета, а только для известного количества металла, из которого сделан франк, если только франк и предмет, подлежащий измерению, не могли бы быть оба сравниваемы с какой-либо другой мерой, общей для них обоих. Такая мера, по моему мнению, существует, так как оба они являются результатом труда. Следовательно, труд есть общая мера, с помощью

которой могут быть определены как действительная, так и относительная ценность предметов.

Следует отметить, что оба продукта являются результатом приложения не только труда, но и капитала, земли, сбережений и предпринимательства, и что их ценность, во всяком случае, можно соизмерить только с точки зрения относительной покупательной способности, как и считал Сэй.

Отчасти страстное желание Рикардо обнаружить неизменную меру ценности, несомненно, вытекает из его стремления к наукообразию. Интерес Рикардо к естественным наукам был почти столь же сильным, как к экономике. Рикардо живо интересовался естественными науками, математикой, химией, минералогией и геологией еще в ранней юности. В 30 лет он вступил в Геологическое общество, едва только оно было основано. Вполне вероятно, что поиски Рикардо неизменной меры ценности основывались на модели физической науки; если «научный» в физических науках означает измеряемый, то, конечно же, и в науках о человеке должно быть точно так же. Как писал Эмиль Каудер, «рискну сказать, что Рикардо и его современники полагали, будто экономика только тогда сможет достичь научной глубины, когда будет основываться на объективных измерениях, как ньютоновская физика»⁸.

Еще более непримиримая и непосредственная классовая борьба, чем та, что предполагается теорией трудовой ценности, вытекает из подхода Рикардо в отношении землевладельцев и земельной ренты. Землевладельцы попросту взимают плату за силу почвы, что, по крайней мере по мнению многих последователей Рикардо, означало несправедливый доход. Более того, в соответствии с мрачным взглядом Рикардо на будущее, считалось, что рабочие должны оставаться на уровне прожиточного минимума, капиталисты будут наблюдать, как их прибыли неизбежно падают, — этим двум классам всегда приходится плохо (труду) и еще хуже (капиталу), в то время как праздные и бесполезные землевладельцы продолжают неумолимо увеличивать свою долю мирских благ. Производительные классы страдают, в то время как праздные землевладельцы, взимая плату за силы природы, наживаются за счет производителей⁹. Если в теории Рикардо подразумевается Маркс, то гораздо более непосредственно должен подразумеваться и Генри Джордж. Призрак национализации земли или единого налога, поглощающего всю земельную ренту, непосредственно следует из теории Рикардо.

Одним из самых больших заблуждений рикардианской теории ренты является игнорирование того факта, что землевладельцы все-таки *выполняют* жизненно важную экономическую функцию: именно они отводят землю для наилучшего и наиболее продуктивного использования. Земля сама не отводит себя; она *должна быть* отведена, и только у тех, кто получает доход от такой услуги, имеется стимул или способность выделять различные участки земли для наиболее выгодных и, следовательно, наиболее продуктивных и экономичных применений.

Сам Рикардо не дошел до экспроприации государством земельной ренты. Его решением в краткосрочной перспективе стало требование снижения пошлин на зерно или даже полная отмена хлебных законов. Пошлины на зерно сохраняли высокую цену хлеба и гарантировали, что продолжится возделывание худших земель, на которых выращивается более дорогое в производстве зерно. Отмена хлебных законов позволила бы Англии импортировать дешевое зерно и тем самым отложила бы на некоторое время использование худших и высокзатратных земель. Цены на зерно на некоторое время станут ниже, денежные ставки заработной платы поэтому тоже сразу станут ниже, а прибыль вырастет, увеличивая накопление капитала. Ужасное стационарное состояние немного отодвинется в направлении горизонта.

Другие действия Рикардо, направленные против землевладельцев, были политическими: войдя в Парламент и поддержав призывы к демократическим реформам Милля и других радикальных утилитаристов, Рикардо надеялся вырвать политическую власть из рук аристократии, т.е., по сути, землевладельческой олигархии, и передать ее народным массам.

Но если Рикардо был слишком большим индивидуалистом или слишком робким, чтобы полностью охватить логические следствия рикардianской системы, то Джеймс Милль, что характерно, был иным. Джеймс Милль был первым видным «джорджистом», откровенно и с энтузиазмом призывая к введению единого налога на земельную ренту. Занимая высокий пост в Ост-Индской компании, Милль чувствовал, что есть возможность повлиять на индийскую политику британского правительства.

Перед получением этой должности Милль, что для него характерно, пишет и публикует объемистую «Историю Британской Индии» («History of British India», 1817), ни разу не побывав в этой стране и не зная ни одного из индийских языков. Презрительно считая, что Индия остается страной в основном нецивилизованной, Милль выступал за «научный» единый налог на земельную ренту. Милль, как истинный рикардianец, был убежден, что налог на земельную ренту не являлся налогом на издержки и *поэтому* не ослабит стремления производителей поставлять на рынок любые полезные товары или услуги. Следовательно, налог на земельную ренту не окажет негативного влияния на производство, — он только поспособствует устранению добытых нечестным путем доходов землевладельцев. В сущности, налог на земельную ренту вообще не будет налогом! Налог на землю можно поднять до 100% общественного продукта, обусловленного дифференциальным плодородием почвы. Государство, по мнению Милля, затем может использовать поступления от этого безболезненного налога для общественных нужд и в значительной степени для поддержания законности и порядка в Индии.

Теперь становятся понятны пагубные последствия порочных представлений о том, что какая-то часть издержек производства по каким-то причинам, с холистической, или общественной, точки зрения, «в дей-

ствительности» не являются частью издержек. Ведь если затраты не включаются в издержки, то не требуется и какого-то участия данного фактора в производстве. И поэтому этот доход может быть конфискован государством без каких-либо вредных последствий.

Несмотря на глубокий пессимизм относительно природы и последствий деятельности свободного рынка, Рикардо, как ни странно, сохранял верность принципам *laissez faire* и был им предан в большей степени, чем Адам Смит. Вероятно, по причине своей сильной убежденности в том, что практически любой способ государственного вмешательства делает только хуже. Налогообложение должно быть сведено к минимуму, поскольку оно, как и импортные пошлины, препятствует накоплению капитала и отвлекает его от наилучших способов применения. Законы о бедных — системы социального обеспечения — только усиливают мальтузианское демографическое давление на ставки заработной платы. И как приверженец закона Сэя, он выступал против правительственных мер по стимулированию потребления и наращивания национального долга. В общем, Рикардо заявил, что самое лучшее, что может сделать государство, чтобы наилучшим образом стимулировать развитие промышленности, — устранить те препятствия для экономического роста, которые государство само же и создало.

В то время как взгляды Адама Смита на свободный рынок были сосредоточены на зловещем характере хищнических действий государства, Рикардо в наибольшей степени поражали всепроникающая бездарность и контрпродуктивность действий правительства. Вот типичное и весьма характерное замечание, сделанное Рикардо в письме из Германии Джеймсу Миллю в 1817 г.: «Нас сильно задержали проволочки немецкой почты, которая, будучи монополистом, конечно же, весьма неумело управляется...»

Парадоксальность смутных представлений Рикардо о якобы имеющемся на свободном рынке классовом конфликте и его решительной оппозиции практически любым видам государственно вмешательства лучше всех и наиболее остроумно описал Александр Грей:

Такова рикарданская схема распределения; на месте старой гармонии интересов, в центр всего он поместил разногласия и антагонизм. «Интерес землевладельца всегда противоречит интересам потребителя и производителя». Так, интересы работника и работодателя находятся в вечном и непримиримом противоречии; один выигрывает, другой проигрывает. Более того, перспективы всех, кроме землевладельцев, постоянно и непрерывно ухудшаются... И при этом Рикардо неизменно остается сторонником невмешательства. «Таковы, — говорит он, — законы, которые регулируют заработную плату»; и тут же непоследовательно прибавляет: «так же как и при всяких других соглашениях, размеры заработной платы должны быть предоставлены честной и свободной рыночной конкуренции и никогда не должны контролироваться вмешательством законодательства». Блуждая в этом путаном

рикардianском мире, можно было бы задать вопрос, и этот вопрос действительно задают, а почему не должно быть <государственного> вмешательства? Оптимист возрадуется, что есть Бог на Небе, и что с просвещенным эгоизмом все в порядке, и что он имеет полное право поднять на мачте флаг *laissez faire*; однако пессимист, который в ожидании черных дней и худших времен просто смотрит вперед, в принципе не должен быть против вмешательства, если только его пессимизм не заходит так далеко, чтобы привести к убеждению, что, как ни плохи любые болезни, лекарства от этих болезней еще хуже¹⁰.

И наконец, фундаментальным и фатальным недостатком всего подхода Рикардо к созданию своей системы стало то, что он зашел не с того конца. Он начал с подробного рассмотрения законов распределения макродоходов; его теория ценности и цены была всего лишь вспомогательным придатком, позволившим ему утверждать, что рента не входит в издержки, и потому единственным следствием роста заработной платы должно быть падение прибыли. Иначе говоря, Рикардо никогда не понимал той фундаментально важной идеи, которая была понята его континентальным коллегой Ж. Б. Сэем: законов распределения макродоходов *не существует*. Экономическая теория открывает только «микро»-законы, которые определяют цены, в том числе цены различных факторов производства. Конечно, на практике распределение доходов в некотором смысле является побочным продуктом рыночного определения цен факторов производства; но это «распределение» также зависит от предпринимательской прибыли и убытков; иначе говоря, от предпринимательской реакции на риск и неопределенность, а также от имеющегося в данный момент предложения (на рынке) соответствующих факторов. Ни один из этих факторов не может быть определен с помощью экономической теории. Давид Рикардо, повторим это еще раз, был занят поисками химеры, и британская экономическая теория, тоже занимаясь этими поисками, сделала огромный крюк или, вернее, зашла в тупик. Другими словами, французский анализ свободного рынка (Кантильон—Тюрго—Сэй) показал, что на рынке *нет* никакого отдельного процесса «распределения» доходов, какой действительно имел бы место в экономике с полным государственным контролем, т.е. в социалистической экономике. «Распределение» является косвенным следствием свободного производства, обмена и образования цен¹¹.

Все это прошло мимо Давида Рикардо, который весьма смутно или вообще не представлял себе экономику как сеть «микро»-отношений, соединяющую воедино индивидуальные полезности, обмены и цены. Как заметил Фрэнк Найт, Рикардо обращаясь в письме к своему ученику Мак-Куллоху, отрицал, что «важнейшие вопросы» распределения макродоходов «существенным образом связаны» с теорией ценности. И впоследствии ни Рикардо, ни его последователи не сделали «практически даже намек на создание системы экономической организации, движимой и направляемой ценовыми силами»¹².

Следует сделать еще одно замечание относительно основной экономической цели Рикардо. Упрекая Адама Смита за то, что тот в первую очередь интересуется общим богатством нации, а не макрораспределением доходов, Рикардо проявляет свою мальтузианскую враждебность по отношению к росту численности населения, задавая вопрос том, в чем смысл рассматривать валовой, а не чистый доход. Как выразился Рикардо в известном и удивительном пассаже:

в чем же состоят выгоды, вытекающие для страны от использования большего количества производительного труда, если чистая рента и прибыль, вместе взятые, остаются неизменными... Для человека, имеющего капитал в 20 тыс. ф. ст., приносящий ему ежегодно 2 тыс. ф. ст. прибыли совершенно безразлично, доставляет ли его капитал занятия 100 или 1 тыс. человек... если только прибыль, получаемая им, ни в каком случае не падает ниже 2 тыс. ф. ст. Не таков ли также и реальный интерес целой нации? Если только ее чистый действительный доход, ее рента и прибыль не изменяются, то не имеет никакого значения, состоит ли эта нация из 10 или 12 млн человек.

Разница между 10 и 12 млн человек могла не иметь никакого значения для Давида Рикардо, однако я склонен думать, что она имела существенное значение для тех 2 млн человек, которые не появились на свет или не выжили, а также для их родителей, друзей и родственников. Не найти лучшего примера мыслящего агрегатами экономиста-утилитариста, взирающего на экономику с холистической точки зрения социального рабовладельца, а не с точки зрения отдельных лиц на рынке. Как отмечает Александр Грей, в свойственной ему остроумной и пронизательной манере:

логика [Рикардо] ведет к желательности того, чтобы население уменьшилось до одного человека и чтобы этот последний оставшийся производил посредством волшебства и механических приспособлений обильный чистый излишек. Отвратительная доктрина, согласно которой не богатство существует для пользы человека, а человек существует ради производства богатства, находит здесь свое классическое выражение¹³.

3.6. ЗАКОН СРАВНИТЕЛЬНЫХ ПРЕИМУЩЕСТВ

Даже самые враждебно настроенные критики рикардианской системы допускают, что по крайней мере один важнейший вклад в экономическую мысль и в борьбу за свободу торговли Давид Рикардо все-таки внес — закон сравнительных преимуществ. Подчеркивая огромное значение добровольного взаимодействия в международном разделении труда, фритредеры XVIII в., в том числе Адам Смит, базировали свои доктрины на законе «абсолютных преимуществ». То есть страны

должны специализироваться на том, в чем они являются лучшими или наиболее эффективными, а затем обменивать эти продукты, поскольку в этом случае выгода будет взаимной для народов обеих стран. Для защиты этого аргумента не требуется особого труда. Мало кого требуется убеждать в том, что США не следует беспокоиться о выращивании бананов (или, вернее, выражаясь в терминах микроэкономики, частным лицам и фирмам в США не следует беспокоиться об этом), а нужно производить что-то другое (например, пшеницу, промышленные товары) и обменивать их на бананы, выращенные в Гондурасе. В конце концов, в США очень мало производителей бананов, которые требуют, чтобы их защитили пошлинами. Но что если дело *не* является столь ясным, и американские фирмы, производящие сталь или полупроводники, требуют подобной защиты?

Закон сравнительных преимуществ приходит на помощь как раз в таких трудных случаях и поэтому служит незаменимым аргументом в пользу свободы торговли. Он показывает, что *даже если*, к примеру, страна *A* более эффективна, чем страна *B* в производстве *обоих* товаров *X* и *Y*, она будет платить гражданам страны *A* за то, чтобы они специализировались на производстве товара *X*, который у них получается производить *лучше всего*, и покупать все товары *Y* в стране *B*, которые та тоже делает лучше, но не имеет такого большого сравнительного преимущества, как в производстве товара *X*. Иными словами, каждая страна должна производить не просто то, в производстве чего она имеет абсолютное преимущество, а то, что делает *лучше всего*, или даже *наименее плохо*, т.е. то, в производстве чего она имеет *сравнительное* преимущество.

Тогда если правительство страны *A* вводит защитную пошлину на импорт товара *Y*, которая принудительно поддерживает промышленность, производящую этот товар, то эта особая привилегия будет наносить ущерб потребителю в стране *A*, а также очевидно причинит вред жителям страны *B*, поскольку страна *A*, а также весь остальной мир теряют преимущество в специализации на производстве того, что получается лучше всего, так как значительная часть их ограниченных ресурсов будет принудительным образом неэффективно использована в производстве товара *Y*. Закон сравнительных преимуществ подчеркивает тот важный факт, что защитная пошлина в стране *A* наносит урон не только потребителям страны *B* и остальной части мира, но и эффективным отраслям, имеющимся в этой стране, и потребителям этой страны.

Еще одним следствием закона сравнительных преимуществ является то, что в условиях свободной торговли ни одна страна или регион земли не останется в стороне от международного разделения труда, поскольку этот закон означает, что *даже если* страна находится в столь плачевном состоянии, что не имеет абсолютного преимущества в производстве *ни одного* товара, ее торговым партнерам, жителям других стран, все равно выгодно позволять ей производить то, в производстве чего она *наименее худшая*.

В результате от международной торговли выигрывают граждане всех стран. Ни одна страна не бывает слишком бедной или неэффективной, чтобы оказаться исключенной из международной торговли, и все страны извлекают выгоду, если специализируются в том, что у них получается лучше всего или наименее плохо, — другими словами, в чем они имеют сравнительное преимущество.

До последнего времени все историки экономической мысли считали, что первым закон сравнительных преимуществ сформулировал Давид Рикардо в 1817 г. в сочинении «Начала политической экономии...». Однако недавние исследования профессора Твитта показали, что Рикардо не только не является автором этого закона, но что он его не понимал и что закон был ему неинтересен и в рикардианской системе не играл практически никакой роли. В «Началах» Рикардо уделил закону всего несколько абзацев, изложение было малосодержательным, закон не был увязан ни с другими разделами этой работы, ни с остальной частью анализа международной торговли.

Открытие закона сравнительных преимуществ произошло значительно раньше. Проблема международной торговли возникла в общественном сознании Британии в 1806 г., когда Наполеон издал Берлинский декрет <21 ноября>, приказав организовать блокаду своего врага Англии, чтобы прекратить всякую торговлю с континентальной Европой. Сразу же после этого, в 1807 г., молодой Уильям Спенс (1783—1860), английский физиократ и сторонник теории недопотребления, питавший отвращение к промышленности, опубликовал памфлет «Независимость Британии от внешней торговли» («Britain Independent of Commerce»), в котором советовал англичанам не беспокоиться по поводу блокады, поскольку экономическое значение имеет только сельское хозяйство; и если английские землевладельцы будут тратить все свои доходы на потребление, то все будет хорошо.

Трактат Спенса вызвал бурю споров, побудивших двух видных британских экономистов к написанию их первых произведений. Одним из них был Джеймс Милль, который критически проанализировал сочинение Спенса в «Eclectic Review» за декабрь 1807 г., а затем в следующем году расширил эту статью в книгу «В защиту внешней торговли» («Commerce Defended»). Именно в этом опровержении Спенса Милль раскритиковал ошибочность взглядов сторонников недопотребления, впервые в Англии сославшись на закон Сэя. Другой работой была «Опровержение экономистов» («The Economists Refuted», 1808) — первая книга молодого Роберта Торренса (1780—1864), англо-ирландского офицера Королевской морской пехоты¹⁴. Уже давно считается, что Торренс первым сформулировал закон сравнительных преимуществ и что, как выразился Шумпетер, хоть Торренс и «окрестил закон», Рикардо «развил ее и победил в борьбе за ее признание»¹⁵. Однако оказывается, что в обоих основных пунктах эта традиционная точка зрения неверна, т.е. Торренс закона не крестил, а Рикардо не особо его разрабатывал или боролся за него. Ибо, во-первых,

Джеймс Милль гораздо лучше изложил закон — хотя, конечно, не в завершённом виде — в работе «Commerce Defended», чем это сделал Торренс позже в том же году. Более того, именно трактовка Торренса, а не Милля содержала несколько вопиющих ошибок. Во-первых, он утверждал, что торговля приносит бóльшую выгоду той стране, которая импортирует товары длительного пользования и предметы первой необходимости в противоположность скоропортящимся товарам или предметам роскоши. Во-вторых, он также утверждал, что преимущества внутренней торговли более устойчивы по сравнению с внешней торговлей и что *все* преимущества внутренней торговли остаются дома, в то время как часть преимуществ внешней торговли выкачивается в пользу иностранцев. И наконец, вслед за Смитом и предвосхищая Маркса и Ленина, Торренс утверждал, что *внешняя* торговля, расширяя разделение труда, создает излишек сверх внутренних потребностей, который в этом случае должен «извергаться» за счет экспорта за рубеж.

Шесть лет спустя Джеймс Милль вновь опередил Роберта Торренса, представив зачатки закона сравнительных преимуществ. В июльском номере «Eclectic Review» за 1814 г. Милль, отстаивая свободную торговлю, выступил против Мальтуса, поддержавшего хлебные законы в сочинении «Замечания о последствиях хлебных законов» («Observations on the Effects of the Corn Laws», 1814). Милль отметил, что труд у себя в стране за счет участия во внешней торговле позволит получить больше путем покупки импорта вместо самостоятельного производства всех товаров. Торренс в значительной степени повторил рассуждения Милля в «Опыте о внешней торговле зерном» («Essay on the External Corn Trade»), опубликованном в феврале следующего года. Более того, в этой работе Торренс явно похвалил статью Милля.

Между тем в то самое время, когда записка закона сравнительных издержек начала брожение среди его друзей и коллег, Давид Рикардо вообще не проявил ни малейшего интереса к этой важной линии рассуждений. Разумеется, в «Опыте о влиянии низкой цены хлеба на прибыль с капитала» («An Essay on the Influence of a Low Price of Corn on the Profits of Stock»)⁽¹⁾, опубликованном в феврале 1815 г., Рикардо поддержал своего наставника Милля, обрушившись с критикой на апологию хлебных законов Мальтусом. Однако логика аргументации Рикардо была чисто «рикардианской», т.е. основывалась исключительно на специфически рикардианской системе. На самом деле Рикардо не проявил никакого интереса ни к свободной торговле в целом, ни в аргументации за нее; его рассуждения были посвящены исключительно важности понижения или упразднения пошлины на зерно. Этот вывод, как мы уже отмечали, дедуцирован из специфически рикардианской системы, которая в законченном виде будет изложена им два года спустя в «Началах». Для Рикардо главной помехой, душащей экономический рост в любой стране, и особенно в экономически развитой Британии, была «нехватка земли». Утверждалось, что в Великобритании неизбежно должны вво-

даться в оборот все более и более бедные земли. В результате постоянно растет стоимость жизни и, как следствие, денежные ставки заработной платы (совпадающие с прожиточным минимумом) тоже растут. Но такое неизбежное вековое повышение заработной платы должно снижать прибыль в сельском хозяйстве, что, в свою очередь, снижает все прибыли. Таким образом, накопление капитала все более и более замедляется, пока, наконец, не прекращается полностью. Снижение или отмена пошлины на зерно (или другие продукты питания) были для Рикардо идеальным способом отсрочки неминуемой гибели. Благодаря импорту зерна из-за рубежа убывающее зерновое плодородие земли могло быть отложено. Стоимость зерна и, следовательно, прожиточный минимум резко упадут, и поэтому денежные ставки заработной платы тоже будут падать *pari passu*, тем самым повышая прибыль и стимулируя капиталовложения и экономический рост. В этих рассуждениях нет даже намек на доктрину сравнительных издержек или на что-либо подобное.

А что же зрелый Рикардо, Рикардо «Начал»? И опять, за исключением трех абзацев, Рикардо не проявляет ни малейшего интереса к сравнительным преимуществам, вместо этого повторяя характерный для рикардрианской системы аргумент в пользу отмены хлебных законов. Действительно, его рассуждения в оставшейся части главы о международной торговле выдержаны в терминах теории абсолютных преимуществ Смита, а не теории сравнительных преимуществ, которая имеет у Торренса и в особенности у Милля.

Мало того, что эти три абзаца, в которых речь идет о сравнительных преимуществах, грешат небрежностью формулировок и путаницей; это все, что когда-либо опубликовал Рикардо по поводу сравнительных преимуществ. И действительно, это было единственное, сделанное им упоминание этой доктрины. Даже внезапное упоминание им Португалии и его абсурдная гипотеза о том, что португальцы имеют абсолютное преимущество перед Англией в производстве ткани, тоже, по всей видимости, указывают на отсутствие у него серьезного интереса к теории сравнительных издержек.

Более того, взгляды Рикардо на внешнюю торговлю, изложенные в «Началах», в то время не получили почти никакого отклика и комментариев; критики сосредоточились на его трудовой теории ценности и на его идее о том, что ставки заработной платы и прибыль всегда движутся в противоположных направлениях, причем первая определяет последнюю.

Если Рикардо не имел никакого интереса к теории сравнительных преимуществ и никогда о ней не писал, за исключением того единственного пассажа, что же она вообще делает в «Началах»? Профессор Твитт выдвинул убедительную гипотезу, согласно которой этот закон был привнесен в «Принципы» наставником Рикардо Джеймсом Миллем, написавшим, как мы знаем, первоначальный проект, а также вносящим многочисленные изменения в *magnum opus* Рикардо. Нам также известно,

что Милль побудил Рикардо включить в книгу рассуждения о соотношении сравнительных издержек. Как мы видели выше, Милль создал учение о сравнительных издержках <1807> и играл первую скрипку в его разработке восемь лет спустя <1815>. Но и это еще не все: тогда как Рикардо забросил теорию, едва она была сформулирована в его «Началах», Милль развил анализ сравнительных преимуществ во всей полноте: первый раз в статье «Колонии» для «Encyclopedia Britannica» (1818), а затем в учебнике «Основы политической экономии» («The Elements of Political Economy», 1821). И опять Роберт Торренс плелся в хвосте за Миллем, в 1827 г. повторив его рассуждения без каких-либо дополнительных идей в четвертом издании «Опыта о внешней торговле зерном» («Essay on the External Corn Trade», 1815)¹⁶. Между тем, в 1819 г. преданный ученик Милля Джордж Грот написал важную неопубликованную статью, в которой разъяснялся взгляд Милля на сравнительные преимущества.

Итак, Джеймс Милль в очередной раз сумел благодаря своему уму и харизме внедрить собственный оригинальный анализ в «рикардианскую систему»¹⁷. Верно, что Милль был абсолютным поклонником рикардианской системы, как и сам Рикардо; однако Милль был человеком гораздо более широкого кругозора и эрудиции, чем его друг, и его интересовал гораздо более широкий круг аспектов дисциплин о человеческой деятельности. Представляется вполне вероятным, что преданный последователь и «второе лицо» Милль, гораздо чаще, чем кто-либо мог предполагать, оказывался «первым лицом».

3.7. ПРИМЕЧАНИЯ

1. William E. C. Thomas, *The Philosophic Radicals: Nine Studies in Theory and Practice 1817—1841* (Oxford: The Clarendon Press, 1979), p. 100).
2. Joseph Hamburger, *Intellectuals in Politics: John Stuart Mill and the Philosophic Radicals* (New Haven: Yale University Press, 1965), p. 44.
3. J. A. Schumpeter, *History of Economic Analysis* (New York: Oxford University Press, 1954), pp. 472—473 <Шумпетер Й. А. История экономического анализа : в 3 т. СПб.: Экономическая школа, 2001. Т. 2. С. 620>. Сравните с тем, что писал о Рикардо Уолтер Бэджет: «Он оперировал абстракциями, не подозревая об этом: он искренне полагал, что имеет дело с реальными вещами. Он думал, что рассматривает реальную природу человека в ее реальных обстоятельствах, тогда как на самом деле рассматривал фикцию в фиктивных обстоятельствах. И Джеймс Милль, его наставник по общеобразовательным предметам, имел в этой области столь же малые познания, как и он сам» (цит. по: T. W. Hutchison, 'James Mill and Ricardian Economics: a Methodological Revolution?' in Hutchison, *On Revolutions and Progress in Economic Knowledge* (Cambridge: Cambridge University Press, 1978), p. 57; см. также: Ibid., pp. 26—57).
4. Schumpeter, op. cit., note 3, p. 676n <Шумпетер. Указ. соч. С. 889сн81>.

5. Как отмечает Шумпетер, некоторые более поздние теоретики предельной производительности, такие как Дж. Б. Кларк, ошибочно считали Рикардо предтечей анализа предельной производительности. Они «представили свои теории как развитие теории ренты Рикардо». Не понимая при этом, что «они не обобщали схему Рикардо, а разрушали ее». Schumpeter, *op. cit.*, note 3, pp. 674 n, 675—676 <Шумпетер. Указ. соч. С. 887сн75, 889—890>.
6. Frank W. Fetter, 'The Rise and Decline of Ricardian Economics', *History of Political Economy*, 1 (Spring 1969), p. 73.
7. Schumpeter, *op. cit.*, note 3, p. 653n <Шумпетер. Указ. соч. С. 859сн20>.
8. Emil Kauder, 'The Retarded Acceptance of the Marginal Utility Theory', *Quarterly Journal of Economics*, 67 (Nov. 1953), p. 574.
9. Как подытожил взгляды Рикардо Сен-Клер: землевладельцы, «не внося никакого вклада — работы или личных жертв, — тем не менее получают всевозрастающую долю ежегодно создаваемого общественного богатства» (Oswald St Clair, *A Key to Ricardo* (New York: A. M. Kelley, 1965), p. 3).
10. Alexander Gray, *The Development of Economic Doctrine* (London: Longmans, Green and Co., 1931), pp. 186—187.
11. Schumpeter, *op. cit.*, note 3, pp. 567—568.
12. Frank H. Knight, "The Ricardian Theory of Production and Distribution", *in On the History and Method of Economics* (Chicago: University of Chicago Press, 1956), p. 41. См. также: *Ibid.*, pp. 61—63.
13. Gray, *op. cit.*, note 10, pp. 188—189.
14. Торренс служил в морской пехоте с 1797 по 1834 г.
15. Schumpeter, *op. cit.*, note 3, p. 607 <Шумпетер. Указ. соч. С. 797>.
- (1). Полное название: «Опыт о влиянии низкой цены хлеба на прибыль с капитала, показывающий нецелесообразность ограничений ввоза, а также замечания по поводу двух последних сочинений г-на Мальтуса: "Исследование о природе и развитии ренты" и "Основы взгляда на политику ограничения ввоза иностранного хлеба"». Русский перевод см. в: *Рикардо Д.* Соч. : в 3 т. Т. III. М., 1955. С. 5—40. — *Прим. изд.*
16. Более того, Торренс едва ли был способен возглавить движение за свободу торговли, поскольку отказался от своей прежней радикальной защиты односторонней свободной торговли ради взаимных торговых соглашений между странами. Что касается коллеги Милля, ведущего рикардianца шотландца Джона Мак-Куллоха, то он примкнул к линии Смита и публично отверг учение о сравнительных издержках.
17. См.: William O. Thweatt, 'James Mill and the Early Development of Comparative Advantage', *History of Political Economy*, 8 (Summer 1976), pp. 207—234.

ГЛАВА 4

УПАДОК РИКАРДИАНСКОЙ СИСТЕМЫ, 1820—1848 Г.

4.1. ЗАГАДКА ПОПУЛЯРНОСТИ РИКАРДО

103

Чем объясняется популярность «Начал» Рикардо и устойчивое доминирование рикардианской системы? В 1879 г. Уильям Стенли Джевонс, один из трех провозвестников революции предельной полезности, в предисловии ко второму изданию своего великого сочинения «Теория политической экономии» («Theory of Political Economy») сокрушался о продолжающемся господстве рикардианской доктрины и жаловался на то, что «когда в конце концов укоренится истинная система экономической теории, станет понятно, что Давид Рикардо, этот способный, но заблуждавшийся человек направил вагон экономической теории по неверному пути». С этим не поспоришь. Причем Рикардо одержал победу с помощью теории, которая не только далека от самоочевидности, но и во многих отношениях выглядит странно (в частности, трудовая теория ценности); а само сочинение написано заумным и темным стилем, так что трудно было ожидать, что оно захватит воображение как неспециалистов, так и людей, интересующихся экономической теорией.

Частично это объясняется тем, что, как отметил Шумпетер, политически Рикардо соответствовал духу времени. Несмотря на то что методология Рикардо была столь абстрактна, что не дружила с реальностью и даже искажала ее, его целью была не абстрактная теория, а выведение из нее политико-экономических заключений. Подобно Миллю, Рикардо был убежденным сторонником свободы торговли и *laissez faire*, а также, как мы увидим, твердых денег, и, отстаивая их, он применял свою абстрактную систему в качестве кувалды. В Англии в кругах деловых людей и интеллектуалов эта идеология быстро становилась волной будущего¹.

А что можно сказать об ужасном стиле и плохой структурированности работ Рикардо? Очень точно об этом пишет Александр Грей:

Относительно формы, а не содержания произведений Рикардо, возможно, будет достаточно сказать, что он не был писателем. Он сам смутно догадывался об этом, но сомнительно, что он знал всю правду. Вообще рассматривать его главный труд «Начала политической экономии» как книгу было бы беспринципной лестью. Скорее, это больше похоже на побочный продукт исследований занятого человека — главы очень разной длины, которые он явно с трудом размещал в пра-

вильном порядке, сырые заметки и памятные записки на темы, интересовавшие автора. В оправдание Рикардо следует признать, что он... не планировал писать книгу. Это действительно были памятные записки, составлявшиеся им для себя и своих друзей, опубликованные по настоянию его друзей [на самом деле — Милля]. Но это слабое утешение для одинокого путника, заблудившегося в рикардianских джунглях².

Вполне возможно, что темнота и неясность текстов Рикардо как раз и объясняют его успех. Слишком для многих людей, как дилетантов, так и в равной мере специалистов, непонятность и корявость текста являются синонимом глубины. Если они не могут его понять и на каждом углу слышат, что такой-то — великий мыслитель, а его теории — последнее слово науки, их вера в его глубокомысленность лишь возрастает^{3, 4}. Невразумительность очаровывает. Более того, адепты, группирующиеся вокруг великого человека, круг посвященных, заявляющих — возможно, справедливо, — что только *они* могут правильно понять его работы, приобретают определенный шарм. Только они могут проникнуть сквозь туман, созданный глубинами мудрости великого человека. Шумпетер замечает, что «очень скоро у членов его кружка сложилось такое отношение к этому учению, которое может позабавить, и — увы! — вызвать грусть: они были как дети, которым подарили новую игрушку. Они были очень высокого мнения о своей новой доктрине. Для них она была бесценна, и ее не смог бы оценить только тот, кто был слишком глуп, чтобы подняться до рикардianских высот»⁵. Непрозрачность и трудность новой игрушки лишь увеличивали удовольствие и гордость ее адептов. Сегодня этот эффект значительно усиливается тем, что непонятность предлагает последователям и критикам больше поводов для публикаций, премножая карьерные возможности ученых в наш век господства принципа «печатайся или погибай».

Другой причиной популярности рикардianства была методическая кадровая активность неутомимого Джеймса Милля. Одним из важнейших деяний Милля стало участие в организации в 1821 г. в Лондоне Клуба политической экономии, быстро превратившегося на многие годы в средоточие экономических дискуссий и обучения в Великобритании. Стоит особо отметить, что перемещение центра экономической теории из Шотландии в Англию в начале XIX в. касалось не только географии, но и рода занятий. В Шотландии центром развития экономической мысли являлись два великих университета в Эдинбурге и Глазго, откуда ее влияние распространялось в научных, литературных и деловых кругах и среди членов общественных клубов этих двух городов. В Англии же среди замшелых университетских курсов того времени места для академической экономической теории не было. Из 30 основателей Клуба политической экономии лишь один — Томас Мальтус — был представителем университетской науки, преподавая политическую экономию в принадлежавшем Ост-Индской компании колледже в Хейлбери. В числе других

ведущих экономистов — членов клуба можно назвать Давида Рикардо, коммерсанта и финансиста Томаса Тука (1774—1858), и офицера военно-морского флота Роберта Торренса, который председательствовал на первом заседании. Остальные были деловыми людьми, публицистами и государственными чиновниками.

Академические вакансии стали открываться спустя несколько лет. Шотландский друг Милля и ведущий рикардианец Джон Мак-Куллох, несколько лет читавший лекции, в 1828 г. стал профессором политической экономии в лондонском Университетском колледже, а вскоре после этого вступил в Клуб политической экономии. Но после четырех лет преподавания остаток жизни он провел на должности финансового ревизора. В Оксфордском университете первой должностью в области экономической теории стала профессорская кафедра, основанная банкиром и миссионером Генри Драммондом в 1825 г., но срок контракта составлял всего пять лет. Первым профессором здесь стал адвокат и заметный молодой экономист Нассау Сениор (1790—1864), сын англиканского приходского священника в Беркшире, который учился в Оксфорде и вступил в Клуб политической экономии двумя годами ранее⁶. В 1831 г. Сениор был назначен преподавателем политической экономии в новом лондонском Куинз-колледже, основанном в том же году, что и Университетский колледж (1828), в качестве торийского и англиканского противовеса своему внеконфессиональному соседу. Однако после публикации памфлета, призывавшего к сокращению бюджета англиканского истребления в Ирландии, его бесцеремонно вышвырнули из колледжа, так что в дальнейшем он занимался юридическим сопровождением сделок с недвижимостью и работал правительственным юристом, за исключением еще одного профессорского срока в Оксфорде в 1847—1852 г.

Кембридж относился к экономической теории с презрением, и эту дисциплину там преподавал без оплаты и в неудобное время молодой юрист Джордж Прайм, не имевший каких-либо достижений и в своей профессии. На таких условиях Прайм преподавал в течение сорока лет с 1816 г., но примечательно, что в 1828 г. он стал профессором политической экономии. По-видимому, у него не было работ по экономической теории, и он не участвовал ни в одной важной дискуссии <по экономическим вопросам>.

4.2. БЫСТРЫЙ УПАДОК РИКАРДИАНСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Прежде чем ставить перед собой задачу найти решение проблемы, вначале следует удостовериться, что она реально существует. Конечно, частичный ответ на загадку популярности Рикардо и доминировании его взглядов в английской экономической теории заключается в том, что в значительной мере это доминирование являлось мифом. До недавнего

времени ортодоксальный взгляд на историю экономической мысли гласил, что рикардianство доминировало в Британии со времени выхода в свет «Начал» Рикардо <1817>, на протяжении неудавшейся революции, поднятой Джевонсом в 1871 г., и вплоть до 1890-х гг., когда Альфред Маршалл якобы интегрировал предельную полезность в принципиально рикардianскую схему, дав начало неорикардianству. Один из последних примеров этой ортодоксии можно найти в книге профессора Сидни Чекленда, опубликованной в 1949 г., где автор-антирикардianец, сокрушается по поводу способа, которым два шотландца, Джеймс Милль и Мак-Куллох, будучи, подобно испано-португальскому еврею Рикардо, людьми, вырванными из родной культуры и поэтому предположительно отчужденные от основного течения английской жизни, использовали блестящую тактику кадровых сотрудников для захвата гегемонии над английской <экономической> мыслью. Чекленд понял, что Милль, являвшийся штатным лидером рикардianства, дал Рикардо умный совет не рекламировать своих противников, оставив их критику без ответа в третьем издании «Начал» в 1821 году Милль писал «Основы политической экономии» («Elements of Political Economy») как рикардianский учебник, но книга не привлекла внимания публики. Тогда роль популяризатора и пропагандиста рикардianства взял на себя молодой Мак-Куллох, человек харизматичный, необычайно сильный физически, цветущий, дородный и любитель выпить виски.

Первая серьезная ревизия мифа о рикардianском триумфе принадлежит марксисту Рональду Мику, который в следующем году выступил с возражением против концепции Чекленда⁷. Главная ошибка Чекленда, отмечает Мик, состоит в трактовке, вслед за Дж. М. Кейнсом, закона Сэя как эквивалента рикардianской системы. Хотя Рикардо и Мак-Куллох, следуя Миллю, считали закон Сэя очень важным, они не думали, что он занимает ключевое положение в рикардianской системе, ядром которой в действительности были теории ценности и распределения. Хотя закон Сэя и в самом деле достаточно быстро восторжествовал и против него временно выступал только Мальтус, у собственно рикардianской системы была своя, совершенно особая судьба.

Джон Мейнард Кейнс извратил историю развития рикардianства, что ему удалось сделать и в других областях истории экономической мысли. Именно Кейнс, стремившийся обосновать дефицит государственного бюджета и инфляционизм и атаковать закон Сэя, сделал этот закон центральным элементом рикардianской системы. Именно Кейнс извратил факты, выставляя Мальтуса героем-протокейнсианцем, упорно требуя разработки антисэйевской и антирикардianской альтернативы рикардianской системе. Мальтус же, невзирая на некоторые отличия, считал себя последователем Смита и дружественно относился к рикардianству, а также лично к Рикардо. Интерес Мальтуса к мнимому «общему перепроизводству» и развенчанию закона Сэя был эфемерным продуктом депрессии в Англии, связанной с окончанием наполеоновских

войн. Когда после 1823 г. в Англии вернулось процветание, Мальтус полностью потерял интерес к проблеме общего перепроизводства, и больше об этом не писал. Закон Сэя одержал окончательную победу, за исключением круга радикальных маргиналов, обретавшихся в преисподней экономической науки; Мальтус категорически отказывался вступать с ними в альянс. В число этих маргиналов, продолжавших жаловаться на общее перепроизводство в 1830-х гг., входили плодовитый поэт и эссеист, левый тори Роберт Саути (1774—1843), выступавший против послевоенной дефляции, и член Парламента, геолог и крупный специалист по вулканам Джордж Пуолетт Скруп (1797—1876). Поднимая ложную тревогу о недопотреблении, Скруп в сочинении «Начала политической экономии» («Principles of Political Economy», 1833) провозглашает, что любое сокращение потребления в пользу «общего увеличения склонности к сбережениям» с необходимостью и «пропорционально сократит спрос по сравнению с предложением и приведет к *общему перепроизводству*». В этом древнем протокейнсианском заблуждении сбережения «утекают» из экономики, что ведет к «постоянной» депрессии. По-видимому, инвестиции ввиду их преходящего, а не «окончательного» характера вообще не считаются расходами. И кроме того, как во всех разновидностях чудаковатого экономического анализа ценовая система и соотношение цен продажи и издержек вообще не считаются достойными упоминания⁸.

Изначально Джорджа Пулетта Скроупа звали Джордж Томсон и был он сыном Джона Пулетта Томпсона, возглавлявшего компанию, занимавшуюся торговлей с Россией. Он взял фамилию Скроуп после женитьбы на наследнице семейства Скроупов. Родившись в Лондоне, Скроуп учился в Оксфорде и Кембридже и состоял членом Палаты представителей на протяжении 35 лет. Будучи сторонником свободной торговли он написал так много памфлетов по экономическим вопросам (около 70), что обычно его именовали «памфлетист Скроуп».

В отличие от триумфа закона Сэя собственно рикардианская система быстро исчезла из мира английской экономической теории. В январе 1831 г., спустя восемь лет после смерти Рикардо, Роберт Торренс выступил в Клубе политической экономии, одним из основателей которого был Рикардо. Торренс поднял ключевой вопрос: сколько рикардианских принципов все еще оставались верными? Его ответ: все великие принципы рикардианской системы оказались отвергнуты, и прежде всего критически важные, относящиеся к ценности, ренте и прибыли. В 1821 г. Сэмюэль Бейли в его великом изложении теории ценности, основанной на полезности, разнес вдребезги трудовую теорию ценности; Томас Перронет Томпсон разделался с рикардианской теорией ренты; теория прибыли оказалась несостоятельной ввиду того, что Рикардо проигнорировал возмещение капитала; мальтузианская теория заработной платы, основанная на <необходимых> средствах к существованию в целом также была отброшена.

Для марксиста Рональда Мика такое поголовное дезертирство из-под знамен рикардianства представляло собой капиталистический заговор против трудовой теории ценности, социалистические следствия из которой на протяжении 1820-х годов разрабатывали рикардianские социалисты. Как бы то ни было, к 1829—1831 гг. в основном течении британской экономической теории не осталось ни одного приверженца трудовой теории ценности; для Мика единственным исключением являлся Мак-Куллох, который, в свою очередь, отказался от многих других идей Рикардо, включая идею производительного и непроизводительного труда, теорию прибыли и теорию классового конфликта на рынке, неявно содержащуюся в рикардianской теории распределения⁹. Выжил лишь закон Сэя, из которого вытекали очевидные следствия в пользу *laissez faire*, каковую ситуацию Мик как «чистку».

Но «чистка» ли или отход случились даже раньше, до появления рикардianских социалистов. В классической статье¹⁰ Фрэнк Феттер отмечает, что после смерти Рикардо в 1823 г. Джеймс Милль написал отчаянное письмо Мак-Куллоху, где сообщал, что на свете «только два подлинных последователя» Рикардо, причем Мак-Куллох очень скоро перестал быть таковым. Феттер пишет, что в 1820-е гг. экономические воззрения были разношерстными и неустоявшимися, за исключением всеобщей приверженности свободной торговле. Все отвергали зловещий рикардianский вывод о том, что прибыль изменяется в обратном отношении к заработной плате, который рассматривался как не более чем тривиальный арифметический трюизм. Более того, сам же Рикардо указал направление отхода от — занимающей ключевое место в его системе — теории постоянного стремления заработной платы к уровню средств к существованию (которую немецкий социалист Фердинанд Лассаль позднее назвал «железным законом заработной платы»). Рикардо взял на вооружение теорию тенденции заработной платы к минимуму средств к существованию, позаимствованную из жестко мальтузианского первого издания книги Мальтуса «Опыт о народонаселении» (1798). Но многие утверждения, не входящие в эту негибкую формальную модель, в действительности были взяты из гораздо более мягкого, а на самом деле противоречивого второго издания «Опыта» (1803). Эти модификации, как потом совершенно справедливо отметит Маркс, были равносильны отказу от «железного закона». В конце 1820-х гг. в журналах восторжествовала критика мальтузианской доктрины. Так, в начале 1826 г. один из авторов «*Monthly Review*» отметил, что закон безудержного увеличения народонаселения действует только в бедных обществах. Он движется

в обратном отношении к накоплению богатства; ...только когда люди становятся более зажиточными, когда занятия, составляющие главное очарование скромной жизни, теряют привлекательность и заменяются утонченными привычками, <темпы> увеличения [народонаселения] постепенно замедляются¹¹.

Наконец, в 1829 г. в письмах Мальтусу Нассау Сениор фактически добил железный закон. В опубликованной переписке, последовавшей за серией лекций Сениора о народонаселении (*Senior N. Two Lectures on Population, to which is added A Correspondence between the Author and the Rev. N. R. Malthus. London, 1829*), Сениор наносит сокрушительный удар по мальтузианской доктрине. Прежде всего, соглашаясь с тем, что избыточный рост народонаселения однажды может стать проблемой, Сениор, по сути, переворачивает концепцию Мальтуса вверх ногами, отметив, что хотя в недостаточно развитых странах численность населения действительно оказывает давление на предложение продовольствия, в истории западных стран рост предложения продовольствия обгонял рост численности населения. Проще всего этот факт продемонстрировать повышением уровня жизни в западных странах на протяжении столетий. И этот экономический рост объясняется общей тенденцией к росту производительности сельского хозяйства и других отраслей, а также стремлением людей сохранить высокий уровень жизни. В результате численность населения не растет такими темпами, чтобы уровень жизни упал до простого физического выживания. И хотя сам Мальтус в своих высказываниях не заходил так далеко, как Сениор, говоря об общей «тенденции к увеличению <производства> продовольствия более высокими темпами по сравнению с численностью населения», из ответа Мальтуса становится ясно, что смягчившийся Мальтус второго издания окончательно взял верх. То, что Сениор понял все значение изменений во втором издании, демонстрируется также его собственной формулировкой принципа народонаселения: «...численность населения в мире... ограничивается только моральным или физическим злом или страхом перед недостатком предметов богатства, кои представителей каждого класса его населения заставляя приобретать привычка к ним» (курсив мой. — М. Р.).

Но несмотря на то, что с железным законом заработной платы было покончено де-факто, он продолжал господствовать, так сказать, де-юре, поскольку Нассау Сениор, относившийся к Мальтусу с излишним пиететом, не знал, куда бить, чтобы окончательно разделаться с грубейшими ошибками мальтузианской доктрины. Вместо этого Сениор принял участие в подлоге, настаивая на продолжении превознесения принципа народонаселения Мальтуса в качестве краеугольного камня экономической теории, хотя он прекрасно понимал что к чему. Шумпетер, еле живой от глупостей экономистов, сокрушается:

[Сениор] всегда относился к Мальтусу с величайшим уважением и даже называл его благодетелем человечества (sic!) при этом делая все возможное, чтобы как можно меньше отклоняться от того, что он, по всей видимости, рассматривал как твердо установленную доктрину. Тем меньше оправданий можно найти для некоторых авторов более позднего времени, которые с внушающей отвращение важностью третируют Сениора как не слишком умного ученика Мальтуса, которого

учителю приходилось поправлять. На самом деле Сениор совершенно ясно понял, до какой степени оговорки Мальтуса означали его отречение от прежних взглядов и в какой мере его верность прежним взглядам вела к противоречиям¹².

4.3. ТЕОРИЯ РЕНТЫ

Рикардианская теория ренты была фактически уничтожена Томасом Перронетом Томпсоном (1763—1869) в памфлете «Истинная теория ренты» («The True Theory of Rent», 1826). Томпсон вступил в борьбу с этим ложным замковым камнем рикардианской системы: «Прославленная теория ренты, — писал Томпсон, — основана на заблуждении, ибо ключевое значение и для цены зерна, и для ренты имеет спрос».

Ошибка состоит в том, что причиной предполагается то, что в реальности есть лишь следствие... Именно рост цены продукта... позволяет и заставляет начинать возделывать худшие участки земли, а не возделывание худших участков земли приводит к увеличению ренты.

Томпсон удивляется тому, что Рикардо, прекрасно понимая ложность взглядов, согласно которым зерно продается по высокой цене из-за выплаты ренты, а не наоборот, *тем не менее* поспешно берет на вооружение похожую теорию цены на основе издержек. Здесь Рикардо переставляет местами причины и следствия, утверждая, что обработка земельных участков худшего качества ведет к росту цен на зерно, а не наоборот.

В том же году сам Роберт Торренс подрывает рикардианскую теорию ренты еще эффективнее, выбрав в качестве объекта критики ключевое заблуждение ренты-как-разницы. Любопытно, что Торренс, который был вовлечен во все экономические дебаты того времени и поменял свои взгляды практически по всем пунктам, нанес coup de grace в третьем издании сочинения, в котором он опередил Рикардо в открытии и обосновании теории дифференциальной ренты, — «Опыт о внешней торговле» («Essay on the External Trade»), первое издание которого вышло в 1815 г. Торренс сформулировал критически важный тезис: рента с земельного участка *A* не зависит от того, что он более плодородный и производительный по сравнению с другим участком земли *B*; наоборот, рента каждого земельного участка обусловлена *его собственной* производительностью, точка!, что, в свою очередь, частично определяется редкостью соответствующего участка и спросом на производимую с его помощью продукцию. Существование дохода от земельного участка ни в коей мере не зависит от существования участков худшего качества. Торренс пишет:

Ни степени качества земли, ни последовательное вкладывание капитала в землю с убыванием отдачи не играет решающего значения в по-

явлении или росте рентных платежей. Если бы все земельные участки были одного качества и если бы после адекватного вложения капитала их продуктивность перестала увеличиваться... увеличение ценности сырого продукта все равно... привело бы к тому, что часть прибавочного продукта земли приняло бы форму ренты.

В том же самом 1831 г., когда Торренс этой своей критикой объявил о смерти рикардианской системы, выпускник Кембриджа преподобный Ричард Доунз (1790—1855) вбил осиновый кол в рикардианскую теорию в главе «О ренте» своего сочинения «*Essay on the Distribution of Wealth*». Будучи индуктивистом-бэконинцем, историцистом и противником теорий, и парадоксальным образом вначале став преемником Сениора в качестве профессора политической экономии в лондонском Куинз-колледже, а затем сменив Мальтуса в должности профессора в колледже Ост-Индской кампании в Хейлбери, Джоунз сделал акцент на ошибочности исторического суждения Рикардо, согласно которому в каждой стране вначале всегда возделываются наиболее плодородные земли, а затем последовательно приходит очередь все менее и менее плодородных земель. Шумпетер и другие авторы, отвергающие аргумент Джоунза на том основании, что он смешивает исторический факт с абстрактной теоретической моделью, не замечают одну важную деталь. Безусловно, Ричард Джоунз был заблуждавшимся противником теоретического подхода; но, с его точки зрения, Рикардо *не просто* предложил абстрактную и совершенно нереалистичную теоретическую модель. В первую очередь Рикардо интересовали приложения его теорий в политике, и он пребывал в иллюзии, что его модель порождает точные законы прошлых и будущих исторических тенденций. Для Рикардо неумолимый рост ренты, парализующий экономический рост, был предсказуемым эмпирическим следствием разработанной им теории. Конкретные эмпирические факты не могут породить и проверить теорию, но против теоретического закона, который пытается предсказать прошлое или будущее, *можно* вполне обоснованно возразить, изучив фактический ход истории. Для опровержения эмпирических обобщений вполне допустимо использовать эмпирические факты.

Всевозможные версии критики Рикардовой теории ренты быстро обладали в экономической литературе, в особенности версия Перронета Томпсона. Причем во влиятельных журналах аналогичная критика высказывалась еще до выхода в свет сочинения Томпсона: в «*British Critic*» в 1821 г. и в том же году Нассау Сениором в «*Quarterly Review*». К концу 1830-х годов взгляды Томпсона одержали полный триумф в журналах, включая статью Сэмюэла Маунтифорта Лонгфилда, первого ирландского профессора политической экономии в дублинском Тринити-колледже. К 1840 г. рикардианская теория ренты находилась в глубоком кризисе и почти не подлежала обсуждению; помимо Мак-Куллоха единственным, кто был готов ее защищать, был ревностный и эмоциональный рикардианец, поэт и писатель Томас Де Куинси (1785—1859).

Как признавал сам Рикардо, дифференциальная теория ренты не была его изобретением. Ее история начинается в 1777 г. с выхода в свет сочинения шотландского фермера Джеймса Андерсона (1739—1808) «Исследование о природе хлебных законов» («An Enquiry into the Nature of the Corn Laws»). Фермер из Абердиншира Андерсон основал и издавал еженедельник «Вее» («Пчела»), где печатал материалы по науке и искусству сельского хозяйства. Однако теория Андерсона канула в Лету, но в 1815 г. ее независимо от оригинала и друг от друга воспроизвели три автора: Томас Мальтус в «Исследовании о природе и возрастании ренты» («Inquiry into the Nature and Progress of Rent»), сэр Эдвард Уэст (1782—1828) в «Опыте о приложении капитала к земле» («Essay on the Application of Capital to Land») и Торренс в первом издании «Опыте о внешней торговле зерном» («Essay on the External Corn Trade»). Мальтус не интегрировал свою теорию в что-то, подобное рикардianской системе, а кроме того, он едва ли был оппонентом землевладельцев и земельной ренты. Он, напротив, защищал хлебные законы. В отличие от этого Уэст, который позднее стал судьей верховного суда в Индии и умер в молодом возрасте от болезни, настолько близко предвосхитил рикардianскую систему, что Шумпетер в большинстве случаев называет ее теорией Уэста—Рикардо.

111

Интересный вопрос: почему именно в этот короткий период (1815—1817) возникла столь сильная озабоченность или по меньшей мере внимание к мнимой проблеме роста ренты? Ведь, если не считать малоизвестного Джона Андерсона, внимание к росту ренты возникло и держалось в течение нескольких лет после окончания Наполеоновских войн. Блестящий ответ на этот вопрос дал американский экономист австрийской школы, работавший в начале XX в., Фрэнк Феттер: Наполеоновские войны, занявшие первые 15 лет XIX в., сопровождались высокими налогами, блокадой импорта продовольствия, денежной инфляцией и, как следствие, беспрецедентно высокими ценами на «зерно» в Англии, а соответственно, и сильно раздутой рентой с земель сельскохозяйственного назначения. Отнюдь не случайно, пишет Феттер, что «так называемая рикардianская доктрина ренты независимо сформулирована несколькими другими авторами — Уэстом, Мальтусом, Торренсом и другими между 1813 и 1815 гг., — когда цены на пшеницу находились на пике»¹³.

4.4. ПЕРРОНЕТ ТОМПСОН: БЕНТАМИТ-АНТИРИКАРДИАНЕЦ

Остановимся ненадолго, чтобы рассмотреть удивительную биографию и характер «полковника» Перронета Томпсона, убежденного радикала-бентамита, поборника свободной торговли и противника «хлебных законов». Будучи сыном процветающего купца и банкира из Суссекса и течение десятилетия членом Парламента, Томпсон провел первую часть

своей взрослой жизни в армии, уволившись с действительной военной службы в 1822 г. в возрасте 39 лет в звании лейтенанта. Несмотря на относительно низкое звание, в 1808 г. Томпсон был назначен первым королевским губернатором колонии Сьерра-Леоне, но быстро дал повод для отзыва в метрополию, выступив за прекращение работоторговли. Снятие с должности торийским британским правительством из-за проблемы работоторговли сделало молодого Томпсона еще более радикальным, а его познания в области либерализма расширились в результате знакомства с сочинениями Адама Смита и Тьюрго. После увольнения с действительной военной службы ему компенсировали работу в низком звании на важных постах в течение военной карьеры постоянным повышением в звании уже во время пребывания в запасе. К моменту смерти Томпсон уже был генералом.

До поступления на военную службу Томпсон окончил кембриджский Куинз-колледж и был принят туда преподавателем. После завершения военной карьеры он присоединился к кружку почитателей Бентама и с головой окунулся в бентамский утилитаризм и радикализм. Первая публикация Томпсона появилась в самом первом номере учрежденного Бентамом периодического издания «*Westminster Review*» (1824). За ней последовала брошюра «*True Theory of Rent*», защищавшая теорию ренты Адама Смита от Рикардо; а в следующем году Перронет Томпсон опубликовал хорошо известный «*Catechism on the Corn Laws*» (1827), общепризнанно считающийся важнейшим сочинением во всем корпусе литературы, критикующей «хлебные законы». В 1829 г., всего спустя пять лет после погружения в политику, к тому времени уже подполковник Томас Перронет Томпсон стал единственным владельцем бентамитского «*Westminster Review*» и публиковал статьи в каждом номере до тех пор, пока не отказался от владения журналом семью годами позже. Проиграв парламентские выборы в 1834 г., Томпсон выиграл выборы в следующем году, присоединившись в Парламенте в Джорджу Гроуту и философским радикалам. Потеряв свое место через два года, он несколько раз безуспешно участвовал в выборах, а затем работал в Парламенте в 1847—1852 и 1857—1859 гг.

Томпсон был очень плодовитым писателем и писал на самые разные темы. Когда ему было 59 лет, вышло шеститомное собрание его сочинений «*Exercises, Political and Others*» (1842), и он продолжал публиковать брошюры и газетные статьи в поддержку демократической реформы до последних дней своей жизни, окончившейся в возрасте 86 лет. В дополнение к своим обширным интересам в политике и экономике Томпсон писал и публиковал сочинения по математике, акустике и теории музыкальной гармонии. Орган, сконструированный на основе разработанной Томпсоном теории гармонии, получил специальный приз на Всемирной выставке промышленных работ всех народов 1851 г.

Вклад Томпсона в экономическую теорию не ограничился теорией ренты. Его первая статья в «*Westminster Review*» «Об инструментах об-

мена» («On Instruments of Exchange») следовала в фарватере инфляционистских взглядов Бентама, отстаивая неконвертируемые <в золото> бумажные деньги. Другой, столь же сомнительный вклад Томпсона в экономическую теорию в той же статье навеян намеком, сделанным Мальтусом десятью годами раньше. Мальтус, изучавший математику в Кембридже, в одной брошюре 1814 г. заметил, что дифференциальное исчисление может оказаться полезным в теориях морали, экономики и политики, поскольку в этих дисциплинах многие вопросы вращаются вокруг достижения максимума или минимума. Однако ко времени опубликования «Начал политической экономии» («Principles of Political Economy») в 1820 г. Мальтус благоразумно стал более скептически относиться к возможности использования математики в экономической теории, этике и политической теории. Однако Томпсону, также изучавшему математику в Кембридже, подобные сомнения были неведомы, и его статья 1824 г. отворила ворота в преисподнюю, дав образец использования дифференциального исчисления в определении максимальной выгоды. Совершенный бентамит, поглощенный поисками максимума удовольствия и минимума боли, задел роковую струну; ящик Пандоры был открыт.

Но все же благосклонное отношение Томпсона к математизации экономической теории не помешало ему осудить поиски Смитом и Рикардо зафиксированной и неизменной меры ценности, которые он благоразумно отверг как химеру. Более того, в номере «Westminster Review» за 1832 г. он подверг язвительной критике все теории ценности, основанные на издержках, указав на то, что издержки и цены почти всегда различаются. Причем разница эта, добавляет он, не случайна и не эфемерна, как предполагали Смит и в особенности Рикардо, сосредоточив внимание на долгосрочной «естественной» цене. Напротив, неизменно наблюдаемая краткосрочная разница цен составляет суть динамики реального мира: «Беспрестанные колебания по обе стороны цены, определенной издержками, отнюдь не будучи не стоящей внимания случайностью, в реальности представляют собой великую силу, поддерживающую коммерческий мир в движении».

4.5. СЭМЮЭЛ БЕЙЛИ И ТЕОРИЯ ЦЕННОСТИ, ОСНОВАННАЯ НА ПОЛЕЗНОСТИ

В 1825 г. молодой преуспевающий коммерсант из Шеффилда опубликовал «Критическое рассуждение о природе, мерах и причинах ценности» («Critical Dissertation on the Nature, Measures, and Causes of Value»), где подверг разгромной критике рикардianскую теорию ценности. Бейли наконец-то перенес субъективистскую теорию полезности, разработанную во французской традиции, в английскую экономическую теорию; к сожалению, он не был достаточно великодушен, чтобы признать этот факт. Например, хотя его сочинение явно написано в сэевской

традиции, в его кратких и отрывочных ссылках на «Трактат» Сэя не видно даже намек на выражение признательности интеллектуальному предшественнику. Но как бы то ни было, Бейли разнес <теорию ценности> Рикардо в пух и прах. Начав с данного Рикардо определения ценности как относительной цены, или покупательной способности, конкретных товаров, Бейли показывает абсурдность и внутреннюю противоречивость утверждения Рикардо о том, что каждое благо приобретает абсолютную и неизменную ценность в зависимости от количества рабочего времени, потраченного на его производство. В частности, если количество труда, требующегося для производства блага *A* не изменится, то, вопреки Рикардо, его ценность вряд ли останется прежней, если изменится количество труда, воплощенного в других благах *B*, *C* и *D* и т.д. Иными словами, ценность строго относительна, это ранжирование благ, и поэтому не может быть абсолютной и неизменной. Более того, Бейли показывает, что ценность вообще не имманентна благам, а всегда представляет собой процесс субъективной *оценки* в уме людей. Ценность, как отмечает Бейли, «в конечном счет означает уважение к объекту. Строго говоря, она демонстрирует эффект, оказанный на ум». Ценность представляет собой в чистом виде «умственную привязанность». Более того, он формулирует очень глубокое положение, согласно которому ценность — это не только субъективное уважение; оценка по необходимости производится *относительно* множества благ и объектов; ценность — это относительное предпочтение. Бейли пишет:

Когда мы рассматриваем объекты сами по себе, без ссылок друг на друга, эмоцию, или удовольствие, или удовлетворение, с которыми мы воспринимаем их полезность или красоту, едва ли можно назвать ценностью. Лишь когда объекты рассматриваются как предметы предпочтения или обмена, может возникнуть специфическое чувство ценности. Лишь когда они рассматриваются в таком аспекте, наше уважение к одному объекту или наше желание владеть им может быть равным, большим или меньшим, чем уважение к другому...

Но из того, что ценность субъективна и относительна (или соотносительна), следует абсурдность поисков Давидом Рикардо неизменной меры ценности.

В искрометном и основательном отрывке Бейли демонстрирует внутренние противоречия и нелепости любой объективной, абсолютной теории ценности, и конкретно рикардианского варианта ценности, определяемой количеством труда. Рикардианцы упустили из виду

относительную природу ценности и... рассматривают ее как нечто положительное и абсолютное; так что если бы в мире существовало всего два товара и по каким-то причинам на их производство стало требоваться в два раза больше труда, реальная ценность их обоих тут же выросла бы, хотя их отношение друг к другу не претерпело бы никаких изменений. Согласно этой доктрине всё может вдруг стать более

ценным, если для производства этого всего вдруг потребуется больше труда, — положение, находящееся в резком противоречии с той истиной, что ценность выражает отношение, в котором товары состоят друг к другу как предметы обмена. Одним словом, согласно этой теории реальная ценность считается независимым результатом труда; и следовательно, если ввиду каких-то обстоятельств количество <требуемого> труда увеличится, то реальная ценность вырастет. Отсюда вытекает тот парадокс, [цитируя убежденного рикардianца Томаса Де Куинси] «что ценность *A* может постоянно расти — реальная наблюдаемая ценность — и при этом соответствовать постоянно уменьшающемуся количеству *B*», хотя это единственно существующая пара товаров.

В итоге получатся, как язвительно замечает Бейли, «сам термин “абсолютная ценность” столь же нелеп, как абсолютное расстояние».

Затем Бейли переходит к пронизательному обсуждению теории измерений, показывая, что между подлинным измерением реальных, или физических, объектов и любым понятием «измерения» чего-то столь же субъективного и относительного, как человеческая оценка, лежит глубокая пропасть. В случае физических объектов такие показатели, как длина и вес, измеряются путем фиксирования неизменной меры, такой как линейка длиной 1 фут, и затем сравнения длин измеряемых объектов с этой линейкой. В случае человеческих оценок «измерение» — совсем другое дело; это просто выражение цен, или относительной покупательной способности различных товаров в деньгах, или средстве обмена, одного вида. Здесь нет физических действий, подобных измерениям физических объектов. В случае денег существует «общее выражение, или общий знаменатель, ценности» в деньгах, а не неизменный физический объект сравнения. По сути, эти цены и количества относительны и переменчивы, и в них нет ни грана неизменности. На самом деле Бейли следовало бы вовсе отказаться от термина «измерение» и ограничить его применение исключительно к неизменным стандартам, используемым для сравнения физических объектов, просто сведя идею сравнения относительных цен к терминам «общее выражение» или «общий знаменатель». Это позволило бы избежать огромной путаницы в экономической теории.

В ходе разгрома идеи неизменной меры ценности Бейли столь же решительно разобрался и с представлением о неизменности ценности денег во времени, которые поэтому можно использовать для сравнения общих цен во времени. В более позднем сочинении о деньгах и их ценности («Деньги и колебания их ценности» («Money and its Vicissitudes in Value»)) Бейли писал, что хотя ценность денежного товара столь же текуча, как и у любого другого, одним из его свойств и одной из причин, по которым он выбран рынком в качестве денег, является «сравнительное устойчивое его ценности». Но ценность его не постоянна, и поэтому не существует способа измерять ценность во времени. Но товары находятся в отношениях ценности друг к другу только в одно и то же время; товар

не находится в ценностном отношении к самому себе в разные моменты времени. Бейли писал:

Невозможно установить отношение ткани в один момент времени к ткани в другой момент времени так же, как мы устанавливаем отношение к ткани в настоящий момент. Все, что можно сделать, это сравнить отношение, в котором ткань находится в каждый отрезок времени к какому-то другому товару. [...] Нельзя сказать, что пару чулок в период царствования Иакова I можно было бы обменять на шесть пар в наши дни; и поэтому без ссылки на какой-либо другой товар нельзя сказать, что ценность пары чулок в период царствования Иакова I была равна ценности шести пар сегодня. Ценности есть отношение между товарами-современниками, поскольку только таковые позволяют обмениваться друг с другом; и если мы сравниваем ценность товара в один момент времени с его ценностью в другой момент времени, это представляет собой лишь сравнение отношения, в котором он стоит в эти моменты времени к какому-то другому товару.

До недавнего времени историки считали, что сочинение Бейли кануло в Лету, не оказав влияния на рикардianский мир британской экономической теории, и лишь в конце XIX в. его вернули из небытия историки, искавшие предшественников теории предельной полезности. Сегодня мы знаем, что в действительности, несмотря на злобные личные нападки (вероятно, со стороны Джеймса Милля) в журнале «Westminster Review», у «Критического рассуждения» Бейли было много читателей и ее идеи завладели умами экономистов. В январе 1831 г., выступая перед Клубом политической экономии с надгробной речью, посвященной рикардianской экономической теории, Роберт Торренс заявил, что «Рассуждение» Бейли «окончательно разрешило проблему ценности». В самом деле, спустя год после выхода в свет сочинения Бейли Торренс сильно расхваливал его в третьем издании своей книги «Опыт о внешней торговле зерном» («Essay on the External Corn Trade»), назвав в предисловии «мастерским образчиком ясной и точной логики, пронзающей туманный и неоднозначный язык, которым изъяснялись некоторые из наиболее известных наших экономистов». Примечательно, что не отличавшийся постоянством Торренс придерживался этой оценки до конца жизни. В длинном введении к сочинению «Бюджет» («The Budget», 1844), в котором Торренс пересмотрел многие свои старые взгляды, он приложил максимум усилий, чтобы подтвердить, что «одаренный автор “A Dissertation on the Nature, Causes, and Measures of Value” окончательно уладил долго волновавший экономистов вопрос о том, следует ли рассматривать ценность как абсолютное, или положительное, качество, имманентное товарам, или как отношение между ними.

Бейли написал эффектный ответ «вестминстерскому» критику («Письмо политэконома» («A Letter of an Political Economist»)), но кроме этих двух произведений и трактата «Деньги» («Money») большинство его многочисленных сочинений посвящены философии и избирательной реформе,

поскольку в интеллектуальных занятиях этот преуспевающий шеффилдский купец, родившийся в купеческой же семье, основатель и четырежды президент Шеффилдского литературно-философского общества, являлся ревностным последователем Бентама. Значительную часть своих интеллектуальных ресурсов он направил на популяризацию произведений Бентама, посвященных философии и радикальной реформе политической системы, и дважды безуспешно выдвигался в Парламент как сторонник избирательной реформы. Значительное философское влияние оказала первая книга Бейли «Опыт о формировании и опубликовании общественного мнения» («*Essay on the Formation and Publication of Public Opinion*», 1821). Сделанный в ней акцент на утилитаристской ценности свободного обсуждения оказал огромное влияние на Джеймса Милля, на очерк «О свободе» Джона Стюарта Милля и на Фрэнсиса Плейса. Что касается экономических вопросов, то «Опыт» Бейли находил корни экономической активности в субъективных, умственных явлениях и прямо отвергал упор британской классической политэкономии на физические материальные объекты. По мнению Бейли, методология экономической теории представляет собой интроспекцию в условиях эмпирического окружения субъекта. Бейли понимал экономическую теорию как «науку о разуме», а не о технологии. Очевидно, что его методология и философия экономической теории гораздо ближе к «австрийской», чем считается¹⁴.

Более поздние сочинения Бейли посвящены неэкономическим вопросам, в частности: «Опыт о поисках истины» («*Essay on the Pursuit of Truth*», 1844), «Теория рассуждений» («*The Theory of Reasoning*», 1851, 1852) и три серии «Писем о философии человеческого ума» («*Letters on the Philosophy of Human Mind*», 1855—1862). Его последним опубликованным произведением стал двухтомник, в котором он использовал этимологию для реконструкции и переосмысления некоторых пьес Шекспира («Об общепризнанных текстах драматических сочинений Шекспира и их улучшении» («*On the Received Text of Shakespeare's Dramatic Writings and its Improvement*», 1862—1866)).

Сэмюэл Бейли был наиболее выдающимся и влиятельным теоретиком субъективной ценности, но он не был первым, кто принес теорию субъективной ценности в Британию XIX в. Эта честь принадлежит практически неизвестному шотландцу Джону Крейгу (ок. 1780 — ок. 1850). О нем нам известно только то, что он жил в Глазго был членом Королевского общества Эдинбурга. Никакими сведениями о его профессии и биографии мы не располагаем. После написания трехтомного сочинения «Основы политической науки» («*Elements Political Science*», 1814) Крейг внес поразительный (пусть и оставшийся незамеченным) вклад в экономическую теорию в книге «Замечания о некоторых фундаментальных доктринах политической экономии» («*Remarks on Some Fundamental Doctrines of Political Economy*»).

Крейг не только привнес понятие полезности в британскую политэкономия, в которой обсуждались главным образом «издержки» и «естест-

венная цена»; впервые в Великобритании он подвел теорию ценности непосредственно вплотную к концепции предельной полезности. Начав с аксиомы о том, что в основе всякой ценности лежит полезность, Крэйг переходит к влиянию предложения: «...относительная ценность товаров может меняться, и лица, владеющие изделиями, которые изготовлены в больших количествах, чем раньше, или на которые по каким-то другим причинам упал спрос, могут стать беднее...» Иными словами, большее количество ведет к уменьшению ценности. То, что увеличение изобилия ведет к снижению ценности, некогда было общим местом в экономической теории; но в чем конкретно причина истинности этого факта? Вначале Крэйг отмечает, что увеличение количества, скажем, тонкого сукна вызовет снижение его цены. А затем в поистине замечательном рассуждении он объясняет, что

все тонкое сукно, которое, по оценке покупателей, стоило предыдущую цену, было тогда поставлено на рынок, и если сейчас необходимо избавиться от большего количества, то покупателями должны выступить только те, кто не считал полезность сукна эквивалентной его прежней стоимости. Новые покупатели будут появляться <по мере и> пропорционально снижению цены, потому что на каждом шаге снижения цены эта последняя соотносится с оценкой, которую дополнительное число покупателей сформировало о способности сукна вызвать удовлетворение, или, иными словами, с оценкой его потребительской ценности.

Таким образом, Крэйг не только явным образом опроверг доминировавший смитианский взгляд, разделяющий потребительскую и меновую ценность, показав, что последняя строго зависит от первой. Что гораздо важнее, он сформулировал суть доктрины предельной полезности, не называя ее так: показав, что, когда количество блага увеличивается, его цена, или ценность, должна упасть, чтобы подключить новую группу покупателей, чьи оценки полезности этого блага были слишком низки, чтобы позволить им покупать его по первоначальной более высокой цене за меньший объем продукции. Короче говоря, когда цена падает, бывшие субпредельные покупатели становятся предельными покупателями на дополнительный объем продукции. Как пишет проф. Тор Брюс,

117

Крэйг вплотную подошел к выражению идеи предельной полезности. Он порвал с теорией, основывавшейся на идее издержек, которую разделяли его современники, и стал первым выразителем идеи <наличия> связи между полезностью и ценностью. Делая упор на теории полезности, он был предшественником австрийской школы второй половины XIX столетия¹⁵.

Крэйг на этом не остановился. Если, например, произведено больше тонкого сукна и поэтому его цена упала, у прежних покупателей теперь остается дополнительный доход, который они используют для увеличения спроса на другие товары, отчего цена последних возрастет. Следова-

тельно, снижение ценности тонкого сукна увеличит спрос и цены на другие товары. Поэтому увеличение предложения отдельных товаров не обязательно ведет к общему падению ценностей. Скорее, оно вызывает перестройку системы цен и увеличивает реальный доход потребителей.

Анализ ценности привел Крейга к выводу о том, что меновая ценность не только зависит от потребительной ценности, но и являет ее точной мерой. Во введении к «Замечаниях» Крейг отмечает, что он случайно наткнулся на «Трактат по политической экономии» Сэя и увидел сходство в подходах уже после того, как его собственный трактат уже был полностью готов. При этом он добавляет, что верное в принципе внимание Сея к меновой ценности необходимо слегка подкорректировать, отметив, что она также представляет собой воплощение или выражение потребительной ценности.

Критикуя рикардианскую трудовую, или основанную на издержках, теорию ценности, Крейг указывает на то, что ценность любого блага определяется не издержками производства, а спросом и предложением, где спрос постоянно меняется в соответствии с желаниями потребителей, а предложение изменяется соответственно редкости или изобилия факторов производства, а также продуктивностью сельского хозяйства. Или, как пишет сам Крейг,

даже если бы издержки были точно известны, это не позволило бы нам судить о меновой ценности. Меновая ценность целиком и полностью зависит от того, в каком соотношении на рынке находится спрос на изделие и его предложение, каковое соотношение постоянно меняется в зависимости от редкости капитала и труда, с одной стороны, и от урожайности в данном сезоне — с другой.

Если Джон Крейг был предшественником Сэмюэля Бейли, то его последователем стал Чарльз Коттерил, автор сочинения «Исследование доктрины о ценности...» («An Examination of the Doctrine of Value...», 1831). Он не только в целом поддержал сформулированную Бейли теорию субъективной полезности, но и в том же году, что и Торренс, объявил о кончине рикардианского движения, озадаченно заметив, что «несколько рикардианцев еще осталось».

4.6. НАССАУ СЕНИОР, СВЯЗИ УОТЛИ И ТЕОРИЯ ПОЛЕЗНОСТИ

В конце 1820-х гг. Нассау Сениор выступил с серией лекций в качестве драммондского профессора в Оксфордском университете, часть из которых вошли в единственную опубликованную книгу Сениора «*Outlines of the Science of Political Economy*» (1836). Сениор развил разработанную Бейли теорию субъективной полезности; трудно сказать, насколько большое влияние на него оказал Бейли, поскольку, подобно многим

экономистам той эпохи, Сениор практически не упоминал коллег-единомышленников или тех, кто оказал влияние на его произведения.

Однако Сениор все же признал влияние Ж. Б. Сэя, начав свой анализ с утверждения о том, что ценность зависит от полезности и редкости, и тем самым вернувшись к континентальной традиции. Сениор добавил, что полезность не имманентна объектам, а связана с человеческими желаниями и с разными людьми. Полезность, указывает он,

обозначает не имманентное качество вещей, которые мы называем полезными; она просто выражает их отношение к удовольствию и боли человечества. А поскольку восприимчивость к удовольствию и боли от конкретных объектов определяется и модифицируется бесчисленными и постоянно меняющимися причинами, мы находим бесчисленное разнообразие относительной полезности различных объектов для различных людей, каковое разнообразие и служит мотивом для всех обменов.

По Сениору, основное влияние на относительную ценность оказывала редкость, или естественное ограничение предложения. В ходе своего анализа Сениор фактически сформулировал закон убывающей предельной полезности:

Не только существуют пределы удовольствия, которое могут доставить товары любого данного класса, но удовольствие уменьшается с быстро увеличивающейся скоростью задолго до того, как эти пределы достигаются. Два предмета одного рода редко доставляют удвоенное удовольствие, обеспечиваемое одним предметом, и еще реже десять доставят в пять раз больше удовольствия, чем два.

Во время обучения в Оксфорде наставником молодого Сениора был молодой человек, всего на три года старше него, недавно назначенный преподавателем в Ориель-колледж, из которого он выпустился всего несколькими годами раньше. Философ и теолог, сын англиканского священника преподобный Ричард Уотли (1787—1863) стал близким другом Сениора на всю жизнь. Даже когда Сениор перешел в адвокаты, он оставался центральной фигурой кружка, собравшегося в Ориель-колледже вокруг харизматичного Уотли. Члены кружка занимались литературными исследованиями и занятиями, а Сениор опубликовал несколько литературных статей и основал недолго просуществовавший литературный и интеллектуальный ежеквартальный журнал «London Review». Уотли опубликовал книгу «Основы логики» («Elements of Logic», 1826), ставшую стандартным учебником по логике, в которую вошло написанное Сениором приложение «Двусмысленные термины, используемые в политической экономии» («Ambiguous Terms Used in Political Economy»). Возможно, именно Уотли привил Сениору прискорбную склонность к придумыванию терминов и к спорам о словах, что негативно сказалось на влиянии великого Сениора в мире экономической теории.

Как бы то ни было, Сениор узнал философию и теологию от Уотли, а последний — экономическую теорию от Сениора.

В Оксфорде ориельский кружок превратился в крайне влиятельный центр либерально-виговских взглядов в Англиканской церкви, что свидетельствует о действительно недюжинном влиянии в университете, где традиционно господствовали высокий торизм и высокая церковь¹⁶. Когда в 1825 г. появилась учрежденная Драммондом профессорская кафедра в области политической экономии, Уотли приложил усилия, чтобы эта должность досталась Нассау Сениору, а после истечения срока Сениора пять лет спустя последний рекомендовал в качестве своего преемника Уотли. В лекциях, прочитанных Уотли в качестве драммондского профессора, которые были опубликованы под названием «Вводные лекции по политической экономии» («Introduction Lectures on Political Economy», 1831, 2nd ed., 1832), он продолжает и развивает традицию Сениора, особенно в теории ценности.

Конечно, методологически Уотли пошел дальше Сениора. Лингвистические и философские интересы помогли Уотли осознать, что понятие и термин «политическая экономия» смешивают в себе две совершенно отдельных области. Эта путаница сдерживает научное развитие экономической теории. Поэтому Уотли предложил заменить название «политическая экономия» новым словом «каталлактика», т.е. наука об обменах. Уотли определял человека как «животное, осуществляющее обмены», указывая на то, что даже животные, наиболее близкие к человеческой рациональности, «по всей видимости, не имеют ни малейшего представления о бартере или каком-либо обмене одной вещи на другую». Сосредоточившись на человеческих актах обмена, а не на обмениваемых *вещах*, Уотли почти сразу пришел к субъективной теории ценности, так как понял, что «одна и та же вещь имеет разное значение для разных людей» и что в основе всех обменов лежит разница в субъективной ценности. Более того, Уотли заявил, что «труд не имеет отношения к сущности ценности», отметив, что жемчуг «идет по высокой цене не потому, что люди ныряют за ним; наоборот, люди ныряют за ним, потому что он идет по высокой цене».

Уотли понимал, что сфера экономики, и в особенности меновая активность на рынке, заслуживает собственной отрасли анализа и исследований. Даже если впоследствии произойдет интеграция, путем применения результатов анализа к политической сфере, вначале все равно необходимо разделение, чтобы позволить процессу рассуждения протекать беспрепятственно.

Но после отделения и анализа — интеграция; Ричард Уотли понимал, что сам факт выделения отдельной области для каталластики тем более означает, что для выработки выводов для политики требуется интеграция с результатами морального и теологического анализа. В драммондских лекциях Уотли в первую очередь старался показать, что, вопреки оксфордским тори, политическая экономия не является греховной,

материалистической и не противоречит христианству. Прежде всего, политическую экономию не следует рассматривать, подобно Смиту и классической школе, как изучение богатства; она занимается изучением обменов между людьми. Но даже в изучении богатства нет ничего греховного; что греховного в изучении способов увеличения богатства? Политэконому не требуется выходить за границы своей роли ученого, изучающего каталлактику, он может отстаивать какие-то меры социально-экономической политики как средство приобретения богатства или на каких-то других основаниях. Конечно, занимаясь этим, он защищает ту или иную политику не как политэконом, а в каком-то другом качестве. Уотли также осудил попытку монополизировать экономическую теорию со стороны агрессивно атеистического, мирского и «антихристианского» рикардianского кружка. Несомненно, что последнее определение не будет преувеличением по отношению к таким людям, как Джеймс Милль и радикалы-бентамиты. Уотли также считал учения Рикардо опасными и антихристианскими в том смысле, что они подразумевают имманентный классовый конфликт между капиталистами и рабочими, а также между землевладельцами и всеми остальными, что отрицает важнейший с точки зрения *laissez faire* тезис о гармоничном социальном порядке, который свидетельствует в пользу существования божественной мудрости. Для Уотли гармония невмешательства и христианское постижение божественного порядка встречаются на высоком объединяющем уровне. Таким образом, хотя экономический анализ научен и ценностно нейтрален, а соответственно, не может непосредственно вести к политическим выводам, такой анализ приведет к выводам о невмешательстве (*laissez faire*) и в этом виде превосходно согласуется с христианской интуицией благотворного божественного порядка.

В дополнение к тонкому анализу природы и различий между положительной и нормативной экономической теорией Уотли подверг критике наивную методологию собирания фактов кембриджских индуктивистов-бэконинцев во главе с Ричардом Джоунзом и Уильямом Уэвеллом. Уотли пронизательно замечает, что факты собирают не для разработки теории, а для применения ее к конкретным условиям. Искать факты, не руководствуясь теорией при их отборе, практически невозможно. Научный прогресс, как совершенно верно указывает Уотли, состоит не в сборе все большего числа фактов, а в том, чтобы взглянуть на старые факты по-новому, — примером может служить новое понимание природы кровообращения.

В 1832 г. Ричард Уотли раньше срока освободил драммонскую кафедру, неожиданно получив назначение на высокий пост англиканского архиепископа Дублина, где он шокировал ортодоксальных евангелистов отказом от антикатолических взглядов и настойчивыми рекомендациями веселиться и радоваться в воскресенье. Архиепископ Дублина по должности являлся одним из двух членов апелляционного суда колледжа Св. Троицы — последней инстанции для разрешения всех конф-

ликтов и тяжб, возникавших в стенах колледжа. Уотли использовал свое огромное влияние в колледже, чтобы, преодолевая ожесточенное сопротивление, пробить создание здесь новой профессорской кафедры по политической экономии, — на условиях, очень похожих на таковые драммондской кафедры. До конца своих дней Уотли испытывал и отбирал кандидатов на эту должность и платил профессорское жалованье.

Противодействие со стороны совета и ректора Дублинского университета объяснялось страхом перед мнимым радикализмом политической экономии. Ректор хотел от Уотли гарантии, что лица, назначаемые на новую должность, будут иметь «здоровые и безопасные консервативные взгляды», на что архиепископ с возмущением ответил, что его «ужасают подобные предположения, подразумевающие примешивание партийной политики к предмету абстрактной науки...»

Уотли пытался донести до сознания людей одно тонкое, но важное различие, — по проблеме, которая отравляет академическую жизнь и в наши дни. Он говорил, что совершенно корректно, а в действительности — даже важно выбирать профессоров с правильными взглядами не только на строго научные аспекты соответствующей области знаний, но и на более широкие следствия, вытекающие из нее. Но совершенно недопустимо оценивать профессоров на основе занимаемых ими позиций по узким политическим проблемам, которые Уотли обобщенно называл «партийной политикой». Так, при выборе кандидатов на замещение собственной именной профессорской кафедры архиепископ подробно опрашивал и отбирал профессоров, ориентируясь на их приверженность христианско-либеральным взглядам на гармонию Вселенной вообще и свободному рынку в частности, а также сениоровой теории предельной полезности в противовес рикардianской трудовой теории.

Сам Уотли написал еще одну работу по экономической теории, изложив свои идеи в «Легких уроках о деньгах для юношества» («Easy Lessons on Money Matters; for the Use of Young People»), — безумно популярную книжку для детей, выдержавшую за двадцать лет 15 изданий и переведенную на множество языков. Примечательно, что в этом учебнике для начинающих Уотли сделал заявку на теоретический прорыв огромного значения — обобщение теории образования цен на все факторы производства: «Если внимательно поразмышлять над тем, что означают слова Рента, Найм и Процент, можно понять, что в действительности все они обозначают платеж одного и того же рода»¹⁷. Но, к сожалению, в дальнейшем Уотли перестал заниматься экономической теорией, так что его прозрения в области теорий ценности или распределения остались разрозненными и фрагментарными. С этого времени в деле более систематического развития субъективистской традиции ему пришлось полагаться на тех, кто занимал профессорскую кафедру его имени.

И первый из них превосходно соответствовал требованиям архиепископа. Маунтифорт Лонгфилд (1802—1884), сын приходского англиканского священника из ирландского графства Корк, окончил колледж

Св. Троицы десятью годами раньше с золотой медалью в науках за выдающиеся успехи в математике и физике. Позже Лонгфилд получил заветную должность штатного сотрудника в этом учебном заведении, со специализацией в математике и естественных науках, — областях, в которых колледж Св. Троицы был намного сильнее Оксфорда и Кембриджа, где в то время только-только начали расширять свои исключительно классицистские учебные планы, чтобы вписаться в новый мир. Работая в колледже, Лонгфилд параллельно поступил в Дублинскую школу права и, окончив ее в 1831 г., стал помощником дублинского профессора феодального и английского права. Помимо этого Лонгфилд прочитал серию публичных лекций об общем праве, встреченных в высшей степени благожелательно.

Маунтифорт Лонгфилд с лихвой оправдал ожидания Уотли. Он не только использовал свой досуг и возможности, предоставленные профессорской должностью, чтобы разработать поразительно завершенную субъективистскую и даже маржиналистскую теорию ценности и распределения, — подлинную альтернативу рикардизму, он также сформировал и закрепил традицию субъективистской теории ценности в Дублинском университете, оставив достойных преемников для занятия кафедры. Суть системы Лонгфилда представлена в его первом опубликованном цикле «Лекции по политической экономии» (*Lectures on Political Economy*, 1834). Затем он опубликовал еще два цикла лекций. В 1836 г. он оставил профессорскую кафедру Уотли, чтобы возобновить юридическую карьеру, став королевским профессором феодального и английского права в Дублинском университете. Позже он получил патент королевского адвоката. Лонгфилд был специалистом по земельному праву, и в 1849 г. его назначили одним из трех членов земельной комиссии в Ирландии. Спустя десять лет он занял престижную судебскую должность в земельном суде Ирландии. После этого он получил широкую известность в Великобритании как «судья Лонгфилд» за его усилия по проведению земельной реформы в Ирландии. Если не считать нескольких статей о банковском деле, Лонгфилд уже не имел свободного времени на экономические исследования, так что его замечательный вклад в экономическую теорию оказался втиснут в те четыре года, когда он был профессором политической экономии в колледже Св. Троицы. В конце жизни Лонгфилд вернулся к интересам начального периода жизни, опубликовав математический текст «Вводный трактат о рядах» (*An Elementary Treatise on Series*, 1872).

Общие взгляды Лонгфилда на рыночную гармонию весьма близки к взглядам Уотли. В «Лекциях» Лонгфилд пишет, что «законы, в соответствии с которыми богатство создается, распределяется и потребляется, заданы Великим Автором нашего бытия, с такой же заботой о нашем счастье, какая проявляется в законах, управляющих материальным миром». Более того, Лонгфилд был расстроен Рикардовой пессимистической теорией распределения и описанным им имманентным классовым

конфликтом между рабочими, капиталистами и землевладельцами, из которых первые два класса обречены на то, что все увеличивающаяся львиная доля продукта будет доставаться непроизводительному классу землевладельцев.

В теории ценности Лонгфилд разработал субъективистскую теорию ценности и цены более полно, чем это было сделано в Великобритании к тому времени. В качестве объекта первостепенной важности он выбрал рыночную цену, а не цену в долгосрочном периоде, показав при этом, что в любом случае обе они определяются спросом и предложением. Проведенный им подробный предельный анализ спроса открыл новые горизонты <в экономической науке>. В рамках этого анализа он сформулировал понятие потребительского спроса как шкалы, соотношенной с набором цен, и даже разработал идею индивидуальных убывающих шкал спроса как фундаментальной основы совокупного рыночного спроса. Даже полнее, чем Джон Крейг, Лонгфилд показал, что рыночные кривые спроса порождаются сверхпредельными, предельными и субпредельными покупателями, у каждого из которых своя интенсивность спроса. Более того, «мерой интенсивности спроса человека на товар служит сумма, которую он готов отдать за товар, чтобы не остаться без него, т.е. отказаться от удовлетворения, которое, по расчетам, этот товар обеспечит ему». Но, конечно, несмотря на разную интенсивность спроса, все обмены будут осуществляться по одной и той же рыночной цене. Если затем «будет предпринята попытка повысить цену на одну ступень выше этой суммы, тогда теми лицами, предъявляющими спрос, которые перестанут быть покупателями, должны стать те, интенсивность спроса которых в точности определялась прежней ценой. [...] Таким образом, рыночная цена измеряется тем спросом, который, имея наименьшую интенсивность, все же ведет к реальной покупке». Короче говоря, ключом к определению цены становится предельный спрос.

В части анализа предложения Лонгфилд показал, что предложением, имеющим значение для реальной, ежедневной рыночной цены, является предварительно произведенный запас товара, зафиксированный в непосредственно данный момент (иными словами, то, что сегодня называется вертикальной кривой предложения для мгновенного рыночного периода). Кроме того, Лонгфилд прекрасно понимал, в отличие от Рикардо, что издержки производства ни в каком смысле не определяют цену; в лучшем случае они вносят свой вклад косвенно, оказывая влияние на объем предложения. Он близко подходит к более поздней теории австрийской школы, пронизательно отмечая, что влияние издержек на предложение объясняется ожиданиями производителей в ходе принятия решения о том, сколько товара произвести и поставить на рынок. Таким образом, издержки производства воздействуют посредством оказания влияния на предложение, «поскольку люди не станут производить товары, не имея разумных ожиданий продать их за бóльшую сумму, чем издержки на их производство».

Биограф Лонгфилда проф. Лоренс Мосс порицает вклад своего героя в теорию ценности за то, что это вклад не является теорией предельной полезности¹⁸. Мосс недоволен тем, что Лонгфилд, осознавая, что источник всякого спроса — полезность, не пошел в анализе полезности дальше этого утверждения, остановившись на рассмотрении предельного спроса и шкалы спроса. Этот ревизионистский взгляд больше напоминает придирки к терминам; хотя Лонгфилд не использовал термин «предельная полезность» и не разукрупнил «полезность» до уровня индивидов или групп, но сделав это для спроса и ступеней спроса, он прошел большую часть пути к полной теории полезности. Профессор Мосс рискует перепутать термин с сутью. Однако верно, что злосчастное затянувшееся рикардрианство заставило Лонгфилда одобрить в качестве меры ценности труд, — концепцию, столь же ошибочную в мельчайших деталях, как и трудовая теория ценности в целом.

Как мы увидим ниже, в Ирландии Маунтифорт Лонгфилд при помощи Уотли оставил своим преемникам по профессорской кафедре Уотли в Дублинском университете важное наследие в виде субъективной теории ценности и антирикардрианства. Но, к сожалению, он не имел влияния в Англии, где по иронии судьбы он был хорошо известен как судья Лонгфилд, ирландский сторонник земельной реформы, и неизвестен как значительный и *challenging* экономист. Например, Сениор доктринально был очень близок к Лонгфилду и знал о его работах, но сослался на них только один раз по тривиальному поводу, не оставив никаких признаков того, что испытал его влияние. Это пренебрежение усиливалось крайней провинциальностью английской экономической теории в XIX в. Как правило, английские экономисты не снисходили до изучения иностранных авторов, особенно «колониальных», подобно ирландским или американским, что в действительности пошло бы им на пользу.

Но, по крайней мере, Маунтифору Лонгфилду удалось утвердить в Ирландии традицию ценности, основанной на полезности. Его преемник по профессорской кафедре Исаак Батт (1813—1879) с гордостью называл себя последователем Лонгфилда и из всей экономической литературы рекомендовал своим студентам читать Лонгфилда, Сэя и Сениора — весьма достойное трио. Подобно Лонгфилду, причем даже в большей степени, вклад Батта в экономическую теорию ограничен периодом пребывания уотливским профессором политической экономики (1836—1840). Его важнейшие публикации, «Вводные лекции» («Introductory Lecture», 1837) и «Рента, прибыль и труд» («Rent, Profits, and Labour», 1838), представляют собой лекции, прочитанные в колледже Св. Троицы. Как мы увидим ниже, основной вклад Батта состоял в обобщении лонгфилдовской теории образования цен факторов производства на основе предельной производительности и интегрировании с этой теорией сэевского анализа полезности. Непосредственно в теории полезности Батт исправил смитовскую ошибку Лонгфилда — характеристику потребления *per se* как «непроизводительного». Батт также

отметил, что трудовая теория ценности в определенном смысле была бы применима, если бы труд являлся единственным редким ресурсом и, кроме того, однородным и без издержек перемещался между отраслями. Но выполнение этих условий, конечно, невозможно.

Исаак Батт начинал как молодой талантливый специалист по античной филологии и переводчик Вергилия. Уотливским профессором политической экономии его назначили в возрасте 23 лет, и в период ее замещения он сдал экзамены на адвоката. После окончания профессорского контракта Батт стал известным юристом и вскоре его избрали олдерменом города Дублина. Впоследствии Батт осудил британскую политику во время голода в Ирландии, а еще чуть позже стал активным сторонником самоуправления Ирландии. Батт защищал в суде руководителей ирландского восстания 1848 г., а также участников восстания фениев в 1860-х гг. Батт также основал Партию гомруля <самоуправления>, выступая ее лидером и главным организатором, и несколько раз избирался членом Парламента. Его сочинения, опубликованные после периода работы в колледже Св. Троицы, посвящены земельному вопросу в Ирландии, и в них Батт отстаивал земельную реформу в пользу ирландских арендаторов. Занимаясь защитой арендаторов в судах, Батт выступал на плохо оплачиваемой стороне этих юридических споров, и как следствие, постоянно пребывал в трудном материальном положении, нередко оказываясь в больших долгах. Его основные публикации по ирландскому вопросу: «Голос в защиту Ирландии — голод в этой стране: что следует делать и чего не следует» («A Voice for Ireland — The Famine in the Land, What Has Been Done and What Has to be Done», 1847) и «Ирландский народ и ирландская земля» («The Irish People and The Irish Land», 1867).

Преемник Исаака Батта на уотливской профессорской кафедре Джеймс Лоусон (1817—1887) также был адвокатом, связанным с ирландским вопросом, но он избрал противоположный маршрут по сравнению с Баттом, став ярким сторонником британского закона и порядка и выступая за подавление мятежных соотечественников. Лоусон тоже получил назначение на должность профессора политической экономии в поразительно раннем возрасте и отработал весь срок контракта с 1841 по 1846 г. Лоусон избирался в Парламент и назначался генеральным стряпчим, а затем генеральным атторнеем по Ирландии. В 1868 г. стал судьей в Суде общих тяжб. Там он определял наказание для местных бунтовщиков и фениев. Если Ричард Кантильон остается единственным, возможно, убитым персонажем в истории экономической мысли, то Лоусон пережил попытку покушения на улицах Дублина в 1882 г.

Продуктивность Лоусона в области экономической теории пошла по тому же ограниченному пути, как у его предшественников. Его единственная опубликованная книга «Пять лекций по политэкономии» («Five Lectures on Political Economy», 1844) состоит из некоторых лекций, прочитанных в колледже Св. Троицы. В дальнейшем он спорадически

публиковал некоторые свои лекции на юридические темы, самые известные из которых посвящены торговому праву (1855).

К несчастью, ряд лекций Лоусона, посвященных теории ценности, были утрачены, а единственные опубликованные ссылки на них содержатся в кратком приложении к «Пяти лекциям». Однако нам известно достаточно, чтобы понять, что Лоусон строго придерживался свойственной колледжу Св. Троицы традиции полезности и даже внес выдающийся вклад в эту доктрину. Так, Лоусон провозгласил, что цены всех товаров определяются субъективной полезностью и только полезностью. Он писал: «Утверждение о том, что *меновая ценность всех товаров зависит от их полезности*, т.е. от способности удовлетворять потребности и желания человека, всегда истинно и носит всеобщий характер» (курсив в оригинале. — М. Р.). Все остальные предлагаемые объяснения ценности он рассматривал как частичные. Например, спрос и предложение могут оказывать влияние на ценность только путем воздействия на полезность. Анализируя последствия роста предложения Лоусон, по сути, пришел к закону убывающей предельной полезности. Так, если кто-то увеличит предложение товара,

это в целом уменьшит полезность товара для него, или степень, в какой он желает им владеть, поскольку, когда имеется возможность удовлетворить наши конкретные желания, очевидно, что в нашем распоряжении может находиться большее количество данного товара, чем мы хотим использовать, а потому сохранение владения этим излишком менее желательно для нас.

Дойдя до теории ценности, основанной на издержках производства, Лоусон отмечает, что именно полезность продукта, а не связанные с ним издержки определяют то, сколько человек за него заплатит. Хотя иногда цена может равняться издержкам производства, это не означает, что издержки определяют цену. Наоборот, добавляет Лоусон, совпадение издержек и цены может происходить только «посредством изменения предложения, и, когда этого невозможно добиться, отсутствует и такое совпадение, и тенденция к его установлению». Тем самым Лоусон пришел к позиции в отношении ценности, заново открытой Стенли Джевонсом спустя поколение.

В «Пяти лекциях» Лоусон также развил уотлианскую идею экономического теории как каталлактики, как изучение обменивающегося человека. В первой лекции Лоусон заявляет, что экономическая теория смотрит на человека «в связи с другим человеком, ссылаясь исключительно на эти отношения, кои являются следствием конкретного акта, к которому ведет природа человека, а именно к акту совершения обмена». Во второй лекции Лоусон не продолжил эту линию рассуждений, вернувшись к старым обсуждениям политической экономии как науки о «богатстве»¹⁹.

Следующий профессор уотливской кафедры Уильям Хэнкок (1820—1888), студент Уотли в Оксфордском университете, преподавал в кол-

ледже Св. Троицы с 1846 по 1851 г., и также был адвокатом. Он был академическим правоведом и в последние два года работы в колледже Св. Троицы одновременно занимал профессорские кафедры по юриспруденции и политической экономии в новом Куинз-колледже в Белфасте. Впоследствии Хэнкок руководил различными правительственными комиссиями по земельным вопросам и проблемам образования и занимал должности судебных клерков-советников в судах, закончив карьеру клерком Канцлерского суда в Дублине. Он был главным основателем Статистического общества Ирландии в 1847 г. и Общества социальных исследований в Белфасте в 1851 г.

В отличие от своих предшественников и последователей по профессорской кафедре в колледже Св. Троицы, Хэнкок интересовался статистикой и эмпирическими исследованиями; он окончил этот колледж в 1842 г., специализируясь в математике. Хэнкок опубликовал огромное число статей и брошюр по эмпирическим вопросам. Некоторые практически неизбежно затрагивали ирландский земельный вопрос, по которому, подобно Лонгфилду и Батту и в противоположность Лоусону, он отстаивал права ирландских арендаторов и сокрушался по поводу влияния, оказываемого на них системой аренды земли, навязанной Британией: «Права арендаторов в Ольстере» («The Tenant-right of Ulster» (1845), «Препятствия на пути процветания Ирландии» («Impediments to the Prosperity of Ireland», 1850) и «Два доклада правительству Ирландии об истории вопроса о землевладельцах и арендаторах в Ирландии» («Two Reports for the Irish Government on the History of the Landlord and Tenant Question in Ireland», 1859, 1866). В других брошюрах рассматривались вопросы налогообложения и местных органов власти, где он отстаивал единый налог на доходы, включая наследование состояний. В третьей группе статей отстаивалось усиление контроля и надзора над сберегательными банками. Его статистические работы написаны под руководством Томаса Ларкома, землемера и поземельного статистика, занимавшего разные должности на государственной службе, а в 1850-е гг. работавшего заместителем министра по делам Ирландии.

Несмотря на то что Хэнкок больше известен как прикладной экономист, он опубликовал ценное теоретическое произведение — «Вводные лекции по политической экономии, 1848» («Introductory Lecture on Political Economy, 1848», 1849). В самом начале он отмечает неоднозначность, свойственную слову «ценность», и уточняет, что «слово “цена”, к счастью, свободно от неясностей и всегда означает меновую ценность товара, оцениваемую в деньгах той страны, где происходит обмен». Поэтому он предлагает всегда использовать слово «цена» вместо термина «меновая ценность». Кроме того, цена может меняться либо «со стороны вещей», либо «со стороны денег». Рассматривая первые, он отмечает, что такие изменения могут происходить в результате действия следующих двух, или одной из них, причин: «...либо изменения в степени желанности обладать <товаром>, т.е. в желательности; либо изменения в силе причины,

по которой предложение ограничивается, или, иными словами, определяющей редкость». Перейдя к спросу, Хэнкок добавляет, что «степень желания обладать товаром измеряется числом людей, способных и желающих совершить покупку при каждом значении цены». В анализе полезности, или квазипредельной полезности, Хэнкок делает упор на несколько иной аспект по сравнению с его предшественниками: иной аспект того, что сегодня мы называем падающей кривой спроса, поскольку он отмечает, что «согласно наблюдениям, для товаров в целом при снижении цены их желательность возрастает очень быстро».

Говоря о предложении, Хэнкок вновь подчеркнул ограничение предложения, а не издержки; а ограниченность, или редкость, предложения зависит от редкости факторов производства. Он неявно подразумевал, что доходность факторов производства определяется их ценами, и что любое объяснение цен факторов должно трактовать их единообразно, в соответствии с влиянием на их предложение и спрос на них, т.е. «путем применения законов, уже сформулированных в отношении их цен».

И хотя Хэнкок, безусловно, принадлежал к традиции полезности, исповедуемой в колледже Св. Троицы, уже можно наблюдать отступление, потерю интереса и все больше неясностей при обсуждении проблем ценности, а вообще говоря, теории в целом. И действительно, Уильяму Хэнкоку суждено было стать последним в ряду выдающихся ирландских теоретиков субъективной полезности в Колледже Св. Троицы.

4.7. УИЛЬЯМ ЛЛОЙД И ТЕОРИЯ ПОЛЕЗНОСТИ В АНГЛИИ

То, что Маунтифорт Лонгфилд и сообщество колледжа Св. Троицы не оказали влияния на Англию, не означает, что теория полезности почилла в бозе вместе с такими выдающимися экономистами, как Бейли и Сениор. В действительности, преемник Нассау Сениора по Драммондской профессорской кафедре в Оксфорде также был видным теоретиком полезности. Уильям Ллойд (1794—1852) был сыном англиканского пастора в Глостершире. Он учился в оксфордском колледже Церкви Христовой, где первой его специализацией была математика, а второй античная филология. Ллойд преподавал в колледже Церкви Христовой древнегреческий язык в должности доцента, а затем математику в должности лектора, а также имел сан англиканского священника, но никогда не служил в приходе. Ллойд занимал драммондскую кафедру с 1832 по 1837 г. и, похоже, после этого мало что написал. Выйдя в отставку, Ллойд ввиду плохого здоровья уехал в родное графство и до смерти в среднем возрасте не демонстрировал особого интереса к экономической теории, писательству и политике.

Однако для Ллойда, как и вообще для всех, кто занимал драммондскую и и уотливскую кафедры, его срок в качестве профессора предоставлял как возможность, так и стимул разрабатывать, читать и публиковать

лекции по экономической теории. Его лекции на разные темы, в том числе одну, посвященную ценности, с которой он выступил в 1833 г., первоначально публиковались по отдельности, а затем были собраны и повторно опубликованы как «Лекции о народонаселении, ценности, законах о бедных и ренте» («Lectures on Population, Value, Poor Laws, and Rent», 1837).

Для того чтобы иметь схожие взгляды в области экономической теории, необязательно соглашаться по вопросам политики. К примеру, мы видели непримиримое отношение Джеймса Лоусона к крестьянству. Будучи теоретиком полезности, Ллойд отнюдь не был последователем Уотли в Оксфорде; напротив, в Оксфорде Ллойд принадлежал к кругу высоких тори колледжа Крайст-Чёрч, которые служили противовесом либералам Ориель-колледжа. Лидером тори в колледже Церкви Христовой являлся старший брат Уильяма Чарльз Ллойд (1774—1829), который был наставником учившегося там же будущего премьер-министра сэра Роберта Пиля и вскоре стал его близким другом и советником. К моменту своей безвременной смерти в 1829 г. Чарльз Ллойд был королевским профессором божественного и канонического права в колледже Церкви Христовой, а также служил епископом Оксфорда. Он был широко известен как «самый влиятельный профессор своего времени». Хотя Ллойд обучил и вдохновил многих будущих лидеров протокатолического ультраторийского движения в Оксфорде, сам он, как и Уильям Ллойд, и теологически, и политически был умеренным торием пилевского толка. Должность Драммондского профессора Уильям Ллойд, несомненно, получил благодаря влиянию Пиля и своего покойного брата Чарльза.

Большая часть лекций Ллойда посвящена квазигосударственному и патерналистскому взгляду на социально-экономическую политику. Однако особенный интерес представляет лекция о ценности. В результате изучения литературы Ллойд решил, что в «Богатстве народов» ему удалось найти вдохновение для субъективной теории ценности. Он заявил, что ценность — это «чувство ума». Ее можно понимать как присущую конкретному объекту, когда это чувство возникает «на границе, разделяющей удовлетворенные и неудовлетворенные потребности». Но ценность, или даже полезность, не может быть имманентно присуща никакому объекту. Полезность, отмечает Э. Р. А. Селигмен в связи с теорией Ллойда, «характеризует объект со ссылкой на потребности человечества. Лёд полезен летом, бесполезен зимой. Несмотря на это, все имманентные качества льда одни и те же в любое время и в любом месте»²⁰.

После рассуждений о хорошо известном к тому времени предмете — о том, как увеличение предложения объекта ведет к уменьшению и в конце концов насыщению спроса, Уильям Ллойд внезапно излагает нечто совершенно новое — поразительно ясное описание закона убывающей предельной полезности. Ллойд пишет:

Рассмотрим голодного человека, имеющего в своем распоряжении одну и только одну унцию еды. Очевидно, что для него эта унция имеет

огромную важность. Предположим, что теперь у него две унции. Они тоже очень важны; но важность второй не равна важности единственной унции. Другими словами, от утраты одной из двух унций он не будет страдать так же сильно... как если бы у него была одна-единственная унция и не осталось ни одной. Важность третьей унции еще меньше, чем важность второй; аналогично с четвертой и т.д., до тех пор пока в результате постоянного увеличения числа унций мы не достигнем точки, когда... аппетит полностью... угаснет; в отношении одной-единственной унции станет безразлично, утрачена ли она или сохранена. Таким образом, когда человек плохо обеспечен едой, к каждой ее части он относится с огромным уважением, или, иными словами, придает ей огромную ценность; когда его запасы увеличиваются, его уважение к данному количеству уменьшается, или, иными словами, он присваивает этой порции меньшую ценность.

Точно так же, продолжает Ллойд, с увеличением предложения падают полезности разных благ по сравнению друг с другом и ценность каждого из них. Поэтому благо, которое может быть более ценным в абсолютном философском смысле, в смысле класса товаров, может стоить очень мало в случае изобильности его предложения. Поэтому «у человека, умирающего от жажды, потребность в воде сильнее, чем у человека, утолившего жажду и желающего только умыться. Ценность зависит от именно так измеряемой потребности».

Конкретнее:

если вы захотите подарить человеку, у которого уже есть дюжина курток, еще одну, он, возможно, ответит вам, что она ему не нужна. Здесь, однако, он будет говорить не об абстрактной полезности куртки, а о <ее> конкретной полезности для него в данных обстоятельствах избыточного удовлетворения потребности в куртках. Хотя это не совсем то же самое, что ценность, но весьма близко к ней. Куртка была бы для него бесполезна, поэтому если бы она у него была, то, по его оценке, не имела бы для него ценности... Но это очень сильно отличается от полезности куртки в общем смысле слова «полезность»...²¹

Уильям Ллойд также явно сформулировал, что ценность не поддается измерению, поскольку субъективна. В отрывке, напоминающем Бейли и идущем дальше него, Ллойд язвительно пишет:

Будет действительно трудно найти какой-либо тест для измерения либо абсолютной полезности одного объекта, либо точного отношения сравнительных полезностей разных объектов. Однако из этого не следует, что понятие полезности не имеет оснований в природе вещей. Из того, что нечто нельзя измерить, не следует, что оно не существует. До изобретения термометра существование тепла было столь же неоспоримо, как и сегодня.

Далее Ллойд совершенно верно отмечает, что ценность или оценка предшествует обмену и что такие оценки имеют место и в случае изо-

лированной экономики Робинзона Крузо. К сожалению, Ллойд был настолько увлечен проведением различия между ценностью и обменом и произведенным Смитом ошибочным расщеплением ценности на потребительную и меновую, что он не довел до конца разработку теории спроса и не сумел соединить анализ предельной полезности с потребительским спросом и образование рыночных цен. Батт, Лонгфилд, Ллойд и Бейли подготовили много строительных блоков теории образования цен на основе предельной полезности и даже теории образования цен факторов производства на основе предельной производительности. Однако только в австрийской экономической школе эти части были сведены воедино и образовали единое целое.

Если теория ценности Ллойда оказала незначительное влияние в Англии, а то и вовсе никакого, то разработанная Нассау Сениором выдающаяся теория полезности была подхвачена и удостоилась прославления спустя десятилетие после выхода в свет его «Лекций». В 1844 г. в лекциях в Кембридже Томас Бенфилд (ок. 1800 — 1860), проживший много лет в Германии, принес в Англию благую весть о том, что на континенте экономическая теория не отравлена ядовитыми рикардianскими мизмами, а в Европе превалирует гибкая форма смитианства. Бенфилд, опиравшийся в своих теориях на Сэя, Шторха и Сениора, стал первым английским экономистом, ссылавшимся на теоретика предельной полезности Генриха фон Тюнена и на передового смитианца Фридриха фон Германна. В предисловии к своим лекциям, опубликованным под названием «Организация промышленности» («The Organization of Industry», 1845), Томас Бенфилд указал на огромные изменения, произошедшие в экономической теории в предыдущие два десятилетия благодаря разработке субъективистской теории ценности, «которая требует от производителей по крайней мере такого же внимания к физическому и умственному совершенствованию их соотечественников-потребителей, какое уделяется механическим операциям» или производству. Заработная плата, отмечал он, будет зависеть от производительности труда, т.е. от «полезности инструментов, которые человек должен уметь использовать». В этих лекциях Бенфилд подчеркивал относительность и степень интенсивности потребностей как функцию экономической науки.

Трудно отделаться от впечатления, что в Англии к концу 1840-х гг. экономическая теория стояла на пороге мощного «австрийского» прорыва к интегрированной системе, детально анализирующей влияние человеческих намерений и ценностей и их взаимодействие редкостью ресурсов. Но что-то пошло не так, и экономическую теорию, балансировавшую на грани великого прорыва, засосало в трясины заблуждений, составляющих рикардianскую систему. И важный корпус предавстрийских и антирикардianских идей оказался забыт, как будто никогда и не существовал, и будет возвращен из небытия лишь поколение спустя, а то и вообще только в XX в. Как происходил это печальный регресс, будет рассмотрено ниже.

4.8. ТЕОРЕТИК ПОЛЕЗНОСТИ ИЗ КЕНТУККИ

Если даже вклад в теорию субъективной полезности, сделанный в стенах Колледжа Св. Троицы, остался неизвестен за пределами Ирландии, то тем более были обречены на забвение изолированные и поразительно нетривиальные рассуждения, изложенные в нескольких статьях на газетных страницах в Кентукки. Статьи, написанные молодым, но влиятельным редактором газеты «Frankfort (Ky) Argus» Амосом Кендаллом (1789—1869), позже ставшего главным советником <американского президента> Эндрю Джексона в его борьбе против банковского дела с частичным резервированием и, в частности, против Банка Соединенных Штатов, остались непрочитанными и неизвестными даже в США до тех пор, пока не были эксгумированы историками в XX в.²² Но тем не менее они феноменальны, особенно если учесть, что написаны они в 1820 г., т.е. до работ Бейли и Крейга. В них не только отстаивалась <теория> субъективной ценности, в них впервые сформулирован закон убывающей предельной полезности.

Исследовать вопрос экономической ценности Кендалла побудили яростные дебаты по поводу того, следует ли предоставлять должникам помощь от правительства штата, разгоревшиеся в Кентукки на фоне катастрофической паники 1819 г. Кендалл не возражал против помощи в принципе, но его обеспокоили предложения упразднить все существующие долги. Чтобы глубоко исследовать предмет, он начиная с 27 апреля опубликовал три статьи в «Argus», рассматривающие проблемы денег и для фундаментальности — природу ценности. К сожалению, в его автобиографии, изданной посмертно его зятем, Кендалл не дал понять, какие экономисты могли вдохновить его на столь высказывание столь передовых взглядов.

В первой статье Кендалл обратился прямо к основам, исследовав вопрос ценности как таковой. Вначале он отмечает, что существует много ошибочных объяснений ценности: затраченный труд, цена и даже спрос. Но, заявляет он,

131

все эти представления ошибочны. Вещи имеют *ценность* не потому, что они произведены трудом, не потому, что они пользуются широким спросом, не потому, что они продаются, или обмениваются, на определенное количество долларов, а просто *потому, что люди желают владеть ими. Ценность — это желательность*. Вещь ценна в точности пропорционально тому, насколько она желательна. [Курсив в оригинале. — М. Р.]

Затем, развенчивая «парадокс ценности» Кендалл пишет, что вода и воздух не имеют особой ценности вследствие их изобильности: «Если бы мясо и хлеб были столь же распространены, как воздух и свет, они обладали бы не большей ценностью, чем эти последние; они не создавали бы желаний». В раю земля, будучи сверхобильна, не имеет никакой ценности. Труд, продолжает Кендалл, порождает ценности, поскольку

в отношении продукта труда ценность обычно предшествует труду по изготовлению <продукта>. Она проистекает из нашего желания обладать тем, что труд может произвести. Если бы труд придавал ценность своим продуктам, то все, на что потрачено много труда, было бы очень ценно. Но общеизвестно, что это не так. [...] Но труд не может сделать вещь ценной, если она никому не нужна. Труд может быть потрачен впустую. Он может оказаться направлен на то, что никому не нужно, которое не имеет ценности.

После чего Кенделл афористично заключает: «Вещи не становятся ценными из-за того, что люди тратят свой труд на них; люди тратят свой труд на них потому, что они имеют ценность».

Более того, спрос на продукт возникает благодаря тому, что люди хотят его получить. Желание первично: «Поэтому спрос не является причиной ценности. [...] Вещь становится желательной или ценной до возникновения спроса на нее. Спрос — следствие. [...] Но когда желание владеть ею пропадает, она больше не имеет ценности, спрос на нее прекращается».

Затем Кендалл делает следующий шаг: ввиду субъективности и эфемерности желаний их невозможно измерить, а соответственно, невозможно измерить и ценность:

Какой стандарт можно придумать для желаний людей? Можно ли свести к какому-либо стандарту потребности, удобство, удовольствия, моду, мнения, капризы человека? Разве они не вечно изменчивы подобно небесным ветрам? Мера неизменна. Ярд всегда равен длине, с которой он сравнивается. [...] Эти длины, площади и количества неизменны. Поэтому их можно свести к стандарту, который должен быть единообразен и оставаться неизменным вечно. Но разве ценность никогда не меняется? То, что сейчас стоит доллар, всегда ли будет стоить в точности такую же сумму?

Вкусы и желания постоянно меняются, а соответственно меняется и ценность; следовательно, у нее не может быть меры или стандарта. И наконец, Кендалл завершает свою уничтожающую критику следующими словами, которые желательно было бы прочитать и понять Рикардо и его эпигонам:

Чтобы создать стандарт ценности, вначале необходимо добиться того, чтобы каждый акр земли, каждый бушель пшеницы и каждое данное количество любого другого товара во все времена, во всех ситуациях и при всех обстоятельствах продавалось в точности за одну и ту же сумму. Не должно быть ни прибылей и убытков, ни покупок и продаж.

Мы уже достаточно сказали, чтобы показать полную невозможность стандарта ценности и то, что всерьез говорить о чем-то таком просто глупо. Точно так же можно говорить о стандарте голода, жажды, мнения, моды, каприза и всех тех потребностей, которые делают вещи желательными.

4.9. ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА И ПРИБЫЛЬ

Кроме трудовой теории ценности, британские экономисты быстро стерли в порошок другой краеугольный камень рикардианской системы — обратное соотношение между заработной платой и прибылью. Мы уже видели исчезновение бескомпромиссного Мальтуса первого издания «Опыта о народонаселении», столь необходимого для выводов рикардианской теории.

Еженедельники атаковали рикардианское утверждение о противоположном движении заработной платы и прибыли даже еще неистовее, чем мальтузианство. Журнал «British Critic» прошелся по этому тезису еще в октябре 1817 г., а спустя два года другой автор пренебрежительно высказался о методологии того, что впоследствии будет названо «рикардианским грехом»:

принимая как само собой разумеющееся, что ценность денег никогда не меняется и соотношение между спросом и предложением данного товара всегда остается неизменным (это как если бы астроном исходил бы в своих расчетах из того, что все планеты неподвижны и останутся неподвижны во веки вечные), он говорит о разделе между хозяином и рабочим конкретной суммы, неизменной цены товара, который они производят; из принятия этого гипотетического условия естественно следует, что если рабочий получает больше, то хозяин-промышленник должен получить меньше, потому что между ними делится только совершенно определенная сумма²⁴.

Другие авторы, включая Мальтуса в 1824 г., выступили с похожей критикой, вдобавок отметив, что эмпирически заработная плата и прибыль в общем случае растут и падают одновременно. Так, Джон Крейг указывал, что исторически заработная плата движутся не в противоположных направлениях, а вместе: «Этой теории сопутствует удивительное обстоятельство: то, что она представляет как необходимое воздействие высокой заработной платы на прибыль во всех отраслях промышленности, резко противоречит опыту в каждой конкретной отрасли». Крейг объясняет, что «новый спрос на товар вначале обогащает тех, кто, имея товар на руках, способен повысить цену; желание поучаствовать в разделе высоких прибылей вскоре привлекает новый капитал в производство этого товара, что быстро вызывает рост заработной платы».

Подчеркнем еще раз: со стороны апологетов рикардианства некорректно отмахиваться от этой критики как от исторической, а не аналитической, поскольку эмпирические обобщения прилагаются к реальности напрямую, как и в рикардианской системе, и вполне законно открыты для эмпирического опровержения. Такое опровержение может поставить под вопрос и заключения, наравне с более знакомой «теоретической» процедурой проверки реализма предпосылок теории.

К концу 1840-х гг. идея обратного соотношения между заработной платой и прибылью была полностью отброшена. Но если мальтузиан-

ская теория средств к существованию не определяет заработную плату, то *что ее определяет?* Мало кто заходил на эту неизведанную территорию. Но еще в 1821 г. никому не известный, но замечательный шотландец Джон Крейг заявил, что заработная плата определяется спросом и предложением труда, а ни в коем случае не ценой продуктов питания. В спросе на труд имелось два элемента, которые назывались, но не были полностью проанализированы: «капитал, из которого рабочему авансируется заработная плата» и «спрос на продукт его труда». Заодно Крейг искусно дезавуировал введенное Адамом Смитом ложное различие между «производительным» и «непроизводительным» трудом. Он пришел к убедительному заключению о том, что «богатство может состоять из любых объектов, являющихся предметом желания человека, и любой вид занятости, преумножающий такие объекты или добавляющий к их свойствам те, которые приносят радость, производительны».

Следующий важный шаг в теории заработной платы сделал Сэмюэл Бейли, который в 1825 г. в ходе сокрушительной критики рикардianской теории ценности указал на ключевую роль производительности труда в определении заработной платы:

ценность труда не полностью зависит от доли произведенного, которую рабочие получают в обмен на свой труд, она зависит еще от производительности труда. [...] Утверждение, согласно которому, когда <оплата> труда растет, прибыль должна падать, истинно только в том случае, если она растет не вследствие роста производительной силы. [...] Если производительная сила труда возрастает, т.е. если один и тот же объем труда производит больше товаров за то же время, ценность труда может вырасти без падения — нет, даже на фоне роста — прибыли.

Одной из ключевых проблем при разработке теории заработной платы, основанной на производительности, было настойчивое стремление рикардianцев оперировать мнимыми законами совокупного распределения, <понятием> «заработной платой» как целым и как единой долей национального продукта и дохода, вместо того чтобы рассматривать *ставки* заработной платы индивидуальных единиц труда <отдельных рабочих>. Ж.-Б. Сэй представил теорию заработной платы, основанную на производительности, но не проанализировал сколько-нибудь подробно <процесс> определения конкретных ставок заработной платы. В начале 1830-х гг. к теории производительности пришел Нассау Сениор, хотя его воззрения по вопросу заработной платы были крайне путаными. Ему также удалось сровнять с землей доктрину Адама Смита о «производительном» и «непроизводительном» труде, указав на то, как и Ж.-Б. Сэй, что «производство» представляет собой поток *услуг*, порождаемый как материальными, так и нематериальными продуктами.

Поистине революционный шаг в теории заработной платы — в действительности в теории образования цен всех факторов <производства> —

сделал Маунтифорт Лонгфилд в «Лекциях по политической экономии». Как мы видели, Лонгфилд стремился показать — в противоположность построенной на классовом конфликте рикардианской теории распределения дохода, — что капиталистическое развитие приносит пользу рабочим. (По иронии судьбы в последние годы жизни Лонгфилд отрекся от доктрины гармонии и невмешательства в пользу более эгзистенциальных взглядов.) Лонгфилд взял верную, но расплывчатую теорию доходов факторов <производства>, основанную на производительности, и впервые <в истории экономической науки> разработал замечательную теорию рентных цен капитальных благ, основанную на теории предельной производительности (где рентные цены — это цены за единицу времени). (Станным образом Лонгфилд называет рентные цены «прибылью», смешивая отдачу на капитал и образование цен капитальных благ, что было типично для его времени и вносило путаницу в экономическую теорию с начала XIX в.) Разрабатывая подробности, Лонгфилд показал, что цена каждой машины будет стремиться сравняться с предельной производительностью машины, т.е. производственной ценностью (выраженной в ценности производимой продукции) наименее производительной машины, использование которой окупается в данных рыночных условиях, т.е. предельной машины.

Тем самым впервые, неосознанно перекликаясь с Тюрго, Лонгфилд использовал для анализа производственных доходов надлежащий метод *ceteris paribus*, зафиксировав один фактор или класс факторов как постоянную и изменяя другой набор факторов, а затем анализируя полученный результат.

На этом Лонгфилд остановился в своем блестящем протоавстрийском анализе, применив анализ предельной производительности только к капитальным благам. Он удовлетворился тем, что его анализ показал, что заработная плата — остаточный доход труда, остающийся после оплаты капитала, — растет, когда предельная производительность капитальных благ падает с каждым увеличением количества капитала. Иными словами, накопление капитала ведет к росту заработной платы. Более того, Лонгфилд полностью разрушил основания любых мальтузианских страхов. Не только давно отвергнутое бескомпромиссное мальтузианство, но даже смягченные намеки на то, что традиционный уровень заработной платы рабочих определяется предложением труда, переворачивают причины и следствия с ног на голову. Напротив, здраво указывает он, традиция руководствуется фактически существующей рыночной ценой, а не наоборот. Как спустя десять лет (в июле 1845 г.) в «*Dublin University Magazine*» написал анонимный ирландский последователь <Лонгфилда>, согласно традиции будет принято платить любую сложившуюся на рынке ставку заработной платы, в то время как платить ниже этой нормы будет считаться бесчестным. Соответственно в определении рыночной заработной платы ведущую скрипку будет играть спрос на труд, а не его предложение.

Продолжив разрушение даже смягченного мальтузианства, Лонгфилд отметил, что рост численности населения может иметь благоприятный эффект, расширив рынок для изделий промышленности, и тем самым повысив предельную производительность капитальных благ во всей экономике. Следовательно, численность населения может расти, капитал может наращиваться, и в выигрыше окажутся как капиталисты, так и рабочие, — гораздо более реалистическая картина капиталистического развития, по сравнению с рикардианской.

Однако преемника Лонгфилда и его последователя Исаака Батта не устроила остановка в этом пункте, и он предложил выдающееся развитие анализа Лонгфилда. Прежде всего важнейшим шагом вперед стало осознание того, что предложенный Лонгфилдом анализ предельной производительности можно обобщить с капитальных благ на все факторы производства: на заработную плату и земельную ренту. Каждый из этих факторов производства можно проанализировать с точки зрения предельной производительности, и в результате окажется, что каждый из них будет получать доход, или цену, наименее производительного фактора, который прибыльно использовать на рынке (предельный рабочий или акр земли). Таким образом, в чем бы ни заключалось зерно смысла в рикардианской дифференциальной теории земельной ренты, оно было взято и интегрировано в разработанную Баттом блестящую новаторскую обобщенную теорию образования цены предельного фактора <производства>.

Но это не все: развив сзевский анализ полезности и исправив туманный анализ производительность, Батт также интегрировал их, по крайней мере в общих чертах, с обобщенной лонгфилдианской теорией предельной производительности. Иными словами, предвосхищая австрийскую логику Менгера и Бём-Баверка, ценность потребительских благ, определяемая субъективной полезностью этих благ для потребителя, вменяется на рынке в направлении, обратном процессу производства, ценностям различных факторов производства, которая будет установлена равной предельной ценностной производительности каждого фактора. Таким образом, цена единицы каждого типа факторов производства будет в тенденции равна его предельной ценностной производительности, вменяемой в ходе конкурентного рыночного процесса от субъективной ценности конечных продуктов в направлении, обратном процессу производства.

К сожалению, великолепная традиция теории производительности Сэя—Лонгфилда—Батта не оказала никакого влияния и не имела последователей. Хотя, будучи утлианцем, Сениор, безусловно, был знаком с работой Лонгфилда, он никогда не ссылался на него или на Батта, и даже ирландский преемник Лонгфилда в дублинском колледже Св. Троицы, продолжая развивать теорию ценности, основанную на полезности, пренебрег вытекающей из нее теорией вменения и производительности.

Следует признать, что Лонгфилдов анализ предельной производительности завоевал одного верного последователя в Англии: в двухтомном сочинении Джозефа Эйсделла «Трактат о промышленности наро-

дов» («Treatise of the Industry of Nations», 1839) изложена рафинированная версия лонгфилдианской теории. Однако книга никому не известного Эйсделла канула в Лету, не оставив следов — ни рецензий в журналах, ни упоминаний и цитат.

Но если образование цен на факторы производства было исследовано, то что можно сказать о прибыли? Если прибыль нельзя объяснить просто как остаток, тогда ее необходимо объяснять непосредственно, и некоторые экономисты начали поиски удовлетворительной теории факторов, определяющих прибыль в долгосрочной перспективе, или того, что впоследствии будет названо долгосрочным процентным доходом. В первую очередь было указано на то, что допущение о мгновенной и полной мобильности капитала стало огромной ошибкой Рикардо, и экономисты вернулись к более реалистичному взгляду Адама Смита. Например в 1822 г. некий автор «Monthly Review» подчеркивал «невозможность передачи капитала и личных способностей по приобретению навыков от одного предприятия другому».

Но если прибыли единообразны только лишь как долгосрочная тенденция, то что служит их объяснением? Мальтус ближе подошел к правильной точке зрения в статье, опубликованной в «Quarterly Review» в 1824 г., где он подчеркнул, что в то время как рентные платежи определяются производительностью, прибыль, например зарабатываемая на выдержке вина и его продаже после вызревания, появляется благодаря ожиданию большей нормы прибыли.

В одной особенно важной статье, опубликованной в периодических изданиях, был указан путь к в конечном итоге правильным теориям прибыли и процента. Речь идет о статье Уильяма Эллиса (1794—1872) в январском номере бентамистского «Westminster Review» за 1826 г. В ходе в высшей степени изоциренного анализа сбережений и инвестиций Эллис отметил, что к сбережениям побуждает «ожидание большего удовольствия от отложенного потребления по сравнению с мгновенным», в то время как, с другой стороны, инвестиции вызываются к жизни ожиданием прибыли. В ходе анализа прибыли Эллис с глубокой проникательностью провел различие между прибылью как отдачей от принятия риска и процентом как доходом на сбережения, который также может содержать в себе премию за риск.

Особенный интерес представляет сформулированная Эллисом теория прибыли, основанная на риске. «Величина прибыли, — утверждал он, — должна быть пропорциональна риску, связанному с извлечением сокровищ из кубышки и направление их в производство». Он также проникательно подчеркнул важность больших размеров ожидаемой прибыли от внедрения технологических нововведений. Новая технология «неопробованна», и ее использование должно перекрыть «потери от замены оборудования, недостаток навыков и практики у рабочих и неопределенность результата — всего того, что препятствует применению того, что неопробованно». Упрекая предшественников за пренебрежение

инновациями и связанными с ними проблемами, что эти трудности «преодолеваются только... в свете перспектив получения огромной дополнительной прибыли, которой, как ожидается, сопровождается внедрение изобретения».

Эллис также выделил элементы «валовой прибыли» делового предприятия, изолировав их от долгосрочного нормального процента. Там, где предприниматель использует исключительно собственный капитал, его валовую прибыль, как пронциательно отмечает Эллис, можно разбить на премию за риск, вознаграждение за труд предпринимателя и общее руководство и, наконец, «вознаграждение за производительное использование его сбережений, которое называется процентом». Плата за производственные кредиты предприятиям в тенденции представляет собой часть валовой прибыли производственных предприятий, приходящуюся на процент.

Кем был Уильям Эллис, опубликовавший столь поразительно глубокую и новаторскую статью в одном из известнейших британских журналов? По-видимому, это была его единственная работа по экономическим вопросам. Родившийся в Лондоне, Эллис стал нонконформистским миссионером и всю жизнь работал и путешествовал по заданиям Лондонского миссионерского общества. В период работы в Полинезии в 1816—1824 гг. Эллис, который в детстве работал садовником, акклиматизировал там много тропических фруктовых деревьев и кустарников, а также запустил первый печатный станок в Южных морях. Результаты этих трудов описаны им в двухтомном сочинении «Полинезийские исследования» («Polynesian Researches», 1829). Проявленный им интерес к теории прибыли вскоре после возвращения из первой полинезийской командировки, похоже, был отдушиной и развлечением в плотном графике его миссионерской деятельности.

Хотя шотландский философ сэр Джон Рамсей (1800—1871) не был столь же пронциателен, как Эллис, он также провел похожее аналитическое разделение между валовой и чистой прибылью в своем неизвестном и прошедшем незамеченным сочинении «Опыт о распределении богатства» («An Essay on the Distribution of Wealth», 1836). Хотя значительная часть книги написана в рикардианской традиции, Рамсей воспринял понятие предпринимателя у французских экономистов и разбил валовую прибыль от капитала на процент за использование капитала и «прибыль предприятия», которая, в свою очередь, делится на заработную плату за управление и надзор и плату за риск, принимаемый на себя «хозяином», или предпринимателем. Рамсей отмечал, что аналитически предприниматели получают прибыль предприятия, а капиталисты получают процент, или «прибыль» на капитал. Однако на практике эти два вида дохода обычно объединены в валовой прибыли капиталистов-предпринимателей.

Рамсей также первым из британцев заимствовал предложенный Дестьютом де Траси анализ процесса производства как изменения либо

формы материи, либо географического местоположения, к которым Рамсей добавил изменение во времени.

4.10. ВОЗДЕРЖАНИЕ И ВРЕМЯ В ТЕОРИИ ПРИБЫЛИ

Если прибыль, возможно, связана с риском, то как объяснить «процент» — долгосрочный компонент коммерческой прибыли? Очень скоро доминирующим объяснением для долгосрочного процента в британской экономической теории стала теория процента, основанная на воздержании.

Первое представление времени как фактора, определяющего процент, произошло в теории, связанной с воздержанием, но идущей дальше него: новаторской теории временного предпочтения Сэмюэля Бейли. Рассуждение Бейли родилось в ходе его блестящей уничтожающей критики Рикардовой трудовой теории ценности и отстаивания альтернативной теории полезности. Бейли начинает обсуждение времени и ценности с замечания, что если для производства одного товара требуется больше времени, чем для производств другого товара при использовании одинакового объема капитала и труда, его ценность будет больше. В то время как Рикардо видит здесь проблему, Джеймс Милль в «Основах политической экономии» («Elements of Political Economy») неоднократно утверждает, что время, будучи «просто абстрактным словом», не способно увеличить ценность чего бы то ни было.

Возражая Миллю, Бейли отмечает, что «всякое создание ценности» подразумевает «умственную операцию», — иными словами, субъективный анализ ценности. «Как правило, мы предпочитаем удовольствие или наслаждение в настоящем более отдаленному <во времени>» — иными словами, всепроникающий факт временного предпочтения в человеческой жизни. Таким образом,

мы хотим владеть тем, что в противном случае потребует времени для его получения, даже немного жертвуя имуществом, но без ожидания в ходе этой операции... Если мы можем получить некий предмет только по истечению года и никак иначе, мы должны быть готовы отдать что-нибудь, чтобы приступить к получению удовольствия в настоящем.

Соображения временного дисконтирования <скидки за время ожидания> учитываются покупателями, продавцами и капиталистами точно так же, как обеими сторонами, осознающими, например, что ценность вина увеличится, если выдержать его подольше. Поскольку Бейли интересовало опровержение трудовой и других объективных теорий ценности, а не объяснение процента как такового, он не пошел дальше в анализе временного предпочтения как основы процента и не стал обсуждать ставку временного дисконтирования. Но его анализ, безусловно, проложил дорогу для теории временного предпочтения австрийской школы,

хотя создатель этой теории Ойген Бём-Баверк не был знаком с вкладом Бейли²⁴.

Через шесть лет Дж. Пулетт Скруп — несмотря на маргинальные взгляды на закон Сэя — внес важный вклад в теорию прибыли (или процента), впервые сформулировав теорию процента, основанную на воздержании. В номере журнала «Quarterly Review» за январь 1831 г. Скруп жаловался на отсутствие подлинной теории прибыли у Рикардо и выдвинул теорию воздержания.

Несмотря на безжалостную критику Бём-Баверком более совершенной теории воздержания Нассау Сениора, между этой теорией и более изысканной австрийской теорией временного предпочтения нет особой разницы. Прибыль, писал Скруп, является «компенсацией за воздержание от получения немедленного удовлетворения», свойственного сбережению и инвестированию вместо потребления. Причем, набросав общую схему теории воздержания, Скруп на этом не остановился: значительная часть прибыли, по его словам, представляет собой узкую форму, совпадающую с процентом. То, что вульгарно именуется «прибылью», как называет это и Скруп, совпадает с «валовой прибылью» Эллиса. Она состоит, продолжает Скруп, из процента на капитал + страховки от деловых рисков + заработной платы за труд капиталиста по руководству <предприятием>. Скруп также добавляет сюда монопольную ренту, в которой он объединил владение более качественной землей или более выигрышным месторасположением и доходы от запатентованных изобретений или технологических процессов.

Классическим же изложением теории воздержания являются лекции Нассау Сениора. Следует признать, что они оставались неопубликованными до 1836 г., когда они увидели свет под названием «Набросок науки политической экономии» («Outline of the Science of Political Economy») (а также в статье «Политическая экономия» для «Encyclopedia Metropolitana»), но он прочитал их раньше в 1827—1828 гг. в Оксфордском университете.

Сениор отмечает, что сбережения и создание капитала по необходимости связаны с болезненными жертвами в настоящем, с воздержанием от немедленного потребления, на которые идут только в ожидании компенсирующего вознаграждения. К сожалению, у Сениора отсутствует понятие временного предпочтения, поэтому конкретные мотивы, заставляющие людей предпочитать потребление в настоящем будущему потреблению, он не называет. Но он пришел к очень похожим выводам относительно степени болезненности воздержания (или, как позже сказали бы австрийцы, временного предпочтения настоящего по сравнению с будущим) для «наименее цивилизованных» народов и «хуже всего образованных» классов, которые, как правило, отличаются «наименьшей предусмотрительностью и, следовательно, наименьшим воздержанием».

Еще больший интерес и ценность, чем его теория воздержания, представляет хорошо разработанная теория капитала Сениора, которая

во многом предвосхитила доктрину австрийской школы. Сениор понимал, что факторы производства можно разбить на два класса: первоначальные, первичные — земля (или природные ресурсы) и труд; и все вторичные, промежуточные блага, которые производятся совместными усилиями первичных факторов (при участии уже существующих промежуточных факторов). В конечном итоге промежуточные факторы трансформируются в потребительные блага, которые способны удовлетворить потребности потребителей.

Можно было бы подумать, что в конечном счете промежуточные факторы, или капитальные блага, можно свести к природе и труду, но этого сделать не получится, так как для того, чтобы объединить первичные факторы во все увеличивающееся количество капитала, требуется еще один элемент: воздержание. И здесь, вновь предвосхищая австрийскую школу, Сениор понимал, что ключевой аспект процесса производства заключается в том, что он должен занимать *время*, и поэтому <подразумевает> акт воздержания, «термин, — добавляет Сениор, — с помощью которого мы выражаем действия человека, который либо воздерживается... либо сознательно предпочитает производство с отдаленным, а не немедленным результатом».

Тогда, требуя времени, капитал, или капитальные блага, являются результатом соединения земли, труда и воздержания и представляют собой применение наличных ресурсов к будущему производству. Капитальные блага суть *произведенные*, а не первичные факторы производства. И способ, с помощью которого производство и уровень жизни могут расти до бесконечности, состоит в использовании продуктов труда и <даров> природы «в качестве средства дальнейшего производства». Капитал, резюмирует Сениор,

не просто производственный инструмент: в большинстве случаев он является результатом объединения всех этих трех производственных инструментов. Некий природный фактор должен предоставить материал, некоторое воздержание от получения удовольствия должно в общем случае сохранить этот материал от использования в непроизводительных целях, и некоторый труд в общем случае должен быть применен для его подготовки и сохранения.

Видно, что Сениор не просто излагает наивную теорию прибыли и процента, основанную на производительности. В то время как все факторы реализуют свою производительность, и поэтому труд получает заработную плату, а земля и природные факторы зарабатывают ренту, капитальные блага суть не просто производительные факторы, а сложные продукты других факторов; и потому, если устранить влияние земли и труда, конечным, специфическим вкладом капитала является процент — отдача от воздержания.

Хотя Сениор полностью не пришел к этому результату, но в приведенной выше цитате он нащупывает различие между *валовой* доход-

ностью капитальных благ, которая отражается в их рыночных *ценах*, и их *чистой* доходностью (после вычитания заработной платы, ренты и цен других промежуточных благ, использованных при их производстве), которая равна ставке процента и представляет собой платеж за воздержание, или временное предпочтение.

В ходе обсуждения того, как увеличение предоставления капитальных фондов может позволить вечно углублять и расширять разделение труда и наращивать производство потребительских благ, Нассау Сениор ухватил суть австрийской идеи о том, что капитал, и в конечном итоге производство, расширяется по мере увеличения сбережений, благодаря более высокой физической производительности многих более длинных, или более «окольных», производственных процессов. Поскольку инвестирование в более длинные процессы и промежуточные факторы требует большего времени, должно наличествовать большее желание инвестировать в получение удовольствия в будущем, а не в настоящем.

Между тем коллега Сениора, единомышленник-уотлианец Маунтифорт Лонгфилд, развивал похожий подход. Даже если капиталисты в качестве капиталистов, а не работников не производят ничего осязаемого, они оказывают жизненно важную услугу, создавая капитал путем сбережений и оплачивая факторы производства, чтобы включить их в «требующие время» производственные процессы. Хотя большинство британских экономистов классической школы походя упоминали о периоде производства, они связывали его исключительно с однолетним циклом получения урожая в сельском хозяйстве. Лонгфилд оказался способен разрушить эту сельскохозяйственную рамку, стремясь «сделать временное измерение производства переменной в своем анализе. Он добился этого, увязав период производства непосредственно с разделением труда и отождествив удлинение первого с углублением второго»²⁵.

Он продемонстрировал эту связь, повторив знаменитое обсуждение Адамом Смитом булавочной мануфактуры и разделения труда, показав на этом фоне, что углубление разделения труда породит более окольные процессы. Иными словами, больший объем инвестированного капитала в конечном счете сокращает рабочее время, требующееся для производства единицы выпуска, но лишь ценой увеличения времени ожидания между начальной точкой инвестиций и получаемой в итоге единицей потребительского блага. В течение времени ожидания конечного продукта рабочие должны иметь возможность жить, и именно это обеспечивают капиталисты.

Они делают это путем «воздержания» от потребления, тем самым позволяя рабочему «потреблять нечто, произведенное усилиями других людей, притом что ничего, произведенного им самим, еще никто не потребил». Короче говоря, в то время как продукт труда появится только в далеком будущем, капиталист сберегает деньги сейчас и нанимает рабочего: «Человек, который его [рабочего] нанимает и направляет его трудовые усилия, в общем случае вначале платит ему, а затем возвра-

щает выплаченное путем продажи произведенной таким образом продукции»²⁶. Здесь Лонгфилду замечательным образом удалось предвосхитить теорию капитала, разработанную Бём-Баверком.

Соответственно, валовая прибыль состоит из двух частей: отдача от услуг по авансированию заработной платы рабочим до момента продажи продукции (долгосрочный процент) и отдача за труд по руководству <предприятием> и принятием на себя коммерческого риска. Лонгфилд не попытался сделать акцент на последнем, сосредоточив внимание на первом — отдаче за услуги по авансированию заработной платы. Отсюда следует, как отмечает Лонгфилд, предвосхищая изысканную и глубокую теорию образования цен на факторы производства, основанную на *дисконтированной* производительности, разработанную австрийской экономической школой, рабочий, в сущности, дает капиталисту скидку от своей предельной производительности за услугу предоставления денег сейчас, вместо ожидания момента продажи произведенной продукции. Вновь процитируем Лонгфилда:

[Капиталист] платит заработную плату немедленно, и взамен получает ценность труда [рабочего], каковой труд используется наиболее выгодным образом... Соответственно ценность труда, воплощенного в... любом изделии, больше, чем заработная плата за этот труд. Разница и есть прибыль, получаемая капиталистом за предоставленное авансирование; это, так сказать, скидка, которую рабочий дает за немедленную оплату.

Всего лишь маленький шажок отделяет этот анализ от опознания в этой скидке платежа за временное предпочтение.

Сэр Джордж Рамсей в сочинении 1836 г. подчеркнул важность времени в связи с изучением производства и капитала, хотя и не столь изысканно, как Сениор. Наряду с трудом в состав капитала входит время, и Рамсей в качестве примера указывает на две бочки одинакового вина. Ценность вина в бочке, которая хранится на несколько лет дольше, увеличивается, поэтому ценность зависит не только от затраченного труда, но и «от длительности времени, в течение которого какая-либо часть продукта этого труда существовала в виде постоянного капитала». И наконец, в 1839 г. Джозеф Эйсделл, неизвестный последователь Лонгфилда, обобщил теорию предельной производительности, также отметив важную услугу, оказываемую капиталистами рабочему путем «авансирования их заработной платы немедленно после выполнения им работы, прежде чем товары будут готовы для продажи, поскольку рабочий слишком стеснен в средствах, чтобы дожидаться момента продажи и получения денег за товары». Здесь Эйсделл ухватил суть услуги, которую капиталист оказывает рабочему и за которую этот последний готов «платить» первому скидкой, становящейся его прибылью: оплата труда рабочего *сейчас*, в настоящем, в то время как капиталист принимает на себя бремя ожидания отдачи в какой-то момент времени в будущем.

4.11. ДЖОН РЭЙ И «АВСТРИЙСКАЯ» ТЕОРИЯ КАПИТАЛА И ПРОЦЕНТА

Наиболее замечательный вклад в теорию капитала и процента в пострикардианский период внес бродяга и эксцентрик Джон Рэй (1796—1872). Он сформулировал свою теорию в трактате «Некоторые новые принципы по предмету политической экономии» («Some New Principles on the Subject of Political Economy», Boston, 1834), отстаивавшем протекционистский тариф. До Бём-Баверка и австрийской школы теория Рэя остается наиболее всесторонним и исчерпывающим анализом ключевой роли *времени* в теории капитала и процента. Развивая теорию капитала, Рэй понимал, что самое важное в производстве — это увеличивать инвестиции в капитальные блага, которые сами являются продуктом труда и природы; что капитальные блага можно ранжировать на основе обеспечиваемой ими нормы доходности (отдачи); что от момента их создания до момента износа неизбежно присутствует фактор времени. В частности, удлинение процесса производства, т.е. времени инвестирования капитала, позволяет использовать капитальные блага с большей физической производительностью. Однако, хотя ожидание в течение более длительного отрезка времени в будущем позволяет задействовать производственные процессы с более высокой физической производительностью, эти выгоды всегда следует соизмерять с нежелательной необходимостью дольше ожидать окупаемости капитала. И здесь Джон Рэй представил наиболее развитую на тот момент теорию процента, основанную на временном предпочтении. Чтобы уравновесить более высокую производительность, связанную с более длительным периодом ожидания в будущем, капиталист должен взимать процент, ставка которого определяется большим желанием иметь блага в настоящем, чем в будущем. Одним словом, инвесторы должны пожертвовать наличными благами ради будущих благ, и поэтому за свои инвестиции должны получить компенсацию в виде дохода, отражающего степень их временного предпочтения. Инвесторы будут жертвовать наличным благом меньшей ценности ради более ценного будущего блага, и эта разница — их процентный доход — зависит от психологически и культурно обусловленной готовности людей заглядывать далеко в будущее. Люди, имеющие низкие ставки временного предпочтения, т.е. те, кто дальше заглядывает в будущее, прежде всего стремятся повысить уровень жизни своих детей; с другой стороны, для Рэя люди с высокими временными предпочтениями имеют слабые интеллектуальные и моральные принципы и страдают «недостатком воображения».

Рэй также предвосхитил шумпетерианскую теорию, сделав сильный акцент на важность изобретений и подчеркнув, что изобретения открывают новые возможности для более прибыльного инвестирования капитала, а получаемая в результате высокая прибыль стимулирует такие инвестиции.

Шумпетер очень высоко оценивал достижения Рэя, характеризуя его работу как «теорию капитала, задуманную с беспрецедентной глубиной и широтой», но, как ни странно, не упомянул подчеркивание Рэем важности инвестиций. Шумпетер, правда, добавляет, что, если бы у Рэя были «еще десять лет спокойной работы, обеспечиваемой соответствующим доходом», его «Новые принципы» «могли бы вырасти в еще одно, более глубокое “Богатство народов”». И Бём-Баверк, не знавший о достижении Рэя во время подготовки первого издания «Истории и критики теорий процента», единственный раз был крайне щедр на похвалы в последующих изданиях, называя сочинение Рэя «в высшей степени оригинальным и замечательным».

Достижения Джона Рэя тем более поразительны, что он не принимал участия в экономической полемике, имевшей место в Великобритании в то время. Совершенно наоборот, его с полным основанием можно охарактеризовать как блистательного бродягу, чудака и неудачника. Шотландец Джон Рэй родился в Абердине в семье удачливого купца и кораблестроителя, сколотившего состояние собственными силами. Увлекавшийся изобретательством и естественными науками, Рэй в бытность юным студентом-математиком представил на суд своих профессоров несколько механических изобретений, которые были признаны оригинальными, но бесполезными. Чтобы не раздражать своего практичного отца, Рэй оставил изобретательство и после окончания обучения поступил в Эдинбургский университет на медицинский факультет. Но, как это было свойственно Рэю, в ходе написания диссертации на соискание докторской степени по медицине он пришел к убеждению, что господствующие физиологические теории неверны, и бросил учебу в медицинском колледже, решив написать грандиозную «философскую историю» человечества. Приступив к этому амбициозному, но совершенно непрактичному проекту длиною в жизнь, Рэй с головой окунулся в изучение биологии, филологии, этнологии, авиации, геологии, образования и общественных наук, вне всяких сомнений разделяя радикальные идеи в каждой из этих научных дисциплин. Очень мало что из задуманного было написано и напечатано; он опубликовал лишь ряд разрозненных статей на темы эмиграции, образования, канадской религии, гавайских традиций и законов, а также полинезийских языков. Его обширные неопубликованные рукописи посвящены геологии.

Подобный жизненный план вряд ли мог обеспечить Джону Рэю стабильный доход, а банкротство отца и возможное социальное клеймо, связанное с женитьбой на дочери пастуха, заставили его в возрасте 25 лет эмигрировать в канадское захолустье.

Именно во время этого курса самообразования Джон Рэй прочел «Богатство народов» <Адама Смита>, причем общая приверженность этого шотландца к свободной торговле и *laissez faire* вызвала у Рэя резкую антипатию. В частности, у него сформировался пожизненный интерес к протекционизму и государственным субсидиям для промышленности.

По крайней мере частично такая реакция отражала характерную для шотландцев-кальвинистов враждебность к роскоши и потребительству. Будучи решительным сторонником бережливости и воздержания, Рэй сокрушался по поводу малейших намеков на потребление роскоши среди малообеспеченных классов, поскольку это ослабляло их «реальное желание к накоплению». Потакание чувственным желаниям подталкивает бедноту к вступлению в брак и заставляет заводить слишком много детей, а также ослабляет склонность к сбережениям и повышению уровня жизни. Впервые интерес к протекционистским пошлинам возник у Рэя в Шотландии в 1819 г. в рамках противодействия желанию многочисленных последователей Адама Смита значительно понизить налоги и пошлины на виски и разрешить производить виски на мелких винокурнях. Рэй пришел в негодование, беспокоясь об «общем моральном состоянии людей» на фоне изобилия дешевого виски.

Прибыв в Канаду, Рэй вскоре начал работать учителем в частной школе и врачом в деревне Уильямстаун, расположенной в штате Онтарио. Уильямстаун был центром шотландского пресвитерианского поселения в Канаде, и Рэй, будучи горячим приверженцем Пресвитерианской церкви Шотландии, поддержал желание этой церкви получать государственную поддержку в противовес претензиям на исключительность в этом отношении Англиканской церкви. Помимо того что англиканский элитизм неуместен в условиях Северной Америки, писал он, Пресвитерианская церковь Шотландии проповедует аскетическую мораль в противовес распущенности англикан. Он критиковал Соединенные Штаты за отсутствие государственной религии, что сокращало доходы священников и срок их нахождения в должности и ослабляло узы «подлинной религии».

Прожив десять лет в Уильямстауне, Джон Рэй почувствовал охоту к перемене мест. В 1831 г., уволившись с должностей школьного учителя и коронера Восточного округа Онтарио, он переехал в Монреаль. Здесь он решил начать работу над главным проектом его жизни или по крайней мере над той его частью, которая была посвящена «Нынешнему состоянию Канады», где должны были быть представлены его идеи геологии страны и ее экономическом развитии, а также возвысить голос в поддержку дальнейшего пребывания Канады в составе Британской империи. Уже проживая в Монреале, он подал петицию в правительство Верхней Канады на получение гранта на покрытие транспортных затрат и исследовательских работ, запланированных в рамках этого проекта. Но Законодательное собрание Верхней Канады решило, что есть более важные дела, и отклонило заявку Рэя, несмотря на наличие рекомендаций со стороны вице-губернатора.

Рэй не оставил мысли работать над своим главным проектом и направился в поселок лесозаготовителей Годманчестер неподалеку от Монреаля, где, по-видимому, он выполнял подсобные работы, одновременно публикуя статьи в «Montreal Gazette» в поддержку Британской

Империи. Там он написал свое великое сочинение «Новые принципы политической экономии» («New Principles of Political Economy»), рассматривавшееся им как одно из звеньев его генерального плана.

Витавший в Канаде дух революции против Британской империи был вреден для страны, и в письмах в «Gazette» Рэй резко критиковал эти настроения. Претензии к Британии, восклицал он, представляли собой «немыслимое искажение фактов, постыдную ложь и отвратительное богохульство». Напоминая об ужасах Французской революции, Рэй громко требовал «показать в деле имперскую юстицию, либо в противном случае в Канаде воцарятся террор и ужас...»

Учитывая большие связи Рэя в Монреале, трудно понять, почему он прозябал в Годманчестере. Его сестра, поэтесса и директор школы-интерната, Энн Катберт была замужем за богатым торговцем галантерейным товаром Джеймсом Флемингом. Брат Флеминга Джон был известным писателем и высокопоставленным служащим Банка Канады и Банка Монреаля, а семья принадлежала к кругу крупных шотландских купцов-пресвитериан, настроенных к Британской империи ультралояльно, и живших в окружении канадского населения, которое они считали франко-канадскими бунтовщиками и радикалами.

По замыслу Рэя, «Новые принципы» должны были раскрыть очередной аспект его большого проекта, в данном случае проблемы экономического роста и необходимость покровительственных пошлин и других форм содействия промышленности со стороны государства. Он закончил написание книги в 1833 г. и первоначально хотел издать ее в Англии, но по каким-то причинам изменил планы и в поисках помощи для публикации отправился в Бостон. Там Рэй познакомился и стал пользоваться покровительством могущественного Александра Эверетта (1790—1847), одного из лидеров «бостонских браминов», протееже экс-президента Джона Адамса, незадолго до этого служившего послом в Испании. Эверетт знал много языков, был специалистом по классической филологии и опытным поверенным. Он ушел с государственной службы, чтобы занять пост редактора известного и влиятельного журнала «North American Review». Десятилетием ранее Эверетт написал книгу «Новые идеи о народонаселении» («New Ideas on Population» (1823)), в которой вполне здраво критиковал Мальтуса за непонимание того, что рост численности населения может вести к изобилию, а не к нищете, за счет углубления разделения труда, расширения рынков и роста городов, а также за счет увеличения производства продовольствия и промтоваров.

Позже Эверетт, как и вся Новая Англия, отошел от свободной торговли, начав отстаивать покровительственные пошлины, в особенности для нарождавшейся в этом регионе текстильной промышленности. Протекционисты активно искали учебники и ученых, которые поддерживали бы их линию, поскольку в американских университетах царили Адам Смит и Жан-Батист Сэй. Джон Рэй произвел на Эверетта огромное впечатление, так что, услышав о его сочинении в защиту протекционист-

ской политики, Эверетт преисполнился энтузиазма и не глядя взялся организовать публикацию книги в Бостоне.

145 Судя по всему, Эверетт купил kota в мешке. Невнятные комплименты книге в опубликованной им в «North American Review» рецензии были равносильны проклятию. Он искал жгущий напалмом протекционистский трактат, а вместо этого обнаружил книгу, насыщенную малопонятным техническим жаргоном. Причем в основном трактат не имел отношения к тарифному вопросу. Бóльшая часть книги была посвящена теории капитала и процента, а также важности накопления капитала для экономического роста в стране. Как пронизательно отметил Эверетт, в действительности эти взгляды не противоречили точке зрения Адама Смита. И ничто из этого не имело непосредственного отношения к проблеме покровительства промышленности.

Для Рэя же такая связь была очевидна, пусть для людей, интересующихся экономической политикой она представлялась весьма отдаленной. Он считал, что экономическое развитие зависит в комплексе от новых изобретений и их внедрения в ходе инвестирования капитала, и бóльшая часть предлагавшихся им мер государственной экономической политики заключалась в предоставлении субсидий и премий для новых изобретений и отраслей, которые должны были финансироваться за счет высоких таможенных пошлин на импорт «роскоши». В этом случае кальвинистская душа Рэя была бы довольна, поскольку, содействуя бережливости, изобретениям и промышленности и одновременно отбивая охоту к греховной роскоши, в особенности когда, по определению Торстейна Веблена, «потребление... демонстративно» и потому особенно расточительно, государство насаждало бы моральные принципы. Обличение потребления роскоши, которое Рэй без обиняков называл «потерей для общества пропорциональной объему такого потребления», не особо понравилось Эверетту, но главная критика состояла в том, что страна нуждалась в «хорошо написанном и хорошо аргументированном очерке по этому вопросу», в сочинении «достаточно всеохватном и авторитетном, чтобы служить в качестве учебника». Книга Рэя явно не годилась для этой цели.

С коммерческой точки зрения книга потерпела полное фиаско и была быстро забыта. Спустя много лет Рэй написал одному из своих корреспондентов, что «к сожалению, уверения Эверетта в том, что мою книгу оценят в Бостоне, побудили меня опубликовать ее там. Однако, по-моему, он был напуган ею. Как и никто в этом городе, он не смог решить, был ли я прав или ошибался, ограничившись похвалами в адрес стиля изложения и т.п. Для книги это стало проклятьем». Ко всему прочему сочинение Рэя подверглось атакам со стороны сторонников свободы торговли и служителей культа Адама Смита, выступивших с развернутой прямой критикой книги. Но, вероятно, фатальную роль сыграл момент выхода книги. После принятия таможенного тарифа 1833 г., значительно понизившего пошлины, протекционистская агитация в Соединенных Штатах

пошла на спад, и на протяжении 1840-х гг. таможенные пошлины последовательно снижались. Свобода торговли восторжествовала, — по крайней мере до Гражданской войны.

Кроме того, в Канаде едва ли вообще были экономисты или ученые, способные по достоинству оценить сочинение Рэя, а в Британии сформировалось презрительное отношение к обитателям колоний («colonials»), и там не принимали североамериканцев всерьез. Однако в 1840-е годы в Англии «Новые принципы» прочитал и высоко оценил Нассау Сениор, чье сочинение, посвященное капиталу и проценту было весьма близко к позиции Рэя. Следы воззрений Рэя можно найти в более поздних сочинениях Сениора. Сениор передал книгу Джеймсу Стюарту Миллю, который тепло отозвался о ней в неимоверно популярных «Принципах политической экономии». Рэй узнал о похвалах Милля спустя пять лет от своего канадского друга и отправил Миллю сердечное письмо, в котором, возможно несколько угрюмо, заметил: «...это единственное, что в связи с данной публикацией принесло мне хоть какое-то удовлетворение».

Здесь в истории экономической мысли таится некая загадка. Несмотря на теплые слова Милля в адрес книги Рэя, высказанные в трактате по экономической теории, безраздельно господствовавшем в профессии на протяжении жизни целого поколения, нигде ни один экономист не пошел по ссылке <и не ознакомился с книгой>, и знание о том, что Рэй когда-то существовал, практически исчезло. Единственным исключением был великий итальянский экономист классической школы Франческо Феррара (1810—1900), который в 1850-е гг. перевел «Новые принципы» Рэя на итальянский. На этом всё. Стенли Джевонс, живо интересовавшийся историей экономической мысли, по-видимому не слышал об этой книге, и даже Бём-Баверк не читал Рэя, когда в 1880-е годы готовил первое издание своего сочинения «История и критика теорий процента на капитал». Рэй оставался неизвестен экономистам до тех пор, пока в начале XX в. его книгу не переиздал Чарльз Микстер. Возможно, ключ к загадке содержится в последующих изданиях труда Бём-Баверка, где он отмечает, что миллевский панегирик Рэю, пусть и сердечный, был сформулирован в общих и даже банальных фразах, едва ли передающих блистательность и оригинальность этого исследования проблемы капитала и процента. Бём-Баверк объясняет:

Но, как это ни странно, Милль в своих многочисленных цитатах не привел ни одного слова из того, что составляет оригинальную сторону взглядов Рэя; Милль цитирует только его второстепенные мысли, т.е. такие, которыми можно было также пользоваться для иллюстрирования обычных доктрин, выводимых самим Миллем. Сочинение Рэя, очевидно, читало в оригинале лишь крайне ограниченное число лиц, и поэтому самая интересная часть содержания такового осталась неизвестной даже его современникам, не говоря уже о потомках, которых цитаты Милля едва ли могли побудить обратить внимание на значение этого сочинения и разыскать эту книгу, так скоро преданную забвению²⁷.

Разочарованный приемом книги, не имеющий работы и средств к существованию, Рэй получил должность учителя в государственной окружной школе на канадском фронтире, в бурлящем небезопасной жизнью городке Гамильтон в штате Онтарио. Там он жил в благородной нищете на низкое жалованье, постоянно обремененный долгами, но ученики его, по-видимому, любили, и он был известен в Гамильтоне грациозным и элегантным катанием на коньках, а также как президент Литературного общества Гамильтона. Он сыграл заметную роль в первом отряде местной милиции, который в 1837—1838 гг. помог подавить вооруженный мятеж канадских националистов, жаждавших оборвать все связи с империей. Рэй принимал участие в воздухоплавательных экспериментах с воздушными шарами и много писал на темы геологии. Он также продолжил работу над описанием экономической географии Канады и в 1840 г. наконец дописал свой *magnum opus* — чрезвычайно объемную книгу «Набросок естественной истории и законов Канады» («*Outlines of the Natural History and Statutes of Canada*»).

К несчастью, в последующие десять лет на Джона Рэя обрушилась череда ударов судьбы. Вначале рукопись его книги о Канаде была безвозвратно потеряна по пути к возможному издателю в Нью-Йорке. Затем, после преподавания в Гамильтоне в течение 14 лет, Рэй был бесцеремонно уволен в 1848 г. Дело было в том, что Рэй неизбежно ввязался в битвы вокруг образовательной политики, в частности по поводу назначения пресвитерианцев на учительские и административные должности в школьной системе Онтарио, где бал правили англикане. Кроме того, в 1843 г. произошел Раскол церкви Шотландии (и соответственно связанной с ней Пресвитерианской церкви в Канаде), когда из нее выделилась группа последовательных кальвинистов, выступавшая против доминирования светского государства над церковью, которые основали Свободную церковь. Зная характер Рэя, можно было ожидать, что он (вместе с некоторыми друзьями) присоединится к Свободной церкви, тем самым лишившись политической поддержки чиновников его школьного округа, принадлежавших к признанной церкви. Дни Рэя в Гамильтоне были сочтены.

Рэй уехал из Канады и учительствовал в школах Бостона и Нью-Йорка, где спустя год после увольнения его настиг еще один страшный удар судьбы — известие о смерти его жены Элизы. Изгнанный из обжитого места и не имеющий пристанища, живущий в крайней нужде и впавший в уныние, Рэй в возрасте 53 лет начал новую жизнь скитальца. Привлеченный золотой лихорадкой, он отплыл в Калифорнию, где понемногу занимался школьным преподаванием и плотницким делом. Пошатнувшееся здоровье вскоре заставило его переехать на Гавайские острова, где он провел остаток своих дней. Там, на острове Мауи, Рэй впервые в жизни жил в достатке, уча английскому коренных гавайцев, занимаясь фермерством и выступая медицинским представителем министерства здравоохранения. Он также активно включился в политическую жизнь, благодаря дружбе с таким же эмигрантом из Шотландии Робертом Уайли, хирур-

гом из Университета Глазго, состоятельным бизнесменом и на тот момент министром внешних сношений Королевства Гавайи. Под покровительством Уайли Рэй стал коронером, государственным нотариусом, фельдшером и окружным судьей в Мауи.

Благоприятные обстоятельства позволили Рэю возобновить научные исследования: он писал статьи по геологии, в частности про вулканы, океанские течения, геологическое строение Гавайев; о полинезийском языке; а также вновь занялся продвижением своих давно заброшенных навигационных изобретений.

Однако деньги у Рэя не задерживались, и он периодически впадал в нужду. После смерти своего покровителя, имея хронические болезни, Рэй принял предложение старого друга и бывшего ученика переехать на постоянное жительство в его дом в Стейен-Айленде. Рэй умер на Стейен-Айленде в следующем году.

Непоседа и эксцентрик, Джон Рэй в некотором смысле написал в «Новых принципах» подходящую и горькую эпитафию своей жизни в прочувствованном пассаже, воздающем должное одинокости изобретателя и новатора в обществе: «Преследование ими целей, которые никому кроме них непонятны, или если понятны, то их важность выходит за рамки понимания большинства сограждан, ведет в превратному истолкованию движущих ими мотивов. Их считают бездельниками, преступно не использующими имеющиеся у них таланты, тупицами, не приспособленными к выполнению повседневных жизненных задач, или сумасбродами, с которыми лучше не иметь дела; не ценимые теми, чье уважение могло бы быть им важно, и не допущенные в их круг, они общаются с теми, с кем не имеют ничего общего: с мошенниками, которые смеются над ними, как над своей добычей, глупцами, которые жалеют их как собратьев по несчастью. Свойственные им черты характера интерпретируются неверно, не вызывающая у большинства людей ни малейшей симпатии и не поощряемая знаками одобрения их “вечная война” с судьбой вдвойне мучительна, потому что они осознают, что если не выстоят, то будут унесены с поля боя не только неопознанными, но и неверно понятыми»²⁸.

4.12. НАССАУ СЕНИОР, ПРАКСЕОЛОГИЯ И ДЖОН СТЮАРТ МИЛЛЬ

В любую эпоху лишь немногие экономисты эксплицируют методологию своего ремесла. Особенно верно это в отношении периода, считающегося расцветом британской классической школы, который в действительности, как мы видели, был эпохой распада, а не триумфа рикарданской парадигмы. Но один превосходный методолог был одним из наиболее блистательных экономистов этой эпохи. Я имею в виду Нассау Сениора. Он принял эстафету праксеологического метода, разработанного и применявшегося французским экономистом начала XIX в. Жаном-Батистом Сэем.

Сениор начал излагать свои взгляды на методологию в самой первой вводной лекции в Окфорде в 1826 г. С исключительной ясностью в самом начале он заявил, что экономическая теория опирается на наиболее общие утверждения о человеческой природе, которые самоочевидны в том смысле, что, будучи сформулированными, вызывают всеобщее согласие. «Обнаружится, — пишет Сениор, — что <экономическая теория> опирается на очень небольшое число общих положений, которые являются результатом наблюдения, или осознания, и услышав которые почти каждый человек признает, что они знакомы его мышлению или, по крайней мере, являются частью его предшествующих знаний». Но если эти предпосылки, или аксиомы, покоятся на общем знании о человеке и мире, тогда дедуцируемые из них заключения должны обладать равной степенью общности:

Ее заключения имеют почти столь же общий характер, как и ее предпосылки, — те, которые имеют отношение к природе и производству богатства, являются универсально истинными». В таком случае задача экономиста состоит в том, чтобы сузить заключения до тех областей, которые имеют отношение к рассматриваемой проблеме. Так, «на заключения, относящиеся к распределению богатства, оказывают влияние специфические институты конкретных стран: в случае, например, рабства, хлебных законов или законов о бедных естественное положение вещей можно сформулировать в виде общего правила, а затем объяснить аномалии, вызываемые конкретными возмущающими причинами.

В качестве особой части своих аподиктических заключений Нассау Сениор формулирует законы в форме обобщений, каковые законы другие экономисты лишь пытались искать на ощупь. Например, Сениор определяет «богатство» как все товары и услуги, имеющие полезность и которые поэтому будут приобретаться в рамках обмена. Затем он формулирует свое первое «фундаментальное положение»: «Каждый человек желает получить с наивозможно меньшими жертвами как можно больше предметов богатства». Здесь Сениор не только мастерски обобщил некоторые важные интуиции относительно универсального человеческого действия, — этим он отверг введенное Адамом Смитом неудачное различие между «производительным» (материальным) и «непроизводительным» (нематериальным) трудом; «производително» все, что люди жаждут получить и изъявляют желание купить. Именно потому, что Рикардо, по крайней мере неявно, признавал это различие, он с порога отвергал любые объяснения образования цен на нематериальные услуги и, как следствие, пришел к теории ценности, основанной на издержках.

В ходе разъяснения первого фундаментального положения Сениор выразительно подытожил соотношение между желанием, индивидуальным разнообразием, выбором и человеческими усилиями:

Утверждая, что каждый человек желает получить дополнительное богатство с наивозможно меньшими жертвами, мы не имеем в виду, что все, или даже хоть кто-то желает получить бесконечное количество всего... Мы утверждаем, что никто не считает, что все его потребности в достаточной степени обеспечены; что каждый человек имеет неудовлетворенные желания, которые, по его мнению, будут удовлетворены с помощью дополнительного богатства. Природа и настоятельность потребностей каждого человека столь же разнообразны, сколь и различия в характере людей. Одни стремятся к власти, другие к почестям, третьи к досугу... По-видимому, единственный объект, стремление к обладанию которым всеобщее, это деньги; и это так потому, что деньги представляют собой абстрактное богатство...

Точно такое же разнообразие наблюдается и в отношении размеров и разновидностей жертв, на которые придется пойти разным людям или даже одним и тем же людям, в ходе обретения богатства²⁹.

Через 20 лет, вернувшись на должность драммонского профессора в Оксфорде, Сениор во вводных лекциях в 1847 г. вновь обратился к проблеме методологии экономической теории (опубликованы в 1852 г. под названием «Четыре вводных лекции по политической экономии» («Four Introductory Lectures on Political Economy»)). Теперь, согласно его определению, экономическая наука изучает «законы, регулирующие производство и распределение богатства, в той мере, в какой они зависят от работы человеческого ума», — заключительная часть предложения подчеркивает, что экономическая теория — «ментальная», а не «физическая» наука. Сениор четко понимал, что надлежащий научный метод дуалистичен: физические науки изучают свойства материи, а ментальные науки — «ощущения, способности и привычки человеческого ума, и рассматривают в материи лишь качества, их производящие». Методы этих двух наук неизбежно должны различаться, поскольку физические науки, «имея о разуме лишь косвенное <secondarily> знание, выводят свои предпосылки почти исключительно из наблюдений или гипотез». Наблюдения могут направлять такие строго эмпирические науки, как технология, но такие науки, как физика, «изучающие только величины и числа... выводят их целиком и полностью из гипотез». Физические науки должны опираться на пробные гипотезы — именно потому, что эти науки «имеют о разуме лишь косвенное знание». С другой стороны, «ментальные науки и ментальные искусства выводят свои предпосылки главным образом из сознания. Предметы, с которыми они в основном знакомы, суть <результаты> функционирования человеческого разума. И единственный разум, чью работу человек действительно знает, — это его собственный». И разумеется, экономическая теория — одна из ментальных наук.

Тем самым Нассау Сениор с кристальной прозрачностью изложил основы того, что столетие спустя Людвиг фон Мизес назовет «праксеологией». Подобно другим ментальным наукам, экономическая теория не может ставить эксперименты, как это делается в физических науках.

Следует признать, отмечает Сениор, что экономическая теория имеет дело с такими материальными сущностями, как производство, производительность и убывающая отдача, но «политэкономы рассуждают о них только в связи с ментальными феноменами, объяснению которых они служат» в качестве мотивов или источников капитала, ренты, прибыли и т.п. Иными словами, пишет Сениор,

все специальные термины политической экономии представляют либо ментальные идеи, такие как *спрос*, *полезность*, *ценность* и *воздержание*, либо объекты, которые — притом что часть из них могут быть материальными — политэконом включает в рассмотрение только потому, что они являются причинами определенных возбуждений человеческого разума, таких как *богатство*, *капитал*, *рента*, *заработная плата* и *прибыль*.

Важно рассмотреть некогда знаменитый спор об экономическом методе между Нассау Сениором и Джоном Стюартом Миллем, поскольку вскоре Милль незаслуженно будет возведен в ранг великого экономиста на следующие столетия. Милль соглашался с тем, что, будучи ментальной наукой, экономическая теория не может проводить эксперименты; но в отличие от Сениора он не пришел к выводу, что ее допущения и аксиомы должны быть полными, сформулированными в общем виде и аподиктичными. Напротив, он утверждал, что основания и послышки экономической теории могут быть только «гипотетическими», т.е. формулируемые допущения должны абстрагироваться от реальности, тем самым ее искажая. Аксиомы экономической науки лишь частично, или гипотетически, истинны. Короче говоря, для Милля из того, что в фокусе экономической теории находится желание человека обрести богатство, следует, что она должна *предполагать*, пусть и, по общему признанию, ложно, что стремление к богатству — *единственное* желание человека. Так, по словам Милля,

политическая экономия... не рассматривает ни всю природу человека, модифицированную общественным состоянием, ни поведение человека в обществе в целом. Человек интересует ее как существо, желающее обладать богатством и способное оценивать сравнительную эффективность средств достижения этой цели. Она предсказывает только такие явления общественного состояния, которые возникают в ходе усилий по обретению богатства. Она полностью абстрагируется от всех остальных человеческих страстей и мотивов... Политическая экономия рассматривает человечество как занятое исключительно приобретением и потреблением богатства; и задача ее состоит в том, чтобы обрисовать положение дел, которое сложилось бы, если бы этот мотив... направлял все действия людей... Не потому, что хотя бы один политэконом исходит из абсурдного предположения, что человечество действительно так устроено, а потому, что это метод <mode>, который наука должна неизбежно использовать³⁰.

Милль признавал, что основополагающим допущением его экономической теории было «произвольное определение человека»: рассуждение отталкивалось от «принятых посылок, которые могли вообще не иметь никаких оснований и соответственно не претендовали на универсальность...»

В своих эскизных набросках методологии сознательного создания несуществующего «экономического человека» — человека, которого интересует только обретение богатства, — Джон Стюарт Милль разработал то, что можно назвать ортодоксальной или доминирующей «позитивистской» методологии экономической теории. Позитивистский метод, описанный Миллем с такой обманчивой и зловещей ясностью, после долгой борьбы с праксеологическим, а также другими методами в конце концов восторжествовал в середине XX в. на волне взлета популярности и доминирования позитивизма Вильфредо Парето и Милтона Фридмана.

Отчасти поводом для глубоких лекций Сениора о методе в 1847 г. стало желание подвергнуть критике и опровергнуть миллевский позитивизм. Ошибочное сведение Миллем «богатства» исключительно к материальным благам (вслед за Смитом и Рикардо) привело к искажению теорий ценности и производства, что усилило актуальность задачи Сениора. Атака Сениора на Милля, а также на Рикардо была грозной и разрушительной. Он ясно продемонстрировал принципиальную разницу позиций:

...ни рассуждения г-на Милля, ни пример г-на Рикардо не побуждают меня трактовать политическую экономию как науку гипотетическую. Я не считаю, что это необходимо, а если в чем-то нет необходимости, я не думаю, что это желательно.

Мне представляется, что если вместо гипотезы г-на Милля, согласно которой *единственными* объектами человеческих желаний являются богатство и дорогостоящие удовольствия, утверждение о том, что они суть универсальные и постоянные объекты желаний, что их желают все люди и во все времена, то мы заложим столь же прочный фундамент под наши последующие рассуждения *и заменили бы произвольное допущение истинным*. [Курсив добавлен. — М. Р.]

Далее Сениор признаёт, что в этом случае на основании того, что рабочий может вести себя так, чтобы получить более высокую заработную плату, или капиталист — более высокую прибыль, мы, безусловно, не сможем делать вывод о том, что «они будут наверняка действовать таким образом». Но, по крайней мере, «мы сможем сделать вывод о том, что они будут вести себя так в отсутствие возмущающих причин. И если мы будем в состоянии, что нередко вполне возможно, описать ситуации, в которых следует ожидать наличия таких причин, и вероятную силу их действия, мы снимем все возражения против характеристики нашей науки как положительной в противовес гипотетической»³¹.

Сениор мудро и пророчески отмечает, что одна из опасностей гипотетического метода — постоянный риск забыть, что послышки не полны,

а лишь частичны и даже ложны. Еще один, даже более глубокий порок <этого подхода> состоит в том, что, поскольку допущения ложны с самого начала, не существует способа использовать опыт и наблюдения для исправления и даже просто проверки заключений абстрактного анализа. В таком случае оказывается, что позитивисты, постоянно трубящие о том, что их метод — единственный подлинно научный и «эмпирический», опираются на неконтролируемые и некорректируемые ложные послышки. С другой стороны, как бы это ни выглядело парадоксально, праксеологический метод, против которого давно выдвигаются обвинения в априористическом мистицизме, представляет собой единственный метод, который основывает теорию на широко известных и глубоко эмпирических — и в действительности универсально истинных — послышках!

Будучи универсально истинным, праксеологический метод формулирует *полные* законы в общем виде, а не частичные — и поэтому вообще говоря ложные — законы. Эту разницу пронизательно отмечает Мэриан Боули:

Так, что касается вопроса об определении желания богатства: если данное определение формулируется в Миллевой форме, т.е. каждый всегда предпочитает богатство всему остальному [«экономический человек»], с добавлением предупреждения о том, что это лишь гипотеза, постоянное отношение между желанием богатства и всеми остальными вступающими с ним в конфликт мотивами, то оно не задается полностью в виде общего закона. Для каждого индивида требуется вводить дополнительную послышку, формулирующую общее отношение других мотивов к мотиву желания богатства, а также необходимо оценивать фактические переменные. Объяснение же <мотива> желания богатства Сениором включает в себя информацию о взаимосвязях между переменными.

Или, как мисс Боули объясняет далее:

Предлагаемые Сениором в качестве замены чистые преимущества для заработка эквивалентны определению в общих терминах отношения между всеми переменными, которые оказывают влияние на распределение ресурсов между занятиями, вместо того чтобы оставлять это отношение для рассмотрения с нуля в каждом случае³².

Таким образом, позитивист, предполагая, что деловые люди всегда и исключительно заинтересованы в максимизации денежной прибыли, вполне может пропустить и проигнорировать случаи, когда деловые люди ставят другие мотивы (например, отдавая руководящие должности своим родственникам) выше прибыли. Или хуже того, признавая подобные случаи, ему придется бороться с искушением осудить их как «иррациональное поведение». Любопытно, что разделявший взгляды утилитаристов сын Чарльза Диккенса, постоянно в своих романах выставлявшего экономистов классической школы в карикатурном виде и критиковавшего их, отказался помочь своей жившей в бедности матери

на том основании, что наука политической экономии сообщила ему, что быть рациональным означает покупать на самом дешевом рынке и продавать на самом дорогом. А поскольку классическая экономическая теория Смита—Рикардо—Милля делала акцент исключительно на издержках производства и потому в принципе не могла даже упоминать потребителя, она была настежь открыта для диккенсовских недоразумений.

4.13. ПРИМЕЧАНИЯ

1. J. A. Schumpeter, *History of Economic Analysis* (New York: Oxford University Press, 1954), p. 473 <Шумпетер И. История экономического анализа : в 3 т. Т. 2. СПб.: Экономическая школа, 2001. С. 620>.
2. Alexander Gray, *The Development of Economic Doctrine* (London: Longmans, Greenand Co., 1931), pp. 170—171. Отметив, что Рикардо регулярно формулировал обобщающие заключения, за которыми невянятно делались оговорки и возвраты к исходным позициям, позволявшие его последователям утверждать, что такие приверженцы рикардианской логики, как Маркс и Генри Джордж, «неверно интерпретировали» Рикардо, Грей возражает, что «возможно, главный урок, который следует извлечь из случая Рикардо, состоит в том, что литературное изящество служит не просто украшением, а выполняет полезную функцию, и тот, кто не очень искусен в выражении <своих мыслей>, должен винить лишь самого себя, если его поняли неверно». Аминь! См.: Ibid., p. 189.
3. Пожалуй самый восхитительный пассаж об эффективности невразумительности написан Генри Менкеном в искрометном очерке, посвященном сочинениям Торстейна Веблена: «Но поистине самым замечательным в них [идеях Веблена] была не их новизна и не их сложность, ни даже то, что их излагает профессор; самым замечательным в них были поразительно претенциозная и вычурная манера их выражения, почти невероятная утомительность и напыщенность прозы одаренного директора школы, его беспрецедентный талант не сказать ничего в величественной и героической манере... Если кто-то решит продраться сквозь морены и сталагмиты слов, углубиться в нагроможденные им огромные кучи кухонных отходов, состоящих из неблагозвучных и диссонирующих многосложных слов, расколоть твердую толстую скорлупу его почти что теологического стиля, то в рассуждениях Веблена читатель обнаружит лишь набор банальностей — само собой разумеющееся представлено ужасающим, очевидное — ошеломительным.

Многое из этого, по моему мнению, Маркс сказал задолго до него, а то, что пропустил Маркс, постоянно повторяется его наследниками и преемниками. Но в этом бизнесе Маркс работал в более сложных условиях; он писал на немецком, на языке, который прекрасно понимал. Профессору Веблену удалось избежать столь неблагоприятного положения. Родившись, я полагаю в наших Штатах и прожив здесь всю свою жизнь, он добился эффекта, возможно не прибегая к специальным ухищрениям, размышлений на каком-то сверхъестественном языке — скажем, суахили, шумерском или староболгарском — и затем мучительно излагая свои мысли на маловразумительном, почерпнутом в учебниках английском языке, пусть и с богатым запасом слов. В результате

- получился стиль, воздействующий на высшую нервную систему как непрерывный грохот поездов метро. Вторым результатом стала некая дезориентация органов чувств, как при лицемерии потрясающего и сверхъестественного чуда. Третьим же результатом, если не ошибаюсь, стало прославление профессора в качестве Великого мыслителя» (H. L. Mencken, 'Professor Veblen', *A Mencken Chrestomathy* (New York: Knopf, 1949), pp. 269—270).
4. Сен-Клер пишет о поэте и пылком рикардianце Томасе де Квинси: «Де Квинси, большой почитатель Рикардо, приписывал его непонятность глубине мыслей. Естественно, говорил автор "Исповеди англичанина, употреблявшего опиум", что человек с блестящим интеллектом должен изъясняться туманным языком, трудным для понимания менее одаренными людьми...» (Oswald St Clair, *A Key to Ricardo* (1957, New York: M. Kelley, 1965), p. xxiii).
 5. Schumpeter, op. cit., note 1, p. 474. <Шумпетер И. Указ. соч. С. 621>.
 6. Предки Сениора были состоятельными купцами. В середине XVIII в. его прадед Нассау Томас Сениор перешел из иудаизма в христианство. Отец Нассау Томаса Мозес Аарон Сениор эмигрировал из Гамбурга в 1720-х гг.; он принадлежал к большой когорте испано-португальских евреев, которые были купцами и финансистами в Испании и эмигрировали в Амстердам и Гамбург.
 7. S. G. Checkland, 'The Propagation of Ricardian Economics in England', *Economica*, n. s., 16 (Feb. 1949), pp. 40—52; Ronald Meek, 'The Decline of Ricardian Economics in England', *Economica*, n. s. 17 (Feb. 1950), pp. 43—62.
 8. В числе других авторов, упрямо придерживавшихся заблуждений недопотребления в этот период можно назвать йоркширского землевладельца-протекциониста и позднее члена Парламента Эдварда Кейли (1802—1862), капитана Уильяма Петтмена и высокопоставленного королевского чиновника в Индии сэра Уильяма Слимена (1788—1856).
 9. После статьи Мика Д. П. О'Брайен в первом всеобъемлющем исследовании <жизни и творчества> Мак-Куллоха показал, что тот отказался от рикардianской трудовой теории ценности в пользу более подходящей смитианской теории издержек производства. По сути, О'Брайен продемонстрировал, что Мак-Куллох был больше смитианцем, нежели рикардianцем. См.: D. P. O'Brien, J. R. McCulloch: *A Study in Classical Economics* (New York: Barnes & Noble, 1970).
 10. Frank W. Fetter, 'The Rise and Decline of Ricardian Economics', *History of Political Economy*, 1 (Spring 1969), pp. 67—84.
 11. Цит. по: Barry Gordon, 'Criticism of Ricardian Views on Value and Distribution in the British Periodicals, 1820—1850', *History of Political Economy*, 1 (Autumn 1969), p. 380.
 12. Schumpeter, op. cit., note 1, p. 580n. <Шумпетер И. Указ. соч. С. 761>. См. также: Edwin Cannan, *A History of the Theories of Production & Distribution* (3rd ed., London: Staples Press, 1917), pp. 133—134.
 13. Frank A. Fetter, 'Rent', *Encyclopedia of the Social Sciences*, reprinted in M. Rothbard (ed.), *Capital, Interest, and Rent: Essays in the Theory of Distribution*, by Frank A. Fetter (Kansas City: Sheed Andrews & McMeel, 1977), p. 368.
 14. Лишь недавно признано, что в философии Бейли придерживался австрийского подхода, — это открытие похоронено в забытой докторской диссертации Роберта Паунера «Samuel Bailey and Classical Economics», защищенной в Лон-

- донском университете в 1956 г. См.: Denis P. O'Brien, 'Classical Reassessments', in W. O. Thweatt (ed.), *Classical Political Economy: A Survey of Recent Literature* (Boston: Kluwer, 1988), pp. 199—200.
15. Thor W. Bruce, 'The Economic Theories of John Craig, A Forgotten English Economist', *Quarterly Journal of Economics*, 52 (August 1938), p. 699.
 16. Биограф Уотли отмечал, что Оксфорд «шел по одному пути», а Уотли — по другому. Оксфорд присягнул <церковной> ортодоксии и торизму, а Уотли был сомневающимся и либералом. См.: W. J. Fitzpatrick, *Anecdotal Memoirs of Richard Whately...* (London, 1864), I, p. 56, цит. по: Salim Rashid, 'Richard Whately and Christian Political Economy at Oxford and Dublin', *Journal of the History of Ideas*, 38 (Jan.—Mar. 1977), p. 148. В 1826 г. Уотли анонимно опубликовал эмоциональный и полемический памфлет «Letters of the Church, by a Episcopalian», призывавший к лишению Англиканской церкви статуса государственной и к отделению церкви от государства. См.: *Ibid.*
 17. Профессор политической экономии Колумбийского университета преподобный Джон Маквикар адаптировал «Легкие уроки» Уотли для американской аудитории, выпустив собственный учебник для детей: John McVickar, *First Lessons in Political Economy* (1835).
 18. Laurence S. Moss, *Mountifort Longfield: Ireland's First Professor of Political Economy* (Ottawa, Ill.: Green Hill Pubs, 1976), pp. 39—42.
 19. Одним из английских авторов, признавших каталлактику в тот период, был Патрик Плау (псевдоним), который по обыкновению тех дней одновременно и вводил и объяснял термин в самом названии сочинения: *Letters on the Rudiments of Science, called, formerly, improperly, Political Economy, recently more pertinently, Catallactics* (London, 1842) <«Письма о начатках науки, некогда называвшейся прежде политической экономией, а с недавних пор более уместно каталлактикой»>. См.: Israel Kirzner, *The Economic Point of View: An Essay in the History of Economic Thought* (Princeton, N. J.: Van Nostrand, 1960), pp. 72—75.
 20. E. R. A. Seligman, 'On Some Neglected British Economists, I', *Economic Journal*, 13 (Sept. 1903), pp. 360—301.
 21. Введенный Ллойдом термин «особая полезность» обозначал то, что позже получит название «предельная полезность»; «абстрактная» или «общая» полезность впоследствии получит название «общей полезности». См.: Seligman, *op. cit.*, note 20, pp. 360—361.
 22. Кендалл родился в массачусетской фермерской семье и в 1811 г. окончил Дартмутский колледж с лучшими оценками в группе. Он стал адвокатом и переехал в штат Кентукки, где он работал поверенным, редактором и начальником почтового отделения. Он начал работать редактором влиятельной газеты «Frankfort (Ку) Argus» в столице Кентукки в 1814 г., а позже стал ведущим сотрудником «мозгового треста» джексонианцев и министром почт.
 23. Цит. по: Gordon, *op. cit.*, note 11, p. 384.
 24. Однако Бейли высказал долгожданную методологическую критику в адрес неуклюжей попытки Джеймса Милля определить увеличение ценности вина в результате созревания как своего рода мистические, косвенные затраты годового объема труда. «...Рассматривать факт как имеющий место вполне корректно только тогда, когда он реально имел место», — сардонически возразил

Бейли на утверждение Милля о том, что «вполне корректно считать, что [эквивалентный] труд был затрачен» на вино.

25. Moss, *op. cit.*, note 18, p. 67.
26. *Ibid.*, pp. 68, 201.
27. Eugen von Böhm-Bawerk, *Capital and Interest*, Vol. I, *History and Critique of Interest Theories* (South Holland, Ill.: Libertarian Press, 1959), p. 2 <Бём-Баверк О. фон. Капитал и процент. Т. I «История и критика теорий процента» // Бём-Баверк О. фон. Избранные труды о ценности, проценте и капитале. М.: Эксмо, 2009. С. 560—651>.
28. Цит. по: R. Warren James, *John Rae: Political Economist* (Toronto: University of Toronto Press, 1965), I, pp. 191—192.
29. Опубликовано в: Nassau Senior, *Outline of the Science of Political Economy* (1836), цит. по: Marian Bowley, *Nassau Senior and Classical Economics* (1937, New York: A. M. Kelley, 1949), pp. 47—48.
30. Следует отметить, что в этом отрывке Милль также делает два изъятия для якобы всепоглощающего мотива желания богатства: отвращение к труду и желание потреблять в настоящем. Но он совершенно верно добавляет, что хотя эти мотивы могут вступать в конфликт со стремлением к богатству, они «всегда сопутствуют ему как тормоз или препятствие и поэтому неотделимо присутствуют при всяком его рассмотрении».
31. Сегодня вместо используемого Сениором термина «положительной» <вар.: «позитивной». — *Перев.*> мы бы сказали «праксеологической», его термин «гипотетической» сегодня соответствует в широком смысле «позитивистской».
32. Bowley, *op. cit.*, note 29, pp. 63, 62n.

ГЛАВА 5

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ О ДЕНЬГАХ И БАНКАХ. ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. РАННИЙ ЭТАП ДИСКУССИИ О СЛИТКАХ

5.1. ОГРАНИЧЕНИЯ НА ПОГАШЕНИЕ БАНКНОТ БАНКА АНГЛИИ И НАЧАЛО ДИСКУССИИ О СЛИТКАХ

159

С момента основания в 1694 г. Банк Англии служил оплотом английской банковской системы (а в качестве банка банков — также и шотландской). Этот банк получил от правительства Британии великое множество монопольных привилегий. Он не только выступал получателем всех источников государственных финансов, но и был единственным банком, который имел право существовать в форме акционерной компании. Кроме того, никакой другой банк, имеющий более шести совладельцев, не имел права выпускать собственные банкноты. Как следствие, к концу XVIII столетия Банк Англии работал как генератор инфляции, порождаемой депозитами и, в особенности, эмиссией бумажных денег, позволявших многочисленным банкам с малым числом совладельцев («провинциальные банки») использовать банкноты Банка Англии в качестве резервов при эмиссии своих собственных банкнот. И — как будто перечисленных привилегий было мало — в случае, если Банк Англии вследствие избыточной эмиссии банкнот сталкивался с трудностями, ему было разрешено приостанавливать погашение своих банкнот металлическими деньгами и отказывать вкладчикам в выдачи денежного металла при истребовании депозитов. С момента учреждения и в течение всего XVIII в. эта привилегия выдавалась Банку Англии несколько раз. Однако никогда такое приостановление (*suspension*) <погашения банкнот металлом> или ограничение (*restriction*) <обмена банкнот на металлические деньги> не продолжалось более нескольких лет.

Однако в 1790-х гг. в истории британской денежной системы началась новая эпоха. В феврале 1793 г. между революционной Францией и коронованными главами европейских государств, возглавляемыми Англией, начались ожесточенные боевые действия, которые переросли в длительную серию войн. С небольшими перерывами эти войны продолжались до 1815 г., когда Наполеон потерпел окончательное поражение и европейские монархи вернули во Францию династию Бурбонов. Эти масштабные войны сопровождались ускоренной денежной инфляцией,

эскалацией государственных расходов и быстрым ростом британского государственного долга.

За 1780-е гг. число провинциальных банков в Англии удвоилось и к началу войны с Францией достигло почти четырехсот, причем в основе этого роста лежал инфляционный процесс кредитной экспансии. Потрясения, вызванные войной, привели к масштабному финансовому кризису, включая набеги вкладчиков провинциальных банков, а также многочисленные банкротства банков и финансовых домов. В течение 1793 г. треть провинциальных банков приостановили погашение своих банкнот и выдачу металлических денег вкладчикам, пытавшимся снять деньги с депозитов.

В течение несколько лет Банк Англии проводил осторожную и консервативную денежную политику, которая позволяла ему спастись от банкротства. Однако в конце концов финансирование военных расходов посредством инфляции, отток золота за границу, ставший следствием более высокой покупательной способности за рубежом, тяготы войны — все эти факторы в феврале 1797 г. спровоцировали масштабный набег на банки, включая Банк Англии. Провинциальные банки приостановили погашение банкнот и депозитов металлом, а правительство довершило дело, «приказав» Банку Англии прекратить платежи в металлических деньгах, т.е. установив «ограничение», которому Банк Англии подчинился с превеликим удовольствием. Теперь Банк Англии мог продолжать операции, увеличивать выдачу кредитов, осуществлять инфляцию предложения банкнот и депозитов и настаивать на том, что *его кредиторы* должны погашать выданные им ссуды, тогда как он может не беспокоиться о выполнении своих собственных обязательств в металлических деньгах. Банкноты Банка Англии фактически были неофициальным узаконенным средством платежа, на самом деле почти единственным узаконенным средством платежа (они стали таковым официально в 1812 г. и продолжали иметь этот статус вплоть до возобновления погашения металлическими деньгами в 1821 г.).

Поначалу общий взгляд на ситуацию состоял в том, что ограничение погашения банкнот Банка Англии металлом имеет чисто временный характер, что соответствовало первоначальным намерениям законодателей, предполагавших в каждый данный момент, что закон будет действовать всего несколько лет. Но ограничение погашения <банкнот и депозитов металлическими деньгами> неоднократно продлевалось и в конце концов период, в течение которого оно действовало, составил 24 года — с 1797 по 1821 г. В конце XVIII в. никто и помыслить не мог, что Великобритания будет иметь стандарт бумажных декретных неразменных денег на протяжении жизни целого поколения.

За исключением нескольких лет хождения бумажных денег Контиентального конгресса во время Американской революции, пузырей Компании Южных морей и Компании бассейна Миссисипи в начале XVIII века, недолгого периода гиперинфляции ассигнатов во время

Французской революции и случаев приостановления погашения на короткие сроки, мир жил в условиях той или иной разновидности золотого или серебряного стандарта. Все упомянутые эпизоды были катастрофичны, но, по счастью, они были весьма непродолжительными. Но на сей раз до британского общества постепенно стало доходить, что эра инфлирующих декретных денег может продолжаться вечно.

Великобритания приостановила размен на неопределенно долгое время, что позволило Банку Англии и банковской системе в целом поддержать и значительно расширить инфляционную систему частичного резервирования, уже существовавшую до этого. Соответственно Банк Англии имел возможность осуществить сильную инфляцию кредита и предложения денег в виде банкнот и депозитов. Статистика, относящаяся к тому периоду, весьма неполна, но совершенно очевидно, что начиная с 1797 г. и до окончания наполеоновских войн предложение денег увеличилось приблизительно вдвое. Эта инфляция денег имела несколько предсказуемых и вообще говоря неблагоприятных последствий. Внутренние цены взлетели, цена серебряных и особенно золотых слитков прыгнула вверх относительно официальной номинальной ценности фунта, а фунт обесценился на рынке иностранной валюты¹. Как обычно денежная инфляция и тогда осуществлялась не в ходе некоего плавного и гладкого процесса, а рывками, т.е. с периодическими остановками и возобновлениями, так что ее последствия для внутренних цен, цен слитков и курса фунта к иностранным валютам редко бывали единообразны или пропорциональны. Но общий тренд можно было бы установить безошибочно, поскольку все три эти упомянутые выше следствия в конце концов вышли на свои пиковые уровни — рост на 40—50% по сравнению со значениями до эпохи приостановления погашения металлом.

До 1800 г. невозможно было представить, что в Англии в течение десятилетий будут ходить бумажные деньги, не погашаемые металлом, поэтому денежные теоретики прошлого не размышляли о подобной экономике и не анализировали ее. Но теперь авторам, пишущим на эти темы, пришлось вплотную заняться феноменом декретных денег, — от этих авторов ждали предложений о мерах в сфере денежной политики, способных нейтрализовать нежелательные свойства новой денежной эпохи.

Дебаты по вопросам экономической политики в период запрета на погашение банкнот и депозитов металлом были сосредоточены на ценовой инфляции, обесценении фунта и оценке той роли, которую играл Банк Англии. «Буллионисты» отмечали, что причиной ценовой инфляции, роста цен на слитки денежного металла выше номинала, а также обесценения фунта было увеличение количества декретных денег. Они утверждали также, что главным источником инфляции является Банк Англии, освобожденный законом от необходимости погашать <свои денежные заместители> металлом. Их оппоненты, «антибуллионисты», пытались оправдать правительство и привилегированный Банк Англии, сняв с них все обвинения и приписав все неблагоприятные последствия

действию частных неблагоприятных факторов на тех или иных конкретных рынках. Обесценение фунта на валютном рынке они считали следствием оттока металла за границу, вызванного избыточным импортом и военными расходами Британии в части закупок за границей, — предполагалось, что это не связано ни с увеличением количества бумажных фунтов, ни с падением покупательной способности фунта. Рост цены слитков вменялся якобы имевшему место росту «реального спроса» на золото и серебро, что опять-таки считалось никак не связанным с обесценением бумажного фунта. Рост внутренних цен привлек меньшее внимание обеих спорящих сторон, хотя антибуллионисты видели причину этого роста в расстройстве торговых операций и дефиците <товарного> предложения, объясняя их войной. Для объяснений всех неприятных событий и процессов привлекались любые ситуативные объяснения, так чтобы можно было игнорировать единую интегральную причину, — расширение банковского кредита и печатание бумажных денег в возрастающих количествах. Короче говоря, антибуллионисты вернулись к меркантилистской озабоченности частными причинами и к меркантилистской концепции торгового баланса. Все предыдущие достижения в сфере теории денег и общего уровня цен, завоеванные с таким трудом, были выброшены за борт.

5.2. ДИСКУССИЯ О СЛИТКАХ НАЧИНАЕТСЯ

Сообщение об установлении ограничений на размен банкнот на металл вызвало бурную реакцию, причем доводы «за» и «против» приводились не столько по итогам углубленного экономико-теоретического анализа, сколько в порядке формулирования неких общих позитивных и негативных оценок последствий этой меры. Премьер-министр Уильям Питт Младший (1759—1806) и его сторонники настаивали на том, что для тревоги нет никаких оснований, поскольку в отличие от ассигнатов французского революционного правительства Банк Англии выпускает частные, а не государственные бумажные деньги. Этим объясняется продолвшийся почти до самого конца войны отказ правительства придать банкнотам Банка Англии статус узаконенного средства платежа, хотя политика правительства придавала им этот статус де-факто. Лидер оппозиции Чарльз Джеймс Фокс (1749—1800) осудил ограничение размена и призвал к восстановлению платежей в звонкой монете, указав также, что в конечном счете причиной того, что страна оказалась в ситуации неразменных бумажных декретных денег, стала война с Францией. Как предупреждал известный драматург и член Палаты общин от партии вигов Ричард Шеридан (1751—1816), «мы обречены на все ужасы бумажного денежного обращения».

Экономический историк и инфляционист Норман Сильберлинг с неприязнью попытожил позицию Фокса—Шеридана следующим образом:

Фокс и Шеридан возглавили тех, кто постоянно выступали против приостановки размена банкнот Банка Англии, но выступали не потому, что был нарушен какой-либо принцип финансовой науки, а потому, что приостановка размена позволяла Банку поддерживать такие виды деятельности, которые Фокс и Шеридан расценивали как милитаристскую, реакционную и в конечном итоге ведущую к банкротству государственную политику. [...] Их выразительные инвективы были направлены против такого альянса Банка Англии и правительства, который породил «грабеж и мошенничество»; они настаивали на немедленном лишении Банка Англии ответственности за государственные финансы и прекращении его участия в войне. Необходимо позволить министерству гасить долги Банка Англии (если оно будет в состоянии делать это!) и позволить банку возобновить честное погашение его банкнот².

Однако в течение первых нескольких лет казалось, что все идет неплохо. Первоначальная осторожность, с которой действовал Банк Англии, и минимальное увеличение государственного спроса на его кредиты, в сочетании с неизбежным временным лагом между эмиссией новых порций денег и ростом цен, все это не могло не породить у британцев ложного чувства безопасности. В 1799 г. существенно выросли цены на продовольствие, но антибуллионистам и прочим апологетам действий правительства в потоке бесчисленных статей легко удалось представить этот рост следствием неурожая и вызванного войной уменьшения импорта зерна. Даже Томас Мальтус, который впоследствии выступал как буллионист (по крайней мере до некоторой степени), коснулся было проблемы денежного обращения, но затем назвал увеличение количества бумажных денег «скорее следствием, чем причиной повышения цен на продовольствие»³.

Однако весной 1800 г. военные расходы и объемы финансирования государственного долга Банком Англии увеличились, что привело к обесценению фунта стерлингов на главном рынке валютных сделок в Гамбурге на 9%, тогда как золотые слитки взлетели на 9% выше своей номинальной цены. В довершение внутренние цены росли более быстро, чем до этого. Очевидно началось обесценение фунта стерлингов.

Первый этап дискуссии о слитках (1800—1804 гг.) начался, когда один из лучших буллионистов опубликовал свою знаменитую статью о причинах обесценения [фунта]. Вся предшествовавшая карьера Уолтера Бойда (ок. 1754 — 1837), состоятельного предпринимателя, стремящегося к государственным привилегиям, не содержала никаких признаков того, что он в состоянии проявить такую проницательность и догадаться о пагубных последствиях, которые несут с собой неразменные бумажные деньги. Бойд был тогда главным партнером английского банка «Бойд, Кер и компания», он проживал и вел свои операции в Париже, откуда он вынужден был бежать в 1793 г., спасаясь от разгневанных революционеров, и где он потерял собственность, конфискованную Французской

революцией (в Париж ему больше не суждено было вернуться). В Лондоне он учредил банк «Бойд, Бенфилд и Ко», став в нем главным партнером. Будучи многолетним другом премьер-министра Уильяма Питта Младшего, Бойд занял высокое положение в британском истеблишменте, став в 1796 г. членом Палаты общин — он избрался от карманного местечка своего партнера Пола Бенфилда. В 1794 г. его банк разместил в Англии бумаги важного международного займа — заемщиком был австрийский император. Кроме того, как только началась война с Францией, Бойд и Бенфилд получили огромный контракт на размещение государственного займа в 30 млн фунтов.

Однако дела пошли хуже, когда в 1796 г. Банк Англии, ссуды которого поддерживали Бойда и Бенфилда на плаву, не возобновил их с прежним дисконтом. Бойд отчаянно пытался убедить Парламент в необходимости учреждения нового комитета для эмиссии большого количества банкнот — и эта его схема получила значительную поддержку, однако все закончилось, когда против нее выступил Уильям Питт.

Бойду оставалось только попытаться получить новые ссуды в Банке Англии — в 1796 и 1797 гг. он обвинял Банк в том, что тот проводит слишком жесткую кредитную политику (ни словом не упомянув себя в числе жертв этой жесткой денежной политики, якобы проводившейся Банком Англии). Оказавшись на грани банкротства, Бойд получил финансовую помощь от своих друзей из военно-морского министерства, после чего убедил, наконец, Банк Англии выдать в 1798 г. «Бойду, Бенфилду и Ко» ссуду в размере 80 тыс. ф. ст. Но Сэмюэл Торнтон (1755—1838), заместитель главного управляющего Банка Англии и член Парламента, предупредил Питта о том, что Бойд и Бенфилд не разоряются только вследствие щедрости Банка Англии, и в итоге Питт отказался предоставить финансовому дому Бойда государственные кредиты на 1799 г. В конце концов, банк «Бойд, Бенфилд и Ко» обанкротился в марте 1800 г., результатом чего стало полное разорение Уолтера Бойда, так что он неохотно показывался в Парламенте.

Как и можно было ожидать, Бойд возложил вину за свои неудачи не на свою собственную опрометчивую привязанность к государственной кормушке, а на скупость Банка Англии. В ноябре 1800 г. Бойд пишет свое «Письмо к уважаемому Уильяму Питту», которое было опубликовано в 1801 г. и быстро завоевало известность, заставившую Бойда напечатать его в том же году вторым изданием. В «Письме», ознаменовавшем начало дискуссии о слитках, Бойд обвиняет Банк Англии не в слишком жесткой кредитной политике, но в прямо противоположном — в том, что его политика является главной причиной инфляции и обесценения фунта стерлингов.

Новообретенная слава не принесла Бойду лично ничего хорошего, и он безотлагательно бежал во Францию, рассчитывая вести там финансовые операции. В следующем году он был там арестован и просидел во французской тюрьме до конца наполеоновских войн. Затем он вернулся

в Англию, после чего написал ряд статей по финансовой проблематике, и даже опять стал членом Парламента.

5.3. «ПИСЬМО К ПИТТУ» УОЛТЕРА БОЙДА

Когда Бойд писал письмо к Питту, в его намерения не входило написание исчерпывающего труда по теории финансов. Как это сформулировал один историк, письмо Бойда осталось «статьей, принадлежащей своему времени», к тому же написанной человеком, пребывавшим в состоянии агрессивного возбуждения. В статье предполагалось, что ее читатели знакомы и в целом согласны с основными принципами денежной теории. Тем не менее, так как ни Адам Смит, ни другие экономисты-теоретики XVIII столетия не могли применять свою теорию к неразменным <на настоящие деньги> декретным деньгам, Бойд почувствовал необходимость расширить границы общепризнанной теории, чтобы она охватила эту неудобную систему, внезапно воцарившуюся в Великобритании. В процессе выполнения этой частной задачи Бойд не только инициировал дискуссию о слитках, но и дал превосходное изложение того, что получило название «позиция буллионистов», т.е. сформулировал точку зрения одной из сторон этой дискуссии.

Бойд указал на формирование трех нежелательных обстоятельств: появление премии при расчетах золотыми слитками по сравнению с оплатой бумажными фунтами стерлингов, обесценение фунта на валютном рынке и «рост цен практически на все товары — на предметы первой необходимости, товары бытового обихода и предметы роскоши, т.е. увеличение цен, за прошедшие два года постепенно распространившееся на почти все виды обмениваемых ценностей и в последнее время достигшее такой небывалой высоты». Он утверждал, что причиной возникновения всех этих трех проблем было одно и то же — уменьшение ценности фунта стерлингов, вызванное «эмиссией банкнот, не сдерживаемой обязательством уплачивать за них металлом по первому требованию». Увеличение предложения денег понижает их ценность, что принимает форму премии за золотые слитки и роста цен товаров. И «те же обстоятельства, что увеличивают ценность золота на внутреннем рынке, с необходимостью ведут к обесценению нашей валюты по отношению к валютам других стран». Бойд подытожил суть позиции буллионистов в предисловии ко второму изданию своего Письма (1801 г.): «Премия к слиткам, низкий вексельный курс и высокие цены товаров — все это является общими симптомами и последствиями чрезмерного изобилия бумажных денег».

Если предложение денег имеет решающее значение для динамики товарных цен, ценности слитков и обменных курсов, становится жизненно важно прояснить, в какой форме может предоставляться это предложение. Британские авторы XVIII в., писавшие о финансах

до Адама Смита, такие как Юм и Харрис, запутали проблему, причислив к деньгам практически все виды ликвидных активов, таких как векселя и государственные ценные бумаги. Однако в «Богатстве народов» Смит поправил дело, проведя различие между деньгами, т.е. общим средством обмена, и конечным средством платежа, и другими ликвидными инструментами, обмениваемыми *против денег*. Следуя Сми-ту, Бойд с классической ясностью проводит различие между деньгами, или «деньгами, готовыми к употреблению» (ready-money), и другими активами:

Говоря «средства обращения», или «средства обмена, участвующие в обращении» <means of circulation, or circulating medium>, или «наличные деньги» <currency>, используемые в этом письме почти как синонимы, я всегда имею в виду деньги, готовые к употреблению <ready money>, представленные банкнотами или металлом, в отличие от векселей, векселей военно-морского ведомства, векселей казначейства или других торгуемых бумаг <negotiable paper>, которые не составляют никакую часть средств обмена, участвующих в обращении, в соответствии с тем значением термина, из которого я неизменно исхожу. Первое представляет собой движитель обращения <the Circulator>, вторые являются лишь обращающимися предметами <objects of circulation>.

Но Бойд этим не ограничивается — он идет дальше Смита, став первым автором, который установил, что банковские депозиты до востребования представляют собой полноценные «деньги, готовые к употреблению», в этом отношении полностью аналогичные банкнотам. По его словам, «записи по кредиту в банковских книгах могут считаться виртуальными банкнотами, хотя они и не участвуют в обращении физически...» Экономическая мысль последующих эпох могла бы избежать многих ошибок, чреватых пагубными последствиями, и многих таких ошибок можно было бы избежать в процессе эволюции денег и банковской деятельности, если бы денежная школа, ставшая в середине XIX в. преемницей буллионистов, усвоила бы этот урок и осознала, что депозиты до востребования эквивалентны банкнотам в качестве элемента предложения денег.

Оказалось, что Бойд пошел дальше Адама Смита еще в одном важнейшем моменте. Подобно Кантильону и Тюрго, Бойд выступил против неудачной концепции, выдвинутой Юмом, а затем и Смитом, согласно которой увеличение количества денег приводит к пропорциональному увеличению «уровня цен». Рассматривая суть модели Юма, состоящую в предположении о волшебном пропорциональном увеличении предложения денег, и рассматривая последствия такого увеличения, Бойд вторит скорее Кантильону, чем Юму:

...если... каким-то сверхъестественным способом эта страна приобрела и вбросила в каждый канал обращения одно и то же количество до-

полнительных денег в золоте и серебре в один и тот же период времени, то этот приток все равно скажется на работе промышленности этой страны непропорционально; в рамках этого периода не удастся избежать громадного повышения цен на все виды собственности, *но цены будут расти не одинаковым темпом для каждого вида, но для каждого вида с разной скоростью, в соответствии с частотой или редкостью естественных контактов с деньгами каждого из них.* [Курсив мой. — М. Р.]

Согласно Бойду (а также согласно ранее писавшему об этом Смиту), если рассматривать этот пример в контексте международной экономики, такой волшебный приток золота и серебра обычно быстро вытекает из страны, ограничивая тем самым отрицательные последствия в виде инфляции, которые может нести такой поток. К сожалению, у Бойда, так же как и у Смита, механизм указанного быстрого потока, вытекающего из экономики, остался в высшей степени неясным.

По любым меркам Бойда можно считать первым автором, который применил стандартную теорию денег, бывшую тогда общепризнанным средством исследования, для изучения проблемы декретных денег, не обмениваемых на металл. Он начал с того, что показал, что так как банкноты нельзя экспортировать, то не существует механизма, который работает в случае металлических денег, когда «избыточное» количество металлической наличности утекает в другие страны. В результате рост цен, порождаемый притоком металла, не будет «таким значительным, каким он оказался вследствие эмиссии избыточного количества бумажных денег, лишенных важнейшего качества — способности к обмену на металл по первому требованию».

Говоря более конкретно, Бойд указал на то, что обесценение неразменных бумажных денег по отношению к другим валютам может выражаться и в росте цены золотых и серебряных слитков, и во вздорожании иностранной валюты на валютном рынке. Как отметил проф. Салерно, эта точка зрения представляет собой зародыш теории обменного курса, основанной на концепции паритета покупательной способности, в условиях декретной валюты, не подлежащей обмену на металл:

В сущности Бойд утверждает, что увеличение предложения бумажных денег, не погашаемых металлом, порождает общий рост внутренних цен или (что то же самое) уменьшает меновую ценность денег по отношению к товарам, что с необходимостью понижает ценность валюты страны по отношению к той иностранной валюте, меновая ценность которой осталась неизменной. Это падение ценности инфлирующей и теряющей ценность валюты проявляет себя в падении ее обменного курса. Аргументация Бойда содержит зародыш теории, согласно которой обменный курс валюты определяется паритетом ее покупательной способности, что, конечно же, представляет собой логическое следствие применения денежной теории к условиям бумажных денег, не подлежащих погашению металлом⁴.

Помимо этого Бойд задал тон для всех последующих буллионистов, возложив всю вину за денежную инфляцию на Банк Англии, а не на провинциальные банки. Бойд отметил, что провинциальные банки не могли бы увеличить количество своих банкнот в обращении, если бы не была пропорционально увеличена резервная база этой эмиссии. А эта резервная база состояла из банкнот Банка Англии. Провинциальные банки оставались под действием того же спасительного регулирования, под действием которого пребывал и Банк Англии до того, как был введен запрет на погашение его банкнот металлом. Точно так же, как банкноты Банка Англии подлежали погашению металлом по первому требованию, банкноты сельских банков подлежали немедленному погашению банкнотами Банка Англии. Коренная причина, породившая все проблемы, состояла в отходе от обязательного погашения металлом, который был разрешен правительством Банку Англии. Как писал Бойд:

Обращение банкнот провинциальных банков с необходимостью должно быть пропорционально суммам в металле или в банкнотах Банка Англии, необходимых для погашения <банкнот провинциальных банков>, предлагаемых для оплаты; но бумажные деньги Банка Англии не имеют подобного ограничения. Они сами по себе стали тем (чем должны быть только монеты страны), что образует исходный элемент, к которому сводится все бумажное обращение страны. Банк Англии представляет собой великий источник всех видов средств обращения страны; и увеличение или уменьшение количества его бумажных денег неизбежно регулирует увеличение или уменьшение количества таких денег, выпускаемых каждым провинциальным банком...

Уолтер Бойд следует Адаму Смиту, и, к величайшему сожалению, он вторит также и тем похвалам, которые Смит расточает политике увеличения количества погашаемых банкнот частных эмитентов, считая такую организацию денежного обращения менее затратной и более эффективной системой, — Смит уподоблял банкноты «хорошей шоссейной дороге» и сравнивал их с наличием «своего рода воздушного пути» (хотя сам Бойд не использует это конкретное уподобление Смита). Но, будучи непоколебимым последователем Смита, Бойд, в условиях новой реальности декретных денег, оказался столь же непоколебимым противником эмиссии неразменных банкнот в качестве декретных денег. Бойд осуждает неразменные, или «принудительные», бумажные деньги как «шарлатанскую медицину, что, не умея исцелить недуг, создает лишь искусственную видимость здоровья, а на самом деле тайно подрывает жизненные силы страны, прибегающей к этому средству». Бойд приходит к выводу о том, что восстановление денежного обращения «в его первоизданной чистоте» было бы «не только подходящей и практичной, но и совершенно обязательной мерой, необходимой для предотвращения бесчисленных бедствий, которые с неизбежностью должны быть порождены неконтролируемым обращением бумажных денег, не обмениваемых на металл».

Бойда вполне можно считать «последовательным сторонником металлических денег», и поэтому его аргументация весьма изощрена. Он полностью отдавал себе отчет в том, что некие частные «реальные» факторы — такие как рост государственных расходов за границей, внезапный дефицит продовольствия или «внезапное уменьшение доверия иностранцев к фунту стерлингов вследствие каких-либо бедствий национального масштаба» — могут повлиять на все цены и на положение фунта на зарубежных валютных рынках. Но он также понимал и то, что подобные воздействия могут быть лишь незначительными и временными. Главная же причина фактической динамики цен и обменного курса, наблюдавшихся не в каком-то там долгосрочном периоде, а буквально *все* время (за краткими исключениями), состояла в изменении под влиянием денежных факторов спроса на деньги и предложения денег. «Реальные факторы» могли оказывать значимое воздействие на обменный курс и общий уровень цен только посредством изменения состава и интенсивности рыночного спроса на деньги. Но так как рыночный спрос на деньги никогда не является ни однородным, ни постоянным и, равным образом, никогда не изменяется пропорционально, то изменения реальных факторов почти всегда будут оказывать воздействие на спрос на деньги. Как указывает проф. Салерно,

167

...поскольку изменения реальных факторов всегда трактуются как «возмущающие эффекты», т.е. как выигрыши и потери дохода и богатства затронутых ими участников рынка, то не является невероятным, что первичные возмущения немонетарной природы необязательно влекут за собой относительные изменения спроса на деньги у всех участников рынка в масштабах страны в целом. [...] В условиях отсутствия обмена <бумажных денег на металлические> относительные изменения спроса на валюты разных стран, их количества, оставаясь неизменными, отражались бы в долгосрочном увеличении или уменьшении их ценности на зарубежных валютных рынках⁵.

Мы должны здесь подчеркнуть огромное различие, которое в экономической теории проводится между краткосрочным и долгосрочным периодом. В частности, в теории цены краткосрочный период имеет преимущественное значение, поскольку предметом этой теории является цена реального рынка, тогда как цена, рассмотренная в долгосрочном периоде, представляет собой долгосрочную тенденцию, реализующуюся в конечном счете, которая никогда не реализуется фактически, и может иметь место, только если все параметры рынка будут заморожены на период в несколько лет. Иначе говоря, мы можем существовать в условиях невероятного, если не невозможного мира долгосрочного равновесия (в котором все прибыли и убытки равны нулю), если все ценности, технологии и ресурсы зафиксированы на многие годы. Но в теории денег порядок важности этих двух аспектов обратный, так как в этой теории влияние частных реальных факторов на уровень цен, обменные курсы и платежный баланс представляет собой нечто мимолетное, нечто, что определяется общими факторами — спросом на деньги и их предло-

жением. Воздействие, оказываемое денежными факторами, не является долгосрочным (в том смысле, что оно реализуется спустя много времени, в отдаленном будущем), — в реальном мире оно лежит в основе всего в каждый момент времени и имеет главенствующее значение. Воздействие денег, соответствующее долгосрочному периоду общего экономического равновесия, предполагает наличие таких условий, в рамках которых в мире, где поддерживается золотой стандарт, все уровни цен и все ставки реальной заработной платы будут одинаковы или строго пропорциональны относительным весам золота, представляющего собой денежные единицы разных стран. В мире декретных денег, курсы которых свободно колеблются, возникнет ситуация, когда все уровни цен были бы строго пропорциональны меновым отношениям между валютами, сформированными на международных валютных рынках. Но определяющее влияние, оказываемое спросом на деньги и предложением денег на уровень цен и обменный курс, в реальном мире имеет место в каждый момент времени, и это влияние превосходит воздействие преходящих изменений в ценах и расходах, диктуемых специфическими обстоятельствами. Следовательно, анализ реального мира, который всегда должен иметь главенствующее значение, включает в себя анализ цены в краткосрочном периоде и экономико-теоретические построения о деньгах, формулируемые для периода, являющегося чуть более долгосрочным (но все же далеко отстоящего от состояния конечного равновесия).

Посмотрим на проблему несколько иначе. В условиях реального мира все цены определяются взаимодействием между спросом и предложением. Для цены отдельного блага это означает — взаимодействием между потребительскими оценками и потребительским спросом на запас данного блага: таковы спрос и предложение реального мира. В этом состоит микроэкономический анализ в краткосрочном периоде. Для всех цен, или для «уровня цен», релевантное понятие спроса и предложения представляет собой спрос на деньги и предложение денег, т.е. результат индивидуальных оценок полезности данного запаса денег в каждый момент времени. И будучи равным образом реальным главенствующим фактором в «макроэкономическом аспекте», спрос и предложение денег оказывают определяющее воздействие в несколько более долгосрочном периоде, чем те поверхностные «реальные» факторы, связанные с конкретными обстоятельствами, на которые указывают сторонники бумажных денег всех времен.

5.4. БУРЯ, РАЗРАЗИВШАЯСЯ В ОТВЕТ НА ПИСЬМО БОЙДА: ОТВЕТ АНТИБУЛЛИОНИСТОВ

Публикация, принадлежащая перу автора, обладавшего таким авторитетом и престижем, как Бойд, больно задела банковский истеблишмент Британии⁶. Ответом истеблишмента стал шквал статей, направленных

против Бойда, часть которых субсидировались правительством. Главным в этих публикациях была защита действий Банка Англии и попытка возложить вину за нежелательные последствия инфляции и обесценения валюты на пеструю смесь «реальных» факторов, а не на факторы, лежащие на денежной стороне менового отношения. Наиболее видным автором, которому Бойд смог возразить во втором издании «Письма», опубликованном спустя несколько месяцев после первой публикации, был сэр Фрэнсис Бэринг (1740—1810), основатель знаменитого банковского дома Baring Brothers and Co.

Бэринг происходил из семейства, занимавшегося швейным производством в Эксетере. Окунувшись в Лондоне в торговые операции, Бэринг основал свою собственную торговую компанию, стал мультимиллионером и получил славу главного торговца Европы. Помимо торговой и банковской деятельности Бэринг вошел в совет директоров Ост-Индской Компании (а позже стал его председателем), а также в течение многих лет избирался депутатом Парламента от партии вигов. Интересно, что когда ограничение обмена банкнот на металл было установлено, Фрэнсис Бэринг в своей первой статье на тему денег, хотя и выказал энергичную поддержку этому шагу, видя в нем чрезвычайную меру, продиктованную военной необходимостью, с тревогой указал на неизбежное обесценение национальной валюты, которое будет сопровождать чрезмерный выпуск бумажных денег, и предложил ввести строгий лимит на объем эмиссии Банком Англии его банкнот. Два издания этой статьи, «Наблюдения над устройством Банка Англии» («Observations of the Establishment of the Bank of England», 1797), разошлись очень быстро, а позже в том же году появилось приложение к ней, «Дальнейшие наблюдения» («Further Observations»).

Однако теперь, когда Банк Англии оказался под огнем убедительной критики, сэр Фрэнсис поспешил выступить в его защиту, забыв свои прежние возражения и предостережения. В статье «Замечания на публикацию Уолтера Бойда» (Observations on the Publication of Walter Boyd, 1801) Бэринг доводит до абсурда свою аргументацию в защиту Банка Англии от обвинений в том, что его действия стали причиной увеличения внутренних цен, ссылаясь на тот факт, что обесценение фунта на зарубежном валютном рынке было меньше, чем рост цен. Однако Бойд вовсе не утверждал, будто рост всех цен одинаков, что он отметил в своем ответе на критику. Бэринг также провозгласил (сделав весьма уязвимое утверждение), что увеличение предложения денег может затронуть *только* обменные курсы фунта к другим валютам, но не внутренние цены.

Другим завзятым защитником Банка Англии и антибуллионистом, вступившим в полемику в тот период, был Генри Боуз (1763—1827). Он присоединился к дискуссии в 1802 г. и в период 1802—1811 гг. написал ряд статей против буллионистов. Он настаивал на том, что в условиях отсутствия размена бумажных денег на металлические обменные курсы

никак не связаны с предложением денег, что они определяются только платежным балансом, который, в свою очередь, предполагается зависящим исключительно и только от реальных, а не от денежных факторов. Как утверждал Боуз, демонстрируя при этом упрямый догматизм, «обменный курс определяется под воздействием баланса международных операций, и более ничем иным (если не принимать во внимание великие политические потрясения)». В трактате 1802 г. «Гинеи: излишнее и дорогое обременение торговли» («Guineas: an Unnecessary and Expensive Incumbrance on Commerce») Боуз, как о том говорит название работы, доводит аргументацию в пользу ошибочной концепции Адама Смита, который уподобил бумажные деньги воздушным путям, до логического завершения: ограничения [на размен] оказывают столь благоприятное действие, что должны сделаться постоянными, будучи «постоянно действующей мерой благоразумной и здравой денежной политики».

Кем был этот Боуз, столь активный защитник инфляции и декретных денег? Он родился на полуострове Корнуолл, несколько лет жил в Бретани, после чего переехал в Лондон, где в 1788 г. стал клерком по особым поручениям банковской фирмы «Рэнсом, Морланд и Хаммерсли». Когда через год разразилась Французская революция, его многочисленные связи во Франции предоставили ему прекрасную возможность разбогатеть, в ходе организации поддержки многочисленным французским состоятельным эмигрантам из числа духовенства и дворянства, хлынувшим в Англию. Карьера Боуза в его банке быстро пошла в гору, — он стал старшим клерком, а в 1799 г. и управляющим партнером. Он был также известным протестантским активистом, членом и главой Лондонского миссионерского общества и основателем Британского и зарубежного библейского сообщества. После возвращения в Корнуолл в 1809 г. Боуз стал партнером банка «Пензанс Юнион» и мэром городка Пензанс.

5.5. ГЕНРИ ТОРНТОН: АНТИБУЛЛИОНИСТ В ОВЕЧЬЕЙ ШКУРЕ

Несмотря на то что дискуссия о слитках изучена очень подробно, историки экономической мысли испытывают значительные трудности в попытках определить и проанализировать различные доктрины, выдвинутые членами лагеря буллионистов. Обычно они группируют их в две категории: группу радикалов, или жестких буллионистов, состоящую из Уитли и Давида Рикардо, о котором речь будет идти ниже, и остальных, включая Генри Торнтон, которых историки мысли причисляют к лагерю умеренных. Предполагается, что содержательные вопросы концентрируются вокруг фигур Уитли и Рикардо ввиду их бескомпромиссной приверженности идее о значимости долгосрочных факторов и отрицании ими какой-либо роли реальных факторов, которую эти факторы могли бы играть при определении цен, обменных курсов и платежного

баланса. Считается, что, с другой стороны, все остальные буллионисты, будучи умеренными, должны полагать, что реальные факторы часто играют преобладающую роль и что вряд ли можно точно указать на те факторы, влияние которых будет доминировать в той или иной конкретной ситуации.

Недавно проф. Салерно сделал весомый вклад в улучшение понимания этой проблемы, предложив значительно более совершенную схему экономико-теоретического анализа взглядов различных авторов, высказывавшихся на эти темы. Он отметил, что в действительности Бойд (как мы видели выше) и лорд Кинг (еще один видный буллионист, о котором речь пойдет ниже), на самом деле были по-настоящему радикальными (а не умеренными) буллионистами, и что их можно отнести к радикалам, поскольку они понимали, что главную роль всегда играют денежные факторы, даже несмотря на то, что реальные факторы могут оказывать временное воздействие. Таким образом, участники дискуссии о слитках делятся на следующие группы: лагерь радикальных буллионистов, который теперь включает в себя: (а) Рикардо и Уитли, игнорировавших все временные и реальные факторы и краткосрочные процессы, несколько механистически фокусируясь исключительно на долгосрочном периоде; и (б) Бойда и — позже — лорда Кинга, которые исследовали краткосрочные процессы и действие реальных факторов, но при этом понимали, что долгосрочные денежные факторы всегда имеют главенствующее значение. Кроме того, существовала группа (в), образованная умеренными буллионистами, такими как Генри Торнтон, выступавшими как агностики по вопросу о том, какие факторы — реальные или денежные — оказывают главное воздействие в каждый данный момент времени. Наконец, имеется группа (г), в которую входят антибуллионисты, игнорировавшие все факторы, имеющие денежную природу. Понятно, что проф. Салерно положительно оценивает труды авторов группы (б), поскольку именно они осуществили корректный экономико-теоретический анализ⁷.

Нам представляется, однако, что проф. Салерно недостаточно последователен. Если, проявляя недюжинную проницательность, он полностью осознает различия между группами (а) и (б), то причисление их к одному и тому же лагерю свидетельствует о некоторой путанице. Это становится совершенно ясно, если мы полностью отбросим различие между радикальной и умеренной позициями. Назовем группу (б) последовательными (complete) сторонниками слиткового стандарта, а группу (а) — «негибкими» (rigid), или «механицистскими» (mechanistic), буллионистами. Что касается группы (в), то авторы, подобные Генри Торнтону, вообще не заслуживают того, чтобы считаться буллионистами. Разумеется, они являются умеренными, хотя более правильно было бы называть их «путаниками». Завязнув в своих построениях, когда для каждого отдельного случая выдвигается отдельное объяснение, в каждой конкретной ситуации они точно так же могут обрывать эти

построения, как и антибуллионисты, отличаясь этим от его сторонников. Действительно, Генри Торнтон начал свою карьеру денежного теоретика как умеренный *антибуллионист*, занимая именно эту позицию, когда он представил в 1802 г. свою знаменитую работу. Позже, когда обесценение фунта и рост цен продолжились, Торнтон заключил, что силы, оказывающие преимущественное воздействие, стали действовать иначе, и он переменял свое мнение, получив в истории науки незаслуженную репутацию буллиониста, подписав позже знаменитый Доклад комитета о слитках (Bullion Committee Report, 1811), в котором рекомендовалось восстановление золотого стандарта. Однако Торнтон остался умеренным. Сосредоточившись на позиции, занятой Торнтоном в последние годы и соединив ее с теоретическими положениями, сформулированными им десятилетием ранее, историки экономической мысли могли лишь запутаться и сбиться на чрезмерные восхваления Торнтонна, ошибочно причислив его к лагерю буллионистов.

В период возрождения интереса к фигуре Торнтонна, который начался в XX в., было отмечено, что историки прошлого были несправедливы к нему, когда объясняли смещение в его взглядах на роль Банка Англии в пользу этого учреждения тем, что он был одним из директоров Банка Англии. То, что сам он не был членом совета директоров Банка Англии, не подлежит сомнению, однако его старший брат Сэмюэл Торнтон был членом совета директоров и заместителем главного управляющего. Директорами Банка Англии были также дед Генри Торнтонна Роберт, как и брат Роберта — Годфри.

Генри Торнтон происходил из старинной и прославленной купеческой династии. Его прадед Джон Торнтон в конце XVII и начале XVIII в. был купцом из Халла, который тогда относился к графству Йоркшир. Сын Джона переехал в Лондон и стал здесь влиятельным торговцем, занимавшимся, в частности, торговлей с Россией и странами Балтии. Отец Генри, также названный Джоном, продолжил дело своего отца в части операций с Россией (его называли «русским купцом в Лондоне»), став партнером в фирме «Торнтон, Корнуолл и компания». Под влиянием Джона Уэсли начиная с 1750 г. он стал также активным членом и финансовым спонсором первой волны протестантского движения так называемой нижней ветви Англиканской церкви. Джон Торнтон перечислял огромные суммы на благотворительность, в особенности для раздачи за границей бесчисленных экземпляров Библии и молитвенников. Поскольку Торнтонны и некоторые другие семейства, бывшие членами этого движения, проживали в лондонском районе Клэпхем, со временем их стали называть клэпхемской сектой.

Генри Торнтон получил лишь отрывочное образование, — в раннем возрасте он начал работать в бухгалтерских конторах своих родственников и — позже — своего отца. Вскоре после этого (в 1784 г.) он покинул семейную фирму, став соучредителем банковского дома «Даун, Торнтон и Фри», активным партнером которого он оставался до самой смерти.

Торнтону удалось превратить небольшое банковское учреждение в один из крупнейших банков лондонского Сити. В 1788 г. Генри Торнтон присоединился к отцу и нескольким родственникам, став членом совета директоров Русской компании. В 1782 г. он был избран в Парламент, присоединившись к своим братьям Сэмюэлю и Роберту. Как и они, Генри Торнтон оставался членом Парламента до конца жизни.

Генри Торнтон был не только выдающимся банкиром, членом Парламента и человеком, тесно связанным с советом директоров Банка Англии. Он был также признанным лидером и патроном клэпхемской секты, а его дом в Клэпхеме служил фактической штаб-квартирой евангелического движения. Один из его ближайших друзей Уильям Уилберфорс принадлежал к очень влиятельному семейству, члены которого в течение долгих лет дружили с представителями семейства Торнтонов, кроме того, Уилберфорсы были связаны с Торнтонами взаимными браками. Уильям Уилберфорс стал членом Парламента примерно в те же годы, что и Генри Торнтон, и свидетельством их искренности, аскетизма и морального энтузиазма может служить тот факт, что в Парламенте они образовали независимую «партию святых». Уилберфорс стал главной движущей силой движения за отмену рабства в Британской Вест-Индии, которое в конце концов завершилось успехом.

В 1796 г. Генри Торнтон женился на Марианне Сайкс, дочери другого «торговца с Россией» из Халла, который так же был многолетним другом семейства Торнтонов. У них было девять детей. Свою интеллектуальную энергию Торнтон направлял преимущественно на религиозные дела, активно участвуя в жизни евангелической общины; будучи признанным экспертом в банковском деле и финансах, за всю свою жизнь он написал лишь свою знаменитую работу 1802 г., посвященную проблемам кредита в условиях бумажных денег, и участвовал в подготовке Доклада комитета о слитках. Остальная часть его внушительного письменного наследия представляет собой сборники семейных молитв, комментарии к Библии, предназначенные для семейного пользования, семейная переписка и множество статей о политике, литературе и религии, подготовленные для журнала клэпхемской секты «Христианский обозреватель», который он помог основать.

После смерти Торнтона в 1815 г. его место старшего партнера банка занял сэр Питер Поул. Какое-то время банк процветал, но вскоре оказалось, что у него имеется недостаточность капитала при чрезмерном масштабе операций, и в 1825 г., как и множество менее крупных сельских банков, он попал в кризис. Вскоре он обанкротился, несмотря на дружескую чрезвычайную ссуду в размере 300 тыс. ф. ст., полученную от Банка Англии. Ирония судьбы состоит в том, что при тех воззрениях на денежную теорию, которые были у Генри Торнтона, имеются свидетельства о том, что двумя господами, несущими наибольшую ответственность за дурное управление банком, были сэр Питер Поул и сам Генри Торнтон. В частности, по всей видимости, именно Торнтон положил

начало опасной практике склонения провинциальных банков Йоркшира держать свои депозиты в его банке в Лондоне.

Крахи банков не были чем-то неизвестным для Торнтон. Именно временный крах его банка в 1793 г. направил его мысль к проблемам банковской деятельности и привел к выводу, что Банк Англии должен играть роль поддержки [банков], проводя экспансионистскую политику. Как писал о финансовом кризисе 1793 г. теоретик банковского дела Томас Джоплин в сочинении «Анализ и история проблемы денежного обращения» («Analysis and History of Currency Question», 1832),

интересно отметить, что мистер Торнтон, будучи банкиром и партнером в банке, который потерпел в тот раз крах, обратил свое внимание именно на этот предмет, и что значительная часть его работы о государственном кредите посвящена тому, чтобы показать, что в период паники Банку Англии следует проводить политику увеличения, а не сокращения эмиссии своих банкнот⁸.

Когда в 1797 г. был приостановлен обмен банкнот Банка Англии на металл, Генри Торнтон оказался единственным лондонским банкиром, которого попросили выступить перед комитетами Палаты лордов и Палаты общин с экспертным мнением о последствиях этого шага. Влияние Торнтон усиливалось его многолетней дружбой с Уилберфорсом и премьер-министром Уильямом Питтом (зять Питта был первым арендатором одного из домов, принадлежащих Торнтону). Результаты его раздумий совершенно не удивительны для человека, имевшего такой статус и такое происхождение, как у Торнтон. Стоя на инфляционистских позициях, что было характерно для истеблишмента, к которому он принадлежал, Торнтон высказал мнение, что во время кризиса выпуск бумажных денег не должен ни ограничиваться, ни приостанавливаться, так как подобные меры станут ударом для торговли. Наоборот, Банк Англии должен прекратить платежи в металле — с тем, чтобы избежать даже призрака денежного сжатия и общего экономического краха. Торнтон, без сомнения, вселил оптимизм в сердца руководителей Банка Англии, покритиковав их за то, что они проводят недостаточно экспансионистскую политику!

После выступления перед комитетами Парламента Торнтон приобрел репутацию главного авторитета в денежных делах; он был назначен в несколько парламентских комитетов по денежному обращению, государственным расходам и вексельным операциям. Торнтон действительно стал лидером парламентских защитников ограничения обмена банкнот на металл и расширения бумажного кредита.

Мы легко можем представить себе, что почувствовал Генри Торнтон по отношению к «Письму к Питту» Уолтера Бойда, когда на рубеже 1800 и 1801 г. эта публикация поразила английское общественное мнение подобно удару молнии. Перед его умственным взором предстал этот малый с его обширными связями, оказавшийся, однако, никудышным предпри-

нимателем, этот жулик, которого довел до банкротства его собственный брат, убедив Банк Англии отключить его от кредита. И вот, спустя всего несколько месяцев после того, как этого человека постигла та судьба, которую он заслужил, он возник опять, пытаясь заработать на дискредитации почтенной банковской и кредитной системы Англии. Торнтон был задет за живое — он постарался отбить нападки опасного Бойда, и именно эту цель он преследовал, публикуя «Исследование природы и последствий бумажного кредита Великобритании» («An Enquiry into the Nature and Effects of the Paper Credit of Great Britain»), появившееся в феврале или марте 1802 г., спустя год после выхода в свет «Письма к Питту»⁹.

Однако вначале, в декабре 1800 г., Торнтон подверг Бойда критике в Парламенте. И это выступление, и вышедшая позже книга говорят прежде всего о занимаемом им высоком положении, — он старается произвести впечатление рассудительного и умеренного государственного деятеля. Ведь на подобном мероприятии всегда присутствует масса людей, которые твердо убеждены в том, что чем более квалифицированным и обоснованным является суждение, тем более сбалансированным и мудрым оно должно быть. Гладкость формулировок, в особенности тех, что использует человек, занимающий высокое положение, слишком часто ошибочно принимается за мудрость.

На этой ранней стадии дебатов о цене слитков сентиментальность Торнтона неумолимо повела его в ложном направлении. В своей парламентской речи он указал, что обесценение фунта стерлингов на зарубежных валютных рынках вызвано не увеличением количества бумажных денег, а неблагоприятным торговым балансом и, более конкретно, слишком большим импортом продовольствия. В соответствии с воззрениями антибуллионистов предполагалось, что импорт и экспорт живут своей собственной жизнью, определяясь теми или иными частными обстоятельствами, что на них не оказывают воздействия относительные цены товаров и спрос и предложение денег. Однако антибуллионистская позиция Торнтона была в высшей степени «умеренной»: он заключает, что существует теоретическая возможность того, что увеличение предложения денег может привести к повышению цен:

...что до утверждения, согласно которому увеличение Банком Англии эмиссии своих банкнот было причиной удорожания жизненных припасов, он [Торнтон] не стал бы отрицать, что такое суждение может иметь определенные основания, но он хотел бы заявить, что последствия такой политики оказались далеко не столь велики, как предполагалось...

Книга Генри Торнтона о бумажном кредите представляет собой существенно расширенную версию этой его парламентской речи, и именно «Бумажный кредит» занял место не только в ряду главных работ антибуллионистского направления, но и в ряду книг, оказавших наиболь-

шее влияние на обе стороны дебатов. Время ее появления оказалось чрезвычайно удачным, поскольку идея и практика ограничения размена в 1802 г. особенно сильно стали нуждаться в защите. В марте был подписан мир с Францией, но британское правительство настойчиво стремилось продлить запрет размена банкнот и на следующий год. В начале 1803 г. война с Францией возобновилась, но в течение предыдущего года наиболее убедительная причина прекращения обмена банкнот Банка Англии на металл (необходимость военного времени) не действовала. Другие трактаты против возобновления размена едва ли могли составить конкуренцию работе Торнтонна, — начиная с работы Джаспера Аткинсона, опубликованной анонимно («Соображения об обоснованности возобновления Банком Англии платежей в металле» («Consideration on the Propriety of the Bank of England Resuming its Payment in Specie...»)), в которой отрицался сам факт инфляции, и кончая другим анонимным сочинением, в котором ошибочная теория Адама Смита о наличии автоматических пределов к расширению банковского кредитования прилагается к ситуации неразменных бумажных денег, т.е. к ситуации, на которую Смит никогда не распространял свою теорию («Анализ полезности провинциальных банков» («The Utility of Country Banks Considered»)).

Торнтон обезоружил многих своих критиков, допустив как теоретическую возможность, что избыточная эмиссия бумажных денег может быть причиной увеличения цен, оттока золота, повышения цен на золотые слитки и обесценения фунта, но заявив в то же время, что такая ситуация не имеет места в настоящий момент и что реальной проблемой дня являются связанные с действием временных реальных факторов необычно высокий спрос на золото, необычайно высокий импорт продовольствия и такое чрезвычайное обстоятельство, как блокада английского экспорта.

Торнтон проявил недюжинный ум, посвятив значительную часть книги предполагаемым ужасам дефляции, безработице и сжатию банковского кредита. Дефляция должна привести к депрессии в торговле, к безработице и банкротствам. Более того, он утверждал, что дефляция не позволит даже достичь профицита во внешней торговле и обеспечить соответствующий приток золота, поскольку дефляция «настолько угнетает торговлю и препятствует промышленной деятельности, что уничтожает источники возвращения богатства, на которые мы должны возлагать главные надежды, как на средство восстановления нашего <внешнеторгового> баланса». Торнтон не удосужился понять, что если времена действительно так плохи, то англичане вряд ли получают настолько высокие доходы, что они могут поддерживать значимое превышение импорта над экспортом. Как и все агитаторы против дефляции в то время, он также не понимал, что дефляция вызывает убытки и банкротства только тогда, когда она неожиданна, когда она выявляет избыточно высокие ставки заработной платы и другие завышенные издержки. Помимо оздоравливающего эффекта, состоящего

в расчистке экономики от неразумных инвестиций и неплатежеспособных банков, дефляция имеет лишь ограниченные и временные последствия — во-первых, потому что если инфляция является технически беспредельной (т.е. она продолжается, пока ценность денег не окажется полностью разрушенной), то дефляция с необходимостью ограничена размерами превышения банковской эмиссией количества металла, лежащих в ее основании; и во-вторых, дефляция прекращает порождать депрессию, как только завышенные издержки падают до уровней, характерных для периода до начала инфляции.

На самом деле Торнтон признает, что падение цен и депрессия, вызванная денежной дефляцией, были бы «необычным» и «временным» феноменом. Но он предвосхищает Кейнса, привлекая внимание к такому явлению, как жесткость ставок заработной платы, так как:

...падение цен, порождаемое временными потрясениями, скорее всего, не будет сопровождаться соответствующим падением ставок заработной платы, — поскольку и падение цен, и потрясения будут восприниматься как нечто временное, тогда как ставки заработной платы, как мы знаем, не так изменчивы, как товарные цены. Поэтому существуют причины, по которым следует опасаться того, что неестественно и ненормально низкие цены, порождаемые такими разновидностями потрясений, о которых мы сейчас говорим, вызовут сильнейший упадок в промышленном производстве.

Здесь возникают две проблемы. Во-первых, если даже потрясения в экономике, вызванные ошибочными расчетами предпринимателей и завышенными ставками заработной платы и других издержек, и впрямь имеют временный характер, то нет никаких причин, по которым падение цен не должно быть постоянным. В предшествующий период цены были искусственно завышены в ходе денежной и кредитной экспансии, так что их падение просто-напросто отражает сжатие кредита до более нормального уровня. Понимание того, что снижение цен имеет постоянный характер, сильнейшим образом ускорит действие механизмов коррекции. Во-вторых, если работники настаивают на том, чтобы их запросы в отношении заработной платы оставались на уровне выше рыночного, они могут винить только себя за то, что остаются без работы. Удержание людей выше рыночного равновесия, включая ставки заработной платы, всегда приводит к образованию непроданного излишка товаров или услуг. Если речь идет о труде, это будет непроданное рабочее время, или безработица. Если работники хотят изменить свой статус безработных, им нужно лишь уменьшить свои запросы по заработной плате, с тем чтобы расчистить рынок и позволить самим себе получить предложение о найме. Мы должны также признать, что в такой ситуации, когда цены падают, а ставки заработной платы остаются постоянными, работники тем самым настаивают на более высоких ставках *реальной заработной платы*, чем та, что они получали ранее. Почему тот факт, что работники

требуют повышения ставок реальной зарплаты, должен повлиять на переход центрального правительства к инфляционной политике?

Таким образом, выражая тревогу в отношении дефляции, на самом деле Торнтон призывал Банк Англии к нейтрализации оттока золота, с тем чтобы заблокировать действие механизма взаимной адаптации цен и потоков денежного металла и помешать восстановлению равновесия платежного баланса. Вместо этого он хотел, чтобы Банк Англии перешел к инфляционной эмиссии банкнот для замены утекающего потока золота, — в надежде на то, что эти смутные долгосрочные принципы «реальной» экономики и «реальных усилий», определяющие расходы и доходы, в конце концов заработают и уравновесят импорт и экспорт. Торнтон пишет:

...для Банка Англии может быть правильной политикой и даже долго разрешить в течение какого-то времени и в какой-то степени продолжить этот неблагоприятный обмен, который позволяет золоту покидать страну, опустошая свои собственные сундуки, — и в этом случае Банку необходимо увеличить выдачу ссуд в той же мере, в какой уменьшились его запасы золота.

Работа Торнтонна удостоилась чрезмерных похвал со стороны Хайека и других историков, называвших ее превосходной с точки зрения экономической теории, несмотря на сделанные там достойные сожаления выводы для экономической политики, соответствующие позиции антибуллионистов. Однако теоретические слабости этой книги отнюдь не исчерпываются тем, что он приписывает дефляции всякие ужасы, или его упором на якобы имеющее место доминирующее значение реальных факторов, упором, который он делает, анализируя обесценение фунта и инфляцию. Все его теоретические построения односторонни, — все они содержат перекося в сторону реальных и краткосрочных факторов, все они почти ничего не говорят о присущей экономике тенденции к долгосрочному равновесию. Даже то поверхностное обсуждение долгосрочного аспекта, которое имеется у Торнтонна, полностью отделено от краткосрочного периода и от его *денежной* природы. Нельзя не сказать и о том, что Торнтон, таким образом, упускает из виду спрос на деньги и предложение денег, лежащие в самой основе краткосрочных процессов, ведущих к равновесию. Проф. Салерно, снабдивший нас примечательными критическими соображениями по поводу Торнтонна, пишет об этом следующее:

Не имея концепции международного денежного равновесия, он вынужден объяснять тенденцию к установлению равновесия платежного баланса, ссылаясь на туманную предположительно имеющую место склонность людей «приспосабливать свои индивидуальные расходы к своим доходам». Это находится в резком противоречии с позицией радикальных буллионистов и их предшественников, писавших в XVIII в., которые неизменно начинали анализ проблемы платежного

баланса с обсуждения природы и необходимости международного денежного равновесия, и *лишь затем* объясняли тенденцию к установлению равновесия платежного баланса как логическое следствие тенденции к равновесному распределению мирового запаса денег¹⁰.

Действительно, вся структура и организация книги как бы склоняют Торнтон в сторону краткосрочных реальных факторов и отвращают его взор от малейшего следа денежного подхода к анализу инфляции и платежного баланса¹¹.

Подытожим сказанное. Корректная теория последовательных буллионистов (например, по версии Бойда или лорда Кинга) подчеркивает важность денежных факторов, действие которых ведет к денежному равновесию, тогда как последствия действия реальных факторов, как показывает эта теория, могут иметь только временный характер. Анализ действия реальных факторов встроен в анализ действия денежных факторов и в каждый момент подчинен ему. Кроме того, анализ краткосрочных процессов интегрирован с анализом долгосрочных. Однако в рамках позиции Торнтон, являющейся умеренно антибуллионистской (иногда ошибочно трактуемой как умеренно буллионистская), реальные и денежные факторы представлены как действующие изолированно и независимо одни от других, причем реальные факторы представлены как эмпирически более важные. Аналогичным образом на первый план выведены краткосрочные факторы, с тем чтобы можно было пренебречь долгосрочными.

Шумпетер и другие историки мысли до небес превозносят Торнтон за то, что тот добавил в перечень факторов, определяющих общий уровень цен, скорость обращения денег. Однако, прежде всего, мы видели, что начиная со схоластов спрос на деньги (т.е. величина обратная «скорости обращения») в исследовании факторов, определяющих общий уровень цен, всегда интегрирован с предложением денег. Торнтон действительно анализирует различные факторы, влияющие на скорость обращения денег и ее изменение, и действительно, по степени тщательности этого анализа его работа имеет новаторский характер: им проанализированы частота платежей, влияние клиринговых систем, доверие, которым пользуются деньги, колебания запаса денег во времени. Однако, к сожалению, Торнтон разрушил результаты своего анализа, поскольку не смог понять, что скорость обращения денег представляет собой всего лишь величину, обратную спросу на деньги, и трактовал скорость обращения как некий отдельный от спроса на деньги фактор, действующий независимо и помогающий определить соотношение между предложением денег, спросом на них и ценами.

Хайек и другие возносят Торнтону хвалу за то, что он включил в состав предложения денег не только банкноты, но и банковские депозиты. Это верно, но выше мы видели, что до него к этой догадке пришел Уолтер Бойд, опередив его на год. Но Бойд сделал не только это, — он показал,

что векселя и казначейские векселя совершенно точно *не являются* частью предложения денег, что они представляют собой обрабатываемые объекты, а не движитель обращения. И Торнтон вернулся к старой ошибке смешав векселя с банкнотами и депозитами в качестве элемента предложения денег.

По-настоящему значимые результаты, полученные Торнтоном, изложены им в двух последних главах его «Бумажного кредита», в частности в той части, которую можно назвать «бумажные деньги как причина инфляции», которая представляет собой нечто отдельное от остальной книги и содержит нечто противоречащее тому, что говорится в более ранних главах. Большинство авторов, выступающих с антибуллионистских позиций, следуют авторитетному заявлению Адама Смита, согласно которому банковский кредит не может оказывать инфляционного воздействия на денежное обращение, если он выдается в форме краткосрочных высоколиквидных «реальных векселей». Единственное различие между этими авторами и Смитом состоит в том, что Смит формулировал свое утверждение применительно к одному только металлическому стандарту, тогда как антибуллионисты распространяли его на денежную систему неразменных декретных денег. Торнтон отвечает им, что такая система не будет работать, так как увеличение количества банкнот приведет и к безграничной инфляции денежной ценности реальных векселей. Таким образом, «предел», о котором пишут Смит и антибуллионисты, обладает бесконечной эластичностью и на практике означает наличие открытого канала кредитной инфляции. Торнтон, далее, указывает, что текущее состояние британского законодательства против ростовщичества, ограничивающее процентную ставку пятью процентами, лишь усугубляет проблему. На свободном рынке процентная ставка, или норма прибыли, повысилась бы и превысила бы уровень военного времени (или уровень периода бума). Как следствие, искусственное занижение ставки по банковским кредитам до уровней ниже нормы прибыли будет стимулировать избыточные заимствования, искусственно завышенный уровень инвестиций и продолжение денежной и ценовой инфляции. Таким образом, удержание банковской процентной ставки ниже нормы прибыли стимулирует увеличение спроса на заимствования, а продолжение увеличения предложения денег позволяет удовлетворять этот спрос.

Показав инфляционные последствия искусственного занижения процентной ставки по банковским кредитам, Генри Торнтон предвосхитил появившуюся позже теорию экономического цикла австрийской школы, разработанную Людвигом фон Мизесом и Фридрихом Хайеком, теория, которая, в свою очередь, опирается на теорию шведско-американского экономиста Кнута Вика, элементы которой он предложил в конце XIX в. Торнтон также намекнул на явление, которое в австрийской традиции получит название «вынужденных сбережений», когда указал на то, что избыточная эмиссия бумажных денег повышает цены товаров

быстрее ставок заработной платы, так что неизбежным следствием этого процесса является некоторое увеличение инвестиций в те или иные элементы капитала, но что это увеличение будет идти за счет класса наемных работников и поэтому будет «сопровождаться ростом соответствующего напряжения и ощущения несправедливости». К сожалению, Торнтон не довел мысль до основного утверждения австрийской теории экономического цикла, состоящего в том, что, так как временные и сберегательные предпочтения общества не достаточны для обеспечения «вынужденных» инвестиций, эти инвестиции обязательно будут ликвидированы в ходе рецессии, которая последует, как только искусственная кредитная экспансия прекратится и выявятся подлинные временные и сберегательные предпочтения общества.

Вполне возможно, что «Бумажный кредит» мог быстро сгнуть в неизвестности, — несмотря на то что его автор был весьма известен в банковских кругах. Эта книга очень длинна (семьсот страниц), плохо написана и неряшливо структурирована, она отличается несистематичностью изложения, для нее характерна известная запутанность мысли и то, что даже самые верные ее поклонники называли «многословной». Даже Хайек, наиболее горячий сторонник Торнтона среди современных авторов, допускает, что «этому тексту не хватает систематичности, а местами он просто-напросто невразумителен». Даже его самый яркий ученик и популяризатор Френсис Хорнер <1778—1817> признавал, что Торнтон «не справился с организацией материала», что он «часто... запутывался в изложении своих аргументов», что его рассуждениям «не стоит доверять», поскольку они часто содержат какие-нибудь «дефекты», что он не образован для того, чтобы теоретизировать, что у него плохой стиль и что «изложение многих проблем организовано настолько неумело, что оно не проливает на них никакого света, и мы никогда не можем получить полного представления о плане обсуждения». Короче говоря, «многословие» и «невразумительность» работы «удручают читателя».

И в то же время, как бы в насмешку, именно Френсис Хорнер стал тем, кто избавил «Бумажный кредит» от этих убийственных дефектов и прославил эту книгу. Форма, избранная Хорнером, оказалась чрезвычайно удачной и обеспечила работе Торнтона максимально возможную степень влияния. В главе 17 первого тома, когда речь зашла о том влиянии, которое оказали представители движения за популяризацию Адама Смита, мы отмечали, что Френсис Хорнер был одним из членов блестящей группы молодых шотландцев, которые учились у Дугальда Стюарта на рубеже XVIII и XIX столетий, и собирались завоевать Британию, изменив ее интеллектуальный климат посредством распространения здесь доктрины Адама Смита. В 1802 г. эти ученики Стюарта основали «Эдинбургское обозрение», издание, оказавшее огромное влияние на британский интеллектуальный мир и быстро превратившееся в один из ведущих журналов Великобритании. И уже в первом номере (октябрь 1802 г.) «Edinburg Review» Френсис Хорнер публикует свою отчасти рецензию, отчасти обзор «Бу-

мажного кредита» Генри Торнтон. В этой 30-страничной прекрасно написанной статье Хорнер дал систематическое изложение труда Торнтон, сделав его настолько содержательным, насколько это было возможным, и — как признал Хайек — «изложил главные аргументы, приведенные в книге, в форме, которая оказалась существенно более систематической и последовательной, чем оригинальная версия». Хорнер рекламировал «Бумажный кредит», превознося его как «без сомнения наиболее ценную из всех публикаций, порожденных событием исключительной важности, каким является ограничение <обмена бумажных банкнот>, установленное Банком Англии». Своей великой славой и огромным влиянием, которое получил «Бумажный кредит», Торнтон, безусловно, обязан посредничеству Френсиса Хорнера. Важно также понимать, что Хорнер, ставший председателем учрежденного позже Комитета о слитках 1810—1811, рекомендовавшего восстановление золотого стандарта, в 1802 г. был солидарен с антибуллионистской позицией Торнтон.

Хотя Хорнер превозносил работу Торнтон как содержащую результаты, имеющие окончательный характер, он проложил путь к позднему изменению своей (и Торнтон) политической позиции, написав, что не убежден в том, какие именно факторы — монетарные или реальные — вносят решающий вклад в инфляцию и обесценение фунта. Хорнер, как и сам Торнтон, продемонстрировал фундаментальную неспособность к теоретической определенности, объявив себя агностиком по вопросу о причинности, указав, что этот вопрос разрешится позже, когда увеличится количество накопленных данных. Итак, если Торнтон в «Бумажном кредите» создал себе репутацию умеренного антибуллиониста, то его последователь Хорнер стал тем, кого можно назвать наиболее умеренным из умеренных, находящимся прямо на средней линии, разделяющей буллионистов и антибуллионистов.

Можно также заметить, что по проблеме денежного предложения Хорнер недвусмысленно был на стороне Торнтон и против Бойда. Отвергнув отличающуюся совершенной ясностью концепцию Бойда, в рамках которой различаются движитель обращения (*circulator*) и «обращающиеся объекты» (*objects of circulation*), Хорнер увековечил ошибочную и расплывчатую точку зрения Торнтон, согласно которой между товарами и средствами обращения не существует никакой определенной границы, так что все они представляет собой мешанину степеней обмениваемости.

5.6. ЛОРД КИНГ И КУЛЬМИНАЦИЯ ДИСКУССИИ О СЛИТКАХ

Когда в апреле 1802 г. британское правительство попросило Парламент продлить на год ограничение, наложенное на Банк Англии в части платежей металлом и погашения металлом выпущенных им бумажных

банкнот, оно должно было обосновать эту меру не войной с Францией, а чем-то иным, поскольку месяцем ранее между Британией и Францией был подписан Амьенский мир. Премьер-министр Генри Аддингтон (1757—1844) заявил, что, поскольку платежный баланс остается неблагоприятным для Британии, запрещение платежей металлом должно быть продлено — предположительно до того момента, когда восстановится торговый баланс⁽¹⁾. Когда в феврале 1803 г. решение о том, продлить запрет платежей металлом или возобновлять размен банкнот на металл опять встало в повестку дня, Аддингтон вновь выступил за продление системы декретных денег и на том же основании. Великий государственный деятель Англии и лидер оппозиции Чарльз Джеймс Фокс язвительно оспорил его, заметив, что «возможно, дело обстоит так, что причиной неблагоприятного для нас курса обмена с другими странами служит само это ограничение, установленное Банком Англии». Не ограничившись этим соображением, Фокс отпустил еще одну колкость, заметив, что отток золота, по сути, представляет собой ситуацию, описываемую законом Грэшема, когда деньги, недооцененные государством, неостановимо утекают из обращения, заменяясь переоцененными (или «плохими») деньгами. Он показал, что именно этот закон полностью применим к фактической ситуации, только в роли «плохого золота»⁽²⁾ выступают бумажные деньги:

В 1772—1773 гг., когда мы в нашей стране имели огромные количества плохих денег, пропорции торговли были весьма неблагоприятны для нас. [...] Пока наше денежное обращение продолжало быть плохим, пропорции торговли оставались для нас неблагоприятными; то же самое мы имеем и сейчас, потому что бумажные деньги немногим лучше плохого золота. [...] Поэтому можно ли ожидать, что, как и в том случае, когда наша ходячая валюта улучшилась, пропорции обмена изменились в благоприятную для нас сторону, и на этот раз, если Банк Англии возобновит платежи наличными деньгами, это будет сопровождаться столь же благоприятными для нас изменением обстоятельств?

В ходе этих дебатов в Парламенте к дискуссии о слитках добавилась новый голос, — лорд Питер Кинг (1776—1833) осудил установленные Банком Англии ограничения на размен его банкнот, в речи, произнесенной в Палате лордов 22 февраля <1803 г.>. Став во главе буллионистов, лорд Кинг указал на увеличение количества бумажных денег в период запрещения размена их на металл, как на главную причину ухудшения дел в экономике: «...со времени, когда запрещение было введено в первый раз, курс обмена стал изменяться в сторону, неблагоприятную для нашей страны, по мере изменения количества бумажных денег в обращении». В мае лорд Кинг повторил этот аргумент, выступив против билля, распространяющего на Ирландию запрет обмена банкнот на металл. В более поздних числах мая 1803 г. лорд Кинг сформулировал свои взгляды в весьма важной статье «Размышления об ограничении

платежей металлическими деньгами, установленном Банками Англии и Ирландии» («Thoughts on the Restriction of Payment in Specie at the Bank of England and Ireland»), после чего, в следующем году, появилось второе, дополненное издание под названием «Размышления о последствиях ограничений, установленных Банком [Англии]» («Thoughts of the Effects of the Bank Restriction»). «Размышления» лорда Кинга имели весьма широкую аудиторию и оказали значительное влияние, — посредством этой статьи Кинг занял место лидера буллионистов, точно так же, как Торнтон, продолжавший поддерживать продление ограничений, стал лидером умеренных антибуллионистов.

180

Лорд Кинг был тогда юным дворянином благородного происхождения. Его прадед Питер Кинг, первый лорд в роду, занимал пост лорда-канцлера страны. Традиция быть вигами и классическими либералами, характерная для семейства Кингов, хорошо иллюстрируется тем фактом, что мать первого лорда Кинга была кузиной Джона Локка, а сам он, будучи протеже Локка, стал лидером вигов в Парламенте. Питер Кинг учился в Итоне и затем в колледже Св. Троицы в Кембридже, а в 1800 г. занял место в Палате лордов, став сторонником Чарльза Фокса и важным деятелем партии вигов. Помимо своей позиции в поддержку твердых денег лорд Кинг, несмотря на то что он был крупным землевладельцем, всю жизнь был воинствующим противником хлебных законов. Критик «высокой церкви», Кинг был главным бойцом за непопулярную законодательную меру — эмансипацию английских католиков, он также выступал против притеснений католиков Ирландии. В 1829 г. лорд Кинг написал «Жизнь Джона Локка» («Life of John Locke»), которая вышла в двух томах в следующем году вторым, переработанным и дополненным изданием.

Лорд Кинг начинает свои «Размышления» главой «Бумажные деньги». К сожалению, Кинг следовал ошибочному аргументу Адама Смита, уподобившему бумажные деньги воздушным путям, но он, по крайней мере, отвергал идею Смита об автоматическом возвратном потоке любого избытка бумажных денег обратно в банковскую систему. Вместо этого Кинг применил количественную теорию денег (или, лучше сказать, теорию спроса и предложения) к бумажным деньгам, обмениваемым на металл. В пассаже, который Нассау Сениор позже назовет «принцип лорда Кинга», он подчеркивал, что для бумажных денег важно, чтобы их эмиссия не превышала «точное» количество замещаемого ими золота в форме монет, находящихся в обращении, и что эта эквивалентность поддерживается немедленным разменом бумаги на золото.

Затем Кинг переходит к разбору аргументов противников возобновления размена, утверждавших, что банкноты Банка Англии не были выпущены в избыточном количестве, и следовательно, не обесценились. Фактически он поставил крест на концепции, согласно которой Банк Англии не превысил некую абстрактную пропорцию количества денег, с одной стороны, и нужд промышленности — с другой (или некое про-

извольно определяемое оптимальное предложение денег). Кинг показал, что «не существует правила или стандарта, посредством которого в какой-либо стране может быть установлено надлежащее количество обращающихся средств обмена, помимо фактического спроса со стороны публики». Затем Кинг показывает, что спрос на деньги, подобно спросу на любой другой продукт, колеблется и является неопределенным:

Необходимое количество средств обращения, подобно количеству любого изделия производственного или потребительского назначения, регулируется исключительно спросом, разным в разных странах и в разных общественных классах, и более того — разным в одной и той же стране в разные моменты времени.

Очевидно, что количество средств обращения, необходимое при всяком данном состоянии богатства и при всяком данном уровне развития промышленности, не является фиксированным, но подвержено колебаниям и представляет собой неопределенное количество, зависящее в каждом отдельном случае от великого множества самых разных обстоятельств, которое уменьшается и увеличивается в зависимости от большей или меньшей степени товарного обеспечения, или количества деловых предприятий и усовершенствований коммерческой практики. Причины, определяющие спрос, очевидно достаточно сложны, чтобы можно было признать, будто количество [денег] определяется подсчетами, сделанными в предыдущем периоде, или любым иным теоретическим способом...

Кинг продолжает эту линию рассуждений, приходя к выводу, согласно которому

181

исходя из того, что вышеприведенные рассуждения хорошо обоснованы, мы обязаны заключить, что не существует метода *априорного* определения количества средств обмена в обращении, удовлетворяющего потребностям общества; это означает, что такому количеству нельзя поставить в соответствие какое-либо правило или стандарт; и это означает, что его истинное количество можно установить только посредством фактического спроса.

Кинг оказался первым, кто понял важность уничтожающей критики, обрушенной Торнтоном на его коллег по лагерю антибуллионистов, осуществивших расширительное толкование доктрины реальных векселей, предложенной Адамом Смитом, причем сам Кинг нашел еще более сильные аргументы. Установление ставки учетного процента ниже процентной ставки свободного рынка позволяет неограниченно расширять банковское кредитование под реальные векселя. Более того, у банка нет никаких действенных способов для того, чтобы отличать «реальные» векселя от «фиктивных», а посредством искусственно низкой процентной ставки, взимаемой банками, торговцев всегда можно убедить брать кредиты в количествах, намного превышающих реальный спрос со стороны общества.

Кинг заключает, что в случае бумажных денег, не обмениваемых на металл, не существует никакого способа установить, каков реальный спрос на деньги со стороны общества, или определить, является ли количество бумажных денег избыточным или нет. Не будучи обмениваемыми, бумажные деньги в обращении «лишены своего естественного стандарта, и к ним невозможно применить никакой другой стандарт». Следовательно, банки и правительства, возложившие на себя задачу отыскания оптимального уровня предложения денег и кредитов, обречены на то, чтобы «вечно совершать ошибки».

Опираясь на новаторскую работу Бойда и на результаты Торнтонна, лорд Кинг затем приступает к созданию теории неразменных бумажных денег, которая стала кульминацией развития денежных доктрин, имевшихся в распоряжении буллионистов. Эта теория базируется на систематическом и действенном использовании доктрины спроса и предложения. Вначале Кинг отмечает, что обесценение неразменных бумажных денег происходит под воздействием двух различных, хотя и связанных между собой факторов: «потребность в доверии со стороны части публики и излишнее увеличение количества банкнот». Он пишет, что все разновидности неразменных бумажных денег вскоре начинают испытывать на себе действие обоих этих факторов. Как можно понять, задается вопросом Кинг, что началось обесценение неразменных банкнот? Уолтер Бойд утверждал, что одним из признаков обесценения могут служить рост цен на слитки на свободном рынке и превышение цен на слитки денежного металла над официальной ценой монет. Кинг усилил аргументацию Бойда, указав, что ценность слитков имеет тенденцию быть стабильной в краткосрочном периоде, что означает: колебания ценности слитков в обоих направлениях представляют собой результат изменения ценности бумажных денег. Кинг также снабдил более жестким основанием второй признак обесценения, указанный Бойдом, а именно обесценение фунта стерлингов против других валют, — ведь валюта, обмениваемая на металл, не может обесцениваться, поскольку любой избыток <эмиссии такой валюты может быть обменен на металл и> может быть вывезен. Но неразменные бумажные деньги не могут быть вывезены и будут «оставаться в стране, так что если их количество увеличится в масштабах больших, чем имеющийся спрос, они должны будут обесцениться в той мере, в какой их количество превышает спрос». Более того,

в ходе торговых сделок это увеличение количества будет вскоре обнаружено и цены пропорционально увеличатся. Схожие эффекты имеют место в транзакциях с иностранными валютами в соответствии со статусом этих последних.

Кинг переходит здесь к краткой формулировке теории обменных курсов, определяемых паритетом покупательной способности в условиях неразменных бумажных денег.

Если в приведенном отрывке Кинг, по-видимому, разделяет механистическую версию количественной теории денег, в которой предполагается пропорциональный рост цен, то в написанной позже статье он проясняет этот момент, указав, что эта пропорциональность, если она вообще как-либо проявляется, то только в долгосрочном периоде. Кинг, как и Бойд, был последовательным буллионистом, и его формулировки этой позиции до сих пор остаются наилучшими. Кинг показал, что процесс инфляции с *необходимостью* включает в себя перераспределение богатства и дохода. Исследуя неявные характеристики процесса, на которые имеются намеки еще у Юма, Кинг пишет, что эффект пропорционального роста цен в ответ на увеличение количества бумажных денег имеет далеко не мгновенный характер и что «пока новые деньги смогут совершить оборот во всем обществе и повлиять на цены всех товаров, должно пройти некоторое время». Но если Юм позитивно оценивает это явление, считая, что в этот период стимулируется деловая активность, то Кинг правильно сосредоточивает свое внимание на тех искажающих дело преимуществах, которые этот процесс дает первым получателям новых денег в ущерб последним:

Именно этот интервал между созданием новых бумажных денег и ростом цен может быть источником выгод для людей, получивших ссуду в Банке. Торговец, для которого эти банкноты были только что выпущены, использует их для приобретения товаров по ценам, которые эти товары имели в момент выпуска. Но сам эффект этих банкнот, когда они после этого начали совершать обращение, состоит в том, что цена товаров увеличивается, и торговец имеет выгоду в виде этого роста, являющуюся дополнением к обычной торговой прибыли. Если он занимается экспортом, то помимо обычной прибыли он получит дополнительную выгоду в размере обесценения денег, имеющего место в период между моментом, когда он приобрел товар, и моментом, когда ему переведут деньги за его продажу.

Кинг также называет обесценение банкнот центрального Банка Ирландии «подходящим налогом, который налагается не в пользу правительства, а в пользу акционеров Банка». Говоря о Банке Англии, он отмечает, что «несправедливая выгода, полученная Банком, в той же мере, в какой Банк выпустил излишние банкноты», была с лихвой перекрыта «убытками и ущербом публики, как это всегда бывает в случае обесценивающейся национальной валюты». «Таким образом, «на общество накладывается косвенный налог, и это делается не ко благу общества, а к выгоде отдельных лиц. Этот налог взимается максимально пагубным способом; из всех налогов он обладает наименьшей продуктивностью, если под последней понимать соотношение между приносимой выгодой и порождаемыми им убытками и неудобствами».

Итак, Кинг понял, что привилегированными бенефициарами инфляции и обесценения являются в значительной мере сами центральные банки и их акционеры, а также торговцы, получавшие займы в этих

183

банках, и экспортеры, получавшие выгоду от обесценения национальной валюты. Все эти группы получали свои выгоды за счет публики. Кинг также проницательно замечает, что это именно те группы, которые наиболее активно выступали за запрет обмена банкнот центральных банков на металл. Он предположил, что эти лондонские и дублинские торговцы никогда не читали Юма, а также никогда не прослеживали цепочку экономико-теоретических шагов, объясняющих, за счет чего они имеют привилегии и получают выгоды от инфляции, генерируемой банками:

Но их опыт неотвратимо ведет их к тем же выводам; и не может быть сомнений в том, что во время запрета торговые люди легче получали займы в Банке и получали их с меньшим учетным процентом и что эти займы и порождаемая ими прибыль обеспечивали сильный сдвиг в их оценках в пользу этой меры.

Более того, проделанное лордом Кингом экономико-теоретическое исследование преимуществ, получаемых центральными банками за счет публики посредством инфляционной эмиссии ими своих банкнот, привело его к осуждению любых «исключительных привилегий» как таковых, получаемых посредством эмиссии банкнот, привилегий, гарантированных Банку Англии. Эти привилегии нужно было считать «такими же несправедливыми и неуместными, как если бы монополия на любую другую отрасль ремесла или промышленности была гарантирована любому другому частному торговцу или компании».

Согласно своему отрицательному отношению к механистической идее пропорциональности, лорд Кинг допускал, что реальные факторы могут оказывать подчиненное и временное воздействие на процесс обесценения и обменный курс. На самом деле именно такая трактовка временного характера реальных факторов помогла Кингу прийти к отрицанию концепции жесткой пропорциональности и, следовательно, к отрицанию идеи всякой точной *количественной меры* обесценения или избыточности количества бумажных денег. Как пишет Кинг, «никакие самые тщательные расчеты показателей цены слитков или значений обменного курса не в состоянии помочь установить, в какой мере обесценена наша валюта, хотя сам факт обесценения может быть удостоверен без всяких дискуссий». Он тактично упрекает Бойда за совершенно излишний упор, который тот делал на существовании такой меры превышения [количества банкнот], вследствие чего Бойд, по словам Кинга, «предоставил своим оппонентам преимущество в полемике, порожденное тем, что он слишком активно настаивал на существовании <конкретного значения> степени обесценения...»

Наконец, нельзя не выразить сожаления по поводу того, что Кинг следовал Смиуту и Торнтону, смешивая векселя и другие долговые свидетельства с деньгами, и что Кинг отверг идею ярко выраженного различия между ними.

Вклад в экономическую теорию, внесенный Кингом, немедленно поставил его в первый ряд теоретиков среди буллионистов, и когда почти через десять лет на арену выступил Давид Рикардо, он превозносил брошюру Кинга как оказавшую на него огромное влияние. Однако по некоторым причинам жизненно важные результаты Кинга были, прискорбным образом, упущены из виду большинством позднейших историков, и даже в эпоху Нассау Сениора, в середине 1840-х гг., Сениор нашел необходимым упрекнуть молодое поколение в том, что они пренебрегают великими достижениями лорда Кинга. Сениор вознес хвалу работе Кинга, назвав ее «такой полной и во многом такой верной в том, что касается изложения теории бумажных денег, что по прошествии более чем сорока лет дебатов к этой теории можно мало что добавить или исправить в ней». К этой оценке Кинга позже присоединились Генри Маклеод и Френсис Уолкер, и даже в 1911 г. Джейкоб Холландер в своем знаменитом исследовании, которое вырвало из тьмы забвения историю денежной теории в период между Смитом и Рикардо, в кратких выражениях похвалил работу Кинга, отметив, что она «представляет собой примечательный контраст по сравнению с многословной неясностью эссе Торнтона и горячностью, которую продемонстрировал Бойд». Кроме того, она «в той же мере является и подлинным сводом всего, что было написано до нее на тему здоровой критической оценки и обоснованной интерпретации образа действий Банка Англии, и ориентиром для будущих исследований в этом направлении»¹².

Возможно, наиболее важное немедленное воздействие «Размышления» лорда Кинга оказали на Френсиса Хорнера, поскольку эта брошюра превратила Хорнера из умеренного антибуллиониста в умеренного буллиониста. Это обращение было вызвано скорее не теоретическим анализом, проделанным Кингом, а его основательной работой со статистикой периода ограничения размена банкнот на металл, которая убедила экономико-теоретического агностика Хорнера в том, что факты были на стороне концепции, согласно которой причиной инфляции и обесценения фунта была избыточная эмиссия бумажных денег. В рецензии на «Размышления» Кинга, появившейся в июльском номере «Edinburg Review» за 1803 г., Хорнер отказывается от своего прежнего агностицизма по отношению к политике ограничений размена и недвусмысленно выступает за погашение банкнот металлом. «Прежде всего, — пишет он теперь, — не может быть никаких сомнений в ошибочности и нечестности ограничения...» Следует учесть, что ранее он чувствовал: факты слишком сложны для того, чтобы решить, прав ли Бойд, говоря о том, что именно ограничение обмена оказывает инфляционное давление на цены. Теперь Кинг убедил Хорнера в том, что Бойд был прав. Теперь он приходит к выводу о том, что «на всем протяжении всех этих перемен мы можем наблюдать один и тот же эффект, наличие которого было полностью доказано и логика действия которого была полностью описана лордом Кингом».

5.7. ПРОБЛЕМА ИРЛАНДСКОГО ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ

Помимо Банка Англии лорд Кинг подвергал резкой критике и центральный Банк Ирландии. После возобновления войны с Францией в 1803 г. и продления ограничения обмена банкнот Банка Англии внимание авторов и публики переключилось на быстрое обесценение ирландской валюты.

Когда Британия установила ограничения в 1797 г., она также запретила осуществлять платежи металлом Банку Ирландии и банковской системе своей ирландской колонии. Британия проделала это несмотря на то, что банковская система Ирландии была тогда в относительно здоровом состоянии, работая в условиях отсутствия инфляции. Однако Банк Ирландии быстро реализовал свои новые привилегии, состоящие в разрешении инфлировать предложение денег и кредита, увеличив в течение следующих шести лет количество банкнот в обращении в четыре раза. Таким образом, к 1803 г. ирландский фунт упал на 10% ниже паритета, соответствующего золотому стандарту, каковой паритет составлял 108 : 100 к английскому фунту стерлингов. В частности, было очевидно, что проблема Ирландии состоит в предложении бумажных денег и больше ни в чем, так как Белфаст, находящийся в орбите английской валюты и не имеющий своего собственного центрального банка, сохраняет свою валюту на паритетном уровне к английскому фунту, и следовательно, фунт, эмитируемый в Дублине, обесценился в той же мере в Белфасте, что и в Лондоне.

Когда вопрос о продлении ограничения обмена в феврале 1803 г. был поставлен в Парламенте, за это выступил Торнтон, а критика ситуации в Ирландии с буллионистских позиций была инициирована лордом Кингом, который продолжил дискуссию на эту же тему в мае, когда в Парламенте был поставлен вопрос о продлении ограничения в Ирландии.

Реагируя на увеличение внимания к ирландским делам, Палата общин английского Парламента в марте 1804 г. учредила «Комитет по ирландскому денежному обращению», или, точнее, «Выборный комитет о находящихся в обращении бумажных деньгах, металле и монетах, которые выпускаются в Ирландии». Официальные лица Банка Ирландии, отчаянно пытаясь защитить результаты проводившейся ими политики, делали все более абсурдные утверждения, согласно которым обесценение ирландского фунта имеет своей причиной не избыточную эмиссию, но таинственное «неблагоприятное состояние» платежного баланса, который формируется за пределами Ирландии. Комитет, ведущим членом которого был Генри Торнтон, в июне выпустил отчет, в котором была осуществлена настоящая расправа с аргументацией антибуллионистов. Авторы отчета полностью признали главный результат буллионистов: причиной обесценения ирландского фунта была избыточная эмиссия бумажных денег и расширение кредита, осуществлявшиеся Банком Ирландии, а эта избыточная эмиссия стала возможной

вследствие установления запрета на размен и платежи металлом. Отчет этого комитета, ставший провозвестником знаменитого отчета Комитета о слитках, который вышел шестью годами позже, примечателен еще в одном отношении — именно ирландский отчет завершил обращение Генри Торнтона, который, после выхода этого отчета, вслед за Хорнером, присоединился к лагерю умеренных буллионистов. В отчете утверждалось, что «великим и действенным лекарством» для исцеления денежного обращения Ирландии, является «отмена Акта об ограничении обмена, который и есть корень всех зол», однако затем эта радикальная позиция сменяется в пользу более умеренной, сводящейся к тому, чтобы Банк Ирландии допустил обмен своих банкнот на обесценившиеся в значительно меньшей мере банкноты Банка Англии. Это умеренное решение предлагалось также и лордом Кингом. Комитет главным образом предупреждал о том, что Банк Ирландии должен ограничить эмиссию своих банкнот на все то время, пока платежный баланс остается неблагоприятным, и о том, что «все зло высокого обменного курса, испытывающего сильные колебания, должно будет вменено [руководителям Банка Ирландии], если они не сумеют ограничить эмиссию».

В ходе обсуждения вопроса о денежном обращении в Ирландии к лагерю буллионистов присоединились еще два важных члена англо-ирландского истеблишмента. За месяц до учреждения Комитета по ирландскому денежному обращению Генри Парнелл (1776—1842), первый барон Конглтон, опубликовал статью «Наблюдения за состоянием денежного обращения в Ирландии» (*«Observations on the State of Currency in Ireland»*). Парнелл, сын сэра Джона, канцлера казначейства Ирландии, получил образование в Итоне и колледже Св. Троицы в Кембридже. С 1802 г., когда он был избран в Парламент, этот влиятельный политический деятель, под влиянием лорда Кинга, применял принципы буллионистов к ирландскому вопросу. Он обвинил Банк Англии в том, что тот наводнил страну своими бумажными деньгами; в том, что это уменьшило ценность значительной части собственности, имеющейся в стране; в том, что Банк Англии довел обменный курс до катастрофического уровня; и в том, что Банк обрушил на страну все беды, присущие обесценивающейся валюте. В качестве промежуточного лекарства Парнелл так же рекомендовал принять предложение Кинга — сделать ирландский бумажный фунт обмениваемым на банкноты Банка Англии. Содержание брошюры Парнелла было настолько близко к вышедшему позже докладу Комитета, что третье издание труда Парнелла было опубликовано в приложении к докладу в качестве итогового послесловия.

Положения доклада «ирландского» парламентского комитета и предложения Кинга были поддержаны еще одним видным представителем англо-ирландского истеблишмента — Джоном Фостером (ок. 1781—1842), молодым ирландским адвокатом, практиковавшим в Лондоне, автором работы «Очерк о началах торговых обменов» (*«Essay on the Principles of Commercial Exchanges»*, 1804). Фостер, сын англиканского

епископа и выпускник дублинского колледжа Св. Троицы, позже стал ирландским судьей и депутатом английского Парламента от партии тори. Можно вспомнить также примечательный случай Джеймса Мэйтланда (1759—1839), восьмого графа Лодердэйла, шотландского адвоката, который вначале был депутатом-вигом английского Парламента, а потом перешел к тори. С одной стороны, он был фанатичным приверженцем теории недопотребления и противником сбережений (предвосхитив в этом Кейнса), что следует из написанного им «Исследования природы и происхождения богатства страны» («Inquiry into the Nature and Origins of Public Wealth», 1804); кроме того, он выступал против погашения <государственного> долга и за государственные расходы как таковые — в «Трех письмах герцогу Веллингтону» («Three Letters to the Duke of Wellington», 1829). С другой стороны, лорд Лодердэйл всегда выступал за твердые деньги и поддержал доклад «ирландского» комитета в написанной в энергичных выражениях статье. Лодердэйл не только согласился с тем, что избыточная эмиссия бумажных денег, осуществленная Банком Ирландии, привела к обесценению ирландского фунта и образованию премии в сделках на золото. Он пошел дальше выводов доклада, настаивая на том, что радикальное снижение количества бумажных банкнот Банка Ирландии представляет собой единственное средство решения существующей проблемы (см. его «Размышления о тревожном состоянии денежного обращения и о средствах исправления денежных трудностей в Ирландии» («Thoughts on the Alarming State of the Circulation and on the Means of Redressing the Pecuniary Grievances of Ireland», 1805)). Весьма необычная ситуация — одно и то же лицо в одно и то же время представляет собой главного сторонника теории недопотребления и яркого приверженца дефляции и твердых денег!

Хотя решения, предлагавшиеся Кингом и «ирландским» комитетом, не одержали верх, официальные лица Банка Ирландии, по-видимому, осознавали ситуацию много лучше, чем они изображали это. В пользу этого говорит тот факт, что вскоре они начали решать проблему, перейдя к жесткой денежной политике, и вернули ирландский фунт к паритету с английским фунтом.

5.8. ВОЗНИКНОВЕНИЕ МЕХАНИСТИЧЕСКОЙ ВЕРСИИ БУЛЛИОНИЗМА: ДЖОН УИТЛИ

После 1804 г. Банк Англии на несколько лет затормозил экспансионистскую политику, и инфляция прекратилась (соответственно приостановился и процесс обесценения фунта). В результате дебаты между буллионистами и антибуллионистами также сошли на нет. Первый этап великой дискуссии о слитках завершился. На арене остались три школы и три группы мнений по вопросам денежной теории: во-первых, анти-

буллионисты — апологеты действий британского правительства и Банка Англии, взгляды которых вряд ли можно удостоить звания «теории», — они просто-напросто отрицали, что проблемы в денежной сфере имеют какое-то отношение к бедам в виде инфляции и обесценения фунта. Напротив расположились члены второй группы, последовательные буллионисты, возглавляемые лордом Кингом и Уолтером Бойдом, активно применявшими теорию спроса и предложения для анализа ситуации в денежной сфере в новых условиях неразменных декретных денег. Они критиковали избыточную эмиссию Банка Англии, видя в ней причину всех зол, но признавали, что «реальные факторы» также играют свою роль, хотя эта роль временная и подчиненная. Между ними располагалась третья группа, группа умеренных, состоявшая прежде всего из Генри Торнтона и Френсиса Хорнера, этих теоретических агностиков, которые утверждали, что причиной каждого конкретного эпизода инфляции могут служить как денежные, так и реальные факторы, и которые посредством эмпирических данных и соображений, имеющих силу для конкретных обстоятельств, пытались определить, какой набор факторов может быть решающей причиной в тех или иных обстоятельствах. Они вступили в дискуссию как умеренные антибуллионисты, но к 1803 г. эмпирические данные убедили их, по крайней мере Хорнера, примкнуть к лагерю умеренных буллионистов.

Однако еще до окончания Первого этапа дискуссии о слитках и до того, как появилась упомянутая выше третья ветвь буллионистов, возникло механицистское направление буллионистов. Огромной ошибкой этого направления было не просто игнорирование влияния всех вообще реальных факторов и не то, что представители этого направления настаивали на том, что денежные факторы и только они определяют уровень цен и обменные курсы. Главной проблемой механицистов было то, что они были также склонны игнорировать *все остальные* факторы, не сводившись к предложению денег, в том числе многие весьма важные факторы. Короче говоря, они игнорировали спрос на деньги во всех его разновидностях, и такие важные «эффекты распределения» (даже в долгосрочном аспекте), как изменения в структуре активов и доходов, а также изменения относительных цен. Подводя краткий итог, укажем, что механицисты утверждали: в краткосрочном аспекте и в долгосрочном аспекте единственным фактором, являющимся причиной изменения цен и [пропорций] обменов, служат изменения количества денег. Тем самым их ошибочная и искажающая реальность точка зрения сводилась к тому, что изменения в «уровнях цен» представляют собой прямо пропорциональное следствие изменений количества денег.

Механицистская доктрина, возникшая, скорее всего, как некая избыточная реакция на взгляды умеренных буллионистов, впервые была представлена человеком, который не был ни членом Парламента, ни вообще сколько-нибудь публичной фигурой. Адвокат Джон Уитли (1772—1830) в своей первой из множества работ по денежной теории, «Заме-

чания о денежном обращении и торговле» («Remarks on Currency and Commerce», 1803), изложил долгосрочный подход буллионистов к денежной теории в наиболее полной и наиболее простой форме. Он обошелся без всякого обсуждения процессов временной адаптации и даже без всяких временных процессов вообще, с тем чтобы сосредоточиться исключительно на конечных состояниях равновесия. Согласно Уитли, весь экспорт и весь импорт золота определяются только спросом на золото и его ценой, т.е. денежными факторами, а цена слитков и обменный курс определяются только и исключительно денежными соображениями. Реальные факторы не играют никакой роли в этих делах, даже временно и даже в краткосрочном аспекте. Следовательно, воздействие предложения денег на уровни цен и обменные курсы является строго и точно пропорциональным. Общая динамика цен не только пропорциональна, но и одинакова в смысле воздействия на «уровни» цен <разных благ>, так что относительные цены вообще никак не меняются. Поэтому Уитли пишет:

Увеличение средств обращения посредством увеличения количества бумажных денег должно вызвать такое же уменьшение ценности денег, пропорциональное активности их обращения, как и увеличение количества металлических средств обращения. Но... если бумага обесценивает деньги, то это должно в схожей пропорции повышать цены средств существования и предметов роскоши.

188 На этом основании Уитли было легко прийти к выводу, согласно которому расширение предложения денег *вообще никогда* не может стимулировать экономику, так как, по определению, «зарботная плата труда увеличивается лишь пропорционально увеличению [количества средств обращения]». И поскольку зарботная плата растет пропорционально предложению денег и росту всех остальных цен, «она не может купить большее количество продуктов после увеличения, чем до этого», и поэтому «это жульничество не может произвести никаких великих следствий». Без сомнения, такой героически звучащий вывод верен в долгосрочном аспекте, но это наивное догматическое утверждение игнорирует главное содержание процесса денежной инфляции и ее краткосрочные стимулирующие эффекты, а именно тот факт, что под влиянием инфляционного увеличения <количества> денег цены на продукты растут быстрее ставок зарботной платы.

Более того, поскольку Уитли имел в своем распоряжении только долгосрочную и, следовательно, только денежную теорию обменных курсов, причем в условиях отсутствия обмена бумажных денег на металл он, опять-таки, наивно предположил, что ценность любых данных денег всегда и везде (т.е. в условиях долгосрочного равновесия) одинакова, и что обменные курсы декретных денег всегда в точности совпадают с отношениями их паритетов покупательной способности к их соответствующей денежной покупательной способности. Следовательно, для Уитли обесценившийся обменный курс и премия по сделкам с расчетами

металлическими слитками не только представляли собой «безошибочную систему» обесценения валюты, он также извлекал отсюда «точную меру» этого обесценения. В отличие от него Кинг и Бойд, не говоря уже о Торнтоне, видели обесценение валюты, только если это явление имело место в течение «существенного периода времени» (Бойд) или там, где оно «долго продолжалось» (Кинг). И ни один из них не утверждал, что такая премия или таким образом упавшие обменные курсы могут служить точной мерой обесценения.

Несмотря на то что Уитли и близко не имел той известности, которой пользовались его коллеги по дискуссии о слитках, он ни в коей мере не был незначительной фигурой. Он родился в Кенте, в выдающемся семействе землевладельцев и военных деятелей, известном в графстве. Его отец Уильям был шерифом графства и заместителем военного губернатора Кента, старший брат Уильям служил генерал-майором во время войн с Францией, а младший брат сэр Генри Уитли в течение многих лет был членом королевского суда. Сам Уитли получил степень бакалавра искусств в аристократическом колледже Церкви Христовой в Оксфорде, в 1793 г., после чего был принят в адвокатуру. Его жена Джорджиана была дочерью известного лондонского торговца и депутата Парламента от лондонского Сити Уильяма Лашингтона, приходившегося братом бывшему президенту могущественной Ост-Индской компании сэру Стивену Лашингтону. Примечательно, что Уильям Лашингтон, будучи председателем комитета торговцев Лондона, в марте 1797 г. подписал петицию в адрес Банка Англии, в которой торговцы требовали от Банка проведения более экспансионистской политики учетной ставки.

Знаменитый предводитель вигов Генри Брэм <1778—1868> подверг «Замечания» Уитли критике в «Edinburgh Review», опираясь на известные доводы Торнтона. Несмотря на то что Уитли развил положения своей первой публикации в первом томе «Очерка теории денег и принципов торговли» («An Essay on the Theory of Money and Principles of Commerce», 1807), эта публикация была несвоевременной, — в тот период интерес к дискуссии о слитках был утерян. Уитли усугубил проблемы восприятия своих работ, ничего не написав о деньгах на протяжении следующих девяти лет — как раз тогда, когда интерес к дискуссии о слитках возобновился и достиг апогея. По всем этим причинам публика и экономисты-теоретики упустили из виду позицию Уитли — до 1809 г., когда лидерство в механистической фракции буллионистов перешло к Давиду Рикардо. Кроме того, известности и влиянию Уитли вряд ли помогали хронические финансовые затруднения, преследовавшие его почти всю жизнь. Периодически он работал в качестве торгового агента для семейства Лашингтонов в их операциях в Вест-Индии. Однако финансовые затруднения заставляли его совершать много дальних путешествий, — второй том его «Очерка о теории денег и принципах торговли» появился вскоре после того, как в 1822 г. он переехал в Индию (откуда он, спасаясь от финансовых неурядиц, уехал в Южную Африку). Преследуемый эти-

ми проблемами и меняя места обитания, он продолжал, однако, публиковать статьи, в которых страстно призывал к свободе торговли.

Джон Уитли всегда делал особый упор на предложении денег и едином уровне цен, этим он предвосхитил то жесткое разделение реального мира на денежную и реальную сферу, которое так характерно для современного монетаризма и макроэкономики вообще. Более интересно, что в этой своей механистической фиксации на общем уровне цен он также предвосхитил невезучих сторонников Ирвина Фишера и представителей чикагской школы, а также более позднюю озабоченность монетаристов проблемой стабилизации «уровня цен» с их фанатическими протестами против любых изменений этого «уровня». Даже в своих ранних работах 1803 и 1807 г. Уитли заклинает остерегаться якобы существующего зла, присущего падающим ценам (но также и инфляции), и утверждает, что падающие цены более опасны, чем инфляция. В действительности влияние ранних работ Уитли было фатально ослаблено его половинчатыми рекомендациями в области денежной политики, которые он выводил из своей бескомпромиссной денежной теории. Вместо того чтобы рекомендовать возвращение к золотому стандарту, Уитли смог предложить лишить провинциальные банки права эмитировать собственные банкноты и обязать мелкие банки погашать все выпущенные ими банкноты номиналом меньше 5 ф. ст.

В сочинении 1807 г. он призвал к тому, чтобы долгосрочные контракты заключались с использованием индекса цен, а в более поздних работах, написанных после того, как этот призыв не был услышан, он впал в настоящую истерику по поводу мнимых ужасов в виде падающих цен и тех бедствий, которые они несут для бедняков. Во втором томе своего сочинения, вышедшем в 1822 г., Уитли дошел до того, что выступил за отсрочку возобновления погашения банкнот Банка Англии металлом до того момента, когда в стране окажется больше золота — чтобы не допустить падения цен. В действительности в тот момент Уитли был готов выйти из золотого стандарта — вследствие своего безумного сопротивления падению цен. Страстно желая, чтобы правительство стабилизировало ценность декретных денег, Уитли писал: «...если количество бумажных денег будет поддерживаться постоянным и не будет ни увеличиваться, ни уменьшаться, то они будут лучшей мерой ценности и лучшим средством обмена, чем золото». К моменту опубликования своей последней работы, написанной в 1828 г. в Южной Африке, Уитли призывал к экспансии денежного предложения исключительно путем увеличения количества бумажных денег, утверждая, что в противном случае «нам неизбежно уготована вечная бедность».

Судьба Уитли подобна судьбе многих современных монетаристов и приверженцев механицистской версии количественной теории денег, — он начал как стойкий буллионист и через несколько лет стал фанатически ненавидеть дефляцию, что превратило его в сторонника инфляции и декретных денег.

5.9. ПРИМЕЧАНИЯ

1. На протяжении XVII—XVIII вв. в Англии действовал биметаллический стандарт, но официальный курс систематически завышал золото и занижал серебро по сравнению с ценами этих металлов, устанавливаемых на мировом рынке. В результате в течение длительного времени Британия де-факто имела золотой стандарт. Polemica по проблемам денежного обращения, развернувшаяся в Англии в период отмены погашения, осложнялась тем фактом, что в течение этих двух столетий британцам было запрещено экспортировать золотые и серебряные монеты и слитки, изготовленные из таких монет. Экспорт иностранных монет и слитков был легальным, но более важно то, что обычно эти экспортные ограничения сводились на нет вследствие массовой и значительной по объему контрабанды.
2. Norman J. Silberling, *Financial and Monetary Policy of Great Britain during the Napoleonic Wars*, *Quarterly Journal of Economics* 38 (1924), p. 420; цит. по: Joseph Salerno, 'The Doctrinal Antecedents of the Monetary Approach to the Balance of Payments' (докторская диссертация, Rutgers University, 1980), pp. 283—284.
3. См.: Thomas Malthus, *An Investigation of the Cause of the Present High Price of Provisions* (1800).
4. Salerno, op. cit., note 2, p. 294.
5. Ibid., pp. 229—300.
6. Воздействие «Письма» Бойда усилили факты, которые он привел в предисловии: Бойд сообщил, что через несколько месяцев после написания основной части текста «Письма» обесценение фунта на рынке в Гамбурге увеличилось с 9 до 14%, а премия, уплачиваемая в случае расчетов золотыми слитками вместо <бумажных> фунтов выросла до $10\frac{1}{2}\%$. Он указал, что за этот же период Банк Англии был вынужден раскрыть перед Парламентом статистику о количестве своих банкнот, находящихся в обращении, подтвердив сильные подозрения Бойда о том, что имело место огромное увеличение этого количества, — оказалось, что количество выпущенных банкнот Банка Англии выросло с 8,6 млн ф. ст. в феврале 1798 г. до 15,45 млн ф. ст. в декабре 1800 г.
7. См. весьма полезный для прояснения позиций участников дискуссии о слитках историографический анализ в: Salerno, op. cit., note 2, pp. 266—282.
8. Цит. по: F. A. von Hayek, 'Introduction' in Henry Thornton, *An Enquiry into the Nature and Effects of the Credit of Great Britain* (1802) (New York: Rinehart & Co. 1939), p. 36n.
9. Биограф Торнтон совершенно прав, отвергая утверждение Хайека, согласно которому Торнтон работал над «Бумажным кредитом» с 1796 г. Сам Торнтон (и это признает Хайек), утверждает во «Введении» нечто прямо противоположное: «Первым побуждение автора настоящего сочинения было не более чем разъяснить некоторые популярные ошибки, относящиеся в основном к подозрениям в отношении платежей наличными Банка Англии, и влиянию нашей бумажной наличности на цены предметов питания». Хайек также признает, что книга «отчасти была задумана как ответ Бойду». См.: Hayek, op. cit., note 8, pp. 42—46; Thornton, op. cit. note 8, pp. 67; Standish Meacham, *Henry Thornton of Clapham, 1760—1815* (Cambridge: Harvard University Press, 1964), p. 186.

10. Salerno, op. cit., note 2, pp. 364—365.
11. обстоятельная критика положений Торнтона приведена в: Salerno, op. cit., note 2, pp. 357—400.
 - (1). То есть его сальдо перестанет быть отрицательным. — *Прим. перев.*
 - (2). Под «плохим золотом» здесь имеются в виду золотые монеты, ценность которых меньше номинала — либо за счет износа, либо за счет «обкусывания» краев, либо за счет уменьшения содержания драгоценного металла в сплаве. — *Прим. перев.*
12. Jacob Hollander, 'The Development of the Monetary Theory from Adam Smith to David Ricardo', *Quarterly Journal of Economics*, 25 (May 1911), p. 456.

ГЛАВА 6

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ О ДЕНЬГАХ И БАНКАХ. ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ОТЧЕТ КОМИТЕТА О СЛИТКАХ И ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЗОЛОТУ

6.1. В БИТВУ ВСТУПАЕТ РИКАРДО

193

После 1804 г. дискуссия о слитках замерла на пять лет, в основном из-за того, что осторожная политика Банка Англии и Банка Ирландии на какое-то время приспособилась к денежной инфляции и ее нежелательным последствиям. Затем разгоревшаяся с новой силой война с Наполеоном в течение 1809 г. вновь подожгла также и инфляцию — количество банкнот Банка Англии в обращении выросло с 17,5 млн ф. ст. по состоянию на ноябрь 1808 г. до 19,8 млн ф. ст. по состоянию на август следующего года. Соответственно, к лету 1809 г. фунт резко обесценился, торгуясь на валютной бирже в Гамбурге с дисконтом в 20%, и на 20% выросла внутренняя рыночная цена золота (до 93 шиллингов за унцию при официальном номинале монетного двора в 7 шиллингов $10^{1/2}$ пенса за унцию). Настал момент, когда дискуссии о слитках суждено было разгореться вновь.

Давид Рикардо был первым и главным экономистом, которого можно назвать денежным теоретиком, и, как напомнил нам проф. Пик, сосредоточенность Рикардо на проблемах денег оставалась ключевым элементом его занятий экономической теорией как таковой¹. Рикардо наткнулся на «Богатство народов» в 1799 г. и с этого момента погрузился в глубины политической экономии, к тому же его практическая деятельность и положение молодого состоятельного брокера, торгующего акциями и облигациями, делала его увлечение финансовыми проблемами вполне естественным. Быстрое обесценение фунта, имевшее место в 1809 г., побудило Рикардо опубликовать свою первую работу по экономической теории — это было письмо в «Morning Chronicle», напечатанное в номере от 29 августа 1809 г. под заголовком «Цена золота».

Письмо Рикардо получило огромный резонанс, в том числе благодаря характерному для его работ уникальному сочетанию высокого теоретического уровня и впечатляющего владения эмпирическим материалом — он не только хорошо знал отчетные данные, но и свободно ориентировался в сложных институциональных деталях функционирования денежных рынков. За первым письмом в «Morning Chronicle» последовало

еще два, и все они, расширенные и дополненные, вскоре были выпущены в виде книги. То была первая книга Рикардо, она вышла в начале 1810 г. под заголовком, подытоживающим содержание: «Высокая цена слитков — доказательство обесценения банкнот»⁽¹⁾. В течение следующего года эта книга выдержала не менее четырех изданий.

В течение первого этапа дискуссии о слитках (1800—1804 гг.) сформировались основные группы ее участников. Рикардо стремился к тому, чтобы оживить и восстановить позицию буллионистов, видя в них не только оппонентов противоположной группы (антибуллионистов), но и оппонентов намного более уважаемой и влиятельной позиции умеренных антибуллионистов, разделяющих доктрину Генри Торнтон (последнее он считал намного более важным, чем оппонирование антибуллионистам). Наиболее авторитетным теоретиком, который выступал против буллионизма, был Торнтон, и Рикардо начинает с того, что выступает в защиту лорда Кинга, хотя при этом он, к сожалению (как мы увидим ниже), обращается к негибкой и механицистской концепции Джона Уитли, развивая ее в том же направлении, в котором ее продвигал сам Уитли.

Однако его главным оппонентом был Торнтон, и Рикардо пытается переубедить его. В «Высокой цене слитков» он пишет:

Г-н Торнтон сказал нам, что неблагоприятный торговый баланс объясняет неблагоприятный вексельный курс, но мы уже видели, что влияние неблагоприятного торгового баланса — если это выражение точно — на вексельный курс ограничено и не превышает, вероятно, 4 или 5%. Это не может объяснить обесценение в 15 или 20%. Далее г-н Торнтон говорит, и я вполне согласен с ним, что «можно установить как общую истину, что вывоз и ввоз какого-либо государства, естественно, стремятся прийти в какой-то мере в соответствие друг с другом, в силу чего его торговый баланс не может быть в течение очень долгого времени либо очень благоприятным, либо очень неблагоприятным». Так вот, низкий вексельный курс далеко не является временным и существовал еще до того, как г-н Торнтон писал это в 1802 г.; с тех пор этот курс падал все ниже, и в данное время он на 15—20% против нас. Следовательно, в согласии с собственными принципами г-н Торнтон должен приписать это падение какой-нибудь более постоянной причине, чем неблагоприятный торговый баланс; я не сомневаюсь в том, что, каково бы ни было его прежнее мнение, он теперь согласится, что это падение вексельного курса может быть объяснено только обесценением средств обращения⁽²⁾.

В «Высокой цене слитков» Рикардо формулирует важное утверждение: не существует такой вещи, как дефицит денежного металла, и соответственно, такого явления, как огромная потребность в его дополнительном количестве, или, иными словами, *любой* уровень предложения денег является оптимальным:

Если бы количество золота и серебра, употребляемое во всем мире в качестве монеты, было чрезмерно ограничено или излишне велико,

то это ни в малейшей степени не повлияло бы на пропорции, в которых они распределялись бы между различными нациями; изменение в их количестве вызвало бы только сравнительное вздорожание или удешевление товаров, на которые они обмениваются. Меньшее количество монеты выполняло бы функции средства обращения так же хорошо, как и большее⁽³⁾.

Как только в январе 1810 г. «Высокая цена слитков» была опубликована в виде отдельной брошюры, Рикардо, следуя правильной тактике продвижения своих взглядов, направил экземпляр ведущему деятелю умеренных буллионистов и влиятельному члену Парламента Френсису Хорнеру. Книга произвела на Хорнера эффект удара молнии — она подвигла его на внесение в Палату общин в следующем месяце резолюции (которая прошла, набрав необходимое число голосов) об учреждении выборного комитета для установления причины высокой цены слитков. Руководимый Хорнером знаменитый комитет о слитках, в который вошли 22 выдающихся члена Парламента, выпустил в июне 1810 г. свой отчет, в котором рекомендовал проводить политику сторонников буллионизма, имеющую в виду возврат к золотому стандарту в течение двух лет. Отчет комитета о слитках вызвал ожесточенную дискуссию в Парламенте и в статьях по общим вопросам, продолжавшуюся весь следующий год.

Давид Рикардо отчасти достиг своей цели по переубеждению Генри Торнтона, который был, пожалуй, наиболее влиятельным членом комитета о слитках и выступил соавтором Отчета, наряду с Хорнером и Уильямом Хаскиссоном. Интересно, что Торнтон изменил свою позицию не столько под влиянием *теории* Рикардо о деньгах, сколько из-за впечатляющего потока эмпирических данных, которые в конце концов убедили его в том, что данная конкретная инфляция и обесценение фунта имеют своей причиной избыточную эмиссию Банком Англии своих банкнот. Коротче говоря, Торнтон присоединился к своему ученику Хорнеру не потому, что стал умеренным буллионистом по теоретическим соображениям, а потому, что переменял свою веру с антибуллионистской на пробуллионистскую по эмпирическим основаниям². Во время парламентских дебатов, посвященных Отчету комитета о слитках в мае 1811 г., Торнтон признал, что идея, согласно которой причинами обесценения фунта были плохой урожай и субсидии иностранцам, «была ошибкой, которой одно время был привержен и я сам, но после более полного рассмотрения предмета я изменил свое мнение».

Обращение Торнтона в новую веру было тем более примечательным, что финансовое положение его собственного банка было напрямую связано с процессом кредитной экспансии, осуществляемой в форме ссуд декретных денег, и уже сама публикация Отчета комитета о слитках, несмотря на то что сторонникам золотого стандарта в тот раз не удалось одержать победу в Парламенте, стала причиной первого набега на банк Торнтона. Этот набег не был особенно масштабным, однако это событие ознаменовало собой начало периода трудностей, с которыми банку так

и не суждено было справиться в полной мере — он потерпел окончательный крах в 1825 г., через десять лет после кончины Торнтона.

Однако обращение Торнтон в новую веру произошло под влиянием одних только соображений эмпирического характера. Так, во время парламентских дебатов по поводу Отчета комитета о слитках он все еще использовал в качестве довода жупел дефляции и предлагал девальвировать фунт до фактических рыночных значений — с тем чтобы защититься от дефляции, которая разразится в противном случае, когда в конце концов запрет на погашение банкнот Банка Англии золотом будет снят и платежи золотом будут восстановлены.

Поскольку Рикардо сосредоточил свои главные усилия на борьбе со взглядами Генри Торнтон, неудивительно, что он допускал полемические переხлесты и, вместо того чтобы принять последовательную и продуманную позицию лорда Кинга, продолжил негибкую и механистическую линию, начатую Джоном Уитли. Так, в частности, Рикардо полагал, что, для того чтобы полностью опровергнуть Торнтон, дискуссия должна вестись исключительно в теоретической плоскости. Поэтому Рикардо чувствовал, что он должен настаивать на том, что цены и обменный курс в принципе могут испытывать воздействие *одних только монетарных факторов*, даже в краткосрочном периоде. Рикардо считал, что он обязан утверждать: деньги всегда, даже в краткосрочном периоде, совершенно и полностью нейтральны по отношению к остальной экономике, т.е. ко всему, кроме общего уровня цен <overall prices>. Как пишет проф. Пик:

Ранние работы Рикардо в значительной мере представляют собой реакцию на денежную теорию Генри Торнтон, согласно которой деньги не являются нейтральными; это объясняет, почему, оспаривая взгляды Торнтон, Рикардо связал себя концепцией, в рамках которой выпуск продукции, ценность и распределение в реальном измерении соответствуют нейтральным деньгам³.

Для достижения своей впечатляющей и амбициозной цели Давид Рикардо должен был сосредоточиться исключительно на состояниях долгосрочного равновесия и проигнорировать приводящие к ним рыночные процессы. Этим Рикардо подготовил почву для своих более поздних подходов к анализу всех экономико-теоретических проблем⁴. Рикардо сформулировал суть своего метода в ходе знаменитой переписки с Мальтусом об экономико-теоретических проблемах денег, которую он вел с 1811 по 1813 г.: «Вы всегда имеете в виду немедленные и временные эффекты. [...] Я же направляю свое внимание на постоянное состояние вещей, которое станет их результатом»⁵.

Поскольку Рикардо постулировал, что деньги нейтральны по отношению ко всему, кроме общего уровня цен, он должен был произвести радикальное разделение денежного и реального мира, причем ценность, относительные цены, производство и доходы определяются только в «реаль-

ной» сфере, а общий уровень цен определяется только в денежной сфере. И эти две сферы никогда не могут встретиться. Здесь берет начало роковое повсеместно распространенное (и сохранившееся вплоть до сегодняшнего дня) заблуждение, состоящее в установлении жесткой границы между двумя герметично замкнутыми мирами — «микро» и «макро», каждый со своими собственными законами и со своими собственными наиболее значимыми комплексами воздействий. Более того, как пишет Салерно, именно торжественное постулирование Рикардо доктрины нейтральности денег, фигурирующее в его работах по вопросу о слитках, послужило источником классической концепции денег, трактующей деньги как всего лишь «вуаль», которая скрывает «реальные» экономические явления и процессы⁶. В частности, если деньги нейтральны, то ценность, или относительные цены, должны определяться одними только «реальными» факторами, которые Рикардо усматривал в количествах труда.

В сфере макроэкономики Рикардо, наоборот, постулировал наличие механистического, строго пропорционального причинно-следственного отношения между количеством денег и уровнем цен, т.е. он следовал той версии количественной теории денег, которая настаивает на строгой пропорциональности между изменением количества денег и изменением уровня цен. Адекватную оценку этому моменту дает все тот же Пик:

196

В сфере теории Рикардо бросил вызов Торнтону, выдвинув строгую версию количественной теории денег, предполагающую нейтральность денег, что выразилось в хорошо известном разделении экономики на товарный и денежный сектор, когда деньги не играют никакой роли, кроме определения общего уровня цен. Аналитически это потребовало от него так преобразовать модель Торнтона, что она оказалась разделенной пополам... и показать, что равновесие на реальном рынке не зависит от денежного рынка. Главная тема, объединяющая все последующие работы Рикардо, — это непрекращающиеся поиски нейтральных денег⁷.

Итак, Рикардо пишет, что

ценность средств обращения каждой страны находится в известном отношении к ценности приводимых ими в обращение товаров. [...] Никакое увеличение или уменьшение количества средств обращения, состоят ли они из золотых, серебряных или бумажных денег, не может увеличить или уменьшить их ценность выше или ниже этой доли. Если рудники перестают доставлять количество, необходимое для годичного потребления драгоценных металлов, то ценность денег повышается и меньшее их количество будет употребляться в качестве средств обращения. Уменьшение их количества будет пропорционально увеличению их ценности⁽⁴⁾.

Рикардо заявляет, что ценность бумажных денег, не погашаемых металлом, становится решающим фактором таким же способом. Следовательно, при запрете платежей металлом

всякий излишек банкнот [Банка Англии] уменьшил бы ценность средств обращения пропорционально этому излишку. Если бы 20 млн ф. ст. составляли сумму средств обращения в Англии до приостановки размена и если бы [Банку Англии] удалось увеличить последовательно добавочную сумму до 50 или 100 млн ф. ст., то возросшее количество денег было бы поглощено обращением Англии, но во всяком случае обесценилось бы до ценности двадцати миллионов⁽⁵⁾.

Более того, в условиях неконвертируемой [в золото] валюты строгая пропорциональность переносится и на процесс установления обменного курса. Как и Уитли, Рикардо исходил из того, что обменный курс всегда определяется только денежными факторами и что, следовательно, обесценение отечественной валюты [в бумажных деньгах] должно быть точной мерой денежной инфляции и степени избыточности эмиссии. Точно так же и в столь же точной пропорции меру избыточности эмиссии [бумажных денег] и степень обесценения [бумажного] фунта будет отражать увеличение цены слитков и рост товарных цен.

Появление Давида Рикардо в публичной дискуссии по вопросам денежной сферы поставило его в первые ряды буллионистов, однако это произошло не потому, что ему удалось формулировать нечто оригинальное с экономико-теоретической точки зрения, а по причине его обширных эмпирических познаний о деньгах и денежной сфере, а также вследствие его способности быстро знакомиться со специальной литературой и по причине его страстного желания детально рассмотреть и опровергнуть аргументы многочисленных известных и уважаемых представителей лагеря антибуллионистов, принадлежащих к британскому истеблишменту. Одним из таких противников, получившим известность в то время, когда в Англии бурно обсуждался Отчет комитета о слитках (см. ниже), был некий Чарльз Бозанкет (1769—1850), лондонский торговец и управляющий Компании Южных морей (а также сын бывшего управляющего Банка Англии), — он опубликовал статью, в которой, выступая с позиций «практика», подверг ироническим нападкам «безумных и бесполезных теоретиков» (в 1810 г. было опубликовано два издания под названием «Практические замечания к Отчету комитета о слитках» («*Practical Observations on the Report of the Bullion Committee*»). В следующем году эта статья стала поводом для написания знаменитой работы Рикардо «Ответ на практические замечания г-на Бозанкета по поводу Доклада комитета о слитках» («*Replay to Mr. Bosanquet's Practical Observations*»)⁽⁶⁾. Это сочинение представляет собой образец яркой и эффективной работы полемического характера, в которой Рикардо в ответ на соображения недалекого самопровозглашенного «практика» привел впечатляющий ряд эмпирических данных в защиту высокой (и механистической, отметим мы) теории. «Ответ г-ну Бозанкету» оказался таким действенным, в частности, потому, что по своему практическому опыту и знанию коммерческих реалий Рикардо не уступал Бозанкету, но, с другой стороны, именно это обстоятельство повлияло на то, что многие

читатели не приняли во внимание очевидную неадекватность используемого им теоретического инструментария.

Джейкоб Холландер дал правильное объяснение той роли, которую сыграл Рикардо как автор, выступивший в защиту буллионизма, указав, что эта роль заключалась не том, что Рикардо внес какой-то оригинальный вклад в экономическую теорию, а в том, что он

не довольствуясь одним только формулированием позитивной теории, начал, письменно и устно, последовательно разрушать один за другим, иногда полностью и всегда убедительно, каждый аргумент оппонента. Теория, имевшая сильные стороны, присущие ей с момента зарождения, была подновлена, защищена от нападков догматиков, подтверждена ссылками на фактические события и оживлена примерами из самых новейших реалий. Таким образом, последняя по времени критика была отбита. Были посеяны семена того, что позже стало стандартом, — поле было расчищено, и к сторонникам [золотого стандарта] присоединился внимательный и изобретательный защитник этой позиции⁸.

Однако уже тогда этот защитник твердых денег начал отступать от заявленной позиции и если не оставил ее полностью, то по меньшей мере постарался это сделать. В своем ответе на рецензию Мальтуса на «Высокую цену слитков», опубликованную в «Edinburgh Review» (ответ был воспроизведен в качестве приложения к четвертому изданию этой работы Рикардо), он выдвинул такой проект отмены ограничений, которым выхолащивалась суть золотого стандарта. Рикардо предложил, чтобы фунт стерлингов [выпущенный в форме бумажных денег] погашался бы золотыми слитками, а не золотыми монетами. Но золотослитковый стандарт означает, что обычный человек не сможет обменять бумажные деньги на товарное средство оплаты и что золотой стандарт распространяется только на горстку богатых капиталистов, занимающихся международными финансовыми операциями. Тот факт, что Рикардо изменил золотомонетному стандарту, в какой-то мере объясняется его желанием (совершенно в духе Адама Смита) «сэкономить» золото как металл, но в большей мере оно вызвано боязнью дефляции, каковая боязнь находится в очевидном противоречии с его отрицанием существования каких бы то ни было последствий изменения предложения денег, которые состояли бы в чем-то отличном от изменения общего уровня цен. Демонстрируя фобию в отношении дефляции и допуская это противоречие, Рикардо следует своему наставнику, представителю механистической версии буллионизма Джону Уитли.

Кроме Френсиса Хорнера, был еще один автор, которого вдохновило вступление Рикардо в дискуссию о слитках. Это был Роберт Машет (1782—1818). Шотландец, родившийся недалеко от Эдинбурга, юный Машет в 1804 г. поступил на службу на Королевский монетный двор и к моменту возобновления полемики о слитках дослужился до поста первого помощника начальника этого учреждения. Его работа «Иссле-

дование последствий билля об ограничении платежей металлом для банков, каковы последствия этот билль имеет для денежного обращения страны и обменного курса» («An Enquiry into the Effects on the National Currency and Rates of Exchange, by the Bank Restriction Bill») вышла в начале 1810 г., до учреждения комитета о слитках, и вскоре выдержала три издания. Машет смог добавить к доводам сторонников твердых металлических денег аргументы, основанные на опыте, полученном им во время службы на Королевском монетном дворе.

6.2. БУРЯ, РАЗРАЗИВШАЯСЯ ПОСЛЕ ОПУБЛИКОВАНИЯ ОТЧЕТА КОМИТЕТА О СЛИТКАХ

Хотя Френсис Хорнер, организовавший знаменитый комитет о слитках и возглавивший его, был вигом, не похоже, что комитет как таковой ставил своей задачей борьбу с правительством тори. Дело обстояло противоположным образом — из 22 членов комитета семеро были вигами, семеро — явно выраженными тори, включая премьер-министра и канцлера казначейства Спенсера Персиваля⁹, и восемь членов, включая Торнтонна и Александра Бэринга, представителя знаменитого семейства Бэринг, были независимыми депутатами, дружески настроенными к администрации тори. К моменту учреждения комитета о слитках из всех авторов Отчета этого комитета главным и наиболее авторитетным сторонником ограничений на погашение золотом банкнот, выпущенных Банком Англии, считался, пожалуй, Торнтон, а Уильям Хаскиссон (1770—1830) был лидером парламентской фракции тори, которую возглавлял Канинг, опытный тори, входивший в администрацию в течение нескольких лет вплоть до 1809 г.¹⁰ Типичного члена комитета о слитках можно представить себе как некоего думающего тори, который раньше поддерживал ограничения на размен банкнот Банка Англии, но которого теперь стали беспокоить ускоряющаяся инфляция и обесценение фунта. Хотя Давид Рикардо был знаком с Торнтоном (в 1805 г. они оба были в числе основателей Лондонского института с его библиотекой), его единственным близким другом в комитете о слитках был еще один соучредитель Лондонского института — Ричард Шарп (1759—1835), виг и предприниматель, осуществлявший торговые операции с Вест-Индией¹¹. Единственным членом комитета о слитках, разделявшим враждебное отношение Рикардо к Банку Англии, был Генри Парнелл (1776—1842). Так что членство Торнтонна в комитете о слитках и его решение поддержать Отчет, действительно, потрясли противников слиткового стандарта и же не Торнтонна даже пришлось объясняться на повышенных тонах с рядом друзей дома¹². Фрэнк Феттер пишет об этом следующее:

Положение, занимаемое Торнтонном и Хаскиссоном в комитете о слитках, и вытекающая из него позиция, в соответствии с которой они за-

щищали Отчет комитета, не получила поддержки, а была встречена скорее с печалью. Их позиция стала результатом растущей обеспокоенности по поводу пассивности, доходящей до апатии, охватившей правительство и Банк [Англии], и по поводу условий, сложившихся на зарубежных вексельных рынках и на рынке слитков, а также по поводу поддержки руководством правительства и Банка доктрины реальных векселей, причем в ее наиболее радикальной форме: согласно этой версии доктрины, пока Банк Англии кредитует одни только реальные торговые активы, количество таких кредитов не может породить никаких последствий для цен и положения фунта на зарубежных валютных рынках¹³.

Более важным было то, что сам по себе Отчет комитета о слитках не был написан ни в духе Кинга, ни в духе Рикардо, а представлял собой произведение, созданное целиком и полностью членами умеренной группы буллионистов, которую можно назвать группой Торнтон—Хорнера. Их поддержка металлического стандарта опиралась не на теоретические основания, а на эмпирические данные — в Отчете неохотно (но недвусмысленно) признавалось, что факты таковы, что ограничения на размен банкнот Банка Англии и проводимая им политика денежной инфляции сыграли решающую роль в наблюдающихся в настоящий момент инфляции и обесценении фунта стерлингов. Торнтон поддерживал призыв к возобновлению платежей наличными лишь в порядке возражения на вариант, предусматривавший банкротство Банка Англии, наказание правительства и установление явных ограничений на продолжение денежной эмиссии. Что касается Рикардо, то он превратился в главного защитника комитета о слитках лишь после того, как выводы относительно денежной политики, фигурирующие в Отчете комитета, совпали с его выводом о необходимости возобновления платежей металлом¹⁴. Защищая Отчет, Мальтус также поздравил комитет о слитках с тем, что тот избрал собственный, умеренный вариант обоснования своих выводов, а не следовал «ошибочной позиции Рикардо», согласно которой обесценение фунта вызвано «исключительно монетарными причинами»¹⁵.

Отчет комитета о слитках, одобренный на заседании с участием всех членов комитета, проголосовавших в соотношении 13 «за» и 6 «против», был представлен Парламенту 8 июня 1810 г.¹⁶ Хотя премьер-министр Персиваль и еще пятеро членов комитета, включая главного казначея и заместителя управляющего Банка Англии, проголосовали против утверждения Отчета, поначалу правительство тори не выказывало никаких признаков какой-то особой враждебности. Более того, когда Отчет был впервые опубликован, пресса, выражающая мнение этой партии, отнеслась к нему весьма благожелательно. Однако в течение нескольких месяцев правительство изменило свое отношение и стало вести себя совершенно иначе. Имеющиеся свидетельства говорят о том, что команда начать тотальную атаку на Отчет комитета о слитках была

дана правительством и руководством Банка Англии не ранее конца августа или самого начала сентября 1810 г. В Парламенте борьбу против комитета о слитках возглавил Николас Ванситтарт (1766—1851), до этого несколько раз занимавший пост министра финансов и вскоре ставший канцлером казначейства¹⁷. Во время парламентских дебатов о возобновлении платежей металлом Ванситтарт прибег к патриотически звучащему, но не имеющему отношения к делу и абсурдному аргументу, согласно которому для обеспечения выпускаемых в стране денег достаточно «национальных ресурсов» страны, так что необходимости в золоте не возникает. Во время дебатов, посвященных Отчету комитета о слитках, Ванситтарт продолжал приводить самые разные аргументы из арсенала антибуллионистов: во-первых, немедленная отмена ограничений будет (как и всегда) неблагоприятной; во-вторых, ограничения на обмен банкнот Банка Англии никогда и никак не были связаны с обесценением фунта; и в-третьих, каждый кусочек банкноты Банка Англии ценится столь же высоко, сколь и золотая монета. Это последнее утверждение было настолько абсурдным и в такой степени не соответствовало фактическому положению дел, что дало видному тори и бывшему лидеру их фракции в Парламенте Джорджу Каннингу повод открыто назвать его бредовым.

Помимо Персиваля и Васиттарта, официально возглавлявших борьбу против Отчета комитета о слитках, в ней приняли деятельное участие еще четыре теньевые фигуры, занимавшие позиции помощников и советников. Одним из них был Джон Херрис (1778—1855), сын лондонского торговца, долгое время служивший в Министерстве финансов, а ко времени описываемых событий ставший личным секретарем канцлера казначейства, в прошлом и будущем — советник лидеров партии тори по финансовым вопросам. Позже и он станет канцлером казначейства. Второй фигурой был Генри Бики (1751—1837), профессор современной истории в Оксфорде, приятель Ванситтарта и уважаемый советник политиков-тори. Третья фигура — несколько таинственная и очень влиятельная — Джаспер Аткинсон (1761—1844), о котором мало что известно, помимо того, что в течение четверти века он был официальным советником правительства и Банка Англии и с 1802 по конец 1820-х гг. написал 13 статей в поддержку их политики. Кажется, ему принадлежал какой-то провинциальный банк и он активно занимался торговлей с Голландией. Разумеется, его статьи были направлены против Отчета комитета о слитках. Аткинсона уговорил написать статью Херрис, при этом ему помогал его старый приятель и консультант Генри Бики.

Пожалуй, еще более любопытна та роль, которую в этих событиях сыграл сэр Фрэнсис д'Ивернуа, друг Ванситтарта, бывший секретным агентом Британии в Европе и советником по конфиденциальным вопросам британского правительства, в частности по вопросам отношений с Францией. Именно д'Ивернуа попытался организовать провокацию и сыграть на патриотизме членов Парламента, вбросив во время дебатов

информацию с очевидно фальшивыми обвинениями в том, что Отчету оказывал поддержку наполеоновский режим. В рамках этой поддержки Наполеон усилил эмбарго против Англии и организовал нажим на Соединенные Штаты, с тем чтобы они превратились в противника Англии. В Парламенте это эффектное, хоть и ложное обвинение было подхвачено Ванситтартом и главой англо-ирландского истеблишмента Робертом Стюартом, известным также по своим титулам как виконт Каслри и маркиз Лондондерри (1769—1822).

Конечно, главным мотивом, которым руководствовались критики Отчета, было соображение, согласно которому ограничение на погашение бумажных денег жизненно необходимо для ведения войны с Францией. Премьер-министр Персиваль обвинял авторов Отчета в том, что «его принятие будет равносильно заявлению о том, что они более не намерены продолжать вести <боевые> действия за рубежом, которые до сих пор считались неотъемлемой частью усилий по обеспечению безопасности страны». Если парламентарии примут Отчет и одобряют предлагаемые там меры, гремел Персиваль, «они навсегда запятнают себя, добровольно превратившись в инструмент разрушения своей собственной страны». Предупреждая об опасности подобных изменений для потребностей военного времени, виконт Каслри прибегал к откровенной клевете; в числе радикально настроенных тори были министр иностранных дел и военный министр Роберт Дженкинсон, он же граф Ливерпуль (1770—1828), и казначей военно-морского флота и бывший министр по военно-морским делам Джордж Роуз (1744—1818), который написал две статьи на тему дискуссии. Роуз был самым радикальным на радикальном фланге тори, он дружил с королем Георгом III, был противником парламентской реформы, активнейшим сторонником продолжения войны, противником отмены хлебных законов и рабства.

В конце 1810 г. и начале 1811-го был опубликован целый ряд статей, направленных против Отчета, и многие из них, отпечатанные как с именем автора, так и анонимно, появились вследствие закулисной деятельности лиц, близких к правительству и Банку Англии, и в рамках организованной ими пропагандистской кампании. В дополнение к статье Аткинсона с трактатом, опубликованным без имени автора, под заголовком «Обзор спора о высокой цене слитков и состоянии нашего денежного обращения» («A Review of the Controversy Respecting the High Price of Bullion, and the State of our Currency») выступил Херрис. Другим примером работы, появившейся в рамках этой кампании, является упоминавшаяся выше статья Чарльза Бозанкета, которую Рикардо подверг полному разгрому. Особенно важной в этой связи представляется публикация речи известного юриста Рэндла Джексона (1757—1837), имевшая целью выразить мнение обеспокоенных акционеров Банка Англии¹⁸. На самом деле Джексон был просто-напросто нанят Банком Англии для того, чтобы появился материал, направленный против Отчета комитета о слитках, который не исходил бы непосредственно от Банка.

Джексон в своей речи собрал все критические правительственные замечания против Отчета, имевшиеся на тот момент: само появление Отчета сильно осложнило выдачу кредитов на торговые операции, комитет о слитках состоит из лиц, вечно пребывающих в оппозиции к правительству, количество банкнот не может быть избыточным и не может служить причиной превышения цен, выраженных в бумажных деньгах, цен золотого паритета, так как банкноты эмитируются только против «полученных реальных ценностей» — все эти умозаключения, если их можно назвать таковыми, совершенно ошибочны.

В действительности аргументация, использованная главным управляющим Банка Англии Джоном Уитмором и его заместителем Джоном Пирсом на заседаниях комитета о слитках и в ходе дебатов в Парламенте, представляла собой радикальную, доходящую в этом радикализме почти до абсурда, версию доктрины реальных векселей, состоящую в том, что если банк эмитирует банкноты против краткосрочных векселей, «имеющих реальную ценность и представляющих реальные [торговые] сделки», то такие банкноты ни при каких условиях не могут быть избыточными и никогда не имеют ни инфляционных последствий, ни последствий в виде обесценения фунта. Уолтер Беджгот позже назвал этот аргумент «почти классическим в своем идиотизме».

Возможно, высшей точкой этого идиотизма стала статья комиссара-аудитора фракции тори Френсиса Элиота (ок. 1756 — 1818), который дошел до того, что утверждал, будто аргумент Хаскиссона состоял в том, что он рассматривал золотую гинею в качестве претендента на роль стандарта ценности, тогда как в действительности таким стандартом является фунт стерлингов. Согласно Элиоту, фунт, именно потому, что он представляет собой декретные деньги, является идеальными счетными деньгами, *поскольку* по определению имеет неизменную ценность. С другой стороны, полагает Элиот, золотые и серебряные деньги, сделанные из материального товара, должны иметь переменную ценность.

В то же время Отчет вызвал критическую реакцию (в форме статей и выступлений в Парламенте) и другого рода. Здесь нельзя не упомянуть такую эксцентричную фигуру, как сэр Джон Синклер (1754—1835), который был первым президентом Совета по сельскому хозяйству и оставался таковым во время описываемых событий. Синклер происходил из дворянского шотландского семейства и получил образование в университетах Эдинбурга и Глазго, а в 1795 г. он окончил также колледж Св. Троицы в Оксфорде. Член Парламента в 1781—1811 гг., Синклер был человеком огромной энергии и весьма плодовитым автором, писавшим на темы, которые его искренне волновали. За свою жизнь он написал 367 трактатов и статей. Странник парламентской реформы, Синклер выступал за мир и написал несколько статей с критикой политики Питта, нацеленной на войну, в которых он призывал заключить мир с военными противниками Англии. В своих сочинениях он заходил очень далеко — так, во время американской войны за независимость

он опубликовал статью, в которой призывал, чтобы Англия отказалась от Гибралтара и передала его Испании. Главным предметом, вызывавшим его энтузиазм, было сельское хозяйство, которое он освоил на практике в то время, когда управлял родовыми землями в Шотландии. Он не только был первым президентом Совета по сельскому хозяйству, но и основал Британское общество шерсти.

Синклер был также увлечен статистикой и монетарными и налоговыми проблемами. Неумолимый собиратель статистических данных, именно Синклер ввел в английский язык слова «статистика» и «статистический». В течение десятилетия 1790-х гг. он подготовил и опубликовал двадцатитомное издание «Статистическое описание Шотландии» («A Statistical Account of Schotland»). Для темы нашей книги более важно другое издание — в 1785—1790 гг. он опубликовал трехтомник «История государственных доходов Британской империи» («History of the Public Revenues of the British Empire»). В этом труде Синклер со всей определенностью выказал себя убежденным сторонником инфляции и роста государственных расходов. Как только был опубликован Отчет комитета о слитках, Синклер написал премьер-министру Персивалю письмо, в котором просил помочь ему с переизданием его сочинения, указав на него как на одно из средств опровержения выводов комитета о слитках, нашедших отражение в Отчете. «Вы знаете о моем понимании значимости бумажных денег, — писал он Персивалю, — которые в действительности образуют основание нашего процветания». Его статья «Замечания к Отчету комитета о слитках» («Observations on the Report of the Bullion Committee»), опубликованная в сентябре 1810 г., стала первой в длинном ряду статей с критическими атаками на Отчет комитета.

Вал статей, яростно атакующих Отчет комитета о слитках, был организован в надежде повлиять на решение Парламента, а также в расчете на изменение общественного мнения. Первым, кто начал отбиваться от этих атак, стал Давид Рикардо: только в сентябре 1810 г. он выступил в защиту выводов и рекомендаций Отчета в статье в «Morning Chronicle», атаковал с последовательно жестких рикардианских позиций статью сэра Джона Синклера и подверг резкой критике речь Рэндала Джексона, в которой, сам будучи акционером Банка Англии, услышал личные нападки. В следующем году две полезные статьи опубликовал в «Edinburgh Review» Мальтус, — они были написаны в духе умеренной линии Торнтон—Хорнера.

Особенно действенными оказались усилия по защите Отчета, принятые фракцией тори, которую возглавляли Каннинг и Хаскиссон, делавшие это через их журнал «Quarterly Review». Поддержка Отчета этими видными деятелями партии тори помогала защитить авторов Отчета от обвинений в том, что их позиция отражала взгляды вигов <политических противников тори>. Одна из работ, получивших наибольшее распространение и оказавших наибольшее влияние, была написана членом комитета о слитках и соавтором Отчета Уильямом Хаскиссоном. Его «Во-

просы, касающиеся обесценения нашей валюты, поставленные и исследованные» («Questions Concerning the Depreciation of Our Currency Stated and Examined») были опубликованы в октябре 1810 г. и за непродолжительный период выдержали восемь изданий (в 1819-м вышло девятое). В скоординированной кампании, которую вел журнал «Quarterly Review» в интересах комитета о слитках, принимали участие правоверный тори Джордж Эллис (1753—1815)¹⁹, Хаскиссон и даже сам великий Джордж Каннинг. Отметим, что Хаскиссон не без изящества использовал в публикациях некоторые удачные пассажи из хвалебной рецензии Эллиса на свою собственную статью, опубликованную в «Quarterly Review».

Всего к маю 1811 г. вышло 90 статей, написанных как сторонниками, так и противниками Отчета комитета о слитках. Апогей дискуссии пришелся на май 1811 г., когда Парламент наконец приступил к обсуждению Отчета. После четырех дней дебатов Хорнер и его сторонники потерпели сокрушительное поражение: не прошел ни один принципиально важный, отражающий самое главное, что было в Отчете, пункт их проекта решения Парламента. Наибольшее значение имели первый и последний пункты. Первым пунктом ответственность за рост цен и обесценение фунта возлагалась на Банк Англии, а причиной этой ситуации была названа избыточная эмиссия им своих банкнот. Этот пункт был отклонен при голосовании в соотношении 151 голос против, 75 голосов за. Последний пункт проекта решения Парламента, предложенного Хорнером, предусматривал восстановление золотого стандарта в течение двух лет. Он был отвергнут с еще большим преимуществом — 180 голосов против и всего 45 за. Затем Николас Ванситтарт не упустил случая польстить правительству — он добился принятия Парламентом резолюции, в которой защищалась позиция, занятая правительством и Банком Англии в дискуссии о слитках. Наиболее выразительной была третья резолюция Парламента, в которой повторялась «старая чушь», столь же бессмысленная, как и приказание остановиться, отданное королем Кнудом морскому приливу, или попытка установить значение числа «пи» государственным законодательным актом. Парламент заявил, что «простые векселя означенной Компании [имелся в виду Банк Англии] в силу этого обстоятельства <т.е. в силу того, что Банк Англии был учрежден по решению государства> оценивались публикой ранее и оцениваются публикой в настоящее время как эквивалент законной монеты, обращающейся в пределах королевства и принимаемой по номиналу во всех денежных сделках...»

Несмотря на ускорение темпов инфляции и обесценения фунта, дискуссия по вопросам денежной системы выдохлась еще до окончания наполеоновских войн. В отчаянии (и возможно, для того чтобы продемонстрировать нелепость аргументации Ванситтарта) лорд Кинг, сам великий Питер Кинг, решает перейти к прямому и персональному протесту против обесценения бумажного фунта. Для того чтобы усилить драматизм фактической ситуации, в 1811 г. лорд Кинг заявляет, что отныне он будет

принимать арендную плату от своих арендаторов либо золотыми монетами, либо банкнотами, но только с рыночным дисконтом, соответствующим степени их обесценения, т.е. что при платежах он будет настаивать на том, чтобы плата вносилась либо золотом, либо в золотом эквиваленте бумажного фунта. Героический поступок Кинга заставил правительство установить, что рентные платежи совершаются узаконенным средством платежа по официальному курсу 21 шиллинг за золотую гинею. В следующем, 1812-м, году Парламент завершил этот ползучий переворот, распространив обязанность принимать узаконенное средство платежа на платежи всех типов.

6.3. ДЕФЛЯЦИЯ И ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЗОЛОТУ

Не следует удивляться тому, что, когда в 1815 г. война наконец-то закончилась, политики, представлявшие британский истеблишмент и использовавшие войну в качестве предлога для введения запрета на погашение банкнот Банка Англии металлическими деньгами, не проявили энтузиазма по поводу возвращения к золотому стандарту. Но все же условия для этого вполне созрели. Заложив основы того образца, которому суждено повторяться вновь и вновь в течение следующего столетия, инфляционный кредитный бум военного времени в одночасье сменился послевоенной дефляцией денег, кредита и цен. На смену инфляции военного времени пришла послевоенная дефляционная рецессия. Нет никаких данных, говорящих о том, что Банк Англии намеренно уменьшил предложение денег, с тем чтобы проложить путь к золотому стандарту с паритетом <золотого и бумажного фунта>, который совпадал бы с довоенным. В действительности перед нами начало классических и типичных для банковской системы с частичным резервированием чередований периодов бума, сменяющихся кризисами. Совокупный объем кредитов, выданных Банком Англии, уменьшился с 44,9 млн ф. ст. по состоянию на 31 августа 1815 г. до 34,4 млн ф. ст. годом позже — темп снижения составил 24%. За тот же период депозиты Банка упали примерно на 15%, а количество выпущенных банкнот — на 11%.

Это сжатие <активов и пассивов> Банка Англии сыграло роль мощного финансового рычага, воздействуя на провинциальные банки. В период с 1814 по 1816 г. многие из них обанкротились, и количество банкнот провинциальных банков, находящихся в обращении, упало с 22,7 млн ф. ст. в 1814 г. до 19,0 млн ф. ст. в 1815-м, и затем до 15,1 млн ф. ст. в 1816 г. Иначе говоря, количество эмитированных провинциальными банками банкнот уменьшилось за два года на 33,5%, в том числе на 20,5% в 1815—1816 гг. Теперь можно грубо оценить величину и темп общего снижения предложения денег с августа 1815 г. по август 1816 г. По состоянию на август 1815 г. совокупный объем денежного предложения (банкноты <Банка Англии> + банковские депозиты + банкноты провинциальных

банков) составлял примерно 60,7 млн ф. ст., к августу 1816 г. он сократился до 50,4 млн ф. ст., т.е. на 17% за год.

Денежное сжатие наряду с ожиданиями публики возврата к золотому стандарту понизило рыночную золотую премию, и цена золотого паритета почти сравнялась с рыночной. На конец 1813 г. рыночная цена золота под воздействием инфляции выросла до 5,10 ф. ст., что на 45% превысило довоенный паритет, составлявший 3 ф. 17 ш. 10¹/₂ п. После ссылки Наполеона на остров Эльба цена золота упала до 4 ф. 17 ш. 0 п., т.е. премия к довоенному паритету стала составлять всего 8%. Затем, после возвращения Наполеона во Францию, цена монетного золота взлетела почти до своего максимального значения, достигнутого в 1813 г. После Ватерлоо цена золота вновь резко упала и продолжила неуклонно понижаться, достигнув к октябрю 1816 г. 3 ф. 18 ш. 6 п., т.е. премия к довоенному паритету стала составлять менее 1%. Аналогичным образом рыночная цена серебра упала с максимального значения, при котором в 1813 г. премия составляла 38%, до уровня, при котором премия в первом послевоенном году (1816) едва превысила 2%. Цена фунта на валютном рынке Гамбурга упала столь значительно, что премия, составлявшая 44% в 1813 г., снизилась до нуля в 1816 г. Сокращение денежного предложения сопровождалось дефляцией цен: индекс цен в Британии упал с пикового значения 1814 г. в 198 (за 100 принят уровень 1790 г.) до 135 в 1816 г.

Словом, по окончании эпохи наполеоновских войн в Британии сложились прекрасные условия для возвращения к золоту, и немедленное восстановление платежей металлом и возобновление погашения банкнот Банка Англии золотом могло быть осуществлено без порождаемых этим действием тяжелых проблем переходного периода. Но британский истеблишмент проявлял нерешительность — единственным конструктивным шагом, предпринятым Парламентом в 1816 г., была отмена формально существовавшего биметаллического стандарта, который уже в XVIII в. привел к золотому стандарту де-факто, и формальный переход на золотой стандарт. После этого решения Парламента <т.е. начиная с 1816 г.> на законных основаниях серебро могло существовать лишь в качестве разменной монеты⁽⁷⁾. Но помимо заявления о том, что, когда Великобритания все-таки вернется к металлическому стандарту, он вернется к золотому стандарту, ничего больше предпринято не было.

Причина такой нерешительности состояла в широко распространенном желании британского истеблишмента продолжить эпоху дешевого кредита и инфляции, а также в еще более широко распространенной фобии по поводу дефляции — эта фобия искажающим образом воздействовала на аналитику и политические выводы даже тех, кого считали наиболее влиятельными сторонниками возвращения к золотому стандарту. Основная масса антибуллионистов демонстрировали лицемерие и интеллектуальное банкротство, развернув свою экономико-теоретическую позицию на 180 градусов. Те, кто еще недавно громогласно отрицал наличие какого-либо влияния, которое избыточная эмиссия бумажных

банкнот оказывает на рост цен и обесценение бумажного фунта, теперь, напротив, обвиняли в падении цен и послевоенной депрессии именно уменьшение количества денег и грядущее восстановление золотого стандарта. В реальности все, чего они хотели, сводилось к печатанию денег и инфляции, и для достижения своих целей они были готовы использовать любые аргументы, пусть даже эта аргументация непоследовательна и логически противоречива. Но они не были готовы понимать, что любой бум, инициированный инфляцией, в частности инфляцией, сопровождающей длительную и масштабную войну, заканчивается крахом — окончание войны будет ознаменовано депрессией и дефляцией. Эта дефляция была главным образом следствием послевоенной депрессии и волны банкротств — поскольку первоначальная послевоенная депрессия разразилась за много лет до фактического восстановления золотого стандарта и даже за много лет до принятия Парламентом закона о его восстановлении. Послевоенная депрессия представляет собой процесс рыночной адаптации экономики к окончанию периода сильнейших диспропорций структуры производства и инвестиций, причиной которых был перекошенный войной спрос и инфляционный кредитный бум. Иначе говоря, послевоенная депрессия — это болезненный, но необходимый процесс ликвидации искажений, внесившихся инфляцией военного времени в здоровую экономику мирного времени, которая эффективно служила потребителям.

Другой причиной дефляции является прогресс промышленности и экономики в целом. Окончание войны позволило Англии начать один из величайших в истории периодов экономического роста. Промышленная революция наконец-то получила возможность свободно развиваться и повышать уровень жизни широких масс английского населения, т.е. делать то, что ранее, когда работа двигателя промышленного развития была отвлечена на непродуктивные траты военного времени, было невозможно. Вследствие огромного увеличения производства цены в Британии падали в течение всех 1820-х гг., т.е. это падение продолжалось значительно позже 1821 г., когда в том, что имеет место этот благодетельный процесс снижения стоимости жизни, эта «дефляция», можно было обвинить восстановление золотого стандарта, произведенное в 1821 г.

Истерика по поводу дефляции и желание продолжать инфляцию отсрочили возвращение к золоту на пять лет (считая началом этого процесса 1816 г.). В 1816 г., когда стало ясно, что немедленного возобновления погашения бумажных денег Банка Англии не будет, фунт опять начал обесцениваться, цена серебряных слитков выросла на 2% к монетному паритету, а к 1818 г. эта премия составляла уже 12%. Аналогичная динамика наблюдалась и у обменного курса бумажного фунта — на валютной бирже в Гамбурге количество бумажных фунтов, требуемых за монетный (золотой) фунт, увеличилось на 5% по сравнению с паритетом. Индекс внутренних цен вырос со 135 в 1816 г. до 150 двумя годами позже. Ослабление фунта, вызванное тем, что ожидания немедленного

восстановления золотого стандарта не сбылись, было сильнейшим образом усугублено увеличением объемов банковских авансов и эмиссии банкнот со стороны Банка Англии.

Когда весной 1816 г. наступило время очередного продления ограничений на платежи металлом и погашения банкнот, канцлер казначейства Ванситтарт просил Парламент продлить этот режим еще на два года, чтобы бизнес смог получить дополнительные объемы дешевых кредитов, в которых он нуждался. Ванситтарту удалось одержать легкую победу над проектом резолюции, внесенным Френсисом Хорнером. Как это бывает обычно, сельскохозяйственные производители во время инфляции военного времени расширили производство в избыточных количествах и накопили огромные долги, так что по ее окончании, когда пузырь лопнул, они стали громко жаловаться и просить правительство продолжить инфляцию или увеличить государственные расходы на закупки их продукции. Отражая интересы аристократов, подавляющая часть которых были крупными земельными собственниками, <торийский> журнал «Quarterly Review» изменил позицию, переключившись с защиты положений Отчета комитета о слитках на гневные обличения дефляции.

Пример наиболее радикальных сторонников инфляции дают нам братья Томас (1783—1856) и Матиас (1779—1851) Этвуды — банкиры из Бирмингема, выполнявшие также функции лоббистов бирмингемских производителей железа и бронзового литья. Бирмингем, бывший центром производства вооружений, являлся главным выгодоприобретателем бума военного времени. Как мы видели выше, даже Томас Мальтус в течение ряда лет убеждал правительство увеличить дефицит <бюджета>, видя в этом средство, способное исцелить экономику, которая якобы страдает от недопотребления, однако он отказался от этой идеи как только закончилась послевоенная депрессия в сельском хозяйстве и в остальной экономике. Но плодовитые Этвуды сделали доктрину благотворности инфляции и идею перманентного отсутствия конвертируемости бумажных денег <в золото> крестовым походом всей своей жизни. Например, ничто не может более радикально противоречить великому закону рынков, открытому Ж.-Б. Сэем, чем бессовестное утверждение Томаса Этвуда, которое в 1817 г. он сформулировал в своем открытом письме Ванситтарту: «...главная цель настоящего письма состоит в том, чтобы показать, что эмиссия денег создаст рынки, и в том, что все рынки зависят главным образом от изобилия или нехватки денег».

Помимо декретных денег и денежной инфляции, Этвуды и схожие с ними авторы, связанные не с Бирмингемом, а с другим северным промышленным центром, Ливерпулем, имели возможность убеждать правительство начать масштабную программу помощи и общественных работ, которая должна была финансироваться на основе дефицита государственного бюджета; такая программа должна была стать попыткой сгенерировать очередной инфляционный бум. Осенью 1816 г. Джеймс Милль извещал Рикардо о том, что готовится «ряд чудовищных схем финансирования»,

что для покрытия дефицита бюджета правительство, скорее всего, предложит выпустить облигации для финансирования общественных работ и, кроме того, выдаст в течение 1817 г. кредиты в размере 750 тыс. ф. ст., т.е. три четверти миллиона. Временное возобновление инфляции и экономического роста в 1818 г., согласно горячему стороннику твердых денег, радикальному (но непоследовательному) публицисту Уильяму Коббету, было результатом давления, оказанного Матиасом Этвудом на Ванситгарта, «который инициировал выпуск горы бумажных денег» посредством ссуд, предоставленных правительству Банком Англии.

Действительно, именно ослабление фунта в 1817—1818 гг. указывало на масштаб инфляционной эмиссии и привело к тому, что Парламент в мае 1819 г. принял закон о возобновлении платежей золотом. Начать возвращение к золотомонетному обращению планировалось через четыре года после принятия этого закона, но на самом деле платежи золотой монетой были возобновлены на два года раньше — в праздничный день 8 мая 1821 г. Несмотря на то что сформировавшийся в итоге золотой стандарт служил основой экономического роста и процветания Британии в течение почти целого столетия, яростное сопротивление, непонимание и колебания правительства дают повод утверждать, что достижение приемлемого результата в этой сфере было почти чудом. Банк Англии противодействовал восстановлению платежей металлом вплоть до самого принятия закона в мае 1819 г., а его принятием мы обязаны временному охлаждению в отношениях между Банком Англии и правительством, когда появилось необходимое для этого политическое пространство возможностей. Несмотря на усилия таких фигур, как Александр Бэринг (1774—1848), Этвуды и заинтересованные в инфляции промышленники из Бирмигема, несмотря также на позицию земельной аристократии, делавшей все возможное, чтобы не допустить возвращения денежной системы к золоту, в мае 1819 г. золотой стандарт был провозглашен как цель, а переход к нему был осуществлен в 1821 г., на два года ранее намеченного срока²⁰. Это вызвало волну критики — так, в середине 1821 г. граф Карнарвон обвинил закон о восстановлении золотого стандарта в падении цен на сельскохозяйственную продукцию и призвал к расширению денежной эмиссии и увеличению государственных расходов, открыто поднимая знамя земельной аристократии и объявив войну «космополитическим представителям денежного и финансового капитала»:

Он призвал Палату общин рассмотреть последствия... уничтожения аристократии страны, к которому приведут осуществляемые ими действия, т.е. последствия исчезновения английских сельских джентльменов, существование которых может быть единственным основанием наших учреждений. Денежные интересы были сформированы запросами наших финансистов, но они могут перемещаться — они могут жить в нашей стране, как и в любой другой, однако стабильность наших учреждений и безопасность самого трона зависят от нашего сельского населения...

И вот закон о золотом стандарте вступил в силу. Он вступил в силу несмотря даже на то, что двое из наиболее влиятельных сторонника возобновления размена банкнот на металл оказались слабой опорой, когда дело дошло до необходимости дать отпор истерике по поводу дефляции. По окончании войны Рикардо в своих «Предложениях в пользу экономного и устойчивого денежного обращения»⁽⁸⁾ возвращается к своему предложению 1811 г. о переходе на золотослитковый стандарт, по условиям которого восстановление металлического обращения происходит путем возобновления обращения не золотых монет, но только лишь крупных золотых слитков, или, как их еще называли, брусков золота, ограничивая тем самым сферу действия золотого стандарта немногими состоятельными участниками валютного и фондового рынков. Золото в этом случае не может быть стандартной валютой данной области хождения и становится весьма ненадежным инструментом сдерживания правительства и банковской системы, склонных к инфляции денег и кредита.

После публикации в 1817 г. «Начал политической экономии» Давид Рикардо превратился в самого известного экономиста-теоретика в Англии, а его точка зрения на денежное обращение, а также на другие экономические проблемы приобрела особый, весьма значительный вес. Его наставник Джеймс Милль уговорил Рикардо выставить свою кандидатуру на выборах в Парламент, членом которого он и стал в 1819 г. Рикардо вел там баталии, отстаивая свои взгляды, вплоть до самой смерти в 1823 г. В частности, он бросил на чашу весов весь свой авторитет, когда выступил в защиту скорейшего восстановления платежей золотом, и это при том, что его собственный план перехода к золотослитковому стандарту быстро был отвергнут в пользу более последовательного и более бескомпромиссного варианта — золотомонетного стандарта.

Самый значительный личный вклад в дело возвращения к золотому стандарту внес видный государственный деятель, член партии тори Роберт Пиль-младший (1788—1859), чьим именем стали называть закон о возобновлении платежей золотом и погашения банкнот Банка Англии золотыми монетами по первому требованию («закон Пиля»). Позже, в 1840-е гг., когда он был премьер-министром, именно Пиль добился отмены пресловутых хлебных законов, с его именем связана также попытка законодательно закрепить правило обязательной 100%-ной обеспеченности дополнительной эмиссии бумажных банкнот, превышающей установленный порог (закон Пиля 1844 г.). Эти достижения Роберта Пиля особенно примечательны в свете его происхождения — он унаследовал политическую пурпурную мантию своего отца, видного тори радикально консервативного толка. Сэр Роберт Пиль-старший, крупнейший ланкаширский производитель хлопчатобумажных тканей, чей отец (и дед Роберта Пиля-младшего) основал первую ситцевую фабрику в Ланкашире, был ярким апологетом государственного вмешательства в экономику и пламенным сторонником Уильяма Питта. В 1781 г. он опубликовал статью «Национальный долг порождает процветание страны»

(«National Debt Productive of National Prosperity»). Будучи членом Парламента, Пиль-старший активно выступал за войну с Францией, проталкивал первый фабричный закон и в 1811 г. голосовал против утверждения Отчета комитета о слитках.

Когда у Роберта Пиля-старшего появился сын, отец решил, что его первенец должен избрать путь политика. Одаренный мальчик отправился в Хэрроу (в этой привилегированной школе он учился в одном классе с лордом Байроном, с которым дружил), а в 1805 г. стал студентом колледжа Церкви Христовой в Оксфорде. Пиль окончил Оксфордский университет с высшими баллами, и не чаявший в нем души отец уже в следующем году приобрел для него место в Парламенте. Развитой не по годам 21-летний депутат Палаты общин вскоре стал заместителем министра в Министерстве по делам войны и колоний, отвечавшим за войну с Францией, а в 1812 г. он стал главным министром по делам Ирландии и занимал этот пост в течение следующих шести лет. На этой должности он следовал принципам радикальных тори, разделявшимися его отцом, одобряя жестокие репрессии в отношении ирландцев и возглавляя движение, боровшееся против эмансипации католиков <т.е. предоставления католикам Британии политических прав>. В 1811 г. молодой Пиль присоединился к своему отцу, резко выступившему против утверждения Отчета комитета о слитках.

В 1819 г., когда Палата общин сформировала комитет для изучения проблемы возобновления платежей металлом, молодой Роберт Пиль был избран председателем этого комитета, хотя в него вошли гораздо более опытные деятели, например Хаскиссон, Каннинг и активный сторонник слиткового стандарта, входивший еще в комитет о слитках, член партии вигов Джордж Тирни. Несмотря на позицию, которую он занимал прежде, Роберт Пиль добился одобрения Парламентом отчета, в котором провозглашалась необходимость возобновления платежей и погашения банкнот металлом; он также организовал прохождение через Парламент закона о возобновлении золотого стандарта, завершившееся его принятием. Это выглядит особенно интригующим в свете того факта, что молодой Пиль пошел на разрыв со своим отцом, который не только выступал против возобновления золотого стандарта в Парламенте, но и подписал петицию «Торговцев, банкиров, трейдеров» и других деятелей лондонского Сити (общее число подписавших эту петицию достигало нескольких сот человек), в которой содержались предупреждения о неисчислимых бедствиях, которые начнут происходить, если рекомендации комитета, возглавляемого его сыном, станут законом.

Таким образом, критически важный вопрос заключается в следующем: как получилось, что Роберт Пиль изменил свои взгляды? Профессор Рашид произвел настоящие раскопки, по итогам которых обнаружилось, что инструментом обращения Пиля был его бывший университетский наставник в оксфордском Ориел-колледже, преподобный Эдвард Коплстон (1776—1849)²¹. Коплстон был сыном девонширского приход-

ского священника и принадлежал к старинному семейству, исстари владевшему землями в Девоншире. Он окончил колледж Тела Христова в Оксфорде в 1795 г., после чего продолжил обучение в Ориел-колледже, где в 1797 г. получил магистерскую степень. Он стал наставником студентов⁽⁹⁾ и, кроме того, профессором поэзии в Оксфорде. Позже Коплстон занял пост декана в Ориел-колледже, и к 1814 г. дорос до должности его ректора. В Оксфорде он пользовался большим влиянием, будучи одним из тех, кому этот университет обязан повышением академических стандартов и обретенным вследствие этого своего высокого статуса. Хотя Коплстон был лояльным тори и влиятельным советником по религиозным вопросам, консультировавшим верхушку своей партии, в Англиканской церкви он всегда занимал умеренно либеральную позицию, выступая, в частности, за эмансипацию католиков.

Еще в 1811 г. Коплстон стал убежденным противником политики инфляции и обесценения фунта, особенно протестуя против разрушительных последствий этой политики для кредиторов и получателей фиксированных доходов. В 1819 г. он решает вмешаться в новую битву между сторонниками и противниками возврата к металлическим деньгам и публикует две статьи в форме писем к своему бывшему ученику. Первая статья «Письмо почтенному Роберту Пилю... О пагубных последствиях изменяющегося стандарта ценности» («Letter to the Rt. Hon. Robert Peel... On the Pernicious Effects of a Variable Standard of Value») была опубликована 19 января 1819 г. и быстро разошлась в кулуарах Палаты общин благодаря активности, проявленной темпераментным членом партии вигов и сторонником скорейшего восстановления золотого стандарта Джорджем Тирни. Статья также получила хвалебный отзыв в редакторской колонке газеты «Таймс». Первое издание «Письма Роберту Пилю» было мгновенно распродано, и в течение месяца после публикации оно выдержало еще три издания. В марте 1819 г. Коплстон опубликовал второе письмо, в котором развивал аргументацию, выдвинутую им в первом письме. В частности, он более подробно останавливается на бедственных последствиях, которые инфляция и обесценение фунта имеют для малоимущих слоев населения. Немалый тираж второго письма был также мгновенно распродан, и в мае оно вышло вторым изданием.

Следы влияния Коплстона на Пиля обнаруживаются в письмах последнего своему наиболее ценимому оксфордскому наставнику и близкому другу преподобному Чарльзу Ллойд. Ллойд, который, являясь англо-католиком, был соперником Коплстона в Оксфорде, написал Пилю письмо, в котором советовал ему прочесть послание Коплстона, — это произошло одновременно с написанием письма Пилем, в котором тот рекомендовал Ллойд то же самое. Пиль отмечает, что статья «произвела громадное впечатление в Парламенте», в том числе на всеобщих парламентских любимцев — Каннинга и Хаскиссона. На самом деле, судя по комментариям Пиля, похоже, что статья Коплстона с ее ясными и энергичными формулировками, которые тот использовал для описания

золотого стандарта, были первым текстом, который Пиль прочитал по данному предмету.

Матиас Этвуд даже заявил, что Пиль и Хаскиссон стали последователями идей Коплстона. Если влияние Коплстона было настолько сильным, тогда яростная атака, предпринятая им в статье против того, что сам Пиль называл «слабоумием Николааса Ванситтарта», могла сыграть решающую роль в уменьшении влияния Ванситтарта и в том, что правительство изменило свою политику в отношении возобновления золотого стандарта.

В ходе полемики, развернувшейся после принятия закона о возвращении к золотому стандарту, даже Коплстон проявил непоследовательность, заявив в 1821 г. в «Quarterly Review», что, хотя он выступал за платежи металлом, он был против их *немедленного* возобновления. Сетую на кризис в сельском хозяйстве, он возложил вину за то, что золотой стандарт был восстановлен сразу после принятия закона, на Рикардо, проигнорировав фобию Рикардо в отношении дефляции. Таким образом, оба наиболее влиятельных автора, подталкивавших Парламент к возобновлению золотого стандарта, — Коплстон и Рикардо, не были убеждены в необходимости немедленного восстановления золотомонетного стандарта (оба не хотели немедленного восстановления золотого стандарта, а Рикардо выступал за золотослитковый), так как оба опасались дефляции. Если принять во внимание это обстоятельство, то политический результат, достигнутый Робертом Пилем, может быть тем более признан настоящим чудом.

Особый интерес представляет пронизательность Коплстона и оригинальный вклад, который он внес (возможно, ненамеренно), полемизируя с Рикардо, — имеется в виду вклад в возрождение последовательной позиции в пользу металлического стандарта, которую можно причислить к «предавстрийской» традиции в теории денег, связанной с Кантильоном и лордом Кингом. Во-первых, Коплстон атаковал механистическое утверждение Рикардо, согласно которому обменные курсы *измеряют* степень обесценения. Эта доктрина проистекает из столь же механистической точки зрения, согласно которой «изменения цен, вызванные изменением ценности денег, происходят *единообразно и одновременно* для всех товаров» (курсив Рикардо. — М. Р.). Коплстон возразил на это, что инфляция именно потому так болезненна и разрушительна, что цены приспособляются к инфляции не гладко, не единообразно и не одновременно:

Несомненный факт состоит в том, что изменяющаяся ценность денег не воздействует на все цены в одно и то же время, а также в том, что имеют место значительные временные интервалы, на протяжении которых одни вынуждены покупать дороже в то время, когда они продают дешевле, а другие не имеют перспектив на какую-либо компенсацию или на восстановление относительного положения, которое они занимали прежде.

Иными словами, Коплстон продемонстрировал, что глубоко понимает важную истину: в период перехода к состоянию нового денежного равновесия всегда есть те, кто выигрывает из-за того, что цены, по которым они продают, растут быстрее, чем цены, по которым они покупают, и те, кто проигрывает, так как издержки, которые они несут, растут быстрее, чем цены на то, что они продают, и есть также те, кто получает новые деньги позднее всех. Коплстон понимал даже то, что некоторые из этих изменений в относительных доходах и богатстве будут происходить постоянно. Или, иначе говоря, изменения в предложении денег никогда не являются нейтральными по отношению к экономике, и последствия этих изменений никогда не сводятся к одному лишь изменению «уровня цен».

Возражая на знаменитое утверждение Давида Юма, состоящее в том, что увеличение количества денег в стране порождает экономическое процветание, Коплстон указывает на обнищание испанского и английского крестьянства, имевшее место в XVI в. вследствие роста цен, вызванного инфляцией денег. Проявляя недюжинную проницательность, которая и сегодня может помочь усвоить важный урок, он отмечает: «...чистая теория внушает нам мысль о нейтральном и равномерном процессе, в ходе которого все одинаковым образом приспособляются [к изменению ценности денег], тогда как на самом деле чистая теория просто не рассматривает трудности, возникающие на этом пути, игнорируя их подобно тому, как при решении задач по теоретической механике игнорируется трение».

С другой стороны, Коплстон достаточно глубоко понимал предмет, о котором рассуждал: он отмечал, что путь к равновесию в денежной сфере проходится быстрее, чем в сфере реальной. Он писал, что в денежных делах

состояние сбалансированности достигается *почти мгновенно*. Другие товары требуют определенного времени для того, чтобы их произвели, — и счастливый владелец уже произведенных в больших количествах товаров может получить большую прибыль до того, как возникнет и разовьется соответствующая конкуренция; но в этой [денежной] сфере время и труд, требуемые для производства, не имеют никакого значения. Это благо всегда наготове, оно ожидает лишь импульса, порождаемого расчетами на прибыль при выборе того или иного рынка с наилучшими условиями.

6.4. СКЕПТИЧЕСКОЕ ОТНОШЕНИЕ К БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С ЧАСТИЧНЫМ РЕЗЕРВИРОВАНИЕМ В БРИТАНИИ И США

С этого момента Британия начала периодически испытывать страдания и лишения, явившиеся болезненными последствиями того, что позже

стало известно как классический экономический цикл, т.е. чередование периодов расширения предложения денег, роста цен, эйфорического бума (причем все это — следствие денежной инфляции, осуществляемой банковской системой с частичным резервированием) и следующих за ними периодов внезапного сжатия денежного предложения, которым сопутствует экономическая депрессия, падение цен, безработица и дезорганизация производства и — шире — всей общественной жизни. Причем за всеми этими бумами и крахами стоит могущественный центральный банк, созданный центральным правительством и наделенный им всеческими привилегиями, который направляет, организует, централизует процессы денежного расширения и сжатия, осуществляя фактическое управление ими. Иначе говоря, в ту эпоху имелась широкая убежденность публики в том, что банки с частичным резервированием, в особенности те, что были основаны после того учреждения центрального банка, могут создавать и создают деньги, могут разрушать денежную систему, искажая условия хозяйственной деятельности, что оборачивается быстрым обнищанием населения и экономики в тот момент, когда наступает пробуждение. Неудивительно, что тогда же в обществе поднялась волна резкой критики банковской деятельности с частичным резервированием, что повсеместно раздавались обвинения банков и банковской системы во всех экономических бедах, что ответственность за формирование экономического цикла с его чередованием периодов бума и кризисов возлагалась на банки и банки и банковскую деятельность как таковую.

Профессор Фрэнк Феттер, отмечая наличие «широкой общественной поддержки критического отношения к банкам как таковым», полагал, что типичные для простонародья обвинения банков в том, что они «эксплуататоры», являются признаком «иррациональности толпы», охватившей сбитых с толку людей. Однако нет никакого сомнения в том, что именно эти «популистские» обвинения были совершенно оправданы, — банки действительно имели привилегии, полученные от правительства, и только они имели возможность осуществлять инфляцию, которая наносит двойной ущерб: во-первых, порождая инфляционный бум, смещающий производство и инвестиции от экономически оправданных к экономически не оправданным, и во-вторых, уничтожая сбережения экономных членов общества, после чего следует сжатие экономики, болезненное, но необходимое для коррекции искажений, порожденных бумом. Имеются все основания считать все эти негативные явления следствием свойств банковской системы с частичным резервированием, имеющей привилегии и управляемой центральным банком. Если посмотреть на проблему под этим углом, то становится ясно, что радикальные обличения банков со стороны тех, кто «не имеет возможности пользоваться таким преимуществом, как владение экономической теорией», выглядят более глубокими, чем полагал Феттер. Он характеризует противников банковской деятельности с частичным резервированием следующим образом:

В то время быстро завоевывала популярность идея, состоящая в том, что банки лишили публику металлических денег, т.е. наиболее естественной разновидности денег, и создали бумажные деньги в качестве инструмента угнетения людей. [...] Даже те авторы, позиции которых расходились по всем другим вопросам, были согласны в том, что кто-то выпустил в обращение слишком много денег, пользуясь свойствами денежной системы, в основе которой лежат бумажные деньги. Здесь можно назвать и сдержанную критику природы банковской прибыли в исполнении Рикардо, вдохновляемого Джеймсом Миллем, и нападки необразованных авторов статей, обвинявших банки в том, что те «представляют собой намного более пагубное явление, чем фальшивомонетчики, подделывающие золотые и серебряные монеты», и в том, что «и Банк Англии, и провинциальные банки получили несправедливо большие прибыли от мер по запрещению погашения бумажных денег», и инвективы Коббета, направленные против всех вообще банкиров, и обвинения, фигурировавшие в работах наподобие книги Джонатана Вулера «Черный карлик» («Black Dwarf»), и обличения, опубликовавшиеся в издании Ли Хантера «Examiner» и в журнале «Sherwin's Political Register», на страницах которых журналисты-радикалы без конца повторяли, что система бумажных денег представляет собой систему угнетения народа. В 1819 г., когда Парламент рассматривал возможность возобновления погашения банкнот металлом, «Sherwin's Political Register» дал следующий совет: «Пусть наши тираны обратят свою позорную бумагу в монеты того же веса и пробы, какими они были тогда, когда у людей их отняли...»²²

Феттер обвиняет радикального публициста Уильяма Кобетта²³ в якобы имевшейся у того непоследовательности, когда он критиковал ограничения погашения банкнот и инфляцию, устроенную Банком Англии, а затем обрушивался с критикой на Банк Англии, обвиняя его в послевоенной дефляции и провоцировании ухудшения экономического положения. Но в действительности в критике центрального банка и банков, ведущих дела на началах частичного резервирования — вначале они устраивают инфляцию, после чего осуществляют денежное сжатие, — нет никакой непоследовательности: ведь это именно то, что они сделали, так что вся вина за бедствия, порожденные циклом «бум—кризис», может быть возложена на них.

Осознанно или нет, но все, кто в тот период подвергал систему частичного резервирования резкой критике, следовали великой традиции враждебного отношения к банковской деятельности на началах частичного резервирования и приверженности принципу 100%-ого резервирования, которая была заложена еще в XVIII в. такими авторами, как, например, Юм, Харрис и Вандерлинт, традиции, которая была, к сожалению, разрушена Адамом Смитом, выступившим с оправданием института бумажных денег. Во Франции эта традиция была возрождена к началу XIX в. усилиями Ж.-Б. Сэя и Дестюта де Траси.

В Соединенных Штатах схожие условия породили схожие результаты. В 1812 г. страна присоединилась к участникам Наполеоновских войн,

вступив в войну с Англией, следствием чего стал экономический бум военного времени, эмиссия банкнот, не погашаемых металлом, и инфляция в масштабах достаточно опасных по сравнению с мирным временем. Разница состояла в том, что Соединенным Штатам в 1811 г. удалось освободиться от своего центрального банка (Первый банк Соединенных Штатов), так что инфляция в США стала порождением действий федерального правительства, разрешившего в августе 1814 г. частным банкам приостановить погашение своих банкнот металлом, что позволило им продолжить операции и продлить кредитную экспансию, поскольку они не были обязаны погашать свои банкноты и возвращать депозиты, сделанные в золоте или серебре. Этой нетерпимой ситуации было позволено продолжаться в течение двух лет и после того, как война окончилась, т.е. до февраля 1817 г., когда администрация президента Мэдисона заключила инфляционистское соглашение с национальными банками. Этим соглашением предусматривалось восстановление функций центрального банка и наделение ими вновь учреждаемого Второго банка Соединенных Штатов (ВВСШ), который получил от правительства ряд привилегий. Этот банк начал кредитную инфляцию, масштабы которой по меньшей мере соответствовали заранее согласованным уровням, в обмен на что банки милостиво согласились подтвердить свои договорные обязательства в части погашения долгов, сделанных ими путем заимствования металлических денег. За этим последовал экономический бум, вызванный кредитной экспансией, которую осуществлял ВВСШ, закономерно окончившийся катастрофической паникой 1819 г., когда ВВСШ, чтобы избежать банкротства, внезапно прибег к сжатию кредита.

Паника 1819 г. подтвердила обоснованность той враждебности, которую Томас Джефферсон испытывал по отношению к банковской деятельности с частичным резервированием. Напомним в связи с этим о том, что мы уже показали ранее, — о той горячей поддержке, которую Джефферсон и его друг и многолетний политический противник Джон Адамс выказали трактату по экономической теории, написанному Дестютом де Траси, стоявшим на позициях радикального требования твердых денег. Паника побудила Джефферсона разработать спасательный «План по уменьшению количества денег в обращении», который его друг, Уильям Райвс, по просьбе Джефферсона вынес (на условиях анонимности автора) на рассмотрение законодательного собрания штата Виргиния. Цель плана формулировалась прямо и резко: навсегда запретить бумажные деньги, эмитируемые банками. Планом предусматривался следующий способ достижения этой цели: в течение пяти лет следовало постепенно уменьшать количество бумажных средств обращения до уровня, соответствующего количеству металла, после чего ранее выпущенные бумажные деньги изымались из обращения, в обязательном порядке обмениваясь на металл. После этого все денежное обращение должно было состоять исключительно и полностью из монет и слитков золота и серебра.

Джон Адамс выразил свое полное согласие с планом Джефферсона. В письме к Джону Тейлору из Каролины, который был давним политическим противником Адамса, сторонником Джефферсона и автором теоретических работ, направленных против банков <с частичным резервированием> и высоких таможенных пошлин, Адамс обвиняет банки в том, что их политика стала причиной экономической депрессии 1819—1820 г. Он резко критикует любую эмиссию бумажных денег, превышающую металлический запас выпустившего их банка, называя это «кражей», выражая точку зрения, к которой он пришел значительно раньше: «Каждый доллар, представленный банкнотами, выпущенными сверх соответствующего количества золота или серебра, хранящегося в банковских сейфах, не представляет ничего, будучи тем самым мошенничеством по отношению к кому-то»²⁴.

Близкий друг Томаса Джефферсона и его зять губернатор Виргинии Томас Рэндольф в декабре 1820 г. в речи на церемонии вступления в должность охарактеризовал главные моменты политики штата в отношении банков. Рэндольф указал, что металл, будучи предметом всеобщего спроса, имеет относительно стабильную ценность, в то время как банки <посредством эмиссии необеспеченных денежных заместителей> создают значительные колебания в предложении и ценности бумажных денег, сопровождаемые экономическими катастрофами. Рэндольф не только поддерживал концепцию, в соответствии с которой все налоги должны уплачиваться только металлическими деньгами (позже на федеральном уровне эта концепция получила название «плана по созданию независимого Министерства финансов»), но и вынашивал идею денежного обращения, основанного на 100%-ном обеспечении металлом.

Но наиболее значимое влияние, оказанное на американскую экономическую мысль паникой 1819 г., состояло не просто в том, что американцы еще раз убедились в правоте тех авторов предшествующих поколений, которые выступали за твердые деньги. Уроки 1819 г. воплотились в образование нового мощного политического движения за твердые деньги, движения, которое в 1830—1840-х гг. стало неотъемлемым элементом движения в поддержку Эндрю Джексона. Первой целью этого движения, достигнутой после ожесточенной борьбы 1830-х гг., стала ликвидация центрального банка, или, говоря конкретно, ликвидация Второго банка Соединенных Штатов. Второй целью этого движения, в значительной степени достигнутой десятилетием позже, стало полное отделение федерального правительства от банковской системы — посредством введения условия, в соответствии с которым счета и денежные транзакции федерального правительства ограничиваются только и исключительно металлом («независимое Министерство финансов»). Его финальной целью, достигнутой лишь отчасти, было объявление практики частичного резервирования полностью незаконной — эта цель вполне могла бы быть достигнута, если бы Демократическая партия не раскололась по вопросу о рабстве²⁵.

Весьма значительное число тех, кто впоследствии стали лидерами джексоновского движения, сформировались как сторонники твердых денег, усвоив уроки паники 1819 г. Сам генерал Эндрю Джексон (1782—1849), который в то время был состоятельным владельцем хлопковых плантаций из города Нэшвилл, штат Теннесси, по итогам той паники на всю жизнь стал противником банков — он быстро возглавил движение против эмиссии необратимых в серебро и золото бумажных денег, выпускавшихся банками Теннесси, которое выступало также против законов, фактически позволявших списывать долги. Сенатор от штата Миссури, принадлежавший к руководящим кругам партии Джексона, Томас Бентон (1782—1858), за свою приверженность золотому стандарту и твердым деньгам получивший выразительное прозвище Старый Слиток <Old Bullion>, который считался преемником Мартина Ван Бурена от партии Джексона, поменял свои прежние взгляды (он был сторонником политики инфляции) вследствие паники 1819 г.²⁶ Другой молодой активист джексоновского движения, в конце концов ставший президентом, Джеймс Полк (1795—1858), состоятельный владелец хлопковых плантаций, начинал свою политическую карьеру в законодательном собрании штата Теннесси в 1820 г., выступив за скорейшее возвращение к платежам металлическими деньгами.

Историки всегда испытывали значительные затруднения, пытаясь понять, в чем состояла главная черта джексоновского движения, или, говоря более предметно, в чем состояли воззрения на экономику Томаса Джефферсона и его сторонников. Джефферсона изображали как убежденного «агрария», противопоставлявшего сельское хозяйство торговле и промышленности. И такой сторонник Джефферсона, как Джон Тейлор из Каролины, изображался аналогичным образом. В действительности довольно трудно понять, каким образом какой-либо «аграрий» может быть против торговли, жизненно важной для экспорта сельскохозяйственной продукции и импорта промышленных изделий для нужд фермеров. И Томас Джефферсон, и Тейлор, и многие другие сторонники Джефферсона, действительно, выше других занятий ставили занятия сельским хозяйством, испытывая личные негативные чувства к городам. Но они не были против торговли или промышленности. Они были против государственных субсидий и искусственного стимулирования роста городов и промышленности на основе принудительных мер. Сторонники Джефферсона выступали за *laissez faire*, частную собственность и свободный рынок и поэтому были противниками государственного субсидирования, протекционистских тарифов и дешевого инфляционного банковского кредита.

Сторонники Эндрю Джексона также были убежденными приверженцами принципа *laissez faire*, с той оговоркой, что среди них доля живущих в городах и занятых в промышленности была больше, чем среди сторонников Джефферсона. Это движение оценивается историками по-разному (можно даже говорить, что их интерпретации джексоновцев имеют

хаотический характер); историки считали их: (а) необразованной деревенщиной, выступавшей против торговли и капитализма как такового (точка зрения, характерная для историков, работавших на рубеже XIX и XX вв.); (б) предшественниками деятелей Нового курса, вдохновивших работников ферм поднять восстание против тирании капиталистов-республиканцев, членов Национальной республиканской партии (Артур Шлезингер-мл.); (в) выразителями взглядов растущего класса предпринимателей и частных банков, уставы которых утверждались на уровне штатов, старавшихся сбросить оковы, накладываемые центральным банком на инфляцию, осуществляемую банками, регулируемые на уровне отдельных штатов (Брэй Хаммонд). Дикие противоречия, свойственные оценкам, данным джексо́нианцам историками, проистекают из неспособности этих последних отличить свободный рынок от государственного капитализма. Сторонники Джефферсона и Эндрю Джексона были не противниками капитализма, а его горячими приверженцами, но для них, в отличие от их противников — и вигов, и федералистов, настоящий капитализм имеет место только тогда, когда торговля и промышленность свободны, свободны как от государственных субсидий, так и от ограничивающего контроля. Если федералисты и виги были меркантилистами, выступавшими за государственный капитализм, дешевый кредит, протекционистский тариф и большое правительство, то политические последователи Джефферсона и Джексона были сторонниками капитализма, разделявшими принципы свободного рынка или *laissez faire*, которые считали, что капитализм и экономический рост должны развиваться только в условиях свободы и свободного рынка, т.е. в условиях, когда действует система свободной торговли, свободного предпринимательства, сверхминимального правительства и сверхтвердых денег.

Ни движение сторонников Джефферсона, ни джексо́нианцы не были невежественной деревенщиной. Сам Джефферсон, как и большинство лидеров движения его сторонников и последователей, основательно знал литературу по проблемам, вызвавшим дискуссию о слитках, а также знал классические работы по экономической теории. Большинство блестящих молодых мыслителей и авторов из числа экономистов нового поколения были джексо́нианцами.

Так, например, Амос Кендалл, влиятельный редактор издания «Frankfort Argus» (штат Кентукки), позже ставший одним из главных членов мозгового треста в «кабинете на кухне» президента Джексона и его главным советником в период борьбы Джексона со Вторым банком Соединенных Штатов, стал убежденным противником банков и банковской деятельности в результате паники 1819 г. Саму мысль о банках он находил «омерзительной». Он пришел к выводу, что наилучшим методом обеспечения безопасности в отношении банков было бы просто запретить их, причем конституционной поправкой. Если же это окажется невозможно реализовать, то от банков необходимо потребовать

принимать меры безопасности в отношении вкладов, для чего суды должны иметь возможность обязывать их погашать все выпущенные ими бумажные деньги.

Паника 1819 г. полностью изменила всю систему взглядов одного из первых американских экономистов-теоретиков, Конди Рагета (1784—1842). Филадельфийский торговец и адвокат французского происхождения, Рагет в 1815 г. опубликовал трактат по экономической теории, написанный с инфляционистских и протекционистских позиций, — «Исследование причин сегодняшней ситуации со средствами обращения» («Inquiry into Causes of the Present State of the Circulating Media»). Но после того, как разразилась паника, Рагет, будучи сенатором от Филадельфии <в сенате штата>, возглавил комитет, который в течение 1820—1821 гг. тщательно изучил причины беспрецедентной экономической депрессии и подготовил предложения по улучшению экономического положения. Рагет приходит к выводу, что причиной депрессии стала кредитная экспансия, осуществлявшаяся банками в период бума, закономерно сменившегося кризисом, когда бум вызвал опустошение банковских сейфов, хранивших металлическую наличность. В итоге Рагет стал убежденным противником банковской деятельности на началах частичного резервирования и не менее убежденным сторонником свободной торговли. На него произвел большое впечатление тот факт, что из 19 графств Пенсильвании, которым комитет Рагета разослал анкеты (они были направлены наиболее влиятельным гражданам и законодательным собраниям графств), 16 ответили со всей определенностью, что «выгоды, доставляемые банковской системой» не превосходят «порождаемого ею зла». Отныне Рагет стал поддерживать требование обеспечивать 100%-ное резервирование при ведении банковской деятельности, и хотя он не принадлежал к политическому движению джексоновцев, всегда решительно выступал в поддержку плана Джексона по организации «независимого Министерства финансов», которым предусматривалось жесткое отделение государственных финансов от бумажных денег. Позже Рагет развил свои взгляды в книгах «О началах банковской деятельности» («Of the Principles of Banking», 1830), «Трактат о денежном обращении и банковской деятельности» («A Treatise on Currency and Banking», 1839, 1840), «Начала свободной торговли» («Principles of Free Trade», 1835), а также в публикациях, которые он помещал в журналах, которые начал издавать в конце 1830-х гг., включая публикацию документов по истории современных торговых кризисов и перепечатку трудов Рикардо и других авторов, писавших на темы денежной теории; в частности, им был перепечатан «Доклад о слитках».

В «Трактате о денежном обращении и банковской деятельности» Рагет объяснил, каким образом экспансия банковского кредита порождает бум, повышает цены и увеличивает спрос на экспорт денежного металла, что оборачивается последующим сжатием металлической денежной базы и кризисом. Примечательный факт состоит в том, что он

почти на десятилетие предвосхитил попытку главного редактора лондонского «Economist» Джеймса Уилсона объяснить, на основе протоавстрийского подхода к экономическому циклу, каким образом бум порождает избыточные инвестиции в основной капитал. Рагет пишет:

Когда разразилась катастрофа, стало понятно, что в процессе осуществления всех этих операций потребление увеличивалось быстрее, чем производство, что в конце этой фазы общество стало беднее, чем оно было в ее начале, что вместо еды и одежды оно обладает железными дорогами и каналами, достаточными для перевозки такого количества продукции, которое вдвое превышает имеющийся уровень производства товаров, нуждающихся в перевозке, и что все знаки богатства, демонстрируемые тогда, когда количество средств обращения постепенно увеличивается, подобны знакам богатства и изобилия, которые мот демонстрирует, проезжая с гостем по своему поместью, и, подобно этим знакам, им на смену суждено прийти разорению и праздности²⁷.

Разница между Уилсоном и Рагетом состоит в том, что намного более знаменитый Уилсон, лидер так называемой банковской школы британской экономической мысли, никогда не понимал, что избыточные инвестиции вызваны кредитной и денежной экспансией. Иначе говоря, он не поднялся до уровня Конди Рагета и американских джексоновцев.

Паника 1819 г. стала поводом для публикации первого систематического экономико-теоретического трактата в США, «Размышления о политической экономии» («Thoughts on Political Economy», 1820), автором которого был адвокат из Балтимора Дэниэл Рэймонд (1786—1849)²⁸. Рэймонд происходил из консервативной семьи коннектикутских федералистов, и его книга была настоящим гимном протекционистскому тарифу и националисту Александру Гамильтону, которого Рэймонд считал единственным экономистом в подлинном смысле этого слова. Однако, по мнению Рэймонда, даже Гамильтон не понял важности проблем банковской деятельности, и таким образом протекционист Рэймонд присоединился к авторам, выступившим против кредитной экспансии и за 100%-ное резервирование металлом. Возражая Гамильтону и Адаму Смиту, которые считали эмиссию банкнот способом экономить драгоценные металлы, Рэймонд цитировал высказывание Давида Юма, утверждавшего, что «в той мере, в какой растет количество денег, уменьшается их ценность». Банковский кредит точно так же <как и эмиссия банкнот> поощряет спекуляцию, рост цен на изделия внутреннего производства, отправляемые на экспортные рынки, и порождает дефицит торгового баланса. Согласно Рэймонду, выпуск любого количества банкнот сверх металлического резерва является просто-напросто «колоссальным мошенничеством». Он считал, что в идеале федеральное правительство должно полностью запретить банкам эмиссию банкнот и оно само должно обеспечивать предложение денег своими собственными бумажными деньгами, на 100% обеспеченными металлом.

Как можно увидеть на примере Рэймонда, во время экономической депрессии 1819—1821 гг. не одни только будущие джексоновианцы перешли на позиции убежденных противников банковской деятельности на началах частичного резервирования. Член Палаты представителей от Теннесси — пограничной территории, лишь недавно ставшей штатом, Дэви Крокет (1786—1841), будущий лидер вигов и противник джексоновианцев, утверждал, что он «считает всю банковскую систему как такую разновидностью крупномасштабного надувательства». Протекционист и будущий президент США от партии вигов генерал Уильям Гаррисон (1773—1841) осенью 1819 г. успешно избрался в сенат штата Огайо. Когда на него напали участники предвыборного митинга — за то, что он состоял директором местного отделения Банка Соединенных Штатов, — Гаррисон в своем длинном ответе настаивал на том, что он убежденный противник всех банков, а особенно Банка Соединенных Штатов, и что он в одностороннем порядке протестовал против его учреждения и продления его чартера. И наконец, государственный секретарь и будущий президент США Джон Адамс полностью разделял то чувство враждебности к банкам с частичным резервированием, которое питал к ним его отец. Одному французцу, который прислал ему свой план эмиссии бумажных денег в форме государственных бумажных денег Министерства финансов, Адамс напомнил о знаменитом Банке Амстердама, банкноты которого «всегда были представителями металла, лежащего в его сейфах, и ничем более».

6.5. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ О ПРОБЛЕМАХ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ И БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Экономическая мысль в странах континентальной Европы часто развивалась параллельно с более содержательной и продвинутой полемикой по денежной и банковской проблематике, которая шла в Великобритании. Вместе с тем представляет значительный интерес случай Швеции, в которой дискуссия о слитках прошла за 50 лет до того, как она состоялась в Великобритании. Так как шведским владело ничтожное число британцев, и сама эта дискуссия, и ее значимость остались не замеченными за пределами Швеции.

В середине XVIII в. в Швеции наступил почти сорокалетний период (а именно 1739—1772 гг.) более или менее демократического правления, когда политическая власть находилась в руках Парламента (риксдага), в который избирались представители от четырех сословий — дворянства, духовенства, среднего класса и крестьянства. В ту эпоху у власти попеременно находились две политические партии, названия которых заставляют вспомнить «Путешествия Гулливера», — «шляпы» и «колпаки». «Шляпы», пребывавшие у власти с начала периода, высокопарно

именовавшегося «эрой свободы», и до 1765 г., по своим убеждениям в сфере экономики были меркантилистами, считавшими инфляцию способом обеспечить экономическое развитие. Субсидирование экспорта, прямое субсидирование производства тех или иных изделий, дешевый кредит и высокие протекционистские тарифы — все эти инструменты были задействованы для улучшения дел в экономике и ускоренного развития отраслей-фаворитов, в особенности текстильных мануфактур (одним из любимых лозунгов партии шляп был лозунг: «Шведские граждане — в шведской одежде»).

Методом финансирования этих щедрых вливаний была кредитная экспансия, осуществляемая шведским центральным банком (Банком Швеции). Обоснованием этой политики служила протокейнсианская доктрина, которой руководствовались «шляпы» и согласно которой увеличение предложения денег целиком и полностью выражается в развитии экономики и увеличении производства, а не в росте цен. Что до неприятной мысли о возникновении при такой политике дефицита платежного баланса, то ее удавалось заблокировать установлением прямого государственного контроля над импортом, в то время как увеличение национального дохода должно было, как предполагалось, почему-то стимулировать увеличение экспорта.

Спустя несколько лет инфляционной банковской кредитной экспансии правительство Швеции в 1745 г. прекратило придерживаться серебряного стандарта и с этого года получило возможность проводить политику инфляции по своему усмотрению. Количество находящихся в обращении банкнот, не обмениваемых на металл, с 6,9 млн далеров в 1745 г. выросло к 1754 г. почти вдвое, до 13,7 млн далеров. После этого темпы инфляции увеличились более чем в два раза в следующие четыре года — к 1758 г. количество банкнот в обращении достигло 33,1 млн далеров. К 1762 г. этот показатель достиг пика, составив 44,5 млн далеров, что дает увеличение по сравнению с 1745 годом на более чем 545%, что означает ежегодное увеличение на 32,1% в среднем за период.

Реакция на эту денежную экспансию состояла в том, что цены, остававшиеся в течение нескольких лет стабильными, затем начали расти — общий индекс цен вырос на 23% за семь лет, с 1749 по 1756 г. Как это обычно и бывает, спустя какое-то время рост цен ускорился, в следующие восемь лет темп ускорения удвоился, выйдя на пик к 1764 г. Наибольшую тревогу внушал курс покупки иностранной валюты, который рос даже более быстро, чем росли цены. Так, увеличившись между 1752 и 1755 гг. всего лишь на 5—6%, курс гамбургской банкноты в далерах вырос к 1765 г. на 247% по сравнению с номиналом.

Падение ценности далера, выраженное в иностранной валюте, позволило правительству партии шляп попытаться начать директивно устанавливать обменные курсы иностранных валют. В 1747 г. было образовано управление валютного обмена, которое пыталось понизить курс покупки иностранной валюты, используя для этого масштабные субсидии

от правительства Франции, которые пошли на поддержание курса далера на международном валютном рынке. В течение нескольких лет управлению валютного обмена сопутствовал успех — цена далера в Гамбурге, выраженная в банк-марках, пошла вниз, снизившись с 28% выше номинала в 1748 г. до 5—6% к 1755 г. Но искусственное завышение цены далера в сочетании с ростом внутренних цен привело к гигантскому увеличению субсидирования импорта. Образовавшийся в результате дефицит платежного баланса поставил правительство перед необходимостью решить непростую проблему — найти способ, которым страна с неконвертируемой валютой может финансировать дефицит своих международных платежей. Когда международные займы и заграничные субсидии прекратились, карточный домик рухнул и курс покупки иностранной валюты взмыл вверх.

Большой интерес представляет то, как экономисты-теоретики партии шляп, возглавляемые неким Эдвардом Рунебергом, объясняли разразившийся кризис. Подобно британским антибуллионистам и появившимся позже теоретикам английской банковской школы, они представляли местами причины и следствия, делая это даже еще более непосредственно, чем британцы. Теоретики партии шляп утверждали, что первопричиной всех бед является дефицит платежного баланса. Откуда же берется дефицит платежного баланса? Ответ на этот вопрос выглядит намного туманнее: предполагается, что дефицит возникает вследствие преднамеренных действий жадных потребителей и импортеров. Затем этот дефицит вызывает рост курса покупок иностранной валюты, что, в свою очередь, увеличивает цены отечественных товаров на экспортных рынках, а это подталкивает вверх и цены на товары для внутреннего рынка. *Следовательно*, все действительные причины инфляции, имеющей место в Швеции, сводятся к мистическому дефициту ее платежного баланса. Политические следствия, которые партия шляп выводила из этих теоретических построений, очевидны — нужно ограничить импорт посредством силового вмешательства.

Теоретики партии ни единого раза не признали, что может существовать и иная причинно-следственная связь — увеличение эмиссии банкнот вызывает рост цен и падение курса отечественной валюты. Наоборот! Они выступали за еще большее увеличение эмиссии банковских бумажных денег, что должно было, по их мнению, способствовать увеличению внутреннего производства, которое, в свою очередь, должно было каким-то образом увеличить экспорт, увеличивая тем самым поступления иностранной валюты, что в сочетании с административным ограничением импорта должно было ликвидировать дефицит платежного баланса.

Помимо масштабных частных кредитов, дефицит государственного бюджета (в значительной части вызванный огромными военными расходами Швеции, связанными с ее участием в имевшей мировой характер Семилетней войне 1756—1763 гг.) финансировался с помощью кредитно-денежной инфляции Банка Швеции.

Начиная с 1756 г., когда инфляция начала расти ускоренными темпами, стали неуклонно усиливаться и позиции оппозиционной на тот момент партии колпаков. Это происходило не только вследствие реакции людей на раскручивание инфляционной спирали, но и по причине недовольства участием страны в непопулярной войне. Партия колпаков, чьей электоральной базой были мелкие торговцы и рядовые государственные служащие, для которых инфляция оказывалась наиболее болезненной, выступали за свободу торговли и *laissez faire*, против меркантилистской политики и государственного контроля рынков. Когда началась инфляция, деятели партии колпаков оказались способны показать, каким образом организованная правительством инфляция помогает привилегированным производителям посредством дешевых банковских кредитов. Они также показали, как раздаваемые партией шляп привилегии и субсидии помогают узкому кругу крупных торговцев, в особенности экспортерам железа. Более мелкие производители, торговцы и импортеры, выступавшие против специальных привилегий, были политической базой партии колпаков.

В 1762 г. деятели партии шляп встревоженные растущей популярностью партии колпаков, прекратили политику денежной инфляции, но, поскольку ожидания инфляции еще сохранялись, цены и курс иностранной валюты продолжали расти какое-то время. Наконец, в 1765 г. «колпаки» взяли верх над «шляпами», сформировав большинство в риксдаге. Они немедленно прекратили инфляцию, героически перейдя к политике дефляции. Совокупное предложение банкнот к 1768 г. сократилось до 33,5 млн далеров, что означало падение на 25% за семь лет, причем большая часть этого падения пришлась на период после 1765 г. Результатом, естественно, стало резкое снижение цен и курса иностранных валют — цена далера в банк-марках снизилась с 247% к номиналу в 1765 г. до 117% три года спустя. Резко уменьшились также выпуск продукции и занятость.

Дефляционная политика, проводившаяся партией колпаков пока она была у власти, могла бы оправдываться с помощью указания на то, что столь жесткие меры необходимы для того чтобы развернуть инфляционные ожидания в обратном направлении. Но партия колпаков выделяла другой аспект в качестве основания своей политики. Почему бы состоятельным купцам и промышленникам, связанным с партией шляп и получавшим значительные доходы от инфляции, не заплатить высокую цену за возвращение к серебряному стандарту и политике стабильных денег? Рассмотренная таким образом, дефляция вознаграждала бы тех, кто страдал от инфляции, и получатели инфляционных прибылей уплачивали бы тем самым нечто вроде репараций, компенсирующих потери жертвам инфляции предыдущего периода. Это не кажется такой уж абсурдной программой. И партия колпаков, найдя эту программу справедливой, приступила к ее реализации, начав дефляцию цен (до уровня, имевшего место до 1745 г., когда к власти пришла партия шляп) и понизив курс иностранной валюты (до серебряного паритета далера).

У «колпаков» имелся также важный экономико-теоретический аргумент: поскольку банкноты получают свою ценность от резервов серебра, которое они представляют, далер должен всегда означать одно и то же количество металла, т.е. один и тот же вес серебра.

Однако два ведущих экономиста-теоретика партии колпаков выступили против политики дефляции и предложили вместо нее вернуться к серебру, но по сложившемуся к этому моменту паритету, т.е. приравняв далер к вдвое меньшему количеству серебра, чем старый паритет. Одним из этих экономистов был лютеранский пастор из небольшого городка на западном побережье Финляндии Андерс Чидениус (1729—1803). Отстаивая интересы финских портовых городов, которые после колонизации Финляндии Швецией были обязаны торговать с другими странами только через Стокгольм, привилегированные торговцы которого удерживали почти всю прибыль, Чидениус написал множество статей против меркантилизма и за свободу торговли. Он также излагал в своих сочинениях идеи естественного права и естественных прав каждого индивида. В 1766 г., когда Чидениус представлял в риксдаге финское духовенство, его публикации подверглись цензурному запрету, а сам он был изгнан из парламента за ужасающее преступление (совершенное в «эру свободы») — он написал трактат «Помощь, которую естественная финансовая система может оказать нашей земле» («The Succour of the Realm by a Natural Financial System»), в котором подверг резкой критике политику дефляции и возвращение далера к старому паритету (после того как в риксдаге он проголосовал по этому вопросу за). Очевидно, было запрещено менять точку зрения после того, как ты проголосовал за вариант, который теперь представляется тебе ошибочным. В этом сочинении Чидениус, не имевший возможности ознакомиться со взглядами Адама Смита или услышать о них, развивает концепцию реальных векселей, предлагая вариант банковской деятельности, основанной на денежной системе, в которой эти векселя конвертировались бы в деньги.

Другой противник политики дефляции из числа сторонников партии колпаков, преподаватель экономической теории в Университете Упсалы Пер Никлас Кристиернин, начал свою деятельность в 1761 г., когда получил должность адъюнкта права и экономической науки, затем дослужился до звания профессора в этих же областях, после чего занимал профессорскую кафедру по философии, а затем стал и главой этого университета. В отличие от провинциала Чидениуса, не отличавшегося особой начитанностью, Кристиернин был знаком с трудами таких зарубежных авторов, как Кантильон, Юм, Юсти, Локк и Малине. В статье, опубликованной в 1761 г. под названием «Краткое изложение бесед о высоких ценах на иностранную валюту в Швеции» («Summary of Lectures on the High Price of Foreign Exchange in Sweden»), Кристиернин изложил теорию гибкого обменного курса, рассматриваемого как механизм обеспечения равновесия неконвертируемой валюты, каковая теория предвосхи-

щала построения британских буллионистов, превосходя все написанное к тому времени. К сожалению, работа Кристиернина не была переведена на английский и оставалась неизвестной в Англии вплоть до 1971 г. Кристиернин указал, что продолжение увеличения предложения банкнот ведет к падению ценности далера, которое выражается как в росте вексельных курсов, так и в росте внутренних товарных цен. В свою очередь, причиной увеличения эмиссии банкнот является мягкая кредитная политика центрального банка, который в середине 1750-х гг. резко понизил процентную ставку; центральный банк также увеличивал инфляцию посредством создания денег для погашения всех выпущенных государственных облигаций.

Однако Кристиернина нельзя назвать последовательным и бескомпромиссным сторонником твердых денег. Он защищал банкноты, видя в них полезный инструмент увеличения экономической активности и занятости, и возражал против политики дефляции, поскольку, как он отмечал, цены и заработная плата опасно понижаются. Есть, однако, обоснованные сомнения в том, что заработная плата и цены в XVIII в. могли понижаться сколько-нибудь длительное время. Но главное возражение Кристиернина против инфляции основывалось не на том, что идеалом для него служили твердые, т.е. металлические, деньги, а на выраженном много позже Милтоном Фридманом желании стабилизировать ценность далера и сделать уровень цен постоянным. Он призывал центральный банк начать операции на открытом рынке, видя в них средство достижения этой цели. Более того, когда речь заходила о выборе между инфляцией и дефляцией, Кристиернин, и в этом предвосхищая монетаристов, предпочитал инфляцию.

К сожалению, героическая политика дефляции привела к временной потере власти партией колпаков и к смене политического курса. В 1769 г. партия шляп вернула себе лидирующую роль в риксдаге, но, хотя они возобновили политику инфляции, «шляпы» стали также всерьез рассматривать вариант возвращения к серебряному стандарту, начав подготовительные мероприятия. Когда в 1772 г. партия колпаков вернула себе большинство, влиятельные крупные торговцы, принадлежавшие к партии шляп, вошли в союз с короной и дворянством из числа придворных и составили заговор, имевший целью их возвращение к власти. В ходе государственного переворота они захватили власть, свергли правительство демократического парламентского большинства и утвердили короля Густава III главой абсолютистской монархии. В 1777 г. король Густав III вернул серебряный стандарт, установив в качестве официального сложившийся на тот момент рыночный курс далера к серебру.

Позже взгляды британских буллионистов получили распространение и в других частях континента, более доступных для интеллектуального влияния. Например, в Гамбурге, где учитель математики местной гимназии, экономист и основатель гамбургской Академии торговли Иоганн Георг Бюш (1728—1800) осудил порождающую инфляцию

банковскую деятельность, поощряемую правительством. Бюш заметил, что в результате

обычно <такую банковскую практику> обвиняют в том, что она производит слишком много бумажных символов <денег> — слишком много по сравнению с нуждами граждан. Как следствие, имеется слишком много тех, кто хотел бы обменять принадлежащие им бумажные деньги на товарные деньги, представляющие собой истинные символы ценности и могущие служить таковыми. Так как банк не может производить товарные деньги [золото и серебро] столь же просто, сколь производит бумажные знаки с нанесенными на них буквами и рисунками, и так как он должен, следовательно, признаться в том, что не может выполнить свои обещания [т.е. обещание конвертировать бумагу в металл], обманутые граждане будут все более неохотно принимать бумагу за другие [т.е. металлические] деньги²⁹.

В качестве главной причины банковской инфляции, фактически организуемой государством, Бюш называет финансирование военных расходов, продолжающееся с самого начала XVIII столетия.

В это же время в России немецкий профессор и последователь Адама Смита, преподававший политическую экономию в одном из прибалтийских регионов, барон Генрих Фридрих фон Шторх (<Андрей Карлович Шторх>, 1766—1835), в объемистом приложении к изданию 1823 г. своего «Курса политической экономии», опубликованного в России по-французски⁽¹⁰⁾, осудил практику стимулирования государством расширения банковского кредита и эмиссии бумажных денег. Как и Бюш, в качестве главной причины политики постоянной инфляции Шторх называл войну:

Главным мотивом, руководствуясь которым почти во всех европейских странах использовали это вредоносное изобретение (бумажные деньги), была необходимость справиться с расстройством государственных финансов, порожденным войнами. Переход на бумажные деньги иногда был оправдан и необходим, но как общее правило он был бесполезен. [...] Сколько войн можно было бы предотвратить, если бы нельзя было прибегнуть к этому пагубному средству! Скольких слез и крови можно было избежать!

Наилучшим лекарством от этой болезни, пишет Шторх, было бы возвращение к 100%-ному золотому или серебряному стандарту во всех странах. В случае если это окажется невозможным, Шторх склонялся к свободе учреждения конкурирующих частных банков, которые, как он отмечал, будучи первым, кто это заметил, были бы намного в меньшей степени склонны к инфляции, чем в рамках банковской системы, основанной на привилегиях, выданных государством. Как пишет Шторх,

частные банки наиболее предпочтительны и наименее опасны. Единственная европейская страна, в которой существуют частные банки, это Британия; во всех других странах банковское дело сконцентри-

ровано в одном учреждении или, во всяком случае, оно существует с одобрения правительства и пользуясь выданными им привилегиями. Тем не менее государственные банки намного больше склонны к порче <денег>, чем банки частные. Пока частные банки пребывают каждый сам по себе и пока они ведут операции по отдельности, их деятельность всегда будет недостаточной <для нанесения значительного вреда вследствие выпуска необеспеченных денежных заменителей>, но, как только они сформируют единое мощное учреждение, они привлекают внимание правительства, их прибыль становится более значительной, и в силу этих причин они пользуются мерами специальной защиты или привилегиями, которые они должны выпрашивать, предлагая взамен такие услуги, которые изменяют их природу и незаметно разрушают доверие к ним³⁰.

6.6. ПРИМЕЧАНИЯ

1. Charles F. Peak, 'Henry Tornton and the Development of Ricardo's Economic Thought', *History of Political Economy*, 10 (Summer 1978), pp. 193—212.
- (1). Русский перевод четвертого издания этой книги («Высокая цена слитков — доказательство обесценения банкнот». Четвертое издание с приложением. Лондон, 1811) см. в: *Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения*. М.: Эксмо, 2015. С. 719—771. Этот текст представляет собой воспроизведение перевода, опубликованного во втором томе собрания сочинений Рикардо: *Рикардо Д. Соч. : в 3 т. Т. II. С. 45—103*. М., 1955. Там же, на с. 17—43, опубликован перевод трех оригинальных писем 1809 г., не вошедших в издание 2015 г. — *Прим. перев.*
- (2). *Рикардо Д. Высокая цена слитков — доказательство обесценения банкнот // Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения*. М.: Эксмо, 2015. С. 740—741. Нам пришлось несколько расширить цитату, приведенную Ротбардом, чтобы сделать аргумент Рикардо более понятным. — *Прим. перев.*
- (3). *Рикардо Д. Высокая цена слитков...* // Там же. С. 720. — *Прим. перев.*
2. Начальный пункт эволюции воззрений Хорнера, как мы показали выше, был несколько иным: под влиянием работы лорда Кинга 1804 г. он сменил умеренно нейтральную позицию на позицию умеренного буллионизма.
3. Peake, op. cit., note 1, p. 193.
4. Как пишет Пик, «денежная тематика доминировала во всем, что создал Рикардо, и задача понимания того, что он написал, требует для своего решения включения в рассмотрение его работ по деньгам» (Ibid.).
5. Мальтус, в прошлом умеренный антибуллионист, к моменту, когда было написано это письмо, превратился в последователя Торнтонга; он сформулировал свою точку зрения на проблему в двух письмах, посвященных дискуссии о слитках и напечатанных в 1811 г. в «Edinburg Review». Критический анализ позиции Мальтуса см. в книге Фрэнка Феттера: Frank Fetter, *Development of British Monetary Orthodoxy, 1797—1875* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1963), p. 48. О сосредоточенности Рикардо в ходе его экономико-теоретического исследования денег исключительно на долгосрочном равновесии см.:

- J. A. Schumpeter, *History of Economic Analysis* (New York, Oxford University Press, 1954), pp. 494—495 <Шумпетер Й. История экономического анализа. СПб.: Экономическая школа, 2001. С. 647—648>; Jacob Viner, *Studies in the Theory of International Trade* (New York: Harper and Bros., 1937), pp. 139—140.
6. Joseph Salerno: 'The Doctrinal Antecedents of the Monetary Approach to the Balance of Payments' (doctoral dissertation, Rutgers University, 1980). Говоря о жестком и механистическом разделении между деньгами и реальностью, которое породило концепцию денег как «вуали», Салерно отмечает, что это разделение привело также к кажущемуся парадоксу Рикардо, сформулированному в его «Началах», когда он, анализируя проблему платежного баланса, обращается вдруг к высшей степени вводящему в заблуждение, чисто «реальному», не содержащему денег, бартерному описанию проблемы. Этот парадокс кажущийся, поскольку жесткое разделение позволяет экономисту-теоретику перескакивать туда и сюда между чисто денежным и чисто «реальным» мирами. Именно анализ проблемы платежного баланса, основанный на бартере, пишет Салерно, «послужил фундаментом классической теории платежного баланса» (Ibid., p. 449).
 7. Peake, op. cit., note 1, p. 203.
 - (4). Ср.: Рикардо Д. Высокая цена слитков... // Указ. в прим. (2) соч. С. 745. — Прим. перев.
 - (5). Ср.: Там же. С. 745—746. — Прим. перев.
 - (6). Русский перевод см. в: Рикардо Д. Соч. : в 3 т. М., 1955. Т. II. С. 105—178. Существует и краткая версия названия — «Ответ г-ну Бозанкету». — Прим. перев.
 8. Jacob H. Hollander, 'The Development of the Theory of Money from Adam Smith to David Ricardo', *Quarterly Journal of Economics*, 25 (May 1911), p. 470.
 9. Спенсер Персиваль (1762—1812), сын графа Эгмонта, получил степень магистра в кембриджском колледже Св. Троицы в 1781 г., после чего был уполномоченным поверенным и советником короля по правовым вопросам. Непременный член Парламента с 1791 г., Персиваль был ястребом, всегда выступавшим за войну и в поддержку политики Питта, состоявшей в репрессиях и закручивании гаек с целью противодействия тем англичанам, которые выступали против войны. Дослужившись до заместителя министра юстиции и затем до министра юстиции, Персиваль, будучи главной фигурой в стане сторонников Питта, в 1807 г. стал канцлером казначейства, а в 1809-м добавил к этому посту пост премьер-министра. Погиб в результате покушения в 1812 г.
 10. Хаскиссон, несмотря на то что был одним из ведущих и наиболее уважаемых деятелей тори, всю жизнь оставался классическим либералом и приверженцем свободы торговли. Он был воспитан братом своего деда, знаменитым врачом, служившим в этом качестве в британском посольстве в Париже. Хаскиссон рос в окружении молодых французских либералов, был знаком с Бенджаминем Франклином и Томасом Джефферсоном. После падения Бастилии, свидетелем которого он был, Хаскиссон вступил в Клуб 1789 года (группу видных монархических конституционалистов, бывших классическими либералами). В двадцатилетнем возрасте Хаскиссон прочитал перед членами Клуба доклад о денежном обращении, который вызвал аплодисменты и позже был опубликован. Хаскиссон стал близким другом и доверенным секретарем бри-

танского посла во Франции лорда Гауера, с которым вернулся в Англию, когда в 1792 г. посол был отозван. Три года спустя, в 1795 г., Хаскиссон смог добиться назначения на ключевую должность секретаря администрации тори (министра в правительстве тори) и в следующем году был избран в Парламент. Будучи молодым союзником Питта, Хаскиссон занимал пост министра финансов в 1804—1809 гг., а в 1808 г. принял активное участие в установлении особых отношений между Министерством финансов и Банком Англии.

11. Шарп, непревзойденный собеседник, известный под прозвищем Беседа Шарп (*Conversation Sharp*), происходил из семьи военного. Он родился на острове Ньюфаундленд и смог стать ведущим лондонским торговцем с Вест-Индией, а также основать и возглавить компанию по производству шляп *Richard Sharp & Co.* Этот состоятельный бизнесмен стал ведущим членом партии вигов, приверженцем реформы Парламента и других либеральных реформ. Он состоял во многих наиболее влиятельных лондонских клубах и дружил с Джоном Адамсом, Рикардо и Джеймсом Миллем. Долгое время он собирался написать историю обретения Америкой независимости. Шарп был также поэтом, интересовался литературой и дружил с Байроном, Кольриджем и Вордсвортом. С 1806 по 1827 г. он неизменно избирался в Парламент.
12. Десятью годами позже Хаскиссон, во время парламентских дебатов по проблемам денежной политики, упомянул о совершенной им в 1810 г. «досадной ошибке», когда ему «пришлось разойтись с рядом уважаемых членов Палаты общин, к которым я чувствовал личную привязанность и с политическими воззрениями которых я был в общем и целом согласен». См.: Frank W. Fetter, 'The Politics of the Bullion Report', *Economica*, n. s., 26 (May 1959), pp. 106—107.
13. *Ibid.*, p. 106.
14. Как отмечал Фрэнк Феттер, «только после того, как комитет выпустил свой Отчет, который... значительно отличался от положений, развиваемых Рикардо относительно причин обесценения фунта, но отчасти совпадал с его критической позицией в отношении Банка Англии и с его убеждением в том, что ограничения <на обмен банкнот> должны быть отменены вне зависимости от того, окончена война или нет, Рикардо стал защищать Отчет комитета о слитках. Выводы Отчета о денежной политике были достаточно близки к тем выводам, к которым он пришел в качестве публициста, и он стал сторонником Отчета, после чего эта позиция обеспечила Рикардо широкое признание». См.: Frank W. Fetter, 'The Bullion Report Reexamined', (1942), in T. S. Ashton and R. S. Sayers (eds.), *Papers in English Monetary History* (Oxford: The Clarendon Press, 1953), p. 67.
15. *Ibid.*, p. 67.
16. Здесь следует отметить смелость, проявленную членом партии вигов, торговцем и шахтовладельцем Паско Гренфеллом (1761—1838), который проголосовал за Отчет (будучи при этом крупным акционером Банка Англии), а также непоследовательность Александра Бэринга, который выступал в поддержку идей, нашедших отражение в Отчете, но проголосовал против, возражая против возврата к золотому стандарту во время войны. Семейство Гренфелла происходило из Корнуолла, а его отец был одним из ведущих лондонских торговцев, специализировавшийся на крупных поставках олова и меди. Гренфелл начал работать в отцовской фирме, а затем стал главным управляющим партнером в компаниях, связанных с Томасом Уильямсом, крупнейшим про-

- мышленником Корнуолла и Англии, одного из графств Уэльса. Паско Гренфелл был членом Парламента с 1802 по 1825 г.
17. Николас Ванситтарт был сыном губернатора Бенгалии Генри Ванситтарта. Он получил степень бакалавра в Оксфорде (в колледже Церкви Христовой) в 1781 г. и там же магистерскую степень четыре года спустя. Ванситтарт стал поверенным и часто выступал в печати как публицист, отстаивающий политическую линию премьер-министра Питта за продолжение войны и продление ограничений на погашение банкнот металлическими деньгами. Избравшись в 1796 г. в Парламент, Ванситтарт назначался на посты помощника министра финансов и министра по делам Ирландии, а затем и министра финансов в различных правительствах тори. В 1809 г. он вел парламентские дебаты, в которых отстаивал необходимость продления ограничений на погашение банкнот Банка Англии металлом. Ванситтарт стал канцлером казначейства в 1812 г. и занимал этот пост следующие десять лет.
18. Джексон, получивший магистерскую степень в Эксетерском колледже Оксфорда в 1793 г., был известным консультантом Парламента и консультантом Ост-Индской компании, а также советником Корпорации города Лондон.
19. Джордж Эллис, отец которого был членом ассамблеи о-ва Сент-Джордж, находящегося в Вест-Индии, в 1790-е гг. какое-то время был членом Парламента, но больше был известен как поэт, историк и литератор. Будучи и сам одаренным поэтом, он составил и опубликовал поэтическую антологию, а также написал историю голландской революции середины 1780-х гг. Джордж Эллис был дипломатом, а затем стал частым автором «*Anti-Jacobin Review*». Он был близким другом Джорджа Каннинга и видного тори шотландца Вальтера Скотта.
- (7). Это означает, что фактический отказ принимать серебро иначе, чем в качестве разменной монеты, т.е. с лимитом по номиналу и/или весу, был отныне подкреплен и юридически — суды получили основание отказывать в исках тем, кто хотел бы обменять серебро на золото в неограниченном количестве, но встречал отказ владельцев золота в такой сделке. — *Прим. перев.*
20. Александр Бэринг, сын сэра Френсиса и представитель знаменитого семейства банкиров, был членом комитета о слитках, образованного в 1810 г., и голосовал против утверждения Отчета комитета. С юных лет он работал и проходил обучение в банке своего отца. Он женился на дочери близкого друга Роберта Морриса <американский финансовый и политический деятель, influential инфляционист и сторонник дефицита государственного бюджета, покрываемого эмиссией бумажных денег> сенатора Уильяма Бингэма. В 1810 г. Александр Бэринг возглавил семейный банк; начиная с 1806 г. он в течение 30 лет избирался в английский Парламент.
- (8). Полное название: «Предложения в пользу экономного и устойчивого денежного обращения, а также замечания о прибыли Банка Англии, поскольку она связана с интересами государства и собственников капитала Банка» («*Proposals for an Economical and Secure Currency with Observations on the Profits of the Bank of England, as they Regard the Public and the Proprietors of the Bank Stock*», 1816); русский текст см. в: *Рикардо Д.* Соч. : в 3 т. М., 1955. Т. II. С. 179—254. — *Прим. перев.*
21. Salim Rashid, 'Edward Coplestone, 'Robert Peel, and Cash Payments', *History of Political Economy*, 15 (Summer 1983), pp. 249—259.

- (9). Tutor — формальная университетская должность, предполагающая участие наставника в организации учебы, досуга и общего развития студентов; наставник может быть, а может и не быть преподавателем, может иметь, а может не иметь научного звания профессора и т.п. — *Прим. перев.*
22. Frank W. Fetter, *Development of British Monetary Orthodoxy 1797—1875* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1965), pp. 69—70.
23. Уильям Кобетт (1762—1835) был одним из немногих авторов, писавших о политике, который происходил из нижних слоев общества. Родившийся в крестьянской семье в Суррее, Кобетт работал писцом у лондонского юриста, затем завербовался на военную службу и к 1791 г., будучи в армии, стоявшей в канадской провинции Нова Скотия, дослужился до унтер-офицера, после чего женился на дочери солдата. Странствуя по Франции и затем по Соединенным Штатам, Кобетт работал учителем английского и переводчиком для французских эмигрантов в Филадельфии, где он запомнился в середине 1790-х гг. как полный сарказма сторонник англичан, занимающий позицию радикального то-ри и федералиста, убежденный противник якобинцев. К концу 1790-х он стал известным филадельфийским журналистом, редактором и издателем. После возвращения в Англию в 1800 г. Кобетт начал издавать (с 1802 г.) свой весьма влиятельный еженедельник «Cobett's Weekly Political Register», который выходил до его смерти. Он публиковал также материалы парламентских дебатов и выпустил многотомное издание, посвященное истории английского Парламента. В 1804 г. он внезапно перешел на позиции философских радикалов, которые занимал до конца жизни, отстаивая идею парламентской реформы, осуждая бумажные деньги и неоднократно подвергаясь судебным преследованиям по обвинению в подстрекательстве к мятежу.
24. Цит. по: Mark Skousen, *The 100% Gold Standard: Economics of a Pure Money Commodity* (Washington, DC: University Press of America, 1977), p. 45 <Ср.: Золотой стандарт: история, принципы, политика. Челябинск: Социум, 2011. С. 271>.
25. Все цели и задачи джексоновского движения соответствовали миссии установить такой экономический порядок, который всецело опирался бы на свободный рынок и принцип *laissez faire* в экономике и государственном управлении: свободная внешняя торговля (как это было в 1840-х гг.), отсутствие федеральных «программ усовершенствования жизни» (общественных работ) и отсутствие таких программ на уровне отдельных штатов, что считается особенно желательным их адептами, и — в более общем плане — ультраминималистский подход к государственному бюджету, т.е. к объему государственной власти, как, разумеется, на федеральном уровне, так и (что менее очевидно) на уровне штатов и местном уровне.
26. Согласно плану сторонников Джексона, Ван Бурен должен был занимать президентский пост в течение двух сроков, после чего также в течение двух сроков президентом должен был быть Бентон. Но Ван Бурен не выиграл вторые выборы, а в 1844 г. последовал раскол между сторонниками Джексона (и весьма симптоматично было расхождение между Ван Буреном и самим Джексоном). Предметом раскола стал важнейший на тот момент вопрос об условиях вхождения Республики Техас в состав Соединенных Штатов — должен ли он войти в союз штатов как рабовладельческий штат.
27. Condy Raguet, *Treatise on Money and Banking* (1839), p. 137, цит. по: Vera Smith, *The Rationale of Central Banking* (1936, Indianapolis, Ind.: Liberty Press,

-
- 1990), p. 84 <Ср.: *Смит В.* Происхождение центральных банков. М.: Институт национальной модели экономики, 1996. С. 133—134>.
28. Второе (и гораздо более известное) издание этой книги вышло под названием «The Elements of Political Economy» (2 vols, 1823, 1836, 1840).
29. Цит. по: Peter Bernholz, 'Inflation and Monetary Constitution in Historical Perspective', *Kyklos*, 36 (1983), pp. 407—408.
- (10). Полный перевод этого сочинения на русский язык вышел только в 2008 г.: *Шторх А.* Курс политической экономии, или Изложение начал, обуславливающих народное благоденствие. Размышление о природе национального дохода. М.: ИД «Экономическая газета», 2008. — *Прим. изд.*
30. *Ibid.*, pp. 408—409.

ПОЛЕМИКА ПО ПОВОДУ ПРЕДЛОЖЕНИЙ
ДЕНЕЖНОЙ ШКОЛЫ

7.1. ТРАВМА, НАНЕСЕННАЯ КРИЗИСОМ 1825 Г.

К 1823 г. британская экономика окончательно восстановилась, преодолев и депрессию, вызванную окончанием Наполеоновских войн, и депрессию в сельском хозяйстве, разразившуюся после 1821 г. В действительности здесь можно говорить о начале экономического бума, вызванного кредитно-денежной экспансией, бума, который был инициирован не в последнюю очередь с целью заглушить громкие крики аграриев, требовавших более высоких цен на свою продукцию, а также голоса противников золотого стандарта. Неудивительно, что кредитная экспансия, осуществленная Банком Англии, породила новый инфляционный бум. Совокупный объем кредитов, выданных Банком Англии, по состоянию на август 1823 г. составлявший 17,5 млн ф. ст., к августу 1825 г. увеличился до 25,1 млн ф. ст., т.е. на 43% (рост на 21,7% в год без учета сложных процентов). Большая часть денежно-кредитной эмиссии, ставшей основой этого бума, была инвестирована в ценные бумаги рудников, расположенных в Латинской Америке, т.е. в бумаги с повышенным риском и высокой спекулятивной доходностью. Один из ведущих деятелей радикальной партии и сторонник твердых денег Уильям Коббет обрушился с критикой на инфляционистскую политику тех лет, причем он был не одинок — ему вторил, хотя и не в публичном пространстве, такой умеренный сторонник твердых денег, как Уильям Хаскиссон, выражавший беспокойство относительно того, что «этот вселенский грабеж под названием “акции иностранных эмитентов” обернется самым жутким пузырем из всех когда-либо существовавших».

В конце 1824 г. вексельные курсы на заграницу сложились неблагоприятным образом, и золото начало утекать из Англии; в следующем году и британцы стали истребовать золото, помещенное ими в банки, причем во все возрастающих количествах. Весной 1825 г. Хаскиссон неоднократно предупреждал кабинет о том, что «Банк Англии в своей безрассудной жадности снова начал ту игру, в которую он играл в 1817 г.» В конце июня 1825 г. один бристольский банк отказался погашать золотом выпущенные им банкноты, предъявленные их держателем, который отверг банкноты Банка Англии, предложенные ему вместо золота. Об этом написал Коббет, и это тревожное происшествие сделалось широко

известным. В конце февраля 1825 г. резервы наличности Банка Англии понизились до пятилетнего минимума, составив 8,86 млн ф. ст. К концу октября они упали до опасной величины в 3 млн ф. ст. Последовали набеги на банки и случаи банковской паники, и в разгар всеобщей паники, в середине декабря, держатель банкнот несговорчивого бристольского банка, которому отказались обменять их на золото, распространил среди жителей города листовку, в которой было сказано следующее: «Поскольку никто не может знать, что может произойти, забирайте Золото, потому что если введут ограничения <на погашение банкнот>, будет слишком поздно». Тогда же потерпел крах банк покойного Генри Торнтон (Pole, Thornton & Co), несмотря на то, что в последний момент он смог получить заем в Банке Англии, и несмотря на то, что возглавлявший банк сэр Питер Поул был связан (через жену) с управляющим Банком Англии Корнелиусом Буллером.

После истерики, длившейся целую неделю в середине декабря 1825 г., Банку Англии, неизменно проводившему очень рискованную политику выдачи крупных ссуд банкам и рискованную практику переучета векселей, удалось избежать набега, хотя его резервы наличности к концу года упали до 1 млн ф. ст.

Страна, хотя и подошла к самому краю пропасти, смогла спастись от повторения краха 1797 г., когда Банк Англии прекратил платежи металлом. Банк и в этот раз обратился к правительству с просьбой приказать приостановить погашение его банкнот золотом, но правительство тори, в основном из-за сильнейшего давления со стороны Хаскиссона и Коббета, воспротивилось выполнению требования Банка Англии. Премьер-министр Роберт Бэнкс Дженкинсон, известный более как граф Ливерпуль (1770—1828), в основном для того, чтобы позлить своих коллег по партии тори, входивших во фракцию герцога Веллингтона, согласился с Хаскиссоном в том, что по словам одного выдающегося сторонников Веллингтона, звучало следующим образом: «...если [Банк Англии] приостановит платежи <золотом>, это будет отличным поводом отозвать их чартер... и дать им развалиться».

Бум и кризис 1825 г. стал болезненным уроком и инициировал интенсивные теоретические изыскания в сфере денежной теории и практики регулирования денежной сферы и экономики в целом. Эти драматические события показали, что золотой стандарт, будучи чрезвычайно важным средством сдерживания денежно-кредитной инфляции, *не является достаточным* — случаи разорения банков и чередование бумов и кризисом может и будет происходить и при золотом стандарте. Для выполнения того, что обещали сторонники восстановления золотого стандарта, требуется что-то еще. Для предотвращения экономического цикла и прочих вредных последствий банковской деятельности с частичным резервированием требуется нечто большее, чем золотой стандарт.

Наиболее конкретным решением правительства, принятым сразу после и вследствие кризиса 1825 г., стало запрещение выпуска низкономи-

нальных банкнот (достоинством ниже пяти фунтов стерлингов), т.е. была осуществлена мера, которую одобрял даже Адам Смит, благосклонно относившийся к <необеспеченному золотом> банковскому кредитованию. Таким образом, публика должна была использовать в качестве наличных денег только золотые монеты, по крайней мере если речь шла об этих популярных и широко распространенных номиналах. Решением от 22 марта 1826 г. английский Парламент запретил банкам Англии и Уэльса выпускать новые низкономинальные банкноты, а перевыпускать ранее выпущенные разрешил только после апреля 1829 г. Другим своим решением, регулирующим банки и банковскую деятельность, Парламент покончил с системой, существовавшей с начала XVIII столетия: при своем учреждении Банк Англии получил монопольную привилегию на банковскую деятельность, осуществляемую в форме партнерства, организованном на началах ограниченной ответственности, с числом владельцев более шести лиц. Эта привилегия была отменена. Закон от 26 мая 1826 г. разрешил учреждать банки в форме акционерных обществ и партнерств с большим числом пайщиков. К сожалению, эффект от этой либерализации был в значительной мере ослаблен тем, что тот же закон сохранял указанную монополию Банка Англии в Лондоне и зоне, соответствующей окружности вокруг Лондона радиусом в 65 миль <т.е. закон запрещал учреждать крупные паевые и акционерные банки в Лондоне и этой зоне, а также запрещал банкам, организованным как акционерные общества и крупные партнерства в других местностях Англии, вести операции в Лондоне и в пределах этой 65-мильной зоны. — *Перев.*>. Иначе говоря, быть банками в форме акционерных обществ и крупных партнерств разрешалось только провинциальным банкам.

Оказавшие сильное давление на Парламент и правительство шотландские тори выбрали для Шотландии право быть исключенной из этих реформ. Во-первых, в Шотландии уже существовали банки в форме акционерных обществ и, что важнее, исторически Шотландия давно находилась под властью инфляционистской идеологии, проводившейся в жизнь посредством мер инфляционистской политики, в том числе на базе эмиссии банкнот, эмитентами которых выступали мелкие банки. Даже после восстановления в 1821 г. золотого стандарта Шотландия фактически не имела его. Франк Феттер пишет об этом следующим образом:

Даже после возобновления платежей <металлом> в 1821 г., в обращении находилось крайне мало монет, и в значительной степени это был обычай, имевший силу, близкую к силе закона, — согласно этому обычаю люди не должны были просить банк погасить монетами банкноты, выпущенные этим банком. В Лондоне погашение требований было обычной формой расчетов с держателями банкнот и подобных документов. Но в Шотландии значительная доля истины заключалась в следующих словах анонимного автора статьи, опубликованной в 1826 г.: «Любой дурак с Юга, имевший наглость потребовать сотню соверенов [т.е. золотых монет], если бы его нервы помогли ему выдер-

жать перекрестный допрос у банковского прилавка, мог бы почесть за счастье, что остался цел, пока его гнали до самой границы»¹.

Чтобы золотой стандарт работал, он, конечно же, должен действовать фактически, т.е. существовать и в официальных актах, и на практике.

Шотландские тории, возглавляемые прославленным писателем Вальтером Скоттом, успешно воспрепятствовали реализации в Шотландии реформы, направленной на изгнание из обращения низкономинальных бумажных денег. Орган шотландских «высоких тории» «Blackwood's Edinburgh Magazine», поприветствовав кампанию сопротивления, объявленную Скоттом, в 1827—1828 гг. поместил две статьи под названием «Провинциальные банки и Банк Англии», в которых объединил две главные темы, на которые постоянно упирали радикальные инфляционисты, — выход из золотого стандарта и прославление сельских банков. «Blackwood's» также подверг критике Банк Англии, обвинив его в чрезмерно ограничительной денежной политике, что способствовало формированию легенды, согласно которой Банк Англии был в то время слишком увлечен рестрикционистскими мерами, тогда как в действительности он являлся главной движущей силой инфляции. В отличие от этого издания главный орган философских радикалов «Westminster Review» высмеивал шотландцев, угрожавших развязать «гражданскую войну в защиту привилегии быть обворованными» системой банковского кредита.

Тогда же, а именно в 1827 г., видный инфляционист Генри Бёрджес основал могущественную организацию — комитет провинциальных банкиров, и в течение следующих двадцати лет был главным редактором его влиятельного периодического издания «Circular to Bankers». В этот период Бёрджес вел непрекращающиеся атаки на золотой стандарт, подвергая его всяческим поношениям, а наряду с ним его авторов и «таких невежественных, самовлюбленных и упертых прожектеров, как Хаскиссон, Пиль и Рикардо», и заодно Банк Англии за то, что тот слишком сильно ограничивает кредит. Кроме того, он обвинял также «политэкономов» в том, что они представляют собой «проклятие для страны», — потому что они, как правило, являются сторонниками твердых денег. «Blackwood's Edinburgh Magazine», в свою очередь, в течение почти трех десятилетий вел ту же линию, обвиняя решение 1819 г. о возвращении к золотому стандарту в том, что оно доставило «евреям, торговцам акциями и адвокатам этой страны огромные преимущества за счет классов, связанных с земельной собственностью...»

Вместе с тем на противоположном фланге действовал, например, Уильям Коббет, продолжавший в своих статьях критиковать банки; так, в статье 1828 г. он заявил: «После того, как я постиг суть этого дьявольского снадобья — бумажных денег, я всегда желал, чтобы эта проклятая вещь была разрушена; я аплодировал каждому шагу, который приближал их уничтожение, и порицал всякие мечтания о том, чтобы они сохранились». Постоянно атакуя инфляционистов и шотландские сель-

ские банки (он называл их шотландскими монополистами), Коббет в резких выражениях упрекал шотландского экономиста Джона Мак-Куллоха в том, что тот выступает за бумажные деньги, эмитируемые банками: «...эта шотландская тупость, чванство, упрямство и наглость». Коббет повышал градус своей критики, провозглашая: «Это — прожорливые шотландские мошенники, для Англии они словно чума, которая свирепствует здесь уже больше двухсот лет». Разумеется, следует отметить, что существовал один простейший способ избавления Англии от этой «чумы», — нужно было вернуть Шотландии независимость, но рассмотреть этот вариант решения проблемы ни Коббету, ни другим английским националистам по какой-то причине не приходило в голову.

Несмотря на существование инфляционистского умонастроения у «высоких тори» и таких представителей промышленников Бирмингема, как Этвуды <о них см. предыдущую главу>, и несмотря на неизбежное столкновение разных мнений о банковской реформе, начиная с середины 1820-х гг. большое число экономистов-теоретиков твердо поддерживали золотой стандарт. Очень многие моменты регулирования будущей банковской системы были согласованы и реализованы именно тогда. Их расхождения по вопросу о банковской деятельности не мешали им иметь единую позицию по фундаментальным проблемам денежной системы. Мак-Куллох, Джеймс Милль и Нассау Сениор совершенно определенно выступали за золото. Даже Мальтус — человек, считавшийся радикалом и бывший тогда ближе к протокейнсианцам, — и в 1823 г., и позже выражал безоговорочную поддержку золотому стандарту. Архиепископ Уотли, Маунтифорт Лонгфилд, Перронет Томпсон, даже такой поклонник индуктивного метода, как кембриджский историк Ричард Джоунз, были сторонниками золотых денег. Энергично поддерживал золотой стандарт даже такой склонный к миролюбию, но часто демонстрировавший непоследовательность ученый, как Джон Стюарт Милль, сын Джеймса Милля. В 1821 г., прочитав текст выступления Томаса Этвуда, где тот ратовал за комбинированное денежное предложение, которое по его мысли должно было состоять из серебра и неконвертируемых в металл декретных бумажных денег, Милль-младший обвинил идею ослабления денежного стандарта в том, что она представляет собой «план грандиозной конфискации». Джон Стюарт Милль провозгласил: «...люди, не являющиеся мошенниками в своих частных делах, должны понимать, что означает слово “обесценение”, и тот факт, что они продолжают поддерживать эту меру, говорит лишь об одном — о состоянии морали применительно в данной сфере»².

7.2. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ДЕНЕЖНОГО ПРАВИЛА

Однако запрет банкнот с низкими номиналами не помог решить главную проблему сколько-нибудь радикально. Первым, кто вышел за пре-

дела этого частного аспекта банковского бизнеса и сделал решительный шаг прямо к центральному пункту всей проблематики, был блестящий и авторитетный мыслитель, оставшийся малоизвестным персонажем той эпохи, малоизвестным даже среди профессиональных историков, поскольку в то время он не занимал видного положения. Лайонел Роббинс совершенно справедливо уподобил Джеймса Пеннингтона (1777—1862) Майкрофту Холмсу поздней фазы классической дискуссии о деньгах³.

Джеймс Пеннингтон происходил из квакерского семейства, известного в своем городе (они жили в городке Кендал, графство Уэстморленд). Его отец Уильям Пеннингтон, книготорговец, печатник и архитектор, в конце концов стал мэром Кендала. Окончив первоклассную квакерскую школу в родном городе, Джеймс уехал в Лондон. О его дальнейшей жизни мало что известно, кроме того, что он жил в Клепхэме на юго-восточной окраине Лондона, что он и его большая семья (семеро детей) были прихожанами знаменитой англиканской церкви в Клепхэме, в которой он был старостой прихода; это означало, в частности, что он расстался со своим квакерством. Кроме того, известно, что он был торговцем и бухгалтером, что он жил как джентльмен, что в 1832 г. он стал членом правления правительственного комитета, отвечавшего за финансовую политику в Индии. С этого времени он больше не занимался бизнесом, сосредоточившись на консультировании правительства по техническим проблемам государственных финансов.

После грандиозного банковского кризиса, апогей которого пришелся на декабрь 1825 г., Лондон погрузился в интенсивные дискуссии по денежно-банковским вопросам. Авторитетнейший Клуб политической экономии посвятил им свои заседания 9 января и 6 февраля 1826 г. На втором из этих мероприятий в качестве гостя присутствовал Джеймс Пеннингтон. Дискуссия произвела на него сильнейшее впечатление — после заседания он написал записку по обсуждавшимся вопросам, направив ее Уильяму Хаскиссону — очень влиятельному главе парламентского комитета по торговле, видному деятелю партии тори, который при этом придерживался либеральных взглядов на экономику. Хаскиссон не был заказчиком этой записки, однако он нем было известно, что он весьма восприимчив к толковым текстам на темы, являющиеся важными в данный момент. Вполне вероятно, что написать и направить записку Хаскиссону Пеннингтону посоветовал его старинный приятель, один из основателей Клуба политической экономии, крупный торговец и экономист Томас Тук (1774—1858). В первой записке от 13 февраля 1826 г., озаглавленной «О частных банковских заведениях в столице» («On the Private Banking Establishments on the Metropolis») Пеннингтон с кристальной ясностью объяснил, каким образом частные банки посредством экспансии ссуд создают депозиты до востребования, которые функционируют как часть денежного предложения. Хотя ранее об этом писали Уолтер Бойд и другие авторы, но по ясности изложения тексту Пеннингтона не было равных. Когда эта записка Пеннингтона была опубликована

в качестве приложения к «Письму Гренвиллу» Томаса Тука («Letter to Grenville», 1829), она оказала сильное влияние на бывшую тогда в самом разгаре дискуссию о банковской деятельности. К сожалению, «Письмо Гренвиллу» не оказало значительного влияния на тот лагерь, к которому принадлежал и Пеннингтон, т.е. на представителей денежной школы, которые упорно (в этом заключался некий трагический момент) не хотели понять, что банковские депозиты до востребования эквивалентны банкнотам и образуют часть предложения денег.

Не получив никакой поощрительной реакции со стороны Хаскиссона, через год — 16 мая 1827 г. — Пеннингтон пишет второй меморандум — «Исследование чекана монет» («Observations on the Coinage»). После изложения технических процедур золотого стандарта Пеннингтон в деталях разбирает ту опасность для денежного обращения, основанного на золоте, которую приносит существование бумажных средств обращения, после чего добавляет следующий дразнящий намек: «...имеется возможность регулировать увеличивающееся количество бумажных средств обращения... с тем чтобы упорядочить процесс увеличения и уменьшения всех средств обращения в целом, подчинив бумажные деньги действию того же закона, который определяет увеличение и уменьшение обращения, состоящего целиком и полностью из металла». Это первое в Британии упоминание знаменитого денежного правила, или правила денежного обращения (*curency principle*), первый признак понимания того обстоятельства, что для превращения денег, создаваемых банками, в полноценные заместители золота, одной обмениваемости на золото недостаточно.

В конце концов Уильям Хаскиссон сел и ознакомился с меморандумами Пеннингтона, направив ему ответ, в котором, в частности, говорилось следующее:

Я считаю, что ближе к концу вашей работы о монетном чекане, вы сформулировали утверждение, которое может объяснять причину чередования восторженности и упадка, каковое чередование имело место, порождая такие тревожные последствия для этой Страны. Впервые за долгое время мне кажется, что передо мной — одна из самых важных тем, на которую можно обратить особое внимание. [...] Слишком высокая активность, проявляемая при расширении и слишком быстрое сжатие бумажного кредита, без всякого сомнения, представляют собой огромное зло.

Иначе говоря, Хаскиссон считал, что за возникновение экономического цикла несут ответственность банковский кредит и бумажные деньги. Он задается вопросом, что можно с этим сделать, и горячо убеждает Пеннингтона развить его многообещающее предположение.

Результат получился несколько комичным: хотя третий меморандум Пеннингтона, написанный 23 июня 1826 г. в ответ на просьбу Хаскиссона, носил название «Об управлении Банком Англии» и содержал

имевшее принципиальное значение детальное изложение денежного правила, совершенно обоснованно ставшего знаменитым, материал меморандума, очевидно, не был настолько ориентированным на практическую реализацию, чтобы он мог заинтересовать министра. Так или иначе, интерес англичан и парламентариев к денежной проблематике начал угасать. Уже в следующем, 1828 г., Хаскиссон ушел со своего поста, а в 1830-м он погиб <в результате несчастного случае на железной дороге>. Это не отменяет исключительной важности третьего меморандума Пеннингтона, поскольку там было заявлено, что для обеспечения стабильности денег, создаваемых банками, и для сохранения степени их обеспеченности золотом, количество банковских денег необходимо регулировать, — так, чтобы его изменения совпадали с изменениями предложения золота. Проявляя недюжинную проницательность, Пеннингтон замечает, что если бы Банк Англии был единственным и монопольным эмитентом банкнот, то контролировать совокупное предложение денег, было бы легко, так как все частные банки, лондонские и провинциальные, тем или иным образом контролировались бы Банком Англии. В любом случае после этого Банк Англии следует обязать поддерживать обеспечение своих банкнот и депозитов на фиксированном уровне (т.е. не снижать активы, приносящие доход), — если это будет выполнено, то количество денег, выпускаемых Банком Англии, будет изменяться в том же направлении и в той же мере, что его золотые резервы. Поскольку банк может и не иметь 100%-ного золотого обеспечения эмитированных им денег, то установленный законом разрыв между золотыми резервами и количеством представляющих их денег, эмитированных Банком Англии, будет означать, что банкноты и депозиты (и — шире — совокупное денежное предложение) превратятся в деньги, обеспеченные металлом на 100% для любых *будущих* операций Банка Англии. Так были посеяны семена, которые позже дадут всходы в виде великого закона Пилля 1844 г., в котором было воплощено денежное правило.

Однако из-за многочисленных оговорок и запинок Пеннингтона Хаскиссон не понял этой мысли. Это вызывает огромные сожаления, потому что в то время только Пеннингтон отчетливо понимал, что банковские депозиты представляют собой плод банковского кредита в той же мере, что и банкноты, и что «адекватное регулирование депозитов будет легкой задачей».

Остается загадкой, почему первооткрыватель денежного правила Пеннингтон оказался достаточно проницательным, чтобы понять ту роль, которую банковские депозиты играют в формировании предложения денег, тогда как представители денежной школы с таким упорством концентрировались только на банкнотах. Они применяли этот вариант организации 100%-ного обеспечения золотыми деньгами только и исключительно к банкнотам, оставив депозиты без контроля и регулирования. Некоторые историки полагают, что денежная школа намеренно отказалась от применения собственных принципов к депозитам из-за пред-

полагавшихся сложностей на пути их практической реализации, а также из-за того, что они полагали, будто держатели банкнот (считавшиеся представителями более или менее богатых слоев общества) более склонны держать наличность в золоте, чем те, кто держит деньги на депозитах⁴. Если это верно, то «практичное» решение, состоявшее в том, чтобы забыть о депозитах, в долгосрочном плане стало вершиной непрактичности, — в действительности фатальной ошибкой в организации денежного обращения, основанного на 100%-ном золотом покрытии. Закон Пилля, запретивший выпуск дополнительного количества банкнот, не обеспеченных золотом, просто-напросто подтолкнул банковскую систему во главе с Банком Англии к тому, чтобы переключить свое внимание на депозиты, — и эта конструкция, являющаяся материальным воплощением идеи инфляции и денежно-кредитной экспансии, продолжает и сегодня господствовать во всем мире.

Слепота денежной школы в отношении депозитов не распространялась на их «теоретических родственников» в США. Там, напротив, такие лидеры движения за 100%-й золотой стандарт и такие сторонники Эндру Джексона, как Конди Рэге, Амос Кендалл и блистательный Уильям Гаудж (1796—1863) из Филадельфии, полностью осознавали эквивалентность депозитов и банкнот в качестве двух способов эмиссии банковских денег. Гаудж, редактор и автор филадельфийского периодического издания «The Journal of Banking», в 1830-е гг. стал чиновником Министерства финансов и оставался на этом посту и в дальнейшем. Он всегда настаивал на том, что депозиты во всех случаях эквивалентны банкнотам, что они могут создаваться посредством кредитных операций банков, и что они имеют те же инфляционные последствия для цен, что и банкноты. Он призывал к возвращению к 100%-ному обеспечению депозитов, как это было при учреждении Гамбургского и Амстердамского банков. Гаудж был также ведущим экономистом-теоретиком, участвовавшим в создании системы независимого Министерства финансов администрациями президентов Ван Бурена и Полка, в рамках которой федеральное правительство должно полностью отделить себя от банковской деятельности, во-первых, осуществляя расходы непосредственно в металлических деньгах, и, во-вторых, принимая налоговые платежи только металлическими деньгами, а не банкнотами и не посредством <чеков, выписываемых на> депозиты. Таким образом, банковская система США могла бы стать полностью свободной не только от центрального банка (что было обеспечено президентом Эндру Джексоном в начале 1830-х гг.), но и от всякой связи с федеральным правительством и от всякой поддержки с его стороны⁵.

Когда английское общество реагировало на панику 1825 г., в Британии появились и другие формулировки денежного правила. Сэр Генри Драммонд (1786—1860)⁶, влиятельный банкир и член Парламента, в шестом издании своих «Начальных положений о денежном обращении» («Elementary Proposition on the Currency», 1826), осмысливая уроки кризиса,

пришел к выводу, согласно которому для того, чтобы избежать разрушительного цикла «бум—кризис» с его чередованием роста и падения цен и количества денег, одного только обмена банкнот на золото недостаточно. Он пишет, что количество бумажных денег необходимо поддерживать на постоянном уровне — с тем, чтобы изменения предложения денег отражали лишь изменения запаса денежного металла. В том же году Ричард Пейдж под псевдонимом «Дэниэл Хардкасл» опубликовал работу, в которой дал кристально ясное определение денежного правила: «...только такое состояние дел может считаться разумным и хорошо организованным, когда в обращении находится не более такого количества бумажных денег, которое находилось бы в обращении, если бы бумажных денег не существовало, и оно полностью состояло бы из денежного металла»⁷.

После кризиса 1825 г. и начиная с публикаций Джеймса Пеннингтона, в Британии стало формироваться общее мнение, постепенно распространившееся по всему слою образованных людей. Согласно этому мнению [для предотвращения кризисов] одного золотого стандарта недостаточно и банкам нельзя позволять безгранично расширять кредит. На одном из полюсов этого спектра мнений располагалась денежная школа, которая полагала, что коммерческие банки должны ограничивать свои эмиссионные операции условием 100%-ного золотого резервирования, по меньшей мере если речь идет о дополнительной эмиссии банкнот. К сожалению, подавляющее большинство тех, кто принадлежал к этой школе, не распространяли это требование на депозиты, полагая, что они не входят в денежную массу. Другие авторитетные лидеры общественного мнения, такие как управляющий Банка Англии Хорсли Палмер придерживались намного более умеренной точки зрения, выступая за установление большей степени контроля за Банком Англии, при котором эмитируемые им банкноты должны были бы служить вершиной пирамиды, базирующейся на фиксированном отношении резервов к обязательствам, каковое отношение должно было поддерживаться Банком Англии.

Но если динамика банковских кредитов должна совпадать с динамикой золота, положив тем самым конец инфляции и экономическому циклу, то возникает вопрос: *какой механизм может обеспечить такое положение дел?* В большинстве случаев и практически всегда, когда речь заходила о приверженцах денежной школы, ответом было указание на Банк Англии: на то самое учреждение, которое буллионисты всегда считали главным проводником политики инфляции и кредитной экспансии. Идея состояла в том, что Банк Англии должен либо как пастух управлять стадом частных банков, либо — что было предметом ширящегося консенсуса — он должен получить монопольное право на эмиссию банкнот, оставив частным банкам возможность эмиссии депозитов до востребования, но таким способом, который намертво привязывал бы эту эмиссию к Банку Англии. Иными словами, в качестве идеала представители денежной школы видели современную банковскую систему, со всеми ее глубокими инфляционными пороками, и она стала порождением именно

этой школы. Под названием «сверхжесткие деньги» они ненамеренно навязали Великобритании, а затем и всему миру, современную инфляционистскую банковскую систему с частичным резервированием, во главе которой стоит центральный банк. При этом они руководствовались теорией, согласно которой центральный банк должен контролировать частные банки посредством монополии на выпуск банкнот и других мер, а правительство будет жестко контролировать сам центральный банк.

Другим важнейшим инструментом, с помощью которого центральный банк будет контролировать частные банки, считалась централизация золота в центральном банке и превращение банкнот Банка Англии в узаконенное средство платежа для всех граждан и всех банков. Этот вариант предполагал, что частным банкам было бы приказано сдать золото в Банк Англии, после чего они должны будут довольствоваться тем, что получают возможность выдавать ссуды и держать депозиты, имея в качестве обеспечивающего основания свои резервы <золота> в Банке Англии. Их депозиты до востребования в Банке Англии можно было бы всегда обратить в наличные, получив по ним причитающееся количество узаконенных средств платежа. Иными словами, по мере того как вышеописанная структура, предложенная денежной школой, воплощалась в жизнь в Британии, а затем и в других странах, мир навьючивал на себя современную нам банковскую систему.

Остается загадкой, как люди, которые настолько хорошо отдавали себе отчет в той роли, которую Банк Англии играл в образовании банковского картеля и поощрении инфляции, могли предлагать передать централизованный контроль в руки того же самого банка, — и все во имя прекращения инфляции и в попытках обеспечить тесную и однозначную привязку денежной системы к золоту. Это полностью эквивалентно попыткам поставить лису охранять курятник. Существенно меньшая часть авторов, принадлежавших к денежной школе, действительно предпочитали другой вариант, первоначально рекомендованный ее духовным отцом — самим Давидом Рикардо. Он излагает свое решение в конце брошюры «Предложения в пользу экономного и устойчивого денежного обращения» («Economical and Secure Currency»), написанной им еще в 1816 г. под влиянием неопубликованных предложений Ж.-Б. Сэя, выдвинутых этим французским экономистом в 1814 г.⁽¹⁾ В работе «План учреждения национального банка» («The Plan for the Establishment of a National Bank»), опубликованной посмертно в 1824 г.⁽²⁾, Рикардо выдвинул новое предложение, согласно которому необходимо было назначить государственный комитет, который отвечал бы за монополию на выпуск банкнот страны, тогда как Банк Англии должен был ограничиться кредитными и депозитными банковскими операциями. Идея состояла в том, что, поскольку Банку нельзя доверить осуществление банкнотной монополии, то эту функцию необходимо возложить на центральное правительство. И здесь мы видим попытку назначить сторожем курятника даже не лису, а волка. Правительство не меньше любого частного цент-

рального банка (а как бы не больше) склонно к денежно-кредитной инфляции. Государство всегда может использовать инфляцию для финансирования дефицитов своего бюджета и выдачи кредитов своим политическим союзникам.

В тот же исторический период применялись и значительно более эффективные способы ограничения кредитной экспансии. В Соединенных Штатах в эпоху Джексона — Ван Бурена (которая началась в 1828 г. и продолжалась до 1840-х гг.), примерно совпавшей по времени с периодом спора между денежной и банковской школами в Британии, в рамках реформ, инициированных движением в поддержку президента Эндрю Джексона, была реализована намного более радикальная программа организации денежного обращения, основанного на принципе твердых денег, в итоге оказавшаяся и намного более реалистичной, чем программы, предлагавшиеся интеллектуальной родственницей этого движения — британской денежной школой. Обе группы ставили своей целью организацию денежной системы на основе твердых денег, в максимальной степени привязанных к золоту, видя в этом средство покончить с инфляцией и чередованием бумов и кризисов. Но сторонники Джексона, вместо укрепления центрального банка и усиления его роли, сделали нечто намного более логичное — поставив своей приоритетной задачей ликвидацию этого учреждения. Гаудж, Раге и Кендалл, а также их последователи, включая президентов Джексона и Ван Бурена, считали своим долгом полностью отделить федеральное правительство от <эмиссии> денег, учредив систему независимого Министерства финансов, которая была создана в 1840 г. во время президентства Ван Бурена, отменена при Вигах и затем воссоздана в правление сторонника политического курса Эндрю Джексона президента Полка в 1846 г. Идея независимого Министерства финансов сводилась к двум моментам: во-первых, Министерство финансов само хранило свои финансовые ресурсы, а не помещало их на депозиты в каком-либо банке; и, во-вторых, Министерство финансов стало принимать налоги и другие платежи в свой адрес *только металлическими деньгами*, т.е. в качестве налоговых платежей не принимались даже банкноты, погашаемые золотом или серебром по первому требованию. Таким образом, федеральное правительство ни в какой форме не поощряло обращение банкнот и депозитов в качестве денег. Еще одним элементом программы Ван Бурена, предлагавшимся, но так и не принятым из-за того, что его сочли слишком жестким, был проект федерального закона о банкротстве, согласно которому любой банк, не выполнивший своих договорных обязательств по погашению эмитированных им банкнот и открытых им депозитов вкладчиков металлом по первому требованию, должен был быть закрыт. Другими элементами программы Джексона — Ван Бурена было принуждение банка к объявлению о своем банкротстве в тот момент, когда банку не удалось заплатить металлом, и даже объявление вне закона любой банковской деятельности с использованием частичного резервирования как латентно

мошеннической — на том основании, что банк обещал нечто, что невозможно выполнить, а именно мгновенное удовлетворение всех своих обязательств в денежном металле⁸.

Менее радикальным, чем программа Джексона — Ван Бурена, но более последовательным, чем то, что предлагалось британской денежной школой в отношении центрального банка, было предложение группы авторов, возникшей после 1825 г. и выступавшей за свободную банковскую деятельность. Однако эта группа не была единой, как по поводу теоретических основ их предложений, так и по поводу целей: одни выступали за то, чтобы устранить ограничения, которые, как они полагали, Банк Англии накладывает на частные банки, препятствуя кредитной экспансии, тогда как другие выдвигали требование свободы банковской деятельности, руководствуясь прямо противоположным мотивом — стремлением, полностью аналогичным целям денежной школы, а именно переходу к чисто металлическому денежному обращению.

К первой подгруппе принадлежал такой старый инфляционист и антибуллионист, как сэр Джон Синклер (1754—1835). Примером автора, принадлежавшего ко второй подгруппе, может служить такой давний сторонник твердых денег и буллионист, как служащий Королевского монетного двора Роберт Машет (1782—1828). В своей книге, ставшей весьма значительным вкладом в прояснение проблемы, «Попытка объяснить с помощью фактов последствия эмиссионной практики Банка Англии» («An Attempt to Explain from Facts the Effects of the Issues of the Bank of England...», 1826), Машет выдвинул теорию экономического цикла, основанную на денежном правиле. Он отмечал, что Банк Англии инициирует кредитную экспансию, создающую инфляционный бум и что позже он вынужден радикально менять курс, переходя к разрушительному денежному сжатию, которое вызывает экономическую депрессию. Целью Машета, как и целью авторов денежной школы, писавших позже него, был переход к полностью металлическому денежному обращению или его эквиваленту, однако он считал, что достижению этой цели способствует свободная банковская деятельность, а не банковская система под управлением центрального банка. Поэтому он приветствовал закон о банках 1826 г., который разрешил учреждать акционерные банки за пределами Лондона, что стало шагом вперед по сравнению с прежней системой, но который оставил неприкосновенными причины «главного зла», «поскольку они не забрали у Банка Англии власть, позволяющую ему произвольно увеличивать количество средств обращения». Однако, писал Машет, «когда [в 1833 г.] истечет срок монополии Банка Англии и торговля деньгами станет совершенно свободной, может возникнуть лучший порядок вещей». Лучший порядок вещей означал более высокую стабильность, имеющую причиной тот факт, что денежное обращение не будет испытывать чрезмерного роста и болезненного сжатия, которым неизменно оканчиваются циклы бумов и кризисов⁹.

Однако намного более важный вклад был сделан старинным буллионистом сэром Генри Парнеллом (1776—1842). Парнелл был ведущим членом Парламента, занимавшим позицию в пользу металлического обращения во время обсуждения вопросов ирландского денежного обращения в 1804 г. Он входил в состав комитета о слитках и в 1819 г. поддержал восстановления размена банкнот Банка Англии на золото. Еще в 1824 г. Парнелл выступил в Парламенте с предложением провести расследование в отношении чартера Банка Англии. В 1826 г. он обвинил Банк Англии в том, что тот пользуется «исключительными и пагубными привилегиями». В 1826 г. и затем еще раз в следующем году Парнелл организовал в Клубе политической экономии дискуссию на тему «Может ли предоставление банкам полной свободы деятельности, свободы от всякого вмешательства со стороны законодателя, привести к неудовлетворительной системе денежного обращения?» Он не оставил ни малейших сомнений в том, что его собственный ответ был — «да, может».

Парнелл изложил свою точку зрения на свободную банковскую деятельность в написанном им в 1827 г. трактате «Исследование о бумажных деньгах, банковской деятельности и чрезмерном расширении торговых операций, осуществляемых в кредит» («*Observation on Paper Money, Banking, and Overtrading*», 1827, 2-е изд. — 1829). Следуя Машету, он начинает с того, что возлагает ответственность за панику 1825 г. на избыточную эмиссию, осуществлявшуюся Банком Англии в 1824—1825 гг. Проблема состояла в том, что законодательство лишило Банк Англии важнейшего сдерживающего начала на пути эмиссии бумажных денег, а именно конкуренции со стороны других, соперничающих с ним банков». Пойдя дальше Машета, Парнелл не захотел ждать момента, когда истечет срок действия чартера Банка Англии (через шесть лет), — он констатирует, что власть Банка Англии над деньгами и тем самым над ценами и общим состоянием экономики «настолько невыносима, что ее нельзя терпеть долее». Парнелл заключает, что средством исправления этого положения является «свободная система банковской деятельности», и, не заметив того, что было сказано на последних страницах работы Машета, он провозгласил себя первым, кто поднял знамя свободной банковской деятельности в Англии¹⁰.

С другой стороны, вряд ли стоит удивляться тому, что Джордж Пулетт Скруп (1797—1876), неизменный поклонник теории недопотребления, в тот период тоже выступал за свободную банковскую деятельность, находя ее полезным средством для проведения политики инфляции. В нескольких своих книгах и в статье, вышедшей в «*Quarterly Review*», среди статей других авторов, занимавших ту же позицию в этом ведущем печатном органе тори, Скрупу призвал к легализации банкнот мелких банков и к ликвидации монополии Банка Англии на эмиссию банкнот в Лондоне. Система предлагаемых им мер отвечала его инфляционистским целям. Так, согласно предлагавшемуся им плану, конкурирующие между собой банки, эмитирующие свои банкноты, должны были иметь

обязательство обменивать их только на золотые слитки, а не на золотые монеты. Цель, которая провозглашалась в этой программе, состояла, по словам Скроупа, во «всемерном понижении ценности [денежных] металлов, а с ним и ценности денег»¹¹.

7.3. ПРОДЛЕНИЕ ЧАРТЕРА БАНКА АНГЛИИ

Чартер Банка Англии истек в 1833 г., что должно было дать критикам сложившейся системы прекрасный шанс провести фундаментальную реформу. В 1832 г. палата общин сформировала комитет, задачей которого было проведение детального исследования банковской системы страны и особенно такой проблемы, как монополия Банка Англии на выпуск банкнот в Лондоне и его пригородах. До настоящего времени слушания, проведенные этим комитетом, и осуществленное им исследование остаются примером наиболее тщательного изучения деятельности британских банков, однако Парнелл (единственный член комитета, голосовавший против продления чартера Банка Англии) сетовал, имея к тому определенные основания, на то, что из-за интриг виконта Олторпа список лиц, дававших показания комитету, был составлен так, чтобы не дать донести до членов комитета и парламентариев позицию сторонников свободной банковской деятельности¹².

Было совершенно очевидно, что в основе консенсуса тех, кто выступал перед комитетом, лежала идея централизации банкнотной эмиссии и передачи ее в руки Банка Англии, усиливающего свои позиции, идея, которую могли поддержать и представители денежной школы с их заблуждениями на этот счет, и умеренные сторонники политики инфляции. Лишь немногие из выступавших перед комитетом стояли за конкуренцию банков в деле эмиссии банкнот в Лондоне, и всего один из них, манчестерский торговец и акционер частного банка Джозеф Дайер, возражал против предложений наделить банкноты Банка Англии статусом узаконенного средства платежа, указывая, что их принятие грозит фатальными последствиями.

Основываясь на результатах работы комитета, виконт Олторп в 1833 г. представил Парламенту свою программу законопроектов, которая предусматривала неизменность существующего чартера Банка Англии, сохранение его монополии на эмиссию банкнот в Лондоне и в пределах зоны, ограниченной радиусом в 65 миль, и дальнейшую централизацию банковской деятельности за счет придания банкнотам Банка Англии статуса узаконенного средства платежа. Это означало, что с момента принятия этих предложений частным и акционерным банкам больше не нужно было бы держать в золоте никакой части своих резервов, поскольку теперь вкладчики и держатели банкнот по закону будут обязаны принимать при снятии денег с депозитов и погашении банкнот этих банков банкноты Банка Англии. Это означало также

и то, что с момента принятия предложенных законопроектов один только Банк Англии должен будет выполнять свои договорные обязательства по погашению золотом выпущенных им банкнот и открытых им депозитов. Если бы программа 1833 г. была принята, она положила бы начало процессу уменьшения роли золотых монет в повседневной жизни, ускорив их замену банкнотами и депозитами. Представляя свою программу, Олторп заметил, что со времени слушаний на комитете «публика стала более благосклонно относиться к тому, как осуществляется управление Банком Англии». Иначе говоря, он сделал все, чтобы комитет, попавший под влияние подобранных им лиц, выступавших перед комитетом, проделал свою работу хорошо. Он даже возвестил будущее, провозгласив, что его цель состоит в том, чтобы Банку Англии была отдана вся вообще банкнотная эмиссия (что, собственно, и составляет одну из главных черт современной централизованной банковской системы).

Однако против этих планов поднялось могущественное лобби провинциальных банков, с огромным возмущением отреагировавшее на ту опасность, которую эти планы представляли для их привилегий в части эмиссии банкнот; кабинет был вынужден отказаться от своей цели ввести банкнотную монополию для Банка Англии. Виконт Олторп был так раздосадован этим успешным давлением, что был готов подать в отставку.

Несмотря на то что лишь один из выступавших перед комитетом высказался против предложения наделить банкноты Банка Англии статусом узаконенного средства платежа, при голосовании в Палате общин оно получило большинство только при помощи радикальных сторонников инфляции, боровшихся против золотого стандарта, — предложение об узаконенном средстве платежа прошло большинством голосов (214 за и 156 против). Стойкие борцы за твердые деньги, сэр Генри Парнелл и сэр Роберт Пиль (лидер тори, находившихся тогда в оппозиции), голосовали против.

Как и следовало ожидать, во главе протестов широкой публики против закона, наделявшего банкноты Банка Англии статусом узаконенного средства платежа, стояли владельцы и руководители провинциальных банков. В заявлении комитета представителей провинциальных банков, возглавлявшимся сэром Генри Хобхаузом, отмечалось, что этот закон «нарушает права собственности и навечно наделяет Банк Англии несправедливой монополией». Комитет верно указывал на то, что правительство принимает меры против кредитной экспансии провинциальных банков, но что, не допуская конкуренции Банка Англии с другими банками, оно игнорирует «применение того же принципа» к деятельности Банка Англии.

Одним из главных выразителей реакции общества на закон о средстве платежа был сторонник банковской деятельности шотландский юрист и плодовитый публицист Александр Манделл. Он предупреждал о том, что закон 1833 г. приведет к централизации резервов денежного металла

страны и сосредоточению золота в Банке Англии. Он обвинил этот закон в том, что «ваша [английская] промышленность, которая уже подвергается налогообложению в виде монопольных привилегий Банка Англии, отныне будет подвергаться еще большему налогообложению, поскольку вы расширили эти монопольные привилегии»¹³.

7.4. КРИЗИС 1837 Г. И ПОЛЕМИКА ПО ПОВОДУ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ДЕНЕЖНОЙ ШКОЛЫ

Впервые существование акционерных банков (помимо Банка Англии) было разрешено законом 1826 г. Однако многочисленные ограничения продолжали действовать, что выразилось в том, что и после принятия закона 1826 г. число акционерных банков не превышало четырнадцати. Эти ограничения были упразднены законом 1833 г., результатом чего стала настоящая оргия учредительства акционерных банков в Англии. С 1831 по 1835 г. здесь появилось 44 новых акционерных банка, и только в 1836 г. было учреждено не менее 59 акционерных банков, причем 15 из них были образованы с 1 мая по 15 июня того года. В самом Лондоне в 1834 г. был учрежден весьма сильный акционерный London and Westminster Bank, хотя ему, конечно же, была запрещена эмиссия собственных банкнот.

Наряду с увеличением количества банков в тот период имело место и увеличение количества выпущенных банковских денег. Количество банкнот провинциальных банков в обращении выросло с 10 млн ф. ст. на конец 1831 г. до более чем 12 млн ф. ст. к середине 1836 г. Почти весь этот рост пришелся на вновь организованные акционерные банки — количество эмитированных ими банкнот выросло за тот же период с 1,3 до 3,6 млн ф. ст.

Хотя Банк Англии и провинциальные банки, существовавшие до принятия закона 1833 г., сетовали на появление новых конкурентов, именно кредитная экспансия Банка Англии питала рост количества банков и выпущенных ими банкнот. Учет векселей Банком Англии увеличился с 1 млн ф. ст. в апреле 1833 г. до 3,4 млн ф. ст. за июль 1835 г. и до 11 млн ф. ст. к концу того года. В свою очередь, общий объем выданных Банком Англии кредитов увеличился с 24 млн ф. ст. в 1833 г. до 35 млн ф. ст. на начало 1837 г. Кредитная экспансия разворачивалась на фоне уменьшения золотых резервов Банка Англии, которые с 11 млн ф. ст. в 1822 г. упали до менее чем 4 млн ф. ст. к концу 1836 г. Это все что нужно знать о соблюдении Банком Англии денежного правила или его модификации — правила Палмера, названного по имени главного управляющего Банка Англии Хорсли Палмера, о котором последний, выступая перед комитетом по продлению чартера Банка Англии, говорил как о правиле, которое Банк соблюдает. Не может быть и речи о том, чтобы считать эту практику — осуществление кредитной экспансии в условиях, когда золотые резервы

сокращаются, — хоть в малейшей степени соответствующей идеалу денежного обращения, состоящему в том, что предложение денег изменяется в соответствии с изменениями золотого запаса страны.

Завершая описание этого сюжета, отметим, что кредитная экспансия привела, в полном соответствии с ходом событий, который превращался в нечто типичное, к финансовому кризису и панике, разразившейся в конце 1836 — начале 1837 г., с характерными для них набегами <вкладчиков и держателей банкнот> на банки, каковые набеги оказались особенно массовыми в Ирландии. За этим последовали типичные признаки рецессии: сжатие банковского кредита, уменьшение производства продукции, коллапс цен акций, многочисленные банкротства банков и предприятий других отраслей, стремительный рост безработицы.

Неудивительно, что новое проявление экономического цикла, т.е. чередования бумов и кризисов, привело к ряду парламентских расследований, которые комитеты по акционерным банкам провели в 1836, 1837 и 1838 гг., и еще более активным обсуждениям ситуации в банковской сфере, которые велись как в форме отдельных брошюр, так и в статьях в периодической печати. Только в 1837 г. было опубликовано сорок брошюр, посвященных банковской системе, и множество брошюр появилось и в следующем году.

Настоящую войну брошюр вызвала публикация сочинения Роберта Торренса¹⁴, работы, примечательной не только тем, что она является лучшим изложением идей денежной школы, но и тем, что эта работа ознаменовала внезапный переход Торренса в ряды сторонников денежной школы. Этот переход поражает, так как Торренс, хотя и был выдающимся политэкономом, другом Рикардо, одним из основателей Клуба политической экономии и его активным деятелем, во время дебатов об Отчете комитета о слитках и битвы за восстановление погашения банкнот золотом проявил себя как приверженец политики инфляции и противник золотого стандарта. Признаки верности Торренса идее благотворности инфляции прослеживаются по меньшей мере до 1830 г.

Затем, в ходе путаных и эмоциональных выступлений в Парламенте при обсуждении вопросов Банка Англии в знаменательном 1833 г., когда Торренс продолжил свои резкие атаки на дефляцию, т.е. продолжил ту линию, которой он придерживался еще в 1819 г. при обсуждении законопроекта о восстановлении погашения банкнот Банка Англии золотом, он внезапно и в полном противоречии с этой линией дает следующую предельно ясную формулировку денежного правила:

Обширный и злополучный опыт позволил установить следующий непреложный факт: денежное обращение, состоящее из драгоценных металлов и бумажных денег, погашаемые этими металлам по первому требованию, подвержено внезапным и очень значительным флуктуациям, когда количество денег колеблется между экстремумами в виде переизбытка и нехватки. [...] Денежное обращение, представляющее собой смесь этих двух разновидностей денег, испытывает намного

более резкое сжатие, чем чисто металлическое денежное обращение. [...] До тех пор пока наша нынешняя система денежного обращения не будет исправлена своевременным вмешательством законодателей, с ней будут то и дело происходить периодические тяжкие бедствия, — пока мы не попадем в ситуацию национального банкротства, после чего экономику страны придется подвергнуть эвтаназии¹⁵.

В другой речи, посвященной возобновлению чартера Банка Англии, Торренс предостерегал, что «осуществление мер, предлагаемых правительством и сводящихся к продлению и расширению привилегий Банка Англии, навяжет стране периодические рецидивы тяжелых форм спада торговли и паники на денежном рынке...»

В примечательном письме к лорду Мельбурну Торренс в конце концов отбросил всякие колебания и присоединился к ведущим сторонникам денежной школы. Он начинает с того, что в отличие от многих коллег по денежной школе утверждает, что банковские депозиты эквивалентны банкнотам, отдав должное Джеймсу Пеннингтону за то, что тот обратил на это внимание. Торренс с большой ясностью объясняет денежную природу депозитов, указывая на то, что сдвиг в структуре банковских обязательств от банкнот к депозитам или в обратном направлении не меняет количества банковских денег, с помощью которых торговцы и другие покупатели могут делать свои покупки. Он также замечает, что если большинство людей уяснило себе, каким образом увеличение количества денег в монете и банкнотах приводит к росту цен и падению обменного курса национальной валюты, то ни правительство, ни руководство Банка Англии не понимают, каким образом увеличение ссуд и депозитов приводит к точно таким же последствиям. Однако затем Торренс совершает поистине трагическую ошибку, когда он в полном противоречии с тем, что утверждал ранее, отказывается исследовать депозиты, считая их чем-то малозначительным, — на том основании, что не публика, а банк принимает решение, держать ему свои обязательства в форме банкнот или депозитов, а также руководствуясь еще одним ошибочным предположением, согласно которому провинциальные и акционерные банки осуществляют денежную эмиссию, базируя свои операции на фиксированном соотношении <количества эмитированных ими денег> и банкнот <Банка Англии>, находящихся в составе их резервов, без учета депозитов <в Банке Англии>. И дальше Торренс пишет и действует так, будто депозиты не имеют отношения к предложению денег.

К сожалению, Торренс также считает, что Банк Англии должен быть кредитором последней инстанции для банков, попавших в трудную ситуацию, а затем, вместо того чтобы с самого начала настаивать на соблюдении денежного правила, подвергает Банк Англии критике за то, что тот, выдавая кредиты, инициирует инфляцию. Чтобы заставить Банк Англии придерживаться денежного правила, Торренс — первым в литературе по этой проблеме — призывает Парламент провести в Банке Англии жесткую границу между банковским подразделением⁽³⁾ и эмиссионным

подразделением⁽⁴⁾. Эмиссионный департамент будет обязан ограничить банкнотную эмиссию размерами фактического предложения золота — с тем чтобы количество банкнот могло изменяться только в той мере, в какой увеличиваются или уменьшаются резервы золота, находящегося в Банке Англии. Таким образом, пишет Торренс, «обращение [банкнот] всегда будет оставаться в состоянии — как по величине, так и по ценности, — в котором оно пребывало бы, если бы целиком осуществлялось в металлической форме».

Проблема состоит в том, что банковский департамент, создаваемый в соответствии с планом Торренса, или, что то же, в соответствии с планом денежной школы, в этом варианте остается совершенно свободным и нерегулируемым. Это основано на предположении, что банк может выдавать кредиты и открывать депозиты и что эта выдача кредитов и выписывание депозитов до востребования не имеет никакого отношения к предложению денег и не оказывает на него никакого влияния. Игнорирование проблемы депозитов стало трагической ошибкой плана, предложенного денежной школой.

Атака Торренса на Банк Англии не осталась без ответа, хотя этот ответ был дан в сочинении, которое не было попыткой оспорить Торренса напрямую. Он был дан в брошюре, написанной членом совета директоров и бывшим главным управляющим Банка Англии Хорсли Палмером¹⁶. Как и в случае других апологетов Банка Англии, защищавших его политику многие десятилетия, Палмер возлагал вину за инфляцию и рецессию на что угодно, кроме Банка Англии: на утечку финансовых ресурсов за рубеж, на набеги на Банк, на неосмотрительность частных и акционерных английских и ирландских банков, безрассудно затеявших кредитную экспансию. Он приходил к выводу, согласно которому решение проблемы — к выгоде для Банка Англии — заключается в том, чтобы наделить его монополией на эмиссию всех вообще банкнот. Ирония состоит в том, что большинство авторов денежной школы, будучи враждебно настроенными к Банку Англии, предлагали то же самое, правда по другим основаниям, — они считали, что тогда правительству придется регулировать не все банки, а лишь один центральный банк.

В «Письме к лорду Мельбурну» Торренс отметил вклад банкира Самюэля Джонса Лойда, который первым выдвинул идею разделения Банка Англии на эмиссионный и банковский департаменты. После появления в печати работы Торренса, Лойд опубликовал брошюру, в которой подверг критике Палмера, считая себя лидером денежной школы¹⁷. Лойд выдвинул более упрощенную концепцию по сравнению с идеей Торренса, к тому же он имел стойкое и фатально ошибочное представление, согласно которому банкноты и депозиты представляют собой нечто полностью различное и как таковые должны рассматриваться совершенно независимо. Профессор Феттер дал следующее — интересное и точное — объяснение того триумфа, который выпал на долю более примитивной (чем у Торренса) позиции Лойда:

[Лойд] заявил в манере, в которой сообщают некие фундаментальные истины, что ни один человек не может сомневаться в том, что эмиссионные операции и операции с депозитами являются совершенно разными видами бизнеса, и что комбинированное денежное обращение, состоящее из [золотых] монет и банкнот должно претерпевать такие колебания, которые имело бы денежное обращение, целиком состоящее из металлических денег <золотых монет>. Несмотря на всю теоретическую несостоятельность этого тезиса Лойда, он не был оспорен. [...] Благодаря репутации Лойда как успешного банкира, его слова звучали весьма убедительно для множества людей, которые чувствовали, что с Банком Англии необходимо что-то делать, и что человек, который разбогател на банковских операциях, должен разбираться в банковской деятельности¹⁸.

В течение 1837—1838 гг. денежное правило получило поддержку и в целом ряде других публикаций, оказавших большое влияние на общественное мнение. Отметим здесь вторую брошюру Лойда, работу Самсона Рикардо (брата Давида Рикардо) и воспринятую как особенно значимую работу, написанную человеком, который много лет был членом совета директоров Банка Англии, Джорджем Уорди Норманом. Как и Лойд, Торренс и Пеннингтон, Норман был членом Клуба политической экономии. Его брошюра, опубликованная в 1838 г., была исправленной версией работы, распространявшейся им в частном порядке за пять лет до этого¹⁹. Норман выразил свое согласие с Лойдом в том, что банкноты и депозиты представляют собой нечто совершенно различное, и, как и многие другие, предложил наделить Банк Англии полной монополией на эмиссию банкнот (всех номиналов и для всей Англии). Поскольку Норман был одним из самых влиятельных директоров Банка Англии, его переход на позиции сторонников денежного правила, которое считалось «антибанковским», представляется чем-то вроде просьбы Братца Кролика из «Сказок дядюшки Римуса», пойманного Братцем Лисом, ни в коем случае не бросать его в терновый куст.

Еще один экономистом, поставившим свою репутацию одного из последних приверженцев теории Рикардо на службу денежного правила, был Джон Мак-Куллох. Он поддержал денежное правило в своем обзоре работ, опубликованных за минувший год, который был помещен в апрельском номере «Edinburgh Review» 1837 г., а также во вступительной статье к новому изданию «Богатства народов» Адама Смита, которое он подготовил и выпустил в следующем году. Во время очередной фазы полемики на эту тему в 1840 г., ведущим экономистом, вступившим в бой на стороне приверженцев денежной школы, стал Маунтифорт Лонгфилд (1802—1884). Он изложил свое мнение по обсуждавшимся проблемам в статье «Банковское дело и денежное обращение» («Banking and Currency»), которая была опубликована в четырех номерах университетского журнала «Dublin University Magazine» и положения которой были во многом вдохновлены работами Мак-Куллоха.

7.5. КРИЗИС 1839 Г. И АКТИВИЗАЦИЯ ПОЛЕМИКИ ВОКРУГ ДЕНЕЖНОЙ ШКОЛЫ

Умеренный бум 1837—1838 гг. в конце 1838 г. сменился очередным экономическим кризисом, который продолжился и в 1839 г. Последовали многочисленные банкротства и набеги на банки, золотые резервы Банка Англии сократились с 9,8 млн ф. ст. по состоянию на декабрь 1838 г. до 2,4 млн ф. ст. к сентябрю 1839 г. Хуже того, вместо того чтобы следовать чему-то вроде правила Палмера, не говоря уже о более жестких версиях денежного правила, Банк Англии в ситуации сокращающихся золотых резервов еще больше увеличил кредитование, что привело к еще большей оттоку золота из его резервов. В июле-августе 1839 г. министр финансов начал подумывать о введении ограничений, подобных ограничениям 1797 г., т.е. о приостановке платежей металлом, осуществляемых Банком Англии. Положение было спасено только за счет масштабных кредитов, взятых в Банке Франции и в Гамбурге.

Ситуация в банковской сфере стала очевидно нетерпимой, и требовалось что-то предпринимать. В 1840-м и затем в 1841 г. Парламент сформировал из членов Палаты общин комитет о банках, призванный найти решение проблемы. В тот же период состоялись многочисленные парламентские слушания, посвященные банкам и банковской деятельности. Дискуссии на эти темы в Парламенте и прессе активизировались, накалившись до предела после того, как Хорсли Палмер заявил, что Банк Англии находит почти невозможным соблюдение правила его имени — правила Палмера.

В этот период возникли несколько новых групп, имевших целью бросить вызов растущему консенсусу, установившемуся в среде авторов и сторонников денежной школы. Лидерство в том, чтобы возлагать ответственность за инфляцию и формирование экономического цикла на Банк Англии, принадлежавшее денежной школе, было перехвачено сторонниками свободной банковской деятельности. Однако их позиция ослаблялась объединявшей их склонностью к апологетике в отношении провинциальных и акционерных банков. Деятельность этих банков действительно в значительной мере определялась действиями Банка Англии, но для авторов, выступавших за свободу банковской деятельности оказалось невозможным преодолеть себя и отказаться от положения, что частные банки играют лишь пассивную роль и остаются невинными в контексте общего процесса. Авторы, отстаивавшие свободу банковской деятельности, отчасти дискредитировали себя тем, что почти все они были банкирами, работавшими или владевшими акционерными и провинциальными банками. Единственным исключением из этого правила был сэр Генри Парнелл, однако он умер в самый разгар дискуссии в 1842 г., так что наличие специальных интересов у авторов, писавших на эти темы с этих позиций, было слишком очевидно. Эта группа сторонников свободной банковской деятельности была бы значительно более

убедительной, если бы они ограничились аргументацией, имеющей *политическое* содержание, а именно если бы они утверждали, что Банк Англии неизбежно обладает более значительным инфляционным потенциалом и представляет значительно большую опасность, чем множество конкурирующих между собой банков. Но подобные ограничения редко останавливают защитников групп специальных интересов.

Единственной заметной фигурой среди экономистов, выступавших за свободную банковскую деятельность, был Сэмюэл Бейли, экономист-теоретик, во многом предвосхитивший положения субъективной теорией ценности. Он был учредителем Шеффилдской банковской компании, став впоследствии председателем совета директоров этого банка, поэтому содержательная сторона его пылкой защиты <свободной банковской деятельности> выглядела довольно сомнительной. На самом деле Бейли был одним из худших в мире защитников свободной банковской деятельности, — он всегда настаивал на том, что провинциальные и акционерные банки не играют активной роли <в создании депозитов и эмиссии банкнот>, и критиковал саму идею, согласно которой количество денег, выпускаемых в обращение, представляет собой проблему, по поводу которой стоит тревожиться. Убеждая своих читателей в том, что система с конкурирующими банками всегда «обеспечивает совершенное соответствие денежного предложения потребностям людей», он проигнорировал фундаментальные положения Рикардо: о том, что увеличение предложения денег не имеет никакой общественной ценности, если они представлены денежным металлом, и о том, что инфляционное увеличение банковских кредитов имеет место в процессе мошеннической эмиссии поддельных складских расписок на получение стандартных денег.

В этот же период возникла новая школа экономической мысли, получившая название «банковская школа», представленная в тот — начальный — момент своего существования одним-единственным авторитетным человеком — Томасом Туком. Томас Тук (1774—1859) к этому моменту был старейшим торговцем, осуществлявшим операции с Россией. Сын священника английской торговой фактории в России, Тук родился в Кронштадте и начал работать в торговом доме в Санкт-Петербурге, когда ему исполнилось 15 лет, дослужившись до партнера лондонской торговой фирмы. Тука давно интересовали экономико-теоретические проблемы. Он был одним из основателей Клуба политической экономии, и до конца жизни продолжал посещать его заседания. Во время дискуссии о возвращении к золотому стандарту Тук выказал себя стойким буллионистом и в 1819 г. решительно поддержал возобновление платежей металлическими деньгами. Однако в сфере экономической теории Тук остался в лучшем случае теоретиком любительского уровня и большим путаником — при всей его сообразительности, его главный труд — четырехтомная «История цен и состояния денежного обращения с 1792 г.» («History of Prices and of the State of the Circulation from 1792, 1838—

1848») — безнадежен с точки зрения экономической теории, так как полон грубых экономико-теоретических ошибок²⁰. Совершенно поглотившая Тука игра с собранными им самим статическими данными смогла убедить его, к моменту, когда были выпущены первые два тома его труда, т.е. в 1838 г., в том, что, во-первых, причинами высокого уровня цен и их роста в период Наполеоновских войн были плохие урожаи, уменьшившие предложение сельскохозяйственной продукции, и угнетающее воздействие войны на внешнюю торговлю, тогда как, во-вторых, *падение* цен после войны было вызвано увеличением урожаев и возобновлением торговли. Придя к этому выводу, Тук энергично продолжил — в третьем томе «Истории цен», опубликованном в 1840 г. и в своих выступлениях на парламентских слушаниях в том же году — формировать банковскую школу на основе абсурдного предположения, согласно которому (мы цитируем кристально ясную формулировку, которую Тук выдвинул четырем годами ранее) «товарные цены не зависят ни от количества денег, измеренного количеством банкнот, ни от совокупного количества обращающихся средств обращения; дело обстоит ровно противоположным образом — количество денег в обращении представляет собой следствие цен».

Необходимо отдать должное Туку и его коллегам по банковской школе — они имели в виду не бумажные деньги, не обмениваемые на золото (по крайней мере, не признавали этого явно, в отличие от старых противников буллионистов, которые в прошлом открыто разделяли старинное заблуждение применительно к деньгам, не погашаемым золотом), но одни лишь только бумажные деньги, обмениваемые на золото. Но это не делало ни логику, ни выводы этих авторов ни на грань менее абсурдными. Их критиковал Торренс и его мастерски подобранные аргументы заслуживают подробного изложения. Во-первых, Торренс отметил, что Тук, «имея настолько высокую репутацию, что ее не может разрушить даже он сам», которой он обязан тому обстоятельству, что в по итогам «пространного анализа современных и исторических фактов» [он показал], что «ценность чего угодно падает по мере того, как его количество увеличивается по отношению к спросу». Но затем, отмечает Торренс, Тук «повернулся спиной к самому себе, начав утверждать, что ценность денег не падает по мере роста их количества по отношению к спросу». Или, по крайней мере, он начал это утверждать применительно к денежному стандарту, основанному на погашении банкнот золотом по первому требованию. Однако, как язвительно замечает Торренс, последствия увеличения <количества денег> одни и те же, что для бумажных денег, обмениваемых на золото, что для тех, которые им не погашаются. Единственная разница состоит в том, что для увеличения количества бумажных денег, погашаемых золотом, имеется естественный предел. Итак, заключает Торренс, «мистер Тук впал в заблуждение, вообразив, будто ограничения на пути дальнейшего уменьшения ценности <бумажных денег>, налагаемые фактом <их> обмениваемости на золо-

то, предотвратили предшествующие эпизоды этого уменьшения, не давая ему свершиться». Подобно Адаму Смиуту, банковская школа безмятежно полагала, что и ограничения, и их отмена реализуются мгновенно, и что, следовательно, ни то ни другое не порождает никаких проблем для функционирования реального мира.

Невозможно парировать и следующий укол, который Торренс, словно искусный рапирист, нанес четыре года спустя: «На протяжении бесконечных страниц его полной противоречий работы [имеется в виду многотомная «История цен»] он раз за разом повторяет утверждение, согласно которому ценность товаров изменялась по отношению к ценности денег и что поэтому ценность денег не изменялась по отношению к товарам».

Естественное умозаключение банковской школы и суть их предложений, которые были взяты у старинных противников буллионистов и которые теперь оживил Тук, состояли в том, что Банк Англии не имеет возможности увеличивать предложение денег (как решительно выразился Тук, «Банк Англии не имеет Власти ничего добавлять к существующему объему <денежного> Предложения»). Даже если это утверждается только применительно к бумажным деньгам, обмениваемым на золото по первому требованию, как это делает банковская школа, довольно трудно принимать подобную явную нелепость за истину. Поэтому Тук и другие сторонники банковской школы обычно пользовались модификацией этого глуповатого утверждения, применяя его только к банкнотам, эмитированным для удовлетворения спроса частных заемщиков, а не для покупки государственных [долговых] ценных бумаг. Ответ на вопрос «а в чем состоит разница?» в 1844 г. дал Джон Фуллартон, сделав тем самым главный вклад в усовершенствование доктрины Тука, и этот ответ сводился к следующему: банкноты, эмитируемые для приобретения государственных облигаций, являются «выплаченными» (*paid away*) и как таковые навсегда остаются в обращении, увеличивая тем самым количество денег, тогда как банкноты, которые «всего лишь даны в долг и которые являются бумагами, *возвращаемыми эмитентам* (*returnable to the issuers*)²¹; предполагается, что поэтому их эмиссия не увеличивает предложение денег. Фуллартон назвал это «принципом обратного потока» (*principle of reflux*), каковой принцип он полагал действующим в отношении банкнот, возвращаемых в банки. И на это тоже последовал язвительный опровергающий выпад Торренса, который отметил, что для того, чтобы иметь хоть какое-то значение, «пресловутый принцип обратного потока» требует *немедленного* погашения всех ссуд: «Если допустить существование любого сколь угодно малого интервала между выдачей ссуды и ее погашением, то никакая регулярность обратного потока не предотвратит любого, сколь угодно масштабного, избыточного увеличения количества <банкнот>²².

Этот же критический аргумент, наряду с множеством других, применим и к тезису Фуллартона (разделявшемуся и другими сторонниками банковской школы), который состоит в следующем: банки ни при каких

условиях не в состоянии осуществить избыточную эмиссию своих банкнот, если эти банкноты выпускаются ими только в порядке выдачи краткосрочных и автоматически погашаемых ссуд под залог запасов готовых товаров и/или товарных ценностей, находящихся в состоянии незавершенного производства. Этот тезис представляет собой вариант так называемой доктрины реальных векселей.

Анализируя роль, которую сыграл Торренс в полемике между денежной и банковской школами, невозможно не поразиться своеобразной обратной симметрии эволюции Торренса к эволюции воззрений Томаса Тука. Если Торренс начинал как противник буллионистов и апологет Банка Англии, а закончил как ученый денежной школы и критик инфляции, порождаемой банковскими кредитами, то Тук, начав как твердый буллионист, окончил свои дни противником буллионистов, оправдывающим эмиссионную практику банков.

Среди всех фатальных противоречий, которыми изобилуют положения банковской школы, одно выделяется особо. Если верно, что банки не могут ошибаться в принципе (по крайней мере в том, что касается погашаемых бумажных средств обращения), если они не в состоянии эмитировать ни избыточное количество банкнот, ни выдать избыточную массу кредитов, и если они, даже осуществляя подобные действия, не вызывают тем самым роста цен и не порождают экономического цикла, то почему бы не одобрить свободу банковской деятельности? Зачем нужна такая привилегированная монополия, как Банк Англии? Но банковская школа оставалась непримиримым врагом свободы банковской деятельности и упорно придерживалась своей апологетической позиции в отношении Банка Англии. Поразительно звучит наиболее известное изречение Томаса Тука: «Принцип свободы торговли применительно к банковской деятельности есть синоним свободы мошенничества». Честное признание. Но если проанализировать логическую структуру этого высказывания и понять, что банковская деятельность здесь приравнивается к мошенничеству, то было ли рациональным наделять властью государственной монополии привилегированного монопольного мошенника? Даже если банковская деятельность — это мошенничество, не являются ли «конкурирующие мошенники» лучшим вариантом по сравнению с доминированием монопольного мошенника, обладающего привилегиями, полученными от государства? И все же Тук упорно сражается за сохранение привилегий Банка Англии и его руководителей в части операций в Лондоне и 65-мильной зоне вокруг него, — единственное его предложение по реформированию Банка Англии состояло в том, чтобы побудить его держать больше золотых резервов по отношению к обязательствам.

Единственным значимым вкладом банковской школы было то, что они продолжали подчеркивать — банкноты и депозиты до востребования суть равноправные и связанные компоненты предложения денег (это понимал Торренс, но не понимали Лойд и Норман). Фатальная ошибка денежной школы в этом вопросе (в случае Торренса она состояла в том,

что он полагал, будто депозиты всегда находятся в фиксированной пропорции к банкнотам), ошибка, сохраненная в законе Пиля, ставшем материальным воплощением теоретических положений денежной школы, заключалась в том, что депозиты были оставлены вне рассмотрения, став огромной дырой в системе мер, призванных обеспечить соответствие динамики денежного предложения динамике золота. Как было показано выше, американские коллеги авторов английской денежной школы не совершили этой ошибки.

В ту эпоху в Британии набирало силу движение за свободу торговли, за *laissez faire*, во главе которого стояли неустрашимые торговцы, промышленники и публицисты Манчестера. Но распространялись ли требования этого движения на раздражающую всех сферу банковской деятельности? Должна ли она быть свободной, или банковская деятельность на основе частичного резервирования представляет собой мошенничество и тем самым отличается от нормального честного бизнеса? Был ли прав министр финансов Томас Райс, когда в 1839 г. заявил в Парламенте: «Я отрицаю возможность применения общего принципа свободы торговли к проблеме изготовления денег»?

Манчестерцы твердо знали одно: Банку Англии нельзя было доверить и четвертак. Так, влиятельный президент Торговой палаты Манчестера Джон Бенджамин Смит, выступая перед палатой в 1840 г., заявил, что причиной кризиса 1839 г. стало сжатие кредита Банком Англии, которое неизбежно должно было последовать за ранее осуществлявшейся им же «чрезмерной экспансией денежного обращения». Смит назвал «чрезмерные привилегии» Банка Англии источником его власти над экономической жизнью страны. Выступая в Парламенте в том же году, Смит, поддержав денежную школу, подверг критике колебания банкнотной эмиссии, осуществляемой всеми банками и Банком Англии в том числе, сделав затем следующее заявление: «...желательно, чтобы любое изменение в нашей <денежной> системе, какой она является сегодня, максимально приближало ее к денежной системе металлического обращения; желательно также отклонять всякие непонятные планы <реформы денежно-банковской сферы> и выработать настолько простые и ясные планы, что они могли быть легко поняты всеми». Смит не только поддержал денежное правило, он поддержал также схему Рикардо, в соответствии с которой государство должно учредить национальный банк, который будет находиться под государственным управлением и осуществлять эмиссию банкнот²³.

Схожей позиции придерживался и Ричард Кобден, сиятельный принц манчестерского движения за *laissez faire*. Подвергая критике Банк Англии и саму идею произвольного о управления денежным обращением, Кобден страстно заявлял:

Я нахожу абсурдными все идеи регулирования денежного обращения — и представление, согласно которому денежное обращение нуж-

дается в регулировании, и практику управления денежным обращением я расцениваю как абсурд. Денежное обращение должно регулировать себя само — оно должно регулироваться хозяйственной деятельностью, ведущейся в стране, и торговлей, ведущейся во всем мире. Я никогда не позволил бы ни Банку Англии, ни какому бы то ни было частному банку осуществлять то, что они называют управлением денежным обращением. [...] Я никогда не буду рассматривать никакую спасительную меру, если она вверяет регулирование количества денег произволу людей, даже если они руководствуются каким-либо правилом или стандартом...

Отвергая управление и частными банками, и центральным банком, Кобден оказался достаточно проницательным, чтобы понять, что адекватная задача состоит не том, чтобы перейти к свободной банковской деятельности как таковой, а том, чтобы иметь денежное обращение, точно отражающее действие подлинно рыночных сил спроса и предложения, т.е. денежное обращение, основанное на золотых и серебряных деньгах. Он отдавал себе отчет в том, что денежным правилом подразумевалось именно это, и именно по этой причине он поддерживал денежную школу. И хотя его поддержка идеи учреждения государственного национального эмиссионного банка слишком похожа на попытку спастись с раскаленной сковородки, прыгнув прямо в огонь, ее все же можно понять, если принять во внимание его отказ доверить Банку Англии руководство денежным обращением: «Я сожалею, но я не могу продолжать доверять Банку Англии, после того как он нарушил собственный принцип <правило Палмера>, поскольку я никогда не продлеваю кредит доверия тем, кто совершил аферу такого масштаба».

7.6. ВОЗОБНОВЛЕНИЕ УГРОЗ ЗОЛОТОМУ СТАНДАРТУ

Таким образом, после кризиса 1839 г. быстро сформировалось общее мнение, основанное на признании желательности и реализуемости денежного правила. Однако решающей причиной, побудившей Роберта Пиля и истеблишмент к оформлению этого правила в виде закона, стало, вероятно, возобновление угроз золотому стандарту. С 1820-х гг. золотой стандарт был предметом широкого консенсуса, разделяемого всеми партиями, и после восстановления золотого стандарта нападки на него со стороны закоренелых этатистов и инфляционистов, вроде братьев Этвудов из Бирмингема, сошли на нет. Однако теперь, в условиях экономического кризиса, агитация за декретные деньги и другие инфляционистские угрозы золотому стандарту опять вышли на поверхность общественной жизни.

Если Манчестер был одним из мест базирования движения за *laissez faire* и твердые деньги, то расположенный севернее Бирмингем дол-

247

гое время был местом, где обитали спонсируемые государством инфляционисты. В 1841 г. экономический кризис больно ударил по Бирмингему и прилегающему региону, и Бирмингем в который раз стал местом, откуда началась масштабная атака на золото. За два года до этого Томас Этвуд покинул Парламент, удалившись на покой, но другие представители Бирмингема в Палате общин были очень рады возможности вновь поднять старое знамя. Этвуда в Парламенте сменил торговец и промышленник Джордж Манц, разделявший точку зрения Этвуда на денежное обращение. Заметным бирмингемским политиком был также Ричард Спунер, тори, которого Манц победил в борьбе за кресло в Палате общин, Спунер был партнером Этвуда по банковскому бизнесу и, как и Этвуд, инфляционистом.

На следующий год Торговая палата Бирмингема, президентом которой был Ричард Спунер, начала яростную кампанию, организовав давление на премьер-министра сэра Роберта Пиля, целью которой был выход из золотого стандарта. Манц выпустил новое издание старинного трактата, направленного против золота как основы денежного обращения, нашумевшего еще в эпоху Наполеоновских войн, а Томас Этвуд, как можно было ожидать, печатал статьи и написал множество писем, в которых излагал свои чудодейственные схемы, призванные исцелить недуги денежного обращения.

Наибольшее влияние оказал труд бирмингемских инфляционистов «Письма близнецов», появившийся без указания авторов и написанный Томасом Райтом и Джоном Харлоу в форме тридцати пяти писем, опубликованных в течение 1843 г. в местной газете, а в следующем году вышедших в виде книги «Проблема денежного обращения. Письма Близнецов» («Currency Question: The Gemini Letters», 1844). Этот крик души был образчиком незамутненного протокейнсианства и инфляционизма: правительство должно напечатать бумажные деньги, которые нельзя будет обменивать на золото, причем напечатать в количествах, достаточных для стимулирования потребительского спроса и обеспечения полной занятости. Кроме того, необходимо нарастить государственный долг. Таким образом, заверяли публику Райт и Харлоу:

Надежный план, как нам представляется, состоит в том, чтобы увеличить покупательную способность потребителя, обеспечив его высокой заработной платой и достаточной прибылью, в ходе реализации этих мер не следует обращать внимания на количество фиксированных обязательств, выдаваемых народу. [...] Единственный предел на пути эмиссии бумажных денег, который будут ставить эти обязательства, связан с мерой экономического роста, который будут порождать разные количества эмитируемых денег...

Есть все основания полагать, что и агитационная кампания, начатая бирмингемцами, и «Письма Близнецов» в достаточной мере повляли на общественное мнение не только в Бирмингеме, но и по всей стране. Ген-

ри Бёрджес и его комитет провинциальных банкиров использовали контакты, существовавшие между Торговой палатой Бирмингема и Робертом Пилем, для нападков на золотой стандарт. И газета «Times», и новый еженедельник «Economist» были вынуждены затрачивать очень много энергии, защищая золотой стандарт от противников «благоразумной денежной политики». Во всяком случае, широко известно, что Роберт Пиль имел собственный экземпляр «Проблемы денежного обращения», в котором своей рукой подчеркнул ключевые фрагменты.

Угрозы золоту были возобновлены, когда возобновилась агитация за то, чтобы отказаться от золотого стандарта в пользу биметаллизма, или золотосеребряного стандарта. Игнорируя тот факт, что биметаллизм не может работать в принципе (поскольку согласно закону Грэшема недооцененность одного из двух металлов выдавливает недооцененный металл из обращения и поощряет его замену переоцененным), силы, стоявшие за серебро посчитали биметаллизм подходящим способом поддержки денежной инфляции при сохранении благородного металла в качестве денег. Поэтому сторонники серебра начали объединяться вокруг центра группы сторонников декретных денег, образованного такими фигурами, как Спунер, Матиас Этвуд, Джордж Манц и Генри Бёрджес, к которой добавились многочисленные банкиры и бизнесмены, такие как Ричард Пейдж, Генри Хоббхауз (председатель комитета провинциальных банкиров), Уильям Хаггард и знаменитый банкир Александр Бэринг, получивший к этому времени титул лорда Эшбертона.

248

7.7. ТРИУМФ ДЕНЕЖНОЙ ШКОЛЫ: ЗАКОН ПИЛЯ 1844 Г.

Главной причиной триумфа денежной школы, воплощенного в законе Пилля 1844 г., была деятельность одного человека — Роберта Пилля, государственного деятеля и гениального политика²⁴. Историки относятся к Пиллю, как правило, иронически, считая его прагматиком, гибким политическим оппортунистом, в лучшем случае проходной фигурой, неосознанно исполнившей свою историческую миссию, человеком, ставшим символом формирования английской партийной системы, основанной на доминировании двух партий — консервативной и либеральной. Однако, как помог сформулировать профессор Бойд Хилтон, Пиль был совершенно не таким — он был государственным деятелем в лучшем смысле слова, тори, имевшим либеральные убеждения, последовательным и даже неуступчивым, когда речь заходила об истине и замысле; человеком, который был гибким и «предприимчивым», только если речь заходила о выборе наиболее подходящей тактики для достижения его целей, которые имели идеологический характер и которым он не изменял. Как показал Хилтон, в каждом из ключевых аспектов его политической деятельности — в экономике, финансах и морали — Роберт Пиль был

кем-то вроде Иоанна Крестителя — основателем и своего рода предтечей либерализма, обычно связываемого с именем Гладстона²⁵.

В 1820-е гг., на протяжении большей части этого десятилетия, Пиль был министром внутренних дел в нескольких правительствах тори. Долгое время он сопротивлялся эмансипации католиков и даже подал в отставку, покинув свой пост в 1827 г. в знак протеста против позиции премьер-министра кабинета тори, главы либерального крыла этой партии и защитника прав католиков Джорджа Каннинга. Однако через два года, после смерти Каннинга, Пиль вернулся в правительство, вновь заняв пост министра внутренних дел и превратившись в сторонника эмансипации католиков — это отражало неизменную тенденцию его политической эволюции: с течением времени Пиль все в большей степени сдвигался к классическому либерализму в политике и к *laissez faire* в экономике. Когда произошло его превращение в защитника прав католиков, Пиль воздал должное пророкам идеи эмансипации католиков и борцам за их права, которым он так долго противостоял, — Фоксу, Граттану и самому Каннингу.

Начиная с 1831 г. Пиль возглавлял партию тори, которая стала называться консервативной партией; он также был душой и сердцем либерального крыла этой партии. Его деятельность в период, когда он был премьер-министром (1841—1846 гг.), исполнена подлинного величия. Он решительно отстаивал курс на миролюбивую внешнюю политику, сражаясь с милитаристом Пальмерстоном, стоявшим во главе фракции сторонников войны в партии либералов. Пиль добился заключения мирного договора с Соединенными Штатами, что разрешило чреватый опасным конфликтом спор о границах Орегона. Пиль провел также снижение импортных тарифов, однако потерпел поражение в своей борьбе за переход к полной свободе торговли. Его величайшим достижением в этой сфере стала победа над ожесточенно бившейся оппозицией в лице членов собственной партии — фракцией тори-аграриев, возглавляемой Бенджамином Дизраэли. Эта победа выразилась в полной отмене печально известных хлебных законов, согласно которым в течение десятилетий в Англии действовали высокие импортные пошлины на зерно. Особенно активно вести борьбу против искусственного завышения цен на зерно Пиль начал после того, как в Ирландии разразился и стал шириться голод. И в этом случае, проявляя благородство победителя, Пиль высоко оценил позицию своего политического оппонента Ричарда Кобдена, сторонника *laissez faire* и члена партии либералов, отметив, что настоящим архитектором отмены хлебных законов был именно Кобден. Ценой этого успеха стало падение правительства тори и формирование правительства Дизраэли, а Пиль через четыре года после этих событий (в 1850 г.) погиб в результате несчастного случая во время охоты.

Однако больше всего Пиль гордился другим своим достижением, а именно банковской реформой, которая была проведена вследствие принятия закона 1844 г. Закон о чартере Банка Англии, принятый в 1833 г.,

предусмотрел возможность внесения изменений в чартер в 1844-м, так что именно в том году открывалась возможность провести банковскую реформу. Как установлено в недавнем исследовании, закон Пиля изначально вовсе не был задуман как «смирительная рубашка, завязанная, благодаря усилиям денежной школы, на Банке Англии, который пошел на это с неохотой, хотя впоследствии воспринимал это вполне благодушно». Наоборот, импульс этому закону был дан из недр самого Банка Англии, представляя собой «попытку Банка найти возможность сбросить с себя управление денежным обращением», а также попытку обеспечить себе давно желаемую монополию на эмиссию банкнот²⁶. Во-первых, пламенный лидер денежной школы Джордж Норман, будучи членом совета директоров Банка Англии, продвигал этот план с 1838 г. Несмотря на то что в 1840 г. его попытка принять предложения о реформе управления денежным обращением потерпела неудачу в самом Банке Англии, он продолжал настаивать на реформе, и в следующем году вошел в число пяти членов постоянного комитета, созданного в Банке Англии для обсуждения предлагавшихся схем реформирования. В самом начале января 1844 г. управляющий Банка Англии и член постоянного комитета Уильям Коттон изменил свою позицию и стал поддерживать план, и когда в том же январе 1844 г., но несколько позже, Пиль попросил управляющего Банком Коттона и заместителя управляющего Хита, который тоже входил в постоянный комитет, согласиться с идеей необходимости фундаментальной банковской реформы и поддержать его самого и министра финансов Генри Колбурна, Коттон уже был к этому готов²⁷. В итоге, после всех этих обсуждений, 2 февраля 1844 г. Коттон и Хит передали Пилу подробный проект того, что вскоре превратилось в закон Пиля 1844 г.

В сущности, законом Пиля 1844 г. было установлено денежное правило. Этот акт разделил Банк Англии на эмиссионный департамент, выпускавший банкноты, и на банковский департамент, выдававший ссуды и открывавший депозитные счета. В соответствии с принципом разделения банкнот и депозитов, на котором упрямо настаивала денежная школа, депозиты остались совершенно свободными и нерегулируемыми, тогда как эмиссия банкнот была ограничена пределом в 14 млн ф. ст., который соответствовал активам в виде государственных <долговых> ценных бумаг (эта сумма была примерно равна объему уже выпущенных банкнот). Все дополнительные банкноты могут эмитироваться, только если этот дополнительный выпуск на 100% обеспечен золотыми резервами. Второе значимое нововведение, установленное законом Пиля, состояло в том, что Банк Англии получил наконец то, к чему он так долго стремился — монополию на эмиссию банкнот. Эта норма начинала действовать не сразу же после принятия закона — ее введение в действие должно было пройти поэтапно, заняв некоторое время в будущем. В частности, ни один новый банк не имел права выпускать банкноты, а уже существующие банки не имели права осуществлять новые выпуски банкнот. Наконец, Банк Англии мог заключать с банками дого-

воры, по которым он выкупал бы выпущенные ими банкноты, заменяя их своими собственными. Это означало, что в обращении оставались только те частные банкноты, которые были эмитированы до принятия закона Пилья, а также что частные банки (т.е. акционерные и провинциальные) были подвергнуты процедуре, в результате которой они образовывали «почти картель», под руководством Банка Англии, позволявший частным банкам избегать конкуренции с момента реализации положений закона Пилья. Эти положения были включены в текст закона не только для того чтобы банковская система переходила на новые условия более постепенно; его главным следствием (и, скорее всего, главным намерением авторов), было изменение позиции частных банков, превратившихся из главных противников этого законопроекта в его горячих сторонников.

Осуществляя политическое маневрирование перед тем, как представить законопроект публике Пиль ясно дал понять, что «если бы мы предлагали обществу, которое находилось бы в новом состоянии, переход на новую систему денежного обращения», он предпочел бы план Рикардо, согласно которому эмитентом банкнот выступает государство, и ни Банк Англии и никакие другие банки не имели бы права осуществлять эмиссию банкнот, но поскольку такая схема в теперешнем состоянии реального мира нереализуема, необходимо сформировать коалицию, в которую входили бы такие противоборствующие ныне силы, как сам Банк Англии, последователи Рикардо, сторонники свободной банковской деятельности и руководство провинциальных банков. Желаемое состояние, заметил Пиль, проявляя недюжинный политический прагматизм, сводится к тому, чтобы «сформировать и предложить такой курс, который может искренне восприниматься как план, совмещающий величайшую степень практической реализуемости и последовательности с верностью твердым принципам здравого управления денежной сферой, а также как соответствующий нынешнему состоянию общества».

К концу февраля новость о том, что Пиль готовится к внесению изменений в чартер Банка Англии, распространилась повсеместно, и провинциальные банки, как и ожидалось, в течение марта и апреля 1844 г. энергично протестовали против законопроекта. Наконец, 6 мая Пиль внес его в Парламент. Мудро расколов противников законопроекта на разные группы, Пиль оставил все его нормы действующими в полной мере только для Англии. Запрет на эмиссию банкнот новыми банками был распространен на Шотландию и Ирландию, однако ограничения банкнотной эмиссии для уже существующих банков коснулись только Англии. Ирландии и Шотландии было предоставлено право поступать по их усмотрению — в течение неопределенного срока.

Внесение законопроекта Пилья в Парламент вызвало лавину противоположных откликов, включая настоящую войну публикаций. В частности, этот новый этап общественной дискуссии положил начало существованию банковской школы, которая до этого была представлена одним только Томасом Туком. Тук задал тон, опубликовав работу под

названием «Исследование денежного правила» («Inquiry into the Currency Principle»), затем в дело вступил Джон Фуллартон с вышеупомянутой работой «О регулировании денежного обращения» («On Regulation of Currencies»), которая получила очень широкую известность и оказалась весьма влиятельной, несмотря на то что вышла в августе 1844 г., когда закон Пиля был уже принят. С брошюрой в защиту закона Пиля выступил Лойд, и еще один текст, в котором был нанесен решающий удар по аргументам Тука, опубликовал полковник Торренс.

Примечательно, что возникшая тогда банковская школа оказалась святее папы римского, или, как говорят в Англии, более роялистской, чем сам король, — ее авторы выступали более активными апологетами Банка Англии, чем сам Банк Англии. Банковская школа вместе с большинством лондонских банкиров одобрили наделение Банка Англии монополией на эмиссию банкнот. Расхождения касались лишь денежного правила, установившего пределы этой эмиссии. Но это была такая разновидность несогласия с Банком Англии, с которой он мог прекрасно сосуществовать. Банковская школа правильно указывало на главную слабость в построениях денежной школы (адепты которой не поняли эквивалентность банкнот и депозитов), однако это замечание не было направлено на то, чтобы установить хоть какие-нибудь резервные требования в отношении депозитов, подобные тем, что были установлены для банкнот. Дело обстояло совершенно противоположным образом — авторы банковской школы были бы возмущены, если бы закон Пиля был более последовательным и установил бы требование 100%-ного покрытия не только для дополнительной эмиссии банкнот, но и для дополнительно открываемых депозитов.

Любопытный момент, связанный с банковской школой, состоит в ее относительно позднем появлении — возникнув незадолго до того, как борьба за принятие закона Пиля была практически закончена, и пережив период расцвета после этого, банковская школа обрела значимость в сфере сугубо теоретических изысканий, и скорее стала объектом интереса историков экономической мысли, нежели инструментом реального влияния в политической борьбе.

Еще один любопытный аспект полемики связан с появлением на стороне банковской школы новой звезды, которая тогда же вспыхнула на экономико-теоретическом небосклоне: Джон Стюарт Милль (1806—1873) встал в ряды адептов банковской школы, опубликовав (анонимно) в главном печатном органе движения радикалов «Westminster Review» статью под названием «О проблеме денежного обращения» («The Currency Question»). В действительности Дж. С. Милль предвосхитил положения банковской школы еще в опубликованной им в 20-летнем возрасте в недолго выходявшем периодическом издании радикалов «Parliamentary Review» статье под названием «Бумажные деньги и бедственное расстройство торговли» («Paper Currency and Commercial Distress»). Как множество других авторов, Дж. С. Милль заинтересовался

вопросами банковской деятельности и экономического цикла во время экономического и финансового кризиса 1825—1826 гг. Однако в отличие от многих других, вместо того чтобы распространить свою систему взглядов (которая совпадала с воззрениями Рикардо) на анализ денежной сферы, он отказался от нее²⁸. Вместо того чтобы осмыслить экономический цикл, это новое явление, как то, что создается потрясениями в денежной сфере, он стал трактовать его как нечто вызванное волнами «спекуляций», генерируемых, как он предположил, излишним оптимизмом. Деньги и банки играли лишь пассивную роль, реагируя на колебания в экономике. Этим объясняется парадоксальный вывод, к которому он пришел: изменения предложения денег, по крайней мере в условиях золотого стандарта, не оказывают никакого воздействия ни на цены, ни на торговлю. В системе золотого стандарта вначале начинается рост цен, что приводит к увеличению предложения денег, а затем цены падают, что вызывает уменьшение предложения денег.

Как Дж. С. Миллю удалось согласовать эту его странную доктрину с тем, что в сфере общей экономической теории он следовал Рикардо, который явным образом сформулировал тезис о влиянии предложения денег на их ценность? Он сделал это, построив затейливую (хотя и ошибочную и несколько нелепую) теорию, описывающую факторы, которые определяют предложение денег. Предложение денег состоит не только из монет, банкнот и депозитов, полагает Джон Ст. Милль, но также из «кредитоспособности» каждого члена общества. Когда банк выдает ссуду какому-то заемщику, то он может увеличить число банкнот или денег, перечисленных на депозит, но это увеличение в точности компенсируется уменьшением «кредитоспособности» гражданина, выступающего заемщиком. Поэтому, когда банк дает кредит индивидам или фирмам, предложение денег вообще не увеличивается. А вот когда банки приобретают государственные <долговые> ценные бумаги или финансируют дефицит государственного бюджета, то они добавляют эти деньги к общему объему денежного предложения, непосредственно увеличивая его. На самом деле банки увеличивают предложение денег, когда они ссужают и частных заемщиков, превышая пределы их настоящей кредитоспособности. Кто определяет «кредитоспособность»? Банками, которые ограничиваются выдачей ссуд надежным заемщикам и учетом «реальных векселей», т.е. краткосрочных и обеспеченных товарными запасами (в пути, на складе, в составе незавершенного производства и т.п.), такие векселя являются тем самым «самоликвидирующимися» в течение короткого периода времени. Таким образом, банковские кредиты счастливым образом следуют за «потребностями торговли», увеличиваясь и уменьшаясь, и не могут увеличивать цены. Теория Дж. С. Милля имеет по крайней мере то достоинство, что она обеспечивает правдоподобное и выглядящее логично объяснение, ставшее символом веры банковской школы, и в этом отношении Дж. С. Милль не имеет себе равных среди коллег.

Более того, эта доктрина Милля предоставляет аргументы в пользу золотого стандарта, приверженцем которого он был, и помогает развенчать идею декретных бумажных денег, не обмениваемых на золото, что проделывали еще буллионисты. В соответствии с этой теорией, если правительство или центральный банк выпускает декретные бумажные деньги, не обмениваемые на золото, то эти бумажные деньги сразу увеличивают денежное предложение и инфляцию, а не подлежат нейтрализации посредством вычитания из денежного предложения «кредитоспособности» заемщиков. И Милль действительно оставался приверженцем золотого стандарта. Мы уже упоминали о том, что в 1833 г. Джон С. Милль раскритиковал инфляционистскую схему эмиссии бумажных денег Томаса Этвуда.

А что же с якобы существовавшей школой свободной банковской деятельности, которую профессор Уайт полагает столь же сильной и живой, как и считающиеся им совершенно отдельными от нее денежная и банковская школы? Как с сожалением признает сам Уайт, следы этой школы нигде не удастся найти, а предполагавшаяся приверженность ее авторов принципу свободной банковской деятельности не выдержала испытания на стойкость и исчезла, когда закон Пиля поставил практически все коммерческие банки под контроль Банка Англии. Этот последний получил не только монополию на эмиссию банкнот: чтобы иметь возможность получать банкноты <Банка Англии> при погашении депозитов, другие банки были обязаны держать значительную часть своих резервов в Банке Англии. Уайт пытается объяснить это отступничество банкиров из числа адептов свободной банковской деятельности как результат их подкупа Пилем, поманившего их перспективами создания картеля, поскольку банки могли продолжать эмиссию на достигнутом уровне, а ни одному вновь создаваемому банку это не разрешалось. Но если это объяснение является достаточно верным, возникает вопрос: в какой мере герои профессора Уайт были привержены идее свободной банковской деятельности с самого начала? Не была ли школа свободной банковской деятельности просто группой частных коммерческих банков, преследовавших свои экономические интересы?

Рассмотрим, к примеру, учрежденное незадолго до начала работы над законопроектом Пиля периодическое издание «Bankers' Magazine», который еще в 1843 г. считался ведущим органом движения за свободу банковской деятельности. Автор материала, опубликованного в июньском номере 1844 г., будучи критически настроенным к денежному правилу и к перспективам получения Банком Англии монополии на эмиссию банкнот, чистосердечно одобрил закон Пиля за то, что тот увеличит прибыль существующих банков, запретив эмиссию банкнот всем вновь учреждаемым банкам.

Разберем также случай ведущего апологета провинциальных банков Джеймса Джилбарта (1794—1863), одного из менеджеров London & Westminster Bank и, согласно профессору Уайту, одного из главных теоретиков

школы свободной банковской деятельности. Джилбарт родился в Лондоне, в семье выходцев из Корнуолла, всю свою жизнь он проработал банковским служащим, а в конце 1820-х гг. стал писать работы о банковской деятельности. С 1834 г. он был служащим London & Westminster Bank, постоянно вступая в перепалку с Банком Англии. Хотя профессор Уайт уверяет, что представители школы свободной банковской деятельности более страстно, чем авторы денежной школы, отстаивали идею, согласно которой причина экономического цикла коренится в денежной инфляции, Джилбарт писал, как и положено стороннику банковской школы, что количество банкнот увеличивается и уменьшается в ответ на изменения «потребностей торговли» и поэтому динамика количества таких банкнот, соответствуя динамике производства товаров, не может приводить к повышению цен. Более того, импульс, идущий от торговли к ценам, состоит в том, что «торговля требует», чтобы в экономику вливалось больше банкнот. Таким образом, пишет Джилбарт «если имеет место увеличение торговли без роста цен, я считаю, что для обращения возросшего количества товаров потребуется больше банкнот; если же имеет место рост количества товаров, а также рост цен, то вам, разумеется, потребуется еще большее количество банкнот». Другими словами, растут цены или не растут, предложение денег всегда должно увеличиваться! Возникает вопрос: а кто эти «вы», которым все это потребуется? Ведь на свободном рынке дело обстоит ровно наоборот: если имеет место увеличение производства товаров, то цены будут иметь тенденцию к падению, а не к росту; более того, увеличившиеся объемы продаваемой продукции не «требуют» и не запрашивают увеличения денег, эмитируемых банками. Причинно-следственная цепочка здесь идет в обратном направлении: увеличившееся количество выпущенных банкнот увеличивает предложение денег и цены, а также номинальную ценность производимых благ.

Все историки экономической мысли (кроме профессора Уайта) считают, что Джилбарт принадлежит к банковской школе, являясь одним из ее лидеров. Так как Уайт, похоже, разделяет заблуждения Джилбарта и его ошибочную доктрину «потребностей торговли <как фактора спроса на деньги>», и так как он признает, что эта идея аналогична тем, которые разделяет банковская школа, тезис о существовании изобретенной им очень важной новой школы свободной банковской деятельности противоречит обоим этим обстоятельствам и кажется неубедительным и искусственным. Главное различие представляется маргинальным и связанным не с содержательными, а с политическими соображениями: в то время, как все авторы банковской школы как один превозносят банковскую систему как полезную и безвредную, большинство из них с особым почтением и признательностью пишут о Банке Англии, тогда как Джилбарт, говорящий от имени частных акционерных банков, считает наиболее заслуживающими похвалы коммерческие банки²⁹.

Когда же доходит до дела, Джилбарт, подобно своим коллегам из «Bakers' Magazine», отбрасывает прочь то, что профессору Уайту пред-

ставляется принципами свободной банковской деятельности, на которых якобы стоит Джилбарт. Уайт пишет:

Он [Джилбарт] успокоился, поняв, что акционерные банки не будут лишены права эмиссии банкнот, и был искренне обрадован тем, что из них образовали своего рода картель. «Наши права признаны, наши привилегии расширены, наше обращение <эмитируемых нами банкнот> гарантировано — и нас спасли от конкуренции с дерзкими конкурентами»³⁰.

Прямое свидетельство того, что Джеймс Джилбарт был инфляционистом, принадлежавшем к банковской школе, и одновременно прямое доказательство того, что Роберт Пиль был сторонником твердых денег, мы находим в материалах об ответах Джилбарта на вопросы, задававшиеся Робертом Пилем в Палате общин, после того как Джилбарт заявил, что провинциальные банки осуществляют эмиссию банкнот только в порядке удовлетворения запросов торговли, и что, следовательно, эта эмиссия ни при каких обстоятельствах не может быть избыточной. Одновременно с этим Джилбарт утверждал, что Банк Англии не в состоянии ни при каких условиях эмитировать избыточные банкноты, так как он лишь учитывает коммерческие векселя и не покупает государственных облигаций³¹. В этот момент Роберт Пиль безошибочно точно атаковал суть апологетических доводов Джилбарта, которые тот расточал в отношении банковской системы: «Стало быть, вы полагаете, что законный спрос со стороны торговли всегда может заслуживать доверия в качестве надежного при всех обстоятельствах критерия определения количества денег, находящихся в обращении»? В ответ на это Джилбарт признал, что «Да, я думаю, что может» (и ни слова о лишении Банка Англии этого доверия). После чего Пиль задал критически важный вопрос. Авторы банковской школы всегда упирали на свою приверженность золотому стандарту и подчеркивали, что аргумент «потребностей торговли» *не применяются* к бумажным деньгам, не обмениваемым на золото. Пиль, не доверяя этой декларируемой приверженности, спросил: а в те дни, когда действовал запрет на погашение банкнот <Банка Англии> золотом, «как вы думаете, являлись ли законные потребности торговли надежным критерием <определения пределов эмиссии>, критерием, на который можно было положиться»? На что Джилбарт уклончиво ответил: «То было время, о котором я лично ничего не знаю». Это прозвучало особенно лицемерно в устах автора «Истории и принципов банковского дела» («The History and Principles of Banking», 1834). Более того, вопрос имеет очевидный теоретический характер, и для ответа на него не требовалось ничего «знать лично», что немедленно отметил Пиль. И в этот момент Джилбарт отрекся от своей приверженности золотому стандарту: «Я думаю, что законные потребности торговли даже тогда служили достаточным критерием, которым можно было руководствоваться...» Когда Пиль надавил на Джилбарта в этом месте, тот заколебался, поменял свою точку

зрения, затем вернулся к прежней, после чего опять стал ссылаться на нехватку личного опыта³².

Пиль был прав, когда выказывал недоверие степени, в которой банковская школы была привержена золотому стандарту. Помимо позорных откровений Джилбарта, имеется пример его коллеги по службе в London & Westminster Bank — господина Бозанкета, который продолжал призывать к запрещению осуществления Банком Англии платежей золотом всякий раз, когда наступали трудные времена. И хотя Тук часто выражал резко отрицательное отношение к «бирмингемской школе» (т.е. банковской), в 1844 г. он написал, что решающее ограничение для избыточной эмиссии банкнот ставится потребностями торговли, *превосходящими* тот уровень, который задается требованием обязательного погашения банкнот золотом. Это откровение позволило Роберту Торренсу нанести следующий чувствительный удар по позиции Тука:

Внимательное изучение последней публикации мистера Тука [1844 г.], не позволяет обнаружить никакой содержательной или практической разницы между его положениями и теми положениями, которые выдвигают бирмингемские экономисты. Раз отступив от правила золотого покрытия по причине колебаний нашего смешанного денежного обращения, и перестав соблюдать требование его изменений в точном соответствии с изменениями денежного обращения, целиком состоящего только из металла, они открывают шлюзы и иницируют наводнение, которое смоеет все ориентиры. Если говорить о практических результатах осуществления предлагаемых мер, то между отказом от золотого стандарта, за который выступают экономисты Бирмингема, и такой организацией денежного обращения, которая ставит под удар поддержание золотого стандарта, за что ратует мистер Тук, в конечном счете нет никакой разницы³³.

Признание Джона Фуллартона было еще более дискредитирующим, чем откровение Тука, — в научно-популярной работе 1844 г. он написал, что всем сердцем одобряет «порицаемую ныне доктрину старого совета директоров Банка Англии, которой они придерживались в 1810 г.», а именно он одобряет их противодействие буллионистам, основанное на том, что «пока любой банк ограничивает свои действия эмиссией банкнот против краткосрочных реальных векселей, он не может поступать неправильно, выпуская столько [банкнот], сколько получит публика от этой эмиссии». И да — 1810 год был годом, когда обязанность Банка Англии погашать выпускаемые банкноты металлом отсутствовала. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Роберт Пиль считал всех противников денежного правила по сути их воззрений принадлежащими к экономико-теоретической школе Бирмингема (т.е. к банковской школе).

Таким образом, оппозиция закону Пилия, при всей своей теоретической значимости, оказалась рассеянной и политически неэффективной. Законопроект был поддержан подавляющим большинством голосов, и 19 июля 1844 г. стал законом. Второй законопроект Пилия, которым

предусматривалось еще более затруднить создание новых акционерных банков, прошел Парламент в сентябре. Результатом этого ужесточения банковского контроля и установления монополии Банка Англии, а также формирования привилегированного картеля из банков, уже существовавших на тот момент, стало то, что в течение следующих восьми лет в Англии не появилось практически ни одного нового акционерного банка.

В этот же период Пиль завершил выполнение своей задачи в сфере денежного обращения, распространив новые нормы банковского регулирования на Шотландию и Ирландию, когда Парламент одобрил два законопроекта и они стали законами (21 июля 1845 г.). Опасаясь вызвать конфликты из-за нарушения местных традиций, Пиль не проявил той же жесткости в отношении банков Шотландии и Ирландии, какую он выказал в отношении банков Англии. Если в Англии коммерческим банкам с момента принятия закона не разрешалось осуществлять новые выпуски банкнот, то подход к шотландским и ирландским банкам был аналогичен тому, который был установлен законом Пиля 1844 г. для Банка Англии: все новые выпуски их банкнот должны были удовлетворять условию 100%-ной обеспеченности золотыми резервами. Шотландия никогда не ограничивала эмиссионные права своих банков, которые могли свободно учреждаться в форме акционерных обществ и могли свободно выпускать банкноты, обращающиеся в Шотландии и открывать здесь депозитные счета. Однако шотландские банкиры, подобно Джилбарту и английским банкирам, легко согласились на участие в привилегированном картеле, условия которого были даже более выгодными, чем в Англии. Как признает профессор Уайт, «по сути дела, Пиль покупал поддержку всех существовавших тогда банков тем, что ограничивал доступ на рынок и конкуренцию за долю на рынке»³⁴. Кроме того, Пиль, демонстрируя проницательность и прагматизм, разрешил шотландским банкам сохранить имевшиеся у них привилегии, отсутствующие у английских банков (включая Банк Англии) с 1820-х гг., — шотландским банкам разрешался выпуск дорогих шотландскому сердцу банкнот номиналом в 1 ф. ст.

Единственным значимым событием в период между принятием этих двух законов Пиля было весьма запоздалое вступление в полемику нового лидера банковской школы, Джеймса Вильсона (1805—1860)³⁵, основателя и главного редактора знаменитого периодического издания «Economist», созданного Вильсоном для того, чтобы иметь возможность выступать в печати на стороне поборников принципов свободы торговли и *laissez faire*. Когда в 1844 г. был принят закон Пиля, Вильсон обрушился на него с критикой, но свою энергию он направлял по большей части на защиту принципа свободной торговли. Весной 1845 г. Вильсон опубликовал в «Economist» свою знаменитую серию из девяти статей «О денежном обращении и банковской деятельности», в которых подверг критике распространение положений закона Пиля на Шотландию и Ирландию. Вильсон разделял подход, типичный для банковской школы, но отличался от ее авторов тем, что его формулировки, в которые он вкладывал

настоящую страсть, делали все натяжки и внутренние противоречия банковской школы особенно наглядными. Скажем, Вильсон настолько более яростно, чем Тук и Фуллартон высказывался о важности сохранения золотого стандарта, что Роберт Торренс позже назвал Вильсона «наиболее компетентным критиком закона 1844 г.»³⁶ И тем не менее Вильсон был единственным из «Большой четверки» лидеров банковской школы (Тук, Фуллартон, Дж. С. Милль, Вильсон), кто недвусмысленно и ясно заявил, что краткосрочные, самопогашающиеся реальные векселя были бы достаточны для предотвращения избыточной банкнотной эмиссии, осуществляемой банками, даже в том случае, если бы требование о немедленном погашении банкнот золотом *отсутствовало*. Вильсон заявил, что:

банкноты, не погашаемые золотом, могут быть выпущены в любом количестве, оправданным требованиями торгового оборота, если эта эмиссия ограничена учетом векселей и краткосрочными ссудами, для которых не существует никакого риска обесценения, так как банкноты, количество которых превышало бы то, при котором они быстро вернутся в банк при погашении этих ссуд, и не могут быть выпущены³⁷.

В заключение отметим, что из всех членов «Большой четверки» Вильсон был в большей мере, чем остальные, настроен в пользу свободной банковской деятельности и выступал за желательность ее сохранения в Шотландии, где она, предположительно, существовала фактически³⁸. И в то же время он заявлял, что Банк Англии не в состоянии осуществить эмиссию избыточного количества денег в условиях денежной системы, в которой существуют только деньги, не погашаемые золотом, что находится в полном противоречии с подходом сторонников свободной банковской деятельности.

7.8. ТРИУМФ И ТРАГЕДИЯ ДЕНЕЖНОЙ ШКОЛЫ

Сторонники политики Эндрю Джексона в сфере банковской деятельности и денежного обращения, а также американские современники авторов денежной школы могли бы заранее указать на то, что эта школа имеет роковой изъян, своего рода ахиллесову пяту, которая повергнет их на землю и обратит их триумф во прах: денежная школа отказала депозитам в статусе неотъемлемого элемента совокупного денежного предложения. Не успел закон Пиля пройти Парламент, как Банк Англии, подобно щуке, которую простак швырнул в воду, думая ее этим наказать, получив от закона Пиля статус органа централизованного управления частными банками в условиях ограничений его эмиссионных прав в отношении банкнот, но не депозитов, начал наращивать ссуды и депозиты в масштабах, определявшихся самим Банком Англии. На конец 1844 г. масса векселей, учтенных Банком, достигла 2,1 млн ф. ст., а общая сумма выданных кредитов составила 21,8 млн ф. ст. Однако кредитная экспан-

сия Банка была столь значительна, что на конец февраля 1846 г. масса учтенных векселей составила 13,1 млн ф. ст., а сумма выданных кредитов достигла 35,8 млн ф. ст. Иначе говоря, за период продолжительностью чуть больше года сумма выданных кредитов увеличилась на 64%, а масса учтенных векселей — на невероятные 424%. В этой связи следует отметить, что указанный рост сопровождался не только значительным понижением учетной ставки (с 4 до 2,5%), но и понижением процентной ставки с традиционного для Банка Англии запретительного уровня, превышавшего рыночный, до рыночного, что оказало сильное стимулирующее воздействие на заемщиков, к числу которых принадлежали банки и другие дебиторы.

В этот период увеличение количества банкнот, выпущенных Банком Англии, было весьма умеренным; зато, как можно было ожидать, для депозитов был характерен гигантский рост. На сентябрь 1844 г. общий объем банковских депозитов составлял 12,2 млн ф. ст., на конец февраля 1846 г. они удвоились, достигнув 24,9 млн ф. ст. В процессе этого поразительного роста золотые резервы Банка Англии сильно уменьшились.

Большая часть этой расширившейся массы кредитов была использована в ажиотажной спекуляции с бумагами, выпускавшимися для инвестирования в сомнительные с экономической точки зрения компании по строительству в Англии железных дорог. В 1845—1846 гг. были одобрены программы строительства железных дорог на сумму 180 млн ф. ст., что вдвое превысило строительную программу за предыдущие десять лет. Вспоминая об этом времени несколькими годами позднее, «Economist» вспоминал о «ценах безумия», разыгравшихся в 1845—1846 гг.:

...опрометчивость, алчность, невыносимая самонадеянность, безрассудная, отчаянная, бесчестная азартная игра и спекуляции, которые дискредитировали дворянство и высшую аристократию, в которой запачкались столпы общества и их семьи, которые разложили купечество, мануфактуристов и всевозможных торговцев, в то время все это погружало в леденящее уныние всех, кто еще оставался привержен к честному труду и хозяйственной деятельности, ведущейся порядочными людьми.

В течение первой половины 1846 г. Банк Англии вяло пытался противодействовать этому потоку, но не успел он поднять учетную ставку до 3,5% (в ноябре 1845 г.), как в августе 1846 г. она опять была понижена до 3%. После этого возобновился процесс резкого снижения золотых резервов Банка Англии — они сократились с 10 млн ф. ст. в августе 1846 г., что обеспечивало соотношение между золотыми резервами и банкнотами и депозитами на уровне 58%, до всего лишь 3 млн ф. ст. по состоянию на апрель 1847 г. (соотношение между резервами и обязательствами в форме банкнот и открытых депозитов на уровне 20%).

Банк вновь попытался взять под контроль прилив <ликвидности>, который он сам же создал и который он продолжал порождать, но сде-

лал для этого слишком мало и слишком поздно. С началом инфляционного бума процентная ставка выросла, так что после увеличения учетной ставки Банка Англии до 4% в январе 1847 г., она все равно осталась ниже рыночной, и за период между 9 января и 10 апреля суммарный объем кредитов, выданных Банком Англии, увеличился еще на 4,5 млн ф. ст. (и на 3,8 млн увеличилась масса учтенных Банком векселей).

К апрелю 1847 г. Банк Англии и вся финансово-экономическая система пребывали в глубоком кризисе. Банк Англии поднял процентную ставку до 5%, но рыночная ставка к этому времени составляла уже 7%. Отвергнув предложение меньшинства в совете директоров поднять ставку до 7 или хотя бы до 6%, совет директоров Банка Англии сделал ситуацию еще хуже, сохранив ставку на уровне 5% и перейдя к рациированию кредитов⁽⁵⁾, а затем внезапно резко уменьшил учет векселей, потребовав возврата ссуд и отказавшись увеличивать выдачу ссуд — ссуды перестали выдаваться вне зависимости от кредитной истории и от качества заемщика. Однако нежелание Банка Англии поднимать ставку и переход вместо этого к практике дискриминации одних заемщиков в пользу других, не спасли коммерческий банк, принадлежавший главному управляющему Банка Англии Уильяму Робинсону от прекращения платежей в июле, и от краха в сентябре банка, принадлежавшего двум другим членам совета директоров Банка Англии.

Осуществленное Банком Англии внезапное сжатие <кредита>, требование погасить выданные ссуды и рациирование кредитов — все это вызвало панику в деловых и финансовых кругах, которая разразилась в апреле и мае 1847 г. В конечном счете эти жесткие меры помогли выправить положение самого Банка Англии — в конце мая отток золота из его резервов временно сменился притоком. К началу июля золотые резервы Банка Англии удвоились, увеличившись с 3 до 6 млн ф. ст., что подняло соотношение между резервами и депозитами до 32%. Но не успело давление ослабеть, как Банк Англии возобновил политику экспансии, совершив к тому же действия, сделавшие ситуацию намного хуже. Банк оставил учетную ставку на уровне ниже рыночного и продолжил получать удовольствие от избирательного рациирования кредитов. В сентябре разразился второй грандиозный кризис в 1847 г., породивший волну банкротств, которая в течение сентября и октября распространилась по всей экономике. Томас Тук сокрушался по этому поводу: «...банкротства коммерческих заведений по своему количеству и по масштабам затронутой ими собственности представляют собой нечто беспрецедентное в истории этой страны». В октябре начались банкротства банков, и набеги на банки распространились по провинции. В ответ испуганные банки резко стали сокращать кредиты и депозиты, чтобы максимально увеличить степень обеспеченности <своих обязательств> резервами. Резервы Банка Англии опять сильно сократились, их отношение к депозитам стало меньше 14%. В этот момент Банк Англии выбросил белый флаг и в первый раз (но не в последний, как показало множество последующих кри-

зисов) запросил правительство об приостановлении требования закона Пиля в части обязательного 100%-ного обеспечения золотыми резервами новых выпусков банкнот Банка Англии. Делегации представителей Ливерпуля и северных графств, владельцы лондонских частных банков, подавшие петицию в Парламент, члены Палаты общин от Шотландии — все эти группы оказывали сильное давление на правящую партию, стремясь добиться приостановления действия закона Пиля. Печатный орган, представлявший провинциальные банки, «Circular to Bankers», угрожал тем, что провинциальные банки потребуют погашения всех своих депозитов в Банке Англии и тем самым доведут Банк Англии до банкротства. Удивительно, как им не пришло в голову, что в этом случае провинциальные банки не смогут избежать собственного банкротства. В этот момент случилось то, чего следовало ожидать, — правительство само выбросило белый флаг, приостановив действие статей закона Пиля, которые требовали ограничения на дополнительную эмиссию банкнот Банка Англии в виде ее обязательного 100%-ного покрытия золотыми резервами, т.е. впервые осуществило меру, к которой позже оно неоднократно прибегало, когда наступал очередной кризис.

Правительство спасло банковскую систему с частичным резервированием, подчинившись требованиям приостановить действие закона Пиля, и приняло соответствующее решение 25 октября 1847 г. Это спасло банки и смягчило непосредственные болезненные проявления кризиса — фактически, за счет отказа от денежного правила и от всяких попыток жестко и в единообразно привязать денежную и банковскую систему к динамике золотых резервов. С этого момента Великобритания, а вслед за ней и весь мир, стали испытывать на себе все пагубные последствия функционирования банковской системы с частичным резервированием, с ее эмиссией депозитов до востребования, которые образуют пирамиду на денежной базе центрального банка, имеющего монополию на выпуск банкнот, с фактической централизацией золота страны в одном банке. Такая банковская система генерирует бесконечное чередование периодов бума и крахов, т.е. экономический цикл, с его инфляцией и рецессией. Более того, так как подавляющая часть золота аккумулирована в резервах центрального банка, всем странам — даже тем, кто формально поддерживает режим золотого стандарта, — становится легче выйти из золотого стандарта и перейти на декретные деньги, как только какой-нибудь кризис (подобный Первой мировой войне) предоставит им благовидный предлог, оправдывающий политику масштабной инфляции, с помощью которой финансируются расходы военного времени.

Смысл и квинтэссенция денежного правила состояла в жесткой привязке эмиссии банкнот Банка Англии к 100%-ному обеспечению золотыми резервами, но если положения закона, реализующие это ограничение, были приостановлены один раз, когда банки и небанковский сектор испытывали трудности, то это означало, что денежное правило разрушено и лежит в руинах. Как говорил после приостановления действия

закона Пиля в 1847 г. выдающийся лондонский банкир Джордж Глинн, проявляя при этом недюжинную проницаемость, теперь при каждом кризисе публика будет ожидать, что закон Пиля будет приостановлен. Жизнь показала, что именно это и произошло. Для расследования приостановления закона в 1847 и 1848 гг. были созданы парламентские комитеты, которым поручалось установить, что в действительности случилось. Приостановление закона Пиля во время кризиса 1857 г. оказалось значительно более легким делом, и хотя, как и в 1847—1848 гг., в 1857—1858 гг. были тоже образованы комитеты для расследования произошедшего, дело обошлось без открытых парламентских слушаний и дебатов по итогам работы этих комитетов. Приостановление закона Пиля в 1866 г. было уже настолько обычной практикой, что в тот раз никто уже не озаботился ни о парламентском расследовании, ни о формировании соответствующих комитетов.

В этой связи весьма примечательным представляется тот факт, что начиная с первого эпизода с приостановлением действия закона Пиля все без исключения авторы и сторонники денежной школы выступали с поддержкой этой меры, не выказав ни единого признака понимания того, что они тем самым фактически полностью отказываются от своей доктрины³⁹. Запрет на погашение банкнот золотом во время кризиса не только ослабил требования закона Пиля, но и имел и другие последствия. В частности, само ожидание того, что для спасения Банка Англии и банковской системы во время кризиса, закон будет приостановлен, побуждало Банк Англии вести себя в период кредитной экспансии так, как будто закона Пиля вообще не существует. В итоге, все что осталось от денежного правила, свелось к наделению Банка Англии монопольной привилегией на эмиссию банкнот.

7.9. ФАКТИЧЕСКАЯ ПОБЕДА БАНКОВСКОЙ ШКОЛЫ

Согласно распространенному клише, людей часто приводят в ужас последствия, наступающие, когда цели, которые они вынашивали длительное время, оказываются достигнутыми. Поскольку депозиты были проигнорированы авторами законопроекта, придание денежному праву силы закона (при принятии закона Пиля) никоим образом не помогло сделать кредитную экспансию более умеренной, а экономический цикл (чередование периодов бума и крахов) менее болезненным. Когда ее мечты оказались развенчанными, денежная школа, как это всегда бывает со всеми идеологиями, боги которых оказались поверженными, стояла перед выбором из нескольких вариантов последующих действий. Наиболее смелым вариантом было бы осознать тот факт, что их денежное правило имеет принципиальный дефект, признать свое поражение и вернуться к чертежному столу, на котором создается новый проект. К сожалению, люди устроены так, что они редко выбирают такое благородное

направление действий. Никто из авторов денежной школы, разумеется, не взял на себя ответственность за кризис <1847 г.>. Вместо этого они пошли дорогой, которой проследовали слишком многие школы (например, марксисты): стали громко провозглашать, что их теория находится в превосходной форме, и одновременно начали скрытно, но энергично переопределять утверждения своей теории.

Так, до 1844 г. авторы денежной школы, и в частности полковник Торренс, были согласны с положениями денежной теории экономического цикла. Экономические колебания порождаются кредитной экспансией, осуществляемой банками под руководством Банка Англии, каковая кредитная экспансия ведет к инфляции и экономическому буму, за которым неизбежно следует сжатие, приводящее к банкротствам и рецессии. Однако не успел закончиться кризис 1847—1848 гг., как авторы денежной школы отступились от этой доктрины, практически слившись со своими старинными противниками — банковской школой. Банковская школа всегда утверждала, что и банки, и предложение денег лишь пассивно реагируют на циклы «бум—кризис», порождаемые немонетарными факторами, лежащими в сфере «реальной экономики». На роль виновника предлагались таинственные «волны спекуляций», движущей силой которых предположительно были волны избыточного оптимизма и избыточного пессимизма. Итак, денежная школа, даже включая полковника Торренса, провозгласила, что они никогда в жизни не утверждали, что с экономическим циклом покончено, так как этот цикл, так или иначе, есть продукт действия немонетарных факторов, таких как спекуляции и избыточные оптимизм и пессимизм. Максимум, который может быть обеспечен посредством регулирования денежного обращения, как заявила теперь денежная школа, это устранение того компонента колебаний деловой активности, который вызван изменениями денежного предложения. А эта задача, настаивали они, в действительности уже решена законом Пиля. Кризис 1847—1848 гг., возможно, и был тяжелым, но все было бы значительно хуже, если бы не был принят закон Пиля, содержащий денежное правило.

В многочисленных похвалах по адресу закона Пиля полковник Торренс возложил вину за бум 1844—1846 гг. на «чрезмерные масштабы торговли <акциями>» и ажиотажную спекуляцию при строительстве железных дорог — как будто эта спекуляция свалилась с неба, а не была следствием расширения банковских кредитов. Он указал также, что одной из причин инфляционного бума стала «быстрая конверсия ликвидного капитала в постоянных капитал <т.е. в материальные активы производственного назначения с длинными сроками службы и окупаемости>», т.е. слишком быстрое превращение ликвидного капитала в избыточные объемы фиксированных инвестиций долгосрочного характера». И здесь мы опять не видим ни малейшего указания на то, что в основе процесса, порождавшего эти избыточные инвестиции, лежал избыточный банковский кредит.

Интересно сравнить два случая, когда Торренс критикует утверждение Джона Стюарта Милля, будто денежная школа претендует на то, что она в состоянии излечить экономику от экономического цикла и «внезапных отливов торговли». В 1844 г. в рецензии на эссе Дж. С. Милля, помещенное им в «Westminster Review», Торренс указывал, что рекомендации денежной школы помогут справиться не со всеми вообще случаями «отливов торговли», но только с теми, которые имеют своей причиной «колебания денежного обращения, когда количество денег становится то выше, то ниже того уровня, который был бы достигнут, если бы все денежное предложение состояло из металлических <т.е. золотых> денег». Но в статье 1857 г., в которой он пункт за пунктом подвергает критическому анализу главу о банковской деятельности главного труда Дж. С. Милля «Основы политической экономии», Торренс смещает акценты. Теперь он рассматривает экономические колебания, вызванные монетарными факторами, только применительно к полностью металлическому денежному обращению. Торренс заявляет, что болезненные колебания в экономике возникают по большей части не вследствие избыточной эмиссии, осуществляемой банками, а вследствие потрясений, не связанных с деньгами, с потрясениями, которые выводят <совокупное> денежное обращение из состояния гармонии с предложением золота. Более того, теперь в свою поддержку Торренс считает возможным привлекать цитаты из Лойда и Нормана. И Лойд отныне тоже концентрируется на гипотетических немонетарных причинах колебаний. Указывая в этой связи на такие явления, как оптимизм и спекуляции, как это делала до него в течение долгого времени банковская школа, Лойд заявил: «...пока природа человека останется такой как сейчас, пока надежда вечно живет в душе человека, в какой-то момент опять будет возникать спекуляция, принося с собой в качестве неизбежного следствия чередование оживления и депрессии».

Итак, по мере того как денежная школа начала выражать свое согласие с банковской школой — в том, что касалось немонетарных факторов как главной причины экономического цикла, и в том, что монетарные факторы играют лишь пассивную роль, реагируя на внешние по отношению к ней события, — открылась возможность достижения фактического консенсуса между этими двумя школами. Поскольку денежная школа, как представлялось, была вполне удовлетворена существующей <банковской> системой пока та сохраняла вывеску «здесь действует денежное правило», стало считаться, что предложение денег играет достаточно пассивную роль. Тогда же Банк Англии получил достаточно возможностей для приятия решений по собственному усмотрению и научился быть достаточно гибким — для того, чтобы удовлетворить банковскую школу и примирить ее адептов с существующим положением дел. И вот уже лидер банковской школы и главный критик закона Пиля Джеймс Вильсон с легкостью голосует в парламентском комитете, работавшем в 1857—1858 гг., за продление срока действия этого закона. Говоря обо

всем периоде развития британской банковской системы в 1844—1914 гг., необходимо отметить, что банковская школа удовольствовалась тем, что при этом была реализована *самая суть* ее доктрины, и предоставила гордым авторам денежной школы наслаждаться тем, что в течение всего этого времени убыло сохранено *одно только название* ее концепции. Авторы и деятели денежной школы, в свою очередь, пожинали лавры пустой победы: Норман, Торренс и Лойд (после 1850 г. получивший титул барона Оверстона) снискали почет, провозгласив фактически сложившееся положение триумфальным воплощением денежного правила, разработанного в недрах их школы. Члены совета директоров Банка Англии были довольны тем, что воспользовались идеей, предположительно ограничивающей денежное обращение, а эпигоны денежной теории получили в качестве основы своих воззрений то, что со временем превратилось в стандартную доктрину: ошибочную интерпретацию существующей системы как системы денежного обращения, жестко привязанной к золоту, что позволило игнорировать чередование периодов бума и кризиса, т.е. экономический цикл, буквально вросший в экономическую жизнь⁴⁰.

Как только денежная школа приняла теорию банковской школы о немонетарных причинах экономического цикла (избыточный оптимизм, выражающийся в избыточных масштабах торговли акциями) и когда сошли со сцены такие верные сторонники свободной банковской деятельности, как Роберт Машетт и Генри Парнелл, денежная теория экономического цикла неминуемо должна была исчезнуть. Если говорить о теории немонетарных факторов цикла, разработанной в недрах банковской школы, то наиболее важный вклад в ее развитие внес Джеймс Вильсон с его работой «Капитал, денежное обращение и банковская деятельность» («Capital, Currency, and Banking», 1847)⁴¹. Вильсон разработал теорию, которую можно назвать немонетарной теорией избыточных инвестиций, в некоторых моментах предвосхитившую австрийскую теорию экономического цикла, но без ее центрального критически важного пункта о денежной природе первопричины цикла. Он сконцентрировался на анализе избыточного инвестирования в строительство железных дорог, видя в нем причину цикла 1844—1847 гг. и сделав на основе этого анализа и анализа данных за 1845 г. предсказание о неизбежности нового кризиса, которое упорно повторял, пока этот кризис не наступил в действительности.

Согласно блестящей теории Вильсона, бум начинается с избыточным инвестированием сбережений в постоянный (fixed) капитал. Сбережения представляют собой «переменный» (floating), или оборотный (circulating), капитал, фонд заработной платы, который направляется на то, чтобы нанять работников и закупить сырье. Но вследствие иногда возникающей склонности к избыточной торговле <акциями> деловые предприятия могут инвестировать в постоянный капитал намного больше, чем это позволяют сделать имеющееся годовое предложение сбережений. Слишком много денежных сбережений вливается в производство

элементов постоянного капитала, тогда как в производство предметов потребления вкладывается слишком мало. Иначе говоря, фаза бума характеризуется неадекватным сдвигом структуры инвестиционных ресурсов от производства предметов потребления к производству капитальных благ. С другой стороны, увеличившиеся инвестиционные расходы в постоянный капитал — в 1845 г. это были вложения в железные дороги — увеличивают заработную плату, выдаваемую на руки работникам. Но так как потребители, отправляясь тратить свою заработную плату, обнаруживают, что производство потребительских благ выросло не в такой степени, как заработная плата, они сталкиваются с неизбежным в этих условиях ростом цен на предметы потребления. Одним словом, потребление и инвестиции становятся избыточными по отношению к имеющимся сбережениям. В ответ на рост цен потребительских благ производители этих благ будут пытаться увеличить их выпуск, увеличивая тем самым спрос на капитал, т.е. увеличивая свой спрос на ссуды. Но нехватка сбережений по сравнению со спросом на капитал приведет к росту процентной ставки, а резкий рост процентных ставок вернет экономику в рецессию. Итак, производители производственных благ (в данном случае строители железных дорог и производители материалов, необходимых для их строительства), пережившие бум, будут вынуждены вступить в острую борьбу с производителями потребительских благ — борьбу за капитал, внезапно ставший дефицитным, и разразившийся в итоге кризис и наступившая депрессия станут причиной того, что избыточные инвестиции в постоянный капитал будут брошены или отложены на бесконечный срок. Во время депрессии сброс избыточных инвестиций в конце концов приведет к восстановлению нормальных и адекватных условий экономической деятельности.

Таким образом, Вильсон, наряду с пониманием неразумного характера и избыточности инвестиций, а также наряду с пониманием избыточного характера потребления и нехватки сбережений во время бума, показал, каким образом бум влечет за собой искажение структуры экономики, которое, в свою очередь, завершается болезненной, но целительной депрессией, в конце концов восстанавливающей нормальное функционирование экономики. Он также понял, что рост процентных ставок, сигнализируя об избыточном потреблении и недостаточных сбережениях, приводит к рецессии, являющейся необходимым условием и начальной фазой восстановления. Кроме того, Вильсон понял, что ключ к пониманию природы рецессии кроется в дефиците сбережений, и пришел к выводу, согласно которому более высокие сбережения способствуют ускорению восстановления.

В период бума действительно имеет место избыточное инвестирование в производство капитальных благ более высоких порядков⁽⁶⁾, однако Вильсон дал осечку, делая особый упор на важность разницы между переменным и постоянным капиталом. Согласно Вильсону, денежные сбережения, направляемые на инвестиции в постоянный капитал,

каким-то образом теряются или «тонут» и поэтому исчезают из состава средств, выплачиваемых в качестве заработной платы. Проблема, однако, состоит не в дихотомии «постоянный капитал — переменный капитал», а в том, что потребление противостоит избыточным инвестициям во все типы капитальных благ высоких порядков, будь то элементы постоянного (заводские здания и оборудование) или переменного (запасы сырья и материалов) капитала.

Но наиболее трудноразрешимые проблемы в построениях Вильсона порождены тем, что он не включает в рассмотрение деньги. Он полагает, что деньги представляют собой всего лишь способ, которым делается возможным обмен, и как таковые они ни при каких условиях не могут быть причиной экономических колебаний, а могут быть лишь их следствием. Но тогда возникает вопрос: где *возьмут* деньги фирмы, строящие <дополнительные> железные дороги, если сбережения не увеличились? На этот вопрос есть единственный ответ, который игнорирует Вильсон: эти дополнительные деньги будут представлять собой деньги и банковский кредит, полученные займы. И почему, если предложение денег не увеличивалось, рост заработной платы в фирмах, сооружающих железные дороги, и других компаниях, занятых производством капитальных благ, не компенсируется *снижением* заработной платы в секторе производства потребительских благ? Или, иными словами, почему с самого начала бума имеет место рост общего уровня цен? Почему не падают цены на потребительские блага, по крайней мере поначалу? Ответом и здесь будет следующее утверждение: потому что имеет место увеличение предложения денег и кредитов, что порождает и ускоряет бум. Почему, наконец, эта бегущая в одном направлении толпа бизнесменов, включая железнодорожных магнатов, не может сообразить, что их инвестиции намного превзошли сбережения? И почему (еще один последний вопрос) то самое осуществляемое в конце концов повышение процентных ставок вызывает такой шок? Ответ на эти вопросы все тот же: расширение банковского кредита искусственно занижает процентную ставку и заманивает бизнес в ловушку фатального избыточного инвестирования.

Хотя Вильсон настаивает на том, что количество денег недопустимо путать с капиталом, он все же попадает в старинную ловушку имени Адама Смита, считавшего запасы золота «праздным и непроизводительным» капиталом, и на этом основании полагает, будто капитал можно увеличить, а депрессию существенно облегчить, если правительство осуществит эмиссию мелких банкнот номиналом в 1 ф. ст. на сумму 20 млн ф. ст., которые должны заменить находящиеся в обращении 20 млн ф. ст. в форме «праздного и непроизводительного» золота. Вильсон заверяет своих читателей в том, что такая гигантская эмиссия не будет иметь инфляционного характера, так как она просто-напросто добавится к имеющемуся капиталу; и кроме того, самодовольно прибавляет он, в данном случае инфляции быть не может, так как банкноты будут продолжать обмениваться на золото. Но что это за режим обмена банк-

нот на золото, что это за разновидность золотого стандарта, если предполагается, что золото исчезнет из обращения? Урок истории состоит в том, что вне зависимости от декларируемой приверженности к *laissez faire* и к золотому стандарту, каждый представитель банковской школы, даже тот, кто выступает за свободную банковскую деятельность, это, в сущности, неперестроившийся инфляционист.

В «Основах политической экономии» Джон Стюарт Милль излагает теорию цикла, представляющую собой комбинацию теории Вильсона и доктрины Тука о значимости «спекуляций»; кроме этого, он обратился здесь к одному из самых сомнительных построений Рикардо о тенденции убывающей доходности, которая объясняется тем, что урожайность сельского хозяйства обязательно должна понижаться со временем. Иными словами, Милль смешал стандартное для банковской школы выделение в нечто значимое спекуляции, излишнего оптимизма и избыточной торговли <акциями> (в духе Тука) с теорией Вильсона о конверсии оборотного капитала в постоянный. Подчеркнем еще раз, эта доктрина относится к немонетарным теориям, в рамках которых деньги играют пассивную, несущественную и в лучшем случае второстепенную роль. Таким образом, Дж. С. Милль приспособил для общей теории «железнодорожное» объяснение Вильсона, с помощью которого тот интерпретировал причины кризиса 1845—1847 гг. Введение в теорию элементов доктрины падающей нормы прибыли Рикардо позволило Дж. С. Миллю предвосхитить Шумпетера и поприветствовать инфляционный бум, видя в нем необходимое и жизненно важное средство и условие экономического роста, — ведь таким образом удастся избежать падения <номинальной> нормы прибыли. В результате Дж. С. Милль оказался одним из первых авторов, выдвинувших идею экономических колебаний, имеющих вид циклического процесса, который он находил благотворным. Он не тревожился по поводу рецессий, поскольку сжатие экономики и закон Сэя гарантировали быстрое возвращение к состоянию полной занятости и экономическому росту.

Существовала еще одна важная причина фактического слияния денежной и банковской школ после принятия закона Пилля. Помимо всего прочего, обе эти группы высшим приоритетом монетарной политики считали сохранение золотого стандарта, хотя в случае банковской школы речь шла о золотом стандарте в сильно ослабленном виде. Но как только разразился великий кризис 1847 г., и как только в Британии возобновились споры по вопросам денежного обращения и банковской деятельности, в атаку перешли ультрарадикальные противники золотого стандарта, которые стали призывать либо к инфляции на базе перехода к декретным деньгам и их эмиссии, либо (в лучшем случае) к переходу на биметаллизм, т.е. на золотосеребряный стандарт. В ответ на эту атаку денежная и банковская школы объединили ряды, что в значительной мере объясняет причины, по которым Джеймс Вильсон голосовал за продление закона Пилля в 1858 г.

В действительности потребовался всего один кризис (1847 г.), чтобы люди из Бирмингема возобновили свое нападение на золото. Была в срочном порядке переиздана старая статья Мэтью Этвуда о декретных деньгах, делегация деловых кругов Бирмингема во главе с Джорджем Манцем направила прошение премьер-министру, а записка, подготовленная Бирмингемской ассоциацией за реформу денежного обращения, была направлена королеве. Отповедь джентльменам из Бирмингема была помещена в качестве редакционной статьи в лондонской «Times», а Перронет Томпсон предупредил приятеля об усиливающейся интенсивности потока «полубезумных статей из Бирмингема». У противников золотого стандарта из Бирмингема нашлись союзники и в других регионах британского севера. Ливерпульская ассоциация за реформу денежного обращения была достаточно активна, чтобы удостоится критики в двух номерах «Economist», а Шотландия обнаружила свой поворот к инфляционизму, когда издание партии тори «Blackwood's Edinburgh Magazine» опубликовало статью против золота. Более того, в Глазго состоялся учредительный съезд Национальной лиги против закона о золотом стандарте, на котором присутствовали 3 тыс. участников.

Во время кризиса 1847 г. обнаружилась и угроза перехода к биметаллизму. В частности, сильное влияние здесь оказывал могущественный банкир Александр Бэринг, ставший к этому времени лордом Эшбертоном, который и раньше всегда был готов оседлать своего любимого конька — биметаллизм. Кроме того, следует упомянуть петицию за отмену закона Пиля, подписанную рядом лондонских влиятельных торговцев, банкиров и трейдеров фондового рынка. Джеймс Вильсон назвал доктрину биметаллизма, за которую ратовал Бэринг и те, кто подписал петицию лондонских бизнесменов, «странной», в высшей степени «необъяснимой» и «безрассудной». Угроза биметаллизма воспринималась настолько серьезно, что два лидера денежной школы — Лойд и Торренс — сочли необходимым совместно написать и анонимно издать огромную статью, в которой пункт за пунктом были критически проанализированы и отвергнуты все доводы лондонских бизнесменов⁴². Свою главную задачу авторы статьи видели в том, чтобы показать: логика концепции биметаллизма восходит к гораздо более последовательной и гораздо более опасной идее перехода к политике декретных денег, которую отстаивали авторы и деятели из Бирмингема:

Философы из Бирмингема — последовательные мыслители, они достаточно прозорливы, чтобы понять, что произвольное увеличение количества бумажных денег в обращении несовместимо с поддержанием любого металлического стандарта. Люди, подписавшие лондонскую петицию, демонстрируют менее качественную логику — они требуют установления двойного металлического стандарта, и при этом не могут понять, что увеличение количества бумажных денег посредством... власти ослабляет действие денежного правила,

которую они вымаливают <для себя>, делает поддержание любого металлического стандарта неосуществимым⁴³.

Высшей точкой этой атаки на золотой стандарт стало голосование в Парламенте в 1848 г. При голосовании в комитете Палаты общин предложение ветерана фракции радикалов и ее лидера Джозефа Хьюма, в котором предлагалось возложить вину за кризис 1847 г. на закон Пиля, не прошло при 13 голосах против и 11 голосах за. Эти одиннадцать членов комитета, поддержавших предложение Хьюма, включали остатки группы сторонников свободной банковской деятельности, таких как сам Хьюм, инфляционистов и протекционистов наподобие тори Ричарда Спунера, представлявшего Бирмингем, и сторонников биметаллизма, таких как Томас Бэринг и лорд Бентинк. Более того, в отчете комитета Палаты лордов, в котором закон Пиля был подвергнут критике, содержалась рекомендация смягчить те положения закона, которыми устанавливались жесткие ограничения на количество банкнот, разрешенное к выпуску. В то время как комитеты Палаты общин и Палаты лордов демонстрировали отсутствие единства по данному вопросу, ветеран движения против золотого стандарта Джон Херрис внес проект парламентской резолюции об отмене ограничений на эмиссию банкнот, установленных законами 1844 и 1845 гг. Это требование объединило сторонников всех разновидностей смягчения денежного стандарта — людей из Бирмингема, адептов биметаллизма, сторонников более мягкой версии золотого стандарта. Предложение Херриса было отклонено с небольшим перевесом — против него проголосовали 163 члена Палаты общин, за — 142. Речи в поддержку этого предложения произносились в основном не умеренными, а радикальными противниками закона Пиля из Бирмингема, в частности Ричард Спунер. Отвечая Спунеру великий государственный деятель Роберт Пиль встал и отметил, что хотя бирмингемская доктрина поддерживается незначительным меньшинством членов Палаты общин, вне стен Парламента «среди тех, кто говорит и пишет о денежном обращении, подавляющее большинство», т.е. буквально «девять из десяти» согласны с Робертом Спунером, или, что то же самое, девять из десяти хотят, «чтобы эмиссия банкнот осуществлялась без ограничения в виде обязательного погашения золотом».

Вне зависимости от того, объяснялась резкая реакция Пиля тем, что он считал ее должным ответом на проявление бесспорного зла, или вызывая призрак Бирмингема, он видел в этом подходящий способ сплотить ряды, эта тактика оказалась успешной, и попытка Херриса учесть доклады комитетов Палаты лордов и Палаты общин, провалилась, не дойдя даже до голосования. Вызова призрака Бирмингема Пиллю хватило на то, чтобы в течение следующих десяти лет умеренные сторонники золотого стандарта и банковской школы все как один бросались на защиту статус-кво, сформированного законом Пиля. В середине 1850-х гг. этой же линии следовал и «Economist» Вильсона, а ветеран денежной

школы Джеймс Пеннингтон писал своему другу письмо, в котором выражалась тревога, по поводу того, что «прямо сейчас широко распространяются требования отменить этот закон [закон Пилля 1844 г.], и мне думается, если эти требования достигнут своей цели, они сменятся столь же громкими требованиями полностью отказаться от обязательства погашать <банкноты> металлом»⁴⁴.

Мы можем завершить обсуждение последствий принятия закона Пилля, обратив внимание читателя на два утверждения наиболее мудрого деятеля денежной школы, сделавшего важный вклад в ее развитие. В ходе своего критического анализа главы, посвященной банковской деятельности «Основ» Дж. С. Милля полковник Роберт Торренс сформулировал важный пункт, когда критиковал точку зрения, согласно которой банки, играя лишь пассивную роль, не властны увеличивать свои обязательства и, следовательно, не властны увеличивать цены. Торренс язвительно отмечает, что

[Милль] исключает из рассмотрения важное обстоятельство, а именно: банки, в силу своего устройства, располагают властью увеличивать и уменьшать спрос на свои услуги в части пассивных операций: когда они увеличивают учетную ставку, спрос на учет векселей падает, а когда они понижают ее — увеличивается... и пока Милль не опровергнет того факта, что банки могут понижать учетную ставку, он не может без нарушения логики утверждать, что их власть увеличивать эмиссию ограничена...

Весьма примечательно, что среди всех возможных направлений атак на закон Пилля со стороны бирмингемских сторонников бумажных не обмениваемых на золото декретных денег, адептов биметаллизма, оставшихся сторонников свободной банковской деятельности и авторов банковской школы, не нашлось ни одного автора, ни одного члена Парламента, ни одного предпринимателя, который бы призвал ужесточить денежную политику и заткнуть огромную дыру в денежной системе, потребовав, чтобы правило 100%-ного обеспечения золотыми резервами действовало и в отношении депозитов, а не только банкнот. Ни один сторонник денежной школы не признал ошибочности своей прежней позиции, ни один из них не настаивал, подобно сторонникам политики Эндрю Джексона в США, на том, чтобы банки поддерживали 100%-ное резервирование всех своих обязательств до востребования, включая депозиты. Полковник Торренс подошел к этому ближе, чем кто бы то ни было. В один из самых мрачных периодов в истории экономической мысли Торренс пишет последнюю работу, опубликованную при его жизни (ему тогда было 77 лет). Это была помещенная в «Edinburgh Review» за январь 1858 г. рецензия на сборник «Трактаты и другие работы по металлическому и бумажному денежному обращению» («Tracts and Other Publications on Metallic and Paper Currency»), составленный из работ его друга и союзника Сэмюэля Лойда лорда Оверстона, который вышел под

редакцией Джона Мак-Куллоха. После слов восхищения вкладом лорда Оверстона и после того, как он в очередной раз защитил закон Пилля, Торренс попытался объяснить природу экономического цикла, кульминацией которого стал последний по времени кризис, разразившийся в 1857 г. При этом имеет место разительное отличие этого объяснения от того, которое он давал десятилетием ранее, когда он капитулировал перед банковской школой, обвинив в кризисе 1847 г. «избыточную торговлю на фондовом рынке». Сейчас Торренс со всей определенностью заявляет, что «если бы не избыточные банковские операции то (за исключением очень коротких периодов) избыточные объемы торговли бумагами на фондовом рынке и чрезмерная спекуляция были бы невозможны». Поскольку действует закон Пилля избыточные банковские операции начинают «открытие депозитных счетов». Торренс едва ли мог игнорировать колебания массы банковских депозитов. При обсуждении банковских операций по открытию депозитов Торренс делал упор на том, что банки создают новые депозиты до востребования, предоставляя ссуды и оказывая тем самым «такое же воздействие на рынок, какое оказывает увеличение количества [банкнот] в обращении». Торренс всегда был единственным представителем денежной школы, который понимал важность депозитов для денежной системы; и теперь он перешел к резким обвинениям банкиров и проводившейся ими политики экспансии депозитов во время недавнего бума и резком сжатии, вызвавшем кризис и банкротства. Торренс задает горький вопрос:

Выдерживается ли равная мера справедливости, если мелкий воришка или фальшивомонетчик, подделавший пятифунтовую банкноту, считаются уголовными преступниками, а спекулянт-банкир получает от суда по банкротствам полное списание своих долгов, а от своих дружков и наполовину разоренных им кредиторов средства для продолжения своей позорной и злокозненной карьеры?

Затем Торренс показывает, каким образом дополнительные ссуды «выдаваемые против депозитов, воздействуя на цены, на кредиты под залог товаров, на расчеты посредством векселей, каким образом они приводят к последствиям, аналогичным тем, которые порождаются дополнительной эмиссией банкнот». Почти признав, что закон Пилля имеет дефект, который выражается в том, что он не был распространен на депозиты, Роберт Торренс теперь признал, что «даже в случае, если бы денежное обращение было бы полностью и исключительно металлическим [т.е. если бы в нем присутствовали только монеты, и отсутствовали бы банкноты], избыточные банковские операции и неплатежеспособность дисконтных домов приводили бы к бедствиям такого же огромного масштаба, как и те, что являются результатом неограниченного использования банкнот и приостановления платежей наличными».

В заключение Торренс выражает сильное сомнение в том, что «преимущества банковских операций по учету векселей [операций открытию

депозитов до востребования], даже если они осуществляются в условиях металлического денежного обращения уравнивают то зло, которое они порождают». Кажется, Торренс остановился на пороге того, чтобы начать отстаивать идею распространения системы денежного обращения <установленную законом Пила для банкнот> на депозиты, и, возможно, проживи он чуть дольше, чтобы иметь возможность написать еще что-то на темы денежного обращения и банковской деятельности, он бы так и сделал.

7.10. ИДЕИ ДЕНЕЖНОЙ И БАНКОВСКОЙ ШКОЛ В СТРАНАХ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ

Расцвет дискуссий между денежной и банковской школами в Британии в сочетании с возникновением центральных банков в странах континентальной Европы, которое произошло позже, в 1850—1860-е гг., породило во Франции и Германии схожую полемику. Вообще говоря, и результаты этой полемики были такими же, как в Британии: денежная школа одержала иллюзорную победу в том смысле, что центральные банки получили монополию на эмиссию банкнот, а банковская школа победила де-факто, поскольку была создана эластичная банковская система с частичным резервированием и повторяющимся циклом увеличения и сжатия денежного предложения.

Во Франции идеи *laissez faire* получили широчайшее распространение среди французских экономистов, выказавших себя истинными идейными наследниками Жана-Батиста Сэя. Профессора, журналисты, приверженные идеям экономической свободы «Общество политической экономии» и его печатный орган «*Journal d'Économistes*» (и общество, и журнал были основаны в 1842 г.) и несколько других периодических изданий, предназначенных как ученым, так и широкой публике, придерживались идеи свободной торговли и *laissez faire*. В этой атмосфере французские экономисты, разумеется, поддерживали скорее свободную банковскую деятельность, чем банковскую систему с центральным банком. К сожалению, большинство из них считали, что вынуждены принять доктрину банковской школы, чтобы утверждать, что банковская деятельность на основе свободной конкуренции, как и банки вообще, ни при каких условиях не в состоянии выпустить избыточное количество банкнот и породить экономический цикл. Они выступали за свободную банковскую деятельность, и в этом они были намного более настоящими сторонниками этой системы, чем британцы, которые, как мы видели выше, являлись скорее лоббистами коммерческих банков, нежели последовательными защитниками свободной банковской деятельности. В этой, как и в некоторых других сферах, французы, в отличие от нерешительных, поверхностных и прагматичных британцев, не боялись быть последовательными, тщательными, активными (и потому часто считав-

шимися «слишком радикальными») защитниками индивидуальных свобод и свободного обмена.

Одним из главных и наиболее интересных французских теоретиков свободной банковской деятельности был Жан Гюстав Курсель-Сенель (1813—1892). Как пишет историк банковской деятельности XIX в. Вера Смит, Курсель-Сенель «выступал за абсолютную свободу и неограниченную конкуренцию, и был самым бескомпромиссным из всех сторонников свободной банковской деятельности во Франции. По его мнению, единственным допустимым видом регулирования является такое, которое имеет своей целью предотвращение мошенничества»⁴⁵.

Другим заметным французским автором, писавшим о теории свободной банковской деятельности, был Эдуард Хорн (1825—1875 <венгерский экономист Ignas Einhorn, живший в эмиграции в Бельгии, Германии и Франции, писал под псевдонимом Eduard Horn, под этим именем и стал известен>). В работе «Свобода банков» («La Liberté des Banques», 1866) Хорн даже выразил сомнение в том, что государство должно иметь монополию на чекан монет. Он отметил, что частные инвестиционные банки легко могут получить выгоду, если публика будет испытывать такое же доверие к обращению изготавливаемых ими монет, какое она испытывает к государству. Хорн утверждает, что государство скорее приостановит обязательство центрального банка погашать его банкноты металлом, чем распространит это благодеяние на более мелкие частные банки. Его рассуждение в интерпретации Веры Смит звучит следующим образом:

Касаясь недостатков привилегированной монополии, Хорн обратил внимание на большую вероятность отмены обязательств такого [центрального] банка погашать банкноты металлом по первому требованию, что обязательно приведет к выпуску чисто бумажных денег, вместо банкнот, погашаемых монетой. Банк, находящийся под патронажем государства, всегда рассчитывает на то, что оно освободит его от обязательства платить, когда он приблизится к неплатежеспособности. Тем самым банкротству центрального банка дается санкция закона, вместо того чтобы ликвидировать его, применив к нему обычные наказания, предусмотренные в случае неплатежеспособности. История банков с привилегиями полна очевидных эпизодов банкротства⁽⁷⁾.

Хорн далее утверждает, что в условиях свободной банковской деятельности любой отказ осуществлять платеж металлом по первому требованию должен будет означать немедленную ликвидацию провинившегося банка. Хорн пишет: «Однако если бы эмиссионные банки понимали, что они однозначно и неизбежно будут нести ответственность за все свои действия и их последствия, то они вели бы себя столь же предусмотрительно, как и любое другое деловое предприятия»⁴⁶. В связи с этим возникает главный вопрос: можно ли рассчитывать на то, что государству удастся принудить банки выполнять их обязательства по платежам

наличными, если банков, попавших в трудное положение в одно и то же время, станет слишком много?

На Курсель-Сенель и Хорна огромное влияние оказала теория Вильсона о конверсии оборотного капитала в постоянный капитал в период бума. Но оба эти автора, как и другие авторы банковской школы, делая упор на том, что банки не могут осуществлять избыточную эмиссию своих банкнот, в отличие от Вильсона все же признавали, что банки могут ошибаться и ошибаются, предоставляя топливо для избыточного инвестирования в постоянный капитал в период бума. Интересно, что Курсель-Сенель, Хорн и большинство других французских экономистов чувствовали, что они обязаны отрицать даже тот факт, что банкноты представляют собой деньги (и они отрицали это, призывая на помощь разные юридические увертки), поскольку деньги в юридическом смысле (но не в экономико-теоретическом) представляют собой один лишь только металл денежного стандарта, на который обязаны обмениваться банкноты.

Но самыми интересными экономистами-теоретиками была небольшая группа отважных французов, веривших в свободную банковскую деятельность и бывших при этом неуступчивыми сторонниками наиболее радикальной версии денежной школы, считавшие жульническими и порождающими инфляцию все фидуциарные средства обращения, все банковские обязательства, выходящие за рамки 100%-ных резервов золота. Они вполне обоснованно полагали, что ни монополия привилегированного банка, ни государство, которое поддерживает такой банк, в долгосрочном плане не могут поддерживать банковскую деятельность, основанную на 100%-ных золотых резервах. Лидером этой небольшой группы был Анри Чернуски, написавший два трактата, вышедших в 1865 г., в которых он констатировал, что действительно важным и принципиальным является не выбор между монополией на банкнотную эмиссию и свободной банковской деятельностью, а ответ на вопрос, допустима ли вообще эмиссия банкнот. Сам он давал отрицательный ответ на этот вопрос, так как «последствия их эмиссии были эквивалентны ограблению держателей металлических денег посредством уменьшения их ценности». Если бы банкноты и могли быть полезными в каком-либо отношении, то это полностью сводилось бы к тому, чтобы представлять металлические деньги, при условии 100%-ного обеспечения ими всех выпущенных банкнот; со всеми непокрытыми <металлом> банкнотами, со всеми фидуциарными средствами обращения должно быть полностью покончено. Чернуски поддерживал концепцию свободной банковской деятельности, так как считал, что в условиях отсутствия специальных привилегий, без поощрения со стороны государства, без обязательства государства принимать их в качестве платежей, в условиях принудительного закрытия даже мелких банков, отказавшихся от оплаты любого своего обязательства, никто не захочет быть держателем банкнот. Здесь уместно привести цитату из Чернуски, которую Мизес приводит в «Человеческой

деятельности»: «Я хочу каждому предоставить право эмитировать банкноты, чтобы больше никто не принимал банкнот»⁴⁷.

Последователем Чернуски был Виктор Модесте, политические взгляды которого отличались от взглядов Чернуски и были близки скорее к жесткой линии сторонников Эндрю Джексона в США. Модесте стоял на либертарианских позициях, считая государство «властителем, помехой, врагом» и провозглашая в качестве цели замену государства «самоуправлением» (self-government). Модесте выражал согласие с Курсель-Сене-лем и теми сторонникам банковской школы, которые выступали за свободную банковскую деятельность, утверждая, что торгово-промышленная деятельность должна оставаться свободной. Он также соглашался с ними в том, что централизованная монополия на банковскую деятельность была бы намного хуже и опаснее, чем свободная конкуренция между банками, и выступал против административного управления банками и регулирования их деятельности. С другой стороны, его интересовал ответ на вопрос: что надлежит сделать с банкнотами? Модесте явным образом включал в банкноты депозиты до востребования, которые считал незаконной, мошеннической, порождающей инфляцию и экономический цикл основой «поддельных денег». Его ответ заключался в том, что эти «поддельные» обязательства в виде депозитов, которые лишь притворяются обмениваемыми на золото, не будучи таковыми (поскольку они выходят за рамки золотого запаса), в действительности эквивалентны мошенничеству и воровству. Модесте приходит к выводу, согласно которому эти поддельные титулы [собственности] и поддельные ценности всегда «эквивалентны краже во всех тех формах, которые заслуживают установленных для них наказаний... каждого управляющего банком необходимо предупредить, что передача ценностей, не обладающих ценностью, есть выдача обязательства, которое не может быть исполнено и как таковое есть уголовное преступление, которое должно преследоваться в соответствии с нормами уголовного законодательства». И так, его ответом было не административное регулирование, а полный запрет в отношении преступного деяния «мошенничество» и подсудность эмиссии банкнот нормам общего законодательства⁴⁸.

В Германии лишь немногие авторы находились под влиянием банковской школы — большинство стояли на позициях денежной школы. Традициям этой школы следовал Филип Йозеф Гейер. В трактате «Банки и кризисы» («Banken und Krisen», 1865) и в другой своей книге, вышедшей два года спустя, Грейер утверждал, что в идеале количество денег в обращении всегда должно оставаться постоянным. В действительности предложение денег непостоянно в основном в силу продолжающейся эмиссии банкнот, не покрытых металлом. В этом месте Гейер намечает контуры будущей теории экономического цикла австрийской школы, так как указывает на то, что выпуски необеспеченных банкнот вливаются в экономику в качестве «искусственного капитала» (künstliches Kapital), и когда этот искусственный капитал становится больше

«реального» (*naturliches*), избыточное инвестирование и перепроизводство приводят к кризису. Однако затем Грейер совершает ошибку: развивая свои построения, он прибегает к внутренне противоречивой теории недопотребления.

Ученым-экономистом, занимавшим формальные посты и принадлежавшим к адептам денежной школы, был Иоганн Телькампф (1808—1876). В молодости этот уроженец Пруссии, окончивший Геттингенский университет, эмигрировал в Соединенные Штаты, где вначале преподавал право, политическую экономию, историю и немецкий язык и литературу в Юнион-колледже. Затем, в 1843 г., он перешел в Колумбийский колледж, где занял пост профессора немецкого языка и литературы. Спустя три года Телькампф вернулся в Пруссию, где стал профессором политической экономики в университете г. Бреслау (ныне — польский город Вроцлав). Позже он был избран в сенат Пруссии, где стал ключевой фигурой в сфере банковского законодательства.

В Соединенных Штатах Телькампф увидел проблемы, с которыми сталкивается децентрализованная банковская система, и это подвело его к идее 100%-ного золотого резерва при эмиссии банкнот и к концепции монополии единственного центрального банка, который должен был реализовывать этот план. Телькампф внес вклад в распространении доктрины денежного правила, став соавтором перевода на немецкий язык сочинения Мак-Куллоха, в котором содержалась аргументация в пользу денежного правила (немецкий перевод вышел в 1859 г.). С другой стороны, потерпев неудачу — его план 100%-ного обеспечения <банкнот металлом> не был принят в Германии, — Телькампф стал активным сторонником свободной банковской деятельности, считая ее вторым наилучшим вариантом.

В Германии тех, кто поддерживал свободу банковской деятельности, было меньше, чем во Франции, и это были скорее сторонники денежной, а не банковской школы. Весьма заметной фигурой среди них был Отто Хюбнер (1818—1877), лидер прусской Германской партии свободной торговли (*Die Deutsche Freihandelspartei*). Его многотомный труд «Банки» («*Die Banken*», 1854) представляет собой преимущественно историко-статистический обзор различных банков и банковских систем мира, в котором фигурирует и общий вывод: самые устойчивые в финансовом отношении и находящиеся в наименее опасном положении банковские системы — это те банковские системы, которые функционируют в режиме максимальной свободы и банки которых находятся под опекой надзорных органов в наименьшей мере. Менеджмент привилегированных центральных банков часто управляет ими по собственной прихоти <без всякого контроля со стороны собственника>, постоянно ставя эти банки на грань неплатежеспособности, о чем говорит прекращение погашения банкнот Австрийским национальным банком, который финансировал громадный дефицит государственного бюджета Австрии. Своей целью Хюбнер, подобно Чернуски во Франции и Грейеру и Телькампфу

в Германии, считал установление обязательного 100%-ного обеспечения выпущенных банкнот металлом. Идеальным вариантом он считал монополю банкнот, находящийся под управлением государства, функционирующий в условиях 100%-ного резерва, т.е. нечто, подобное Банку Амстердама и Гамбургскому банку. Однако он понимал наличие проблем, связанных с недоверием публики к государственным банкам. Как пишет Вера Смит:

Если бы государству можно было бы доверять в том, что эмиссия им банкнот никогда не будет превышать имеющегося у него запаса денежного металла, то эмиссия банкнот, контролируемая государством, была бы наилучшей системой, но при сложившемся порядке вещей системы, значительно более близкой к идеальной, следует ожидать от банков, функционирующих на началах свободной банковской деятельности, поскольку они, руководствуясь собственным интересом, стремились бы к выполнению своих обязательств⁴⁹.

7.11. ПРИМЕЧАНИЯ

1. Frank W. Fetter, *Development of the British Monetary Orthodoxy 1797—1875* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1965), p. 122.
2. 'Currency Jungle', *Tait's Edinburgh Magazine* (Jan. 1833). См.: Fetter, op. cit., note 1, pp. 140—141.
3. Lionel Robbins, *Robert Torrens and the Evolution of Classical Economics* (London: Macmillan, 1958), pp. 245—246.
4. Как будет показано ниже, денежная школа была разделена по вопросу о том, трактовать депозиты как деньги или нет: большинство, возглавляемое Джорджем Норманом и Сэмюэлем Лойдом (лордом Оверстоном) разделяло упрощенную концепцию, согласно которой только банкноты представляют собой банковские деньги, противоположной — и правильной — точки зрения придерживались сэр Уильям Клей и Роберт Торренс.
5. Главная работа Уильяма Гауджа была опубликована в 1833 г. под названием «Краткая история бумажных денег и банковского дела» («A Short History of Paper Money and Banking») в двух томах, один из которых был посвящен теории, а другой истории денег и банков. Почти весь второй том был перепечатан в Англии под названием «Проклятие бумажных денег и банковского дела» («The Curse of Paper Money and Banking»), с весьма адекватным предисловием известного радикального борца с банками Уильяма Коббета. Оба тома были перепечатаны почти в неизменном виде в журнале Гауджа («Journal of Banking», 1841—1842).
6. Генри Драммонд, старший сын банкира Генри Драммонда, родился в Хэмпшире и вырос в доме своего деда по материнской линии Генри Дадаса, виконта Мелвилла, еще в детстве став любимцем Уильяма Питта. Окончив школу Хэрроу, но не окончив колледж Церкви Христовой в Оксфорде, он переехал в Лондон, где стал партнером в банке своего отца. Представитель английской аристократии, Драммонд был членом Парламента с 1810 г., покинув Палату общин

- по состоянию здоровья спустя три года. За это время Драммонд сумел провести через Парламент закон, объявляющий вне закона использование банком в своих интересах ценных бумаг, сданных ему его клиентами на хранение. В 1825 г. Драммонд учредил в Оксфорде профессорскую кафедру по политической экономии и примерно в это же время стал вдохновителем, организатором и лидером миллениаристского движения английских протестантов. Драммонд вернулся в Парламент в 1847 г. и оставался членом Палаты общин до конца жизни. Будучи весьма независимым членом партии тори, Драммонд неизменно поддерживал войну, правительство и религиозный истеблишмент. Генри Драммонд был автором множества статей по финансовым и религиозным вопросам.
7. Daniel Hardcastle, *Letters to the Editor of the Times' Journal on the Affairs and Conduct of the Bank of England* (1826), цит. по: Elmer Wood, *English Theories of Central Banking Control 1819—1858* (Cambridge Mass.: Harvard University Press, 1939), p. 100. Еще одним приверженцем твердых денег был автор, оставшийся неизвестным, который выступил в 1826 г. под псевдонимом Бенджамин Слиток (Benjamin Bullion, 'Letters on the Currency Question').
- (1). «Предложения в пользу экономного и устойчивого денежного обращения, а также замечания о прибыли Английского банка, поскольку она связана с интересами государства и собственников капитала банка», см.: Рикардо Д. Соч. : в 3 т. Т 2: Статьи и речи о денежном обращении и банках. М.: Госполитиздат, 1955. С. 179; теме, которую имеет в виду Ротбард, посвящен четвертый отдел этого сочинения Рикардо, см. с. 193 указ. соч. и сл. — *Прим. перев.*
- (2). См.: Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения. Избранное. М., Эксмо, 2007. С. 810. — *Прим. перев.*
8. Великолепное изложение программы независимого Министерства финансов и обсуждение двух ее критически важных элементов, а также обсуждение предложенного Ван Буреном федерального законопроекта о банкротстве см. в: Major L. Wilson, *The Presidency of Martin Van Buren* (Lawrence, Kan., The University Press of Kansas, 1984, p. 84 ff.).
9. О Машете см.: Lawrence H. White, *Free Banking in Britain: Theory, Experience, and Debate. 1800—1845* (Cambridge: Cambridge University Press, 1984), p. 62.
10. О Парнелле, забытом большинством историков, см. в упомянутой в предыдущей сноске книге Лоуренса Уайта (*ibid.*, pp. 62—63), а также в: Jacob Viner, *Studies in the Theory of International Trade* (New York: Harper & Bros., 1937), pp. 240—241.
11. George Poulett Scrope, *An Examination of the Bank Charter Question* (1833), p. 456. См. также: Scrope, *The Currency Question freed from Money* (1830), *On Credit Currency* (1830). Авторами других статей, напечатанных в «Quarterly Review» в 1830 г., были Эдвардс и Нилан. О Скроупе см.: Fetter, *op. cit.*, pp. 137—138. Весьма примечательно, что Уайт не обращает внимания на разницу между инфляционистом Скроупом и поборниками твердых денег, также выступавших за свободу банковской деятельности (см.: White, *op. cit.*, note 9, *passim*).
12. Джон Чарльз Спенсер, виконт Олтроп (1782—1845) родился в Лондоне, в аристократической семье (его отцом был граф Спенсер). Получив школьное образование в Хэрроу, а университетское — в колледже Св. Троицы Кембриджа, Олтроп окончил колледж в 1802 г. со степенью магистра. Он избрался в Парламент в 1804 г. после чего был членом Палаты общин в течение 30 лет. Будучи

в начале своей политической деятельности сторонником Питта, позже Олторп перешел на радикальные позиции, выступая против налога на изделия из кожи и за эмансипацию католиков. После 1815 г. он примкнул к вигам, выступая, как и они, за снижение налогов и уменьшение расходов государственного бюджета. Олторп отказался занять пост премьер-министра, получив в кабинете Грея пост канцлера казначейства и став лидером вигов в Палате общин. После смерти отца в 1833 г., Олторп унаследовал его графский титул, право именоваться графом Спенсером и отошел от активной деятельности в Палате общин. Однако он остался весьма влиятельной фигурой — в 1840-х гг. он выступал за сохранение мира с Францией и за отмену хлебных законов. Будучи йоркширским землевладельцем, он специализировался на разведении скота. Олторп любил занятия сельским хозяйством и охоту. Он основал Сельскохозяйственное общество Йоркшира и в 1828 г. участвовал в учреждении Английского сельскохозяйственного общества, которое позже было превращено в Королевское сельскохозяйственное общество.

13. Alexander Mundell, *The Danger of the Resolutions to the Bank Charter...* (London, 1833). Цит. по: White, *op. cit.*, note 9, pp. 67—68.
14. Robert Torrens, *A Letter to the Right Honourable Lord Viscount Melbourne on the Causes of the Recent Derangement in the Money Market and on Bank Reform* (London, 1837).
15. Цит. по: Lionel Robbins, *Robert Torrens and the Evolution of Classical Economics* (London: Macmillan, 1958), p. 89. Роббинс, будучи биографом Торренса, признавался, что не в состоянии объяснить полный разворот Торренса по вопросу денег и инфляции. См.: *ibid.*, pp. 73—74.
- (3). То есть подразделением, отвечающим за банковские операции, banking department, следуя традиции, ниже мы всюду используем перевод «банковский департамент». — *Прим. перев.*
- (4). То есть подразделением, осуществляющим эмиссию банковских денег, issue department, ниже всюду — «эмиссионный департамент». — *Прим. перев.*
16. *The Causes and Consequences of the Pressure upon the Money-Market* (London, 1837). Палмер (1779—1858) был сыном Уильяма Палмера из Эссекса, лондонского торговца, который был также мэром и шерифом графства Эссекс. Джон Хорсли Палмер, судовладелец, который в 1802 г. вел торговлю с Ост-Индией на паях со своим братом, стал членом совета директоров Банка Англии в 1811 г.
17. Лойд ответил Палмеру в работе «Соображения, возникшие после внимательного прочтения брошюры мистера Палмера» (*Reflections, Suggested by a Perusal of Mr. J. Horsley Palmer's Pamphlet* (London, 1837)). Сэмюэл Лойд (1796—1883), позже получивший титул и ставший первым бароном Оверстоном, был единственным сыном валлийского протестантского священника, преподобного Льюиса Лойда. Мать Сэмюэля Лойда была дочерью манчестерского банкира Джона Джонса. Окончив Итон, Лойд в 1818 г. получил степень бакалавра в Кембридже (колледж Св. Троицы), став первым в своем выпуске. В 1822 г. он получил там же степень магистра. К этому времени его отец оставил пост священника и стал партнером в банке своего тестя, после чего приступил к руководству лондонским филиалом этого банка, который стал называться Jons, Loyd & Co. В 1834 г. произошло его слияние с недавно организованным London & Westminster Bank. Будучи успешным банкиром, в 1844 г. Самюэль Лойд

- сменил своего отца на его посту и возглавил London & Westminster Bank. К моменту своей кончины Лойд был одним из самых состоятельных людей в Англии. Ему было пожаловано пэрство и в 1850 г. он стал лордом Оверстоном.
18. Fetter, *op. cit.*, note 1, p. 171.
19. См.: Norman, *Remarks Upon Some Prevalent Errors with Respect to Currency and Banking* (London, 1838). Норман (1793—1882) происходил из графства Кент. Его отец Джордж Норман занимался торговлей норвежским лесом и был шерифом графства. Джордж Уорди Норман учился в Итоне, после чего принял участие в бизнесе отца и провел много лет в Норвегии. После того как его отец в 1824 г. отошел от дел, Джордж Уорди стал единоличным владельцем бизнеса и продолжал им заниматься до 1830 г., когда произошло слияние его фирмы и другой компании, занимавшейся торговлей норвежским лесом. Джордж Уорди Норман был членом совета директоров Банка Англии с 1821 по 1872 г. В 1840-х гг. он входил в казначейский комитет Банка Англии. Будучи членом Клуба политической экономии, он стал последним из живых основателей этого клуба. По своим убеждениям Норман был либералом и сторонником свободной торговли. Он дружил с известным философским радикалом, банкиром и историком античности Джорджем Гроутом <1794—1871, автор многотомной «Истории Греции»>. Норман хорошо знал литературу и имел обширный круг чтения — помимо английской, он читал литературу стран континентальной Европы, литературу на латыни и на норвежском.
20. Первые два тома вышли в 1838 г., третий — в 1840 г. и четвертый в 1848 г. В 1857 г., под конец жизни Томаса Тука, вышли еще два тома, однако большая их часть написана не самим Туком, а его соавтором Уильямом Ньюмарчем.
21. John Fullarton, *On the Regulation of Currencies* (1844). Фуллартон (1780—1849), сын врача, уехал в Индию в качестве врача-офицера Ост-Индской компании и прослужил в Бенгалии десять лет в должности помощника хирурга. Еще в Индии, он стал партнером банковского дома Alexander and Co. в Калькутте, и нажил там огромное состояние. Вернувшись в Лондон в начале 1820-х гг., вошел в число основателей клуба Карлтон (Carlton Club) и в начале 1830-х написал несколько статей, в которых защищал политику тори. Отойдя от дел, Фуллартон стал участником дискуссии по вопросам денежного обращения, выступая на стороне банковской школы.
22. О роли Торренса в этой и других дискуссиях по экономико-теоретическим вопросам см. прекрасную книгу Лайонела Роббинса: Lionel Robbins, *Robert Torrens and the Evolution of Classical Economics* (London, Macmillan, 1958). См., в частности, главы IV и V этого труда, а также библиографическое приложение, в котором имеется аннотированный список всех работ Торренса.
23. Профессор Уайт странным образом осуждает Марион Догерти за то, что та причисляет Смита к сторонникам денежной, а не банковской школы, хотя в своей работе, четырьмя страницами ниже, сам Уайт пишет: «Изучение текстов манчестерцев (например, Дж. Б. Смита и Ричарда Кобдена) 1840 года свидетельствует о формировании тогда все более заметной тенденции в среде сторонников *laissez faire*, хотевших освободить денежную школу от ее связи с произвольными решениями по управлению <банками>, каковая тенденция состояла в том, что <в качестве средства достижения указанной цели> они рассматривали не свободную банковскую деятельность, а видели решение в ограничении права эмиссии государственного банка неким жестким

- правилом» (White, *op. cit.*, note 9, pp. 71, 75>. См. также: Marion R. Daugherty, 'The Currency — Banking Controversy, Part I', *Southern Economic Journal*, 9 (October 1942), p. 147. См., в особенности: Fetter, *op. cit.*, note 1, pp. 175—176.
24. Спустя несколько лет лидер денежной школы Лойд засвидетельствовал тот факт, что сам он никогда не имел ни личных, ни политических связей с Робертом Пилем. «Я вообще ничего не знал том, что такой закон готовится, пока законопроект не был обнаружен для ознакомления публики. Этим законом, насколько мне известно, мы целиком и полностью обязаны сэру Роберту Пилю». «Торренс тоже не имел никаких контактов с Пилем — на самом деле Пиль отверг просьбу Торренса о принятии его в кабинет [министров] на том основании, что тот является лидером денежной школы. Только после смерти Пилля Торренс стал получать государственную пенсию — в знак признания значимости его вклада в науку политической экономии». Что до ветерана денежной школы и советника правительства Джеймса Пеннингтона, то его советы касались лишь технических деталей и относились к тому моменту, когда главные положения закона Пилля уже определились (см.: Fetter, *op. cit.*, note 1, p. 182n).
25. Boyd Hilton, 'Peel. A Reappraisal', *Historical Journal*, 22 (Sept. 1979), p. 614. Хилтон, мягко говоря, не симпатизирует приверженности Пилля идеям *laissez faire* и твердых денег. Наоборот, его, скорее, раздражает то, что он называет «доктринерским упрямством» Пилля. Этой оценке, к сожалению, вторит профессор Уайт, говоря о «редко признаваемом догматизме Пилля», см.: White, *op. cit.*, note 9, p. 77n.
26. J. K. Horsefield, 'The Origins of Bank Charter Act, 1844', in: T. S. Ashton and R. S. Sayers (eds), *Papers in English Monetary History* (Oxford: The Clarendon Press, 1953), pp. 110—111.
27. Уильям Коттон (1786—1866) был сыном капитана военно-морского флота, торговца и директора Ост-Индской компании. В возрасте 15 лет юный Уильям начал работать в конторе друга отца. В 1807 г. он стал партнером в лондонской торговой фирме, главным управляющим принадлежащий этой фирме канатной фабрики. В течение 45 лет (с 1821 г. и до конца жизни) Коттон был членом совета директоров Банка Англии, и в конце концов стал известен под прозвищем «отец Банка Англии». Он был управляющим Банка Англии с 1843 по 1845 г., затем его сменил Хит. Коттон также изобрел эффективную машину для автоматического взвешивания золотых соверенов и получил известность как выдающийся благодетель в кругах, близких к Англиканской церкви. Он родился и большую часть жизни прожил в Эссексе, исполняя там обязанности мирового судьи, судьи и шерифа.
28. Моррис Перлман заметил, что отец Джона Стюарта Милля Джеймс Милль в одной книжной рецензии, написанной им в 1808 г., развивает некую радикальную версию доктрины реальных векселей, позже ставшей элементом системы воззрений банковской школы. Получается, что, осуществляя анализ денежной сферы, Джеймс Милль никогда не был приверженцем Рикардо. Джон С. Милль мог, как пишет Перлман, реализовать свое преклонение перед отцом, когда спустя много лет воспроизвел его взгляды применительно к денежной сфере и сохранил верность взглядам Рикардо применительно к остальной экономике. См.: Morris Perlman, 'Adam Smith and the Paternity of the Real Bills Doctrine', *History of Political Economy*, 21 (Spring 1898), pp. 88—90.
29. См.: White, *op. cit.*, note 9, pp. 122—125.

30. Ibid., p. 79.
31. На этом можно закончить все разговоры об имевшей место приверженности Джеймса Джилбарта идее свободной банковской деятельности, которой он якобы придерживался задолго до того, как полностью поддержал закон Пиля.
32. См. изложение этого сюжета в: Hilton, op. cit., note 25, pp. 593—594. То, что профессор Хилтон клеймит вопросы, задававшиеся Пилем, как «бессмысленные», и то, что он обвиняет Пиля в том, что тот стал высмеивать значимость «знаний, которыми обладал Джилбарт», служит наглядной иллюстрацией непонимания профессором Хилтоном экономической теории на достаточном уровне.
33. Цит. по: Fetter, op. cit., note 1, p. 193.
34. White, op. cit., note 9, p. 80. Приверженность шотландцев пресловутой системе свободной банковской деятельности оказалась главным образом следствием предвзятого изложения. Книга Уайта посвящена в основном защите двух следующих тезисов: (а) до принятия закона Пиля 1845 года Шотландия наслаждалась преимуществами свободной банковской деятельности, которая не контролировалась Банком Англии; причем обязательства [частных шотландских банков] погашались золотом; (б) эта свободная банковская система функционировала намного лучше, чем английская, с центральным банком в качестве главного банковского учреждения. Однако оба эти тезиса полностью ошибочны. В доказательство тезиса (б) Уайт ссылается на меньшую долю банкротств банков в Шотландии. Но число банкротств банков не является главным критерием работоспособности банковской системы. Уайт не приводит никаких данных, говорящих о том, что Шотландия переживала инфляцию и рецессию меньших масштабов, чем Англия. Отсутствие таких данных дает основания считать, что <относительные> показатели <экономического цикла> в этих двух частях Соединенного Королевства были примерно одинаковыми. Говоря о тезисе (а), необходимо отметить, что шотландские банки вряд ли осуществляли свою деятельность полностью свободно. Большая часть резервов шотландских банков была не в золоте, а в виде депозитов в Банке Англии, или в виде их суррогатов, — в векселях на Лондон. Шотландские банки тем самым не были ни свободны, ни независимы от Банка Англии, находясь на вершине пирамиды, в основании которой лежали обязательства Банка Англии. Более того, в трудные времена Банк Англии обычно приходил на выручку шотландским банкам, спасая их от банкротства. В завершение отметим, что в реальности забрать золото из шотландских банков в порядке исполнения ими своих обязательств, было весьма затруднительно — как по причинам социального свойства, так и чисто и юридически, в особенности в трудные времена, когда спрос на золото становился особенно высоким. О шотландских банках см. важнейшую работу Чекленда: G. Checkland, *Scottish Banking: A History, 1695—1973* (Glasgow: Collins, 1975). Чекленд пишет: «В ответ на требования погасить обязательства металлом банкиры выказывали признаки недовольства и даже обвиняли таких клиентов в недостаточной лояльности» и «шотландская система была непрерывной чередой частичного приостановления погашения требований металлом... В реальности никто не рассчитывал на то, что он войдет в шотландский банк с большим количеством банкнот и немедленно получит их эквивалент золотом или серебром. Скорее ожидалось, что последуют споры, или даже будет получен отказ в удовлетворении такого требования. В лучшем случае за банкноты можно было получить небольшое количество металлических денег, а остальное — векселями на Лондон. Если

при этом с клиентом у банка возникали серьезные сложности, то такой клиент брался на заметку, и в будущем он мог столкнуться с тем, что получение кредита становилось для него более сложным делом». И наконец: «...редко ставновившиеся предметом публичного расследования и дозволенные законами ограничения на погашение шотландскими банками <банкнот и депозитов золотом или серебром> внесли немалый вклад в успехи шотландских банков» (Ibid., pp. 184—186). Кроме того, он же пишет: «...главный и конечный источник ликвидности располагался в Лондоне и в особенности в Банке Англии» (ibid., p. 432). См. также: Charles W. Munn, *The Scottish Provincial Banking Companies 1747—1864* (Edinburgh: John Donald, 1981); Charles A. Malcolm, *The Bank of Scotland, 1695—1945* (Edinburgh: R & R Clark, n.d.). О проблеме свободной банковской деятельности в Шотландии см.: Murray N. Rothbard, 'The Myth of Free Banking in Scotland', *The Review of Austrian Economics*, 2 (1988), pp. 229—245, а также см.: Larry J. Sechrest. 'White's Free Banking Thesis: A Case of Mis-taken Identity'. Ibid., pp. 247—257.

35. Джеймс Вильсон, сын Уильяма Вильсона, преуспевающего владельца шерстяной мануфактуры, получил образование во Friend's School, и в возрасте 16 лет стал работать подмастерьем в мастерской по изготовлению шляп. Вскоре его отец купил эту фирму для Джеймса и его брата. В 1824 г. Вильсон перебрался в Лондон, где стал партнером торговой фирмы, которая после 1831 г. получила название James Wilson & Co. Потеряв большую часть денег на спекуляциях с индиго, Вильсон в 1844 г. отошел от дел. В тот же период он начал интересоваться экономической теорией и идеей свободной торговли, опубликовал несколько работ о коммерческой практике и хлебных законах. Книги Вильсона оказали сильное влияние на таких поборников свободной торговли, как Пиль и Гладстон. В 1843 г. Вильсон начинает издавать «Economist» и почти в одиночку пишет для него все материалы. Ему удается быстро превратить это издание в весьма влиятельный журнал. Вильсон был членом Парламента с 1847 по 1859 г., кроме того, в 1850-е гг. он был заместителем министра финансов, занимая пост секретаря по финансам. В 1859 г., в правление Пальмерстона, Вильсон занял пост заместителя главы Торговой палаты, был ее главным казначеем и членом Тайного совета. Перед самой своей кончиной он был направлен в Индию в качестве министра финансов <британской администрации>. Ирония истории состояла в том, что в Индии он приступил к повышению налогов и эмиссии больших количеств государственных бумажных денег.
36. Феттер утверждает, что Торренс никогда не отзывался об идеях Вильсона так, как об идеях Тука, т.е. как о способе «открыть шлюзы и инициировать наводнение». См.: Fetter, op. cit., p. 200.
37. См.: Lloyd Mills, *A History of Banking Theory in Great Britain and the United States* (Chicago: University of Chicago Press, 1945), p. 90.
38. Когда через несколько лет, в сочинении «Основы политической экономии» Джон Стюарт Милль высказался в пользу свободы эмиссии банкнот, он сделал это, руководствуясь общим принципом laissez faire, а не по каким-либо конкретным соображениям в отношении денежной системы и банковской деятельности.
- (5). При удержании процентной ставки на уровне ниже рыночной на кредитном рынке происходят явления, аналогичные тем, что имеют место на товарных рынках при фиксации цен на уровне ниже рыночного, одним из способов спра-

- виться с ситуацией становится переход к распределению дефицитного ресурса нерыночными способами, совокупность которых (не больше установленного количества благ в одни руки, выдача строго в порядке очереди, формирование списка более приоритетных и менее приоритетных потребителей и т.п.) называется рационированием. — *Прим. перев.*
39. Уильям Коттон из Банка Англии, полагал, что запрет на погашение банкнот металлом был введен слишком рано, а Джон Мак-Куллох считал достоинства этой меры сомнительными. Однако ни один представитель денежной школы не критиковал сам запрет, и даже не выказал ни малейших признаков понимания важности проблем, связанных с этой мерой.
40. К этим эпигонам относятся профессор Кембриджского университета Чарльз Нит, опубликовавший свои лекции («Две лекции о денежном обращении» («Two Lectures on the Currency»), 1850); профессор колледжа Св. Троицы в Дублине Р. Миллс со своим трудом «Основы денежного обращения и банковского дела» («The Principles of the Currency and Banking», опубликованным в середине 1850-х гг.; Джон Инчболд и его «Цена денег» («The Price of Money», 1862) и Джордж Комб, написавший книгу «Анализ проблемы денежного обращения» («The Currency Question Considered», 1856), которая удостоилась хвалебной рецензии в лондонской «Times» и выдержала шесть изданий в первый же год после выхода из печати.
41. В книгу вошли девять статей о законе Пилля, написанные в 1845 г., а также ряд более поздних эссе.
- (6). Согласно терминологической традиции, заложенной Карлом Менгером, экономические блага различаются в зависимости от близости к предметам потребления, которые представляют собой блага нулевого порядка. Чем дальше благо отстоит от изготовления предметов потребления, тем больше номер его порядка, тем более «высоким» этот порядок называется. — *Прим. перев.*
42. *The Petition of the Merchants, Bankers and Traders of London Against the Bank Charter Act: with Comments on Each Clause* (London, 1847)
43. Цит. по: Fetter, op. cit., note 1, p. 208.
44. Ibid., p. 216. Феттер остроумно характеризует чувства авторов банковской школы и других сторонников денежного обращения, основанного на золоте, выступавших против закона Пилля, которые они испытывали в связи с угрозой золотому стандарту, возникшей с появлением бирмингемской школы: «Ситуация напоминала ту, в которой, согласно традиции, пребывал герцог Веллингтон: он не боялся своих врагов, сама мысль о его союзниках приводила его в ужас».
45. Vera C. Smith, *The Rationale of Central Banking* (1936, Indianapolis: Liberty Press, 1990), p. 94 <ср.: *Смит В.* Происхождение центральных банков. М.: Институт национальной модели экономики, 1996. С. 147—148>.
- (7). Ср.: Там же. С. 165. — *Прим. перев.*
46. Ibid., p. 108 <ср.: Там же. С. 165>.
47. Henry Cernuschi, *Contre le Billet de Banque* (1866). Показания Чернуски, данные им перед правительственной комиссией по банковской деятельности, работавшей в 1865—1866 гг. Цит. по: Ludwig von Mises, *Human Action* (New Haven: Yale University Press, 1949), p. 443 <*Мизес Л. фон.* Человеческая деятельность. М.; Челябинск: Социум, 2019. С. 417>.

48. Victor Modeste, 'Le Billet Des Banques D'Emission Est-Il Fausse Monnaie?', *Journal des Economistes*, 4 (Oct. 1866), pp. 77—78.
49. Smith, op. cit, note 45, pp. 115—116 <ср.: Смит В. Указ соч. С. 176>.

ГЛАВА 8

ДЖОН СТЮАРТ МИЛЛЬ И ВОССТАНОВЛЕНИЕ АВТОРИТЕТА ЭКОНОМИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ РИКАРДО

8.1. ЗНАЧЕНИЕ МИЛЛЯ

277

Отец и сын Милли оказали судьбоносное воздействие на историю экономической мысли. Если Джеймс Милль сыграл ключевую, но пока не получившую признания роль в дальнейшем развитии экономической теории Рикардо и ее философского союзника, бентамовского утилитаризма, а также в навязывании этих учений британскому интеллектуальному миру, то его сын Джон, вне сомнения, сделал больше других для восстановления авторитета Рикардо через 20 лет после того, как этот авторитет сошел на нет. Удивительно, что судьба британской интеллектуальной жизни должна была попасть в столь тесную зависимость от психологического взаимодействия между знаменитыми отцом и сыном, — удивительно потому, что оба они прежде всего претендовали на статус строгих «ученых». Однако трудно найти людей более разных по характеру и интеллектуальным качествам. Джеймс Милль, как мы видели, был человеком жестким, бескомпромиссным, безгранично уверенным в правильности своих идей и действий, способным выстроить оригинальную систему экономической, философской и политической теории, а затем с непревзойденной энергией собирать вокруг себя людей и организации, чтобы воплотить свои идеи в жизнь. Джеймс пытался прививать Джону Стюарту (1806—1873) умение управлять этой группой философских радикалов, но безуспешно. После того как у Джона в возрасте 20 лет случился нервный срыв, младший Милль стал почти полной противоположностью отца по темпераменту и интеллектуальному стилю. Крайне далекий от интеллектуальной непреклонности и бескомпромиссности, Джон Стюарт был образцом мягкости и податливости, человеком, который, в отличие от негибкого отца, хаотически блуждал в мешанине идей. Джон Стюарт Милль был таким человеком, который, познакомившись со взглядами, явно противоречившими его собственным, говорил: «А ведь в этом что-то есть», — и пытался вставить это новое чужеродное звено в свое чрезвычайно расплывчатое и путаное мировоззрение. Поэтому постоянно разрастающийся интеллектуальный «синтез» Милля скорее напоминал большую кучу, сложенную из различных и даже противоположных позиций. В результате Милль

всегда был настоящей находкой для молодых кандидатов наук, которым позарез нужно сделать какое-нибудь открытие. Спор о том, «как на самом деле считал Милль», превратился в нескончаемое кустарное производство. Был ли Милль либералом, приверженным *laissez faire*? Социалистом? Романтиком? Классицистом? Гражданским либертарианцем? Сторонником устанавливаемых государством нравственных норм? На все эти вопросы можно ответить утвердительно. Пищи для дискуссий предостаточно, поскольку в течение всей своей не слишком короткой и чрезвычайно плодотворной жизни Милль, совмещая в себе все эти ипостаси и не выделяя ни одну из них, оставался постоянно меняющимся калейдоскопом мутаций, трансформаций и противоречивости.

Необычайная популярность Милля и его авторитет в британском интеллектуальном мире отчасти были результатом той самой путаницы, которая царилла у него в голове. Ведь это был человек несомненных интеллектуальных дарований, эрудит, выросший в кругу видных ученых и политических деятелей; однако этот выдающийся человек видел хорошее во всех мыслимых позициях, даже в позиции читателя, кем бы тот ни был. К этому нужно добавить еще одну неожиданную деталь: свободный и легкий литературный стиль Милля. В истории мысли стиль во многом отражает умственные свойства; кто ясно мыслит, обычно и пишет ясно, а люди путаные и непоследовательные обычно и пишут невразумительно. Корявый и вымученный стиль Рикардо отражал путаность и переусложненность его теории. Милль же писал на удивление изящно и ясно, что помогало ему маскировать полную неразбериху, в которой пребывал его интеллектуальный инструментарий. Невнятность принесла Рикардо хотя бы кратковременную популярность, а бесценную помощь в распространении его доктрины оказали такие ясно писавшие авторы, как Джеймс Милль и Джон Мак-Куллох. А Джон Милль стяжал славу и приобрел влияние отчасти благодаря изяществу своего стиля.

Если бы Милль-старший в полной мере сознавал всю меру душевного и интеллектуального отступничества своего сына, он, несомненно, пришел бы в отчаяние. Но он никогда этого не представлял, поскольку Джон рано научился притворяться и на своем третьем десятке, пока отец был еще жив, умело вел двойную игру. Так, например, он прекрасно мог опубликовать статью, восхвалявшую отцовского философского фаворита Иеремию Бентама, и одновременно поместить в другом месте анонимную статью с резкими критическими отзывами о том же Бентаме. Интеллектуальное двуличие Джона резко контрастировало с честной и прямой позицией отца.

Однако, если взять общие итоги карьеры Джона, Джеймс мог бы, как бы странно это ни показалось, в определенном смысле испытать полное удовлетворение. Ибо, несмотря на всю мешанину, несмотря на всю мягкотелую и вялую «умеренность», которая отличала взрослого Джона Милля и до сих пор привлекает умеренных либералов всех поколений, почтение к отцу в конечном итоге возобладало. Когда в сознании Джона

Стюарта Милля произошел окончательный поворот, он перешел — хотя, разумеется, «сдержанно» — на сторону двух отцовских идиологов, Бентама и Рикардо. В сфере философии он отказался от жесткого бентамизма в пользу смягченного, «умеренного» бентамовского утилитаризма. А в сфере экономической теории он не только решительно и открыто объявил себя рикардianцем, но и порадовал дух отца восстановлением рикардianства на троне британской экономической мысли, чего смог добиться благодаря необычайной популярности и авторитетности своих «Основ политической экономии» (1848). Таким образом, хотя Джон Стюарт заменил полноценную демократию умеренной и (что еще тревожнее) заменил отцовский принцип *laissez faire* умеренным этатизмом и социализмом, Джеймс Милль мог бы порадоваться способности сына восстановить положение рикардianства в мире экономической мысли. И впрямь, большие достижения антирикардianцев 1820-х, 1830-х и 1840-х гг. были совершенно забыты, когда Милль восстановил авторитет основанной на издержках, а по сути дела трудовой теории ценности, рикардianской теории ренты, мальтузианской теории заработной платы и народонаселения, а также всего оставшегося рикардianского понятийного аппарата. Не первый и не последний раз в истории экономической и социальной мысли заблуждение отняло у истины господствующую позицию в интеллектуальном мире. Вновь возводя Рикардо на трон экономической теории, Джон Стюарт выполнял, наверное, самое заветное, но и одно из самых ошибочных чаяний и намерений своего отца.

Следует также учитывать, что в тени отца Джон Стюарт жил не одной только психологической жизнью. В 16 лет он поступил в департамент отца в Ост-Индской компании, где многие годы помогал отцу, а после смерти Джеймса в 1836 г. сменил его на руководящем посту. В Ост-Индской компании Джон проработал на полной ставке вплоть до ликвидации компании в 1858 г. и оставшиеся 15 лет жизни получал хорошую пенсию.

8.2. СТРАТЕГИЯ МИЛЛЯ И УСПЕХ «ОСНОВ»

Непосредственной причиной невероятного успеха и влияния «Основ» была триумфальная популярность первой книги Милля «Система логики» (1845); эта книга пользовалась таким вниманием интеллектуалов и широкой публики той эпохи, как никакая другая предшествующая или последующая работа по логике и эпистемологии¹. «Основы» Милля были дальновидно задуманы как основательный, объемистый трактат в духе «Богатства народов», доступный пониманию не только профессиональных экономистов, но и дилетантов. При жизни Милля работа выдержала как минимум семь изданий; помимо этого, она вышла в дешевом «народном» издании, а для американского читателя был подготовлен сокращенный вариант. Вплоть до начала XX в. «Основы» оставались в Англии нормативной работой по экономике.

В чрезвычайно интересной статье профессор де Марчи утверждает, что наблюдаемые в книге Милля путаница, неразбериха и стремление сглаживать острые углы — это сознательная стратегия, избранная с целью сблизиться и примириться с многочисленными противниками рикардианства, заручиться их поддержкой для скрытого восстановления гегемонии рикардианства. Если сформулировать гипотезу де Марчи совсем просто, Милль избрал стратегию двуличия, чтобы запутать противника и побудить его к одобрению хотя бы основных элементов подлинного учения Рикардо. Но если де Марчи прав, тогда в притворной «открытости» Милля для всех точек зрения гораздо больше макиавеллизма, чем принято было считать². Де Марчи отмечает, что с 1829 г. Милль сознательно придерживался стратегии «практического эклектизма», т.е. старался успокоить противников, обезоружить их и на фоне мнимого примирения внушить им, что они «сами собой» встали на ту точку зрения, которую Милль считал правильной; иными словами, он использовал стратегию обмана и двуличия³.

Сложно сказать, в какой мере застарелая и постоянная противоречивость Джона Стюарта Милля, его склонность к оговоркам и перемене мнений объясняется реальной путаницей у него в голове, а в какой — сознательно нечестным и хитроумным влиянием из стороны в сторону. И всегда ли сам Милль отдавал себе в этом отчет? Но как бы то ни было, тактика, видимо, работала, поскольку недруги рикардианства из всех направлений экономической теории были очарованы умело проявляемой Миллем благосклонностью ко всем без разбора. Они, возможно, и не обратились в строгое или даже умеренное рикардианство, но почти все находились под впечатлением череды постоянных уступок, которые Милль делал им и другим. (Почти все, разумеется, кроме Маркса: он, ставя превыше всего принцип партийной принадлежности, излил приличную чашу презрения на «поверхностный синкретизм» Милля и его «попытки примирить непримиримое».) Одни за другими тори, романтики, социалисты и «практичные люди» чувствовали все большее расположение и к самому Миллю, и к его предполагаемым достижениям.

Так, мы уже видели, как Милль ввел в экономическую науку и сумел сделать доминирующей неудачную гипотетическую методологию позитивизма, противостоящую праксеологической системе дедукции из истинных и полных аксиом, которую защищали и практиковали Сэй и Сениор. (Рикардо не сформулировал свои методологические взгляды, но фактически его методом была дедукция из немногочисленных не связанных с реальностью и глубоко дефектных аксиом.) Продвигая свой метод, Милль предложил крайне опасное и ошибочное понятие «экономического человека», которое делало экономическую науку открытой для справедливого обвинения в том, что она не имеет ничего общего с человеческой природой. Но обращение Милля к гипотетическому, сугубо поверхностному и приземленному позитивизму очень нравилось недругам дедуктивной праксеологии.

Скажем, в Кембриджском университете сложилась группа воинствующих индуктивистов бэконовского типа, которые гневно отвергали любой тип абстрактной теории в общественных науках как «ненаучный». Эти воинствующие антитеоретики, считавшие, что правильная теория может состоять лишь в прилежном перечислении и собирании бесчисленных эмпирических «фактов», были предшественниками американского институционализма и немецкой исторической школы. Кембриджскую группу из четырех человек, подружившихся еще во время учебы, возглавлял Уильям Уэвелл (1794—1866), который стал преподавателем, а затем ректором колледжа Св. Троицы, был видным математиком, профессором минералогии, а затем этики в этом колледже и дважды занимал пост проректора в университете. Другим заметным участником группы был Ричард Джонс (1790—1855); он сменил Нассау Сениора на посту профессора политической экономии в лондонском Куинз-колледже, а затем сменил Мальтуса на посту профессора политической экономии и истории в Хэйлибери⁴. Уэвелл, автор трехтомной «Истории индуктивных наук» (1837) и «Философии индуктивных наук» (1840), высокопарно превозносил Бэкона как «верховного Законодателя современной Республики науки», как «Геракла» и «Героя революции» в научном методе.

Однако в итоге Уэвелл был вынужден признать, что индуктивный метод, видимо, не способен подняться выше деструктивного критицизма и приступить к построению хоть какого-то позитивного экономического закона. Возможно, именно поэтому Уэвелл в конце концов пришел к заигрыванию с математическими рикардианскими моделями и занялся флиртом с такой абстрактной экономической теорией, которую долгое время презрительно отвергал⁵.

Милль не смог обратить Уильяма Уэвелла из индуктивизма в позитивизм, но сумел побудить его высказаться об «Основах» в целом одобрительно. Прочие поддавшиеся чарам Милля были авторами из стана тори, издавна враждебными политической экономии и ее доводам в пользу свободной торговли. Так, «Blackwood's Magazine» дал очень положительную рецензию на «Основы», отметив, что их автор питает «неизменный, откровенный, непреходящий интерес... к главнейшим вопросам, впервые вынесенным на обсуждение в связи с социальным положением человека». А Дж. Ф. Янг в контексте яростных протекционистских нападков на экономическую теорию в принадлежавшем к стану тори «Quarterly Review» превознес Милля как «наиболее философичного и непредвзятого представителя современной школы экономистов» — в особенности за позитивистское утверждение Милля, что политическая экономия основана не на истинных, а всего лишь на *частично* истинных допущениях.

Самым заметным отступлением Милля от классической политической экономии вообще и от рикардианства в частности стали его многочисленные уступки социализму и отказ от *laissez faire*. В общем и целом британские классические экономисты не были убежденными сторонниками *laissez faire* — в отличие от Ж.-Б. Сэя и его французской школы, к которой

принадлежали такие фигуры, как Шарль Конт, Шарль Дюнуайе, Фредерик Бастиа, Гюстав де Молилари, и их многочисленные последователи. В Англии решительные сторонники *laissez faire* встречались скорее среди публицистов, интеллектуалов и бизнесменов в Манчестере; таковыми были Ричард Кобден, Джон Брайт и члены недавно добившейся успеха Лиги против хлебных законов. Были подобные люди и в журнале «Economist», который издавал Джеймс Уилсон, особенно такие его штатные авторы, как Томас Годскин (1787—1869) и молодой Герберт Спенсер (1820—1903). Но хотя классические экономисты и не были твердыми приверженцами свободного рынка, они, по крайней мере, двигались в этом направлении; *laissez faire* они считали если не принципом, то, во всяком случае, ориентиром или тенденцией, с которыми они согласовывали свою позицию, пусть лишь частично. Но Милль решительно порвал с этой практикой. Неизменно прибегая к высокопарному морализаторству, Милль положил начало прискорбной интеллектуальной традиции, признававшей, что социализм и даже коммунизм является «идеальной» общественной системой, а затем пускавшей в плач по тому поводу, что идеал, по всей видимости, не может быть достигнут в этом жестоком практическом мире. Защитники капитализма, которые начинают с уступки моральных высот своим оппонентам, обречены на проигрыш социализму всей долгосрочной войны, если уже не самого первого сражения.

Поэтому неудивительно, что представители различных социалистических течений приветствовали «Основы» Милля. Последователи Оуэна, тогда ведущая социалистическая группа в Англии, отзывались о книге очень одобрительно. К похвалам самого Роберта Оуэна (1771—1858) присоединился его сторонник, журналист, лектор и редактор журнала «Reasoner» Джордж Холиоук (1817—1903), восторженно отозвавшийся об «Основах» Милля. «Считалось, — заявил он, — что люди существуют для политической экономии», но теперь, с выходом работы Милля, «политическая экономия наконец-то приспособлена для людей». Холиоук похвалил Милля за то, что тот сказал о коммунизме «больше добрых слов, чем любой политэконом прежних времен», а сам Холиоук перепечатал у себя в журнале длинные выдержки из «Основ», позволив своим читателям из рабочей среды ознакомиться с этой дорогостоящей книгой. А поскольку Холиоук был одним из основателей и старейших пропагандистов кооперативного движения в Англии, его, несомненно, порадовала выдвинутая Миллем идея содружества кооперативов.

Доволен «Основами» был и социалист Торнтон Хант (1810—1873), редактор еженедельника «Leader», главной социалистической газеты Англии после 1850 г. Будучи сторонником общественной собственности и регулирования, Хант особенно приветствовал утверждение Милля, что коммунизм является идеальным общественным строем.

Но даже еще более важной поддержкой этатизма и социализма в «Основах» Милля было его самое антирикардианское утверждение, а именно: если процессы производства подчиняются железным зако-

нам политической экономии, то распределение имеет совершенно субъективный характер, зависит от человеческой воли и договоренностей между людьми. При этих словах Рикардо, чья система основывалась на якобы непреложных законах распределения, должен был перевернуться в гробу. Проведенное Миллем отделение «производства» от «распределения» было совершенно искусственным и ничем не обоснованным, поскольку люди зарабатывают на рынке именно посредством участия в производстве и две эти сферы тесно переплетены. Однако Милль, предложив это разделение, дал жизнь превратному, но до сих пор преобладающему убеждению, что распределение может изменяться фактически волевым образом с помощью налогов, субсидий и прочих этактистских схем, а рынок между тем будет функционировать по-прежнему и исправно выдавать продукцию.

Неудивительно, что моральное преклонение Милля перед кооперативами и коммунизмом встретило самый теплый прием со стороны вновь расцветавшего христианского социалистического движения. Из тройки молодых англикан, возглавлявших христианских социалистов, преподобный Чарльз Кингсли (1819—1875) горячо приветствовал «Основы»; другой лидер, адвокат Джон Малкольм Ладлоу, вознес похвалы в журнале «Fraser's Magazine»⁶. Журнал этот в 1847 г. приобрел Джон Уильям Паркер, который фактически и стал его редактором; Паркер дружил с Кингсли и симпатизировал христианскому социализму. То обстоятельство, что именно Паркеру довелось стать издателем «Основ», никак не способствовало большей сдержанности похвал автора рецензии в журнале «Fraser's».

8.3. ТЕОРИЯ ЦЕННОСТИ И РАСПРЕДЕЛЕНИЯ

Интерпретация теории ценности у Милля выполнена типичным для этого человека образом: сыновнее почтение в многослойной оболочке недоговоренности и путаницы. Трудовая, или основанная на производственных издержках, теория ценности вновь заняла господствующее положение в классической экономической теории, но была снабжена обычной для Милля гроздью уклончивых и страхующих оговорок. Так, Милль согласился с Бейли, что следует признать провалом попытки Рикардо найти недостижимую неизменную меру ценности. Однако при этом он отверг и представление, согласно которому потребление и полезность могут иметь хоть какое-то влияние на ценности, и изъял потребление из его традиционной ниши в ряду базовых частей теоретического текста по экономической теории. «Основы» Милля содержат разделы «Производство», «Распределение», «Обмен» и «Правительство», а о потреблении нет почти ни слова.

Однако, несмотря на всю непоследовательность и путаницу, первоначально смиренный тон Милля внезапно сменился поразительно

самонадеянным убеждением, что его утверждения на все времена останутся последним словом по теории ценности. В пылу заблуждения Милль заявил: «По счастью, в законах ценности не осталось ничего такого, что мог бы прояснить другой нынешний или будущий автор; теория предмета завершена». А ведь он, на свою беду, написал эти слова всего за два десятилетия до «маржиналистской революции», которая полностью перевернула теорию ценности. Но даже если так, все равно человеку столь искушенному в научной методологии и истории науки, каким считался Милль, непростительно было дать поймать себя на подобном заявлении. Шумпетер сообщает нам, что похожей заносчивостью отличается и «Система логики» Милля⁷. Правда, в истории мы не раз сталкиваемся с тем, что мыслитель, обычно гибко меняющий курс и снабжающий оговорками каждую идею и каждое заявление, *тем не менее* настаивает, что в том или ином частном вопросе его слово является непреложной и окончательной истиной.

Восстанавливая гегемонию теории прибыли Рикардо, Милль настаивал на возвращении к мнению Рикардо, согласно которому прибыль зависит от заработной платы и обратно пропорциональна ей. Мудро отдав должное концепции «воздержания», предложенной его другом Нассау Сениором, и согласившись с Сениором в том, что прибыль (процент) — это «вознаграждение воздержания», Милль, однако, сумел ослабить убедительность этого утверждения и каким-то образом вернулся к заявлению, что труд является единственной *причиной* прибыли⁸.

В вопросе о заработной плате Милль тоже вернулся прямоком к Мальтусу, расходясь с ним лишь своей надеждой облегчить мнимую проблему роста населения с помощью энергичного и решительного регулирования рождаемостью. Изменением за полвека стало различие между суровым проповедником и «прогрессивным» феминистом. Александр Грей остроумно и точно оценивает страстные выпады Милля против того, что этот последний считал избыточной рождаемостью: «Когда Милль рассуждает о проблеме роста населения, его голос дрожит от праведного негодования, которое побуждает его к таким буйным высказываниям, каких не найти у Мальтуса. С точки зрения Милля, избыточная рождаемость стоит на одном уровне с пьянством и любым другим физическим излишеством, и виновные в ней подлежат безоговорочному осуждению и достойны презрения»⁹.

Одним из самых значительных шагов Милля в экономической теории стало его традиционно очень эмоциональное и вместе с тем тщательно обставленное оговорками «отречение» от доктрины фонда заработной платы. Заодно с другими классическими экономистами Милль объяснил предложение рабочей силы численностью населения, а затем довольно разумно объяснил спрос на рабочую силу как общую сумму сбережений, или как оборотный капитал, наличный для оплаты труда рабочих, пока продукт не будет произведен и продан; этот наличный объем капитала он и назвал «фондом заработной платы». Это понятие

было использовано, опять же вполне осмысленно, для доказательства того, что, если профсоюзы смогут добиться повышения заработной платы для части рабочей силы, это повышение может произойти лишь за счет понижения заработной платы где-то в другом месте.

В одном важном отношении рассмотрение спроса на труд сквозь призму фонда заработной платы было отходом от позиции Сэя и других экономистов, которые подчеркивали, что спрос на факторы производства и их цены определяются их производительностью в производстве потребительских товаров, желаемых и требуемых обществом. Для Милля этот отход был неотъемлемой частью тонко спланированного возвращения к Рикардо. С другой стороны, в определенной мере доктрина фонда заработной платы была верна: в любой данный момент в наличии имеется фиксированный объем сбережений, направляемых на оплату факторов производства. Поэтому, если в одном месте платят больше под давлением тех, кто предлагает рабочую силу, это неизбежно снижает спрос и оплату в другом. Вместе с тем фонд заработной платы — это, естественно, лишь первое приближение: дело в том, что фонд оборотного капитала в любой данный момент расходуется не только на заработную плату, но и на выплату ренты землевладельцам и процентов (прибыли) капиталистам.

В 1869 г. друг и коллега Милля, высокопоставленный служащий Ост-Индской компании Уильям Торнтон (1813—1880), написал книгу под названием «О рабочей силе» («On Labour»), в которой подверг критике миллевскую концепцию фонда заработной платы. Отчасти книга оказалась насущной попыткой вернуть в теоретическую схему потребительский спрос, особенно *ожидаемый* спрос. Но главная мысль Торнтона состояла в том, что оборотный капитал — это не только фонд заработной платы, но и фонд для выплаты прибыли капиталистам (и, мог бы он добавить, земельной ренты).

Рецензия Милля на книгу Торнтона в «Fortnightly Review» написана слишком энергично, чтобы ее можно было счесть «отречением» или указанием на то, что профсоюзы действительно могут добиться повышения среднего уровня заработной платы. На самом деле, как указывает Шумпетер, Милль просто объяснил свою концепцию более тщательно, подчеркнув то, что и так должно быть очевидно: да, заработная плата может значительно повыситься за счет снижения прибыли до нуля, но в не слишком отдаленном будущем это приведет к невозможности сохранять и тем более наращивать капитал, а следовательно, к обнищанию всех, включая и сам рабочий класс. В этом утверждении нет ничего противоречащего доктрине фонда заработной платы. Следует добавить, что такое же «допущение» по поводу фонда заработной платы на 35 лет раньше сделал Роберт Торренс, и это прошло совершенно незамеченным¹⁰. По сути дела, неверно названная теория «фонда заработной платы» была просто базовой частью основательной и признанной теории капитала Тюрго—Смита¹¹. О том, насколько малое значение Милль придавал

своему «отречению», свидетельствует его неспособность изменить свою концепцию фонда заработной платы в седьмом и последнем прижизненном издании «Основ» (1871): как он сказал в новом предисловии, проблематика вопроса еще не созрела до такого изменения.

Как отмечает профессор Хатт в своей классической работе, создание широко распространенного представления о том, что модификация теории фонда заработной платы прямо ведет экономистов к оправданию тред-юнионизма и коллективных трудовых договоров, было отвлекающим маневром, который Милль предпринял на всякий случай. Адам Смит и Мак-Куллох одобряли коллективные трудовые договоры на том довольно шатком основании, что при заключении сделок на рынке труда работники якобы находятся в «невыгодном» положении. Сам же Милль в «Основах», придерживаясь первоначальной доктрины фонда заработной платы, предложил такое же обоснование, дополненное к тому же рикардианским соображением, что без такого коллективного заключения договоров заработная плата опустится до прожиточного минимума (вновь железный закон заработной платы!). А Генри Фосетт (1833—1884), профессор политической экономии в Кембридже и преданный последователь Милля, хранил верность изначальной версии теории фонда заработной платы и тезису о «невыгодном» положении рабочих как доводу в пользу профсоюзов. Напротив, скажем, Маунтифорт Лонгфилд, предтеча теории предельной производительности, решительно выступал против профсоюзов, считая, что они никогда не смогут добиться повышения общего уровня заработной платы¹².

О неизменной преданности Милля теории сбережений и капитала Тюрго—Смита—Рикардо свидетельствует одно из его известных «фундаментальных положений» по поводу капитала: «Спрос на товары не является спросом на труд». По существу Милль был прав, он справедливо указывал, что большинство экономистов не сумели понять это положение, и выделял двух, Рикардо и Сэя, которые держались того же мнения, что и он. Неудивительно, что современные экономисты, погрязшие в заблуждениях Кейнса, считают это положение «сбивающим с толку». А оно означает, что непосредственный спрос на труд удовлетворяется за счет сбережений — даже при том, что конечный спрос на труд исходит от потребителей. Но и это еще не все. Милль здесь использует фундаментальное открытие Тюрго временной структуры капитала, осознание того обстоятельства, что сбережения идут на оплату факторов производства прежде самого производства и продажи и что потребители являются конечным звеном в производственной цепочке. Кроме того, сбережения формируют структуру капитала и увеличивают фонды, идущие на заработную плату и другие производственные факторы, которые не могут быть оплачены, если заранее не изъять сбережения из дохода, принесенного производителям потребителями. Эта теория капитала стала составным элементом более детально разработанной австрийской теории временной структуры капитала.

Поэтому неудивительно, что Милль поддерживал и закон Сэя, для формулировки которого так много сделал Джеймс Милль¹³. В денежной теории Милль строго придерживался традиции Рикардо и решительно выступал против неконвертируемых <в золото или серебро> бумажных денег. При этом, как мы видели, он изменил этой традиции в пользу банковской школы. И хотя от своего наставника из банковской школы Джеймса Вильсона Милль узнал об ошибочных инвестициях в периоды циклических бумов, особенно в основной капитал, он воспринял также чреватое самыми неприятными последствиями убеждение Вильсона в том, что в циклических бумах и спадах деньги играют пассивную и несущественную роль. Показательно, что этим убеждением Милль воспроизвел единственное несогласие своего отца с Рикардо. Предвосхищая Шумпетера, он считал также, что бумы чрезмерного инвестирования, за которыми следуют корректирующие рецессии, необходимы для экономического роста.

8.4. СДВИГ К ИМПЕРИАЛИЗМУ

Классический либерализм — будь то либерализм, основанный на концепции естественных прав или на утилитаризме, либерализм английский, французский или немецкий — выступал за мирную внешнюю политику⁽¹⁾. Стойкое неприятие войны и империализма было либеральным требованием минимализации государственного вмешательства в сфере иностранных дел, аналогичным требованию минимизации его вмешательства во внутренние дела. Неприятие заграничных больших правительств, высоких налогов и заграничного империализма являлось следствием неприятия таких вещей дома. Даже если классические либералы и не были вполне последовательными сторонниками *laissez faire* во внутренней и внешней политике, в целом они ориентировались на этот принцип. Мир и свободная торговля — две стороны одной политики; наиболее последовательным выражением этого убеждения стали политические принципы и лозунги Ричарда Кобдена, Джона Брайта, манчестерской школы и Лиги против хлебных законов.

В среде английских классических либералов доминировала традиционная идея невмешательства и антиимпериализма. Они справедливо считали колониализм и особые привилегии на инвестирование за границей частью введенных меркантилизмом монопольных привилегий и правил, которые не только не приносят ничего хорошего британскому населению, но и, напротив, приносят ему много плохого. Иеремия Бентам, Джеймс Милль и другие в целом были решительными противниками империализма и считали, что Британия должна предоставить своим колониям независимость. Бентам поначалу включал Индию в этот план эмансипации, но его разубедил Джеймс Милль, занимавший высокий пост в Британской Ост-Индской компании — организации, которая

фактически управляла Индией. Исключение, которое Джеймс Милль делал для Индии, обосновывалось утилитаристским тезисом о «бремени белого человека»: хотя Англия и несет экономический убыток из-за управления Индией, она должна и дальше делать это ради блага индийцев, еще слишком нецивилизованных, чтобы иметь самоуправление. Таким способом Джеймс Милль облакал в альтруистически-утилитаристскую вуаль нередко кровавые репрессии Англии и свою собственную роль в угнетении индийцев.

Милль-старший также предпринял собственную рикардианскую атаку на класс землевладельцев. В соответствии с концепцией Рикардо, считавшего крупных землевладельцев бесполезными и непроизводительными, Милль предлагал ввести специальные налоги на земельную ренту. Занимая высокий пост в Индии, он был убежден, что сумеет воздействовать на местную налоговую и юридическую систему. В частности, он предлагал, чтобы англичане национализировали индийские земли, а государство затем сдало бы их в долгосрочную аренду индийским крестьянам; таким образом, предвосхищая программу Генри Джорджа, государство перевело бы на себя все доходы от земельной ренты. В свою очередь, Джон Стюарт Милль охотно поддержал эту схему.

При всем своем общем антиимпериалистическом настрое Бентам и Джеймс Милль делали исключение также для Ирландии. Тут они уже не ссылались на «нецивилизованность», а просто утверждали, что отпустить Ирландию на свободу будет политически неприемлемо. Странная позиция двух теоретиков, как правило бесстрашно выступавших за непопулярные меры! Впрочем, можно предложить одно гипотетическое объяснение. Английские либеральные и радикальные массы в конце XVIII в. и в XIX в. в общем и целом ориентировались на *laissez faire* — но *лишь до тех пор*, пока тори не сумели разжечь неистовый антикатолицизм в этих диссентерах и неконформистских протестантских евангелистах и тем самым расколоть ряды либералов. Долгое время антикатолицизм оставался настоящим бедствием британского либерализма.

Однако Джон Стюарт Милль изменил сыновнему почтению в этом принципиально важном вопросе и сумел изменить лицо британского либерализма XIX в. В целом антивоенную и антиимпериалистическую (правда, с некоторыми заметными исключениями) либеральную доктрину он превратил в апологию империализма и завоеваний. Вместо того чтобы, подобно своему отцу и другим либералам, призывать к отказу от империи, Джон Стюарт Милль выступал за ее расширение. Более того, в 1838 г. он сыграл решающую роль в ослаблении парламентской партии философских радикалов, расколов ее ряды и поддержав жестокое подавление канадского восстания в том же году.

Милль-младший принял «альтруистический» довод своего отца в отношении Индии и распространил его на все народы третьего мира: все они варвары и должны находиться в подчинении у «благожелательного» деспотизма. Эту жесткую линию он распространял и на Ирландию, сетуя,

что Ирландию нельзя в прямом смысле поставить на колени, поскольку формально она является частью Соединенного Королевства. «Что до меня, то я всегда стоял за хороший крепкий деспотизм, за то, чтобы Ирландия управлялась так же, как Индия», — заявлял он. Будучи сам высокопоставленным служащим Ост-Индской компании, Джон Стюарт Милль утверждал, что управление варварскими колониями вроде Индии гораздо лучше доверить самостоятельным частно-государственным организациям «экспертов», таким как Ост-Индская компания, чем отдать его на произвол Парламента и английской публики. Однако после упразднения компании в 1854 г. Милль не видел никакой проблемы в том, чтобы Парламент назначал комиссии экспертов (таких, как сам Милль) и делегировал им управление Индией.

Хотя Милль-младший неохотно признавал, что просвещенным, населенным белыми колониям следует предоставить независимость, он надеялся, что они останутся под управлением Великобритании. В противоположность отцу и другим либералам он считал, что колонии приносят метрополии экономическую выгоду. Бентам одно время разделял опасения по поводу «избыточного» домашнего капитала, который следовало бы использовать посредством имперской экспансии, но Джеймсу Миллю удалось его переубедить. Будучи приверженцем и фактически соавтором закона Сэя, Милль-старший понял, что по этому закону от перепроизводства или избытка капитала не может быть никаких «излишков»; следовательно, нет никакой необходимости в колониальном или имперском предохранительном клапане. А Джон Стюарт Милль усвоил идею избыточного капитала от своего старого друга Эдварда Уэйкфилда (1796—1862), сына Эдварда Уэйкфилда, философского радикала, дружившего с Бентамом и Джеймсом Миллем.

Уэйкфилд-младший положил начало еретическому проимпериалистическому движению своим «Письмом из Сиднея» (1829), написанным не из Австралии, а из английской тюрьмы, в которую попал за мощенническое похищение молодой наследницы. Этим памфлетом он открыл движение «колониальной реформы», и Джон Милль гордо объявил себя первым единомышленником Уэйкфилда. Милль слишком хорошо усвоил закон Сэя и поэтому не считал, что избыточное производство отчаянно нуждается в заграничных рынках, но в достаточной мере разделял опасения Рикардо насчет падения нормы прибыли и, соответственно, предлагал отсрочить этот день путем поощрения британского инвестирования за границей. Но если Милль полностью признавал закон Сэя, он не должен был бы тревожиться по поводу «избыточного капитала», который нельзя инвестировать внутри страны. А что до снижения нормы прибыли, то тут Милль не смог выйти за рамки схемы Рикардо и понять, что, во-первых, снижение нормы прибыли (т.е. процента) не является неизбежным, поскольку заработная плата не оказывает неизбежного давления на прибыль; не смог он уяснить, что, во-вторых, если норма прибыли со временем снижается, это происходит в результате снижения

уровней временного предпочтения, что отнюдь не трагично и не приводит к депрессии или стагнации, поскольку процент или норма прибыли всего лишь отражают желания и ценности участников рынка. Кроме того, поскольку процентные ставки не определяются акционерным капиталом и не являются обратно пропорциональными ему, нет никаких гарантий, что за границей они будут выше, чем дома, в Англии.

Таким образом, приняв ошибочное мнение Уэйкфилда о неизбежности накопления избыточного капитала в развитых странах, Джон Стюарт Милль подкрепил своим высоким авторитетом столь же ошибочную концепцию, согласно которой капитализм экономически нуждается в империи, чтобы инвестировать избыточные сбережения, или капитал, избавляться от них. Словом, Милль был одним из главных основоположников ленинистской теории империализма.

8.5. ПОСЛЕДОВАТЕЛИ МИЛЛЯ

Кроме того что Милль сумел разоружить немало первоначальных противников учения Рикардо, ему также удалось сделать господствующей свою путаную версию этого учения путем внушения ее молодежи; ведь молодежь всегда, хорошо это или плохо, с наибольшей готовностью принимает новую тенденцию или систему идей. В Кембридже влиятельное тайное Общество апостолов немедленно принялось тщательно изучать и обсуждать «Основы». В 1848 г. к этому Обществу принадлежали: Джеймс Стивен (1829—1894), впоследствии известный журналист и адвокат; Э. Г. Стенли (впоследствии лорд Дерби, 1826—1893), консерватор, дважды занимавший пост министра иностранных дел; Вернон Харкурт (1827—1904), впоследствии член Парламента от Либеральной партии и уэвелловский профессор международного права в Кембридже. Несколько позже, в начале 1850-х гг., в Кембридже появились такие молодые последователи Милля, как брат Стивена Лесли (1832—1904), который одно время преподавал в Кембридже, а затем вышел в отставку и написал ряд книг по истории и философии, в том числе самую свою известную работу, «Английские утилитаристы» в трех томах (1900). К числу последователей Милля принадлежал и Генри Фосетт; несмотря на то что Фосетт на середине третьего десятка потерял зрение в результате несчастного случая на охоте, он стал профессором политической экономии в Кембридже и написал «Руководство по политической экономии» (1856) в помощь студентам и простым читателям, изучающим «Основы» Милля. «Руководство» многие годы использовалось как учебник в английских и американских колледжах, выдержав шесть изданий. Позже Фосетт стал членом Парламента и министром почт.

Хотя Милль не пользовался таким влиянием в Оксфорде, как в Кембридже, можно утверждать, что в начале 1850-х гг. он уже был «классиком и как логик, и как политэконом»¹⁴.

Сильное влияние Милля испытали два молодых экономиста, написавшие хвалебные рецензии на «Основы». Первый, управляющий страховой компанией Уильям Ньюмарч (1820—1882), принял участие в третьем томе «Истории цен» Томаса Тука; второй, Уолтер Бэдджет (1826—1877), впоследствии стал чрезвычайно влиятельным журналистом и видным специалистом в области финансов. Бэдджета особенно радовало то обстоятельство, что Милль своим пагубным отделением «производства» от «распределения» ослабил позиции *laissez faire* в политической экономии. Особенно прискорбно, что циничный полуэстатист Бэдджет, отказавшийся от юридической карьеры ради банковского бизнеса отца, стал зятем Джеймса Уилсона и незадолго до смерти последнего в 1860 г. сменил его на посту редактора журнала «Economist». Эта перемена ознаменовала роковой переход от твердой линии *laissez faire* к эстатистской пропаганде и, в числе прочего, к одобрению возвышения Банка Англии над денежной системой. Бэдджет отверг не только *laissez faire*; потом он все больше отходил даже от экономической теории самого Милля и тяготел к нигилистическому и историцистскому институционализму.

К сожалению, влияние Милля утвердилось не только в Кембридже и Оксфорде, но даже в дублинском колледже Св. Троицы. Почти два десятилетия профессорская кафедра Уотли была там бастионом теории полезности, противостоящим рикардианству. Но в 1851 г. Уильяма Хэнкока в должности профессора на пятилетний срок сменил Ричард Уэлш (1825—1862), который вернулся к основанной на издержках теории ценности, хотя основные его интересы лежали в сфере денежной проблематики. Уэлш окончил колледж Св. Троицы в 1846 г., а его лекции были опубликованы под названием «Вводные рассуждения о металлических деньгах» (1853). Поскольку Уэлш был римокатоликом, он не имел официальной возможности продолжить преподавательскую карьеру дома и, когда срок его профессорства на кафедре Уотли истек, отправился в колонию Маврикий в качестве чиновника, ведающего учетом населения.

Видным преемником Уэлша был Джон Кэрнс (1824—1875), который стал, пожалуй, самым значительным последователем Милля в научных кругах. Кэрнс учился в колледже Св. Троицы, а после окончания был принят в коллегию адвокатов. В 1856 г. он занял кафедру Уотли, а на следующий год приобрел известность самой важной своей работой по экономической теории «Характер и логический метод политической экономии» («The Character and Logical Method of Political Economy»). Поначалу Кэрнс шел по стопам своих предшественников на кафедре Уотли, но затем сломал стереотип, став первым профессором этой кафедры, посвятившим университетской карьере всю жизнь. В 1859 г. Кэрнс получил место профессора политической экономии и юриспруденции в Квинз-колледже (Голуэй, Ирландия) а через семь лет перешел в лондонский Университетский колледж, подав в отставку по болезни в 1872 г.

Кэрнса называют «последним из классических экономистов»; после смерти Милля он приобрел в глазах публики репутацию самого вид-

ного английского экономиста, а в 1874 г. (в книге «Некоторые основные принципы политической экономии» («Some Leading Principles of Political Economy»)) вдруг признался в непонимании революционной теории предельной полезности Стенли Джевонса. Кэрнс был решительным сторонником основанной на издержках теории ценности и единственное заметное отступление от нее допустил лишь в своей хорошо известной «теории неконкурирующих групп». Эта теория признавала, что там, где факторы производства, в частности труд, не находятся в состоянии непосредственной и полной конкуренции друг с другом, цены этих факторов определяются не издержками, а спросом. К сожалению, Кэрнс заимствовал эту теорию из «Лекций по политической экономии» Лонгфилда, не упомянув ее автора. Нам известно, что это произошло не потому, что Кэрнс запамятовал о видном предшественнике: в своих аудиторных лекциях он особо отмечал работу Лонгфилда¹⁵.

В книге «Характер и логический метод...», которая сохраняла ценность дольше прочих работ Кэрнса, он отдал некоторую дань миллевскому позитивизму, но в целом придерживался методологических принципов великой праксеологической традиции Нассау Сениора. Так, соглашаясь с Миллем в том, что в общественных науках невозможны контролируемые эксперименты, Кэрнс добавляет одну весьма существенную вещь: общественные науки тем не менее имеют принципиальное преимущество перед естественными науками. В последних «человечество не имело непосредственного знания конечных физических законов». Законы физики сами по себе не очевидны для нашего сознания и не даны непосредственно; их истинность основана на том обстоятельстве, что они способны объяснять природные явления. Напротив, продолжает Кэрнс, *«экономист начинает со знания конечных причин»*. Почему? Потому, что он понимает: «конечные принципы, регулирующие экономические явления» — это «известные душевные состояния и известные физиологические свойства человеческого организма; материальные условия, при которых совершается производство». Чтобы прийти к этим первичным посылкам экономической теории, «не требуется затруднительный процесс индукции». Нам достаточно «обратить внимание на предмет», и мы получаем «непосредственное знание об этих причинах в нашем собственном сознании, сознании того, что происходит в нашем духе, и из непосредственных впечатлений наших органов чувств». В это широкое и фундаментальное знание побудительных мотивов действия входит и стремление к богатству; каждый знает, «что по мере своего разумения будет стремиться к достижению своих целей кратчайшим путем»¹⁶.

Кэрнс отмечает также, что экономист прибегает к мысленным экспериментам, заменяющим ему лабораторные эксперименты ученого-физика. Он показывает также, что дедуцируемые экономические законы имеют «гипотетический» характер, формулируются по схеме «если... то...» и, далее, необходимым образом носят качественный, а не коли-

чественный характер и, соответственно, не поддаются математическому или статистическому выражению. В предисловии ко второму изданию «Характера и логического метода...», написанном через 20 лет, в 1875 г., Кэрнс предостерегает от растущего применения математического метода в экономической науке и в данном случае справедливо критикует таких авторов, как Джевонс. В отличие от применения математики в естественных науках, в экономической науке математика не способна доставлять новые истины: «Избежать этого вывода можно лишь в том случае, если удастся доказать, что либо акты сознания доступны описанию в точных количественных формах, либо, с другой стороны, экономические явления не зависят от актов сознания». В ходе своих методологических штудий и выступлений против Джевонса Джон Кэрнс подошел к субъективной теории ценности ближе и отошел от Милля дальше, чем, вероятно, сам сознавал.

8.6. КЭРНС И ОТКРЫТИЕ МЕСТОРОЖДЕНИЙ ЗОЛОТА

Главный вклад Кэрнса в конкретный экономический анализ ускользает от внимания современных историков, хотя в свое время был назван особенно «замечательным достижением экономической мысли и экономического исследования». Неожиданное открытие месторождений золота в Калифорнии в конце 1840-х гг. и почти сразу же в Австралии в 1851 г., а также последовавший за этим стремительный рост добычи золота подняли важные вопросы об экономических последствиях этих событий для Британии, и в частности о том, потеряет или нет золотой фунт свою ценность в пересчете на товары. По вполне понятным соображениям сторонники золотого стандарта, антиинфляционисты, старались преуменьшить степень влияния растущего предложения золота на цены, тогда как инфляционисты не без удовлетворения заявляли, что цены, во всяком случае, вырастут значительно. Среди экономистов такие фигуры, как Милль и Торренс, прежде находившиеся на переднем крае полемики денежной и банковской школ, проявили удивительно низкий интерес к новым обстоятельствам. А большинство заинтересовавшихся экономистов заняли примитивную протокейнсианскую позицию, считая, что дополнительные золотые деньги увеличат капитал и занятость, а потому не окажут существенного влияния на цены. Складывается впечатление, что теория денег вообще не была открыта!

Вероятно, самое банальное и нелепое приветствие открытию золотых месторождений исходило от ученика Томаса Тука Уильяма Ньюмарча. Выступая в Британской ассоциации развития науки в 1853 г., Ньюмарч восторженно заявил, что в Австралии «появление дополнительного золота способствовало значительному снижению процентных ставок, изобилию капитала и активизации других значительных и многообразных факторов быстрого развития». Конечный вывод его был таков: «В общем

и целом можно с полным основанием оценить воздействие нового золота как почти полностью позитивное. Золото привело к появлению новых производственных отраслей, к новым открытиям... В нашей собственной стране оно уже повысило уровень жизни трудящегося и бедного населения, ускорило и расширило торговлю, оказало влияние, которое до сих пор благотворно всюду, где оно ощущается»¹⁷.

Этому инфляционистскому (т.е. денежно-инфляционистскому) пу-стословию вторил в торийском журнале «Blackwood's Magazine» сэръ Арчибальд Алисон (1792—1867), видный шотландский адвокат, протекционист и архиинфляционист. Даже профессор Генри Фосетт высказался в том же духе, пытаясь для получения инфляционистских выводов использовать теорию фонда заработной платы. Оптимистично полагая, что новое золото создает новый капитал, он пришел к заключению, что фонд соответствующим образом вырастет и заработная плата повысится. Как сообщает нам биограф Фосетта Лесли Стивен, именно статья Фосетта по этому вопросу «привела к открытию Фосетта». Маркс принял выводы Фосетта со своей позиции и посетовал, что открытие золота в Калифорнии и Австралии продлит живучесть капитализма и отсрочит революционный кризис. «Открытие» Фосетта произвело большое впечатление и на «Economist», которым теперь руководил Бэджет; журнал высокопарно похвалил статью как один из тех «очень редких случаев», когда «на обсуждение экономистов может быть вынесено совершенно новое положение»¹⁸.

С другой стороны, оставалась группа экономистов, которые не затушевывали горькую правду «количественной теории» и указывали, что результатом открытия золотых месторождений станет рост цен, примерно пропорциональный повышению предложения золота; этот рост будет сопровождаться негативными последствиями в сфере распределения, а также напрасной тратой ресурсов при добыче большего количества золота¹⁹. Самые веские предупреждения о ценовых и инфляционных последствиях открытия золотых месторождений исходили от видного французского экономиста и сторонника свободной торговли Мишеля Шевалье (1806—1879). В 1850-е гг. он неоднократно высказывался по этому вопросу, а его книга «О вероятном падении ценности золота» («On the Probable Fall in the Value of Gold») была переведена Ричардом Кобденом и издана в 1859 г. Старинный и преданный сторонник Рикардо, эссеист и поэт Томас Де Квинси (1785—1859) в 1852 г. осудил «Калифорнию и золотую лихорадку», заявив, что «каждая унция австралийского золота... здесь у нас будет совершенно лишней». Представитель банковской школы Бонами Прайс, сменивший Сениора в должности профессора политической экономии в Оксфорде, в 1863 г. осудил «великое золотое отступничество Сити» и отметил, что господствующее мнение финансистов, которые приветствуют открытие золотых месторождений, представляет собой прискорбное возвращение к меркантилистско-инфляционистскому заблуждению.

Самая важная реакция на открытие золотых месторождений последовала со стороны Джона Кэрнса, чей интерес к проблеме разожгли в 1856 г. «невежественные и абсурдные утверждения» Уильяма Ньюмарча и других инфляционистов. В серии статей, опубликованных в 1857—1863 г., Кэрнс начал с количественного анализа, но блестяще вышел за его рамки и воскресил предложенный поздними схоластами и Кантильоном процессный анализ. Он понимал, что «перераспределение доходов» в результате монетарных изменений — это важные элементы общей картины и их не следует замечать под ковер. Кэрнс указал, что золотодобывающая страна первой ощутит эти негативные последствия — рост цен и растрату ресурсов, — а затем, когда новое золото начнет уходить за границу в обмен на товары, негативные последствия будут постепенно «экспортироваться» в другие страны мира. Возражая восторженным инфляционистам, Кэрнс показал, что первой страной, пострадавшей от растраты новообетенных золотых ресурсов, стала Австралия, где процветавшее сельское хозяйство фактически пришло в упадок.

Однако в конце 1850-х гг. английская публика и пресса утратили интерес к этому вопросу. Причина состояла в том, что после финансовой паники 1857 г. цены упали и были лишь чуть выше, чем восемью годами ранее. Со своей стороны Кэрнс справедливо отметил, что за этим лишь незначительным ростом цен скрывается то, что равнозначно существенному обесцениванию золотого фунта — примерно на 20—25%. Как он указал, «учитывая общую благоприятность обстановки, воздействие свободной торговли, отсутствие войны, сокращение кредита [после кризиса 1857 г.] и общую тенденцию к снижению издержек, создаваемую прогрессом знания, цены, если бы не воздействие других причин» должны были бы «в настоящее время заметно снизиться по сравнению с теми, какие были 8—10 лет назад». Иными словами, если бы не золотая инфляция, цены значительно *снизились* бы, а произошедший в действительности их небольшой рост отражал существенное инфляционное обесценивание золотого фунта. Что же, глубокое и правильное понимание сложившегося положения, но слишком уж теоретичное для британской публики, вполне удовлетворенной видимым исчезновением проблемы, поскольку последствия обесценивания не бросались в глаза.

8.7. ГЕГЕМОНИЯ МИЛЛЯ

Таким образом, благодаря интеллектуальному авторитету, созданному десятилетиями личной и фамильной известности, а также работой по логике, благодаря личной убедительности и хитрым стратегическим ходам, использованным в книге, Джон Стюарт Милль сумел сделать свои «Основы политической экономии» доминирующей силой в британской экономической науке начиная с первой публикации в 1848 г. На протяжении трех десятилетий Милль и его «Основы» возвышались, подобно

колоссу, над британской экономической теорией, и, как мы увидим в следующем томе⁽²⁾, Англия смогла противостоять маржиналистской революции Джевонса в 1870-х гг. — во всяком случае, подлинной, неискаженной версии этой революции. Милль сумел навязать Великобритании выхолощенную трудовую или по крайней мере основанную на производственных издержках теорию ценности; путаную позитивистскую методологию, ставшую заложницей индуктивистской и даже органицистской критики; преданность золотому стандарту, скорректированному инфляционистской теорией кризисов и циклов банковской школы, а также добычей золота; и наконец, приверженность к постоянной практике инфляционистского регулирования Банка Англии и манипулирования британской денежной системой. В каждой области Джон Стюарт Милль действительно вывел на первый план систему Рикардо и своего отца, но в гораздо более путаном и «разбавленном» виде. В области государственной политики прежняя рикардянская приверженность принципу *laissez faire* тоже уступила место расплывчатой концепции свободного рынка, которую Милль и его последователи всегда стремились снабдить обильными оговорками, настолько свободными от прежнего классического и рикардянского «догматизма» они себя чувствовали. При всей общей ошибочности системы Рикардо ее конечные положения, во всяком случае, отличались связностью и ясностью, даже если рассуждения, приводившие к этим заключениям, как правило, были запутанными и непоследовательными. А миллевское неорикардянство не имело даже такого достоинства; напротив, эта система, в сущности, представляла собой обманчивую и полную противоречий путаницу. В ней отсутствовали четко сформулированные позиции, а имелись лишь описания общих тенденций, снабженные многочисленными уступками и оговорками. Однако британская экономическая мысль теперь постепенно начинала концентрироваться больше в ученых кругах, чем в среде бизнесменов, банкиров или эксцентричных армейских офицеров, а ученые мужи и их аудитории слишком часто склонны принимать противоречивую нерешительность за сложность, мудрость и благоразумную рассудительность.

8.8. ПРИМЕЧАНИЯ

1. По словам Шумпетера, «Логика» Милля была «одной из великих книг века, представляла собой один из ведущих компонентов *Zeitgeist* <духа времени> и оказала на широкую читающую публику такое влияние, какого не оказало ни одно произведение по логике». Именно благодаря ей в еще большей мере, чем «Принципам», добавляет Шумпетер, «говорят о влиянии Милля на поколение английских интеллектуалов, начавших свою деятельность в 1850-х и 1860-х гг.» Шумпетер отмечает, что интерес к этой книге Милля был велик даже за границей: «Ее можно было найти в крестьянском доме в Ирландии. Одна просвещенная жительница Вены (фабианка или суфражистка), чувствующая себя олицетворением прогресса, называла ее «книгой книг»». Вместе

- с тем Шумпетер со свойственной ему иронией замечает, что эти примеры свидетельствуют не только об огромном авторитете «Логики» Милля в XIX в., но и о том, что «восторженный интерес читателей к этой книге далеко не всегда соответствовал их способности оценить ее объективно» (Schumpeter, *The History of Economic Analysis* (New York: Oxford University Press, 1954), pp. 449, 449n <См.: *Шумпетер Й. История экономического анализа* : в 3 т. М.: Экономическая школа, 2001. Т. 2. С. 589—590, 590сн.>).
2. См.: Neil B. de Marchi, 'The Success of Mill's *Principles*', *History of Political Economy*, 6 (Summer 1974), pp. 119—157.
 3. Ibid., pp. 122, 143.
 4. Двумя другими влиятельными индуктивистами были Джон Хершель (1792—1871), видный математик и астроном, возведенный в рыцарское достоинство, и Чарльз Бэббидж (1792—1871), профессор математики в Кембридже, проглавленный изобретатель вычислительной машины. С кембриджской группой связывают еще одного индуктивиста, Джона Казенова (1788—1879), принадлежавшего к семейству биржевых маклеров. Он долгое время состоял членом Клуба политической экономии и присоединился к нападкам Мальтуса на закон Сэя.
 5. См.: S. G. Checkland, "The Advent of Academic Economics in England", *The Manchester School of Economic and Social Studies*, 19 (Jan. 1951), pp. 59—66.
 6. Третьим предводителем христианских социалистов был преподобный Джон Морис (1805—1872).
 7. Schumpeter, op. cit., note 1, pp. 451, 530 <*Шумпетер. Указ. соч. С. 592*>. Критические замечания Шумпетера тем более весомы, что содержатся в книге, которая в целом, как ни странно, очень благожелательна к Миллю.
 8. Маркс, который, похоже, хорошо понимал, что представлял собой Милль, замечает, что Милль, пытаясь объединить теорию прибыли Рикардо с теорией воздержания Сениора, явно «погряз в абсурдных противоречиях». Бела Баласса в попытке отстоять правоту Милля решительно возражает, называя позицию Милля «синтезом» двух теорий. См.: Bela Balassa, 'Karl Marx and John Stuart Mill', *Weltwirtschaftliches Archiv*, 82 (1959, no. 2), pp. 149 ff.
 9. Alexander Gray, *The Development of Economic Doctrine* (London: Longmans, Green, 1931), p. 283. В доказательство послушаем самого Милля: «Кто встречает хотя бы малейшее осуждение, или, точнее, кто не встречает сочувствия и благожелательности по поводу малейшего зла, которое он, возможно, сам же навлек на себя и своих близких такого рода невоздержанностью? В то время как к человеку, проявляющему невоздержанность в потреблении спиртного, все, считающие себя нравственными людьми, относятся с неодобрением и презрением, одним из главных оснований, используемых в призывах к занимающимся благотворительностью людям, является то, что просящий вспомоществования имеет большую семью и неспособен прокормить ее... До тех пор пока к рождению в семьях большого числа детей не будут относиться с теми же чувствами, с какими относятся к пьянству или любой другой физической невоздержанности, нельзя надеяться на значительное улучшение нравственности. Но что можно ожидать от бедняков, когда аристократия и духовенство первыми подают пример невоздержанности этого рода?» (John Stuart Mill, *Principles of Political Economy* (5th ed., New York: D. Appleton & Co., 1901),

- I, 459, 459n <Милль Дж. С. Основы политической экономии с некоторыми приложениями к социальной философии. М.: Эксмо, 2007. С. 432, 432сн>).
10. См.: Torrens, *On Wages and Combinations* (1834).
 11. См.: Schumpeter, *op. cit.*, note 1, pp. 667—671 <Шумпетер. Указ. соч. С. 878—883>.
 12. См.: W. H. Hutt, *The Theory of Collective Bargaining, 1930—1975* (San Francisco: Cato Institute, 1980), pp. 1—6.
 13. При этом, однако, Милль в «Основах» описал закон Сэя недостаточно точно и тем оставил место для превратного истолкования его Кейнсом столетие спустя. См.: W. H. Hutt, *A Rehabilitation of Say's Law* (Athens, Ohio: Ohio University Press, 1974), pp. 24—26.
 - (1). См., например: Доусон У. Манчестерский либерализм и международные отношения: Ричард Кобден о внешней политике. М.; Челябинск: Социум, 2019; Мизес Л. фон. Либерализм. М.; Челябинск: Социум, 2018. Гл. 3: Либеральная внешняя политика.
 14. См.: de Marchi, *op. cit.*, note 2, p. 154.
 15. В 1861 г. на кафедре Уотли Кэрнса сменил Артур Хьюстон (1833—1914), последний ее профессор при жизни архиепископа. Он продолжил новую традицию Милля—Кэрнса, основывающую ценность на издержках. В работе «Принципы ценности при обмене» («Principles of Value in Exchange», 1864) Хьюстон утверждал, что «чистые издержки производства» — это главная детерминанта ценности, и даже попытался вывести математически выраженную «единицу жертвы», которой можно измерять эти издержки. Критиковать эту теорию, как заметил Блэк, «было бы делом совершенно излишним». См.: R. D. C. Black, 'Trinity College, Dublin, and the Theory of Value, 1832—1863', *Economica*, n. s. 12 (August 1945), p. 148. Хьюстону принадлежат также работы по сравнительному правоведению и английской драматургии. См.: J. G. Smith, 'Some Nineteenth Century Irish Economists', *Economica* n. s. 2 (Feb. 1935), pp. 30—31.
 16. J. E. Cairnes, *The Character and Logical Method of Political Economy* (2nd ed., London: Macmillan, 1875) pp. 83—87, 88 <См.: Кэрнс Д. Э. Логический метод политической экономии. Основные принципы. Ценность. Международная торговля. («Библиотека экономистов-классиков» (отрывки работ). Вып. 10). М.: Издательство К. Т. Солдатенкова, 1898>.
 17. Цит. по: Crauford D. Goodwin, 'British Economists and Australian Gold', *Journal of Economic History*, 30 (June 1970), p. 412.
 18. *Ibid.*, p. 414, 414n.
 19. Однако с *немонетарной* точки зрения рост предложения золота для промышленных и потребительских нужд не является «напрасной тратой», и эту точку зрения нельзя не учитывать. Также нет «напрасной траты» в рамках общего поддержания наиболее полезного товарного стандарта (золото) в качестве денег, которые вместо государства производит рынок.
 - (2). Этот том остался ненаписанным по причине смерти автора в 1995 г.

ГЛАВА 9

КОРНИ МАРКСИЗМА: МЕССИАНСКИЙ КОММУНИЗМ

9.1. РАННИЙ КОММУНИЗМ

299

На протяжении столетий пресловутый идеал коммунизма представал перед миром в мессианском и хилиастическом облике. Многочисленные провидцы, и особенно Иоахим Флорский, пророчили, что конечным состоянием человечества будут совершенные гармония и равенство, что тогда все будет общим, никому не придется работать и не потребуются разделение труда. Конечно, у Иоахима Флорского проблемы производства и собственности, а на самом деле редкости вообще «решались» за счет того, что человек освобождался от физического тела. Если представить людей как чистых духов, как равных и гармоничных бестелесных существ, которые проводят все время в восхвалении Бога, то за этой теорией еще можно признать некоторую логичность. Но совсем другое дело — коммунистическая идея применительно к телесному человечеству, по-прежнему нуждающемуся в производстве и потреблении. Но так или иначе, коммунистический идеал продолжал преподноситься в виде религиозной, милленаристской доктрины. В первом томе мы говорили об огромном влиянии, которое она оказала на анабаптистское крыло Реформации в XVI в. Хилиастическими и коммунистическими мечтаниями вдохновлялись в период гражданской войны в Англии в середине XVII в. различные маргинальные протестантские секты, в частности «диггеры», «рантеры» и «люди пятой монархии».

Среди протестантских сектантов эпохи гражданской войны самым значительным предтечей марксистского коммунизма был основатель движения диггеров Джерард Уинстенли (1609—1660), удостоившийся многих похвал от марксистских историков. Отец Уинстенли торговал тканями; молодой Джерард пошел подмастерьем в текстильную торговлю и в конце концов сам стал торговцем. Однако его дело прогорело, и в 1643—1648 гг. ему пришлось опуститься до положения наемного сельскохозяйственного работника. По мере подъема протестантской революции в 1640-х гг. Уинстенли занялся сочинением памфлетов мистико-мессианского свойства. К концу 1648 г. его хилиастическая доктрина включала в себя всемирный коммунизм, при котором все имущество является общим. Теологической основой было еретическое, пантеистическое представление, согласно которому Бог присутствует в каждом

мужчине и в каждой женщине и не является отдельной от человека персонифицированной сущностью. Это пантеистическое божество требовало «сотрудничества» — под которым Уинстенли понимал не рыночную экономику, а принудительный коммунизм, — тогда как противоположное кредо дьявола поощряло индивидуалистический эгоизм. Уинстенли учил, что Бог, тождественный высшему разуму, сотворил Землю, но потом дьявол породил своекорыстие и институт частной собственности. Вдобавок он утверждал явную нелепость — будто в Англии до нормандского завоевания 1066 г. собственность была общей, а институт частной собственности возник в результате этого завоевания. Соответственно, он призывал возвратиться к этой якобы изначальной коммунистической системе¹.

В заключительной, наиболее полно изложенной версии своего учения, «Закон свободы в его основе, или Истинное правление восстановленное» (1652), Уинстенли изображает по преимуществу аграрное общество, где все имущество является общей собственностью, а наемный труд, всякая коммерция и торговля полностью запрещены. Любая продажа или покупка товаров карается смертью как измена коммунистической системе. Деньги будут совершенно не нужны, поскольку не будет торговли, и, соответственно, тоже подлежат запрещению. Правительство создаст склады для сбора и распределения всех продуктов, а «уклонистов» ждут суровые наказания. К этому времени пантеизм Уинстенли начал трансформироваться в атеизм: профессиональное духовенство будет объявлено вне закона, соблюдение субботы отменено, «священники» будут избираться голосованием и читать исключительно светские проповеди, разъясняющие достоинства коммунистической системы. Образование станет бесплатным и обязательным, а большинство детей будут приучать к полезным ремеслам — своего рода провозвестие прогрессистской концепции образования. Чтение книг, которое необразованный Уинстенли считал занятием гораздо менее полезным, чем приобретение практических профессиональных навыков, приветствоваться не будет.

Стратегический план коммунистической победы Уинстенли видел в том, что группы его последователей, диггеров, мирно перейдут на пустующие или общинные земли и создадут там коммунистические сообщества. В апреле 1849 г. первая группа диггеров под его личным руководством, отправилась на пустующие земли южнее Лондона, и в течение следующего года там возникли 10 поселений. В первой коммуне насчитывалось лишь 30 диггеров, а в других коммунах по всей стране — в совокупности лишь несколько сотен. Уинстенли рассчитывал, что эти эгалитарные коммунистические поселения окажут вдохновляющее действие на массы и эти последние откажутся от наемного труда и частной собственности, последуют в поселения диггеров и тем самым вызовут ликвидацию рынка и частной собственности. Однако оказалось, что массы относятся к коммуна диггеров крайне враждебно, и это привело к быстрому упадку коммун. В 1652 г., когда появился *magnum opus*

Уинстенли, он тщетно просил диктатора Оливера Кромвеля ввести заветную систему сверху, поскольку надежда на стихийное участие масс в создании такой системы вскоре продемонстрировала свою несостоятельность перед лицом реальности.

Еще одной мистической коммунистической сектой времен гражданской войны были полубезумные рантеры. Они принадлежали к числу классических антиномистов, т.е. верили, что все люди автоматически спасены благодаря существованию Иисуса, а потому могут не повиноваться никаким законам и попирают все правила морали. Более того, в среде рантеров считалось правильным и желательным совершать как можно больше грехов. Это, по их убеждению, доказывало свободу от греха и очищало людей от ложного обвинения в греховности: для чистых сердцем все вещи чисты. Подобно Иоахиму Флорскому и анабаптистам эпохи Реформации, рантеры проповедовали пришествие эры Святого Духа, который присутствует в каждом человеке. Главное их отличие от кальвинистов и пуритан состояло в том, что в этих последних, более ортодоксальных вероисповеданиях действие Святого Духа тесно увязывалось со Словом Божьим, т.е. с Библией. Но для рантеров, как и для других групп Внутреннего света, все черти, как говорится, были на одно лицо. Это тоже склоняло рантеров к пантеизму: как заявлял один из их лидеров, «сущность Божья равно проявляет себя и в листке плюща, и в самом славном ангеле».

Поэтому рантеры сочетали веру в коммунизм с полнейшей половой распущенностью, позволявшей иметь общих женщин и устраивать общие оргии гомосексуального и гетеросексуального характера².

9.2. СЕКУЛЯРИЗОВАННЫЙ МИЛЛЕНАРИСТСКИЙ КОММУНИЗМ: МАБЛИ И МОРЕЛЛИ

Во время бурных событий Французской революции коммунистические идеалы и милленаристские пророчества вновь заявили о себе как о славных целях человечества, но на сей раз преимущественно в секулярном контексте. И перед новыми секулярными пророками коммунизма встала трудная проблема: какими средствами будет осуществлено это социальное преобразование? Для религиозных хилиастов никогда не стоял вопрос о средствах, т.е. о том, как произойдут великие перемены. На помощь придет рука Провидения либо в виде Второго пришествия Иисуса Христа (так полагали предмилленаристы), либо в виде избранных пророков и авангардных групп, которые положат начало тысячелетнему периоду в предвосхищении окончательного возвращения Иисуса (так считали постмилленаристы). Представителями этого последнего убеждения были Ян Бокельсон и Томас Мюнцер. Но если христианские милленаристы всецело полагались на руку Провидения для гарантированного осуществления своих целей, то чем могли обосновать свою уверенность

секуляристы? Кажалось, они будут вынуждены удовольствоваться лишь просвещением и увещанием.

Задача секуляристов осложнялась еще тем обстоятельством, что религиозные милленаристы рассматривали конец истории и достижение своей цели сквозь призму кровавого Апокалипсиса. Царство тысячелетнего мира и гармонии может установиться только в ходе периода «бедствий», в итоге последней войны добра со злом, ведущей к окончательной победе над Антихристом³. Отсюда следовало, что, если светские коммунисты хотят подражать своим христианским предшественникам, им придется достигать цели путем кровавой революции, а это всегда в лучшем случае трудно. Поэтому неудивительно, что неистовые дни Французской революции способствовали подъему таких революционных надежд и устремлений.

Первые светские коммунисты появились в середине XVIII в. во Франции в облике двух независимых индивидуумов. Идеи этих двух людей впоследствии подхлестнули революционное движение в напряженной атмосфере и внезапных всплесках Французской революции. Одним из них был аристократ Габриэль Бонно де Мабли (1709—1785), старший брат сторонника *laissez faire* и либерального философа Этьена Бонно де Кондильяка. В противоположность брату Мабли всю жизнь писал труды по самым разнообразным предметам⁴, и эти труды, как не без иронии замечает Александр Грей, «прискорбно многочисленны и объемны». Многословные и туманные сочинения Мабли пользовались удивительной популярностью в его время, а в течение нескольких лет после его смерти вышли четыре разных собрания сочинений, насчитывавшие от 12 до 26 томов.

Главная идея Мабли состояла в том, что все люди «совершенно» равны и одинаковы, что все люди повсюду одни и те же. Он заявлял, что распознал эту истину в законах природы. Так, в своей главной работе «*Doutes proposés*» (1786), критикуя либеральную теорию естественных прав Мерсье де ла Ривьера, Мабли берет на себя смелость выступить от имени Природы: «Природа говорит нам... Я люблю вас одинаково»⁵.

Как и большинство последующих коммунистов, Мабли столкнулся с одной из самых трудных проблем коммунизма: если все имущество находится в общем владении и все люди равны, то нет стимула работать, поскольку работа обогащает не самого работника, а общественное хранилище. Мабли особенно волновала эта проблема, поскольку он утверждал, что коммунизм был естественным и изначальным состоянием человека, а частная собственность появилась, чтобы испортить это состояние бездельем тех, кто желал жить за счет других⁶.

Предложенные им решения этой тягостной проблемы вряд ли можно назвать приемлемыми. С одной стороны, он предлагал, чтобы все затянули пояса, хотели меньше, довольствовались спартанским аскетизмом. Другим решением было то, что впоследствии Че Гевара и Мао Цзедун называли «моральными поощрениями»: примитивное материальное вознаграждение нужно заменить признательностью общества

в виде знаков отличия, медалей и тому подобного. Александр Грей отмечает, что Мабли тоже хотел использовать такие «знаки отличия» или «почетные грамоты к дню рождения», чтобы побудить всех работать. По мнению Грея, чем больше таких «знаков отличия» раздается в виде стимулов, тем меньше они кого-либо выделяют и тем меньше к чему-либо побуждают. Кроме того, Мабли не объясняет, «как и кем должны присуждаться эти знаки отличия».

Грей добавляет, что в таком коммунистическом обществе многие люди, *не получающие* почетных знаков, будут, вероятно, раздосадованы и возмущены такой несправедливостью, хотя «их рвение не ослабевает»⁷.

Таким образом, два решения Габриэля де Мабли продиктованы надеждой на чудесное изменение человеческой природы; впоследствии марксисты связывали такое изменение с появлением нового социалистического человека, готового ограничить свои желания и считать стимулами к работе требования коллектива или получаемые от него грошовые знаки отличия. Но при всей своей приверженности коммунизму, Мабли в глубине души был все же реалистом и поэтому не рассчитывал на торжество коммунизма. Напротив, считал он, человек настолько погряз в грехе своекорыстия и частной собственности, что реально возможны только паллиативные меры в виде принудительного распределения и всякого рода запретов. Поэтому нисколько не удивляет, что Мабли оказался неспособен вдохновить и активизировать зарождение и рост революционного коммунистического движения.

Если Габриэль де Мабли был пессимистом, то этого нельзя сказать о Морелли; о нем самом мало что известно, но его опубликованное в 1755 г. и выдержавшее к 1773 г. еще пять изданий сочинение «Кодекс природы» («Le Code de la Nature») оказалось весьма влиятельным. Морелли нисколько не сомневался в осуществимости коммунизма; он не видел проблемы в уклонении от труда или в отсутствии стимулов. Иными словами, он не считал нужным изменять природу человека или создавать нового социалистического человека. Несколько вульгаризируя Руссо, Морелли полагал, что люди в общем и целом добры, альтруистичны и преданны труду. Дело лишь в упадочных и порочных институтах — главным образом в институте частной собственности; стоит только отменить их, и естественная добродетельность человека тут же возьмет верх. (Вопрос: а кто же создал эти негодные институты, если не человек?) Ликвидируй-те частную собственность, и преступления исчезнут.

С точки зрения Морелли, организация коммунистической утопии тоже не составляет проблемы. Министерство труда и министерство потребления с легкостью решат, что кому надлежит делать и сколько товаров и услуг удовлетворят его потребности. Для Морелли все это сводилось к тривиальным вычислениям, к составлению перечня вещей и людей. В этом плане он является предшественником Маркса и Ленина, которые сводили колоссальные проблемы социалистического администрирования и распределения просто к бухгалтерскому учету.

Но на самом деле все оказывается далеко не так просто. Мабли, пессимист в отношении человеческой природы, явно хотел, чтобы все совершалось на основе добровольности индивидуальных действий. А заведомый оптимист Морелли был готов применить жесткие принудительные меры, чтобы все «добрые» граждане соблюдали порядок. И вновь, как у Мабли, распоряжения коммунистического государства непосредственно диктовала Природа, веления которой открылись для Морелли. Он разработал сложное устройство предполагаемого государства и общества, устройство, основанное, насколько можно судить, на четких велениях закона природы, которые в подавляющем большинстве должны быть неизменными и вечными; это Морелли считал принципиально важным условием своего проекта.

В частности, не должно быть никакой частной собственности помимо необходимой для повседневных нужд: каждый человек поддерживается и нанимается коллективом, каждый обязан работать, обязан вносить посильный для него взнос в общественную кладовую и при соблюдении этого условия получает из нее то, в чем нуждается; дети воспитываются всем сообществом и получают совершенно одинаковые пищу, одежду и обучение. Философские и религиозные доктрины совершенно запрещены, никакие различия недопустимы, дети не должны быть испорчены никакими «баснями, сказками или смехотворными вымыслами». Все здания должны быть одинаковыми и объединенными в одинаковые кварталы; одежда должна изготавливаться из одной и той же ткани. Занятия должны быть ограниченными и четко назначенными государством.

Наконец, все эти законы должны быть священными и нерушимыми; всякий, кто попытается изменить их, подлежит пожизненному заключению.

Подобно всем коммунистическим утопиям, государства Мабли и Морелли, по словам Александра Грея, таковы, что «никакой человек в здравом уме не согласится жить в них ни при каких условиях, если есть возможность избежать этого». Помимо полного отсутствия в утопиях всяких стимулов для производства и изобретательства, «жизнь там становится совершенно статичной... там ничего не происходит и в принципе не может произойти»⁸.

Нужно добавить, что эти утопии представляли собой ухудшенные секуляризованные версии идей христианских милленаристов. По представлениям последних, Иисус Христос (или, как вариант, его доверенные лица и предшественники) возвращается в земную жизнь с целью положить конец истории, и благодатность этого момента достаточно велика, чтобы славить Бога, не беспокоясь об отсутствии земных перемен. Как мы видели, именно так представлялось Иоахиму Флорскому Тысячелетнее царство с бестелесными людьми. А в светских утопиях царят (в лучшем случае) унылая серость и застой, абсолютно претящие земной человеческой природе.

Между тем, однако, христианский милленаризм тоже возрождается в эти бурные времена. Так, в середине XVIII в. швабский пиетист Иоганн Кристоф Этингер проповедовал пришествие всемирного теократического царства святых, членов тысячелетнего христианского государства, у которых все общее и нет ни рангов, ни имущества. Особенным влиянием у позднейших немецких пиетистов пользовался Луи Клод де Сен-Мартен (1743—1803); в первой своей книге (1773), получившей широкую известность, «Des Erreurs et la Verité» («Заблуждения и истина»), он описал «внутреннюю церковь избранных», которая существует с незапамятных времен и придет к власти в наступающей новой эпохе. Эта мартинистская тема была подхвачена розенкрейцерами, особенно многочисленными в Баварии. В XVII—XVIII вв. баварские розенкрейцеры занимались главным образом алхимической мистикой, но затем стали все больше говорить о том, что в приближающуюся тысячелетнюю эпоху мировая власть перейдет к внутренней церкви избранных. Самый видный баварский розенкрейцер Карл фон Эккартсхаузен затронул эту тему в двух широко известных книгах — «Сведения о магии» (1788—1792) и «О совершенствовании» (1797). В этой последней книге он предположил, что внутренняя церковь избранных восходит ко временам Авраама и движется ко всемирному государству, которым будут управлять хранители божественного света. Эта третья и последняя эпоха истории, эпоха Духа Святого, уже близка. Само собой разумеется, просветленными избранными, назначенными управлять новым общим миром, были члены ордена розенкрейцеров, поскольку о приближения третьей эпохи неопровержимо свидетельствовало быстрое распространение мартинизма и самого розенкрейцества.

В 1780—1790-х гг. эти движения действительно распространялись. Прусский король Фридрих Вильгельм II и значительная часть его приближенных в конце 1780-х гг. обратились в розенкрейцерство. Точно так же десятилетием позже поступил русский царь Павел I под впечатлением от чтения Сен-Мартена и Эккартсхаузена, которых он считал носителями божественного откровения. Влияние Сен-Мартена подкреплялось еще тем, что он возглавлял масонов шотландского обряда в Лионе и был главной фигурой так называемого апокалиптико-христианского направления масонства⁹.

9.3. ЗАГОВОР РАВНЫХ

В разгар французской революционной смуты один молодой журналист из Пикардии, вдохновившись сочинениями Мабли и Морелли, решил создать тайную революционную организацию для установления коммунизма. В стратегическом плане это был шаг вперед по сравнению с двумя идейными основоположниками, которые могли лишь разъяснить свои цели, но не представляли, как их достичь. Франсуа Ноэль («Гай Гракх»)

Бабеф (1764—1797), журналист и комиссар по земельным сделкам в Пикардии, приехал в Париж в 1790 г. и погрузился в напряженную революционную атмосферу. К 1793 г. Бабеф стал убежденным сторонником экономического равенства и коммунизма. Два года спустя он основал тайную организацию «Союз равных», сложившуюся вокруг его новой газеты «Народный трибун». «Трибун», как и ленинская «Искра» столетием позже, задавал линию поведения для соратников Бабефа и для тех, кто ему сочувствовал. По словам Джеймса Биллингтона, «Трибун» «был первой в истории газетой, которая стала легальным органом нелегальной революционной организации»¹⁰.

Предельным идеалом Бабефа и его тайного общества было абсолютное равенство. Природа, как были убеждены сторонники Бабефа, требует полнейшего равенства. Любое неравенство несправедливо, поэтому необходимо ввести общность имущества. В «Манифесте равных», который был написан одним из ближайших сподвижников Бабефа Сильвеном Маршалем, эта идея высказывалась с полной ясностью: «Мы хотим равенства или смерти — вот чего мы хотим». Затем «Манифест» провозглашал: «Ради него мы согласны на все; согласны смести все. Пусть исчезнут, если надо, все искусства, только бы нам осталось подлинное равенство».

В идеальном коммунистическом обществе, о котором мечтали заговорщики, частная собственность ликвидируется, все имущество обобществляется, передается на общественные склады и с них распределяется «по справедливости». Распределением ведает начальство. Выходит, в пресловутом «мире равенства» все-таки должны быть вышестоящие! Труд должен быть принудительной обязанностью, «служением отечеству... с помощью полезной работы». Лица, занимающиеся преподаванием и наукой, «должны предоставить свидетельство о благонадежности». «Манифест» признавал, что это повлечет за собой гигантское, но неизбежное расширение бюрократического аппарата в коммунистическом мире, где «отечество завладевает человеком со дня его рождения и не покидает до самой смерти». Суровые наказания в виде каторжного труда будут применяться «к лицам обоего пола, подающих обществу вредный пример отсутствия у них гражданского сознания, пример праздности, роскошного образа жизни и распущенности». Эти наказания, расписанные, по словам одного историка, «с любовью и в больших подробностях»¹¹, в целом сводились к высылке на каторжные острова.

Отношение к свободе слова и свободе печати тоже вполне предсказуемо. Пресса не смеет «ставить под вопрос справедливость равенства» и втягивать республику «в нескончаемые и роковые дискуссии». Кроме того, «никто не может высказывать взгляды, находящиеся в прямом противоречии со священными принципами равенства и народного суверенитета». По сути, писанный текст разрешается печатать лишь при условии, что «бюстители воли нации считают, что его опубликование может принести пользу республике».

Во всех коммунах трапезы должны быть общими, а присутствие на них — обязательным для всех членов. Кроме того, получить «дневной рацион» можно только в местности проживания; единственное исключение делается для тех, кто «перемещается с разрешения администрации». Все private развлечения «строжайшим образом запрещены» — «из опасения, как бы воображение, освобожденное от надзора строгого судьи, не породило вскоре ужасных пороков, столь противоречащих общему благу». А если говорить о религии, «все так называемые откровения должны быть изгнаны законами».

На позднейший марксизм-ленинизм сильно повлияла не только эгалитарная коммунистическая цель Бабефа, но и его стратегическая теория и практика конкретной организации революционной деятельности. У богатых, объявили приверженцы Бабефа, нужно все отнять, а бедных поддержать за счет богатых. Самое главное, революцию во Франции нужно «довести до конца» или совершить повторно; необходимо полнейшее потрясение основ (*bouleversement total*), полнейшее разрушение существующих институтов, только тогда из этих обломков можно будет построить новый и совершенный мир. В своем собственном «Плебейском манифесте» Бабеф заявил: «Пусть все превратится в хаос и пусть из этого хаоса возникнет новый, возрожденный мир»¹². Этот манифест, опубликованный в ноябре 1795 г., чуть раньше «Манифеста равных», стоит первым в ряду революционных манифестов, который полвека спустя достигнет апогея в «Манифесте Коммунистической партии» Маркса.

В двух манифестах отразилось существенное различие между Бабефом и Маршалем, которое могло бы привести движение к расколу, если бы оно вскоре не было разгромлено. В «Плебейском манифесте» Бабеф начал склоняться к христианскому мессианству: он отдавал должное не только Моисею и Иисусу Навину, но в особенности и Иисусу Христу, как его, Бабефа, «соратнику». В тюрьме Бабеф написал «Новую историю жизни Иисуса Христа». Однако большинство членов тайного общества были воинствующими атеистами, обозначавшими себя претенциозной аббревиатурой l'HSD (l'Homme sans Dieu, «человек без Бога»).

Помимо идеи революционного заговора, Бабеф, впечатленный возможностями вооруженной борьбы, стал подумывать о народной партизанской войне, о революции, которую совершают особые «фаланги» людей, чьей постоянной целью является революция; таких людей Ленин потом назовет «профессиональными революционерами». Вынашивал Бабеф и мысль о военизированных отрядах, которые создают базу в определенной местности и постепенно расширяют зону своего влияния: «Возрастая в числе и объединяясь по мере приобретения территории, мы должны укрепляться организационно».

Расчет на тайный внутренний круг заговорщиков, на сплоченную группу профессиональных революционеров — вот что, несомненно, придавало стратегической концепции Бабефа поразительную парадоксальность. Во имя гармонии и полнейшего равенства революционеры

должны безоговорочно подчиняться высшему руководству; члены тайной организации призваны навязывать свою волю массам. Верховный руководитель, возглавляющий всевластных бойцов, должен в подходящий момент подать сигнал к введению в обществе полного равенства. Революция совершается для того, чтобы сделать ненужными дальнейшие революции, а всемогущая иерархия необходима якобы для того, чтобы навсегда покончить со всякой иерархией.

Но сам Бабеф, как мы видели, не усматривал в этом никакого парадокса и не имел намерения уничтожить иерархию. Гимны «равенству» были достаточно жалкой попыткой закамуфлировать подлинную цель — абсолютную и постоянную диктатуру, или, если вспомнить яркий образ Оруэлла, «ботинок, втоптаный в лицо человека, — навсегда».

Когда в конце февраля 1796 г. начались репрессии, члены тайного общества равных ушли в еще более глубокое подполье и месяцем позже учредили Тайную директорию общественного спасения. Семь директоров тайно встречались каждый вечер, принимали общие анонимные решения, а затем каждый член этого центрального комитета передавал указания 12 «инструкторам», возглавлявшим значительную повстанческую группу в одном из 12 районов Парижа. Таким путем заговорщики смогли мобилизовать 17 тыс. парижан, но раскрыли себя, поскольку тайный директорат очень хотел завербовать сторонников в армии. По доносу Бабеф был арестован 10 мая 1796 г. и на следующий год казнен, а тайное общество подверглось разгрому.

Однако после репрессий почти всегда остаются способные к восстановлению очаги инакомыслия, и факел революционного коммунизма перешел в руки бабувиста, арестованного вместе с лидером, но избежавшего казни. Филиппо Джузеппе Мария Лодовико Буонарроти (1761—1837) был старшим сыном в аристократическом, но обедневшем флорентийском семействе и потомком великого Микеланджело. Когда в начале 1780-х гг. Буонарроти изучал право в Пизанском университете, он попал под влияние имевшихся на факультете последователей Морелли. Он зарекомендовал себя как радикальный журналист и издатель газеты, а затем участвовал на стороне революционных французов в сражениях против итальянских войск. Весной 1794 г. Буонарроти был назначен начальником администрации оккупированного французами итальянского города Онелья. Он объявил местным жителям, что все люди должны быть равными и проведение какого-либо различия между ними есть попрание природного закона. По возвращении в Париж он успешно защищал себя на процессе по обвинению в применении террора в Онелье, а потом вступил в тайное общество Бабефа. Знакомство с Наполеоном позволило Буонарроти избежать казни; вскоре он вышел из тюрьмы и впоследствии поселился в Женеве.

Всю вторую половину своей жизни Буонарроти был тем, кого современный его биограф называет «первым профессиональным революционером», стремившимся организовать революции и тайные организации

по всей Европе. Перед казнью Бабефа и других Буонарроти торжественно обещал своим товарищам подробно описать их деятельность и выполнил это обещание; в возрасте 67 лет он опубликовал в Бельгии «Заговор равных Бабефа» (1828). О Бабефе и его соратниках к тому времени уже давно никто не вспоминал; обширная книга Буонарроти стала первой и самой бескомпромиссной историей идей и деяний Бабефа. Она служила источником вдохновения для революционных и коммунистических групп и прекрасно продавалась: английский перевод 1836 г. за короткое время разошелся тиражом 50 тыс. экземпляров.

Размышляя о прежних неудачах революционеров, Буонарроти утверждал: после победы революционных сил власть должна сразу же переходить к сильной элите. Иными словами, власть революции следует немедленно переводить в распоряжение «сильной, неизменной, просвещенной и нестигаемой воли», которая «обратит все силы народа против внутренних и внешних врагов» и очень постепенно подготовит народоправие. Буонарроти объяснял такую необходимость тем, что «люди не способны ни переродиться самостоятельно, ни правильно выбрать тех, кто должен руководить перерождением».

9.4. РАСПРОСТРАНЕНИЕ КОММУНИЗМА

На 1830—1840-е гг. приходится распространение мессианских и хилиастических коммунистических и социалистических групп по всей Европе; в первую очередь это относится к Франции, Бельгии, Германии и Англии. Последователи Оуэна, Кабе, Фурье, Сен-Симона и многих других множилось и взаимодействовали, и нет необходимости детально рассматривать эти течения или их специфические разновидности¹³. Хотя уроженец Уэльса Роберт Оуэн (1771—1850) впервые использовал слово «социалистический» в печатном тексте в 1827 г. и играл со словом «коммунистический», наиболее распространенным обозначением новой системы в конечном итоге стало слово «коммунистический». Впервые оно появилось в популярном утопическом сочинении Этьена Кабе «Путешествие в Икарию» (1839)¹⁴ и с необыкновенной быстротой распространилось по всей Европе; этому способствовало появление регулярного почтового сообщения с помощью пароходов и первых телеграфных линий. Когда Маркс и Энгельс в знаменитой первой фразе своего итогового «Манифеста Коммунистической партии» написали, что «призрак бродит по Европе — призрак коммунизма», эти слова звучали как риторическое преувеличение, но тем не менее были недалеки от истины. Как отмечает Биллингтон, магическое слово «коммунизм» «распространялось по континенту со скоростью, абсолютно небывалой в истории таких вербальных эпидемий»¹⁵.

В этом сонме разнородных фигур и групп встречаются любопытные образцы, на которых стоит остановиться. Самой первой немецкой группой революционеров в изгнании стала Лига отверженных; ее под впечат-

лением от идей Буонарроти основал в Париже Теодор Шустер. Его памфлет «Исповедание веры отверженного» (1834) был, вероятно, первым проектом революции, которую совершают изгои и партии общества, люди, не вписывающиеся в схему производственных отношений; об этом слое Маркс по понятным причинам отзывается крайне нелестно, именуя его «люмпен-пролетариатом». В 1840-х гг. большое значение люмпенам придавали ведущий анархокоммунист Михаил Бакунин (1814—1876), а в конце 1960-х — начале 1970-х гг. новые левые.

«Отверженные» были первой международной организацией коммунистов-революционеров, насчитывавшей около 100 членов в Париже и примерно 80 во Франкфурте-на-Майне. Однако в 1838 г. Лига отверженных распалась; многие, включая Шустера, занялись националистической агитацией. Но очень скоро на ее место пришла другая значительная группа немецких эмигрантов, Союз справедливых, тоже обосновавшаяся в Париже. По сравнению с другими немецкие коммунистические группы всегда отличались большей приверженностью христианству. Так, возглавлявший парижскую штаб-квартиру Союза справедливых Карл Шаппер именовал своих сподвижников «братьями во Христе» и превозносил будущую революцию как «великий день воскресения человеческого». Религиозный настрой Союза справедливых еще более усилился благодаря видному немецкому коммунисту, ученику портного Вильгельму Вейтлингу (1808—1871). В нелегально напечатанном и столь же нелегально распространявшемся и обсуждавшемся манифесте «Человечество, как оно есть и каким должно быть» (1838), который Вейтлинг написал для Союза справедливых, он объявил себя «социальным Лютером» и осудил деньги как источник всей порочности и эксплуатации. Вейтлинг предлагал отменить частную собственность и деньги, а ценность всех продуктов исчислять в «трудовых часах» — трудовая теория ценности, воспринятая слишком серьезно. Для работы на предприятиях коммунального хозяйства и в тяжелой промышленности он предлагал создать централизованную «промышленную армию», в которой должны были с 15 до 18 лет служить все мужчины и женщины.

Выдворенный из Франции после революционных событий 1839 г., Союз справедливых перебрался в Лондон, где учредил более широкую представительскую организацию — Образовательное общество для немецких трудящихся (1840). Три ведущих руководителя этого общества, Карл Шаппер, Бруно Бауэр и Йозеф Моль, смогли к 1847 г. увеличить его численность до тысячи с лишним человек, включая 250 членов в других странах Европы и Латинской Америки.

Разительный контраст представляют собой фигуры двух молодых коммунистов, возглавлявших движение в 1840-х гг. и совершенно забытых последующими поколениями — и даже почти всеми историками. Эти двое являлись выразителями разных сторон коммунистической перспективы и воплощали собой два разных течения коммунистического движения.

Одним из них был английский христианский визионер и фантаст Гудвин Бармби (1820—1881). В возрасте 20 лет Бармби, тогда последователь Оуэна, приехал в Париж с предложением создать международную ассоциацию социалистов, охватывающую весь мир; временный комитет во главе с Жюлем Гаем действительно был сформирован, но дальше этого дело не пошло. Однако сам план послужил прообразом Первого Интернационала. Самое же главное, в Париже Бармби открыл для себя слово «коммунистический» и принялся пропагандировать его с невиданной энергией. «Коммунистический» и «коммунитарный» были для него взаимозаменяемыми терминами; во Франции он помогал организовать то, что описал английским последователям Оуэна как «общественные банкеты коммунистической, или коммунитарной, школы». По возвращении в Англию Бармби не утратил страсти к делу. Он основал Общество коммунистической пропаганды, которое вскоре стало называться Всеобщим коммунитарным обществом, и учредил газету «The Promethean or Communitarian Apostle», вскоре переименованную в «The Communist Chronicle». Для Бармби коммунизм был «социетарной наукой» и одновременно итоговой религией человечества. Символ его веры, изложенный в первом номере «The Promethean», утверждал, что «божественное — это коммунизм, а дьявольское — индивидуализм». После этого многообещающего начала Бармби писал коммунистические гимны и молитвы и призывал к созданию коммунитариев, которые будут управляться верховной коммунархией во главе с избранными коммунархом и коммунархессой. Он постоянно провозглашал «религию коммунизма» и для начала считал правильным объявить себя «понтифархом Коммунистической церкви».

Подзаголовок «The Communist Chronicle» ясно свидетельствовал о неохристианском мессианизме Бармби: «Апостол Коммунистической церкви и коммунитивной жизни: общность с Богом, общность христиан; общность молитв, общность трудов, общность достояния». Борьба за коммунизм, заявлял Бармби, это борьба апокалиптическая; она должна завершиться мистическим преображением Сатаны в Бога: «В святой Коммунистической церкви дьявол будет обращен в Бога... И этим обращением Сатаны Бог поистине призвет людей... к общности молитв, общности трудов и общности достояния, как духовного, так и материального... на эти грядущие дни»¹⁶.

Ключевой поворот произошел в июне 1847 г., когда две наиболее атеистические коммунистические группы, Союз справедливых в Лондоне и крохотный, всего из 15 человек, Коммунистический корреспондентский комитет в Брюсселе, который возглавлял Карл Маркс, объединились в Союз коммунистов. В декабре на втором съезде идеологические разногласия внутри Союза были улажены, и Маркса попросили написать программное заявление новой партии, которым стал знаменитый «Манифест Коммунистической партии».

Что касается Кабе и Вейтлинга, то в 1848 г. они навсегда уехали в Соединенные Штаты в надежде установить там коммунизм. Однако в быстро

растущем и крайне индивидуалистическом американском обществе все их попытки бесславно провалились. Икарийцы Кабе поселились в Техасе, а затем в Нову, штат Иллинойс, но между ними начались непрерывные раздоры; в конце концов Кабе, изгнанный своими бывшими последователями из Нову, уехал в Сент-Луис, где и умер в 1856 г., презираемый почти всеми. Вейтлинг сдался гораздо быстрее. В Нью-Йорке он стал адептом индивидуалистического и при этом леворикардланского проекта денег на основе рабочего времени, разработанного Джосайей Уорреном. В 1854 г. Вейтлинг отошел от прежних дел еще дальше, стал чиновником американской иммиграционной службы и в течение последующих 17 лет жизни занимался главным образом продвижением своих изобретений. Иными словами, в итоге Вейтлинг волей-неволей «проголосовал ногами» и встроился в капиталистический порядок.

Тем временем Гудвин Бармби кочевал по Нормандским островам в попытках основать утопическую коммуну и обвинял одного бывшего последователя, который учредил более практическое издание «Communist Journal», в том, что тот «нарушил его авторские права» на термин «коммунизм». Однако постепенно Бармби отказался от универсализма и начал называть себя «национальным коммунистом». В 1848 г. он уехал во Францию, стал унитаристским священником, подружился с Мадзини и совершенно отказался от коммунизма в пользу революционного национализма.

Другой примечательной фигурой был видный молодой французский коммунист Теодор Дезами (1808—1850). Он представлял конкурирующее направление воинствующего атеизма и жесткого партийного подхода. В молодости он был личным секретарем Кабе, а потом возглавил внезапный коммунистический бум 1839—1840 гг. Вскоре после этого Дезами, возможно, стал основателем марксистско-ленинистской традиции идеологического и политического отлучения всех, кто отклоняется от правильной политической линии. А именно в 1842 г. плодовитый памфлетист Дезами резко отозвался о своем бывшем менторе Кабе и в памфлете «Клевета и политика г-на Кабе» обвинил его в хроническом непостоянстве. Здесь же Дезами впервые заявил, что идеологическая и политическая дисциплина является неотъемлемым атрибутом коммунистического движения.

Что еще важнее, Дезами хотел освободить французский коммунизм от влияния квазирелигиозной, художественно-маралистической картины коммунизма, которую Кабе изобразил в «Путешествии в Икарию» и особенно в «Коммунистическом кредо» (1841). Дезами желал блюсти строгую «научность» и утверждал, что коммунистическая революция столь же рациональна, сколь и неизбежна. Неудивительно, что его высоко ценил Маркс.

Кроме того, Дезами решительно отвергал мирные или половинчатые средства. Он настаивал на том, что коммунистическая революция должна немедленно конфисковать всю частную собственность и все деньги.

Полумеры не устроят никого, заявлял Дезами; значит, как передает его мысль Биллингтон, «быстрая и полнейшая перемена будет менее кровавой, чем медленный процесс, поскольку коммунизм высвобождает природное доброе начало в человеке»¹⁷.

Революционный коммунизм должен быть введен не только быстро и полностью — он должен быть всемирным и всеобщим. В грядущем коммунистическом мире останется лишь глобальный «конгресс человечества», один язык и одна трудовая повинность, именуемая «производственные атлеты», которая будет выполняться в виде общих молодежных фестивалей. Кроме того, новая «всеобщая страна» упразднит не только «узкий» национализм, но и такие сеющие раздор институты, как семья. В поразительном противоречии со своим принципом идеологического отлучения Дезами заявлял, что при коммунизме конфликты станут по определению невозможными: «Между коммунистами не может быть разногласий; соперничество среди нас может быть лишь соперничеством в гармоничности или в умственных способностях», поскольку «коммунитарные принципы» заключают в себе «решение всех проблем».

Однако при всем своем воинствующем атеизме Дезами не был лишен религиозного пыла и даже веры, ибо говорил о «том возвышенном рвении, которое составляет социализм» и призывал пролетариев вновь войти «в эгалитарную церковь, вне которой не может быть спасения».

Арест Дезами и судебный процесс 1844 г. произвели сильное впечатление на находившихся в Париже немецких коммунистов — Арнольда Руге, Мозеса Хесса и Карла Маркса. Хесс начал работу над немецким переводом «Кодекса общности»; в этом его поощрял Маркс, объявивший труд Дезами «научно-социалистическим, материалистическим и подлинно гуманистическим»¹⁸.

9.5. ПРИМЕЧАНИЯ

1. Напротив, большинство протестантских групп придерживались противоположного и, в принципе, правильного убеждения, что нормандское завоевание установило в Англии централизованно созданную систему земельных владений феодального типа, тогда как до этого Англия была гораздо ближе к идиллической подлинной частной собственности. Энгельс и некоторые другие историки и антропологи находили первоначальный ранний коммунизм, или золотой век, в первобытных, дорыночных племенных сообществах. Однако современные антропологические исследования показали, что большинство первобытных и племенных сообществ были основаны на частной собственности, деньгах и рыночной экономике. См., например: Bruce Benson, 'Enforcement of Private Property Rights in Primitive Societies: Law Without Government', *Journal of Libertarian Studies*, 9 (Winter 1989), pp. 1—26.
2. Здесь нужно сказать хотя бы несколько слов о самой примечательной из этих радикальных групп, «людях пятой монархии». Они были близки не столько к коммунистам, сколько к анабаптистам эпохи Реформации в том отношении,

что относились к постмилленаристам и считали себя теми единственными избранными, кто будет спасен. Кроме того, своей исторической миссией они считали устранение всех прочих ради освобождения мира от греха и содействие скорому Второму пришествию, с которым установится Царство Божие во всем мире.

3. Мы здесь намеренно упрощаем подчас очень замысловатые построения милленаристской мысли. Например, в тщательно разработанном предмилленаристском учении «фундаментализма» XX в. период бедствий будет представлять собой семь исключительно бурных лет, «семидесятую неделю» Книги Даниила, и за это время будут повергнуты не только Антихрист («Зверь»), но и «Дракон» (Антибог), «Лжепророк» (антагонист Духа Святого), «Великая блудница», а также многие другие олицетворения зла. См.: George M. Marsden, *Fundamentalism and American Culture: The Shaping of Twentieth-Century Evangelicalism: 1870—1925* (New York: Oxford University Press, 1980), pp. 58—59.
4. И при жизни Мабли, и потом его часто именовали «аббатом», хотя он рано покинул ряды духовенства.
5. Цит. по: Alexander Gray, *The Socialist Tradition* (London: Longmans Green, 1946), p. 87.
6. Ibid., p. 88.
7. Ibid., pp. 90—91.
8. Ibid., pp. 62—63.
9. О Сен-Мартене, Эккартсхаузене и их влиянии см. информативную статью: Paul Gottfried, 'Utopianism of the Right: Maistre and Schlegel', *Modern Age*, 24 (Spring 1980), pp. 150—160.
10. James H. Billington, *Fire in the Minds of Men: Origins of the Revolutionary Faith* (New York: Basic Books, 1980), p. 73.
11. Эта оценка и переведенные цитаты из «Манифеста» содержатся в работе: Igor Shafarevich, *The Socialist Phenomenon* (New York: Harper & Row, 1980), pp. 121—124 <Шафаревич И. Р. Социализм как явление мировой истории. Paris: YMCA-PRESS, 1977. С. 170—172. И. Р. Шафаревич цитирует «Манифест» по книге: *Бунаротти Ф. Заговор во имя равенства* : в 2 т. М., 1963>. См. также: Gray, op. cit., note 5, p. 107.
12. Billington, op. cit., note 10, p. 75. См. также: Gray, op. cit., note 5, p. 10n. Как замечает Грей, «требуется, собственно, уничтожить все подряд в уверенности, что из праха разрушения возникнет прекрасный новый мир. Воодушевленный этой надеждой, Бабеф был бы счастлив поднять такую пыль» (Ibid., p. 105).
13. Единственное, на чем мы остановимся ниже, это вклад Сен-Симона и его последователей в концепцию «классовой борьбы».
14. Кабе (1788—1856) — видный французский адвокат, занимал должность генерального прокурора Корсики, но был уволен за резкие высказывания о французском правительстве и издание радикальной газеты. Он бежал в Англию и там в 1830-х гг. стал последователем Оуэна. Эту книгу Кабе написал и издал на английском языке, а французский перевод был опубликован в следующем году. Будучи скорее мирным коммунистом, нежели революционером, он с 1848 г. и до самой смерти пытался организовывать утопические коммуны в США, но все его проекты оказались неудачными.

15. Billington, op. cit., note 10, p. 243.
16. Ibid., p. 257.
17. Ibid., p. 251.
18. Цит. по: J. L. Talmon, *Political Messianism: the Romantic Phase* (New York: Praeger, 1960), p. 157.

ГЛАВА 10

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МАРКСА О КОММУНИЗМЕ

10.1. МИЛЛЕНАРИСТСКИЙ КОММУНИЗМ

317 Ключом для понимания обширной и сложной философско-теоретической системы, созданной Карлом Марксом (1818—1883), является простое осознание того, что Карл Маркс был коммунистом. Заявление на первый взгляд банальное и затасканное, ставящее марксизм в один ряд с множеством вульгарных концепций в философии, экономике, истории, культуре и и т.д. Тем не менее для понимания Маркса его преданность коммунизму является самым важным фактором. Гораздо более важным, чем его диалектика, классовая борьба, теория прибавочной ценности и все прочее. Коммунизм был мечтой, великой идеей, пределом желаний, конечной целью, которая явится оправданием людских страданий на протяжении всей истории человечества. Человеческая история есть нечто иное, как история страданий, классовой борьбы и эксплуатации человека человеком. Как второе пришествие Мессии в христианском богословии должно положить конец истории и создать новый рай и новую землю, так и установление коммунизма должно положить конец человеческой истории. И так же, как для христиан-постмилленистов человек, во главе с Божьими пророками и святыми, создаст Царство Божие на земле (а для премиллениаристов у Иисуса должно быть множество человеческих помощников при основании такого Царства), так и для Маркса и для других коммунистических течений человечество, во главе с авангардом из светских святых, создаст секуляризованное Царствие Небесное на земле.

В мессианских религиозных движениях неизменно ожидается, что миллениум наступит в результате мощного, насильственного переворота, Армагеддона, великой апокалиптической войны между добром и злом. И после этого титанического конфликта на земле установится царство справедливости, наступит миллениум, новая эра мира и гармонии.

Маркс решительно отвергал тех утопистов, которые намеревались осуществить переход к коммунизму посредством постепенного эволюционного процесса, путем постепенного продвижения добра. Нет, Маркс ориентировался на проповедников апокалипсиса, на постмиллениаристских радикальных немецких и голландских анабаптистов XVI в., на миллениаристские секты времен гражданской войны в Англии и различных

групп христиан-премилленаристов, который предвидели кровавый Армагеддон последних дней, прежде чем наступит новая эра. Действительно, поскольку постмилленаристские имедиатисты <сторонники принципа немедленных действий> отказывались ждать постепенного распространения добра и святости среди людей, они присоединились к премилленаристам, полагая, что только жестокая апокалиптическая последняя битва между добром и злом, между святыми и грешниками сможет установить новую эру. Согласно представлениям Маркса, насильственная мировая революция, совершаемая угнетенным пролетариатом, станет тем самым инструментом, который обеспечит приход нового миллениума, коммунизма.

Фактически Маркс, подобно премилленаристам (или «милленаристам»), пошел еще дальше, считая, что царство зла на земле достигнет апогея как раз накануне Апокалипсиса. Для Маркса, как и для милленаристов, пишет Эрнест Тувесон:

Мировое зло должно достигнуть высшей точки, прежде чем в результате единого великого и полного коренного переворота оно будет сметено...

Милленаристский пессимизм по поводу возможности совершенствования существующего мира вперемешку с величайшим оптимизмом. История, как полагают милленаристы, развивается таким образом, что, когда зло достигает вершины, безнадежная ситуация будет развернута вспять. Тем самым будет восстановлено первоначальное, истинно гармоничное состояние общества, некая разновидность эгалитарного порядка¹.

В отличие от различных групп социалистов-утопистов и подобно религиозным мессианистам, Карл Маркс не пытался детально описывать картину будущего коммунизма. Например, указывать количество людей, которое будет населять его утопию или описывать форму и расположение их домов или то, как будут устроены их города, — это было не для Маркса. Прежде всего в утопиях, создатели которых отображают их со всеми подробностями, присутствует некоторый элемент безумия. Но что еще важнее, описывая во всех подробностях некое идеальное общество, вы удаляете важнейший элемент благоговения и тайны из якобы неотвратимо наступающего мира будущего. Точно так же из фантастических фильмов исчезают все их очарование и волнение, когда во второй половине фильма таинственные, мощные и ранее невидимые монстры становятся конкретными тихходными зелеными каплевидными существами и утрачивают всю свою таинственную ауру, становясь чем-то почти обыденным.

Однако некоторые особенности присущи всем версиям коммунизма. Частная собственность ликвидируется, индивидуализм отбрасывается, индивидуальность усредняется, вся собственность передается обществу и контролируется обществом, и отдельные единицы нового коллективного организма в каком-то смысле, весьма неясном, равны друг другу.

Этот милленаристский акцент на коллектив весьма далек от ортодоксального христианства, от августинцев, делавших акцент на индивидуальной душе и ее спасении. В рамках ортодоксального, не милленаристского христианства индивиду удается или не удается достичь личного спасения до Второго пришествия Иисуса, когда тот положит конец истории и возвестит о Судном дне. Миллениума не будет, Царство Божие прочно установится и на земле, и на небесах. Однако милленаризм неизбежно делает акцент на достижении Царствия Божия на земле — особенно в постмилленаристских требованиях человеческого посредничества — неотвратимый коллективный марш через историю к Царствию. В том, что мы можем называть «иммедиатистской» версией доктрины постмилленаризма, как мы это видели в первом томе у Братев Свободного Духа, радикальных анабаптистов эпохи Реформации, целью христианских коммунистов и секуляризированной версии марксизма являются немедленный приход к власти посредством насильственной революции и очищение мира от грешников и еретиков, т.е. от тех, кто не является последователями данной секты, с тем чтобы установить миллениум, который станет предпосылкой Второго пришествия Иисуса. В отличие от них постмилленаристские градуалисты, которые на протяжении XIX в. контролировали большую часть протестантских церквей северной части Соединенных Штатов, в менее жестокой и торопливой манере пытаются использовать государственную власть в целях принуждения к морали и добродетели и установить затем Царство Божье не только на территории США, но и во всем мире. Согласно пронизательному заключению историка в отношении одного из самых выдающихся постмилленаристских экономистов и социологов конца XIX в., так можно было бы сказать обо всем движении:

Согласно воззрениям [Ричарда] Эли, государство является богом данным инструментом, посредством которого осуществляется его промысел. Его превосходство как божественного инструмента основана на произошедшей после Реформации отмене разделения сакрального и светского и на власти государства применять этические решения к общественным проблемам. То же различие сакрального и светского... позволило Эли и обожествлять государство, и социализировать христианство: он полагал, что государство есть основной инструмент Божьего искупления...²

Все милленаристы, градуалисты или иммедиатисты, причинили серьезные социальные и политические неприятности посредством стремления «имманентизировать эсхатон» — согласно сложно сформулированному, но весьма пронизательному определению политического философа Эрика Фёгелина⁽¹⁾. Как ортодоксальный христианин Фёгелин полагал, что «эсхатон» — Последние дни, Царство Божие — должен строго храниться подальше от земных дел и должен относиться к потусторонней сфере Рая и Ада. Но достать «эсхатон» с небес и спроециро-

вать его на процессы человеческой истории означает породить серьезные проблемы и последствия: последствия, которые, согласно видению Фёгелина, нашли воплощение в таких имманентных и мессианских движениях, как марксизм и нацизм.

Наряду с утопическими социалистами и коммунистами Маркс видел в коммунизме апофеоз коллективизма: человечество как единое новое сверхсущество, обладающее единым сознанием, при этом индивид являлся незначительной частицей этого коллективного организма. Весьма пронизательный портрет Марковского коллективного организма — сколь огромные усилия во имя установления Нового Социалистического Человечка должны быть приложены по ходу процесса коммунизации — описал один из главных теоретиков большевизма начала XX в. Александр Александрович Богданов (1873—1928). Богданов, вслед за Иоахимом Фиорским, говорил о «трех эпохах» человеческой истории: первая была эпохой теократического, авторитарного общества и натурального хозяйства. Затем наступила «вторая эпоха», экономика обмена, отмеченная разнообразием и появлением «автономии» «индивидуальной человеческой личности». Однако этот индивидуализм, поначалу игравший прогрессивную роль, затем становится препятствием на пути прогресса, поскольку он затрудняет и «противоречит объединительным тенденциям машинной эры». Но затем наступает третья эпоха, заключительный этап истории, коммунизм, хотя и не с такой как у Иоахима, век Святого Духа. Этой последней стадии будет присуще коллективное натуральное хозяйство и

слияние частной жизни в единое гигантское целое, гармоничное во взаимоотношениях его частей, систематически объединяющее все элементы во имя общей борьбы — борьбы с бесконечной непредсказуемостью природы... Для того чтобы решить эту задачу, необходима огромная масса творческой активности... Потребуется сила не одного человека, но всего человечества — и только в процессе решения этой задачи человечество и возникнет как таковое³.

Мессианский коммунизм достигает кульминации в неистовой трехтомной фантазмагории известного немецкого наполовину христианского мессианиста, наполовину марксиста-лениниста-сталиниста Эрнста Блоха (1885—1977). Блох считал, что «внутреннюю правду» вещей можно обнаружить лишь после «полного преобразования Вселенной, великого Апокалипсиса, пришествия Мессии, нового неба и новой земли». Как пишет Дж. П. Стерн в рецензии на трехтомник Блоха «Принцип надежды» («Das Prinzip Hoffnung», 1938—1947; «Principle of Hope», 1986), книга Блоха содержит такие замечательные декламации, как «Ubi Lenin, ibi Jerusalem» <«Где Ленин, там Иерусалим»>, и что «большевистское воплощение коммунизма» является неотъемлемой частью «вечной борьбы за Бога». Блох утверждает, и это больше чем намек, что болезнь, нет, даже сама смерть будут отменены с наступлением коммунизма⁴.

В отличие от этого нигде так красноречиво не отстаивается ортодоксальный христианский индивидуализм и не выражается отвращение к коллективизму, как в критическом разборе Г. К. Честертоном взглядов ведущей представительницы фабианского социализма миссис Анни Безант, в котором Честертон разносит в пух и прах пантеистической буддизм Безант:

Согласно взглядам миссис Безант, Вселенская Церковь есть просто универсальное Я. Это учение о том, что все мы в действительности есть один человек; не существует никаких реальных стен индивидуальности между человеком и человеком... Она не призывает нас любить ближнего; она говорит нам быть нашими ближними... интеллектуальная пропасть между буддизмом и христианством в том, что для буддиста или теософа личность есть падение человека, а для христианина в личности заключена цель Божья, весь смысл его космической идеи⁵.

Обратимся к рассмотрению некоторых основных особенностей коммунизма. В типичном описании будущей коммунистической эпохи, эры блаженства и гармонии, работа, необходимость труда, уходит на задний план или вообще исчезает. Труд, по крайней мере труд с целью поддержания и повышения уровня жизни человека, очень немногие считают созвучным будущей утопии. Так, согласно представлениям Иоахима Фиорского, первого, пожалуй, средневекового миллениариста, не требуется никакой работы, которая могла бы нарушить ход бесконечного течения праздника и молитв, поскольку человечество достигнет статуса нематериальных объектов. Если бы человек был чистым духом, тогда было бы верным утверждение, что экономическая проблема — проблема производства и уровня жизни — с необходимостью исчезнет. Однако, к сожалению, Маркс, будучи атеистом и материалистом, не имел возможности вернуться к коммунизму чистого духа, наподобие коммунизма Иоахима Фиорского. Тогда каким образом человеческие существа из плоти и крови могут разрешить проблему производства, а также поддержания уровня жизни и его повышения?

Маркс неспроста отказывался в подробностях описывать коммунистическую эпоху. Это утопия оставалась в полумраке. С одной стороны, Маркс предполагал и утверждал, что блага в будущем коммунистическом обществе будут иметься в изобилии. Если так, то тогда, конечно, не будет никакой необходимости обращаться ко всеобщей экономической проблеме редкости средств и ресурсов относительно целей. Однако, вынеся эту проблему за скобки, Маркс завещал решение данной головоломки будущим поколениям, и по этому вопросу мнения марксистов разделились: сам ли коммунизм принесет это магическое состояние сверхизобилия или следует подождать, пока это изобилие принесет капитализм, прежде чем мы установим коммунизм? Как правило, эту проблему марксистские кружки решали не в теории, а на практике («praxis»), становясь на тот путь, который позволяет им либо завоевать,

либо сохранить свою власть. Поэтому марксистские передовые отряды или партии, как только видели возможность захватить власть, неизменно оказывались готовыми к тому, чтобы пропустить «исторические этапы», predeterminedенные их Учителем, и осуществить свою революционную волю. С другой стороны, марксистская элиты, которые уже закрепились у власти, благоразумно отодвигали конечные цели коммунизма подалее в отдаленное будущее. И поэтому Советы очень скоро стали делать акцент на подчеркнутом трудолюбии и постепенности в движении к конечной цели⁶.

Есть несколько возможных причин, объясняющих, почему Маркс не описал в подробностях черты окончательного коммунизма или даже хотя бы необходимые этапы его достижения. Во-первых, Маркса не интересовали экономические особенности его утопии; простого обходящего проблему предположения о неограниченном изобилии оказалось достаточно. Его главный интерес, как мы увидим, заключался в философском, точнее религиозном, аспекте коммунизма. Во-вторых, коммунизм Маркса был перевернутой формой Гегеля и его философии истории; это был революционный фланг марксистской неогегельянской версии «отчуждения» и «диалектического» процесса, посредством которого *Aufhebung* (трансцендентность) и отрицание одного исторического этапа заменяются другим и противоборствующим ему. В этом случае происходят отрицание зла частной собственности и разделения труда и установление коммунизма, при котором достигается единство человека с человеком и с природой. Для Маркса, как и для Гегеля, история есть необходимый поступательный процесс, движимый волшебной диалектикой, при котором одна стадия неизбежно порождает стадию последующую и противоборствующую ей. С той лишь разницей, что для Маркса «диалектика» является материальной, а не духовной⁷. Маркс так и не опубликовал свои неогегельянские «Экономические и философские рукописи» 1844 г., в которых излагался философский базис марксизма, где в одной из статей — «Частная собственность и коммунизм» — содержится наиболее полное сделанное Марксом описание коммунистического общества. Одной из причин своего отказа от публикации стало то, что в последующие десятилетия гегелевская философия вышла из моды даже в Германии, и последователи Маркса стали больше интересоваться экономическими и революционными аспектами марксизма.

10.2. ГРУБЫЙ КОММУНИЗМ

Еще одной важной причиной отказа Маркса от публикации стало откровенное изображение им коммунистического общества в статье «Частная собственность и коммунизм». Помимо того что оно было философским и неэкономическим, в нем изображалась страшная, но якобы необходимая стадия развития общества, которая наступит сразу после необходимой

насильственной мировой пролетарской революции и до того, как наконец будет достигнут окончательный коммунизм. Послереволюционное общество Маркса, общество «непродуманного» или «грубого» коммунизма, было отнюдь не тем обществом, которое смогло бы подстегнуть революционную энергию правоверных марксистов.

Дело в том, что Маркс воспринял слишком близко к сердцу горькие слова двух критиков коммунизма, получивших известность в Европе. Одним из них был французский анархист-мютюэлист⁽²⁾ Пьер Жозеф Прудон, осуждавший коммунизм и называвший его «угнетением и рабством», на которого Маркс открыто ссылается в своих статьях. Другим был написавший увлекательную книгу консервативный гегельянский монархист Лоренц фон Штейн (1815—1890), которому прусское правительство в 1840 г. поручило изучение новых внушающих тревогу доктрин социализма и коммунизма, получавших тогда все большее распространение во Франции. Маркс продемонстрировал не только «мимолетное текстуальное сходство» с книгой Штейна 1842 г., он фактически основал свою концепцию пролетариата как опоры и движущей силы мировой революции, на идее Штейна о том, что новые революционные доктрины являются рационализацией классовых интересов пролетариата⁸.

Самое замечательное, что Маркс, по общему признанию, был согласен с тем, как Прудон и в особенности Штейн изображали первую стадию послереволюционного общества, которую он, вслед за Штейном, тоже называл «грубым коммунизмом». Штейн предсказывал, что грубый коммунизм станет попыткой навязать эгалитаризм за счет дикой и яростной экспроприации и уничтожения собственности, ее конфискации и принудительного обобществления женщин, а также материальных богатств. В действительности данная Марксом оценка стадии грубого коммунизма, стадии диктатуры пролетариата, была еще более негативной, чем оценка Штейна: «Подобно тому как женщина переходит тут от брака ко всеобщей проституции, так и весь мир богатства, т.е. предметной сущности человека, переходит от исключительного брака с частным собственником к универсальной проституции со всем обществом». Мало того, как заявляет профессор Такер, Маркс допускает, что «грубый коммунизм представляет собой не реальное преодоление частной собственности, а ее обобщение, не отказ от алчности, а ее обобщение, не отмена труда, а распространение его на всех людей. Это просто новая форма, в которой вся подлость частной собственности всплывает на поверхность». Иначе говоря, на этапе обобществления частной собственности то, что сам Маркс считает худшими чертами частной собственности, достигнет максимума. Но это еще не все: Маркс признает правдивость обвинений тогдашних и сегодняшних антикоммунистов, что коммунизм и обобществление есть, по словам самого Маркса, проявлением «зависти и жажды нивелирования». Это едва ли будет вести к расцвету человеческой личности, на что, как считается, претендовал Маркс. Он согласен с тем, что коммунизм будет полностью отрицать личность. Маркс пишет:

Этот коммунизм, отрицающий повсюду личность человека, есть лишь последовательное выражение частной собственности, являющейся этим отрицанием. Всеобщая и конституирующаяся как власть *зависть* представляет собой ту скрытую форму, которую принимает *стяжательство* и в которой оно себя лишь иным способом удовлетворяет. <...> В отношении к *женщине*, как к *добыче* и служанке общественного сладострастия, выражена та бесконечная деградация, в которой человек оказывается по отношению к самому себе⁹.

В общем, изображенный Марксом грубый коммунизм очень похож на те чудовищные режимы, предлагавшиеся радикальными анабаптистами XVI в.¹⁰

Профессор Такер добавляет, вероятно для того, чтобы еще раз подчеркнуть очевидное, что «эти выдержки из парижских рукописей ярко иллюстрируют то, как Маркс представлял себе и оценивал первый послереволюционный период. Что весьма убедительно объясняет нежелание касаться этой темы, которое он всегда демонстрировал в своих более поздних работах»¹¹.

Но если этот коммунизм действительно настолько чудовищен, если это режим «бесконечной деградации», зачем кому-то выступать за него, тем более посвящать ему свою жизнь и затевать кровавую революцию во имя его установления?

Здесь, как это часто бывает в мыслях и трудах Маркса, он прибегает к мистике «диалектики» — этого дивного волшебного слова, посредством которого одна социальная система неизбежно порождает другую, идущую ей на смену и отрицающую ее. И посредством которого, как в нашем случае, всеобщее зло — которым, что довольно интересно, оказывается послереволюционная диктатура пролетариата, а не предшествующий капитализм — превращается во всеобщее благо.

Маркс, мягко говоря, не мог, да и не пытался объяснить, каким образом система тотальной алчности превратится в систему всеобщего отсутствия алчности. Все это он предоставил магии диалектики. В наши дни диалектика фатальным образом лишилась предполагаемого двигателя классово-борьбы, посредством которого, однако, кое-то все еще пытается превратить чудовище грубого коммунизма в райский коммунизм «высшей стадии».

10.3. ВЫСШАЯ СТАДИЯ КОММУНИЗМА И УНИЧТОЖЕНИЕ РАЗДЕЛЕНИЯ ТРУДА

Маркс очень живописно изобразил весь ад первой, или низшей, стадии коммунизма. Каков же тогда рай «положительного гуманизма» высшей стадии коммунизма? К сожалению, в действительности все райские свойства оказались туманными и расплывчатыми и, вероятно, не столь существенными, чтобы перевесить слишком уж осязаемые ужасы

грубого коммунизма в том случае, если бы Маркс свои рукописи все-таки опубликовал. Главное заключалось в том, что человек якобы освобождается от необходимости труда. Уничтожение частной собственности освобождает его от алчности, приходя на смену разгулу алчности, кульминация которого достигается на стадии грубого коммунизма. В частности, человек освобождается от разделения труда, от специализации, которая не позволяет ему развить «все» его способности ради удовольствия от них самих, и «принуждает» его работать на других — либо в условиях рынка, либо при деспотической власти феодализма или восточного деспотизма, либо при диктатуре пролетариата на первой стадии коммунизма. Избавившись от разделения труда, избавившись наконец от зла обмена товаров и услуг, человек теперь освобождается от «отчуждения» потребления произведенного им самим продукта. Это отчуждение не является результатом предполагаемого изъятия «прибавка», произведенного рабочими, как, по всей видимости, полагают многие марксисты. Отчуждение имеет более глубокие корни, оно есть продукт разделения труда и специализации как таковой. С устранением разделения труда, согласно мистическому неогегельянству Маркса, человек вернется «к себе», воссоединится с «собой», и вот тогда отчуждение исчезнет.

Все это имеет какой-то смысл, только если помнить о том, что для Маркса, как и для Гегеля, «человек» является коллективной, а не индивидуальной органической сущностью. Для Гегеля и для Маркса история «человека» есть история взлетов и падений того, что составляет единый коллективный организм. Если существует разделение труда, специализация и обмен, то, согласно Марксу, это означает, что «человек» трагически разделен внутри «себя» и, таким образом, процесс достижения высшей стадии коммунизма, конца человеческой истории, точно так же, как концом стало бы Царство Божие, есть процесс, при котором человек больше не отчуждается от коллективного «себя» и достигает единства с самим собой. В то же время «он» также достигает единства с «природой», поскольку в марксистской системе единственной «природой» является только то, что было создано на протяжении веков трудом и деятельностью человека. Таким образом, как отмечает Роберт Такер, знаменитое утверждение Фридриха Энгельса о коммунизме очень многими истолковывается неправильно, и не в последнюю очередь марксистами, которые не знакомы с философской природой своей системы.

Фридрих Энгельс (1820—1895) писал в «Анти-Дюринге»:

Условия жизни, окружающие людей и до сих пор над ними господствовавшие, теперь подпадают под власть и контроль людей, которые впервые становятся действительными и сознательными повелителями природы, потому что они становятся господами своего собственного объединения в общество. <...> То объединение людей в общество, которое противостояло им до сих пор как навязанное свыше природой и историей, становится теперь их собственным свободным делом. Объ-

ективные, чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей, поступают под контроль самих людей. <...> Это есть скачок человечества из царства необходимости в царство свободы¹².

Как отмечает Такер, читатель, не знакомый с марксистской философией, вполне может истолковать этот отрывок как указание на овладение человеком природой с помощью техники. Однако

в действительности это относится к овладению технологией как собственной природой человека вне его самого. Царство необходимости — это отчужденный мир истории, царство кабалы объективности. «Объективные, чуждые силы», преодолевая которые, человек становится господином в царстве свободы, понимаются как воплощение силы себя как вида. Природа, которой человек более неподвластен, — его собственная природа¹³.

Иначе говоря, как и во многих других местах у Маркса, отрывок, который, по крайней мере внешне, казалось бы, содержит хотя бы капелючку смысла — хоть и ошибочного, — при более глубоком изучении оказывается заклинаниями неогегельянской философии Маркса.

Особенно важно для Маркса то, что коммунизм покончит с разделением труда. Став свободным от специализации, от разделения труда и от необходимости работать на других (в том числе и на потребителей) человек как работник освобождается от любых ограничений. Освободившийся таким образом «человек производит для того, чтобы реализовать свою природу, природу существа с разнообразными творческими способностями, требующих свободного выхода во “всей полноте человеческих проявлений жизни”¹⁴. Или, как пишет Энгельс в «Анти-Дюринге», исчезновение разделения труда будет означать, что производительный труд даст «каждому возможность развивать во всех направлениях и действительно проявлять все свои способности, как физические, так и духовные»⁽³⁾. Идея о том, что все развивают все свои способности «во всех направлениях» ошеломляет и навеивает абсурдную картину мира, страдающих аутизмом дилетантов, не обращающих внимания на общественный спрос на их услуги или продукты, и которые время от времени из баловства занимаются всеми видами деятельности. Эта картина подтверждается Марксом в его самом знаменитом высказывании, описывающим коммунистическую систему в первой части «Немецкой идеологии» (неопубликованная статья, написанная в 1845—1846 гг.). Там он пишет, что коммунизм «соответствует развитию индивидов в совершенных людей и отбрасывает все природные ограничения». Но как можно отбросить «все» естественные ограничения? Задача действительно непростая. Маркс объясняет это следующим образом. Как только появляется разделение

труда, каждый приобретает свой определённый, исключительный круг деятельности, который ему навязывается... он — охотник, рыбак или пастух, или же критический критик и должен оставаться

таковым, если не хочет лишиться средств к жизни, — тогда как в коммунистическом обществе, где никто не ограничен исключительным кругом деятельности, а каждый может совершенствоваться в любой отрасли, общество регулирует все производство и именно поэтому создаёт для меня возможность делать сегодня одно, а завтра — другое, утром охотиться, после полудня ловить рыбу, вечером заниматься скотоводством, после ужина предаваться критике, — как моей душе угодно, — не делая меня, в силу этого, охотником, рыбаком, пастухом или критиком¹⁵.

Одним из наиболее удачных комментариев этого отрывка стала остроота Александра Грея: «Проведя краткий уикенд ферме, Маркс, вероятно, быстро понял бы, что скот может иметь некоторые возражения против того, чтобы за ним ухаживали в такой неформальной манере, по вечерам». В более широком смысле Грей замечает, «то, что каждый человек должен иметь возможность развивать все свои способности, физические и умственные во всех направлениях, это мечта, которая распаляет воображение только тех простодушных, кто не замечает ограничений, налагаемых узкими пределами человеческой жизни». «Жизнь, — указывает Грей, — представляет собой ряд актов выбора, каждый из которых одновременно является отказом...» Необходимость выбора, пронизательно напоминает нам Грей, будет существовать даже при коммунизме:

Даже жителю будущей сказочной страны Энгельса рано или поздно придется решать, хочет он быть архиепископом Кентерберийским или первым лордом Адмиралтейства; следует ему стремиться преуспеть в качестве скрипача или в качестве боксера; определиться в том, должен он знать все о китайской литературе или о скрытых страницах жизни скумбрии¹⁶.

Отмена разделения труда означала бы также, что все различия — и, следовательно, «антагонизм» — между городом и деревней должны быть устранены, так чтобы промышленность каким-то образом распространилась по всей стране (по всему миру?). В результате чего все крупные города должны быть уничтожены. Как написал Энгельс в «Анти-Дюринге»: «Правда, в лице крупных городов цивилизация оставили нам такое наследие, избавиться от которого будет стоить много времени и усилий. Но они должны быть устранены — и будут устранены, хотя бы это был очень продолжительный процесс»¹⁷.

Неудивительно, что советские власти не очень положительно воспринимали марксистский вариант коммунизма. Марксистскому благочестию позволялось доходить только до этой границы. Так, теоретический журнал КПСС «Коммунист» благосклонно отозвался о неопубликованной работе советского экономиста В. М. Крюкова, который писал, что

невежественный человек и обыватель может создать в своем воображении собственную примерно такую картину коммунизма: вы встаете

те утром и спрашиваете себя, куда я должен идти сегодня на работу — должен ли я быть главным инженером на заводе или возглавить рыбо-ловецкую бригаду? Или я должен ехать в Москву и провести срочное заседание президиума Академии наук?

И в дополнение «Коммунист» предупреждает: «Все будет не так». Вне всяких сомнений, и вполне разумно. Однако советские власти, конечно же, не признают того факта, что, отвергая такое «невежественное» понимание, они отвергают и ключ ко всей марксистской системе, смысл и цель всей борьбы¹⁸.

Еще важнее то, что Советская власть отбросила основную цель марксизма, отказавшись от идеи, согласно которой коммунизм устранил разделение труда. Этот пересмотр начался с последней работы Сталина, вышедшей в 1952 г., незадолго до его смерти, и с тех пор становился все более радикальным. Обходя, а иногда и фальсифицируя труды основоположников, советские ревизионисты оказались относительно последовательными в своем реализме и в отношении экономики, но не очень придерживались марксистского наследия. Иногда советские эксперты просто и резко констатировали факты: «человек не может делать буквально все»; «в системе коммунистических производственных отношений разделение и специализация труда сохраняют значение»; «совершенно очевидно, что коммунистическое общество немислимо без постоянно развивающегося и расширяющегося разделения труда». Замените слова «современный» или «промышленный» на «коммунистический» и советские экономисты будут абсолютно правы. Но в каком смысле этот «коммунизм» остается коммунизмом?¹⁹

Более того, за шесть лет до выхода «Анти-Дюринга» Энгельс в ходе ожесточенной полемики с анархистами отказался от всей марксистской концепции. Отстаивая идею авторитаризма при коммунизме, Энгельс напомнил сторонникам самоуправления, антиавторитарным анархистам, что «революция есть, несомненно, самая авторитарная вещь, какая только возможна. Революция есть акт, в котором часть населения навязывает свою волю другой части посредством ружей, штыков и пушек, т.е. средств чрезвычайно авторитарных...» Но еще важнее то, что Энгельс высмеял идею о том, что на коммунистической фабрике не будет авторитаризма и, следовательно, разделения труда. Энгельс отметил, что фабричное производство требует и того и другого, и требует также, чтобы рабочие подчинялись технологической необходимости. Так, «для бесперебойного функционирования машин нужен инженер, наблюдающий за паровой машиной, нужны механики для ежедневного ремонта и много других рабочих для переноски продуктов из одного помещения в другое...» Кроме того, отметил он, технологии и силы природы подвергают человека «настоящему деспотизму, независимо от какой-либо социальной организации». «Желать уничтожения авторитета в крупной промышленности значит желать уничтожения самой промышленности — уничтожения паровой прядильной машины, чтобы вернуться к прялке»²⁰.

Это, безусловно, освежающие и трезвые слова, однако полностью чуждые духу марксизма и, конечно же, всему тому, что говорилось и писалось по этой теме Марксом, а также самим Энгельсом в большей части других произведений. Для Маркса в будущем коммунистическом обществе всякий труд будет не экономическим, а художественным, свободным и спонтанным творчеством, которое якобы типично для художника. Маркс в своем экономическом magnum opus «Капитале» пишет, что коммунистический человек будет преобразован из отчужденного человека в эстетического человека, который относится ко всему как художник. Соответственно при коммунизме на фабрике, на промышленном производстве не будет авторитарного руководства, единство будет достигать так же, как у музыкантов в симфоническом оркестре.

Однако Энгельс представлял собой особый случай. Будучи, по сравнению с Марксом, в большей степени экономистом и тем человеком, который познакомил своего друга и товарища с классической британской политэкономией, Энгельс мог чередовать самые смелые утопические фантазии о коммунизме с неожиданно пронизательным пониманием связанных с ними экономических трудностей. Так, даже в «Анти-Дюринге» Энгельс однажды признает, что «задача экономической науки», по мере того как капитализм быстро и неумолимо движется к краху, состоит в том, чтобы «чтобы внутри разлагающейся экономической формы движения открыть элементы будущей, новой организации производства и обмена, устраняющей эти пороки <капиталистической экономики>»⁽⁴⁾. Однако ни Энгельс, ни Маркс никогда не ставили это в качестве главной цели или задачи.

Более того, в статье «Принципы коммунизма», написанной в конце 1847 г. и ставшей первым наброском к «Манифесту Коммунистической партии», Энгельс обнажил одно из важнейших и, как правило, неявных, предположений о коммунистическом обществе — что изобилие устранит проблему редкости благ:

Частная собственность может быть отменена только тогда, когда экономика будет способна производить товары в объемах, необходимых для всеобщего удовлетворения потребностей... Новые темпы промышленного роста позволят производить достаточное количество товаров, чтобы удовлетворить все потребности общества. <...> Общественный доход возрастет до уровня, достаточного для удовлетворения потребностей всех членов общества.

Такое сверхизобильное производство будет достигнуто посредством чудес технического прогресса, который устранил всякую необходимость разделения труда.

Однако Энгельс, разворачивая перед нами эту смелую картину будущего, был вынужден сделать оговорку и признать, что коммунистический миллениум не может быть достигнут «немедленно» или «одним махом». Поскольку «было бы невозможным сразу расширить существую-

щие производительные силы до такой степени, чтобы товары могли быть произведены в количествах, достаточных для удовлетворения всех потребностей общества». По крайней мере на протяжении переходного периода, говорит Энгельс, «промышленность должна управляться обществом в целом во благо каждого. Она должна эксплуатироваться всеми членами общества, в соответствии с общим планом... Частная собственность также должна быть упразднена и заменена совместным использованием всех продуктов, в соответствии с согласованным планом»²¹.

Всякий, кто верит в трудовую теорию ценности, кто пытается обосновать возможность экономического расчета при социализме, скорее всего, является сторонником идеи определения цен и ставок заработной платы в соответствии с рабочим временем, затраченным на производство. Выпуск билетов, с указанием рабочего времени в точности соответствует тому плану, который предлагали Роберт Оуэн, индивидуалист-анархист-рикардианец Джошуа Уоррен и немецкой социалист-рикардианец Карл Иоганн Родбертус-Ягцов (1805—1875). Одна из наиболее пронизательных экономических идей Фридриха Энгельса пришла к нему в ходе критики утопического социализма Родбертуса (с деньгами в виде билетов, на которых указывалось количество часов затраченного труда), бывшего в то время в Германии весьма популярной фигурой²².

В предисловии к первому немецкому изданию книги Маркса «Нищета философии», вышедшем через год после смерти Маркса (1884), Энгельс подверг резкой критике учение Родбертуса. Здесь Энгельс имел наглость осуждать трудовые деньги Родбертуса на том основании, что они, мол, «по-детски наивны», и презрительно упрекать Родбертуса за то, что тот игнорирует экономические законы и конкурентный рыночный процесс:

Поэтому тот, кто в обществе товаропроизводителей, обменивающихся своими товарами, хочет установить определение ценности рабочим временем, запрещая конкуренции осуществлять это определение ценности путем давления на цены, т.е. единственным путем, каким это вообще может быть достигнуто, — доказывает только, что, по крайней мере в этой области, он усвоил себе обычное для утопистов пренебрежение экономическими законами⁽⁴⁾.

Энгельс идет дальше и утверждает, что конкуренция «приводит в действие закон ценности товарного производства в обществе товаропроизводителей, обменивающихся своими товарами», и создает единственно возможный тип организации общественного производства «при данных обстоятельствах». Энгельс насмешливо и весьма пронизательно продолжает критиковать попытки социалистов (по крайней мере типа Родбертуса) осуществить расчет:

Только обесценение или чрезмерное вздорожание продуктов воочию показывает отдельным производителям, что и в каком количестве

требуется или не требуется для общества. Между тем именно этот единственный регулятор и хочет упразднить утопия, представляемая также и Родбертусом. Если же мы теперь спросим, какие у нас гарантии, что каждый продукт будет производиться в необходимом количестве, а не в большем, что мы не будем нуждаться в хлебе и мясе, задыхаясь под горами свекловичного сахара и утопая в картофельной водке, или что мы не будем испытывать недостатка в брюках, чтобы прикрыть свою наготу, среди миллионов пуговиц для брюк, то Родбертус с торжеством укажет нам на свой знаменитый расчет, согласно которому за каждый излишний фунт сахара, за каждую непроданную бочку водки, за каждую не пришитую к брюкам пуговицу выдана правильная расписка, расчет, в котором все в точности «совпадает» и по которому «все претензии будут удовлетворены, и ликвидация этих претензий совершится правильно»²³.

Энгельс добавляет: «Запретить же конкуренции посредством повышения или понижения цен ставить отдельных производителей в известность о состоянии мирового рынка — значит совершенно закрыть им глаза».

Профессор Хатчисон весьма точно прокомментировал этот спектакль, разыгранный Энгельсом:

Вряд ли даже Мизес и Хайек могли бы высказаться более решительно. Еще более впечатляет сочетание критической проницательности в части важнейших функций механизма конкурентного ценообразования, в сопоставлении с утопическими представлениями Родбертуса, и абсолютно некритической, слепой самоуспокоенности относительно его собственных и Маркса утопических допущений. (Ранее в своих «Принципах коммунизма» он выразил их в виде таких безответственных и бессодержательных высказываний, как, например, «совместное и планомерное использование производительных сил обществом в целом»). [...] Орды непогрешимых прусских чиновников и «прусский государственный социализм», за восхваление которого Энгельс так бичевал Родбертуса, неизбежно и неоднократно будут востребованы (и они, конечно же, были востребованы) для воплощения собственного утопического «планирования» Маркса и Энгельса²⁴.

Однако столь немногочисленные проблески понимания со стороны Энгельса подпадают под категорию того, что он сам однажды называл «ляпами» <«howlers»>. Если не принимать их во внимание, то наивно полагалось, что окончательный коммунизм будет достигнут посредством преодоления и отрицания и работы, и разделения труда. Но это еще не все. Наряду с преодолением и отрицанием частной собственности придет и отрицание практически всех аспектов современной цивилизации, которые Маркс также считал «вспомогательными способами производства», отчуждающих человека от его предполагаемой истинной природы. Таким образом:

Религия, семья, государство, право, мораль, наука, искусство и т.д., суть лишь особые виды производства и подчиняются его всеобщему

закону. Поэтому положительное упразднение частной собственности, как присвоение человеческой жизни, есть положительное упразднение всякого отчуждения, т.е. возвращения человека из религии, семьи, государства и т.д. к своему человеческому, т.е. общественному, бытию. [Курсив Маркса. — М. Р.]²⁵

Однако если человек должен быть грубо отделен от всех этих заветных институтов, что тогда остается у этого бедного, «освобожденного» существа? Совершенно определенно, что эти постмарксовы существа окажутся лишенными всех тех человеческих взаимодействий, благодаря которым и существует общество. Эти «совершенные» личности будут лишены закона, семьи, обычая, религии и, конечно, возможности любых обменов товарами и услугами, т.е. они будут совершенными существами, герметично изолированными от всех остальных. Тогда по иронии судьбы получается, что левые, которые привычно, хоть и необоснованно осуждают индивидуалистических мыслителей за пропаганду мира изолированных, «атомарных» и герметично изолированных от всего мира индивидов, сами поклоняются теоретику, в чьем представлении об идеальном будущем возникает именно такой чудовищный мир. И в то же время каждого, конечно же, будет утешать сознание того, что все они являются рядовыми частичками могучего коллективного организма, объединившегося теперь в «себя», — и что любая неопределенность или непоследовательность в этой картине будет устранена чарам «диалектики», в которой все противоречия преодолевают свое отрицание в высшем единстве²⁶.

То, что предположительно должно произойти с человеком при коммунизме, представляет собой новую причудливую форму искусства или эстетики. Человек будет лишен богатства и собственности, но он будет намного «богаче» в другом смысле: неотчужденный и реализующий себя во всех направлениях, он будет подходить к созданию своих творений, обогащенный восприятием красоты. Как выразился Маркс в статье «Частная собственность и коммунизм», новое общество породит «*богатого и всестороннего, глубокого во всех его чувствах и восприятиях человека*»⁽⁵⁾, он будет реализовать свою естественную склонность, организовать все вокруг «согласно законам красоты». До коммунизма человеческое восприятие красоты было запятнано алчностью и собственностью. Ибо для Маркса иметь, обладать — означает «просто быть отчужденным от всех (физических и духовных) чувств человека...»

Профессор Такер, который внес значительный вклад в реконструкцию представлений Маркса о коммунизме, заключает, что «экономическая деятельность превратится в художественную... и сама планета станет новым произведением искусства человека. Отчужденный мир уступит место эстетическому миру». Однако если коммунизм на высшей стадии отказывается и исключает любое чувство обладания, владения для того, чтобы освободить человека для чисто эстетического творчества и созерцания, тогда и сам коммунизм должен быть преодолен, поскольку

он тоже предполагает некоторую форму владения или обладания. Как отмечает Такер: «Следовательно, окончательное состояние человека будет за всякой формой собственности, и в этом смысле за коммунизмом»²⁷. И потому Маркс заканчивает свое наиболее полное обсуждение коммунизма («Частная собственность и коммунизм») такими довольно зловещими словами:

Коммунизм есть позиция как отрицание отрицания, поэтому он является действительным, для ближайшего этапа исторического развития необходимым моментом эмансипации и обратного отвоевания человека. Коммунизм есть необходимая форма и энергичский принцип ближайшего будущего, но как таковой коммунизм не есть цель человеческого развития, форма человеческого общества²⁸.

331 Так что же будет представлять собой та завершающая стадия, которая окажется *еще выше* коммунизма, самая-самая *Aufhebung*, великая трансцендентность, окончательное отрицание? Это будет мир вне любых форм собственности и владения, мир полностью освобожденной для спонтанного расцвета всех способностей во всех направлениях и для незапятнанного, полностью чувственного восприятия чистой красоты. Мы должны извиниться за то, делая такое заключение, вольно или невольно — в отношении Маркса это трудно определить, — но самой-самой завершающей стадией развития человеческой расы станет кладбище. После потрясений и переворотов всех этих *Aufhebungs* наступит «спокойствие» всеобщего погоста, поскольку невладение ресурсами, их неиспользование означают, что очень быстро и повсеместно наступит голод. У человечества, лишенного всякой возможности трудиться ради достижения производственных целей и всякой собственности, останется очень мало драгоценного времени для восприятия чистой красоты.

Понимали Советы или нет весь ужас конечного «позитивного гуманизма» Маркса, однако нет никаких сомнений, что им всегда было всегда не просто при мысли об этой пропасти. Советский редактор русского перевода рукописей Маркса, опубликованных в 1956 г., анализируя приведенный выше отрывок, утверждает, что под «коммунизмом как таковым» Маркс имел в виду грубый коммунизм начальной стадии. Но это почти умышленно неверное толкование заключительных слов Маркса о конечной стадии. У Советов были достаточно серьезные проблемы и с «отмиранием государства» на высшей стадии коммунизма, что в самом крайнем варианте интерпретировалось ими как переход от официальной государственной собственности на все ресурсы к собственности «общественных» или «административных» организаций, официально провозглашаемых негосударственными²⁹. Причина, по которой Маркс при жизни пресекал любые попытки публикации этой статьи, была, по-видимому, схожа с той, почему Советы похоронили предполагаемую конечную цель. Будет сильным преуменьшением сказать, что даже марксисты «еще не совсем готовы к этому»; никто не верит в то, что они когда-нибудь будут готовы.

Поскольку коммунистические страны так и не приблизились к «высшей стадии», практика социализма, конечно же, не сообщает свидетельств выдающегося восприятия красоты или яркого проявления спонтанного или художественного творчества. Вероятно, даже относительные материальные лишения социалистических режимов в XX в., не говоря уже о быстром и абсолютном голоде «запредельного коммунизма», как раз и стали причиной той серости и мрачности, которая, по общему признанию, характерна для этих стран.

Однако все эти проблемы, конечно же, тщательно скрываются за завесой всепроникающей, но неявной предпосылки, лежащей в основе всех рассуждений Маркса о коммунизме: необоснованном, непререкаемом предположении о том, что по ходу всех этих изменений производство будет счастливо оставаться изобильным или даже сверхизобильным. Таким образом, экономическая проблема просто и спокойно как бы исчезает.

Вероятно, кто-то возмутится, что в нашем обсуждении коммунизма мы не упомянули той характерной черты, которая обычно считается признаком этой системы: лозунга «от каждого по способностям, каждому по потребностям». Эта фраза явно противоречит нашей точке зрения о том, что сущность коммунистического общества есть скорее секуляризованная религия, чем экономика. Однако *locus classicus*, где Маркс провозгласил этот широко известный лозунг французского социализма, находится в тексте его язвительной книги «Критика Готской программы» 1875 г., в которой Маркс осудил уклонистов-лассальянцев, образовавших новую германскую социал-демократическую партию. Из контекста рассуждений Маркса очевидно, что этот лозунг имел для него второстепенное значение и находился на периферии его интересов. В пункте 3 «Критики...» Маркс осуждает оговорку в программе, призывающую к коммунизации имущества и «справедливому распределению доходов от труда». По ходу рассуждения Маркс утверждает, что неравенство доходов труда «неизбежно на первой фазе коммунистического общества в том его виде, как оно выходит после долгих мук родов из капиталистического общества. Право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества». С другой стороны, продолжает Маркс:

На высшей фазе коммунистического общества, после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком, лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: Каждый по способностям, каждому по потребностям!³⁰

Из этого отрывка и его контекста должно быть очевидно, что последняя фраза Маркса была далека от того, чтобы стать кульминационным пунктом его рассуждений. Она была кратко сформулирована только для того, чтобы быть отвергнутой. На самом деле Маркс говорил о том, что ключом к коммунистическому миру является не подобный принцип распределения товаров, а искоренение разделения труда, всестороннего развития отдельных способностей, результатом чего станет поток сверхизобилия. В таком мире этот знаменитый лозунг звучал бы весьма тривиально. Действительно, сразу же после этого пассажа Маркс переходит к осуждению разговоров социалистов о «равноправии» и о «справедливом распределении», называя их «идеологическим, правовым и прочим вздором, столь привычным для демократов и французских социалистов...» Затем он сразу же добавляет, что «было вообще ошибкой видеть существо дела в так называемом распределении и делать на нем главное ударение»^{31, 32}.

Абсолютная нищета и ужас высшей (и a fortiori последующей) стадии коммунизма теперь стали слишком очевидными. Искоренение разделения труда быстро вызовет всеобщий голод и экономическую нищету. Отказ от всех структур человеческих взаимоотношений принесет огромные социальные и духовные лишения каждому человеку. И даже предполагаемое «художественное» интеллектуальное и творческое развитие всех человеческих способностей во всех направлениях окажется полностью парализованным из-за запрета на всякую специализацию. Каким образом истинное интеллектуальное развитие или созидание могут осуществляться без концентрации усилий? Иначе говоря, ужасные экономические страдания человечества при коммунизме будут полностью соответствовать интеллектуальным и духовным лишениям. Учитывая характер и последствия коммунизма, назвать эту ужасающую антиутопию благородным и «гуманистическим» идеалом можно в лучшем случае только в духе черного юмора, причем весьма сомнительного вкуса. Например, распространенное представление о том, что Марксов коммунизм есть славный идеал человечества, в последующем искаженный Энгельсом, Лениным или Сталиным, теперь может быть представлено в надлежащей перспективе. Ни один из ужасов, совершенных Лениным, Сталиным или другими марксистско-ленинскими коммунистическими режимами, не может сравниться чудовищностью «идеала» Маркса. Вероятно, наиболее близким приближением стал оказавшийся недолговечным коммунистический режим Пол Пота в Камбодже, которому, в попытке уничтожить разделение труда, удалось объявить вне закона деньги, — и в результате ввиду скудности рациона питания люди оказались полностью зависимыми от щедрот прижимистых коммунистических кадров. Более того, они попытались устранить противоречия «между городом и деревней», следуя цели уничтожения крупных городов, поставленной Энгельсом, и принудительно расселив столицу Пномпень за одну ночь. Всего за несколько лет клике Пол Пота удалось уничтожить треть населения Камбоджи, что стало, возможно, самым массовым геноцидом в истории³³.

Поскольку при идеальном коммунизме каждый сможет и будет обязан делать все, понятно, что еще до того, как наступит всеобщий голод, сделать вообще что-то либо будет трудно. Для самого Маркса все различия между людьми были «противоречиями», которые исчезнут при коммунизме, так что, вероятно, массы индивидов должны стать однородными и взаимозаменяемыми³⁴. Тогда как Маркс даже при коммунизме постулировал нормальные интеллектуальные способности, более поздним марксистам представлялось, что эти трудности могут разрешиться с появлением сверхчеловеческих существ. Немецкий марксист Карл Каутский (1854—1938), который после смерти Энгельса в 1895 г. стал примерять на себя мантию верховного лидера марксизма, полагал, что при коммунизме «возникнет новый тип человека... сверхчеловек... возвышенный человек». Лев Троцкий был еще более лиричен: «Человек станет несравненно сильнее, умнее и тоньше; его тело — гармоничнее, движения — ритмичнее, голос — музыкальнее... Средний человеческий тип поднимется до уровня Аристотеля, Гёте, Маркса. Над этим новым краем будут подниматься новые вершины». Если фаза, которая последует за высшей стадией коммунизма, продлится достаточно долго, чтобы вывелась новая раса, тогда мы спокойно можем предоставить коммунистическим теоретикам этих будущих дней решение проблемы того, будет ли позволено существовать «противоречию» «разрешать» или нет сверх-Аристотелю возвышаться над Аристотелем³⁵.

Также либертарианцам не следует увлекаться марксистской идеей «отмирания государства» при коммунизме или использованием фразы, заимствованной из заветной идеи французских либералов — сторонников свободного рынка Шарля Конта и Шарля Дюнуайе: о мире, в котором «правление людьми заменяется управлением вещами». С либертарианской точки зрения, отстаивающей *laissez faire*, в этой формулировке имеются два существенных недостатка. Во-первых, конечно, тот, на который настойчиво указывал русский анархокоммунист Михаил Бакунин (1814—1876): абсурдно пытаться достичь состояния абсолютного безвластия путем максимизации государственной власти в тоталитарной диктатуре пролетариата (или, более реалистично, избранного авангарда пролетариата). Результатом может быть только максимальная степень этатизма и, следовательно, максимальная степень рабства. Будучи, возможно, первым из теоретиков «нового класса», и предвосхищая железный закон олигархии Михельса и Моски, Бакунин пророчески предупреждал, что и после марксистской революции меньшинство правящего класса будет вновь править большинством:

334

Но это меньшинство, говорят марксисты, будет состоять из работников. Да, пожалуй, из бывших работников, но которые, лишь только сделаются правителями или представителями народа, перестанут быть работниками и станут смотреть на весь чернорабочий мир с высоты государственной, будут представлять уже не народ, а себя и свои притязания на управление народом. Кто может усомниться в этом, тот совсем

не знаком с природой человека... Слова «ученый социалист», «научный социализм», которые беспрестанно встречаются в сочинениях и речах... марксистов, сами собою доказывают, что мнимое народное государство будет не что иное, как весьма деспотическое управление народных масс новою и весьма немногочисленною аристократией действительных или мнимых ученых... Они [марксисты] утверждают, что только диктатура, конечно их, может создать народную волю, мы отвечаем, что никакая диктатура не может иметь другой цели, кроме увековечения себя, и что она способна породить и воспитать в народе, сносящем ее, только рабство; свобода может быть создана только свободой...³⁶

Действительно, думать иначе может только верующий в нелепую некромантию «диалектики», т.е. тот, кто способен поверить в то, что тоталитарное государство способно неминуемо и практически мгновенно превратиться в свою противоположность и что, следовательно, чтобы избавиться от государства, необходимо изо всех сил способствовать усилению его власти.

Однако проблема диалектики не единственная и на самом деле далеко не главная проблема марксистского коммунизма. Поскольку марксизм и анархизм объединяет серьезная трудность, возникающая на высшей стадии чистого коммунизма, если допустить на мгновение, что она когда-либо может быть достигнута. Ключевым моментом является то, что и для анархистов, и для марксистов идеальный коммунизм — это мир без частной собственности, в котором все имущество и ресурсы будут принадлежать всем и управляться совместно. И действительно, главной жалобой анархокоммунистов на государство есть то, что оно якобы является главным стражем и гарантом частной собственности, и следовательно, для отмены частной собственности должно быть искоренено государство. В действительности, конечно, все в точности наоборот: государство на протяжении всей истории было главным расхитителем и грабителем частной собственности. Когда частная собственность будет таинственным образом упразднена, тогда ликвидация государства при коммунизме (в его марксистской или анархистской разновидности) неизбежно окажется просто камуфляжем для нового государства, которое возникнет для того, чтобы управлять и принимать решения относительно ресурсов, находящихся в общественной собственности. Кроме того, государство будет называться не государством, а, например, будет переименовано во что-то вроде в «народного статистического бюро», как уже было сделано в Ливии при Каддафи, однако будет обладать точно такими же полномочиями. Для будущих жертв, заключенных в тюрьму или расстрелянных за совершение «капиталистических актов между совершеннолетними» (цитирую фразу, ставшую популярной благодаря Роберту Нозики), станет слабым утешением, что их угнетатели будут представителями не государства, а всего лишь народного статистического бюро. Едкий запах государства останется таким же и под

любым другим именем. Кроме того, согласно железному закону олигархии, «общественные решения всемирного значения» неизбежно будут приниматься особой элитой и, таким образом, правящий класс неминуемо появится снова, как в бакунинском, так и в любом другом варианте коммунизма³⁷.

И, как мы уже отмечали, на стадии «сверхкоммунизма», на стадии всеобщего отсутствия собственности и, следовательно, отсутствия деятельности и не использования ресурсов, смерть всего рода человеческого наступит стремительно.

Маркс и его последователи никогда не демонстрировали каких-либо признаков осознания ими жизненной важности проблемы распределения редких ресурсов. В их представлении о коммунизме все подобные экономические проблемы тривиальны, не требуется никакого предпринимательства, никакой системы цен, никакого достоверного экономического расчета — все эти проблемы могут быть решены путем простого учета или записи. Классический абсурд по этому вопросу был написан Лениным, который, заявляя, четко выражая взгляды Маркса, что предпринимательская функция и неравномерное размещение ресурсов были «упрощены капитализмом до чрезвычайности» и сводятся к простому учету и «необыкновенно простым, всякому грамотному человеку доступным операциям наблюдения и записи, знанию четырех правил арифметики». Людвиг фон Мизес едко и точно заметил, что марксисты и другие социалисты «представляли основы экономической жизни так же, как мальчик-рассыльный, для которого вся работа предпринимателя — в умении покрывать поверхность бумаги буквами и цифрами»³⁸.

Это будет, пожалуй, слишком уж точно соответствовать нашей задаче, но, как теперь стало известно, автором идеи коммунизма, как простой проблемы учета и регистрация, был, по-видимому, вдохновивший Маркса французской апокалиптический фантаст Теодор Дезами⁴⁹.

10.4. ПЕРЕХОД К КОММУНИЗМУ

Перед Карлом Марксом стояла одна очень серьезная проблема. Он, в отличие от социалистов-утопистов, отношение к которым у него было весьма пренебрежительным, не ограничился одними только увещаниями, чтобы все становилось на коммунистический путь к совершенному обществу. Он не предлагал предоставить решение проблемы перехода к коммунизму несовершенной свободной воле людей. Он настаивал на определенном, «неизбежном» пути, «законе истории», который продемонстрирует абсолютную неизбежность достижения высшей и окончательной фазы исторического развития — коммунистического общества. Однако по сравнению с различными течениями христианского мессианского коммунизма здесь он оказался в невыгодном положении: поскольку в отличие от них у него отсутствовал обязательный мессия,

который должен прийти и провозгласить Царство Божие на земле. Как и в случае с постмилленаристами, здесь установление Царства оставлялось на усмотрение человечества, а не мессии. Однако и без мессии бдительный и численно растущий авангард позволят установить Царство; такой авангард мог бы пригодиться и в различных премилленаристских версиях милленаризма. Таким образом, наличие руководящего авангарда вполне отвечало мессианской традиции.

Как отмечает проф. Такер, перед Марксом не стояла проблема моральной теории. Он, безусловно, был моралистом, однако весьма необычного типа. В его «мифическом видении» «хорошее» и «моральное» связано с содействием приближению неизбежного триумфа пролетарской революции, тогда как «плохое» и «аморальное» — все то, что пытается этому помешать.

Ответ на вопрос, что должно быть сделано, дается самим мифическим видением и может быть выражен одним словом: «Участвуй!» <...> Так, Маркс... пишет, что вопрос не в том, чтобы реализовать на практике ту или иную утопическую систему (т.е. определить социальную цель и целенаправленно стремится ее реализовать), но просто «сознательно участвовать в историческом революционном общественном процессе, который разворачивается на наших глазах»⁴⁰.

Таким образом, быть нравственным означает быть «прогрессивным», находиться в гармонии с неизбежными будущими результатами работы законов истории, и в то же время самые суровые слова осуждения припасены для тех, кто «реакционен», кто осмеливается помешать, пусть даже частично, якобы предопределенному ходу событий. Особенно яростно марксисты обличают те революционные моменты, в которых существующее правление «прогрессивных» заменяется правлением «реакционеров», и тогда время чудесным образом, согласно метафоре исторической неизбежности, «поворачивает вспять». Например: революция Франко против Испанской республики и свержение Пиночетом Альенде в Чили.

Но если некоторые перемены действительно неизбежны, почему для человека так важно прилагать к этому руку или даже сражаться ради них? Здесь мы переходим к критическому вопросу о своевременности. Хотя перемены могут быть неизбежными, вмешательство человека способно ускорить и действительно ускоряет наступление самых желанных событий. Человек может действовать, согласно одной из любимых акушерских метафор Маркса, как «повивальная бабка» истории⁴¹. Вмешательство человека может придать неизбежному благотворный импульс.

Тем не менее акушерские аналогии Маркса — это лишь слабая попытка уклониться от внутреннего противоречия между идеей неизбежности и идеей действия, направленного на достижение неизбежного. Ибо, согласно Марксу, своевременность, а также характер событий — определяются материальной диалектикой истории. Маркс писал в «Капитале»,

что социализм был порожден «действием имманентных законов самого капиталистического производства». Как отмечает Мизес, для Маркса

Идеи, политические партии, и революционные действия — это просто надстройка; они не могут ни отсрочить, ни ускорить ход истории. Социализм придет, когда материальные условия его появления созреют в чреве [снова акушерство!] капиталистического общества, ни раньше, ни позже. Если бы Маркс был последователен, он не занимался бы политической деятельностью, а спокойно ждал дня, когда «[про]бьет час капиталистической частной собственности»⁴².

337

Маркс мог быть нелогичным и непоследовательным, но его подход прямо шел в традиции милленаризма. Как отмечает профессор Тувесон:

Некоторые характеристики исторических коммунистических движений напоминают волнения милленаристов. Например, существует известный фанатизм верующих в миллениум... Твердое убеждение, что последовательность событий, ведущих к всеобщему искуплению, предопределена (или «детерминирована»), должно, казалось бы, привести к пассивности людей... Однако имеется одна весьма важная и характерная оговорка. Хотя последовательность событий предсказана, сроки их наступления могут быть отодвинуты по вине человечества. В таком случае отсрочка прихода искупления есть великий грех против своих собратьев, против потомков, против силы, предопределившей ход событий. Но беззаветное, ревностное участие в реализации исторически предопределенных задач есть, как это называли бы старые милленаристы, овеянное особой славой «исполнение Божьей воли». В большинстве милленаристских групп имеется нечто-то весьма напоминающее «коммунистическую партию». В книге Откровения называются сто сорок четыре тысячи, которые «как первенцы Богу и Агнцу», которые без лукавства, ибо они «непорочны пред престолом Божиим» (Откр. 14, 4—5). Таким образом, весь пролетариат, подобно всему телу спасенного, освобождается от смертной вины, кроме группы особого назначения... избранных из избранных⁴³.

Однако неразрешенной остается еще одна проблема: откуда в марксистской схеме появляется неизбежность? Доказательство того, что возникновение неизбежности лелеемого коммунистического идеала является «научным», будет занимать Маркса до конца жизни. Определенно, что общие контуры такого доказательства он обнаружил в таинственных разработках гегелевской диалектики, которую он приспособил для своих целей.

10.5. ОСОБЕННОСТИ ХАРАКТЕРА МАРКСА И ЕГО ПУТЬ К КОММУНИЗМУ

Общеизвестно, что Карл Маркс родился в 1818 г. в почтенном городе Трире, его отец был видным юристом, а дед раввином. Потомками раввинов были оба родителя Маркса. Отец Маркса Генрих был либеральным

рационалистом, который не испытывал особых иллюзий по поводу своего вынужденного обращения в официальное лютеранство в 1816 г. Мало известен тот факт, что в юные годы крещенный Карл был убежденным христианином. В своих гимназических выпускных сочинениях, написанных в Трире в 1835 г., еще очень молодой Маркс уже предвидел свое дальнейшее развитие. Его сочинение на заданную тему «Сочетание верующих со Христом» было выдержано в духе ортодоксального евангельского христианства, но в нем уже содержались намеки на тему фундаментального «отчуждения», которое он позднее обнаружит у Гегеля. В рассуждениях Маркса о «необходимости союза» с Христом подчеркивалось, что этот союз положит конец трагедии предполагаемого отказа Божьего от человека. В сопутствующем сочинении «Размышления юноши при выборе профессии» Маркс выразил беспокойство насчет своего «демона амбиции», великого соблазна, который он ощущал, чтобы «яростно выступить против Божества и человеческого проклятия».

Поступив вначале на юридический факультет Боннского университета, а затем переведясь в новый престижный Берлинский университет, Маркс вскоре превращается в воинствующего атеиста, и его главный интерес смещается в основном в область философии. Маркс присоединился к сообществу (Doktorclub) младо-(или лево-)гегельянцев, лидером и генеральным секретарем которого он вскоре становится.

Переход к атеизму очень быстро дал волю демону амбиции Маркса. В частности, характер Маркса, уже повзрослевшего, но все еще очень молодого человека, раскрывается в его многочисленных стихотворениях, большинство из которых утеряно, однако некоторые были обнаружены в последние годы⁴⁴.

Когда историки обсуждают эти стихотворения, они как правило, критикуют их за несовершенство романтических устремлений, однако эти вирши слишком точно отражают социальные и революционные доктрины взрослого Маркса, чтобы ими можно было пренебречь. Совершенно определено, что это как раз тот случай, когда ярко раскрывается единый Маркс (и ранний, и поздний). Так, в стихотворении «Чувства», посвященном его возлюбленной еще с детства, а позднее жене Женни фон Вестфален, Маркс выразил и свою манию величия, и свою огромную жажду разрушения:

Я постигну тайну Неба
Пусть мир взирает на меня;
Жить, ненавидеть, я желаю,
Чтобы ослепительно сияла
моя звезда...

и

...Слова я б уничтожил навсегда,
Поскольку мира я создать не в силах;
Поскольку зова моего не слышат никогда...

Это классическое выражение предполагаемой причины ненависти Сатаны и его восстания против Бога.

В другом стихотворении Маркс пишет о своем триумфе, который наступит после того, как он уничтожит созданный Богом мир:

И тогда я смогу пройти триумфально,
Божеством по руинам их царства.
Что ни слово мое — то огонь и деянье.
Моя грудь широка, как у Бога-Творца.

А в стихотворении «Вызов отчаявшегося» Маркс пишет:

Я возведу свой трон над головами.
Его вершина будет холодной и огромной.
Ибо его оплот — страх суеверный.
Ибо вершитель воли — мука черная⁴⁵.

339

Тема Сатаны наиболее четко сформулирована в Марксовом «Скрипаче», посвященном отцу:

Ты видишь этот меч?
Князь тьмы
Его мне продал.

И:

Я с Сатаной сделку заключил,
Он ноты пишет, отбивает ритм.
Я смерти марш играю быстро и свободно.

Особенно поучительна написанная в этот юношеский период длинная, незаконченная поэтическая драма Маркса «Oulanem, A Tragedy». По ходу этой драмы ее герой Оуланем произносит замечательный монолог, наполненный ругательствами, ненавистью к миру и человечеству, ненавистью к самому акту творения, угрозами и предвидением всемирного уничтожения.

Так Оуланем изливает свой гнев:
Я изрыгну гигантские проклятья на людей:
Что Вечность? Ха! Одна лишь вечная печаль...
Творения часовщика, мы — лишь механика слепая,
Чтоб стать засаленным календарем пространства и времен
Сотворены бесцельно, на погибель,
Так что должно быть что-то, чтоб разрушить...
Если есть то, что пожирает,
Я вспрыгну на него, пусть даже если это мир взорвет —
Тот мир, который между мной и Бездной,
Своим проклятьем разобью на части.
В объятья заключу суровую реальность:

Приняв меня в себя, погибнет мир безмолвно,
 Утонет полностью в ничтожестве,
 Погибнет все, уйдет из бытия — вот истинная жизнь!

И

Свинцовый мир нас схватывает быстро,
 Мы скованы, разбиты, пусты, напуганы,
 Прикованы навечно к мраморной глыбе Бытия...

и мы —

Мы обезьяны холодного Бога⁴⁶.

Все это иллюстрирует тот дух, который, по-видимому, и является движущей силой воинствующего атеизма. Похоже, что, в отличие от невоинствующего атеизма, который выражается в простом неверии в существование Бога, воинствующий атеизм Его существование неявно признает, но ненавидит Его и ведет войну за Его уничтожение. Этот дух слишком явно проявился в ответе воинствующего атеиста Бакунина на знаменитое протестическое замечание деиста Вольтера: «Если бы Бога не существовало, то его необходимо было бы создать», на что безумный Бакунин возразил: «Если Бог существует, то его необходимо уничтожить». Именно эта ненависть Богу, как к создателю чего-то большего, чем он сам, по-видимому, и вдохновляла Карла Маркса.

Также прообразом будущего человека была одна черта, которую Маркс приобрел еще в ранней молодости и никогда от нее не отказывался: жить за счет друзей и родственников, не испытывая при этом никаких угрызений совести.

Уже в начале 1837 г. Генрих Маркс критиковал своего сына Карла за безответственное расходование чужих денег, когда писал ему, что «только по одному вопросу... вы мудро признали уместным соблюдать аристократическое молчание; я имею в виду ничтожные денежные дела». Действительно, Маркс брал деньги из любого источника: его отец, мать, а на протяжении всей его взрослой жизни — его многострадальный друг и несчастный ученик Фридрих Энгельс — все они обеспечивали Марксу возможность расходовать деньги легко, словно это вода⁴⁷.

Маркс, без усталости транжиря чужие деньги, постоянно при этом жаловался на нехватку финансовых средств. Живя за счет Энгельса, Маркс в то же время постоянно жаловался своему другу, что его щедрости никогда не бывает достаточно. Так, в 1868 г. Маркс настаивал, что он не может ограничиться годовым доходом менее 400—500 ф. ст., феноменальной по тем временам суммы на фоне того, что средний доход верхних 10% англичан в то время составлял всего 72 фунта в год. И действительно, Маркс был столь расточительным, что быстро промотал наследство в 824 фунта, оставленного ему в 1864 г. одним его немецким последователем, а также подарок в 350 ф. ст. от Энгельса в том же году.

Иначе говоря, Маркс смог за два года спустить круглую сумму в почти 1200 фунтов, а два года спустя принять еще один подарок от Эн-

гельса в 210 фунтов для уплаты по своим вновь накопившимся долгам. В 1868 г. Энгельс продал свою долю в семейной ситценабивной фабрике и установил с этого момента ежегодную «пенсию» Марксу в размере 350 фунтов. Тем не менее постоянные жалобы Маркса по поводу денег не прекращались⁴⁸.

Как и другие приживалы и любители пожить за чужой счет, которых на протяжении истории было множество, Карл Маркс испытывал ненависть и презрение к тому самому материальному ресурсу, который он так выпрашивал и которым пользовался так безрассудно. С той лишь разницей, что Маркс развил целую философию вокруг собственного порочного отношения к деньгам. Человек, громогласно провозглашал он, оказался зажатым в тисках денежного «фетишизма». Проблема заключалась в самом существовании этого зла, а не в отношении к нему некоторых людей. Деньги Маркс называл «сводней между... человеческой жизнью и средствами к существованию», «всеобщей шлюхой». Утопической мечтой коммунизма было общество, в котором этот бич, деньги, будут отменены.

Карл Маркс, этот самопровозглашенный враг эксплуатации человека человеком, своего преданного друга Фридриха Энгельса эксплуатировал не только в финансовом отношении, но и психологически. Так, всего через три месяца после того, как в марте 1851 г. жена Маркса Женни фон Вестфален родила дочь Франциску, проживавшая с ними горничная Хелен («Lenchen») Демут, которую Маркс «унаследовал» от аристократической семьи Женни, тоже родила внебрачного сына Маркса, Фридриха Генриха. Отчаянно желая соблюсти великосветские условности и сохранить свой брак, Карл своего сына не признал, а вместо этого убедил отъявленного ловеласа Энгельса, чтобы тот назвал ребенка своим.

И Маркс, и Энгельс очень плохо обошлись с несчастным Фрицем, хотя Энгельса можно как-то оправдать, если принять во внимание его предполагаемое негодование по поводу того, как обошлись с ним. Маркс постоянно отгораживался от Фрица, никогда не позволяя тому навещать свою мать. Как заявил биограф Маркса Фриц Раддац: «Если Генрих Фридрих Демут был сыном Карла Маркса, значит, новый пророк человечества почти всю свою жизнь прожил во лжи, презирая, унижая и отрекаясь от своего единственного выжившего сына»⁴⁹. Расходы на образование Фрица, конечно же, взял на себя Энгельс. Однако учили Фрица тому, чтобы занять свое место в рядах рабочего класса, вдали от жизни своего родного отца, квазиаристократического лидера угнетенного революционного мирового пролетариата^{50, 51}.

Любовь Маркса к аристократическому образу жизни была пожизненной. Еще будучи молодым человеком, он привязался к отцу Женни барону Людвигу фон Вестфален — их семья жила по соседству — и посвятил барону свою докторскую диссертацию. Кроме того, этот пафосный пролетарский коммунист в действительности всегда настаивал на том, что на визитной карточке Женни было напечатано: «В девичестве фон Вестфален».

10.6. ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ernest L. Tuveson, 'The Millenarian Structure of The Communist Manifesto', in C. A. Patrides and Joseph Wittreich (eds), *The Apocalypse: in English Renaissance Thought and Literature* (Ithaca: Cornell University Press, 1984), pp. 326—327. Тувесон полагает, что Маркс и Энгельс, возможно, испытали сильное влияние всплеска миллениаризма, имевшего место в Англии во период 1840-х гг. Об этом явлении, в частности о вспышке миллениаризма в Англии и в США, предрекавшего конец света 22 октября 1844 г., см. в классической работе по современному миллениаризму Ernest R. Sandeen, *The Roots of Fundamentalism: British and American Millenarianism, 1800—1930* (Chicago: University of Chicago Press, 1970). См.: Tuveson, *ibid.*, p. 340, n. 5.
2. Jean B. Quandt, 'Religion and Social Thought: The Secularization of Postmillennialism', *American Quarterly*, 25 (Oct. 1973), pp. 402—403. На самом деле Эли, наряду с многими другими постмиллениаристами, был не очень большим сторонником постепенности, поскольку говорил о Новом Иерусалиме, «которого мы все мы все ожидания с нетерпением».
- (1). «Имманентизировать эсхатон» в политической теории и теологии означает попытаться привнести эсхатон (окончательное, подобное небесам состояние истории) в имманентный мир. — *Прим. пер.*
3. Цит. по: S. Y. Utechin, 'Philosophy and Society: Alexander Bogdanov', in Leopold Labedz (ed.), *Revisionism: Essays on the History of Marxist Ideas* (New York: Praeger, 1962), p. 122.
4. J. P. Stern, 'Marxism on Stilts: Review of Ernst Bloch, *The Principle of Hope*', *The New Republic*, 196 (9 March 1987), pp. 40, 42; Leszek Kolakowski, *Main Currents of Marxism* (Oxford: Oxford University Press, 1984), III, pp. 423—424.
5. G. K. Chesterton, *Orthodoxy* (New York: 1927), pp. 244—245. Цит. по: Thomas Molnar, *Utopia: the Perennial Heresy* (New York: Sheed & Ward, 1964), p. 123.
6. «КПСС [Коммунистическая партия Советского Союза], будучи партией научного коммунизма, выдвигает и решает задачи коммунистического строительства, по мере готовности и созревания их материальных и духовных предпосылок, руководствуясь тем фактом, что необходимые этапы развития не должны быть пропущены...» (*Fundamentals of Marxism-Leninism* (2nd rev. ed., Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1963), p. 662 <см.: Основы марксизма-ленинизма : Учебное пособие : 2-е изд. М., 1962>. См. также: *Ibid.*, pp. 645—646, 666—667, 674—675 <Основы марксизма-ленинизма : Учебное пособие. М., 1960. С. 683 (создание материально-технической базы коммунизма), 701—703 (постепенное слияние физического и умственного труда), 720—723 (об условиях отмирания государства)>.
7. Об отчуждении и диалектике, см. гл. 11.
- (2). Мутализм (фр. *mutuellisme*) — анархическое направление экономической теории, социальной и политической философии, восходящее к первой половине XIX в., в особенности к работам П. Ж. Прудона. — *Прим. пер.*
8. Штейн считал французский социализм и коммунизм идеологией неимущего пролетариата, ставящей целью уничтожение исторических основ европейского общества, основанного на принципах частной собственности и индивидуальной личности. Разница заключалась, конечно же, в том, что Маркс,

- в отличие от других «бесклассовых» социалистов и коммунистов, одобрительно воспринял эту связь с пролетариатом, в то время как Штейн ее осуждал и предостерегал против нее. См. прекрасную и многое объясняющую работу: Robert C. Tucker, *Philosophy and Myth in Karl Marx* (Cambridge: Cambridge University Press, 1961), pp. 114—147. Книга Штейна (Lorenz von Stein, *Der Sozialismus und Kommunismus des Heutigen Frankreichs* (Leipzig, 1842)), остается непере-веденной. (Последующие издания носили другое название: *Geschichte des sozialen Bewegung in Frankreich*, 1850, 1921.) Штейн провел свои последние годы в качестве профессора государственных финансов и государственной администрации Венского университета, 1855—1888.
9. Цит. по: Tucker, op. cit., note 8, pp. 155; курсив Маркса. — М. Р. <Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : 2-е изд. Т. 42. С. 114.>
10. Не самом деле отнюдь не случайно, что марксистские историки, от Энгельса до Эрнста Блоха, являлись большими поклонниками подобных режимов и движений, во-первых, из-за их коммунизма, а во-вторых, потому что это были, конечно же, «народные движения», зародившиеся в низших классах.
11. Tucker, op. cit., note 8, pp. 155—156.
12. «Анти-Дюринг» стало общепринятым названием книги Энгельса «Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом», вышедшей в свет в 1878 г., за пять лет до смерти Маркса. Три основные главы, не ориентированные на Дюринга, были изданы на французском языке в 1880 г. под названием «Социализм: от утопии к науке», став в конце XIX в. вторым, после «Манифеста Коммунистической партии», популярным изложением марксизма. Английский перевод, авторизованный Энгельсом, был опубликован в 1892 г., и поэтому Энгельс несет ответственность за такое неуклюжее выражение, как глагол *environ* (окружать). См.: R. C. Tucker (ed.), *The Marx-Engels Reader* (2nd ed., New York: W. W. Norton, 1972), pp. 715—716 <Русский перевод приводится по изданию: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : 2-е изд. Т. 20. С. 294—295>.
13. Tucker, op. cit., note 8, pp. 196—197.
14. Ibid., p. 198. <Цитируемую Такером фразу Маркса см. в: Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : 2-е изд. Т. 42. С. 125>.
- (3). Русский перевод приводится по изданию: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : 2-е изд. Т. 20. С. 305. — *Прим. изд.*
15. Tucker, op. cit., note 12, p. 160 <русский перевод приводится по изданию: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : 2-е изд. Т. 3. С. 31—32>. Аналогичным образом Энгельс в своем «Анти-Дюринге» облил презрением разновидность «русского социализма», который намеривался сохранить разделение труда как «неизбежное по природе вещей». В пику этому Энгельс заявил, что в будущем коммунизме «настанет время, когда не будет ни тачечников, ни архитекторов по профессии и когда человек, который в течение получаса давал указания как архитектор, будет затем в течение некоторого времени толкать тачку, пока не явится опять необходимость в его деятельности как архитектора» (Ibid., p. 718 <русский перевод приводится по изданию: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : 2-е изд. Т. 20. С. 206>). Во времена «культурной революции» в маоистском Китае именно в таком духе хирургов в больницах в случайном порядке меняли местами с дворниками.

Наконец, в книге «Женщина и социализм» (1883) правоверный немецкий марксист и организатор рабочего класса Август Бебель (1840—1913) так перефразировал высказывание Маркса о роли женщины при коммунизме: «Наряду с работой в каком-либо производстве женщина в другое время занята как воспитательница, учительница, сиделка, в течение третьей части она занимается искусством или наукой и наконец в течение остального времени она выполняет какую-либо административную функцию». Цит. по: Ludwig von Mises, *Socialism: An Economic and Sociological Analysis* (Indianapolis: Liberty Classics, 1981), p. 168n <Мизес Л. фон. Социализм. М.; Челябинск: Социум, 2018. С. 165>.

16. Alexander Gray, *The Socialist Tradition* (London: Longmans, Green, 1946), p. 328.
17. Tucker, op. cit., note 12, p. 723 <русский перевод приводится по изданию: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : 2-е изд. Т. 20. С. 206>.
18. Tucker, op. cit., note 8, p. 197n.
- 343 19. О дискуссии в СССР по этому вопросу см.: Herman Akhminov, 'The Prospects for the Division of Labor', *Bulletin of the Institute for the Study of the USSR* (July 1964), pp. 3—18.
20. Фридрих Энгельс «Об авторитете», написано в 1872 г. и впервые опубликовано в итальянском сборнике 1874 г., см.: Tucker, op. cit., note 12, p. 731 <русский перевод приводится по изданию: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : 2-е изд. Т. 18. С. 305, 303, 304>.
- (4). Русский перевод приводится по изданию: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : 2-е изд. Т. 18. С. 153. — *Прим. изд.*
21. Перевод на английский см. в: William O. Henderson, *The Life of Friedrich Engels* (London: Frank Cass, 1976) I, pp. 369—376. Цит. по: T. W. Hutchison, *The Politics and Philosophy of Economics: Marxians, Keynesians and Austrians* (Oxford: Basil Blackwell, 1981), pp. 9—12, 14 <см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : 2-е изд. Т. 4. С. 323—339>.
22. Подробнее о социалистах-рикардианцах, и о теории делового цикла Родбертуса см. главу 13. Родбертус был богатым и независимым прусским политиком и государственным чиновником, который прожил большую часть своей жизни в качестве праздного и эрудированного прусского сельского помещика. (Он купил поместье неподалеку от городка Ягецов в Восточной Пруссии и вскоре сменил имя на Родбертус фон Ягецов.) В основе его лежало то, что труд связан железным законом заработной платы и что справедливость может восстановить социализм под руководством государства, в буквальном смысле божественного, самоорганизующегося творческого живого организма, и лучше всего — во главе с королем (в общем, монархический социализм). Однако Родбертус строго предупреждал, что люди еще не доросли для такого нравственного социализма — и не дорастут в течение еще пятисот лет. См.: Gray, op. cit., note 16, pp. 343—351.
- (4). Русский перевод этой и двух следующих цитат приводится по изданию: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : 2-е изд. Т. 21. С. 189, 190. — *Прим. перев.*
23. Hutchison, op. cit., note 21, p. 15. Хатчисон указывает, что в Советской России «актуальность предупреждения Энгельса о диспропорции в поставках брюк и брючных пуговиц была недавно довольно пикантным образом подтверждена». В 1980 г. газета «Правда» (Москва) жаловалась на то, что «в швейной промыш-

- ленности брюки попали в перечень «важнейших» товаров, а застёжки-молнии — нет». См.: *Ibid.*, p. 20n.
24. *Ibid.*, pp. 15—16.
25. «Private Property and Communism», in Tucker, op. cit., note 12, p. 85 <русский перевод приводится по изданию: Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : 2-е изд. Т. 42. С. 117>.
26. Как пишет Такер, «социализированное человечество — это не только бесклассовый, но также безгосударственный, лишенный законов, религии, семьи, религии и в целом структуры коллектив совершенных индивидов, пребывающих в гармонии с собой, друг с другом и с окружающей их антропологической природой. Едва ли необходимо лишней раз указывать на то, что общество без общественной структуры не является общественным порядком ни в каком смысле этого слова. Выражаясь в духе молодого Маркса, это общество». Tucker, op. cit., note 8, p. 201.
- (5). Русский перевод приводится по изданию: Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : 2-е изд. Т. 42. С. 129. — *Прим. изд.*
27. *Ibid.*, pp. 158—161.
28. Tucker, op. cit., note 12, p. 93 <русский перевод приводится по изданию: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : 2-е изд. Т. 42. С. 127>.
29. Советская версия высшей стадии коммунизма почти не отличалась от его начального этапа и самой советской жизни. Все центральные, новаторские, тревожные мессианские или странные особенности коммунизма преуменьшались или скрывались. Так, согласно советской точке зрения, высшая стадия или истинный коммунизм не являлись концом истории, а были всего лишь обществом, которое «будет постоянно изменяться и совершенствоваться». Коммунистическое изобилие решительно не будет похоже на «сказочные страны, где в кисельных берегах текут молочные реки». Будет просто происходить «стремительное и непрерывное улучшение» «социалистической науки и техники». См.: *Fundamentals of Marxism-Leninism*, op. cit., note 6, pp. 698—699, 698—717 <см. также: Основы марксизма-ленинизма : учебное пособие. М., 1960. С. 735—736, 735—753; английский перевод не является буквальным, в частности, фраза про «сказочные страны...» выглядит так: «fabulous lands flowing with milk and honey»; остальные три фразы в кавычках переведены с английского>.
30. Karl Marx, *Critique of the Gotha Programme* (New York: International Publishers, 1938) <Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : 2-е изд. Т. 19. С. 19—20>. «Критика...» была впервые опубликована Энгельсом в 1891 г., после смерти Маркса. Лассальянцы были последователями покойного Фердинанда Лассаля (1825—1864), хвастуна и денди, в то время чрезвычайно популярного в Германии, особенно любимого в рабочей среде, и выдающегося организатора пролетариата. Характерно, что смерть Лассаля была ранней и не очень пролетарской, а, скорее, аристократической — в результате дуэли из-за дамы. Одним из двух крупнейших отклонений Лассаля от марксизма стала его ультрамальтузианская приверженность теории заработной платы на минимальном прожиточном уровне Мальтуса—Рикардо как детерминанты роста численности населения. Он популяризировал эту теорию в ее наиболее жесткой форме, которую

назвал «железным законом заработной платы», и под этим названием она получила широкую известность.

Другим и более важным отклонением Лассалья стало его признание и поклонение государству. В представлении Маркса государство являлось инструментом тирании для эксплуатации масс, и необходима была насильственная революция, чтобы его свергнуть. Лассаль же, в гегелевском духе, воспевал государство как проводника и распространителя свободы, как слияние человека в духовное целое и как вечный инструмент для нравственного возрождения. Единственной проблемой государства для Лассалья был тот факт, что оно еще не контролируется рабочими, но она может быть решена просто путем принятия всеобщего избирательного права, после чего государство будет работать под контролем рабочей партии, рабочие станут государством, и все будет хорошо. Государство оперативно передаст контроль над производством ассоциациям рабочих, которые тем самым обойдут железный закон, присвоив себе избыточные прибыли, в настоящее время присваиваемые капиталистами. См.: Gray, *op. cit.*, note 16, pp. 332—343.

31. В действительности Маркс идет дальше и приходит к важному заключению: что распределение всегда вытекает из «условий производства» и не может быть отделено от него. Можно было бы подумать, что это был не только аргумент против «вульгарных социалистов», но также и неявная пощечина Дж. С. Миллю, который полагал, что в то время как производство было связано экономическим законом, «распределение» может быть отделено от производства и преобразовано действиями государства.
32. См. блестящее обсуждение данного вопроса у Такера в: Tucker, *op. cit.*, note 8, p. 200.
33. Советские люди были избавлены от полномасштабного катаклизма коммунизма, когда Ленин, великий прагматик, отказался от первоначальной советской попытки (1918—1921) отменить деньги и одним скачком попасть в коммунизм (который позднее намеренно неправильно именовался «военным коммунизмом»), и вернуться к капиталистической, в значительной степени, экономике нэпа. Мао попытался достичь коммунизма в два катастрофических скачка: Большой скачок, который пытался устранить частную собственность и устранить «противоречия» между городом и деревней посредством строительства металлургических заводов в каждом дворе; и Великая пролетарская культурная революция, которая пыталась устранить «противоречие» между умственным и физическим трудом, отправив целое поколение студентов на принудительные работы в дебри Синьцзяня. По поводу мифа о «военном коммунизме» см. многое разъясняющее обсуждение в: Paul Craig Roberts, *Alienation and the Soviet Economy* (Albuquerque: University of New Mexico Press, 1971), pp. 20—47.
34. Забавный случай имел место в эпоху «новых левых» конца 1960-х годов, когда журнал «Liberated Guardian» откололся от квазимаоистского журнала «Guardian» на том основании, что последний функционировал таким же образом, как и любой другой «буржуазный» журнал, со специализированными редакторами, машинистками, корректорами, бизнес-персоналом и т.д. «Liberated Guardian» издавался «коллективом», в котором, согласно замыслу, каждый человек выполняют все задачи без специализации. К аналогичной критике, за которой последовало аналогичное решение, прибегло и женское партийное собрание, конфисковавшее имущество еженедельника «новых левых» «Rat».

- Как и следовало ожидать, оба издания умерли быстрой безболезненной смертью. См.: Murray N. Rothbard, *Freedom, Inequality, Primitivism, and the Division of Labor* (Menlo Park, Calif. Institute for Humane Studies, 1971), pp. 15n, 20.
35. См.: Mises, op. cit., note 15, p. 143 <Мизес. Указ. соч. С. 142>. Также см.: Rothbard, op. cit., note 34, pp. 8—15.
36. Bakunin, *Statehood and Anarchy*, quoted in Leszek Kolakowski, *Main Currents of Marxism: Its Origins, Growth and Dissolution* (New York: Oxford University Press, 1981), I, pp. 251—252 <Бакунин М. А. Государственность и анархия // Бакунин М. А. Философия. Социология. Политика. М.: Правда, 1989>. См. также: Abram L. Harris, *Economics and Social Reform* (New York: Harper & Bros, 1958), pp. 149—150.
37. О самопринадлежности и о невозможности общего владения см.: Murray N. Rothbard, *The Ethics of Liberty* (2nd ed., Atlantic Highlands, NJ: Humanities Press, 1983), pp. 45—50 <Ротбард М. Этика свободы [Электронный ресурс] // royallib.com. URL: https://royallib.com/read/rotbard_myurrey/etika_svobodi.html#0 (дата обращения: 6.01.2019)>.
38. Курсив Ленина. V. I. Lenin, *State and Revolution* (New York: International Publishers, 1932), pp. 83—84; Mises, op. cit., note 15, p. 189 <Мизес. Указ. соч. С. 185>. См. также: Harris, op. cit., note 36, pp. 152—153n.
39. См. классическую биографию Маркса: David McLellan, *Karl Marx: His Life and Thought* (New York: Harper & Row, 1973), p. 118.
40. Tucker, op. cit., note 8, p. 229.
41. О родовспомогательных метафорах в марксизме см.: Gray, op. cit., note 16, p. 299 and 299n.
42. Ludwig von Mises, *Theory and History* (1957, Auburn, Ala.: Ludwig von Mises Institute, 1985), p. 81 <Мизес Л. фон. Теория и история. М; Челябинск: Социум, 2013. С. 70>.
43. Tuveson, op. cit., note 1, pp. 339—340.
44. Стихотворения в основном были написаны в 1836—1837 гг., в первые месяцы его пребывания в Берлине. В 1841 г. в берлинском «Атенеуме» были опубликованы первые два из 345 стихотворений, в которых нашли отражение представления Маркса о коммунизме, остальные стихотворения в основном утеряны.
45. Richard Wurmbrand, *Marx and Satan* (Westchester, Ill: Crossway Books, 1986), pp. 12—13.
46. Полный перевод текста «Oulanem, A Tragedy» см.: Robert Payne, *The Unknown Karl Marx* (New York: New York University Press, 1971), pp. 81—83. Другая отличная книга о как мессианстве Маркса и о его стихотворениях: Mazlish, *The Meaning of Karl Marx* (New York: Oxford University Press, 1984). Пастор Вурмбранд указывает, что Oulanem является анаграммой Emmanuel, библейского имени Иисуса, и что подобные инверсии святых имен в сатанинских культурах является стандартной практикой. Однако реальных доказательств того, что Маркс был членом такого культа нет. Wurmbrand, op. cit., note 45, pp. 13—14 and passim.
47. Фридрих Энгельс (1820—1895) был сыном крупного промышленника и текстильного фабриканта, бывшего также убежденным пиетистом, происходившим из города Бармена <сегодня Вупперталь-Бармен> Рейнской области

Германии. Бармен был одним из главных центров пиетизма в Германии, и Энгельс получил строгое пиетистское воспитание. Атеист, а к 1839 г. ставший гегельянцем, в 1841 г. Энгельс поступил в Берлинский университет и вошел в кружок младогегельянцев, вращался в тех же кругах, что и Маркс, с которым в 1844 г. они становятся верными друзьями.

<Пиетизм — изначально движение внутри лютеранства, характеризующееся приданием особой значимости личному благочестию, религиозным переживаниям верующих, ощущению живого общения с Богом, а также ощущению постоянного нахождения под строгим и бдительным «Божьим оком». — *Перев.*>

48. См. говорящие сами за себя оценки: Gary North, *Marx's Religion of Revolution: The Doctrine of Creative Destruction* (Nutley, NJ: Craig Press, 1968), pp. 26—28. См. также: *Ibid.* (2nd ed., Tyler, Texas: Institute for Christian Economics, 1989), pp. 232—256.
49. Fritz J. Raddatz, *Karl Marx: A Political Biography* (Boston: Little Brown & Co., 1978), p.134.
50. Марксистские историки подошли с пониманием по крайней мере к стремлению Маркса скрыть свою неосторожность, они сумели сохранить в тайне правду о Фрице Демуте вплоть до последних лет. Хотя ведущим марксистам, таким как Бернштейн и Бебель, истина была известна, весть о незаконном отцовстве Маркса впервые была опубликована только в 1962 г. в книге Вернера Блюенберга «Маркс». См. в частности: W. O. Henderson, *The Life of Friedrich Engels* (London: Frank Cass, 1976), II, pp. 833—834. Некоторые правоверные марксисты до сих пор отказываются признавать неприглядные факты. См. труд любви покойного лидера «дрейперитского» течения троцкистского движения: Hal Draper, *Marx-Engels Cyclopedia* (3 vols, New York: Schocken Books, 1985).
51. Что касается Энгельса, то он отказался жениться на своей любовнице Мэри, потому что она была «низкого» происхождения. После смерти Мэри любовницей Энгельса стала ее сестра Лиззи. Энгельс великодушно взял Лиззи замуж на ее смертном одре, «чтобы доставить ей «последнюю радость».

ГЛАВА 11

ОТЧУЖДЕНИЕ, ЕДИНСТВО И ДИАЛЕКТИКА

11.1. ИСТОКИ ДИАЛЕКТИКИ: КРЕАТОЛОГИЯ

349

Марксово «отчуждение» не имеет никакого отношения к модным разглагольствованиям псевдомарксистских интеллектуалов конца XX в. Это понятие не обозначало психологического ощущения тревоги или разобщенности, в котором еще как-то можно обвинить капитализм либо культурную или сексуальную «угнетенность». Оно, как мы уже видели, относилось, по самой меньшей мере, к институтам денег, специализации и разделения труда¹. Искоренение этих зол было необходимо для объединения коллективного организма или человека как вида «с самим собой», для преодоления расколов «в нем самом» и между человеком и «им самим» в форме созданной человеком природы. Но радикальное зло отчуждения имело гораздо более космический характер. Оно было метафизическим, было глубинной частью философии и мировоззрения, которые Маркс заимствовал у Гегеля и которые в сочетании с «диалектикой» дали Марксу абрис механизма, призванного, как закон истории, принести нам коммунизм с неотвратимостью закона природы.

Все это началось с философа-платоника III в. н. э. Плотина и его последователей, а также с теологической дисциплины, на первый взгляд равно удаленной от политики и экономики, а именно с *креатологии*, «науки» о Первых днях Творения. Мы ведь уже убедились, что другая, сопутствующая первой и столь же далекая от политики и экономики теологическая дисциплина, *эсхатология*, или «наука» о Последних днях, способна вызывать огромные политические и экономические последствия самого разного вида.

Главный вопрос креатологии таков: почему Бог создал мироздание? Ответ Августина, а тем самым ответ католиков, а также лютеран и кальвинистов состоит в том, что Бог, будучи совершенным существом, создал мироздание, поскольку питал благожелательность и любовь к своим творениям. Вот и все. И это, по-видимому, единственный ортодоксально правильный ответ. Но со времен раннего христианства еретики и мистики отвечали на вопрос совершенно иначе: Бог создал мироздание не в силу своего совершенства и своей любви, а потому, что ощущал неполноту и несовершенство. Иными словами, Бог создал мироздание, поскольку ощущал беспокойство, одиночество или нечто подобное. Поначалу, до сотворения мира, Бог и человек (как коллективный органический вид, разумеется, а не как конкретный индивидуум) были объединены в одном,

так сказать, всекосмическом сгустке. Как вообще можно помыслить «единство» человека и Бога до сотворения человека — это загадка, которую следует разгадывать кому-нибудь более искушенному в божественных тайнах, чем автор этой книги. Так или иначе, история в данном случае становится процессом, причем предустановленным процессом, посредством которого Бог раскрывает свой потенциал, а человек в собирательном смысле, как вид, раскрывает свой. Но в ходе этого процесса, когда Бог и человек раскрывают себя, становясь все более совершенными в истории и через историю, эти «благие» достижения уравниваются одной ужасной и трагической вещью: человек оказывается отделенным, отрезанным, «отчужденным» от Бога, от других людей и от природы. Такова масштабная концепция отчуждения. Отчуждение — нечто космическое, неустранимое, метафизическое, вплетенное в сам процесс творения или, во всяком случае, неустранимое до того неизбежного великого дня, когда человек и Бог, полностью раскрывшие себя, завершат процесс и саму историю тем, что вновь сольются и два этих великих космических сгустка опять станут единым целым.

Посмотрим сначала, что представляет собой этот великий исторический процесс. Это неизбежный, предопределенный «диалектический» процесс истории. В нем обычно выделяются три стадии. На первой стадии человек и Бог находятся в счастливом и гармоничном единстве (единстве до творения?), но все вещи, и в частности род человеческий, пребывают в неразвитом состоянии. Затем, на второй стадии, — тут в дело вступает магическая диалектика — Бог создает человека и мир, Бог и человек начинают раскрывать свои потенциалы, и возникает история как фиксация этого развития и одновременно как его процесс. Но творение, как в большинстве диалектик, оказывается обоюдоострым мечом: человек страдает в результате космического отделения и отчуждения от Бога. Например, для Плотина Бог есть единство, или Единое, тогда как зло тождественно любого рода различию или множественности. В человечестве зло происходит из эгоцентричности индивидуальных душ, «отколовшихся от Всецелого».

Но затем в конце концов процесс развития завершается, и вторая стадия подготавливает собственное *Aufhebung*, «снятие» себя самой, переход в собственную противоположность или в собственное отрицание: Бог и человек вновь обретают славное единство, наступает «экстаз единения» и конец отчуждения. На этой третьей стадии объединение субстанций имеет гораздо более высокий уровень, чем на первой стадии. История завершается, но все ее участники живут (?) счастливо и после этого.

Однако эта диалектика креатологии и эсхатологии принципиально отличается от ортодоксального христианского сценария прежде всего тем, что отчуждение, трагедия человека, в диалектических построениях от Плотина до Гегеля является метафизическим феноменом, неотделимым от самого акта творения. Напротив, в иудео-христианском повествовании удаленность человека от Бога имеет не метафизическое,

а только нравственное измерение. Для ортодоксальных христиан творение — это чистое благо, лишенное всякой примеси зла; зло начинается с грехопадения Адама, с дефекта не метафизического, а нравственного². Далее, согласно ортодоксальному христианству, Бог через воплощение в Иисусе открывает путь, на котором отчуждение может быть упразднено и человек может обрести спасение. Но вновь отметим: христианство — глубоко личностная вера, поскольку главное значение имеет спасение каждого человека. Спасение или его отсутствие выпадает каждому, первостепенную важность имеет личная участь каждого, а не участь коллективной субстанции или коллективного организма, Человека с большой буквы. С точки зрения ортодоксального христианства каждому человеку достается рай или ад.

В отличие от этого в первой, внешне оптимистичной мистической схеме (сейчас ее называют «теологией процесса») единственное спасение, единственный счастливый исход — это спасение коллективного организма, спасение всего вида, на пути к которому любой индивидуальный член организма может быть уничтожен без особых сожалений.

Эта диалектическая теология, а в особенности ее креатология, достигла полного расцвета у испытавшего влияние Плотина христианского мистика Иоанна Скота Эриугены (815—877) — жившего во Франции ирландского или шотландского философа. Далее традицию усвоило еретическое крыло христианской мистики, в частности немецкий автор Майстер Экхарт (ок. 1260—1327). Пантеистическая перспектива мистики была сродни буддистско-теософско-социалистическим воззрениям миссис Анни Безант, которая, как пронизательно и тонко заметил Честертон, призывала не столько любить ближнего своего, сколько *быть* этим ближним. Пантеистическая мистика призывает каждого индивидуума «объединиться» с Богом, с Единым, путем уничтожения собственной индивидуальности — отдельной и тем самым отчужденной. И хотя разные мистические секты, скажем последователи Иоахима Флорского или «Братья свободного духа», признавали разные средства для такого объединения, будь то исторический процесс или Армагеддон, *цель* у них была одна и та же: освобождение от индивидуального путем «воссоединения» с Богом, с Единым, и завершение космического «отчуждения» — по крайней мере на уровне каждого индивидуума.

Особое влияние на Г. В. Ф. Гегеля и гегельянцев оказал немецкий мистик Якоб Бёме (1575—1624); он добавил к своему пьянящему пантеистическому напитку тот предполагаемый механизм, ту силу, которая влечет диалектику по ее неуклонному пути в истории. Каким образом, спрашивал Бёме, до-тварный мир переносит себя в творение? До творения, отвечал он, существовал первоисточник, существовало вечное единство — недифференцированное, неразличимое, буквальное Ничто (Ungrund). (Кстати сказать, Гегель и его последователи имели обыкновение считать, что броский, но невразумительный термин можно сделать более возвышенным и понятным, если писать его с большой буквы.) Как

ни странно, это Ничто у Бёме обладало внутренним стремлением, *nisus*, к самореализации. Именно это стремление создает трансцендирующую противоположную силу, *волю*, которая, в свою очередь, создает мироздание, превращая Ничто в Нечто.

11.2. ГЕГЕЛЬ И ЧЕЛОВЕКО-БОГ

Ключевую роль в секуляризации диалектической теологии и, соответственно, в подготовке почвы для марксизма сыграл корифей немецкой философии Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770—1831). Он родился в Штутгарте, изучал теологию в Тюбингенском университете, затем преподавал теологию и философию в университетах Йены и Гейдельберга и, наконец, стал ведущим философом в новой жемчужине прусской академической короны, Берлинском университете. Переехав в Берлин в 1817 г., Гегель прожил там до самой смерти, закончив свои дни на посту ректора университета.

В духе немецкого романтического движения Гегель стремился объединить человека и Бога: он фактически обожествлял человека, погружая в него Бога. Незадолго до этого Гете популяризировал тему Фауста и уделил главное внимание страстному желанию Фауста обладать божественным, или абсолютным, знанием, а также божественной властью. Разумеется, для ортодоксального христианства всепоглощающая гордыня человека, который жаждет обрести божественное знание и божественную власть, напротив, является главным источником греха и человеческого грехопадения. Но Гегель — несомненно, самый еретический лютеранин — осмелился трансформировать страсть Фауста в универсальную философию, якобы позволяющую постичь необратимый ход исторического процесса.

По словам профессора Такера, гегельянство было «философской религией духа в форме теории истории». Эта религия основана на отождествлении духа с Богом³. Излишне добавлять, что речь идет не об индивидуальном, а о собирательном родовом «духе». В ранней работе «Позитивность христианства», которую Гегель написал в возрасте 25 лет, он осуждает христианство за то, что оно «разделило» человека и Бога, если не считать «одной-единственной личности» (Иисуса), и поместило Бога в другой, высший мир, который совершенно не зависит от деятельности человека. Четыре года спустя, в 1799 г., Гегель решил эту проблему, предложив собственную религию в работе «Дух христианства». В противоположность ортодоксальному христианству, где Бог стал человеком в Иисусе, гегелевский Иисус, *будучи человеком*, смог сам стать Богом. Такер точно передает основную мысль Гегеля. Для него Иисус —

не Бог, ставший человеком, а человек, ставший Богом. Вот ключевая идея, на которой возведено все здание гегельянства: между челове-

ческой и божественной природой нет принципиального различия. Эти природы не являются отдельными сущностями, между которыми существует непреодолимая пропасть. Абсолютный дух в человеке, хотя поименован, не просто богоподобен... *Это и есть сам Бог*. Следовательно, в той мере, в какой человек стремится стать «подобием Бога», он просто стремится обрести свою подлинную сущность. Обожествляя себя, он просто распознает свою истинную природу⁴.

Но если человек действительно является Богом, тогда что такое история? Почему человек (или, точнее, люди) изменяется и развивается? Причина в том, что человеко-Бог несовершенен или, во всяком случае, поначалу не имеет совершенства. Человеко-Бог начинает свою жизнь в истории, совершенно не осознавая своего божественного статуса. По мысли Гегеля, история — это процесс, в ходе которого человеко-Бог наращивает знание до тех пор, пока наконец не достигает состояния абсолютного знания, т.е. пока не осознает в полной мере, что он и есть Бог. В этом случае человеко-Бог реализует свой потенциал бесконечного бытия без границ, располагающего абсолютным знанием.

Но почему тогда человеко-Бог, которого Гегель также именуется «мировым духом» (Weltgeist), создал мир? Не из-за преизбытка любви и благожелательности, как в традиционном христианстве, а из потребности осознать себя как мировой дух. Обретение самосознания достигается с помощью творческой активности, позволяющей мировому духу экстраполировать себя вовне и облекаться в конкретные внешние формы. Это оформление начинается с создания природы, или изначального мира, а затем (здесь Гегель вводит важное дополнение по сравнению с другими теологиями) самооформление продолжается посредством человеческой истории. Самым важным является именно этот второй процесс, ибо с его помощью человек как коллективный организм распространяет свое построение цивилизации, свою творческую внешнюю экспансию, а *поэтому* повышает знание о своей собственной божественности и, соответственно, о мире как о своей собственной самоактуализации. Этот второй процесс, процесс все более полного осознания, что мир и есть подлинная сущность человека, Гегель называет постепенным завершением «самоотчуждения» человека, которое, с его точки зрения, было, конечно, и отчуждением человека от Бога. Иными словами, по Гегелю, человек воспринимает мир как нечто враждебное *именно потому*, что мир не является человеком, мир чужд человеку. Все эти конфликты устраняются, когда человек в конце концов осознает, что мир — это *и есть* сам человек. Поэтому процесс осознания для Гегеля есть «снятие», посредством которого мир лишается чуждости и уподобляется человеческой сущности.

Но почему, можно задать вопрос, гегелевский человек являет собой столь странное и нервное существо, что считает любую вещь, которая не есть он сам, враждебной и чуждой? Ответ раскрывает самую суть гегелевской мистики. Причина в том, что Гегель или гегелевский человек не может вынести сознания того, что он не Бог и поэтому не представляет

собой безграничного и беспредельного пространства. Наличие другого существа или другого объекта означает, что сам человек не безграничен и не божествен. То есть философия Гегеля — это бескомпромиссная и всекосмическая солипсистская мания величия самого грандиозного масштаба. Профессор Такер со свойственной ему пронизательностью излагает суть дела так:

Отчуждение для Гегеля — это нечто конечное, а конечное, в свою очередь, означает зависимость и подчинение. Ощущение самоотстраненности при наличии явно данного объективного мира — это ощущение поработченности... Когда дух [или мировой дух] сталкивается с объектом или с «другим», он *ipso facto* осознает себя лишь как конечное существо, обнимающее реальность лишь в таком, но не большем, объеме и простирающееся лишь до данного предела, но не дальше. Поэтому объект является «границей» (Grenze). А граница, поскольку она противоречит представлению духа о себе самом как об абсолютном существе, т.е. существе без границ, неизбежно воспринимается как «барьер» или «оковы» (Schranke). Это барьер, не дающий духу осознавать себя тем, чем, как он считает, он на самом деле является, — всей полнотой бытия. В своем противостоянии с очевидно данным объектом дух ощущает себя заключенным и стесненным. Он ощущает то, что Гегель называет «скорбью от ограниченности».

Преодоление объекта посредством познания объекта — это способ, каким дух восстает против ограниченности и совершает прорыв к свободе. По совершенно оригинальному представлению Гегеля, свобода есть сознание собственной неограниченности: это отсутствие ограничивающего объекта, или отсутствие не-самости... Сознание бытия «наедине с собой»... — именно то, что Гегель подразумевает под сознанием свободы...

Соответственно, рост самопознания духа в истории можно иначе определить как продвижение сознания свободы⁵.

11.3. ГЕГЕЛЬ И ПОЛИТИКА

Как правило, детерминизм оставляет удобные скрытые запасные выходы для создателей и сторонников этого подхода, молчаливо признающих за собой способность подняться выше всемогущего детерминизма, который подавляет всех остальных. В этом отношении Гегель не был исключением — с той лишь разницей, что свои запасные выходы он не маскировал. Хотя Бог и абсолют есть ипостась человека как коллективного организма, а не крохотных и ничтожных индивидуальных членов этого организма, время от времени появляются великие индивидуумы, люди «всемирно-исторического» масштаба, призванные воплощать свойства абсолюта в большей мере, чем остальные. Именно им принадлежит важная роль в очередном эпохальном историческом «снятии» — в очередном прорыве к человекобожью или в очередном скачке «самопозна-

ния» мирового духа. Поэтому в то время, когда большинство прусских патриотов выражали крайнее неудовольствие завоеваниями Наполеона и собирали силы, чтобы противостоять ему, Гегель занял совершенно другую позицию. В письме к другу он с восторгом писал, что своими глазами видел Наполеона: «Самого императора — эту мировую душу — я увидел, когда он выезжал на коне на рекогносцировку. Поистине испытываешь удивительное чувство, созерцая такую личность, которая, находясь здесь, в этом месте, восседая на коне, охватывает весь мир и властвует над ним»⁶.

Гегель восторгался Наполеоном, поскольку видел в нем того, кто призван создать сильную государственность в Германии и в остальной Европе. Если основные принципы гегелевской эсхатологии и диалектики послужили прообразом марксизма, то ровно то же самое можно сказать о его более конкретной политической философии истории. Так, в работе 1795 г., вторя писателю-романтику Фридриху Шиллеру, Гегель заявил, что Древнюю Грецию следует рассматривать как пример раннего, или первоначального, коммунизма. Шиллер и Гегель превозносили Грецию за якобы однородность, единство и «гармоничность» ее полисов, в которых, по их совершенно ошибочному убеждению, совершенно отсутствовало разделение труда. Последующее «снятие» привело к разрушению этого чудесного единства и разделило людей, но вместе с тем — и это положительная сторона новой стадии истории — привело к росту торговли, уровня жизни и к развитию индивидуализма. С точки зрения Гегеля, грядущая эпоха, возвещенная его философией, принесет с собой реинтеграцию человека и государства.

До 1796 г. Гегеля, как и многих молодых интеллектуалов по всей Европе, восхищали Французская революция, индивидуализм, радикальная демократия, свобода и права человека. Однако вскоре он, опять же подобно многим европейским интеллектуалам, разочаровался во Французской революции и отдал предпочтение реакционному государственному абсолютизму. В частности, на Гегеля оказал сильное влияние шотландский этатист, сэр Джеймс Стюарт, который, будучи сторонником якобитов, вынужден был долгое время жить в Германии. В свою очередь, Стюарт, автор «Исследования о принципах политической экономии» (1767), находился под сильным влиянием камералистов — ультраэтатистских немецких меркантилистов XVIII в. В 1797—1799 гг. Гегель читал немецкий перевод книги Стюарта (опубликованный в 1769—1772 гг.) и делал из него значительные выписки. Особое его внимание привлекли две идеи. Первая заключалась в том, что история развивается стадийно и предопределенным путем «развертывается» из одной стадии (кочевой, сельскохозяйственной и т.д.) в другую. Вторая гласила, что для поддержания бартерной экономики необходимы интенсивное государственное вмешательство и контроль⁷. Неудивительно поэтому, что для Гегеля главным разочарованием от Французской революции стали индивидуализм и отсутствие государственной сплоченности. Вновь предвосхищая

Маркса, он считал, что человеку (коллективному организму) особенно важно возвыситься над неосознанным слепым фатумом и при помощи государства «сознательно» взять контроль над собственной судьбой. Соответственно, Гегель был великим почитателем Наполеона не только как великого завоевателя, но и как человека, который в мельчайших деталях регулировал французскую экономику.

Гегель недвусмысленно заявил, что нарождающемуся государству, новому и сильному, необходима совершенная философия, созданная Великим философом, чтобы придать могущественному правлению государства последовательность и законность. В противном случае, как поясняет профессор Планта, «государство, лишенное такого философского обоснования, будет чисто произвольно и принудительно навязывать индивидуумам полную свободу преследовать их собственные интересы».

Нетрудно догадаться, о какой философии и о каком Великом философе идет речь. С помощью гегелевской философии и самого Гегеля как первоисточника и лидера «чуждый аспект современного прогрессивного государства исчезнет, и место принуждения займет нарастающее самосознание. Регулируя и кодифицируя многие аспекты социальной практики, такое государство привносит в современный мир разумность и предсказуемость, которыми он в противном случае не обладал бы»⁸.

С такой философией и с таким философом новое государство займет отведенное ему свыше положение на высшей точке истории и цивилизации, словно Бог на земле. «Поэтому новое государство, утверждающее реальность политического единства, с философской точки зрения можно рассматривать как высшее воплощение Духа или Бога в современном мире». Таким образом, государство является «предельной манифестацией деятельности Бога в мире»; «государство превыше всего, это Дух, который познает себя как универсальную сущность и реальность». «Государство — это реальность Царства Небесного»; в конечном итоге «государство — это воля Бога»⁹.

Монархия — наилучшая форма государства из всех возможных, поскольку она позволяет «всем» подданным быть «свободными» (в гегелевском смысле), погружая их в божественную субстанцию; на это способно только авторитарное, монархическое государство. Люди «свободны» лишь тогда, когда являются незначительными частицами единой божественной субстанции. По словам Такера, «гегелевская концепция свободы тоталитарна в буквальном значении этого слова. Мировой дух должен воспринимать себя как тотальность бытия, или, как говорит сам Гегель, должен возвышать себя до “самовоспринимающей тотальности”, чтобы достичь осознания свободы. Все прочее равнозначно отчуждению и скорби от ограниченности»¹⁰.

Гегель считал, что завершительное состояние человеко-Бога, окончательный прорыв в тотальность и бесконечность уже близки. Самое высоко развитое государство в мировой истории уже существовало: это была прусская монархия при короле Фридрихе Вильгельме III.

Случилось так, что гегелевское обожествление существующей прусской монархии полностью совпало с пожеланиями самого короля. Когда Фридрих Вильгельм III в 1818 г. основал новый Берлинский университет⁽¹⁾ с целью укрепления и пропаганды своей абсолютной власти, разве кто-нибудь больше подходил для должности руководителя кафедры философии, чем Фридрих Гегель, обожествлявший государственную власть?⁽²⁾ Королю и его абсолютистской партии требовался официальный философ, который защищал бы государство от ненавистных идеалов Французской революции и оправдывал удаление реформаторов и классических либералов, которые помогли королю победить Наполеона. По словам Карла Поппера,

чтобы удовлетворить эту потребность, Гегель и был возведен в ранг официального прусского философа. Он выполнил свою задачу, возродив идеи первых великих врагов открытого общества — Гераклита, Платона и Аристотеля... Гегель вновь открыл платоновские идеи, которые лежат в основе вечного бунта против свободы и разума. Гегельянство — это возрождение племенного духа... Его философия представляет собой «утраченную связь» между Платоном и современной формой тоталитаризма. Большинство современных тоталитаристов... знают, чем они обязаны Гегелю. Все они выросли в душевной атмосфере гегельянства. Их научили почитать государство, историю и нацию¹¹.

В подтверждение того, что Гегель почитал государство как божество, Поппер приводит такие формулировки Гегеля, вызывающие озноб и не оставляющие сомнений:

Государство есть божественная идея, как она существует на земле... Поэтому государство следует почитать как нечто божественное в земном... Государство — это шествие Бога в мире... Государство есть организм... Существенной принадлежностью завершеного государства является сознание, мышление... Государство знает, чего оно хочет... Государство... существует для самого себя... Государство есть наличная, действительно нравственная жизнь¹².

Все это Поппер называет «напыщенным и истерическим платонизмом».

Примерно такие же идеи исповедовали друзья и ближайшие философские предшественники Гегеля — Фихте, Шеллинг, Шлегель, Шиллер, Гердер и Шлейермахер. Но именно Гегель считал особой задачей превращение своих мрачных доктрин в апологию абсолютной власти современного ему прусского государства. Восторженный ученик Гегеля, Ф. Шwegлер, в своей «Истории философии» невольно проговаривается:

Его популярность и активность достигает своего пика только после его вызова в Берлин в 1818 г. Здесь вокруг него возникла многочисленная, далеко распространяющая свое влияние и... чрезвычайно активная

школа; здесь он, благодаря своим связям с прусской бюрократией, приобрел политическое влияние, а также признание своей системы в качестве официальной философии, что не всегда шло на пользу внутренней свободе его философии и ее моральной ценности¹³.

Сфокусированность на Пруссии позволила гегельянству в XIX в. почти полностью воплощать немецкую философию и доминировать повсюду, кроме католических областей Южной Германии и Австрии. По словам Поппера, «достигнув столь впечатляющего успеха на европейском континенте, гегельянство вряд ли могло не получить поддержку в Британии от тех, кто, чувствуя, что такое мощное движение должно в конечном счете что-то иметь под собой, стали искать... “секрет Гегеля”». И действительно, Дж. Хатчинсон Стирлинг, познакомивший английских читателей с Гегелем, в 1867 г., через год после молниеносной победы Пруссии над Австрией, восторженно заметил: «Разве не Гегелю и, в особенности, его философии этики и политики обязана Пруссия своим могуществом и организацией, которую она быстро развивает в настоящее время?»¹⁴ В то же время Артур Шопенгауэр, который был современником Гегеля и знал его лично, резко осудил союз государства и философии, сделавший гегельянство мощной силой в социальной мысли:

Государство злоупотребляло философией как инструментом, а философы — как средством для заработка... Кто может действительно поверить в то, что истина может появляться на свет просто как побочный продукт? *Правительства делают из философии средство обслуживания своего государственного интереса, а ученые делают из нее предмет торговли...*¹⁵ [Курсив Шопенгауэра. — М. Р.]

Помимо политического влияния гегельянства, Поппер дополнительно приводит еще одно объяснение широкой популярности Гегеля, которая без такого объяснения оставалась бы загадочной: философы склонны любить высокопарную и туманную фразеологию ради нее самой, а недалекая и доверчивая публика клюет на эту приманку. Поппер приводит такое признание гегельянца Стирлинга: «Философия Гегеля к тому же отличалась... такой глубиной и тщательностью мысли, что она по большей части была малопонятной». Выходит, непонятность делала ее глубокой, а невнятность служила достоинством и доказательством глупины! К этому Поппер добавляет:

По какой-то причине философы окружают себя — вплоть до наших дней — некоей атмосферой волшебства. Поэтому философию относят к странному и темному роду занятий, имеющих дело с теми же самыми тайнами, что и религия. Философский способ анализа не может быть открыт «непосвященным» — обычным людям. Философия считается слишком глубокой для этого и, в конечном счете, оказывается формой религии и теологии интеллектуалов, посвященных и мудрых. Гегельянство хорошо соответствует такому пониманию философии:

оно дает именно то, что ожидают от философии в соответствии с этим широко распространенным предрассудком¹⁶.

11.4. ГЕГЕЛЬ И ЭПОХА РОМАНТИЗМА

К несчастью, Гегель не был единственной аномальной силой в европейской мысли. Он был лишь одним — пусть даже самым влиятельным и гипертрофированно вычурным — из представителей течения, которое следует считать доминантной парадигмой его времени, знаменитой эпохи романтизма. Дань креатологии и эсхатологии в разных формах и в разной степени непременно отдавали романтики первой половины XIX в., особенно в Германии и в Англии, поэты, писатели и философы. Их усилиями создавалось то, что можно назвать мифом об «отчуждении и возвращении» или о «повторном поглощении». Ощущая непреодолимую потребность из-за своей неполноты, Бог создал мироздание и тем самым трагически отделил человека, органический род, от первоначального единства с Богом. Хотя этот переход, это «снятие» посредством творения и позволило Богу и человеку, или Бого-человеку, развивать свои способности и двигаться вперед, трагическое отчуждение будет продолжаться до того неизбежного и предопределенного дня, когда Бог и человек сольются в единую космическую сущность. Или же, с точки зрения таких пантеистов, каким был Гегель, отчуждение будет продолжаться до тех пор, пока человек не поймет, что он есть человеко-Бог, и тогда отчуждение человека от человека, человека от природы и человека от Бога завершится всеобщим слиянием, поскольку станет очевидна реальность космического Всеединства и бытия в нем. Тогда завершится и сама история, предначертывавшая путь к этой цели. В образном представлении романтиков человек (не индивидуум, разумеется, а родовой «организм») наконец «вернется домой». Поэтому история — это «путь вверх по спирали» к итоговому предназначению Человека, возвращение домой, но на более высоком уровне, чем первоначальное единство, или общий дом с Богом в период, предшествовавший творению.

Зависимость романтиков от этой парадигмы прекрасно показал ведущий специалист по литературе английского романтизма М. Г. Абрамс; он прослеживает это доминирующее сквозное течение в английской литературе от Вордсворта до Д. Г. Лоуренса. Почти все творчество Вордсворта, указывает Абрамс, посвящено «героическому» или «высокому романтическому доводу», который он стремится противопоставить эпической поэме Мильтона, содержащей ортодоксальный христианский взгляд на человека и Бога. Чисто христианским представлениям Мильтона о рае и аде как об альтернативах для индивидуальных душ и о Втором пришествии Иисуса как о конце истории и возвращении человека в рай Вордсворт противопоставляет собственный «довод», пантеистическое видение спирали истории, поднимающейся ко всекосмическому

единению и к последующему возвращению человека домой из отчуждения¹⁷. Окончательный итог, Царство Божье, изымается из привычного для христиан места на Небесах и переносится на землю, в силу чего, как всегда бывает при имманентизации Бога, возникают исключительно сложные идеологические, социальные и политические проблемы. Иначе говоря, если воспользоваться суждением Абрамса, романтические представления приводили к секуляризации теологии.

Греческие и римские эпические поэты, утверждал Вордсворт, воспевали «брань и героя»⁽³⁾, и «раньше в расчет принимался только героический довод». Напротив, в начале своей великой поэмы «Потерянный Рай» Мильтон заявляет:

Исполни светом тьму мою, возвысь
 Все брненное во мне, дабы я смог
 Решающие доводы найти
 И благость Провиденья доказать,
 Пути Творца пред тварью оправдав⁽⁴⁾.

Вордсворт, в свою очередь, объявил, что его собственные Доводы, превосходящие «доводы» Мильтона, внушены ему «святыми силами и способностями» Бога. Они, как утверждал Вордсворт (предвосхищая чаяния Маркса), позволили создать собственный мир, хотя и признал в необычном для него порыве откровенности, что «кое-кто назовет это безумием». В Вордсворта вошли «Гений, Сила, Творчество и само Божество», и он заключил, что «вот это и есть поистине героические доводы», «доводы не менее, а даже более героические, чем грозный гнев Ахиллеса». В числе английских авторов, последовавших примеру Вордсворта, были его преданные почитатели Кольридж, Шелли, Китс и даже Блейк; правда, все они пытались сочетать христианство с пантеизмом.

Все эти авторы были воспитаны в христианстве, но на его основе развивали собственные, еретические пантеистические версии миллениаризма. Самого Вордсворта готовили к принятию сана англиканского священника. Кольридж был философом и светским проповедником, чуть было не стал священником-унитарием, а затем увлекся неоплатонизмом и Якобом Бёме. Китс зарекомендовал себя верным последователем программы Вордсворта, которую называл путем к мирскому спасению. Шелли не скрывал своего атеизма, но при этом превозносил «священного» Мильтона превыше всех поэтов и усердно изучал Библию.

Следует также отметить, что Вордсворт, как и Гегель, поначалу с энтузиазмом относился к Французской революции и ее либеральным идеалам, но впоследствии разочаровался в ней, обратился к консервативному этатизму и пантеистической версии искупления грехов в ходе истории.

Немецкие романтики были погружены в религию и мистику даже глубже, чем их английские коллеги. Гегель, Фридрих Шеллинг, Фридрих Шиллер, Фридрих Гельдерлин, Иоганн Готтлиб Фихте — все они изучали теологию и большинство из них, как и Гегель, в Тюбингенском

университете. Все они откровенно стремились приспособить религиозную доктрину к своей философии. Новалис увлекался Библией. Кроме того, в «Лекциях по истории философии» Гегель уделил много благожелательного внимания Бёме, а Шеллинг называл Бёме «удивительным феноменом в истории человечества». Наконец, на наставника Гегеля Шиллера оказал большое влияние Адам Фергюсон, считавший, что специализация и разделение труда отчуждают и разделяют людей, а Шиллер в 1790-х гг. оказал влияние на Гегеля, предложив концепции «снятия» и диалектики¹⁸.

Несколько десятилетий спустя страстный консерватор-этатист Томас Карлейль отдал дань уважения Фридриху Шиллеру; в 1825 г. он написал биографию этого романтика. С тех пор в сочинениях Карлейля отчетливо заметны гегелевские мотивы. Единство есть благо, а различие или разобщенность есть зло и нездоровье. Наука и индивидуализм — это разделение и расчленение. Индивидуальность, настаивал Карлейль, это отчуждение от природы, от других и от самого себя. Но в один прекрасный день наступит прорыв, духовное возрождение под началом всемирно-исторических фигур («великих людей»), и тогда человек путем полного самоотречения, «уничтожения самости» (*Sebst-tödtung*) вернется домой, в дружественный мир.

Наконец, в книге «Прошлое и настоящее» («*Past and Present*», 1843) Карлейль применил свои глубоко антииндивидуалистические (и, можно добавить, антигуманные) воззрения к сфере экономики. Он осудил эгоизм, жажду наживы и *laissez faire*, поскольку они разобщили людей и создали такой мир, «который стал чужим и безжизненным, а разобщение людей происходит при таком социальном порядке, где «платеж наличными... является единственным связующим звеном между людьми»». Метафизически порочной «связи через наличные» противостоит семейственное отношение с природой и ближними, отношение «любви». Почва для Карла Маркса была подготовлена¹⁹.

11.5. МАРКС И ЛЕВОЕ РЕВОЛЮЦИОННОЕ ГЕГЕЛЬЯНСТВО

Смерть Гегеля неминуемо возвестила новую и весьма своеобразную эпоху в истории гегельянства. Гегель, как считалось, должен был привести историю к концу, но теперь Гегеля не стало, а история продолжалась. Поэтому если сам Гегель не был конечной кульминацией истории, то, вероятно, и прусское государство Фридриха Вильгельма III не приходилось считать завершительной стадией истории. Но если о финальной фазе истории речь уже не шла, тогда не готовила ли диалектика истории очередной поворот, очередное «снятие»?

Так рассуждали группы радикальной молодежи, которые в конце 1830-х и в 1840-е гг. образовали в Германии и в других местах движение

младо- или левогегельянцев. Разочаровавшись в прусском государстве, младогегельянцы провозгласили неизбежный приход апокалиптической революции, которая разрушит это государство и перешагнет его, революции, *действительно* способной стать завершением истории в форме национального или мирового коммунизма.

Одним из первых и самых влиятельных левогегельянцев был поляк граф Август Цешковский (1814—1894); он написал по-немецки и в 1838 г. опубликовал «Пролегомены к историософии». Цешковский привнес в гегельянство новую диалектику истории, новый вариант трех эпох развития человека. Первая эпоха, эпоха античности была, по определенным причинам, эпохой эмоции, эпохой чистой чувственности; для нее характерно отсутствие рефлексивного мышления и, напротив, изначальное и непосредственное единение с природой. «Дух» пребывал тогда «в себе» (an sich). Вторая эпоха в истории человечества, христианская эра, простиралась от рождения Иисуса до смерти Гегеля; это была эпоха мышления, рациональной рефлексии, когда «дух» двигался «к себе», в направлении абстрагирования и универсализации. Но христианская эпоха мышления была вместе с тем эрой невыносимой двойственности, отделения человека от Бога, духа от материи и мышления от действия. Наконец, возвещавшаяся Цешковским третья, грядущая и завершающая, эпоха будет эпохой действия. Иными словами, третья, уже постгегелевская эпоха должна стать эпохой практического действия, когда мышление христианства и Гегеля будет превзойдено и воплощено в акте воли, в последней революции, которая свергнет и преодолет существующие институты. Для обозначения «практического действия», суммирующего суть новой эпохи, Цешковский использовал греческое слово *praxis*; этот термин вскоре приобретет почти магическое влияние в марксизме. Эпоха действия в конце концов принесет благословенное единство мышления и действия, теории и практики, духа и материи, Бога и земного мира, а также полнейшую «свободу». К своим мистико-гегельянским пророчествам Цешковский добавил утверждение, что *все* прошлые события, даже те, которые представляются плохими, были необходимы для итогового и окончательного спасения.

В работе, опубликованной в 1844 г. в Париже на французском языке, Цешковский также возвестил появление нового класса, призванного возглавить революционное общество, — *интеллигенции*; это слово незадолго до того ввел в оборот Б. Ф. Трентовский, поляк, получивший немецкое образование; свою книгу он опубликовал в оккупированной пруссаками Познани²⁰. Таким образом, Цешковский провозгласил и превознес появление прослойки, которая как минимум будет неизменно присутствовать в марксистском движении (действительно, крупнейшие марксисты, в том числе сам Маркс, Энгельс и Ленин, были буржуазными интеллектуалами, а не выходцами из пролетариата). Если не в теории, то в реальной исторической «практике» марксистскими движениями и правительствами руководил именно этот «новый класс» *интеллигенции*.

Руководящее положение нового класса было замечено и подвергалось критике с самого возникновения марксизма вплоть до наших дней; особенно резко высказывались анархокоммунист Бакунин, а в 1890-х гг. и позже — польский революционер Ян-Вацлав Махайский (1866—1926)²¹. Практика Германской социал-демократической партии побудила Роберта Михельса отречься от марксизма и сформулировать известный «железный закон олигархии»: все организации — частные, правительственные или марксистские партии — неизбежно попадают под контроль властной элиты.

Что касается Цешковского, то ему не было суждено оказаться на гребне будущего революционного социализма. Путь к новому обществу виделся ему не атеистическим, а мессианским. В обширной незавершенной работе 1848 г. «Отче Наш» Цешковский утверждал, что новая эра революционного коммунизма станет третьей эрой, эрой Святого Духа (отголосок учения Иоахима Флорского), которая воздвигнет Царство Божье на земле, «как оно есть на небесах». Таким образом, завершительное Царство божье на земле вновь объединит «весь род человеческий» и устранил все национальные различия, а миром будет руководить Центральное правительство Всецелого человечества во главе со Всемирным советом народа.

Однако в то время путь христианского мессианизма в полемике между социалистами не казался совсем уж проигрышным. Так, основатель русской революционной традиции А. И. Герцен (1812—1870) попал под влияние левогегельянства в версии Цешковского и писал, что «будущее общество должно быть плодом не мечтаний, а конкретных дел. Гегель — новый Христос, несущий людям слово истины»²². А Бруно Бауэр, друг и наставник Маркса и руководитель «Профессорского клуба» младогегельянцев в Берлинском университете, в конце 1841 г. провозгласил новую философию действия «трубным призывом к Последнему суду»²³.

Но, как мы уже говорили, в конце концов в европейском социалистическом движении возобладали атеистическое направление Карла Маркса. Если Гегель пантеизировал и развил диалектику христианского мессианизма, то теперь Маркс «перевернул Гегеля с ног на голову»: он сделал диалектику атеистической и утвердил ее не на мистицизме, религии «духа» или идее мирового разума, а на якобы прочном «научном» основании философского материализма. Сам материализм Маркс заимствовал у младогегельянца Людвиг Фейербаха, в частности из его работы «Сущность христианства» (1843). Если Гегель оперировал деяниями «духа», то Маркс изучал якобы научные законы материи и их проявление в истории. Иными словами, Маркс превратил диалектику в то, что можно назвать «материалистической диалектикой истории».

По поводу терминологии велась масса ненужных споров. Многие апологеты марксизма яростно настаивали на том, что сам Маркс никогда не использовал термин «диалектический материализм» — словно отсутствие термина избавляет Маркса от всякой ответственности — и что это

понятие появляется лишь в таких поздних работах Энгельса, как «Анти-Дюринг». Но «Анти-Дюринг», опубликованный незадолго до смерти Маркса, предварительно, как и все остальные работы Энгельса, обсуждался с Марксом и, следовательно, был им одобрен²⁴.

Путаница возникла в силу того обстоятельства, что термин «диалектический материализм», усиленно насаждавшийся марксизмом-ленинизмом 1930—1940-х гг., к нашему времени совершенно себя дискредитировал. Энгельс, в целом больше Маркса интересовавшийся естественными науками, применял это понятие к биологии, например в «Анти-Дюринге». В биологическом контексте диалектический материализм выглядит, несомненно, как нечто заумное. В ультрагегелевском стиле логика и логические противоречия, или «отрицания», совершенно бесплодно применяются для описания процессов реальности. Скажем, бабочки «появляются на свет из яичка путем отрицания [или трансцендирования] его... и вновь отрицаются, т.е. умирают», а «ячменное зерно... отрицается и заменяется растением, отрицанием зерна... Оно растет... оплодотворяется и наконец производит вновь ячменные зерна, а как только последние созревают, стебель отмирает, подвергаясь, в свою очередь, отрицанию. Как результат этого отрицания отрицания мы имеем снова ячменное зерно... в десять, двадцать, тридцать раз большее количество зерен»²⁵.

Кроме того, не только Энгельс, но и сам Маркс очень интересовался теорией Дарвина и биологией. Он писал Энгельсу, что работа Дарвина «служит для меня естественнонаучной основой теории классовой борьбы в истории» и что «эта книга предлагает в сфере естественной истории основу наших взглядов»²⁶.

Однако, подвергнув диалектику переформулировке в материалистических и атеистических тонах, Маркс утратил мощный двигатель диалектики как силы, действующей в истории, — христианский мессианизм и провиденциализм, или растущее самосознание мирового духа. Где же Маркс мог найти «научную» материалистическую замену, заново укорененную в непреложных «законах истории» и объяснявшую неотвратимость решительного преобразования мира в коммунизм? Одно дело — заимствовать предсказание грядущего Армагеддона из Библии и совсем другое — выводить это событие из предположительно научных законов. Выявление специфики этого двигателя истории стало главным занятием Маркса на всю оставшуюся жизнь.

Хотя Маркс считал Фейербаха незаменимым для разработки последовательной атеистической и материалистической позиции, он вскоре обнаружил, что далеко вперед Фейербах не ушел. При всех своих коммунистических убеждениях Фейербах считал, что достаточно человеку отречься от религии и его отчуждение от самого себя завершится. Для Маркса религия была только одной из проблем. Весь мир человека (Menschenwelt) — это чуждый мир, который следует радикально изменить снизу доверху. Лишь решительное и бесповоротное разрушение

этого мира позволит реализоваться подлинной человеческой природе. Лишь тогда существующий «нечеловек» (Unmensch) поистине станет человеком. Как заявил Маркс в четвертом из своих «Тезисов о Фейербахе», «земная семья сама должна быть подвергнута теоретической критике и практически революционно преобразована»²⁷.

В частности, Маркс (как и Фейербах) утверждал, что подлинный человек — это «обобществившаяся сущность» (Gemeinwesen) или «родовая сущность» (Gattungswesen). Хотя государство в его настоящем виде должно быть подвергнуто отрицанию и преодолению, именно причастность к государству делает человека такой обобществившейся сущностью. Главная проблема коренится в частной сфере, в рынке или в «гражданском обществе», где не-человек действует как эгоист, как частное лицо, относится к другим как к средству и не рассматривает их коллективно как вершителей их собственной судьбы. К сожалению, в существующем обществе гражданское общество первично, а государство, или «политическая общность», вторично. Чтобы полностью реализовать человеческую природу, нужно преодолеть государство и гражданское общество посредством политизирования всей жизни, посредством превращения всех человеческих действий в коллективные. Тогда существующий индивидуум станет подлинной и полноценной «родовой сущностью»²⁸.

Но выполнить эту задачу может только революция, только полнейшее разрушение. Марксу постоянно слышался призыв к тотальному разрушению, которым вдохновлялось его видение мира в юношеских стихах. Выступая в Лондоне в 1856 г., он образно и любовно описал эту цель своей «практики». В средневековой Германии, сказал он, существовал тайный суд, Vehmgericht: «Если дом помечался красным крестом, это означало, что его владелец приговорен таким судом. Сейчас все дома в Европе помечены невидимыми красными крестами. История — это судья, а пролетарий — исполнитель ее приговора»²⁹.

На самом деле Маркса не удовлетворял философский коммунизм, в который его и Энгельса по отдельности обратил младогегельянец Мозес Хесс (1812—1875) в начале 1840-х гг. К концепции Хесса Маркс в конце 1843 г. добавил принципиально важный акцент на *пролетариате*, в котором видел не просто экономический класс, а класс, которому при коммунизме суждено стать «всеобщим классом». Как мы уже отметили выше, Маркс в действительности заимствовал свое представление о пролетариате как о движущей силе коммунистической революции из появившейся в 1842 г. работы Лоренца фон Штайна; будучи врагом социализма, Штайн рассматривал социалистические и коммунистические движения как рационализации классовых интересов пролетариата. В критических выводах Штайна Маркс обнаружил «научно обоснованный» механизм, обеспечивающий неизбежное наступление коммунистической революции. Ключ ко всему — пролетариат, самый «отчужденный» и якобы «лишенный собственности» класс.

Теперь у Маркса был общий абрис его мирской мессианской перспективы: материалистическая диалектика истории, завершающейся решительной и бесповоротной пролетарской революцией. Но каков конкретный способ решения этой задачи? Общей идеи еще недостаточно. Какие научные законы истории могут привести к желанной цели? И тут Марксу повезло: важнейшее недостающее звено своей теории он обнаружил в концепции человеческой истории Сен-Симона, который считал ее движущей силой неизбежную борьбу экономических классов. Классовая борьба и исторический материализм стали важнейшим ингредиентом марксистской материалистической диалектики.

11.6. МАРКС КАК УТОПИСТ

Хотя Маркс и объявил себя «научным социалистом», презиравшим всех прочих социалистов как моралистов и «утопистов», совершенно очевидно, что сам он принадлежал к мессианской утопической традиции даже в большей мере, чем его соперники-«утописты». Маркс не только мечтал о будущем обществе, которое положит конец истории, — он утверждал, что действительно нашел путь к этой утопии, непоколебимо предопределенный «законами истории».

Поэтому Маркс, несомненно, был утопистом, и утопистом неистовым. Отличительная черта любой утопии — это неукротимое желание положить конец истории, заморозить человечество в одном состоянии, покончить с разнообразием, со свободой воли человека и подчинить жизнь всех и каждого тоталитарному плану утопии. Многие ранние коммунисты и социалисты описывали свои утопии в мелких и абсурдных подробностях, определяли размер жилищ, рацион питания и т.д. Маркс был достаточно умен, чтобы не опускаться до этого, но вся его система, как отмечает Томаш Мольнар, это «стремление утопического сознания к решительной стабилизации человечества или, если воспользоваться гностическими терминами, к повторному растворению в безвременном». Как мы видели, утопические чаяния Маркса были неприкрытой атакой на творение Божье, которое он страстно желал разрушить. Идея сокрушить множественность, многообразие проявлений творения и вернуться к якобы утраченному единству с Богом встречается, как мы видели, уже у Плотина. По резюмирующему суждению Мольнара, «с этой точки зрения само существование есть пощечина небытию. Начиная с Плотина вплоть до Фихте и дальше, философы, принадлежавшие к данной традиции, считали, что повторное растворение полихромного мира в вечном Едином предпочтительнее творения. Не довольствуясь этим ответом, они предлагали создать мир, в котором изменение поставлено под такой контроль, что наступает конец всем смущающим покой проявлениям свободной воли и не предусмотренным движениям общества. От линейного иудео-христианского видения истории они

желали вернуться к греко-индуистскому циклу, т.е. к неизменному и вечному постоянству».

Для утопистов, включая Маркса, триумф единства над многообразием означает, что «гражданское общество с его производящим смуту многообразием может быть упразднено». Затем Мольнар делает одно важное уточнение. Когда Хайек и Поппер опровергают марксизм на том основании, что «никакой ум, даже коллективный разум политбюро, снабженный суперкомпьютерами, не способен учесть все изменения рынка, огромного множества его индивидуальных компонентов и их взаимодействий, они бьют мимо цели. На самом деле Маркс согласился бы с ними. Но он хотел упразднить рынок со всеми его экономическими и интеллектуальными («правовыми, политическими, философскими, религиозными, эстетическими») компонентами для того, чтобы восстановить простой мир — монохромный ландшафт. Его экономическое учение — это не экономическая теория, а инструмент тотального контроля»³⁰.

Так-то оно так, только вот, как показала история коммунистических стран, нашлось не очень много последователей Маркса, которые желают устроить такой мир, где невозможен экономический расчет и где поэтому стремительно падает производство и наступает голод.

У Маркса место воли Бога или гегелевской диалектики мирового духа занимает монистический материализм, главная презумпция которого, по словам Мольнара, состоит в том, что «мир есть материя плюс некий одномерный закон, присущий материи». В таком случае «сам человек сводится к сложному, но управляемому материальному агрегату; он живет в компании других агрегатов и совместно с ними образует все более сложные агрегаты, именуемые обществами, политическими органами, церквями». Что же касается мнимых законов истории, то они выводятся марксистами как якобы очевидные и присущие самой материи.

Таким образом, продвижение к марксистской утопии — это путь человека, постигающего свою истинную природу, а затем преобразующего мир в соответствии с этой истинной природой. Энгельс прямо провозгласил гегелевскую идею человека-Бога: «До сих пор вопрос всегда стоял так: что есть Бог? — и немецкая [гегелевская] философия отвечала на него так: Бог есть человек... Теперь человек должен преобразовать мир *подлинно* человеческим образом, согласно потребностям своей природы»³¹.

Однако этот процесс полон внутренних противоречий. Прежде всего, как может чистая материя усматривать природу человека (или свою собственную)? Мольнар формулирует проблему так: «Как может материя получать идеи или представления? А если она их имеет, это уже не только материя, а материя *плюс* еще что-то».

Какая же роль отводилась самому Карлу Марксу в этом якобы неизбежном процессе достижения пролетарской коммунистической утопии после осознания пролетарским классом своей истинной природы?

В схеме Гегеля сам Гегель является завершительной и великой всемирно-исторической фигурой, человеко-Богом человеко-Богов. Похожим образом и Маркс считал себя центральной точкой истории, человеком, который принес миру важнейшее знание о подлинной человеческой природе и о законах истории, став тем самым «повивальной бабкой» процесса, призванного положить конец истории. По словам Мольнара, «Маркса, как и других утопических и гностических авторов, стадии истории, предшествовавшие настоящему (эгоистическому *сейчас* всех утопистов), интересуют гораздо меньше, чем финальные стадии, когда время начинает сжиматься, когда драма близится к развязке. Утопист фактически рассматривает историю как продвижение к нему самому, поскольку он, окончательный *осмыслитель и завершитель*, стоит в центре истории. Естественно, что при его жизни события ускоряются и подходят к водоразделу: *сам утопист* — центральная фигура между До и После»³².

Кроме того, для реализации марксистской утопии необходимо руководство и правление марксистских кадров, носителей особого знания о законах истории; именно эти люди должны насильственно преобразовать человечество в нового социалистического человека. В иудео-христианской традиции существование зла объясняется свободой воли индивидуума. Напротив, в монистических, детерминистских системах вся история считается предопределенной неизменными законами; зло здесь может быть только *мнимым*, поскольку на самом деле, в глубинном смысле, оно служит интересам высшего блага. Все кажущееся зло на поверку должно быть благом и работать на некий предустановленный план, будь то самораскрытие человеко-Бога или атеистическая версия подобного процесса. Если руководство силой принуждает людей создавать нового социалистического человека, это не может быть реальным злом или чем-то неприемлемым в правильном обществе. Наоборот, марксистский авангард, те, кто не щадит сил ради следующей неизбежной стадии истории, просто обязаны ввести такой режим. Это их долг перед историей, перед тем предполагаемым процессом, которому служат руководящие кадры; эти кадры (или сам процесс?) имеют назначение судить действия прошлого, оценивать их как нравственные или безнравственные сообразно тому, приближали они рождение якобы неизбежного исторического будущего или отдаляли его. Одним словом, история или кадры имеют привилегию и обязанность оценивать любого человека и любое движение либо как «прогрессивные» (т.е. содействующие предопределенному ходу истории), либо как «реакционные» (т.е. сдерживающие этот неизбежный ход).

11.7. ПРИМЕЧАНИЯ

1. О том, что отчуждение у Маркса коренится в обмене и разделении труда, а не просто в капиталистической системе оплаты труда, см.: Paul Craig Roberts,

- Alienation and the Soviet Economy* (Albuquerque, NM: University of New Mexico Press, 1971); Paul Craig Roberts and Matthew A. Stephenson, *Marx's Theory of Exchange, Alienation, and Crisis* (2nd ed., New York: Praeger, 1983).
2. В радикальных учениях, таких как еретические системы ранних христианских гностиков, творение материи само по себе выступает как чистое зло, как дело дьявола, или демиурга, тогда как Дух остается божественным.
 3. Robert C. Tucker, *Philosophy and Myth in Karl Marx* (Cambridge: Cambridge University Press, 1961), p. 39.
 4. Ibid., p. 41. Эти и другие ранние работы Гегеля были впервые опубликованы в 1907 г. в сборнике «Early Theological Writings».
 5. Ibid., pp. 53—54.
 6. Гегель — Нитхаммеру, 13 октября 1806 г.; цит. по: *Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет* : в 2 т. М., 1971. Т. 2. С. 255.
 7. Также на Гегеля оказал влияние (хотя, к сожалению, в ложном направлении) великий соперник Стюарта Адам Смит. Из «Богатства народов» Гегель вынес убеждение в том, что разделение труда принесло человеку беды специализации, отчуждения и т.п. Еще примечательнее, что из знаменитой формулы друга Адама Фергюсона о событиях, которые «являются продуктом человеческой деятельности, но не человеческого замысла», Гегель сделал такой вывод: каждый индивидуальный агент мировой души преследует цели мировой души без осознанного намерения. Так появилось известное гегелевское понятие «хитрости разума», действующей в истории. Что касается Фергюсона, то он пришел к своему выводу отнюдь не на основании изучения свободного рынка, как считает Хайек; Фергюсон хотел показать, что восстание в Шотландии в 1745 г., чуть было не вернувшее к власти ужасных католиков-якобитов, неосознанно выполняло благую волю Божью; воля эта заключалась в том, чтобы встряхнуть шотландских пресвитериан (которые, разумеется, и были истинной церковью Божьей) и вывести их из религиозной апатии. Иными словами, шотландские католики, сознательно преследуя дурные цели, невольны выполняли божественный замысел, и из видимого зла произрастало невидимое благо. Равным образом, когда Гегель впоследствии превозносил Наполеона как личность «всемирно-исторического» масштаба, он считал, что, хотя сам Наполеон имеет дурные намерения, он, сам того не ведая, осуществляет замысел Божий. См.: Richard B. Sher, *Church and University in the Scottish Enlightenment* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1985), pp. 40—44.
 8. Plant, op. cit., note 6, p. 96.
 9. Ibid., pp. 122, 123, 181.
 10. Tucker, op. cit., note 3, pp. 54—55. Как отмечает другой автор, «свобода» для Гегеля — это «желание прежде всего прочего служить успеху и славе государства. Желая этого, граждане тем самым желают исполнения воли Бога». Если индивидуум считает возможным делать то, что не служит успеху и славе государства, его, с точки зрения Гегеля, «следует “принудить к свободе”». А как человеку *узнать*, что пойдет на пользу славе государства? Для Гегеля ответ не составляет труда: все, чего требуют правители, поскольку «сам факт того, что они являются правителями, со всей несомненностью свидетельствует, что такова была воля Бога». Право слово, потрясающая логика! См.: В. Р. Carritt,

- 'Reply' (1940), reprinted in W. Kaufmann (ed.), *Hegel's Political Philosophy* (New York: Atherton Press, 1970), pp. 38—39.
- (1). Берлинский университет основан в 1809 г. по инициативе Гумбольдта. — *Прим. перев.*
 - (2). До Гегеля кафедрой заведовал Фихте; четыре года место оставалось вакантным. — *Прим. перев.*
 11. Karl R. Popper, *The Open Society and its Enemies* (5th ed., Princeton, NJ: Princeton University Press, 1966), II, pp. 30—31 <Поппер К. Открытое общество и его враги : в 2 т. М., 1992. Т. II. С. 40>.
 12. Ibid., p. 31 <Там же. С. 41>.
 13. Ibid., p. 33 <Там же. С. 43>.
 14. В 1867 г. Ibid., p. 34 <Там же. С. 38, 43>.
 15. Ibid., p. 33 <Там же. С. 43>.
 16. Ibid., p. 27, 30 <Там же. С. 36, 39>. Объяснение того, что Поппер имел в виду под «шутливым стилем» (scherzo-style) его главы о Гегеле, см.: Ibid., pp. 393—395 <Там же. С. 471>.
 17. M. H. Abrams, *Natural Supernaturalism: Tradition and Revolution in Romantic Literature* (New York: Norton, 1971). О падении и Втором пришествии Мильтон говорит очень образно и эмоционально.
 - (3). Вергилий. Энеида I 1; перевод В. Я. Брюсова. — *Прим. перев.*
 - (4). Мильтон Дж. Потерянный Рай I 23—26; перевод А. Штейнберга. — *Прим. перев.*
 18. О влиянии шиллеровских концепций органицизма и отчуждения на Гегеля, Маркса и позднейшую социологию см.: Leon Bramson, *The Political Context of Sociology* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1961), p. 30n.
 19. См.: Abrams, op. cit., note 17, p. 311.
 20. В. Ф. Trentowski, *Stosunek filozofii do cybernetyki, czyli sztuka rządzenia narodem* <Отношение философии к кибернетике, или Искусство управления народом> (Poznan, 1843); здесь он также предложил новый термин «кибернетика», обозначавший новую возникающую форму рациональной социальной технологии, которая должна преобразовать человечество. См.: James H. Billington, *Fire in the Minds of Men: Origins of the Revolutionary Faith* (New York: Basic Books, 1980), p. 231.
 21. О Махайском см.: Paul Avrich, *The Russian Anarchists* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1967), pp. 102—106. Способ, каким Махайский хотел решить проблему доминирования интеллектуалов, не представляется убедительным. Он призывал создать (и, видимо, сам намеревался возглавить) тайную организацию революционных рабочих, которая поведет за собой пролетарскую революцию и создаст «бесклассовое общество», где не будет зловердных различий между умственным и физическим трудом.
 22. Billington, op. cit., note 20, p. 225.
 23. Именно Бауэру мир обязан терминами «критический» и «критицизм», которые с тех пор непрерывно используются марксистами в разных сочетаниях, например «критика критической теории», «критические исследования права» и т.д.

24. Более того, согласно Шумпетеру, Маркс фактически был соавтором «Анти-Дюринга». См.: Joseph A. Schumpeter, *Capitalism, Socialism, and Democracy* (New York: Harper & Bros., 1942), p. 39n <Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо, 2007. С. 416сн25>.
25. Цитаты из «Анти-Дюринга» приведены в книге: Ludwig von Mises, *Theory and History* (3rd ed., Auburn, Ala.: Ludwig von Mises Institute, 1985), p. 105 <Мизес Л. фон. Теория и история. М.; Челябинск: Социум, 2013. С. 93>. См. также сардонический комментарий Александра Грея на этот пассаж: Alexander Gray, *The Socialist Tradition* (London: Longmans, Green, 1946), p. 300n. Грей упоминает также Марксово краткое описание диалектики в «Нищете философии», которое называет «не лишенным забавности»: «“Да” превращается в “нет”, “нет” превращается в “да”, “да” становится одновременно и “да” и “нет”, “нет” становится одновременно и “нет” и “да”. Таким путем противоположности уравниваются, нейтрализуют и парализуют друг друга».
26. Маркс — Энгельсу, 16 января 1861 г. и 19 декабря 1860 г. См.: Gary North, *Marx's Religion of Revolution: Regeneration Through Chaos* (2nd ed., Tyler, Texas: Institute for Christian Economics, 1989), pp. 89n—90n.
27. Tucker, op. cit., note 3, p. 101.
28. Ibid., p. 105.
29. Ibid., p. 15.
30. Thomas Molnar, 'Marxism and the Utopian Theme', *Marxist Perspectives* (Winter 1978), pp. 153—154. Экономист Дэвид Маккорд Райт, не углубляясь в религиозные корни проблемы, подчеркивает, что одна из групп общества, статисты, стремится «к достижению определенного идеального статического состояния технической социальной организации. Как только этот идеал достигается или становится максимально близок, его нужно потом лишь бесконечно воспроизводить» (David McCord Wright, *Democracy and Progress* (New York: Macmillan, 1948), p. 21).
31. Molnar, op. cit., note 30, pp. 149, 150—151.
32. Ibid., pp. 151—152.

ГЛАВА 12

СИСТЕМА МАРКСА, I: ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ И КЛАССОВАЯ БОРЬБА

12.1. МАРКСИСТСКАЯ СТРАТЕГИЯ

Марксу была крайне необходима материалистическая диалектика истории, диалектика, способная объяснить все главные исторические изменения и неизбежно подвести к коммунистической революции. Не имея возможности, в отличие от Бёме, использовать в качестве мотива диалектики мистическое внутреннее стремление *nisus*, Маркс был вынужден сделать таковым классовый конфликт, имплицитно присутствующий в историческом материализме. Однако весьма показательно, что это ключевое положение марксистской системы (наряду с другими важными вопросами) не раскрывается систематически, а лишь от случая к случаю встречается на отдельных страницах и даже в отдельных фразах на всем протяжении сочинений Маркса; то же самое относится и к Энгельсу. Поэтому систему приходится реконструировать на основе крайне разрозненных упоминаний. В силу этого и по причине несомненной внутренней слабости аргументации Маркса его терминология неизменно оказывается крайне расплывчатой, а упоминаемые им якобы подобные закону диалектические связи фактически оказываются мнимыми. Очень часто Маркс ограничивается ничем не подкрепленными утверждениями. В итоге марксистская система ошибочна не только как целое; многие ее частные послышки и выводы не выдерживают критики.

Никакая экономическая или социальная теория не обязана выдавать правильные предсказания в смысле прогнозов на будущее. Но с марксистской доктриной дело обстоит не так. Подобно домиллиаристским пиетистам, неизменно предсказывавшим близкий Армагеддон, Маркс притязает на знание «законов истории», которые, как он утверждает, являются не мистическими, а «научными». Но если Марксу известны законы истории, тогда от него следовало бы ожидать правильных предсказаний на основе этих якобы непреложных законов. Однако все предсказания Маркса оказались совершенно ошибочными. Поэтому марксисты неизменно прибегают к изменению этих предсказаний или указывают на какой-нибудь дополнительный фактор (различимый только задним числом), временно откладывающий исполнение предсказания.

Например, как мы увидим ниже, одно из предсказаний Маркса, чрезвычайно существенное для неизбежного перехода к социализму, гласило, что рабочий класс будет все больше нищать и страдать. Когда рабочий класс на Западе, напротив, явно стал жить все лучше и лучше, апологеты марксизма заявили, что Маркс имел в виду нищету «по сравнению» с капиталистическим классом. Однако крайне сомнительно, что пролетариат учинит кровавую революцию только из-за того, у пролетариев по одной яхте, а у капиталистов по дюжине. «Относительная» бедность — явление совсем другого порядка. Затем марксисты стали уверять, что уровень жизни западных рабочих поднимался благодаря «временной» отсрочке, созданной западным империализмом: она-де и позволила западным рабочим стать «капиталистами» по сравнению с эксплуатируемыми обитателями третьего мира. Тот факт, что Маркс и Энгельс сами считали западный, в частности немецкий, империализм прогрессивной силой, марксисты, как правило, обходят молчанием.

По теоретическим вопросам марксисты придерживаются похожей стратегии. По мере того как абсурдность таких важнейших положений марксизма, как, скажем, технологическая детерминированность всей жизни или трудовая теория ценности, становилась все более очевидной, марксисты от них отказывались, но упрямо заявляли, что остаются «марксистами», а марксизм в основном по-прежнему верен. Но подобное поведение пристало скорее адепту мистической религии, чем человеку, мыслящему научно или хотя бы просто рационально.

Универсальным оружием, которое часто применяли марксисты и сам Маркс, служила «диалектика». Поскольку диалектика исходит из того, что в основе мира и человеческого общества лежит постоянный конфликт «противоположных» тенденций, которые сосуществуют и могут даже одновременно присутствовать в данных конкретных обстоятельствах, *любое* предсказание может быть объявлено результатом глубокого понимания того, какая диалектическая противоположность возобладает в тот или иной момент¹. Кратко говоря, поскольку может произойти либо А, либо не-А, марксисты, зная, что их невозможно опровергнуть, могут делать предсказания без всякого риска. Известно, что до недавнего скандала и исключения из партии авторитарный лидер крайне левых английских троцкистов Джерри Хили поддерживал свою власть заявлениями, будто он обладает исключительной способностью проникновения в тайны диалектики. А как подстраховывался сам Маркс, с полнейшей ясностью становится понятно из его письма к Энгельсу. Маркс сообщает, что только что сделал прогноз в статье для «New York Tribune», добавляя с циничной откровенностью: «Возможно, что я оскандалюсь. Но тогда все же можно будет как-нибудь выпутаться при помощи небольшой диалектики. Разумеется, свои предсказания я изложил таким образом, чтобы быть правым и в противоположном случае»².

12.2. ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

В системе Маркса нет элемента более слабого и шаткого, чем ее основание — концепция исторического материализма, ключ к непреложной диалектике истории.

В свою очередь, основанием исторического материализма и всей исторической теории Маркса служит понятие «материальных производительных сил». Эти «силы» являются тем двигателем, который создает все исторические события и перемены. Так что же именно представляют собой «материальные производительные силы»? Этого Маркс так до конца и не объяснил. В максимальном приближении можно сказать, что материальные производительные силы — это «технологические методы». С другой стороны, мы встречаем термин «способ производства», который, по-видимому, означает то же самое, что и материальные производительные силы, т.е. сумму или системы технологических методов.

Как бы то ни было, эти материальные производительные силы, эти технологии и «способы производства», они и только они независимо от воли людей создают все «производственные отношения», или «социальные отношения производства». «Производственные отношения», тоже определенные весьма расплывчато, видимо, следует считать по преимуществу правовыми и имущественными отношениями. Совокупность производственных отношений каким-то образом составляет «экономическую структуру общества». Эта экономическая структура является «базисом», который каузально детерминирует «надстройку», включающую в себя естественные науки, правовые теории, религию, философию и все прочие формы «сознания». Иными словами, в основе базиса лежит технология, которая, в свою очередь, предопределяет производственные отношения, т.е. институты права и собственности, а в конечном счете — идеи, религиозные ценности, формы искусства и т.д.

Как же тогда, по логике Маркса, происходят исторические перемены? Они могут зародиться *исключительно* в технологических методах, поскольку все остальные параметры общества определяются состоянием технологии в каждый данный момент. Кратко говоря, если обозначить состояние технологии как T , а все обусловленные им надстроечные явления как S , тогда, по Марксу,

$$T_n \rightarrow S_n,$$

где n — любой данный момент времени. Социальные изменения возникают исключительно как следствия изменений в технологии, т.е. по схеме

$$T_{n+1} \rightarrow S_{n+1}.$$

В «Нищете философии» Маркс с предельной ясностью выразил свое представление о технологической детерминированности истории: «Приобретая новые производительные силы, люди изменяют свой спо-

соб производства, а с изменением способа производства, способа обеспечения своей жизни, — они изменяют все свои общественные отношения. Ручная мельница дает вам общество с сюзереном во главе, паровая мельница — общество с промышленным капиталистом».

Первая крупная нестыковка в этой головоломке содержится в самом ее начале: откуда же берется эта технология? И за счет чего технологии изменяются или совершенствуются? Кто их вводит? Главная причина нагромождения ошибок, которое представляет собой система Маркса, заключается в том, что он так и не попытался ответить на эти вопросы. Впрочем, он и не смог бы ответить. Ведь если бы он признал, что состояние технологии и ее изменение — это плод деятельности людей, плод индивидуальной деятельности, вся его система тут же рассыпалась бы, ибо в таком случае получается, что материальные производительные силы детерминируются человеческим сознанием, да к тому же индивидуальным сознанием, а не наоборот. По словам Мизеса,

мы можем суммировать марксистскую доктрину следующим образом. В самом начале существуют «материальные производительные силы», т.е. технологическое оборудование человеческих производственных усилий, инструменты и механизмы. Никакие вопросы об их происхождении не допускаются; они есть — и всё; мы должны предположить, что они упали с неба³.

И, можно добавить, любые изменения этой технологии тоже должны падать с неба.

Более того, как справедливо указал Мизес, в технологии первенствует не материя, а сознание:

...технологические изобретения не являются чем-то материальным. Это продукты умственного процесса, рассуждений и порождения новых идей. Инструменты и машины можно назвать материальными, но действия разума, их создавшего, является духовным. Марксистский материализм не прослеживает «надстроечные» и «идеологические» явления до их «материальных» корней. Он объясняет эти феномены как вызванные по своей сути умственным процессом, а именно изобретением⁴.

Машины — это воплощенные идеи. Кроме того, технологические процессы требуют не только изобретений. Они должны развиваться со стадии изобретения и находить воплощение в конкретных машинах и приемах работы. А для этого, в свою очередь, сбережения и вложение капитала столь же необходимы, как и само изобретение. Если это так, тогда именно «производственные отношения», правовая и имущественная система общества будут определять, следует или не следует сберегать и инвестировать. И вновь корректная причинно-следственная связь начинается *от* идей, принципов, от правовой и имущественной «надстройки» и от них нисходит к предполагаемому «базису».

Равным образом никто не будет вкладываться в машины и механизмы, если в обществе нет достаточно глубокого разделения труда. И здесь общественные отношения, скоординированное разделение труда и обмен в обществе определяют сферу применения и уровень развития технологии, но не наоборот⁵.

Помимо этих логических дефектов, материалистическая доктрина грешит фактическими ошибками. Ясно, что ручная мельница, широко применявшаяся в древнем Шумере, никак не могла «создать» там феодальное общество, и известно, что капиталистические отношения существовали задолго до появления паровой мельницы. Технологический детерминизм заставил Маркса превозносить каждое важное изобретение как *самодостаточную* и чудесную «материальную производительную силу», которая неотвратимо приближает социалистическую революцию. Ведущий немецкий марксист и друг Маркса, Вильгельм Либкнехт, рассказывает, как Маркс однажды посетил выставку электровозов в Лондоне и потом с удовлетворением заключил, что электричество приведет к началу неизбежной коммунистической революции⁶.

А Энгельс в своем технологическом детерминизме дошел до утверждения, что умение пользоваться огнем отделило человека от животных. Получается, что группа животных, каким-то образом получившая огонь, была тем самым предопределена к дальнейшему развитию; таким образом, появление самого человека оказывается частью надстроечных явлений.

Но даже если в порядке дискуссии мы признаем тезис Маркса верным, его теория исторических изменений все равно столкнется с непреодолимыми трудностями. Почему технология, появляющаяся как некая данность, не может изменять «производственные отношения» и «надстройку» просто и плавно? Ведь если базис в каждый данный момент детерминирует надстройку, то как может изменение в базисе *не приводить* к соответствующему изменению всего остального именно равномерно и плавно? И вновь в марксистской системе появляется загадочный элемент. В ходе развития технологии и способов производства они периодически вступают в конфликт, или, по гегельянско-марксистской терминологии, в «противоречие», с производственными отношениями, которые продолжают сохранять состояние, соответствующее прошлому периоду и предшествующей технологии. Тем самым эти отношения становятся «оковами», сдерживающими технологическое развитие. Поскольку они препятствуют росту и развитию, новая технология приводит к неотвратимой социальной революции, которая свергает старые производственные отношения вместе с их надстройкой и создает новые, ранее невозможные из-за помех. Именно таким путем феодализм привел к капитализму, а тот, в свою очередь, приведет к социализму.

Но если технология определяет общественные производственные отношения, какая же таинственная сила откладывает изменение самих этих отношений? Упрямство, привычки и культурные предпочтения

людей не могут быть причиной, поскольку Маркс уже известил нас, что способ производства вынуждает людей вступать в производственные отношения независимо от их воли.

Как отмечает профессор Пламенац, нам *просто говорят*, что производственные отношения становятся оковами для производительных сил. Маркс просто утверждает это и даже не пытается привести причину — материальную или иную. Пламенац так формулирует проблему:

Затем, совершенно неожиданно, без предупреждения и без объяснения, он [Маркс] сообщает нам, что время от времени неизбежно возникает несовместимость между ними [производительными силами и производственными отношениями], снять которую может только социальная революция. Эта несовместимость явно возникает постольку, поскольку зависимая переменная [отношения] начинает препятствовать свободной деятельности переменной, от которой зависит [материальные производительные силы]. Это очень обязывающее заявление, но Маркс делает его, даже не задумываясь о том, что оно требует объяснения⁷.

Профессор Пламенац показал, что вся эта несурезица во многом вызвана и замаскирована неспособностью Маркса адекватно определить «производственные отношения». Данное понятие явно включает правовые отношения собственности. Но если правовые отношения собственности виноваты в этой диалектической отсрочке согласования производительных сил и производственных отношений, если они служат «оковами», тогда Марксу следовало бы признать, что проблема на самом деле является не экономической, а правовой или политической. Но Маркс хотел оставить детерминирующий базис *чисто экономическим* и считать сферу политики и идеологии лишь частью детерминируемой надстройки. Поэтому оковами стали якобы чисто экономические «общественные производственные отношения»; но это имеет смысл лишь в том случае, если означает права собственности или правовую систему. Поэтому Маркс выпутался из ситуации лишь за счет столь расплывчатого и двусмысленного описания «производственных отношений», что эти последние можно считать и *включающими* структуру собственности, и *тождественными* такой структуре, и чем-то *совершенно самостоятельным* применительно к ней.

В частности, Маркс решил задачу затуманивания, заявив, что система прав собственности — это часть «правового выражения» производственных отношений, т.е. каким-то образом может быть частью надстройки и в то же время частью экономических производственных отношений. «Правовое выражение», естественно, тоже никак не определяется. Как заключает Пламенац, вся концепция «производственных отношений», столь нужная для поддержания марксистского материального или экономического детерминизма, у Маркса подобна «призрачному батальону, закрывающему принципиально важную брешь во фронте

марксистской теории»⁸. Но при всем этом понятие «производственных отношений» нисколько не помогает прояснить суть экономического детерминизма, и остается совершенно непонятным, как эти отношения могут детерминироваться способами производства *или* сами могут детерминировать систему прав собственности.

Напротив, единственно возможная корректная цепочка причинно-следственной зависимости имеет обратную направленность: от идей к системе прав собственности, к интенсификации или сдерживанию сбережения и инвестиций и, далее, к технологическому развитию.

Марксисты XX в., от Лукача до Дженовезе, не раз пытались устранить трудности, создаваемые технологическим детерминизмом Маркса и его ближайших последователей. Они заявляли, что все передовые марксисты понимают: причинно-следственная зависимость имеет не однолинейный характер и, соответственно, базис и надстройка в действительности воздействуют друг на друга. Порой они шли на заведомый обман, заявляя, что и сам Маркс придерживался такой более точной и правильной позиции. Вообще же им свойственно затушевывать тот факт, что на самом деле они отошли от марксизма. Марксизм — это монокаузальный технологический детерминизм (наряду со всеми ошибками, которые мы перечислили) или вообще непонятно что; во всяком случае, он не предъявил никакого неизбежного или хотя бы вероятного диалектического механизма⁹.

12.3. КЛАССОВАЯ БОРЬБА

Даже если допустить, что между производительными силами и производственными отношениями существует необъяснимая несовместимость, то встает главный вопрос. Почему она не должна сохраняться постоянно? Почему экономика не может просто впасть в перманентную технологическую стагнацию? Этого, так сказать, «противоречия» самого по себе было недостаточно для обоснования главной цели Маркса — неизбежной пролетарской коммунистической революции.

Маркс дает такой ответ: двигателем неизбежных революций в истории является классовый конфликт, естественная борьба между экономическими классами. Наряду с системой прав собственности, одним из последствий производственных отношений, детерминированных производительными силами, выступает «классовая структура» общества. С точки зрения Маркса, препятствием для развития всегда служат «правящие классы», представляющие собой своего рода суррогат или живое воплощение общественных производственных отношений и правовой системы собственности. Напротив, другой, неумолимо «поднимающийся» экономический класс каким-то образом воплощает угнетенные или скованные технологии и способы производства. «Противоречие» между скованными материальными производительными силами и ско-

ывающими их производственными отношениями тем самым находит выражение в непримиримой борьбе между «поднимающимся» и «правящим классом». Эта борьба в силу непреложной (материалистической) диалектики истории должна привести к победе революции, совершаемой поднимающимся классом. Успешная революция наконец-то устанавливает гармонию между производственными отношениями и материальными производительными силами. Затем все пребывает в мире и гармонии до тех пор, пока технологическое развитие не породит новые «противоречия», новые оковы и новую классовую борьбу, обреченную на победу поднимающегося экономического класса. Именно таким путем феодализм, детерминированный ручной мельницей, открывает дорогу средним классам, когда появляется паровая мельница, и поднимающиеся средние классы, живые суррогаты паровой мельницы, сбрасывают оковы, наложенные классом феодальных землевладельцев. Таким образом, материалистическая диалектика берет одну общественно-экономическую систему, скажем феодализм, и утверждает, что эта система «порождает» свою противоположность, свое «отрицание» и неизбежное замещение «капитализмом», который, таким образом, «отрицает» и преодолевает феодализм. Точно так же электричество (или что-то другое) неизбежно породит пролетарскую революцию, которая позволит электричеству избавиться от оков, наложенных на него капиталистами.

Вряд ли мыслимо изложить такую схему и не отвергнуть ее немедленно как полный бред. Ко всем ошибкам исторического материализма, которые мы уже перечислили, добавляется еще одна: между технологией и классом не существует никакой причинно-следственной связи, ничего такого, что позволяет экономическому классу воплощать технологию или оковы «производственных отношений». Не существует объективных оснований, по которым тот или иной класс должен или теоретически мог бы выступать как марионетка в поддержку новых технологий или против них. Зачем феодальным землевладельцам выступать против паровых мельниц? Почему феодалы не могут вложить деньги в паровые машины? И почему капиталисты не могут охотно инвестировать в электричество, как раньше инвестировали в пар? В действительности они прекрасно инвестировали в электричество и во все остальные успешные и экономичные технологии (а также в их создание, без чего все дальнейшее невозможно). Почему капиталисты непременно подвергаются угнетению при феодализме и почему пролетарии столь же неизбежно угнетаются при капитализме? (О попытке Маркса ответить на последний вопрос см. ниже.)

Если, наконец, классовая борьба и материалистическая диалектика ведут к неизбежной пролетарской революции, почему на этом, как, естественно, утверждал Маркс, диалектика приходит к концу? Ведь для марксизма, как и для прочих миллениаристских и апокалиптических теорий, принципиально важно, что диалектика никоим образом не может разворачиваться безостановочно. Все хилиасты — и до-, и послемилле-

наристы — непременно настаивают на неизбежном и близком завершении диалектики, или на завершении истории. В самом скором времени третья эра — пришествие Христа, Царство Бога на земле или всецелое самопознание человеко-Бога — бесповоротно положит конец истории. Атеистическая диалектика Маркса тоже предсказывала скорую и неотвратимую пролетарскую революцию, которая после стадии «незрелого коммунизма» должна привести к «развитому коммунизму» или даже к чему-то «выше коммунизма». Это будет бесклассовое общество, общество полнейшего равенства, где нет ни разделения труда, ни правителей. Но поскольку для Маркса история является «историей классово-вой борьбы», завершающая коммунистическая стадия будет и последней, так что с ней история действительно прекратится.

Критики Маркса, от Бакунина и Махайского до Милована Джиласа, указывали, разумеется (провидчески и ретроспективно), что пролетарская революция, на какой бы стадии она ни произошла, не ликвидирует классы, но, напротив, создает новый правящий класс и новый подчиненный класс. Вместо равенства возникает другое неравенство в обладании властью и, соответственно, богатством: олигархическая элита, авангард, правит, а все остальные подчиняются.

Для придания полноты своей схеме Маркс использовал диалектические явления прошлого, переходы от восточного деспотизма, или «азиатского способа производства», к античному миру, затем к феодализму и от феодализма к капитализму. Но важнее всего, по понятным причинам, для него было описать конкретный механизм, посредством которого капитализм, как предполагалось, неминуемо проложит дорогу к пролетарской революции. После того как система в основном приобрела законченный вид, всю оставшуюся жизнь Маркс посвятил главным образом описанию и разработке этих предполагаемых механизмов.

12.4. МАРКСИСТСКАЯ ДОКТРИНА «ИДЕОЛОГИИ»

Вместе с тем Марксу пришлось неявно признать, что в реальном мире действуют не «материальные производительные силы» и даже не «классы», а только индивидуальное сознание и индивидуальный выбор. Даже в марксистской схеме каждый класс и каждый его представитель должны осознавать «подлинные» классовые интересы, чтобы преследовать и осуществлять их. С точки зрения Маркса, мышление, ценности и теории индивидуума полностью детерминированы не его личным интересом, а интересом класса, к которому он предположительно принадлежит. Это первый фатальный просчет всей концепции: с какой стати каждый человек должен ставить свой класс выше себя самого? Во-вторых, по Марксу, этот классовый интерес детерминирует мысли и убеждения человека и *должен* делать это, поскольку всякий отдельный человек имеет лишь «идеологию», т.е. ложное представление об интересах

своего класса. Он не способен к беспристрастному, объективному поиску истины, не способен преследовать свои подлинные интересы или интересы всего человечества. Однако, как указал Мизес, хотя доктрина Маркса претендует на статус чистой, не идеологизированной науки, она совершенно определенно обслуживает классовые интересы пролетариата. Однако, поскольку все «буржуазные» экономические теории и все прочие научные дисциплины Маркс объявил по определению ложными как «идеологические» рационализации классовых интересов буржуазии, марксисты оказались

недостаточно последовательны, чтобы приписать своим доктринам всего лишь идеологический характер. Подразумевается, что марксистские догматы не являются идеологией. Они суть предвидение знания о будущем бесклассовом обществе, которое, освобожденное от пут классовых конфликтов, будет в состоянии постичь чистое знание, не искаженное идеологическими недостатками¹⁰.

379

Очень точно формулирует проблему Дэвид Гордон:

Если любое теоретизирование на социальные и экономические темы детерминировано классовой позицией, то как быть с самой марксистской доктриной? Если, как горделиво заявлял Маркс, он стремился создать знание для рабочего класса, почему любой из его взглядов нужно принимать за истину? Мизес справедливо отмечает, что Маркс опровергает сам себя: если вся социальная мысль идеологична, тогда данное утверждение тоже идеологично и нет никаких оснований ему доверять. В «Теориях прибавочной ценности» Маркс не смог удержаться от презрительных насмешек над «апологетикой» различных буржуазных экономистов. Он не понял, что своим постоянным глумлением над классовой ангажированностью этих экономистов он роет могилу для собственного гигантского дела пропаганды от лица пролетариата¹¹.

Мизес указывает также, что нелепо считать, будто ложная теория может обслуживать интересы любого класса, включая капиталистов, лучше, чем корректная¹². По Марксу, задача философии сводится лишь к достижению определенной практической цели. Но если, как в прагматизме, истинно лишь то, «что работает», тогда приверженность ложной теории общества явно не будет соответствовать интересам буржуазии. Если марксистский ответ гласит, и это так и есть, что ложная теория нужна для оправдания власти капиталистов, то, по замечанию Мизеса, с самой марксистской точки зрения в теории вообще нет необходимости. Поскольку каждый класс безжалостно преследует собственные интересы, у капиталистов нет нужды оправдывать свою эксплуататорскую власть *перед самими собой*. Равным образом, нет необходимости использовать эти ложные теории для подчинения пролетариата, поскольку, как учат марксисты, сохранение или свержение существующей общественной системы зависит от материальных производительных сил

и сознание никак не может замедлить или ускорить этот процесс. А если такая возможность все же существует (что марксисты нередко молчаливо допускают), тогда в самом ядре марксистской теории обнаруживается крупный и неустранимый изъян.

Другая хорошо известная несуразность, тоже являющаяся крупным дефектом марксистской системы, состоит в том, что, несмотря на превознесение пролетариата и «пролетарского сознания», все ведущие марксисты, начиная с Маркса и Энгельса, были несомненными представителями буржуазии. Маркс был сыном состоятельного адвоката, его жена принадлежала к прусской знати, а его шурин занимал пост прусского министра внутренних дел. Фридрих Энгельс, неизменный благодетель и помощник Маркса, был сыном богатого фабриканта и сам стал фабрикантом. Почему же *их взгляды* и их теории не были детерминированы классовыми интересами буржуазии? Что позволило их сознанию возвыситься над мощной силой, которая детерминирует убеждения всех остальных людей?

Как мы уже говорили, любая система детерминизма стремится оставить лазейку для ее создателей и адептов; им каким-то образом удается ускользнуть от всевластных законов, которым подчиняются все остальные. Тем самым такие системы непреднамеренно оказываются внутренне противоречивыми и опровергающими сами себя. В XX в. немецкий социолог-марксист Карл Мангейм попытался соорудить из этой лазейки Высокую теорию: «интеллектуалы» способны к «свободному плаванию», способны возвыситься над законами, которые определяют жизнь всех прочих классов.

12.5. ВНУТРЕННЯЯ ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ ПОНЯТИЯ «КЛАСС»

«Класс» есть совокупность элементов, обладающих одним общим свойством. Так, есть класс «белоголовых орланов» или класс «гераней», и каждый такой класс можно расширить или сузить, — например, до класса «гераней, произрастающих в Нью-Джерси». «Общественный класс» — это совокупность людей, обладающих одним общим свойством. Количество принципиально выделяемых общественных классов фактически необозримо. Можно выделить «класс людей ростом выше 6 футов 4 дюймов», «класс людей по имени Смит», «класс людей весом менее 160 фунтов» и так далее *ad infinitum*. Некоторые из подобных классификаций будут полезны для определенных видов социальной статистики (скажем, «класс людей старше 65 лет, болеющих диабетом») — медицинской, страховой, демографической. Однако при анализе марксистской классовой теории все подобные стратификации бесполезны, поскольку между этими классами нет естественного конфликта. В условиях рыночной экономики, международного разделения труда и обмена продукцией не может быть никакого конфликта между людьми невысокими и высокими,

между людьми с разным весом, разными именами и т.д. Все классы живут в согласии благодаря добровольному обмену товарами и услугами, за счет которого получают взаимную выгоду. Кроме того, в свободном обществе или в условиях рыночной экономики у отдельно взятого человека нет никакой причины действовать «в интересах своего класса», а не в своих собственных, пусть даже неверно понимаемых. Станет ли человек при выборе работы или направления инвестирования предварительно и непременно сверяться со своим «классовым интересом» как представитель «класса людей выше шести футов»? Это, разумеется, чистый абсурд.

Но разве между общественными классами вообще никогда не бывает естественных конфликтов? Бывают, но лишь в тех случаях, когда одни классы получают от государства привилегированное положение, а возможности других принудительно ограничиваются тем же государством. Такие группы, возвышаемые или угнетаемые государством, Людвиг фон Мизес предусмотрительно называет «кастами» в отличие от «классов», поскольку эти последние являются просто группами людей, не состоящими ни в каком естественном конфликте в условиях свободного рынка. Классический пример — кастовая система в Индии. Привилегированные, или «правящие», касты с санкции государства обладали властью, деньгами и высоким статусом; а низшие, «подчиненные» касты не имели, например, права отказаться от малопривлекательных профессий своих предков. Другие деления на высшие и низшие касты не являются столь жесткими, как в Индии, но всегда имеют принудительный характер. В Индии каста брахманов, возвышенная государством, состояла в естественном конфликте с неприкасаемыми, которых государство унизило как класс. Соответственно, у этих каст были конфликтующие классовые (или кастовые) интересы: брахманы желали сохранять свои привилегии, а неприкасаемые и другие низкие касты — избавиться от угнетенного положения. Таким образом, в силу государственной политики все брахманы имели общий, или «классовый», интерес — сохранение своих привилегий, а все неприкасаемые — свой общий интерес: освобождение от угнетения.

Поэтому даже в менее жестких условиях, чем абсолютная кастовая система, классы невысоких и высоких людей или класс людей по имени Смит, обычно живущие в мире и гармонии, могут *оказаться* в ситуации естественного конфликта. Представим, что государство выделяет значительную субсидию всем людям выше шести футов или вводит крупный налог на всех, кто ниже пяти с половиной футов. Если люди по имени Смит получают особые преимущества, они становятся привилегированным классом за счет всех прочих, и возникает экономический стимул как можно быстрее войти в «правящий класс» людей по имени Смит.

Но даже в подобных ситуациях, чего Маркс практически не мог отрицать, находились и находятся люди, которые по различным причинам идеологического или оппортунистического характера не следуют собственному классовому интересу. Находились брахманы, ставившие

требования справедливости (т.е. идеи и принципы) выше своего классового интереса, или неприкасаемые, которые из соображений личного удобства с готовностью подчинялись существующему порядку.

В самом ядре марксистской системы, в принципиально важном понятии класса, скрывается принципиальное внутреннее противоречие. По марксистской диалектике, естественный конфликт всегда возникает между двумя могущественными классами, классом правящим и классом подчиненным. Повествуя о первых двух крупных конфликтах в истории, в эпоху «восточного деспотизма» и в эпоху «феодализма», Маркс определяет общественные классы совершенно так же, как Мизес в своей либеральной манере: как классы, возвышенные или приниженные государством. Так, при «восточном деспотизме», или «азиатском способе производства», во главе государства стоят верховный правитель и его технократическая бюрократия; они и составляют «правлящий класс». Этот класс обладает государственными привилегиями, облагает налогами и контролирует «подвластные» классы, т.е. всех остальных, — прежде всего крестьянство, но также ремесленников и торговцев. Здесь Маркс следует либеральному (предложенному, как мы видели, Джеймсом Миллем) определению двухклассовой системы: правящее меньшинство обладает государственным контролем, властвует над большинством и эксплуатирует его. Ту же схему Маркс сохраняет и для феодализма. Класс феодальных сеньоров силой захватывает земли и начинает угнетать крестьян, купцов и ремесленников посредством арендной платы, налогов, запретов и крепостной зависимости. Здесь классы Маркса опять тождественны «кастам»: правящий класс является таковым в силу того, что имеет контроль над государством, главным общественным аппаратом принуждения.

Пока все складно. Но когда Маркс переходит к капитализму, он внезапно, без предупреждения, изменяет категоризацию класса. Теперь правящий класс определяется уже не как класс, контролирующий государственный аппарат. Отныне акт правления или «эксплуатации» — это рыночный контракт найма, т.е. сам факт того, что капиталист нанимает работника, а работник соглашается быть нанятым. Согласно Марксу, это само по себе создает общий «классовый интерес» среди капиталистов, эксплуатирующих «класс» рабочих. Правда, Маркс также считал, что «капиталистический класс» правит государством, но только через «исполнительный комитет правящего класса», т.е. того правящего класса, который *уже сложился* на свободном рынке благодаря системе заработной платы. Таким образом, то, что Маркс в своем анализе восточного деспотизма и феодализма рассматривал как эксплуатацию со стороны правящего класса, существует и при капитализме, но лишь как *дополнение* к уже существовавшей капиталистической эксплуатации рабочих посредством системы заработной платы. При капитализме эксплуататорский правящий класс представляет собой особое явление, поскольку осуществляет *двойную* эксплуатацию: *во-первых*, на рынке

за счет договоров найма и, *во-вторых*, на государственном уровне через предполагаемую эксплуатацию со стороны исполнительного комитета правящего класса.

Совершенно очевидно, что в использовании понятия класса Маркс приходит к полнейшей путанице и неразберихе: два несовместимых определения класса соединяются вместе и, естественно, не образуют никакого единства. Почему из всех возможных систем лишь капитализм может осуществлять «двойную» эксплуатацию, которая в исторической схеме Маркса не оказалась посильной больше ни для какого правящего класса?

Суть в том, что Марксово определение класса и классового конфликта при капитализме безнадежно путаное и совершенно ошибочное. Как могут «капиталисты» даже в одной отрасли, не говоря уже обо всей общественной системе, иметь объединяющее их важное свойство? В кастовой системе брахманы и рабы, конечно, имеют классовые интересы и состоят в конфликте с другими кастами. Но каков же общий «классовый интерес» у «класса капиталистов»? Напротив, капиталистические фирмы постоянно конкурируют и соперничают друг с другом. Они соперничают за сырье, за труд, за продажи и за покупателей. Они соперничают в ценах и качестве, в разработке новых продуктов, в поиске новых способов опережения конкурентов. Маркс, разумеется, не отрицал реальности этого соперничества. Итак, в каком же случае можно рассматривать всех капиталистов или хотя бы представителей «сталелитейной промышленности» как класс с общими интересами? Опять же, только в одном: сталелитейная отрасль будет иметь общие интересы, если сможет побудить государство создать такие интересы с помощью предоставления особых привилегий. Государственное вмешательство ради введения таможенных пошлин на сталь или создания стального картеля, ограничивающего производство и повышающего цены, — вот что на деле *приведет* к появлению привилегированного «правящего класса» производителей стали. Однако до такого вмешательства никакого класса с общими интересами на рынке не существует. Только государство путем вмешательства в экономическую или общественную жизнь способно создать привилегированный класс (или подчиненный и угнетенный класс). На свободном рынке не может быть никакого «капиталистического правящего класса».

Равным образом на свободном рынке не может быть и никакого «рабочего класса» с общими классовыми интересами. Работники конкурируют друг с другом точно так же, как это делают капиталисты или предприниматели. Опять же, если группа рабочих сможет с помощью государства исключить конкуренцию со стороны других групп, она станет правящим классом по отношению к этим непривилегированным группам. Например, если государственное ограничение иммиграции сдерживает приток новой рабочей силы, местные рабочие получают выгоду (по крайней мере, в краткосрочной перспективе) за счет доходов иммигрантов;

или, скажем, если белым работникам удастся с помощью государства оставлять для черных только неквалифицированный труд (как это было в ЮАР), первые становятся привилегированным, или правящим, классом за счет вторых.

Важно, что в число эксплуататоров может войти *любая* группа, способная оказать влияние на государство или получить от него привилегии, — те или иные объединения рабочих или бизнесменов, члены коммунистической партии и т.д. Нет никаких оснований считать, что привилегии могут получать только «капиталисты».

Разрабатывая свою концепцию классов, Маркс постоянно сталкивался с тем фактом, что на деле ни капиталисты, ни рабочие не ведут себя как члены монолитных конфликтующих классов. Напротив, у капиталистов, как и у рабочих, существует внутренняя конкуренция. Даже в своем оптимистическом «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс вынуждены были признать, что «организация пролетариев в класс, а затем в политическую партию постоянно срывается из-за соперничества среди самих рабочих».

Однако есть и еще более серьезные проблемы. Маркс использует двухклассовую схему. Суть каждой титанической схватки в истории — это столкновение двух крупных общественных классов, правящего и управляемого; поднимающийся класс находится в гармонии с новыми материальными производительными силами, а класс, идущий к упадку, им не соответствует. Двуклассовая схема в либеральной версии Милля хотя и является упрощением, но осмысленна и работоспособна, поскольку применяется к ситуациям, где действительно имеются общие кастовые интересы и кастовые конфликты. Но как нам быть со сложным многоклассовым миром капиталистической рыночной экономики? Как применять эту двухклассовую модель к рыночной или политической деятельности?

Нет сомнений, что Маркс привержен именно такой бинарной модели: капиталисты/пролетарии. Все прочие классы отходят на задний план, так что могучий, эксплуатируемый и обездоленный класс может и должен подняться как монолит для свержения «капиталистического класса». В «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс заявили: «Наша эпоха, эпоха буржуазии, отличается, однако, тем, что она упростила классовые противоречия: общество все более и более раскалывается на два больших враждебных лагеря, на два больших, стоящих друг против друга, класса — буржуазию и пролетариат»¹³.

Однако, когда Маркс и Энгельс анализируют недавнюю историю или современные им события, они вынуждены говорить о взаимодействии многих классов и групп, т.е. вынуждены неявно, но определенно отступить от неработоспособной двумерной модели. Проблема, как мы говорили, еще и в том, что два Марксовы класса далеки от монолитности, что их члены постоянно соперничают и очень редко сотрудничают и что многообразие капиталистического общества в особенности невозможно описать путем разделения всех его действующих лиц на два класса.

На практике и сам Маркс, и другие марксисты при анализе исторических явлений с удобством используют мультиклассовую модель: «стальной капитал», «текстильный капитал», «оружейный капитал», «финансовый капитал» и т.д. При этом они, по-видимому, не сознают, что, когда говорят более реалистичные вещи, чем разглагольствования о двух монолитных классах «капиталистов» и «рабочих», они полностью предают саму марксистскую диалектику. Взаимные пререкания в мультиклассовом обществе отнюдь не чреватые неизбежной революцией — и уж, во всяком случае, столь любезной Марксу пролетарской революцией.

У самого Маркса и у марксистов вообще термин «класс» встречается несчетное количество раз в разных контекстах. Однако в сочинениях Маркса мы не найдем его определения. Ведь если бы он попытался дать такое определение, с полной ясностью вскрылась бы внутренняя противоречивость этого понятия, несопоставимость явлений, созданных государством, и явлений чисто рыночных, — и от какого-то значения пришлось бы отказаться.

Так, в «Капитале», главном теоретическом труде Маркса, мы найдем лишь одну незавершенную попытку определить класс. При жизни Маркса был опубликован только незавершенный первый том (1867), и на этом этапе Маркс, по существу, прекратил работу над книгой. После его смерти (1883) Энгельс собрал, отредактировал и опубликовал оставшиеся рукописи в двух очередных томах (1885, 1894)¹⁴. Только в знаменитой последней главе третьего тома Маркс наконец приступил к определению того, о чем он и Энгельс говорили и писали почти 40 лет. Эта незаконченная глава под названием «Классы» на удивление коротка — всего пять небольших абзацев. Начинает Маркс с классической триады Рикардо: источниками дохода при рыночной экономике являются заработная плата, прибыль и рента; соответственно, получатели этих видов дохода образуют собой «три крупных класса современного общества» — рабочих, капиталистов и землевладельцев¹⁵. Ну что ж, хорошо. Но затем Маркс добавляет, что даже в Англии, «наиболее высоко и всесторонне развитой» капиталистической стране, существуют «срединные и промежуточные слои, которые даже здесь повсюду приводят к размыванию разграничительных линий». Впрочем, затем он тут же заверяет читателей, что эта проблема не имеет особого значения, поскольку процесс концентрации и поляризации классов развивается стремительно.

Третий абзац этой, на первый взгляд, кульминационной главы Маркс начинает так: «Первый вопрос, на который нужно ответить, таков: что составляет класс?» Справедливо. Затем Маркс добавляет, что ответ на этот вопрос «естественным образом вытекает» из ответа на второй вопрос, связанный с первым: «По какой причине наемные работники, капиталисты и землевладельцы составляют три основных общественных класса?» Таким образом, предлагается сначала ответить на вопрос Рикардо и лишь затем на первый, самый важный: «Что составляет класс?»

По поводу второго вопроса Маркс говорит, что «на первый взгляд» ответ заключается в тождестве источника дохода. Действительно, рабочие получают заработную плату за свой труд, капиталисты получают прибыль от своего капитала, землевладельцы получают арендную плату от своих владений. Но Маркс тут же предупреждает, что этот простой ответ не годится: «Однако с этой точки зрения, например, врачи и чиновники тоже образуют два класса, поскольку принадлежат к двум отдельным общественным группам и члены каждой из этих групп получают доходы из одного и того же источника. То же самое можно сказать о неслучайных подвидах интересов и положений, которые разделение общественного труда выявляет как среди рабочих, так и среди капиталистов и землевладельцев. Среди последних, например, можно выделить владельцев виноградников, владельцев ферм, владельцев лесов, владельцев рудников и владельцев рыбных промыслов». Прямо в точку. Маркс фактически сам во всем признался; его излюбленная модель двухклассового монолита (или трехклассового, если добавить якобы исчезающий «феодальный пережиток», класс землевладельцев) лежит в руинах¹⁶.

Итак, классовая теория Маркса, а потому и сам марксизм разрушены собственной рукой их создателя. Но если самое темное время наступает перед рассветом, если страдания угнетенного класса достигают пика накануне окончательной революции, у нас есть все основания ожидать, что Карл Маркс вмешается и триумфально спасет положение. Как же он делает это? Как разворачивается драма? Но тут наступает один из самых разочаровывающих моментов в истории социальной мысли: текст заканчивается словами, которые мы процитировали выше. Энгельс снабжает их лаконичным примечанием: «Здесь рукопись обрывается».

Энгельса можно понять в том смысле, что смерть настигла Великого учителя в то самое мгновение, когда его перо уже готовилось начертать Великий ответ, призванный спасти рассыпающуюся марксистскую теорию класса и утвердить ее на прочном основании. Но мы-то знаем, что это не так, знаем, что «перерыв» случился за 16 лет до смерти Маркса. У Маркса было вполне достаточно времени для решительного и окончательного ответа. Почему же он его не дал? У нас есть только один вариант: потому, что Маркс не мог его дать, зашел в тупик и понял, что *ответа нет* и марксизму отныне придется поддерживать свое существование только с помощью повтора одних и тех же громогласных заявлений.

12.6. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПОНЯТИЯ КЛАССА

Как мы уже говорили, в первых десятилетиях XIX в. Джеймс Милль разработал простую, но убедительную и работоспособную теорию двух классов — правящего класса, который руководит государством, и остального общества, которое представляет собой подданных. Примерно в то же время во Франции, в период Реставрации после падения

Наполеона, группа либеральных теоретиков *laissez faire* создавала значительно более сложную версию той же самой модели; эта версия обладала историческим и социологическим измерениями, отсутствовавшими у Милля. В эту группу входили идейные и физические потомки идеологов наполеоновской эпохи, а главным связующим звеном был Ж.-Б. Сэй. Сэй был вдохновителем этой группы периода Реставрации и представлял в ней старшее поколение, а возглавляли ее зять Сэя Шарль Конт (1782—1837) и Шарль Дюнуайе (1786—1862). Важным последователем Конта и Дюнуайе был еще молодой Огюстен Тьерри (1795—1856), которому вскоре предстояло стать одним из самых видных французских историков. С начала Реставрации и до 1820 г. Конт и Дюнуайе выпускали периодические издания «*Le Censeur*», а затем «*Le Censeur Européen*», ставшие центром нового движения *laissez faire*.

Подобно Миллю, Конт и Дюнуайе считали конфликтующими классами тех, кто контролирует государственный аппарат, и тех, кто контролируется государством. Вместе с тем они указывали, что история — это история такой («кастовой») борьбы. При восточном деспотизме правящий класс составляли верховный властелин и его бюрократия. В Европе ранних времен племена-завоеватели оседали среди завоеванных и создавали государства с правящим классом, т.е. исторически сложилось так, что вторым отличительным свойством правящего класса (по крайней мере, поначалу) была принадлежность к иной этнической группе, чем подвластные. Таким образом, этническое угнетение добавлялось к политико-экономическому гнету государства.

Однако новым элементом, фактором, который приведет к неотвратимому появлению и победе бесклассового (в смысле «бескастового») общества, Конт и Дюнуайе считали то, что называли «индустриализмом». Для возникновения и надлежащего функционирования индустриального общества требовалась международная свободная рыночная экономика. Поэтому Конт и Дюнуайе считали неизбежным распространение свободной рыночной экономики по всей Европе, а затем и по всему миру; это приведет к распаду правящих классов и появлению свободного региона и мира — мира, где не будет государственного гнета. Таким образом, эта концепция предусматривала отмирание государства, его перерождение в экономику рыночного обмена, после чего, по выражению Конта и Дюнуайе, «управление людьми будет заменено управлением вещами».

Итак, Конт и Дюнуайе считали, что мир разделен на производительные классы (рабочие, предприниматели, производители всех видов) и угнетающие их «непроизводительные» классы, которые используют государство, чтобы получать дань с производителей. К «непроизводителям» они отнесли, в частности, политиков, государственных чиновников, рантье, живущих на доход от государственных облигаций, а также бизнесменов, имеющих государственные субсидии, и тех, кто получает привилегии от государства. «Вершина совершенства», которое, как

считали Конт и Дюнуайе, в конечном счете наступит, «будет достигнута, если весь мир работает и никто не правит».

С благословения своего наставника, Ж.-Б. Сэя, Конт и Дюнуайе пошли дальше него и добавили к чисто экономическому измерению историческое, социологическое и политико-философское.

Сторонники Конта и Дюнуайе были твердыми и решительными защитниками индивидуальной свободы и прав собственности. Дюнуайе резко критиковал эгалитаризм: «Равенство было бы извращением фундаментального закона человечества и общества», гласящего, что доход и положение каждого человека «зависят от его поведения и прямо пропорциональны его энергии, уму, нравственности, постоянству и упорству». Что касается свободы, то, по словам Дюнуайе, 40 лет «я отстаивал одни и те же принципы: свободу во всем, свободу в религии, философии, литературе, производстве, политике. А под свободой я понимаю торжество индивидуальности»¹⁷.

Червячком в яблоке, который превратил либеральную концепцию общественных классов в смесь с ее противоположностью, оказался говорливый французский аристократ граф Анри де Сен-Симон (1760—1825). Сен-Симон — автор на редкость туманный; его природная невнятность усугублялась еще привычкой подхватывать идеи, услышанные в светских салонах, и нелюбовью к систематическому чтению¹⁸. В тот период, когда выходил «Senseur», Сен-Симон был в лучшем случае попутчиком Конта и Дюнуайе: он познакомился с их идеями в салонах и пропагандировал эти идеи в своем собственном журнале «L'Industrie» (1816—1818). Однако затем взгляды Сен-Симона стали все более авторитарными и враждебными либерализму *laissez faire*. Позаимствовав либеральную классовую концепцию у Конта и Дюнуайе, Сен-Симон в обычной для него манере смешал понятия и ввел фатальное и ничем не подтвержденное противоречие: между конфликтующими классами в смысле тех, кто руководит или управляется государством, с одной стороны, и нанимателями и противостоящими им наемными работниками на свободном рынке — с другой. Марксистская путаница стала сомнительным вкладом Сен-Симона в социальную мысль. В 1825 г., после смерти Сен-Симона, его ученик Олинд Родриг, инженер и сын чиновника, вместе с Анфантенем и Базаром основал сенсимонистский журнал «Le Producteur»; во второй половине 1820-х гг. за ним последовала серия конференций и брошюр. Все это превратило путаную социальную философию покойного наставника в воинствующую апологию тоталитарной социалистической системы. Эту систему должны были возглавить те, кого Сен-Симон считал подлинными классовыми представителями «индустриализма»: союз инженеров и остальных технократических интеллектуалов с инвестиционными банкирами, объединенными и руководимыми центральным банком.

Иными словами, в противоположность коммунистическому социализму, имевшему, по крайней мере внешне, эгалитарный характер,

сенсимонизм был откровенно элитарен, поскольку отдавал власть «хорошим» и предположительно передовым классам. Таким образом, последователи Сен-Симона, которые первыми начали использовать слово «социализм», отвергли капиталистов и предпринимателей ради более удобных им банкиров и интеллектуалов, представлявших работников-производителей. По всей видимости, не случайно, что из двух главных лидеров сенсимонизма, Анфантена и Базара, первый, Бартеlemi Проспер Анфантен, был сыном банкира, получил финансовое и инженерное образование и занимался математикой у Олинда Родрига. Неудивительно и то, что сенсимонизм возлагал большие надежды на инвестиционные банки: журнал «Le Producteur» издавался при финансовой поддержке крупного банкира Жака Лаффита. Пик влияния сенсимонизма во Франции пришелся на 1830—1832 гг., после чего два апостола этого политико-религиозного культа, Анфантен и Сен-Аман Базар (1791—1832), резко разошлись по вопросу свободной любви, вынудив своих учеников четко принять ту или иную сторону. К сожалению, раскол между двумя вождями случился слишком поздно, и сенсимонистское социалистическое движение успело приобрести поразительную популярность в Европе. Во Франции сенсимонистами становились люди искусства и писатели, в том числе Жорж Санд, Бальзак, Гюго и Эжен Сю; принципы сенсимонизма нашли отражение в «Песне о железных дорогах» Гектора Берлиоза, а Ференц Лист играл на рояле во время собраний сенсимонистов.

Реакционный романтик-пантеист Томас Карлейль тут же примкнул к сенсимонизму и стал его главным пропагандистом в Англии. В своем энтузиазме он дошел до того, что перевел на английский последнюю работу кумира «Новое христианство» и попытался издать перевод; в этом труде Сен-Симон предрек, что его учение станет культом новой религии. Более важный результат принесло влияние сенсимонизма на Джона Стюарта Милля. Именно идеи Сен-Симона в первую очередь побудили Милля перейти от строгих рыночных убеждений отца к полусоциалистическим. В «Автобиографии» Милль рассказывает, что читал все сенсимонистские брошюры и «частично благодаря их сочинениям [у него] открылись глаза на то, насколько ограниченную и преходящую ценность имеет прежняя политическая экономия, считающая частную собственность и право наследования нерушимыми, а свободу производства и обмена — *dernier mot* в совершенствовании общества». Более того, в письме к ведущему французскому сенсимонисту и другу Родрига Гюставу д'Эйхталю Милль дошел до предположения, что некоторые формы сенсимоновского социализма «возможно, станут окончательным и непреходящим состоянием рода человеческого», хотя в отличие от сенсимонистов считал, что человечеству потребуется длительное время для достижения такого счастливого состояния¹⁹.

Но ни в одной стране сенсимонизм не был принят с таким удовольствием, как в Германии. В начале 1830-х гг. он «с быстротой молнии распро-

странился по ее литературному миру»²⁰. К числу восторженных адептов принадлежали видный политический автор Фридрих Бухгольц и знаменитый поэт Генрих Гейне; под влияние сенсимонизма попала вся школа младогерманских поэтов. Но самое большое влияние он оказал на младогегельянцев и таких младогерманских поэтов, как Т. Мундт и Г. Кюне, которые сами читали университетские лекции по философии Гегеля. Более непосредственным образом сенсимонизм сказался на формировании взглядов Маркса. Дело в том, что родной город Маркса Трир входил в Рейнскую область, оккупированную Францией на протяжении 20 лет революционных войн. За это время город стал гораздо более восприимчивым к французским идейным течениям. Поэтому в период юности Маркса влияние сенсимонизма в Трире ощущалось особенно сильно — настолько сильно, что архиепископ Трирский счел своим долгом осудить доктрины Сен-Симона с церковной кафедры. Людвиг Галь, возглавлявший одно время городской совет Трира, был видным сенсимонистом и плодовитым автором. Вряд ли можно сомневаться в том, что Маркс читал его сочинения.

Сильное влияние на Маркса оказал и Эдуард Ганс, один из его любимых преподавателей в Берлинском университете (он читал лекции по уголовному праву) и один из ближайших учеников Гегеля. Ганс был последователем как Гегеля, так и Сен-Симона. Взаимопроникновение двух этих учений в Германии во многом сформировало взгляды младогегельянцев, предводителем которых стал Маркс. Как отмечает Биллингтон, «все левое гегельянство справедливо называли “не чем иным, как гегелизированным сенсимонизмом или сенсимонизированным гегельянством”»²¹. Пропитанный идеями Сен-Симона и Гегеля, Маркс счел концепцию классовой борьбы, причудливо преломленную дефектной призмой сенсимонизма, вполне готовой и пригодной для включения в его собственный Великий проект. Помимо классовой борьбы между пролетариями и капиталистами, Маркс заимствовал у сенсимонистов идею неизбежного торжества производства и его воплощения (т.е., по мысли сенсимонистов и Маркса, рабочих), а также понимание цели истории как отмирания государства и «замены управления людьми управлением вещами». Однако между этой наскоро состряпанной схемой и ее первоисточком было принципиальное различие. Утопическое государство Конта и Дюнайте должно было стать совершенно свободным обществом индивидуальных собственников, беспрепятственно совершающих рыночный обмен. Утопия Маркса подразумевала, что «человек» будет общим коллективным владельцем всех продуктов при отсутствии существующих в данный момент разделения труда, специализации, денег и обмена.

Маркс сам признал, что особенно сильное влияние сенсимонизм оказал на него благодаря одному человеку — любимому наставнику, заменявшему отца, а впоследствии тестю, барону Людвигу фон Вестфалену. В конце жизни Маркс рассказал своему близкому другу и почитателю, русскому либеральному аристократу Максиму Ковалевскому, что

впитал сенсимонизм от Вестфалена, который, несомненно, был пылким почитателем учения Сен-Симона.

Как мы уже видели, в «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс воспользовались скорее изначально либеральной, чем сенсимонистско-марксистской, теорией класса и смешали привилегированный класс с капиталистами, которые нанимают рабочих на рынке. Профессор Ральф Райко пронизательно подметил, что поводом для такого смешения послужил термин «буржуазный» в том значении, в каком он использовался в континентальной Европе:

Когда Маркс называет «буржуазию» главным эксплуататорским и паразитическим классом современного общества, этот термин можно понимать двояко. В Англии и Соединенных Штатах им обычно обозначается класс капиталистов и предпринимателей, которые зарабатывают путем покупки и продажи на (более или менее) свободном рынке... В континентальной Европе термин «буржуазия» не имеет столь тесной связи с рынком; он может с равным успехом обозначать и класс «государственных служащих», и рантье, покупающих государственные долговые обязательства, как класс бизнесменов, включенный в процесс общественного производства²².

390

Райко далее указывает, что систематическая эксплуатация других классов бюрократами и держателями государственных долговых обязательств была «общим местом социальной мысли XIX в.». Например, Токвиль осуждает правление «среднего класса» при «буржуазной монархии» Луи Филиппа (1830—1848) в следующих словах: «Он проник в каждое учреждение, невероятно увеличил количество учреждений и приобрел привычку жить за счет государственного казначейства почти в такой же мере, как за счет собственной деятельности»²³.

Но это далеко не все. Профессор Райко показывает, что Маркс и Энгельс, анализируя конкретные исторические события (в частности, в современной им Франции), продолжают использовать либеральную схему двух классов, привязанную к государству. Возьмем, например, работу Маркса «18 брюмера Луи Бонапарта» (1852), где он анализирует события, которые привели к государственному перевороту Бонапарта 2 декабря 1851 г., и намеревается показать, «каким образом классовая борьба во Франции создала условия и обстоятельства, давшие возможность дюжинной и смешной личности сыграть роль героя». Он с возмущением пишет:

Эта исполнительная власть с ее громадной бюрократической и военной организацией, с ее многосложной и искусственной государственной машиной, с этим войском чиновников в полмиллиона человек рядом с армией еще в полмиллиона, этот ужасный организм-паразит, обвивающий, точно сеть, все тело французского общества и затыкающий все его поры, возник в эпоху абсолютной монархии... Всякий общий интерес немедленно отрывался от общества, противопоставлялся ему как высший, всеобщий интерес, вырывался из сферы самодеятельности членов

общества и делался предметом правительственной деятельности, начиная от моста, школьного здания и коммунального имущества какой-нибудь сельской общины и кончая железными дорогами, национальным имуществом и государственными университетами Франции... Все перевороты усовершенствовали эту машину вместо того, чтобы сломать ее. Партии, которые, сменяя друг друга, боролись за господство, рассматривали захват этого огромного государственного здания как главную добычу при своей победе... господствующего класса... При втором Бонапарте государство как будто стало вполне самостоятельным. Государственная машина... укрепила свое положение по отношению к гражданскому обществу...²⁴

Здесь Маркс не только использует двухклассовую концепцию классово-вой борьбы, но и предвосхищает либертарианское понимание государства как антиобщественного инструмента. Именно такую позицию занимали Герберт Спенсер и Франц Оппенгеймер, и даже в более развитой либертарианской концепции Альберта Джея Нока «государственная власть» рассматривается как интерес, по определению противоположный «общественной власти» и эксплуатирующий ее.

Отлично. Но *где же* во всей этой схеме капиталисты, использующие государство как свой «исполнительный комитет» для удвоения эксплуатации пролетариата? Более того, где здесь *вообще* капиталисты и пролетариат? Как отмечает Райко, во всем этом заключена восхитительная ирония. Передовые либеральные теоретики говорят не только о государственной власти, но и о различных исторических группах — азиатском бюрократическом деспотизме, феодальных сеньорах, коммунистических партиях и т.д., — которым удавалось получить контроль над государством и использовать аппарат государственного принуждения для эксплуатации остальной части общества. А марксистская схема, как отмечает Райко, «здесь совершенно не учитывает того, что *некоторые сегменты капиталистического класса* интенсивно используют государственную власть, и ограничивается только эксплуататорской деятельностью тех, кто непосредственно контролирует государственный аппарат». Почему Маркс и Энгельс «решили обелить капиталистов таким образом, — иронически заключает Райко, — я не берусь сказать»²⁵.

Ту же самую схему Маркс воспроизвел через 20 лет в работе «Гражданская война во Франции», посвященной возникновению и падению Парижской коммуны. Коммуна, писал он, «вернула бы обществу все те силы, которые до сих пор пожирал этот паразитический нарост, “государство”, кормящийся за счет общества и задерживающий его свободное движение». В частности, Коммуне удалось, во всяком случае на некоторое время, «уничтожить два главных источника государственных расходов — постоянную армию и государственную бюрократию».

Наконец, Энгельс в предисловии 1891 г. к «Гражданской войне во Франции» применил ту же либеральную и очень немарксистскую модель к текущей политической ситуации в Соединенных Штатах:

Нигде «политики» не составляют такой обособленной и влиятельной части нации, как именно в Северной Америке. Там каждая из двух больших партий, сменяющих одна другую у власти, в свою очередь, управляется людьми, которые превращают политику в выгодное дело... Именно в Америке лучше всего можно видеть, как развивается это обособление государственной власти от общества... Мы видим там две большие банды политических спекулянтов, которые попеременно забирают в свои руки государственную власть и эксплуатируют ее при помощи самых грязных средств и для самых грязных целей, а нация бессильна против этих двух больших картелей, которые якобы находятся у нее на службе, а в действительности господствуют над ней и грабят ее²⁶.

Профессор Райко заключает:

Таким образом, получается, что в марксизме присутствуют две теории государства (и, соответственно, две теории эксплуатации). С одной стороны, это обычно рассматриваемая и очень знакомая (которую пропагандировал сам Маркс) теория государства как инструмента правящего класса (и сопугствующая ей теория, которая связывает эксплуатацию с процессом производства). С другой стороны, это теория государства, которая противопоставляет его «обществу» и «нации» (два неожиданных и примечательных термина в данном контексте). Более того, возникает впечатление, что именно *вторая* теория преобладает в тех сочинениях Маркса, которые, по мнению многих, являются лучшими образцами марксистского исторического анализа, поскольку в них детально и тонко разбираются конкретные и непосредственно данные политические реалии²⁷.

12.7. НАСЛЕДИЕ РИКАРДО

Когда Маркс на весь остаток жизни погрузился в экономическую теорию капитализма, он обнаружил готовое и замечательное подспорье — экономическое учение Рикардо. В отличие от Ж.-Б. Сэя и французской традиции, Рикардо сосредоточился не на рыночном обмене, подразумевавшем главное внимание к индивидуальным участникам взаимовыгодного обмена, а на «производстве» и последующем «распределении» дохода, которые рассматривал как самостоятельные отдельные процессы. Более всего Рикардо интересовало, как «распределяется» общественный доход. Если для Сэя или Тюрго главное значение имели индивидуальные участники производства и возникновение их дохода в процессе производства и обмена, то Рикардо оперировал исключительно категорией цельных и предположительно однородных «классов»: рабочих, получающих заработную плату, капиталистов, получающих «прибыль», и землевладельцев, получающих ренту. Как отметил Мизес, даже Марксу пришлось признать, что «так как купли и продажи совершаются лишь

между отдельными индивидуумами, то недопустимо искать в них отношения между целыми общественными классами»²⁸.

У Рикардо тавтологически выходило, что при *наличной* совокупной продукции, которая таинственным образом *существовала*, но неизвестно откуда бралась, чем больше от общего пирога получал один класс, тем меньше неизбежно доставалось другим. У Рикардо, как мы помним, нет предпринимателей, поскольку все его внимание сосредоточено на долгосрочном равновесии, которое, как предполагается, описывает живую реальность; при таком равновесии, освобожденном от изменений и неопределенности, для предпринимательства нет места. Таким образом, с точки зрения Рикардо, уже сложились условия для теории капиталистической экономики, основанной на классовой борьбе.

Но это не все. Маркс с удовлетворением обнаружил, что доктрина Рикардо основывалась, по сути дела, на трудовой теории ценности. Поскольку полезность не учитывалась и объяснению поддавались только воспроизводимые, но не невозпроизводимые (скажем, картины Рембрандта) товары, то воплощенная в товарах ценность определялась исключительно издержками производства. Поскольку Рикардо не был склонен считать «ренту» частью издержек, то единственными издержками, помимо рабочего времени, оставалась прибыль (процент) или издержки, связанные с капиталом, — величины столь несущественные, что ими можно было пренебречь. Кроме того, прибыль — это постоянно уменьшающийся остаток после выплаты заработной платы, а эта последняя должна была расти в денежном выражении, не приводя при этом к повышению уровня жизни, поскольку население будет испытывать недостаток продовольствия.

В этой мрачной картине мыслимы лишь два логических пути, позволяющих призвать к изменению статус-кво. Для Маркса трудовая теория ценности, убеждение, что труд есть единственный создатель ценности, означали следующее: доходы и прибыли капиталиста подразумевали эксплуататорское изъятие «прибавочной ценности» у рабочих. Рабочие производят всю ценность, но капиталисты каким-то образом ухищряются заставлять рабочих соглашаться на заработную плату, которая меньше полной ценности продукта. Если принять мальтузианско-рикардианский взгляд на население, рабочие получают лишь заработную плату, обеспечивающую выживание, тогда как капиталисты изымают остаточный продукт труда рабочих как свою прибавочную ценность, или прибыль. На старый мальтузианский вопрос — станет ли проблема перенаселения бременем для социалистической экономики — марксисты отвечали: при социализме такой железный закон заработной платы (если воспользоваться термином Лассалья) действовать не будет.

Как ни удивительно, ни сам Маркс, ни его критики не заметили, что все-таки существуют экономические условия, в которых Марксова теория эксплуатации и прибавочной ценности *верна*: это не рыночные отношения капиталист—рабочий, а отношения господин—раб при рабст-

ве. Поскольку господа владеют рабами, они действительно могут оставлять им лишь то, что достаточно для выживания и воспроизводства, и класть себе в карман излишек предельного продукта рабов, остающийся сверх расходов на их содержание. Эта изымаемая у рабов прибавочная ценность и образует собой прибыли господ от владения рабами. Напротив, в свободном обществе рабочие являются собственниками своих тел и своего труда и получают свой предельный продукт полностью (правда, как добавил бы представитель австрийской школы, за вычетом процента, который рабочие добровольно и охотно платят капиталистам, чтобы те оплатили ценность их продукта вперед, а не после того, как продукт произведен и продан).

Однако процесс капитализации на рынке таков, что при системе рабства, сосуществующей с рыночной в целом экономикой (как на американском Юге), прибавочная ценность будет капитализироваться (в силу повышения ценности и, соответственно, покупной или продажной цены рабов). В долгосрочной перспективе рабский бизнес будет приносить доход, равный доходу в любой другой отрасли. Дополнительная прибыль будет соответствовать общей норме прибыли на капитал.

Но вернемся к Марксу. Он нашел очень подходящей концепцию Смита (которую Рикардо, надо отдать ему должное, практически не использует), согласно которой продукцию или ценность представляют собой только *материальные блага*, но не услуги нематериального характера. Материальные блага суть овеществленный труд, тогда как нематериальные трудовые услуги, по марксистской терминологии, «непроизводительны». Здесь Маркс сделал огромный шаг назад от Рикардо к Адаму Смиту. Однако все это отлично вписывалось в марксистский философский материализм.

Маркс обнаружил также, что Рикардо уже начал рассматривать весь труд как однородный, а любые качественные различия оценивал по простой шкале, позволявшей сводить их к количеству рабочего времени.

Для радикального рикардианца логично было призвать к экспроприации прибавочной ценности и установлению системы, при которой работники получают полную ценность своего продукта. Как мы вскоре увидим, именно такую позицию заняли «рикардианские социалисты» в Англии. Но был и другой, еще более логичный вариант. В конце концов, рикардианцы могли сказать и говорили, что капитал получает прибыль за счет снабжения рабочих средствами производства, «замороженным трудом». Эта функция совершенно очевидна, потому что в противном случае рабочие не могли бы рассчитывать на получение от капиталистов денег за свою работу. Ответ Маркса, гласящий, что средства производства, замороженный труд, должны находиться в собственности рабочих, упускает из виду, что капиталисты непременно предоставляют *кое-что еще*, выполняют еще одну важную функцию, которая, как мы уже видели, состоит прежде всего в создании сбережений и, если можно так сказать, в авансовой оплате «замороженного времени» рабочих.

Еще один, но совершенно иной радикальный путь, гораздо более рикардианский, но уже нащупанный Джеймсом Миллем, обращал главное внимание на другой проблемный класс в системе Рикардо, а именно на землевладельцев, которые получают доход, не предоставляя взамен никаких услуг, т.е. просто за то, что в их распоряжении находятся «естественные и неотъемлемые свойства почвы». Далее, в исторической перспективе, неизбежной с точки зрения ортодоксальных последователей Рикардо, капиталисты теряют прибыль, рабочие застревают на уровне выживания, а общественный продукт во все большей степени потребляется паразитическим классом землевладельцев. Поэтому другие ученики Рикардо предлагали национализацию земельной ренты; особенно настаивал на этом последний последовательный радикальный рикардианец Генри Джордж.

Но как Маркс смог обойти земельный вопрос, который так волновал Рикардо и Милля? Во-первых, Маркс был великим апологетом человека как труженика; в его версии гегельянства человек *создавал* природу и даже все мироздание. Поскольку земля есть человеческое творение, нет никаких оснований беспокоиться за землю и создаваемую ею ценность. Труд — это всё. Далее, земля, как базис технологии, экономики и социальной системы, играла ключевую роль при феодализме, но феодализм был частью отмирающего «докапиталистического», доиндустриального порядка, реакционным пережитком, не заслуживающим внимания. Поэтому Маркс просто включил землю в «капитал», а земельный доход — в прибыль. Таким образом, землю — досадный и излишний третий класс факторов производства — можно было исключить из рассмотрения и перейти к масштабной двухклассовой поляризации и завершительной борьбе между капиталистами и пролетариатом.

12.8. РИКАРДИАНСКИЙ СОЦИАЛИЗМ

Маркс отнюдь не первым вывел радикальные пролетарские выводы из системы Рикардо и трудовой теории ценности. Между Рикардо и Марксом находятся «рикардианские социалисты»; они во многом повлияли на Маркса, но марксисты, включая самого Маркса, старались принизить это влияние, поскольку предпочитали думать, что уникальный гений Великого учителя пришел к неорикардианскому социализму без всяких посредников.

Первым рикардианским социалистом был Уильям Томпсон (1775—1833), состоятельный ирландский землевладелец из графства Корк. Многословная и избыточная повторами работа Томпсона «Исследование принципов распределения богатства» (1824) в течение 50 лет выдержала три издания. Будучи верным последователем бентамовского утилитаризма, Томпсон просто объявил, что «труд — *единственный* породитель богатства». Полезность, удовольствие и нужда не имеют к труду

никакого отношения. Из этого незамысловатого утверждения легко выводится трудовая теория ценности. Как со свойственной ему пронизательностью указывает Александр Грей, «должно быть совершенно ясно, что если указанное определение заранее объявляет труд *единственным* породителем богатства, оно должно послужить важным подспорьем для доказательства того, что богатство можно целиком и полностью приписывать труду»²⁹.

Томпсон выступал за мир свободного и добровольного обмена, в котором рабочие смогут зарабатывать свой продукт. Но что представляет собой *существующая* система обмена? Предвосхищая Маркса, Томпсон утверждал: этот обмен принудителен, капиталисты силой «присваивают продукты их [рабочих] труда». Но здесь, на пороге марксизма, Томпсон возвращается к либеральному классовому анализу. Ведь что представляет собой это принуждение? Это весь спектр «привилегий, запретов, правил, гильдий, корпораций, монополий», — совершенно в духе Конта, Дюнуайе и Джеймса Милля.

Однако Томпсон идет дальше. Рента и прибыль — это «прибавочная ценность» (собственный термин Томпсона), отнимаемая у эксплуатируемых рабочих. Но затем Томпсон вновь отклоняется от намеченной линии и признает, что «рабочий должен платить за их [средств производства] использование, раз уж ему не довелось владеть ими». Таким образом, хотя Томпсон и изливает праведный гнев на алчных и хищных капиталистов, он сознает, что они выполняют необходимую функцию. А сколько же нужно платить? Неудивительно, что Томпсон затруднился установить такой принцип.

Однако в конечном итоге позиция Томпсона далека от революционной; предвосхищая Джона Стюарта Милля, он предлагал поощрять кооперативы как средство достижения межклассовой гармонии (в работе «Вознагражденный труд», 1827). Но это не умаляет его значения как предшественника марксизма. Будучи сторонником свободного обмена, Томпсон не мог не признать, что обмен часто приводит к накоплению, а накопление — к появлению ужасного капиталистического класса, и делал следующий вывод: «Невозможно сократить обмен (exchanges) и последующие накопления капиталиста, не сокращая при этом вообще все меновые сделки (barter)». И далее он допускает змея заработной платы и ренты обратно в рай: «Почему не разрешить рабочему совершать обмен не только за владение, но и за пользование домом, лошастью, механизмом?»³⁰

Другим отцом-основателем рикардианского социализма 1820-х гг. был шотландец Джон Грей (1799—1883). Он, как и Томпсон, отличался совершенно немарксистской склонностью к умеренности. Еще в молодости, будучи служащим торгового дома в Лондоне, он выпустил социалистические «Лекции о человеческом счастье» (1825). Архитутилитарист и интерпретатор трудовой теории ценности Рикардо, Грей метал громы и молнии против капиталистов как эксплуататоров рабочего класса и,

подобно Марксу, видел семена этой эксплуатации в торговле и обмене. Если Уильям Томпсон ввел понятие «прибавочная ценность», то личным вкладом Джона Грея в марксистский коктейль стало решительное возвращение любезного физиократам и Адаму Смиту различия производительного и непроизводительного труда; тем самым эта сомнительная идея была спасена от забвения, которому ее подверг Рикардо. Но это не все. Грей значительно сузил предложенный Смитом диапазон производительного труда. По его мнению, «*лишь те* являются производителями членами общества, кто использует *собственные руки* либо для обработки самой земли, либо для подготовки и предназначения продуктов земли для жизненных надобностей». Сузив определение производительного, Грей затем делает странные оговорки и допускает, в частности, что некоторые занятия, сами по себе «непроизводительные», могут быть до известной степени «полезными».

После этого Грей производит беглый обзор английских занятий и в высшей степени произвольным образом определяет уровень «производительности», или «полезности», каждого занятия. Так, по его мнению, торговцы, фабриканты и прочие, являющиеся «в чистом виде распределителями богатства», могут быть «полезными», но только «в *достаточном* количестве». Грей приходит к выводу, что производительные классы составляют значительно меньше половины всего населения.

Уподобившись — возможно, бессознательно — древним грекам, Грей припас самые ядовитые нападки для розничных торговцев, которых обозвал «производителями» только «обмана и лжи, глупости и безрассудства, рабства телесных и развращения умственных способностей человека»³¹.

Оказывается, что для Грея главным грехом, величайшим злом является конкуренция. Конкуренция на рынке труда сводит заработную плату к минимуму — вне сомнения, стандартный марксистский аргумент. И хотя труд Грей считает единственным создателем ценности, он опасается, что конкуренция с равной губительностью держит на минимальном уровне прибыль и ренту³².

Джон Грей приходит к общему выводу, что доход каждого человека в обществе (за исключением тех, кто имеет твердый постоянный доход) ограничивается и снижается конкуренцией.

Получается, что эксплуатацию труда фактически *каждого* работника порождает сама конкуренция, «ограничивающая» производство. Поэтому стоит только положить конец конкуренции, и тут же возникнет идеальный мир, где работник зарабатывает весь свой продукт, и богатство будет умножаться «без каких-либо пределов». От конкуренции мир только нищает; устраните ее, и богатства хватит для всех³³.

Хотя Грей утверждал, что конкуренцию можно ликвидировать немедленно и исключительно с положительными результатами, он крайне смутно представлял, как свершить это благое дело. По-видимому, он думал о своего рода всеохватной кооперации, напоминавшей предложе-

ние Томпсона. Однако затем его внимание переключилось на «ограничения» производства, якобы создаваемые дорогим кредитом в твердых деньгах, и он все настойчивее призывал к расширению дешевого и доступного кредитования.

В 1831 г. в книге «Социальная система» Грей заявил, что для финансирования растущего производства необходимо дешевое и обильное кредитование под руководством национального банка. Естественно, он выступал за неконвертируемые <в золото> бумажные деньги и отмену золотого стандарта. Позже эта идея была подробно изложена в последней работе Грея «Лекции о природе и использовании денег» (1848).

После 1848 г. социальные протесты Джона Грея совершенно прекратились, и вплоть до недавнего времени историки считали, что он умер «около 1850 г.». Однако выяснилось, что вскоре публикации «Лекции о человеческом счастье» Грей вместе с братом Джеймсом основал в Эдинбурге известную издательскую фирму J. & J. Gray. Поскольку фирма, особенно после 1850 г., процветала, Грей вел комфортное существование и умер в 1883 г., дожив до преклонных 84 лет.

Через полтора десятилетия после Томпсона и Грея на сцену со своей главной работой «Несправедливости в отношении труда и средства к их устранению» (ее часто цитировал Маркс) выступил третий ведущий рикардianский социалист Джон Брей (1809—1897). Брей родился в Орегонском крае (ныне штат Вашингтон) в семье английских артистов <по другим сведениям, в семье фермеров и портных>; после смерти матери слабый здоровьем отец Брея в 1822 г. вернулся с сыном в английский Лидс. В Лидсе Брей работал наборщиком, вступил в профсоюзное движение и в 1837 г. стал казначеем Рабочей ассоциации Лидса.

Подобно всем особо ревностным утилитаристам, Брей в своей работе утверждает, что Бог предназначил людей для счастья, а несчастье возникло в мире из-за частной собственности, которая разрушила справедливый институт коллективной собственности, особенно на землю. Частная собственность привела к одиозному разделению труда и конфликту между классами, к эксплуатации рабочих и присвоению их прибавочной ценности капиталистическим классом. Кроме того, Брей утверждал, что главная проблема коренится в якобы очевидном факте неравного обмена. Признавая, что при рыночном обмене выгоду получают обе стороны, он тем не менее настаивал, что этого, особенно в трудовом контракте, еще недостаточно и что обмен и его выгоды должны быть «равными».

Брей не понял, что *любой* обмен имеет смысл лишь в том случае, если для каждого участника обмена ценность каждой из двух обмениваемых вещей *не одинакова*, и в известном пассаже, предвосхищавшем марксизм, заявил:

У людей есть две вещи, которыми они могут обмениваться, а именно труд и продукты труда. Поэтому, если бы люди могли совершать обмен, как хотят, они просто давали бы, так сказать, труд за труд.

Если бы действовала такая система обмена, ценность любого обмена определялась бы всеми затратами на производство, и равная ценность всегда обменивалась бы на равную³⁴.

Здесь на минимальном пространстве сконцентрирован ряд крупнейших заблуждений марксизма: это утверждение, что только товары производятся в собственном смысле и имеют значение (в противоположность якобы непроизводительным услугам); это древнее, восходящее к Аристотелю, заблуждение, что обмен *непрерывно подразумевает* равную ценность; это трудовая теория ценности и, наконец, это убеждение, что в справедливом мире цены будут тождественны себестоимости производства, т.е. количеству затраченного рабочего времени.

Для Джона Брей, как впоследствии и для Маркса, избавлением от всех этих системных зол является коммунизм, «самая совершенная форма общества, какую только способен создать человек». Однако в отличие от Маркса и других коммунистов того времени Брей не видел никакого механизма или закона истории, неотвратимо ведущего к этому великому итогу. Напротив, он считал, что для установления коммунизма должен сначала появиться Новый Коммунистический Человек, но на скорое его появление рассчитывать явно не приходится. Любой коммунизм войдет в противоречие с «мерзким и отвратительным эгоизмом, который сейчас в той или иной мере сопровождает каждое действие, присутствует в каждом замысле и оскверняет каждое стремление»³⁵.

Поэтому главное внимание Брей сосредоточил не на далекой и непонятно как достижимой конечной цели, а на якобы практически возможной переходной социальной цели, которая представлялась ему в виде гипертрофированной версии кооперативных схем, столь привлекательных для Томпсона и Грея. Брей предложил превратить мир в одну обширную картелированную сеть кооперативных корпораций, т.е. кооперативов, организованных по принципу «один акционер — один голос». Картелированная сеть возникнет благодаря тому, что рабочие и кооперативы *выкупят* собственность всех существующих капиталистов. Брей не осознавал, что найти капитал для величайшего выкупа всех времен — это задача по меньшей мере столь же неосуществимая, как и организация всепокрывающей пролетарской революции у Маркса.

Поскреби социалиста той эпохи, и найдешь человека, помешанного на денежной проблеме. Брей, естественно, воображал, что кооперативный картель, как только он будет создан, тут же упразднит существующие деньги, заменит собой национальный банк и будет выпускать деньги для каждого трудящегося соответственно количеству рабочего времени, отданного производству. В свою очередь, цены на приобретаемые трудящимися товары будут устанавливаться в точном соответствии с количеством овеществленного в них рабочего времени. Если бы Маркс хоть однажды задумался об устройстве будущей коммунистической экономики, ему, возможно, подошли бы банкноты с номиналом в часах труда.

Строго говоря, не должно быть никакой причины для наращивания массы находящихся в обращении трудовых банкнот, но как инфляционист, Джон Брей, естественно, смотрел на вещи иначе. Его национальный банк занимается выпуском денег и их распространением «равномерно по всему обществу, подобно тому, как кровь распространяется в живом организме, вливая в него здоровье и силу». Выпуск банкнот, конечно, всегда происходит «в пределах реально наличного капитала»; эта разновидность апелляции к «потребностям торговли» по меньшей мере столь же абсурдна, как и основной вариант³⁶. Ведь номинальная «стоимость» существующего капитала, естественно, повышается, пока растет денежная масса.

В 1842 г., через несколько лет после выхода своей главной книги, Брей вернулся в Соединенные Штаты. Вторая книга, «Путешествие из Утопии», была закончена в рукописном варианте, но опубликована лишь в 1950-х гг. В течение этого второго периода жизни в Соединенных Штатах Брей писал лишь от случая к случаю; это были довольно многочисленные письма в рабочую и социалистическую периодику, а также в середине 1850-х гг. главы для незаконченной книги «Наступающая эпоха». Жизнь Брея отличалась такой же нерегулярностью, как и его авторская работа. Он имел скудные и ненадежные средства к существованию, поступал на краткое время наборщиком в разные газеты и жаловался, в явном противоречии со своим учением, на то, что американские работодатели эксплуатировали сильнее, чем английские: «Янки, — как парфразировал Брея профессор Дорфман, — скорее похожи на мошенников и аферистов, чем на честных бизнесменов»³⁷.

В конце концов Брей переехал на Запад, в Мичиган, где ему достался по наследству участок земли, и зарабатывал на жизнь газетными статьями и продуктами своей маленькой фермы. В 1870—1880-х гг. он был вице-председателем Американской трудовой лиги за реформы и членом социалистической группы «Рыцари труда». В более поздних сочинениях Брей осуждал спиритуализм, энергично критиковал золотой стандарт и призывал в изобилии выпускать государственные бумажные деньги, за счет чего, по его мнению, можно будет снизить процентные ставки до нуля. От коммунистического идеала он теперь отказался как от явного утопического.

Стоит отметить два из этих сочинений. Если в первом и главном своем труде Брей выступал против рабства, то в опубликованном им анонимном антивоенном памфлете «Удел Америки: какой она будет, республиканской или казацкой?» (1864) он, протестуя против Гражданской войны, дошел до того, что объявил рабство ничуть не большим злом для страны, чем большой государственный долг. Более того, утверждал Брей, естественное состояние чернокожих — это «нагота и праздность», и поэтому если Юг освободит рабов, его ждет необратимый упадок, исчезновение капитала и одичание плантаций.

В последней своей книге «Бог и Человек — Единство, и Все Человечество — Единство» (1879) Брей добавил к своей денежной мании идею

«нетеологической религии», при которой учреждение правильных общественных институтов принесет с собой своего рода «бессмертие» в мире сем.

Разительный контраст представляет автор, начавший приобретать известность в 1820-х гг.; историки неизменно причисляли его к ведущим рикардиянским социалистам, хотя он самым очевидным образом не был ни последователем Рикардо, ни социалистом. Томас Годскин (1787—1869), блестящий, оригинальный политический публицист-самоучка, крайне далекий от социализма, склонялся к либеральной политике *laissez faire* в степени, граничившей с индивидуалистическим анархизмом. Отец Годскина служил кладовщиком на военной верфи и отправил сына в море в возрасте 12 лет. В конце концов индивидуалистическая натура Годскина восстала против флотской дисциплины, и однажды, пишет он, «на чинимую мне командующим эскадрой несправедливость я пожаловался ему самому в выражениях, которых, по моему разумению, дело заслуживало: ведь он, несмотря на все мои старания, не давал мне ни малейшего шанса на продвижение, и это отнимало у меня всякую надежду»³⁸.

Как и следовало ожидать, командующий воспринял этот взрыв справедливого негодования без всякого снисхождения, и Годскин был отчислен из военного флота в 25 лет с половинным выходным пособием. Оскорбленный Годскин быстро отомстил флоту своей первой книгой «Опыт о военно-морской дисциплине» (1813), полной гневных нападок на военный деспотизм. В самом ее начале он красноречиво сформулировал главный усвоенный им урок: «Терпеливо сносить угнетение (поскольку оно исходит от вышестоящих) — это порок; преодолеть страх перед вышестоящими и не поддаваться ему — это добродетель»³⁹.

Жизнь сделала Годскина непримиримым врагом государства и государственного вмешательства в любых его формах; эти убеждения особенно окрепли в нем за несколько лет путешествий по Европе, во время которых он много читал и знакомился с людьми. По возвращении в Англию Годскин опубликовал двухтомную книгу путевых заметок «Путешествия по Северной Германии» (1820), в которой, по словам Александра Грея, «идиллические зарисовки перемежаются анархистскими отступлениями, вызывавшими, несомненно, недоумение и возмущение у многих читателей»⁴⁰.

Годскин поселился в Лондоне и всю дальнейшую жизнь занимался чтением лекций и журналистикой. Некоторое время он сотрудничал с людьми, которые, казалось, были его естественными союзниками по *laissez faire*, — Фрэнсисом Плейсом, Джеймсом Миллем и философскими радикалами. Но очень скоро выяснилось, что между ними и Годскином были серьезные концептуальные расхождения. Прежде всего, Годскин отказался от бентамовского утилитаризма, которому симпатизировал в молодые годы, в пользу страстной воинственной пропаганды естественного права и естественных прав. В блестящей и последователь-

ной работе «Контрасты естественного и искусственно созданного права собственности» (1832) Годскин представил радикализованную локковскую концепцию прав собственности. Ревностный защитник права частной собственности, в том числе гомстедных прав собственности на землю, он исправил различные отклонения Локка от последовательной «локковской» позиции. Годскин считал совершенно несомненным, что «естественные» права частной собственности суть нечто обоснованное и справедливое (в лице каждого человека, равно как и в отношении создаваемой им собственности, земли, полученной по закону о гомстедах, или собственности, приобретаемой путем законной сделки). Напротив, величайшее зло приносят «искусственные» права собственности, т.е. создаваемые государством в нарушение естественного права и естественных прав. Работа Годскина и в наши дни остается одним из лучших изложений доктрины естественных прав собственности.

Другое расхождение с бентамистами состояло в том, что Годскин, к сожалению и довольно неожиданно, перенял трудовую теорию ценности у другого влиятельного «рикардианского социалиста» того времени, писавшего под псевдонимом Пирси Рэвенстоун⁴¹. Этот последний осуждал частную собственность на землю и на капитал, если она используется для получения краденой, или «искусственной», собственности; поскольку весь продукт создается исключительно трудом, то по праву, или естественным образом, весь доход следует относить на счет труда. Прибыль и рента, утверждал Рэвенстоун, изымаются из продукта труда: этот «фонд для финансирования тех, кто ничего не делает, — это прибавочный продукт труда работающих». Кроме того, Рэвенстоун выдвинул довольно странную теорию капитала, в которой «капитал» объявлен не имеющим отношения к реальности понятием, придуманным для маскировки кражи прибавочного продукта труда. Капитал, утверждал он вопреки всякому здравому смыслу, «может быть увеличен до любого мыслимого объема и при этом ничего не прибавлять к реальному богатству нации»⁴².

С тех пор Годскин проповедовал труднопредставимое сочетание анархического *laissez faire* и трудовой теории ценности. Как же совместить то и другое? Сперва Годскин попробовал приписывать эксплуатацию, «прибавочную ценность» труда, только таким актам государственного вмешательства, как законы об объединениях, которые ограничивали право на создание профсоюзов. Соответственно, он принял участие в создании журнала «Механика», а затем его дочерней организации, Лондонского института механики, который должен был заниматься просвещением трудящихся. В ходе успешной рикардианско-бентамовской кампании (1824) за отмену законов об объединениях Годскин написал выдержанную в духе Рэвенстоуна брошюру «Защита труда от притязаний капитала» (1825). За ней последовали лекции в Институте механики, опубликованные под названием «Популярная политическая экономия» (1827).

Особенно странно, что Годскин стал приверженцем идеи Рэвенстоуна, согласно которой капитал есть нечто неважное и несуществующее. Годскин считал, что в капитале не присутствуют никакие сбережения, никакие ассигнования за счет прошлого потребления. Используемый капитал, софистически рассуждал Годскин, не создается заранее; хлеб, который покупают рабочие, не запасается капиталистом впрок, а выпекается каждый день. Никто, конечно, не станет уверять, будто капиталист действительно запасает для рабочих пищу и прочие необходимые вещи. Но капиталист дает рабочим сбереженные им деньги вперед, до завершения производства и продажи; это позволяет рабочим иметь средства на жизнь сейчас и не ждать неопределенно долгое время. Что касается основного капитала, то, утверждал Годскин, он представляет собой не просто замороженный труд (обычный довод рикардианских социалистов); эти механизмы всего лишь «неподвижные, разрушающиеся мертвые предметы», если их «не налаживают и не применяют умелые руки». Поэтому, заключает Годскин, «основной капитал приобретает полезность не благодаря прошлому, а благодаря текущему труду». Он поразительным образом упускает из виду очевидный факт: именно потому, что капитал и труд нуждаются друг в друге, труд не является *единственным* производительным фактором. Все это нагромождение нелепостей Годскин увенчивает утверждением, что «называть капиталом нечто сбереженное — это непростительное заблуждение».

Нет сомнения, что, хотя превознесение труда у Годскина оказало влияние на Карла Маркса, гипертрофированная трудовая теория ценности не делает Годскина ни рикардианцем, ни тем более социалистом. Более того, Годскин очень критически отзывался о Рикардо и его системе, порицал абстрактную методологию Рикардо и его теорию ренты, а самого себя считал последователем Смита, а не Рикардо. Годскину гораздо больше импонировали предложенные Смитом концепции естественного права и гармонии интересов на свободном рынке.

Хотя Годскин по-прежнему считал себя сторонником людей труда, его все больше разочаровывало текущее состояние рабочего движения и растущая заинтересованность этого движения в государственном вмешательстве. Годскин уже не считал профсоюзы ни существенным подспорьем, ни тем более панацеей. Он укреплялся во мнении, что единственный способ совместить принципы рабочего движения и *laissez faire* — это потребовать отмены любого государственного вмешательства и всех законов, которые не были просто подтверждением естественного права и естественных прав. Все такие законы, считал он, представляют собой покушение на права собственности. В противоположность рикардианским социалистам, превозносившим кооперативы, подобные картелям, Годскин призывал к ликвидации всех государственных ограничений свободной конкуренции. Он с энтузиазмом присоединился к кампании Кобдена и Брайта за отмену хлебных законов и выступал за отмену феодальных законов, которые ограничивали или затрудняли свободную

продажу земель, находившихся в майоратном владении. В 1846—1855 гг. Годскин занимал должность редактора журнала «Economist», главного рупора сторонников *laissez faire*, и не имел сколько-нибудь серьезных идеологических разногласий с главным редактором, Гербертом Уилсоном. Там он стал другом и наставником молодого Герберта Спенсера и приветствовал анархистское сочинение последнего, «Социальная статика», с тем лишь исключением, что осудил аграрный социализм раннего Спенсера с позиций локковского индивидуализма.

Кроме того, даже в 1820-х гг., когда Годскин придавал наибольшее значение труду, он, в отличие от Джона Грея, не сужал, а расширял определение труда. Умственная деятельность, утверждал он, такой же труд, как и деятельность физическая, и не следует сводить понятие «труд» к одним лишь «ручным операциям». Мало того, Годскин совершенно справедливо указывал, что капиталист — это во многих случаях руководитель и организатор, следовательно тоже «труженик». Поэтому если капиталисты могут быть эксплуататорами, то бизнесмены, выполняющие функции «управляющих», «являются такими же тружениками, как и те, кто на них работает». И высокая оплата труда таких руководителей вполне обоснованна⁴³.

Далее, Годскин 1820-х гг. превозносил розничных торговцев как «незаменимых людей», а оптовиков и крупных торговцев называл, в духе Смита, теми, кто, преследуя собственные интересы, приносит выгоду обществу. Даже банкиры «тоже играют важную роль и уже давно являются очень полезными работниками»: «Не будем забывать, что банковское дело — это всецело частный бизнес, который нуждается в государственном регулировании столь же мало, как производство бумаги». Наконец, в своей «Популярной политической экономии» Годскин вознес похвалы системе рыночных цен: в глубинном смысле она является «перстом Божьим, указующим всем людям, как они могут использовать свое время и свои способности с наибольшей выгодой для себя и с наибольшей пользой для всего общества»⁴⁴.

После выхода из состава редколлегии журнала «Economist» Годскин продолжал писать для него статьи. В них он превозносил коммерцию («Все мы коммерсанты... а торговля — это просто оказание взаимных услуг путем заключения сделок»), стремление получать прибыль («без него у нас не было бы ни железных дорог, ни доков, ни крупных компаний») и конкуренцию («это основа превосходства, вознаграждающая каждого по справедливости»)⁴⁵.

В последней своей публикации, лекциях по уголовному праву, прочитанных в 1857 г., Годскин подвел итог своей экономической и политической теории. Желание людей жить лучше, заявил он, «можно удовлетворить лишь за счет большей свободы и меньших налогов». Принципы свободной торговли 1840-х гг. — это только начало пути к более чистому и последовательному состоянию *laissez faire*. В конечном итоге все экономические функции государства должны быть приватизированы и под-

чинены требованиям свободного рынка: «Беспрепятственная конкуренция, установленная самой природой, должна стать правилом для всей нашей экономической деятельности; рыночная торговля по поводу цен и условий, представляющая собой взаимные и свободные акты, будет определять жалование государственных служащих, гонорары священников, прибыли лавочников и заработную плату рабочих».

При публикации своих лекций Годскин анонсировал намерение закончить и издать главный труд, «Доказательство абсурдности законодательства»: он «в связной дидактической форме» покажет, что «все законодательство, которое, разумеется, включает и государство, основано на ложных допущениях»⁴⁶.

К сожалению, Годскин не завершил эту работу и вообще больше ничего не опубликовал. Когда он умер в 1869 г. в возрасте 82 лет, этот человек, некогда пользовавшийся большой известностью, не удостоился ни единого некролога в лондонских газетах. Но, так или иначе, мы, несомненно, знаем достаточно, чтобы со всей определенностью сказать: этот индивидуалист ни в каком отношении не был ни социалистом, ни даже последователем Рикардо (несмотря на возвеличение труда, которое оказало влияние на Маркса).

12.9. ПРИМЕЧАНИЯ

1. По меткому замечанию Грея, «необразованному и невежественному постороннему человеку диалектика часто кажется просто забавой, позволяющей видеть в каждом ходе маятника воплощение великого философского принципа» (Alexander Gray, *The Socialist Tradition* (London: Longmans, Green, 1947), p. 300).
2. См.: Igor Shafarevich, *The Socialist Phenomenon* (New York: Harper & Row, 1980), p. 210 <Шафаревич И. Р. Социализм как явление мировой истории. Paris: YMCA-PRESS, 1977. С. 277. И. Р. Шафаревич цитирует Маркса по изданию: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М.; Л., 1929—1931. Т. XXII. С. 217>.
3. Ludwig von Mises, *Theory and History* (1957, Auburn, Ala.: Mises Institute, 1985), pp. 111—112 <Мизес Л. фон. Теория и история. М.; Челябинск: Социум, 2013. С. 99>.
4. Ibid., pp. 109—110 <Там же. С. 97>.
5. В «Нищете философии» Маркс резко порицает Прудона именно за то, что тот считал появление машин и механизмов следствием разделения труда.
6. См.: M. M. Bober, *Karl Marx's Interpretation of History* (2nd rev. ed., Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1948), p. 9.
7. John Plamenatz, *German Marxism and Russian Communism* (New York: Longmans, Green & Co., 1954), p. 29.
8. Ibid., p. 27.
9. Ключевым принципом марксизма считал технологическую монокаузальность основоположник русского марксизма Георгий Плеханов в своей работе «К развitiю монистического взгляда на историю» (1894). Ср.: David Gordon, *Critics of*

- Marxism* (New Brunswick, NJ: Transaction Books, 1986), p. 22. О критике марксизма-плекхановизма см.: Leszek Kolakowski, *Main Currents of Marxism* (Oxford: Oxford University Press, 1981), pp. 340—342.
10. Mises, op. cit., note 3, p. 126 <Мизес. Указ. соч. С. 111—112>.
 11. David Gordon, 'Mises Contra Marx', *The Free Market*, 5 (July 1987), pp. 2—3.
 12. Другую концепцию идеологической доктрины Маркса («полилогизм»), согласно которой каждому экономическому классу присуща особая структура логического мышления, Мизес опровергает в работе: Ludwig von Mises, *Human Action* (New Haven, Conn.: Yale University Press, 1949), pp. 72—91 <Мизес Л. фон. Человеческая деятельность. М.; Челябинск: Социум, 2019. С. 71—88>.
 13. В первом разделе «Манифеста Коммунистической партии» — «Буржуа и пролетарии» Маркс и Энгельс постоянно смешивают понятия «каста» и «класс», т.е. понимают класс двояко: как привилегированную группу и как группу индивидумов на свободном рынке. «В предшествующие исторические эпохи мы находим почти повсюду полное расчленение общества на различные сословия — целую лестницу различных общественных положений. В Древнем Риме мы встречаем патрициев, всадников, плебеев, рабов; в Средние века — феодальных господ, вассалов, цеховых мастеров, подмастерьев, крепостных, и к тому же почти в каждом из этих классов — еще особые градации» [т.е. классы как касты]. Однако «вышедшее из недр погибшего феодального общества современное буржуазное общество... только поставило новые классы, новые условия угнетения и новые формы борьбы на место старых» [незамеченный переход от кастово-классовых условий к условиям свободного рынка].
 14. В 1870-е гг. Маркс создал у Энгельса впечатление, что упорно и постоянно трудится над вторым и третьим томами «Капитала». После смерти Маркса Энгельс с удивлением обнаружил, что с 1867 г. Маркс фактически не прикасался к рукописи и, стало быть, откровенно лгал своему другу и покровителю. См.: W. O. Henderson, *The Life of Friedrich Engels* (London: Frank Cass, 1976), II, p. 563.
 15. О влиянии Рикардо на марксистскую теорию классов речь пойдет ниже.
 16. Вот мнение видного оппонента Маркса в XX в. Людвиг фон Мизеса: «Теория, утверждающая неразрешимость классовых конфликтов, поступает нелогично, когда делит общество только на три или четыре класса. Доведенная до логического конца, эта теория должна была бы дробить общество на группы с общими интересами до тех пор, пока не выделились бы группы, члены которых выполняют одни и те же функции. Недостаточно разделить собственников на землевладельцев и капиталистов. Дифференциация должна продолжаться до тех пор, пока не будут вычленены такие группы, как производители хлопковой пряжи такого-то номера, или производители черной козлиной кожи, или легкого светлого пива... Никакой определенный интерес не соединяет владельцев земли, пригодной к возделыванию, владельцев лесов, виноградариков, рудных месторождений или участков городской земли... Также не существует общего интереса и у продающих труд. Однородный труд так же абстрактен, как и универсальный работник. Труд прядильщика отличен от труда шахтера и от труда доктора... Да и неквалифицированный труд тоже не однороден. Подметальщик улицы — не то же, что носильщик» (Ludwig von Mises, *Socialism: An Economic and Sociological Analysis* (4th ed., Indianapolis: Liberty Classics, 1981), pp. 300—301 <Мизес Л. фон. Социализм: экономический и социологический анализ. М.; Челябинск: Социум, 2018. С. 295—297>).

17. Цит. по: James Bland Briscoe, 'Saint-Simonianism and the Origins of Socialism in France, 1816—1832' (doctoral dissertation in history, Columbia University, 1980), p. 59.
 18. Трудно не согласиться с оценкой Сен-Симона, которую Александр Грей заимствовал у французского критика и историка литературы Эмиля Фаге: «Сен-Симон — редкий образец непоследовательности в жизни, непоследовательности в характере и непоследовательности в конкретных идеях, сочетавшейся с неизменностью его главных убеждений» (Gray, op. cit., note 1, p. 160n).
 19. См.: F. A. von Hayek, *The Counter-Revolution of Science* (Glencoe, Ill.: The Free Press, 1952), p. 158 <Хайек Ф. Контрреволюция науки. М.: ОГИ, 2003. С. 209>.
 20. Ibid., p. 159 <Там же. С. 210>.
 21. James Billington, *Fire in the Minds of Men: Origins of the Revolutionary Faith* (New York: Basic Books, 1980), p. 225.
 22. Ralph Raico, 'Classical Liberal Exploitation Theory: A Comment on Professor Liggió's Paper', *The Journal of Libertarian Studies*, 1 (Summer 1977), p. 179.
 23. Alexis de Tocqueville, *Recollections*, ed. by J. P. Mayer and A. P. Kerr (Garden City, New York: Doubleday & Co. 1970), p. 5.
 24. Raico, op. cit., note 22, pp. 179—180. Станным образом профессор Такер превозносит «18 брюмера» как «поистине мастерское» применение понятия классовой борьбы и материалистической концепции истории. Но разве эта работа не является примером чем-то совершенно противоположного? См.: Robert C. Tucker (ed.), *The Marx-Engels Reader* (2nd ed., New York: W. W. Norton, 1978), p. 594.
 25. Raico, op. cit., note 22, p. 180.
 26. Ibid., p. 180, 183n4. <Русский перевод приводится по: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : 2-е изд. Т. 22. С. 199.>
 27. Ibid., p. 180.
 28. Mises, op. cit., note 16, p. 292 <Мизес. Социализм. С. 287>. В примечании к данному месту Мизес указывает, что цитированный текст отсутствовал в первом издании первого тома «Капитала» 1867 г. и был включен Марксом только во французское издание 1873 г.; эта вставка, скорее всего, связана с изменением теоретического подхода в третьем томе «Капитала», опубликованном посмертно.
 29. Gray, op. cit., note 1, p. 271.
 30. Из «Вознагражденного труда» («Labour Rewarded»). См.: Gray, op. cit., note 1, p. 276.
 31. Ibid., p. 290n.
 32. Ibid., p. 294.
 33. Ibid., pp. 294—295.
-
34. Цит. по: G. D. H. Cole, *Socialist Thought: The Forerunners, 1789—1850* (London: Macmillan, 1959), p. 137.
 35. Gray, op. cit., note 1, p. 287.
 36. См.: Joseph Dorfman, *The Economic Mind in American Civilization, 1606—1865* (New York: Viking Press, 1946), II, p. 688.
 37. Ibid., p. 689.
 38. Цит. по: Elie Halevy, *Thomas Hodgskin* (London: Ernest Benn, Ltd, 1956), p. 30.

-
39. Ibid., p. 31.
40. Gray, op. cit., note 1, p. 278.
41. Piercy Ravenstone, *A Few Doubts as to the Correctness of Some Opinions Generally Entertained on the Subjects of Population and Political Economy* (London, 1821).
42. Halevy, op. cit., note 38, pp. 89n—90n. Рэвенстоун явно не принадлежал к социалистам. Вероятнее всего, за этим псевдонимом скрывался либо преподобный Эдвард Эдвардс, правоверный тори из англиканской церкви, либо Ричард Паллер, тоже тори и сын президента Компании Южных морей, созданной тори ради финансовых спекуляций. Цель Рэвенстоуна, несомненно, состояла в том, чтобы нанести сильный удар капитализму и свободному рынку руками одного из их старинных врагов из стана тори — апологетов этатизма и сильного правительства.
43. Gray, op. cit., note 1, p. 282.
44. Ibid., p. 280. Грей, приверженец австрийской школы, не без иронии замечает о своих коллегав-австрийцах: «Даже правоверного экономиста наших дней, воспитанного на “Сказках Венского леса”, вполне можно простить, если его вера пошатнется, когда ему предложат уподобить ценовую систему персту Божьему».
45. Halevy, op. cit., note 38, pp. 148—149.
46. Ibid., p. 164.

ГЛАВА 13

СИСТЕМА МАРКСА, II: ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ КАПИТАЛИЗМА И ЕЕ НЕИЗБЕЖНЫЙ КРАХ

13.1. ТРУДОВАЯ ТЕОРИЯ ЦЕННОСТИ

Как мы уже говорили, Маркс, удаленный в Англии от политических и, возможно, революционных баталий, посвятил оставшиеся годы своей жизни поиску механизма, с помощью которого экономическая система капитализма неминуемо и неотвратно приведет саму себя к революционному свержению. Кратко говоря, Маркс искал механизм, благодаря которому капиталистический класс будет экспроприрован революционным пролетариатом, а затем наступит очередь различных стадий коммунизма.

Ключевой элемент этого механизма Маркс нашел в трудовой теории ценности Рикардо и в концепции рикардианских социалистов, согласно которой труд является определяющим фактором ценности, а приращение капитала, или прибыль, — «прибавочной ценностью», изымаемой капиталистом из созданного работником продукта. Поскольку «капитал» — это всего лишь «замороженный труд», любой возможный вклад в конечный продукт так или иначе есть следствие труда.

Но чтобы прийти к трудовой теории ценности, т.е. теории ценности, основанной на количестве рабочего времени, Маркс в своем основополагающем труде «Капитал» должен был дезавуировать другие, субъективные, факторы, притязающие на определение ценности. Также он должен был доказать, что ценность неким образом овеществляется в продукте (продукте, естественно, материальном, поскольку Маркс, как и Смит, считал нематериальные услуги «непроизводительными»). Эту двойную задачу он попробовал решить в самом начале первого тома «Капитала», и способ, к которому он прибег, говорит о многом.

Маркс начинает «Капитал» с рассуждения о «товаре», предмете (как мы уже говорили, это *материальная субстанция*), который обладает свойством удовлетворять человеческие потребности. Как и Рикардо, он выносит за скобки нематериальные услуги и не останавливается на ценности невоспроизводимых продуктов, для которых невозможно установить постоянные производственные затраты. Подобно Рикардо, Маркс начинает с необходимости полезности, но, как и его наставник, быстро отвлекается от этого фундаментального обстоятельства как малозначи-

мого или вовсе незначимого для объяснения «меновой ценности» — пропорции, в которой товары обмениваются друг на друга на рынке. Таким образом, как это было у Смита и Рикардо, потребительная ценность и меновая ценность, или цена, оказываются разделенными. Как же в таком случае объяснить меновую ценность? Как объяснить пропорции, в которых товары обмениваются друг на друга на рынке?

Затем Маркс говорит, что на первый взгляд меновые ценности кажутся относительными, что они колеблются во взаимном отношении и поэтому продукт не обладает объективным «внутренним свойством», которое определяет его ценность. Маркс желает исправить эту предполагаемую ошибку. Вот принципиально важное место: «Возьмем, далее, два товара, например пшеницу и железо. Каково бы ни было их меновое отношение, его всегда можно выразить уравнением, в котором данное количество пшеницы приравнивается известному количеству железа, например: 1 квартал пшеницы = X центнерам железа. Что говорит нам это уравнение? Что в двух различных вещах — в 1 квартере пшеницы и в X центнерах железа — существует нечто общее равной величины. Следовательно, обе эти вещи равны чему-то третьему, которое само по себе не есть ни первая, ни вторая из них. Таким образом, каждая из них, поскольку она есть меновая ценность, должна быть сводима к этому третьему... к чему-то общему для них, большие или меньшие количества чего они представляют»¹.

Так Маркс совершает критическую ошибку в самом начале изложения своей системы. Тот факт, что два товара обмениваются друг на друга в определенной пропорции, *не означает*, что они тем самым «равны» по ценности и их меновое отношение «можно выразить уравнением». Со времен Буридана и схоластики мы знаем: две вещи обмениваются одна на другую только потому, что, с точки зрения двух участников обмена, они *неравноценны*. Субъект A отдает предмет X субъекту B в обмен на предмет Y потому, что предпочитает предмет Y предмету X , а субъект B , напротив, предпочитает предмет X предмету Y . Знак равенства искажает эту картину. Если бы два товара, X и Y , действительно обладали равной привлекательностью, с точки зрения потенциальных участников обмена, то чего ради тому и другому тратить время и терпеть неудобства, совершая ненужный обмен? Маркс сосредоточился на «товаре», и это сразу сбило его с пути, поскольку дело не в самом предмете, не в самом материальном объекте, а в действующих индивидуумах, которые *совершают* обмен и решают, стоит заключить сделку или нет.

Но если нет равенства по меновой ценности, тогда, безусловно, нет и ничего «третьего», к чему эти ценности должны сводиться. К первой ошибке Маркс добавляет еще одну, утверждая, что если есть равенство ценности, то неизбежно существует некая третья осязаемая вещь, которой эти ценности должны быть равны и которой могут измеряться. Однако нет никакого основания для этого скачка от равенства ценностей к измерению с помощью объективной третьей вещи; подразумеваемое

и ошибочное допущение состоит в том, что «ценность» есть такая же объективная величина, как вес или длина, и может быть научно измерена по некоему третьему, внешнему, стандарту.

Совершив две вопиющие и фатальные ошибки в одном абзаце, Маркс неумолимо влечется этой логикой к столь же ошибочному заключению. Он голословно утверждает, что полезность не может иметь никакого отношения к меновой ценности (что принципиально важно для его цели), и заявляет, что потребительные ценности не имеют ничего общего с меновыми ценностями, или ценами. Это означает, что все реальные свойства вещей, их содержание, их разнообразные качества и т.д. отрываются от их ценности и не могут иметь к ней никакого отношения. Исключив из рассмотрения все реально наличные свойства вещей, Маркс поневоле оставляет себе лишь товары как воплощение чистых, абстрактных и одинаковых часов работы, овеществленное в продукте количество якобы однородных рабочих часов.

Маркс, конечно, понимает, что такой подход сопряжен с большими проблемами. Главный теоретический вопрос таков: следует ли предполагать, что рынок покрывает затраты, огромное количество рабочего времени, требующегося для изготовления продукта устаревшими методами? Книга может быть напечатана, а может быть переписана от руки; будет ли рынок платить за огромное количество рабочих часов, необходимое для изготовления рукописных копий? Возместит ли рынок расходы на перевозку товаров по суше, более значительные по сравнению с доставкой морем? Эти неудобные вопросы Маркс обходит с помощью понятия «общественно необходимого» рабочего времени. Ценность товара определяется не всем затраченным на его производство или овеществленным в производстве рабочим временем, а только таким рабочим временем, которое «общественно необходимо». Но это, конечно, увертка, подменяющая ответ утверждением, которое само нуждается в доказательстве. Рыночная ценность определяется исключительно количеством «общественно необходимого» рабочего времени. Но что значит «общественно необходимо»? Все, что рынок сочтет таковым. Следовательно, ключевым элементов объяснения рыночной ценности оказываются решения рынка, т.е. сами рыночные ценности.

Затем Маркс еще сильнее осложняет свое положение: он определяет «общественно необходимое рабочее время» как время, которое «требуется для изготовления какой-либо потребительной стоимости при наличных общественно нормальных условиях производства и при среднем в данном обществе уровне умелости и интенсивности труда»². Здесь встает следующая проблема: как вместить множество различных трудовых свойств и умений в один однородный, абстрактный «рабочий час»? Здесь, получив намек от Рикардо, Маркс вводит понятия «средний» и «нормальный». Все усредняется. Но каким образом получается это среднее? Оно достигается путем соизмерения, при котором высококвалифицированный, исключительно производительный труд приравнивается к больше-

му количеству единиц рабочего времени, чем труд неквалифицированного работника. Но кто решает, что чего стоит? И вновь Маркс в своей обычной манере подменяет посылку выводом. Он признает, что *рынок*, его относительные цены и ставки заработной платы как раз и определяют сравнительную весомость труда, т.е. определяют, какой труд более производителен или выше качеством и в какой мере по сравнению с другими видами труда. Итак, рыночные значения ценности, цен и производительности указываются как детерминанты этих же самых ценностей и цен³.

13.2. НОРМЫ ПРИБЫЛИ И «ПРИБАВОЧНАЯ ЦЕННОСТЬ»

Маркс продолжает развивать свою схему в духе рикардианских социалистов. Однако, в отличие от Рикардо, земля и рента у него просто включаются в «капитал», поскольку все земли так или иначе созданы человеческим трудом, а значение земли феодализма предположительно исчезает по мере развития капитализма. Поэтому нет необходимости рассматривать или объяснять ценность земельных участков и их цены. Таким образом, при капитализме остаются два основных класса: однородный рабочий класс, пролетариат, и «капиталисты». (Как у Смита и Рикардо, предприниматели в этой схеме отсутствуют, и все находится в медленно меняющемся состоянии долгосрочного равновесия.) Но ценности товаров суть единственные плоды затрат рабочего времени. Капиталисты с помощью принуждения, в силу навязанных ими отношений собственности извлекают «прибыль» из продукта «эксплуатируемых» рабочих. Эта прибыль представляет собой «прибавочную ценность», ценность, изымаемую капиталистами из всей произведенной ценности.

Прибыль, считал Маркс, извлекается *только* из эксплуатируемого труда; это прибавочная ценность, образующаяся сверх той заработной платы, которая необходима для поддержания существования рабочих. С другой стороны, прибыль не имеет никакого отношения к объему вложенного капитала, ведь капитал — это всего лишь мертвая материя, накопленный или замороженный труд, который поэтому уже нельзя «эксплуатировать», чтобы получать текущую прибыль⁴. Таким образом, только «живой» труд может служить источником прибыли капиталиста. Но если вся прибыль извлекается исключительно из труда, это значит, что любое накопление капитала неизбежно *снижает норму* прибыли, получаемой капиталистом. Представим ситуацию, когда не используется никакой капитал, или, по терминологии Маркса, «постоянный» капитал⁵, и инвестиции осуществляются лишь в форме «переменного капитала», идущего на заработную плату. Предположим, что производственная прибыль составляет 100 долларов, а весь переменный капитал, или фонд заработной платы, составляет 1000 долларов. Тогда норма прибыли составит 10%. Допустим теперь, что сделаны инвестиции основного

капитала в размере 1000 долларов. Общий объем инвестиций в этом случае составит 2000 долларов, но, поскольку прибыль извлекается только из труда, она по-прежнему составит 100 долларов, а норма прибыли опустится до 5%.

Но чем же определяется уровень заработной платы, количество денег, которое капиталистический класс неохотно выделяет рабочим? Здесь на сцене появляются Мальтус и железный закон заработной платы; они утверждают, что заработная плата во все времена тождественна средствам, необходимым для поддержания существования. Маркс, естественно, поспешил освободить будущую коммунистическую утопию от всех мальтузианских проблем и объявил, что выводы Мальтуса и железный закон действительны только для капитализма, но, безусловно, не будут иметь силы при коммунизме.

Следует подчеркнуть, что железный закон играет принципиально важную роль во всей системе Маркса. С точки зрения Маркса, ценность и цена каждого товара определяются издержками, т.е. количеством рабочего времени, вложенным в его производство. Маркс считал, что на рынке капиталисты оплачивают рабочим «ценность их рабочей силы»; под этой последней он понимал, конечно, не производительность или предельную производительность, а «стоимость» производства и поддержания труда, т.е. издержки, или количество рабочего времени, необходимого для снабжения рабочих средствами к существованию⁶.

Профессор Конвэй в своем в целом превосходном критическом обзоре марксизма утверждает, что теория прибавочной ценности *не нуждается* в железном законе заработной платы, поскольку капиталисты могут изымать некоторую прибавочную ценность даже в том случае, если заработная плата рабочих выше прожиточного минимума. Все верно, за исключением лишь того, что *в этом случае* заработная плата в марксистской системе оказывается неопределенной и исчезает всякое основание считать, что прибавочная ценность вообще существует или хотя бы играет заметную роль в экономике. Кроме того, если заработная плата не ограничена прожиточным минимумом, существование рабочих при капитализме может быть не таким уж и жалким. А если так, будет ли у рабочих сильный стимул к революционному свержению капитализма, которое Маркс объявил неизбежным? Ведь в «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс со всей определенностью утверждали, что средняя заработная плата — это всегда «минимальная заработная плата, т.е. то количество средств к существованию [Lebensmittel], которое абсолютно необходимо [notwendig] для простого поддержания существования рабочего в качестве рабочего. Поэтому того, что наемный рабочий получает за свой труд, хватает лишь на продолжение самого существования и его воспроизведение»^{7, 8}. А Энгельс в своей поздней работе «Анти-Дюринг» (1878) утверждает, что крупное промышленное производство «ограничивает внутреннее потребление масс полуголодным существованием».

Таким образом, в концепции Маркса присутствуют неразрешимые проблемы. Его теория подразумевает, что, поскольку прибыль получается только за счет эксплуатации труда, в отраслях с большим основным капиталом *нормы* прибыли ниже, чем в тех, где главное значение имеет сам труд. Однако даже сам Маркс был вынужден признать, что рынок *не подтверждает* эту теорию. На рынке, как хорошо было известно еще Смиту и Рикардо, существует тенденция к уравниванию норм прибыли во всех отраслях. Но как это возможно, если в тех отраслях, где основное значение имеет сам труд, а не средства производства, нормы прибыли должны быть выше — неизбежно и постоянно?

Здесь в схеме Маркса зияет самая заметная брешь. Маркс признавал, что в реальной действительности нормы прибыли явно тяготеют к выравниванию (или, как называл это он сам, к «средней норме прибыли») и что реальные цены, или меновые ценности, на капиталистическом рынке складываются не на основании затраченного количества труда. Маркс понимал серьезность проблемы и обещал решить ее в очередном томе «Капитала», но решал ее всю оставшуюся жизнь без всякого результата — в первую очередь, видимо, потому, что рано прекратил работу над «Капиталом» и сам не выпустил больше ни одного тома. В первом издании своего великого труда «История теорий капитала и процента», опубликованного в год смерти Маркса (1884), выдающийся австрийский экономист Ойген фон Бём-Баверк, критикуя Маркса, указал: «Маркс осознал, что здесь имеется явное противоречие, и ради спасения своей концепции счел необходимым пообещать разрешить его впоследствии. Но это обещание не было выполнено и не могло быть выполнено»⁹.

Впоследствии Бём-Баверк отметил, что растущий легион адептов Маркса продолжал пребывать в уверенности, что их учитель в конце концов сможет ликвидировать этот тяжелый и, по видимости, неустраняемый дефект марксистской системы¹⁰. Затем в предисловии ко второму, посмертно изданному тому «Капитала» Энгельс иронично и немного по-детски объявил, что в следующем томе Маркс непременно решит злополучную проблему нормы прибыли и ценности, и пригласил всех марксистских и прочих экономистов принять участие в своего рода призовом конкурсе: отгадать, какой выход найдет Маркс из этого на первый взгляд неразрешимого противоречия. В течение девяти лет, вплоть до выхода последнего, третьего тома «Капитала», неожиданно большое количество экономистов попробовало свои силы в этой игре. В предисловии к долгожданному третьему тому, опубликованному в 1894 г., Энгельс за год до своей смерти с торжеством заявил, что ни один экономист не заслужил приза¹¹. Таким образом, Энгельс повел себя гораздо беспечнее, чем Маркс, когда обратился к публике и возвестил о «решении», которое Маркс явно не считал возможным обнародовать¹².

Через два года после выхода третий том подвергся детальной уничтожающей критике в обширной рецензии Бём-Баверка «К завершению марксистской системы»¹³. И по прошествии столетия сокрушительный

разгром третьего тома, а следовательно, и всей марксистской системы остается окончательным и бесповоротным. В сфере профессиональной экономической теории вердикт Бём-Баверка сразу стал пользоваться безоговорочным авторитетом и с тех пор сохраняет его, успешно выполняя роль прививки от марксистского вируса и, несомненно, от трудовой теории ценности — по крайней мере для экономистов. К сожалению, аргументы Бём-Баверка были слишком специальными, чтобы приобрести большое влияние вне среды профессиональных экономистов, и с тех пор марксизм оказался чрезвычайно привлекательным для многих социологов, историков, литераторов и прочих интеллектуалов, как правило слабо разбирающихся в экономике.

Если взять самое главное, Бём-Баверк предельно четко формулирует принципиальное внутреннее противоречие марксистской теории: Маркс утверждал, что товары обмениваются на рынке пропорционально количеству овеществленного в них труда (т.е. их ценность определена количеством необходимых для производства рабочих часов), и вместе с тем признавал, что нормы прибыли на все товары тяготеют к уравниванию. Но если первое положение верно, нормы прибыли должны неизменно снижаться пропорционально капиталоемкости и повышаться пропорционально трудоемкости производства. Маркс обещал справиться с этим неразрешимым противоречием в третьем томе и примирить два несовместимых положения.

В своей рецензии Бём-Баверк показал, что предложенное Марксом «решение» — это лишь видимость и что на самом деле он фактически признал свое поражение, т.е. признал, что на капиталистическом рынке нормы прибыли примерно одинаковы, а потому цены формируются не пропорционально количеству рабочего времени, затраченного на производство товаров, и не определяются этим временем. Действительно, Маркс просто взял стандартную теорию Рикардо и признал, что цены реально определяются издержками (или, в терминах Маркса, «ценами») на производство плюс средняя норма прибыли. Таким образом, Маркс, делая вид, что спас свою теорию рассуждениями о том, как конкуренция превращает «ценности в цены производства», фактически полностью отказался от трудовой теории ценности, тем самым похоронив всю свою систему.

Затем Бём-Баверк переходит к систематической критике всевозможных попыток Маркса защитить свою позицию, включая несуразное утверждение, что «совокупная ценность» равна совокупным ценам всех товаров.

Весьма поучительно посмотреть, какова была реакция марксистов на третий том «Капитала» и критику Бём-Баверка, которая выявила принципиальные внутренние противоречия их системы. Очень часто они реагировали как служители религиозного культа, а не как честные ученые: когда их систему уличали в вопиющих ошибках, в противоречиях или ложных предсказаниях, они спасали ее путем *подтасовок*, т.е. утверж-

дали, что теория говорила совсем о другом и предсказано было тоже совсем другое. Похожим образом очень популярная в начале 1840-х гг. секта миллеритов уверенно назвала точный день Второго пришествия Иисуса в 1843 г. Когда в указанный срок этого не произошло, миллериты в типичной для них манере признали небольшую неточность в своих вычислениях и отложили счастливый день на несколько месяцев. Когда Иисус вновь не снизошел, большинство последователей Миллера покинули его, но некоторые самые упорные изменили условия явления и стали утверждать, что на самом деле Иисус явился в назначенный срок, но невидимым образом, а зримая часть Второго пришествия еще впереди (из этой небольшой группы возникла секта Адвентистов Седьмого дня). Так и запасной позицией марксистов было абсолютно ложное утверждение, будто Маркс *никогда не говорил*, что определенная трудом ценность определяет рыночные цены или как-то на них воздействуют. Маркса, заявляли они, не интересовали такие мелочи, как рыночные цены; его создаваемая количеством труда «ценность» просто каким-то таинственным образом овеществлялась в рыночных товарах и, по всей вероятности, не имела решительно никакого отношения к реальному миру рыночного капитализма.

Так, Пол Суизи уверял, что Маркс вообще не занимался ценами, а занимался тем, что «сейчас можно назвать экономической социологией»¹⁴. Дж. Д. Коул в книге «Что на самом деле имел в виду Маркс» попытался показать, что, с точки зрения Маркса, в отличие от других экономистов, ценность никак не влияет на цены, а *по определению* является количеством рабочего времени, овеществленного в продукте. Александр Грей подверг Коула справедливой и разгромной критике:

Тождество ценности и овеществленного труда, несомненно, было тем, что, как считал Маркс, он *доказал* (и что, таким образом, нуждалось в доказательстве) на первых страницах «Капитала»... Если тождество ценности и труда есть лишь утверждение и допущение, то мы, по крайней мере, знаем, какое значение Маркс вкладывает в понятие «ценность». Но в данном случае мнимое доказательство во вводной главе — это пустое место, поскольку нечто просто утверждается, но никак не доказывается. И выходит, что весь «Капитал», построенный на произвольном утверждении, которое якобы является выводом, — это пример тщетного хождения по кругу, даже более тщетного, чем считали возможным самые критичные критики. Если же, напротив, тождество ценности и труда есть предмет доказательства, а не утверждения, тогда нам остается лишь догадываться, что Маркс понимал под «ценностью»¹⁵.

Большинство официальных марксистов воспользовались этой лазейкой и спасали трудовую теорию ценности путем объявления ее незначительной. Единственной полномасштабной попыткой опровергнуть Бём-Баверка стала работа австрийского марксиста Рудольфа Гильфердинга (1877—1941) «Критика Маркса у Бём-Баверка»; она вышла в 1904 г.,

а в 1920 г. появился английский перевод. Апология Гильфердинга полна грубых подтасовок, ибо утверждает, в частности, что Маркс не считал ценности детерминантами цен. Показательно, что друг Гильфердинга и тоже видный австрийский теоретик марксизма Отто Бауэр признал, что Гильфердинг никогда по-настоящему не понимал суть проблемы. Бауэр записался на семинар Бём-Баверка в Венском университете, чтобы ближе ознакомиться с его доводами и попытаться опровергнуть его критику. Но в итоге Бауэр отказался от этого намерения, фактически признав, что марксистская трудовая теория ценности недоказуема¹⁶. Большинство современных теоретиков марксизма считают трудовую теорию ценности большой головной болью, а самые продвинутые марксисты совершенно отказались от нее, хотя, к сожалению, не отказались от системы, принципиально важной и необходимой частью которой эта теория является¹⁷.

Любопытным примером апологии марксизма является книга, широко и неумно разрекламированная как *критика* марксизма, — «Марксизм» профессора Томаса Соуэлла. Он воспроизводит позицию Гильфердинга, добавляя к ней собственные ошибки. Соуэлл порицает Бём-Баверка за «постоянное непонимание» Маркса в тех местах, где дотошный Бём-Баверк как раз прекрасно его понимал, и вслед за Гильфердингом ошибочно заявляет, что Бём-Баверк и другие критики были неправы, считая, что Маркс отождествлял «ценность» с ценами. Между тем Бём-Баверк и другие хорошо знали, что у Маркса созданная трудом «ценность» предположительно определяет меновую ценность, или цены, но не тождественна ей. Странно также, что автор, усиленно порицающий известных экономистов, которые писали о марксистской экономической теории, но ни разу не цитировали Маркса, сам во всеуслышание заявил, что Маркс «нигде не упоминает о *теории* ценности — вопреки многочисленным и ничем не подкрепленным утверждениям в исследовательской литературе». Как указывает автор рецензии на книгу Соуэлла, такое упоминание легко можно найти в третьем томе «Капитала»¹⁸.

Хотя правоверные марксисты, естественно, не признают этого, запасная позиция Гильфердинга, спасающая уравнивание прибыли в реальном мире, достигает своей цели дорогой ценой — за счет отказа от трудовой теории ценности или, что то же самое, за счет сохранения ее в виде пустой и ничего не значащей оболочки. Но если трудовой теории ценности нет, тогда нет и прибавочной ценности, нет эксплуатации, и у пролетариата нет никакой причины восставать против системы, при которой его продукт отнюдь не подвергается систематической конфискации капиталистическим классом.

Самым интересным и ярким образцом пламенного марксиста, который вел себя достойно, когда сталкивался с вопиющими противоречиями между первым и третьим томами «Капитала», был итальянский экономист Акилле Лориа (1857—1943). Первый том он назвал «образцовой работой, в которой все великолепно, все несравненно и чудесно». А вот третий том он воспринял как тяжкий, смертельный удар по собствен-

ной системе Маркса. Лория даже не нужно было дожидаться критики Бём-Баверка. В своей рецензии на третий том он назвал его не «решением», а «мистификацией», «русским походом» [Наполеона] марксистской системы, «полнейшим теоретическим банкротством», «научным самоубийством» и «полнейшим отказом от своего учения»¹⁹.

Предоставим Александру Грею сказать последнее, пронизательное и ироничное, слово о теории ценности Маркса:

417

Следить за тем, как Бём-Баверк или [Х. У. Б.] Джозеф препарируют Маркса, — это сомнительное удовольствие, поскольку пишут они скучно и настолько дотошны, что цепляются даже к значению слов, не понимая, что действительно подразумеваемое Марксом [Коул] не имеет никакой связи с его подлинными словами. А следить, как интерпретируют Маркса его друзья, — это удовольствие уже совсем другого рода. Совершенно очевидно, что никто из них не знает, что на самом деле думал Маркс; у них есть существенные сомнения по поводу того, что он говорил, и есть даже подозрение, что сам Маркс не понимал, что делает. В частности, никто не может объяснить нам, что Маркс разумел под «ценностью». Более того, за всеми этими гаданиями обнаруживается нечто удивительное, нечто, можно сказать, совершенно небывалое. С одной стороны, «Капитал» — трехтомный труд, излагающий теорию ценности в ее разнообразных приложениях. С другой стороны, Маркс ни разу не снисходит до объяснения того, что он понимает под «ценностью»; соответственно, каждому, перед кем разворачивается этот свиток длиной с 1867 г. по 1894 г., приходится уяснять это самостоятельно. И никто не знает, к какому миру все это относится. Может быть, к миру, в котором писал Маркс? Или к абстрактному, «чистому» капиталистическому миру, существующему только в воображении и больше нигде? [Кроче] Или (сколь бы странным ни показалось такое предположение) Маркс (возможно, сам того не сознавая) мыслил категориями средневекового мира? [Вильбрандт] Никто не знает. Что перед нами — Wissenschaft [наука], лозунги, мифы или инкарнации? Маркс, как говорили, был пророком, и это предположение в объяснительном плане, видимо, самое работоспособное. Не следует подходить к Иеремии или Иезекиилю с мерками, пригодными для людей менее одухотворенных. Возможно, ошибка мира и большинства критиков как раз в том и состоит, что они не считали Маркса настоящим пророком — человеком, стоящим выше логики, говорящим загадочные и непонятные слова, которые каждый человек может толковать, как хочет²⁰.

13.3. «ЗАКОНЫ ДВИЖЕНИЯ», I: НАКОПЛЕНИЕ И ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ КАПИТАЛА

Итак, Маркс сформулировал (по крайней мере, к своему собственному удовлетворению) трудовую теорию ценности и примирил ее с тенденцией к уравниванию норм прибыли. Но объяснительные законы функ-

ционирования капиталистической системы сами по себе его не слишком интересовали. Гораздо больше его интересовало то, что он называл «законами движения» (показательно механистический термин!) капиталистической системы, т.е. ее неотвратимого следования к победе революционного коммунизма, которое совершается «с непреложностью законов природы». Как же и куда обречен был двигаться капитализм?

Важнейшим свидетельством неизбежной участи капитализма является непреложный закон снижения нормы прибыли. Согласно Марксу, существующая единообразная и усредненная норма обречена на снижение. У Смита и Рикардо были теории снижения нормы прибыли, обе выведенные совершенно разными способами и обе ошибочные. По Сми-ту, норма прибыли (или процент) определяется запасом капитала; чем больше капитала накоплено, тем ниже норма прибыли. Напротив, Рикардо опасался, что землевладельцы будут все больше диктовать экономике свои условия, по мере того как непрекращающийся рост населения заставит обрабатывать даже плохие земли. Количество необходимого для производства рабочего времени вырастет, а это приведет к росту номинальной заработной платы и ренты и, соответственно, сильно снизит прибыль²¹.

Маркс объясняет снижение нормы прибыли постепенным накоплением капитала, но объясняет иначе, чем Смит и Рикардо²². Как мы уже говорили, капитал, с точки зрения Маркса, — это мертвый груз, не приносящий капиталисту никакой прибыли. Вся прибыль получается за счет эксплуатации «живого труда»; поэтому накопление капитала неизбежно снижает норму прибыли, пропорцию совокупной прибыли по отношению к совокупному вложению капитала. А поскольку отличительное свойство капитализма состоит в постоянном накоплении капитала, это означает, что капитализм обречен на безостановочное снижение нормы прибыли.

Однако, можно спросить, если накопление капитала неумолимо ведет к снижению прибыли, почему же капиталисты, которые явно стремятся получать как можно больше прибыли, продолжают накапливать капитал? Почему они упорно пилят сук, на котором сидят?

Один из марксистских ответов на эту загадку — «конкуренция»; ленинисты в особенности склонны утверждать, что якобы сравнительно позднее возникновение «монополистического капитализма» и империализма, стремление капиталистов создавать картели или инвестировать капитал за границей объясняется желанием преодолеть ужасные последствия конкуренции²³. Но простая апелляция к «конкуренции» вряд ли может служить ответом. Несомненно, например, что появление нового открытия или новой отрасли может поначалу приносить очень высокую прибыль, но стремящиеся к этой прибыли новые конкурирующие фирмы в конце концов снизят норму прибыли в данной отрасли. Однако в краткосрочной перспективе — по крайней мере до установления равновесия — эти удачливые капиталисты будут получать высокую, выше нормального уровня, прибыль. У Маркса же бизнесмен, накопи-

вающий капитал, *теряет* прибыль на каждом этапе пути, а не просто в долгосрочной перспективе. Поэтому трудно понять, что вообще заставляет любого капиталиста на любой стадии стремиться к накоплению.

Окончательный ответ Маркса на эту загадку обманчиво прост: капиталисты, несмотря на неизбежное падение их прибылей в будущем, занимаются накоплением потому, что к этому их побуждает непреодолимая иррациональная тяга, или «инстинкт». Такое, с позволения сказать, объяснение, конечно, ничего не объясняет; вместо объяснения нам предлагаются эффектно звучащие, но в конечном счете ничего не означающие слова «влечение» или «инстинкт». С таким же успехом одно время «объясняли» возникновение сонного состояния после курения опиума тем обстоятельством, что опиум «действует как снотворное». Обратим внимание на этот лейтмотив иррациональности, который звучит в первом томе «Капитала», когда речь заходит о капиталистическом накоплении: «Накопляйте, накапливайте! В этом Моисей и пророки! <...> Итак, сберегайте, сберегайте, т.е. превращайте возможно большую часть прибавочной ценности, или прибавочного продукта, обратно в капитал! Накопление ради накопления, производство ради производства»²⁴.

Но *не ради* прибыли! Похожая тема звучит в ранней работе Маркса «Наемный труд и капитал»: «Это закон, который вновь и вновь сдвигает буржуазное производство со старого пути и заставляет капитал напрягать производительные силы труда *потому*, что он уже сделал это... Этот закон не дает капиталу покоя и постоянно шепчет ему на ухо: “Продолжай! Продолжай!”»²⁵.

Маркс и марксисты могли бы, конечно, объяснить обоснованность накопления капитала другим способом: перейти на запасную позицию Гильфердинга и признать, что трудовая теория ценности не имеет отношения к реальному миру. Маркс и впрямь вступил на этот путь, хотя вместе с тем и твердил о мистической тяге к накоплению «ради самого накопления». Он допускал, что капиталисты-новаторы поначалу действительно получают прибыль более высокую, чем преобладающая на рынке единообразная «средняя» норма; за этими пионерами, имеющими «добавочную прибыль», следуют подражатели и конкуренты, и в конце концов норма прибыли опускается до уровня равновесия, или до среднего значения. Что же, все верно, и в данном случае реальность вновь побеждает. Однако за признание реальности вновь приходится платить слишком высокую цену: ведь если подобный процесс типичен для рынка, то почему норма прибыли *вообще* должна снижаться; мало того, почему это непреложная и необратимая тенденция? Вновь, как в противостоянии Бём-Баверка и Гильфердинга, марксисты могут сохранить связь с реальностью только за счет отказа от марксистской системы. К сожалению, на такую уступку они не идут и продолжают утверждать, что реальность нужно лишь чуть-чуть подогнать к истинной теории.

Но какой бы путь ни избирали марксисты, им принципиально важно сохранить тезис о постоянном накоплении капитала, поскольку лишь

благодаря такому накоплению можно повышать производительность и, в частности, внедрять в экономику технологические новшества. Не следует забывать, что именно технологическими новшествами капиталисты роют себе могилу: капиталистическая система и капиталистические отношения становятся оковами, препятствующими технологическому развитию. То или иное технологическое достижение, которое капитализм не сможет использовать (под конец жизни таковым Маркс считал электричество), послужат искрой, необходимой и достаточной причиной неизбежного свержения капитализма и перехода власти к «последнему» историческому классу — пролетариату.

Из тенденции к накоплению капитала и развитию технологий для Маркса вытекали два неизбежных, с его точки зрения, следствия. Первое — это «концентрация капитала», под которой Маркс понимал естественную для каждой фирмы тенденцию к укрупнению и росту масштабов производства²⁶. Разумеется, в современном мире мы наблюдаем многочисленные примеры роста масштабов производства и размеров фирм. Однако рост этот происходит не в силу непреложного закона. Почему накопление капитала не может находить выражение в увеличении количества фирм, а не только в увеличении размера каждой из них? Ведь, в то время как одни компании действительно растут, другие прекрасно себя чувствуют, оставаясь сравнительно небольшими по размеру и гибкими в этом отношении. Огромные автомобильные заводы Генри Форда первое время оставались экономичными и прибыльными; однако потом, в 1920-е гг., они стали приносить большие и неизбежные убытки, поскольку такое крупное производство оказалось неспособным гибко реагировать на изменения природы и формы потребительского спроса. И если автомобильные сборочные заводы, как правило, велики, то заводы и фирмы, производящие узлы и комплектующие, напротив, обычно невелики. Кроме того, новые и небольшие фирмы часто опережают гигантов во внедрении новых открытий и технологических новинок — в той самой области, которая больше всего интересовала Маркса. Крупные фирмы имеют тенденцию становиться бюрократизированными, косными и слишком зависимыми от сложившейся на производстве традиционной интеллектуальной и финансовой политики. Раз за разом лишь новые, небольшие фирмы оказываются на переднем крае технологического прогресса²⁷.

Если марксистский закон концентрации капитала по большому счету недействителен, то со следующим утверждением Маркса, «законом централизации капитала», дело обстоит даже хуже. Маркс предложил непреложный закон, согласно которому небольшие фирмы в каждой отрасли сходят со сцены и поглощаются все более и более малочисленными крупными фирмами; одним словом, закон Маркса фиксирует тенденцию к монополизации производства. Первая причина в том, что конкуренция «всегда приводит к краху многих мелких капиталистов, чьи капиталы частью переходят в руки победителей, а частью совершенно исчеза-

ют». В качестве второй причины Маркс привел появление акционерных компаний или корпораций, способных концентрировать в одной организации массу мелких капиталов. Однако процессу концентрации, или монополизации, могут противодействовать и реально противодействовали такие явления, как развитие новых технологий (о чем мы уже говорили) и географическое расширение конкуренции. Так, если отвлечься от небольших инновационных фирм, которые упомянуты выше, господство американской автомобильной Большой тройки было ликвидировано ростом иностранной (японской, немецкой и т.д.) конкуренции. Далее, если небольшие «семейные» продовольственные магазины одно время были вытеснены, то предполагаемая монополизация розничной продовольственной торговли фирмой A&P в 1930-х гг. развеялась благодаря появлению новой системы супермаркетов. Потом и небольшие магазины вернулись в новой форме — в виде магазинов повседневного спроса, торгующих круглосуточно. В Нью-Йорке в последние годы крупные супермаркеты были превзойдены по качеству и ассортименту фруктов и овощей корейско-американской сетью семейных круглосуточных магазинов. В конце XIX — начале XX в. монопольное положение американской компании Standard Oil в области переработки нефти исчезло, поскольку ее руководство не смогло понять, что новые нефтяные поля в Техасе и Оклахоме — это будущее нефтедобычи, и не смогло предугадать, что основным нефтепродуктом вскоре станет не керосин, а бензин. Эта недалекость и негибкость позволила таким поначалу небольшим, но предприимчивым новым фирмам, как Gulf и Техасо, быстро войти в игру и ликвидировать господство Standard в нефтяной отрасли.

Последний поучительный пример появления неоправданно крупных фирм и убыточных монополий — это грандиозный бум слияний 1899—1901 гг. Десятки и даже сотни компаний, соблазненных монополистической прибылью, сливались тогда в одну крупную фирму, почти в каждом случае терпели большие убытки и вынуждены были давать дорогу энергичной конкуренции с многочисленными участниками²⁸.

Итак, никто не в силах предсказать, куда унесут ветры конкуренции, творчества и упадка, новаторства и застоя. Несомненно, что одним из отличительных свойств капитализма является постоянное расширение ассортимента качественной продукции, и эта тенденция способствует скорее «децентрализации», нежели марксистской централизации. Достаточно привести такой пример: ничто не свидетельствует о том, что сегодня американская промышленность централизована больше, чем была на рубеже XX в. (если, конечно, не считать многочисленных попыток федерального правительства искусственно стимулировать централизацию)²⁹.

Наконец, развитие акционерных компаний имеет еще одно измерение, о котором Маркс, естественно, не упоминает. Сам механизм, позволяющий акционерной компании аккумулировать недоступную иным путем массу капитала, трансформировал прежнюю экономику с небольшим

количеством капиталистов в современный мир, где каждый человек, сколь бы малым капиталом он ни располагал, может стать и становится капиталистом. Ведь фактически у каждого есть акции каких-нибудь компаний или паи пенсионного фонда, который вкладывает деньги в акции и облигации. Фраза «каждый человек — капиталист» звучит сейчас не как лозунг на будущую перспективу, а как констатация объективного положения вещей.

Однако с этим положением связано одно обстоятельство, над которым насмеются марксисты и левые либералы: они, в общем, вполне справедливо указывают, что индивидуальный собственник нескольких акций не обладает никаким влиянием на компанию. Но их насмешки основаны на невежестве, поскольку акционеры по своему положению подобны потребителям. Отдельный потребитель почти никак не может повлиять на ассортимент и количество товаров и услуг, но массовый потребитель обладает полной экономической властью. Равным образом человек, владеющий одной акцией, не может влиять на решения компании, но недовольство даже сравнительно небольшого меньшинства акционеров может дорого обойтись крупным акционерам, если недовольные начнут продавать свои акции и тем снизят общую котировку компании. Крупные акционеры непосредственно контролируют компанию, но гораздо более значительная косвенная власть сосредоточена в руках массы мелких владельцев акций. Точно таким же образом верховная экономическая власть над каждой фирмой принадлежит массе потребителей, которые решают, стоит ли покупать продукт фирмы и в каком количестве.

Однако вернемся к Марксу и его законам концентрации и централизации капитала. Мы сейчас начинаем понимать логику, побуждавшую Маркса считать, что капитализм неотвратимо и быстро идет к уготованному ему концу. Во-первых, конечно, Маркс должен опираться на свою нелепую монолитную двухклассовую модель, которая все больше сводит общество к двум однородным классам с соответствующими интересами — капиталистам и пролетариату. Но закон централизации капитала означает, что ряды капиталистов постоянно редуют (что, как мы видели, прямо противоречит практически всеобщему расширению этих рядов благодаря возникновению рынков капитала и акционерных компаний). Все более малочисленные и все более богатые капиталисты «экспроприруют» менее удачливых братьев по классу и отправляют их прямоком в ряды пролетариата (поскольку в бинарной схеме Маркса другого места для них нет)³⁰. Таким образом, еще до появления на сцене рабочих сами капиталисты изводят себя и оказываются в положении осажденных.

Откровенную нелепость этой картины невольно продемонстрировал немецкий марксист Карл Каутский, прозванный Энгельсом, по правилам апостольского преемства, следующим папой марксистского движения. Каутский предельно упрощает логику учителя и в книге «Эрфуртская программа» резюмирует весь процесс так:

Тенденция капиталистического производства клонится к сосредоточению средств производства, уже ставших монополией класса капиталистов, во все меньшем и меньшем числе рук. Это развитие в конце концов ведет к тому, что все средства производства данной нации или даже всего мирового хозяйства... сделаются частной собственностью отдельной личности или акционерного общества, которые будут распоряжаться ими по своему произволу, весь хозяйственный механизм превратится в одно единственное чудовищное предприятие, в котором все служат, все принадлежат одному господину. Частная собственность на средства производства приводит в капиталистическом обществе к тому, что все лишаются собственности, за исключением одного человека. Она ведет, следовательно, к своему собственному упразднению, к лишению всех собственности и к порабощению всех³¹.

Более того, мы движемся к такому положению вещей «быстрее, чем кажется большинству».

Но потом Каутский, видимо, замечает абсурдность позиции, в которую загнала его логика марксистской системы. Дабы у нас не возник соблазн сидеть и ждать единственного Голдфингера, который владеет несчетными квадрильонами долларов и властвует над обнищавшими рабами во всем мире, Каутский спешит предупредить, что миру не придется ждать, когда *весь* процесс полностью завершится: «Ведь даже приближение к такому состоянию должно довести все страдания, противоположности и противоречия в обществе до такого предела, что они станут невыносимыми и, если развитию заблаговременно не будет дано другое направление, общество выйдет из своей колеи и распадется на части»³². Однако, к своему несчастью, Каутский не успел остановиться до того, как по неосторожности продемонстрировал всю абсурдность марксистской модели.

13.4. «ЗАКОНЫ ДВИЖЕНИЯ», II: ОБНИЩАНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА

В марксистской схеме важнейшим следствием сокращения капиталистических рядов является параллельное расширение рядов пролетариата и его растущее обнищание. Два антагонистических класса следуют каждый своей собственной диалектике, кульминационной диалектике марксистской системы. С одной стороны, класс капиталистов продолжает уменьшаться и концентрировать богатство до тех пор (или почти до тех пор), пока не появится один-единственный человек, владеющий богатством всего мира; с другой стороны, пролетариат увеличивается, нищает и страдает до тех пор, пока пролетарские массы не восстанут и не возьмут верх. Но пусть сам Маркс поведаёт заключительную историю, как она представлялась ему в предпоследней главе первого тома «Капитала»:

Рука об руку с этой централизацией, или экспроприацией многих капиталистов немногими, развивается кооперативная форма процесса труда в постоянно растущих размерах, развивается сознательное техническое применение науки, планомерная эксплуатация земли, превращение средств труда в такие средства труда, которые допускают лишь коллективное употребление, экономия всех средств производства путем применения их как средств производства комбинированного общественного труда, втягивание всех народов в сеть мирового рынка, а вместе с тем интернациональный характер капиталистического режима. Вместе с постоянно уменьшающимся числом магнатов капитала, которые узурпируют и монополизируют все выгоды этого процесса превращения, возрастает масса нищеты, угнетения, рабства, вырождения, эксплуатации, но вместе с тем растет и возмущение рабочего класса, который постоянно увеличивается по своей численности, который обучается, объединяется и организуется механизмом самого процесса капиталистического производства. Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют³³.

Здесь перед нами принципиально важный пункт марксистской теории. Рост обнищания рабочего класса — ключ ко всей системе, поскольку именно оно приводит капитализм к его неотвратимой участи и замещению пролетариатом³⁴. Ведь если обнищания нет, то у рабочего класса нет причин восставать против усиливающейся «эксплуатации» и разрушать «капиталистическую оболочку», эти оковы технологического прогресса. Как же Маркс доказывает растущее обнищание пролетариата?

Эта задача, по-видимому, приводила Маркса в отчаяние, поскольку он перепробовал разные, контрастирующие и даже взаимоисключающие доводы. Складывается впечатление, что Маркс судорожно пытается умножить эти доводы, пусть и слабые, в надежде найти хоть один пригодный, т.е. способный доказать неизбежность следующей стадии истории, пролетарского коммунизма. Но все попытки доказать прогрессирующее обнищание с самого начала натываются на непреодолимое препятствие, которое самым ясным образом продемонстрировал Людвиг фон Мизес³⁵. Ведь если заработная плата рабочих во все времена соответствует минимальному прожиточному уровню и остается на этом уровне в силу железного закона, как могут рабочие жить *все хуже и хуже*? Они и так существуют на максимальном пределе нищеты. Но если по этой причине они не могут жить еще хуже, где же та динамика, которая должна привести к восстанию масс и свержению системы? Мы можем, конечно, допустить, что новые пролетарии, безжалостно вытесненные в ряды рабочего класса победоносными коллегами-капиталистами, будут особенно недовольны своей новой участью в жизни. Но Маркс,

несомненно, не стал бы *ограничивать* ряды своих революционных рабочих только сравнительно небольшим числом недавно деклассированных капиталистов — особенно потому, что рабочие массы и так существуют в том положении, в каком пребывали всегда, т.е. на грани выживания³⁶.

Отвлечемся на мгновение от внутреннего противоречия с железным законом заработной платы и посмотрим, *как же именно* предполагает Маркс обосновать мнимый закон прогрессирующего обнищания пролетариата. Один вариант таков. Постоянное снижение нормы прибыли ставит капиталистов перед необходимостью выкачивать больше прибыли, т.е. все сильнее изнурять и эксплуатировать пролетариат, заставляя его работать больше и дольше. Но помимо проблемы вездесущего железного закона, Маркс столкнулся с другой проблемой: почему же капиталисты сначала допускали умеренную эксплуатацию, а затем, при снижении нормы прибыли, стали ужесточать? Разве капиталисты не стремятся всегда и при любых условиях к максимальной норме прибыли? Но если так (и если только мы не предположим, что алчность и жажда прибыли у капиталистов внезапно возросли), то у них никогда не ослабевает стремление выжать из рабочих максимум прибыли. Но тогда как может снижение нормы прибыли побудить их к запредельной эксплуатации? Одной только жажды прибыли для этого явно мало.

Затем Маркс пытается нащупать другую причину повышения эксплуатации труда и снижения заработной платы — ускоряющийся рост постоянной «промышленной резервной армии», легиона безработных. Рост конкуренции со стороны безработных приводит к снижению заработной платы и проявляется все сильнее по мере развития капитализма.

Но как возможна постоянная армия безработных, если они вообще ничего не получают? Почему они не умирают с голода еще до того, как смогут создать конкурентную угрозу работающему пролетариату? Если Маркс скажет, что безработные быстро вливаются в ряды трудоустроенных и тем самым снижают заработную плату, тогда исчезает обязательное условие прогрессирующего обнищания: наличие постоянной и растущей армии безработных. Так на что живут безработные и как поддерживают свое существование?

Далее, откуда берется промышленная резервная армия? Экономисты-рыночники хорошо знают, что при снижении заработной платы безработица быстро исчезает. Она становится постоянной лишь в том случае, если заработная плата поднята выше уровня рыночного равновесия. И если, как утверждает Маркс, конкуренция со стороны армии безработных *снижает* заработную плату, тогда эта армия должна быстро исчезнуть и больше не доставлять проблем.

Но что же, собственно, приводит к появлению промышленной резервной армии? С точки зрения Маркса, это старинный жупел — технологическая безработица. Производство механизмуется, и рабочие (предположительно, все время) остаются без работы. Но как быть с повышением спроса и увеличением производства, которые следуют за технологиче-

скими новшествами? Как быть с повышением спроса на продукцию и ресурсы в *других отраслях*, пользующихся более дешевыми продуктами технологически передовой отрасли? И как быть с тем, что низкая заработная плата — это естественный рыночный способ достижения полной занятости? Технологическая безработица — древняя и неоднократно опровергнутая страшилка. Когда, скажем, появились автоматизированные телефонные станции, все оплакивали бедных полюбившихся телефонисток, у которых это полезное, но бессердечное новшество грозило отнять работу. Однако снижение цен на телефонные услуги привело к огромному расширению рынка телефонии и *в том числе* к значительному росту количества телефонисток. Похожим образом, в строительной отрасли после появления кранов, экскаваторов и прочей техники количество занятых *выросло*, а не уменьшилось по сравнению с теми временами, когда копали простыми лопатами. Да и вообще, если бы технологическая безработица могла служить объяснением прогрессирующего обнищания, то не только каждое технологическое новшество приводило бы к постоянной безработице, но со временем воздействие технологии ускорило бы и обратило вспять любые уравнивающие тенденции к большей занятости, которые могут существовать на рынке.

В вопросе о промышленной резервной армии мы до сих пор имели дело с тезисом Маркса о постоянном и длительном росте этой армии. Ниже мы рассмотрим другую его концепцию — *циклическое* повторение безработицы, которое, наряду со все усиливающимися циклическими депрессиями, способно стать двигателем усиления нищеты и движения к пролетарской революции.

Еще один марксистский довод в пользу неизбежности обнищания рабочего класса содержится в «Манифесте Коммунистической партии». По мере развития техники и накопления капитала, сетовали Маркс и Энгельс, у трудящихся исчезают разнообразные умения, пролетариат принуждается к выполнению все более простых, монотонных и не требующих квалификации операций, и эта деквалификация снижает среднюю заработную плату³⁷.

Этот шаткий довод представляется особенно легковесным в наши дни, когда леволиберальные друзья рабочего класса жалуются на *прямо противоположное*: в эпоху, когда все больше трудящихся переходят на высококвалифицированную работу, требующую владения компьютером и электроникой, что же будет с бедными, немолодыми, неквалифицированными работниками, которых прогресс оставляет позади?

Еще один, связанный с предыдущим, довод Маркса апеллирует не столько к возрастающему обнищанию рабочего класса, сколько к его страданиям, которые возникают из-за роста «отчуждения», из-за монотонности и непривлекательности труда, порождаемых возрастающим применением машин. Хотя сам Маркс действительно говорит о таком якобы ухудшающемся самочувствии рабочего класса, «отчуждение» у него (о чем мы уже подробно говорили выше) не имеет никакого

отношения ни к субъективной психологии, ни к монотонности труда, а является всеобщим и неотъемлемым свойством (и определяется как таковое) существующей базовой системы обмена и разделения труда; кроме того, оно проявляется в отделении индивидуума от Человечества и Природы, и преодолеть его должен (и единственно способен) коммунизм. Если отвлечься от эмпирического вопроса, насколько труд действительно становился более монотонным, и противоположной тенденции, а именно освобождающего воздействия все более разнообразных потребностей, продуктов и занятий, то трудно представить, как и почему «отчуждение» должно значительно *усиливаться* со временем, и еще труднее представить, как это усиление сказывается на рабочем классе. Нет, причина страданий, подталкивающих к революции, должна быть осязаемой и объективной, очевидной для рабочего класса; в противном случае это не причина.

Итак, Маркс настаивает на прогрессирующем обнищании пролетариата, и это его утверждение играет столь принципиальную роль, что вряд ли его можно назвать просто «предсказанием», которое не оправдалось. Это «предсказание» является абсолютно необходимым условием якобы неизбежного тяготения рабочих к восстанию и свержению капитализма, причиной тенденции, которая с развитием капитализма лишь постоянно усиливается. Однако для всех совершенно очевидно, что одним из самых заметных явлений полутора столетий, прошедших с момента рождения марксизма, стал непрерывный и впечатляющий рост реальной заработной платы и уровня жизни как самого рабочего класса, так и широких масс населения. Более того, в этот период мы наблюдаем самый впечатляющий рост индустриализации и уровня жизни за всю мировую историю. Наконец — и это особенно резко противоречит концепции Маркса, — положение рабочего класса наиболее значительно улучшилось именно в развитых капиталистических странах Запада, в тех странах, которые, по логике Маркса, должны были явить самый наглядный пример прогрессирующего обнищания пролетариата. Каждый марксист сталкивается с этими безжалостными фактами, которые сами по себе полностью опровергают марксистскую схему. Как же марксисты решали эту труднейшую проблему?

Некоторые марксисты, естественно, просто сбежали с корабля и либо громко объявляли о своем дезертирстве, либо тихо уходили в сторону. Как не без удивления отмечает Шумпетер, лишь немногие марксисты «готовы занять смехотворную позицию и утверждать, что тенденция к снижению жизненного уровня рабочего класса наблюдается фактически»³⁸. Как правило, марксисты пытались спасти свой общий тезис и всю теорию с помощью разнообразных подтасовок и уверток. Так, например, они утверждали, что *глубинная тенденция* к обнищанию сохраняется, но «временно» (на столетие или на два?) пересилена противодействующими факторами. Популярный, но нелепый ленинский ответ гласит, что западные рабочие обогатились за счет империалистической

эксплуатации стран третьего мира, т.е. в определенном смысле сами стали «капиталистами» международного масштаба. Но, во-первых, если угнетенные пролетарии Запада превратились в «капиталистов», эксплуатирующих третий мир, то куда же подевалось неотвратимое *убывание и вырождение* капиталистического класса? Во-вторых, о полнейшей несоразности этой схемы свидетельствует тот факт (продемонстрированный во многих работах П. Бауэра), что большинство стран третьего мира хотя и остаются бедными, но быстро развиваются и в последние десятилетия уровень жизни рабочих масс там постоянно растет. Но и это не все. Рост экономики и уровня жизни характерен именно для тех регионов и районов третьего мира (скажем, для портовых городов), которые поддерживают наиболее тесные торговые и инвестиционные отношения с развитыми западными странами. А вот отдаленные области третьего мира, еще не открытые для торговли с Западом, как раз и отстали в экономическом росте. Ни одно из этих обстоятельств не согласуется с образом западного мира, развивавшегося в этом столетии семимильными шагами якобы за счет того, что должно было бы привести к быстрому и сильному обнищанию и угнетению населения третьего мира³⁹.

В дополнение к империализму марксисты указывали и другие факторы, временно прерывавшие неотвратимое обнищание. Особенно популярным вариантом, примерно на рубеже XX в., было завершение освоения фронта на западе Соединенных Штатов. Фронтальный тезис в конце концов утратил популярность, когда само событие померкло в памяти, а уровень жизни рабочих неуклонно повышался; однако этот тезис получил курьезное возрождение в нелепом «стагнационном тезисе» конца 1930-х гг., благодаря которому исчезновение фронта (и другие ошибочно выбранные факторы) внезапно восстало из могилы после 40-летнего погребения и нанесло экономике неожиданный отложенный удар.

Самой распространенной уверткой, несомненно, была подмена понятий предсказания. Перед лицом неопровержимой реальности марксисты признали, что Маркс «на самом деле» не имел в виду «абсолютное» обнищание, т.е. безостановочное падение уровня жизни, а имел в виду *относительные* доходы рабочих — относительные, разумеется, в сравнении с уровнем жизни класса капиталистов. Именно это «относительное», а не «абсолютное» обнищание якобы имел в виду Маркс, и так его теперь должны понимать марксисты⁴⁰.

Как эмпирическое явление, относительная бедность может иметь значение в разные периоды и в разных местах, а может его и не иметь, но как довод в данном случае чрезвычайно сомнительна. Совершенно очевидно, что уровень неравенства, скажем, в восточных деспотиях или в абсолютистской Франции эпохи Людовика XIV был гораздо выше, чем при современном капитализме. И еще очевиднее, что нелепо полагаться на «относительную бедность» как на фактор, способный подтолкнуть рабочий класс к кровавой революции и свержению капиталистического строя. Если у рабочего одна яхта, то будет он поднимать восстание

только из-за того, что у других по две или по три яхты? Или, если держаться ближе к реальности, станет ли рабочий, у которого два цветных телевизора, затевать революцию по той причине, что у Рокфеллера, Ли Якокки или Хью Хефнера более крупный телевизор в каждой комнате? Мы далеки, очень далеки от обнищания. Грядущий и неотвратимый гнев пролетариата в итоге обернулся фарсом.

Однако даже вождь официального марксизма после Энгельса Карл Каутский, в 1899 г. вынужденный признать, что уровень жизни рабочих все же растет, неохотно заявил, что Маркс на самом деле имел в виду лишь относительную бедность, или, как называл ее Каутский, «социальную» бедность. Поскольку под «социальной бедностью» Каутский понимал не что иное, как зависть или «жадность», ему пришлось выстроить следующее умозаключение: если рабочие имеют пристойный доход, но видят, что *другие* получают больше, этого хватит, чтобы вызвать у рабочих зависть, способную подвигнуть их на восстание и свержение всего строя⁴¹. Но, как бы то ни было, гораздо более вероятно, что зависть скорее найдет выражение в политических шагах — скажем, в требовании ввести прогрессивный подоходный налог или выделить государственные субсидии, — чем выльется в революционное разрушение всей системы.

Нельзя, конечно, отрицать, что у Маркса есть места, где речь идет только об относительном обнищании рабочего класса и его зависти к более состоятельным слоям⁴². Однако в целом у Маркса другая линия — стремление предсказать и подчеркнуть прогрессирующее *абсолютное*, реальное, объективное обнищание рабочего класса.

Наконец, в самом ядре экономической теории Маркса имеется вопиющее и неразрешимое противоречие. Если капиталисты страдают от снижения нормы прибыли, а рабочие — от прогрессирующего обнищания, кто же *выигрывает* при дележе экономического пирога? В схеме Рикардо капиталисты тоже страдают от снижения нормы прибыли, рабочие существуют на грани выживания, но по крайней мере *одна* группа присваивает все общественные блага: это паразитический класс землевладельцев, высасывающий общественный продукт посредством земельной ренты. У Маркса землевладельцы исчезают, поскольку включаются в класс капиталистов. Но как могут *оба* противостоящих класса проигрывать при развивающемся капитализме?⁴³

13.5. «ЗАКОНЫ ДВИЖЕНИЯ», III: ЦИКЛИЧЕСКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ КРИЗИСЫ

Заключительный вариант попыток Маркса доказать неизбежность пролетарской революции тесно связан с концепцией абсолютного обнищания. Однако в этом варианте акцент поставлен не на устойчивой и всеобщей тенденции прогрессирующего обнищания и не на промышленной резервной армии, а на все более разрушительном воздействии

периодически повторяющихся экономических кризисов и депрессий, которым сопутствует усиление обнищания и циклическая безработица. Сейчас мы перейдем к этой теории Маркса, или, скорее, к *различным теориям* циклов и кризисов, поскольку в его сочинениях содержится несколько очень непохожих и даже несовместимых версий. Возможно, Маркс в близком к отчаянию состоянии сознательно перепробовал несколько концепций, надеясь, что хоть одна из них подойдет.

13.5.1. Недопотребление

Главным вариантом теории циклов у Маркса было объяснение депрессии недопотреблением; об этом ясно свидетельствуют нападки Маркса и Энгельса на закон Сэя, а также на Рикардо, признававшего этот закон⁴⁴. Особенно подробно Маркс разбирает эту тему в работе «Теории прибавочной ценности» (написана в 1861—1863 гг.). Развитие капиталистического накопления и производства опережает потребительную способность эксплуатируемых рабочих, которые зарабатывают гораздо меньше ценности произведенного ими продукта. Рабочие не имеют возможности потреблять достаточно, покупая капиталистические продукты, а эксплуататоры-капиталисты, гораздо более заинтересованные в сбережении и накоплении, не компенсируют это недостаточное потребление. Поэтому Сэй ошибался, и на самом деле имеет место систематическое общее перепроизводство, когда объем продукции превышает потребительную способность масс⁴⁵. Как неоднократно повторяет Маркс, «большинство людей, трудовое население, может расширять свое потребление лишь в очень ограниченных пределах».

К доминирующей теме недопотребления Маркс возвращается в третьем томе «Капитала». При капитализме, пишет он, «потребительная способность общества» определена «антагонистическими условиями распределения», которые «сводят потребление основной массы населения к минимуму, колеблющемуся в очень узких пределах». Кроме того, «потребительная способность еще более ограничивается тенденцией к накоплению, жаждой наращивать капитал и получать более значительную прибавочную ценность... Поэтому рынок должен постоянно расширяться... Но когда производительные возможности расширяются, они вступают в противоречие с узким базисом, которым определены условия потребления». А еще в том же томе Маркс пишет: «Главной причиной всех кризисов всегда остаются нищета и ограниченная потребительная способность масс, существующие вопреки стремлению развивать производительные силы до такой степени, что лишь абсолютное потребление общества ставит этому предел»⁴⁶.

Самый очевидный и несомненный дефект теории, объясняющей экономические кризисы недостаточным потреблением, состоит в том, что она берется объяснять чересчур многое. Но если потребительная способ-

ность масс никогда не бывает достаточной для покупки произведенного продукта и поддержания бизнеса на прибыльном уровне, то почему же нет *перманентной* депрессии? Почему *бумы* чередуются со спадами? Маркс и Энгельс явно чувствовали здесь проблему и поэтому видели необходимость как минимум в дополнительной теории. В третьем томе «Капитала» Маркс, в дополнение ко всему перечисленному выше, признал, что кризисам могут предшествовать по крайней мере временные периоды подъема, когда заработная плата растет и рабочие получают более значительную долю продукта⁴⁷. Энгельс в «Анти-Дюринге» тоже сначала говорит, что «крупномасштабное производство, которое охотится за потребителями по всему миру, ограничивает потребление масс у себя дома полуголодным минимумом и поэтому подрывает свой внутренний рынок». Но несколько ниже Энгельс, заявив, что «недостаточное потребление масс является поэтому необходимым условием кризисов», все же признает, что эта концепция не позволяет объяснить, «почему сейчас кризисы есть, а в прежние периоды их не было».

Однако в то время, когда Энгельс писал предисловие к первому английскому изданию первого тома «Капитала», ему удалось найти удовлетворявшее его решение проблемы. Если до 1867 г. циклические подъемы и спады действительно преобладали, указывал он, то теперь английская экономика увязла в перманентной депрессии. Каковы бы ни были второстепенные причины бумов, сейчас бумагам пришел конец, а перманентная депрессия вскоре возвестит пролетарскую революцию. Во всем море несостоятельных и самоуверенных марксистских «предсказаний» это было одно из самых абсурдных и очевидно неверных. Энгельс утверждал:

430

Десятилетний цикл застоя, процветания, перепроизводства и кризиса, постоянно повторяющийся с 1826 г. по 1867 г., кажется, действительно завершил свой путь, но лишь затем, чтобы повергнуть нас в трясину безнадежности перманентной и хронической депрессии. Столь страстно ожидаемый период процветания не хочет наступать. Как только мы начинаем замечать симптомы, как будто свидетельствующие о его приближении, симптомы эти тотчас же опять исчезают. Между тем, каждая наступающая зима все снова ставит перед нами великий вопрос: «Что делать с безработными?» И несмотря на то, что число безработных с каждым годом растет, никто не может ответить на этот вопрос, и мы почти можем вычислить тот момент, когда безработные, потеряв терпение, возьмут свою судьбу в собственные руки⁴⁸.

Однако в итоге оказалось, что процветание пришло в Англию гораздо раньше пролетарской революции.

Так или иначе, недопотребление — это совершенно ложная концепция вне зависимости от того, используется она для объяснения периодических кризисов или перманентной депрессии. Прежде всего, сбережения не «утекают» из экономики; они расходуются на жизненно важные вложения в ресурсы и средства производства. Что еще важнее, как и в любой нелепой теории, из общей картины совершенно выпадает система цен,

и мы остаемся с такими монструозными агрегированными явлениями, как «производство» и «потребление», которые противостоят друг другу. Но феномена перепроизводства попросту не существует; бывает лишь производство, чрезмерное для той *цены*, которую готовы платить потребители и которая во время кризисов не покрывает издержек производителя. Но если мы признаем *это*, мы должны тогда понимать: чтобы уравновесить производство и потребление и ликвидировать проблему превышения предложения (или запасов) над спросом, нужно всего лишь позволить ценам снизиться. Как только это произойдет, предложение и спрос быстро уравновесятся, и убытки бизнеса окажутся лишь временными. На этой стадии аналитик должен задаться следующим вопросом: почему бизнесмены — предприниматели, в целом способные почти безошибочно прогнозировать спрос и цены, — на сей раз повысили цены столь сильно, что терпят убытки, пытаясь продать продукт? Иными словами, почему бизнесмены сильно ошиблись в прогнозах, что обнаруживается в период экономического кризиса? Ни один из этих вопросов, конечно, не поднимается ни Марксом, ни другими сторонниками теории недопотребления, которые не дают себе труда принять в расчет ценовую систему. Кроме того, Маркс, подобно Смиту и Рикардо до него, не знает такого понятия, как предприниматель или функция предпринимательства.

Наконец, хорошо известно, что кризисы — вопреки тому, что внушает нам теория недопотребления, — неизменно начинаются не в отраслях, производящих потребительские товары, а в отраслях, производящих средства производства, и как раз в тех, которые дальше всего от конечного потребителя. Реальная проблема — если ставить ее правильно — заключается не в *слишком малом*, а в *слишком большом* потреблении⁴⁹.

13.5.2. Снижение нормы прибыли

Вторая теория кризисов, хорошо заметная в третьем томе «Капитала», основана на марксистской концепции снижения нормы прибыли. Неукротимое стремление капиталистов к накоплению создает устойчивую тенденцию снижения нормы прибыли. В конце концов, когда прибыль падает ниже «определенного уровня», рост капитала прекращается и начинается экономический кризис. Точно так же, как капитализм приводит к перепроизводству товаров сравнительно с потреблением, он создает чрезмерное накопление капитала. Прекращение капиталовложений приводит к рецессии в отраслях, производящих средства производства, а эта рецессия затем перерастает в общую депрессию.

Хотя второе объяснение экономических кризисов имеет по крайней мере то достоинство, что называет причиной не потребление, а отрасли, производящие средства производства, это все же мало помогает. Прежде всего, снижение нормы прибыли вновь выступает как закон очень долгосрочного упадка. Но почему оно должно приводить к *кон-*

кретному экономическому коллапсу и тем более к циклическим сериям бумов и спадов? Даже если норма прибыли снижается, почему бизнес должен прекращать капиталовложения — и к тому же внезапно? Какими средствами можно установить этот неожиданно возникающий, конечный поворотный пункт? Кроме того, даже если норма прибыли снижается, предположительно возрастающая масса сбереженного капитала вполне может увеличивать *абсолютный объем* совокупной прибыли; таким образом, даже несмотря на снижение *уровня* прибыли, ничто не препятствует дальнейшему значительному вложению капитала.

Далее, если бы Маркс даже смог указать, где находится тот конечный поворотный пункт, за которым следует резкий крах, то почему после этого должно наступать *восстановление*? Вот особенно уязвимое место концепции Маркса: в период кризиса происходит резкое *сокращение* капитала, капитальный знаменатель уменьшается, а норма прибыли по отношению ко всему вложенному капиталу соответственно возрастает. Этот процесс может вновь увеличить инвестиции и создать очередной бум. Однако очень мала вероятность того, что депрессия будет настолько сильной, что поглотит капитал и *вместе с тем* поднимет норму прибыли выше, чем предполагает постоянная тенденция падения нормы прибыли. И даже если начнется восстановление, почему за ним должен последовать мощный бум?

Наконец, Маркс и Энгельс никак не объясняют, почему эти циклы или депрессии должны становиться все более интенсивными, все более широкими и глубокими, почему должны в конечном счете привести к перманентной депрессии и революции.

В общем и целом, объяснение циклическости снижением нормы прибыли является на редкость туманным и неубедительным.

13.5.3. Непропорциональность

Если говорить о концепции «непропорциональности», то мы, или скорее сам Маркс, по сути, возвращаемся к тому, с чего начали: к коммунизму, к желанию упразднить рынок и разделение труда. К рассуждениям на эту тему в «Капитале» и «Теориях прибавочной ценности» Маркс добавляет соображение, что кризисы неизбежно проистекают из рыночных процессов. С его точки зрения, эта проблема органически присуща рыночной экономике, и особенно экономике денежной, экономике непрямого обмена. Поскольку рынок якобы не имеет никакого координирующего механизма, производство и обмен, считал Маркс, хаотичны, не согласованы и находятся в состоянии, которое он называл «анархией производства». Бобер резюмирует Маркса так:

Эта теория обращает внимание на нестыковки и диспропорции, доведенные до анархии конкуренции, на ошибочные, нескоординиро-

ванные действия множества индивидуальных капиталистов, на сложность множества элементов, которые должны сочетаться друг с другом в этом невероятно сложном мире, и если совмещаются не по сознательному замыслу, то делают это лишь по чистой случайности; это сравнимо с капризами ветра и погоды⁵⁰.

Марксу было что возразить рикардianцам, представителям британской классической политэкономии его времени. Мир действительно не предается неге в идеальном состоянии долгосрочного равновесия. Но Маркс проглядел именно то, чего не пожелали заметить и последователи Рикардо: если бы они перевели взор со сказочного мира постоянной уравновешенности и взглянули на реальный мир рыночной экономики, перед ними предстала бы совсем иная картина. Они увидели бы то, что поняли Тюрго, французы, итальянцы и схоласты: реальный рыночный мир далек от совершенства, но тем не менее гармонично и динамично координируется двумя важнейшими элементами — ценовой системой, гибкость которой позволяет выравнивать колеблющиеся величины предложения и спроса, и предпринимателями, которые тоже выполняют задачу координации в силу постоянного стремления повышать прибыль и избегать убытков. Сосредоточив внимание на долгосрочном равновесии, представители британской классической политэкономии устранили и ценовую систему реального мира, и важнейшую роль предпринимателей в рыночной экономике, а именно способность успешно предвидеть перемены в изменчивом и непостоянном мире. Если же нет ценовой системы для обмена прав собственности на товары и услуги и нет капиталистов-предпринимателей, тогда производство, конечно, находится в состоянии «анархии».

Маркс считал также, что нескоординированность может приводить к чрезмерному накоплению капитала, и связал эту тему с предшествующим вариантом, снижением нормы прибыли, в попытке объяснить циклы и кризисы. Впоследствии некоторые экономисты, в частности русский марксист Туган-Барановский, разработали на основе этих тезисов объяснение экономических циклов, которое было названо «теорией избыточных неденежных инвестиций»⁵¹.

Маркс сознавал, что значительную роль в циклах и кризисах играет денежная и кредитная система. Кредит важен для централизации капитала: он поощряет спекуляцию, усиливает кризис и убыстряет перепроизводство. Но признать банковский кредит первопричиной цикла Маркс не мог: это противоречило бы его стремлению свалить вину за циклы и кризисы на силы, неотъемлемо присущие капиталистической рыночной экономике. Поэтому он считал необходимым отвергнуть любое возможное заявление денежной школы о первичной каузальной роли банковского кредита. «Поверхностность политической экономии, — пишет он в «Капитале», — проявляется в том факте, что она рассматривает расширение и сжатие кредита, которое является всего лишь симптомом периодических перемен в промышленном цикле, как причину этих перемен»⁵².

Несмотря на нескрываемое презрение к Джону Стюарту Миллю, Маркс поневоле перешел на позицию фактического сторонника теории экономических циклов банковской школы Милля—Тука⁵³. Как мы видели, представители денежной школы сами были вынуждены присоединиться к этой позиции после явно неудачной попытки искоренить экономические циклы с помощью Банковского акта Пиля 1844 г. В то время как все теоретики, мыслившие категориями банковской школы, были вынуждены признать, что наращивание денежной массы и кредита становилось необходимым условием циклических бумов, все они заявляли, что кредитные циклы были всего лишь пассивными отголосками неденежных циклов «чрезмерной» или «недостаточной» торговли или «спекуляции». Таким образом, неденежная теория циклов Милля проникла в ряды экономистов и побудила их, в том числе и Маркса, обвинять в повторении экономических циклов капиталистическую экономику. А позиция исчезнувшей денежной школы, понимание того, что деньги и кредит являются *необходимым условием* или даже *причиной*, — все это было максимально близко к истине. Первоначальное убеждение, что расширение банковского кредитования искажает сигналы, идущие от рынка к предпринимателям, и тем самым создает цикл бум—кризис, оставалось в забвении до тех пор, пока в 1912 г. его не открыл или переоткрыл Людвиг фон Мизес.

13.6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ: СИСТЕМА МАРКСА

Итак, на взгляд поверхностного наблюдателя, Карл Маркс создал то, что представляется впечатляющей, целостной системой, которая объясняет экономику, мировую историю и даже процессы мироздания. На деле, однако, он создал настоящий клубок заблуждений. Каждая узловая точка его теории непоправимо ошибочна, а «оболочка» (если воспользоваться подлинным марксистским термином) этой теории тоже представляет собой скопище заблуждений. Система Маркса рухнула и лежит в руинах; «оболочка» марксистской теории «прорвалась» гораздо раньше, чем, по предсказанию Маркса, должен был произойти «крах» капиталистической системы. Это творение отнюдь не было системой «научных» законов; напротив, оно представляло собой сколоченную на скорую руку шаткую конструкцию, призванную послужить отчаянной, фанатичной и мессианской жажде упразднить разделение труда, ликвидировать человеческую индивидуальность, создать якобы окончательный и неотвратимый коллективистский мировой порядок — атеизированный вариант почтенной христианской ереси.

В 1960-е гг. мессиански и романтически настроенные марксисты предпочитали резко отделять раннего Маркса, приятного, идеалистического «гуманиста», от позднего Маркса — неприятного, жесткого, протосталинистского «экономиста». Сегодня мы знаем, что для такого разграниче-

ния нет ни малейших оснований. С тех пор как в 1840-х гг. Маркс создал марксизм, был только один Маркс, будь то ранний или поздний. Есть веские основания считать, что Маркс оставался одним и тем же на протяжении всей сознательной жизни — с тех самых пор, когда он в период берлинской учебы писал безумные юношеские стихи, призывавшие ко всеобщему разрушению. На самом деле «человеколюбивый» Маркс никак не извиняет позднейшего «экономиста» — как раз наоборот. Все ипостаси Маркса пропитаны одной и той же, фанатичной и разрушительной, мессианской верой в коммунизм. Можно с полным основанием считать все известные преступления коммунистов XX в. — Ленина, Сталина, Мао и Пол Пота — логическим продолжением и воплощением сложившегося в XIX в. мировоззрения их наставника, Карла Маркса.

13.7. ПРИМЕЧАНИЯ

1. Karl Marx, *Capital*, Vol. I (New York: International Publishers, 1967), p. 37 <Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : 2-е изд. Т. 23. С. 45>.
2. Ibid., I, p. 39 <Там же. С. 47>.
3. Cp.: David Conway, *A Farewell to Marx: An Outline and Appraisal of His Theories* (Harmondsworth, Mddx: Penguin Books, 1987), pp. 83—89.
4. Впоследствии Бём-Баверк укажет, что, даже если мы примем такой подход с точки зрения производственных затрат, мы должны будем учесть, что капитал включает в себя не только труд и землю, но и *время*. Землю, как мы увидим ниже, Маркс исключил из отдельного рассмотрения и слил с капиталом; но если время должно считаться важным фактором, тогда следует признать временное предпочтение, и вся марксистская система рухнет.
5. «Постоянный» — поскольку, согласно Марксу, основной капитал, будучи мертвым грузом, не может создавать прибыль, или увеличенную ценность.
6. Профессор Конвэй точно резюмирует точку зрения Маркса: «Рабочему в пересчете на день платят сумму, равную ценности его однодневной рабочей силы. Поскольку ценность однодневной рабочей силы равна количеству труда, необходимого для производства этой однодневной рабочей силы, отсюда следует, что ценность однодневной рабочей силы равна количеству труда, необходимого для создания средств к существованию, которые рабочий потребляет за один день» (Conway, op. cit., note 3, pp. 96—97).
7. В предыдущем абзаце «Манифеста» Маркс и Энгельс писали: «Цена товара, а потому также и труда [впоследствии заменено на «рабочую силу»], равна затратам на производство». Кроме того, «стоимость произведенного рабочим продукта почти без остатка сводится к средствам, необходимым для поддержания его существования и продолжения его рода». См.: Robert C. Tucker (ed.), *The Marx-Engels Reader* (2nd ed., New York: W.W. Norton, 1972), pp. 479, 485.
8. О зависимости системы Маркса от железного закона заработной платы см.: Ludwig von Mises, 'The Marxian Theory of Wage Rates', in Eugen von Böhm-Bawerk, *The Exploitation Theory of Socialism-Communism* (3rd ed., South Holland, Ill.: Libertarian Press, 1975), pp. 147—151. Статья фон Мизеса

- первоначально опубликована в: *Christian Economics*, May 1961. Как отмечает Мизес, Марксу не нравился термин «железный закон заработной платы», поскольку его предложил Фердинанд Лассаль (1825—1864), крупнейший соперник Маркса среди немецких социалистов; однако *сама концепция* Марксу была положительно необходима.
9. Eugen von Böhm-Bawerk, *Capital and Interest* (London: Macmillan, 1890), p. 390 <Ротбард цитирует перевод с первого немецкого издания сочинения Бём-Баверка «Капитал и процент. Т. 1: История и критика теорий процента» 1889 года. Русский перевод, впервые опубликованный в 1909 г. и переизданный в 2009 г. сделан со второго немецкого издания 1900 года, в котором этот фрагмент уже отсутствует. См.: Бём-Баверк О. Избранные труды о ценности, проценте и капитале. М.: Эксмо, 2009>.
 10. Eugen von Böhm-Bawerk, *Karl Marx and the Close of His System* (New York: A. M. Kelley, 1949), p. 5 <Бём-Баверк О. К завершению марксистской системы // Бём-Баверк О. Критика теории Маркса. М.; Челябинск: Социум, 2019. С. 11>.
 11. Ibid., pp. 5—6 <Там же. С. 11—12>. В числе «конкурсантов» были известный немецкий статистик Вильгельм Лексис (1885), марксист Конрад Шмидт (1889, 1892—1893), итальянский марксист Акилле Лориа (1890), сторонник *laissez faire* либерал Юлиус Вольф (1891) и в 1894 г. ряд итальянских экономистов.
 12. Как мы уже отмечали при анализе концепции класса, смерть настигла Маркса отнюдь не в разгар работы над «Капиталом». Он забросил свой magnum opus после выхода первого тома и полтора десятка лет вводил в заблуждение своего друга и спонсора, уверяя его, что продолжает работать над «Капиталом».
 13. Впервые опубликована под названием «Zum Abschluss des Marxschen Systems» в сборнике: *Festschrift für Karl Knies* (1896), а затем как отдельная брошюра в том же году. Она быстро приобрела известность, в 1897 г. была переведена на русский язык, а в 1898 г. вышел английский перевод. <См.: Бём-Баверк О. К завершению марксистской системы // Бём-Баверк О. Критика теории Маркса. М.; Челябинск: Социум, 2017. С. 7—130.>
 14. Paul M. Sweezy, 'Professor Cole's *History of Socialist Thought*', *American Economic Review*, 47 (1957), p. 990. Цит. по: Gary North, *Marx's Religion of Revolution* (Nutley, NJ: The Craig Press, 1968), p. 153. Суизи также утверждал, что русский экономист Владислав Борткевич опроверг критику Бём-Баверка, но Самуэльсон показал, что позиция Борткевича была гораздо ближе к Бём-Баверку, чем к Марксу. См.: Paul Samuelson, 'Wages and Interest: A Modern Discussion of Marxian Economic Models', *American Economic Review*, 47 (1957), pp. 890—892.
 15. Gray, op. cit., note 8, p. 319.
 16. См.: Ludwig von Mises, *Notes and Recollections* (South Holland, Ill.: Libertarian Press, 1978), pp. 39—40.
 17. Детальная критика недавних попыток группы «аналитических марксистов» отбросить трудовую теорию ценности и при этом сохранить марксизм содержится в работе: David Gordon, *Resurrecting Marx* (New Brunswick, NJ.: Transaction Books, 1990).
 18. Соуэлл заявляет это на с. 153 издания: London: Lawrence and Wishart. Он даже доходит до совершенно нелепого утверждения, будто Маркс вообще не верил в трудовую теорию ценности. См.: Thomas Sowell, *Marxism: Philosophy*

- and Economics*: (London: Unwin Paperbacks, 1986), pp. 3—5, et passim. Прекрасная и разгромная рецензия на книгу Соуэлла: David Ramsay Steele, 'Review of Thomas Sowell, *Marxism: Philosophy and Economics*', *International Philosophical Quarterly*, 26 (June 1986), pp. 201—203.
19. Böhm-Bawerk, op. cit., note 10, p. 30 <Бём-Баверк О. К завершению марксистской системы // Бём-Баверк О. Критика теории Маркса. М.; Челябинск: Социум, 2019. С. 37>. См. также: Gray, op. cit., note 8, p. 317.
 20. Gray, op. cit., note 8, pp. 321—322.
 21. Реальная заработная плата, естественно, останется на уровне прожиточного минимума.
 22. Земельный вопрос Маркса, естественно, не интересовал, поскольку значение земли снижалось с исчезновением «феодалных» пережитков и развитием капитализма. Кроме того, поскольку Маркс хотел получить двуклассовую модель, капиталисты/пролетариат, он просто включил землю в понятие «капитал».
 23. Концепция Ленина основывается на утверждении, что государственный монополистический капитализм и империализм появились позже свободного, неимпериалистического капитализма, преобладавшего при жизни Маркса. Однако империализм — нападение одних племен или государств на другие с целью их захвата или ограбления — существовал с незапамятных времен, а государственный монополистический капитализм является в лучшем случае ровесником эпохи меркантилизма.
 24. Marx, op. cit., note 1, I, p. 595 <Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : 2-е изд. Т. 23. С. 608>.
 25. Tucker, op. cit., note 7, p. 213.
 26. Так, в первом томе «Капитала» он писал: «...рост минимальной суммы капитала, необходимого для отдельного капиталиста, или растущее превращение общественных жизненных средств и средств производства в капитал есть закон, возникающий из самого технического характера мануфактуры», а «развитие капиталистического производства делает постоянное возрастание вложенного в промышленное предприятие капитала необходимостью». См.: Conway, op. cit., note 3, pp. 126—127 <русский текст приводится по изданию: Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : 2-е изд. Т. 23. С. 372, 606>.
 27. Яркое тому подтверждение — компьютерная отрасль. Что касается ксерокопирования и технологии фотографирования «поляроид», то эти новшества, положившие начало самостоятельным отраслям, тоже были холодно встречены и не оценены по достоинству признанными грандами фотографической промышленности. Об этих и других примерах из докомпьютерной эпохи, см.: John Jewkes, David Sawers, and Richard Stillerman, *The Sources of Invention* (1959, 2nd ed., New York: Norton, 1968).
 28. О волне слияний на рубеже столетий и ее спаде см.: Gabriel Kolko, *The Triumph of Conservatism: A Reinterpretation of American History, 1900—1916* (Glencoe, Ill.: The Free Press, 1963); Arthur S. Dewing, *Corporate Promotion and Reorganizations* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1924); idem., *The Financial Policy of Corporations* (5th ed., New York: Ronald Press, 1953), 2 vols; Naomi R. Lamoreaux, *The Great Merger Movement in American Business, 1895—1904* (New York: Cambridge University Press, 1985).

29. К сожалению, профессор Конвэй, чья книга о марксизме в целом хороша, некритически принимает утверждение Маркса о том, что в каждой отрасли будут доминировать гигантские фирмы: Conway, *op. cit.*, note 3, p. 128.
30. По образному выражению Маркса, централизация капитала состоит в «экспроприации многих капиталистов немногими» или, по еще более хлесткому выражению, «один капиталист всегда побивает многих», см.: Marx, *op. cit.*, note 1, I, p. 763 <Маркс. Указ. соч. С. 772. В английском переводе вместо «побивает» (*нем. schlagen*) стоит «kills» («убивает») >.
31. Цит. по: Ludwig von Mises, *Socialism: An Economic and Sociological Analysis* (4th ed., Indianapolis: Liberty Classics, 1981), pp. 362 <Мизес Л. фон. Социализм: экономический и социологический анализ. М.; Челябинск: Социум, 2018. С. 320>.
32. *Ibid.* <Там же.>
33. Marx, *op. cit.*, note 1, I, p. 763 <Маркс. Указ. соч. С. 773>.
34. Так, Маркс пишет в «Капитале»: «Чем больше общественное богатство, функционирующий капитал, размеры и энергия его возрастания, а следовательно, чем больше абсолютная величина пролетариата и производительная сила его труда, тем больше промышленная резервная армия. Свободная рабочая сила развивается вследствие тех же причин, как и сила расширения капитала. Следовательно, относительная величина промышленной резервной армии возрастает вместе с возрастанием сил богатства. Но чем больше эта резервная армия по сравнению с активной рабочей армией, тем обширнее постоянное перенаселение, нищета которого прямо пропорциональна мукам труда активной рабочей армии. Наконец, чем больше нищенские слои рабочего класса и промышленная резервная армия, тем больше официальный пауперизм. Это — абсолютный, всеобщий закон капиталистического накопления» (курсив Маркса. — М. Р.; Marx, *op. cit.*, note 1, I, p. 664) <Маркс. Указ. соч. С. 659>.
35. Мизес указывает, что Маркс пытался доказать неизбежность социализма «с помощью своего знаменитого предсказания, согласно которому капитализм неотвратимо и безостановочно порождает прогрессирующее обнищание масс наемных рабочих. Чем больше развивается капитализм, говорит Маркс, тем сильнее возрастает масса нищеты, угнетения, рабства, вырождения, эксплуатации. С “прогрессом производства” рабочий “опускается все ниже и ниже”, и когда страдания становятся нестерпимыми, эксплуатируемые массы восстают и устанавливают вечное счастье социализма». Однако, указывает Мизес, этот ключевой довод «противоречит всей марксистской теории детерминированности заработной платы... Эта теория утверждает, что при капитализме заработная плата всегда и непременно столь низка, что капиталисты по чисто физиологическим соображениям не могут опустить ее еще ниже, не рискуя извести весь класс наемных работников. Но как в таком случае капитализм может порождать прогрессирующее обнищание этих работников? Предсказав прогрессирующее обнищание масс, Маркс впал в противоречие с основными положениями собственной теории» (Mises, *op. cit.*, note 8, pp. 150—151).
36. В своей на редкость неистовой и неубедительной апологии марксизма профессор Соуэлл пытается выгащить Маркса из паутины противоречий следующим способом: он просто отрицает обе части — и марксистскую приверженность железному закону заработной платы, и прогрессирующее обнищание

рабочего класса. По первому пункту Соуэлл ссылается на антилассалевские высказывания Энгельса и переписку Маркса и Энгельса, а затем выводит из этого потрясающее оригинальное определение «средств к существованию», которые представляют собой не прожиточный минимум в прямом смысле, а повышающийся уровень жизни! Что касается прогрессирующего обнищания, то он объявляет его концепцией раннего Маркса времен «Манифеста Коммунистической партии», отвергнутой зрелым Марксом в «Капитале», и ищет поддержку у Рональда Мика, экономиста марксистско-ленинского толка. Чтобы отстоять свое явно неверное толкование Маркса, Соуэлл объявляет те места «Капитала», где недвусмысленно говорится об обнищании (одно из таких мест мы привели выше), «мрачными» замечаниями, которые относятся только к определенным группам рабочих, и полностью игнорирует заключительное пророчество из предпоследней главы первого тома «Капитала» (см.: Sowell, op. cit., note 18, pp. 128—131). Тему обнищания Маркс также затронул в своем докладе «Заработная плата, цена и прибыль» (1865). См.: North, op. cit., note 14, pp. 140—141.

37. «Вследствие возрастающего применения машин и разделения труда... рабочий становится простым придатком машины, от него требуются только самые простые, самые однообразные, легче всего усваиваемые приемы. Издержки на рабочего сводятся поэтому почти исключительно к жизненным средствам, необходимым для его содержания и продолжения его рода» (Tucker, op. cit., note 7, p. 479 <Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : 2-е изд. Т. 18. С. 29>).
38. Schumpeter, *History of Economic Analysis* (New York: Oxford University Press, 1954), p. 686n <См.: Шумпетер Й. История экономического анализа : в 3 т. М.: Экономическая школа, 2001. Т. 2. С. 903сн.>. Многие марксисты, во всяком случае, утверждали, что уровень жизни английских рабочих падал с наступлением Промышленной революции, т.е., скажем, с середины или с конца XVIII в. до середины XIX в. Однако это утверждение марксистов было опровергнуто в работах Р. М. Хартуэлла и других исследователей.
39. См.: Conway, op. cit., note 3, p. 132.
40. Шумпетер, обычно оценивающий Маркса излишне сдержанно, откровенно насмехается над сторонниками концепции относительного обнищания: «Есть и такие интерпретаторы, которые пытались объяснить, что закон Маркса предполагает лишь относительное обнищание, т.е. падение относительной доли живого труда, но эта интерпретация не только несостоятельна, но к тому же нарушает смысл закона Маркса» (Schumpeter, op. cit., note 38, p. 686n <Шумпетер. Указ. соч. С. 903сн>). Об абсолютном обнищании см. также: M. M. Vober, *Karl Marx's Interpretation of History* (2nd ed., Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1948), pp. 213—221.
41. См.: Mises, op. cit., note 31, pp. 381—384 <Мизес. Указ. соч. С. 336—339>. По этому поводу Мизес замечает, что сила зависти определяется дистанцией между завистником и тем, кому он завидует. Если дистанция велика, сравнений быть не может и чувство зависти не возникает. Чем меньше дистанция, тем сильнее зависть, и если зависть рабочих все сильнее, значит неравенство в распределении доходов *сокращается*. Растущая «завистливость» есть свидетельство того, что положение классов *сближается*.
42. См.: Conway, op. cit., note 3, p. 133.

43. См.: Gottfried Haberler, "Marxist Economics in Retrospect and Prospect", in M. Drachkovitch (ed.), *Marxist Ideology in the Contemporary World — Its Appeals and Paradoxes* (Hoover Institution, New York: Praeger, 1966), pp. 118, 183.
44. «Концепция недопотребления, если судить по количеству уделенного ей места и особенно по частоте ее упоминания как в ранних, так и в поздних работах Маркса и Энгельса, явно преобладает по сравнению с другими концепциями» (Bober, *op. cit.*, note 40, p. 232). Этому автору мы обязаны классическим анализом марксистских теорий циклов, см.: *Ibid.*, pp. 232—257.
45. Так, в «Теориях прибавочной стоимости» Маркс пишет: «Что касается специально перепроизводства, то оно имеет своим условием всеобщий закон производства капитала... с другой стороны, у массы производителей спрос ограничивается и, в соответствии с природой капиталистического производства, вынужден ограничиваться средним уровнем потребностей». См.: Bober, *op. cit.*, note 40, p. 240 <русский текст приводится по изданию: *Маркс К. Теории прибавочной стоимости. Ч. 2 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : 2-е изд. Т. 26. Ч. 2. С. 594*>. См. также: Tucker, *op. cit.*, note 7, pp. 443—465. Примечательно, что в хрестоматии Такера тексты из XVII главы «Теорий прибавочной стоимости», посвященные недопотреблению, являются единственной иллюстрацией теории экономических кризисов. Во вступительных пояснениях к этой подборке текстов профессор Томас Фергюсон после утверждения, что Маркс, как ни странно, «не оставил связного изложения своих представлений о кризисах», тем не менее добавляет, что в XVII главе «Теорий» «содержатся лучшие и наиболее систематические рассуждения Маркса об экономических кризисах» (Tucker, p. 443).
46. Как ни удивительно, Соуэлл утверждает, что у Маркса нет никаких следов теории недопотребления, а те, кто приписывает ему такую теорию, цитируют друг друга, а не Маркса. Он явно не подозревает о существовании образцовой работы Бобера. См.: Sowell, *op. cit.*, note 18, pp. 78—79, 85—88.
47. Маркс и Энгельс также ощущали потребность как можно больше отмежеваться от теории безоговорочного недопотребления, поскольку яркими сторонниками именно такой теории были два их крупных немецких соперника и оппонента. Речь идет о прусском аристократе и стороннике теории государственного социализма Иоганне Карле Родбертусе (1805—1875) и приват-доценте Берлинского университета и социальном реформаторе Карле Ойгене Дюринге (1833—1921).
48. Engels, Preface to the English Edition, in Marx, *op. cit.*, note 1, I, p. 6 <Энгельс Ф. Предисловие к английскому изданию // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : 2-е изд. Т. 23. С. 33—34*>.
49. Дополнительные критические аргументы в адрес теории недопотребления см. в: Murray N. Rothbard, *America's Great Depression* (4th ed., New York: Richardson & Snyder, 1983), pp. 55—58 <Ротбард М. Великая депрессия в Америке. М.; Челябинск: Социум, 2019. С. 116—121>.
50. Bober, *op. cit.*, note 40, pp. 251—252.
51. Строго говоря, Михаил Иванович Туган-Барановский (1865—1919) был украинцем; он учился в Санкт-Петербурге и впервые представил свою теорию экономических циклов в магистерской диссертации «Промышленные кризисы в современной Англии», опубликованной в 1894 г. До 1917 г. Туган-Баранов-

ский преподавал политическую экономию в Санкт-Петербурге, а затем стал министром финансов Украинской народной республики. В 1918 г. он возглавил социэкономическое отделение Украинской академии наук и созданный им Институт изучения экономических циклов. В начале 1919 г. он был экономическим советником украинской делегации на Версальской конференции. См.: Sergio Amato, 'Tugan-Baranowsky...', in I. S. Koropeckyj (ed.), *Selected Contributions of Ukrainian Scholars to Economics* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1984), pp. 1—59. О теории избыточных неденежных инвестиций см.: Gottfried Haberler, *Prosperity and Depression* (4th ed., Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1958), pp. 72—85 <Хаберлер Г. Процветание и депрессия: теоретический анализ циклических колебаний. М.; Челябинск: Социум, 2016. С. 72—81>. Амато утверждает, что немецкий экономист Артур Шпитгоф (1873—1957), предложивший в 1902—1903 гг. свою версию теории циклов, заимствовал ее из немецкого перевода работы Туган-Барановского, а потом выдал за собственную оригинальную разработку. См.: Amato, 'Tugan-Baranowsky...', p. 6.

52. См.: Vober, op. cit., note 40, p. 275. Соуэлл, напротив, утверждает, что единственной причиной экономических циклов Маркс считал деньги и кредит. См.: Sowell, op. cit., note 18, pp. 92—95.

438

53. Действительно, вся денежная теория Маркса испытала глубокое влияние Томаса Тука и банковской школы. Маркс, как и Тук, считал, что изменение уровня цен является причиной изменения количества денег, а не наоборот и что дефицит платежного баланса зависит от реальных, а не от денежных факторов. Таким образом, в своей теории денег и их влияния Маркс был противоположен Рикардо. См.: Arie Arnon, 'Marx's Theory of Money: the Formative Years', *History of Political Economy*, 16 (Winter 1984), pp. 560—575.

ГЛАВА 14

ПОСЛЕ МИЛЛЯ: БАСТИА И ФРАНЦУЗСКАЯ ТРАДИЦИЯ LAISSEZ FAIRE

14.1. ФРАНЦУЗСКАЯ ШКОЛА LAISSEZ FAIRE

441

Покорив британскую экономическую науку опубликованным в 1848 г. трактатом «Основы политической экономии», Джон Стюарт Милль по меньшей мере четверть столетия оказывал нездоровое влияние на британскую экономическую мысль. Достаточно сказать, что субъективистская (или, в тривиализованном варианте, «маржиналистская») революция против Милля, которую в 1870-х гг. поднял Джевонс, полностью провалилась в Великобритании. Нездоровая атмосфера, созданная нечеткой и непоследовательной позицией Милля, позволяла совмещать такие вещи, как трудовая (или по крайней мере основанная на производственных издержках) теория ценности, методология позитивизма, смягченная путаным индуктивизмом, индивидуализм, приправленный органицизмом, широкое и не вполне определенное предпочтение свободного рынка, легко отступающее почти перед любым возражением, особенно перед лицом предполагаемой способности профсоюзов добиться общего повышения заработной платы или перед лицом мнимого нравственного превосходства социализма. Кратко говоря, Миллю удалось хитро и умело преподнести себя одновременно святым покровителем как *laissez faire*, так и практически любых возражений против этого принципа — иными словами, как выразителя британского идеала статус-кво, каков он был тогда или каким мог бы стать. Вместе с тем для нынешних леволиберальных интеллектуалов Милль стал любимым лабораторным чучелом сторонника *laissez faire*, всегда готового пойти на непомерные уступки своим современным леволиберальным оппонентам. Современный леволиберальный интеллектуал всегда может, торжествуя, заявить: «Видите, даже *сам Милль* допускает...», — и считать себя победителем благодаря обращению к этому несравненному авторитету.

А в денежных и банковских вопросах Милль оставался великим гуру именно в силу состояния вещей, которое сложилось после Банковского акта Пия 1844 г. и продолжалось вплоть до Первой мировой войны: общее предпочтение безусловно отдавалось твердым деньгам в форме золотого стандарта, но этот принцип умело и основательно нарушался Банком Англии, который монопольно контролировал банковскую систему

частичного резервирования, способную быстро раздуть денежную массу и кредит в рамках этой мнимо устойчивой системы.

Хотя в XIX в. (и до конца Второй мировой войны) британская экономическая наука пользовалась наибольшим авторитетом по сравнению с другими национальными экономическими школами, ей все же не удалось установить полную гегемонию над ними. Так, во Франции наследие Ж.-Б. Сэя привело, в прямо противоположном направлении, к формированию традиции субъективной полезности и последовательного проведения принципа *laissez faire*; эта традиция смогла доминировать во французской экономической мысли почти целое столетие. Как мы видели, французское направление *laissez faire* было создано после Реставрации 1815 г. группой вдохновленных Ж.-Б. Сэем блестящих молодых экономистов и социальных мыслителей; ее возглавляли Шарль Дюнуайе и зять Сэя Шарль Конт. Конт умер в среднем возрасте, а Дюнуайе прожил достаточно, чтобы написать трехтомный *magnum opus* «О свободе труда» («*De la liberté du Travail*», 1845) и организовать в 1842 г. ведущее Общество политической экономии, которое много десятилетий проводило ежемесячные заседания; также он основал научный журнал общества «*Journal des Économistes*», начавший выходить за несколько месяцев до создания общества. С тех пор вплоть до Первой мировой войны обильные ряды прекрасных и продуктивных экономистов занимали во Франции главные университетские должности, издавали и наполняли статьями многочисленные научные журналы, организовывали встречи и конференции, неустанно писали и читали лекции о гармонии интересов и всеобщем процветании благодаря свободному рынку, свободной торговле и *laissez faire*. Примечательно, что как минимум три поколения французских экономистов были воспитаны и обучены в духе этой традиции *laissez faire*. Несмотря на частую смену моды и вкусов, несмотря на огромные искушения со стороны этатизма и особых привилегий, французские экономисты на протяжении почти целого столетия не отступали от своих убеждений, оставались стойкими приверженцами *laissez faire* и противниками государственного вмешательства и особых привилегий.

Здесь уместно сказать несколько слов о людях, которые участвовали в создании первой в мире экономической энциклопедии «Словарь политической экономии» (*Dictionnaire d'Économie Politique*. Paris: Guillaumin, 1852—1853). Одним из ее редакторов и ее издателем был Жильбер Гийемен (1801—1864), неутомимо издававший в XIX в. многочисленные французские работы, посвященные экономике и *laissez faire*. Еще одним редактором был Шарль Коклен (1805—1852); он сам много написал для этого энциклопедического словаря, но, к сожалению, не дожил до его публикации. Словарь разошелся четырьмя тиражами. Наконец, третьим ведущим участником словаря и секретарем-основателем Общества политической экономии был Жозеф Гарнье (1813—1881); в течение нескольких лет он занимал пост главного редактора «*Journal des Économistes*» и написал несколько очень успешных пособий по экономике,

в том числе «Основы политической экономии» («*Éléments d'économie politique*», 1845, много изданий) и «Основы финансов» («*Éléments des Finances*», 1858, много изданий).

Французские сторонники *laissez faire* были первопроходцами не только в области экономических энциклопедий, но и в изучении истории дисциплины. Первой историей экономической мысли стала «История политической экономии в Европе» («*Histoire de l'économie politique en Europe*», 1837, 4-е изд. — 1860; англ. пер. — 1880). Книгу написал Жером-Адольф Бланки (1798—1854); он изучал политическую экономию у Сэя и сменил его на посту профессора. Много лет Бланки занимал должность главного редактора «*Journal des Économistes*». У Бланки учился Жозеф Гарнье. Бланки был зятем Мишеля Шевалье (1806—1879). Инженер и в молодости последователь Сен-Симона, Шевалье стал либералом, исповедовавшим *laissez faire*, профессором политической экономии в Коллеж де Франс и опубликовал трехтомный труд «Курс политической экономии» («*Cours d'Économie Politique*», 1842—1850). Кроме того, он был государственным деятелем, обсуждавшим в 1860 г. знаменитое соглашение о свободной торговле между Францией и Англией (Англию представлял великий Ричард Кобден), представлявшее собой кульминацию движения за свободную торговлю и свободный рынок в Европе XIX в. Учеником Шевалье был Анри Бодрийяр (1821—1892); он преподавал политическую экономию в Коллеж де Франс, а опубликованное в 1857 г. его сочинение «Руководство по политической экономии» («*Manuel d'Économie Politique*») выдержало несколько изданий.

Еще одним видным экономистом был Поль Луи Воловский (1810—1876), шурин Мишеля Шевалье. Он родился в Варшаве, в 1834 г. эмигрировал во Францию, основал и много лет издавал журнал «*Revue de législation et jurisprudence*». Имея докторские степени по праву и политической экономии, Воловский занимался банковским делом, состоял на государственной службе, преподавал и много лет поддерживал тесную связь с журналом «*Journal des Économistes*». Племянник Воловского Эмиль Левассер (1828—1911) стал видным историком экономики и преемником Бодрийяра в Коллеж де Франс. Левассеру принадлежит известная работа «История рабочих классов во Франции» («*Histoire des classes ouvrières en France*», 1859); в 1867 г. вышла другая его работа, «*Précis d'Économie Politique*», выдержавшая несколько изданий. Следует отметить, что Воловский и Левассер совместно написали великодушную статью «Собственность» о защите прав собственности для трехтомной «Энциклопедии политических наук» («*Cyclopedia of Political Science*»), изданной Лалором в 1884 г. в Соединенных Штатах.

Достоинным преемником Жерома-Адольфа Бланки как историка экономической мысли во французской школе *laissez faire* был Морис Блок (1816—1911). Он родился в Берлине, переехал во Францию и поначалу работал в статистическом отделе Министерства сельского хозяйства, промышленности и торговли, а на пятом десятке полностью

посвятил себя экономической науке. В течение 44 лет, фактически до самой смерти, Блок работал редактором в «*Annuaire d'économie politique et de la statistique*» («Ежегодник политической экономии и статистики»), а также редактором в изданиях «*Dictionnaire générale de la Politique*» (с 1862 г.) и «*Dictionnaire de l'Administration Française*» (с 1855 г.). Его перу принадлежит несколько важных работ по теории статистики, о социализме, о французских финансах, а также «Малое руководство по политической экономии» («*Petit manuel d'économie politique*»), опубликованное в 1873 г. и выдержавшее несколько изданий. Более 40 лет Блок писал для «*Journal des Économistes*» обзоры о новинках европейской экономической литературы, а венцом его трудов стала обширная двухтомная история экономической мысли «*Развитие экономической науки со времен Адама Смита*» («*Le progress de la science économique depuis Adam Smith*», 1891). В этой работе Блок отдал должное новой австрийской школе, подверг критике историцизм и пренебрежительное отношение к экономическим законам со стороны немецкой исторической школы.

Видное место во французском направлении экономической теории *laissez faire* занимали и три поколения Сэев. Единственный сын Жана-Батиста Сэя Орас-Эмиль Сэй (1794—1860) некоторое время занимался коммерцией в Соединенных Штатах и Бразилии, а в период Второй республики служил судьей по коммерческим делам и государственным советником (1859—1861). Его перу принадлежит работа об истории торговых отношений между Францией и Бразилией. Сын Ораса Сэя Жан-Батист Леон Сэй (1826—1896), стал видным государственным деятелем и был привержен идеям свободной торговли и *laissez faire*. Он написал много статей для «*Journal des Économistes*», был владельцем родственного последнему по духу журнала «*Journal des Débats*», а в 1872—1879 гг. и в 1882 г. занимал пост министра финансов. В 1882 г. он был также председателем французского сената. В 1880 г. Леон Сэй заключил с Англией предварительное соглашение о свободе торговли и успешно противодействовал введению подоходного налога.

Одним из последних пылких и бескомпромиссных сторонников свободного рынка и антиинтервенционистов во французской школе был Ив Гюйо (1843—1928); будучи плодовитым автором, он служил городским советником Парижа (1876—1885) и занимал пост министра общественных работ (1889—1892). В 1909 г. Гюйо сменил почтенного Гюстава де Молилари на посту главного редактора «*Journal des Économistes*».

В XIX в. школа *laissez faire* была настолько влиятельна во Франции, что ее учение проникло в национальную культуру. Популярными писателями и журналистами рассуждали о гармонии интересов, о взаимной выгоде и всеобщем процветании, приносимых свободным рынком. Вероятно, самым простым, вдохновляющим и наглядным можно считать восхваление достижений свободного рынка у популярного французского писателя Эдмона Абу (1828—1885): свои лекции для французских рабочих он свел в книгу «*Руководство по социальной экономии, или Азбука рабочих*»¹.

Однако ясность и простота французских авторов были обращены против них самих английскими экономистами классической школы; эти последние писали туманным, трудным для понимания языком и поэтому стремились выдать стилистическое изящество французов за свидетельство поверхностности их мышления и познаний. Эта традиция была воспроизведена современными историками: их решительно не устраивают сделанные французскими авторами выводы для экономической политики, и это побуждает отвергать все французское направление. В частности, современные историки совершенно несправедливо объявляют французских авторов чистыми популяризаторами, лишенными теоретической глубины.

14.2. ФРЕДЕРИК БАСТИА: ЦЕНТРАЛЬНАЯ ФИГУРА

Особенно пострадал от исторической несправедливости самый известный из французских представителей школы *laissez faire* Фредерик Бастиа (1801—1850), которому с уважением и благодарностью был посвящен двухтомный «Словарь политической экономии» («*Dictionnaire d'Économie Politique*», 1852). Бастиа писал просто прекрасно; его блестящие эссе, памфлеты и притчи и в наши дни остаются великолепным и сокрушительным опровержением протекционизма, а также всех форм государственных субсидий и государственного контроля. Бастиа был ярчайшим адвокатом ничем не ограниченного свободного рынка. Его по справедливости заслуживший славу памфлет «Прощение производителей свечей» до сих пор включается в хрестоматии экономических текстов. В этой сатирической петиции производители свечей просят французский парламент оградить их отрасль, в которой заняты многие тысячи работников, от нечестной, несправедливой и всепроникающей конкуренции постороннего источника света — солнца. Они просят государство закрыть солнечный свет над всей Францией: это протекционистское средство даст работу еще многим миллионам достойных французских свечников.

Памфлет Бастиа о разбитом окне великолепно опроверг кейнсианство почти за столетие до его появления. Здесь Бастиа намечает три уровня экономического анализа. Мальчишка-хулиган бросил камень в витрину булочной. Собираются прохожие, и событие обсуждается на первом уровне, уровне здравого смысла. Здравый смысл сожалеет о погибшей собственности и сочувствует булочнику, которому предстоит потратиться на новое стекло. Но затем, продолжает Бастиа, появляется искушенный аналитик второго уровня, аналитик, которого мы могли бы назвать протокейнсианцем. Кейнсианец говорит: друзья мои, вы не понимаете, что битие стекол — это *на самом деле* экономическое благословение. Ведь булочник, которому придется ремонтировать витрину, своими расходами оживляет экономику, т.е. дает работу стекольщику и его помощникам. Выход из строя имущества побуждает делать расходы, стимулирует тем

самым экономикой и оказывает живительное «мультиплицирующее воздействие» на производство и занятость.

Но затем на сцену выходит сам Бастиа, аналитик третьего уровня, и указывает на прискорбную ошибку деструкционистской протокейнсианской позиции. Этот мнимый умник, говорит Бастиа, сосредоточен на том, «что видно», и игнорирует то, «чего не видно». Он *видит*, что булочнику придется потратить деньги на ремонт и, значит, дать работу стекольщику. Но он не видит другого: возможности самого булочника уменьшились. Если бы он не тратил деньги на ремонт, он мог бы *добавить* их к своему капиталу и повысить уровень жизни любого человека, мог бы нанимать людей, платя им вперед, а не просто поддерживать текущий запас капитала. Или он мог бы потратить деньги на свое собственное потребление, давая работу людям, которые удовлетворяют *эти* потребности.

Таким образом, «настоящий экономист», аналитик третьего уровня, выступает на стороне здравого смысла и отвергает призыв к разрушению, звучащий из уст псевдоэкономиста. Он принимает в расчет и то, что видно, и то, чего не видно. Бастиа, настоящий экономист, — вот кто *действительно* искусственный аналитик².

Кроме того, Фредерик Бастиа был вдумчивым политическим, или политико-экономическим, мыслителем. Критикуя этатизм как паразитический нарост, мешающий рыночным производителям, он называл государство «громадной фикцией, посредством которой все пытаются жить за счет других». А в работе «Закон» (1850) Бастиа утверждал, что действие закона и государства должно быть жестко ограничено защитой личности, свободы и собственности от насилия; все, что выходит за пределы этой роли, будет разрушительным для свободы и процветания.

Бастиа много хвалили как талантливую популяризатора, но систематически поднимали на смех и недооценивали как теоретика. Однако, критикуя классическое смитовское разграничение «производительного» труда (материальных товаров) и «непроизводительного» труда (создание нематериальных услуг), Бастиа внес важный вклад в экономическую теорию. Он показал, что *все* товары, включая материальные, являются производительными и ценятся именно потому, что производят нематериальные услуги. Обмен, пояснял он, это взаимовыгодная купля-продажа таких услуг. Подчеркивая центральную роль нематериальных услуг в производстве и потреблении, Бастиа основывался на тезисе Ж.-Б. Сэя, согласно которому все рыночные ресурсы являются «производительными», а доход, получаемый от производительных факторов, является платой за эту производительность. Использовал он и тезис Шарля Дюнуайе, сформулированный в сочинении «Новый трактат по социальной экономии» («Nouveau traité de l'économie sociale», 1830): «Ценность измеряется предоставляемыми услугами, и продукты обмениваются соответственно качеству заключенных в них услуг»³.

Что, пожалуй, важнее всего, в резком отличии от классической школы Смита—Рикардо, которая делала весь упор на производстве и иг-

норировала главную цель экономической деятельности — потребление, Бастиа, в духе континентальной традиции, вновь подчеркнул, что потребление — главная цель и, следовательно, главная детерминанта экономической деятельности. Собственная триада Бастиа, часто им повторяемая, — «Потребности, Усилия, Удовлетворение», — имеет такой смысл: потребности задают цель экономической деятельности, побуждают прилагать усилия и в итоге получают удовлетворение. Кроме того, Бастиа подчеркивал, что человеческие потребности безграничны и иерархически выстраиваются индивидуумами в их шкалах ценностей⁴.

Отличие от представителей английской классической политэкономии, сосредоточенных на производстве материального богатства, Бастиа (и это тоже очень важно) уделял главное внимание *обмену* и анализу обмена. Именно внимание к обмену побудило Бастиа и французскую школу выделять пути, которыми рынок ведет к уравновешенной и гармоничной организации экономики. А здесь основная роль отводилась *laissez faire*⁵.

Фредерик Бастиа родился в 1801 г. в Байонне, на юго-западе Франции; его отец был землевладельцем и вел значительную торговлю с Испанией. В девять лет Бастиа осиротел, а в 1818 г. поступил на работу в фирму дяди. Через семь лет Бастиа унаследовал имение деда, ушел из фирмы и занялся фермерством. Однако главные его интересы были связаны не с торговлей и сельским хозяйством, а с политической экономией. Бастиа владел английским, итальянским и испанским и читал всю доступную экономическую литературу на этих языках. Если не считать неудачную попытку учредить страховую фирму в Португалии в начале 1840-х гг., членство в окружном совете и необременительную должность местного судьи, Бастиа провел два десятилетия в спокойном чтении и размышлении об экономических проблемах. Самое большое влияние на него оказал Ж.-Б. Сэй, частичное оказали Адам Смит и Дестют де Траси; особое впечатление произвела на него выдержанная в либеральном духе *laissez faire* обширная 4-томная работа Шарля Конта «Трактат о законодательстве» (*Traité de législation*, 1827—1835). Еще в ранней молодости Бастиа подписался на журнал Конта и Дюнуайе «*Le Censeur*», а затем стал другом Дюнуайе и его соратником в борьбе за свободную торговлю.

В ряды пишущих экономистов Бастиа вошел яркой критикой протекционизма во Франции и в Англии; его статья появилась в «*Journal des Économistes*» в конце 1844 г. и произвела настоящий фурор. В начале 1845 г. журнал опубликовал следующую статью, посвященную критике социализма и концепции «права на труд». За немногие оставшиеся ему годы жизни Бастиа написал целую серию ярких и важных работ. Двухтомный сборник «Экономические софизмы» (1845), содержащий остроумные эссе о протекционизме и государственном регулировании, быстро разошелся, выдержал несколько изданий и вскоре был переведен на английский, испанский, итальянский и немецкий языки <а также в 1861 г. на русский>. В том же году Бастиа опубликовал книгу «Кобден и Лига», дань уважения Кобдену и Лиге против хлебных законов; в эту

историю Лиги были включены самые важные речи Кобдена, Брайта и других вождей Лиги.

После учреждения ассоциации свободной торговли в Бордо (1846) Бастиа переехал в Париж, стал писать еще активнее, организовал национальную ассоциацию свободной торговли и стал ее генеральным секретарем. Кроме того, он занял пост главного редактора «*Le Libre-Échange*» («Свободный обмен»), периодического издания Французской ассоциации свободной торговли. Несмотря на ослабевшее здоровье, Бастиа участвовал в революции 1848 г., был избран в конституционное, а затем в законодательное собрание и состоял в нем с 1848 г. до конца жизни.

Большинство историков уделяют заключительной фазе политической карьеры Бастиа неоправданно малое внимание. Будучи ревностным поборником индивидуальной свободы и *laissez faire*, Бастиа в законодательном собрании обычно принадлежал к меньшинству, но пользовался большим влиянием как вице-председатель (а нередко как действующий председатель) финансового комитета законодательного собрания. Он не устанно выступал за снижение государственных расходов и налогов, за твердые деньги и свободную торговлю. Хотя Бастиа был ярким противником социалистических и коммунистических идей, в Парламенте он решил сидеть слева, как сторонник *laissez faire* и республики и как противник протекционизма, абсолютной монархии и воинственной внешней политики. Будучи последовательным гражданским либералом, он выступал против тюремного заключения социалистов, объявления мирных профсоюзов вне закона и введения военного положения. В заслугу Бастиа следует поставить еще и то, что ему удалось обратить из социалиста в сторонника *laissez faire* (пусть и не вполне последовательного) человека, который стал членом временного правительства провозглашенной республики, — выдающегося поэта и оратора Альфонса Мари Луи Ламартина (1790—1869)⁶.

Бастиа безвременно умер в 1850 г., оставив свой двухтомный главный теоретический труд «Экономические гармонии» опубликованным лишь частично; остальное было опубликовано посмертно. Подобающим символическим памятником Бастиа стало то обстоятельство, что его другу Мишелью Шевалье — человеку, которого он приобщил к идеям свободной торговли и *laissez faire*, — довелось вместе с Ричардом Кобденом заключить знаменитое англо-французское соглашение о свободе торговли 1860 г.

С Кобденом Бастиа познакомился летом 1845 г. во время первой поездки в Англию; все отпущенные Бастиа немногие годы он и Кобден оставались близкими друзьями, регулярно переписывались, часто навещали друг друга и испытали сильное взаимное влияние. Бастиа снабдил Кобдена более широким теоретически взглядом на предпочтительность свободной торговли, а Кобден, в свою очередь, вдохновил Бастиа на создание во Франции движения, подобного Лиге против хлебных законов. В частности, Кобден перенял у Бастиа приверженность естествен-

ному праву и естественным правам, стремление к гармоническому сосуществованию индивидуумов, групп и наций на основе взаимных выгод свободного рынка, стойкое неприятие войны и агрессивной внешней политики, а также стремление к миру во всем мире. Оба они были последовательными сторонниками *laissez faire*, свободными как от многочисленных колебаний и оговорок, привнесенных классическими экономистами, так и от удручающей враждебности Рикардо к землевладельцам и земельной ренте⁷.

14.3. ВЛИЯНИЕ БАСТИА В ЕВРОПЕ

Вдохновленные организационными усилиями и идеями Бастиа, ассоциации свободной торговли быстро распространились в разных странах Европы. В Бельгии такая ассоциация возникла вскоре после французской, и бельгийская группа поддерживала регулярную переписку с Бастиа и его журналом «*Le Libre-Échange*». Председателем бельгийской ассоциации был мэр Брюсселя Шарль де Брукер. Осенью 1846 г. итальянская ассоциация основала журнал «*Contemporaneo*» и опубликовала заявление, приветствующее французскую ассоциацию. Хотя в заявлении отдавалось должное Лиге против хлебных законов, французская ассоциация удостоилась особых похвал за более универсальную прорыночную позицию: «Если английская ассоциация объявила войну лишь одному из зол в своей собственной стране [пошлинам и хлебным законам], то французская ассоциация приняла более общий план, который обнимает все человечество. Она желает установить дружеские отношения между всеми странами и пригласить всех на праздник производства и потребления»⁸.

В числе прочих итальянское заявление подписал профессор Рафаэле Бузакка, видный сторонник свободной торговли, автор многочисленных работ, посвященных вопросам экономической статистики, историческим и теоретическим проблемам экономической науки.

Особенно видным последователем и почитателем Фредерика Бастиа был человек, ставший непререкаемым лидером и главным авторитетом в экономической теории и политике Италии XIX в., уроженец Сицилии Франческо Феррара (1810—1900) — негибемый сторонник *laissez faire*, профессор политической экономии в Туринском университете, учитель и наставник большинства итальянских экономистов следующего поколения. Феррара сыграл важную политическую роль в объединении Италии и одно время занимал пост министра финансов новой страны. Наконец, Феррара был видным историком экономической мысли; он редактировал первые две серии многотомного переводного издания «*Biblioteca dell'Economista*» (Torino, 1850—1869) и написал двухтомную работу «Историко-критическое исследование экономистов и экономических учений» («*Esame storico-critico di economisti e dottrine economiche*», 1889—1892). Много лет Феррара был профессором Туринского универ-

ситета, и у него учились многие видные итальянские экономисты. Кроме Бастиа, которому Феррара щедро отвел 100 страниц в своей обширной работе, он с особой похвалой отозвался о трудах Сэя, Дюнуайе и Шевалье.

Теоретические достижения Феррары, как и достижения Бастиа, систематически преуменьшаются придирчивыми современными критиками, настроенными против *laissez faire*, которые, как и в случае Бастиа, отказываются допускать, что человек, преданный принципу *laissez faire*, может быть серьезным ученым и экономическим теоретиком. Но теория ценности Феррары, основанная на «издержках воспроизводства», которую часто называли нелепым перепевом «издержек производства» Рикардо, на самом деле, как недавно было показано, отчасти предвосхитила субъективную теорию предельной полезности⁹.

Ориентированная на обмен и *laissez faire* теория Феррары несколько десятилетий доминировала среди итальянских экономистов. Однако в 1870-е гг. в итальянскую экономическую науку начало проникать объединенное влияние этактистских тенденций протекционизма, немецкой исторической школы и откровенного социализма. Формальный раскол произошел в 1874 г., когда молодые этактисты, сосредоточенные в Падуе, создали Ассоциацию развития экономических исследований, которая начала издавать журнал «*Giornale degli Economisti*» («Журнал экономистов»). Сторонники Феррары, сосредоточенные во Флоренции, создали Общество Адама Смита и выпускали еженедельник «*L'Economista*» («Экономист»). Хотя группа Феррары численно уступала, она подготовила ряд видных молодых ученых. В их числе был Доменико Берарди, который в 1882 г. опубликовал работу с критикой государственного вмешательства, а 30 лет спустя книгу о деньгах. А. Бертолини в 1889 г. выпустил критическую работу о социализме, а Фонтанелли выступил с критикой профсоюзов и забастовок. В особенности можно отметить Тулио Мартелло из Болоньи, которого называли последним сторонником Феррары. В сочинении «*La Moneta*» (1883) он призывал к полиметаллизму, в котором видел путь к полной монетарной свободе. По поводу этого предложения Шумпетер в характерной полупрезрительной манере, которую он приберегал для пылких сторонников *laissez faire*, заметил, что «ценность его лишь немного снижается некоторыми причудливыми ультралиберальными (*liberalist*) идеями по поводу свободной чеканки монеты»¹⁰.

Хотя Феррара и его школа вели, казалось, безнадежные арьергардные бои, им удалось продержаться достаточно долго, чтобы выправить положение и привлечь на свою сторону новую «армию маргиналистов-либералов» под началом Маффео Панталеони. В 1890 г. эта группа поставила под свой контроль ведущий экономический журнал («*Giornale degli Economisti*») и многие годы сохраняла доминирующее положение¹¹.

Большое влияние Бастиа оказал на Швецию и пользовался большим авторитетом в шведской экономической науке и политике. Молодой швед Йохан Грипенстедт (ум. 1874) познакомился с Бастиа во время

поездки во Францию и до конца жизни находился под влиянием вождя французской школы *laissez faire*. В 1860—1870-е гг. Грипенстедт был самым видным экономическим либералом и самым влиятельным политиком Швеции. К 1870 г. ему почти в одиночку удалось отменить в Швеции все ограничения на импорт и экспорт, ликвидировать все экспортные пошлины, снизить тарифы на промышленные товары и ввести свободную торговлю сельскохозяйственной продукцией.

Вскоре после смерти Грипенстедта его последователи и ученики создали Стокгольмское экономическое общество (1877), приверженное принципам Бастиа и Грипенстедта. В числе ведущих членов общества были: директор Банка Швеции Йохан Арнберг, который предупреждал об опасностях социализма, возникавших в связи с требованиями государственных субсидий для бизнесменов; Г. К. Хамилтон, профессор экономики в университете Лунда, настолько преданный идеям Бастиа, что в 1865 г. назвал своего сына «Бастиа»; основатель стокгольмского *Euskinda Bank* А. О. Валленберг; видный банкир и убежденный сторонник свободной торговли Йохан Пальме.

Следует упомянуть двух видных политиков, состоявших в Экономическом обществе и разделявших принципы *laissez faire*. Одним из них был генеральный директор таможни и правая рука Грипенстедта Аксель Бенник. Он был неустанным и энергичным борцом за свободную торговлю, который всю свою долгую жизнь придерживался принципов *laissez faire*. Другим был президент Стокгольмского экономического общества Карл Фридрих Ваерн, коммерсант из Гетеборга, ставший министром финансов; он подал в отставку, поскольку отказался подписать закон, запрещавший вырубку молодых деревьев в лесах, и назвал этот закон явным посягательством на права частной собственности.

Подобно тому как это произошло в Англии и во Франции, шведские либеральные мыслители и деятели разделились по вопросу о развитии банковского дела. Глава центрального банка Йохан Арнберг и экономист Ханс Форсселл считали, что при наличии центрального банка следует наложить запрет на выпуск банкнот частными банками, поскольку это чревато инфляцией и вообще вредно. Напротив, банкир А. О. Валленберг выступал за полную свободу банковской деятельности.

Однако в середине 1880-х гг. в Швеции, как и повсюду в Европе, этизм начал успешно отвоевывать позиции и постепенно занял доминирующее положение. Одновременно в Экономическое общество стали проникать протекционисты, а в 1888 г. Швеция ввела протекционистскую систему таможенных тарифов. В 1893 г. протекционисты отпраздновали символический триумф: президентом Стокгольмского экономического общества, этого в прошлом оплота свободной торговли, был избран протекционист. В 1880-х гг. Общество, несмотря на решительные протесты Форсселла и других видных основателей, стало пропагандировать социальную политику и прочие меры в духе катедер-социализма («профессорского социализма»). В результате шведская экономическая теория

и политика за это десятилетие повернулись от изначальных французских принципов *laissez faire* в сторону немецкой исторической школы и ее «монархического социализма». Этой резкой перемене во многом способствовало то, что в 1878 г. немецкий язык был сделан главным иностранным языком в шведских государственных школах¹².

В конце 1840-х гг. даже в Пруссии возникла группа сторонников свободной торговли, преданных принципам Бастиа. Это движение возглавил Джон Принс-Смит (1809—1874), сын англичанина и немки. Он регулярно переписывался с Бастиа и в одном письме написал: «Друзья, которым я показал Вашу книгу [«Экономические гармонии»], приняли ее с восторгом. Я обещаю Вам, что ее охотно прочитают наши лучшие мыслители... Мы надеемся создать официальный союз между демократическими партиями и сторонниками свободной торговли... “Пусть Бастиа придет сюда, — сказал мне лидер демократов, — а я обещаю вывести 10 тыс. человек на процессию, которая будет приветствовать его визит в нашу столицу”»¹³.

Джон Принс-Смит родился в Лондоне в 1809 г. в семье адвоката. Отец рано умер, и с 13 лет Джон начал работать в лондонской торговой фирме¹⁴. Затем он обратился к журналистике, путешествовал по родной стране своей матери, а в 1831 г. стал учителем английского и французского языков в гимназии портового города Эльбинг в Восточной Пруссии. В Германии Принс-Смит изучал экономику и в 1830-е гг. начал писать статьи в поддержку свободного рынка. Также он решительно выступил в поддержку семи профессоров, уволенных в 1837 г. из Геттингенского университета за протесты против деспотической отмены либеральной Ганноверской конституции. Затем у Принс-Смита начались конфликты с прусской школьной бюрократией; в 1840 г. он оставил учительство, полностью посвятив себя журналистике.

Принс-Смит не только решительно выступал за свободный рынок, но и проявил себя как энергичный и последовательный противник войны и милитаризма. Он призывал ликвидировать оплот прусской государственности, регулярную армию, и заменить ее ополчением, гораздо менее дорогостоящим и находящимся под народным контролем.

В 1843 г. Принс-Смит начал растянувшуюся на всю его жизнь кампанию за свободную торговлю в рамках исторического и социологического контекста, напоминавшего сочинения Конта и Дюнуайе. Он ясно заявил, что для него свободная торговля означает не просто отсутствие барьеров в международной торговле, но и абсолютно свободный внутренний рынок, на котором государство предоставляет лишь полицейскую защиту¹⁵.

В 1846 г. Принс-Смит и несколько его единомышленников направили послание Роберту Пилю, чтобы поздравить британского премьер-министра с важнейшим достижением — отменой хлебных законов. Ответное послание Пилу, теплое и отражавшее строгость его принципов, вызвало сенсацию в Пруссии и вдохновило Принс-Смита на создание в декабре того же года Немецкого общества за свободную торговлю¹⁶. Союз,

в который вошли лидеры делового мира и ученые, провел первое, организационное, заседание в марте следующего года в помещении Берлинской фондовой биржи. Среди 200 участников значительное большинство составляли бизнесмены.

Вплоть до конца жизни Принс-Смит возглавлял в Германии кампанию за свободный рынок и свободную торговлю. В 1860 г. он основал Экономическое общество, ставшее преемником Союза за свободную торговлю. Его дом в Берлине (Смит женился на дочери состоятельного берлинского банкира) был салоном для либеральных прусских политиков; некоторые из них участвовали в создании Прогрессивной партии. В 1858 г. Принс-Смит содействовал организации ежегодного конгресса немецких экономистов, который был посвящен *laissez faire* вплоть до последнего заседания в 1885 г. На конгрессе Смит выступал с докладами, в которых критиковал законы против ростовщичества и патентную политику, а также выступал против неконвертируемых бумажных денег. В 1863 г. он вместе со своим ближайшим сотрудником, крайним индивидуалистом Юлиусом Фаухером (1820—1878), принял участие в создании и редактировании «Ежеквартального журнала экономики, политики и истории культуры» («*Vierteljahrschrift für Volkswirtschaft, Politik und Kulturgeschichte*»). Вскоре этот журнал стал «главным теоретическим рупором классического либерализма в Германии»¹⁷ и просуществовал 30 лет. Хорошо владея французским, Принс-Смит сотрудничал с «*Journal des Économistes*», участвовал в организации и писал статьи для «Краткого экономического словаря» («*Handwörterbuch der Volkswirtschaftslehre*», 1866), образцом для которого стал выдержанный в духе *laissez faire* французский «Словарь политической экономии».

В 1870—1880-е гг. программа *laissez faire* быстро уступала место немецкой исторической школе, этатизму и катедер-социализму. Эта радикальная перемена была ускорена политическим триумфом Бисмарка и прусского милитаризма над классическим либерализмом и объединением основной части германской нации под прусским господством «железа и крови».

А главным и ранним триумфом европейского движения за свободу торговли стал знаменитый конгресс экономистов, организованный бельгийской ассоциацией свободной торговли 16—18 сентября 1847 г. в Брюсселе. Вдохновленный победой Лиги против хлебных законов, движением Бастиа и триумфальным 14-месячным европейским турне Кобдена 1846—1847 гг., конгресс должен был ответить на вопрос о свободной торговле. В конгрессе под председательством бельгийца де Брукера приняли участие 170 делегатов из 12 стран, в том числе, помимо экономистов, публицисты, промышленники, представители аграрного сектора, торговцы и политики. Бастиа не смог приехать, но де Брукер в своем вступительном слове превознес его как «ревностного апостола нашей доктрины». Особенно активной была французская делегация, в частности Луи Волровский, Шарль Дюнуайе, Жером-Адольф

Бланки и Жозеф Гарнье; активно выступал и глава прусской делегации Джон Принс-Смит. Другими видными участниками были член английского Парламента полковник Томас Перронет Томпсон и редактор «Economist» Джеймс Уилсон.

Хотя на конгрессе выступили и несколько протекционистов, их голоса были заглушены голосами других участников, которые безоговорочно высказались за свободу торговли. К сожалению, дальнейшие планы были нарушены революцией 1848 г., которая отбросила назад европейское движение за экономическую свободу, и для восстановления понадобилось время. После недолгого подъема в 1860-х гг. основанное на принципах *laissez faire* движение за свободный рынок, свободную торговлю и мир во всем мире начиная с 1870-х гг. стало все сильнее отступать перед лицом протекционизма, милитаризма, социального этатизма, принудительного картелирования и формирования международных военных блоков. В Европе возобладали националистически и этатистски окрашенные экономические концепции и воспроизведение в промышленности торгового меркантилизма.

14.4. ГЮСТАВ ДЕ МОЛИНАРИ: ПЕРВЫЙ АНАРХОКАПИТАЛИСТ

Из всех либеральных французских экономистов середины и второй половины XIX в. самой необычной фигурой был уроженец Бельгии Гюстав де Молилари (1819—1912). Он родился в Льеже в семье бельгийского врача, барона, офицера наполеоновской армии. Большую часть жизни Молилари провел во Франции, где зарекомендовал себя как плодовитый автор и умелый редактор, неустанно выступавший в поддержку *laissez faire* и всеобщего мира, как решительный и непреклонный противник всех форм этатизма, государственного контроля и милитаризма. В отличие от английского, слегка завуалированного утилитаристского подхода к государственной политике Молилари был негибким защитником свободы и естественного права.

Молилари приехал в Париж, эту культурную и политическую столицу франкоязычного мира, в 1840 г. в возрасте 21 года. Он вступил в Общество политической экономии в 1842 г., сразу после его основания, а когда Бастия в 1846 г. основал в Париже ассоциацию свободной торговли, стал ее секретарем. Вскоре Молилари стал одним из редакторов периодического издания ассоциации «Libre-Échange» («Свободный обмен»), начал широко публиковаться в парижской прессе, симпатизировавшей свободной торговле и свободному рынку, а в 1847 г. стал редактором «Journal des Économistes». В 1846 г. он опубликовал первую из своих многочисленных книг — «Экономические исследования: об организации промышленной свободы и отмены рабства» («Études Économiques: sur l'Organisation de la Liberté industrielle et l'abolition de l'esclavage»).

Однако в 1849 г. Молилари поразил ориентированное на принципы *laissez faire* Общество политической экономии, словно ударом грома, своей самой известной и оригинальной работой. Он представил статью, которая впервые в истории излагала концепцию *laissez faire* в предельно чистом и последовательном виде и призывала к свободной и неограниченной конкуренции в той сфере, которая обычно относится исключительно к «государственной» компетенции, а именно в сфере полицейской и судебной защиты личности и частной собственности. Если свободная конкуренция более эффективно предоставляет *все остальные* товары и услуги, рассуждал Молилари, значит нужно распространить ее на последний бастион, полицейскую и судебную защиту. Столетие спустя эта концепция была названа «анархокапитализмом».

Свою позицию Молилари изложил в «*Journal des Économistes*» в феврале 1849 г.¹⁸ Статья быстро разрослась до целой книги, «*Les Soirées de la Rue Saint-Lazare*» («Вечера на улице Сен-Лазар»). В ней приводились вымышленные беседы трех действующих лиц: консерватора (сторонника высоких пошлин и привилегий государственной монополии), социалиста и экономиста (т.е. самого Молилари). В заключительной, одиннадцатой, «вечерней беседе» Молилари рассказал, как его концепция рыночных защитных услуг будет работать на практике¹⁹.

Обсуждению радикальной новой теории Молилари, изложенной в «Вечерах», было посвящено осеннее собрание Общества политической экономии. Сначала Молилари выступил с докладом и обрисовал основную идею, а потом либеральные светила перешли к дискуссии. Новая теория явно их ошарашила, поскольку до этого никто не дал себе труда с ней ознакомиться. Шарль Коклен и Фредерик Бастиа лишь громко заявили, что никакая конкуренция не может существовать без поддержки верховной власти государства (Коклен) и что сила, необходимая для обеспечения справедливости и безопасности, может быть предоставлена *только* верховной властью (Бастиа). Оба они ограничились лишь бездоказательными заявлениями и предпочли игнорировать то, что прекрасно знали во всех прочих контекстах: эту «верховную власть» вряд ли можно считать надежным гарантом частной собственности и в прошлом, и в настоящем (о будущем говорить не приходится).

Из всех собравшихся либеральных умов один Шарль Дюнуайе снизошел до аргументированного возражения. Он посетовал, что Молилари слишком увлекся «иллюзиями логики», и добавил, что «конкуренция между государственными компаниями — это чистая химера, поскольку она приведет к яростным столкновениям». Дюнуайе не только пренебрег тем фактом, что *настоящие* яростные столкновения всегда происходили *между государствами* при нашей «международной анархии», но и не смог по достоинству оценить стимулы, которые в анархокапиталистическом мире будут побуждать охранные компании заключать договоры и прибегать к арбитражу²⁰. Со своей стороны, Дюнуайе предложил полагаться на «конкуренцию» политических партий *в рамках*

представительного правления, что едва ли можно счесть удовлетворительным решением проблемы социальных конфликтов для либертарианской, антиэтатистской позиции. Дюнуайе считал также, что разумнее всего оставить силу в руках государства, «там, куда поместила ее цивилизация». И это мы слышим от одного из главных основателей теории, согласно которой государство возникает с целью агрессии!

К сожалению, помимо этих немногих замечаний, собравшиеся либеральные экономисты ничего не смогли сказать по существу концепции Молинару и в основном критиковали его, указывая, что он зашел якобы слишком далеко, отвергая всякое использование государственной власти в этой важной сфере²¹.

Очень любопытно общее отношение к инакомыслию Молинару со стороны французских либеральных экономистов из общего лагеря *laissez faire*. Хотя Молинару много десятилетий проповедовал анархокапиталистическую, или рыночную, концепцию охранной деятельности (например, в сочинении «Естественные законы политической экономии» («*Les Lois Naturelles de l'Économie Politique*», 1887)), никто не считал его отступником, а его взгляды — чистой ересью. Напротив, коллеги относились к Молинару с большим уважением, ведь он довел принцип *laissez faire* до логического конца, и этот итог им даже нравился, хотя полностью принять его они не могли. После смерти Жозефа Гарнье в 1881 г. Молинару стал редактором «*Journal des Économistes*» и занимал этот пост до 1909 г., когда ему исполнилось 90 лет²². От анархических взглядов он стал отступать лишь в самых поздних работах, начиная с «Контуров политической и экономической организации будущего общества» («*Esquisse de l'organisation politique et économique de société future*», 1899). Здесь он остановился на идее единственной монопольной компании по защите и охране, единственной частной компании, у которой государство будет заказывать такие услуги²³.

О том, как воспринимали Молинару коллеги, можно судить по сопроводительной заметке, написанной редактором «*Journal des Économistes*» Жозефом Гарнье к первой революционной статье Молинару 1849 г.:

Хотя выводы этой статьи могут показаться утопическими, мы все же решили опубликовать ее, чтобы привлечь внимание экономистов и журналистов к вопросу, который до сих пор затрагивался лишь мимоходом, но в наши дни и в нашу эпоху должен быть рассмотрен с большей тщательностью. Природа и прерогативы государства превеличиваются столь повсеместно и столь сильно, что возникла необходимость четко определить границы, за пределами которых вмешательство власти перестает быть охранительным и полезным и становится анархическим и тираническим²⁴.

Через 55 лет, когда появился первый английский перевод работы Молинару, его почти ровесник, адвокат и экономист из лагеря *laissez faire*, Фредерик Пасси (1822—1912) вознес прочувствованные похвалы

своему старинному другу и коллеге. Он засвидетельствовал свое «глубокое преклонение перед характером и талантом» человека, «который является старейшиной наших... либеральных экономистов, тех — увы, немногих, — с кем я имел счастье быть рядом на протяжении более чем полувека». Либеральные принципы проповедовали Кобден, Гладстон и Брайт в Англии, Тюрго, Сэй, Шевалье и Бастиа во Франции, «и во мне, — продолжал Пасси, — с каждым годом крепнет убеждение, что, не будь этих принципов, современные общества не имели бы богатства, мира, материального достатка и нравственного достоинства». Молилари, добавил он, «утверждал эти принципы с ранней молодости», начиная с «Вечеров на улице Сен-Лазар» и революции 1848 г., в дальнейших лекциях и сочинениях, а потом на посту редактора «*Journal des Économistes*»: «Этот важный журнал, главным редактором которого он состоит, месяц за месяцем преподносит эти принципы в самом новом облике». Наконец, книги Молилари: «Чуть ли не каждый год, можно сказать, появляется очередная книга, отличающаяся как ясностью понимания предмета, так и превосходным литературным стилем, появляется, чтобы засвидетельствовать постоянство его убеждений, неослабевающую силу его мысли и глубокую безмятежность его возраста, который никак нельзя назвать преклонным»²⁵.

14.5. ВИЛЬФРЕДО ПАРЕТО

Весьма заметной фигурой, которую исследователи редко ассоциируют со школой *laissez faire* Бастиа—Феррары, был видный социолог и экономист Вильфредо Федерико Дамасо Парето (1848—1923). Он родился в Париже, в семье, принадлежавшей к знатному генуэзскому роду. Его отец, инженер-гидротехник маркиз Раффаэле Парето, будучи республиканцем и сторонником Мадзини, покинул Италию. Вернулся он в середине 1850-х гг. и занял высокую должность на итальянской государственной службе. Парето-младший учился в Туринском политехническом университете и в 1869 г. получил диплом инженера; его дипломная работа была посвящена фундаментальному принципу равновесия в твердых телах. Как мы увидим в следующем томе, эта работа навела Парето на мысль, что равновесие в механике — это модель, подходящая для внедрения в экономическую теорию и общественные науки²⁶. Затем Парето стал начальником флорентийского отделения Римской железнодорожной компании, а еще через несколько лет — управляющим директором флорентийской металлургической фирмы.

Вскоре Парето занялся политической публицистикой, решительно выступал на стороне *laissez faire* и против любых форм государственного вмешательства, защищал личную и экономическую свободу, с равной страстностью осуждал как плутократические субсидии и привилегии, предоставляемые бизнесу, так и социальное законодательство и проле-

тарские социалистические формы вмешательства. Парето был в числе основателей итальянского Общества Адама Смита, а в начале 1880-х гг. дважды выставлял свою кандидатуру в Парламент, но неудачно.

В 1887 г. тексты Парето, в которых проявлялось сильное влияние Молилари, привлекли внимание последнего, и тот предложил Парето писать для «*Journal des Économistes*». Парето познакомился с французскими либералами и подружился с Ивом Гюйо, которому предстояло сменить Молилари на посту редактора журнала и написать некролог Молилари в 1912 г. Мать Парето скончалась вскоре после того, как он установил связь с Молилари, и Парето получил возможность уйти из металлургической фирмы, стал инженером-консультантом, женился, в 1890 г. удалился на свою виллу и посвятил всю оставшуюся жизнь творчеству и изучению общественных наук. Будучи свободен от деловых обязанностей, Парето повел кампанию против государства и этатизма и завел тесную дружбу с принадлежавшим к направлению *laissez faire* неоклассическим экономистом-маржиналистом Маффео Панталеони (1857—1924), который познакомил Парето с технической экономической теорией. Под влиянием Панталеони Парето стал последователем Леона Вальраса, а затем и его преемником в качестве профессора политической экономии в Лозаннском университете. В Лозанне, где Парето также преподавал социологию, он пробыл до 1907 г., когда заболел и поселился на вилле у Женевского озера, где продолжал читать и писать вплоть до самой смерти.

Знакомство с технической неоклассической теорией ни на мгновение не прервало страстную борьбу Парето за свободу и против всех форм этатизма, включая милитаризм. Наглядное представление о его стойком либерализме в духе *laissez faire* дает статья «Социализм и свобода», опубликованная в 1891 г.:

Таким образом, мы можем зачислить социалистов и протекционистов в одну группу, группу рестрикционистов, а тех, кто хочет основывать распределение богатства исключительно на свободной конкуренции, можно назвать либерационистами... Итак, рестрикционисты делятся на два вида. Социалисты хотят с помощью государственного вмешательства перераспределить богатство в пользу менее состоятельных слоев. Представители второго вида, которые иногда даже не вполне понимают, что делают, помогают богатым — поддерживают торговый протекционизм и общественную организацию милитаристского типа. Спенсер убедительно показал схожесть этих двух типов протекционизма. А схожесть между протекционизмом и социализмом хорошо понимали английские либералы школы Кобдена и Джона Брайта; эта схожесть ясно показана и в работах Бастиа²⁷.

Кроме того, тексты Парето изобилуют хорошо подобранными и порой длинными цитатами из Молилари. Так, в статье «Социализм и свобода» Парето хвалит Молилари за создание уникальной и смелой системы, которая «ведет к завоеванию свободы, используя все знание, предлагаемое современной наукой».

«Введение к “Капиталу” Маркса» в книге о марксизме («Marxisme et économie pure», 1893) выдает явное влияние французской либеральной концепции «правлящего класса», предложенной Дюнуае и Контом: это та группа, которая контролирует государство. Парето заканчивает главу длинной и вызвавшей его одобрение цитатой из Молиари, который перенял эту либеральную концепцию класса. Парето снабжает цитату своим замечанием: «Правящие классы везде имеют на уме лишь одно — свои собственные интересы — и используют государство для удовлетворения этих интересов»²⁸.

В первой крупной экономической работе Парето «Курс политической экономии» (Cours d'Économie Politique, 1896) также заметно сильное влияние Молиари и Герберта Спенсера. В каждой политической структуре, отмечает Парето, есть правящее меньшинство, которое выступает в качестве эксплуататора управляемого им большинства. Пошлины он называет грабежом и воровством и дает ясно понять, что ставит своей целью искоренение этого узаконенного грабежа. Как отмечает Плачидо Буколо, Парето, вопреки утверждениям некоторых исследователей, в этой книге *не использовал* марксистскую концепцию классовой борьбы. Напротив, он заимствовал французскую либеральную концепцию класса. Так, в своем «Курсе» Парето пишет:

Классовая борьба во все времена принимает две формы. Одна состоит в экономической конкуренции, которая, если является свободной, создает наибольшую полезность... поскольку, даже если каждый класс и каждый индивид действуют исключительно в своих собственных интересах, они все равно оказываются косвенно полезны другим... Другая форма классовой борьбы — это та, в которой каждый класс всеми силами стремится захватить власть и сделать ее инструментом для ограбления других классов²⁹.

На протяжении значительной части XIX в. либерализм *laissez faire* был по-настоящему массовым движением, это верно для Соединенных Штатов и Англии, а особенно для Франции, Италии, Германии и других стран Западной Европы. Во второй половине столетия такие классические либералы, как Парето и Спенсер, считали социализм меньшей опасностью для свободы, чем существующая система милитаристского этатизма, в которой доминировали привилегированные бизнесмены и землевладельцы, система, получившая от Парето меткое и презрительное название «плутодемократия». Однако к концу столетия либералам становилось все яснее, что массы увлечены социализмом и что социализм будет представлять даже более серьезную угрозу для личной свободы и свободного рынка, чем прежняя неомеркантилистская плутодемократическая система.

На протяжении большей части XIX в. по всей Европе приверженные *laissez faire* либералы были настроены в высшей степени оптимистично. Было ясно, что свобода стала основой наиболее разумной, наиболее

благополучной системы, системы, которая в наибольшей мере приспособлена к человеческой природе и обеспечивает гармонию и мир между всеми странами и народами. Казалось несомненным, что этот занявший несколько столетий переход от этатизма к свободе, от «сословного положения к свободному договору» и от «военных к промышленникам» — переход, который принес с собой Промышленную революцию и многочисленные блага для человечества, — непременно будет продолжаться и все шире распространять свое влияние. Свободе и мировому рынку уготован вечный рост, а государство обречено на постепенное отмирание.

Однако возвращение в 1870-х гг. агрессивного бизнес-этатизма <т.е. протекционизма> и рост социалистических симпатий в 1890-х гг. резко подорвали традиционный оптимизм либералов. Проницательные сторонники *laissez faire* убедились, что XX в. будет покрыт завесой тьмы и положит конец великой цивилизации, тому царству прогресса и свободы, которое было создано либерализмом XIX в. В постепенно редеющие ряды либералов стали проникать пессимизм и отчаяние. Это было понятно: они предвидели повсеместный подъем этатизма, тирании и коллективизма, большие войны и экономический упадок.

Каждый из стареющих либералов реагировал на эту сильную и грозную тенденцию по-своему. Спенсер продолжал бороться до конца и сделал главный упор на критике того, что считал главной угрозой социализма по сравнению с этатизмом, против которого он выступал раньше. Парето резко сменил прежнюю позицию на нечто близкое к горькому цинизму. Наблюдая неотвратимый упадок либеральных идей и движений, он заключил, что миром правит не разум, а безумие, и теперь его, Парето, задача состоит в том, чтобы анализировать и регистрировать эти безумства. В статье 1901 г. он отмечает, что повсюду в Европе заметно усиление социализма и национал-империализма, а классический либерализм растирается между этими жерновами: «Во всей Европе либеральная партия исчезает, как и умеренные партии... Экстремисты стоят друг против друга: на одной стороне социализм, великая поднимающаяся религия нашей эпохи; на другой стороне старые религии — национализм и империализм»³⁰.

Видя крушение своих надежд и отблески этатистской преисподней XX в., Парето, по словам его наблюдательного биографа С. Э. Файнера, решил «удалиться на Галапагосы», на далекие острова; во времена Парето эта метафора означала совершенно отстраненную позицию, позволявшую беспристрастно оценивать и критиковать окружающее безумие³¹. На путь к «Галапагосам» Парето окончательно встал в 1902 г., когда итальянская социалистическая партия перестала протестовать против протекционистской политики «буржуазного» этатистского правительства. Два давних недруга либерализма и *laissez faire* теперь объединились! С тех пор он окончательно замкнулся в своей возвышенной олимпийской скорби³².

Первая книга Парето, в которой доминирует пессимистическое настроение, — «Социалистические системы» («*Les Systèmes Socialistes*» (2 т., 1901—1902). Однако его новая отстраненная позиция отнюдь не оз-

начала, что он отказался от либеральных идеалов и своего метода социального анализа. Как пишет Файнер, Молилари оставался для Парето «человеком, которого он почитал вплоть до своего смертного часа»³³. Парето с горечью говорит, что при нынешнем состоянии общества грабеж при помощи государства гораздо легче, а потому и привлекательнее, чем приобретение богатства упорным трудом. Вот саркастические слова Парето, предвосхищающие позицию таких либертарианских теоретиков XX в., как Франц Оппенгеймер и Альберт Джей Нок:

Общественные движения обычно идут по пути наименьшего сопротивления. Если непосредственное производство экономических благ часто требует большого труда, то присвоение этих благ, созданных другими людьми, — дело легкое. И оно несравненно облегчилось с *того момента, когда изъятие стало возможным по закону и перестало противоречить закону*. Чтобы делать сбережения, человек должен иметь возможность распоряжаться собой. Вспахать поле, чтобы вырастить зерно, — это тяжелый труд. Караулить в лесу, чтобы ограбить прохожего, — дело опасное. А вот пойти голосовать гораздо легче, и если это значит, что с помощью голосования все ни на что другое не годные и праздные люди могут получить полный пансион, они поспешат это сделать³⁴. [Курсив Парето. — М. Р.]

К сожалению, Парето поддерживал позитивистскую методологию, построенную по модели физики и механики. Но это с лихвой компенсировалось тем, что он блестяще защищал естественные <природные> экономические законы против «антиэкономистов» немецкой исторической школы. Вот незабываемая история, которую Людвиг фон Мизес любил рассказывать на своем семинаре:

Однажды, выступая на статистическом конгрессе в Берне, Парето упомянул «естественные экономические законы». На это присутствовавший там Густав Шмоллер заметил, что ничего подобного не существует. Парето ничего не сказал, только улыбнулся и поклонился. После заседания он спросил у Шмоллера, хорошо ли тот знает Берн. Шмоллер ответил утвердительно, и тогда Парето спросил, нет ли какой-нибудь харчевни, где можно поесть бесплатно. Элегантный Шмоллер взглянул на скромно одетого Парето (хотя было известно, что Парето отнюдь не беден) со смесью жалости и презрения и сказал, что недорогих ресторанов, конечно, много, но платить нужно везде. На это Парето заключил: «Значит, естественные законы политической экономии все же *существуют*»³⁵.

14.6. НОВООБРАЩЕННЫЙ ПРОФЕССОР В ГЕРМАНИИ: КАРЛ ГЕНРИХ РАУ

Пока Джон Принс-Смит и его единомышленники мужественно отстаивали *laissez faire* перед лицом делового мира и общественного мнения,

самым видным экономистом-теоретиком в Германии становился очень influentialный новый сторонник их дела. Карл Генрих Рау (1792—1870) был самым значительным университетским экономистом Германии в первой половине XIX в., а возможно, и до самой своей смерти. Рау родился в Эрлангене, протестантском городе в Северной Баварии; его отец был лютеранским пастором и профессором теологии в местном университете. В 1812 г. Рау окончил этот университет, преподавал в средней школе, а в 1818 г. стал профессором политической экономии в университете Гиссена. Через четыре года он стал профессором политической экономии Гейдельбергского университета и занимал этот пост почти полвека, до самой смерти; как преподаватель он пользовался любовью и уважением. Кроме того, Рау играл активную и важную роль в правительстве Бадена и в течение 50 лет в значительной мере формировал облик административного аппарата Бадена.

Помимо того что Рау долгое время состоял консультантом правительства Бадена, он, получив кафедру в Гейдельберге, стал придворным советником, а в 1845 г. — членом Тайного совета Бадена. Несколько раз он избирался в баденский ландтаг, а в 1848 г. был избран членом франкфуртского парламента.

Воспитанный в традициях немецкого камерализма, первые два десятилетия своей долгой карьеры Рау занимал осторожную умеренную позицию, пытаясь совмещать систему естественной свободы Адама Смита с камерализмом, совмещать дедуктивную теорию с набором фактов и статистических данных. Будучи по натуре осмотрительным и умеренным человеком, он с большой осторожностью подходил к вопросу о ликвидации гильдий и, в противоположность Адаму Смиту, предпочитал органицистский взгляд на государство.

С другой стороны, со временем Рау все больше становился либералом, приверженным *laissez faire*, и все меньше оставался этицистом. Первый этап этого постепенного, но все более быстрого обращения пришелся на начало 1820-х гг. В 1819—1820 гг. Рау перевел 6-томный труд Генриха Фридриха фон Шторха, умеренного последователя Адама Смита; Шторх был прибалтийским немцем, преподавал в России, а писал по-французски. Выполненный Рау перевод «Курса политической экономии» Шторха был опубликован в трех томах.

Однако особое значение имел собственный многотомный учебник Рау по политической экономии «*Lehrbuch der politischen Oekonomie*». Первый том вышел в 1826 г., второй в 1828 г. Книга Рау быстро стала в Германии нормативным учебником и при его жизни выдержала восемь изданий; 9-е издание первого тома вышло через шесть лет после его смерти. Кроме того, работа Рау была переведена по меньшей мере на восемь языков³⁶.

Сближение взглядов Рау с классическим либерализмом отражалось в сменявшихся друг друга изданиях его труда. Еще более отчетливо этот процесс отражен на страницах экономического журнала «*Archiv der politischen Oekonomie und Polizeiwissenschaft*», который Рау основал в 1835 г.

Кульминация обращения Рау в адепта *laissez faire* совпала с периодом наивысшего подъема либеральной экономической мысли в Европе в годы вокруг 1847 г. В своем обращении к университетскому сообществу Гейдельберга в ноябре 1847 г. Рау осудил государственное вмешательство как создание все более многочисленных особых привилегий в корыстных интересах отдельных групп; государственное вмешательство, подчеркнул он, может приносить выгоду лишь определенным лицам или группам за счет других. Кроме того, государственное вмешательство вместо решения социальных проблем создает много новых собственных проблем. В гейдельбергском обращении Рау предупреждал об угрозах свободе, которые заключены в государственном планировании и контроле, и в особенности о распространении социалистических и коммунистических «фантазий»: если не будет частной собственности и частного предпринимательства, заставить людей работать можно только силой³⁷.

14.7. ШОТЛАНДСКИЙ ИНАКОМЫСЛЯЩИЙ: ГЕНРИ ДАНИНГ МАКЛЕОД

Энергичный и плодовитый шотландский индивидуалист Генри Маклеод (1821—1902) в условиях засилья миллевской монополии в Англии после 1848 г. никогда не получал должной оценки от английских экономистов и университетских профессоров³⁸. Маклеод родился в Эдинбурге в семье шотландского землевладельца, изучал математику в кембриджском колледже Св. Троицы и в 1843 г. получил диплом. Он стал адвокатом и через шесть лет был принят в корпорацию адвокатов. Еще через два года Маклеод написал доклад о распределении пособий по бедности в нескольких шотландских церковных приходах, а затем участвовал в разработке закона о бедных в Шотландии. В 1854 г. Маклеод был назначен директором Королевского Британского банка и тут же ощутил интерес к экономической науке — особенно к денежным и банковским вопросам, — который не покидал его всю дальнейшую жизнь.

Маклеод много писал по монетарным проблемам, а его книга «Теория и практика банковского дела» (1855) сразу приобрела известность и выдержала пять изданий. Маклеод был решительным сторонником золотого стандарта и свободного банковского дела, но, к сожалению, занимал позицию банковской школы, стоявшей за инфляционную банковскую систему частичного резервирования. Он ввел в экономическую литературу термин «закон Грэшема», а также написал ряд важных работ о том, как работает банковский кредит при системе частичного резервирования, и, в частности, о том, как банковские ссуды *создают* депозиты, которые затем служат на рынке такими же заменителями денег, как банкноты.

Если бы Маклеод ограничил свои экономические исследования денежными и банковскими вопросами, он, по всей видимости, пользовался бы большим уважением у британских экономистов. Хотя он несколько

отклонялся от мейнстрима из-за того, что выступал за свободное банковское дело, поддержка золотого стандарта и антибиметаллическая позиция, а также согласие со взглядами банковской школы сближали его с доминирующей ортодоксией в такой мере, что он мог бы получить заслуженное признание³⁹. Но Маклеод наткнулся в Британии на стену неприятия, поскольку решительно выступил против трудовой теории ценности и материального понимания богатства в традиции Смита—Рикардо—Милля. В результате мечта Маклеода стать профессором так и не сбылась.

Под влиянием архиепископа Уотли Маклеод обратился к авторам XVIII в. и открыл для себя аббата де Кондильяка, которого торжественно объявил подлинным основоположником экономической науки, не желая признавать таковым Адама Смита с его трудовой теорией и материалистической доктриной. Маклеод с энтузиазмом воспринял концепцию «каталлактики» Уотли как подлинный метод экономической науки и утверждал, что Кондильяк, считавший экономическую науку наукой об обмене, а не о «богатстве», как раз и был основоположником каталлактического подхода. Как указывал Маклеод, Кондильяк, подобно итальянским экономистам XVIII в., «в отличие от порочной английской экономической теории, ищет происхождение и источник ценности в человеческом сознании, а не в труде». Кроме того, утверждал Маклеод, Кондильяк был прав в том, что меновая ценность проистекает из ценности, которую приписывают товарам потребители, так что ценность и спрос целиком определяются субъективными предпочтениями потребителей: «Ценность порождается не трудом производителя, а желанием потребителя»⁴⁰.

Поскольку ценность создается субъективными оценками потребителей, значит, рассуждал Маклеод, люди совершают обмен потому, что каждый считает приобретаемое более ценным, чем отдаваемое; в противном случае обмен не имел бы смысла. Таким образом, как считали еще схоласты и континентальные европейские мыслители со времен Жана Буридана, обе стороны любого обмена должны оставаться в выигрыше. Предваряя будущую позицию австрийской школы, Маклеод идет еще дальше и утверждает, что *ожидаемые* рыночные цены служат детерминантами будущих издержек производства, а не наоборот:

Бесспорно следующее: вещи ценятся не потому, что произведены с большими затратами; напротив, люди вкладывают в производство большие деньги, поскольку ожидают, что другие заплатят высокую цену за обладание этими вещами... Покупатели дают хорошую цену не потому, что продавцы много потратили на производство; напротив, продавцы тратят много денег на производство, поскольку надеются найти покупателей, которые дадут еще больше⁴¹.

В дополнение к тому, что Маклеод и так заметно уязвил господствующее направление экономической науки XIX—XX вв., он увенчал свои прегрешения похвалой великому либералу и каталлактику Фредерику

Бастиа, объявив его «самым ярким гением, какой только украшал экономическую науку». По словам Маклеода, Бастиа «искоренил вредоносные заблуждения учений Адама Смита и Рикардо... Он просто отбросил в сторону нагромождение нелепости, путаницы и противоречий у Адама Смита»⁴².

В своей революционной работе 1871 г., которая принесла маржинализм и по крайней мере некое подобие австрийской позиции в Англию, Стенли Джевонс горько сетовал на «вредоносное влияние» удушьющего засилья Джона Стюарта Милля в английской экономической науке. Джевонс, всегда стремившийся находить и вновь открывать своих предшественников, воздал похвалы Бастиа и Маклеоду, равно как Сениору, Кэрнсу и др. К сожалению, как явствует из оценки Маклеода в «New Palgrave», его репутация явно в очередной раз нуждается в восстановлении⁴³.

14.8. ПЛУТОЛОГИЯ: ХИРН И ДОНИСТОРП

Еще одним предшественником и современником, которого хвалит революционный маржиналист Стенли Джевонс, был ирландско-австралийский экономист Уильям Эдвард Хирн (1826—1888). Уроженец ирландского графства Каван, Хирн был одним из последних студентов, учившихся в дублинском колледже Св. Троицы у экономистов из великой школы Уотли; он поступил в колледж в 1842 г. и через четыре года окончил его. Там ему преподавали экономическую теорию, которая сильно отличалась от воззрений господствовавшей в Англии школы Милля, теорию, пронизанную идеей субъективной полезности и в каталлактической манере сосредоточенную на обмене. Свою карьеру Хирн начал в 23 года с преподавания греческого языка в новом Куинз-колледже (Голуэй, Ирландия). Через пять лет, в 1854 г., он получил место профессора новой истории, логики и политической экономии, а еще и место временного профессора классической филологии в Мельбурнском университете в Австралии. В стране, которая тогда вообще не имела экономистов, у Хирна было мало стимулов вести экономические исследования; он стал деканом нового факультета и ректором университета. Большинство его работ посвящены таким разным предметам, как ситуация в Ирландии, управление Англией, теория юридических прав и обязанностей, домашнее хозяйство арийцев; по всем этим темам он написал книги, изданные в Лондоне и Мельбурне. Также Хирн состоял членом законодательного совета штата Виктория.

В своей австралийской резиденции Хирн написал лишь одну книгу по экономике, но она приобрела большое влияние в Англии. «Плутология, или Теория усилий по удовлетворению человеческих потребностей» вышла в Мельбурне в 1863 г. и на следующий год была переиздана в Лондоне⁴⁴. Термин «плутология» Хирн заимствовал у французского

экономиста из школы *laissez faire* Ж. Г. Курсель-Сенеля (1813—1892); в «Теоретическом и практическом трактате о политической экономии» («*Traité théorique et pratique d'économie politique*», 1858) последнего этот термин обозначает чистую экономическую науку, научный анализ человеческой деятельности. У Хирна есть некоторые намеки на то, что он тоже имел в виду общую науку о человеческой деятельности, выходящую даже за рамки каталлактики, или обмена⁴⁵.

«Плутология» Хирна выдержана в духе Бастиа. Как и Бастиа, Хирн развивает учение о гармонии, в котором действует «неопровержимое правило»: преследование собственных интересов приводит к притоку услуг на рынок «в порядке их социальной значимости». Как и Бастиа, Хирн начинает с главы о человеческих потребностях, удовлетворение которых является главной задачей экономической системы. Потребности, указывает Хирн, иерархически упорядочены: самые неотложные удовлетворяются в первую очередь, и значение каждой потребности уменьшается по мере того, как возрастает предложение товаров, удовлетворяющих эту потребность. Кратко говоря, Хирн близко подошел к созданию полноценной теории убывающей предельной полезности. Поскольку каждая сторона при каждом обмене выигрывает от сделки, это значит, что каждый участник получает больше, чем отдает, и, следовательно, в каждом обмене присутствуют неравенство ценности и взаимный выигрыш.

Ценность каждого товара, указывал Хирн, определяется сочетанием его полезности и степени его редкости. Поэтому цена определяется взаимодействием спроса и предложения, а конкуренция создает тенденцию к снижению цен до минимальных производственных издержек для каждого продукта. Таким образом, Провидение с помощью конкуренции в свободной рыночной экономике порождает благотворный социальный порядок и природную гармонию.

Все эти тезисы Хирна предвещали скорое появление австрийской экономической школы и, в свою очередь, основывались на лучших схемах типа «полезность/редкость/гармония — взаимная выгода», созданных континентальной экономической мыслью. Намеченная Хирном концепция предпринимательства тоже предвосхищала австрийскую школу и ориентировалась на Тюрго, а также на других французских и английских авторов XIX в., включая Джона Рэя. Предприниматель заключает контракты с рабочей силой и «капиталом» (т.е. с кредиторами) по фиксированной цене, получает полное право распоряжаться конечным продуктом, а затем получает прибыль или терпит убыток при конечной продаже другому предпринимателю на следующей стадии производства.

Хирн показал также, что накопление капитала увеличивает размеры капитала, связанного с предложением труда, и поэтому повышает производительность труда, а также уровень жизни в данной экономике. Он указывал, что пределов для накопления капитала и, соответственно, для роста материального благосостояния не существует. Кроме того, Хирн

обобщил закон убывания доходности, распространив его с земли на все факторы производства, — в условиях данной технологии и предложения природных ресурсов.

Будучи сторонником свободной торговли, Хирн призывал отменить ограничения для католиков в Англии, освободить от пошлин ирландскую торговлю шерстью, отменить законы о ростовщичестве и о майорате и ликвидировать все препятствия по земельным сделкам. Выступая против государственного вмешательства, он заявил, что единственная функция государства — это сохранение порядка и обеспечение прав по договорам; все остальное относится исключительно к сфере частных интересов.

«Плутология» Хирна использовалась в Австралии как руководство по экономической теории в течение 60 лет, вплоть до 1924 г.; до начала 1920-х гг. она оставалась фактически единственным изданным в Австралии экономическим сочинением. Когда книга вышла в Лондоне в 1864 г., мало кто сразу обратил на нее внимание. Однако вскоре она удостоилась похвал от нескольких экономистов, особенно от Джевонса, который назвал ее лучшей и самой передовой на данный момент работой по экономической теории. Джевонс особо выделил «Плутологию» в своей новаторской «Теории политической экономии» (1871). Если не считать этих упоминаний, книга Хирна породила лишь одного прямого плутологического последователя. Адвокат и шахтовладелец Вордсворт Донисторп (1847— ?) опубликовал собственные «Принципы плутологии» — «Principles of Plutology» (London: Williams & Norgate, 1876). Насколько можно судить, вплоть до переиздания «New Palgrave» в 1987 г. эта книга ни разу не была упомянута ни в современной экономической литературе, ни в историях экономической мысли. Не будучи чем-то из ряда вон выходящим, 206-страничная работа Донисторпа все же определенно заслуживает полного забвения⁴⁶.

Основное содержание «Принципов плутологии» посвящено методологическим вопросам, обсуждению определений и критике главного методологического соперника плутологии, «политической экономии». Но Донисторп говорит немало важного и по существу; он ясно дает понять, что намерен создать подлинно научную экономическую теорию, которая будет четко отделять собственно экономические проблемы от этических или политических доводов. Определяя плутологию как чисто научное исследование единообразия отношений между ценностями, Донисторп указывает, что все ценности относительны и что эти ценности, включая ценность денег, постоянно и непредсказуемо меняются — в отличие от таких величин, как весовые единицы, четко определенные и неизменные. Потребности разнятся по степени насущности, полезность имеет градации, и сочетание этой полезности с относительной редкостью определяет ценности.

Предвосхищая австрийский подход, Донисторп проводил различие между непосредственно полезными и опосредованно полезными

товарами, отмечая, что последним свойственны разные степени отдаленности от той стадии, на которой товары приносят непосредственное удовлетворение. Иными словами, он вплотную подошел к проблеме временной структуры производства. Также Донисторп впервые попытался проанализировать влияние товаров-субститутов (заменителей) и товаров-комплементов (дополнителей) на ценность. И хотя его схема кривых (т.е. шкал) спроса, предложения и цен, сама по себе любопытная, была безнадежно неверной (в частности, он отрицал, что повышение заинтересованности потребителей в продукте увеличит спрос на этот продукт), он, несомненно, с замечательной точностью предвосхитил сформулированный 40 лет спустя тезис Филиппа Уикстида, согласно которому приостановка поставок продукта для поставщиков равнозначна «резервированию спроса» на данный продукт. Так, Донисторп писал:

Прежде всего, продавцы и покупатели — это не два класса, а один класс... Отклонить определенную цену за определенную вещь — значит признать, что на самом деле она именно столько и стоит. Владелец лошади, который отказывается продать ее за 50 гиней, фактически оценивает ее в 50 гиней, но надеется потом получить больше или же в данный момент получает больше удовлетворения от лошади, чем от 50 гиней. Собственники, которые не продают, должны рассматриваться как фактические покупатели своих собственных товаров⁴⁷.

По всей видимости, Вордсворт Донисторп был разочарован невниманием к своей книге, а потому перестал, как в свое время Хирн, заниматься экономической теорией и плутологией и провел следующие два десятилетия в борьбе за либерализм и индивидуализм в праве и политической философии⁴⁸.

14.9. БАСТИА И LAISSEZ FAIRE В АМЕРИКЕ

В Соединенных Штатах, где принципы *laissez faire* приветствовались, сочинения Фредерика Бастия упали на благодатную почву. В первую очередь следует упомянуть видного ученого в области политических и социальных наук Фрэнсиса Либера (1800—1872). Уроженец Пруссии, он еще в молодости покинул Европу из-за неприятия немецкого национализма. В 1835 г. Либер сменил последователя Джефферсона Томаса Купера на посту профессора политической экономии и истории в Университете Южной Каролины. Двухтомная работа Либера «Руководство по политической этике» (1838—1839) представляла собой последовательную защиту абсолютных прав частной собственности, и в частности права свободного обмена этой собственностью. «Человек жаждет видеть свою индивидуальность представленной и отраженной в актах своих усилий — в собственности», — говорил Либер. Собственность, указывал он, существовала до появления общества и государства, и функция госу-

дарства состоит в том, чтобы защищать от любых посягательств права собственности, ничем не ограниченное право обменивать, приобретать, завещать и дарить собственность. Роль независимой судебной власти — института, созданного в Соединенных Штатах, — заключается в том, чтобы стоять на страже частной собственности и применять для этого общее право, «свод правил действия, складывавшихся стихийно и независимо от прямых актов законодательной и исполнительной власти».

В 1856 г. Либер стал профессором истории и политологии в Колумбийском университете в Нью-Йорке. В своем инаугурационном обращении он вознес похвалы свободному обмену, без которого цивилизованная жизнь немыслима.

Либер преподавал политическую экономию фактически по тексту «Трактата» Сэя и утверждал, что экономическая наука внушает идею «естественного, простого и ничем не нарушаемого состояния вещей, при котором человеку позволено использовать свои возможности так, как он считает нужным». Либер был настолько предан свободе торговли, что считал: вскоре настанет время, когда страны будут включать этот принцип в свои конституции. Он написал введение в первому английскому переводу (1848) «Софизмов политической экономии» Бастиа. Перевод выполнила друг Либера, Луиза Маккорд (1810—1879), дочь бывшего главы Банка Соединенных Штатов Лэнгдона Чевеса и жена полковника Дэвида Маккорда, протеже Томаса Купера; Маккорд был банкиром, плантатором, адвокатом и газетным издателем в Южной Каролине. Будучи преданной почитательницей Бастиа, г-жа Маккорд также писала статьи с критикой социализма и коммунизма.

Но самыми видными последователями Бастиа в Соединенных Штатах были Фрэнсис Амос Уокер (1799—1875)⁴⁹ и его близкий друг, принадлежавший к более молодому поколению уроженец Новой Англии Артур Латам Перри (1830—1905). Амос Уокер был сыном кузнеца, но быстро стал преуспевающим производителем обуви в Бостоне и принимал участие в строительстве железных дорог. Первыми предметами его интереса в экономической сфере стали денежное обращение и банковское дело, и здесь он проявил себя рьяным последователем Эндрю Джексона. Даже на посту директора банка Уокер придерживался принципа жесткой регламентации банкнотной эмиссии, требовал наличия 100%-ного золотого покрытия и недопущения выпуска банкнот сверх количества металлических денег в банковских хранилищах. Кроме того, он считал, что основная часть банкнот, особенно небольшого номинала, должна постепенно выводиться из оборота. Банковский кредит, указывал Уокер, порождает инфляцию и циклы бум—кризис, когда банки сталкиваются с оттоком золота за границу и им приходится сокращать кредит и выпуск банкнот. Он понимал также, что открытие месторождений золота не должно порождать кризисы и панику, поскольку дополнительное золото позволяет быстрее достичь 100%-ного уровня металлических денег.

В 1840 г., в возрасте 41 года, Амаса Уокер отошел от занятий бизнесом, посвятив себя экономической науке и политической деятельности. Он читал лекции по экономике в колледжах Оберлина и Амхерста, а в 1853—1860 гг. состоял экзаменатором по политической экономии в Гарварде. Уокер написал ряд статей для нью-йоркского финансового журнала «Merchant's Magazine», а в 1857 г. опубликовал книгу о денежном обращении и банковском деле «Природа и использование денег» («The Nature and Uses of Money»). Кроме того, он состоял членом законодательного собрания Массачусетса и занимал пост секретаря этого штата.

Сразу после окончания Гражданской войны Уокер, читавший тогда лекции в колледже Амхерста, опубликовал незаурядную работу по общим вопросам экономической теории «Наука о богатстве. Руководство по политической экономии» («The Science of Wealth. A Manual of Political Economy», 1866); в этой работе монетарные взгляды Уокера встраивались в общую схему *laissez faire*. Книга пользовалась огромной популярностью как в Америке, так и за границей и в последующие восемь лет выдержала восемь изданий.

Центральной темой книги были взгляды Уокера на денежное обращение и банковское дело. Занимая весьма редкую позицию, он выступал за свободное банковское дело *в рамках* законодательно установленной нормы 100%-ного резервирования⁵⁰. Уокер писал:

Многое было сказано о желательности *свободного банковского дела*. Нет никаких сомнений, что будет правильно и правомерно разрешить любому, кто хочет заняться банковским делом, действовать так же свободно, как если бы он занимался сельским хозяйством или любым другим бизнесом. Но не является и никогда не может быть целесообразным и правильным законодательное разрешение, дающее любому право выпускать деньги по собственному усмотрению... Банковское дело может быть таким же свободным, как брокерское дело, лишь при условии, что выпускаются банкноты, служащие сертификатами точно такого же количества металлических денег. Нужно обеспечить одну единственную вещь: не должны выпускаться банкноты сверх количества наличных металлических денег⁵¹.

Если говорить об общих экономических взглядах Уокера, то он делал акцент на каталлактическом подходе и использовал понятия богатства и ценности строго в традиции Бастиа. Уокер сделал много комплиментов теории ценности Бастиа и привел несколько страниц цитат и примеров из его «Гармоний». Кроме того, Уокер продолжил французскую традицию рассматривать предпринимателя как фактор производства, очень отличающийся от роли чистого капиталиста⁵².

Но, безусловно, самым видным последователем Бастиа в Соединенных Штатах был Артур Перри. В 1852 г. он окончил колледж Уильямса и почти сразу же получил в своей альма-матер должность, на которой всю дальнейшую жизнь преподавал историю, политическую экономию

и немецкий язык. С работами Бастиа Перри познакомил его друг Ама-са Уокер. Перри вспоминал:

Стоило мне прочесть всего дюжину страниц из этой замечательной книги [«Гармонии политической экономии» Бастиа], и перед моим умственным взором во всех своих очертаниях и со всеми ориентирами предстало Пространство Науки, каким я представляю его и сейчас [1883]. <...> С того момента политическая экономия стала для меня новой наукой; и тогда, и потом меня не покидало ощущение, что *я открыл для себя нечто действительно важное*⁵³.

Весной 1864 г. Перри написал серию «Статьи по политической экономии» для «Springfield Republican», где изложил заимствованное у Бастиа понимание политической экономии. Главный предмет экономической теории, указывал Перри, это ценность, а ценность определяется взаимными услугами, обмен которыми происходит при каждой сделке. Важнейшая аксиома и основной объект внимания экономического исследования состоит в том, что люди прилагают усилия для удовлетворения своих желаний, а торговля является взаимным обменом услугами, удовлетворяющими эти желания. При любом обмене обе стороны выигрывают; в противном случае они не стали бы участвовать в сделке. Рабочие, указывал он, могут получать больше лишь при условии, что для их найма выделяется больше капитала и, соответственно, заработная плата в расчете на каждого рабочего повышается.

По совету Уокера Перри расширил статьи и переработал их в учебное руководство, опубликованное в следующем году. «Основы политической экономии», впоследствии переименованные в «Политическую экономию», стали, безусловно, самым успешным в стране руководством по экономической теории: в течение 30 лет вышло 21 издание. В этой работе Перри не только отдал подобающую дань Бастиа; он с большой похвалой отозвался о Маклеоде и принял его версию истории экономической мысли. Перри выделял Кондильяка, Уотли, Бастиа и Маклеода как лидеров правильного, ориентированного на услуги каталлактического направления, или, как называл его Перри, школы «всех продаж»⁵⁴. В точном и обстоятельном исследовании обмена и его предварительных условий, ценности и разделения труда Перри пошел дальше Бастиа: он полностью очистил экономическую теорию от расплывчатого и материалистического понятия «богатство» Адама Смита и полностью сосредоточился на обмене⁵⁵.

Хотя Перри не использовал термин «предприниматель», сосредоточенность на ценности и понимание обмена как человеческой *деятельности* побуждало его рассматривать бизнесмена как активного прогнозирующего предпринимателя, а не как роботоподобного участника общего статичного равновесия. По словам Перри, «бизнесмен должен быть человеком с головой. Сфера производства — это не то монотонное однообразие, какое являет собой покрытое волнами море»; напротив, это занятие

«требуется прозорливости, разумной смелости и умения приспособливаться к меняющимся обстоятельствам»⁵⁶.

Будучи твердо убежден в безусловных взаимных выгодах обмена, Артур Перри превозносил свободный обмен и порицал ограничение этого процесса. Так, он отмечал, что

любой человек способен понять, что отдаваемое при обмене в целом менее ценно, чем получаемое. Стоит лишь на мгновение задуматься, и *это* становится ясно любому. Поскольку это всегда должно быть верно для каждого участника любого обмена... каждый охотно расстается с чем-то ради получения чего-то другого... Самое малое размышление подскажет любому, что, если эта более высокая оценка будет отсутствовать в сознании одной из сторон, сделка просто не состоится... Поэтому для побуждения к сделке не нужно никакого закона и никаких дополнительных стимулов; обмен — дело совершенно естественное, и это может понять любой, кто спросит себя, почему он его совершил. Напротив, любой закон, любое искусственное препятствие, мешающие двум лицам заключить сделку, которую они в нормальных условиях заключили бы, не только нарушают это священное право, но и отнимают выигрыш, который оба эти лица в другом случае непременно получили бы⁵⁷.

Особенно резко Перри осуждал такие явные препятствия для свободного обмена, как минимальная заработная плата, профсоюзы, законы против ростовщичества и бумажные деньги. Хотя он даже в большей степени, чем Уокер, не признавал, что банковские депозиты такая же часть денежной массы, как и банкноты, он пошел дальше требования Уокера создать 100%-ный резерв для бумажных денег, призывая вообще отказаться от бумажных денег, даже обеспеченных 100%-ным металлическим покрытием. Однако в рамках этой системы, считал он, банковский кредит и выпуск депозитов должны быть совершенно свободными.

Перри был решительным противником протекционизма. Он написал множество статей и произнес сотни речей в защиту свободной торговли и против ее ограничения. Протекционистские пошлины, указывал он, необоснованны экономически; они нарушают права собственности, букву и дух Десяти заповедей. Протекционистские пошлины грабят фермеров на Западе, чтобы несколько промышленников получали привилегии. Перри мужественно переносил нападки влиятельных выпускников колледжа Уильямса, возглавляемых торговцем скобяным товаром Джорджем Эли, которые выступали против его концепции свободной торговли. Когда был убит президент Джеймс Гарфилд, бывший студент и многолетний друг Перри, состоявший вместе с ним в английском Клубе Кобдена, Перри отважился на крайне непопулярный в Новой Англии шаг: он вышел из Республиканской партии, «партии привилегий» и коррупции, и вступил в Демократическую партию. Он пользовался большим авторитетом среди политиков, поддерживавших идею свободной торговли, и президент Кливленд предложил ему пост министра финансов.

Еще одним видным сторонником *laissez faire*, по крайней мере в ранний период своей карьеры, был друг и коллега Перри, преподаватель риторики в колледже Уильямса, Джон Баском (1827—1911). В 1850—1860-х гг. Уокер, Перри и Баском представляли собой мощную группу в Новой Англии. Перри убедил Баскома написать книгу по экономической теории. «Политическая экономия» Баскома (1859) превозносила производительные силы и конкуренцию в стремлении к прибыли, приносящую пользу всему обществу. У государства одна задача — защита прав частной собственности, позволяющая производству работать беспрепятственно. Баском указывал также, что понятие «монополия» имеет лишь одно осмысленное значение: предоставление государством исключительных привилегий; в противном случае *всю* собственность можно назвать «монополией». Наконец, Баском вслед за Уокером предлагал 100%-ное металлическое покрытие для бумажных денег.

Впоследствии Джон Баском стал ректором университета штата Висконсин, сменив Перри в должности профессора истории и политической экономии в колледже Уильямса, когда тот в 1890-х гг. ушел в отставку. Однако Баскому суждено было стать серьезным испытанием для его старого друга: в 1880-х гг. он стал отходить от прежней позиции и писал книги по новой эстетической дисциплине «социология». В итоге его позиция радикально изменилась: он призывал предоставлять профсоюзам государственные привилегии и пресекать «эксцессы» индивидуализма. Теперь он считал, что единственной опасностью, связанной с социализмом и коллективизмом, является «неразумное сопротивление этой органической силе, которая пробивается в наши жизни». «Развитие [т.е. коллективизм], — безапелляционно заключил Баском, — должно возобладать»⁵⁸. Само собой разумеется, Джон Баском быстро поладил с новым интеллектуальным течением, которое захлестнуло Европу и Соединенные Штаты в 1880—1890-х гг.

Одним из самых необычных и самым передовым из американских читателей Фредерика Бастиа был бостонский коммерсант Чарльз Кэрролл (1799—1890). Стойкий приверженец свободной торговли и *laissez faire*, Кэрролл в 1855—1879 гг. публиковал в коммерческих и финансовых журналах статьи по денежным и банковским вопросам. По сути дела, Кэрролл был последним джексономцем, который продолжал выступать за сверхтвердые деньги еще долгое время после того, как им был нанесен сильнейший удар во время Гражданской войны, когда выпуск «зеленых спинок» (гринбеков) и национальный банковский акт побудили здравомыслящих финансистов сосредоточиться на полном возврате к золотому стандарту. Кроме того, Кэрролл не ограничился требованием 100%-ного обеспечения банкнот — он справедливо и настойчиво утверждал, что 100%-ным покрытием должны быть обеспечены и депозиты до востребования. Он в особенности ясно показал, что банковские депозиты до востребования создаются главным образом за счет расширения банковского кредитования. Он указал также на ошибочность понятия

«реальных векселей» у Смита, которое служило оправданием частичного банковского резервирования. Далее, Кэрролл понимал, что наличие центрального банка, олицетворением которого служил Банк Англии, оставляет гораздо больше места для расширения частичного резервирования и «фиктивных» денег, чем система свободного банковского дела. Более того, Кэрролл пошел дальше большинства сторонников твердых денег, призвав к отмене таких потенциально опасных *названий* денег, как «доллар» (которое создавало иллюзорное впечатление, что эти денежные единицы сами по себе являются товарами), и к замене их единообразными чисто описательными обозначениями в весе золота, т.е. в количестве тройских унций. Для иностранных валют, т.е. для валют, не конвертируемых в обычные металлы, Кэрролл разработал основы теории паритета покупательной способности, с помощью которой можно рассчитывать обменные курсы на мировом рынке⁵⁹.

14.10. УПАДОК ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ТЕЧЕНИЯ LAISSEZ FAIRE

В последние десятилетия XIX в. течение *laissez faire* переживало упадок в экономической мысли, а также в плане общественного и политического влияния повсюду в Европе и в Соединенных Штатах. Парето был далеко не единственным впавшим в отчаяние представителем *laissez faire*. Вдохновленные созданным в Пруссии социально-военным государством, профессора и политики единодушно порицали «старомодные» принципы *laissez faire* и приветствовали якобы современное и «прогрессивное» развитие этатизма, государственное планирование и государственные социальные программы. Американские профессора, получавшие образование в Германии, на родине степени «доктор философии», возвращались из Европы, воспевая дифирамбы «органическому» Большому правительству, высмеивали идею экономического закона и рыночную экономику и выступали за классовую «гармонию», создаваемую Большим правительством. Нисколько не удивительно, что само это новое современное Большое правительство остро нуждалась в профессорах, ученых, журналистах и прочих интеллектуалах, способных формировать общественное мнение. Они были нужны, во-первых, для того, чтобы организовать общественное согласие на новое распространение этатизма, и, во-вторых, для того, чтобы участвовать в кадровом комплектовании, регулировании и законодательном оформлении новой плановой экономики. Под эту программу государство было готово выделять большие деньги за услуги интеллектуалов-государственников, и это весьма важное обстоятельство не осталось незамеченным в рядах новой прогрессивной интеллигенции.

По всей Европе небольшие ассоциации преданных *laissez faire* ученых и бизнесменов замещались более крупными организациями в основном академического свойства; они отличались профессиональной кастово-

стью и стремлением продвигать интересы своей гильдии ученых-экономистов. Не удивительно, что новые организации часто были откровенно этатистскими и нацеленными на искоренение *laissez faire*. Ричард Эли, ученый с имперскими замашками, получивший образование в Германии, сторонник институционализма, этатизма и христианского социализма, был главным основателем Американской экономической ассоциации. Он сознательно не допускал в нее таких сторонников *laissez faire*, как Уильям Самнер и Перри, которые создали Клуб политической экономии. Когда коллеги Эли отвергли эту политику закрытых дверей, тот в гневе вышел из Ассоциации и помирился с ней лишь спустя годы.

Если направление *laissez faire* переживало упадок, то тирания английской классической модели, восстановленной Миллем в 1848 г., близилась к краху. Прецеденты для замены классической модели были уже созданы экономистами прошлого. Свой вклад внесли поздние схоласты, Кантильон, Тюрго, Сэй и французы XIX в.; Уотли, колледж Св. Троицы, дублинская школа, Лонгфилд и Сениор в Англии и Ирландии. Следующим крупным достижением экономической мысли стало свержение классической рикардиянской парадигмы и наступление субъективистской революции (которую обычно, но неверно называют маржиналистской), начавшейся в 1870-е гг. Знаменитая маржиналистская тройца, Джевонс, Вальрас и Менгер, была, к счастью, в недавнее время дегомогенизирована благодаря появившейся 20 лет назад классической статье Уильяма Джафффе⁶⁰. Сейчас ясно, что революция против парадигмы классической школы вышла далеко за рамки обращения к предельной полезности товара или услуги — особенно в руках Карла Менгера и его последователей. Но это уже тема другого тома <оставшегося ненаписанным>.

14.11. ПРИМЕЧАНИЯ

472

1. «Руководство» Абу выдержало много изданий; существует английский перевод: About, *Handbook of Social Economy, or the Workers' ABC* (London: Strahan & Co., 1872).
2. Спустя сто лет памфлет Бастиа «Что видно и чего не видно» послужил стимулирующим источником и исходным пунктом для Генри Хэзлита в работе над превосходным и пользовавшимся большим спросом введением в экономическую теорию «Экономика за один урок» (Hazlitt H., *Economics in One Lesson*, New York: Harper & Bros, 1946 <имеется два русских перевода: Хэзлитт Г. Типичные ошибки государственного регулирования. М.: Серебряные нити, 2000; Хэзлитт Г. Экономика за один урок. М.: ИД Вильямс, 2015>).
3. Dean Russell, *Frederic Bastiat: Ideas and Influence* (Irvington-on-Hudson: Foundation for Economic Education, 1965), p. 20.
4. См.: Joseph T. Salerno, 'The Neglect of the French Liberal School in Anglo-American Economics: A Critique of Received Explanations', *The Review of Austrian Economics*, 2 (1988), p. 127.

5. Взвешенную оценку этого аспекта вклада Бастиа см. в: Israel M. Kirzner, *The Economic Point of View* (Princeton, NJ: D. Van Nostrand, 1960), pp. 82—84.
6. О конфликтах и нападках, которые революция 1848 г. принесла либералам и которые в итоге негативно сказались на всем этом движении, см.: David M. Hart, 'Gustave de Molinari and the Anti-Statist Liberal Tradition, Part 1', *The Journal of Libertarian Studies*, V (Summer 1981), pp. 273—276.
7. О панегириках Кобдена в адрес Бастиа см.: Russell, op. cit., note 3, pp. 73—74.
8. Ibid., p. 90.
9. Так, Пьеро Баруччи считает, что теория ценности Феррары «была задумана как критический ответ на трудовую теорию ценности Рикардо, в которой Феррара не видел никакого элемента субъективности. С помощью понятия издержек воспроизводства он хотел создать такую теорию ценности, которая учитывает как фактор издержек, так и фактор полезности товаров. В этой теории ценность товара определяется сравнением полезности, которую субъект приписывает самому товару, и издержек, которые ему пришлось бы понести при воспроизводстве товара. Таким образом, эта теория определенно делает акцент на полезности товаров» (Piero Barucci, 'The Spread of Marginalism in Italy, 1871—1890', in R. D. C. Black, A. W. Coats, and C. D. W. Goodwin (eds), *The Marginal Revolution in Economics: Interpretation and Evaluation* (Durham, NC: Duke University Press, 1973), p. 260). См. также: Salerno, op. cit., note 4, p. 121; ibid., p. 144n10; F. Caffè, 'Ferrara, Francesco', *The New Palgrave: Dictionary of Economics* (London: Macmillan, 1987), II, p. 302.
10. J. A. Schumpeter, *History of Economic Analysis* (New York: Oxford University Press, 1954), p. 1081 <Шумпетер Й. История экономического анализа : в 3 т. М.: Экономическая школа, 2001. Т. 3. С. 1423>.
11. См.: Barucci, op. cit., note 9, p. 264. Акилле Лориа, ведущий итальянский социалист и представитель историцизма того периода, отмечал, что Феррара и его школа превозносят Бастиа, считают Рикардо и Стюарта Милля опасными и софистичными теоретиками и не выносят немецких экономистов, которых объявляют «сторонниками интервенционизма и социализма». Хотя Лориа страстно отвергал все, за что выступал Феррара, он был человеком достаточно понимающим и справедливым, чтобы назвать Феррару «величайшим итальянским экономистом XIX в.» и «вне сомнения, величайшим гением, которым гордится экономическая наука нашей страны» (Salerno, op. cit., note 4, p. 144n8; ibid., pp. 121—122).
12. Известно, что в Норвегии на идеях Бастиа была основана одна популярная экономическая книга (H. Lehmann, *Velstandslaere*, 1874). О шведском Экономическом обществе см.: Eli F. Heckscher, 'A Summary of Economic Thought in Sweden, 1875—1950', *The Scandinavian Economic History Review*, I (1953), pp. 105—125.
13. Russell, op. cit., note 3, p. 91.
14. Немаловажно отметить, что его отец, Джон Принс Смит-старший писал работы, посвященные естественному праву и свободной торговле, например «Elements of the Science of Money» (1813). См.: Donald G. Rohr, *The Origins of Social Liberalism in Germany* (Chicago: University of Chicago Press, 1963), pp. 85 ff.
15. «Принс-Смит использовал термин “свободная торговля” в широком значении и, в частности, утверждал... что “свободная торговля отводит государ-

- ству лишь одну единственную задачу: *обеспечение безопасности*» (Ralph Raico, 'John Prince Smith and the German Free Trade Movement', in W. Block and L. Rockwell (eds.), *Man, Economy, and Liberty: Essays in Honor of Murray N. Rothbard* (Auburn, Ala.: The Ludwig von Mises Institute, 1988), p. 349n8).
16. См.: W. O. Henderson, 'Prince Smith and Free Trade in Germany', *Economic History Review*, 2nd ser., 2 (1950), p. 297; reprinted in W. O. Henderson, *Britain and Industrial Europe, 1750—1870* (Liverpool, 1954).
 17. Raico, op. cit., note 15, p. 346. О близком к индивидуализму анархизме Юлиуса Фаухера см.: Andrew R. Carlson, *Anarchism in Germany, Vol. I: The Early Movement* (Metuchen, NJ: The Scarecrow Press, 1972), pp. 65—66.
 18. Gustave de Molinari, 'De la production de la securite', *Journal des Economistes*, XXV (Feb. 1849), pp. 277—290. Английский перевод: Gustave de Molinari, *The Production of Security* (trans. J. McCulloch, New York: Center for Libertarian Studies, May 1977). <Русский перевод с английского: Молинару Г. Производство безопасности [Электронный ресурс] //Libertarium.ru. М., 25.04.2008. URL: <http://www.libertarium.ru/40481> (дата обращения: 04.01.2019).>
 19. Полный английский перевод одиннадцатой беседы можно найти в приложении к статье: David M. Hart, Gustave de Molinari and the Anti-statist Liberal Tradition, Part III, *The Journal of Libertarian Studies*, VI (Winter 1982), pp. 88—102.
 20. См.: Murray N. Rothbard, *For a New Liberty: the Libertarian Manifesto* (1973, rev. ed., New York: Libertarian Review Foundation, 1985) <Ромбард М. К новой свободе: либертарианский манифест. М.: Новое издательство, 2009>. Вдумчивая оценка Молинару и его идеи полной приватизации защиты от преступлений содержится в работе: Bruce L. Benson, 'Guns for Protection and Other Private Sector Responses to the Fear of Rising Crime', in D. Kates (ed.), *Firearms and Violence: Issues of Public Policy* (San Francisco: Pacific Institute for Public Policy Research, 1984), pp. 346—356. См. также: Benson, *The Enterprise of Law* (San Francisco: Pacific Institute, 1990).
 21. Об основном содержании дискуссии см.: *Journal des Économistes*, XXIV (15 Oct. 1849), pp. 315—316. Более детальное изложение дискуссии см. в: Murray N. Rothbard, 'Preface', in Molinari, op. cit., note 18, pp. i—iii.
 22. В 1850-х гг. Молинару жил в Бельгии, куда вернулся после совершенного Луи Наполеоном в декабре 1851 г. государственного переворота, который положил начало расцвету деспотизма во Франции. С помощью своего друга Шарля де Брукера Молинару получил должность профессора политической экономии в Бельгийском королевском музее промышленности в Брюсселе и в Высшем институте коммерции в Антверпене. Лекции, прочитанные в Музее, легли в основу главной теоретической работы Молинару, *Cours d'Économie Politique* (2 vols, Paris, 1863). Он продолжал писать статьи и рецензии для «Journal des Économistes», а в 1855 г. основал «Économiste belge», еще более радикальный журнал, который он издавал в течение 13 лет. В Париж он вернулся в 1860 г. и с 1871 по 1876 г. занимал пост главного редактора еще одного печатного органа laissez faire, «Journal des Débats».
 23. К сожалению, из работ Молинару на английский язык переведена только эта книга — *The Society of Tomorrow* (New York: G.P. Putnam's Sons, 1904). Об изменении позиции Молинару в поздний период и о его взглядах в целом см.: Da-

- vid M. Hart, 'Gustave de Molinari and the Antistatist Liberal Tradition', Part II, *The Journal of Libertarian Studies*, V (Autumn 1981), pp. 399—434.
24. Molinari, op. cit., note 18, pp. 1—2.
 25. Frédéric Passy, Prefatory Letter, in Molinari, op. cit., note 23, pp. xxviii—xxix. Пасси, сам много писавший по экономике, некоторое время был президентом Общества политической экономии, а также членом французской палаты депутатов в 1881—1888 гг. В 1867 г. он участвовал в основании Международной мирной лиги 1867, а в 1901 г. удостоился Нобелевской премии мира за свою деятельность по пропаганде мира и международного арбитража.
 26. Вклад Парето в разработку математической неоклассической общей теории равновесия будет рассмотрен в следующем томе <оставшемся ненаписанным по причине смерти автора>; сейчас речь пойдет о его политико-экономической теории. Обзор полемики между Парето и Кроче по вопросу о том, что пригоднее в качестве метода экономической науки, позитивизм или праксеология, см. в: Murray N. Rothbard, *Individualism and the Philosophy of the Social Sciences* (San Francisco: Cato Institute, 1979), pp. 54—56.
 27. В сборнике: P. Bucolo (ed.), *The Other Pareto* (London: Scolar Press, 1980), p. 44.
 28. Из работы Молинару «Précis d'économie politique et de la moral» (1893), in Bucolo, op. cit., note 27, p. 68.
 29. Ibid., p. 144.
 30. Ibid., p. 141.
 31. См. информативную статью Файнера: S. E. Finer, 'Pareto and Pluto-Democracy: the Retreat to Galapagos', *American Political Science Review*, 62 (1968), pp. 440—450. Дополнительную информацию можно найти во введении Файнера к изданию: Vilfredo Pareto, *Sociological Writings* (ed. S. E. Finer, London: Pall Mall Press, 1966).
 32. См.: Bucolo, op. cit., note 27, p. 166.
 33. Finer, in Pareto, op. cit., note 31, p. 18.
 34. Bucolo, op. cit., note 27, pp. 149—150.
 35. Theo Suranyi-Unger, *Economics in the Twentieth Century* (New York: W.W. Norton, 1931), p. 128.
 36. Точнее говоря, при жизни Рау восемь изданий выдержал посвященный теории первый том, пять изданий — посвященный экономической политике второй том и тоже пять (начиная с 1832 г.) — третий том о государственных финансах. Посмертное, 6-е издание третьего тома было исправлено и дополнено бывшим студентом Рау, тоже уроженцем Эрлангена, профессором Адольфом Вагнером. Кроме того, Вагнер заново отредактировал и в 1876 г. опубликовал 9-е издание первого тома. См.: Keith Tribe, *Governing Economy: The Reformation of German Economic Discourse 1750—1840* (Cambridge: Cambridge University Press, 1988), p. 183, 183n.
 37. См.: Donald G. Rohr, *The Origins of Social Liberalism in Germany* (Chicago: University of Chicago Press, 1963), pp. 78—84. См. также: H. C. Recktenwald, 'Rau, Karl Heinrich', *The New Palgrave*, op. cit., note 9, IV, p. 96.
 38. Такое же полупрезрительное отношение к Маклеоду характерно и для современных британских исследователей, о чем свидетельствует статья: Мур-

- ray Milgate, Alastair Levy, 'Henry Dunning Macleod', *The New Palgrave*, op. cit., note 9, III, pp. 268—269.
39. Об одобрителной оценке Маклеода современным французским сторонником золотого стандарта и банковской школы см.: Charles Rist, *History of Monetary and Credit Theory* (1940, New York; A. M. Kelley, 1966), pp. 73, 102, 203, 205, 261.
40. Salerno, op. cit., note 9, pp. 130—131; см. также: Murray N. Rothbard, 'Catallactics', *New Palgrave*, op. cit., note 9, II, p. 377.
41. Salerno, op. cit., note 9, p. 131. См.: Henry Dunning Macleod, *The Elements of 'Political Economy* (London: Longman, Brown, 1857), pp. 98—100, 111, 127. См. также: Macleod, *The History of Economics* (New York: G.P. Putnam's, 1896); idem., *A Dictionary of Political Economy*, Vol. I (London, 1863).
42. Salerno, op. cit., note 9, p. 132.
43. W. Stanley Jevons, *The Theory of Political Economy* (Baltimore: Penguin Books, 1970), pp. 57, 261. См. также: Israel M. Kirzner, *The Economic Point of View* (New York: D. Van Nostrand, 1960), pp. 73, 202—203.
44. «Для английской политической экономии было новшеством начать рассуждение с главы о человеческих потребностях и сделать центральной темой удовлетворение этих потребностей... Но это новость только в английской литературе. Первенство, которое Хирн отдает потребностям, — это просто отражение его знакомства с французской литературой. Первая глава в некоторых местах представляет собой пересказ "Гармоний" Бастиа, а название книги перекликается с часто встречающейся у Бастиа фразой "Потребности, Усилия, Удовлетворение!"» (J. A. La Nauze, *Political Economy in Australia* (Carlton, Australia: Melbourne University Press, 1949), pp. 56—58. См. также оценку Хирна у Салерно: Salerno, op. cit., note 9, pp. 125—129.
45. Kirzner, op. cit., note 43, pp. 202n7, 212n2.
46. Williams & Norgate было видным научным издательством того времени; оно издавало работы Герберта Спенсера и философский журнал «Mind». Если принять во внимание схожие либеральные индивидуалистические взгляды Донисторпа и Спенсера, становится понятным, почему именно оно выпустило книгу Донисторпа.
47. Wordsworth Donisthorpe, *Principles of Plutology* (London: Williams & Norgate, 1876), p. 132. См. также: Peter Newman, 'Donisthorpe, Wordsworth', *New Palgrave*, op. cit., note 9, I, pp. 916—917.
48. О Донисторпе как либерале см.: W. H. Greenleaf, *The British Political Tradition*, Vol. II, *The Ideological Heritage* (London: Methuen, 1983), pp. 277—280.
49. Не следует путать с его сыном и полным тезкой, умеренным этатистом, который стал первым президентом Американской экономической ассоциации (Фрэнсис Амаца Уокер, 1840—1897).
50. В отличие от английской денежной школы Уокер, следуя американской традиции, утверждал, что банковские депозиты — это точно такая же часть денежной массы, как и банкноты. При этом он необъяснимо и непоследовательно не включал депозиты в свое предложение 100%-ного резервирования, приводя малоубедительный довод, что ограничение выпуска банкнот уровнем их металлического покрытия будет достаточным ограничителем создания депозитов.

51. Amasa Walker, *The Science of Wealth* (3rd ed., Boston: Little, Brown, 1867), p. 230—231.
52. *Ibid.*, pp. 9—13; см. также: Salerno, *op. cit.*, note 9, pp. 133—135.
53. Arthur Latham Perry, *Political Economy* (1883, 21st ed., New York: Scribner, 1892), p. ix.
54. Хотя Перри был благодарен Уокеру за знакомство с Бастиа и включил его имя в число тех представителей *laissez faire*, которым посвятил свою книгу, в личном общении он упрекал Уокера за «слишком большую зависимость от Адама Смита». См.: Sidney Fine, *Laissez faire and the General-Welfare State* (Ann Arbor: University of Michigan Press, 1956), p. 52n16.
55. Об оценке вклада Перри см.: Kirzner, *op. cit.*, note 43, pp. 75—77.
56. Joseph Dorfman, *The Economic Mind in American Civilization* (New York: Viking Press, 1949), III, p. 57.
57. Perry, *op. cit.*, note 53, pp. 102—103.
58. Dorfman, *op. cit.*, note 56, III, pp. 178—179.
59. Собрание работ Кэрролла содержится в: Charles Holt Carroll, *Organization of Debt into Currency* (E. Simmons, ed., Princeton: Van Nostrand, 1964).
60. William Jaffe, 'Menger, Jevons and Walras De-Homogenized', *Economic Inquiry*, 14 (Dec. 1976), pp. 511—524.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

479

Как мы отметили в первом томе, в библиографическом очерке для книги, охватывающей значительную часть истории экономической мысли, невозможно перечислить, а тем более охарактеризовать все источники по истории собственно экономической мысли, и тем более источники по важным вспомогательным областям истории социальной, политической и религиозной мысли, которые в дополнение к истории экономической науки оказывают влияние на развитие и конфликты в экономической мысли. В таком случае самое большее, что я способен сделать, это перечислить и охарактеризовать те источники, преимущественно вторичные, которые оказались наиболее полезными при работе над этим исследованием. Надеюсь, что это библиографическое приложение послужит путеводителем для тех читателей, кто захочет глубже погрузиться в какие-то темы и разделы этой огромной и сложной области знания.

1. БИБЛИОГРАФИИ ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА

Henry W. Spiegel, *The Growth of Economic Thought* (3rd ed., Duke University Press, 1991) содержит с большим запасом наиболее всеобъемлющий библиографический очерк по истории экономической мысли, занимающий 161 страницу и являющийся наиболее ценной частью книги. *New Palgrave: A Dictionary of Economics* (London: Macmillan, and New York: Stockton Press, 1987) — в этом четырехтомном издании содержатся превосходные статьи об отдельных экономистах. Ludwig H. Mai, *Men and Ideas in Economics: A Dictionary of World Economists, Past and Present* (Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 1977) — в этом скромном издании в бумажной обложке, находящемся на другом конце спектра, собраны краткие, но удивительно полезные очерки. Mark Blaug, *Great Economists Before Keynes* (Cambridge: Cambridge University Press, 1986) — здесь количество очерков меньше, но они более развернуты и подробны.

2. Ж.-Б. СЭЙ

Поистине позорен тот факт, что на английском языке не существует ни одной биографии великого Ж.-Б. Сэя (и всего одна на французском, старое сочинение Эрнеста Тейлхака). Вообще крайне мало исследований по всем аспектам творчества Сэя за исключением горы работ, посвященных одному вопросу, известному как «закон Сэя», причем слишком часто они анализируют математические уравнения, что самому Сэй вполне закономерно показалось бы смешным. Главное сочинение Сэя переведено на английский с окончательного пятого французского издания 1826 г. под названием J. B. Say, *A Treatise on Political Economy* (ed. Clement C. Biddle, 6th Amer. ed., 1834, New York: A. M. Kelley, 1964), — прекрасные примечания Биддла иногда указывают на отход автора от *laissez faire* и вносят коррективы. Также см.: J. B. Say, *Letters to Mr. Malthus* (1821, New York: A. M. Kelley, 1967). Следует также выразить сожаление по поводу того, что в монументальном

многотомном каноническом издании сочинений и писем Рикардо под редакцией П. Сраффы письма Сэя к Рикардо опубликованы на изначальном французском и не переведены на английский. Учтывая, сколько сил и ресурсов было вбухано в этот проект, трудно понять, почему эти письма не были переведены.

480

Отличное обсуждение идеологов и философских и научных истоков их учений см. в: F. A. von Hayek, *The Counter-Revolution of Science* (Glencoe, Ill.: The Free Press, 1952), pp. 105—116 <Хайек Ф. фон. Контрреволюция науки: этюды о злоупотреблении разумом. М.: ОГИ, 2003. С. 149—153>. Исчерпывающее исследование жизни и творчества де Траси: Emmet Kennedy, *Destutt De Tracy and the Origins of 'Ideology'* (Philadelphia: American Philosophical Society, 1978). О Сэе и идеологах см.: Leonard P. Liggio, 'Charles Dunoyer and French Classical Liberalism', *The Journal of Libertarian Studies*, 1 (Summer 1977), pp. 153—165; Mark Weinburg, 'The Social Analysis of Three Early 19th Century French Liberals: Say, Comte, and Dunoyer', *The Journal of Libertarian Studies*, 2 (Winter 1978), pp. 45—63. Также см.: Charles Hunter Van Duzer, *Contribution of the Ideologues to French Revolutionary Thought* (Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1935). О некоторых точках соприкосновения между идеологами и Шторхом, Брауном и Миллем написано в: Cheryl B. Welch, *Liberty and Utility: The French Ideologues and the Transformation of Liberalism* (New York: Columbia University Press, 1984). Однако Уэлч преувеличивает приверженность представителей французской школы утилитаризму. О конфликте между идеологами и Наполеоном см.: Lewis A. Coser, 'Napoleon and the Ideologues', in George V. de Huszar (ed.), *The Intellectuals* (Glencoe, Ill.: The Free Press, 1960), pp. 80—86.

О взглядах Джефферсона в области теории денег и о его плане ликвидировать банкноты см.: Murray N. Rothbard, *The Panic of 1819: Reactions and Policies* (New York: Columbia University Press, 1962), p. 140. Также см.: Clifton B. Luttrell, 'Thomas Jefferson on Money and Banking: Disciple of David Hume and Forerunner of Some Modern Monetary Views', *History of Political Economy*, 1 (Spring 1975), pp. 156—173.

О Сэе и последователях Смита см.: J. Hollander, 'The Founder of a School', in J. M. Clark et al., *Adam Smith, 1776—1926* (Chicago: University of Chicago Press, 1928), и о влиянии «Трактата» Сэя в Европе см.: Palyi, 'The Introduction of Adam Smith', in *ibid.*, pp. 180—233. О влиянии «Трактата» в США см.: Michael J. L. O'Connor, *Origins of Academic Economics in the United States* (New York: Columbia University Press, 1944), pp. 120—135.

Обсуждение критики Сэя в отношении статистики см.: Claude Menard, 'Three Forms of Resistance to Statistics: Say, Cournot, Walras', *History of Political Economy*, 12 (Winter, 1980), pp. 524—529. Однако Менар ошибается, считая, что последний английский перевод «Трактата» сделан в 1831 г. с 4-го издания. Ныне издаваемый перевод основан на 5-м французском издании и включает в себя прекрасное «Введение» Сэя, содержащее его критику статистического метода.

Тонкое сравнение и противопоставление теорий ценности Сэя и Рикардо, а также критика отказа Сэя от точки зрения Кондильяка и Дженезеви о выгодах обмена следует искать в прекрасной главе «Рикардо против Сэя. Что служит основой ценности: издержки или полезность?»: Oswald St Clair, *A Key to Ricardo* (1957, New York: A. M. Kelley, 1965), pp. 260—296.

481

Сэева теория предпринимательства обсуждается, правда не вполне удовлетворительно, в: J. A. Schumpeter, *History of Economic Analysis* (New York: Oxford University Press, 1954) <Шумпетер Й. История экономического анализа : в 3 т. СПб.: Экономическая школа, 2001>, Robert F. Hebert and Albert N. Link, *The*

Entrepreneur: Mainstream Views and Radical Critiques (New York: Praeger, 1982), pp. 29—35. Отличное обсуждение трактовки Сэем фигуры предпринимателя и сравнение с трактовками Смита и Рикардо см. в: G. Koolman, 'Say's Conception of the Role of the Entrepreneur', *Economica*, 38 (August 1971), pp. 269—286. О про-тоавстрийском тезисе Сэя, согласно которому ценность факторов производства производна от изготавливаемой с их помощью продукции, а не наоборот, см. в: Marian Bowley, *Studies in the History of Economic Theory Before 1870* (London: Macmillan, 1973), p. 127.

О законе рынков Сэя лучше всего читать в его переписке с Мальтусом и в его «Трактате». Бóльшая часть современной литературы о законе Сэя ничего особенного предложить не может; однако см.: Schumpeter, *History of Economic Analysis*, pp. 615—625 <Шумпетер Й. История экономического анализа. С. 816—821>; Henry Hazlitt, (ed.), *The Critics of Keynesian Economics* (1960, 2nd ed., New Rochelle, NY: Arlington House, 1977), pp. 11—45; и прежде всего, к великому сожалению, пребывающую в забвении брошюру: William H. Hutt, *A Rehabilitation of Say's Law* (Athens, Ohio: Ohio University Press, 1974). Печально известную атаку Кейнса на закон Сэя можно найти в: John Maynard Keynes, *The General Theory of Employment, Interest, and Money* (New York: Harcourt, Brace, 1936), p. 23 <Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. М.: Эксмо, 2007. С. 60>.

Об уникальном в своем роде непримиримо враждебном отношении Сэя к налогодобложению см.: Murray N. Rothbard, 'The Myth of Neutral Taxation', *Cato Journal*, 1 (Autumn, 1981), pp. 551—554. О Сэе и его последователях как либертарианцах см.: Weinburg, 'Social Analysis', pp. 54—63. О методологии Сэя см.: Murray N. Rothbard, *Individualism and the Philosophy of the Social Sciences* (1973, San Francisco: Cato Institute, 1979), pp. 45—49.

3. ИЕРЕМИЯ БЕНТАМ

О Бентаме и его последователях см. классическую работу: Elie Halevy, *The Growth of Philosophic Radicalism* (1928, Boston: Beacon Press, 1955). Великолепную критику утилитаристов (где Бентам обсуждается в главе 4) см. в: John Plamenatz, *The English Utilitarians* (2nd ed., Oxford: Basil Blackwell, 1958). Обсуждение Бентама, кружка его последователей, а также философских радикалов см. в: William E. S. Thomas, *The Philosophic Radicals: Nine Studies in Theory and Practice, 1817—1841* (Oxford: The Clarendon Press, 1979). О Бентаме как слабом звене в движении *laissez faire* см.: Ellen Frankel Paul, *Moral Revolution and Economic Science* (Westport, Conn.: Greenwood Press, 1979), pp. 45—80. Классическая статья о Бентаме как экономисте этактистского направления: T. W. Hutchison, 'Bentham as an Economist', *Economic Journal*, 66 (June 1956), pp. 288—306, reprinted in J. Spengler and W. R. Allen, *Essays in Economic Thought* (Chicago: Rand McNally, 1960), pp. 330—348. О Бентаме как предтече Скиннера: Douglas C. Long, *Bentham on Liberty* (Toronto: University of Toronto Press, 1977). Гневная критика Бентама за разработку проекта паноптикума: Gertrude Himmelfarb, *Victorian Minds* (1968, Gloucester, Mass.: Peter Smith, 1975); Idem., 'Bentham's Utopia', in Himmelfarb, *Marriage and Morals Among the Victorians* (New York: Knopf, 1986), pp. 111—143. Критику использования утилитаризма в качестве фундамента *laissez faire* см. в: Murray N. Rothbard, *The Ethics of Liberty* (Atlantic Highlands, NJ: Humanities

Press, 1982), pp. 201ff. <Ротбард М. Этика свободы [Электронный ресурс] // royallib.com. URL: https://royallib.com/read/rotbard_myurrey/etika_svobod.html#0 (дата обращения: 6.01.2019)>. См. также: Rothbard, 'Praxeology, Value Judgments, and Public Policy', in E. Dolan (ed.), *The Foundations of Modern Austrian Economics* (Kansas City: Sheed & Ward, 1976), pp. 89—111.

Классическое трехтомное собрание экономических сочинений Бентама: Werner Stark, *Jeremy Bentham's Economic Writings* (London: George Allen & Unwin, 1952—1954).

4. ДЖЕЙМС МИЛЛЬ

Проницательное исследование творчества Джеймса Милля и его всепроникающего влияния на Рикардо и рикардianскую экономическую теорию: T. W. Hutchison, 'James Mill and Ricardian Economics: A Methodological Revolution?', in *On Revolutions and Progress in Economic Knowledge* (Cambridge: Cambridge University Press, 1978). Также см. раннюю версию этой статьи: Hutchison, 'James Mill and the Political Education of Ricardo', *Cambridge Journal*, 7 (Nov. 1953), pp. 81—100. Превосходная статья, показывающая, что важный закон сравнительных преимуществ открыл Милль, и то, что Рикардо не проявлял интереса к этому закону, поскольку тот не был связан с рикардianской системой: William O. Thweatt, 'James Mill and the Early Development of Comparative Advantage', *History of Political Economy*, 8 (Summer 1976), pp. 207—234. Также см.: William O. Thweatt, 'James and John Stuart Mill on Comparative Advantage: Sraffa's Account Corrected', in H. Visser and E. Schood (eds), *Trade in Transit* (Doordrecht: Martinus Nijhoff, 1987); Denis P. O'Brien, 'Classical Reassessments', in Thweatt (ed.), *Classical Political Economy; A Survey of Recent Literature* (Boston: Kluwer, 1988), pp. 188—193; Thweatt, 'Introduction', *ibid.*, pp. 8—9.

О Джеймсе Милле как первом «джорджисте»: William J. Barber, 'James Mill and the Theory of Economic Policy in India', *History of Political Economy*, 1 (Spring 1969), pp. 85—100. Кадровая активность и воззрения Милля блестяще и четко описаны в двух сочинениях Джозефа Хамбургера: Joseph Hamburger, *James Mill and the Art of Revolution* (New Haven: Yale University Press, 1963); Idem., *Intellectuals in Politics: John Stuart Mill and the Philosophic Radicals* (New Haven: Yale University Press, 1965). В первой книге показано, как Милль закулисно, используя системное двуличие, манипулировал общественным мнением и позицией правительства с целью принятия закона об избирательной реформе 1832 г. Вторая, несмотря на ее название, больше посвящена Джеймсу и его последователям, нежели Джону Стюарту, описывая и объясняя взлет и упадок миллеских радикалов как политической силы в Парламенте в 1830-х гг. В книге «Intellectuals in Politics» впервые выдвигается и подробно обсуждается сформулированная Миллем либеральная теория классового конфликта между двумя классами, различающимися по их положению относительно государства. По теме Милля и философских радикалов следует также обратиться к книге: William Thomas, *Philosophic Radicals*. Классическая, но очень старая биография Милля: Alexander Bain, *James Mill: A Biography* (1882, New York: A.M. Kelley, 1967). Глубокие наблюдения в отношении многих областей общественных наук XIX в. содержатся в книге Elie Halevy, *Growth of Philosophic Radicalism*. Именно с нее и началась современная переоценка (в сторону увеличения) значения вклада Джеймса Милля в экономическую теорию.

О центральной роли Джеймса Милля в основании влиятельнейшего Клуба политической экономии в Лондоне см. в: James P. Henderson, 'The Oral Tradition in British Economics: Influential Economists in the Political Club of London', *History of Political Economy*, 15 (Summer 1983), pp. 149—179.

Недавнее открытие центральной роли Джеймса Милля в продвижении недоброй памяти доктрины реальных векселей, развивавшейся банковской школой: Morris Perlman, 'Adam Smith and the Paternity of the Real Bills Doctrine', *History of Political Economy*, 21 (Spring 1989), pp. 88—89.

5. ДАВИД РИКАРДО И РИКАРДИАНСКАЯ СИСТЕМА

Литература, посвященная Рикардо и рикардианству столь же огромна, как и литература о Смита, поэтому ее следует внимательно просеять. Все сочинения и вся переписка Рикардо опубликованы в исполненном с любовью академическом 11-томном издании под редакцией левого рикардианца и неомарксиста Пьеро Сраффы: *The Works and Correspondence of David Ricardo* (Cambridge: Cambridge University Press, 1951—1955). Удовлетворительной биографии Рикардо пока нет; написанная Дэвидом Уизероллом представляет собой многословную семейную историю: David Weatherall, *David Ricardo* (The Hague: Martinus Nijhoff, 1976). Лучшее объяснение и критика рикардианской системы: Oswald St Clair, *A Key to Ricardo* (1957, New York: A. M. Kelley, 1965). Много блестящих замечаний относительно Рикардо и рикардианства несистематически разбросаны в сочинении Шумпетера: Schumpeter, *History of Economic Analysis* <Шумпетер. История экономического анализа>. Во многом его сочинение можно рассматривать как разрушительную атаку на рикардианство. Уместно едкий взгляд на рикардианство представил Фрэнк Найт: Frank H. Knight, 'The Ricardian Theory of Production and Distribution', in *On the History and Method of Economics* (Chicago: University of Chicago Press, 1956), pp. 37—38. Неудивительно, что некоторая критика теории Адама Смита приложима и к Рикардо. См. изысканное сочинение Кеннана: Cannan, *A History of the Theories of Production & Distribution* (3rd ed., London: Staples Press, 1917); сардоническое и увлекательное произведение Грея: Gray, *The Development of Economic Doctrine* (London: Longmans, Green, 1931); точную и ясную статью Дугласа: Douglas, 'Smith's Theory of Value and Distribution'; убедительную и пронизательную книгу Эллен Пол: Ellen Paul, *Moral Revolution and Economic Science* (Westport: Conn.: Greenwood Press, 1979); Richard H. Timberlake Jr., 'The Classical Search for an Invariable Measure of Value', *Quarterly Review of Economics and Business*, 6 (Spring 1966), pp. 37—44. Демонстрацию ключевого значения для рикардианской системы — в отличие от Смитовой — теории ценности, основанной на количестве труда, см. в: L. E. Johnson, 'Ricardo's Labor Theory of the Determinant of Value', *Atlantic Economic Journal*, 12, (March 1984), pp. 50—59.

В отличие от Смита двухсотлетний юбилей Давида Рикардо, к счастью, не вызвал взрывного роста его репутации. Но, как и в случае со Смитом, неутомимый Сэмюэл Холландер, разумеется, попытался представить Рикардо предтечей современных теоретиков общего равновесия: Samuel Hollander, *The Economics of David Ricardo* (Toronto: The University of Toronto Press, 1979).

В недавних статьях Терри Пич выступил с мастерской защитой «традиционалистского» взгляда на Рикардо, изложенного и в нашей книге, а также с критикой

интерпретации предложенной Сраффа «зерновой модели» и противоположного подхода Холландера с точки зрения общего равновесия. В частности, Пич показал характерные для Рикардо рост значения трудовой теории ценности, полную сосредоточенность на «естественной цене» долгосрочного равновесия, опору на очень быстрый рост численности населения, возвращающего экономику в долгосрочное равновесие, а также полное игнорирование роли спроса в образовании цен и роли редкости в определении предложения воспроизводимых товаров. См., в частности: Terry Peach, 'David Ricardo: A Review of Some Interpretative Issues', in William O. Thweatt, (ed.), *Classical Political Economy: A Survey of Recent Literature* (Boston: Kluwer, 1988) pp. 103—131; Terry Peach, 'David Ricardo's Treatment of Wages', in R. D. C. Black (ed.), *Ideas in Economics* (London: Macmillan, 1986).

Последний пример изложения ортодоксального кейнсианского взгляда на мнимый триумф рикардизма в Британии: Sydney G. Checkland, 'The Propagation of Ricardian Economics in England', *Economica*, n. s., 16 (Feb. 1949), pp. 40—52. Ревизия этого взгляда началась со статьи Рональда Мика: Ronald L. Meek, 'The Decline of Ricardian Economics in England', *Economica*, n. s. 17 (Feb., 1950), pp. 43—62, продолжилась в сочинении Шумпетера: Schumpeter, *History of Economic Analysis* <Шумпетер Й. История экономического анализа> и достигла кульминации в двух великолепных статьях: Frank W. Fetter, 'The Rise and Decline of Ricardian Economics', *History of Political Economy*, 1 (Spring 1969), pp. 67—84; Barry Gordon, 'Criticism of Ricardian Views on Value and Distribution in the British Periodicals, 1820—1850', *History of Political Economy*, 1 (Autumn 1969), pp. 370—387. Британские критики закона Сэя исследованы в: Barry J. Gordon, *Non-Ricardian Political Economy: Five Neglected Contributions* (Boston: Harvard Graduate School Baker Library, 1967). Всякий раз, когда появляется намек, принимающий мудрость либо величие Давида Рикардо, мы можем быть уверены, что Дэвид Холландер ввяжется в драку; и, конечно же, Холландер выступил с диссидентским взглядом, согласно которому все и каждый были рикардизмами: Samuel Hollander, 'The Reception of Ricardian Economics', *Oxford Economic Papers*, 29 (July 1977), pp. 221—257.

6. АНТИРИКАРДИАНЦЫ

Изучение сонма значительных не- и антирикардизмов в Британии XIX в., возможно, лучше всего начинать с новаторской статьи, вытаскившей их из забвения, в котором они оказались в результате триумфа Джона Стюарта Милля: Edwin R.A. Seligman's 'On Some Neglected British Economists, I', *Economic Journal*, 13 (Sept. 1903), esp. pp. 347—363; Idem., 'On Some Neglected British Economists, II', *Economic Journal*, 13 (Dec. 1903), pp. 511—535, reprinted in Idem., *Essays on Economics* (New York: Macmillan, 1925). Особенно хорошо освещены Крейг, Лонгфилд, Ремсей и Ллойд. Короткая, но очень важная статья об ирландских экономистах: R. C. D. Black, 'Trinity College, Dublin, and the Theory of Value, 1832—1863', *Economica*, n. s. 12 (August 1945), pp. 140—148. См. также: J. G. Smith, 'Some Nineteenth Century Irish Economists', *Economica*, n. s. 2 (Feb. 1935), pp. 20—32. О Ричарде Уотли см.: Salim Rashid, 'Richard Whately and Christian Political Economy at Oxford and Dublin', *Journal of the History of Ideas*, 38 (Jan.—March 1977), pp. 147—55. Об Уотли, Лоусоне и каталлактике см.: Israel M. Kirzner, *The Economic Point of View* (Princeton, NJ: Van Nostrand, 1960), pp. 72—75; Murray

N. Rothbard, 'Catalactics', *The New Palgrave: Dictionary of Economics* (London: Macmillan, 1987), I, p. 377.

К нашему счастью, имеется несколько исчерпывающих работ об отдельных экономистах той эпохи. Особенно выдающееся исследование: Marian Bowley's *Nassau Senior and Classical Economics* (1937, New York: A. M. Kelley, 1949; Octagon Books, 1967). Мисс Боули рассматривает не только Сениора, но и многих его единомышленников. Многословная и аналитически беспомощная биография, написанная Леоном Леви, дает полезную информацию о жизни Сениора и его родословной: Leon Levy, *Nassau W. Senior, 1790—1864* (New York: A. M. Kelley, 1970). К сожалению, более поздний сборник статей мисс Боули мало что добавляет, отражая ее и ее наставника Лайонела Роббинса отказ от австрийской позиции (предоставлявшей мощный аналитический инструментарий) и желание вернуть рикардианцев XIX в. в историографический мейнстрим экономической мысли: Marian Bowley, *Studies in the History of Economic Theory Before 1870* (London: Macmillan, 1973). Также превосходна книга: Robert M. Rauner, *Samuel Bailey and the Classical Theory of Value* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1961). Однако, к сожалению, в книге Ронера опущен вопрос об австрийской ориентации философии и методологии Бэйли, освещенный в его докторской диссертации, защищенной в Лондонском университете несколькими годами раньше: Robert M. Rauner, 'Samuel Bailey and Classical Economics' (1956). См.: Denis P. O'Brien, 'Critical Reassessments', in Thweatt (ed.), *Classical Political Economy*, pp. 199—200. Дополнительным достоинством книги Лоуренса Мосса является то, что в ней рассматриваются и другие экономисты тех дней, а также содержится актуализированная библиография: Laurence S. Moss, *Mountifort Longfield: Ireland's First Professor of Political Economy* (Ottawa, Ill: Green Hill Publishers, 1976). Классическая работа о «полковнике» Торренсе: Lionel Robbins, *Robert Torrens and the Evolution of Classical Economics* (London: Macmillan, 1958). Важное исследование, показывающее, что даже якобы архирикардианец Дж. Мак-Куллох пробыл рикардианцем не очень долго: Denis P. O'Brien, *J. R. McCulloch: A Study in Classical Economics* (New York: Barnes & Noble, 1970).

О знаменитой дискуссии по поводу теории народонаселения между Нассау Сениором и Томасом Мальтусом см. в: Bowley, *Nassau Senior*, pp. 117—22; Cannan, *History*, pp. 13—34; Schumpeter, *History*, pp. 580—581.

Первоисточники, ознакомление с которыми больше всего пойдет на пользу читателю: Samuel Bailey, *A Critical Dissertation on the Nature, Measure, and Causes of Value* (1825, New York: A. M. Kelley, 1967); Nassau W. Senior, *Outline of the Science of Political Economy* (1836, New York: A. M. Kelley, 1965); *The Economic Writings of Mountifort Longfield* (R. D. C. Black, ed., Clifton, NJ: A. M. Kelley, 1972).

Полезные журнальные статьи: Thor W. Bruce, 'The Economic Theories of John Craig, a Forgotten English Economist', *Quarterly Journal of Economics*, 52 (August 1938), pp. 697—707; Laurence S. Moss, 'Isaac Butt and the Early Development of the Marginal Utility Theory of Imputation', *History of Political Economy*, 6 (Winter 1974), pp. 405—434; Richard M. Romano, 'William Forster Lloyd — a Non-Ricardian?' *History of Political Economy*, 9 (Autumn 1977), pp. 412—441. О Ллоиде также см.: Emil Kauder, *A History of Marginal Utility Theory* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1965), pp. 38—41.

О жизни Томаса Перонетта Томпсона см.: Norma H. McMullen, 'Thomas Perronet Thompson', in J. Baylen and N. Gossman (eds.), *Biographical Dictionary of Modern British Radicals, Vol I: 1770—1830* (Atlantic Highlands, NJ: Humanities Press, 1979), pp.475—479. О теории ренты Томпсона см.: Robbins, *Robert Torrens*, pp. 43—

44; о критике Томпсоном теории ценности, основанной на издержках, см.: Gordon, 'Criticism', p. 374. Также см.: Schumpeter, *History*, pp. 672—673, 713—714. О Томпсоне и математическом анализе см.: Spiegel, *Growth*, p. 293—294, 507—508.

Исчерпывающее исследование теорий Рэя, его биография и собрание сочинений (тех, которые дошли до нас, за исключением огромного количества работ по геологии): R. Warren James, *John Rae: Political Economist* (2 vols, Toronto: University of Toronto Press, 1965). Также см. обсуждение взглядов Рэя в: Joseph Dorfman, *The Economic Mind in American Civilization, 1606—1865* (New York: Viking Press, 1946), II, pp. 779—789; Joseph J. Spengler, 'John Rae on Economic Development: A Note', *Quarterly Journal of Economics*, 73 (August 1979), pp. 393—406. Лучший критический анализ «Новых принципов» Рэя см. в: Eugen von Böhm-Bawerk, *Capital and Interest, Vol. I History and Critique of Interest Theories* (South Holland, Ill.: Libertarian Press, 1959), pp. 208—240 <Бём-Баверк О. Капитал и процент. Т. I: История и критика теорий процента. М.: Эксмо, 2009. С. 560—582>.

Об изолированном и замечательном примере американского теоретика субъективной полезности Амоса Кендалла, развивавшем свои взгляды в руководимой им кентуккской газете см. его автобиографию, в которой опубликованы полные тексты серии интересующих нас статей: *Autobiography of Amos Kendall*, ed., W. Stickney (1872, New York: Peter Smith, 1949), pp. 227—236. Также см.: Murray N. Rothbard, *The Panic of 1819: Reactions and Policies* (New York: Columbia University Press, 1962), p. 55.

О Нассау Сениоре, Джоне Стюарте Милле и ранней полемике по поводу праксеологии и позитивизма см.: Marian Bowley, *Nassau Senior*, pp. 27—65. См. также: Rothbard, *Individualism*, pp. 49—51. Противоположный взгляд на эту дискуссию представлен в: Fritz Machlup, 'The Universal Bogy', in M. Peston and B. Corry (eds.), *Essays in Honour of Lord Robbins* (White Plains, NY: International Arts & Sciences Press, 1973), pp. 99—117. О романе «Тяжелые времена» Диккенса и нарисованной им карикатуре на экономическую теорию и утилитаризм см. в: Ludwig von Mises, *Socialism* (1922, Indianapolis: Liberty Classics, 1981), p. 422.

7. ДИСКУССИЯ О СЛИТКАХ

Дискуссия о слитках сыграла важную роль в возникновении теорий денежного обращения и банковского дела в начале XIX в. Однако, несмотря на то что это факт хорошо известен, не существует полностью удовлетворительного изложения и анализа этой истории. Хорошее изложение хронологии можно найти в книге: Frank Whitson Fetter, *Development of British Monetary Orthodoxy, 1797—1875* (Cambridge: Mass.: Harvard University Press, 1965), которую должно дополнять классическое аналитическое обсуждение в: Jacob Viner, *Studies in the Theory of International Trade* (New York: Harper & Bros, 1937), Chapters III—IV. Также см. короткое, но ценное рассмотрение в: Chi-Yuen Wu, *An Outline of International Price Theories* (London: George Routledge & Sons, 1939), — все еще лучшая из опубликованных история теорий международного денежного обращения и цен. Введение Эдварда Кеннана к «Bullion Report», и то и другое содержится в: *The Paper Pound of 1797—1821* (2nd ed., London, P. S. King & Son, 1925), — классическое обсуждение событий в период ограничений размена банкнот Банка Англии на металлические деньги.

Также полезно сочинение Lloyd W. Mints, *A History of Banking Theory in Great Britain and the United States* (Chicago: University of Chicago Press, 1945), впечатле-

ние от которой несколько смазывает исключительная сосредоточенность автора на пороках доктрины реальных векселей; а также Charles Rist, *History of Monetary and Credit Theory From John Law to the Present Day* (1940, A. M. Kelley, 1966), недостатком которого, напротив, является приверженность доктрине реальных векселей, по крайней мере в условиях золотого стандарта.

С большим запасом лучшим анализом взглядов участников дискуссии о слитках является Joseph Salerno, 'The Doctrinal Antecedents of the Monetary Approach to the Balance of Payments' (doctoral dissertation, Rutgers University, 1980). Салерно разработал новаторскую систему классификации вариантов сторонников размена банкнот на металлические деньги, на которой теперь должны основываться все будущие исследования этой проблемы.

По-прежнему незаменима новаторская статья Jacob H. Hollander, 'The Development of the Theory of Money from Adam Smith to David Ricardo', *Quarterly Journal of Economics*, 25 (May 1911), pp. 429—470. Статьи о различных авторах и их взглядах, высказанных в ходе полемики, из «The Dictionary of National Biography» зачастую обеспечивают прекрасный контекст.

Вклад Генри Торнтона хорошо, порой с избытком, исследован историками XX в. В частности, см. в высшей степени хвалебное «Введение» Хайека к переизданию: Henry Thornton, *Inquiry* (New York: Farrar & Rienhart, 1939). Также см.: David A. Reisman, 'Henry Thornton and Classical Monetary Economics', *Oxford Economic Papers*, n. s. 23 (March 1971), pp. 70—89. Его биография: Standish Meacham, *Henry Thornton of Clapham, 1760—1815* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1964); о его банковской деятельности см.: E. J. T. Acaster, 'Henry Thornton — the Banker, Part I', *The Three Banks Review*, no. 104 (December 1974), pp. 46—57. Противоположная позиция высказана в: Salerno, 'Doctrinal Antecedents'. О Френсисе Хорнере см.: Frank W. Fetter, 'Introduction' to Fetter (ed.), *The Economic Writings of Francis Horner* (London: London School of Economics, 1957). О Джоне Уитли см.: Frank W. Fetter, 'The Life and Writings of John Wheatley', *Journal of Political Economy*, 50 (June 1942), pp. 357—376. Исключительно благодаря Салерно выдающиеся достижения лорда Питера Кинга в формулировании полной позиции сторонников слиткового обращения оказались в фокусе внимания, см. 'Doctrinal Antecedents'.

Ключевая роль Торнтона в формировании у Рикардо механицистской позиции в дискуссии о слитках в противовес хаотическому подходу первого выявлена в превосходной статье Charles F. Peake, 'Henry Thornton and the Development of Ricardo's Economic Thought', *History of Political Economy*, 10 (Summer 1978), pp. 193—212. Также см. Salerno, 'Doctrinal Antecedents'. О Рикардо также см.: R. S. Sayers, 'Ricardo's Views on Monetary Questions', *Quarterly Journal of Economics* (1953), in T. S. Ashton and R. S. Sayers (eds.), *Papers in English Monetary History* (Oxford: The Clarendon Press, 1953), pp. 76—95. О самом докладе Комиссии о слитках см.: Fetter, *Development*; Frank W. Fetter, 'The Bullion Report Reexamined' (1942), in Ashton and Sayers, *Papers*, pp. 66—75, и в особенности расставившую точки над «i» статью Frank W. Fetter, 'The Politics of the Bullion Report', *Economica*, n. s. 26 (May 1959), pp. 99—120.

О возобновлении погашения металлическими деньгами см., в дополнение ко многим из источников, упоминавшимся выше: Cecil C. Carpenter, 'The English Specie Resumption of 1821', *Southern Economic Journal*, 5 (July 1938), pp. 45—54. Выдающийся вклад в выяснение важного влияния Эдварда Коплстона в деле возвращения к золотому стандарту внес Салим Рашид: Salim Rashid, 'Edward Copleston, Robert Peel, and Cash Payments', *History of Political Economy*, 15 (Summer 1983), pp. 249—259.

О реакции на банковское дело и на панику 1819 г. в Соединенных Штатах см.: Rothbard, *The Panic of 1819*. Также см.: Mark Skousen, *Economics of a Pure Gold Standard* (1977, 2nd ed., Auburn, Ala.: Ludwig von Mises Institute of Auburn University, 1988) <Скоузен М. Экономика чистого золотого стандарта // Золотой стандарт: теория, история, политика. Челябинск: Социум, 2011. С. 243—374>. О Джефферсоне см.: Luttrell, 'Thomas Jefferson', — а о Бюше и Шторхе см. интересные открытия в: Peter Bernholz, 'Inflation and Monetary Constitutions in Historical Perspective', *Kyklos*, 36, no. 3 (1983), pp. 406—409.

Нам очень повезло, что недавно на английском языке появилось исследование и источники по истории шведской полемики по поводу декретных денег середины XVIII в. Обзор этого эпизода см. во вступительном очерке Роберта Игли в: Robert V. Eagly (ed.), *The Swedish Bullionist Controversy* (Philadelphia: American Philosophic Society, 1971). Остальная часть книги представляет собой первый перевод на английский язык книги Пера Кристиернина «Summary of Lectures on the High Price of Foreign Exchange in Sweden». См. также длинную и увлекательную статью: Carl G. Uhr, 'Anders Chydenius, 1729—1803, A Finnish Predecessor to Adam Smith', *Western Economic Journal*, 2 (Spring 1964), pp. 85—116.

8. ДЕНЕЖНАЯ И БАНКОВСКАЯ ШКОЛЫ

Лучшее общее резюме полемики денежной и банковской школ: Marion R. Daugherty, 'The Currency-Banking Controversy, Part I', *Southern Economic Journal*, 9 (Oct. 1942), pp. 140—155; Idem., 'The Currency-Banking Controversy: II', *Southern Economic Journal*, 9 (Jan. 1943), pp. 241—250. Наиболее полное и незамеченное изложение этого сюжета: Frank W. Fetter, *Development of British Monetary Orthodoxy, 1797—1875* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1965). См. также: Jacob Viner, *Studies in the Theory of international Trade* (New York: Harper & Bros, 1937), Chap. V, а о Соединенных Штатах, а не только о Британии, см.: Lloyd Mints, *A History of Banking Theory in Great Britain and the United States* (Chicago: University of Chicago Press, 1945). Особенно хорошо теоретическая полемика после принятия закона Пили освещена в: Elmer Wood, *English Theories of Central Banking Control, 1819—1858* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1939).

О предыстории закона Пили см.: J. K. Horsefield, 'The Origins of the Bank Charter Act, 1844', in T. S. Ashton and R. S. Sayers (eds.), *Papers in English Monetary History* (Oxford: The Clarendon Press, 1953), pp. 109—125. Переоценка роли и личности Пили произведена в важной статье: Boyd Hilton, 'Peel: A Reappraisal', *Historical Journal*, 22 (Sept. 1979), pp. 585—614. Именно Хилтон первым по-новому взглянул на Пили как на государственного деятеля с все более твердыми либеральными принципами, в рамках которых он использовал блестящую тактику, чтобы реализовать свои принципы на практике. Однако, с другой стороны, Хилтон, ничего не понимая в экономической теории, неспособен разобраться в том, кто над кем одержал верх в экономических дебатах, и высмеивает Пили за его негибкий догматизм в противовес предшествующим описаниям Пили историками как беспринципного оппортуниста.

Сочинения Джеймса Пеннингтона собрал, привлек к ним внимание и проанализировал Р. С. Сейерс: R. S. Sayers (ed.), *Economic Writings of James Pennington* (London: London School of Economics, 1963). Роберт Торренс, его теории и участие в полемике прокомментированы и разобраны в превосходной работе Л. Роббин-

ca: Lionel Robbins, *Robert Torrens and the Evolution of Classical Economics* (London: Macmillan, 1958). Лучшим исследованием по Томасу Туку остается статья Т. Грегори: Т. Е. Gregory, 'Introduction', in Thomas Tooke and William Newmark, *A History of Prices and of the State of the Circulation from 1792 to 1856* (New York: Adelphi Printing Co., 1928). Ари Арнон абсурдно пытается подобрать ключ к теориям Тука через превращение последнего в сторонника свободного банковского дела, не имевшего места в действительности: Arie Arnon, 'The Transformation in Thomas Tooke's Monetary Theory Reconsidered', *History of Political Economy*, 16 (Summer 1984), pp. 311—326. Теория экономического цикла Джеймса Вильсона освещается в: Robert G. Link, *English Theories of Economic Fluctuations, 1815—1848* (New York: Columbia University Press, 1959), где также имеется хорошее обсуждение теории экономического цикла Джона Стюарта Милля. Подробное разъяснение аргумента Вильсона см. в: Н. М. Boot, 'James Wilson and the Commercial Crisis of 1847', *History of Political Economy*, 15 (Winter 1983), pp. 567—583.

Сочинение Веры Смит — Vera C. Smith, *The Rationale of Central Banking* (1936, Indianapolis: Liberty Press, 1990) <См. В. Происхождение центральных банков. М.: Институт национальной модели экономики, 1996> — превосходное новаторское исследование дискуссий между сторонниками свободной банковской деятельности и централизованной банковской системы в Великобритании, США, Франции и Германии, по сей день остающееся с большим запасом лучшей работой по этому предмету. В дополнение к Смит о Иоганне Телькампе см.: Joseph Dorfman, *The Economic Mind in American Civilization* (New York, 1946), II, pp. 833—835. Смит не только выводит на первый план важных, но оставшихся в тени авторов вроде Чернуски и Модесте, но и дает отличный краткий обзор истории банковского дела в четырех странах в XIX в. Особенно важно то, что Смит классифицирует анализируемых ею теоретиков в матрице два на два, т.е. с четырьмя ячейками: придерживаются ли они денежного правила или банковского правила, а также выступают ли они за свободную банковскую деятельность или за банковскую систему с центральным банком. Лоуренс Уайт — Lawrence H. White, *Free Banking in Britain: Theory, Experience, and Debate, 1800—1845* (Cambridge: Cambridge University Press, 1984) — делает важное дело, возрождая после полувекового перерыва интерес к теориям свободной банковской деятельности, аргументам за и против. Но хотя для Великобритании он расширяет круг обсуждаемых имен по сравнению с исследованием Смит, он совершает грубую категориальную ошибку, переключившись на трехэлементную классификацию: свободная банковская деятельность, банковская школа и денежная школа. Новая таксономическая схема игнорирует, что сторонники свободной банковской деятельности не представляли собой единую школу, а четко делились на приверженцев денежного и банковского принципа. Кроме того, в Британии сторонники свободной банковской деятельности едва ли заслуживают благородного имени «теоретическая школа», поскольку почти все они были владельцами или руководителями коммерческих банков, отстаивавшими свои непосредственные экономические интересы и не питали особого интереса к последовательной свободе банковского дела. Более того, Уайт ошибочно превозносит Шотландию первой половины XIX в. как край свободы банковской деятельности, в то время как шотландские банки просто надстраивали кредитно-эмиссионную пирамиду на базе банкнот Банка Англии и последнему нередко приходилось их спасать. Точно так же нельзя сказать, что деятельность шотландских банков строилась на размене на золото выпускаемых ими банкнот. Они держали крайне небольшие золотые резервы и отчаянно сопротивлялись любым попыткам своих клиентов истре-

бовать золотые монеты. Пытаясь показать превосходство шотландских банков над английской системой, Уайт не предпринимает даже символической попытки показать, что она была менее инфляционна; его единственное доказательство — более низкий уровень банкротств, что не может служить доказательством большей полезности банковской системы для экономики. Иногда по-настоящему конкурентные отрасли могут иметь более высокий уровень банкротств по сравнению с привилегированными, что идет экономике только на пользу.

Захватывающая дискуссия о применении либеральных принципов к трудноразрешимым вопросам банковского дела состоялась между французскими сторонниками *laissez faire*. См., в числе прочего: Henri Cernuschi, *Contre le Billet de Banque* (Против банковских билетов) (Paris, 1866); Victor Modeste, 'Le Billet Des Banques D'Emmission et la Fausse Monnaie' (Банковские билеты и фальшивые деньги), *Journal des Economistes*, 3 (August 1866), pp. 188—212; Gustave Du Puynode, 'Le Billet de Banque N'est Ni Monnaie Ni Fausse Monnaie' ('Банковский билет не является ни деньгами, ни фальшивыми деньгами'); *ibid.*, 3 (Sept. 1866), pp. 392—395; Leon Wolowski, *ibid.*, pp. 438—441; J. G. Courcelle-Seneuil, 'Le Billet De Banque N'est Pas Fausse Monnaie' ('Банковские билеты не являются фальшивыми деньгами'), *ibid.*, 342—349; Victor Modeste, 'Le Billet Des Banques D'Emmission Est-Il Fausse Monnaie?' ('Являются ли банковские билеты фальшивыми деньгами?'), *ibid.*, 4 (Oct., 1866), pp. 73—86; Gustave Du Puynode, 'Le Billet De Banque N'est Ni Monnaie Ni Fausse Monnaie', ('Банковские билеты не являются ни деньгами, ни фальшивыми деньгами'), *ibid.*, 4 (Nov. 1866), pp. 261—267; Th. Mannequin, 'L'Emmission Des Billeets de Banque' ('Выпуск банковских билетов'), *ibid.*, 4 (Dec. 1866), pp. 396—410.

9. ДЖОН СТЮАРТ МИЛЛЬ

В истории идей трудно найти фигуру, которую столь же сильно и систематически переоценивали, как Джон Стюарт Милль, — и как экономиста, и как политического философа, и вообще как мыслителя, и как человека. К сожалению, историки всегда были склонны следовать в русле мнений, преобладавших во времена самого Милля. Сегодняшние историки продолжают эту традицию — даже в сфере экономической науки, где его репутация, к сожалению, в последнее время снова выросла. Результатом этого стало огромное «переинвестирование исследовательских ресурсов» в Милля, в попытки проследить, истолковать и сделать логически последовательными каждое его слово и мысль. Едва ли возможно все это обдумать и рассмотреть, и тем более вряд ли целесообразно этим заниматься. Еще труднее найти надлежащую оценку его как преданного, но путаного почитателя традиций предков. Я могу лишь порекомендовать то, что я сам считаю наиболее пригодным для раскрытия подлинного Милля.

Прежде всего, разумеется, сочинения самого Милля: для наших целей наиболее важным текстом являются его «Основы политической экономии»: John Stuart Mill, *Principles of Political Economy* — либо классическое издание Ashley (1909, rpt. Penguin, 1970), либо опубликованное в его *Collected Works* (2 vols, Toronto: University of Toronto Press, 1965) <Милль Дж. С. Основы политической экономии с некоторыми приложениями к социальной философии. М.: Эксмо, 2007>. Важны также его *Essays on Some Unsettled Questions on Political Economy* (1844, rpt., London: London School of Economics, 1948).

Стандартная биография Милля: Michael St John Packe, *The Life of John Stuart Mill* (London: Seeker & Warburg, 1954). Книга Iris Wessel Mueller, *John Stuart Mill and French Thought* (Urbana, Ill: University of Illinois Press, 1956) интересна тем, как в ней освещается влияние французских теоретиков социализма на Милля. Споры (*cherchez la femme!*) по поводу того, в какой степени Харриет Тейлор повлияла на него в социалистическом направлении подробно рассмотрены в: F. A. von Hayek, *John Stuart Mill and Harriet Taylor* (Chicago: University of Chicago Press, 1951) (ответ — да); Н. О. Pappe, *John Stuart Mill and the Harriet Taylor Myth* (Melbourne: Melbourne University Press, 1960) (ответ — нет). Как бы то ни было, нет никаких сомнений в том, что Милль страдал, как с улыбкой выразилась Гертруда Гиммельфарб, «чрезмерной и болезненной привязанностью к жене». Лучшее описание молодого Милля как лидера философских радикалов можно найти в: Joseph Hamburger, *Intellectuals in Politics: John Stuart Mill and the Philosophical Radicals* (New Haven: Yale University Press, 1965).

По-видимому, лучшим образцом появившихся в последнее время апологий взглядов Милля на экономическую политику является книга: Pedro Schwartz, *The New Political Economy of J. S., Mill* (Durham, NC: Duke University Press, 1972). Сардонические комментарии и поправки см. в: Ellen Frankel Paul, 'John Stuart Mill: 1806—1873', in *Moral Revolution and Economic Science* (Westport, Conn.: Greenwood Press, 1979), pp. 146—199.

Самое последнее и самое грандиозное славословие в адрес Милля — Samuel Hollander, *The Economics of John Stuart Mill* (2 vols; Toronto: University of Toronto Press, 1986). Эта работа представляет собой третью часть масштабного и странного проекта Холландера по полной трансформации всех экономистов классической школы в малых пророков неоклассической доктрины общего равновесия. Уничтожающая критика этого предприятия, не оставляющая от него камня на камне, что можно только приветствовать, содержится в рецензии на тома, посвященные Миллю: Terence W. Hutchison, 'Review of *The Economics of John Stuart Mill*, by Samuel Hollander', *Journal of Economic Literature*, 25 (March 1987), pp. 120—122. Называя «всю эту грандиозную операцию» «воссоединением, обернутым в анахронизм», Хатчисон задает вопрос:

Зачем было писать — и зачем читать — 1037 страниц, посвященных экономической теории Дж. С. Милля? Почему бы не составить 1037-страничную антологию собственных экономических сочинений Милля, снабдив их некоторыми полезными примечаниями и информативным введением? Милль не является недавно открытым автором, и в любом случае Холландер не предлагает никаких новых биографических сведений. Да и сам Милль вовсе не писал столь туманно и заумно, чтобы могло потребоваться много места для разъяснения того, что он имел в виду. На самом деле, по мнению настоящего рецензента, Милль пишет гораздо более ясно и структурировано, чем Холландер.

Хатчисон указывает, что поскольку Джеймса Милля, отца Джона Стюарта Милля, невозможно вписать в протовальрасианский шаблон, его влияние на сына серьезно недооценивается. Фактически Хатчисон приходит к выводу, что написанные Холландером тома «демонстрируют необыкновенную способность... отбрасывать, игнорировать и обесценивать свидетельства, какими бы непосредственными и недвусмысленными они ни были, если они противоречат интерпретациям Холландера» (Hutchison, pp. 120—121).

В книге Alexander Gray, *The Development of Economic Doctrine* (London: Longmans, Green, 1931) проводится глубокое сопоставление Милля и Кэрна

(pp. 277—292). В книге Edwin Cannan *A History of the Theories of Production & Distribution* (3rd ed., London: Staples Press, 1917) можно найти строгий критический разбор идей Милля в сопоставлении с другими экономистами классической школы.

Одним из лучших, и одновременно одним из самых недооцененных современных экономистов и историков экономической мысли является Уильям Хатт. В одной из его книг разрешается имеющая вековую давность путаница, связанная с теорией фонда заработной платы и подходом экономистов к анализу роли профсоюзов: William H. Hutt, *The Theory of Collective Bargaining 1930—1975* (San Francisco: Cato Institute, 1980), pp. 1—6. При обсуждении двойственной роли Милля в развитии закона Сэя нельзя не сослаться на его работу Hutt, *A Rehabilitation of Say's Law* (Athens, Ohio: Ohio University Press, 1974).

Почти все труды неоконсервативного историка Гертруды Гиммельфарб заслуживают прочтения, хотя мы не можем согласиться с ее изображением двух Миллей — навязчивого консервативного моралиста (хороший Милль) и либертарианца (плохой Милль). См.: Gertrude Himmelfarb, *On Liberty and Liberalism: The Case of J. S. Mill* (New York: Knopf, 1974). Милль вряд ли поддается такой однозначной трактовке; в некотором смысле Милль всегда один и тот же — многоликий, противоречивый, калейдоскопичный, блуждающий, сумбурный и преклоняющийся перед предками.

Наипольнейшая статья, посвященная стратегии, рецепции и значению «Основ политической экономии»: N. B. de Marchi, 'The Success of Mill's *Principles*', *History of Political Economy*, 6 (Summer 1974), pp. 119—157. О реабилитации Рикардо Миллем см. также: Frank W. Fetter, 'The Rise and Decline of Ricardian Economics', *History of Political Economy*, 1 (Spring 1969), pp. 80—81. Косвенные последствия триумфа Милля обсуждаются в: J. G. Smith, 'Some Nineteenth Century Irish Economists', *Economica*, n. s. 2 (Feb. 1935), pp. 25—32; R. D. C. Black, 'Trinity College, Dublin, and the Theory of Value, 1832—1863', *Economica*, n. s. 12 (August 1945), pp. 146—148.

Есть прекрасная статья о Джоне Стюарте Милле и сдвиге классических либералов в направлении империализма: Eileen P. Sullivan, 'Liberalism and Imperialism: J. S. Mill's Defense of the British Empire', *Journal of the History of Ideas*, 44 (Oct.—Dec. 1983), pp. 599—617. Об Уэйкфилде см. также: Leonard P. Liggio, 'The Transportation of Criminals: A Brief Political-Economical History', in R. Barnett and J. Hagel III (eds), *Assessing the Criminal: Restitution, Retribution, and the Legal Process* (Cambridge, Mass.: Ballinger Publication Co., 1977), pp. 285—291.

10. В ТЕНИ МИЛЛЯ: КЭРНС И ИНДУКТИВИСТЫ

О методологии Кэрнса см.: John Elliott Cairnes, *The Character and Logical Method of Political Economy* (2nd ed., London: Macmillan, 1875) <Кэрнс Д. Э. Логический метод политической экономии. Основные принципы. Ценность. Международная торговля. («Библиотека экономистов-классиков» (отрывки работ) Вып. 10.) М.: Издательство К. Т. Солдатенкова, 1898>; также см.: Murray N. Rothbard, *Individualism and Philosophy of the Social Sciences* (1973; San Francisco: Cato Institute, 1979), pp. 49—50. О Кэрнсе в связи с дискуссией об австралийском золоте см.: Crauford D. Goodwin, 'British Economists and Australian Gold', *Journal of Economic History*, 30 (June 1970), pp. 405—426; Frank W. Fetter, *Development of British*

Monetary Orthodoxy, 1797—1875 (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1965), pp. 240—249.

О росте влияния Уильяма Уэвелла и индуктивистов — последователей Бэкона см.: N. B. de Marchi and R. P. Sturges, 'Malthus and Ricardo's Inductivist Critics: Four Letters to William Whewell', *Economica*, n. s. 40 (Nov. 1973), pp. 379—393; I. Bernard Cohen, *Revolution in Science* (Cambridge, Mass.: Belknap Press of Harvard University Press, 1985), p. 528; S. G. Checkland, 'The Advent of Academic Economics in England', *The Manchester School of Economic and Social Studies*, 19 (Jan. 1951), pp. 59—66.

11. СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ И МАРКСИСТСКАЯ МЫСЛЬ

О социализме в целом и о марксизме в частности написаны буквально миллионы слов, из этой огромной мешанины всякой всячины я могу лишь отобрать те материалы и источники, которые доказали свою полезность. Главная работа, в которой содержится общий анализ и критика социализма, — это книга Людвиг фон Мизеса «Социализм»: Ludwig von Mises, *Socialism* (3rd English ed. Indianapolis: Liberty Classics, 1981) <Мизес Л. фон. Социализм: социологический и экономический анализ. М.; Челябинск: Социум, 2018>.

По-видимому, наиболее содержательной историей социалистической мысли является блестящая, остроумная, проницательная и справедливо язвительная книга Alexander Gray, *The Socialist Tradition* (London: Longmans, Green, 1947). Кроме того, при изучении этой темы невозможно обойтись без объемистой, опирающейся на большой исследовательский труд и очень увлекательной работы: James H. Billington, *Fire in the Minds of Men: Origins of the Revolutionary Faith* (New York: Basic Books, 1980). Хотя Биллингтон не столь силен в анализе теорий, он непревзойденный мастер в отслеживании всех взаимоотношений и взаимодействий между многочисленными революционерами и социалистами, а также в выявлении и демонстрации многочисленных иррациональных аспектов в их позиции. Однако его презрение к объектам своего исследования столь велико, что он временами ошибочно причисляет к социалистам *всех* радикальных сторонников общественных изменений, — примером такой грубой ошибки является его отношение к социалистам радикального сторонника *laissez faire* Ж.-Б. Сэя. Однако все это лишь незначительные недостатки этого в целом монументального труда. Полезной также может быть книга Igor Shafarevich, *The Socialist Phenomenon* (New York: Harper & Row, 1980) <Шафаревич И. Р. Социализм как явление мировой истории. Paris: YMKA-PRESS>.

В то же время широко разрекламированная многотомная история социалистической мысли Дж. Д. Х. Коула, в частности G. D. H. Cole, Vol. I, *Socialist Thought: The Forerunners 1789—1850* (London: Macmillan, 1959), and Vol. II, *Socialist Thought: Marxism and Anarchism 1850—1890* (London: Macmillan, 1957), ужасающе неадекватна и в собственном изложении истории, и в ее анализе.

К сожалению, в работе Александра Грея не затронута важнейшая тема апокалиптического миллениаризма (хилиазма) в социалистической и марксистской мысли. Об этом см. христианскую амиллениаристскую критику в: Thomas Molnar, *Utopia: The Perennial Heresy* (New York: Sheed & Ward, 1967), — и небольшую, но глубокую статью того же автора: Molnar, 'Marxism and the Utopian Theme', *Marxist Perspectives* (Winter 1978), pp. 144—158. См. также статью Эри-

ка Фёгелина, наставника Молнара: Eric Voegelin, 'The Formation of the Marxian Revolutionary Idea', *Review of Politics*, 12 (July 1950), pp. 275—302; J. L. Talmon, *Political Messianism: The Romantic Phase* (New York: Praeger, 1960). См. также краткий фрагмент, посвященный «социалистическому хилиазму» в: Mises, *Socialism*, pp. 249—255 <Музес. Социализм. С. 245—251>.

О различных радикальных группах во время Английской гражданской войны см. хороший, учитывающий новейшие исследования обзор: F. D. Dow, *Radicalism in the English Revolution, 1640—1660* (Oxford: Basil Blackwell, 1985). Недостаток книги Доу в том, что он принимает коммуниста-эгалитариста Уинстенли в качестве образца для оценки других радикальных групп.

Теократические милленаристы, такие как розенкрейцеры, анализируются в статье: Paul Gottfried, 'Utopianism of the Right: Maistre and Schlegel', *Modern Age*, 24 (Spring 1980), pp. 150—160. См. также: Paul Gottfried, *Conservative Millenarism; the Romantic Experience in Bavaria* (New York: Fordham University Press, 1979).

Замечательная книга С. Patrides and J. Wittreich (eds), *The Apocalypse: in English Renaissance Thought and Literature* (Ithaca: Cornell University Press, 1984), содержание которой намного шире, чем следует из подзаголовка, включает в себя две важные статьи, имеющие прямое отношение к марксизму: Ernest L. Tuveson, 'The Millenarian Structure of *The Communist Manifesto*', pp. 323—341; M. H. Abrams, 'Apocalypse: Theme and Variations', pp. 342—368.

В блестящей книге М. Н. Abrams, *Natural Supernaturalism: Tradition and Revolution in Romantic Literature* (New York: W. W. Norton, 1971), продемонстрировано, что идеи Маркса представляют собой атеистическую версию пантеистического детерминистского взгляда на историю человечества. Согласно этой точке зрения человек как коллективный организм в результате диалектического акта сотворения вселенной оказался отделен и отчужден от Бога, Природы и себя самого — которые суть одно и то же, — и ему суждено когда-нибудь в результате мощного акта космического слияния вернуться к единству с собой-Богом-Природой, положив тем самым конец истории. Абрамс показывает, что это фантастическое мировоззрение пронизывало весь период романтизма и обнаруживается не только в поэтико-философской системе Гегеля, духовного наставника Маркса, но и у других немецких романтиков, таких как Шлегель, Шиллер, Шеллинг, Шлейермахер и Новалис, а также у английских романтиков, таких как Вордсворт и Кольридж. Он также демонстрирует, что этот детерминистский и пантеистско-органицистский взгляд на мир как на «спираль, устремленную вверх к своему началу» продолжает существовать и в XX в., находя выражение у таких фигур романтизма, как Д. Г. Лоуренс.

Большое значение имеет книга: Robert C. Tucker, *Philosophy and Myth in Karl Marx* (New York: Cambridge University Press, 1961), — которая совершенно необходима для объяснения и иллюстрации крайней важности милленаристского, апокалиптического коммунизма в системе Маркса, а также для понимания траектории движения мысли Маркса через гегельянство к марксистскому коммунизму. Это самая важная книга о Марксовой философии коммунизма, а значит, и о марксизме в целом. К сожалению, второе издание работы Такера (Cambridge University Press, 1972) ничего не добавляет к первому, даже в части источников и лишь ослабляет в нескольких местах кое-какие яркие антимарксистские мысли автора. Капитальный труд Leszek Kolakowski, *Main Currents of Marxism: Its Origins, Growth and Dissolution, 1: The Founders* (New York: Oxford University Press, 1981), важен, в частности, анализом понятия отчуждения, а также зачатков гегелевской и марксистской диалектики у Плотина и средневековых христиан-

ских мистиков-еретиков. Колаковский блестяще прослеживает происхождение этих понятий от креатологической ереси, согласно которой Бог создал человека и вселенную не от полноты любви, а из-за ощущаемой Им потребности в исправлении собственного несовершенства.

Самое полное собрание сочинений Маркса и Энгельса на английском языке: Marx and Engels, *Collected Works* (New York: International Publishers, 1975—), запланированное как 51-томное издание <см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : 2-е изд. Т. 1—50. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955—1981>.

Доступно также трехтомное издание Hal Draper, *The Marx-Engels Cyclopedia* (New York: Schocken Books, 1985), плод бескорыстного труда Хэла Дрейпера, в котором с благоговейной и даже ошеломляющей детальностью представлены все аспекты жизни Маркса и Энгельса. Первый том *Marx-Engels Chronicle* представляет собой отчет о каждом дне жизни двух героев, второй том носит название *Marx-Engels Register*, а третий — *MarxEngels Glossary (and Index)*. К сожалению, агиографический подход Дрейпера имеет своим следствием игнорирование недавно открытого, но уже общепризнанного факта, что Маркс был отцом незаконнорожденного сына своей служанки Фредди Демута и впоследствии убедил своего друга, патрона и спонсора Энгельса признать этого ребенка своим.

Из многочисленных антологий трудов Маркса и Энгельса лучшей и наиболее всесторонней является Robert C. Tucker (ed.), *The Marx-Engels Reader* (2nd ed., New York: W. W. Norton, 1972).

Большую ценность представляет аннотированное библиографическое эссе д-ра Дэвида Гордона: David Gordon, *Critics of Marxism* (New Brunswick, NJ: Transaction Books, 1986).

Лучшая и наиболее исчерпывающая книга о марксизме и марксистской экономической теории: David Conway, *A Farewell to Marx: An Outline and Appraisal of His Theories* (Harmondsworth, England: Penguin Books, 1987). В то же время самой переоцененной работой о марксизме является Thomas Sowell, *Marxism: Philosophy and Economics* (London: Unwin Paperbacks, 1986), которая в основном посвящена скорее апологетике марксизма, нежели критическому анализу. См. разгромную рецензию на книгу Соуэлла: David Ramsay Steele, 'Review of Thomas Sowell, *Marxism: Philosophy and Economics*', *International Philosophical Quarterly*, 26 (June 1986), pp. 201—203.

Полностью удовлетворительной биографии Маркса не существует. Одно из важных достоинств довольно тяжеловесной работы David McLellan, *Karl Marx: His Life and Thought* (New York: Harper & Row, 1973) состоит в том, что она наконец вытеснила устаревшую и написанную в агиографической манере биографию Franz Mehring, *Karl Marx: The Story of His Life* (Ann Arbor, Michigan: University of Michigan Press, 1962). В прекрасной, но недооцененной книге Robert Payne, *Marx* (New York: Simon & Schuster, 1968), в частности, рассказана печальная история о том, как Маркс всучил своего незаконнорожденного сына незадачливому Энгельсу. Это был первый текст, в котором это важное разоблачение появилось на английском языке. Первоначально эта информация была опубликована в сочинении Werner Blumenberg, *Karl Marx* (Hamburg, 1962), но Пейн добавил новые исторические подтверждения, найдя даже свидетельство о рождении незаконного сына. Книга Leopold Schwarzchild, *The Red Prussian: The Life and Legend of Karl Marx* (New York: Scribner's, 1947), необычайно критична по отношению к тому, кто определенно заслуживает этой критики, но сегодня она не только полностью устарела, в ней содержится недостаточно исследовательской работы, но при этом

приводится слишком много недостоверных «мыслей» и «утверждений», якобы высказанных Марксом, чему нет никаких доказательств.

К счастью, сегодня у нас уже есть прекрасная биография Энгельса, исчерпывающая и ярко написанная книга W. O. Henderson, *The Life of Friedrich Engels* (2 vols, London: Frank Cass, 1976).

В дополнение к книге Такера большую ценность представляет работа Bruce Mazlish, *The Meaning of Karl Marx* (New York: Oxford University Press, 1984), посвященная описанию Маркса как философско-религиозного коммуниста, а также его юношескому пути к коммунизму. В этой работе Мазлиш удерживает в узде свою склонность к психоаналитическому историописанию. О Марксе как коммунисте см. также: Murray N. Rothbard, 'Karl Marx: Communist as Religious Eschatologist', in Yuri Maltsev (ed.), *Requiem for Marx* (Auburn, Ala.: Ludwig von Mises Institute of Auburn University, 1993), pp. 221—294. Говоря о молодом Марксе, невозможно пройти мимо работы Robert Payne, *The Unknown Karl Marx* (New York: New York University Press, 1971), в которой приводится, помимо прочего, английский перевод его весьма показательной поэтической драмы «Oulanem». Другие переводы стихов Маркса см. в: Richard Wurmbrand, *Marx and Satan* (Westchester, Ill.: Crossway Press, 1986), хотя пастор Вурмбранд находит слишком далеко, заявляя, что Маркс был членом сатанинской секты, чему нет никаких доказательств. О Марксе см. также: Fritz J. Raddatz, *Karl Marx: A Political Biography* (Boston: Little, Brown, 1978). Превосходная, но совершенно проигнорированная работа о Марксе и его системе: Gary North, *Marx's Religion of Revolution: Regeneration Through Chaos* (1968, 2nd ed., Tyler, Texas: Institute for Christian Economics, 1989). Норт справедливо подчеркивает сущность марксизма как «религии». Он также первым из исследователей разрушает миф о то, что Маркс вел в Лондоне «очень бедную жизнь» и показывает, что тот жил на широкую ногу за счет средств, предоставляемых Энгельсом и другими преданными последователями, при этом все время жалуясь на проблемы с деньгами, требуя новых субсидий и постоянно погрязая в долгах. И все это время он обличал «денежный фетишизм» при капитализме! Кроме того, Норт помогает исправить типичную недооценку Энгельса и переоценку Маркса, которую он правдоподобно объясняет свойственным Энгельсу «традиционным немецким преклонением перед нудной академической работой, [которое] влияло на его самооценку до самой смерти» (North, 'Preface', *Religion of Revolution*, p. xliii). Сводку собранных Нортом сведений о паразитизме Маркса и других неприглядных сторонах его характера см.: Gary North, 'The Marx Nobody Knows', in Maltsev (ed.), *Requiem for Marx*, pp. 75—124.

О Гегеле и происхождении мировоззрения Маркса от идей Гегеля превосходно написано в уже упоминавшейся книге Такера «Philosophy and Myth». Работа Колаковского «Main Currents» совершенно необходима при изучении истоков диалектики, а сочинение Raymond Plant, *Hegel* (Bloomington, Indiana: University of Indiana Press, 1973) может быть особенно полезно и помогает разобраться при попытке продрагаться через трясины гегелевских идей, особенно в области политической философии. О влиянии сэра Джеймса Стюарта на Гегеля см.: Paul Charnley, 'Les origines de la pensee economique de Hegel', *Hegel-Studien*, Band 3 (1965), pp. 225—262. О гегелевской политической философии см. также антологию: Walter Kaufmann (ed.), *Hegel's Political Philosophy* (New York: Atherton Press, 1970), — особенно E. F. Carrith, 'Reply', (1940). Уничтожающую критику Гегеля можно найти в книге Karl R. Popper, *The Open Society and Its Enemies* (New York: Harper Torchbooks, 1963), Volume II <Поннеп К. Открытое общество и его враги : в 2 т. Т. II. М.: Культурная инициатива, 1992>. О левом революционном

гегельянстве см. вышеупомянутую книгу Billington, *Fire in the Minds*, а также David McLellan, *The Young Hegelians and Karl Marx* (London: Macmillan, 1969).

Ясную и мощную критику исторического материализма и диалектики Маркса см. в: Ludwig von Mises, *Theory and History* (1957, Auburn, Ala.: von Mises Institute, 1985), pp. 102—158 <Мизес Л. фон. Теория и история. М.; Челябинск: Социум, 2013. С. 91—156>; детальное опровержение Маркса в John Plamenatz, *German Marxism and Russian Communism* (New York: Longmans, Green & Co., 1954), pp. 9—54 дополнено исследованием John Plamenatz, *Man and Society, II* (London: Longmans, 1963); см. также классическую и мощную работу: М. М. Бобер, *Karl Marx's Interpretation of History* (2nd rev. ed., Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1948).

Глубокую критику марксистского понятия класса и классовой борьбы см. в: Ludwig von Mises, *Socialism: An Economic and Sociological Analysis* (3rd ed., Indianapolis: Liberty Classics, 1981), pp. 292—313 <Мизес Л. фон. Социализм: социологический и экономический анализ. М.; Челябинск: Социум, 2018. С. 291—308>. Там впервые вводится блестящее противопоставление понятий «класса» и «касты», хотя для второго из них используется термин «сословие». Термин «каста» используется в работе Мизеса «Theory and History», pp. 112—147 («Теория и история», с. 100—159), в которой также подвергается критическому разбору Марксово понятие «идеология». Прекрасное обсуждение классов и каст можно найти в статье: Walter Sulzbach, 'Class and Class Struggle', *Journal of Social Philosophy and Jurisprudence*, 6 (1940—1941), pp. 22—34.

Своего рода маленький самоцвет — статья Ральфа Райко о том, как Маркс и Энгельс периодически невольно прибегали к либертарианской идее класса как касты, в частности в анализе современных им событий во Франции: Ralph Raico, 'Classical Liberal Exploitation Theory: A Comment on Professor Liggio's Paper', *The Journal of Libertarian Studies*, 1 (Summer 1977), pp. 179—183. См. также дальнейшую разработку этого наблюдения в: Ralph Raico, 'Classical Liberal Roots of the Marxist Doctrine of Classes', in Maltsev (ed.), *Requiem for Marx*, pp. 189—220. О путанице, связанной с понятием «буржуазный», которая еще больше усиливалась эту неразбериху см. в: Ralph Raico, 'Classical Liberal Exploitation Theory', p. 179; а также поучительное обсуждение в: Raymond Ruyer, 'The New Bourgeois' (unpublished MS, 8 pp., translated by R. Raico from Ruyer, *Eloge de la société de la consommation*, Paris: Calmann-Lévy, 1969).

О сенсимонистах как носителях извращенной версии классовой доктрины и о взаимоотношениях между Сен-Симоном и либералами Шарлем Контом и Шарлем Дюнуае см. locus classicus в изложении этой истории: Elie Halevy, 'Saint-Simonian Economic Doctrine' (1907), in Elie Halevy, *The Era of Tyrannies* (1938, Garden City, NY: Doubleday Anchor Books, 1965), pp. 21—104. См. также: Leonard P. Liggio, 'Charles Dunoyer and French Classical Liberalism', *Journal of Libertarian Studies*, 1 (Summer 1977), pp. 153—178; Mark Weinburg, 'The Social Analysis of Three Early 19th Century French Liberals: Say, Comte, and Dunoyer', *Journal of Libertarian Studies*, 2 (Winter 1978), pp. 45—63; James Bland Briscoe, 'Saint-Simonianism and the Origins of Socialism in France' (doctoral dissertation in history, Columbia University, 1980). Современный перевод работы ведущего представителя школы Конта—Дюнуае: Augustin Thierry, *Theory of Classical Liberal 'Industrielisme'* (trans. Mark Weinburg, New York: Center for Libertarian Studies, Feb. 1978).

О соотношении и контрасте между либеральными идеологами laissez faire и сенсимонистами — сциентистам-технократами см. важную работу: F. A. von Hayek, *The Counter-Revolution of Science* (Glencoe, Ill.: The Free Press, 1952) <Хайек Ф. фон. Контрреволюция науки: этюды о злоупотреблении разумом. М.: ОГИ,

2003>. Перевод основных работ сенсимонистов вышел под названием *The Doctrine of Saint-Simon: An Exposition* (trans. G. G. Iggers, Boston: Beacon Press, 1958). Тоталитаризм сенсимонистов разоблачен в: Georg G. Iggers, *The Cult of Authority* (2nd ed., The Hague: Martinus Nijhoff, 1970), а их глупости остроумно выставлены на общее обозрение в: Alexander Gray, *The Socialist Tradition*, pp. 136—168, и представлены порой в забавном свете в: J. L. Talmon, *Political Messianism: The Romantic Phase* (New York: Praeger, 1960), pp. 35—124. Деятельность сенсимонистов и их влияние на Маркса прослежены в: Billington, *Fire in the Minds*; рассказ Ковалевского о сенсимонистском влиянии на Маркса его воспитателя барона Людвиг фон Вестфалена и см. в: Georges Gurvitch, 'Saint Simon et Karl Marx', *Revue Internationale de Philosophie*, 14 (1960), p. 400.

Лучшее обсуждение рикардianских социалистов Уильяма Томпсона, Джона Грея и Джона Френсиса Брея содержится все в той же блестящей работе: Alexander Gray, *The Socialist Tradition* (London: Longmans, Green, 1947), pp. 269—296. Обо всех троих и особенно о Брее см. также: G. D. H. Cole, *Socialist Thought: The Forerunners, 1789—1850* (London: Macmillan, 1959), pp. 112—119, 132—139. Также о Брее см.: Joseph Dorfman, *The Economic Mind in American Civilization, 1606—1865* (New York: Viking Press, 1946), II, pp. 686—689, 961—962.

К счастью, у нас есть прекрасно написанная великим Эли Галеви биография Томаса Ходжскина: Elie Halevy, *Thomas Hodgskin* (1903, London: Ernest Benn Ltd, 1956). Сегодня еще более верно звучат слова Александра Грея, написанные в 1948 г.: «Есть нечто довольно странное и не очень похвальное для нас в том, что единственной биографией Ходжскина мы обязаны французам; еще более странно то, что в нашем знании значительной части наследия Ходжскина мы вынуждены полагаться на фрагменты его неопубликованных текстов, которые господин Галеви отобрал для перевода на французский» (Gray, *Socialist Tradition*, p. 278n.) С тех пор, однако, ситуация существенно улучшилась, так как книга Галеви была переведена на английский язык.

О Ходжскине также см.: Gray, *Socialist Tradition*, pp. 277—283. Грей, суровый надсмотрщик, высоко оценивает его таланты, хваля его за «высокий интеллектуальный уровень и оригинальность» и добавляя, что Ходжскин «оставляет острое чувство, что он был предназначен для величия, которое из-за превратностей времени и жизни так и не было достигнуто» (p. 277).

Ценная статья о Ходжскине и журнале «Economist», в которой, однако, переоценивается степень влияния Ходжскина на Герберта Спенсера: Scott Gordon, 'The London Economist and the High Tide of Laissez Faire', *The Journal of Political Economy*, 63 (Dec. 1955), pp. 461—488.

О Марксе и экономике капитализма см.: Conway, *A Farewell to Marx*; а классическое опровержение Марксовой теории ценности в: Eugen von Böhm-Bawerk, *Karl Marx and the Close of His System* (Sweezy ed., New York: Kelley, 1949) <Бём-Баверк О. К завершению марксистской системы // Бём-Баверк О. Критика теории Маркса. М.; Челябинск: Социум, 2019. С. 11>. О Марксе и железном законе заработной платы см.: Ludwig von Mises, 'The Marxian Theory of Wage Rates', in Eugen von Böhm-Bawerk, *The Exploitation Theory of Socialism-Communism* (3rd ed., South Holland, Ill.: Libertarian Press, 1975), pp. 147—151. О Марксовом понятии отчуждения, причины которого коренятся в разделении труда, а не просто в системе заработной платы, см.: Paul Craig Roberts, *Alienation and the Soviet Economy* (1971, 2nd ed., New York: Holmes & Meier, 1990); Paul Craig Roberts and Matthew A. Stephenson, *Marx's Theory of Exchange, Alienation and Crisis* (2nd ed., New York: Praeger, 1983). О Марксе и обнищании см.: Gary North, *Marx's Religion*

of Revolution (Nutley, NJ: The Craig Press, 1968), pp. 140—141; Bober, *Karl Marx's Interpretation of History*, pp. 213—221; Mises, *Socialism*, pp. 381—384 <Мизес. Социализм. С. 332—339>; Schumpeter, *History*, p. 686n <Шумпетер. История экономического анализа>. О марксистской теории экономического цикла см.: Bober, *Marx's Interpretation*. О разработанном Туган-Барановским варианте марксистской теории цикла — неденежной теории переинвестирования (или диспропорциональности) — см. Sergio Amato, 'Tugan-Baranowsky...', in I. S. Koropeckyj (ed.), *Selected Contributions of Ukrainian Scholars to Economics* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1984), pp. 1—59; Gottfried Haberler, *Prosperity and Depression* (4th ed., Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1958), pp. 72—85 <Хаберлер Г. Процветание и депрессия. М.; Челябинск: Социум, 2016. С. 72—81>.

Новейшая группа английских «аналитических марксистов», лидерами которой выступают Джон Ремер и Джон Элстер, оказалась весьма модной, возможно потому, что они практически полностью отказались от марксизма, приняв позицию методологического индивидуализма. Аналитические марксисты отбросили и трудовую теорию ценности, переопределив «эксплуатацию» так, что она свелась к неравенству в доходах и богатстве, что представляет собой левую, но совершенно немарксистскую доктрину. Критику этой школы с позиций ортодоксального марксизма см. в: Michael A. Lebowitz, 'Is "Analytical Marxism" Marxism?', *Science and Society*, 52 (Summer 1988), pp. 191—214. Полный разгром аналитического марксизма см. в: David Gordon, *Resurrecting Marx: The Analytical Marxists on Freedom, Exploitation, and Justice* (New Brunswick, NJ: Transaction Books, 1990).

12. ФРАНЦУЗСКАЯ ШКОЛА LAISSEZ FAIRE И ЕЕ ВЛИЯНИЕ

О французской школе laissez faire и ее влиянии в Европе и США в XIX в. см. новаторскую статью: Joseph T. Salerno, 'The Neglect of the French Liberal School in Anglo-American Economics: A Critique of Received Explanations', *Review of Austrian Economics*, 2 (1988), pp. 113—156. В этой важной и элегантно работе Салерно исправляет перекос в традиционном изложении истории, состоящий в принижении теоретической проницательности Бастиа и французских либералов, демонстрируя их значительное влияние на экономическую теорию XIX в., в том числе на маржиналистов.

Единственная удовлетворительная биография Бастиа: Dean Russell, *Frederic Bastiat: Ideas and Influence* (Irvington-on-Hudson: Foundation for Economic Education, 1965). Хотя Рассел является поклонником Бастиа, он недооценивает экономическую теорию последнего, считая ее качество весьма низким с точки зрения австрийской школы. Рассел не принимает во внимание тот факт, что акцент Бастиа на нематериальных услугах вместо материальных благ, а также подчеркивание роли желаний потребителей представляли собой огромный шаг вперед в направлении австрийской школы, по сравнению с господствовавшей в то время британской классической школой. Дополнительный материал о карьере Бастиа в качестве законодателя можно найти в: George Charles Roche III, *Frederic Bastiat: A Man Alone* (New Rochelle, NY: Arlington House, 1971), pp. 82—122. См. также обсуждение Бастиа в: Israel M. Kirzner, *The Economic Point of View* (Princeton, NJ: D. Van Nostrand, 1960), pp. 82—84. Также см.: Robert F. Hebert, 'Claude Frederic Bastiat', *New Palgrave Dictionary*, I, pp. 204—205. О междуна-

родном конгрессе экономистов, проходившем в Брюсселе, см.: Joseph Garnier, 'Economistes (Congres des)', in C. Coquelin and C. Guillaumin (eds.), *Dictionnaire d'Economie Politique* (Paris: Guillaumin, 1852), I, pp. 671—672. Но ничто не может заменить удовольствие от чтения работ самого Бастиа; см. переводы его книг: Frédéric Bastiat, *Economic Harmonies, Economic Sophisms, Selected Essays of Political Economy* (Princeton, NJ.: D. Van Nostrand, 1964) <Бастиа Ф. Экономические гармонии. Избранное. М.: Эксмо, 2007. С. 49—420>.

Лучшее обсуждение Молилари и его взглядов — трехчастная статья Дэвида Харта: David M. Hart, 'Gustave de Molinari and the Anti-statist Liberal Tradition: Part I', *Journal of Libertarian Studies*, V (Summer 1981), pp. 263—290; 'Gustave de Molinari and the Anti-statist Liberal Tradition: Part II', *Journal of Libertarian Studies*, V (Autumn, 1981), pp. 399—434; 'Gustave de Molinari and the Antistatist Liberal Tradition: Part III', *Journal of Libertarian Studies*, VI (Winter 1982) pp. 83—104.

Новаторская анархокапиталистическая работа Молилари имеется в английском переводе: Gustave de Molinari *The Production of Security* (New York: Center for Libertarian Studies, May 1977) (with preface by M. Rothbard); его же «Eleventh Soiree» см. в: Hart, 'Molinari, Part III', pp. 88—104. Единственная его книга, переведенная на английский язык при его жизни, была опубликована, когда он уже отошел от анархо-капитализма: *The Society of Tomorrow* (New York: G. P. Putnam's Sons, 1904).

Благожелательное изложение идей Молилари и темы частной защиты современным экономистом см. в: Bruce L. Benson, 'Guns for Protection and Other Private Sector Responses to the Fear of Rising Crime', in D. Kates (ed.), *Firearms and Violence: Issues of Public Policy* (San Francisco: Pacific Institute for Public Policy Research, 1984), pp. 346—356.

О влиянии Бастиа и Франческо Феррары в Италии и о распространении историзма и социализма в 1870-х гг. см. в: Luigi Cossa, *An Introduction to the Study of Political Economy* (London: Macmillan, 1893).

Обобщающая работа о французской академической экономической науке в XIX в.: Alain Alcoulffe, 'The Institutionalization of Political Economy in French Universities, 1819—1896', *History of Political Economy*, 21 (Summer 1989), pp. 313—344.

О Франческо Ферраре и итальянской школе *laissez faire* см. также: Ugo Rabbeno, 'The Present Condition of Political Economy in Italy', *Political Science Quarterly*, 6 (Sept. 1891), pp. 439—473; Piero Barucci, 'The Spread of Marginalism in Italy, 1871—1890', in R. D. C. Black, A. W. Coats, C. D. W. Goodwin (eds), *The Marginal Revolution in Economics: Interpretation and Evaluation* (Durham, NC: Duke University Press, 1973), pp. 246—266.

Наилучшее обсуждение Парето вместе с английскими переводами многих его статей и фрагментов его работ можно найти в: Placido Vucolo (ed.), *The Other Pareto* (London: Scholar Press, 1980). Представляет ценность также введение С. Э. Файнера к сборнику сочинений: Vilfredo Pareto, *Sociological Writings* (ed. S. F. F. S. F. F., London: Pall Mall Press, 1966), а также статья того же автора S. E. F. F. F., 'Pareto and Pluto-Democracy: The Retreat to Galapagos', *American Political Science Review*, 62 (1968), pp. 440—450. Обсуждение современного состояния вопроса см. в: Salerno, 'Neglect'.

О Ф. Бастиа в связи с распространением идей *laissez faire* в Швеции см.: Eli F. Heckscher, 'A Summary of Economic Thought in Sweden, 1875—1950', *The Scandinavian Economic History Review*, 1 (1953), pp. 105—125. О либеральном экономисте Джоне Принс-Смите, приверженце *laissez faire* в Германии, см. обстоятельную статью: Ralph Raico, 'John Prince Smith and the German Free Trade

Movement', in W. Block and L. Rockwell (eds.), *Man, Economy, and Liberty: Essays in Honor of Murray N. Rothbard* (Auburn University, Ala.: The Ludwig von Mises Institute, 1988), pp. 341—351. Также см.: W. O. Henderson, 'Prince Smith and Free Trade in Germany', *Economic History Review*, 2nd ser., 2 (1950), rprtd. in Henderson, *Britain and Industrial Europe, 1750—1870* (Liverpool, 1954). О коллеге Принс-Смита Юлиусе Фаухере см.: Andrew R. Carlson, *Anarchism in Germany, Vol. I: The Early Movement* (Metuchen, NJ: The Scarecrow Press, 1972), pp. 65—66. О Карле Генрихе Рау см.: Keith Tribe, *Governing Economy: The Reformation of German Economic Discourse 1750—1840* (Cambridge: Cambridge University Press, 1988), pp. 183—201. Также о Рау см.: 'Rau, Karl Heinrich', *The New Palgrave*, IV, p. 96.

О немецком либерализме в целом см.: Donald G. Rohr, *The Origins of Social Liberalism in Germany* (Chicago: University of Chicago Press, 1963); а также: James J. Sheehan, *German Liberalism in the Nineteenth Century* (Chicago: University of Chicago Press, 1978).

При изучении британских теоретиков *laissez faire*, находившихся под сильным влиянием Бастиа, интерес представляют работы Генри Маклеода. В частности, см. его книгу: Henry Dunning Macleod, *The Elements of Political Economy* (London: Longman, Brown, 1857); *The History of Economics* (New York: Putnam, 1896); *Dictionary of Political Economy, Vol. I* (London: 1863). Хорошее резюме его взглядов на *laissez faire* и на историю экономической мысли содержится в его статье 'On the Science of Economics and Its Relation to Free Exchange and Socialism', in Thomas Mackay (ed.), *A Policy of Free Exchange* (London: John Murray, 1894), pp. 3—46. Благожелательное обсуждение фигуры Маклеода содержится в работах: Salerno, 'Neglect', pp. 130—132; Charles Rist, *History of Monetary and Credit Theory* (1940, NY: A. M. Kelley, 1966); Israel M. Kirzner, *The Economic Point of View* (New York: Van Nostrand, 1960), pp. 73, 202—203; Murray N. Rothbard, 'Catallactics', *The New Palgrave*, II, p. 377.

Работы Уордсворта Донисторпа по экономике *laissez faire*, которыми незаслуженно пренебрегают: Wordsworth Donisthorpe's *Individualism, A System of Politics* (London: Macmillan, 1889), *Law in a Free State* (London: Macmillan, 1895); робкая и непоследовательная глава из последней книги «The Limits of Liberty» представляет собой перепечатку его же статьи в сборнике Thomas Mackay (ed.), *A Plea for Liberty* (NY: D. Appleton & Co., 1891), pp. 63—106. Об истории Донисторпа и британского движения *laissez faire* см.: W. H. Greenleaf, *The British Political Tradition* (London: Methuen, 1983), II, pp. 263—287. См. также: Edward Bristow, 'The Liberty and Property Defence League and Individualism', *The Historical Journal*, 18 (Dec. 1975), pp. 761—789; John W. Mason, 'Thomas Mackay: The Anti-Socialist Philosophy of the Charity Organization Society', in K. D. Brown (ed.), *Essays in Anti-Labour History* (London: Macmillan, 1974), pp. 307—309. О плутологии Донисторпа см. его книгу: *Principles of Plutology* (London: Williams & Norgate, 1876). Также об этом авторе см.: Peter Newman, 'Donisthorpe, Wordsworth', *New Palgrave*, I, pp. 916—917.

Об Уильяме Хирне и экономической науке в Австралии см.: William E. Hearn, *Plutology, or the Theory of the Efforts to Satisfy Human Wants* (London: Macmillan, 1864); Salerno, 'Neglect', pp. 125—129; J. A. LaNauze, *Political Economy in Australia* (Melbourne: Melbourne University Press, 1949); D. B. Copland, *William E. Hearn, First Australian Economist* (Melbourne: Melbourne University Press, 1935).

При изучении американской экономической мысли невозможно обойтись без авторитетного труда Джозефа Дорфмана: Joseph Dorfman, *Economic Mind in American Civilization*; материал, имеющий отношение к идеям *laissez faire* и влиянию на них Бастиа, содержится в *Volume II: 1606—1865* (New York: Viking,

1946) и *Volume III: 1865—1918* (New York: Viking, 1949). Для периода XIX в. после Гражданской войны важна также книга: Sidney Fine, *Laissez Faire and the General-Welfare State* (Ann Arbor, Michigan: University of Michigan Press, 1956). См. также: Salerno, 'Neglect', pp. 133—138; Kirzner, *Economic Point of View*, pp. 75—77. Самое важное сочинение Амаасы Уокера: Amasa Walker, *The Science of Wealth* (3rd ed., Boston: Little Brown, 1867); ключевая работа Перри — Arthur Latham Perry, *Political Economy* (21st ed., New York: Scribner, 1892). См. также весьма информативный сборник статей Перри: Arthur Latham Perry, *Miscellanies* (Williamstown, Mass.: published by author, 1902), опубликованный к полувековой годовщине выпуска колледжа Уильямса 1852 г.

Подборка статей Чарльза Хольта Кэрролла опубликована в: Edward C. Simons (ed.), *Organization of Debt into Currency, and Other Essays* (Princeton NJ: Van Nostrand, 1964). Введение, написанное Симмонсом (Edward C. Simons, 'Introduction', *ibid.*, pp. v—xxiv) само по себе является выдающейся работой. См. также перепечатку статей Кэрролла из «Hunt's Merchant's Magazine», July 1864: Charles Holt Carroll, *Congress and the Currency* (James Turk, ed., Greenwich, CT: Committee for Monetary Research and Education, Sept. 1977). О Кэрролле и других авторах, выступавших за 100%-ный золотой стандарт см.: Skousen, *Economics of a Pure Gold Standard* <Скоузен М. Экономика чистого золотого стандарта // Золотой стандарт: теория, история, политика. Челябинск: Социум, 2011>. Как указывает Симмонс, даже Дорфман не упоминает Кэрролла, и стандартные тексты по истории денежной теории, такие как Mints, *History of Banking Theory* и Harry E. Miller, *Banking Theories Before 1860* (Cambridge Mass.: Harvard University Press, 1932), не упоминают ни одной из работ Кэрролла, относящихся к периоду после начала Гражданской войны.

УКАЗАТЕЛЬ*

- Абрамс М. Г. (Abrams, M. H.) 358, 367, 495-6
Абсолютного преимущества теория 97
Абу, Эдмон (About, Edmond) 444
Августинцы 318, 349
Аврич, Пол (Avrich, Paul) 367
Австралия 291, 292, 293, 463, 464
Австрийская школа 79, 443, 464, 471
– теория экономического цикла 177
– теория капитала и процента 141-8
– временная структура капитала 285
– теория цикла 261
– и упадок рикардianской системы 116, 129, 130, 137, 138, 139, 140
– и Сэй 22, 23, 24, 36
См. *тж* Протоавстрийцы
Австрия 270, 356
Адамс, Джон (Adams, John) 7-8
Адамс, Джон Квинси (Adams, John Quincy) 144, 212, 216, 222
Адвентисты Седьмого дня 415
Адлер, Феликс (Adler, Felix) 61, 68
Акастер (Acaster, E. J. T.) 488
Аксиоматически-дедуктивная теория 18
Алисон, Арчибальд (Alison, Archibald) 291-2
Аллен, У. (Allen, W. R.) 482
Альенде, Сальвадор (Allende, Salvador) 336
Алькуф, Алан (Alcouffe, Alain) 502
Амато, Серхио (Amato, Sergio) 437, 501
Американская трудовая лига за реформы (American Labor Reform League) 399
Американская экономическая Ассоциация 471
Амьенский мир 179
Анабаптизм 299, 300, 312, 317, 318, 323
Анархо-капитализм 453-5
Анархо-коммунизм 334
Англия 77, 91, 159, 186, 190, 205
– денежная школа 228, 229, 238, 240, 250, 255
– класс 384, 388, 389, 401
– коммунизм 308
– протекционизм 446
– теория полезности 127-30
– упадок рикардianской системы 106, 130, 145
– эпоха романтизма 359
– laissez faire 442, 450, 455, 462, 463
См. *тж* Банк Англии
Англо-французский договор 1860 г. 447
Андерсон, Джеймс (Anderson, James) 110, 111
Антибуллионизм 161, 168-78. См. *тж* Буллионизм; Дискуссия о слитках
Антиимпериализм 286
Антикатолицизм 286-7
Антирикардianство 278, 485-7
Анфантен, Бартеlemi (Enfantin, Barthelemy Prosper) 387-8
Аргентина 10
Аристотелианское заблуждение 397
Арнберг, Йохан (Arnbergt, Johan Walter) 450
Арнон, Ари (Arnon, Arie) 438, 490
Ассоциация за денежную реформу (Currency Reform Association) 263
Аткинсон, Джаспер (Atkinson, Jasper) 173, 199-200
Ахминов, Герман (Akhminov, Herman) 343
Бабёф, Франсуа (Гай Гракх) (Babeuf, Francois Noel (Caius Gracchus)) 305-7, 308, 313
Бабувисты 306
Баден, правительство 460
Базар, Сен-Аман (Bazard, Saint-Amand) 387-8

* В указателе сохранены номера страниц по английскому оригиналу; начало страницы по английскому оригиналу указано на внешних полях под чертой.

- Байрон, лорд (Byron, Lord) 207
 Бакунин, Михаил (Bakunin, Mikhail) 309, 334, 335, 340, 361, 378.
 Баласса, Бела (Balassa, Bela) 294
 Бальзак, Оноре де (Balzac, Honore de) 388
 Бальзамо, Паоло, аббат (Balsamo, Abbate Paolo) 10
 Банк Амстердама 216, 233, 270
 Банк Англии 81
 – банковская школа 260
 – возобновление чартера Банка Англии 237-8
 – Доклад комитета о слитках и возобновленная размена на золото 193, 194, 197, 198, 199, 203, 206, 211
 – дискуссия о слитках 159-63, 165-6, 168, 170, 171, 172, 175, 180, 182-8
 – денежная школа 227, 228, 229, 231, 232, 233, 234, 235, 236
 – период после 256, 257, 258, 259
 – дискуссия 238, 239, 240, 241, 242, 244, 245, 246
 – триумф 249, 250, 252, 253, 255, 256
 – последователи Милля 289
 – рикарданская теория 293
 – laissez faire 441, 470
 Банк Ирландии 182, 184, 185, 186, 193
 Банк Соединенных Штатов 130, 216
 Банк Франции 242
 Банк Швеции 217, 218, 450
 банковская школа 253, 259-66, 432, 489-91
 Банковское дело с частичным резервированием 210-16
 Банковское дело, децентрализованное 269
 Банковское дело, свободное 253
 – теория 252
 Барбер, Уильям (Barber, William P.) 482
 Бармби, Джон (Barmby, John Goodwyn) 209-10, 311
 Баруччи, Пьеро (Barucci, Piero) 472, 502
 Баском, Джон (Bascom, John) 469-70
 Бастиа, Фредерик (Bastiat, Frederic) 281, 501, 502, 503
 – и французское течение laissez faire 441-75
 – упадок 470-71
 – влияние в Европе 448-53
 – Маклеод 461-3
 – Молинари 453-5
 – Парето 455-9
 – плутология: Хирн и Доннисторп 463-5
 – Рау 460-61
 – школа 441-4
 – в США 466-70
 Бат, Исаак (Butt, Isaac) 124, 126, 129, 134-5, 486
 Бауэр (Bauer) 368
 Бауэр, Бруно (Bauer, Bruno) 309, 361
 Бауэр, Отто (Bauer, Otto) 415-16
 Бауэр, Питер (Bauer, P. T.) 426
 Бебель, Август (Bebel, August) 342, 345
 Безант, Анни (Besant, Annie) 320, 351
 Безработица
 – технологическая 424-5
 – циклическая 425
 Бейли, Сэмюэл (Bailey, Samuel) 106, 113-18, 127, 129, 130, 133, 137, 154, 242-3, 282, 485, 486
 Бельгия 308, 310, 448
 Бём-Баверк О. (Böhm-Bawerk, Eugen von) 22, 90, 135, 138, 140, 141, 155, 415-16, 417, 419, 434, 435, 487, 500
 – «История и критика теорий процента» 142, 146, 413
 – «К завершению марксистской системы» 414
 Бёме, Якоб (Boehme, Jacob) 351, 359
 Бенних, Аксель (Bennich, Axel Gustafsson) 450
 Бенсон, Брюс (Benson, Bruce L.) 312, 473, 502
 Бентам, Иеремия (Bentham, Jeremy) 44, 49-68, 71, 72, 75, 76, 111, 112, 278, 286, 287, 481-2
 – личный утилитаризм 56-60
 – общественный утилитаризм 60-62
 – от laissez faire к элитизму 49-56
 – паноптикум 62-7
 – «В защиту ростовщичества» («Defence of Usury») 51, 52
 – «История войны между Иеремией Бентамом и Георгом III» («History of

- the War Between Jeremy Bentham and George III» 66
- «О законах вообще» («Of Laws in General») 50
 - «Обоснование вознаграждения» («Rationale of Reward») (первоначально «Опыт о вознаграждении» («Essay on Reward»)) 52
 - «Обращающиеся аннуитеты» (незавершенная) 'Circulating Annuities' 53
 - «Предложение о хождении [новой] разновидности бумажных денег» («A Proposal for... Species of Paper Currency») 52
 - «Раскрытие вреда от бумажных банкнот» («Paper Mischief Exposed») 53
 - «Руководство по политической экономии» (неопубликованное) («Manual of Political Economy») 52
 - «Серьезный повод для тревоги» («True Alarm») 53, 54, 55, 78
 - «Улучшенный проект об использовании бедняков» («Pauper Management Improved») 65
 - «Фрагмент о правительстве» («Fragment of Government») 49, 50
- Бентам, Сэмюэл (Bentham, Samuel) 51, 62, 65
- Бентамиты 54, 57, 62, 73, 74, 75, 91, 115, 120, 135, 277, 278, 394, 400, 401, 481
- Бентинк, лорд (Bentinck, Lord) 264
- Бентон, Томас (Benton, Thomas Hart) 213, 224
- Бенфилд, Пол (Benfield, Paul) 162-3
- Бенфилд, Томас (Benfield, Thomas) 129—130
- Берарди, Доменико (Berardi, Domenico) 449
- Бёрджес, Генри (Burgess, Henry) 229, 247, 248
- Берлинская фондовая биржа 451
- Бернхольц, Питер (Bernholz, Peter) 224, 489
- Бернштейн, Эдуард (Bernstein, Eduard) 345
- Берголини, А. (Bertolini, A.) 449
- Биддл, Клемент (Biddle, Clement C.) 11, 479
- Бики, Генри (Beeke, Henry) 199, 200
- Биллингтон, Джеймс (Billington, James H.) 305, 308, 311, 312, 313, 367, 368, 389, 404, 494, 500
- Бильль об ограничении платежей металлом 198
- Биметаллический стандарт 204
- Бингэм, Уильям (Bingham, William) 223
- Бисмарк, Отто фон (Bismarck, Otto Edward Leopold von) 452
- Бланки, Жером-Адольф (Blanqui, Jerome-Adolphe) 442, 452
- Блауг, Марк (Blaug, Mark) 45, 479
- Блейк, Уильям (Blake, William) 359
- Блок, Морис (Block, Maurice) 443
- Блох, Эрнст (Bloch, Ernst) 320, 342
- Блуменберг, Вернер (Blumenberg, Werner) 345, 497
- Блэк, Джон (Black, John) 74
- Блэк, Р. (Black, R. D. C.) 295, 485, 493, 502
- Богатство, понятие 468
- Богданов, А. А. 319
- Бодрийяр, Анри (Baudrillard, Henri Joseph Leon) 442, 443
- Бозанкет, Дж. (Bosanquet, J. W.) 254
- Бозанкет, Чарльз (Bosanquet, Charles) 197, 200
- Бозеллини, Карло (Bosellini of Modena, Carlo) 10
- Бойд, Уолтер (Boyd, Walter) 162-3, 169, 176, 178, 181-4, 186, 188, 190, 231
- и ответ антибуллионистов 168-9
 - «Письмо Питту» 163-8, 172-3
- Бокельсон, Ян (Bockelson, King) 301
- Боливия 10
- Бонапарт, Луи (Bonaparte, Louis) 390, 473
- Борели, Паскуале (Borelli, Pasquale) 10
- Борткевич, Ладислав (Bortkiewicz, Ladislaus von) 435
- Боубер, М. (Bober, M. M.) 403, 431-2, 437, 498, 501
- Боуз, Генри (Boase, Henry) 168-9
- Боули, Мэриан (Bowley, Marian) 152, 155, 481, 485, 486, 487
- Боуринг, Джон (Bowring, John) 50
- Бразилия 10, 443

- Брайт, Джон (Bright, John) 281, 286, 401, 447, 455, 457
 Браины, каста 380-81, 382
 Браун, Томас (Brown, Thomas) 11, 480
 Брей, Джон (Bray, John Francis) 397-9, 500
 Бриско, Джеймс (Briscoe, James Bland) 404, 499
 Бристов, Эдвард (Bristow, Edward) 504
 Британская Вест-Индия 171
 Британское общество шерсти 201
 Брукер, Шарль де (Brouckere, Charles de) 448, 452, 473
 Брум, Генри (Brougham, Henry) 188
 Брамсон, Леон (Bramson, Leon) 367
 Брюс, Тор (Bruce, Thor W.) 117, 154, 486
 Буанаротти, Филиппо (Buonarrotti, Filippo Giuseppe Maria Lodovico) 307-8
 Буддизм 320, 351
 Бузакка, Рафаэле (Busacca, Professor Raffaele) 448
 Буколо, Пласидо (Bucolo, Placido) 457, 474
 Буллер, Корнелиус (Buller, Cornelius) 227
 Буллионизм
 – кульминация 179-84
 – механистический 186-9
 – теория 194
 См. *тж* Антибуллионизм; Дискуссия о слитках
 Буллионизм механистический 186-9
 Бумажных денег теория 181-2
 Бурбоны, династия 75, 159
 Буридан, Жан (Buridan, Jean) 410, 462
 Бут (Boot, Н. М.) 490
 Бухгольц, Фридрих (Buchholz, Friedrich) 388
 Бэббидж, Чарльз (Babbage, Charles) 294
 Бэджет (Бэдждот), Уолтер (Bagehot, Walter) 201, 289, 292
 Бэйн, Александр (Bain, Alexander) 483
 Бэкон, Фрэнсис (Bacon, Francis) 280
 Бэкониианцы 13, 109, 120, 280
 Бэнфилд, Томас (Banfield, Thomas C.) 129-30
 Бэринг, Александер (ныне лорд Эшбертон) (Baring, Alexander (now Lord Ashburton) 168, 198, 206, 223, 248, 263
 Бэринг, Томас (Baring, Thomas) 264
 Бюш, Иоганн (Büsch, Johann Georg) 220-21, 489
Вагнер, Адольф (Wagner, Adolph) 474
 Ваерн, Карл (Waern, Carl Freidrich) 450
 Вайнер, Джейкоб (Viner, Jacob) 271, 487, 489
 Вальленберг, А. (Wallenberg, A. O.) 450
 Вальрас, Леон (Walras, Leon) 456, 471, 475, 480
 Вальрасианцы 79
 Ван Бурен, Мартин (Van Buren, Martin) 213, 224, 233, 234, 235, 270
 Вандерлинт, Якоб (Vanderlint, Jacob) 211
 Ванситарт, Николас (Vansittart, Nicholas) 199, 200, 203, 205, 206, 209, 223
 Веблен, Торстейн (Veblen, Thorstein) 145, 153
 Вейтлинг, Вильгельм (Weitling, Wilhelm) 309, 310-11
 Великобритания 11, 54, 97, 116, 122, 160, 163, 233
 – эпоха романтизма 357
 – банковская школа 263, 266, 267
 – Доклад комитета о слитках и возобновленная размена на золото 200, 216, 218
 – денежная школа 227, 231, 234, 245, 258, 266, 267
 – банковское дело с частичным резервированием 210-16
 – гегельянство 357
 – laissez faire 441, 457, 461, 463
 – рикардиянская экономическая теория 281, 287, 293
 – Королевский Британский банк 461
 – смитианство 3
 – троккизм 372
 Верри, Пьетро (Verri, Count Pietro) 9
 Вестфален, Людвиг фон, барон (Westphalen, Baron Ludwig von) 341, 389, 500
 Вестфален, Женни фон (Westphalen, Jenny von) 338, 341

- Виги 50, 78, 161, 180, 235, 237
 Виксель, Кнут (Wicksell, Knut) 177
 Вильбрандт, Роберт (Wilbrandt, Robert) 417
 Вильсон, Джеймс (Wilson, James) 215, 256, 260, 262-5, 267-8, 273-4, 281, 289, 402, 452, 490
 – последователи 285
 – «Капитал, денежное обращение и банковская деятельность» («Capital, Currency and Banking») 255, 261
 Витч, Генри (Veatch, Henry B.) 68
 Вменения и производительности теория 135
 Внутреннего света группы 300
 Воздержания теория 294
 – процента 138
 Воловски, Луи (Wolowski, Louis) 443, 452
 Вольней, граф де (Volney, Comte de) 7, 43
 Вольтер (Voltaire, Francois Marie Arouet de) 340
 Вольф, Юлиус (Wolf, Julius) 434
 Восстановление конвертируемости, закон о 205, 206, 239. *См. тж* Закон Пиля
 Временная структура
 – капитала, теория 285
 – производства 465
 Временного предпочтения теория 137, 138
 Всеобщее коммунитарное общество (Universal Communitarian Society) 310
 Второй банк Соединенных Штатов 212, 213
 Вуд, Элмер (Wood, Elmer) 270, 489
 Вулер, Джонатан (Wooler, Jonathan) 211
 Вурбранд, Ричард (Wurmbrand, Richard) 345, 497
 Вэн Дазер, Чарльз (Van Duzer, Charles Hunter) 480
 Гай, Жюль (Gay, Jules) 309
 Галеви, Эли (Halevy, Elie) 405, 481, 483, 499, 500
 Галь, Людвиг (Gall, Ludwig) 389
 Гамбург 162, 204, 205, 217-18, 220, 242
 – Банк Гамбурга 233, 270
 Гамбургер, Джозеф (Hamburger, Joseph) 75, 76, 98, 482, 492
 Гамильтон, Александр (Hamilton, Alexander) 215-16
 – последователи 7
 Гамильтон, Дж. (Hamilton, G. K.) 450
 Гамильтон, Роберт (Hamilton, Robert) 41, 45
 Ганс, Эдуард (Gans, Eduard) 389
 Гарнье, Жермен (Garnier, Marquis Germain) 4
 Гарнье, Клемент (Garnier, Clement Joseph) 442, 443, 452, 454-5, 502
 Гаррисон, Уильям (Harrison, William Henry) 216
 Гарсия, Хусто (Garcia, J. Justo) 10
 Гарфилд, Джеймс (Garfield, James A.) 469
 Гаудж, Уильям (Gouge, William M.) 232-3, 235, 270
 Гауер, лорд (Gower, Lord) 222
 Гевара, Эрнесто Че (Guevara, Ernesto Che) 302
 Гегель, Георг (Hegel, Georg Wilhelm Friedrich) 321, 324, 337, 349-53, 360, 367, 496, 498
 – и политика 353-7
 – и эпоха романтизма 357-60
 Гегельянство 356, 357, 360-64, 394, 496
 Гегельянцы 321, 322, 338, 343, 345, 355, 359, 365, 375, 389. *См. тж* Левогегельянцы; Неогегельянцы; Младогегельянцы
 Гезель, Сильвио (Gesell, Silvio) 36-7
 Гейер, Филипп (Geyer, Philip Joseph) 269, 270
 Гейне, Генрих (Heine, Heinrich) 388
 Гельветий, Клод (Helvetius, Claude Adrien) 11
 Георг III (George III) 66, 200
 Гераклит 356
 Германия 10, 451, 452, 457
 – гегельянство 356, 360
 – денежная и банковская школы 266, 269, 270
 – империализм 371
 – историческая школа 443, 449, 450, 452, 459
 – капитал 420

- Карл Рау 460-61
- коммунизм 308, 309
- понятие класса 388
- социал-демократическая партия 332, 361
- Союз за свободную торговлю 451
- эпоха романтизма 357, 359
- laissez faire 471
- См. *тж* Гамбург
- Германн, Фридрих фон (Hermann, Friedrich von) 130
- Гердер, Иоганн (Herder, Johann Gottfried) 356
- Герцен, А. И. 361
- Гийемен, Жильбер (Guillaumin, Gilbert) 442
- Гийо, Ив (Guyot, Yves) 444, 456
- Гилбарт, Джеймс (Gilbart, James William) 252-3, 254, 255, 273
- Гильфердинг, Рудольф (Hilferding, Rudolf) 415, 416, 419
- Гич, Питер (Geach, Peter) 68
- Гладстон, Уильям (Gladstone, William Ewart) 274, 455
- Глинн, Джордж (Glynn, George Carr) 258
- Гобхаус, Генри (Hobhouse, Henry William) 238, 248
- Годскин, Томас (Hodgskin, Thomas) 281, 399-403, 500
- Гордон, Барри (Gordon, Barry J.) 154, 484, 486
- Гордон, Дэвид (Gordon, Dr David) 379, 403, 435, 496, 501
- Гордон, Скотт (Gordon, Scott) 500
- Государство и налогообложение 40-43
- Готтфрид, Пол (Gottfried, Paul) 312, 495
- Гражданская война (в Америке) 399, 467, 470
- Гражданская война (в Англии) 299, 300, 317
- Граттан, Генри (Grattan, Henry) 248
- Грегори, Т. (Gregory, T. E.) 490
- Грей, Александр (Gray, Alexander) 93-4, 99, 368, 483, 493-5, 499, 500
 - о Марксе и коммунизме 325-6, 342, 344, 415-17, 434-5
 - о марксистской системе: исторический материализм и классовая борьба 400, 403-5
 - о мессианском коммунизме 301-3, 312
 - о Дж. С. Милле и рикардизме
 - об упадке рикардизма 103, 153
 - об экономической теории 283, 294
- Грей, Джеймс (Gray, James) 397
- Грей, Джон (Gray, John) 395-7, 398, 402, 500
- Грей, лорд (Grey, Lord) 237
- Гренфелл, Паско (Grenfell, Pascoe) 223
- Гринлиф, У. (Greenleaf, W. H.) 474, 504
- Грипенстедт, Йохан (Gripenstedt, Johan August) 449-50
- Гроут, Джордж (Grote, George) 75, 78, 98, 112, 272
- Гроут, Харриет (Grote, Harriet Lewin) 75, 78
- Грубый коммунизм 321-3
- Груши, мадам де (Grouchy, Madame de) 4
- Грэшема закон 179, 247, 461
- Гудвин, Крауфорд (Goodwin, Crauford D.) 295, 494
- Гурвич, Жорж (Gurvitch, Georges) 500
- Густав 220
- Гутьерес, Дом Мануэль Мария (Gutiérrez, Dom Manuel Maria) 10
- Гэлбрейт. См. Протогэлбрейтианцы
- Гюго, Виктор (Hugo, Victor Marie) 388
- Д'Арко, граф Джамбатиста Герардо (D'Arco, Count Giovanni Battista Gherardo) 9
- Д'Ивернуа, Френсис (D'Ivernois, Francis) 200
- Д'Эйхталь, Гюстав (d'Eichtal, Gustave) 388
- Дайер, Джозеф (Dyer, Joseph Chesborough) 237
- Дарвин, Чарльз (Darwin, Charles) 362
- Двуклассная система 381, 383, 384, 423
- Де Салас, Рамон (de Salas, Ramon) 10
- Дезами, Теодор (Dezamy, Theodore) 311-12, 335
- Дельфиго, Мельхиор (Delfico, Melchiore) 10
- Демут, Генри Фредерик (Demuth, Henry Frederick) 341, 345, 496

- Демут, Хелен (Demuth, Helene (Lenchen)) 341
- Денежная теория 37-40, 167, 83, 285, 291
- Денежная школа 249, 489-91. *См. тж*
Денежное обращение и банки, экономическая мысль о
- Денежное обращение и банки, экономическая мысль о
- борьба денежной школы 227-74
 - период после победы 256-9
 - возобновление чартера Банка Англии 237-8
 - победа банковской школы 259-66
 - денежная и банковская школы на континенте 266-70
 - денежный принцип 230-36
 - травма 1825 г. 227-30
 - кризис и полемика 1837 г. 238-41
 - кризис и 1839 эскалация полемики 242-6
 - угроза золотому стандарту 246-8
 - триумф и закон Пиля 1844 г. 248-56
- дискуссия о слитках 159-90
 - начало 161-3
 - Бойд и ответ антибуллионистов 168-9
 - Бойд и «Письмо Питту» 163-8
 - вопрос денежного обращения в Ирландии 184-6
 - лорд Кинг и кульминация буллионизма 179-84
 - Торнтон и антибуллионисты 169-78
 - Уитли и механистический буллионизм 186-9
- Доклад комитета о слитках 193-224
 - на континенте 216-21
 - дискуссия о 198-203
 - дефляция и возвращение к золотым деньгам 203-10
 - банковское дело с частичным резервированием 210-16
 - Рикардо 193-8
- Денежное правило/принцип 230-36, 231
- Депрессия послевоенная 205
- Дестют де Траси, граф Антуан (Destutt de Tracy, Comte Antoine Louis Claude) 4-8, 9-11, 43, 44, 137, 212, 446, 480
- Дефляция 174-5, 203-10
- Джевонс, Стенли (Jevons, William Stanley) 103, 105, 125, 146, 290, 291, 462-4, 471, 474, 475
- Джеймс, Уоррен (James, R. Warren) 155, 486
- Джексон, Рэндл (Jackson, Randle) 201, 202
- Джексон, Эндрю (Jackson, Andrew) 130, 213, 214, 223, 224, 233, 234, 235
- Джексоonianцы 213, 215, 216, 223, 232, 235, 256, 265, 268
- Дженкинсон, Роберт, граф Ливерпуль (Jenkinson, Robert Banks, Earl of Liverpool) 200, 227
- Дженовезе, Антонио (Genovesi, Abate Antonio) 20, 480
- Джефферсон, Томас (Jefferson, Thomas) 7-9, 12, 43, 212, 213, 214, 222, 480, 489
- Джилас, Милован (Djilas, Milovan) 378
- Джонсон, Л. (Johnson, L. E.) 484
- Джоплин, Томас (Joplin, Thomas) 172
- Джордж, Генри (George, Henry) 91, 153, 394
- Джорджизм 286
- Джорджисты 92
- Джоунз, преподобный Ричард (Jones, Richard) 109, 110, 120, 280
- Джоунз, Ричард (из Кембриджа) (Jones, Richard of Cambridge) 230
- Джукс, Джон (Jewkes, John) 435
- Диалектика 321. *См. тж в рубрике*
Отчуждение
- Диггеры 299, 300
- Дикенс, Чарльз (Dickens, Charles) 152, 153, 487
- Дираэли, Бенджамин (Disraeli, Benjamin) 248, 249
- Дискуссия о слитках 163, 487-9. *См. тж* Денежное обращение и банки, экономическая мысль о
- Дискуссия о слитках во Франции 160, 161, 163, 169
- Дифференциальная отдача/доходность, в теории земельной ренты 135
- Дифференциальной ренты теория 85, 109

- Догерти, Марион (Daugherty, Marion R.) 272, 489
- Донисторп, Вордворт (Donisthorpe, Wordsworth) 465, 474, 50, 504
- Дорфман, Джозеф (Dorfman, Joseph) 398, 405, 475, 486, 490, 500, 504, 505
- Доу (Dow, E. D.) 495
- Драммонд, Генри (Drummond, Henry) 104, 233, 270
- Дрейпер, Хол (Draper, Hal) 345, 496
- Дуглас, Пол (Douglas, Paul) 483
- Дуэйн, Уильям (Duane, William) 7
- Дьюинг, Артур (Dewing, Arthur S.) 435
- Дюмон, Этьен (Dumont, Etienne) 50
- Дюнуайе, Шарль (Dunoyer, Barthelemy Charles Pierre Joseph) 75, 76, 281, 333, 386, 387, 389, 395, 441, 446, 448, 451, 452, 454, 457, 480, 499
- Дюпино, Гюстав (Du Puynode, Gustave) 491
- Дюпон де Немур, Пьер (Du Pont de Nemours, Pierre Samuel) 4, 7, 43
- Дюринг, Евгений (Dühring, Eugen Karl) 437
- Европа** 36, 309, 470, 471
- Единство. *См.* Отчуждение, единство и диалектика
- Единый налог 92, 126
- Екатерина Великая, императрица 51, 66
- Естественная свобода 460
- Естественное право и естественные права 447
- Жаффе, Уильям (Jaffe, William) 471, 475**
- Железный закон заработной платы 108, 412. *См. тж* Средств к существованию теория
- Железный закон олигархии 334, 361
- Заговор равных** 304-8, 305, 306, 307
- Закон о чартере Банка Англии 1833 г. (Bank Charter Act) 249
- Закон о чартере Банка Англии 1844 г. (Bank Act) 264, 265
- Законы движения
- кризис в рамках экономического цикла 428-33
 - накопление капитала и централизация 417-22
 - обнищание рабочего класса 422-8
- Законы об объединениях 401
- Заработная плата 83, 85, 86, 89, 132-7
- фонд 283, 284
 - железный закон 108, 412
 - и теория народонаселения 278
 - теория производительности 133
 - ставки 174-5
 - теория средств к существованию 107
- Затраты/издержки 84, 87, 117
- анализ затраты—выгоды 59
 - теория ценности на основе издержек 18, 125, 282, 441, 449
 - теория 19
 - теория ценности 30, 87, 149, 278
- Землевладельцы 91, 286. *См. тж* Рента
- Золото 203-10
- золотой стандарт 204, 246-8
 - открытие месторождений 291-3
- Золото, возвращение к конвертируемости в 203-10
- Золотой век 312
- Зульцбах, Вальтер (Sulzbach, Walter) 499
- Иггерс, Дж. (Iggers, G. G.) 499**
- Игли, Роберт (Eagly, Robert V.) 489
- Идеологи* 7, 9
- Идеология, доктрина 378-80
- Избирательная реформа, закон о (1832) 73-4, 77
- Измерений теория 114
- Империализм 285-8, 371, 427
- Инвестиции в железнодорожное строительство, теория 263
- Индия 66, 92, 286, 287
- Индуктивисты 494
- Инновации, теория прибли как результата 25
- «Инспекционный дом». *См.* Паноптикум
- Инчболд, Джон (Inchbald, John) 274
- Иоахим Флорский 299, 300, 304, 319, 320
- Ирландия 186, 239, 286, 287

- денежная школа 240, 248-9, 250, 255
– проблема денежного обращения 184-6
См. тж Банк Англии
Испания 10, 336
Исторический материализм 372-6
Италия 9, 10, 448, 449, 457, 459
- Кабанис, Пьер** (Cabanis, Dr Pierre Jean George) 5, 7, 11, 17
Кабе, Этьен (Cabet, Etienne) 308, 310, 311, 313
Кадафи, полковник (Khadafy, Colonel) 335
Казенов, Джон (Cazenove, John) 294
Кальвинизм 73, 300, 349
Камбоджа 333
Камден, лорд (Camden, Lord) 50
Камерализм 354, 460
Канада 143-5, 147, 287
Каннинг, Джордж (Canning, George) 198, 199, 202, 208, 209, 223, 227, 248
Кант, Иммануил (Kant, Immanuel) 10
Кантильон, Ричард (Cantillon, Richard) 3, 25, 26, 93, 124, 164, 165, 209, 220, 292, 471
Каньяцци из Альтамуры, Лука де Самуэле (Cagnazzi of Altamura, Luca De Samuele) 9-10
Капитал 420
– избыточный 287-8
– накопление и централизация 417-22
– теория 138, 140, 284
– и теория процента 137-41
– австрийской школы 141-8
Капитал избыточный 287-8
Капитализм. *См.* Анархо-капитализм; *а также подрубрику в рубрике* Марксизм
Карлель, Томас (Carlyle, Thomas) 359-60, 388
Карлсон, Эндрю (Carlson, Andrew R.) 473, 503
Карнарвон, граф (Carnarvon, Earl of) 206-7
Карпентер, Сесил (Carpenter, Cecil C.) 489
- Каррит** (Carritt, E. F.) 367, 498
Каслри, виконт. *См.* Стюарт, Роберт
Каталиктика 119, 120, 125, 462
Катберт, Энн (Cuthbert, Ann) 144
Католицизм 180, 349. *См. тж* Антикатолицизм
Каудер, Эмиль (Kauder, Emil) 73, 91, 99, 486
Каутский, Карл (Kautsky, Karl) 333, 423, 427
Кауфманн, Вальтер (Kaufmann, Walter) 498
Каффе, Ф. (Caffe, F.) 472
Квандт, Жан (Quandt, Jean B.) 341
Квинси, Томас де (Quincey, Thomas De) 110, 114, 153, 292
Кейли Эдвард (Cayley, Edward Stillingfleet) 153
Кейнс, Джон Мейнард (Keynes, John Maynard) 37, 45, 105-6, 174, 186, 285, 295, 481
– «Общая теория» 36, 105
Кейнсианство 445
Кейнсианцы 15, 41, 79. *См. тж* Протокейнсианцы
Кембриджская группа четырех 280
Кендалл, Амос (Kendall, Amos) 130-32, 154, 214, 232, 235, 487
Кеннан, Эдвин (Cannan, Edwin) 154, 483, 486, 487, 493
Кеннеди, Эммет (Kennedy, Emmet) 6, 43, 480
Кинг, Питер, лорд (Lord King, Peter) 169-70, 176, 179, 185, 186, 188, 193, 195, 209, 221, 488
– и кульминации буллионизма 179-84
– «Размышления об ограничении платежей металлическими деньгами» («Thoughts on the Effects of the Bank Restriction») 179, 180, 184
Кингсли, Чарльз (Kingsley, Charles) 282
Кирцнер, Израэл (Kirzner, Israel M.) 154, 472, 474, 475, 485, 502, 503
Китс, Джон (Keats, John) 359
Кларк, Дж. Б. (Clark, J. B.) 99
Кларк, Дж. М. (Clark, J. M.) 480
Класс
– классовая борьба 376-8

- классовый анализ, либертарианский 75-8
- понятие
 - противоречивость 380-85
 - возникновение 385-91
- теория классов 380
- теория классового конфликта 107, 133
- Класс, восходящий 376-7
- Клей, Уильям (Clay, William) 270
- Кливленд, Гровер (Cleveland, Stephen Grover) 469
- Клуб политической экономии 104, 106, 115, 294, 453, 471
 - денежная школа 230, 231, 236, 239, 241, 243
- Книс, Карл (Knies, Karl) 434
- Коббет, Уильям (Cobbett, William) 206, 211, 223, 227, 229, 270
- Кобден, Ричард (Cobden, Richard) 75, 246, 248, 272, 281, 286, 292, 401, 442, 447, 452, 455, 457, 472
- Кобденовский клуб Великобритании (Cobden Club of Great Britain) 469
- Ковалевский, Максим (Kovalevsky, Maxim) 389, 500
- Коклен, Шарль (Coquelin, Charles) 442, 454
- Колаковский, Лешек (Kolakowski, Leszek) 342, 344, 403, 496, 498
- Колбурн, Генри (Coulburn, Henry) 249
- Коллективная теория 180, 292
- Колко, Габриэль (Kolko, Gabriel) 435
- Коллективные договоры 284-5
- Коллмен, Дж. (Kollman, G.) 481
- «Колпаки» 217, 218, 219, 220
- Кольридж, Сэмюэл (Coleridge, Samuel Taylor) 359, 496
- Комб, Джордж (Combe, George) 274
- Комитет о слитгах 170, 171, 178
- Коммунизм
 - анархо- 334
 - высшая стадия 323-35
 - грубый 321-3
 - миллениаристский 317-21
 См. *тж* Коммунисты; Месссианский коммунизм
- Коммунизм, высшая стадия 323-35
- Коммунистическая лига 310
- Компаньони, Джузеппе (Compagnoni, Giuseppe) 10
- Конвей, Дэвид (Conway, Professor David) 412, 434, 435, 436, 437, 496, 500
- Кондильяк, Этьенн Бонно де (Condillac, Abbe Etienne Bonnot de) 5, 11, 20, 301, 462, 468, 480
- Кондорсе, Николя де (Condorcet, Marie Jean Antoine Nicolas de) 4
- Конт, Шарль (Comte, Francois Charles Louis) 75, 76, 281, 333, 386, 387, 389, 395, 441, 446, 451, 457, 480, 499
- Континент, Европы 216-21, 266-70
- Концентрации капитала закон 420
- Копленд, Д. (Copland, D. B.) 504
- Коплстон, Эдвард (Copleston, Edward) 208-9, 210, 223, 489
- Королевский Британский банк 461
- Королевский монетный двор 235
- Корреспондентский комитет коммунистический 310
- Косса, Луиджи (Cossa, Luigi) 502
- Коттерил, Чарльз (Cotterill, Charles Foster) 118
- Коттон, Уильям (Cotton, William) 249, 272, 274
- Коузер, Льюис (Coser, Lewis A.) 480
- Коул, Дж. (Cole, G. D. H.) 405, 415, 417, 435, 495, 500
- Коутс (Coats, A. W.) 502
- Коэн, Бернард (Cohen, Bernard) 494
- КПСС 326
- Краус, Кристиан (Kraus, Christian) 10
- Креатология 349-51
- Кредитоспособность 251-2
- Крейг, Джон (Craig, John) 116, 117, 118, 122, 130, 132, 133, 154, 485, 486
- Кризис 1847 г. 264
- Кризис 1857 г. 265
- Кризисы, теории 428
- Кристиернин, Пер Никлас (Christiernin, Pehr Niclas) 219-20, 489
- Крокет, Дэви (Crockett, Davy) 216
- Кромвель, Оливер (Cromwell, Oliver) 300
- Кроче, Бенедетто (Croce, Benedetto) 417, 473
- Крюков, В. М. 326
- Купер, Томас (Cooper, Thomas) 466

- Курно, Огюстен (Cournot, Augustin) 480
- Курсель-Сенель, Жан (Courcelle-Seneuil, Jean Gustave) 267, 268, 463
- Кэрнс, Джон (Cairnes, John Elliott) 289-93, 295, 463, 493, 494
- Кэррол, Чарльз (Carroll, Charles Holt) 470, 475, 504, 505
- Кюне, Г. (Kuehne, G.) 388
- Лалор, Ж. (Lalor, J.) 443
- Ламартин, Альфонс (Lamartine, Alphonse Marie Louis) 447
- Ланаузе (LaNauze, J. A.) 474, 504
- Ларком, Томас (Larcom, Thomas) 126
- Лассаль, Фердинанд (Lassalle, Ferdinand) 107, 343, 393, 434
- Лассальянцы 332, 343
- Латинская Америка 10, 227, 309
- Латтрелл, Клифтон (Luttrell, Clifton B.) 480, 489
- Лафит, Жак (Laffitte, Jacques) 387
- Лашингтоны, семья (Lushington family) 189
- Левассер, Эмиль (Levasseur, Emile) 443
- Леви, Алистер (Levy, Alastair) 474
- Леви, Леон (Levy, S. Leon) 485
- Левогегельянцы 360-64
- Лейбовиц, Майкл (Lebowitz, Michael A.) 501
- Лейонхувуд, Аксель (Leijonhufvud, Axel) 45
- Лексис, Вильгельм (Lexis, Wilhelm) 434
- Ленин В. И. 71, 74, 81, 96, 288, 303, 305, 320, 333, 335, 344, 361, 433
- Ленинизм 306
- Ленинцы 311, 320, 362, 418, 426, 435
- Либер, Френсис (Lieber, Francis) 466
- Либертарианский классовый анализ 75-8
- Либкнехт, Вильгельм (Liebknecht, Wilhelm) 374
- Ливерпуль, граф. См. Дженкинсон, Роберт Бэнкс
- Ливерпульская ассоциация за реформу денежного обращения (Liverpool Currency Reform Association) 263
- Ливия 335
- Лига отверженных 308, 309
- Лига против хлебных законов 77, 111, 281, 286, 447, 448, 452
- Лиджио, Леонард (Liggio, Leonard P.) 44, 480, 494, 499
- Линк, Альберт (Link, Albert) 481
- Линк, Роберт (Link, Robert G.) 490
- Лист, Франц (Liszt, Franz) 388
- Ллойд, Уильям (Lloyd, William Forster) 127-30, 154, 485, 486
- Ллойд, Чарльз (Lloyd, Charles) 127-8, 209
- Лодердейль, лорд. См. Мейтленд, Джеймс
- Лойд, Сэмюэл Джонс (лорд Оверстон) (Loyd, Samuel Jones (Lord Overstone)) 241, 245, 250, 260, 264, 265, 270, 271, 272
- Локк, Джон (Locke, John) 180, 220, 400, 402
- Ломоро, Наоми (Lamoreaux, Naomi R.) 435
- Лонг, Дуглас (Long, Douglas C.) 66, 67, 68, 482
- Лонгфилд, Маунтифорт (Longfield, Samuel Mountifort) 110, 121-4, 126, 127, 129, 133, 134, 135, 139-40, 230, 285, 471, 485
- «Банковское дело и денежное обращение» («Banking and Currency») 241
- «Лекции по политической экономии» («Lectures on Political Economy») 290
- Лондондерри, маркиз. См. Стюарт, Роберт
- Лория, Акилле (Loria, Achille) 416, 434, 472
- Лоуренс, Д. (Lawrence, D. H.) 358, 496
- Лоусон, Джеймс (Lawson, James Anthony) 124-7, 485
- Лудлоу, Джон (Ludlow, John Malcolm) 282
- Людовик XIV 427
- Лютеранство 337, 349, 352
- Мабли, Габриэль (Mably, Gabriel Bonnot de) 301-4, 312
- Мадзини, Джузеппе (Mazzini, Giuseppe) 311
- Мазлиш, Брюс (Mazlish, Bruce) 345, 497
- Май, Людвиг (Mai, Ludwig H.) 479

- Маквикар, Джон (McVickar, John) 154
- Макиавелли, Никколо (Machiavelli, Niccolo) 279
- Маккорд, Дэвид (McCord, Colonel David) 368, 466
- Маккорд, Луиза (McCord, Louisa Cheves) 466
- Мак-Куллох, Джон (McCulloch, John Ramsay) 12, 44, 278, 284, 486
- денежная школа 229, 230, 241, 265, 269, 274
 - и Джеймс Милль и рикардианская система 73, 94, 99
 - и упадок рикардианской системы 104, 105, 107, 110, 154
- Маклеод, Генри (Macleod, Henry Dunning) 183, 461-3, 468, 474, 503
- Маклин, Дэвид (McLellan, David) 344, 497, 498
- Макмуллен, Норма (McMullen, Norma H.) 486
- Малине, Жерар (Malynes, Gerard (или de Malines)) 220
- Малькольм, Чарльз (Malcolm, Charles A.) 273
- Мальтузианство 79-80, 132
- Мальтузианцы 83, 92, 94, 107, 108, 133, 134, 278, 392
- Мальтус, Томас (Malthus, Thomas Robert) 82, 97, 162, 230, 343, 412, 486, 494
- Доклад комитета о слитках и возобновленная размена на золото 195, 197, 199, 202, 206, 222
 - и Дж. С. Милль и рикардианская экономическая теория 280, 283, 294
 - и Ж. -Б. Сэй 29-32, 35-7, 44
 - упадок рикардианской системы 104-6, 108, 109, 111, 144
 - «Исследования о природе и возрастании ренты» («Inquiry into the Nature and Progress of Rent») 110
 - «Опыт о влиянии низкой цены хлеба на прибыль с капитала» («An Essay on the Influence of a Low Price of Corn on the Profits of Stock») 97
 - «Опыт о народонаселении» («Essay on Population») 34, 107, 132
 - «Основы политической экономии» («Principles of Political Economy») 33, 112
- Мангейм, Карл (Mannheim, Karl) 380
- Мандевиль, Бернар де (Mandeville, Bernard de) 53
- Манделл, Александр (Mundell, Alexander) 238, 271
- «Манифест Коммунистической партии» (Маркс и Энгельс) 306, 308, 310, 327, 383, 389, 412, 425
- Манн, Чарльз (Munn, Charles W.) 273
- Маннекен, Т. (Mannequin, Th.) 491
- Манц, Джордж (Muntz, George Frederick) 247, 248, 263
- Мао Цзедун 302, 344, 433
- Марешаль, Сильвиан (Maréchal, Sylvain) 305-6
- Маркс, Генрих (Marx, Heinrich) 337, 340
- Маркс, Карл (Marx, Karl) 12, 153, 496-500
- и Джеймс Милль и рикардианская система 71, 75, 83, 87, 90, 91, 96
 - и Дж. С. Милль и рикардинская экономическая теория 279, 292, 294
 - и коммунизм 337-41, 411, 414-15, 417-28, 430, 432-8
 - и революционное левое гегельянство 360-64
 - как утопист 364-6
 - марксистская система: исторический материализм и классовая борьба 371-2, 374-8, 388-9, 392-5, 398, 401, 403-4
 - мессианский коммунизм 303, 310-12
 - отчуждение, Единство и диалектика 349, 354, 358, 368
 - «18 брюмера Луи Бонапарта» 390
 - «Гражданская война во Франции» 391
 - «Капитал» 327, 336, 384, 409, 413, 415-18, 422-3, 429, 430, 431, 432, 457
 - «Критика готской программы» 332
 - «Наемный труд и капитал» 418
 - «Немецкая идеология» 325
 - «Несправедливости в отношении труда и средства к их устранению» («Labour's Wrongs and Labour's Remedy») 397
 - «Нищета философии» 328, 373
 - «Оуланем», трагедия 339-40
 - «Принципы коммунизма» 329

- «Частная собственность и коммунизм» 321, 330
- «Экономические и философские рукописи 1844 г.» 321, 323
- См. *тж* «Манифест Коммунистической партии»; Марксизм; Марксистская система; Марксистский; Марксисты
- Маркс, Франциска (Marx, Franziska) 341
- Марксизм 306, 319, 322, 354, 365, 416, 426
- Марксистская система 371-405
 - доктрина идеологии 378-80
 - законы движения 428-33
 - исторический материализм 372-6
 - норма прибыли и прибавочная ценность 411-17
 - понятие класса 376-8, 380-85, 385-91
 - рикардиевский социализм 394-403
 - Рикардо 392-4
 - стратегия 371-2
 - трудовая теория ценности 409-11
 - эконоическая теория капитализма и его гибель 409-38
- Марксистский 77, 78, 105, 259, 302, 311, 320, 321, 323, 336, 362, 415, 419, 421, 427, 494-501
- Марксисты 23, 81, 89, 107, 334, 337, 393, 416, 418, 422, 423, 425, 428-30
- Марсен, Джордж (Marsden, George M.) 312
- Мартелло, Тулио (Martello, Tulio) 449
- Мартинисты 304
- Марчи, Нейл де (Marchi, Professor Neil B. de) 279, 294, 295, 493, 494
- Маршалл, Альфред (Marshall, Alfred) 105
- Масонское движения 304
- Материализм исторический 372-6
- Махайски, Ян (Machajski, Jan Waclaw) 361, 367-8, 378
- Махлуп, Фриц (Machlup, Fritz) 487
- Машет, Роберт (Mushet, Robert) 197-8, 235, 236, 261, 271
- Мейсон, Джон (Mason, John W.) 504
- Мейтланд, Джеймс, 8-й граф Лодердейл (Maitland, James, eighth Earl of Lauderdale) 186
- Менар, Клод (Menard, Claude) 480
- Менгер, Карл (Menger, Carl) 37, 135, 471, 475
- Менготти, Франческо (Mengotti, Francesco) 9
- Менкен, Г. (Mencken, H. L.) 153
- Меринг, Франц (Mehring, Franz) 497
- Меркантилизм 218, 354
- Мессианский коммунизм 299-313
 - «заговор равных» 304-8
 - высшая стадия коммунизма и искоренение разделения труда 323-35
 - грубый коммунизм 321-3
 - Маркс и путь к коммунизму 337-41
 - миллениаристский коммунизм 317-21
 - появление 335-7
 - ранний коммунизм 299-301
 - расцвет 308-12
 - секуляризованный 301-4
- Мизес, Людвиг фон (Mises, Ludwig von) 12, 14, 17, 44, 150, 177, 268, 274, 368, 459, 487, 494, 498-501
- и Маркс и коммунизм 329, 335-7, 342, 344, 423, 433-7
- марксистская система: исторический материализм и классовая борьба 373-4, 379, 380, 392, 403, 404
- Мик, Рональд (Meek, Ronald L.) 105, 107, 154, 436, 484
- Микстер, Чарльз (Mixter, Charles Whitney) 146
- Милгейт, Мюррей (Milgate, Murray) 474
- Миллевцы 75, 77, 78, 98, 151, 285, 288-91, 293-4, 383, 433, 441, 461, 463, 483
- Миллениаризм 341, 415
- Миллениаристский коммунизм 317-21
- Миллер, Гарри (Miller, Harry E.) 505
- Миллс, Р. (Mills, R. H.) 274
- Милль, Джеймс (Mill, James) 11, 33, 44, 471, 480, 482-3
 - и Бентам 50, 54, 56, 66
 - денежная школа 230, 255, 273
 - Доклад комитета о слитках и возобновленная размена на золото 206, 207, 211, 222
 - и ленинизм 71-5
 - и либертарианский классовый анализ 75-8

- марксистская система: исторический материализм и классовая борьба 381, 385, 386, 394, 395, 400
- рикардianская система 78–81, 81–3, 91, 92, 98, 99
- рикардianская экономическая теория 277–9, 286, 287
- упадок рикардianской системы 103–5, 107, 115, 120, 154–5
- «В защиту коммерции» («Commerce Defended») 27, 78, 96
- «Замечания о последствиях хлебных законов» («Observations») 97
- «История Индии» («History of India») 71, 73, 92
- «Колонии» («Colonies») 98
- «Нецелесообразность выплаты премий за экспорт зерна» («Impolicy... Exportation of Grain») 79
- «Основы политической экономии» («Elements of Political Economy») 98, 105, 137
- «Тюрьмы и тюремная дисциплина» («Prisons and Prison Discipline») 67
- Милль, Джон Стюарт (Mill, John Stuart) 45, 49, 67, 148–53, 344, 388, 395, 432, 482, 483, 485, 487, 490, 491–4
 - денежная школа 230, 252, 263, 273
 - и Бастиа и французская школа *laissez faire* 441, 462, 463, 472
 - и восстановление позиций рикардianской экономической теории 72, 75, 77, 78, 277–95
 - Кэрнс и открытие месторождений золота 291–3
 - влияние и значение 277–9
 - империализм 285–8
 - теории ценности и распределения 282–5
 - «Бумажные деньги и расстройство торговли» («Paper Currency and Commercial Distress») 251
 - «О свободе» («On Liberty») 115
 - «Опыты о некоторых нерешенных вопросах политической экономии» («Essays on Some Unsettled Questions in Political Economy») 150–51
 - «Основы политической экономии» («Principles of Political Economy») 146, 260, 262, 265, 274, 278, 279–82, 284, 288, 289, 293
- «Проблема денежного обращения» («The Currency Question») 251
- «Система логики» («A System of Logic») 279, 283
- Милль, Дэвид (Mill, David) 152
- Мильтон, Джон (Milton, John) 358, 359, 367
- Минтс, Ллойд (Mints, Lloyd W.) 274, 487, 489, 504
- Мирабо, граф де (Mirabeau, Comte de) 52
- Михельс, Роберт (Michels, Robert) 334, 361
- Мичем, Стэндиш (Meacham, Standish) 190, 488
- Младогегляныцы 360, 361, 388, 389
- Модесте, Виктор (Modeste, Victor) 268–9, 274, 490, 491
- Молинари, Густав де (Molinari, Gustave de) 281, 444, 453–5, 456, 457, 459, 473, 502
 - последователи. См. Парето, Вильфредо
- Молл, Джозеф (Moll, Joseph) 309
- Молнар, Томас (Molnar, Thomas) 342, 364–6, 368, 495
- Монтескье, Шарль (Montesquieu, Charles de Secondat) 5
- Моральные принципы 61
- Моральные стимулы 302
- Морелли, Джованни (Morelly, Giovanni) 301–4
- Морис, Джон (Maurice, John Frederick Denison) 294
- Моррис, Роберт (Morris, Robert) 223
- Моска, Гаэтано (Mosca, Gaetano) 334
- Мосс, Лоуренс (Moss, Laurence S.) 123, 154, 155, 486
- Мундт, Т. (Mundt, T.) 388
- Мэдисон, Джеймс, епископ (Madison, Bishop James) 8
- Мэдисон, Джеймс (Madison, James) 9, 212
- Мюллер, Айрис (Mueller, Iris Wessel) 492
- Мюнцер, Томас (Muntzer, Thomas) 301

- Найт, Фрэнк** (Knight, Frank H.) 94, 99, 483
 Налогообложение 40-43, 92, 126
Наполеон, Луи (Napoleon, Louis) 4, 5, 7, 9, 43, 96, 159, 193, 200, 204, 307, 354, 355, 356, 367, 385, 473, 480
 Наполеоновские войны 35, 106, 111, 160, 163, 212
 Нацизм 319
 Национальная лига против закона о золотом стандарте (National Anti-Gold Law League) 263
 Национальный банк Австрии 269
 Недопотребление 428-30
 Неизменная мера ценности 90-91, 114
 Неконкурирующих групп теория 290
 Некорректируемых/неразменных бумажных денег теория 181-2
 Немонетарная теория переинвестирования 261, 432
 Немонетарные теории экономического цикла 261, 433
 Неогегельянцы 324
 Неоньютонианцы 67
 Неприкасаемые 381
 Непроизводительные классы 386
 Непропорциональность 431-3
 Нидерланды 216
 Николай I 11
 Нилан, Г. (Nilan, H. A.) 271
 Нит, Чарльз (Neate, Charles) 274
 Новалис, Фридрих (Novalis, Friedrich von Hardenberg) 359, 496
 Новые левые 309
 Новый курс (в США) 27
 Новый социалистический человек 302, 303, 319
 Нозик, Роберт (Nozick, Robert) 335
 Нок, Альберт (Nock, Albert Jay) 390, 459
 Норман, Джордж Уорди (Norman, George Warde) 241, 245, 249, 260, 270, 271, 272
 Нормандские острова 311
 Норманское завоевание 299
 Норт, Гэри (North, Gary) 345, 435, 497-8, 501
 Ньюмарч, Уильям (Newmarch, William) 272, 289, 291, 292
 Ньюмен, Питер (Newman, Peter) 504
 Ньютон, Исаак (Newton, Isaac). *См.* Неоньютонианцы
О'Брайан, Денис (O'Brien, Denis P.) 154, 482, 486
О'Коннор, Майкл (O'Connor, Michael J. L.) 480
 Обмен 446, 468
 – меновая ценность 19, 117
 – обменные курсы валют (вексельные курсы) 165, 220
 Обнищание, относительное 427, 428
 Образовательное общество для немецких трудящихся 309, 310
 Общество Адама Смита 449, 456
 Общество апостолов 288
 Общество политической экономии (Societe d'Economie Politique) 266
 Общество политической экономии 266, 441, 442
 Оверстон, барон. *См.* Лойд, Сэмюэл Джонс
 Ограничение конвертируемости, закон о 185, 198, 227
 Олигархия 334, 361
 Олтроп, виконт (Althorp, Viscount) 237
 Оппенгеймер, Франц (Oppenheimer, Franz) 390, 459
 Оруэлл, Джордж (Orwell, George) 307
 Ост-Индская компания 34, 65, 104, 168, 188, 278-9, 284
 – Дж. С. Милль и рикардинская теория 71, 72, 75, 92
 – и рикардианство 286, 287
 Отчуждение 425-6
 Отчуждение, единство и диалектика 349-68
 – креатология 349-51
 – Гегель 351-3
 – и политика 353-7
 – и романтизм 357-60
 – Маркс
 – и революционное левогегельянство 360-4
 – как утопист 364-6
Оуэн, Роберт (Owen, Robert) 281, 308, 328
 – последователи 281, 308, 309, 310, 313

- Павел I 304
Паке, Майкл (Packe, Michael St John) 492
Палмер, Джон Хорсли (Palmer, John Horsley) 233, 239, 240-41, 242, 271
Палмера правило 239, 242, 246
Палый, Мельхиор (Palyi, Melchior) 480
Пальме, Йохан (Palme, Johan Henrik) 450
Пальмерстон, Генри Джон Темпл, третий виконт (Palmerston, Henry John Temple, Third Viscount) 248, 274
Паника 1818 г. 215
Паника 1819 г. 130, 214
Паники и кризисы:
– паника 1818 г. 215
– паника 1819 г. 130, 214
– кризис 1825 г. 227-30, 233
– закон 1826 г. 236
– нереализованные планы 1833 г. 237
– кризис 1837 г. и полемика по поводу предложений денежной школы 238-41
– кризис 1839 г. и полемика по поводу предложений денежной школы 242-6
Паноптикум 62-7
Пантелиони, Маффео (Pantaleoni, Maffeo) 449, 456
Паппе, Г. (Pappe, H. O.) 492
Парето, Вильфредо (Pareto, Vilfredo Federico Damaso) 151, 455-9, 471, 473, 474, 503
Парето, Маршес (Pareto, Marchese Raffaele) 455
Парижская коммуна 391
Паритет покупательной способности, теория валютных (обменных) курсов теория, основанная на 165
Паркер, Джон (Parker, John Williams) 282
Паркс, Джозеф (Parkes, Joseph) 74
Парнелл, Генри (Parnell, Henry Brooke, the first Baron Congleton) 185, 186, 198, 236, 237, 238, 242, 261, 271
Парнелл, Джон (Parnell, John) 185
Партидс (Patrides, C.) 495
Пасси, Фредерик (Passy, Frederic) 455, 473
Пейдж, Ричард (псевдоним — Дэниел Хардкасл) (Page, Richard (writing as Daniel Hardcastle)) 233, 248
Пейн, Роберт (Payne, Robert) 345, 497
Пенningтон, Джеймс (Pennington, James) 230-33, 240, 241, 265, 272, 490
Первый банк Соединенных Штатов 212
Переинвестирования теория, немонетарная 261, 432
Переходные требования 77
Перлман, Моррис (Perlman, Morris) 273, 483
Перри, Артур (Perry, Arthur Latham) 466-71, 475, 504
Персиваль, Спенсер (Perceval, Spencer) 198, 199, 200, 202, 222
Пестель, П. И. 11
Петтмен, Уильям (Pettman, William R. A.) 154
Пик, Чарльз (Peake, Charles F.) 193, 195, 196, 221, 222, 488
Пиль, Роберт, отец сэра Роберта Пиля (Peel, Robert) 207, 208
Пиль, Роберт (Peel, Robert) 127, 207-9, 223, 229, 238, 246-50, 253-5, 272, 274, 451, 489-90. См. тж Пиль закон
Пиль закон 207, 232, 245, 248-56, 258-60, 263-6, 433, 441
Пиночет, Аугусто (Pinochet Ugarte, Augusto) 336
Пирс, Джон (Pearse, John) 201
Питт, Уильям (Pitt, William) 50, 51, 161-8, 172, 201, 207, 222, 223, 270
Пич, Терри (Peach, Terry) 484
Пламенац, Джон (Plamenatz, John) 59, 67, 375-6, 403, 481, 498
Плант, Реймонд (Plant, Raymond) 355, 367, 498
Платон 356
Плау, Патрик (Plough, Patrick) 154
Плейс, Френсис (Place, Francis) 115, 400
Плеханов, Г. В. 403
Плотин 349, 350, 351, 364, 496
Плутология 463-5
Пол Пот 333, 433
Пол, Эллен (Paul, Ellen Frankel) 481, 483, 492
Полезность 18-25

- анализ 135
- теория 20, 118-27, 129, 137
 - в Англии 127-30
 - субъективная 113-18, 130, 463
 - в США 130-32
 - ценности 106, 135
- См. т.ж.* Предельной производительности теория
- Политическая экономия 13-19, 28, 82, 229, 432
 - и Бастиа и французская школа *laissez faire* 446, 448, 460, 466, 468
 - упадок рикардианской системы 119, 120, 150, 151
- Полк, Джеймс (Polk, James K.) 213, 233, 235
- Поппер, Карл (Popper, Karl R.) 356-7, 365, 367, 498
- Популизм правый 77
- Потребности 21
- Потребности искусственные 21
- Поул, Питер (Pole, Peter) 171, 227
- Правящий класс 376-7, 382, 383, 386, 457
- Прайм, Джордж (Pryme, George) 105
- Прайс, Бонами (Price, Bonamy) 292
- Праксеология 12-18, 79, 148-53
- Предельная полезность 117, 128, 130
- Предельной полезности теория 123, 129, 290, 449
- Предельной производительности теория 89, 134, 135, 141
 - образование цен на факторы производства 124, 129, 135, 140
- Предложения и спроса теория 180
- Предпринимательство 25-7, 464
- Прибыль 86, 88, 132-7
 - норма 411-17, 430-31
 - или процента теория 138
 - теория 25, 107, 138, 283, 294
- Принс-Смит, Джон (Prince Smith, John) 450-52, 460, 472, 503
- Пристли, Джозеф (Priestley, Joseph) 62
- Прогрессивная партия 451
- Производительность
 - анализ 135
 - теория 83, 133, 135
 - доходов факторов производства 133-4
 - образования цен на факторы производства 20
 - и прибыль и процент 139
 - заработной платы 133
- См. т.ж.* Предельная полезность; Предельной полезности теория
- Производительные классы 386
- Производственные отношения 375-6
- Производство 18-25, 375-6, 465
- Промышленная революция 4, 205, 458
- Протекционизм 446, 449, 450
- Протестантизм 299, 312, 318
- Протоавстрийцы 21, 462, 465
- Протоэльбрейтянец 21
- Протокейнсианец 53, 106, 217, 247, 291, 445
- Профессиональные революционеры 306
- Процента теория 137-48
- Процесса теология 350
- Процессный анализ 292
- Прудон, Пьер-Жозеф (Proudhon, Pierre-Joseph) 322, 403
- Пруссия 355, 356-7, 450, 451, 452, 471
- Пузырь Компании бассейна Миссисипи 160
- Пузырь Компании Южных морей 160, 197
- Пулер, Ричард (Puller, Richard) 405
- Пуританизм 300
- Пятая монархия, сторонники 299, 312
- Раббено, Уго (Rabbeno, Ugo) 502**
- Рабочий класс 382, 422-8
- Рагет, Конди (Raguet, Condy) 214, 215, 224, 232, 235
- Раддац, Фриц (Raddatz, Fritz J.) 341, 345, 497
- Разбитого окна заблуждение 445
- Разделение труда 23, 140, 332, 349, 354
 - искоренение 323-35
- Райвс, Уильям (Rives, William Cabell) 8, 212
- Райко, Ральф (Raico, Ralph) 389-91, 404, 472, 473, 499, 503
- Райс, Томас (Rice, Thomas Spring) 245
- Райт, Томас (Wright, Thomas B.) 247
- Рамсей, Джон (Ramsay, George) 136-7, 141, 485
- Рантеры 299, 300-301

- Распределение (доходов) 18-25, 82, 282-5
 – теория 20, 107, 122
- Распределение макродоходов 81-8
- Рассел, Дин (Russell, Dean) 472, 501
- Рау, Карл (Rau, Karl Heinrich) 460-61, 474, 503
- Раунер, Роберт (Rauner, Robert M.) 154, 485
- Рашид, Салим (Rashid, Salim) 154, 208, 223, 485, 489
- Реальные потребности 21
- Революция 1848 г. 452
- Рейд, Томас (Reid, Thomas) 51-2
- Ректенвальд (Recktenwald, H. C.) 503
- Рёмер, Джон (Roemer, John) 501
- Рента 84-5, 86, 88, 89, 91
 – земельная 135
 – резервирование спроса 465
 – теория 83, 85, 91, 107, 108-11, 278, 401
- Рестаурация 385, 386, 441
- Реформация 299, 300, 312, 318, 319
- Ривадавия, Бернардино (Rivadavia, Bernardino) 10, 44
- Ривьер, Мерсье де ла (Rivière, Mersier de la) 302
- Рикардянство 199, 251, 273, 310, 328, 343, 482, 500
 – система 18, 73, 78-81, 483-5
 – распределение макродоходов 81-8
 – и Джеймс Милль 78-81
 – теория ценности 88-94
 – упадок системы 103-55
- Бейли и субъективистская теория ценности 113-18
 – Кендалл и теория полезности в Америке 130-32
 – У. Ллойд и теория полезности в Англии 127-30
 – Дж. С. Милль 148-53
 – праксеология 148-53
 – Рэй и австрийская теория капитала и процента 141-8
 – Сениор 148-53
 – теория капитала и процента 137-41
 – теория ренты 108-11
 – Перронет Томпсон 111-12
 – заработная плата и прибыль 132-7
 – связи Уотли и теория полезности 118-27
- денежная школа 241, 243, 250, 263
 – и Бастиа и французская школа *laissez faire* 448, 449, 471
- Маркс и коммунизм 411, 414, 428, 432
- марксистская система: исторический материализм и классовая борьба 384, 392, 401, 404
- распределение 87
- рикардянский грех 79, 88, 132
- социализм 394-403
- Сэй 12, 22, 23, 27, 44
- экономическая теория 105-8. *См. тж подрубрики в Милль, Джон Стюарт*
- См. тж антирикардянцы*
- Рикардо, Давид (Ricardo, David) 54, 56, 343, 401, 479-85, 488, 493, 494
 – денежная школа 229, 239, 241, 246
 – дискуссия о слитках 169, 183, 189, 190
- Доклад комитета о слитках и возобновленная размена на золото 193-200, 202, 206, 209, 211, 221-3
- и Бастиа и французская школа *laissez faire* 446, 462, 472
- и Дж. С. Милль и рикардянская экономическая теория 278, 280, 282-5, 293, 294
- и Джеймс Милль и рикардянская система 75, 78-80, 93
- и Маркс и коммунизм 409, 411, 413, 417-18, 428, 430
- марксистская система 392-4
- План учреждения национального банка 234
- популярность 103-5
- Сэй 12, 18, 21, 30, 33, 34, 38, 39
- «Высокая цена слитков — доказательство обесценения банкнот» («The High Price of Bullion, a Proof of the Depreciation of Banknotes») 193, 194, 197
- «Начала политической экономии и налогообложения» («Principles of Political Economy and Taxation») 19, 42, 71-2, 81, 95-6, 97, 98, 103, 105, 207
- «Ответ на практические замечания г-на Бозанкета» («Reply to

- Mr. Bosanquet's Practical Observations») 197
- «Предложения в пользу экономного и устойчивого денежного обращения» («Proposals for an Economical and Secure Currency») 234
 - «Предложения в пользу экономного и устойчивого денежного обращения» («Proposals for an Economical and Secure Currency») 207
 - «Цена золота» («Price of Gold») 193
- См. тж* Рикардианство
- Рикардо, Самсон (Ricardo, Samson) 241
- Ринтул, С. (Rintoul, S.) 74
- Рисмен, Дэвид (Reisman, David A.) 488
- Рист, Шарль (Rist, Charles) 474, 487, 503
- Роббинс, Лайонелл (Robbins, Lionel) 230, 270, 271, 272, 485, 486, 490
- Робертс, Пол (Roberts, Paul Craig) 344, 366, 501
- Робинсон, У. (Robinson, W. R.) 257
- Родбертус-Ягецов, Карл-Иоганн (Rodbertus, Johann Karl) 328-9, 343, 437
- Родриг, Олинд (Rodrigues, Olinde) 387, 388
- Розенкрейцеры 304
- Романо, Ричард (Romano, Richard M.) 486
- Романтизма эпоха 357-60
- Ромили, Сэмюэл (Romilly, Samuel) 50
- Рор, Дональд (Rohr, Donald G.) 472, 474, 503
- Россия 11, 51, 66, 171, 221, 326, 331, 342, 343, 344
- Ротбард, Мюррей (Rothbard, Murray N.) 68, 154, 273, 344, 473, 474, 480, 481, 482, 485, 487, 489, 494, 497, 503, 504
- Рубек, Джон (Roebuck, John Arthur) 74-5
- Роуз, Джордж (Rose, George) 200
- Роше, Джордж (Roche, George Charles III) 502
- Руге, Арнольд (Ruge, Arnold) 312
- Руйер, Раймонд (Ruyer, Raymond) 499
- Рунеберг, Эдвард (Runeberg, Edward) 218
- Руссо, Жан-Жак (Rousseau, Jean Jacques) 303
- Рынков закон 27-32
- Рыцари труда 399
- Рэвенстоун, Пирси (псевдоним) (Ravenstone, Piercy) 400, 405
- последователи 401
- Рэй, Джон (Rae, John) 141-8, 464, 486, 487
- «Некоторые новые принципы по предмету политической экономии» («Principles on the Subject of Political Economy») 141, 142, 144, 145
- Рэй, Элиза (Rae, Eliza) 147
- Рэймонд, Дэниэл (Raymond, Daniel) 215, 216
- Рэндольф, Томас (Randolph, Thomas) 212-13
- Салерно, Джозеф (Salerno, Joseph T.) 165, 167, 169-70, 175-6, 190, 195, 222, 472, 474, 488, 501, 503, 504
- Салливан, Эйлин (Sullivan, Eileen P.) 493
- Самнер, Уильям (Sumner, William Graham) 471
- Самуэльсон, Джон (Samuelson, Paul) 435
- Санд, Джорж (Sand, George) 388
- Саути, Роберт (Southey, Robert) 106
- Сбережений и капитала теория 285
- Сбережения вынужденные 177
- Свободная торговля 103, 245
- Селигмен, Эдвин (Seligman, Edwin R. A.) 128, 154, 485
- Сениор, Нассау (Senior, Nassau William) 180, 183, 230, 463, 471, 485, 486, 487
- и Дж. С. Милль и рикардианская экономическая теория 280, 283, 290, 292, 294
 - Семилетняя война 218
 - упадок рикардианской системы 104-5, 107-10, 118-27, 133, 135, 139, 141, 145-6, 148-53, 155
 - «Две лекции о народонаселении» («Two Lectures on Population») 107-8
 - «Лекции по политической экономии» («Lectures on Political Economy») 129, 149

- «Набросок науки политической экономики» («Outline of the Science of Political Economy») 118, 138
- Сен-Клэр, Освальд (St Clair, Oswald) 20, 44, 99, 153, 481, 483
- Сен-Мартен, Луи (Saint-Martin, Louis Claude de) 304, 312. *См. тж* Мартинисты
- Сен-Симон, Анри (Saint-Simon, Comte de, Claude Henri de Rouvroy) 387, 499
- Сенсимонистский 387, 388, 389, 404, 442, 499, 500
- Сенсимонисты 308, 313
- Сехрест, Ларри (Sechrest, Larry J.) 273
- Сильберлинг, Норман (Silberling, Norman J.) 161, 190
- Синклер, Джон (Sinclair, John) 201-2, 235
- Сисмонди, Жан Шарль Леонар Симон де (Sismondi, Jean Charles Leonard Simonde de) 31, 32, 33-4, 44
- Сицилия 10
- Скиннер, Б. (Skinner, B. F.) 66
- Скорость обращения (денег) 176
- Скот, Вальтер (Scott, Walter) 223, 229
- Скоузен, Марк (Skousen, Mark) 223, 489, 504
- Скроуп, Джордж (Scrope, George Poullett) 106, 138, 236, 271
- Слимен, Уильям (Sleeman, William Henry) 154
- Смит, Адам (Smith, Adam) 51-6, 284-5, 367, 393, 395, 481, 483, 484, 488-90
 - и Бастиа и французская школа *laissez faire* 446, 460, 462, 475
 - денежная школа 228, 244, 270
 - и Джеймс Милль и рикардиянская система 72, 79, 82, 86, 88, 90, 92, 94, 96
 - дискуссия о слитках 163, 165-6, 173, 177, 180, 183, 190
 - Доклад комитета о слитках и возобновленная размена на золото 212, 216, 218
 - и Маркс и коммунизм 409, 411, 413, 417-18, 430
 - и предприниматель 25, 26
 - и Сэй 5, 18, 19, 21-4, 33-4, 39
- смитианство 11, 129
- упадок рикардиянской системы 111-12, 120, 129, 133, 135, 140, 144-5, 151-2
- «Богатство народов» («Wealth of Nations») 3, 4, 8, 9, 11-12, 14, 50, 81, 128, 143, 164, 193, 241, 279
- «Теория нравственных чувств» («Theory of Moral Sentiments») 4
 - См. тж* Общество Адама Смита; Смитианцы
- Смит, Вера (Smith, Vera C.) 224, 267, 270, 274, 490
- Смит, Дж. (Smith, J. G.) 295, 485, 493
- Смит, Джон (Smith, John Benjamin) 245-6, 272
- Смитианцы 51, 221, 262, 480
 - Джеймс Милль и рикардиянская система 81, 82, 97
 - дискуссия о слитках 166, 169, 178, 181
 - и Бастиа и французская школа *laissez faire* 445, 460, 468, 470
 - марксистская система: исторический материализм и классовая борьба 393, 401, 402
 - упадок рикардиянской системы 117, 130, 154
- См. тж подрубрики в Сэй, Жан-Батист*
- Сознание ложное 78
- Сойерс, Дэвид (Sawers, David) 435
- Соуэл, Томас (Sowell, Thomas) 45, 416, 435, 436, 437, 497
- Социализм 281
 - идейное течение 494-501
 - рикардиянский 394-403
 - во Франции 332
- Союз справедливых 309, 310
- Спенс, Уильям (Spence, William) 96
- Спенсер, Герберт (Spencer, Herbert) 60, 67, 281, 390, 402, 457, 458, 474, 500
- Спенсер, Джон Чарльз, виконт Олторп (Spencer, John Charles, Viscount Althorp) 271
- Спунер, Ричард (Spooner, Richard) 247, 248, 264
- Сравнительного преимущества закон 72, 94-8
- Сраффа, Пьеро (Sraffa, Piero) 479, 482, 483, 484

- Средств к существованию теория 107, 133
- Стагнации тезис 427
- Сталин, И. В. 326, 333, 433
- Сталинисты 320, 433
- Старк, Вернер (Stark, Werner) 67, 482
- Статистика 13, 14
- Стенли, Э. (позже лорд Дерби) (Stanley, E. H. (later Lord Derby)) 288
- Стерн, Дж. (Stern, J. P.) 320, 341
- Стивен, Джеймс (Stephen, James Fitzjames) 288
- Стивен, Лесли (Stephen, Leslie) 288, 292
- Стивенсон, Мэттью (Stephenson, Matthew A.) 366, 501
- Стикни, У. (Stickney, W.) 487
- Стил, Дэвид (Steele, David Ramsay) 435, 497
- Стиллермен, Ричард (Stillerman, Richard) 435
- Стирлинг, Хатчинсон (Stirling, J. Hutchinson) 357
- Стокгольмское экономическое общество 450
- Стурджес, Р. (Sturges, R. P.) 494
- Стюарт, Джеймс (Steuart, James) 21, 354, 367, 498
- Стюарт, Дугальд (Stewart, Dugald) 11, 13, 73, 178
- Стюарт, Роберт, виконт Каслри и маркиз Лондондерри (Stewart, Robert, Viscount Castlereagh, Marquis of Londonderry) 200
- Субъективистская теория полезности 113-18, 130, 463
- Субъективистская теория ценности 18, 122, 128
- Суизи, Пол (Sweezy, Paul M.) 415, 435
- Схоласты 292, 410
- США 9, 11, 35, 52, 130, 200, 212, 216, 234
- банковская школа 265, 268, 269
 - банковское дело с частичным резервированием 210-16
 - Второй банк Соединенных штатов 212, 213
 - Гражданская война 11
 - денежная школа 232, 233, 245, 248, 256, 268, 269
 - капитал 420, 421, 427
 - коммунизм 310
 - миллениаристский коммунизм 318
 - открытие месторождений золота 291, 292
 - понятие классов 389, 391
 - теория полезности 130-32
 - laissez faire 457, 466-71
- Сэй, Жан-Батист (Say, Jean-Baptiste) 53, 206, 212, 234, 479-81, 495
- и Бастиа и французская школа laissez faire 441-3, 446, 448, 455, 471
 - и Дж. С. Милль и рикардианская экономическая теория 266, 280, 281, 283, 285
 - и Джеймс Милль и рикардианская система 75, 78, 80-82, 86, 89, 90, 93
 - марксистская система: исторический материализм и классовая борьба 385, 386, 392
 - упадок рикардианской системы 118, 124, 129, 133, 135, 144, 148
 - Франция и смитианской завоевание 3-45
 - и Дестют де Траси 4-8
 - предприниматель 25-7
 - и Джефферсон 7-8
 - закон рынков 27-32
 - праксеология 12-18
 - государство и налогообложение 40-43
 - теория денег 37-40
 - полезность, производство и распределение 18-25
 - «Катехизис политической экономии» («Catéchism d'Économie politique») 8
 - «Письма Мальтусу» («Letters to Malthus») 29, 31, 35
 - «Полный курс политической экономии» («Cours complet d'économie politique») 8
 - «Трактат по политической экономии» («Treatise on Political Economy») 3, 4, 67, 8-12, 13, 33, 39, 113, 117, 466
- См. *тж* Сэя закон
- Сэй, Леон (внук) (Say, Jean-Baptiste Leon (grandson)) 443, 444
- Сэй, Орас-Эмиль (Say, Horace-Emile) 443

- Сэйерс, Р. (Sayers, R. S.) 488, 490
 Сэндин, Эрнс (Sandeen, Ernest R.) 341
 Ся закон 33-7, 52, 54, 72, 78, 79, 92, 96, 105, 106, 107, 138, 263, 287-8, 294, 295, 428
 Сю, Эжен (Sue, Eugene) 388
- Тайная директория общественного спасения. См. Заговор равных**
- Такер, Роберт (Tucker, Robert C.) 43, 322-4, 330, 336, 342-4, 352-3, 366-8, 404, 434, 435, 437, 496-8
 Тейлор, Джон (Taylor, John) 212, 213
 Тейлор, Харриет (Taylor, Harriet) 492
 Тейлхак, Эрнест (Teilhas, Ernest) 44, 479
 Телькампф, Иоганн (Tellkamp, Johann Louis) 269, 270, 490
 Теория дедуктивная 460
 Теория истории 83, 85, 88
 Технологическая безработица 424—5
 Технологический детерминизм 373-4
 Тимберлейк, Ричард (Timberlake, Richard H. Jr.) 484
 Тирни, Джордж (Tierney, George) 208, 209
 Токвиль, Алексис де (Tocqueville, Alexis de) 390, 404
 Томас, Уильям (Thomas, William) 49-50, 67, 73, 98, 481, 483
 Томпсон, Джордж. См. Скроуп
 Томпсон, Перронет (Thompson, Colonel Thomas Perronet) 107-12, 230, 263, 397, 398, 452, 486
 – последователи 396
 Томпсон, Уильям (Thompson, William) 394-5, 500
 Торнтон, Генри (Thornton, Henry) 179, 181, 183-5, 187-8, 190, 193-6, 198, 202, 221, 227, 488
 – и антибуллионисты 169-78
 – последователи 222
 – «Бумажный кредит» («Paper Credit») 172-3, 176, 177, 178
 Торнтон, Уильям (Thornton, William Thomas) 284
 Торо, Генри (Thoreau, Henry David) 43
 Торренс, Роберт (Torrens, Colonel Robert) 99, 104, 106, 111, 118, 155, 239, 243-4 250, 254, 259-60, 264-6, 270-72, 274, 284, 291, 295, 486, 490
 – «Бюджет» («The Budget») 115
 – «Опровержение экономистов» («Economists Refuted») 96
 – «Опыт о внешней торговле зерном» («Essay on the External Corn Trade») 97, 98, 109, 110, 115
 – «Письмо лорду Мельбурну» («Letter to Lord Melbourne») 240-41
 Трайб, Кейт (Tribe, Keith) 474, 503
 Трентовски, Б. (Trentowski, B. F.) 361, 367
 Третьего мира страны 287, 371, 426, 427
 Троцкий, Леон (Trotsky, Leon) 333
 Троцкисты 372
 Труд 88, 89, 90
 – затраты труда 19, 84
 – количество 113-14, 392
 – определение 402
 – проекты денег на основе 310
 – теория издержек 117
 – теория издержек, определяемых количеством труда 87
 Труд, количество 113-14, 392
 Труд, производительный и непроизводительный 107, 133, 395, 445
 Тувесон, Эрнест (Tuveson, Ernest L.) 317-18, 337, 341, 344, 495
 Туган-Барановский, М. И. 432, 437, 501
 Туитт, Уильям (Thweatt, William O.) 96, 98, 154, 482
 Тук, Томас (Tooke, Thomas) 104, 231, 244-5, 250, 254, 255, 257, 263, 272, 274, 291, 432, 438, 490
 – последователи 262
 – «История цен» («History of Prices») 243, 244, 289
 Тьер, Огюстен (Thierry, Augustin) 76, 386, 499
 Тэлмен, Дж. (Talmon, J. L.) 313, 495, 500
 Тюнен, Генрих фон (Thünen, Heinrich von) 129
 Тюрго, Жак (Turgot, Anne Robert Jacques, baron de L'Aulne) 51, 53, 54, 79, 93, 111, 134, 164, 284, 285, 392, 432
 – и Бастиа и французская школа laissez faire 455, 464, 471
 – и Сэй 3, 4, 8, 22, 23, 25, 26, 31, 32

- У, Чи-Юань (Wu, Chi-Yuen) 487
 Уайт, Лоуренс (White, Lawrence H.) 252, 253, 255, 271, 272, 273, 490-91
 Уалд, Джон (Wild, John) 59-60, 67
 Убывающая отдача 85, 464
 Убывающая предельная полезность 128, 130
 Уейнберг, Марк (Weinburg, Mark) 480, 481
 Уикстид, Филип (Wicksteed, Philip) 465
 Уилберфорс, Уильям (Wilberforce III, William) 171, 172
 Уилли, Роберт (Wyllie, Robert Crichton) 147
 Уиллис, Уильям (Willis, William) 75
 Уилсон, майор Л. (Wilson, Major L.) 270
 Уильямс, Томас (Williams, Thomas) 223
 Уинстенли, Джерард (Winstanley, Gerard) 299-300
 Уитли, Джон (Wheatley, John) 169, 186-9, 193, 195, 196, 197, 488
 Уитмор, Джон (Whitmore, John) 201
 Уолкер, Френсис (Walker, Francis Amasa) 183, 466-9, 474-5, 504
 Уолш, Ричард (Walsh, Richard Hussey) 289
 Уордсворт, Уильям (Wordsworth, William) 358-9, 496
 Уоррен, Джосайя (Warren, Josiah) 310, 328
 Уотли, Ричард (Whately, Richard) 118-27, 154, 230, 462, 468, 471, 485
 – последователи 125, 135, 139
 Утехин, С. В. 341
 Утилитаризм 400
 – личный 56-60
 – общественный 57, 60-62
 Утилитаризм личный 56-60
 Утилитаризм общественный 57, 60-62
 Уэвелл (Хьюэлл), Уильям (Whewell, William) 120, 280, 494
 Уэзеролл, Дэвид (Weatherall, David) 483, 488
 Уэйкфилд, Эдвард (Wakefield, Edward Gibbon) 287-8, 494
 Уэлш, Черил (Welch, Cheryl B.) 480
 Уэльс 228
 Уэсли, Джон (Wesley, John) 170
 Уэст, Эдвард (West, Edward) 110, 111
- Фабричный закон 207
 Фаже, Эмиль (Faguët, Emile) 404
 Файн, Сидни (Fine, Sidney) 475, 504
 Файнер, С. (Finer, S. E.) 458, 459, 473-4, 503
 Факторы производства
 – доходы факторов производства 133-4
 – образование цен на факторы производства 124, 129, 135, 140
 Фаухер, Юлиус (Faucher, Julius) 452, 503
 Февье, Жозеф (Fievue, Joseph) 9
 Фёгелин, Эрик (Voegelin, Eric) 319, 495
 Фейербах, Людвиг (Feuerbach, Ludwig) 362, 363
 Фергюсон, Адам (Ferguson, Adam) 359, 367
 Фергюсон, Томас (Ferguson, Professor Thomas) 437
 Феррара, Франческо (Ferrara, Francesco) 146, 448-9, 455, 472, 502
 – последователи 449
 Феттер, Фрэнк Альберт (Fetter, Frank Albert) 111
 Феттер, Фрэнк Уинстон (Fetter, Frank Whitson) 86, 99, 107, 154, 198, 211, 222-3, 228, 241, 270-74, 484, 487-9, 493-4
 Физиократия 3-4, 18
 Филанджьеро, Гаэтано (Filangieri, Gaetano) 9
 Филиппе, Луи (Phillippe, Louis) 390
Философы 1
 Фихте, Иоганн (Fichte, Johann Gottlieb) 356, 359
 Фицпатрик, У. (Fitzpatrick, W. J.) 154
 Флеминг, Джеймс (Fleming, James) 144
 Флеминг, Джон (Fleming, John) 144
 Фокс, Чарльз (Fox, Charles James) 161, 179, 180, 248
 Фонбланк, Олбани (Fonblanque, Albany) 74
 Фонтанелли (Fontanelli) 449
 Форд, Генри (Ford, Henry) 419
 Форселл, Ганс (Forssell, Hans) 450
 Фосетт, Генри (Fawcett, Professor Henry) 285, 288, 292
 Фостер, Джон (Foster, John Leslie) 186

- Франкистская революция 336
- Франклин, Бенджамин (Franklin, Benjamin) 222
- Франция 200, 204, 212, 242
- Гражданская война 391
 - грубый коммунизм 322
 - дискуссия о слитках 159, 161, 162, 163, 173, 179
 - и война с Англией 184
 - и паноптикум 66
 - и рикардянство 281
 - коммунизм 308, 309, 310, 311
 - мессианский коммунизм 301, 304, 306, 307
 - Парижская коммуна 391
 - понятие класса 387, 388, 390
 - Реставрация монархии 385
 - социалисты 332
 - торговый договор с Англией 447
 - laissez faire 501-5
- См. тж* Бастиа, Фредерик; Французская революция; Сэй, Жан-Батист
- Французская революция 3-4, 33, 52, 354, 356, 359
- Фридмен, Милтон (Friedman, Milton) 151
- Фридрих Вильгельм II (Frederick William II) 304
- Фридрих Вильгельм III (Friedrich Wilhelm III) 355-6, 360
- Фронтир, тезис о 427
- Фуллертон, Джон (Fullarton, John) 244, 250, 254, 255, 272
- Хаберлер, Готтфрид (Haberler, Gottfried) 437, 501
- Хаггард, Уильям (Haggard, William D.) 248
- Хайек, Ф. (Hayek, F. A. von) 36, 175-8, 190, 329, 365, 367, 404, 480, 488, 492, 499
- Хант, Лей (Hunt, Leigh) 211
- Хант, Торнтон (Hunt, Thornton) 281-2
- Хардкасл, Дэниел (Hardcastle, Daniel).
См. Пейдж, Ричард
- Харкурт, Вернон (Harcourt, Vernon) 288
- Харлоу, Джон (Harlow, John) 247
- Харрис, Абрам (Harris, Abram L.) 164, 211, 344
- Харт, Дэвид (Hart, David M.) 472, 473, 502
- Хартвелл, Макс (Hartwell, R. Max) 436
- Хаскиссон, Уильям (Huskisson, William) 194, 198, 201, 202, 208, 209, 222, 227, 229, 230, 231, 232
- Хатт, Уильям (Hutt, Professor William H.) 45, 284, 295, 481, 493
- Хатчисон, Теренс (Hutchison, Terence W.) 343, 481, 482, 492-3
- Хекшер, Эли (Heckscher, Eli F.) 472, 503
- Хендерсон, Джеймс (Henderson, James P.) 483
- Хендерсон, Уильям (Henderson, William O.) 343, 345, 404, 473, 497, 503
- Херберг, Роберт (Hebert, Robert F.) 26, 481, 502
- Херрис, Джон (Herries, John Charles) 199, 200, 264
- Хершель, Джон (Herschel, John) 294
- Хесс, Мозес (Hess, Moses) 312, 363
- Хили, Джерри (Healy, Gerry) 372
- Хилтон, Бойд (Hilton, Boyd) 248, 272, 273, 489-90
- Химмельфарб, Гертруда (Himmelfarb, Gertrude) 62, 63, 65, 66, 68, 482, 492, 493
- Хирн, Уильям (Hearn, William Edward) 463-4, 474, 504
- Хит, Дж. (Heath, J. B.) 249
- Хлебные законы 97, 110, 111, 180, 200
- отмена 91, 207, 248-9, 402, 451
- См. тж* Лига за отмену хлебных законов
- Холдерлин, Фридрих (Holderlin, Friedrich) 359
- Холиоук, Джордж (Holyoake, George Jacob) 281
- Холландер, Джейкоб (Hollander, Jacob H.) 183, 190, 197, 222, 480, 488
- Холландер, Сэмюэл (Hollander, Samuel) 484, 485, 492-3
- Хорн, Эдвард (Horn, I. Edward) 267, 268
- Хорнер, Френсис (Horner, Francis 177-8. 184, 185, 187, 194, 197, 198, 202-3, 205, 221, 488
- Хорсфилд, Дж. (Horsefield, J. K.) 272, 489

- Хуфеланд, Готтлиб (Hufeland, Gottlieb) 10-11
- Хьюм, Джозеф (Hume, Joseph) 264
- Хьюстон, Артур (Houston, Arthur) 295
- Хэзлит, Генри (Hazlitt, Henry) 472
- Хэммонд, Брей (Hammond, Bray) 214
- Хэнкок, Уильям (Hancock, William Neilson) 125-6, 127, 289
- Хюбнер, Отто (Hubner, Otto) 269, 270
- Ценности** теория 18, 87, 98, 103, 107, 123, 124, 137, 278, 328, 395, 400, 401, 409-11, 417, 462
- Ценность** 18, 19, 392
- абсолютная 114
 - и издержки 30, 87, 149, 278
 - и теория распределения 282-5
 - неизменная мера 90-91, 114
 - парадокс 18, 19, 56, 88, 131
 - прибавочная 395
 - субъективная 18, 122, 128
 - теория 19, 88-94, 116, 122, 123, 133, 467
 - теория полезности 106, 135
- См. тж* Издержки; Труд
- Ценность абсолютная** 114
- Ценность потребительная** 18, 19
- Ценность прибавочная** 395, 409, 411-17, 428, 431
- Цены** (образование цен) 124, 129, 135, 140
- теория 167
 - уровень 189
- Цешковский, Август** (Cieszkowski, Count August) 360-61
- Цикл бум-кризис** 259, 433
- Цикла теория** 36, 261, 428, 433. *См. тж* Экономический цикл
- Чамли, Пол** (Chamley, Paul) 498
- Чевес, Лэнгдон** (Cheves, Langdon) 466
- Чекленд, Сидни** (Checkland, Professor Sydney G.) 105, 153, 273, 294, 484, 494
- Человекобог.** *См.* Гегель, Георг
- Чернуски, Анри** (Энрико) (Cernuschi, Henri) 268, 270, 274, 490, 491
- Честертон, Г. К.** (Chesterton, G. K.) 320, 342, 351
- Чидениус, Андерс** (Chydenius, Anders) 219, 220, 489
- Чили** 336
- Шаппер, Карл** (Schapper, Karl) 309
- Шарп, Ричард** (Sharp, Richard) 198, 222
- Шассбёф, Константен Франсуа, граф де Вольней** (Chasseboeuf, Constantin Francois) 43
- Шафаревич, И. Р.** 403, 495
- Швабия** 304
- Шварц, Педро** (Schwartz, Pedro) 492
- Шварцшильд, Леопольд** (Schwarzchild, Leopold) 497
- Шwegлер, Ф.** (Schwegler, F. J. C.) 356
- Швеция** 216-20, 449, 450
- Шевалье, Мишель** (Chevalier, Michel) 292, 442, 443, 447, 449, 455
- Шелбурн, Уильям Петти, второй граф** (Shelburne, William Petty, Second Earl of) 50
- Шелли, Перси Биши** (Shelley, Percy Bysshe) 359
- Шеллин, Фридрих фон** (Schelling, Friedrich von) 356, 359, 496
- Шер, Ричард** (Sher, Richard B.) 367
- Шеридан, Ричард** (Sheridan, Richard Brinsley) 161
- Шиллер, Фридрих фон** (Schiller, Friedrich von) 354, 356, 359, 367, 496
- Шихен, Джеймс** (Sheehan, James J.) 503
- Шлегель, Фридрих фон** (Schlegel, Friedrich von) 356, 496
- Шлезингер, Артур** (Schlesinger, Arthur Jr.) 214
- Шлейермахер, Фридрих** (Schleiermacher, Friedrich Ernst Daniel) 356, 496
- «Шляпы»** 217, 218, 219, 220
- Шмидт, Конрад** (Schmidt, Conrad) 434
- Шмоллер, Густав** (Schmoller, Gustav) 459
- Шопенгауэр, Артур** (Schopenhauer, Arthur) 357
- Шотландия** 159, 202, 228-9, 461-3
- банковская школа 263
 - денежная школа 250, 255, 256, 258
- Шпенглер, Джозеф** (Spengler, Joseph J.) 482, 487
- Шпигель, Генри** (Spiegel, Henry V.) 479, 486

- Шпитгофф, Артур (Spiethoff, Arthur) 437
- Штейн, Лоренц (Stein, Lorenz von) 322, 342, 364
- Шторх, Генрих фон (Андрей Карлович) (Storch, Heinrich Friedrich Freiherr von) 11, 44, 129, 211, 460, 480, 489
- Шумпетер, Йозеф (Schumpeter, Joseph A.) 176, 222, 263, 368, 426, 436, 449, 472, 481, 483, 484, 486, 501
- и Джеймс Милль и рикардianская система 80-83, 85, 88, 96, 98, 99
 - и Дж. Ст. Милль и рикардianская экономическая теория 283, 284, 294, 295
 - и Сэй 12, 26, 41, 44, 45
 - упадок рикардianской системы 103, 108, 110, 142, 153, 154
- Шураньи-Унгер, Тео (Suranyi-Unger, Theo) 474
- Шустер, Теодор (Schuster, Theodore) 308, 309
- Э**
- Эверетт, Александр (Everett, Alexander Hill) 144, 145
- Эдвардс, Эдвард (Edwards, Edward) 271, 405
- Эддингтон, Генри (Addington, Henry) 179
- Эйселл, Джозеф (Eisdell, Joseph Salway) 135, 141
- Экартсхаузен, Карл фон (Eckartshausen, Carl von) 304, 312
- Экономика Робинзона Крузо 129
- Экономический цикл
- диспропорциональность 431-3
 - кризис 428-33
 - недопотребление 428-30
 - прибыль 430-31
 - теория 177
- Экономического цикла теория 36
- Экономическое общество 450, 451
- Эксплуатации теория 393
- Экхарт, Майстер (Eckhart, Meister Johannes) 351
- Эли, Джордж (Ely, George H.) 469
- Эли, Ричард (Ely, Richard T.) 319, 341, 471
- Элиот, Френсис (Eliot, Francis Percival) 201
- Эллис, Джордж (Ellis, George) 202, 223
- Эллис, Уильям (Ellis, William) 135-6, 138
- Элстер, Джон (Elster, Jon) 501
- Энгельс, Фридрих (Engels, Friedrich) 81, 361, 363, 365, 368, 496-9
- Маркс и коммунизм 312, 328-9, 333, 340-41, 343, 345
 - Маркс и упадок капитализма 423, 427-30, 431, 434, 436-7
 - марксистская система: исторический материализм и классовая структура 371-2, 374, 379, 384, 390-91, 403-4
 - «Анти-Дюринг» 324-5, 326, 327, 362, 413, 429
 - «Принципы коммунизма» 327
- См. тж* «Манифест Коммунистической партии»
- «Эра свободы» 217, 218
- Эриугена, Скот (Eriugena, John Scotus) 351
- Этатизм 49-56, 450, 452
- Этингер, Иоган Кристоф (Otinger, Johann Christoph) 304
- Этвуды, братья (Attwood brothers) 205-6, 209, 229, 230, 246-7, 248, 252, 263
- Эшбертон, лорд (Ashburton, Lord). *См.* Бэринг Александр
- Эштон, Т. (Ashton, T. S.) 488
- Ю**
- Южная Африка 383
- Юм, Давид (Hume, David) 57-8, 73, 164, 165, 182, 183, 210, 211, 216, 220, 480
- Юр, Карл (Uhr, Carl G.) 489
- Юсти, Иоганн (Justi, Johann Heinrich Gottlieb von) 220
- Я**
- Якоб, Людвиг Генрих фон (Jakob, Ludwig Heinrich von) 10
- Янг, Дж. (Young, G. F.) 280-81
- Япония 420
- Decade**, группа 4
- Euskilda Bank 450
- Industrielisme 386, 387

- Laissez faire 213-14, 218, 301, 360
 – банковская школа 262, 266
 – во Франции 501-5. *См. тж в рубрике* Бастиа, Фредерик
 – государство и налогообложение 40
 – денежная школа 245, 246, 248, 255, 266
 – Джеймс Милль и рикардианская система 77, 78, 92, 93
 – Ж.-Б. Сэй 3, 4, 9, 26
 – и понятие класса 385, 386, 387, 399, 400, 401, 402
 – от л. ф. к этатизму 49-56
 – правительство 76
 – рикардианская экономическая теория 278, 281, 286, 289, 293
 – упадок рикардианской системы 103, 107, 120, 143

- a fortiori** (*лат.*) — тем более, особенно
ad infinitum (*лат.*) — до бесконечности
cherchez la femme! (*франц.*) — ищите женщину!
coup de grace (*франц.*) — смертельный удар (которым добивают умирающего из жалости)
dernier mot (*франц.*) — последнее слово
homo noumenon (*лат.*) — человек умопостигаемый
ipso facto (*лат.*) — тем самым
locus classicus (*лат.*) — классическое место
magnum opus (*лат.*) — главное произведение; букв.: великая работа
per se (*лат.*) — само по себе, благодаря себе
reductio ad absurdum (*лат.*) — доведение до абсурда
sine qua non (*лат.*) — необходимый

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	1
БЛАГОДАРНОСТИ	10
ГЛАВА 1. ЖАН-БАТИСТ СЭЙ: ФРАНЦУЗСКАЯ ТРАДИЦИЯ В СМИТОВСКОМ ПЛАТЬЕ	13
1.1. Смит покоряет Францию	13
1.2. Сэй, де Траси и Джефферсон	15
1.3. Влияние «Трактата» Сэя	20
1.4. Праксеологический метод	24
1.5. Полезность, производительность и распределение	31
1.6. Предприниматель	39
1.7. Закон рынков Сэя	41
1.8. Рецессии и буря вокруг закона Сэя	48
1.9. Теория денег	54
1.10. Государство и налогообложение	57
1.11. Примечания	61
ГЛАВА 2. ИЕРЕМИЯ БЕНТАМ: УТИЛИТАРИСТ КАК БОЛЬШОЙ БРАТ	65
2.1. От laissez faire к этатизму	65
2.2. Личный утилитаризм	73
2.3. Общественный утилитаризм	78
2.4. Большой брат: паноптикум	80
2.5. Примечания	86
ГЛАВА 3. ДЖЕЙМС МИЛЛЬ, РИКАРДО И ЕГО СИСТЕМА	88
3.1. Джеймс Милль, Ленин радикалов	88
3.2. Милль и либеральный классовый анализ	93
3.3. Милль и рикардианская система	97
3.4. Рикардо и рикардианская система, I: распределение макродохода	100
3.5. Рикардо и рикардианская система, II: теория ценности	109
3.6. Закон сравнительных преимуществ	116
3.7. Примечания	121
ГЛАВА 4. УПАДОК РИКАРДИАНСКОЙ СИСТЕМЫ, 1820—1848 г.	123
4.1. Загадка популярности Рикардо	123
4.2. Быстрый упадок рикардианской экономической теории	125
4.3. Теория ренты	130
4.4. Перронет Томпсон: бентамит-антирикардиец	132
4.5. Сэмюэл Бейли и теория ценности, основанная на полезности	134
4.6. Нассау Сениор, связи Уотли и теория полезности	140
4.7. Уильям Ллойд и теория полезности в Англии	151
4.8. Теоретик полезности из Кентукки	155

4.9. Заработная плата и прибыль	157
4.10. Воздержание и время в теории прибыли	163
4.11. Джон Рэй и «австрийская» теория капитала и процента	168
4.12. Нассау Сениор, праксеология и Джон Стюарт Милль	175
4.13. Примечания	181
ГЛАВА 5. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ О ДЕНЬГАХ И БАНКАХ.	
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. РАННИЙ ЭТАП ДИСКУССИИ О СЛИТКАХ	185
5.1. Ограничения на погашение банкнот Банка Англии и начало дискуссии о слитках	185
5.2. Дискуссия о слитках начинается	188
5.3. «Письмо к Питту» Уолтера Бойда	191
5.4. Буря, разразившаяся в ответ на письмо Бойда: ответ антибуллионистов	196
5.5. Генри Торнтон: антибуллионист в овечьей шкуре	198
5.6. Лорд Кинг и кульминация дискуссии о слитках	210
5.7. Проблема ирландского денежного обращения	218
5.8. Возникновение механистической версии буллионизма: Джон Уитли	220
5.9. Примечания	225
ГЛАВА 6. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ О ДЕНЬГАХ И БАНКАХ.	
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ОТЧЕТ КОМИТЕТА О СЛИТКАХ И ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЗОЛОТУ	227
6.1. В битву вступает Рикардо	227
6.2. Буря, разразившаяся после опубликования Отчета комитета о слитках	234
6.3. Дефляция и возвращение к золоту	241
6.4. Скептическое отношение к банковской деятельности с частичным резервированием в Британии и США	250
6.5. Экономическая мысль континентальной Европы о проблемах денежного обращения и банковской деятельности	259
6.6. Примечания	266
ГЛАВА 7. ПОЛЕМИКА ПО ПОВОДУ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ДЕНЕЖНОЙ ШКОЛЫ	272
7.1. Травма, нанесенная кризисом 1825 г.	272
7.2. Возникновение денежного правила	276
7.3. Продление чартера Банка Англии	286
7.4. Кризис 1837 г. и полемика по поводу предложений денежной школы	288
7.5. Кризис 1839 г. и активизация полемики вокруг денежной школы	293
7.6. Возобновление угроз золотому стандарту	299
7.7. Триумф денежной школы: закон Пила 1844 г.	301
7.8. Триумф и трагедия денежной школы	312
7.9. Фактическая победа банковской школы	316
7.10. Идеи денежной и банковской школ в странах континентальной Европы	327
7.11. Примечания	332

ГЛАВА 8. ДЖОН СТЮАРТ МИЛЛЬ И ВОССТАНОВЛЕНИЕ АВТОРИТЕТА ЭКОНОМИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ РИКАРДО	341
8.1. Значение Милля	341
8.2. Стратегия Милля и успех «Основ»	343
8.3. Теория ценности и распределения	347
8.4. Сдвиг к империализму	351
8.5. Последователи Милля	354
8.6. Кэрнс и открытие месторождений золота	357
8.7. Гегемония Милля	359
8.8. Примечания	360
ГЛАВА 9. КОРНИ МАРКСИЗМА: МЕССИАНСКИЙ КОММУНИЗМ	363
9.1. Ранний коммунизм	363
9.2. Секуляризованный милленаристский коммунизм: Мабли и Морелли	365
9.3. Заговор равных	369
9.4. Распространение коммунизма	373
9.5. Примечания	377
ГЛАВА 10. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МАРКСА О КОММУНИЗМЕ	380
10.1. Милленаристский коммунизм	380
10.2. Грубый коммунизм	385
10.3. Высшая стадия коммунизма и уничтожение разделения труда	387
10.4. Переход к коммунизму	401
10.5. Особенности характера Маркса и его путь к коммунизму	403
10.6. Примечания	408
ГЛАВА 11. ОТЧУЖДЕНИЕ, ЕДИНСТВО И ДИАЛЕКТИКА.	415
11.1. Истоки диалектики: креатология	415
11.2. Гегель и человеко-Бог	418
11.3. Гегель и политика	420
11.4. Гегель и эпоха романтизма	425
11.5. Маркс и левое революционное гегельянство	427
11.6. Маркс как утопист	432
11.7. Примечания	434
ГЛАВА 12. СИСТЕМА МАРКСА, I: ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ И КЛАССОВАЯ БОРЬБА	438
12.1. Марксистская стратегия	438
12.2. Исторический материализм	440
12.3. Классовая борьба	444
12.4. Марксистская доктрина «идеологии»	446
12.5. Внутренняя противоречивость понятия «класс»	448
12.6. Происхождение понятия класса	454
12.7. Наследие Рикардо	461
12.8. Рикардианский социализм	464
12.9. Примечания	474

ГЛАВА 13. СИСТЕМА МАРКСА, II: ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ КАПИТАЛИЗМА И ЕЕ НЕИЗБЕЖНЫЙ КРАХ	478
13.1. Трудовая теория ценности	478
13.2. Нормы прибыли и «прибавочная ценность»	481
13.3. «Законы движения», I: накопление и централизация капитала	487
13.4. «Законы движения», II: обнищание рабочего класса	493
13.5. «Законы движения», III: циклические экономические кризисы	499
13.6. Заключение: система Маркса	505
13.7. Примечания	506
ГЛАВА 14. ПОСЛЕ МИЛЛЯ: БАСТИА И ФРАНЦУЗСКАЯ ТРАДИЦИЯ LAISSEZ FAIRE	513
14.1. Французская школа laissez faire	513
14.2. Фредерик Бастиа: центральная фигура	517
14.3. Влияние Бастиа в Европе	521
14.4. Гюстав де Молинали: первый анархокапиталист	526
14.5. Вильфредо Парето	529
14.6. Новообращенный профессор в Германии: Карл Генрих Рау	533
14.7. Шотландский инакомыслящий: Генри Даннинг Маклеод	535
14.8. Плутология: Хирн и Донисторп	537
14.9. Бастиа и laissez faire в Америке	540
14.10. Упадок интеллектуального течения laissez faire	546
14.11. Примечания	547
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК	553
1. Библиографии общего характера	553
2. Ж.-Б. Сэй	553
3. Иеремиа Бентам	555
4. Джеймс Милль	556
5. Давид Рикардо и рикардианская система	557
6. Антирикардянцы	558
7. Дискуссия о слитках	560
8. Денежная и банковская школы	562
9. Джон Стюарт Милль	564
10. В тени Милля: Кэрнс и индуктивисты	566
11. Социалистическая и марксистская мысль	567
12. Французская школа laissez faire и ее влияние	573
УКАЗАТЕЛЬ	577

Минимальные системные требования определяются соответствующими требованиями программ Adobe Reader версии не ниже 11-й либо Adobe Digital Editions версии не ниже 4.5 для платформ Windows, Mac OS, Android и iOS; экран 10"

Научное электронное издание

Ротбард Мюррей

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

Том 2

Эпоха классической школы

Подписано к использованию 07.03.20

Формат 14,5×22,0 см

Гарнитура Journal

Издательство «Социум»

117321, Москва, ул. Островитянова, 26, корп. 1

Тел.: (495) 330-51-98

Сайт: <http://sotsium.ru>

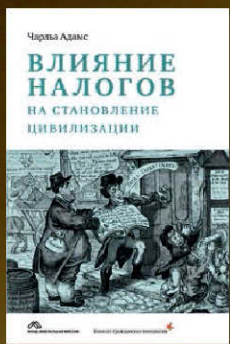
Эл. почта: mail@sotsium.ru

Электронное издание данной книги подготовлено
Агентством электронных изданий «Интермедиагор»

Сайт: <http://www.intermediator.ru>

Телефон: (495) 587-74-81

Эл. почта: info@intermediator.ru



Мюррей Ротбард представляет экономическую теорию, как поле борьбы между двумя конфликтующими направлениями мысли: одно объясняло цены через взаимодействие субъективных оценок экономических агентов, второе пыталось объяснить цены при помощи издержек, в особенности затрат труда. В первой половине XIX в. центральное сражение этой борьбы разворачивалось в Великобритании.

Автор предлагает новый взгляд на Рикардо, Сэя и их последователей. Неожиданно выглядит роль Джеймса Милля в развитии теорий Рикардо и в организации его школы. Однако после 1820 г. рикардианство почти сошло на нет

и пережило возрождение только благодаря Дж. С. Миллю. В книге впервые для обзорного сочинения имеется глава, посвященная англо-ирландской школе теоретиков полезности, представители которой уже в 1820-е стояли на пороге субъективистко-маржиналистского прорыва практически во всех разделах экономической науки: в теориях ценности, факторных цен, капитала, процента, ренты. Пять глав отведены анализу генезиса и содержания воззрений Маркса.

Особо следует выделить три главы, посвященные всестороннему анализу дискуссии о слитках между денежной и банковской школами и практики регулирования банковского дела. Именно в тот период в результате трагической теоретической ошибки представителей денежной школы окончательно сложилась современная банковская система с частичным резервированием и центральным банком, генерирующая экономические циклы с чередованием бумов и кризисов.